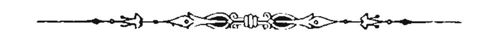
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

5.

Приложенъ портретъ графа М. Д. Бутурлина.



МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898.

Сборникъ свѣдѣній о родѣ Максимовичъ. Составилъ И. Максимовичъ исключительно для членовъ своей семьи, родныхъ, друзей и добрыхъ знакомыхъ, не предназначая таковаго для продажи. Рига. 1897. 8°. 143 стр. и родословная таблица.

„Каждому свою цѣну воздастъ потомство.
Тацитъ“ *).

Все нѣтъ-нѣтъ да появится въ печати родословная или исторія какого-нибудь рода, имѣющая цѣлью ознакомить членовъ фамиліи съ жизнью ихъ отцовъ и дѣдовъ. Много раздается смѣху съ разныхъ сторонъ надъ занятіями генеалогіею, но неужели же знакомство съ исторіею своей семьи, знакомство съ жизнью отца, дѣда и вообще предковъ нежелательно? Неужели же неинтересно знать жизнь людей, давшихъ жизнь настоящему поколѣнію, составлявшихъ частицу, хотя и микроскопическую, той созидательной машины, которая въ теченіе многихъ вѣковъ работала на пользу и на благо извѣстной страны или народа?

Правда, не всѣ роды играли выдающуюся роль въ исторіи своего отечества, не всѣ роды оставили слѣдъ, на страницахъ лѣтописей; но въ этомъ можно ли винить ихъ? Вѣдь это не зависѣло отъ одного ихъ желанія; для этого, по большей части, необходима случайность, дающая возможность роду чѣмъ - нибудь выдвинуться, и не дѣло потомковъ претендовать на отцовъ своихъ, что они не оставили своимъ дѣтямъ богатства и славы. Самое драгоцѣнное наслѣдіе, какое можетъ получить сынъ—это честное имя отца своего и сознаніе, что этотъ отецъ посвятилъ всѣ свои силы и все свое умѣніе на пользу той страны, сыномъ которой онъ считаетъ себя, т.-е. не зарылъ даннаго ему таланта въ землю, а честно употребилъ его на пользу своему отечеству, по мѣрѣ своихъ силъ и разума. И какъ бы ничтожно ни было самое дѣло его, но сознаніе сына, что это маленькое дѣло было исполнено его отцомъ честно, есть лучшее ему наслѣдство. Никакіе милліоны, никакіе титулы и привиллегіи не могутъ замѣнить добраго имени, какъ бы оно малоизвѣстно ни было.

Вотъ почему каждое, вновь выходящее изданіе по исторіи рода, все равно какой родъ бы ни былъ, дворянскій, духовный, купеческій, не можетъ не радовать всякаго любящаго свое отечество; ибо всякое такое изданіе доказываетъ, что сынъ интересуется своимъ отцомъ, потомокъ предкомъ, что они дорожатъ своимъ именемъ, что въ жизни своихъ предковъ они ищутъ примѣровъ себѣ; что, собирая свѣдѣнія о своемъ родѣ и дѣлая исторію своего рода извѣстною своимъ дѣтямъ, они тѣмъ самымъ заставляютъ ихъ, получившихъ отъ отцовъ своихъ, свое незапятнанное имя — беречь его. Весьма возможно, что они иногда и воздержатся отъ инаго поступка изъ боязни загрязнить это имя и потерять возможность передать полученное наслѣдство и своему потомству, которое въ этомъ случаѣ въ правѣ упрекнуть тѣхъ, кто потерялъ самое дорогое въ этой жизни.

*) Эти слова помѣщены на 11-й стр. „Сборника свѣдѣній о родѣ Максимовичъ“.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

1898.

2.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

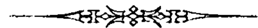
Петромъ Бартеневымъ.

On ne doit aux morts que la stricte vérité. *Guizot.*

Полная справедливость обязательна въ отношеніи къ умершимъ. *Гизо.*

1898.

КНИГА ВТОРАЯ



МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

Приложеніе къ 5-му выпуску „Русскаго Архива“ 1898 года.

графъ Бутурлинъ

Графъ Михаилъ Дмитріевичъ Бутурлинъ.
1807—1876.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА *).

1853-й годъ.

Высочайшій приказъ, разрѣшавшій мое поступленіе на службу, былъ подписанъ Государемъ въ Ольмюцѣ, гдѣ онъ находился на конгрессѣ и гдѣ Европейская коалиція, во главѣ коей стоялъ Наполеонъ-Боско III, морочила насъ призракомъ возможности сохранить всеобщій миръ, между тѣмъ какъ союзники въ тайнѣ спѣшили вооружаться.

Я поступилъ однимъ изъ трехъ младшихъ чиновниковъ особыхъ порученій на мѣсто Кромскаго, переименованнаго въ исправляющіе должность уѣзднаго судьи отъ короны. Окладъ мой былъ 500 р. въ годъ; но въ отлучкахъ куда-нибудь въ уѣзды по дѣламъ службы чиновники особыхъ порученій получали прогонныя деньги на двѣ лошади и суточныя: младшіе чиновники по 30 к., а старшіе по 40 к. въ день, на томъ, вѣроятно, соображеніи, что желудокъ старшаго чиновника требуетъ болѣе пищи, нежели желудокъ младшаго его собрата. Не будь у меня назначеннаго отъ покойнаго брата моего пенсіона въ 1800 р. сер. (который продолжала выдавать мнѣ невѣстка моя, графиня Аврора Осиповна), мнѣ невозможно было бы содержаться на скудныхъ 500 рубляхъ жалованья, при всемъ томъ, что квартира была у меня готовая въ Дивовскомъ городскомъ домѣ и что я, какъ и прочіе приближенные къ губернатору чиновники, обѣдалъ ежедневно у него.

Облекся я, наконецъ, въ мундиръ съ шитьемъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, объѣхалъ съ оффиціальными визитами новыхъ моихъ сослуживцевъ, въ томъ числѣ и трехъ совѣтниковъ Губернскаго Правленія, и въ ознаменованіе ли моего поступленія въ штатъ губернаторскихъ чиновниковъ, или изъ желанія моихъ товарищей немного покутнуть (въ чемъ запѣвалами были правитель губернаторской канцеляріи Н. И. Дмитревскій, Евгеній Михайловичъ Бернардъ и общій

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1897 года и первые четыре выпуска нынѣшняго года.

нашъ другъ и врачъ, толстопузый Иванъ Христіановичъ Шенрокъ), но состоялся между нами по подпискѣ корпораціонный банкетъ, на коемъ мы не щадили нектара Шампанскихъ лозъ. Однако, я и нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ пиру оказались настолько еще *презентабельными*, что явились на вечеръ въ «префектуру», какъ угодно было иногда Меропѣ Александровнѣ обозначать губернаторскій домъ, съ ея собственнымъ салономъ включительно.

Едва прослужилъ я два мѣсяца, какъ неожиданно попалъ въ разрядъ старшихъ чиновниковъ особыхъ порученій, по случаю перехода одного изъ этихъ трехъ, г. Эмеца, по собственному его желанію, на вакантное мѣсто короннаго исправника въ Спасскомъ уѣздѣ. Повышеніе мое, кромѣ прибавочныхъ ста рублей жалованія, давало мнѣ право на мундиръ, съ полнымъ шитьемъ колосьевъ и прочихъ орнаментовъ, каковой воротникъ обошелся мнѣ въ 50 рублей, и этотъ маленькій въ своемъ родѣ почетъ крайне польстилъ моему малодушію. Кстати разскажу объ одномъ казусѣ, приключившемся этому Эмецу и относившемся ко времени его нахожденія чиновникомъ особыхъ порученій. Однажды, на обратномъ пути въ Рязань изъ какой-то поѣздки по службѣ, проѣзжая ночью и во время зимней стужи черезъ Спаскъ, Эмецъ заѣхалъ отогрѣться къ тогдашнему исправнику, нѣкоему Петрову. Послѣ продолжительнаго стучанья у воротъ исправничьей квартиры, выходитъ, наконецъ, разсыльный или сторожъ Земскаго Суда, коему г. Эмецъ приказываетъ доложить г. Петрову о своемъ пріѣздѣ. Сторожъ пошелъ будить своего принципала, храпѣвшаго во всю Ивановскую. «Ваше выскоблагродіе, Эмецъ пріѣхалъ». Но его высокоблагородіе, проворчавъ что-то сквозь зубы, перевернулся на другой бокъ и снова захрапѣлъ. Эмецъ, подождавъ еще немного, опять принялся барабанить въ ворота и явившемуся вторично сторожу повторилъ свое приказаніе. Служивый Земскаго Суда опять отправляется будить своего начальника и также неуспѣшно, лишь съ прибавленіемъ: «Убирайся къ чорту ты и онъ самъ! Стану я безпокоиться изъ-за такого-то».... Накопецъ, продрогшій до костей отъ стужи и озадаченный подобнымъ невниманіемъ къ личному губернаторскому чиновнику *), Эмецъ вбѣгаетъ по стопамъ сторожа въ домъ и безъ дальнихъ околичностей самъ принимается толкать г. Петрова.—«Какъ вамъ не совѣстно, милостивый государь, морозить меня битый часъ на улицѣ?» кричитъ въ ухо

*) Въ служебное наше время пріѣздъ въ уѣздный городъ губернаторскаго чиновника особыхъ порученій наводилъ, съ рѣдкими исключеніями, если не тревогу, то, по крайней мѣрѣ, суматоху, причинялъ всякаго рода догадки, и за нами любезно ухаживали господа исправники (хотя служили по выбору отъ дворянъ) и городничіе.

своему коллегѣ раздраженный Эмецъ. — «Ахъ, батюшка, простите, это вы?» наконецъ отозвался исправникъ. «А вѣдь этотъ дуракъ все твердилъ мнѣ: ваше высокоблагородіе, вставайте, *Нѣмецъ* пріѣхалъ; такъ я ему и отвѣчалъ: стану ли я безпокоиться для всякаго проѣзжаго твоего Нѣмца?» [1]).

Въ началѣ новой моей служебной дѣятельности, я очутился какъ бы въ лѣсу. Получивъ на первый разъ два указа Губернскаго Правленія о производствѣ двухъ слѣдствій, одно изъ коихъ о домогательствѣ какой-то дворовой дѣвки освободить ее изъ крѣпостной зависимости (дѣло было немного крючковато, но въ цѣлости подходило подъ буквы закона, а самая его цѣль была по сердцу мнѣ), я рѣшительно сталъ въ тупикъ. Я не имѣлъ никакого понятія о слѣдственной процедурѣ; было, однакоже, настолько во мнѣ самолюбія, что я не хотѣлъ прибѣгнуть за наставленіемъ къ моимъ товарищамъ (всѣ много моложе меня годами) и предпочелъ обратиться къ Рязанскому исправнику, господину Г., бывшему въ большомъ почетѣ и у губернатора, и у моего почтеннаго кузена Дивова. У послѣдняго господинъ Г. былъ въ великой милости по той причинѣ, что онъ имѣлъ свой конно-заводишко и пускалъ бѣгуновъ на призъ. Высокомѣрный этотъ исправникъ, тѣмъ не менѣе, кончилъ свое служебное поприще довольно плачевно; но объ этомъ поговоримъ гдѣ слѣдуетъ. Немного я, однакоже, пріобрѣлъ отъ этого доки. «Пишите, молъ», заговорилъ онъ, «ваши требованія по всѣмъ инстанціямъ формою отношеній, а при дѣлѣ оставляйте отпуски (т.-е. черновыя копіи) за такими-то и такими-то нумерами». Отъ этихъ наставленій я не сдѣлался ни на пядь мудрѣе прежняго, и потому, оставивъ въ покоѣ этого пресловутаго дѣльца и доставъ двѣ книжечки о руководствѣ къ произведенію слѣдствій Стояновскаго [2]), я принялся, съ Божіею и ихъ помощію, за допросы отвѣтчиковъ, очныя ставки, дополнительныя свѣдѣнія отъ истца и пр. и пр.; но за то и затянулъ оба дѣла на чрезмѣрно-долгое время. Къ счастію, наше Губернское Правленіе не имѣло привычки потчивать насъ частыми понуканіями о скорѣйшемъ окончаніи слѣдствій, и даже давало намъ полную волю заниматься «спустя рукава». Но тѣмъ не менѣе, когда позднѣе пришлось мнѣ производить серіозное дѣло надъ Сапожковскимъ исправникомъ Б., обвиняемомъ въ злоупотребленіяхъ будто бы по

---

[1]) Когда жилъ въ Калугѣ Шамиль, простолюдины и нижніе военные чины звали его „Шмель". Подобно тому, они переиначили фамилію Гильденштубе въ „Дылда въ шубѣ" и помню также, что гвардейскіе солдаты называли генерала Бистрома „генералъ Быстровъ".

[2]) Бывшій въ 60-хъ годахъ товарищемъ министра юстиціи Замятнина, а нынѣ сенаторъ въ одномъ изъ двухъ кассаціонныхъ департаментовъ.

службѣ, я прибѣгнулъ къ хитрости и выхлопоталъ, въ помогу якобы себѣ для письмоводства, квартальнаго надзирателя, въ участкѣ коего находился домъ Дивова, по фамиліи Чичкова, свѣдущаго по слѣдственной части, возложенной тогда исключительно на городскую и уѣздную полицію и на губернаторскихъ чиновниковъ особыхъ порученій. Не стыжусь признаться, что по его милости я быстро и порядочно усвоилъ себѣ нужный по этой части навыкъ.

Позднею осенью княгиня М. П. Волконская, въ сопровожденіи Петербургскаго своего знакомца Н. И. Похвиснева *), провела, проѣздомъ въ Петербургъ, одинъ день въ Рязани. Находясь въ родствѣ, хотя дальнемъ, съ Новосильцовыми, она останавливалась у Петра Петровича, и это было послѣднее мое съ нею свиданіе.

Дабы не прерывать нить Рязанскихъ событій, скажу здѣсь нѣсколько словъ о двухъ близкихъ мнѣ лицахъ, о Дивовѣ и объ Осипѣ Августиновичѣ Тридонѣ, котораго мы давно уже потеряли изъ виду.

Николай Адріяновичъ все болѣе и болѣе улучшалъ свою игрушку, конный заводъ, къ ущербу, какъ оказали послѣдствія, немалаго истраченнаго имъ на этотъ предметъ капитала; но объ этомъ не было тогда и рѣчи. Онъ разсчитывалъ лишь на полученіе трехъ процентовъ отъ своей прихоти, но и того онъ не достигъ. Будучи въ короткихъ отношеніяхъ съ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ (заѣзжавшимъ иногда въ Городище на пути изъ Петербурга въ Воронежское свое имѣніе Пады, гдѣ былъ его знаменитый конный заводъ), Дивовъ успѣлъ пріобрѣсти у него чистокровнаго случнаго жеребца, по прозвищу «Воронъ», за 3 тыс. р. сер. За него Дивову предлагали позднѣе 10 т. р., но онъ не продалъ этого жеребца, разсчитывая (и разсчетъ былъ вѣренъ), что онъ выручитъ болѣе этого отъ приплода. А давали за «Ворона» подобную баснословную цѣну (хотя этотъ конь не бѣжалъ ни на одномъ гиподромѣ) потому, что изъ завода князя Орлова выпускались въ продажу однѣ кобылы и мерины, но для Дивова состоялось исключеніе, по причинѣ личнаго къ нему расположенія владѣльца Падовъ. Одновременно съ «Ворономъ» Дивовъ тамъ же купилъ двухъ или

*) Онъ недавно (пишу въ 1874 году) померъ и, какъ слышно, будто бы самоубійствомъ Шесть или семь лѣтъ тому, онъ получилъ милліонное наслѣдство отъ своего дяди Донца-Захаржевскаго, убитаго однимъ изъ его прислуги въ Харьковскомъ его имѣніи. Н. И. Похвисневъ привлеченъ былъ къ отвѣтственности по подозрѣнію въ участіи убійства, но оправданъ. Для всѣхъ удивительно, какимъ образомъ пользовавшійся не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ громаднымъ наслѣдствомъ дяди и не жившій никогда широко, Н. И. Похвисневъ умеръ, какъ утверждаютъ, въ неоплатныхъ долгахъ.

трехъ кобылъ, по полторы тысячи (кажется) за каждую. И тутъ онъ оказался не въ накладѣ: одна изъ этихъ кобылъ, проданная уже слишкомъ старою для приплода, оказалась жерёбою и принесла ему отличнаго сѣрой масти жеребенка, сдѣлавшагося впослѣдствіи производителемъ. Опричь сѣрой и вороной масти, другой не допускалось въ Городищенскомъ конномъ заводѣ. Управлялъ заводомъ нѣкій купеческій сынъ Иванъ Ефимовичъ Роговъ, племянникъ Козловскаго купца, конно-заводчика того же имени; получалъ онъ 1500 р. жалованья на всемъ готовомъ, а было у него семейство. Передъ тѣмъ онъ былъ призовымъ наѣздникомъ въ Лѣсищѣ, у А. А. Болдырева, но изъ Городища лошадей на публичные бѣга не пускали, и Роговъ дѣлалъ только проѣздку лошадямъ для моціона, а во всемъ прочемъ былъ болванъ.

И эту зиму съ 1853 на 1854 годъ Николай Адріяновичъ провелъ, по обыкновенію, въ Петербургѣ, и возвратился въ Рязань не прежде Апрѣля.

Теперь о моемъ пріятелѣ Тридонѣ. Прежде всего надо сказать, что онъ былъ любимцемъ въ домѣ Александра Дмитріевича и Елисаветы Григорьевны Чертковыхъ, съ коими познакомился еще въ началѣ 30-хъ годовъ черезъ меня, а женитьба сына князя Николая Яковлевича Голицына (у коего Тридонъ былъ на интимной ногѣ и съ коимъ онъ каждую осень охотился въ Тарускомъ имѣніи князя селѣ Рощѣ), на старшей дочери Чертковыхъ (1850) еще болѣе сблизила Осипа Августиновича съ этимъ семействомъ. Лѣтомъ 1853 года вздумалось Черткову ѣхать съ женою и дѣтьми за границу, а именно въ Парижъ, и онъ предложилъ Тридону сопровождать ихъ на его, Черткова, счетъ, какъ бы въ качествѣ компаньона молодаго его сына Григорія Александровича, коему тогда было лѣтъ 18-ть. Понятно, какова была это находка для нашего Француза, не бывшаго въ своемъ отечествѣ болѣе 30 лѣтъ. Мать его давно уже скончалась, но была въ живыхъ замужняя его сестра въ городѣ Лангрѣ, въ Шампаніи. Пріѣхавъ въ Парижъ, Чертковы предполагали прожить тамъ нѣкоторое время, и Тридонъ разсчитывалъ, что успѣетъ, немного погодя, посѣтить свою сестру въ провинціи; но вышло иначе. На третій день пріѣзда Чертковыхъ во всемірную столицу пронесся слухъ, что волненія снова подготовляются неугомонными фобургіанами Сенъ-Жакскаго квартала, и испуганный Александръ Дмитріевичъ объявляетъ своимъ семейнымъ о немедленномъ его и ихъ возвращеніи прямо въ мирное ихъ пристанище, на Мясницкую улицу Москвы бѣлокаменной. Какъ ни протестовалъ противъ такой перемѣны дирекціи нашъ Французъ, но другаго выбора ему не оставалось, какъ или жить въ Парижѣ на свой

собственный счетъ (на что не было у него ни денегъ, ни охоты), или вернуться въ Россію. На слѣдующее утро всѣ они помчались по желѣзной дорогѣ восточной линіи, какъ бы нарочно пересѣкающей Шампанію, и бѣдняку Тридону суждено было разсмотрѣть рисовавшуюся на дальнемъ горизонтѣ колокольню одной изъ церквей его родины! Не знаю, право, могло ли быть испытаніе жесточе этого, и въ довершеніе, онъ впослѣдствіи узналъ, что сестра его случайно находилась въ Парижѣ одновременно съ нимъ.

Въ Вѣнѣ, гдѣ Чертковы останавливались на короткое время, при входѣ Тридона въ одну кофейню, какой-то находившійся тамъ приземистый господинъ съ феноменальными усищами впился въ него глазами и вдругъ воскликнулъ: «Comment, imbécile, tu ne me reconnais pas? Je suis Jobart» [1]. Тридонъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Этотъ съ полувоинственною осанкой индивидуумъ, нѣкогда былъ его однокашникъ на школьной скамьѣ, а впослѣдствіи неуживчивый педагогъ (и кажется полумистикъ) былъ Жобаръ. Тридонъ узналъ стороною, что непримиримый нѣкогда оппонентъ обскуранта Магницкаго не гнушался будто бы теперь ролью полицейскаго секретнаго агента въ Вѣнѣ [2].

Начальникъ мой, Петръ Петровичъ Новосильцовъ принадлежалъ къ числу людей, которые, не дѣлая никому зла, наживаютъ себѣ враговъ. Любвеобильное его сердце обнимало весь родъ человѣческій. Онъ придерживался правила своего прежняго начальника, князя Д. В. Голицына, смотрѣвшаго на всякаго преступника какъ на самаго несчастнаго человѣка. Питалъ ли онъ чувство антипатіи къ кому бы то ни было, въ томъ сомнѣваюсь; но за то утвердительно могу сказать, что ненависть была незнакомою ему вещью, а боязнь причинить малѣйшій вредъ кому-нибудь изъ прямо или косвенно ему подчиненныхъ [3], доводила его до административной, такъ сказать, банальности (чтобы не сказать, слабости), и въ теченіе болѣе семи лѣтъ управленія Рязанскою губерніей онъ никого, помнится мнѣ, не отдалъ подъ судъ по собственному своему усмотрѣнію (понятно, что по донесеніямъ прокурора, жандармскаго штабъ-офицера, по частнымъ жалобамъ или по

---

[1] „Такъ ты, дуракъ, меня не узнаешь? Я вѣдь Жобаръ“.

[2] Напоминаю, что Жобаръ былъ въ 20-хъ годахъ профессоромъ Французской литературы, когда Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Жобаръ воевалъ впослѣдствіи съ самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ, и кончилъ тѣмъ, что въ 30-хъ годахъ его выслали и чуть ли не вывезли на казенный счетъ за границу.

[3] Не прямо подчиненными подразумѣваю служащихъ въ тѣхъ вѣдомствахъ, надъ коими дано было губернатору только право ревизіоннаго надзора и атестаціи.

подтвердившимся доносамъ нельзя было ему не предать слѣдствію и суду обвиняемыхъ лицъ) и не болѣе какъ двумъ-тремъ чиновникамъ приказалъ онъ подать въ отставку. Но чтобы отрѣшить отъ службы кого-либо изъ своей канцеляріи или изъ мелкаго чиновнаго люда безъ слѣдствія и суда, по своей собственной власти (какъ на то давалъ ему право нѣкій новый тогда законъ, извѣстный подъ именемъ Бѣгичевскаго), или ходатайствовать въ министерскихъ сферахъ объ отрѣшеніи кого-нибудь изъ служившихъ въ Рязани, этого не случалось на моей памяти [1]). Разъ не вытерпѣлъ какъ-то желчный совѣтникъ Губернскаго Правленія А. Н. Зайцевъ и высказался по сему поводу въ присутствіи Петра Петровича, что служба, молъ, не богадѣльня [2]). Но эта терпимость не происходила отъ служебнаго индиферентизма или отъ невѣдѣнія грѣшковъ, водившихся между чиновнымъ людомъ, а единственно отъ принятаго правила никому зла не чинить. Капризенъ подчасъ Петръ Петровичъ бывалъ, но вредныхъ послѣдствій отъ того не было, и его капризы никогда не сопровождались ни заносчивостью, ни отступленіемъ отъ вѣжливости. И злопамятенъ онъ не былъ. Сколько довелось ему натерпѣться отъ губернскаго предводителя П. Н. Бухвостова, сколько сплетенъ разсказывалось о немъ въ кружкѣ одного изъ предсѣдателей палатъ (и сплетни эти разглашались по Москвѣ); но Петръ Петровичъ не только не подкапывался подъ этихъ господъ, но въ годовомъ всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ всегда ихъ выставлялъ отличными и усерднѣйшими государевыми слугами [3]). Не ссориться ни съ кѣмъ было у него постоянною заботой, а когда кололи его булавками эти господа, онъ говорилъ: «Est-ce que vous croyez que je prends les

---

[1]) Единственный, насколько мнѣ извѣстно, случай, что по ходатайству П. П. Новосильцова былъ переведенъ (но не отставленъ) одинъ изъ служившихъ въ Рязани, былъ въ отношеніи къ молодому прокурору Карцеву, который, не будучи знакомъ съ Петромъ Петровичемъ до пріѣзда его въ Рязань, и едва новый губернаторъ успѣлъ оглянуться на мѣстѣ новаго своего служенія, началъ его громить остротами, „bons mots", наприм., что Петръ Петровичъ чесалъ ногой своею затылокъ какъ обезьяна. Памекъ этотъ былъ направленъ на бывшую дѣйствительно у Петра Петровича манеру ломаться и на афектацію въ движеніяхъ, происходившую отъ желанія казаться юнымъ и живымъ.

[2]) Горькую эту истину пришлось самому совѣтнику Зайцеву испытать надъ собою при одномъ изъ преемниковъ Петра Петровича. Находясь въ Петербургѣ въ отпуску, онъ случайно вошелъ въ кондитерскую и, взявъ газету, прочелъ, что совѣтникъ Рязанскаго Губернскаго Правленія Зайцевъ причисляется къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, безъ всякаго, конечно, опредѣленнаго мѣста.

[3]) Замѣтить не мѣшаетъ, что этотъ предводитель хотя человѣкъ безукоризненный, но чуть-ли не былъ лѣнивъ по службѣ, и носился слухъ, что дѣла у него были запущены. Тутъ предстоялъ Петру Петровичу законный предлогъ для личнаго мщенія безъ придирокъ, но онъ гнушался этимъ.

Boukhvostoffs et consorts au sérieux? Une fois hors de Riazan, je ne me rencontrerai probablement jamais avec ces gens-là dans ma société» [1]). Такова была его философія. Но для мягкой, женственно-подобной его натуры высказываться было потребностью. Впечатлѣнія у него, какъ и у многихъ мягкихъ натуръ, быстро иногда сглаживались или замѣнялись новыми; но къ красотамъ природы онъ никогда не оставался равнодушенъ. Раннею, бывало, весной, онъ отправится одинъ на Рюминскую дачу и тамъ, бросившись на траву, прислушивается съ восторгомъ къ первымъ концертамъ пернатыхъ. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ контрастъ со своею женой, никогда ничего не ощущавшею при видѣ живописнаго мѣстоположенія или другихъ явленій въ природѣ: салонная жизнь удовлетворяла ее вполнѣ. А уже до чего былъ чадолюбивъ Петръ Петровичъ! Послѣ обѣда, когда мы, приближенные [2]), сидимъ, бывало, у него въ кабинетѣ съ сигарами въ зубахъ (имъ же намъ поднесенными), онъ то и дѣло что заводитъ рѣчь о своихъ дѣтяхъ. Разскажетъ, бывало, съ восторгомъ о новой какой-нибудь остроумной выходкѣ своей семилѣтней Софьи Петровны (развита была дѣйствительно не по годамъ и вся въ папеньку). Особенно его безпокоило здоровье старшей его дочери княгини Екатерины Петровны Вяземской, поселившейся тогда въ Москвѣ и умершей тамъ чахоткою, какъ и ея мать (ур. Мансурова). А когда пріѣдетъ изъ Петербурга въ отпускъ единственный его сынъ Иванъ Петровичъ (служившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ), нашъ Петръ Петровичъ перерождается: десять лѣтъ съ костей долой. Но была у него, не скрываю, слабость молодиться. Давно знавшіе его люди говорили, что ему уже стукнуло тогда 60 лѣтъ, а онъ выдавалъ себя за 55-ти-лѣтняго, а на видъ казался даже старше 60 лѣтъ. Изъ себя худенькій, лысый, согбенный и съ хриповатымъ отъ природы голосомъ, слабой вообще комплекціи. Отъ грыжи ему случалось оставаться въ лежачемъ положеніи по цѣлымъ днямъ. Говорили, что преждевременная его дряхлость происходила отъ физическаго изнуренія съ прекраснымъ поломъ, и, вещь удивительная, съ лицомъ похожимъ на орангутанга (подбородокъ у него и у извѣстнаго его брата Николая Петровича выдавался впередъ, отчего дано было обоимъ имъ прозвище «casse-noisette»), онъ бывалъ,

[1]) Неужели вы полагаете, что я смотрю на гг. Бухвостовыхъ съ братіею, съ серьезной точки зрѣнія? Для меня эти люди не что иное какъ мимо-проходящіе, и когда я выѣду изъ Рязанской губерніи, я съ ними никогда болѣе, вѣроятно, не повстрѣчаюсь въ обществѣ, къ которому я принадлежу.

[2]) Правитель канцеляріи, домашній врачъ г. Шенрокъ и мы всѣ чиновники особыхъ порученій ежедневно обѣдали у Петра Петровича.

какъ разсказывали, въ любовныхъ связяхъ съ великосвѣтскими красавицами. Поди тамъ, узнавай, чѣмъ женщины прельщаются! Въ обществѣ, и особенно въ дамскомъ, онъ былъ особенно любезенъ: разговоръ его былъ оживленъ и непремѣнно приправленъ остротами и забавными анекдотами, а изящныя его манеры выказывали въ немъ истиннаго джентельмана. Онъ говаривалъ: «Ваня мой лучше образованъ, чѣмъ я; но я болѣе его цивилизованъ». Нельзя также не сознаться, что серіозной стороны не было въ его характерѣ, и легкомысліе его взглядовъ на иные вопросы, возбуждающіе общественный интересъ, было таковое, что давало поводъ сомнѣваться, имѣлъ-ли этотъ добрѣйшій человѣкъ какія нибудь убѣжденія? То, что̀ онъ говаривалъ о Рязанскихъ его недоброжелателяхъ, можно было примѣнить и къ его взгляду на жизнь: повидимому, *il ne prenait pas la vie au sérieux*, какъ говоритъ Шатобріанъ (въ Замогильныхъ своихъ Запискахъ) объ одномъ Эпикурейцѣ изъ его знакомыхъ. Были, правда, случаи, когда онъ высказывалъ то, что̀ могло казаться его убѣжденіемъ, но послѣдовательности у него не было, и дѣйствія противорѣчили словамъ *). Приведу примѣръ. Нѣкій зажиточный раскольникъ, молоканъ Зарайскаго уѣзда с. Луховицъ, злоупотреблявшій своимъ богатствомъ для совращенія въ свой толкъ нуждающихъ крестьянъ его околодка (какъ свойственно сектантамъ-тысячникамъ), былъ сданъ на руки по синодскому указу Рязанскому архіерею Гавріилу, для увѣщанія. Однажды, когда Петръ Петровичъ посѣтилъ этого всѣми чтимаго іерарха (съ коимъ онъ до конца и даже внѣ уже службы находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ), онъ засталъ владыку увѣщевающаго закоснѣлаго раскольника и, убѣдившись, что всѣ доводы преосвященнаго о раскольничьихъ заблужденіяхъ не дѣйствовали на сектанта, Петръ Петровичъ, испросивъ пастырскаго соизволенія самому вступиться въ бесѣду, началъ увѣщеваніе на свой ладъ. «Ты вотъ что, любезнѣйшій, возьми себѣ въ толкъ. Чай знаешь, какъ пастухъ обращается со своимъ стыдомъ: гонитъ онъ всю скотину впередъ, а если какая нибудь изъ нея отшатнется въ сторону, пастухъ хватитъ ее длиннымъ своимъ кнутовищемъ и заставитъ снова примкнуть къ стаду. Пастухъ—это его высокопреосвященство, ему же вручена вся наша православная Рязанская паства, а отшатнувшіеся отъ стада, это вы раскольники, и васъ волею-неволею надо заставить идти за одно съ нами. Такъ-то,

*) Этою быстрою измѣнчивостію своихъ взглядовъ онъ погубилъ (какъ слышно) служебную свою карьеру по случаю поднятаго въ концѣ 1858-го года вопроса о современности улучшенія крестьянскаго быта, въ каковомъ проектѣ ясно читалось между строками правительственное намѣреніе приступить къ обсужденію мѣръ для уничтоженія крѣпостной зависимости.

другъ мой любезнѣйшій». И про этотъ своеобразный методъ разрубать сразу Гордіевъ узелъ Петръ Петровичъ разсказывалъ мнѣ съ самодовольнымъ видомъ!

Иные считали его фальшивымъ человѣкомъ, по въ теченіе болѣе трехлѣтняго моего съ нимъ сближенія я не видѣлъ ни одного примѣра его двуличности*). Вспыльчивымъ также онъ не былъ, и я никогда не слыхалъ, чтобы онъ обращался съ бранпымъ словомъ къ прислугѣ, а когда что нибудь было не по немъ, или Меропа Александровна примется его пилить (чтò бывало частенько), онъ только пожметъ плечами, сдѣлаетъ на лѣво-кругомъ и шмыгнетъ изъ комнаты. Клеветники распускали слухъ, что онъ пьяница, а поводомъ къ тому была такая физическая у него слабость, что послѣ единственнаго бокала Шампанскаго онъ уже былъ готовъ, глаза соловѣли, дѣлался сентиментальнымъ, обнималъ своихъ собесѣдниковъ, таялъ пуще обыкновеннаго передъ дамами и черезъ полчаса уходилъ спать, даже будучи въ гостяхъ. А какъ отказаться ему отъ бокала на пиршествахъ, въ честь его устроенныхъ, и особенно во время его ревизій по уѣздамъ?

Отъ прежнихъ успѣховъ взошло у Петра Петровича въ привычку *феръ-ла-курничать* съ мало-мальски смазливыми дамами. Когда вспомнишь, какую физическую руину представлялъ изъ себя нашъ добрѣйшій губернаторъ, право не вѣрится, чтобы въ его волокитствѣ было-бы что нибудь опаснаго для мужниной чести его Дульциней. Однажды, послѣ обѣда, мы курили по обыкновенію у него въ кабинетѣ; жандармскій штабъ-офицеръ нѣкій г. Ивашинцевъ, только что переведенный въ Рязань, шутливо дозволилъ себѣ замѣтить, что всякій разъ, когда онъ проѣзжалъ по Астраханской улицѣ между часомъ и тремя пополудни, экипажъ его превосходительства стоитъ у крыльца квартиры жены совѣтника Казенной Палаты К. «Вы это замѣтили?» радостно подхватилъ Петръ Петровичъ; «такъ вотъ что: сдѣлайте милость, мой почтеннѣйшій, донесите о семъ вашему начальству, но только оффиціально». —«Помилуйте, ваше пр.....во», возразилъ синемундирный подполковникъ, обиженный этой выходкой. «За кого вы принимаете меня?»—

*) Кстати, долгомъ считаю заявить, что по всему, чтò извѣстно мнѣ, ходившій по Москвѣ слухъ (и доселѣ не замолкшій), что, въ бытность Петра Петровича адъютантомъ при князѣ Д. В. Голицынѣ, онъ сдѣлалъ будто бы доносъ на князя, сущая клевета. Оно даже и немыслимо, потому что князь Голицынъ стоялъ такъ высоко въ мнѣніи и въ фаворѣ у покойнаго Государя, что подкопаться подъ нимъ было невозможно; да князь и не продолжалъ бы до конца своей жизни благоволить къ подчиненному ему человѣку, если бы онъ отплатилъ ему подобною неблагодарностію.

«Нѣтъ, да вы думаете, что я шучу?» настаивалъ нашъ губернаторъ. «Увѣряю васъ, что я серіозно васъ прошу донести на меня, потому что донесеніе ваше пойдетъ въ огласку, и этимъ вы исправите мою репутацію передъ женщинами и тѣмъ окажете величайшую мнѣ услугу». Сознаюсь, что я школьничалъ съ нимъ по поводу ухаживанія за барынями. Разъ, на его намеки, что я подозрительно-частенько навѣщаю милѣйшую мою сценическую подругу г-жу Колчину, я отвѣчалъ, что не допускаю, чтобы человѣкъ сорока семи лѣтъ, каковымъ я тогда былъ, могъ бы внушить нѣжное чувство молодой женщинѣ. «Ваши лѣта, ваши лѣта», не вытерпѣлъ онъ не сказать. «On dirait que vous êtes un vieux infirme [1]). Ему, повидимому, было досадно допустить, что въ мои года могло быть уже невозможнымъ то, чтò самому ему казалось еще доступнымъ.

Не было случая, въ которомъ онъ не нашелся бы чего-нибудь сострить и подчасъ кого-нибудь слегка, но ловко отбрить. Когда я производилъ дѣло о дѣвкѣ, домогавшейся выйти изъ крѣпостной зависимости, не находя нужнымъ вызвать въ Рязань ея барыню, нѣкую г-жу Елчину, я довольствовался препровожденіемъ къ ней, черезъ Земскій Судъ того уѣзда, въ которомъ она проживала, вопросныхъ пунктовъ, по установленной на то формѣ, начинавшихся вопросомъ объ имени, отчествѣ и фамиліи отвѣтчика, затѣмъ, сколько ему (или ей) отъ роду лѣтъ, какого вѣроисповѣданія, и находился ли отвѣтчикъ (или отвѣтчица) подъ слѣдствіемъ и судомъ, и за что именно, и затѣмъ уже предлагались вопросы, клонящіеся прямо къ дѣлу [2]). Проходятъ недѣли и мѣсяцы и, не смотря на мои повторенныя въ Земскій Судъ требованія, вопросные пункты съ отвѣтами не высылаются, и дѣло у меня отъ этого остановилось. Наконецъ, пріѣзжаетъ въ Рязань сама г-жа Елчина, но не ко мнѣ, а прямо къ Петру Петровичу и, заливаясь слезами, жалуется ему на меня, но не столько по поводу взведеннаго на нее обвиненія, сколько на то, что я осмѣливался разспрашивать ее, кто она такая, дѣвица ли, или замужняя, или вдова и сколько ей отъ роду лѣтъ. «И зачѣмъ это вашему чиновнику нужно знать о моихъ годахъ?» всхлипывая, говоритъ она губернатору.— «Успокойтесь, сударыня», уговаривалъ ее Петръ Петровичъ: «чиновникъ мой уже пожилыхъ лѣтъ, а вы настолько еще молоды, что не имѣете причинъ скрывать предъ нимъ ваши года». (Г-жѣ Елчиной ка-

---

[1]) Какъ будто бы вы въ самомъ дѣлѣ уже дряхлый старикъ.

[2]) Подобная приблизительно форма существуетъ при изслѣдованіи происшествій и проступковъ и въ заграничныхъ законодательствахъ, дабы опредѣлить тождество привлеченныхъ къ отвѣту лицъ или свидѣтелей.

залось на видъ около 40 лѣтъ). А говоря о губернской строительной и дорожной комиссіи (непосредственно губернатору подчиненной), Петръ Петровичъ обыкновенно называлъ ее «безпутною комиссіей». А вотъ какъ онъ однажды срѣзалъ священника Симеоностолпниковской церкви, Стефана Родовскаго, извѣстнаго въ городѣ страстью къ адвокатурѣ и къ сочиненію прошеній, для всякаго прибѣгавшаго къ его юридическимъ совѣтамъ. Петръ Петровичъ, взошедъ однажды ко мнѣ съ утренней своей прогулки, засталъ у меня этого священника, пришедшаго съ крестомъ по случаю какого-то праздника, такъ какъ занимаемый мною Дивовскій домъ состоялъ въ его приходѣ. «Скажите пожалуйста, батюшка», обратился онъ къ священнику, «зачѣмъ вы отбиваете у насъ хлѣбъ?» — «Какъ такъ, ваше превосходительство?» спросилъ озадаченный отецъ Стефанъ. — «А вотъ какъ. Мы за васъ не крестимъ и не вѣнчаемъ, молебновъ и панихидъ не служимъ, а вы заваливаете Губернское Правленіе вашими прошеніями».

Была также и другая странность въ Петрѣ Петровичѣ, которую можно было бы назвать служебно-эгоистическою. Не выносилъ онъ хладнокровно, чтобы кто-нибудь изъ чиновниковъ при его особѣ переходилъ на службу, хотя бы и на выгоднѣйшее мѣсто, но внѣ управляемой имъ губерніи. Переходъ таковой представлялся ему какъ бы личною обидой. Когда одинъ изъ моихъ товарищей по особымъ порученіямъ, Александръ Ивановичъ Протасьевъ, по домашнимъ причинамъ (его отецъ содержалъ тогда откупъ во Владимирѣ) вздумалъ перейти къ Владимирскому губернатору, г. Теличееву, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ Рязани, Петръ Петровичъ сталъ обращаться съ нимъ холодно, тогда какъ дотолѣ Протасьевъ былъ балованнымъ у него въ домѣ дитятею.

А что̀ до служебной его дѣятельности, то хотя и на первыхъ порахъ управленія губерніей методъ его не отличался строгостію, но не могу не сознаться, что подъ конецъ административный строй былъ распущенъ, и это было тѣмъ прискорбнѣе, что Петръ Петровичъ имѣлъ всѣ данныя быть отличнымъ губернаторомъ. Кромѣ служебной рутины, имъ пріобрѣтенной въ бытность его Московскимъ вице-губернаторомъ, онъ былъ способный человѣкъ, быстро усвоивалъ суть всякаго дѣла, излагалъ (словесно), какое слѣдовало дать по оному направленіе, помнилъ подходящіе къ нему антицеденты и одаренъ былъ хорошею памятью; но, на сколько я могъ замѣтить, онъ не слѣдилъ за исполненіемъ словесно начертаннаго имъ плана и къ нѣкоторымъ, довольно серіознымъ, дѣламъ относился какъ бы апатично. Казалось, что служба ему наскучила, а на повѣрку онъ никогда не помышлялъ бросить ее. Но когда, бывало, захочетъ онъ заняться, работа у него кипѣла и, сверхъ

сего, онъ положилъ себѣ за правило три раза въ недѣлю сидѣть въ Губернскомъ Правленіи по нѣскольку часовъ. Лишнимъ будетъ добавить, что направленіе его было честное и безукоризненное. Ужъ, извините, а потачки отцу родному онъ не далъ бы, и не поддавался офиціознымъ подъ рукою внушеніямъ разныхъ Петербургскихъ властей, когда внушенія эти противорѣчили его взглядамъ. А все-таки скажу, что административная его терпимость граничила съ несправедливостью въ томъ отношеніи, что, терпя одинаково лѣнивыхъ и трудившихся чиновниковъ, не оказывалъ онъ поощренія послѣднимъ. Однажды я дозволилъ себѣ передать ему, что, разъѣзжая по службѣ по губорніи, то и дѣло что слышишь неодобрительные отзывы объ иныхъ лицахъ центральной администраціи, и что таковые господа, говорилъ я, могутъ, пожалуй, набросить тѣнь и на него самого, тогда какъ всѣ любятъ и уважаютъ его. И что̀ же отвѣчалъ онъ на это? «Ахъ, mon cher, ну напишу въ министерство, чтобы ихъ смѣнили, и пришлютъ мнѣ, пожалуй, еще худшихъ; этихъ я умѣю, по крайней мѣрѣ, держать въ извѣстныхъ границахъ, а вышлютъ, того и гляди, такихъ, что и не совладаешь съ ними». Иногда спроситъ, бывало, мимоходомъ, сколько дѣлъ у меня на рукахъ и какъ идутъ, но едва начну излагать ихъ (да и подчасъ я радъ былъ случаю посовѣтоваться съ нимъ, или выказать мои успѣхи въ слѣдственныхъ занятіяхъ), а онъ перебьетъ меня эпиграмою или анекдотомъ, не относящимся къ дѣлу. Мы числились при его особѣ, а на дѣлѣ мы были чиновники, всецѣло отданные къ услугамъ Губернскаго Правленія, почти тоже что̀ служащіе въ полиціи. Въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ, да и не болѣе какъ раза два въ годъ, я получалъ предписаніе о производствѣ какого нибудь слѣдствія прямо отъ имени губернатора и чрезъ его канцелярію; а то все по указу Губернскаго Правленія. Да и какія, бывало, налагало оно на насъ порученія! Смѣшно, какъ вспомнишь. Но особенно отличался по этой части крючко-охотливый и не разъ упомянутый совѣтникъ Зайцевъ, завѣдывавшій отдѣленіемъ хозяйственной части губернскаго и уѣздныхъ городовъ. Однажды получилъ я указъ освидѣтельствовать, дѣйствительно ли желѣзная крыша надъ корпусомъ Гостинаго двора, что̀ на новомъ базарѣ, была вся крашена въ предъидущемъ году или ранѣе. Въ редакціи этого указа была вставлена фраза: «Хотя градская полиція (въ лицѣ, помнится мнѣ, полицмейстера г. Фелькнера) и доноситъ Губернскому Правленію, что вся крыша была крашена въ предъидущемъ году, но тѣмъ не менѣе предписывается вамъ *провѣрить, справедливо-ли доноситъ градская полиція*». Изъ этого видно, въ какомъ почетѣ и въ какой вѣрѣ была Рязанская полиція у г.г. членовъ Губернскаго Правленія. Надо знать, что всѣ лавочники этого корпуса владѣли также складоч-

нымъ амбаромъ (или кладовой) на второмъ этажѣ надъ ихъ лавками, что̀ и составляло, съ соотвѣтствующею частію общей крыши, особенныя отдѣленія и собственность каждаго лавочника. Таковыхъ отдѣленій было, по малой мѣрѣ, до пятидесяти; а такъ какъ всякій хозяинъ красилъ свою часть крыши, когда ему заблагоразсудится, то общій видъ крыши представлялъ ряды пестрыхъ полосъ. Дабы опредѣлить съ возможною точностію время окраски каждаго изъ сихъ отдѣленій, требовалось знаніе спеціалиста, и я вынужденъ былъ пригласить для содѣйствія мнѣ въ этой повѣркѣ одного изъ губернскихъ архитекторовъ. Не забыть мнѣ этихъ трехъ часовъ, мною проведенныхъ подъ пылающимъ Іюньскимъ солнцемъ въ столь важномъ занятіи, и честилъ я мысленно совѣтника Зайцева, виновника моего испытанія. А то получаю указъ слѣдующаго содержанія: «Купчиха Рубцова *) проситъ объ освобожденіи отъ квартирной повинности вновь выстроеннаго будто бы ею флигеля» (кажется, что законъ даетъ или давалъ трехгодовую льготу для новаго строенія), и потому предписывается вамъ освидѣтельствовать, дѣйствительно ли Рубцова выстроила новый совершенно флигель, или только перестроила его изъ стараго зданія». Въ этомъ же родѣ было еще порученіе освидѣтельствовать булочную колониста Вагнера, не производятся ли въ ней конфеты въ ущербъ кондитерамъ, платившимъ особенную повинность за ихъ спеціальное издѣліе; также произвести осмотръ у мизерниннькаго лавочника галантерейныхъ вещей, торговавшаго въ шкафѣ галереи Гостинаго (большого) двора, имѣется ли проба на всѣхъ ювелирныхъ вещахъ у него въ продажѣ. Всѣ подобные осмотры прямо подлежали градской полиціи; но мы уже видѣли, на сколько довѣряло ей Губернское Правленіе. И вотъ какое почетное употребленіе дѣлало изъ насъ воспѣтое въ одной народной пѣснѣ это высшее административное учрежденіе.

Изъ Губернскаго Правленья
Лѣзетъ пакосно твореніе.

Но въ замѣнъ этой неумѣстности была въ высшей степени похвальна въ Петрѣ Петровичѣ черта, что онъ всегда воздерживался направлять насъ, слѣдователей, и предлагать, въ какомъ духѣ онъ желалъ, чтобы изслѣдованіе было произведено. Страннымъ казалось бы ставить въ заслугу начальствующему лицу, что онъ не употреблялъ (или правильнѣе, не злоупотреблялъ) своимъ вліяніемъ въ ущербъ правосудія; а это-то и дѣлали нѣкоторые тогдашніе губернаторы или по

*) Магазинъ модъ и уборовъ Рубцовыхъ былъ въ Рязани нѣчто въ родѣ магазина въ Москвѣ мадамъ Минангуа.

личному ихъ взгляду на дѣло, или въ угоду дворянской кастѣ и сильнымъ, хотя и отсутствующимъ, міра сего лицамъ, и подобное пристрастное дѣйствіе находило апологистовъ въ средѣ высшаго общества. Такъ напримѣръ, въ одномъ знаменитомъ дѣлѣ о смертоубійствѣ, по коему обвинялся молодой Москвичъ знатной фамиліи, хвалили Московскихъ слѣдователей за то, что они оградили аристократическую честь, тогда какъ обстановка дѣла уличала этого юношу въ смертоубійствѣ или по крайней мѣрѣ въ утайкѣ совершившагося въ его кабинетѣ преступленія. Благодарю моего Создателя, что, во время моего нахожденія при трехъ губернаторахъ, ни одинъ изъ нихъ не попытался давать мнѣ подобныя наставленія. Въ такомъ случаѣ я сейчасъ подалъ бы въ отставку. Петръ Петровичъ былъ человѣкъ неукоризненный и не дѣлалъ ничего противузаконнаго ради страха или въ угодность Петербургскимъ вліятельнымъ лицамъ.

Я сказалъ, что онъ какъ-бы махнулъ рукою на нѣкоторыя злоупотребленія и на нерадѣніе подчиненныхъ чиновниковъ, убѣдясь въ своемъ безсиліи искоренить это зло; но были однакоже случаи, когда онъ пробуждался изъ своего индеферентизма. Однажды я донесъ ему, что въ отдѣленіи неизлѣчимыхъ, бывшемъ при городской больницѣ, врачъ, приставленный къ этимъ страдальцамъ, никогда не заходилъ къ нимъ для оказанія имъ хотя бы временнаго облегченія. Петръ Петровичъ, поблагодаривъ меня за это увѣдомленіе, отправился туда невзначай и, удостовѣрившись въ нерадѣніи врача, распекъ его по порядку и съ угрозою отрѣшить отъ службы, если онъ впредь провинится подобнымъ образомъ.

А что касается до Меропы Александровны, не скажу чтобы она прямо или косвенно вмѣшивалась въ служебныя дѣла. Вліяніе ея на мужа не на столько было сильно, чтобы оно могло отзываться на дѣлахъ; но она впутывалась въ городскія дрязги и семейныя происшествія и тѣмъ нажила себѣ враговъ, при всемъ томъ, что была добрѣйшее въ мірѣ существо, всегда готовое отдать послѣднюю копейку нуждающему; а это нерасположеніе къ ней мѣстнаго общества обрушивалось подчасъ на невиннаго ея мужа. Впрочемъ, она справедливо говаривала, что нельзя угадать, за что̀ одного губернатора превозносятъ, а другого, ничѣмъ не хуже, ненавидятъ. Игривое ея воображеніе созидало иногда цѣлую драму изъ простаго слуха, и въ этомъ прикрашенномъ и добавленномъ видѣ она передавала съ коментаріями плодъ своей фантазіи приближеннымъ ей людямъ, не присягавшимъ конечно умалчивать о слышанномъ ими отъ ея превосходительства, что̀ конечно и усиливало неудовольствіе противъ нея замѣшанныхъ въ этихъ исто-

ріяхъ лицъ. Безъ этихъ погрѣшностей Меропа Александровна была бы образцовая представительница того, чѣмъ слѣдуетъ быть женѣ губернатора. Рѣдко сумѣетъ любая дама столичнаго круга «tenir son salon» [1]), какъ она. Разговорчивою не могла она не быть при замѣчательномъ ея дарѣ слова и, добавлю, словоохотливости; но она была равно любезна и внимательна ко всѣмъ своимъ посѣтителямъ безразлично, а это немаловажно въ провинціальномъ обществѣ пестроватаго обыкновенно состава. А какой это былъ другъ своимъ друзьямъ! При ней изъ нихъ ни одного не тронь, а то она готова была идти на ножи. Вотъ чѣмъ выкупала Меропа Александровна свои слабости, и не даромъ говаривалъ о ней Петръ Петровичъ: «Ma légitime a les défauts de ses bonnes qualités» [2]).

Существовавшій до пріѣзда Новосильцовыхъ театръ не удовлетворялъ драматической потребности публики провинціальнаго даже города и своимъ зданіемъ онъ походилъ на сарай кое-какъ сколоченный, а еще менѣе составомъ труппы, бывшей вдобавокъ, лишь временною. Считая общественныя удовольствія не изъ послѣднихъ нуждъ городской жизни, Петръ Петровичъ только что оглядѣлся на мѣстѣ новаго своего служенія, какъ обратился къ Рязанскому откупщику г. Нѣмцову съ предложеніемъ: «Я слышалъ, что вамъ угодно было жертвовать доселѣ по три тысячи рублей въ годъ на персоналъ непосредственно подвѣдомственныхъ губернатору мѣстъ. Нечего вамъ говорить, что подобныя щедрости идутъ въ разрѣзъ съ моими правилами, какъ недопускаемыя законами; но съ другой стороны, не вижу, право, почему деньги эти, отмѣченныя у васъ въ статьѣ экстренныхъ расходовъ, должны обратно поступать въ кассу вашей конторы, и потому предлагаю вамъ употребить ихъ на будущее время на такой предметъ, за который вы заслужите общую нашу признательность и который не запрещается закономъ, а именно, исправьте-ка нашъ театришка, да ангажируйте хоть порядочную для него трупку, и опредѣлите и впредъ на содержаніе театра эту тысячную вашу сумму». Подхватилъ эту мысль нашъ откупщикъ (славный былъ человѣкъ [3]), общественный, веселый, любилъ хорошо жить и всегда готовъ помогать нуждающемуся люду) и пустился въ ярые театралы, да еще какъ? Вопервыхъ, онъ

[1]) „Держать свой салонъ“: выраженіе неудобопереводимое, и къ нему ближе относилось бы „управлять своимъ салономъ“; но и это выраженіе не передаетъ полнаго смысла Французскаго термина, въ коемъ подразумѣвается одновременно и умѣніе выбирать составъ салона.

[2]) Моя благовѣрная отличается пороками, происходящими изъ ея добрыхъ качествъ.

[3]) Вотъ одна изъ его чертъ. Приходитъ къ нему разъ одинъ изъ младшихъ архи-

взялъ лучшаго Рязанскаго архитектора, Николая Ильича Воронихина[1]), который перестроилъ заново весь театръ, и перестроилъ его дѣйствительно щегольски, но за то вогналъ его въ 18 или 20 т. рублей. Партеръ и ложи были обиты краснымъ сукномъ, ложи въ два яруса и съ мягкою мебелью, надъ ними раекъ, а надъ сценою высились въ потолкѣ большіе часы[2]). Взявшись за должность директора своего театра, Нѣмцовъ нанялъ полдюжину прислуги, каковую онъ облекъ въ ливреи, ни дать, ни взять, капельдинеровъ императорскихъ театровъ, въ темнозеленые фраки съ красными воротниками и галунами, и всѣ, какъ слѣдуетъ, въ бѣлыхъ галстухахъ. Дошла очередь до сформированія труппы, и вотъ поѣхалъ нашъ директоръ въ Москву и тамъ, познакомившись съ служившими въ конторѣ театральной дирекціи, навербовалъ разныхъ молодыхъ артистовъ обоего пола, только что выпущенныхъ, а быть можетъ и уволенныхъ по какимъ нибудь причинамъ изъ Театральнаго Училища, и вмѣстѣ съ тѣмъ ангажировалъ въ режиссёры одного изъ извѣстныхъ отчасти Московскихъ артистовъ. (Чуть не былъ-ли это Сахаровъ). Въ числѣ этихъ новичковъ-артистовъ талантливыми весьма оказались мужъ и жена Линдроты; да и составъ труппы былъ на столько удовлетворителенъ, что часто разыгрывалась комедія «Не въ свои сани не садись», только что вышедшая изъ подъ пера Островскаго, и весьма недурно шла также «Женитьба Гоголя». Г. Нѣмцовъ ангажировалъ также и одну танцовщицу-солистку; но ей рѣдко приходилось выказывать свое искусство, такъ какъ балетовъ не давалось за неимѣніемъ хореграфическаго персонала. Не могли надивиться крупные

текторовъ (кажется по фамиліи Крапивко) по слѣдующему дѣлу. Ему мать писала, что есть на примѣтѣ порядочный женихъ для ея дочери, но что она по своей бѣдности не въ средствахъ снабдить дочь необходимымъ даже приданымъ. „Знаю“, говорилъ молодой архитекторъ г. Нѣмцову, „что наврядъ-ли предстоитъ мнѣ когда нибудь случай доказать вамъ мою благодарность, и сомнѣваюсь, буду ли я когда-нибудь въ состояніи отдать вамъ обратно просимую мною сумму, чтобы устроить судьбу сестры, но умоляю васъ не оставить насъ горемычныхъ“.—„А что, Варвара Войновна, обратился Нѣмцовъ къ добрѣйшей своей женѣ, „вѣдь и впрямь можетъ случиться, что когда мы съ тобою помремъ, одна изъ нашихъ дѣвченокъ можетъ очутиться, пожалуй, кто знаетъ что́ будетъ впредъ? въ такой же нуждѣ, какъ и его (архитектора) сестра, и найдетъ и она въ свою очередь хорошаго человѣка, который ей поможетъ. Такъ давай, сдѣлаемъ теперь доброе дѣло“. И онъ выдалъ архитектору порядочно-крупненькую сумму (въ нѣсколько, кажется, сотенъ рублей) безъ всякаго даже документа.

[1]) Онъ былъ изъ сродниковъ или потомковъ извѣстнаго Воронихина, строителя Петербургскаго Казанскаго собора.

[2]) Театръ этотъ (впослѣдствіи сломанный) стоялъ на углу Соборной и Семинарской улицъ.

собратья Нѣмцову по откупамъ, недоумѣвали, что это вдругъ съ нимъ приключилось и чуть не подозрѣвали, не сошелъ-ли онъ съ ума. Встревожилась и сама его супруга Варвара Войновна и не очень была признательна его превосходительству, начальнику губерніи, за то, что превратилъ посѣдѣвшаго ея мужа въ театралы, хотя г. Нѣмцовъ и не разстроилъ этимъ своихъ дѣлъ. По прошествіи трехъ лѣтъ онъ сдалъ свой театръ Евгенію Михайловичу Бернару, но и тотъ не долго возился съ нимъ и сдалъ его третьему лицу. Однако, за временную свою манію г. Нѣмцовъ поплатился не однимъ десяткомъ тысячъ рубликовъ.

Былъ также у Петра Петровича проектъ о постройкѣ въ Рязани казеннаго губернаторскаго дома. Мѣсто для сего онъ было избралъ на Соборной улицѣ, на лѣвой сторонѣ при началѣ пустыря (нынѣ застроеннаго) отъ перваго спуска къ р. Трубежу и неподалече отъ изолированной церкви Спаса на Яру. Объ этомъ дѣлѣ онъ хлопоталъ въ Петербургѣ и получилъ даже согласіе графа Клейнмихеля, но съ паденіемъ въ 1855 году этого всемогущаго временщика, проектъ канулъ въ воду.

Въ довершеніе всего хорошаго въ Петрѣ Петровичѣ онъ былъ убѣжденный христіанинъ, не смотря на то, что придерживался своеобразнаго толкованія иныхъ евангельскихъ текстовъ, несогласно съ ученіемъ церкви. Въ одной откровенной со мною бесѣдѣ онъ удивилъ меня, сказавъ, что вѣруетъ въ метемпсихозу, что душа наша, по отдѣленіи отъ тѣла, переходитъ постепенно, для своего очищенія, отъ одного животнаго въ другое. На чемъ основана была эта доктрина, онъ не могъ, конечно, объяснить мало-мальски удовлетворительно. Онъ также приписывалъ такое обширное значеніе Божьему милосердію и человѣколюбію, что, по его понятію, имъ противорѣчило ученіе объ осужденіи грѣшной души на вѣчныя муки.

Замѣтивъ бѣдность своей приходской Вознесенской церкви и желая увеличить ея доходъ, Петръ Петровичъ пожелалъ быть избраннымъ въ ктиторы къ ней и аккуратно сталъ ходить съ блюдомъ во время литургіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и чтобы привлечь публику, онъ завелъ пѣвческій хоръ изъ воспитанниковъ подвѣдомственнаго ему училища дѣтей канцелярскихъ служителей. Усердіе его вознаградилось полнѣйшимъ для этой церкви успѣхомъ. Весь бо-мондъ стремился туда посмотрѣть, какъ губернаторъ шествуетъ по церкви съ тарелкой въ рукахъ; да и высшія служебныя лица и мы, мелкотравчатое чиновничество, не манкировали ходить туда, чтобы сдѣлать удовольствіе церковному старостѣ. Дурного въ этомъ угожденіи Петру

Петровичу не было ничего: намъ вѣдь все равно, въ какую церковь ходить по праздничнымъ днямъ, лишь бы быть у обѣдни. А тогда какъ въ прочихъ церквахъ публика кладетъ обыкновенно на блюдо не болѣе гроша или пятачка, а многіе и вовсе ничего не кладутъ, въ Вознесенской церкви мѣдныя приношенія замѣнены были серебряною монетой, а предсѣдатели палатъ, помѣщики и Московскіе пріѣзжіе изъ Новосильцовскихъ знакомыхъ не клали на блюдо менѣе рублевой бумажки, и мнѣ случалось видѣть даже трехрублевые кредитные билеты. Пропустить мимо себя кланяющагося губернатора, не положивъ ничего ему на блюдо, каждому казалось какъ бы непочтительностью, и я однажды видѣлъ, какъ стоявшій рядомъ со мною частный приставъ, спохватившись, что забылъ захватить съ собою портъ-монѐ, бросился къ своему знакомому и занялъ у него серебряную монету. Результатомъ всего этого было, что года черезъ три построены были въ церкви два новые великолѣпные придѣла, одинъ изъ коихъ во имя св. Петра Московскаго митрополита, а такъ какъ этотъ святитель былъ ангеломъ Петра Петровича, немудрено, что это самое и могло быть отчасти причиною его домогательства быть ктиторомъ церкви. Насколько мнѣ помнится, онъ даже опредѣлилъ особенное денежное содержаніе священнику церкви.

Часть пѣхотной дивизіи генерала Кирьякова была расположена въ Рязанской губерніи, а въ самой Рязани былъ дивизіонный штабъ и тамъ же стоялъ въ 1853 году Московскій полкъ, командиромъ коего былъ тогда полковникъ Куртьяновъ. Генералъ Кирьяковъ былъ охочъ до пикниковъ и обѣдовъ, и не прочь выпить лишній бокалъ, въ каковыхъ случаяхъ онъ дѣлался черезъ-чуръ чувствителенъ къ прелестямъ Рязанскихъ барынь, называя ихъ «душками», и одну изъ нихъ онъ будто бы, какъ разсказывали, однажды облобызалъ на пикникѣ, за что̀ вступился ея супругъ, и изъ-за этого вышелъ скандалъ.

Въ Московскомъ полку былъ только-что произведенный въ офицеры Александръ Филиповичъ Христіановичъ (сынъ Тарускаго помѣщика Филипа Ивановича, долго бывшаго Калужскимъ прокуроромъ, а потомъ предсѣдателемъ Калужской Гражданской Палаты). Молодой Христіановичъ былъ замѣчательный піанистъ, плохой композиторъ и прекрасно образованный человѣкъ *). Подобная нашего поля ягодка была находкою сама по себѣ для нашего кружка; но кромѣ того, Петръ Петровичъ знавалъ его отца, когда послѣдній еще служилъ въ Москвѣ

*) Онъ женился на одной изъ дочерей Николая Александровича Поливанова и давно живетъ въ отставкѣ въ своемъ Тарускомъ имѣніи.

при князѣ Д. В. Голицынѣ, и потому Александръ Филиповичъ сразу сдѣлался своимъ человѣкомъ у Новосильцовыхъ.

Когда Европейская коалиція, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, объявила намъ войну, и ген. Кирьяковъ выступилъ со своею дивизіей въ Крымъ, то ему и офицерамъ Московскаго полка данъ былъ по подпискѣ прощальный обѣдъ безъ участія дамъ, на коемъ Шампанское полилось моремъ, и я, конечно, не отставалъ отъ прочихъ.

Общественныя увеселенія возобновились съ наступившимъ зимнимъ сезономъ. Позамѣшкался немного въ Рязани, чтобы сдѣлать удовольствіе Новосильцовымъ, кое-кто изъ Рязанскихъ помѣщиковъ, предъ переѣздомъ на зиму въ Москву, въ томъ числѣ семейство Ивинскихъ. На одномъ изъ клубныхъ еженедѣльныхъ баловъ, длившемся до поздняго весьма часа, г-жа Ивинская, не взирая на мольбы Меропы Александровны, буквально вытащила своихъ двухъ дочерей съ недоконченныхъ ими танцевъ; но по мѣрѣ, какъ мать принималась закутывать въ прихожей комнатѣ одну изъ нихъ, другая шмыгнетъ обратно въ залъ и давай снова доплясывать съ прежнимъ своимъ кавалеромъ; мать за ней и опять тащитъ ее въ прихожую, а въ тоже самое время сестра ея, сбросивъ съ себя шубку, вбѣгаетъ, въ свою очередь, въ залу и хватаетъ своего кавалера. Видя свое безсиліе, несчастная г-жа Ивинская, въ порывѣ изступленія и задыхаясь, бросается къ оркестру и вырываетъ инструментъ изъ рукъ перваго скрипача при общемъ нашемъ хохотѣ. Не взирая, однакоже, на эту случайную танцофобію г-жи Ивинской, она была великая мастерица въ хореграфическомъ дѣлѣ и поставила, по какому-то особенному случаю, пантомимный кадриль-балетъ изъ Русскихъ танцевъ, исполненный двумя ея дочерьми, г-жою Леонилою Колчиной и четвертою дамой или дѣвицей, имя коей я забылъ; а изъ мужчинъ участвовалъ одинъ Михаилъ Францовичъ Ладвезъ *), артистъ въ Цыганской пляскѣ. Въ какомъ-то подобномъ почти танцѣ участвовалъ также тогда бѣлокуренькій, кровь съ молокомъ, молодой пріѣзжій Волжанинъ (хотя Нѣмецкаго происхожденія), Климентъ Ивановичъ Энгельмейеръ. Почему онъ попалъ въ Рязань, не помню, но тутъ же и влюбился въ Софью Петровну Таптыкову (воспитанницу и племянницу генеральши Носковой, сосѣдки Н. А. Дивова), и она въ него. Не по нутру было это теткѣ, желавшей пристроить свою наслѣдницу-красотку за превосходительную особу, каковая

*) Сынъ стараго Французскаго эмигранта и фабрикантши искусственныхъ цвѣтовъ, магазинъ коей былъ въ Москвѣ, на Петровкѣ. Одинъ изъ его братьевъ вышелъ хорошимъ живописцемъ.

была уже, помнится мнѣ, на примѣтѣ; но Меропа Александровна и азъ грѣшный приняли влюбленную чету подъ нашу эгиду, и я однажды устроилъ даже свиданіе нашимъ «крестникамъ» (какъ звала ихъ Меропа Александровна) въ городскомъ саду, который былъ тогда подъ моимъ вѣдѣніемъ. Спустя годъ, превосходительная тетка смягчилась, и ихъ окрутили подъ пѣніе «Исаія ликуй».

Щегольской балъ задалъ также откупщикъ Нѣмцовъ, чему способствовалъ помѣстительный его домъ [1]), а у Новосильцовыхъ шли репетиціи переведенной съ Французскаго драмы «Серафинъ Лафайль», подъ руководствомъ режиссёра Нѣмцовскаго театра, гдѣ я прилежно разучивалъ роль мужа-тирана, а главныя роли были предоставлены Софьѣ Егоровнѣ Путятѣ и молодому князю Волконскому (они были спеціалисты въ дѣлѣ благородныхъ спектаклей). Меропѣ Александровнѣ предназначалось отличаться въ лицѣ Французской королевы Маріи Медицiйской (для чего я даже заготовилъ рисунокъ, съ костюмомъ того времени), и нѣтъ сомнѣнія, что съ ея представительностію, голосомъ и прекрасною дикціей она бы вызвала аплодисменты; но репетиціи вдругъ прервались (къ крайнему моему сожалѣнію), изъ-за какихъ-то закулисно-аматёрскихъ, кажется, исторій.

Не ранѣе этой осени удалось мнѣ познакомиться и съ перваго же раза сойтись съ Дмитріемъ Кесаревичемъ Хвощинскимъ и талантливыми его тремя дочерьми. Старшая изъ нихъ, Надежда Дмитріевна, только-что выступившая на беллетристическое поприще подъ псевдонимомъ Крестовскаго, сразу обратила вниманіе на себя читающей публики повѣстями: «Искушеніе», «Кто остался довольнымъ», «Сельскій учитель» и продолженіемъ его «Еще годъ» [2]). Какъ нынѣ, такъ и съ самаго начала, повѣсти ея помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ», но нѣкоторыя ея стихотворенія являлись кое-когда въ «Современникѣ», и подъ ними она подписывалась настоящимъ своимъ именемъ. Осталась же она вѣрна журналу Краевскаго и отказалась участвовать во вновь открытомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», изъ благо-

---

[1]) Домъ этотъ былъ на улицѣ, ведущей отъ Семинарскаго моста къ городской больницѣ, близъ церкви Николы-Долгошеи. Нѣмцовъ купилъ его отъ прежняго Рязанскаго откупщика Ивана Александровича Протасьева.

[2]) Спустя немного времени, она упрочила свою извѣстность болѣе пространными романами: „Послѣднее дѣйствіе комедіи“ и „Баритонъ“. Послѣдній сюжетъ взятъ изъ семинарскаго быта, присматриваться къ которому было автору тѣмъ легче, что домъ Хвощинскихъ примыкаетъ къ Рязанской семинаріи, и для сего Надежда Дмитріевна завела знакомство съ нѣкоторыми семинаристами.

дарности къ Краевскому, не отказывавшему ей никогда въ денежныхъ пособіяхъ.

Мизантропическое направленіе, преобладающее во всѣхъ ея повѣстяхъ, сложилось отъ семейной ея обстановки, причиною каковой были служебныя несправедливости, постигшія ея отца и доведшія его до нуждающагося положенія. Д. К. Хвощинскій служилъ когда-то по коннозаводству, главнымъ начальникомъ коего былъ въ 40-хъ годахъ ген.-адъютантъ Левашовъ. Управляя Скопинскимъ отдѣленіемъ этого вѣдомства, онъ обвиненъ былъ въ растратѣ крупной казенной суммы, послѣ тянувшагося долго слѣдствія признанъ виновнымъ, и у него конфисковано было единственное недвижимое его имѣніе. Когда я познакомился съ Дмитріемъ Кесаревичемъ, онъ служилъ при Рязанской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ посредникомъ отъ казенныхъ крестьянъ въ полюбовномъ ихъ размежеваніи съ сосѣдними имъ помѣщиками, на жалованіи, помнится мнѣ, немного свыше 1000 рублей. На эти деньги и на выручку отъ литературныхъ трудовъ его дочери существовало все семейство Хвощинскихъ, состоявшее тогда изъ пяти: Дмитрій Кесаревичъ, жена его Юлія Викентьевна (рожденная Рубецъ) и три дочери, Надежда, Софія и Прасковья Дмитріевны. Кесарь Дмитріевичъ былъ нѣкогда адъютантомъ у какого-то генерала на Кавказѣ. Считая себя безвинно пострадавшимъ, онъ возобновилъ въ началѣ 50-хъ годовъ Скопинское дѣло, и хотя былъ оправданъ высшею сенатскою инстанціей, но (какъ я слыхалъ отъ него самаго) не только что не возвращено было ему прежнее имѣніе, но онъ ничего не получилъ въ замѣнъ его. Не оставлялъ нуждающихся своихъ сродниковъ Абрамъ Петровичъ Хвощинскій, двоюродный братъ Дмитрія Кесаревича, человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ [1]). Онъ останавливался у него въ Рязани, когда тотъ жилъ въ наемномъ тогда домѣ, и однажды на Пасху или по случаю имянинъ или дня рожденія Дмитрія Кесаревича передалъ ему готовый на домъ документъ [2]). Старшая изъ сестеръ Хвощинскихъ Надежда и меньшая Прасковья воспитывались дома, а средняя Софія вышла институтка съ первымъ шифромъ. Прелестное существо была эта дѣвушка. Она сотрудничала сестрѣ-писательницѣ, даже коечто сама пописывала въ журналахъ, но также подъ псевдонимомъ и, сверхъ того, талантливо занималась жанровою живописью акварель-

---

[1]) Сынъ его былъ въ началѣ 50-хъ годовъ адъютантомъ у графа Егора Петровича Толстаго, тогда Калужскаго губернатора, а двѣ дочери замужемъ, одна за Акинфіевымъ, а другая за Деляновымъ.

[2]) Въ этомъ домѣ живутъ и понынѣ вдова и старшая и меньшая дочери Дмитрія Кесаревича (Софья Дмитріевна скончалась преждевременно лѣтъ восемь тому назадъ).

ными красками въ такихъ же большихъ размѣрахъ, какъ масляными [1]).

Мой взглядъ на дарованіе Надежды Дмитріевны таковой. Психологическій ея анализъ часто вѣренъ, но выводы у нея бываютъ иногда преувеличены, а когда она пускается въ описанія великосвѣтскихъ «бархатниковъ» (именованіе изъ повѣстей Григоровича), что̀ не рѣдко дѣлаетъ, то она относится къ этому сословію желчно, какъ бы съ ненавистью, и въ своихъ очеркахъ она руководится если не вымысломъ или догадками, такъ слухами и отзывами часто-пристрастными ея литературной братіи, сама же Рязанская наша отшельница не была вхожа въ столичные аристократическіе салоны, а то что́ могла подмѣтить изъ Рязанской мимолетной при Новосильцовыхъ шумной жизни, не могло, по своей ограниченности, дать этой писательницѣ мѣрило къ подобнымъ описаніямъ и тѣмъ менѣе снабдить ее запасомъ на двадцатилѣтнюю письменную дѣятельность, и вотъ почему я нахожу, что она нерѣдко создаетъ характеры и драматическія положенія съ ихъ развязкою не существующіе въ дѣйствительности, хотя и они выходятъ довольно реліефно подъ ея перомъ. Уже почти двадцать лѣтъ что̀ я коротко съ нею знако̀мъ (и иногда переписываюсь), но предпочитаю въ ней женщину писательницѣ [2]). Ей вредитъ также экзальтація въ чувствахъ и взглядахъ, особенно въ политическихъ ея мнѣніяхъ, въ коихъ она утопистка до того, что сочувствуетъ бреду коммунизма и соціализма и утверждаетъ, что эта доктрина основана на Евангеліи. За то, вотъ какая высокая въ ея характерѣ черта. При стѣсненномъ своемъ положеніи, она отказала М. Н. Каткову участвовать въ его журналѣ «Русскій Вѣстникъ», потому что ея убѣжденія идутъ въ разрѣзъ съ направленіемъ этаго журнала и «Московскихъ Вѣдомостей» [3]).

Въ Рязань пріѣзжала этой же осенью (1853 года), мать Меропы Александровны, княгиня Софія Егоровна Вяземская, видная и свѣжая еще старуха. Не встрѣчался я съ нею дотолѣ никогда, хотя и знавалъ

---

[1]) Узнавъ о смерти художника Иванова, она написала съ памяти его портретъ масляными красками, хотя видѣла его не болѣе двухъ разъ, и говорятъ, что портретъ очень похожъ.

[2]) Она сама хорошо это знаетъ, и года два назадъ, когда одинъ изъ послѣднихъ ея романовъ „Большая Медвѣдица“, былъ въ славѣ, она просила меня не читать его.

[3]) Лѣтъ тому шесть, она вышла замужъ за получахоточнаго медика, двадцатью почти годами моложе ея, Заячковскаго, лишь изъ-за сочувствія къ нему, такъ какъ онъ былъ замѣшанъ въ студенческихъ Петербургскихъ исторіяхъ и сидѣлъ въ крѣпости. Онъ долго лечился за границей на средства извѣстнаго медика Боткина и умеръ въ 1872 или въ началѣ 1873 года.

покойнаго втораго ея мужа, князя Николая Григорьевича Вяземскаго[1]). Немного позднѣе, пріѣзжала также къ своей племянницѣ Новосильцовой г-жа Демидова, сестра княгини Вяземской со своимъ сыномъ, давно уже на службѣ[2]).

Съ самаго начала этаго 1853 года, взошли въ моду въ Россіи и за границею вертящіеся и пишущіе столы. Точнаго о томъ мнѣнія я по сю пору не могъ себѣ составить, но отрицать не могу, чтобы не было бы чего-то сверхъестественнаго въ пишущихъ столахъ. Опыты съ ними происходили на моихъ глазахъ, и потому не соглашаюсь съ тѣми, которые утверждають, что тутъ дѣйствуетъ одинъ самообманъ. Сторонники столь неслыханнаго дотолѣ феномена могли, пожалуй, объяснять неподвижность столовъ и шляпъ отсутствіемъ у меня животнаго магнетизма, но таковое поясненіе не удовлетворяетъ меня.

На счетъ пишущихъ столовъ разскажу то, чему я былъ свидѣтелемъ два раза. Устройство ихъ было слѣдующее. Вышина ихъ была въ четверть аршина, а въ длину и ширину, около шести вершковъ; вмѣсто четвертой ножки, вставлялся очиненный карандашъ, и игрушка эта ставилась на столъ. Опыты надъ своимъ оракуломъ Меропа Александровна производила обыкновенно вдвоемъ съ тогдашнимъ инспекторомъ. Врачебной Управы Поповымъ. Наложатъ, бывало, руки на столикъ, и онъ пойдетъ чертить каракули на подложенномъ подъ нимъ бумажномъ листѣ. Чтобы добиться возможности прочесть эти каракули, непремѣнно надо было повторять опытъ до трехъ разъ; но замѣчательно и даже необъяснимо было то, что всѣ три раза чертежи выходили однообразные, то-есть, по одинаковому направленію, въ право-ли, въ лѣво-ли, въ верхъ или въ низъ, такъ что было видимое сходство между ними. Одно это обстоятельство уже свидѣтельствуетъ про отсутствіе случайности при составленіи этихъ чертежей. Если бы испытатели водили свои руки зря, невозможно было бы чертежамъ выходить однообразными. При повтореніи перваго опыта нѣкоторыя буквы обрисовывались уже правильнѣе и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ выказывались при первомъ и при окончательномъ третьемъ опытѣ, и только тогда можно было прочесть уже безъ затрудненія написанное. Словомъ, постепенная эта процедура, казалось, напоминала собою усилья школьника, учившагося писать. Всякій столикъ наименовался какимъ нибудь

[1]) Напоминаю, что сестрами его были графиня Марія Григорьевна Разумовская и Бѣлкинская наша сосѣдка Екатерина Григорьевна Болтина.

[2]) Эти дамы были рождены Панины. У г-жи Демидовой были двѣ дочери тогда уже замужемъ, одна за графомъ Армфельдтомъ (вдовцомъ), а другая за Казаковымъ.

христіанскимъ именемъ, имъ самимъ высказаннымъ въ отвѣтѣ на вопросъ, какъ его звали. Столикъ г-жи Новосильцовой чертилъ, что его звали Маріо Оровески (или что-то сходное съ этою фамиліею). На вопросъ, не дастъ ли оной нѣкоторыхъ о себѣ свѣдѣній, отвѣтъ былъ: «Убитъ на дуэли въ Венеціи въ 1822 году и похороненъ на Лидо» *). Замѣтить слѣдуетъ, что наврядъ ли Меропа Александровна или г. Поповъ, не бывшіе никогда въ Италіи, могли имѣть понятіе о существованіи квартала Венеціи, называющагося «il Lido». Пораженный тѣмъ, что̀ происходило въ моихъ глазахъ, я написалъ подробно о семъ моей матери во Флоренцію, набожность, праведную жизнь и церковную начитанность которой я глубоко чтилъ, и просилъ ее высказать ея мнѣніе объ этомъ явленіи, выходившемъ изъ извѣстныхъ дотолѣ законовъ природы. Мать моя не замедлила отвѣчать, что подобные опыты были тогда въ ходу и за границей, но что церковный авторитетъ (т. е. Римскаго вѣроисповѣданія), не находя возможнымъ удовлетворительно разъяснить подобныя явленія, запрещаетъ вѣрующимъ предаваться этому нововведенію, не приносящему никакой пользы, и даже склонно къ мнѣнію, что тутъ не чуждо прельщеніе нечистой силы, и потому мать моя убѣждала меня не заниматься впредь этими опасными, или по крайней мѣрѣ, сомнительными по ихъ происхожденію опытами. Такъ какъ и мои наблюденія привели меня къ почти подобному же взгляду, то я съ тѣхъ поръ сталъ относиться съ бо̀льшею осторожностію къ этимъ опытамъ.

Теперь я долженъ сдѣлать отступленіе и забѣжать восемь лѣтъ впередъ для дополненія сказаннаго о пишущемъ столѣ Меропы Александровны.

Въ Декабрѣ 1861 года, въ бытность мою Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ, пріѣзжалъ изъ Флоренціи къ намъ въ Знаменское племянникъ мой графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (это же и было первою его поѣздкою въ Россію для возобновленія его права на подданство въ настоящемъ своемъ отечествѣ, въ чемъ онъ и успѣлъ). Вспомнивъ какъ-то о моемъ письмѣ къ моей матери, а его бабушкѣ, по поводу пишущихъ столовъ, онъ изумилъ меня сообщеніемъ, что, въ бытность его въ Венеціи, онъ справлялся у священника приходской церкви на Лидо и узналъ отъ него, что дѣйствительно тамъ похороненъ нѣкій Маріо Оровески и даже, если припоминаю въ точности слова моего племянника, что этотъ человѣкъ умеръ въ 1822 году

*) Одинъ изъ болѣе пространныхъ острововъ, на которыхъ основана часть Венеціи, но отдаленный отъ центра города.

(или около того времени). Чтò сказать на это? Не могу себѣ простить, что, находясь самъ въ Венеціи осенью 1862 и весною 1863 года, я забылъ справиться на мѣстѣ о семъ обстоятельствѣ, могущемъ пролить свѣтъ на столь важный въ психологическомъ и даже религіозномъ отношеніи вопросъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

Предсказательнаго или ясновидящаго въ отвѣтахъ на предлагаемые столамъ вопросы ничего не было (по крайней мѣрѣ при мнѣ). Такъ, напримѣръ, Меропа Александровна однажды спрашивала у своего столика о здоровьѣ и чтò дѣлала въ это время ея невѣстка, молодая княгиня Прасковья Вяземская [1]), лѣчившаяся тогда отъ разслабленія ногъ въ Ниццѣ, и отвѣтъ былъ, что она померла. А между тѣмъ она возвратилась благополучно въ Россію и чуть-ли не жива и по сіе время. Пораженный видѣннымъ мною у Меропы Александровны, я поспѣшилъ сообщить о томъ сестрамъ Хвощинскимъ, которыя, въ свою очередь, разсказали мнѣ, что и у нихъ есть подобный грамотный столикъ, но что онѣ не могутъ-де разобрать его отвѣты, написанные на неизвѣстномъ имъ Англійскомъ языкѣ. Опыты эти производили тихонравная Софія Дмитріевна съ Николаемъ Александровичемъ Слѣпцовымъ, товарищемъ предсѣдателя Рязанской Гражданской Палаты, ежедневнымъ посѣтителемъ Хвощинскихъ. Такъ какъ Англійскій языкъ мнѣ фамиліяренъ, то я просилъ произвести опытъ при мнѣ, но самъ не взялся участвовать въ немъ, сознавая свое магнетическое безсиліе. Удовлетворить мое любопытство взялись таже Софія Дмитріевна и находившаяся тутъ ея пріятельница молодая Маркелова (дочь одного совѣтника Рязанской Казенной Палаты, дѣвушка замѣчательная своимъ умственнымъ развитіемъ и талантомъ въ масляной живописи). Ни та, ни другая не знали Англійскаго языка. Вопросъ задала Софья Дмитріевна, не сообщая, однакоже, его намъ, и столъ пошелъ себѣ чертить каракули, точь-въ-точь какъ Новосильцовскій столикъ, и такъ же, какъ и тамъ, опыты должны были повторяться до трехъ разъ, прежде чѣмъ отвѣтъ могъ быть разобранъ. Тогда я прочелъ дѣйствительно по-англійски: «He is now at the theatre» [2]). Когда я передалъ этотъ отвѣтъ по-рус-

---

[1]) Рожденная графиня Толстая, та самая хорошенькая собою диллетантка, которая еще дѣвицею участвовала въ нашихъ Московскихъ аматёрскихъ концертахъ въ 1841 и 1842 годахъ. Мужъ ея, князь Григорій Николаевичъ Вяземскій, былъ сынъ вышепомянутой княгини Софіи Егоровны Вяземской, рожденной Паниной, а по первому мужу Тимашевой-Берингъ.

[2]) Онъ теперь въ театрѣ.

ски Софьѣ Дмитріевнѣ, она сказала: «Это довольно правдоподобно». Она спрашивала, что̀ дѣлалъ тогда, или гдѣ находился одинъ ея знакомый? Страннымъ мнѣ показалось также, что въ отвѣтѣ были двѣ, помнится мнѣ, орѳографическія погрѣшности, но фраза была изложена правильно. Излагаю или, какъ говорятъ нынѣ, констатирую фактъ, при мнѣ происходившій, но объяснить его не берусь. «Много, много еще есть, чего мы не знаемъ, другъ Гораціо», какъ весьма мудро вложилъ Шекспиръ въ уста Гамлета. Но неужели будемъ отрицать возможность многихъ явленій изъ физическаго и психологическаго міра на томъ только основаніи, что они недоступны нашему разуму? Тутъ не будетъ логики.

Вышла тогда коротенькая книжка покойнаго митрополита Филарета по поводу этихъ столовъ. Ученый іерархъ, приводя въ ней нѣкоторые близко подходившіе къ этому предмету примѣры у языческихъ оракуловъ, не опредѣлялъ, однакоже, удовлетворительно, изъ какого источника происходятъ эти современныя намъ явленія. Спустя нѣсколько лѣтъ, находясь въ отпуску въ Москвѣ, я посѣтилъ маститаго предстоятеля нашей церкви, съ намѣреніемъ узнать послѣднее его о томъ слово. Высокопреосвященный, принявъ меня съ обычнымъ ему радушіемъ и вопросы мои со свойственною ему снисходительностью (ему даже угодно было сказать мнѣ, что онъ радъ видѣть у себя сына графа Дмитрія Петровича, коего онъ хорошо помнилъ, встрѣчавшись съ нимъ у оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, князя Александра Николаевича Голицына), выразилъ такое мнѣніе. Отчасти можно допустить, что письменные отвѣты могли бы происходить отъ умершихъ душъ, судьба коихъ нерѣшена, какъ учитъ церковь, до Страшнаго Суда, а гдѣ именно онѣ находятся, намъ неизвѣстно; но все-таки небезопасно для душевнаго и умственнаго нашего спокойствія предаваться этимъ опытамъ, потому что пытаться узнавать о томъ, чего нѣтъ въ Священномъ Писаніи, не можетъ приносить никакой пользы; а желать угадывать наше будущее не согласно съ евангельскимъ ученіемъ, гдѣ говорится, что будущее наше сокровенно отъ насъ Божьимъ Промысломъ, и во всякомъ случаѣ увлекаться этими опытами уже опасно потому, что отъ нихъ иные окончательно сходятъ съ ума, какъ случилось съ однимъ хорошо ему знакомымъ человѣкомъ. Тутъ же онъ добавилъ, что появленіе въ печати его книжечки случилось безъ его на то согласія, и что еслибы она предназначалась для печати, онъ составилъ бы ее иначе и не въ столь сжатомъ видѣ, какъ она появилась, и что въ сущности это было ничто иное, какъ письмо къ одному изъ его знакомыхъ, который просилъ его изложить его мнѣніе о зага-

дочныхъ этихъ столахъ. Хотя взглядъ митрополита рознился отчасти со взглядомъ Римской церкви по этому предмету, но я вынесъ изъ всего этого полуубѣжденіе, что, какъ себѣ хотятъ господа спириты, но тутъ непремѣнно что-то неладно, и потому я нахожу, что осторожность совѣтуетъ не заниматься этими экспериментами, почти что забытыми нынѣ. А все-таки эти, хотя и непонятные, факты имѣютъ уже ту хорошую сторону, что побѣдоносно доказываютъ всю несостоятельность ученія о матеріализмѣ. Какъ бы то ни было, а весьма справедливо замѣчаетъ досточтимый М. П. Погодинъ, говоря о спиритѣ Юмѣ въ недавнемъ своемъ сочиненіи «Простая рѣчь о мудреныхъ дѣлахъ» (отдѣлъ II, стр. 110): въ этомъ *есть что-то!*

Пріѣзжалъ въ это время изъ Петербурга къ Дивову въ Городище престарѣлый и неопредѣленной національности Левъ Андреевичъ Лебрюнъ (Lebrun), продолжавшій служить при Императорскомъ Эрмитажѣ въ должности помощника директора Лабенскаго. Бывшій Суворовскій ординарецъ представлялъ собою полнѣйшую физическую развалину и померъ въ слѣдующемъ, кажется, 1854 году. Не помню, говорилъ-ли я въ своемъ мѣстѣ, что въ числѣ разсказовъ Л. А. Лебрюна о Суворовѣ было, что въ Тульчинѣ (гдѣ находилась главная квартира фельдмаршала) князь Александръ Васильевичъ хаживалъ каждодневно къ заутренѣ и того же самаго требовалъ отъ всего своего штаба; а дабы удостовѣриться, на сколько исполнялись его приказанія, онъ, кладя земные поклоны, разсматривалъ въ промежуткѣ своихъ ногъ всю стоявшую за нимъ свиту.

Извѣстія изъ Крыма становились съ каждымъ днемъ все болѣе неутѣшительными. Газетнымъ офиціальнымъ реляціямъ о ходѣ военныхъ дѣйствій мы не придавали вѣры, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ реляціи отличаются сдержанностью и подъ часъ утайкою; но Новосильцовы ежедневно почти получали извѣстія въ формѣ писемъ отъ давняго ихъ друга Александра Яковлевича Булгакова, тогда Московскаго почтъ-директора, такъ что, благодаря этой конфиденціальной корреспонденціи, все, что̀ происходило на Крымскомъ полуостровѣ, а также что̀ дѣлалось и говорилось въ Петербургскихъ высшихъ административныхъ сферахъ, было не тайною для насъ, составлявшихъ интимный кружокъ Новосильцовыхъ *). Носился слухъ изъ партикуляр-

*) Письма А. Я. Булгакова были также переполнены современными анекдотами, юморомъ и острыми словцами. Однажды, разсказывая о прибытіи въ Москву еле дышавшаго князя Чернышова (бывшаго военнаго министра), но еще на ногахъ, Александръ Яковлевичъ писалъ, что онъ на дняхъ встрѣтилъ на улицѣ князя Чернышова, гулявшаго *со своею вдовой подъ ручку.* (Donnant le bras à sa veuve).

ныхъ свѣдѣній по поводу неудачи Альминскаго дѣла и его послѣдствій, что князь Меншиковъ, боясь, чтобы непріятельскія войска немедленно не ворвались въ Севастополь, еслибы они подступили къ нему по прямому (юго-западному отъ Альмы) направленію, гдѣ вовсе не было никакихъ укрѣпленій, прибѣгнулъ будто бы къ слѣдующей хитрости. Онъ отправилъ курьера къ Государю съ секретнымъ яко бы донесеніемъ объ Альминскомъ дѣлѣ, и въ тоже время словесно научилъ курьера попасть въ плѣнъ, какъ бы по оплошности, а въ концѣ этой мнимой реляціи было сказано, что онъ, главнокомандующій, считаетъ счастливою случайностью, что Французскій маршалъ Сентъ-Арно идетъ по прямому направленію на Севастополь, такъ какъ съ той стороны городъ обезпеченъ укрѣпленіями, а что онъ опасался-де, какъ бы союзный десантный корпусъ не подошелъ къ городу съ восточной стороны, гдѣ никакихъ оборонительныхъ работъ не было. Курьеръ исполнилъ все приказанное ему, и вотъ почему, будто бы, союзники сдѣлали обходъ на Балаклаву и на восточную сторону Севастополя, гдѣ уже существовали кое-какія укрѣпленія, за усиленіе каковыхъ принялся немедленно Тотлебенъ. Впослѣдствіи разсказывали также, что неисправимый острякъ, князь Александръ Сергѣевичъ, будто говаривалъ, что если бы ему удалось съ успѣхомъ выйти изъ Альминскаго дѣла, ему пожаловали бы, чего добраго, титулъ князя Альминскаго, каковой выходилъ бы по-французски «prince d'Alma» и къ нему не доставало бы лишь прибавленія «вива», чтобы подходить къ театральному герою оперы «Севильскаго Цирульника». Не имѣя въ виду ни здѣсь, ни впослѣдствіи входить въ подробное разсмотрѣніе Крымскихъ нашихъ неудачъ, выскажу лишь мое мнѣніе, что винить князя Меншикова относительно первоначальныхъ его дѣйствій было бы несправедливо: все, что̀ возможно было ему предпринять съ его 28-тысячнымъ корпусомъ храбрецовъ противъ 60 тысячъ союзнаго войска, онъ исполнилъ. Отправленная на подводахъ изъ Одессы генераломъ Сакеномъ дивизія не подоспѣла (кажется) ко времени десанта непріятельскихъ войскъ; а генералъ Хомутовъ, спѣшившій съ противуположной стороны въ подмогу Севастополю, былъ еще со своею кавалеріей за Перекопомъ. Всѣмъ извѣстно, что покойный Государь находился тогда подъ вліяніемъ какого-то ослѣпленія и былъ убѣжденъ, что силы, коими располагалъ князь Меншиковъ, были вполнѣ достаточны для отпора немногочисленнаго, какъ предполагалъ Государь, десантнаго корпуса союзниковъ.

Отечественныя бѣдствія не бываютъ помѣхою общественнымъ увеселеніямъ, развѣ въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, когда

личности или интересы мѣстнаго общества могутъ отъ этого пострадать; но такъ какъ ничего подобнаго не тяготѣло надъ Рязанью, то танцовальные вечера шли обыкновеннымъ чередомъ.

Артилерійскіе офицеры, стоявшіе въ Коломнѣ, устроили въ тамошнемъ клубѣ балъ въ день восшествія на престолъ покойнаго Государя, 19 Ноября, на который поѣхали, по ихъ приглашенію, Новосильцовы и Николай Адріяновичъ, при чемъ Меропу Александровну сопровождали два чиновника особыхъ порученій, А. И. Протасьевъ и пишущій эти строки. Если нахожденіе нашихъ двухъ личностей при особѣ ея превосходительства придавало нѣкоторую, такъ-сказать, сановитость ея появленію на Коломенскомъ балѣ, то я съ своей стороны (за юнаго моего коллегу отвѣчать не берусь) чувствовалъ себя разыгрывающимъ хотя не важную, но по крайней мѣрѣ полуофиціальную роль. Директоры бала были полковники Вокаръ и Щебальскій [1]), оба батарейные командиры; они гостепріимно угощали насъ, и я воспользовался случаемъ и на этомъ балѣ, и на возобновленіи его на слѣдующее утро не пощадить артилерійскаго Шампанскаго, такъ что былъ на полувзводѣ, когда, послѣ деннаго бала, Меропа Александровна съ нами, двумя ея тѣлохранителями, отправилась въ каретѣ обратно въ нашу губернскую столицу. Но кромѣ почета, благо было Протасьеву и мнѣ, что наша губернаторша прикрывала насъ своею офиціальною сѣнью. Для Рязанскаго губернатора съ женою и для его превосходительства Дивова квартиры были заготовлены; но намъ, двумъ мелкотравчатымъ чиновникамъ, какъ ни хлопоталъ явившійся становой (при содѣйствіи, помнится мнѣ, мѣстнаго городскаго поліціанта), свободнаго уголка не оказалось ни въ единственной тогда Коломенской гостиницѣ, ни на постоялыхъ дворахъ: все было занято по случаю клубнаго бала, и пришлось бы намъ переночевать подъ сводомъ небеснымъ, если бы Меропа Александровна не упросила одного изъ своихъ бальныхъ кавалеровъ, артилерійскаго поручика г. Львова [2]), сжалиться надъ нами, и онъ дѣйствительно, съ рѣдкою предупредительностью, пріютилъ насъ обоихъ подъ свой смиренный кровъ, оказавшійся щегольски отдѣланнымъ апартаментомъ.

Составъ нашего общества умножился съ осени 1852 года милымъ семействомъ Вишневскихъ. Около того времени или немного позднѣе,

---

[1]) Въ слѣдующемъ за тѣмъ году полковникъ Щебальскій перешелъ въ Московскіе полицеймейстеры и завѣдывалъ Управою Благочинія.

[2]) Поручикъ Львовъ вскорѣ послѣ этого женился на столь же богатой, сколько (по общимъ отзывамъ) некрасивой дѣвицѣ Коломенскаго уѣзда, графинѣ Санти. Онъ первый учредилъ пароходное движеніе по Окѣ.

умеръ въ Вѣнѣ Николай Максимовичъ Княжевичъ, лѣчившійся тамъ отъ рака на языкѣ, и на его мѣсто назначенъ былъ предсѣдателемъ Рязанской Казенной Палаты Николай Гавриловичъ Вишневскій *). Сыновья его были гдѣ-то на службѣ или еще въ учебныхъ заведеніяхъ, а изъ четырехъ его дочерей двѣ выѣзжали въ свѣтъ, а третья, болѣзненнаго сложенія, лѣчилась и не могла участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ. Г-жа Вишневская была высокая и представительной наружности женщина, твердаго нравственнаго достоинства, тихая и съ прекрасными манерами, что̀ сумѣла передать дочерямъ вмѣстѣ съ тщательнымъ образованіемъ. Двѣ старшія вышли замужъ въ Рязани, года два по ихъ туда пріѣздѣ; одна за Евлампія Ивановича Протасьева (брата моего сослуживца Александра Ивановича), а другая за молодаго Казначеева, служившаго тогда въ Казенной Палатѣ, то-есть, подъ начальствомъ своего тестя. Чиновникъ этотъ не имѣлъ никакого почти состоянія, а совершенно обезпечить эту дочь было бы для Н. Г. Вишневскаго слишкомъ затруднительно, какъ обремененному большимъ семействомъ, и влюбленные молодые супруги жили скромно и уединенно, но въ маленькой ихъ квартирѣ все было прилично, и душа отдыхала, глядя на этихъ двухъ голубковъ.

Нерѣдкими посѣтителями Новосильцовыхъ были также Ряжскій предводитель Яблочковъ и его жена Софія Ивановна. Сказать, что эта молодая женщина была хорошенькая собою, еще недостаточно: мало ли бываетъ на свѣтѣ хорошенькихъ, на которыхъ обращаешь вниманіе какъ на картинку или статую? Но отъ Софіи Ивановны вѣяло граціей, женственностію и симпатичностію, чему способствовала непринужденность ея обращенія. И не одними внѣшними атрибутами отличалась она; въ ея характерѣ были солидныя стороны. Когда, по смерти ея мужа (еще не стараго), дѣла его оказались совершенно разстроенными, она посвятила себя на трудовую жизнь и въ настоящее время находится директрисою одного изъ Московскихъ частныхъ учебныхъ женскихъ заведеній. Яблочковы, какъ сосѣди по Ряжскому уѣзду съ с. Алешнею, бывали у княгини Маріи Петровны Волконской, умѣвшей ихъ отличать, что̀ достаточно уже говоритъ въ ихъ пользу.

Кстати о Ряжскѣ. Тамъ былъ въ то время городничимъ раненый воинъ по фамиліи Уланъ-Полянскій, ходившій съ костылемъ въ родѣ тро-

*) Тѣло Н. М. Княжевича было привезено въ Рязань и похоронено въ тамошнемъ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, для чего прибыли изъ Петербурга его братья, Александръ и Владиславъ Максимовичи; первый изъ нихъ былъ впослѣдствіи министромъ финансовъ. Всѣ трое Княжевичи были высокаго роста и очень видные мужчины.

сти. Ему причудилось, что не подобаетъ присвоять себѣ эту подпору безъ высочайшаго на то разрѣшенія, вслѣдствіе чего онъ подалъ прошеніе губернатору объ исходатайствованіи ему этой, будто бы, привилегіи, на подобіе того, какъ требуется (или требовалось) дозволеніе фронтовымъ офицерамъ носить очки. Петръ Петровичъ поспѣшилъ, конечно, удовлетворить его просьбу, и вотъ состоялся неслыханный дотолѣ высочайшій приказъ о соизволеніи Ряжскому городничему носить костыль, или правильнѣе, ходить съ тростью въ офиціальныхъ даже случаяхъ, чтò и внесено было (кажется) въ его формулярный списокъ въ видѣ полученной имъ награды. Физическую и нравственную противуположность мужу, представляла бойкая и гренадеръ-баба его супружница. Когда Петръ Петровичъ пріѣзжалъ на ревизію въ Ряжскъ, городничиха встрѣчала его у крыльца своего дома (или городническаго правленія) съ бокаломъ Шампанскаго въ рукѣ и заставляла губернатора чокнуться съ нею: пріемъ тяжело отзывавшійся на бѣдномъ Петрѣ Петровичѣ, который не могъ безвредно для слабой головы осушить даже одинъ бокалъ, а тутъ приходилось ему потѣшать назойливую городничиху не въ обыкновенный даже часъ, а на тощакъ, такъ какъ ревизія начиналась утромъ.

Пока я проживалъ у Дивова въ Городищѣ, я могъ свободно отлучаться въ Знаменское и оставаться въ моемъ семействѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; но на службѣ продолжительныя или частыя отлучки были невозможны, а жить въ разлукѣ съ семействомъ немыслимо, и потому рѣшено было, что мое семейство, съ тещею включительно, переѣдетъ на жительство въ Рязань. Дивовскій домъ отданъ въ полное мое распоряженіе. Онъ не совсѣмъ былъ удобенъ для насъ по расположенію комнатъ, и я принялся кое-что измѣнять и добавлять; да и мебели надо было прикупить. Мать моя, узнавъ о переѣздѣ моего семейства въ Рязань, выслала мнѣ около 300 рублей сер. на устройство нашей квартиры.

Въ началѣ Декабря (какъ помнится мнѣ) прибыло мое семейство. Хотя не прошло болѣе семи мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ мою Анночку въ Знаменскомъ, но въ этотъ промежутокъ она выросла, не казалась уже дѣвочкою и значительно похорошѣла и пополнѣла. Ей шелъ 17-ый годъ, и по отзыву постороннихъ лицъ она была «une blonde et belle enfant». Впрочемъ, роскошные ея волосы были не свѣтлаго, а темно-русаго оттѣнка, «chatain». Меня изумило въ ней то, что, со времени послѣдней нашей разлуки, она сдѣлала большіе успѣхи въ Англійскомъ языкѣ (первоначальныя правила коего я преподавалъ ей отрывочно въ непродолжительные мои пріѣзды въ Знамен-

ское) и что она привезла мнѣ свой переводъ одного стихотворенія Байрона на Русскій (или Французскій) языкъ, сдѣланный ею безъ всякаго посторонняго пособія. Нѣмецкій же (мнѣ совершенно незнакомый) она уже давно настолько себѣ усвоила, что читала съ наслажденіемъ Шиллера и Гете. Правда, что читать и писать на этомъ нарѣчіи ее обучала Юлія Ивановна Тридонъ; но Анночка моя не могла заимствовать отъ нея ничего далѣе элементарной подготовки, такъ какъ ея гувернантка не имѣла никакого понятія о Нѣмецкой литературѣ; да и Юлія Ивановна находилась при нашей дочери всего три года съ небольшимъ. Тутъ же она передала мнѣ цѣлую кипу ландшафтныхъ ея этюдовъ, доказывавшихъ подобные какъ и въ лингвистикѣ ея успѣхи. Вообще она никогда не оставалась безъ какого нибудь занятія, а что̀ до чтенія и особенно историческаго, въ коемъ была довольно сильна, оно обратилось у нея въ страсть съ дѣтскаго возраста; надо было силою ее отрывать отъ усидчивыхъ занятій, чтобы заставить ее, моціона ради, пройтись по саду и въ примыкающій къ нему лѣсъ. Угадать, конечно, невозможно, былъ ли бы жребій ея изъ счастливыхъ въ жизни (чему могло быть помѣхою излишнее сочувствіе ко всякой страждущей твари и ея впечатлительность), но вѣрно то, что изъ нея вышла бы замѣчательная женщина. А вѣдь, въ сущности, она была самоучно-начитана и образована!.... Какъ къ рисованію, также пристрастилась она и къ пѣнію. Въ дѣтствѣ у нея былъ не обширный, но вѣрный голосокъ; когда же стала она развиваться въ женскій возрастъ, и голосъ у нея началъ спадать, я воевалъ, чтобы она воздерживалась отъ пѣнія, пока не сформировался настоящій ея голосъ, тембръ коего предвѣщалъ быть меццо-сопрано съ контральтовыми нотами, и вотъ почему я отказывался давать ей уроки въ пѣніи, что̀ огорчало ее. Въ Знаменскомъ она перерыла весь мой оперный Флорентинскій архивъ и почти что самоучкою выучилась себѣ акомпанировать на фортепіано. Первоначальныя правила игры на этомъ инструментѣ ей преподавалъ нашъ О. А. Тридонъ, страстно любившій ее. Но важнѣе этихъ несущественныхъ отличительностей было, что въ ней преобладали религіозное направленіе и зрѣлый не по лѣтамъ умъ. Касательно перваго она съ десяти или одиннадцатилѣтняго возраста перестала по собственной своей волѣ ѣсть скоромное во весь великій постъ, а въ зимніе оба сочельника она ничего не брала въ ротъ до сумерокъ. Катехизическое ученіе она успѣшно усвоила себѣ подъ руководствомъ Тарускаго священника отца Михаила Февралева, а мать ея внушила ей привычку читать каждое утро вслухъ главу изъ Евангелія, и въ великопостное время ежедневное поученіе изъ извѣстнаго сочиненія Иннокентія на всю Четыредесятницу. А что̀ до прирожденной способности правильно су-

дить о всемъ что̀ она читала, это меня такъ поражало, что я иногда прибѣгалъ къ ея мнѣнію и совѣту.

Понятно теперь, какъ я гордился моимъ дитятей-жемчужиною, когда я ввелъ ее въ первый разъ въ нашъ Рязанскій кружекъ, гдѣ Анна моя, своею скромностію, не лишенной оживленія, свойственнаго шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, сразу привлекла всѣхъ къ себѣ. Новосильцовы и Вишневскіе были въ восхищеніи отъ нея...

Жена, дочь и я часто выѣзжали по вечерамъ, особенно въ театръ. Послѣднее, какъ новость, доставляло особенное удовольствіе нашей Анночкѣ, выросшей въ деревенской глуши. Митя, коему было тогда шесть лѣтъ, оставался подъ присмотромъ своей бабушки, рѣдко выѣзжавшей изъ дому.

Часто гостилъ у своего тестя Новосильцова князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій, пріѣзжавшій на короткое время по своимъ дѣламъ въ Россіи изъ Неаполя, гдѣ поселилась его жена по причинѣ здоровья *). Князь Вяземскій былъ внимательный и хорошій мужъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ выходило кое-когда у него на поверхность театральство, сильно когда-то развитое въ лейбъ-гусарскомъ полку, въ коемъ служилъ князь и въ главѣ коего стоялъ кн. Дмитрій Алексѣевичъ Щербатовъ. Вслѣдствіе-ли старой этой привычки, или отъ скуки монотонной жизни губернскаго города, онъ началъ возиться съ актрисами Рязанскаго Нѣмцовскаго театра, далеко собою непривлекательными; вмѣшивался въ ихъ закулисныя исторіи, давалъ имъ совѣты, угощалъ ихъ чаепитіемъ въ своемъ флигелѣ (бывшемъ при домѣ И. А. Колемина, занимаемомъ Новосильцовыми) и сдѣлался авторитетнымъ между ними лицомъ. Въ этой featureвознѣ ничего безнравственнаго, ни предосудительнаго, а еще менѣе скандальнаго не было, и князь Вяземскій не отличалъ ни одну изъ нихъ, какъ и слѣдовало степенному патрону Мельпоменовыхъ жрицъ; но смѣшно было смотрѣть со стороны на подобное пропровожденіе времени. На жаргонѣ театраловъ эти феи-новички прозывались «Миланчиками»; таковыми окрестилъ ихъ князь Николай Сергѣевичъ,

*) Не могу удержаться, чтобы не сообщить курьезный разсказъ князя Николая Сергѣевича о гигіенической изобрѣтательности, свойственной однимъ, какъ мнѣ сдается, Итальянцамъ. Мужъ и жена Вяземскіе провели одинъ лѣтній вечеръ на дачѣ у какой-то Неаполитанской титулованной дамы, а такъ какъ въ то время въ Неаполѣ свирѣпствовала холера, хозяйка придумала угощать своихъ гостей вмѣсто прохладительныхъ напитковъ стаканами согрѣтой воды съ распущенными въ ней сахаромъ и гумми-арабикомъ, дѣйствіе чего, по ея понятію, должно было *склеивать кишки* (coller les boyaux) и тѣмъ предупреждать поносъ или рвоту.

хотя ни одна изъ нихъ, какъ бы на зло, не отличалась красотою. Петръ Петровичъ хорошо понималъ всю безвинность этой возни своего зятя, и она даже, помнится мнѣ, забавляла его.

Въ число часто бывавшихъ въ Рязани лицъ я забылъ включить нѣкоего г. Гёнике, обрусѣлаго Нѣмца (кончившаго курсъ въ Московскомъ университетѣ между 1812 и 1820 годами), богатаго капиталиста. Ему принадлежала въ Спасскомъ уѣздѣ зеркальная фабрика, славившаяся въ Москвѣ *). Онъ былъ, какъ видно, хорошій вообще человѣкъ, потому что нескупо снабжалъ деньгами своихъ соотечественниковъ, молодыхъ провизоровъ, желавшихъ открыть аптеки по Великороссійскимъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, каковыхъ оказалось немало. Какъ образованный и денежный человѣкъ, онъ былъ вхожъ у многихъ, въ томъ числѣ и у Новосильцовыхъ. Пожилой, но несовсѣмъ еще старый этотъ холостякъ останавливался постоянно у Рязанскаго аптекаря Зейца, имѣвшаго свой собственный домъ на Астраханской улицѣ, и въ послѣднюю бытность свою въ Рязани (умеръ въ 1854 году), онъ, уѣзжая куда-то ненадолго, просилъ г. Зейца взять на сохраненіе 12 тысячъ рублей ему тогда ненужныхъ, но съ которыми онъ не желалъ пускаться въ дорогу. Когда же вскорѣ послѣ сего онъ внезапно умеръ, г. Зейцъ, справившись, кто и гдѣ были наслѣдники г. Гёнике, извѣстилъ ихъ о находившейся у него суммѣ, каковую онъ считалъ долгомъ передать кому слѣдовало. Никакого на эти деньги документа у наслѣдниковъ не было, и г. Зейцу легко было ихъ присвоить; и хотя его поступокъ дѣлаетъ ему честь, но прискорбно то, что нравственный общественный уровень настолько, повидимому, былъ низокъ, что отрицательная даже добродѣтель (неприсвоиваніе чужой собственности) ставилась въ подвигъ!

Нельзя также обойти молчаніемъ восмидесятилѣтняго врача, какъ обозначали года г-на Гернета коротко знавшіе его люди, феноменально сохранившагося въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ. Онъ давнымъ давно былъ въ отставкѣ съ пенсіею и бросилъ всю практику кромѣ въ гимназіи, гдѣ его держали годовымъ врачемъ, но не отказывался бывать на консиліумахъ. Особенно любилъ онъ садоводство или правильнѣе, фруктоводство, и выдержка воздушныхъ фруктовыхъ его деревьевъ была, какъ сказывали мнѣ, образцовою. Но особенно замѣчательное, да и наврядъ ли слыханное, было въ немъ то, что въ 1855 году, когда я познакомился съ нимъ, онъ не иначе помнилъ Москву какъ чѣмъ она была въ тотъ годъ, когда онъ былъ въ ней въ

*) По смерти г. Гёнике, зеркальная фабрика перешла къ г. Смольянинову.

послѣдній разъ; а это было въ 1811 году! И, замѣтьте, въ этотъ промежутокъ времени онъ разъ съѣздилъ только на свою родину, въ Курляндію. Когда именно онъ померъ, и видѣлъ-ли онъ наконецъ, послѣ окончательнаго моего выѣзда изъ Рязани въ 1856 году, возобновленную изъ пепелища Москву, не знаю.

Въ концѣ Декабря, г-жа Колчина и я повторили въ домѣ Новосильцовыхъ нашъ дуэтъ на сценѣ изъ оперы «Любовный Напитокъ»; но по какому случаю было это повтореніе, не помню. Какъ въ первый, такъ и во второй разъ, талантливая моя подруга была восхитительна въ кокетной роли Адины, и пѣніе ея было артистическое. Это было также и финаломъ моихъ дилетантскихъ подвиговъ, какъ опернаго и концертнаго пѣвца. Занятому службою по слѣдственной части исключительно, вплоть до 1862 года мнѣ не предстояло болѣе случаевъ пѣвать; да и голосъ мой въ эти послѣднія восемь лѣтъ постепенно спадалъ, оставивъ въ мое распоряженіе однѣ лишь низкія кое-какія октавныя ноты (въ родѣ протодіаконскихъ), съ коими я однакоже управляюсь по сей день на клиросѣ, по дьячковски.

ПИСЬМА ЯКОВА ИВАНОВИЧА БУЛГАКОВА

изъ Москвы въ Неаполь къ старшему сыну его Александру Яковлевичу [1]).

1805-й годъ.

Москва, 12 Генваря 1805.

Сожалѣю о вашей худой погодѣ, а еще больше о ненасытномъ любопытствѣ къ Везувію. Пора бы, кажется, удовольствоваться и не подвергать себя больше опасностямъ и гибели, отъ которыхъ не умножается ни наше счастіе, ни польза, ни слава. Ежели бы абатовъ камень на тебя упалъ, что̀ бы ты выигралъ? Благодарю почтовому дню, который тебя спасъ. Довольно, кажется, для насъ и той бѣды, что мы отъ старости умираемъ, какъ Скавронская. Дай Богъ, чтобы сіе застало еще ее въ живыхъ. Она мнѣ духовная сестра, ибо матушка ея меня крестила. Я думаю въ самомъ дѣлѣ, что вы, и особливо ты, много потеряешь. Въ чужой землѣ великій кладъ имѣть одноземца, къ которому съ довѣренностью можно прибѣгнуть. Княгиня Настасья Васильевна Долгорукова [2]) скончалась; съ нею затворился домъ, единственный въ Москвѣ, въ который стекались ежедневно всѣ пожилыя, а съ ними и молодыя барыни. Князь Василій Васильевичъ, кажется, поѣхалъ уже похоронить ее въ деревнѣ по Смоленской дорогѣ [3]). Онъ, сказываютъ, купилъ для сестры, княжны Ѳедосьи Васильевны [4]), домъ Плещеева въ Басманной.

Ба̀ламъ нѣтъ конца, и не понимаю, какъ могутъ выдерживать. Ежели сіе сумашествіе продолжится всю зиму, то всѣ переколѣютъ, и къ будущей нуженъ рекрутскій наборъ танцовщицъ. Тучковъ, который, однако, все полковникъ, а не генералъ, какъ я, кажется, писалъ по ложнымъ слухамъ, на сихъ дняхъ женится на дочери Нарышкина, племянницѣ Кат. Ал. Пушкиной, бывшей безполезно замужемъ за Ласун-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпуски 3-й и 4-й.

[2]) Вдова, князя Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго, урожд. Волынская.

[3]) Рузскаго уѣзда, въ селѣ Полуектовѣ, принадлежащемъ нынѣ ея правнуку, князю Димитрію Николаевичу Долгорукову.

[4]) Это славная впослѣдствіи игуменья Спасо-Бородигскаго монастыря Марія.

скимъ. На сихъ дняхъ какой-то Рахмановъ, фигуры Фастовой, гвардейскій офицеръ, увезъ у бабушки Телепневой внучку и обвѣнчался. Говорятъ, да и вѣрить должно, что богата; ибо увозятъ деньги, а не дѣвку, коихъ такъ много. Припишу нравоученіе, которое вчерась, читая книгу, нашелъ; оно мнѣ сильно полюбилось, ибо истинно: «Il n'y a de durable que la vertu. La beauté du corps passe vite, la fortune inspire de vains désirs, la grandeur fatigue, la réputation est inconstante, le talent et le génie même s'affaiblissent; mais la vertu est toujours belle, toujours égale et toujours forte, parce qu'elle est résignée à tous les évènements, aux privations, comme aux puissances, à la mort, comme à la vie». Все сіе доказалъ бы я многими примѣрами, на моихъ глазахъ случившимися, но надѣюсь, что ты и безъ примѣровъ мнѣ повѣришь. Я черезъ все въ свѣтѣ прошелъ и потому-то и почитаю сіе истиною. Ты также въ томъ увѣришься, ежели большой и мелочные Везувіи допустятъ тебя дожить до моихъ лѣтъ.

*

Москва, 19 Генваря 1805.

Москва, которой нечему печалиться, выдумала, что не только вся Италія на томъ свѣтѣ отъ желтой лихорадки, но что уже появилась оная въ Вильнѣ и, вѣроятно, что чрезъ недѣлю будетъ въ Москвѣ на балахъ. Трудно понять, до чего доходятъ пустословіе и безразсудокъ.— По словамъ Фаста, Татищевъ ѣхалъ сюда къ 6 Декабря, ѣхалъ къ Рождеству, а теперь фамилія его говоритъ, что ѣдетъ уже въ Неаполь. Сіе быть можетъ и правда, ибо канцлеръ здѣсь, но не въ Петербургѣ, и туда совсѣмъ не поѣдетъ; а тамъ, можетъ быть, кто примѣтитъ, что Татищевъ, получая полное жалованье по своему посту, живетъ попусту въ Петербургѣ. Онъ, говорятъ, поѣдетъ чрезъ Москву, и я его увижу.—Слава Богу, что хуже чего не случилось съ тобою! Но сіе тебѣ наука; видно, что кому Богъ не опредѣлилъ быть изжарену въ лавѣ или раздавлену камнемъ, тотъ кончитъ бѣду шляпою; хуже бы было, ежели бы дошло до головы. Фастъ, конечно, волочится, но не знаю за кѣмъ, ибо у меня рѣдко бываетъ, рѣдко бываетъ дома, а по должности не можетъ безвыходно сидѣть, по крайней мѣрѣ меня въ томъ не увѣритъ; щеголяетъ убранствомъ, экипажемъ и пр.; сего не дѣлается безъ волокитства. Госпожи Скотницкой я не знаю, хотя она, кажется, и не изъ фамиліи Тараса Скотинина. Конарскихъ я зналъ, а именно полковника артиллеріи; но они графы только въ Италіи. Размышленіе твое о вашемъ со мною положеніи, о примѣрахъ противнаго въ Неаполѣ для меня пріятно. Исторія о прыгающихъ князькахъ, о ихъ отцахъ и гувернерахъ смѣшна и нравоучительна. Ты видѣлъ или слышалъ о славныхъ часахъ Странкера, которые разыграны въ лотерею въ 60.000 р. Но

знаешь ли, кто ихъ выигралъ? Не я однако, а одна бѣдная вдова церкви Св. Петра, вашего училища, пасторша Герольдъ. Теперь она ихъ продаетъ съ аукціона и, вѣроятно, получитъ тысячъ 30. Видно, что человѣкъ добрый, когда Богъ ее такъ щедро наградилъ. Можетъ быть, ты ее знаешь. Карнѣевъ и Лубяновскій при хорошихъ мѣстахъ и въ чести у министра внутреннихъ дѣлъ. Лубяновскій сочинилъ книгу: «Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи»; прислалъ ко мнѣ проспектъ и проситъ, чтобы я собралъ подписку. Книгу хвалятъ; онъ описываетъ, и хорошо, все, что̀ видѣлъ и примѣтилъ, ѣздя съ княгинею Лобановой. Аристархъ по сю пору шатается безъ мѣста въ Петербургѣ и, кажется, никогда онаго не сыщетъ; меня проситъ за него вступиться, но еще болѣе проситъ помочь деньгами. Люди до того дошли, что почти все ихъ счастіе зависитъ отъ денегъ; по крайней мѣрѣ, безъ нихъ скучно, трудно и невозможно жить, какъ бы кто ни доволенъ былъ своимъ внутреннимъ состояніемъ, т.-е. непорочною совѣстью, безъ которой, однако, злополучнѣе и несноснѣе еще жить нежели безъ денегъ: сіи когда-нибудь придутъ, а она рѣдко возвратиться можетъ, ежели однажды съ нею разстанешься.

*

Москва, 30 Генваря 1805.

Къ намъ пріѣхалъ новый оберъ - полицмейстеръ Балашовъ, генералъ-маіоръ, бывшій военнымъ губернаторомъ въ Ревелѣ. Вчерась ко мнѣ пріѣзжалъ съ визитою. Татищевъ точно ѣдетъ въ Неаполь. Князь Ив. Серг. Гагаринъ сказывалъ мнѣ, что канцлеръ Воронцовъ отправлялъ съ нимъ назначеннаго туда дворяниномъ посольства сына его князя Сергія; но онъ отвѣчалъ, что никогда того не сдѣлаетъ, и князь Сергій скоро ѣдетъ въ Петербургъ. Князь Чарторижской и товарищъ министра морскихъ силъ Чичаговъ сдѣланы сенаторами. Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ посаженъ въ Совѣтъ. Всѣ министры, кромѣ канцлера, выходили произвожденіе своимъ подчиненнымъ, а вашъ о томъ не подумалъ, или не хотѣлъ думать.

*

Москва, 6 Февраля 1805.

Мнѣніе твое о Ванѣ *) разсудительно. Онъ теперь въ Петербургѣ, и вѣроятно что поѣдетъ въ Китай, куда отправляется посольство. Посломъ назначенъ оберъ-церемоніймейстеръ графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, женатый на дочери Льва Александр. Нарышкина. Прочія обстоятельства мнѣ неизвѣстны, развѣ братъ привезетъ. Въ 20 или 30 лѣтъ и я бы поѣхалъ, но теперь поздно, а вояжъ наилюбопытнѣй-

*) О графѣ И. А. Мусинѣ-Пушкинѣ.

ній въ свѣтѣ. Сожалѣю о потерѣ графини Скавронской, сколь она ни стара была. Теперь никого здѣсь нѣтъ, чрезъ кого бы я могъ гр. Литтѣ сдѣлать внушеніе о людяхъ; а съ нею, какъ почти и со всѣми, кончилъ я переписку ни къ чему не ведущую. Благодарю тебя за довѣренность о волокитствѣ; но думаю, что легче привязаться нежели отвязаться отъ Итальянки: тутъ нужна осторожность. Женщина оставленная ничего не щадитъ и ничего не прощаетъ; а у васъ лазарони за червонецъ готовъ сбыть съ рукъ и своего родного брата. И то правда, что состояніе холостого есть наипріятнѣйшее; но нужно, чтобы не всѣ то знали, ибо инаково родъ человѣческій переведется, или останутся одни только лазарони; а и безъ того уже много пропадаетъ людей отъ войны, отъ моря, отъ язвы, отъ желтой лихорадки. Не зная нрава твоей дульцинеи, не умѣю написать и отвѣта на сдѣланный ею вопросъ; но могу тебя увѣрить, что здѣшнія красавицы ни одна отъ того не зачахнетъ, а замужъ идутъ скоро.

*

Москва, 13 Февраля 1805.

8-го сего мѣсяца былъ я обрадованъ пріѣздомъ твоего брата, который отпущенъ на два мѣсяца и можетъ со мною прожить до 25 Марта. Теперь остается мнѣ желать, чтобы и ты когда-нибудь пріѣхалъ, но не зимою, а лѣтомъ. О семъ надобно подумать, но не прежде, какъ прибудетъ къ вамъ Татищевъ, котораго сюда ежедневно ожидаютъ. Въ Сенатѣ прибавлено два новые департамента для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ. Вышелъ указъ о Жидахъ, какъ ихъ трактовать. Графъ Панинъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ. Я задумалъ къ дому пристроить столовую на пустомъ мѣстѣ, между воротъ и стѣною, и уже матеріалы возятъ. Лѣтомъ строеніе кончится.

*

Москва, 13 Марта 1805.

Нѣсколько разъ видѣлся я съ канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, который самъ о тебѣ неоднократно отзывался, хваля, и очень много, все то, чтò ты писалъ во время болѣзни Карпова. Но сіе да не возгордитъ тебя. Обѣщался мнѣ о васъ обоихъ писать къ князю Чарторижскому. Татищевъ здѣсь, сбираясь всякой день отъѣхать въ Вѣну, откуда въ Маѣ отправится на кораблѣ въ Неаполь. Я тебя ему рекомендовалъ; онъ тоже повторилъ о тебѣ, чтò и канцлеръ, обѣщалъ не оставить, обѣщалъ отправить тебя куріеромъ въ Петербургъ или въ Вѣну; оттуда чаще случаи въ Петербургъ. Итакъ, я надѣюсь и тебя обнять здѣсь, можетъ быть, еще въ наступающее лѣто. Съ нимъ ѣдутъ двое; но канцлеръ меня увѣрялъ, что изъ нихъ одинъ, Полетика, повож-

нѣе, а другой моложе тебя знаніемъ. Я съ нимъ переговорилъ о всемъ, чтò только можетъ касаться до вашего будущаго блага. Увидимъ, сдѣлаютъ ли чтò въ Петербургѣ. Сверхъ Нѣмецкаго театра, который поселился подлѣ меня у Демидова, всякой день концерты, панорамы, кабинеты куколъ и пр. Мàра уже здѣсь пѣла, но я не слыхалъ за худою дорогой. На саняхъ уже нельзя ѣздить, и улицы колятъ.

*

Москва, 30 Марта 1805.

Боюсь, читая газеты, не постигло ли тебя какое несчастіе во время бурь и наводненій, въ кои, говорятъ, погибло у васъ съ 800 человѣкъ. Газетамъ никогда я не вѣрилъ и вѣрить нельзя; но мое къ тебѣ чувствованіе нѣсколько тревожится. Ежели ты боленъ, пострадалъ и помочь нельзя, то жду однакоже съ нетерпѣливостію о тебѣ извѣстія. Вчерась отпустилъ я брата въ Петербургъ, и поплакали. Просилъ, кого могъ, объ васъ. И мнѣ хочется, чтобы ты перешелъ въ Вѣну; въ Неаполѣ ожидать добра не можно. Сколько тебя ни хвалили за отправленіе должности повѣреннаго въ дѣлахъ, можетъ быть, сіе на словахъ и кончится; но тебѣ дѣлаетъ великую честь и служитъ лѣстницею для будущаго. Не огорчайся, ежели ничего не сдѣлаютъ: заслуга никогда не пропадетъ, и тѣ, кои жалуются, сами виноваты, ибо думаютъ, что за десять должно ихъ награждать въ сотеро. Чему быть, того не миновать. Вѣрь мнѣ, что твое не пропадетъ; но, будучи молодъ и слѣдовательно горячъ и нетерпѣливъ, терпи и ожидай. По желанію твоему отправилъ я къ тебѣ съ братомъ не полотна, но все готовое, а именно: 12 рубашекъ Голандскихъ верхнихъ, 6 рубашекъ ночныхъ, 5 простынь, 6 наволочекъ, 7 полотенцовъ, чулковъ 6 паръ № 60, чулковъ 12 паръ № 64, чулковъ 3 пары № 65. Сего тебѣ на долго станетъ. Впрочемъ надѣюсь, что въ письмахъ, дошедшихъ до тебя послѣ отъѣзда брата изъ Вѣны, ты уже получилъ вексель на 500 р. за твои прекрасные виды; а брату я еще далъ 500 р. для пересылки къ тебѣ, дабы васъ сравнить, ибо ему здѣсь нѣчто досталось больше тебя. Желаю я тебя избавить отъ Неаполя, гдѣ нечего тебѣ лучшаго ожидать; а я старъ, дряхлъ и хотѣлъ бы имѣть при себѣ котораго нибудь изъ васъ даже и для вашей пользы. Глаза мои, кои мнѣ столь вѣрно служили 60 лѣтъ безъ очковъ, начинаютъ худо видѣть, рука ослабѣла, голова также ненадежна. Какъ же мнѣ не желать имѣть при себѣ человѣка, на котораго положиться могу? А гдѣ его найти кромѣ одного изъ васъ?

*

Москва, 6 Апрѣля 1805.

Васильчиковъ столь нерадиво исполнилъ порученіе брата, что мой пакетъ къ нему возвратилъ сюда вмѣсто того, чтобы къ тебѣ послать; а можетъ быть и твой также къ тебѣ назадъ отправилъ. Братъ съ княземъ Григоріемъ Ивановичемъ Гагаринымъ долженъ быть въ Петербургѣ 2-го сего мѣсяца; ожидаю отъ него съ будущею почтою извѣстія. Просилъ, кого могъ, чтобы тамъ его не задержали. Долго тебѣ быть въ Неаполѣ не авантажно, а при новомъ командирѣ, можетъ быть, будетъ и не такъ хорошо. По сей причинѣ лучше бы перейти въ Вѣну или въ другое какое мѣсто, о чемъ я и посла предупредилъ, ибо безъ его соизволенія учинить того нельзя; а Татищева просилъ отправить тебя курьеромъ ежели не въ Петербургъ, то хотя въ Вѣну, что̀ онъ и обѣщалъ. Изъ Петербурга отпросись сюда мѣсяца на два, какъ сдѣлалъ братъ, ежели не отпустятъ на большее время. Поживемъ вмѣстѣ, а мнѣ ѣхать въ Вѣну трудно: я начинаю быть старъ, дряхлъ и часто боленъ. Въ дорогѣ, которыя у васъ не совсѣмъ чисты, нужно брать всѣ предосторожности, чтобы до Вѣны проѣхать цѣлу. Сіе все говорится въ запасъ; но ты такъ далеко, что заранѣе лучше все сказать.

*

Москва, 1 Мая 1805.

У насъ, слава Богу, начались дни хорошіе; уже пятый день можно работать въ саду, и я почти изъ него не выхожу: чищу, сажаю цвѣты и огородныя зелья; а когда сіе кончится, примусь за приведеніе въ порядокъ библіотеки. Сегодня у насъ гулянье на Нѣмецкихъ станахъ. У Надежды Алексѣевны Баженовой были двѣ племянницы, кои послѣ васъ уже пріѣхали изъ Петербурга, по фамиліи Козловы; ихъ одинъ братъ въ Цареградѣ, а другой въ Копенгагенѣ. Одна изъ нихъ вышла за коллежскаго вашего ассесора Лопова и поѣхала въ Петербургъ; другая—за архивскаго коммисара Почайнова, на сихъ дняхъ, и вчерась молодые у меня обѣдали. Сверхъ свадьбы Тучкова на Нарышкиной и множества другихъ была свадьба Соловаго кривоногаго съ дочерью Алекс. Иван. Левашова. Но не урѣжаютъ также и похороны: третьяго дни умеръ послѣ короткой болѣзни Петръ Володимеровичъ Лопухинъ. Сіе преисполняетъ горести бѣднаго Тургенева, которому стало, было, легче. Сынъ его Александръ живетъ еще въ Петербургѣ, ожидая ежедневно указа о переведеніи его въ команду Новосильцова и о чинѣ.

*

Москва, 25 Мая 1805.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ кн. Чарторижскаго, съ котораго прилагаю копію. Я зачалъ пристройку въ домѣ, которая будетъ хороша, даже и потому, чтобы послѣ меня никто его и не нанялъ бы безъ столовой; а теперь все будетъ въ порядкѣ. Въ Нескучномъ, у Калужскихъ воротъ, товарищъ Гарнереня Александръ спустилъ шаръ, а поднявшись очень высоко, отрѣзалъ веревку и спустился благополучно на Дѣвичьемъ полѣ, но попалъ въ прудъ. Все сіе было хорошо, удачно и прекрасно. Подлѣ меня, въ саду Демидова, Нѣмецкій актеръ (безподобный), играющій на его театрѣ, даетъ гулянье, иллюминацію, фейерверкъ и балъ по Воскресеньямъ. Фасть плаваетъ въ удовольствіяхъ, какъ по маслу; но какъ у меня ихъ нѣтъ, то я рѣдко его вижу. Влюбленъ по уши и ежели одурачится, то будетъ по колѣни въ грязи отъ слезъ. Въ Петербургѣ умеръ горячкою Ст. Ал. Колычевъ, который былъ вице-канцлеромъ, посломъ въ Вѣнѣ и назначался, сказываютъ, посломъ въ Англію. Князь Сергѣй Гагаринъ къ вамъ не поѣдетъ; онъ сдѣланъ директоромъ училища строенія кораблей при Адмиралтействѣ въ Петербургѣ. У Ивана Ивановича Демидова дочь ушла было съ какимъ-то учителемъ Французомъ; но перехватили письмо и, открывъ намѣреніе, не допустили до исполненія; впрочемъ обстоятельствъ я не знаю еще. У князя Трубецкаго, мѣнялы, умерла жена въ родахъ, Француженка, жившая при васъ у князя Масальскаго.

*

Письмо князя Чарторижскаго къ Я. И. Булгакову.

Копія.

S-t Pétersbourg, ce 12 May 1805.

La lettre que v. e. m'a fait parvenir lors du retour de Moscou de son fils, m'a été exactement remise par lui-même, et conformement à ses voeux il a été réexpédié quelque temps après à son poste. Il m'a été très agréable d'avoir pu avant son départ faire quelque chose de conforme au désir que votre excellence m'a exprimé dans sa lettre, le témoignage favorable que m-r l'ambassadeur comte de Razoumowsky donne au zèle et à la conduite de votre fils, m'ayant fourni le moyen de lui obtenir des appointements annuels de 600 r. et, pour ne pas décourager son frère aîné à Naples, au sujet duquel m-r de Karpow s'est expliqué à diverses reprises de la manière la plus avantageuse, il lui a été ajouté aux 400 r. qu'il reçoit, encore 200 r. En vous informant, monsieur, je vous prie d'être persuadé, que je m'empresse-

rai dans toutes les occasions de vous donner des preuves réitérées des sentiments de la considération la plus distinguée avec laquelle etc. [1]).

*

Москва, 1 Іюня 1805.

Я получилъ обѣщаніе отъ канцлера и отъ Татищева увидѣть тебя здѣсь. Послѣдній хотѣлъ отправить тебя первымъ курьеромъ хотя до Вѣны; а тамъ братъ постарается, чтобы перваго тебя послали на Русь. Въ Петербургѣ ты выпросишься ко мнѣ на два мѣсяца. Болѣе, кажется, не нужно, ибо здѣсь избалуешься; да, кажется, безъ вычета жалованья и не отпустятъ; но сіе—самая бездѣлица. Братъ тебя наставитъ всему что̀ тебѣ въ Петербургѣ исполнить должно; ибо отъ меня все было ему предписано, а вы оба въ одномъ положеніи. Ежели бы на дорогу въ Москву не было у тебя денегъ, попроси у Ивана Алексѣевича [2]). Признаюсь тебѣ, что лучше бы желалъ тебя имѣть здѣсь лѣтомъ; но сіе, кажется, уже невозможно, ибо лѣто кончится у насъ съ Августомъ. Воля Божія! Восклицанія твои меня насмѣшили, равно какъ и княгиню [3]). Una donna non é moi abandonnata, не только въ Италіи, но и вездѣ; но не вездѣ онѣ въ томъ признаются, какъ твоя Итальянка. Passe pour l'amitié! Когда она для тебя добра, то я почитаю ее за героиню, достойную всякаго блага и даже поэмы Гомеровой, хотя и нѣтъ теперь Гомеровъ. Ты можешь ей сказать что̀ хочешь отъ меня. Не зная ея характера, мудрено и сказать ей что̀ пріятнаго, а для того и пишу сіе по-русски. Пиши ко мнѣ всякій вздоръ, но пиши только правду: я очень буду доволенъ. Правду говоришь, что пустыя переписки въ тягость, и я самъ радъ, что Пушкина не отвѣчала. У нихъ все больно, и затѣмъ еще въ деревню не поѣхали. У Хованскихъ все въ запутанности. Розины не играли. Купили домъ, отдѣлываютъ, въ деревню не ѣдутъ.—Банкиры дерутъ немилосердно. Я положилъ пересылать самъ вексели въ Вѣну; брату на то̀ далъ 2000 р., изъ коихъ онъ, какъ пишетъ, половину къ тебѣ отправляетъ. Къ нему сегодня пошлю я разсчетъ, что̀ вы отъ меня получать можете помѣсячно. Тебѣ прибавлено жалованье, а ему дано равное съ тобою. Я же поставляю васъ на равные вѣсы. Ежели у меня будетъ больше (чего, кажется, не откуда ожидать), то будетъ больше и у васъ; а между тѣмъ будьте скромны въ расходахъ и ради Бога долговъ не дѣлайте. Ежели бы на мнѣ оныхъ

[1]) Эти любезности князя Адама, который тогда управлялъ у насъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, объясняются, кромѣ личныхъ достоинствъ обоихъ братьевъ Булгаковыхъ, и знакомствомъ его съ ихъ отцомъ: князь Чарторижскій близко долженъ былъ знать Якова Ивановича, бывая у своего родителя въ Вильнѣ, князя Н. В. Репнина.

[2]) Сенатора Алексѣева.

[3]) Голицыну, племянницу Я. И. Булгакова.

не было, было бы и мнѣ спокойнѣе, и вамъ лучше. Надобно по одежкѣ ножки протягать, инаково можно ихъ отморозить.—Вчерась обѣдалъ у новобрачнаго Тучкова съ Беклешовымъ и пр. Онъ хочетъ перейти въ армію и въ полкъ, стоящій въ Вильнѣ.

*

Москва, 5 Іюня 1805.

Сколько ни желаю я тебя обнять, но недурно бы нѣсколько пожить съ Татищевымъ, дабы онъ къ тебѣ привыкъ и ты его узналъ. Домъ мой начали уже крыть желѣзомъ, и кажется, что успѣемъ его окончить совсѣмъ, т.-е. и убрать, до Сентября. Удивительно, что Беккеръ не знаетъ по-русски; пора бы научиться; а я тебя похваляю, что ты исполнилъ его просьбу. И ему и Жамесу при случаѣ кланяйся. Катакомбы по-русски называются пещерами; мы имѣемъ ихъ въ Кіевѣ. Римскія служили первымъ христіанамъ для отправленія службъ, а Неаполитанскія, вѣроятно, для кладбища или жилья и спасенія во время непріятельскихъ нападеній, кои столь часто случались въ семъ несчастномъ королевствѣ. Похваляю твою скромность по случаю отзыва о тебѣ канцлера Воронцова. Ему, кажется, не было нужды мнѣ льстить, и онъ неоднократно сіе повторялъ и увѣрялъ, что Татищеву тебя сильно рекомендовалъ. Аршеневскій съ Татищевымъ не поѣхалъ, а не знаю кто-то другой; Полетику*) же канцлеръ мнѣ хвалилъ. Всѣ разъѣхались по деревнямъ, кромѣ Пушкиныхъ, у коихъ почти всѣ дѣти больны, и кромѣ Хованскихъ, кои живутъ здѣсь, ибо отстраиваютъ домъ, купленный у Остолыпина на Знаменкѣ; хотятъ найтить гдѣ-нибудь загородный подъ Москвою, но все не нанимается. Поздравляю, что Везувій успокоился, а ты остался цѣлъ. Впрочемъ, пуганая ворона и куста боится. Счастливъ, что не болѣе шляпы любопытство стоило. Почто Богъ къ вамъ Лассія занесъ? Приключеніе Щербатова всѣмъ странно. Я боюсь, чтобы не было приказано Татищеву выѣхать изъ Неаполя. Глупый отвѣтъ, о коемъ братъ ко мнѣ пишетъ, то заслуживаетъ. Одна почти Россія охраняла ихъ отъ всѣхъ бѣдъ; а они, вмѣсто благодарности, такую грубость и непристойность сдѣлали. Вотъ чему люди бываютъ подвержены! Брату далъ я комиссію негоцировать у Демидова или у нея о землѣ, принадлежащей къ моему саду; жаль, ежели онъ опоздаетъ ее тебѣ передать, ибо Демидовы у васъ. Описаніе чуда св. Януарія не такъ громко, какъ Везувій, но смѣшно. Я читалъ его у Пушкиныхъ; всѣ хохотали. Отвѣтъ твой Французу о музыкѣ въ церкви прекрасный; но полно, ты ли его выдумалъ? Впрочемъ, благодарю тебя за

---

*) Петръ Ивановичъ Полетика (1778—1849), впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Сѣверной Америкѣ. Его Воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885, III, 305.

всѣ твои разсказы: они и меня, и нашихъ пріятелей веселятъ. Пушкина опять сбирается вступить съ тобою въ переписку; но не бойся: сія туча такъ же пройдетъ, какъ и прежнія. Ждутъ изъ Подоліи княгиню Трубецкую, вдову послѣ сына князя Николая Никитича, и съ нею поѣдутъ въ Костромскую губернію, а изъ Петербурга графа Васильева, который отпущенъ на три мѣсяца, и также поѣдетъ въ деревню за Троицею.

*

Москва, 19 Іюня 1805.

2-го Мая было производство выслужившимъ законное время въ чинахъ, а именно: въ статскіе совѣтники 95 человѣкъ, а въ коллежскіе 61. Изъ знакомыхъ нашихъ въ числѣ первыхъ нашелъ я Алекс. Ѳед. Малиновскаго, Александра Пинія, Убрія, Виленскихъ: Нечаева и Махвица; а въ числѣ вторыхъ: Христіана Менша, вѣдомства водяныхъ комуникацій, но невѣренъ: городничій ли то Виленскій, который былъ уже совѣтникомъ въ Гроднѣ, или какой другой. Полицмейстеръ Ивашкинъ женился на богатой Шереметевой*), которая развелась съ мужемъ Ѳедоромъ Александровичемъ, а сей прострѣлилъ себѣ глазъ на охотѣ; по сему анекдоту, можетъ быть, и ты его узнаешь: онъ братъ Якову Александровичу, у котораго домъ на Никитской я торговалъ. Въ Субботу, 10-го, обѣдалъ я у князя Сергѣя Ивановича; княгиня меня проводила; а лишь успѣлъ я пріѣхать домой, скачетъ лакей съ извѣстіемъ, что она благополучно родила сына Сергѣя. Слава Богу, ибо была долго и очень грузна, а еще все ходила, и даже долго были мы въ саду. A propos: мать Зиновьева умилостивилась, позволила имъ сдѣлать палатку и пользоваться ея садомъ, который очень великъ, но запущенъ. 11-го ректоръ Чеботаревъ привезъ ко мнѣ дипломъ: «Императорскій Московскій Университетъ, уваживъ отличную любовь къ наукамъ и извѣстную ученому свѣту патріотическую ревность къ распространенію отечественнаго просвѣщенія, признаетъ чрезъ сіе достойнѣйшаго мужа Якова Ивановича Булгакова, дѣйств. т. совѣтн. и разныхъ орденовъ кавалера, почетнымъ своимъ членомъ». А какъ было Воскресенье, то онъ у меня и обѣдалъ; также Гильфердингъ, Біанки, Бечи, попъ Качинскій, Фастъ, Никласъ. 13-го обѣдали у меня Хованскіе и Нарышкины въ саду; послѣ были на Нѣмецкой оперѣ «Волшебная Цитра», на театрѣ Демидова, который нанялъ на годъ одинъ entrepreneur Steinberg, предивный актеръ; а теперь къ нему еще двое подъѣхали, также хорошіе. Послѣ спектакля Хованскіе ужинали у меня въ саду, рѣзвились. Фастова музыка играла.

---

*) Екатерина Сергѣевна, урожд. Власова.

Москва, 26 Іюня 1805.

Желаю, чтобы и вездѣ бури кораблей не топили, рѣки мостовъ не прорывали, каменья съ неба не падали и изъ горъ на воздухъ не поднимались; но чтò ни говори, чего ни желай, все идетъ своимъ чередомъ и для насъ не перемѣнится; отъ насъ иногда только то зависитъ, что мы себя въ движеніе привести можемъ, а отъ сей свободности движиться и ожидаю я, что ты себя приведешь скоро въ движеніе, и я тебя въ Москвѣ обойму. Можетъ быть, сіе уже теперь и исполняется, а по меньшей мѣрѣ то, что сіе письмо не пойдетъ въ Неаполь, а найдетъ тебя уже въ Вѣнѣ. Меня утѣшаетъ то, что ты разсудителенъ: съ терпѣніемъ до всего дойдешь, а нетерпѣніемъ и сущее потеряешь. Надѣюсь, что бѣлье дошло до тебя въ цѣлости. Умѣй только беречь свое, на людей не полагайся: ничего не оставятъ, смотри самъ, и даже совѣтую за своимъ замкомъ держать; по крайней мѣрѣ они, а особливо наемные, не станутъ его носить наравнѣ съ тобою. Я всю мою жизнь самъ такъ поступалъ и имѣлъ причину быть доволенъ. Съ пріѣзда въ Москву думалъ на старости сіе бремя съ себя сложить: ничего не осталось, часто кромѣ дыръ ничего не подаютъ, теряютъ, и никогда конца не сыщешь. Отъ пристройки явилась новая горница, которую должно убрать картинами или эстампами. Чтò касается до будущаго нашего быта, увидимъ по пріѣздѣ, чтò можно будетъ сдѣлать. Я становлюсь старъ, дряхлъ, брюзгливъ и пр., все меня оставляетъ: волосы, зубы, да даже и глаза. Ежели бы ты меня встрѣтилъ не въ Москвѣ, можетъ быть бы совсѣмъ не узналъ. Долго я держался, но въ послѣдніе три года сильно ослабѣлъ. Всему есть конецъ, мѣра и предѣлы; вѣчно жить нельзя, да и чтò за радость? Современники извелись, новыхъ друзей на старости никто не наживаетъ, ибо старику новаго знакомаго прельстить нечѣмъ, а въ обществѣ нужны забавные люди и пр. Муравская опять писала и хочетъ пріѣхать на Іюль и Августъ. Я ей все уладилъ; но въ Москвѣ почти никого нѣтъ, и она останется въ накладѣ.

*

Москва 3 Іюля 1805.

30-го Іюня была моя свадьба, да какая еще! Золотая. Ты сего не отгадаешь, и нужно тебѣ сіе объяснить. Университетъ праздновалъ свой юбилей, т. е. 50-й годъ отъ своего основанія. Когда онъ былъ учрежденъ, я былъ вписанъ самымъ первымъ и находился при церемоніи его открытія, а теперь такъ случилось, что кромѣ меня никого не было при торжествѣ. Множество рѣчей, музыка прекрасная, угощеніе и пр. Будущаго юбилея никто, кажется, изъ насъ, т. е. бывшихъ на торжествѣ, уже не дождется, исключая учениковъ.

У Ивана Петровича Салтыкова былъ параличъ; но, сказываютъ, оправляется. На сихъ дняхъ пріѣхали изъ Орла Самаринъ и она, и отправились на всегдашнее житье въ Брыково, куда и меня звали. Дочь ихъ Анна Петровна также туда изъ Петербурга ѣдетъ, а съ нею и наша Анна Петровна[1]) съ Николашею, какъ пишетъ; но послѣднему я немного вѣрю: дѣла своего не кончила и, кажется, не кончитъ.

Княжна Наталья [2]) прислала мнѣ письмецо: vous avez fait plus de cas de mes talents qu'ils ne le méritent. Recevez donc ma lire. Сія лира состоитъ въ прекрасной бронзовой штучкѣ величиною въ ладонь, представляющей лиру и служащей крючкомъ для вѣшанія часовъ. Я часто съ ними видаюсь, и всегда объ васъ говоримъ. Поѣдутъ въ деревню въ Рузу къ 26 Августа праздновать имянины. Меня сильно зовутъ; ежели бы ты подоспѣлъ, хорошо бы было.

*

Москва, 20 Іюля 1805.

Combette есть Швейцарецъ, женился здѣсь на Швейцаркѣ, поѣхалъ въ Швейцарію, но оттуда воротился сюда въ Сентябрѣ. И такъ присланное отъ тебя письмо Гагарина пролежитъ у меня до его пріѣзда. На сихъ дняхъ по долгой болѣзни умеръ князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ. Пріѣхали сюда Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій и графъ Головкинъ. Первый отпущенъ въ деревню на два мѣсяца, но пріѣхалъ сюда больной и лежитъ въ постели. Меня однако къ себѣ пустилъ; выѣдетъ, сколь скоро будетъ полегче ногамъ, кои у него распухли; а назадъ проѣдетъ изъ Кіева прямо въ Петербургъ и уже не чрезъ Москву. Графъ Головкинъ отправляется на сихъ дняхъ въ Китай. Свита его состоитъ въ 70-ти человѣкахъ, разумѣется, офицерскихъ чиновъ, коимъ данъ особый мундиръ; но женщинъ не велѣно съ собою брать, почему и жена его здѣсь остается. Вчерась неожиданно явился у меня Мартыновъ [3]), съ нимъ же ѣдущій. Ему дано по 3000 р. на годъ отъ Государя, да посолъ отъ себя даетъ по 1000. Онъ увѣряетъ, что оныя 3000 р. превратятся для него въ вѣчную пенсію и дастся ему мѣсто въ Академіи. Желаю, но не вѣрю. Катерина Любимовна пишетъ съ нимъ отъ 5-го, что ты ей обѣщаешь пріѣхать въ Петербургъ, что у нея будешь жить, что Ал. Вас. Приклонскій ѣдетъ сюда. Въ самомъ дѣлѣ сестрица его ждетъ, а сама на сихъ дняхъ

---

[1]) Колтовская, родственница Я. И. Булгакова, по кончинѣ его предъявившая права на его наслѣдство.

[2]) Хованская, впослѣдствіи супруга А. Я. Булгакова.

[3]) Въ 4-мъ выпускѣ Р. Архива сего года (стр. 523) онъ, по ошибкѣ, названъ двоюроднымъ братомъ молодыхъ Булгаковыхъ. Онъ былъ супругомъ ихъ тетки, ур. Имберъ.

ѣдетъ въ деревню, дабы тамъ окончить раздѣлъ.—У Архарова въ деревнѣ былъ праздникъ великолѣпный, т. е. ея рожденіе; оный заслуживаетъ быть описанъ. Я къ нимъ поѣхалъ 11-го. Село ихъ прекрасное, лежитъ на Москвѣ-рѣкѣ, близъ Звенигорода, въ 37 верстахъ отсюда. 12-го обѣдня, пѣвчіе свои прекрасные, по обѣднѣ въ домѣ хоръ, сочиненный нашимъ попомъ Качинскимъ, обѣдъ на сто человѣкъ. Фамилія Аполлона Андреевича Волкова, князя Якова Александровича Голицына, Корсаковы, Обрѣсковы, Самаринъ, множество молодежи обоего пола; по обѣдѣ карты; ввечеру Русская комедія «Честное слово», преславно игранная дочерьми и пр.; по театрѣ пошли въ садъ, прелестно илюминованный; на дорогѣ стоитъ избушка на курьей ножкѣ. Я сказалъ: избушка, стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ; избушка повернулась и пошла передъ нами, водила по всему саду, привела къ роговой музыкѣ и пропала. Тутъ появилась вѣтреная мельница, которая повела насъ далѣе, привела къ мѣсту, гдѣ пѣлъ хоръ пѣвцовъ преславно; сказавъ, что ей водить болѣе недосугъ, а пора хлѣбъ молоть къ ужину, насъ оставила. Пошли мы къ бесѣдкѣ на прудѣ. Тутъ представился пустынникъ преогромной фигуры, съ превеликою сѣдою бородой, ведомый подъ руки. Сей подалъ стихи хозяйкѣ и сказалъ, что онъ поднялся нарочно изъ пещеры, дабы ее поздравить. Это былъ Николай Петровичъ Архаровъ. Засѣли мы въ бесѣдкѣ; на прудѣ разъѣзжали шлюпки, пѣсенники, острова и берега прелестно илюминованы. Тутъ начали появляться разныя маски, и прекрасныя. Сіе продолжалось до полуночи. Пошли ужинать на пяти столахъ, разставленныхъ по аллеямъ. Послѣ ужина отправились въ домъ, гдѣ всѣ и все танцовало, даже сама хозяйка пропрыгала цѣлый Ecossaise. Я ушелъ, какъ уже стало свѣтло. 13-го собрались, обѣдали, карты; хозяинъ съ нѣсколькими гостями, какъ-то Самаринымъ и пр. поѣхали съ собаками. Молодежь забавлялась качелями, каруселемъ, горѣлками и пр. На лугу комедія La Glaneuse, дѣтьми преизрядно играная; вышли на дворъ; опять игры полевыя, бѣганье и пр. Съ ночью вошли въ домъ; балъ, всякія пляски: Цыганскія, Русскія и пр.; ужинъ; опять балъ со многими странными масками. Какъ начало свѣтать, многіе пустились въ дорогу, не спавши, какъ и я съ княземъ Сергѣемъ Ивановичемъ. Въ городъ мы пріѣхали въ 8 часовъ.—15-го ѣздилъ къ Трощинскому; обѣдалъ у князя Сергѣя Ивановича; княгиня въ первый разъ выѣхала; а сегодня въ Воскресенье будетъ у меня обѣдать въ саду. Признаюсь, что лучше праздника я не видывалъ. Двои сутки безпрерывно увеселенія лились какъ рѣкою безъ всякаго, кажется, пріуготовленія и безъ малѣйшаго принужденія. Всякій дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, а все шло порядочно, и за полчаса никто не зналъ, что̀

будетъ. Все такъ было хорошо, что ежели бы вздумали повторить, конечно уже такъ не удастся. Жаль, что ты не подоспѣлъ.

Контора Тамеса и Пономарева обанкрутѣла. По сю пору неизвѣстна еще сумма; но, судя по тѣмъ, кои уже предъявились и по ихъ остаткамъ, достается только по пяти на сто. Главные заимодавцы графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, графъ Алексѣй Семеновичъ Пушкинъ, князь Юрій Володимеровичъ Долгоруковъ, Павелъ Петровичъ Нарышкинъ; прочихъ не упомню, а мелкихъ и не знаю; но сказываютъ, у сихъ однихъ доходитъ до милліона. Сія язва пойдетъ и далѣе. Говорятъ, что Тамесъ въ Лондонѣ промоталъ тысячъ полтораста, а Пономаревъ здѣсь столько же проигралъ.

*

Москва, 31 Іюля 1805.

Иванъ Володимеровичъ Лопухинъ уволенъ отъ Крымской комиссіи, которая поручена тамошнему губернатору; онъ уже въ дорогѣ и останется здѣсь по прежнему въ Сенатѣ. Графиня Катерина Алекс. Пушкина съ тремя дочерьми поѣхала въ Кіевъ, сынъ Александръ съ аббатомъ отправился въ Ярославль къ отцу, а маленькія дѣти остались здѣсь. Она проѣздитъ мѣсяцъ. Ивана Петровича Архарова дочь сговорена за одного Кокушкина [1]), отставного маіора, довольно зажиточнаго. Ей Николай Петровичъ, дядя, даетъ проценты съ 50 тыс. р., т. е. по пяти тысячъ рублей на годъ въ приданое. Москва выдаетъ и другую дочь Марью за сенатскаго оберъ-прокурора Молчанова [2]); но они въ томъ не признаются, а чуть не правда-ли? Купеческая дочь Бородина вышла за какого-то князя Касаткина. Она одна у отца, а отецъ имѣетъ денегъ больше милліона.

*

Москва, 10 Августа 1805.

Весьма радъ, что Дмитрій Павловичъ [3]) обошелся съ тобою хорошо. Старайся ему угождать и снискать его къ себѣ уваженіе. Конечно и я того мнѣнія, что при немъ тебѣ нужно побыть нѣсколько времени, хотя и лишусь я чрезъ то удовольствія обнять тебя симъ лѣтомъ; но чтд дѣлать? *Можетъ быть и не одинъ Татищевъ причиною* не такъ скоро оставить Неаполь.—Нѣкто Блудовъ, бывшій съ вами въ архивѣ, потерялъ дядюшку, кажется, того страннаго поведеніемъ, чтд на По-

---

[1]) Извѣстный позднѣе директоръ Московскаго театра Өедоръ Өедоровичъ Кокошкинъ.

[2]) Яковъ Ивановичъ обмолвился: не за Молчанова, а за Постникова.

[3]) Татищевъ.

варской построилъ чудной домъ; но онъ оставилъ ему въ наслѣдство до 30 тыс. рублей—Иванъ Петровичъ Тургеневъ изъ Липецка воротился и, кажется, поправился; хотя немного; вчерась у меня былъ и со своимъ Александромъ, который не знаетъ еще самъ, долго-ли здѣсь проживетъ.

*

Москва, 21 Августа 1805.

Буду я жалѣть, ежели планъ сада и земли, которую я желаю имѣть отъ Демидова, не дошелъ до тебя прежде отъѣзда Демидова. На семъ болотѣ были деревья, но ихъ всѣ вырубили на дрова, такъ что осталась одна тина, отъ которой и окружности нездоровы. А я бы выкопалъ прудъ и осушилъ даже его садъ.—Работа дома моего остановилась: онъ внутри совсѣмъ, а снаружи большею частію оштукатуренъ. Пришлю къ тебѣ планъ, дабы дать понятіе, чтò я къ старому дому прибавилъ.—Въ Петербургѣ умеръ оберъ-шталмейстеръ графъ Николай Зубовъ.

*

Москва, 31 Августа 1805.

Изъ Петербурга получено извѣстіе, что изъ Неаполя пріѣхалъ курьеръ, привезъ новость, что тамъ было страшное землетрясеніе, погибло 12 тыс. человѣкъ, провалилось 5 тыс. домовъ, разрушился дворецъ, король ушелъ въ рубашкѣ и ночевалъ на полѣ. По тому одному уже ты догадаешься, что я не вѣрю никакимъ Московскимъ разсказамъ, когда симъ образомъ описываю новость; но признаюсь, что сердце у меня дрогнуло, ибо никто не прибавляетъ, что ты выскочилъ изъ-подъ земли, какъ слетѣлъ съ Везувія. Успокоился нѣсколько тѣмъ, что молчатъ о Татищевѣ и тѣмъ, что въ Петербургскихъ газетахъ напечатано: «24-го Іюля въ 2¼ часа пополуночи чувствуемо было въ сей столицѣ (Неаполѣ) сильное землетрясеніе, и хотя городскія зданія были повреждены, однакоже, благодаря Всевышнему, ни одинъ изъ великаго числа жителей не претерпѣлъ вреда».

Вчерась былъ большой обѣдъ у Беклешова. Сверхъ имянинъ Государя, онъ и самъ имянинникъ и получилъ отъ Императора подарокъ 30000 р. съ милостивымъ отзывомъ, что то не послѣдній, ежели онъ продолжитъ съ такою же ревностію и успѣхомъ свое служеніе. Другой имянинникъ оберъ-полиціймейстеръ, Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, получилъ орденъ Св. Анны 1-го класса. Говоря съ Беклешовымъ, сказалъ я, что имѣю извѣстіе о Неапольскомъ несчастіи, и онъ хотѣлъ конечно, не смотря на множество гостей, знать все и, посадя подлѣ себя, заставилъ меня читать твое описаніе.

Хорошее твое положеніе въ разсужденіи начальника не должно тебя ослѣплять и въ отношеніи къ сотоварищамъ, коихъ всегда и при всякомъ обстоятельствѣ надобно менажировать и даже въ бездѣлицахъ не раздражать. Ничего нѣтъ вреднѣе, какъ огорчить чье самолюбіе; сія обида никогда не забывается. Sat sapienti. Благодарю Всевышняго, что тебя спасъ отъ погибели. Нельзя было не испугаться столь страшнаго феномена; но хорошо, что ты имѣешь уже о немъ понятіе и вдругорядь меньше его бояться будешь, ибо страхъ ни въ одномъ случаѣ нашей жизни не бываетъ полезенъ. Меня однажды въ Цареградѣ сбросило съ постели, но, слава Богу, не устрашило. Въ Яссахъ случилось сильное трясеніе. Видѣлъ я самыхъ безстрашныхъ, самыхъ храбрыхъ противъ пушки внѣ себя и почти сумасшедшими; а я не въ похвалу и не въ хвастовство скажу, что просидѣлъ на стулѣ и, можетъ быть, одинъ не испужался, но отъ того, что имѣлъ уже опытность. Бѣда столь скоро дѣлается, что ежели прошла минута, а ты живъ, то прошла уже и бѣда, и остается тебѣ только разсудокъ, ежели оный сохраненъ, помышлять о спасеніи себя на случай другого удара, особливо ежели домъ угрожаетъ паденіемъ, ибо въ первомъ ударѣ бѣжать некуда и некогда; на улицѣ еще хуже: или строенія могутъ тебя задавить, или бѣгущіе безъ памяти тебя задушатъ. Долженъ однако я признаться въ томъ, что легче изъ Москвы давать совѣты, нежели имъ слѣдовать въ Неаполѣ. Но общее правило то, что у страха глаза велики: муха представляется слономъ и бездѣлица можетъ втащить въ истинную опасность. Слѣдуя сему, кто можетъ сохранить хладнокровіе, тотъ меньше подвергается опасности; но иногда сіе не отъ насъ зависитъ. Теперь легко о семъ говорить. Знаешь ли ты, отчего твой домъ уцѣлѣлъ? Отъ того, что въ одинъ и низкій этажъ. Въ физикѣ, какъ въ морали, чтò выше другихъ поднимается, больше подвержено паденію. И домы строить и вести себя такъ надлежитъ, чтобы сосѣда не давить и не угнетать, а напротивъ, поддерживать его, отчего и самъ крѣпко стоишь на ногахъ, ибо и онъ тебя поддерживаетъ. Ты говоришь о тоскѣ, о унынія, о содроганіи; первая происходитъ дѣйствительно отъ воздуха во время землетрясенія, можетъ быть, отъ того, что сквозь землю прорывается электрическій огонь невидимый или электрическая сила, которая, выгоняя воздухъ, какъ in Anthlia pneumatica, душитъ все живущее. Я сіе также испыталъ; а содроганіе натурально, когда видишь разрушеніе натуры, часто отнимающее жизнь у тварей живущихъ или страждущихъ. Есть добро, есть и худо; иногда и худо служитъ къ добру. Демидовъ сдѣлалъ принужденное усиленіе, которое прогнало его болѣзнь; усиленіе, котораго бы сдѣлать ничто его въ свѣтѣ не принудило, кромѣ страха лишиться своего бытія.

Но сіе случается рѣдко и очень рѣдко; были примѣры, кои ты по Исторіи знать долженъ, что страхъ нѣмыхъ заставлялъ говорить. Описаніе, учиненное тобою, суматохи есть прекрасная картина и доказываетъ мнѣ, что ты стараешься и зло описывать хорошо. Дай Боже, чтобы больше ты никогда не былъ подверженъ подобнымъ опасностямъ.

Все, что̀ ты говоришь о твоемъ положеніи въ разсужденіи Дмитрія Павловича, не можетъ не быть мнѣ непріятно. Продолжай пріобрѣтать его довѣренность, будь ея достоинъ; а я весьма согласенъ не видаться съ тобою до будущаго лѣта. Для моей прихоти не хочу прерывать дорогу твоего счастія. Буду и я счастливѣе, когда васъ увижу въ хорошемъ положеніи и на пути быть полезными сынами отечества, т. е. выйти на такую степень, гдѣ можно вамъ уже оказывать услуги; нынѣшняя же служба только къ тому приготовляетъ. Не унывайте, за Богомъ молитва, за государемъ служба есть старая пословица, но всегда оправдывается. Никакое доброе дѣло втунѣ не пропадаетъ. О семъ столь часто я вамъ твердилъ, что пора уже и не повторять; но не престану твердить, что не должно себя забывать или забываться, въ какомъ бы лестномъ положеніи вы ни находились. Скромность, услужливость, униженіе себя есть золотая рама для картины; чѣмъ рама богатѣе, тѣмъ болѣе заставляетъ смотрѣть картину, на которую бы, можетъ быть, никто и глазъ не оборотилъ безъ рамы. Въ жизни нашей всякое пріобрѣтенное дарованіе полезно и иногда больше важныхъ знаній; ты испытуешь сіе теперь на музыкѣ, какъ самъ пишешь.

За всѣ извѣстія о Лассіи, Щербатовѣ и пр. благодарю. За стараніе о землѣ Демидова скажу спасибо, когда что̀ удастся сдѣлать. У князя П. В. Лопухина и другая дочь, дѣвица, умерла *).

Москва, 11 **Сентября** 1805.

«15-го Августа, по засвидѣтельствованію начальства объ отличномъ усердіи къ службѣ и ревностныхъ трудахъ, вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ статскихъ совѣтниковъ Петра Карпова, Филиппа Клюпфеля, Николая Бицова, Давида Сиверса и Константина Родофиникина, всемилостивѣйше жалуемъ ихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. (Контрасигнировалъ князь Чарторижскій)». Безъ сумнѣнія, сей указъ уже къ вамъ прямо дошелъ; но на всякій случай и я сообщаю. Какъ Петербургскій военный губернаторъ, графъ Толстой, пошелъ въ походъ, то въ Петербургѣ сдѣланъ не губернаторомъ, но главнокомандующимъ племянникъ мой Сергѣй Кузмичъ Вяз-

---

*) Княжна Елисавета Петровна. 25 Апрѣля этого 1805 г. умерла ея сестра княгиня Анна Петровна Гагарина, предметъ рыцарскаго обожанія императора Павла.

митиновъ; а остальные баталіоны гвардіи отданы въ команду оберъ-коменданта Бушуцкаго. Свѣдавъ, что Комбетъ изъ Швейцаріи не будетъ сюда долго, отдалъ я присланное къ нему отъ тебя письмо Біанкію, который взялся вѣрно къ нему оное доставить. Изъ Петербурга есть странныя извѣстія: 1) Глафира Ивановна Ржевская, жена умершаго сенатора, дѣйств. тайн. совѣтн., образецъ дѣвицъ воспитанныхъ въ монастырѣ, на которой хотѣлъ жениться Бецкой, примѣръ женъ добродѣтельныхъ, гордая, умная, строгая мать, имѣющая уже внучатъ и около 50-ти лѣтъ, влюбилась въ одного моторыгу, провіантскаго капитана*), потерявшаго мѣсто и находящагося даже теперь подъ судомъ, и за него вышла. Ни совѣты пріятелей, ни слезы родни, ни увѣщанія Государя, къ котораго покровительству фамилія прибѣгала, ничто въ свѣтѣ не могло ее удержать отъ подобнаго дурачества. 2) Сынъ Ѳедора Полторацкаго, 11-ти лѣтъ, учащійся въ Петербургѣ и ни къ чему не прилежащій, учинилъ поступокъ, кажется, безпримѣрный. Родня упрекала, что онъ отъ всѣхъ отставалъ, что братъ его, пяти или шести лѣтъ, втрое лучше учится; товарищи надъ нимъ смѣялись. Сіе произвело въ немъ или распалило злобу, ибо онъ родился съ злымъ сердцемъ, такъ что вызвалъ брата, сына Ал. Н. Оленина, гулять въ рощу (видно, что они живутъ на дачѣ), зарѣзалъ его ножемъ, топталъ ногами и, видя, что онъ уже не живъ, привязалъ къ нему камень, бросилъ въ воду и возвратился домой, какъ ни въ чемъ не бывалъ; но, возвратясь, похвасталъ, что ругаться имъ больше не будутъ. Какъ сынъ Оленина не являлся, то приступили къ иску, и онъ во всемъ признался. Осудили его, сказываютъ, запереть въ монастырь до совершеннаго возраста, а ежели не раскается и не исправится, то наказать его по законамъ и послать въ Сибирь.

Ал. Вас. Приклонскій скоропостижно отправленъ въ посылку. Пишетъ къ матери, что обѣщана ему милость, покровительство и пр., дано на дорогу 300 ч., сохранено жалованье, да прибавлено по 30 ч. на мѣсяцъ. Я думаю, что онъ посланъ къ Кутузову, который уже вступилъ въ Галицію, ведуще армію въ Италію.

*

Москва, 25 Сентября 1805.

Бачмевскій спрашиваетъ: имѣю-ли я отъ тебя какое извѣстіе послѣ бывшаго въ Неаполѣ землетрясенія, о которомъ нѣчто странное разсказываютъ? Тоже пишетъ княжна Наталья: «Je bénis le Ciel de ce qu'Il a respecté vos plus chères affections. Heureusement m-r Ale-

*) Француза Маскле. См. записки Г. И. Ржевской въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года.

xandre n'a pas souffert de ce terrible ravage; félicitez l'en de ma part et dites que c'est bien sincèrement». Вообще всѣ наши знакомые весьма о тебѣ безпокоились, а иные плакали.

Государь изволилъ выѣхать изъ Петербурга 9-го, а Бачмевскій пишетъ отъ 11-го, что чрезъ четыре дня ожидаютъ его въ Бржесцъ. Съ собою онъ изволилъ взять, не изъ военныхъ, только князя Чарторижскаго и Новосильцова. Ал. Вас. Приклонскій пишетъ къ княгинѣ изъ Бржесца, что онъ туда пріѣхалъ и ѣдетъ далѣе. Онъ въ экспедиціи Иностранной Коллегіи, при корпусѣ графа Буксгевдена, а куда пойдутъ—самъ еще не знаетъ. Вчерась, 19-го, ужиналъ я у Демидова Ивана Ивановича; былъ балъ для прошедшихъ имянинъ дочери хозяина, Баранова, и почти всѣ гости говорили со мною во весь ужинъ о тебѣ по поводу землетрясенія. Сколько ты ни хвалишь Антонія, но не забывай, что онъ слуга и Итальянецъ, и не все ему ввѣряй, а важное имѣй подъ своимъ ключемъ и о немъ не дѣлай ему довѣренности. Тысячу примѣровъ могъ бы я привести въ доказательство, но довольно оныхъ и въ одномъ Жилблазѣ, ежели ты его помнишъ. Весьма похвально намѣреніе твое послать гребень женѣ Ивана Алексѣевича*): онъ меня продолжаетъ и понынѣ одолжать, а мнѣ ему отплатить нечѣмъ; а такъ и меня ты одолжишь и къ себѣ его привяжешь. Часто бездѣлицы производятъ дѣйствія золотыхъ горъ. Мнѣ полюбилось твое разсужденіе, хотя я отъ него и не помолодѣю, а именно: мы видимъ и молодыхъ безъ волосовъ, безъ глазъ и безъ зубовъ. Но знаешь-ли, для чего мнѣ сіе полюбилось? Для того, что и безъ старости можно лишиться всего онаго отъ невоздержности, отъ излишней волокиты, отъ слѣдующихъ отъ нея болѣзней и отъ разслабленія тѣла, которому молодость себя подвергаетъ иногда по одному только чванству и дабы себя показать. Слѣдовательно я надѣюсь, что ты воспользуешься симъ размышленіемъ и себя для переду побережешь. Смѣшно бы было, ежели бы ты въ 30 лѣтъ менѣе былъ здоровъ своего отца, и ежели бы я въ тебѣ, вмѣсто молодца, увидѣлъ кащея, что̀ бываетъ обыкновенно, ежели въ сихъ лѣтахъ не побережешь себя. Благодарю тебя за описаніе Везувія, а Везувія благодарю за то, что онъ не посѣтилъ изъ благодарности своего знакомца, а удовольствовался только билетомъ, т.-е. заревомъ, отплатить ему его визиту. О дѣлѣ съ Демидовымъ буду говорить ниже, ибо еще не видалъ Сердюкова. Весьма радуюсь, что служба П. П. Карпова не забыта: чинъ, табакерка и пенсія доказываютъ, что за Государемъ служба не пропадаетъ. Вчерась у меня былъ веселый обѣдъ: Чернышовъ всѣхъ засмѣшилъ. Онъ посаженъ

*) Сенатора Алексѣева.

членомъ въ Адмиралтейскую Коллегію, а сюда присланъ осмотрѣть Сухареву башню, къ которой будутъ пристроивать крылья, для услуги ихъ конторы, подъ вѣдомствомъ архитектора нашего Франца. Вчерась видѣлся я съ П. П. Сердюковымъ; онъ согласенъ уступить землю вверху, что они называютъ дровянымъ дворомъ, подъ которой останется еще оной столько, что дровъ помѣстится на всю Нѣмецкую Слободу на цѣлый годъ; но для другого куска находитъ затрудненіе: 1) что Ник. Никитичъ намѣренъ свой садъ превратить въ Аглинской, и тогда сіе болото въ него войдетъ. Сіе мнѣ кажется странно, ибо въ саду больше воды нежели земли; а требуемое мною болото ежели засыпать, станетъ дорого, ежели оставить—болото; да и я изъ него не могу иного сдѣлать, какъ прудъ, и желаю имѣть его только, дабы имѣть выходъ на Яузу. 2) И сія причина покажется смѣшна: Сердюковъ видѣлъ въ Швейцаріи и Нидерландахъ, что землю навозятъ изъ нужниковъ. Это правда; но онъ на сіе мѣсто вывозитъ всѣ нужники, слѣдовательно и ихъ, и мои сады провонять могутъ; а для сего хочетъ имѣть двѣ пары воловъ, но коихъ контора ему не даетъ и на коихъ сбирается возить сей навозъ въ подмосковную, слишкомъ за 20 верстъ; отъ навоза будетъ родиться хлѣбъ, хлѣбомъ будетъ кормить человѣкъ 50, живущихъ здѣсь въ домѣ для работы. Voilà les projets de la petite laitière. На сихъ дняхъ пойду я къ нему и посмотримъ мѣста, въ ожиданіи письма, безъ котораго онъ плана послать не можетъ, хотя и читалъ я ему копію. Вчерась получилъ я отъ И. А. Алексѣева новое одолженіе: онъ всѣ долги Алекс. Вас.*) заплатилъ; закладную, векселя и всѣ бумаги ко мнѣ прислалъ; на сіе употребилъ до 7000 р., кои я занялъ на свое имя, а сестра будетъ мнѣ понемногу выплачивать. Послѣ четырехъ *вчерась*, пора сегодня сіе кончить. Писать еще много, а надобно ѣхать обѣдать къ княгинѣ Прасковьѣ Степановнѣ, которая совсѣмъ почти ослѣпла и больна, но даетъ обѣдъ для имянинъ князя Сергѣя Ивановича.

*

Москва, 9 Октября 1805.

Писалъ я прежде о несчастномъ приключеніи въ фамиліи Полторацкихъ; но дѣло не такъ было. Вотъ какъ Чернышовъ мнѣ его разсказалъ. Сынъ Полторацкаго что-то сшалилъ; сынъ дворника (а не Оленина, слава Богу!), трехъ или четырехъ лѣтъ, сказалъ ему, что онъ скажетъ о томъ его гувернеру. Отъ сего злоба. Спустя нѣсколько дней уговорилъ онъ мальчика гулять, посадилъ въ телѣжку, вывезъ въ рощу и тамъ объявя, что хочетъ ему отомстить, началъ его бить.

---

*) Приклонскаго, который былъ сыномъ сестры Я. И. Булгакова и братомъ жившей въ Москвѣ княгини Елисав. Вас. Голициной.

Долго ли ребенка убить? Видя, что онъ уже мертвый, снесъ его въ болото и втопталъ въ оное ногами. А какъ видѣли, что онъ его повезъ, стали спрашивать и сѣчь; онъ во всемъ признался.—Съ Сердюковымъ я говорилъ; далъ ему копію письма Николая Никитича и планъ земли, которую я желаю имѣть. Теперь мы ждемъ оригинальнаго письма, и тогда что нибудь сладимъ. На сихъ дняхъ былъ у меня Энгель, отпущенный на два мѣсяца въ Одессу, гдѣ ему дана земля. Тучковъ принятъ въ армію полковникомъ въ Муромскій полкъ и поѣхалъ въ Бржесцъ съ женою, которая съ границы воротится назадъ въ Москву. 5-го возвратилась изъ деревни моя сестрица. Аѳанасій ея умеръ; но она, кажется, учредила сама изрядно порядокъ въ деревнѣ.—По поводу университетскаго юбилея скажу еще, что въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ сбирается словарь Россійскихъ писателей. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ обо мнѣ написали цѣлую страницу; справедливо, но не все. Да какъ имъ все и знать? Везувія пошлите спать, ибо пора уже ему проспаться; лишь бы не опохмѣлялся.

*

Москва, 16 Октября 1805.

Ожидаю письма отъ Демидова къ Сердюкову; а по копіи мы улаживаемъ дѣло, и къ тебѣ, получа оное письмо, обстоятельно обо всемъ напишу, дабы зимою кончить успѣть, и работы на новопріобрѣтенной землѣ, ежели уступка воспослѣдуетъ, начать въ Апрѣлѣ. Сегодня мнѣ стукнуло 62 года отъ роду. Желаю вамъ до сихъ лѣтъ дожить и столь же покойно, какъ я оные прошелъ, не смотря на то, что около 40 лѣтъ такъ служилъ, что года не былъ въ отпуску. 10-го Августа послалъ я къ тебѣ письмо отъ генеральши Клички къ ея сыну; а теперь имѣю сказать непріятную для него вѣсть: она дни четыре назадъ скончалась; жила подлѣ моего пруда въ двухъ комнатахъ того самаго дома, гдѣ большой корпусъ нанимала Катерина Любимовна. Сія ко мнѣ пишетъ отъ 5-го Октября; жалуется, что давно отъ тебя ни строки не имѣетъ, что едва не сгорѣла отъ трубы, изъ которой два раза выкинуло у сосѣда; что она домъ перемѣнила, наняла на Литейной шесть покоевъ, погребъ, амбаръ, сарай за 25 р. на мѣсяцъ, изъ которыхъ половину отдаетъ въ наемъ за 20, слѣдовательно сама живетъ за 5 р. и можетъ еще тебя помѣстить, ежели пріѣдешь. Гансклу все безъ мѣста, и она для матери не можетъ еще сюда пріѣхать; адресъ ея: на Большой Литейной, въ домѣ купца Пастухова № 113.

Письмо къ К. Я. Булгакову.

Москва, 19 Октября 1805.

Писавъ къ тебѣ, любезный мой Константинъ, три дни назадъ, не думалъ я, что представится мнѣ случай сегодня опять писать. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло: нужно приложенное письмо доставить вѣрно. Ежели Николай Никитичъ въ Неаполѣ, пошли его къ брату; ежели въ Римѣ или гдѣ индѣ, доставь прямо къ нему; а ежели въ Вѣнѣ, самъ ему отдай, и во всякомъ случаѣ представь ему свои услуги для доставленія отвѣта черезъ меня. Когда еще онъ въ Неаполѣ и ты письмо пошлешь къ брату, то можешь и сіе мое къ нему отправить, дабы онъ могъ Николаю Никитичу разсказать, ежели ему нужно знать, что̀ у него дѣлается. Онъ поручилъ двоюродному своему брату Петру Ивановичу Сердюкову присматривать за домомъ; но есть у него двѣ конторы, здѣсь и въ Петербургѣ, которыя всѣмъ управляютъ и его не слушаются. Каждая составлена изъ трехъ управителей. Сіи управители были крѣпостные люди, отпущены на волю и опять приняты въ его службу. Всѣ подѣлали себя офицерами, купцами и пр. Не знаю о Петербургскихъ, но здѣшніе—пьяницы, его обкрадываютъ, мѣшаются въ тяжебныя дѣла, пьянствуютъ, бездѣльничаютъ и пр. и пр. Ты, думаю, помнишь садъ его: были деревья въ 20 саженъ; они ихъ вырубили на дрова, говоря, что Николай Никитичъ хочетъ старый садъ превратить въ Англинской. Театръ и домъ отдали Штейнбергу подъ Нѣмецкой театръ и для баловъ. Всѣ притѣсненія возможныя ему чинили, и когда онъ на исправленіе дома и театра употребилъ тысячь до трехъ, требуютъ съ него прибавки пятьсотъ рублей. Дѣло дошло до Беклешова, у котораго я вчерась обѣдалъ и который все сіе мнѣ сказалъ; сказалъ также, что писалъ о всемъ къ Николаю Никитичу. Сердюковъ не получаетъ ни на что̀ отвѣта и думаетъ (что̀ очень на правду походитъ), что, посылая свои письма черезъ Петербургскую контору, оная ихъ распечатываетъ и не отправляетъ, почему и рѣшился посылать ихъ черезъ меня, сколь скоро получитъ отвѣтъ на приложенное. Беклешовъ, сверхъ того, что начальникъ Москвы, долженствующій доставлять правосудіе обиженнымъ, получилъ именное повелѣніе покровительствовать и помогать театрамъ, приводить ихъ въ лучшее состояніе. Вотъ превеликое письмо о чужомъ дѣлѣ; но жалко смотрѣть. Никита Акинѳіевичъ *) былъ другъ и благодѣтель моего отца, былъ благодѣтель и, наконецъ, другъ мнѣ самому. Какъ не помыслить о дѣтяхъ нашихъ благодѣтелей и друзей? Беклешовъ, то зная, со мною входилъ

*) Демидовъ (отецъ).

въ подробности, и я ему растолковалъ все. Вчерась велѣлъ онъ конторщиковъ къ себѣ привести. Не знаю, что̀ было послѣ.

Г. Сердюковъ спрашивалъ у меня о цѣнѣ. Я ему отвѣчалъ слѣдующее: теперь узаконено продавать и продаются казенные грунты въ самой срединѣ города (какъ то съ мѣсяцъ назадъ купилъ одинъ мой знакомый) за 20 лѣтъ дохода; а доходъ считается съ пустой земли по денежкѣ за квадратную сажень или яснѣе по 10 к. за сажень, и продаются за сію цѣну всѣ земли въ вѣчное и потомственное владѣніе. Сіе будетъ для Николая Никитича какъ капля воды въ морѣ; но земля его лежитъ больше 30 лѣтъ впустѣ, и впередъ никакой пользы дому его принести не можетъ. Впрочемъ не только сіи два куска, но и весь заднiй или дровяной дворъ и болото были сторгованы моимъ отцомъ за сто рублевъ у разныхъ владѣльцовъ, когда перекупилъ ихъ г. Наврозовъ или Никласъ (не знаю, который, ибо меня тогда не было въ Россіи) и послѣ со своимъ домомъ продалъ Никитѣ Акинѳіевичу. Мнѣ нужны сіи два мѣста: вверху, чтобы заборъ былъ прямой, а внизу, чтобы имѣть сообщеніе съ Яузою и изъ нижняго иначе сдѣлать нельзя какъ прудъ для осушенія земли и приданія тѣмъ здороваго воздуха моему саду и живущимъ въ домѣ. По симъ причинамъ и почту я за великое одолженіе, ежели Николай Никитичъ уступитъ мнѣ сіи куски*).

*

Москва, 30 Октября 1805.

Въ газетахъ напечатанъ слѣдующій рескриптъ: «Отецъ протоіерей Самборскій! Съ того времени, какъ возложена была на васъ должность наставника Закону Божію при мнѣ, а равно и исполненіе всѣхъ по званію вашему отправляемыхъ должностей съ отличностію, обратило вниманіе мое, въ знакъ коего справедливымъ нахожу всемилостивѣйше пожаловать васъ бриліантовыми знаками ордена Св. Анны, которые препровождая при семъ, пребываю къ вамъ благосклонный». Но куда сей Самборскій дѣвался? Я объ немъ совсѣмъ не слышу съ отъѣзда его изъ Вѣны, хотя оттуда и сбирался онъ въ Москву и хотѣлъ у меня жить. Малиновскій у меня обѣдалъ и сказывалъ, что вчерась получилъ отъ Самборскаго письмо изъ Петербурга. Ergo вопросъ сей рѣшенъ.

22-го было здѣсь изверженіе Везувія: на Петровскомъ театрѣ происходила репетиція во время обѣда; гардеробмейстеръ напился, по-

---

*) Домъ Я. И. Булгакова, слѣдовательно, находился близъ Покровки, въ переулкѣ за церковью Никиты-Мученика, рядомъ съ нынѣшнимъ Межевымъ Институтомъ, домъ котораго принадлежалъ Н. Н. Демидову.

шелъ со свѣчею въ гардеробу, заснулъ, отъ свѣчи загорѣлись платья, а въ 6-мъ часу уже весь театръ занялся. Слава Богу, что напился онъ не позже: ни одинъ бы зритель не спасъ своей жизни по худымъ выходамъ и всеобщему въ театрѣ неустройству. Я, право, думаю, что ничто не можетъ походить больше на Везувій. Счастіе и то, что не было ни малаго вѣтра и наканунѣ выпалъ снѣгъ на аршинъ. Пока сей растаялъ, успѣла полиція подоспѣть, и ничто, кромѣ театра, не сгорѣло, а онъ до тла. Слава Богу, что ни въ немъ никого не сгорѣло, ни сосѣди не потерпѣли; а увѣряютъ, сверхъ того, онъ такъ сгнилъ, что въ нынѣшнемъ году весь обвалился бы. Сіе было написано давно, какъ я всегда дѣлаю.—Ежели министръ не засидитъ въ Неаполѣ и перейдетъ въ другое мѣсто, я согласенъ, чтобы и ты съ нимъ перешелъ; но боюсь только Англіи, и то только для того, что жизнь тамъ выходитъ изъ границъ. Министру надобно 50 т., а подчиненные умрутъ съ голода, ежели не имѣютъ пяти. Я же не въ состояніи дать сего.

Государь выѣхалъ изъ Пулавы 4-го и изъ Козеницъ 8-го въ Берлинъ. Ваня Пушкинъ арестованъ Французами съ нашимъ въ Баденѣ министромъ Малтицомъ; по крайней мѣрѣ такъ у Пушкиныхъ о немъ думаютъ.

*

Москва, 9 Ноября 1805.

Китайское посольство чуть-ли не рушилось. Здѣсь разглашаютъ, что Китайскій императоръ умеръ, въ землѣ революція и пр.; но сего за вѣрно сказать не могу. Катеринѣ Любимовнѣ пишу, что ты получилъ отъ нея два письма, но какъ, можетъ быть, отвѣчаешь чрезъ Приклонскаго, а его въ Петербургѣ нѣтъ (онъ пишетъ къ матери, что въ Радомѣ, 12 миль отъ Варшавы), то она не скоро дождется твоихъ писемъ. Не лучше-ли ихъ присылать ко мнѣ, какъ дѣлаетъ братъ? Архарова свадьба совершилась келейно. Приданое отправляли, однако, публично. Фастъ часъ отъ часу хуже: сохнетъ, чахнетъ, не знаетъ что̀ дѣлаетъ и что дѣлать. По сгорѣніи Петровскаго театра, Русскіе играютъ у Волконскаго, Французы у Шаховскаго, на Петровкѣ, а Нѣмцы у Демидова.

*

Москва, 20 Ноября 1805.

Братъ, отъѣзжая изъ Вѣны въ Потсдамъ, 14-го Октября отправилъ ко мнѣ письмо твое отъ 8-го Октября, подъ № 98. Ни мало не жалѣю, что у тебя работы много; она одна можетъ сдѣлать изъ тебя человѣка, полезнаго государству. Не унывай, но и не изнуряйся. Чрезъ сіе разумѣю я, что надобно на время отложить забавы, визиты, праздники, ибо сіи послѣдніе больше здоровью вредятъ, нежели работа, а

по себѣ оставляютъ только дымъ. Тебя и то должно утѣшать и ободрять, что начальникъ твой видитъ труды и ихъ уважаетъ.

Писанное мною о причинѣ не такъ скоро оставить Неаполь есть только шутка, и напрасно ты ею огорчился; ибо я и не помышлялъ, да и не думаю о томъ, а напротивъ радъ, что ты остался до способнѣйшаго времени и до окончанія безпокойствъ и опасностей по дорогѣ.

*

Москва, 4 (16) Декабря 1805.

Братъ твой писалъ ко мнѣ изъ Потсдама отъ 20-го Октября, а послѣ я объ немъ ничего не слышу. Онъ туда присланъ изъ Вѣны курьеромъ къ Государю, а куда дѣвался потомъ, не понимаю; видно, что письма его пропадаютъ. Ежели бы съ нимъ случилось какое несчастіе, вѣсти, яко худыя, дошли бы до меня, конечно, скорѣе, нежели добрыя. Пишу къ нему, однако, сегодня въ Вѣну, а не будучи вѣренъ, чтобы онъ тамъ былъ, рѣшился писать къ тебѣ наудачу прямо. Когда ты объ немъ не больше моего знаешь, то и ты прямо по почтѣ пиши ко мнѣ чрезъ Вѣну, Бржесцъ и Вильну, или хотя чрезъ Петербургъ. Ал. Вас. Приклонскій пишетъ ко мнѣ отъ 2-го (14) Ноября изъ Гофа, въ 2-хъ миляхъ отъ Троппау, что они оттуда идутъ въ Олмицъ и Бриннъ. Я безпокоюсь объ васъ обоихъ; но что́ дѣлать? Первыя ваши письма мнѣ будутъ крайне пріятны; а пока ихъ не получу, нельзя мнѣ быть веселу. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ не можно и полагать, чтобы дошло всякое письмо; а я буду доволенъ, когда изъ пяти получу одно.

*

Декабря 11-го дня 1805. Москва.

Банкиръ мой получилъ извѣстіе отъ банкира Неапольскаго и Вѣнскаго, что они принуждены остановить платежи чрезъ Вѣну. Я его просилъ отписать въ Неаполь, чтобы тамошній продолжалъ тебѣ платить, отсылая твои квитанціи въ Гамбургъ. Когда въ Вѣнѣ поуспокоится и посольство наше возвратится туда, то и братъ можетъ тебѣ денегъ переслать, ибо отъ меня довольно онъ ихъ получилъ. Вамъ уже, конечно, извѣстна смерть канцлера, графа Александра Романовича Воронцова. Канцелярія его уже сюда возвратилась изъ деревни. Сіе извѣстіе, конечно, много опечалило Дмитрія Павловича *). Болѣе сказать теперь ничего не нахожу. Да! На сихъ дняхъ получилъ я остальную часть эстамповъ Шакспировой галереи, титулъ, оглавленія, портреты короля и королевы. Они составляютъ два тома, и я помышляю

*) Татищева, которому канцлеръ графъ Воронцовъ былъ родственникомъ и покровителемъ.

ихъ переплесть. Всего почти 100 эстамповъ. Издатели выбили медаль серебряную въ благодарность подписавшимся за вспомоществованіе, и ко мнѣ прислали одну съ моимъ имянемъ.

*

Москва, 25 Декабря 1805.

Я думаю, что Итальянская почта ходитъ еще вѣрно черезъ Лейпцигъ, ибо черезъ Вѣну теперь сіе невозможно, и такъ попробуй писать прямо черезъ Нѣмецкую землю, когда ты полагаешь свое утѣшеніе въ моихъ письмахъ. Радуюсь, что тебѣ съ начальникомъ хорошо; но, кажется, вы тамъ долго остаться не можете.

Опасаясь, чтобы ты не имѣлъ недостатка въ деньгахъ, хотя и писалъ ты, что у тебя ихъ до Іюня довольно, посылаю къ тебѣ новый кредитивъ, по которому ты можешь брать и давать квитанціи, когда придетъ нужда. Ежели бы не произошла сумятица въ Вѣнѣ, то бы и братъ къ тебѣ переслалъ денегъ. Вѣнскіе банкиры пишутъ сюда, что отказываются отъ всѣхъ платежей, а ты черезъ нихъ деньги получалъ. Сіе и принудило меня взять другой оборотъ и послать къ тебѣ новое вѣрящее письмо.

Здѣсь новаго только пиры, свадьбы и тому противное. Богатая Собакина или Яковлева, коей дочь проказитъ, умерла. Михаилъ Николаевичъ Наумовъ женится на дочери Софьѣ Ивана Ивановича Демидова; получитъ 200 душъ, 150 тысячъ денегъ, а ежели братъ ея генералъ-маіоръ умретъ прежде ея, то все отцовское имѣніе. Сіе все хорошо; но вотъ что̀ дурно: княжна Наталья, дочь князя Ивана Сергѣевича Гагарина, влюбилась въ Тончи. Ты знаешь сего буфона; онъ живописецъ, музыкантъ, сдѣлался философомъ и почти съ ума сошелъ, весь посѣдѣлъ и проигрался до рубашки, имѣетъ около 60-ти лѣтъ. Фамилія въ отчаяніи; но она говоритъ, что ничто въ свѣтѣ не перемѣнитъ ея намѣренія. Мудрено сказать, чѣмъ сіе кончится; но добромъ кончиться не можетъ.

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ [1].

Весною 1842 года Юрій Никитичъ оставилъ Петербургъ, затѣмъ прожилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, и лишь въ половинѣ Іюля пріѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ супругою своей и родственницею, молодою дѣвицей Варварою Петровной. Погостивъ нѣкоторое время въ Симферополѣ, они отправились въ Ялту. По дорогѣ Бартеневъ останавливался на нѣсколько часовъ въ Никитскомъ саду, съ директоромъ коего, Гартвисомъ, завязалъ съ этой поры тѣсныя сношенія. Этотъ почтенный человѣкъ, родомъ изъ Риги, учился въ Дерптскомъ университетѣ, служилъ въ гвардейской артилеріи, но увлекаемый страстью къ ботаникѣ, бросилъ службу, уѣхалъ въ Крымъ, и въ то время уже 19 лѣтъ трудился тамъ надъ акламатизаціей разнообразнѣйшихъ растеній. Вечеромъ того дня Бартеневъ занесъ въ дневникъ свой [2]: «Глядя на скромный подвигъ Гартвиса, я вспомнилъ замѣчательное «слово, сказанное Кювье Наполеону, гдѣ первый напомнилъ послѣднему, что мирный и полезный подвигъ часто переживаетъ славу великихъ героевъ».

Неизвѣстно, что̀ задержало Бартенева, но онъ только въ концѣ Октября поселился въ Кореисѣ, имѣньѣ баронессы Беркгеймъ, по сосѣдству съ Гаспрой, гдѣ давно ожидалъ его, совершенно уже потерявшій зрѣніе, покровитель его, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Юрій Никитичъ такъ повѣствуетъ о своемъ тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ въ письмѣ къ нѣкоему Латкину, славному дѣльцу въ затѣянной нѣсколько времени тому назадъ Печорской Компаніи. Компанія эта должна была разыскивать золото и другіе металлы на Сѣверѣ Россіи,

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1898, вып. I-й, стр. 100.

[2]) Дневники, которые велъ Бартеневъ все время своего пребыванія въ Крыму, сохранились, за малыми пропусками; но они представляютъ мало примѣчательнаго. Мелочи семейной жизни и домашняго обихода, среди которыхъ чуть не первое мѣсто занимаютъ „удовольствія стола“, пересказъ и толкованіе сновъ—вотъ ихъ содержаніе. Но сужденія о прочитанномъ и нравственныя размышленія даютъ возможность ознакомиться съ внутреннимъ міромъ и нравственными запросами человѣка Александровской эпохи, и въ этомъ отношеніи нѣкоторыя мѣста дневниковъ крайне-любопытны. Ю. Б.

въ предѣлахъ Печоры, и главнымъ основателемъ ея былъ Ю. Н. Бартеневъ; онъ возлагалъ на компанію большія надежды, которыя совершенно не оправдались.

«Чтò вамъ сказать, писалъ онъ, о южномъ берегѣ Крыма? Надобно его видѣть, чтобъ понять богатство премудрости Сотворившаго сіи дивныя горы съ ихъ ненаглядными совершенствами. Это письмо пишу я на конторкѣ, прислоненной къ галереѣ съ разноцвѣтными стеклами, обращенной на Черное море. Сейчасъ только ходилъ смотрѣть на видъ луны, отражающейся разновидно въ различныхъ стеклахъ; въ красномъ она горитъ заревомъ пожара, въ голубомъ уныло навѣваетъ какую-то грусть на сердце. Я живу въ какомъ-то Радклифскомъ зáмкѣ, прислоненномъ къ утесу горы. На Полдень синее или зеленое море (смотря по разливу свѣта) тихо вблизи дробится гармоническимъ колебаніемъ, иногда шумитъ сердитое по произволу вѣтра, иногда стенаетъ, какъ лютый вепрь, въ порывахъ бури. На Западъ съ галереи возникаетъ хребетъ горъ, прекрасныхъ и грозныхъ въ своемъ величіи; гора Св. Петра, обнаженная сверху, скатывается уступами и терасами къ морю; среднія и нижнія части ея зеленѣютъ сѣнолиственными деревьями разныхъ видовъ и формъ; кипарисъ и миндальное дерево не потеряли еще своей зелени. Оптика здѣшнихъ мѣстъ очаровательно обманчива: кажется, что Ай-Петри, то-есть Святый Петръ, хочетъ подавить насъ своею тяжестью, а море подкатиться къ жилищу нашему; не бойтесь: море около полуторы версты разстоянія, а до горы Св. Петра, говорятъ, двѣнадцать верстъ дороги. Климатъ очарователенъ, виды радостны и величественны, виноградъ и фрукты вкусны и ароматны, особенно первый, имѣющій всевозможные вкусы; сегодня я ѣлъ за столомъ Александрійскій мушкатъ, съ которымъ ничего сравниться не можетъ. Есть здѣсь виноградъ, называемый именемъ Изабеллы; онъ имѣетъ вкусъ клубники и ароматъ мускатнаго цвѣта. Но всего не перескажешь, подробности послѣ. Не смотря на яркость природы, душа моя дымится какимъ-то грустнымъ чувствомъ, подобно какъ здѣшнія горы дымятся облаками или свинцовымъ туманомъ, ихъ закрывающимъ. Туманъ сей, однако, умиротворяется участіемъ добрыхъ хозяекъ моихъ; онѣ раздѣляютъ съ моимъ семействомъ и со мною то время, которое остается у меня послѣ бесѣды съ княземъ. Управительница большого помѣстья Кореисъ, добрая дѣвица Ницъ*), Нѣмка по языку, Русская по сердцу и Православію, все дѣлаетъ, чтò можетъ, дабы позолотить своимъ участіемъ и пріязнію первыя минуты нашего

*) Ольга Карловна Ницъ. Всѣми же имѣньями баронессы Беркгеймъ завѣдывалъ нѣкто Александръ Дмитріевичъ Ганскау. Ю. Б.

пребыванія. Дѣвица Ницъ не принадлежитъ къ туманной, метафизической Германской школѣ; она не гремитъ фразами, но является къ намъ, какъ маленькое провидѣніе, утѣшать вещественно насъ, сыновъ Сѣвера; корзинка съ плодами, грозды винограда, свѣжее масло, вкусный крендель, разнаго рода заготовленія служатъ предвозвѣстниками желаннаго ея прихода. Другая хозяйка, милая дѣвушка, сиротка*), не знавшая никогда ни отца, ни матери; что̀ я говорю, не знавшая, нѣтъ она знаетъ и отца, и мать, и все родство въ неусталомъ сердцѣ и любящей душѣ почтенной Ницъ, которая пестуетъ ее со всѣмъ чадолюбіемъ жаркой и близкой родственницы. Вотъ и эта дѣвушка, скромная, добрая и кроткая, утѣшаетъ насъ своимъ молчаливымъ участіемъ; она, какъ тихій вѣтерокъ, нашептываетъ намъ сладкіе мотивы родины, заставляетъ юнѣть насъ отъ воспоминанія и пріятно иногда помечтать о быломъ и невозвратномъ.

25 Октября 1842 года.
Кореисъ".

На слѣдующій день, въ письмѣ къ Ивану Петровичу Егорову, своему старому пріятелю, Бартеневъ уже начинаетъ жаловаться на свою жизнь.

«Теперь я живу въ мірѣ естественнаго волшебства и чудесъ; громадныя горы, роскошная зелень, древа, если не съ плодами, то съ листьями, часто теплые и весенніе дни, все напоминаетъ намъ, что мы не живемъ въ Россіи, въ это время холодной и покрытой ледяною корою. Но если благорастворенный климатъ намъ улыбается, за то тысячи неудобствъ и лишеній насъ встрѣтили; говорю насъ, разумѣю мое семейство и все, что̀ принадлежитъ ко мнѣ. Дороговизна невыносимая, спорящая съ Петербургской и часто ее превосходящая; но, кромѣ дороговизны, неимѣніе удобствъ для практической жизни очень преогорчеваетъ насъ; никто не позаботился о нашемъ покоѣ, и мы живемъ день за день, въ чаяніи грядущихъ благъ. Впрочемъ, есть свѣтлыя точки и въ нашемъ житьѣ-бытьѣ».

Но настоящія огорченія еще предстояли. Отправляясь каждый день въ Гаспру, къ князю Голицыну, Бартеневъ въ началѣ Ноября получилъ, какъ объясняли мѣстные эскулапы, рожистое воспаленіе въ ногѣ. Онъ познакомился у «благодатнаго старца» съ графомъ М. С. Воронцовымъ и получилъ приглашеніе посѣтить Алупку. Усилившаяся бо-

*) Лизочка Франкъ, воспитанница покойной княгини Анны Сергѣевны Голицыной. Ю. Б.

лѣзнь не давала ему возможности воспользоваться любезностью графа, и онъ обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ.

«Безъ сомнѣнія, вы, сіятельнѣйшій графъ и вмѣстѣ Русскій человѣкъ, слыхали про Русскую сказку о Иванѣ-царевичѣ и жаръ-птицѣ и какъ, отыскивая послѣднюю, онъ выбиралъ всегда ту дорогу, гдѣ конь его былъ голоденъ, а онъ самъ сытъ. Такъ и я, подражая уму отечественныхъ пословицъ, выбралъ было такую дорожку, и я не ошибся: и люди, и мѣстность широко распахнулись къ жадной душѣ моей. Ни одна чертинка не пропала изъ великодушныхъ тратъ сердца вашего въ отношеніи меня, пріѣзжаго странника; оно все мѣтко уловило и исполненіе, и самое намѣреніе. Пусть память сердца о благодатномъ знакомствѣ съ вами замѣнитъ мнѣ ту жаръ-птицу, которой, видно, не увижу и перышка. Жалѣть ли объ этомъ? Не жалѣю. Да будетъ воля Божія!

«Ваша фантастическая Алупка какъ кладъ мнѣ не дается. Я бы побѣжалъ пѣшкомъ, чтобы сродниться съ ея краснорѣчивымъ языкомъ и вмѣстѣ низко по-русски поклониться свѣтлому ея хозяину. Простите великодушно за разумноженіе письма, гдѣ-бы можно было просто сказать, что разбитая и больная грудь моя не позволяетъ еще этого наслажденія. Не имѣйте лукаваго ока, мой милостивый графъ, и на нѣкоторый педантизмъ настоящаго и перваго моего къ вамъ посланія; что́ же касается до этого педантизма, то вспомните о вчерашнемъ Дессерѣ, которому дали нарядный кафтанъ, но отняли содержаніе *).

5-го Ноября 1842 года. Кореисъ».

Этимъ полушутливымъ письмомъ, въ которомъ мы не видимъ обычной силы слога Юрія Никитича, начались болѣе близкія отношенія его къ графу Воронцову, который въ тотъ же день пріѣхалъ провѣдать больнаго и затѣмъ не разъ, даже со своею семьей, навѣщалъ его. Такое вниманіе графа показываетъ, что понятіе о «Воронцовской гордынѣ» сильно преувеличено.

Въ письмѣ въ Кіевъ, къ благодѣтельницѣ и старому другу своему, Александрѣ Петровнѣ Хвостовой, Юрій Никитичъ повѣствовалъ о своихъ злоключеніяхъ.

«Вотъ пріѣхали мы и на мѣсто своего жительства. Дѣйствительно натура здѣсь болѣе чѣмъ прекрасна; здѣсь все зеленѣетъ и цвѣтетъ еще, но практическая жизнь въ младенчествѣ: домъ безъ Русскихъ

*) Не можемъ понять, на что намекаетъ здѣсь Юрій Никитичъ. Ю. Б.

печей, а съ железными нагрѣвалками; дороговизна страшная. Мы начали жить съ горемъ и лишеніями; я чувствую себя больнымъ, душевно и тѣлесно, и грудь, и плечи, и ноги, все какъ будто поражено острыми ревматизмами. Душевно, сказалъ я, боленъ, и это съ перваго дня прiѣзда. Отъ Кіевской Сциллы я попалъ на Крымскую Харибду. Меня встрѣтили угрюмо и посыпали изъ Пандорина ящика, на что бодро и я отвѣчалъ, признаться. Вездѣ лишенія; вообразите, прачки просятъ въ мѣсяцъ по восьмидесяти рублей; слыхано-ли это гдѣ? Мы втягиваемся однако въ жизнь, но я все остаюсь боленъ и что̀ хуже того унылъ духомъ; старецъ же всѣмъ доволенъ, ибо онъ слѣпъ; въ этомъ случаѣ слѣпота есть отрицательное благо. До завтраго продолженіе.

Теперь я пишу къ вамъ съ перевязанною ногою; говорятъ, у меня начинается рожа; кромѣ того, колючіе ревматизмы, oppression de poitrine и, Богъ знаетъ, какіе недуги. Все это началось со втораго дня моего прiѣзда въ Крымъ. Mauvais pronostic! Князь ничего не видитъ и по возможности жалуетъ меня своимъ вниманіемъ; за то другіе на то только и вниманіе хотятъ имѣть, дабы сдѣлать здѣшнее пребываніе мое и грустнымъ, и печальнымъ. Но какъ на это пожаловаться? кто захочетъ запустить руку между корою и ея деревомъ? Терплю, молчу и жалуюсь на одну только дороговизну. Впрочемъ, я уже два раза имѣлъ съ княземъ объясненія и вымолвилъ ему, что врядъ ли мнѣ долго можно оставаться въ Крыму. Vogue la galère! Что̀ Богу будетъ угодно. Изъ сего неизбѣжнаго зла по крайней мѣрѣ извлекаю философскій синкретизмъ или, лучше сказать, развязку и ключъ Петербургскихъ преслѣдованій. Какъ мало благородныхъ музыкъ на землѣ! Но если Жанъ-Жакъ-Русовскій бытъ мой плохъ, за то не могу довольно нахвалиться нѣкоторыми изъ здѣшнихъ обывателей, и вотъ на первомъ планѣ красуется для меня графъ Михайло Семеновичъ Воронцовъ. О, этотъ человѣкъ, монументальный и наружностію, и психизмомъ, немало доставляетъ утѣшенія разбіенному духу моему. Отрадно сочувствіе такого человѣка, какъ онъ. Вотъ напримѣръ въ нынѣшній Четвертокъ, приглашая меня въ обворожительную свою виллу и получивъ отъ меня отказъ на обязательное его предложеніе по причинѣ рожи на ногѣ, отъ которой я съ трудомъ и приподымаюсь, самъ прiѣхалъ ко мнѣ и долго у меня просидѣлъ. Истинно вельможа и въ ласкахъ; его аристократія есть елей благодатной старицы Хвостовой, которая, если прислоняется къ человѣку, то этотъ человѣкъ нѣмѣетъ отъ проникновеннаго радушія: сердце тепло, умъ чувствуетъ себя въ просторѣ.....

Дѣйствительно, натура здѣшнихъ мѣстъ поразительно прекрасна; сѣдыя горы перевитыя облаками, виноградъ, котораго сладость и благовоніе мы, сѣверные жители, и въ умѣ не умѣемъ представить. Сегодня здѣшняя экономка принесла мнѣ корзинку золотистаго винограда, букетъ цвѣтовъ, въ которомъ пышно красуется лучшій родъ розы съ ея живительнымъ и свѣжимъ ароматомъ. Чудеса да и только! Но только сѣверному Жилблазу вашему не поздоровилось, крѣпко не поздоровилось.

Князева жизнь покойна: что̀ день, то новый куртагъ; все сыплетъ къ нему, и все его занимаетъ. Графиня ѣздитъ къ нему по вечерамъ читать книги; старикъ въ душѣ увѣренъ, что насталъ для него истинный палладіумъ.

Если вы, моя любезная мать, по волѣ Промысла, очень много привносили въ мой міръ, то воздохните въ нынѣшній разъ предъ Господомъ о ниспосланіи мнѣ благодати и здравія на одрѣ болѣзни. Вчера навѣстилъ меня графъ Воронцовъ, сегодня князь Александръ Николаевичъ; но вчера я чувствовалъ себя нѣсколько бодрѣе и могъ, хотя съ великимъ трудомъ, волочить ноги; сегодня дѣлается со мною хуже; не знаю, что̀ будетъ завтра.

6 Ноября 1842 года. Корейсъ".

Въ числѣ людей, желавшихъ сдѣлать его пребываніе печальнымъ и грустнымъ, Бартеневъ подразумѣваетъ сводную сестру князя, Елисавету Михаиловну Кологривову. Еще въ Петербургѣ онъ имѣлъ столкновеніе съ этою раздраженною старою дѣвою, но тамъ ея воздѣйствіе на князя умѣрялось постояннымъ пребываніемъ Бартенева при своемъ благодѣтелѣ; здѣсь же его продолжительная болѣзнь дала возможность Кологривовой усилить свое вліяніе на брата. *Запускать руку между корой и деревомъ* Юрій Никитичъ не былъ охотникомъ, и когда по выздоровленіи своемъ увидѣлъ, что князь окончательно находится въ рукахъ своей сестры и Ялтинскаго почтмейстера князя Козловскаго, сдѣлавшагося непомѣрно наглымъ, что именемъ князя совершаются злоупотребленія, противодѣйствовать которымъ онъ не имѣлъ возможности, тогда онъ рѣшилъ оставить своего благодатнаго старца. Но до окончательнаго разрыва было еще далеко; князь Козловскій еще заискивалъ у Бартенева; Кологривова наносила ему лишь косвенные удары; а князь, до конца дней своихъ сохранявшій самое теплое къ нему чувство, не смотря на наговоры, усердно навѣщалъ его, порой горько жалуясь, что-де «сестрица тебя крѣпко не жалуетъ». А между тѣмъ болѣзнь все усиливалась и не поддавалась лѣченію мѣстнаго док-

тора Шмидта. Пущены были въ ходъ всѣ средства тогдашней науки; больнаго поили какимъ-то декоктомъ, давали внутрь нѣкое лѣкарство «кальгокомъ» и каломель, ногу то окуривали и мазали масломъ и растирали спиртомъ, то завертывали въ сырыя салфетки. По совѣту А. П. Хвостовой Юрій Никитичъ велѣлъ «ободрать лохматую собаку и, не вымывая шерсти, съ анимальнымъ ея тепломъ и елейностью, обложилъ ея шкурою больное колѣно, а сверху обвязалъ зайченкомъ». Но и это средство не помогало. Нѣкоторую помощь принесли втиранія какого-то ароматическаго спирта, присланнаго больному графомъ Воронцовымъ. Этотъ спиртъ добывался въ Индіи, и для полученія одной стклянки надлежало сдѣлать вытяжку изъ цѣлаго воза благовонныхъ травъ.

Приходилось утѣшаться тѣмъ, что болѣзнь отдаляла апоплексическій ударъ, отъ котораго умирали почти всѣ сородичи Бартенева. На душѣ больнаго было «грустно и безнадежно, все изсякнуло кромѣ животрепещущаго баласта грѣховъ».

Изъ письма Бартенева къ Гаврилѣ Степановичу Попову мы узнаёмъ, кто составлялъ тогдашнее общество князя Голицына.

«Чтò вамъ сказать, почтеннѣйшій Гаврило Степановичъ, о себѣ? Развѣ то только, что такой нужды, какую я здѣсь со своимъ семействомъ переношу, я не имѣлъ даже и во время незабвенной кампаніи 1812 года*). На другой день послѣ моего пріѣзда я уже сдѣлался боленъ и началъ принимать лѣкарства, а въ минуту отправленія этого письма я лежу распростертый на тяжкомъ одрѣ болѣзни, и при томъ нѣсколько уже недѣль, какъ я въ этомъ самомъ положеніи.

Въ первыя недѣли моей болѣзни я не могъ даже двигаться членами моего тѣла; теперь, съ пособіями ближнихъ, я имѣю нѣкоторое движеніе; но кромѣ того, всякаго рода лишенія ежедневно даютъ мнѣ чувствовать свое острое жало. Одно лишь утѣшеніе имѣлъ я на дняхъ, что удостоился пріобщиться Святыхъ Тайнъ Христовыхъ; это подняло упавшій духъ мой и воодушевило меня нѣкоторою надеждой на благость Провидѣнія.

Чтобъ изобразить вамъ чрезъ примѣръ, какая это злосчастная страна Крымъ, скажу только, что мнѣ теперь нужны были піявицы ко вторичному отнятію крови у больной ноги моей; но я не знаю, гдѣ

*) Письмо Бартенева о бѣдствіяхъ, испытанныхъ имъ во время похода 1812 года, напечатано П. И. Щукинымъ въ первой части его прекраснаго сборника „Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года", часть 1-я, стр. 77—89. Ю. Б.

ихъ отыскать и не имѣю положительной надежды: здѣсь все такъ трудно, а многое невозможно. Все мое семейство, включая въ оное и служащихъ моихъ, болѣе или менѣе здѣсь переболѣло. Я бы бѣжалъ отсюда, какъ отъ великой напасти, если бы болѣзненное ложе не приковывало меня къ себѣ крѣпкими узами. Мы всѣ уныли въ духѣ, холодаемъ и голодаемъ въ полномъ значеніи этого слова. Холодаемъ потому, что нѣтъ печей въ томъ домѣ, гдѣ я прозябаю; а голодаемъ потому, что здѣсь ничего не сыщешь и все въ тридорога противъ самаго даже Петербурга; девять же десятыхъ неизбѣжныхъ вещей въ обыкновенной жизни и сыскать невозможно. Самые необходимые припасы, начиная съ зелени, надобно выписывать изъ губернскаго города, столь отъ насъ отдаленнаго.

Что-жъ касается до благодатнаго старца, то Господь видимо поддерживаетъ его въ цвѣтущемъ здоровьѣ, мирѣ и благоденствіи. Настоящій домъ его гораздо покойнѣе и комфортабельнѣе Петербургскаго; всѣ здѣшніе матадоры, мужчины и женщины, наперерывъ стараются облегчить бремя его уединенія. Графъ Воронцовъ каждый день къ нему является и ежедневными взносами мѣстныхъ произведеній разнообразитъ обыденную жизнь достопочтеннаго князя. Безпрестанное чтеніе, какъ неугасающая лампада, поддерживаетъ теплоту въ мышленіяхъ старца. Графиня Воронцова не доѣдаетъ своего поздняго Англійскаго обѣда, чтобъ поспѣшить перескакать довольно нарочитое пространство пути, дабы въ условленный и привычный часъ утѣшить князя постояннымъ и продолжительнымъ чтеніемъ.

Другой чтецъ князь Мещерскій; тотъ живетъ подъ бокомъ у князя. Этого начетчика ужъ князь самъ уговариваетъ, чтобъ не всѣ сподвалъ читалъ газеты, по обыкновенному обычаю Мещерскаго: такъ живущъ, могучъ и силенъ провинціальный аппетитъ его. Третій начетчикъ есть нашъ Ялтской почтмейстеръ, князь Козловскій; этотъ человѣкъ есть маленькое провидѣніе для меня и семейства моего. Господь не даромъ увѣнчалъ старанія ваши объ немъ, и онъ за вашу доброту платитъ намъ своею добротой. Желая облегчить недугъ мой, князь Козловскій ѣздитъ даже ночью по здѣшнимъ дачамъ отыскивать мнѣ нужныя и необходимыя пособія. Четвертая читательница есть наша Варенька, которую, однако жъ, князь бережетъ и тогда лишь употребляетъ, когда вышеупомянутыя мною лица не найдутся подъ рукой. Теперь онъ рѣже сталъ посылать за нею, чтобъ не лишить меня дочернихъ ея стараній въ продолжительномъ моемъ недугѣ; потому что жена моя и сама едва таскаетъ ноги и растратила свои силы, находясь денно и нощно при одрѣ болящаго.

Благодатный старецъ не перемѣнилъ ко мнѣ своего искренняго, возрастающаго расположенія; не смотря на погоду, онъ часто посѣщаетъ меня, сидитъ съ терпѣніемъ у моей постели и тогда, когда я отъ слабости сплю, не допускаетъ разбудить меня; и вотъ недавно, когда благодатная религія, въ лицѣ ея священнослужителя, принесла мнѣ потиръ со Святыми Тайнами, старецъ у кровати моей колѣнопреклонно встрѣтилъ Святые Дары и со слезами испрашивалъ у Господа облегченія и исцѣленія болѣзни моей. Обыкновенно чрезъ каждые три или четыре дня старецъ даетъ мнѣ милостыню своего общенія. Признаюсь, это одно только утѣшеніе и развлеченіе для томной и упадшей души моей. Не могу умолчать и объ участіи графа Воронцова къ сѣверному пришельцу; и тотъ иногда приходитъ къ кровати моей и даетъ мнѣ замѣтить обязательное созвучіе къ моей немощи; такимъ образомъ нѣсколько разъ заставалъ онъ у меня и князя, и эта сугубая бесѣда доставляла мнѣ нѣкоторое отрадное развлеченіе. Ночей я уже давно не сплю какъ должно, и бурный вой врывающихся здѣшнихъ вѣтровъ отзывается иногда болью въ составахъ моихъ. Единственный здѣшній лѣкарь, который меня лѣчитъ, окрестилъ сперва болѣзнь мою рожею, потомъ притеченіемъ крови, острымъ летучимъ ревматизмомъ, а теперь говоритъ, что это подагра, постоянно уже усѣвшаяся въ колѣнкѣ правой ноги; а я знаю, что это не иное что, какъ враждебный климатъ Крымскій, въ который я поѣхалъ такъ самодовольно пользоваться; сбылась со мною та Русская пословица, гдѣ говорится, что залетѣла ворона не въ свои хоромы. Довольно! Зачѣмъ подобными іереміядами нарушать обычную веселость духа вашего? Я оканчиваю и прошу васъ пожелать мнѣ, чтобъ моя нога сколько-нибудь могла двигаться, и то бы для меня на первый разъ было вожделѣнно».

Въ тотъ же день Юрій Никитичъ занесъ въ дневникъ свой: «Нѣтъ жизни, нѣтъ свѣта въ моемъ подземельѣ. Болтовня, знойныя заботы, какая-то досадливость волнуютъ духъ, и дверь на Востокъ затворена».

Не смотря на уныніе и упадокъ силъ, онъ слѣдилъ за политическими событіями и поддерживалъ оживленную переписку. Доброжелатели не забывали его.

Письмо Симферопольскаго губернатора А. И. Казначеева.

7 го Декабря 1842. Симферополь.

Губернскій городъ — настоящая пародія столицы, карикатурная копія съ великолѣпной картины: въ немъ, какъ и въ столицѣ, такой же недосугъ отъ бездѣлья, суеты и пустословія. Вотъ отчего доселѣ не писалъ я къ вамъ, любезнѣйшій Юрій Никитичъ, и не посылалъ обѣ-

щанныхъ тетрадей моихъ [1]). Посылаю ихъ теперь. Въ нихъ недостаетъ многихъ приложеній, которыя при переходѣ съ квартиры на квартиру куда-то застряли. Авось отыщу и пришлю вамъ въ свое время. По прочтеніи, прошу возвратить мнѣ цѣлостно: у меня копій нѣтъ, слѣдовательно цѣлость посылаемаго для меня необходима.

Отъаукнитесь, ради Христа, каково здоровье ваше? Каково здоровье достопочтеннѣйшаго нашего князя, вашей супруги и Елизаветы Михайловны? Когда день рожденія князя? Не сѣтуйте за вопросы, они отъ души.

При возвращеніи моихъ тетрадей, прошу васъ также взять у князя мою книгу Москвитянина, № 3, гдѣ есть знаменитая статья Посошкова, и пришлите мнѣ ее съ тетрадями.

У меня пріѣзжіе гости, князь Херхеулидзевъ [2]) съ семействомъ; онъ только-что возвратился изъ чужихъ краевъ и мѣшаетъ мнѣ завострить мое посланіе къ вамъ путными идеями. Итакъ, примите его въ настоящемъ камоломъ (чтобы не сказать въ тупомъ) видѣ, съ дружественнымъ снисхожденіемъ. Искренно любящій васъ и уважающій А. Казначеевъ».

9-го Декабря въ дневникъ занесенъ случай, ясно показавшій, въ какомъ печальномъ духовномъ состояніи находился и князь Голицынъ.

«Поутру разбудили жену и потребовали у нея десять большихъ піявокъ. Сказали, что князь занемогъ и что за докторомъ два раза уже посылали. Я сдѣлался весь тревогою, думалъ, что не простудился-ли князь вчера за обѣднею [3]). Посыпались, зароились слои мыслей, предположеній. Посылаю Катю узнать и провѣдать князя на мѣстѣ. Находятъ его здоровымъ. *Онъ припускалъ піявокъ по наряду сомнамбулы*». Случай этотъ сильно огорчилъ Юрія Никитича, а между тѣмъ князь возъимѣлъ намѣреніе лѣчиться отъ своего катаракта на глазу у знаменитой въ то время своими чудодѣйственными исцѣленіями г-жи Турчаниновой и рѣшилъ пригласить ее къ себѣ въ Крымъ. Это очень не понравилось Бартеневу. Домашнія непріятности и болѣзнь, все не прекращавшаяся, омрачали духъ его, и онъ писалъ: «Погребъ мой заваленъ каменьями, чтеніе святыхъ отцовъ не поможетъ-ли найти входъ? Нѣтъ живой надежды; прошу, однако, о томъ Господа».

18-го Декабря болѣзнь усилилась. «Тѣло обратилось въ болячку. Пріѣзжалъ ко мнѣ графъ Воронцовъ прощаться. Разсказывалъ, какъ онъ былъ у Бернадота, о его кротости и незлобіи. Разсказывалъ, какъ

---

[1]) Это было обозрѣніе Тавріи, составленное Казначеевымъ для Наслѣдника-Цесаревича. Ю. Б.

[2]) Керченскій градоначальникъ. Онъ чуть не утонулъ въ Ялтинской рѣчкѣ. Ю. Б.

[3]) Накапунѣ ему минуло 69 лѣтъ Ю. Б.

оговорили его Александру, при вступленіи корпуса, имъ командуемаго, изъ Франціи въ предѣлы Россіи. Сѣлъ на кровать мою и почти со слезами прощался со мною; сказалъ, что и графиня ко мнѣ будетъ. И точно, графиня съ дочерью меня посѣтили. Разсказывала, какъ была у султана. Онъ подарилъ ей двѣ шали и чашку для кофе, въ золотѣ и драгоцѣнными каменьями обдѣланную. Глаза у султана кроткіе, величіе въ лицѣ и доброта. Газетёры не такъ его представляли. Съ любовію и простотой со мною простилась».

Юрій Никитичъ передалъ гр. Воронцову какія-то благочестивыя письма, съ неизвѣстнымъ графу описаніемъ Крыма. Въ тотъ же день въ дневникѣ записано: «Разсѣявалъ себя чтеніемъ Норвегіи и Швеціи изъ Мальте-Брюна *). Пересталъ читать назидательныя книги. Глухая ночь въ сердцѣ. Чувства скитающіяся, сны дурные. Вижу, что душа далеко, чтобы быть очищенною. Слабая надежда, слабая вѣра, вмѣсто любви какое-то полу-непріязненное чувство къ тѣмъ, которыхъ считаю себѣ недоброжелателями. Разговоръ несдержанный и даже ссорящій ближнихъ. Господи помоги, Господи помочь мнѣ потщися!» И проникнувшись настоящимъ религіознымъ чувствомъ, онъ начинаетъ благодарить Бога и за недугъ свой. «Какъ душѣ оглядѣться, пишетъ онъ, какъ не при недугѣ? Въ болѣзни есть тайна: благоговѣю предъ милосердіемъ Божіимъ... Не отметни, Святый Израилевъ, одну единицу, которая простираетъ къ тебѣ руки. Въ житницахъ Твоихъ много зеренъ; что̀ же Твоему неизмѣримому благоутробію значитъ бросить еще одно зеркушко къ избранному хлѣбу? Это зернушко—я, попираемое, но не раздавленное еще, по милости Твоей, зерно неполновѣсное, худосочное».

Затянувшаяся болѣзнь навела Бартенева на мысль полѣчиться Саккскими грязями, о чемъ онъ и спрашивалъ А. И. Казначеева, который отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

18 Декаб. 1842. (Симферополь).

Письмецо ваше, любезнѣйшій Юрій Никитичъ, отъ 10-го Декабря, со вложеніями, я имѣлъ удовольствіе получить, и очень радъ, что мои бредни заняли васъ хоть сколько нибудь не безъ пріятности. Жалѣю, что вы не прочли отдѣльныхъ бумагъ; онѣ едвали не любопытнѣе краткой выписки изъ моего дневника.

Вамъ не понравились выраженія: выгоды Краевскія, Краевскіе доходы—и дѣльно. Такіе эпитеты можно бы назвать дѣйствительно Татарскими идіотизмами; но въ моей рукописи нѣтъ краевскихъ, а есть краёвыя выгоды, краёвые доходы, т. е. выгоды и доходы края, мѣстные.

*) Malte-Brun (1775—1826), Датчанинъ по происхожденію, ученый географъ нашего столѣтія. Особенною извѣстностью пользовалась его Géographie mathématique physique, politique, 16 vs. Paris 1803—1807. Ю. Б.

Такія выраженія согласны съ свойствомъ и составомъ Русскаго языка. Ошибка, вѣроятно, произошла отъ нечистописанія.

За стихи кн. Вяземскаго искренно благодарю васъ: они доставили мнѣ душевное наслажденіе. Да, почтенный Юрій Никитичъ, Министерство Комерціи также бы полезно было для Россіи, какъ для этого министерства полезенъ кн. Вяземской или ему подобные: дѣло мастера боится.

Сердечно радуюсь посѣщенію графини; она всегда является какъ свѣтлый Ангелъ-утѣшитель тамъ, гдѣ утѣшеніе нужно.

Москвитянина пришлю вамъ послѣ; а теперь скажу нѣсколько словъ о Сакскихъ грязяхъ. Цѣлебныя грязи наши славны съ незапамятныхъ временъ и такъ были извѣстны, что, при занятіи нами Крыма, Великая Екатерина немедленно повелѣла построить тамъ домикъ, который назывался дворцомъ. Я нашелъ его развалины и возвелъ новое строеніе о 12-ти покояхъ со службами, учредилъ на первый разъ что̀ можно было, опредѣлилъ смотрителя и сторожей, пригласилъ маркитанта для снабженія пріѣзжихъ продовольственными припасами, приставилъ и доктора съ аптекою для наставленій и помощи болящимъ. На самомъ ложѣ грязей установилъ двѣ складныя палатки, мужскую и женскую. Теперь, думаю, все это еще въ лучшемъ положеніи; я тамъ давно не былъ. Сіи грязи оказываютъ чудесное дѣйствіе преимущественно въ цѣленіи ревматизмовъ, паралича, затвердѣлыхъ опухолей, заваловъ и внутреннихъ нечистотъ. Сила испарины, производимая грязями, необычайна, но не ослабляюща состава тѣла. Со всѣмъ тѣмъ, изцѣлившіеся отъ недуговъ, недѣлю послѣ употребленія грязей, купаются въ морѣ для скрѣпленія поровъ и омоложенія постарѣлыхъ отъ болѣзней. Самые упорные недуги проходятъ отъ семи грязныхъ ваннъ; для другихъ достаточно четырехъ. Пользованіе грязями начинается въ Іюлѣ мѣсяцѣ и кончается исходомъ Августа. Въ полверстѣ отъ грязей и соленаго озера находится Татарское селеніе Саки, гдѣ устроена почтовая станція, въ 19-ти верстахъ отъ портоваго городка Евпаторіи и въ 40-ка отъ Симферополя. Довольно о семъ покуда; при свиданіи поговоримъ обстоятельнѣе.

Вы говорите, что съ нѣкотораго времени чувствуете себя хуже. Это меня сокрушаетъ! Но я много уповаю на благорастворенный воздухъ нашъ и еще болѣе на всевоскрешающую нашу весну—поэзію въ лицахъ! Она оживитъ всѣхъ... полнымъ благоговѣйнымъ чувствомъ къ Великому Творцу прелестной природы смететъ съ лица земли слабости земныя и недуги душевные, покроетъ ихъ цвѣтами забвенія и воцаритъ блаженство, здравіемъ и христіанскою любовію!

Порадовали вы меня здоровьемъ святаго нашего князя. Его присутствіе въ краѣ нашемъ навѣваетъ на насъ благодать Божію. Дай

Богъ, чтобы и Елисавета Михаиловна избавилась отъ своихъ ревматизмовъ, завезенныхъ сюда изъ Петербурга; они не здѣшнія произведенія и, какъ сѣверныя растенія, должны исчезнуть или испариться на Югѣ.

Жена моя благодаритъ васъ за воспоминаніе и проситъ изъявить ея почтеніе супругѣ вашей; а я цѣлую у нея ручки и усердно кланяюсь младой вашей собесѣдницѣ. Васъ отъ души обнимаю. *А. Казначеевъ.*

При случаѣ, прошу васъ засвидѣтельствовать князю Ал. Николаевичу высокое мое почтеніе.

19 Декабря.

Сего числа вечеромъ пожаловали къ намъ графъ и графиня Воронцовы. Всѣ здоровы. Послѣ завтра отправляются они въ Одессу. Съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминали они о князѣ и говорили о васъ».

Въ это время Бартеневъ принялся за чтеніе Тертуліана, который однако ему мало нравился. По поводу своей жадности къ чтенію онъ пишетъ образнымъ языкомъ своимъ: «Я весь растерялся по окружности круга. Господи, прости мнѣ мое разсѣяніе; не поставь въ ожесточеніе воли, если не утвердившійся въ духѣ больной ищетъ разумичнаго разсѣянія, составляющаго и доселѣ для него постояннаго идола».

А между тѣмъ, не окончивъ Тертуліана, онъ принимается за Гиббонову «Исторію упадка Римской имперіи» и Цшоковы *) «Религіозныя размышленія».

Къ Рождеству здоровье Бартенева стало поправляться, и онъ уже немного сталъ ходить, чему несказанно радовался и во время праздничнаго обѣда неудержимо болталъ, за что сдѣлалъ себѣ такое внушеніе: «излишняя болтовня, хотя и невинная, окрадываетъ молитву, совѣсть туманится, нѣтъ прозрачности во внутренности».

Юрій Никитичъ вѣрилъ снамъ, и его дневники полны описаніями сновидѣній и размышленіями по ихъ поводу. Въ этотъ день онъ видѣлъ во снѣ А. С. Пушкина и проснувшись сталъ горячо молиться объ упокоеніи души его. Чувствуя улучшеніе здоровья, Бартеневъ сталъ приводить въ порядокъ свою библіотеку и бумаги. «Съ нѣкотораго времени, писалъ онъ, подходитъ ко мнѣ духъ раздора, смущаетъ душу мою намеками на ближняго, отнимаетъ мой тощій миръ, указываетъ противную для меня и злую сторону въ людяхъ. Въ рукописномъ сочиненіи Гамалеи я вычиталъ въ Москвѣ, что этотъ духъ и не неизвѣстенъ для практикующаго христіанина. Прошу распятаго

---

[1]) Zschokke (1771—1848), по прозванію Швейцарскій Вальтеръ-Скотъ, писалъ драмы, романы, сказки, историческія сочиненія. Во всѣхъ сочиненіяхъ проводилъ онъ строго нравственныя идеи. Ю. Б.

Искупителя моего спѣшно отогнать отъ меня этого духа, ловко дѣйствующаго на мою темпераментальную раздражительность и глубоко бросающаго сѣмена въ яростную часть души моей».

Бесѣды съ кн. Мещерскимъ, Штеричемъ, директоромъ сада въ Оріандѣ, и «благодатнымъ старцемъ», который часто навѣщалъ его, требуя напр. объясненія сновъ своихъ, наполняли время Бартенева. Любознательность его не ослабѣвала: познакомившись въ біографіи Мишо *) съ жизнью Саади, онъ перечитывалъ о Персіи все что́ имѣлъ подъ рукой. «Пробѣгая исторію этой страны, занесъ онъ въ дневникъ, по Греческимъ и Персидскимъ преданіямъ, всматриваясь въ пышность двора и въ странный этикетъ его, сосчитывая тысячу женщинъ или дѣвицъ, составляющихъ гаремъ шаха, невольно мысли заклубились проникнуть идею Персіи. Къ чему эта страна предназначается, зачѣмъ эти вѣковые застои невѣжества, суевѣрія и гнуснаго магометизма коснѣютъ надъ этимъ земнымъ раемъ; скоро-ли Господь просвѣтитъ этотъ издревле мужественный народъ, надъ которымъ начальствовалъ нѣкогда любимецъ Его Киръ? Перебирая въ мысляхъ возможность обновленія сей страны, почувствовалъ нѣкоторую мягкость, нѣкоторое полувлеченіе ко Господу, но это слабое и для самого себя чуть уловимое движеніе. Перебирая біографію, читалъ слѣдующія жизнеописанія: Сенъ-Мартена, лорда Шафтесбюри и Зороастра. Послѣдняя пьеса обширная, изысканія археологическія, мастерскія, но онъ механически смотритъ на Зороастра; авторъ поставляетъ Зороастра искуснымъ артистомъ или лучше лицедѣемъ, ибо отметаетъ всякое наитіе Божіе». Чтеніемъ психологіи Боттеня и письмомъ къ своему старому знакомому Яну, которому черезъ князя Александра Николаевича Бартеневъ снискалъ благоволеніе графа Киселева, закончился день. А въ заключеніи записи стоитъ помѣта: «мало занимаюсь духовными сочиненіями; не врагъ ли началъ методически дѣйствовать надъ моей волей, вводя ее въ обычные вкусы, отдѣляющіе человѣка отъ хожденія его передъ Господомъ?»

31-го Декабря Юрій Никитичъ настолько уже оправился, что могъ съ нѣкоторою торжественностью встрѣтить новый годъ, освѣтилъ комнаты многими свѣчами, одѣлся, умылся, *надѣлъ тупей* и сѣлъ въ кресла. Пріѣхавшій къ нему князь Козловскій замѣтилъ, что платье на немъ сидитъ какъ на вѣшалкѣ. А когда онъ сталъ «возносить духъ свой ко Господу, то возношенія его были сухи и болѣе нежели земляны».

Такъ окончился скорбный для него 1842 годъ.

Ю. Б.

---

*) Joseph Michaud, членъ Французской Академіи (1767—1839), извѣстный историкъ и публицистъ. Наиболѣе распространена его „Исторія Крестовыхъ походовъ", 1811—1822. Изданная имъ совмѣстно съ братомъ его „Biographie Universelle" не утратила до сихъ поръ своего значенія. Ю. Б.

СЕРГѢЙ ТИМОѲЕЕВИЧЪ АКСАКОВЪ КАКЪ ЦЕНЗОРЪ.

Полной и обстоятельной біографіи С. Т. Аксакова, какъ извѣстно, еще не имѣется въ нашей литературѣ. Свѣдѣнія о немъ заимствуются, большею частью, изъ его собственныхъ отрывочныхъ воспоминаній; да еще изъ одной записки его сына И. С. Аксакова, который готовился писать біографію своего брата Константина и оставилъ лишь вступительную главу. Изъ этихъ двухъ источниковъ черпаются всѣ свѣдѣнія объ авторѣ *Семейной Хроники*. Но ни въ томъ, ни въ другомъ почти вовсе не упоминается о служебныхъ годахъ Сергѣя Тимоѳеевича; такимъ образомъ въ его біографіи исторія его служебныхъ годовъ составляетъ вовсе неизвѣстную страницу. Настоящею статьей мы и хотимъ восполнить этотъ именно пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что по этому поводу, при всей скудости біографическихъ свѣдѣній, успѣли уже найти себѣ мѣсто въ печати такія сужденія, которымъ лучше бы и вовсе не появляться.

Напримѣръ, въ одномъ сочиненіи ставится на видъ, будто при воспитаніи С. Т. Аксакова смолоду было сдѣлано непростительное упущеніе: въ немъ старались развить только «правдивость и честную прямоту всѣхъ человѣческихъ отношеній», но проглядѣли, что «рядомъ съ такимъ, такъ сказать, воспитаніемъ чувства правды, истины, должно непремѣнно идти возбужденіе добрыхъ альтруистическихъ чувствъ на счетъ подавленія эгоизма, воспитанія сердца, теплоты душевной»; отъ этого «уже въ ранней юности Аксаковъ оказывается не на сторонѣ прогрессивной части общества, отъ которой шло передовое литературное развитіе Россіи; позади же остался онъ и сорокъ лѣтъ позже, когда повелъ за собою общество Бѣлинскій» *).

За недостаткомъ, видите ли, *альтруистическихъ чувствъ* Аксаковъ и по окончаніи гимназическаго и университетскаго курсовъ въ Ка-

*) „С. Т. Аксаковъ, 1791—1891 гг. Дѣтскія годы Багрова-внука. Юбилейное изданіе Н. Г. Мартынова. Критико-біографическій очеркъ, соч. Виктора Острогорскаго“, стр. 49 и 68.

зани остался таковъ какъ былъ: «дитя природы и помѣщичьей семьи». Поэтому именно, попавъ даже на службу въ Петербургъ, *некультивированный* ребенокъ не могъ уже воспользоваться «тогдашнимъ пробужденіемъ и всеобщимъ оживленіемъ»; всѣмъ, кипѣвшимъ вкругъ него Петербургскимъ прогрессомъ. А самую эту «эпоху пробудившейся Русской жизни, которую Пушкинъ знаменательно назвалъ началомъ «прекрасныхъ Александровыхъ дней» и къ которой Аксаковъ былъ безучастенъ, авторъ «Очерка» описываетъ такъ: «Пробужденіе особенно замѣтно было въ Петербургѣ, гдѣ кипѣла въ то время вызванная самимъ правительствомъ и патріотическимъ чувствомъ, проснувшимся подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ, законодательная дѣятельность, въ просвѣтительномъ смыслѣ, и чрезвычайно оживилась литература, путемъ особенно переводовъ, знакомившихъ публику съ лучшими историческими, политическими и политико-экономическими сочиненіями... *) Въ обществѣ велись разговоры о реформахъ, обсуждались мѣры и дѣйствія правительства и администраціи. Но все это просвѣтительное общественное движеніе прошло мимо Аксакова, нисколько не повліявъ на его умственное и общественное развитіе. Не говоря уже о крайней молодости и малой образованности, онъ, не отличаясь любознательностью въ смыслѣ научномъ или общественномъ, былъ еще чрезвычайно наивенъ... Послушное старшимъ дитя природы и помѣщичьей семьи, чуждое всякимъ постороннимъ вліяніямъ, дитя, одаренное самороднымъ, но неразвитымъ умомъ и талантами, никѣмъ не культивированными и здраво не направленными» (стр. 67 и 68).

Приведенныя выписки изъ этой диковинной біографіи С. Т. Аксакова, которою украшено «*юбилейное изданіе*» его сочиненій, заранѣе даютъ угадывать, что біографъ отнесется съ особенною строгостью къ цензорской дѣятельности своего юбиляра. Авторъ *Семейной Хроники*, какъ извѣстно и какъ самъ о томъ разсказываетъ въ *Воспоминаніяхъ*, нуждался одно время получить «мѣсто въ Москвѣ съ порядочнымъ жалованьемъ». Благодаря своему хорошему знакомству съ тогдашнимъ министромъ просвѣщенія, А. С. Шишковымъ, С. Т. Аксаковъ и получилъ такое мѣсто. Четыре года съ половиной, именно съ Іюля 1827 года по Февраль 1832 г., онъ состоялъ въ трехъ разныхъ званіяхъ на службѣ по цензурному вѣдомству. По мнѣнію его біографа, должность цензора въ то время, болѣе чѣмъ когда-либо, «требовала великой служебной ловкости, соединенной съ широкимъ образованіемъ и тонкимъ тактомъ; а этихъ качествъ вовсе не было у

---

*) Этими выраженіями свидѣтельствуется, что г. Викторъ Острогорскій недостаточно знакомъ съ исторіею того времени. П. Б.

добродушнѣйшаго Сергѣя Тимоѳеевича» (стр. 86). Главною ему виной, какъ цензору, вмѣняется слѣдующее: «Не понимая значенія Николая Полевого, который въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ» старался проводить болѣе серьезныя требованія отъ литературы... Аксаковъ относился къ «Московскому Телеграфу» слишкомъ строго. Братъ Полевого, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, утверждаетъ, напримѣръ, что, въ качествѣ ближайшаго помощника своего брата, онъ былъ неоднократно свидѣтелемъ отчаянія, въ которое тотъ приходилъ отъ цензорскихъ зачеркиваній Сергѣя Тимоѳеевича» (стр. 86). Въ доказательство той же нелиберальности біографъ ссылается еще на С. А. Венгерова и на П. А. Ефремова. Первый утверждаетъ, напримѣръ, что «при слабомъ развитіи гражданскихъ чувствъ» Аксаковъ даже «не находилъ ничего дурного въ томъ, чтобы поприжать издателя «Телеграфа»; а второй свидѣтельствуетъ, что изданіе стихотвореній Полежаева, процензурованное С. Т. Аксаковымъ, отличается «многочисленными исключеніями», которыхъ въ прочихъ изданіяхъ нѣтъ.

Хотя при изданіяхъ и переизданіяхъ одного и того же сочиненія многія или немногія «*исключенія*» мало зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія цензора, а всякій разъ состоятъ въ непремѣнной связи съ тѣми секретными циркулярами и предписаніями, кои сыплются на цензора свыше и, подобно цвѣту хамелеона, видоизмѣняются не по днямъ, а по часамъ, тѣмъ не менѣе авторъ «Критико-біографическаго очерка» внушительно ставитъ на видъ эту излишнюю строгость, приложенную Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ къ стихотвореніямъ «несчастнаго поэта». Также и по поводу жалобныхъ сѣтованій Ксенофонта Полевого авторъ премудро замѣчаетъ: «такъ какъ до сихъ поръ эти обвиненія не опровергнуты, то приходится признать справедливость факта вымарываній» (стр. 86).

Сообщая нѣкоторыя данныя по поводу цензорской дѣятельности С. Т. Аксакова, мы вовсе не имѣемъ въ виду, впрочемъ, какихъ-либо опроверженій и возраженій. Для всѣхъ, кто хоть мало знакомъ съ отечественною журналистикой 20-хъ и 30-хъ годовъ, вѣроятно, будетъ совершенно неожиданною новостью узнать, что «Московскій Телеграфъ» Полевого представлялъ въ нашей литературѣ какое-то серьезное явленіе. Полагать надо, самъ редакторъ этого журнала считалъ серьезнѣйшимъ изъ всѣхъ своихъ произведеній «*Исторію Русскаго народа*», а никакъ не свои журнальныя статьи; что̀ же, однако, можно еще представить несостоятельнѣе этого труда, при всемъ притязаніи на какую-то универсальность?

Служебная дѣятельность по цензурному вѣдомству въ подлинномъ формулярѣ С. Т. Аксакова опредѣляется такъ: «Утвержденъ цензоромъ при Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ 1827-го Іюля 22-го; назначенъ къ исправленію должности предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета 1828 Февраля 26. По преобразованіи Цензурнаго Комитета, отъ должности цензора и исправляющаго должность предсѣдателя уволенъ 1828 Декабря 8; причисленъ къ Департаменту Министерства Народнаго Просвѣщенія для особыхъ порученій, 1829 Января 25; опредѣленъ стороннимъ цензоромъ въ Московскій Цензурный Комитетъ 1830 Мая 10; изъ онаго, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, уволенъ, какъ чиновникъ, вовсе не имѣющій нужныхъ для званія сего способностей, 1832 Февраля 23 дня; по увольненіе таковое, какъ удостовѣрилъ Московскій Цензурный Комитетъ, не имѣетъ никакого вліянія на свидѣтельство безпорочной его службы и на продолженіе оной по другимъ частямъ».

Итакъ, назначенный въ должность, когда еще въ силѣ былъ старый Цензурный Уставъ, С. Т. Аксаковъ пробылъ въ должности одинъ годъ и пять мѣсяцевъ, послѣ чего былъ уволенъ. При введеніи новаго Цензурнаго Устава, когда Комитетъ долженъ былъ состоять при Московскомъ Университетѣ, а попечитель дѣлался главнымъ начальникомъ этого учрежденія, многіе изъ Московскихъ литераторовъ и издателей имѣли въ виду ходатайствовать о назначеніи С. Т. Аксакова «*стороннимъ цензоромъ*:» такъ называлась новая должность. Въ этихъ видахъ былъ составленъ адресъ на имя свѣтлѣйшаго князя Ливена (тогдашняго министра народнаго просвѣщенія), который адресъ, впрочемъ, очевидно, не понадобился, такъ какъ и безъ того «стороннимъ цензоромъ» былъ назначенъ прежній предсѣдатель Комитета. Сохранившійся въ прочихъ бумагахъ этотъ адресъ любопытенъ подписями тогдашнихъ издателей и писателей; на этомъ основаніи и приводимъ его въ точности. Вотъ онъ: «Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Извѣстясь, что въ Петербургѣ Цензурный Комитетъ уже открытъ по новому Уставу о цензурѣ, и предполагая, что въ Москвѣ также открытіе должно послѣдовать вскорѣ, мы осмѣливаемся довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости, что въ продолженіи дѣйствій прежняго Комитета мы отлично были довольны цензоромъ, исправлявшимъ послѣ должность и предсѣдателя, Аксаковымъ, со стороны его честности, добросовѣстности и дѣятельности. Мы не ласкаемъ себя надеждою, чтобъ ваша свѣтлость, при назначеніи сторонняго цензора въ новый Комитетъ, приняли въ особенное уваженіе сіе наше представленіе, но почитаемъ себя въ обязанности сдѣлать оное. Михайло Дмитріевъ. Князь

Александръ Шаховской. Иванъ Калайдовичъ. Дмитрій Перевощиковъ. Михаилъ Погодинъ. Матвѣй Карніолинъ-Пинскій. Михайло Загоскинъ. Өедоръ Кокошкинъ. Н. Ф. Павловъ. Павелъ Строевъ. Семенъ Селивановскій. Осипъ Свѣшниковъ Александръ Ширяевъ. Иванъ Базуновъ, Михаилъ Павловъ. Николай Степановъ. Антонъ Томашевскій. Семенъ Раичъ. 1828-го года Сентября 15 дня. Москва».

Замѣчательно, что новый Цензурный Уставъ *), противъ дѣйствовавшаго прежде, отличался свободой и широтою; но при всемъ томъ, со времени новаго Устава, цензорская должность и сдѣлалась рѣшительно невозможна. Почему такъ, это будетъ видно изъ объясненій самого С. Т. Аксакова, сохранившихся въ его бумагахъ, выдержки изъ которыхъ приводятся ниже, какъ не лишенныя значенія для его біографовъ.

Замѣчательно, напримѣръ, что такая пьеса, какъ «*Сцена изъ Фауста*» Пушкина, долго лежала въ портфелѣ издателя «Московскаго Вѣстника» (Погодина), прежде чѣмъ онъ рѣшился ее напечатать. Хотя въ то время самъ Государь Николай I-й благоволилъ взять на себя цензорство всѣхъ новыхъ произведеній нашего великаго поэта, и «Фаустъ» уже удостоился верховнаго одобренія, тѣмъ не менѣе со стороны цензуры ожидалось затрудненій. И во всѣхъ такихъ неудобовразумительныхъ случаяхъ издатели обращались къ С. Т. Аксакову съ просьбой взять на себя отвѣтственность разрѣшенія; кромѣ того, просили еще его личнаго совѣта, уже не въ качествѣ цензора, а какъ частнаго человѣка, которому вѣрили безусловно. «Я рѣшаюсь напечатать Фауста, пропущеннаго Царемъ, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ (такъ писалъ Погодинъ). Какъ вы думаете? Въ немъ есть соблазнительныя выраженія, если будемъ мы смотрѣть на нихъ порознь; но за ними есть и нравственное. Вникните въ запредпослѣдній монологъ Мефистофеля: въ грубыхъ наслажденіяхъ нѣтъ счастія и проч. Нарочно требую вашего совѣта».

А «*совѣтовать*» по тѣмъ временамъ было чрезвычайно трудно. Цензоръ, руководясь Уставомъ, не исполнилъ бы служебной обязанно-

---

*) Въ составленіи этого Устава, лежащаго въ основѣ и нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ, принималъ ближайшее участіе князь В. Ө. Одоевскій (какъ самъ онъ намъ неоднократно сообщалъ); главное же руководство принадлежало Д. В. Дашкову, младшему другу Карамзина, товарищу Жуковскаго и А. И. Тургенева (по Университетскому Благородному Пансіону), человѣку большаго ума и начитанности. Цензурный уставъ 1828 года былъ однимъ изъ благодѣяній новаго царствованія, которое готовило тогда Россіи и увольненіе крестьянъ *съ землею* отъ крѣпостной зависимости. Къ несчастію, благія царскія начинанія и учрежденія у насъ искажаются въ рукахъ исполнителей. П. Б.

сти, еслибы не разрѣшилъ къ печати того, что̀ нимало не противорѣчило Уставу; но поминутно случалось подвергаться выговорамъ и замѣчаніямъ за пропускъ совершенно дозволеннаго по Уставу и однакожъ *«неблаговременнаго»* по усмотрѣнію того или другого вѣдомства, тѣхъ или другихъ учрежденій, независимо отъ Цензурнаго Устава. Въ дѣла̀ по печати вмѣшивались тогда не только министры двора и иностранныхъ дѣлъ, но шефъ жандармовъ и военный генералъ-губернаторъ, даже и оберъ-полицiймейстеръ. Испытавъ уже личнымъ опытомъ, что многое, подлежащее безусловному пропуску по Уставу, возбраняется печатать по *«неблаговременности»*, независимо отъ Устава, С. Т. Аксаковъ отнесся къ графу Бенкендорфу особымъ письмомъ по поводу драмы Погодина *«Марѳа Посадница»*. Аксаковъ разрѣшивъ ее къ печати, такъ какъ она ничего не заключала въ себѣ противнаго Цензурному Уставу, тѣмъ не менѣе, находилъ несвоевременнымъ выходъ въ свѣтъ этого произведенія, въ виду не унявшагося тогда Польскаго мятежа. Съ согласія самого Погодина, цензоръ препроводилъ печатный экземпляръ графу Бенкендорфу и просилъ категорическаго отвѣта. Уклончивый отвѣтъ начальника III-го Отдѣленія. С. Т. Аксакову замѣчателенъ тѣмъ еще, что канцелярія графа не потрудилась справиться объ отчествѣ цензора, и графъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ вмѣсто «Тимоѳеевичъ» поставилъ Французское N. Это письмо помѣчено 1831 года 10 Марта, за № 1301. Вотъ оно:

«Милостивый государь Сергѣй N—ичъ! Искреннѣйше благодаря васъ, милостивый государь, за довѣріе, оказанное мнѣ вами въ письмѣ, при коемъ вы изволили препроводить ко мнѣ экземпляръ трагедіи «Марѳа Посадница Новгородская», напечатанный по дозволенію вашему, но не выпущенный въ свѣтъ по нѣкоторому сомнѣнію, для разрѣшенія коего вы, милостивый государь, съ согласія г. сочинителя сей трагедіи, спрашиваете мнѣнія моего, честь имѣю увѣдомить васъ, что чтеніе сей изящной трагедіи, написанной въ духѣ отлично-благородномъ и похвальномъ, доставило мнѣ величайшее удовольствіе, и что я не предвижу ничего могущаго препятствовать выпуску оной въ продажу; но въ уваженіе причинъ, побудившихъ васъ, милостивый государь, обратиться съ симъ вопросомъ ко мнѣ, я, со своей стороны, полагалъ бы неизлишнимъ, въ предупрежденіе какой-нибудь непріятности, отложить обнародованіе сего сочиненія до перемѣны нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ. Предоставляя, впрочемъ, сіе мое мнѣніе собственному вашему благоусмотрѣнію, честь имѣю быть, съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею предапностью, милостивый государь (собственноручно) вашъ покорнѣйшій слуга гр. Бенкендорфъ».

Цензоръ, очевидно уже наученный опытомъ понимать стиль высокопоставленнаго корреспондента, спустя нѣкоторое время вынужденъ былъ вновь просить категорическаго отвѣта: разрѣшить-ли выходъ въ свѣтъ этой «*изящной трагедіи*» или возбранить? Въ одномъ изъ слѣдующихъ обращеній къ графу Бенкендорфу Аксаковъ, между прочимъ, писалъ: «Кавелинъ [1]) извѣстилъ меня о благосклонномъ отзывѣ вашемъ насчетъ трагедіи «Марѳа Посадница Новгородская», который мы съ издателемъ приняли съ живѣйшею благодарностью. Осмѣлюсь повторить убѣдительнѣйшую просьбу о разрѣшеніи судьбы ея».

Касательно «*благовременности*» мы нашли въ бумагахъ С. Т. Аксакова еще одинъ запросъ по цензурному вѣдомству, который, по нашему мнѣнію, хорошо характеризуетъ нравственную личность писателя. По усмиреніи Польскаго мятежа 1830—1831-го годовъ, низшны нашей литературы позволяли себѣ самыя скорбныя и пошлыя выходки по адресу *vae victis!* Запрещать печатаніе подобныхъ площадныхъ памфлетовъ, на основаніи Цензурнаго Устава, причинъ не было; между тѣмъ лжепатріотическій духъ такихъ изданій прямо оскорблялъ истинно-народное Русское чувство [2]). Аксакову, какъ цензору, не хотѣлось плодить на себя жалобъ со стороны недовольныхъ авторовъ, и онъ испрашивалъ обузданія подобной патріотической литературы въ нижеслѣдующихъ строкахъ:

«Сторонній цензоръ Аксаковъ честь имѣетъ испрашивать разрѣшенія касательно тѣхъ сочиненій, содержаніе коихъ почему-либо оскорбительно народу Польскому; ибо таково теперь направленіе текущей словесности низшаго разряда. Въ Цензурномъ Уставѣ нѣтъ и не можетъ быть правилъ на сіе временное и частное обстоятельство; но не долженъ-ли цензоръ принять въ соображеніе и руководство послѣдній манифестъ Государя Императора, сего 6-го Октября данный, написанный въ духѣ милосердія и великодушнаго забвенія всего прошедшаго? 1831 г. Октября 15 дня».

---

[1]) Александръ Александровичъ Кавелинъ, пріятель С. Т. Аксакова, назначенный вскорѣ преемникомъ Мердера въ должности воспитателя Наслѣдника-Цесаревича. П. Б.

[2]) По этому же вѣроятно поводу написано Хомяковымъ, нѣсколько позднѣе, стихотвореніе Rittersрruch-Richterspruch.

Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете-ль? О стыдъ и позоръ!

Стихотвореніе это означено 1841-мъ годомъ. П. Б.

Жалобы недовольныхъ авторовъ составляли еще не самое главное зло въ терніяхъ тогдашняго цензорскаго служенія. Хуже всего было то, что въ самой пишущей братіи, между тогдашними литераторами разныхъ кружковъ и редакторами соперничествовавшихъ журналовъ, велись постоянные раздоры и, въ связи съ тѣмъ, личность цензора не была застрахована отъ внушеній самаго подозрительнаго свойства. Довольно было цензору угодить одному изъ редакторовъ и не угодить другому, чтобы сейчасъ же между ними началась уже вовсе не-литературная брань, а иная. Въ такомъ случаѣ одновременно поступала жалоба, но не оффиціальная, а келейная, и не письменная, а «усты ко устомъ», и на «вреднаго редактора», и на «вреднаго цензора», который мирволитъ-де зловредному направленію, а журналъ съ «благонамѣреннымъ направленіемъ», напротивъ того, «*прижимаетъ*».

С. Т. Аксаковъ, въ теченіе своей цензорской дѣятельности, не избѣгнулъ инсинуацій подобнаго рода. Былъ случай, вынудившій его одинъ разъ въ такихъ обстоятельствахъ просить защиты не только у своего непосредственнаго начальника, но и у графа Бенкендорфа. По сохранившимся черновымъ оригиналамъ приводимъ оба его письма. Первое писано къ его превосходительству А. А. В.[1]), а второе къ его высокопревосходительству графу Бенкендорфу.

«В. п. Послѣ Устава о цензурѣ строгаго (1826 г. Іюля 10-го) послѣдовалъ Уставъ, ему противуположный (1828 г. Апрѣля 22-го); ибо въ первомъ цензоръ, находя двусмысленность, *долженъ* былъ избирать дурной смыслъ; а въ послѣднемъ ему запрещается *произвольное толкованіе рѣчи въ дурную сторону*; предписывается смотрѣть *на духъ сочиненія, а не на отдѣльныя выраженія*. Но въ Январѣ, 12-го, нынѣшняго года [2]) получено въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ секретное предписаніе министра просвѣщенія, гдѣ между прочимъ сказано, что «*цензоръ отвѣтствуетъ не только за статьи, хотя нѣсколько несогласныя съ правилами Устава, но и за двусмысленныя*». Вы сами, ваше превосходительство, согласитесь, что положеніе цензора сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Уставъ позволяетъ—цензоръ запрещаетъ; Уставъ напечатанъ, предписаніе министра—тайна. Конечно, исключать все хотя нѣсколько двусмысленное (а гдѣ его нельзя найти?) и предоставлять сочинителямъ и издателямъ тщетное право жаловаться—дѣло не трудное; но по моимъ понятіямъ это несогласно съ цѣлью правительства, и возбуждать напрасный ропотъ значитъ дурно служить

[1]) Александру Александровичу Волкову, жандармскому генералу въ Москвѣ. П. Б.
[2]) 1831-го, когда начался „Телескопъ“. П. Б.

ему. Руководствуясь такими мыслями, до сихъ поръ я исключалъ только то, что̀ было противно явно какому нибудь правилу Устава; всему же темному и двусмысленному старался давать опредѣленное значеніе съ согласія сочинителя или издателей; но никогда не позволялъ себѣ произвольнаго толкованія. Теперь же я долженъ поступать напротивъ. Сторонній цензоръ, разсматривающій журналы и вообще текущую словесность, не можетъ не имѣть враговъ: чего-жъ не сдѣлаютъ они теперь, если узнаютъ, что цензоръ отвѣчаетъ за двусмысленности? Слѣдствія сего я уже испытываю на себѣ; ибо на сихъ дняхъ, въ первой статьѣ перваго нумера журнала «Телескопъ» *О направленіи современнаго просвѣщенія*, въ статьѣ совершенно благонамѣренной, нѣкоторыя отдѣльныя фразы были перетолкованы кѣмъ-то въ дурную сторону, вслѣдствіе чего правящій должность оберъ-полиціймейстера вытребовалъ къ себѣ издателя «Телескопа» и доказывалъ ему, что статья имѣетъ вредное направленіе; а меня призывало начальство (попечитель Московскаго университета) и приказало мнѣ быть еще строже и осторожнѣй».

«Представляя статью сію на строжайшій судъ просвѣщенному судьѣ, я осмѣливаюсь сказать, что подозрѣваю неблагонамѣренность въ тѣхъ людяхъ, которые первоначально перетолковали въ дурную сторону ея отдѣльныя фразы; ибо возбуждать въ мѣстномъ начальствѣ подозрѣніе и недовѣрчивость и тѣмъ оскорблять людей честныхъ и благонамѣренныхъ есть только вѣрный способъ вредить ему. Итакъ, я прошу у вашего превосходительства огражденія отъ подобныхъ перетолкованій Московскаго полиціймейстера. Въ самомъ Евангеліи можно найти слова и выраженія, которыя, будучи отдѣлены отъ текста, могутъ заключать разные смыслы. При настоящемъ затруднительномъ положеніи цензурныхъ дѣлъ, безъ особенной довѣренности и защиты правительства, цензоръ не можетъ исполнять должность съ надлежащею твердостью и увѣренностью».

По тому же поводу С. Т. Аксаковъ писалъ графу Бенкендорфу слѣдующее:

«На сихъ дняхъ подана мною особая записка его превосходительству А. А. В., которая вѣроятно уже доставлена и вашему высокопревосходительству; но я не могъ открыть въ ней всего и рѣшился отнестись прямо къ вамъ. Вотъ моя искренняя исповѣдь. Уже годъ тому назадъ (въ это время я не былъ еще вторично опредѣленъ цензоромъ) гг. Погодинъ, Надеждинъ, Томашевскій и я, рѣшились издавать журналъ для доставленія публикѣ не только пріятнаго, но и полезнаго чтенія, для распространенія благонамѣренной любви къ просвѣщенію и для оппозиціи нѣкоторымъ журналамъ, особенно «Теле-

графу», котораго духъ, направленіе и невѣжество въ наукахъ мы считали и считаемъ вредными во всѣхъ отношеніяхъ. Меня опредѣлили цензоромъ и, по моему образу мыслей, я счелъ за неприличное участвовать въ изданіи журнала: ибо должность моя имѣетъ вліяніе на типографіи и книгопродавцевъ. Я отстранился, но трое моихъ прежнихъ товарищей привели въ исполненіе общее наше намѣреніе, и «Телескопъ» издается съ 1831 года. Первою статьею «*о направленіи современнаго просвѣщенія*» (сочиненіе г-на Надеждина, отъ имени котораго издается журналъ) ясно показаны духъ и цѣль журнала. Мнѣ не нужно убѣждать; я прошу только, чтобъ вы прочли сію статью и обратили благосклонное вниманіе на страницы (указаны цифрами). Посудите, ваше высокопревосходительство, объ удивленіи и оскорбленіи нашемъ, когда за эту самую статью, въ честь правительства и цѣлой націи написанную, правящій должность оберъ-полиціймейстера, г. Мухановъ вытребовалъ чрезъ казаковъ къ себѣ издателя «Телескопа», объявилъ ему, что піеса его имѣетъ скверное направленіе, что его цензоръ не знаетъ что̀ подписываетъ и что это будетъ имѣть дурныя послѣдствія. Въ тоже время и о томъ же получилъ отношеніе отъ военнаго генералъ-губернатора попечитель Московскаго университета, какъ предсѣдатель Цензурнаго Комитета. Онъ призывалъ меня къ себѣ и требовалъ строжайшей осторожности. Во всякомъ другомъ случаѣ и для постороннихъ это было бы комическимъ происшествіемъ, но для насъ это дѣло слишкомъ важно. Осмѣливаюсь, ваше в. превосходительство, утвердительно сказать, что подозрѣваю умыселъ въ тѣхъ людяхъ, которые первые злонамѣренно перетолковали нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, чистыхъ и невинныхъ, и тѣмъ внушили подозрѣніе мѣстному начальству: ибо безъ сей цѣли мысль такая не могла родиться. Я не жалуюсь, а исповѣдую вамъ правду, испрашивая себѣ на будущее время огражденія, а журналу покровительства: ибо онъ вполнѣ его заслуживаетъ».

Постоянныя непріятности, неизбѣжныя по тѣмъ временамъ при исполненіи должности цензора, разразились наконецъ надъ С. Т. Аксаковымъ отставкою его отъ должности по высочайшему повелѣнію. Выписываемъ журнальное опредѣленіе Комитета по этому поводу.

«Выписка изъ журнала Московскаго Цензурнаго Комитета, отъ 26 Февраля сего (1832) года.

Слушали: отношеніе его свѣтлости г. министра народнаго просвѣщенія, отъ 18-го Февраля сего года, за № 218, на имя его сіятельства, г. попечителя*), коимъ изъясняетъ, что въ недавнемъ времени появилась въ Москвѣ книжка, подъ названіемъ: *Двѣнадцать спящихъ*

*) Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда свѣтлѣйшій князь К. А. Ливенъ, а попечителемъ Московскаго университета князь С. М. Голицынъ.

буточниковъ, пропущенная въ печать цензоромъ Аксаковымъ. Государь Императоръ, прочитавъ оную книжку, изволилъ найти, что она заключаетъ въ себѣ описаніе дѣйствій Московской полиціи въ самыхъ дерзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ, написанная самымъ простонароднымъ языкомъ, приноровлена къ грубымъ понятіямъ низшаго класса людей, изъ чего видимо обнаруживается цѣль распространять чтеніе ея въ простомъ народѣ и внушить оному неуваженіе къ полиціи. Наконецъ, предисловіе сей книжки, равно какъ и слѣдующее за онымъ обращеніе къ цензурѣ, писаны съ явнымъ нарушеніемъ всякаго приличія и благопристойности. Его Императорское Величество, заключая изъ сего, что цензоръ Аксаковъ вовсе не имѣетъ нужныхъ для званія сего способностей, высочайше повелѣлъ уволить его отъ сей должности. Въ исполненіе сего высочайшаго повелѣнія его свѣтлость г. министръ проситъ его сіятельство, г. попечителя, учинить распоряженіе къ увольненію г. Аксакова отъ цензорской должности. Опредѣлено: принять къ надлежащему исполненію, почему извѣстить о вышепрописанномъ высочайшемъ повелѣніи г. Аксакова выпискою сей статьи изъ журнала (что̀ симъ и исполняется). Секретарь-адъюнктъ Щедритскій *).

Къ сожалѣнію, такимъ образомъ, ничтожное произведеніе пріобрѣло громкую извѣстность (въ шестидесятыхъ годахъ оно повторено вторымъ изданіемъ). На сколько имя автора *Семейной Хроники* не умретъ въ лѣтописяхъ Русской литературы, на столько и разсказъ объ этомъ печальномъ эпизодѣ будетъ переходить изъ рода въ родъ. Что шутливое произведеніе *Двѣнадцать спящихъ буточниковъ* шутка весьма плохая и самаго дурного тона, разумѣется, это неоспоримо; но что цензоръ вовсе не отвѣтчикъ за неизящность той словесности, которую разрѣшаетъ къ печати на основаніи Устава, это также безспорно.

Замѣчательно, что почти одновременно съ карою за пропускъ этой ничтожной книжки обрушился на несчастнаго цензора еще гнѣвъ тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора по случаю такой вины, которая казалась бы вовсе не подлежитъ вмѣненію. Единственнымъ объясненіемъ возникшей тогда переписки между генералъ - губернаторомъ и министромъ народнаго просвѣщенія о неисправности цензора Аксакова можетъ служить именно только общеизвѣстность постигшаго его тогда увольненія столь чрезвычайнымъ образомъ.

Отъ Мая 20 дня, того же 1832 г., была написана слѣдующая записка С. Т. Аксаковымъ на имя князя Дмитрія Владимировича Голицына.

---

*) Измаилъ Алексѣевичъ Щедритскій (род. 1792), адъюнктъ, позднѣе экстраординарный профессоръ Россійской словесности, Географіи и Статистики въ Московскомъ университетѣ, съ молодыхъ лѣтъ служилъ по цензурному вѣдомству. 22 Дек. 1832 года онъ также уволенъ былъ отъ должности секретаря Московскаго Цензурнаго Комитета.
П. Б.

«Милостивый государь князь Дмитрій Владимировичъ! Прошу у вашего сіятельства справедливости и десяти минутъ для прочтенія этого письма. Начинаю съ того, что я ничего не ищу и ничего не прошу. Я желаю получить то, на что имѣю полное право—доброе ваше мнѣніе, потому что я дорожу имъ: ибо уважаю въ васъ не только государственнаго сановника, но и человѣка. Увольненіе отъ должности цензора не столько меня оскорбило, какъ отношеніе вашего сіятельства къ министру народнаго просвѣщенія, по поводу дошедшей до васъ жалобы коллежскаго совѣтника Тростина; жалобы собственно не на меня, а на сочинителя одной статьи, напечатанной по моему позволенію въ Альманахѣ *Элизіумъ* *), гдѣ выведено лицо, названное Тростинымъ. Ваше сіятельство именно обвинили меня одного, и въ выраженіяхъ оскорбительныхъ для моей чести. Вамъ самимъ отдаю на судъ все дѣло. Вы написали, что «я измѣнилъ довѣренности правительства, что отговорки мои изобличаютъ вѣтренность, что я дурно исполнялъ мою должность, и что меня слѣдовало-бы предать законному наказанію»... Такая обида, судъ и осужденіе чиновника, котораго дѣйствія не могутъ быть вамъ неизвѣстны, поразили меня удивленіемъ и огорченіемъ. Это мое особенное несчастіе: ибо не вашему сердцу написать такой жестокій и незаслуженный приговоръ человѣку, уже и безъ того пострадавшему, смѣю сказать, невинно. Вотъ мои оправданія. Я родился въ Оренбургѣ, учился въ Казанскомъ университетѣ, служилъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ живу пять лѣтъ и, увѣряю васъ честнымъ словомъ, что я не слыхивалъ о существованіи этого почтеннаго старика, Тростина. Во-вторыхъ, еслибъ я цѣлый вѣкъ жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, то и тогда долженъ-бы былъ одобрить къ напечатанію вышесказанную статью: ибо въ ней выведенъ богатый Украинскій дворянинъ и помѣщикъ, а настоящій Тростинъ человѣкъ бѣдный, изъ разночинцевъ, живущій пятнадцать лѣтъ на скудной пенсіи. Нужно-ли прибавлять еще, что всѣ наши книги наполнены вымышленными, произвольными фамиліями, которыя существуютъ въ Россіи, и что цензоръ не можетъ знать людей никому неизвѣстныхъ, еще менѣе ихъ домашнихъ обстоятельствъ?»

«И такъ, въ чемъ-же я виноватъ, ваше сіятельство? Не будете-ли вы сами жалѣть, когда отношеніе ваше къ министру воспрепятствуетъ мнѣ получить другое мѣсто, обѣщанное мнѣ бывшимъ начальникомъ моимъ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Голицынымъ, что̀, по небогатому моему состоянію, лишитъ меня возможности жить въ Москвѣ и воспитать десятерыхъ дѣтей: цѣль, для которой я живу на свѣтѣ? Я

*) Элизіумъ, альманахъ на 1832 г. Соч. П. Іовскаго, въ 16 д. листа. П. Б.

не написалъ-бы этого письма къ другому знатному вельможѣ, но къ вамъ, который славится просвѣщеннымъ и благороднымъ образомъ мыслей, смѣло пишу его и жалуюсь вамъ—на васъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть, ваше сіятельство, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугой Сергѣй Аксаковъ».

Выраженіе глубокаго уваженія своего къ личности тогдашняго генералъ-губернатора не было со стороны С. Т. Аксакова только фразой. Во всю свою жизнь онъ отзывался о князѣ Дмитріи Владиміровичѣ, какъ о рѣдкомъ человѣкѣ по нравственному его достоинству. Въ одномъ изъ празднествъ въ честь князя, которыми нерѣдко его чествовала Москва, С. Т. Аксаковъ принималъ самое искреннее участіе; сказать къ слову, онъ терпѣть не могъ подобныхъ празднествъ, которыя большею частью имѣютъ оффиціально-лживый характеръ. Потребовалось тотъ разъ, по заведенному тогда обычаю, составить привѣтъ въ стихахъ чествуемому гостю-юбиляру, который привѣтъ и распѣвали хоромъ пѣвчихъ подъ музыкой цѣлаго оркестра за торжественнымъ обѣдомъ. Любопытно, что клубскіе товарищи обратились къ С. Т. Аксакову для составленія этого привѣта князю Дмитрію Владиміровичу, и вмѣстѣ съ отпечатаннымъ оттискомъ сохранился собственноручный С. Т. Аксакова черновой набросокъ этихъ застольныхъ куплетовъ. Въ нихъ, при всей ихъ подобающей торжественности, неизбѣжной въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе поминается, что именно золотое сердце князя и его человѣческое достоинство чтятся дороже всего его поклонниками.

«Инцидентъ» съ *Двѣнадцатью спящими буточниками* лишилъ Аксакова мѣста цензора, но не заслуженной имъ извѣстности безукоризненно-честнаго человѣка. Такъ какъ онъ продолжалъ «нуждаться въ мѣстѣ съ достаточнымъ жалованьемъ» и за него ревностнѣе чѣмъ когда-либо хлопотали именно по постигшему его несчастію, то онъ былъ «опредѣленъ инспекторомъ Константиновскаго Землемѣрнаго Училища 1833-го г. Октября 19 дня; по преобразованіи сего Училища въ Константиновскій Межевой Институтъ утвержденъ директоромъ онаго 1835-го года Мая 28-го; назначенъ членомъ во Временной Комитетъ, учрежденный для постройки зданій Константиновскаго Межеваго Института, 1836-го Мая 16-го»: такъ значится въ его формулярѣ.

Непосредственнымъ его начальникомъ при исполненіи имъ этой должности былъ Ив. Устиновичъ Пейкеръ, о которомъ упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», а главнымъ начальникомъ министръ юстиціи Д. В. Дашковъ... Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, при

опредѣленіи на эту новую должность, С. Т. Аксаковъ имѣлъ съ министромъ разговоръ по поводу своей прежней цензорской дѣятельности. Этотъ разговоръ показался ему настолько значителенъ, что былъ собственноручно записанъ имъ на память. Разговоръ былъ и въ самомъ дѣлѣ назидателенъ во многихъ отношеніяхъ. Приведемъ его сполна, И. У. Пейкеръ ввелъ С. Т. Аксакова въ кабинетъ министра и сказалъ: «вотъ г. Аксаковъ, о которомъ я говорилъ вашему превосходительству».

А. Честь имѣю рекомендовать себя, ваше в. превосходительство.

М. А!. (отвелъ въ сторону и заговорилъ съ однимъ Аксаковымъ). Я очень радъ. Вы служили предсѣдателемъ Цензурнаго Комитета?

А. Во все время его отдѣльнаго существованія; а потомъ стороннимъ цензоромъ въ Цензурномъ Комитетѣ при Московскомъ Университетѣ.

М. Итакъ, вы дѣйствовали и по новому Уставу?

А. Полтора года, в. в. п.

М. Замѣтили-ли вы разницу въ дѣлахъ при исполненіи двухъ уставовъ?

А. Весьма большую и страшную. Первый Уставъ былъ стѣснителенъ, неприличенъ нашему времени. Онъ дѣлалъ цензора инквизиторомъ, позволяя ему отгадывать темную мысль сочинителя и преслѣдовать его судомъ. Второй Уставъ, напротивъ, написанъ въ духѣ законной свободы, съ полнымъ желаніемъ дать возможность сочинителю не опасаться никакихъ перетолкованій въ дурную сторону.

М. Благодарю васъ. Я трудился въ его составленіи.

А. Я этого не зналъ.

М. Я именно имѣлъ эту цѣль.

А. Съ прискорбіемъ долженъ я сказать вашему в. превосходительству, что при прежнемъ жестокомъ, варварскомъ Уставѣ цензура дѣйствовала гораздо свободнѣе, сочинители были довольны, и Комитетъ Цензурный не получалъ ни одного выговора, а нѣсколько благодарностей за осторожность въ дѣйствіяхъ.

М. Я полагаю, что Комитетъ значитъ—вы, и что благоразумныя ваши дѣйствія были тому причиной.

А. Никакъ нѣтъ, в. в. п. Я не позволилъ-бы себѣ такого хвастовства. Причина состоитъ въ томъ, что прежній Уставъ не былъ нарушаемъ, а послѣдній искаженъ министерскими, частными, секретными предписаніями, совершенно противуположными его свободному духу.

М. Неужели?

А. Смѣю васъ увѣрить. Я даже позволилъ себѣ возставать противъ этого письменно, опираясь на послѣдній пунктъ Устава, гдѣ сказано, что «ни малѣйшаго изъятія и измѣненія безъ высочайшей воли допущено быть не можетъ».

М. Что же изъ этого послѣдовало?

А. Прямого отвѣта я не получилъ; но поправки нѣкоторыхъ предписаній показали мнѣ, что моя бумага отчасти была уважена. Не смотря на это, результатъ таковъ, что два цензора отставлены, Комитетъ получаетъ безпрестанные выговоры, а издатели журналовъ плачутъ. Я съ своей стороны сдѣлалъ, что̀ могъ, пожертвовавши собою, исполняя должность по духу Устава и по моему правилу: не возбуждать напраснаго ропота противъ правительства.

М. Я не хотѣлъ напомнить объ этомъ несчастномъ обстоятельствѣ.

А. Простите мою смѣлость, в. в. п., когда я скажу, что я не считаю этого случая несчастнымъ. Онъ показалъ мнѣ мою душевную энергію и общественное мнѣніе, которое узнать весьма лестно въ минуту такъ называемаго несчастія, и этотъ же случай даетъ мнѣ возможность имѣть должность подъ начальствомъ в-го в. п-ства.

М. Много чести. Старикъ Ливенъ не могъ оцѣнить васъ. Это щекотливая и опасная должность. Скажите откровенно?

А. Особенно цензора сторонняго, который читаетъ журналы, альманахи и всю легкую, текущую, такъ сказать, словесность. Главная же непріятность состоитъ въ томъ, что въ цензурное дѣло всѣ вмѣшиваются: министръ двора, министръ иностранныхъ дѣлъ, Бенкендорфъ, военный генералъ-губернаторъ, даже оберполицеймейстеръ.

М. Послѣднему какое дѣло?! (къ Пейкеру). Иванъ Устиновичъ! Вы слышите, что̀ говоритъ г. Аксаковъ?

П. Я съ большой жаждой слушаю.

М. Это совершенная истина. И вотъ вамъ образчикъ, какъ исполняется воля Государя! (обратясь къ Аксакову). Буду очень радъ озна-

комиться съ вами покороче и употребить на пользу по ввѣренному мнѣ министерству отличныя ваши дарованія и качества, о которыхъ я много наслышался...

А. За добрую волю мою я ручаюсь, в. в. п.; желаю только, чтобы мои способности отвѣчали моему усердію, потому что служить подъ вашимъ начальствомъ я—не для фразы—считаю за особенное счастіе.

*

Годы служебной дѣятельности въ біографіи такого писателя какъ С. Т. Аксаковъ, разумѣется, не представляютъ большой важности; тѣмъ не менѣе, судя даже и по этимъ скуднымъ матеріаламъ, касающимся его цензорства, нельзя не замѣтить... того по крайней мѣрѣ, какъ мелки и легковѣсны, напримѣръ, тѣ отзывы, образчики которыхъ мы привели въ началѣ этой статьи.

Служеніе Аксакова въ новой должности продолжалось около пяти лѣтъ. Въ 1838-мъ году, по измѣнившимся семейнымъ обстоятельствамъ, за смертію его родителей, С. Т. Аксаковъ покинулъ службу, и уже навсегда. Въ атестатѣ, выданномъ ему при выходѣ въ отставку въ 1839-мъ году Мая 31 дня, читается такъ: «Объявитель сего, коллежскій совѣтникъ Сергѣй Тимоѳеевъ сынъ Аксаковъ, отъ роду 48-ми лѣтъ, изъ дворянъ, родоваго имѣнія у него Оренбургской губерніи въ Белебеевскомъ уѣздѣ 423 души и Симбирской губерніи въ Ставропольскомъ уѣздѣ 374 души; по прошенію уволенъ, за болѣзнію, вовсе отъ службы 1839-го г. Января 24-го».

Государственная служба, скажемъ въ заключеніе, никогда не была «*предметъ его привычныхъ думъ*»; онъ одно время прямо былъ вынужденъ искать (какъ самъ пишетъ въ своихъ напечатанныхъ Воспоминаніяхъ) «мѣста съ порядочнымъ жалованьемъ, и при томъ въ Москвѣ». Какъ только дѣла его въ этомъ отношеніи поправились, онъ оставилъ службу навсегда.

Н. М. Павловъ.

ПИСЬМО ГРАФА Г. Г. КУШЕЛЕВА КЪ ЕГО КРЕСТНИКУ ГРАФУ Д. Н. ШЕРЕМЕТЕВУ [1]).

Любезный сынъ по воспріятію отъ купели, милостивый государь мой графъ Дмитрій Николаевичъ!

Вступая вы сіе число въ такія лѣта, что уже какъ собою, такъ и имѣніемъ своимъ можете управлять сами, безъ посредства опеки, и токмо въ единственномъ случаѣ относительно каковыхъ либо сдѣлокъ по имѣнію нужно вамъ согласіе попечителя, долгъ мой, яко крестнаго отца вашего, при семъ случаѣ сказать вамъ то, что̀ необходимо нужно для вашего истиннаго благополучія.

Вы доселѣ руководились наставниками какъ благонравія, такъ и приличныхъ званію вашему наукъ; и хотя уже оказали быстрые успѣхи въ оныхъ, но все должны продолжать заниматься оными по пословицѣ «вѣкъ живи и вѣкъ учись». Кромѣ тѣхъ языковъ, въ коихъ уже вы успѣли, нуженъ еще Аглинской, какъ по сношенію нашему съ Англіею, такъ и потому, что на ономъ языкѣ много хорошихъ и глубокомысленныхъ сочиненій и книгъ. При томъ не меньше нужно вамъ заняться правовѣдѣніемъ, какъ всѣхъ нашихъ коренныхъ законовъ и уложеній, также и правъ Римскихъ, кои суть основаніемъ многихъ сосѣдственныхъ Россіи государствъ. При всемъ томъ нужно тщательно наблюдать, чтобъ не прельщаться изъ оныхъ таковыми, которыя несвойственны нашему отечеству [2]). Россія управляется своими сообразными своея великости и пространству земель коренными законами, и каждое отъ оныхъ отступленіе будетъ вредною для нея новостію. Итакъ, всего нужнѣе основательно знать свое отечество, свои законы не

---

[1]) Подлинникъ хранится у графа С. Д. Шереметева, и мы приносимъ ему нашу благодарность за сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ этого достопамятнаго письма. П. Б.

[2]) Графъ Г. Г. Кушелевъ былъ человѣкъ простой, а какую правду сказалъ? Нынѣ и въ Германіи тяготятся Римскимъ правомъ и пытаются дать просторъ праву обычному. Въ напоминаніи объ Англійскомъ языкѣ слышенъ морякъ. П. Б.

токмо тѣмъ, кои посвящаютъ себя гражданской службѣ, но и тѣмъ, кои проходятъ воинское званіе; ибо по имѣнію своему множество встрѣтится случаевъ, гдѣ должно прибѣгать подъ защиту законовъ. Притомъ же и изъ военнаго званія часто назначаются въ управители губерній, или въ Сенатъ, или судьи; а потому стыдно будетъ не имѣть основательнаго познанія законовъ.

Вамъ также нынѣ предлежитъ избрать родъ служенія Государю и отечеству. Правда, что всякаго рода служеніе, когда оно исправляемо будетъ съ честностію, безкорыстіемъ и основано на любви къ отечеству и ревности къ Государю, равно полезно и равно честно; но кажется, что долгъ дворянина, когда онъ не имѣетъ каковыхъ либо болѣзненныхъ недостатковъ, приличествуетъ посвятить себя на защиту своего отечества, то есть избрать сначала воинское служеніе, для котораго потребно познаніе какъ математическихъ наукъ, укрѣпленія мѣстъ или крѣпостей, также и полевыя или временныя укрѣпленія, артилерію, въ чемъ вы уже и успѣли. Кромѣ того нужно знать фрунтовую службу, тактику, и когда уже достигните до значительныхъ чиновъ, тогда уже, кромѣ нужныхъ познаній нижнихъ чиновъ офицерскихъ, потребуются обширныя познанія тактическія, глазомѣръ, занятіе выгодныхъ позицій, также какъ продовольствовать ввѣренную армію, какъ соблюдать оную и не изнурять ненужными движеніями, снискать любовь и довѣренность отъ подчиненныхъ, быть осторожну, осмотрительну и наблюдать строгость, растворенную любовію и справедливостію. Притомъ нужно знать силу и свойство непріятеля, умѣть воспользоваться съ быстротою всякою онаго оплошностію и упущеніемъ.

Итакъ, во всѣхъ случаяхъ и въ какомъ бы званіи ни находились, любовь къ отечеству, вѣрность къ Государю и усердное исполненіе возлагаемыхъ на васъ должностей должны быть свято соблюдаемы. Часто можетъ случиться, что и военные чины употребляются въ дипломатику; тогда нужно тщательно охранять пользы нашего отечества, а потому нужно знать всѣ соотношенія того государства, съ которымъ предлежитъ трактовать, дабы не быть вовлечену въ какую-либо ошибку.

Итакъ, разсмотрѣвъ роды служенія, коснемся теперь того, какъ вамъ себя вести должно, вступя на поприще свѣта. Конечно ваше состояніе будетъ льстить многихъ пріобрѣсти ваше дружество, паче отъ сверстниковъ вашихъ; но вамъ должно быть весьма осмотрительну и выбирать такихъ, коихъ поведеніе извѣстно по ихъ честности и безкорыстію. Совсѣмъ должно удаляться отъ таковыхъ, коихъ поведеніе сомнительно; ибо ничто такъ не вредно для молодова человѣка,

какъ дурное сообщество. Убѣгайте картежныхъ игръ и всѣхъ таковыхъ сообществъ, гдѣ нравственность потерпѣть можетъ.

Итакъ, прошедъ разсмотрѣніемъ то, что̀ для временнаго вашего благополучія нужно, коснемся теперь и до того, что̀ потребно и къ вѣчному вашему блаженству. Мы составлены изъ тѣла и души; тѣло смертно, и все наше счастіе, чины, ордена, почести вмѣстѣ съ тѣломъ снидутъ во гробъ, душа же наша безсмертна. Итакъ нужно пещись, чтобъ и по ту сторону гроба она наслаждалась благами, обѣщанными Христомъ Спасителемъ нашимъ, когда мы исполнимъ предписанное намъ Его словомъ въ Священномъ Писаніи. Потому-то, любезный графъ Дмитрій Николаевичъ, убѣдительно прошу васъ, для истиннаго и вѣчнаго вашего блага, читайте чаще Евангеліе и посланія святыхъ апостолъ, гдѣ найдете божественное нравоученіе, кое превосходитъ чистотою всякое философическое умствованіе, то есть древнихъ философовъ. Нынѣ же называющіе себя философы не суть философы, но развратники, безбожники, которые не токмо отступили отъ истины, но и другихъ стараются отвлещи отъ истинной вѣры во Христа Спасителя. Они доказали революціею Французскою, какъ бѣдственно ихъ ученіе и какъ пагубны ихъ развратныя правила. Прошу васъ, остерегайтесь сего яда; помните, что вашъ родитель былъ истинный христіанинъ и каждый разъ, по своей дружбѣ ко мнѣ, убѣдительно просилъ меня напоминать вамъ, чтобы вы не совратились съ пути истиннаго христіанства и удалялись развратной новой, обольстительной, пагубной философіи.

Въ протчемъ на сей разъ, сократя мои разсужденія, остаюсь всегда васъ любящій и пекущійся о истинныхъ вашихъ пользахъ отецъ воспріемной и покорнѣйшій слуга графъ Григорій Кушелевъ [1]).

1820 году Февраля 3 дня [2]).
Петербургъ.

---

[1]) Адмиралъ графъ Г. Г. Кушелевъ скончался въ глубокой старости въ 1833 году. П. Б.

[2]) Т.-е. въ день рожденія графа Д. Н. Шереметева. Ему исполнилось тогда 17 лѣтъ. П. Б.

ПИСЬМА ГРАФА Д. Е. ОСТЕНЪ-САКЕНА

къ бывшему секретарю Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россiи И. У. Палимпсестову.

Графъ Димитрiй Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ долженъ быть причисленъ къ тѣмъ доблестнымъ сынамъ Россiи, которые почти во всю свою жизнь готовы были съ геройскимъ мужествомъ и полнымъ самоотверженiемъ положить свою душу за вѣру, царя и отечество *).

На трудовую жизнь графа и дано было ему время: онъ родился въ 1793 году и скончался 3 Марта 1881 года.

Письма графа ко мнѣ не имѣютъ никакой связи съ его боевыми подвигами, и при томъ не мнѣ, кроту, болѣе полувѣка рывшемуся въ землѣ, говорить объ этихъ подвигахъ. Я посвятилъ себя трудамъ по сельскому хозяйству, а графъ Димитрiй Ероѳеевичъ всѣмъ сердцемъ любилъ эту первооснову жизни Русскаго народа. Вотъ гдѣ причина нашей взаимности. Прибавлю къ этому: графъ, состоя на службѣ въ Новороссiйскомъ краѣ, завѣдывалъ между прочимъ тамошними военными поселенiями, и это побудило его изучать сельское хозяйство, чтобы поставить его среди поселянъ на болѣе вѣрные пути. И какъ благотворны были его труды! Какая разумная была планировка селъ и деревень военнаго вѣдомства; какiе помѣстительные, согласные съ требованiями гигiены, были построены домà для этихъ поселянъ; и какая чистота была не только въ нихъ, но и на дворахъ, и на улицахъ! Ни одного поселянина, жены его и дѣтей нельзя было встрѣтить въ лохмотьяхъ или въ грязи. Едва ли я ошибусь, если скажу, что въ этихъ поселенiяхъ не было кабаковъ; если это невѣрно, то вѣрно то, что среди этихъ поселянъ не было пьянства. Обработка земли, посѣвы, уборка хлѣбовъ велись подъ строгимъ надзоромъ, и на нихъ не лежало печати небрежности. Всѣ поселяне имѣли и лошадей, и коровъ, и воловъ, и овецъ,

*) Въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона читаемъ, что графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ участвовалъ въ Персидской войнѣ 1826—1827 гг.; во время Турецкой 1828—1829 гг. состоялъ во главѣ штаба Кавказскаго корпуса; во время Польской войны нанесъ 7 Iюня 1831 г. совершенное пораженiе корпусу Гелгуда подъ Вильною и 16 овладѣлъ Ковной; въ 1849 г. участвовалъ въ Венгерской войнѣ и, наконецъ, въ Крымской 1853—1856 годовъ.

и стада домашнихъ птицъ. Среди нихъ не было богатыхъ, но всѣ они имѣли въ изобиліи насущный хлѣбъ.

Графъ Димитрій Ероѳеевичъ былъ большой любитель лѣсоразведенія и старался пріохотить къ нему поселянъ. И вотъ въ его время, при его трудахъ, въ церковныхъ оградахъ и по улицамъ росли деревья; мало этого: при нѣкоторыхъ поселеніяхъ были лѣсныя рощицы или плантаціи шелковичнаго дерева. О, что̀ увидѣлъ бы графъ, взглянувъ на эти поселенія въ настоящее время! И гдѣ та лѣсная растительность, которая украшала ихъ? Лѣтъ двадцать пять тому назадъ мнѣ привелось быть въ одномъ бывшемъ военномъ поселеніи. Не видя по улицамъ деревьевъ, ни знакомой мнѣ рощицы, я подхожу къ одному старику, сидѣвшему на завалинѣ, и говорю: что̀ это у васъ теперь дѣлается? Старикъ со слезами на глазахъ отвѣчалъ: „волю дали, да палку взяли“ [1]).

Но перехожу къ письмамъ графа. П.

1.

Пріютъ, 1-го Дек. 1864.

Прискорбно мнѣ, почтенный Иванъ Устиновичъ, сообщить вамъ неблагопріятный отвѣтъ.

Возвратите мнѣ письмо Ахматова [2]).

Прежде, когда я не былъ еще столько проникнутъ религіею, призваніемъ человѣка, желаніемъ царства небеснаго, при всякой потерѣ или неудачѣ я утѣшалъ себя мыслію—гдѣ наше не пропадало! Теперь всецѣло предаю себя въ волю Божію и не желаю ничего относительно собственно себя, кромѣ воли Его. Не знаю, къ которому изъ этихъ двухъ возрастовъ принадлежите вы? Во всякомъ случаѣ одно изъ двухъ утѣшеній примѣните къ себѣ.

Масляную рѣдьку (Raphanus Chinensis) сѣю я уже 6 лѣтъ по 5 фунтовъ на десятину; сѣю каждый годъ одну десятину для пчелъ. Не смотря на то, что съ этимъ растеніемъ обходились какъ съ пасынкомъ, оно и перестаивалось, и при перевозкѣ высыпалось; ибо всю нѣжность обращали на ленъ и пшеницу, и присные упрекали меня, зачѣмъ я сѣю его (масло для стола отличное, лучше подсолнечнаго): не смотря на все это, маслячная рѣдька давала огромный урожай, на цѣлинѣ лучшій; но я сѣялъ и на второмъ полѣ. Теперь, когда бы при продажѣ предложили 11 рубл. за четверть, стану сѣять въ боль-

---

[1]) Говорятъ, что теперь нѣкоторые изъ поселянъ нашихъ внутреннихъ губерній лошадей не имѣютъ, и число этихъ безлошадныхъ земледѣльцевъ доходитъ до 40% Тяжелыя вѣсти! П.

[2]) Тогдашняго оберъ-прокурора Св. Синода. П. Б.

шихъ размѣрахъ. Послѣ вашего письма и присные помирились съ Китайской рѣдькой. Желая подѣлиться съ союжанами этимъ драгоцѣннымъ растеніемъ, посылаю вамъ 10 фунтовъ, прося раздать для разведенія семянъ. Сѣять какъ горчицу. Я примусь дѣлать наблюденія раціональныя и сообщу ихъ вамъ для Записокъ; но только въ такомъ случаѣ, когда мы доживемъ.

Превосходной статьей вашей я восхищаюсь и по поводу ея пришлю вамъ свою статью. Подкрѣпленіе мое будетъ слабѣе относительно вашей силы; но все-таки подкрѣпленіе: «кто не противъ васъ, тотъ за васъ».

Вы по истинѣ удивительный человѣкъ: я не видалъ васъ въ глаза и знаю только по вашимъ статьямъ и люблю васъ. Самую сухую матерію въ вашихъ сочиненіяхъ вы дѣлаете занимательной, вмѣшивая кстати остроумныя шутки, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ и обличеніе.

На счетъ статьи вашей, можетъ быть, я сдѣлаю болѣе, нежели вы думаете.

Извините за подражаніе вашей прекрасной калиграфіи. Когда-то въ почеркѣ подлежалъ я укору Николая 1-го и не поправилъ своего сквернаго почерка.

Прочтите непремѣнно статью мою о войнѣ 1831 года въ Октябрьской книжкѣ Военнаго Сборника. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

2.

Пріютъ, 12-го Дек. 1864 г.

Почтенный Иванъ Устиновичъ! Не знаю, будете-ли вы довольны моей статьей. Но я далъ этому дѣлу болѣе обширный ходъ, и если послѣ будетъ успѣхъ, то сообщу вамъ своевременно.

Пришлите мнѣ статьи моей отъ 20—25 экземпляровъ. Не знаю, почему вы въ этомъ мнѣ отказывали.

Статьи мои, которыя я посылалъ въ Записки Южнаго Общества до послѣдней войны, и теперь хранятся у меня въ особыхъ тетрадкахъ. Изъ Военнаго Сборника я также всегда получаю ихъ.

Что же памятникъ Михаила Семеновича Воронцова? *).

---

*) Я состоялъ секретаремъ комитета по сооруженію этого памятника, но не могу припомнить, по какому случаю графъ сдѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ, 12 Декабря 1864 г., когда памятникъ былъ открытъ 8 Ноября 1863 г. Думаю, что я писалъ ему о моемъ на-

Помогите въ измѣненіи положенія о поощреніи по лѣсоводству и не переставайте дѣйствовать съ настойчивостію по этому важному предмету.

По части механики безпрестанно изобрѣтають новыхъ двигателей вещественныхъ. Изобрѣтайте же двигателей духовныхъ и покажите въ этомъ и усердіе, и находчивость. Богъ одарилъ васъ свѣтлымъ умомъ и даромъ слова. Не зарывайте же таланта, въ которомъ потребуютъ у васъ отчета въ день суда.

Не останавливайтесь на прекрасномъ, славномъ, громометальномъ этюдѣ вашемъ. Стращайте, поражайте, при малѣйшей возможности поощряйте!

Предсѣдатель общества [1]) и раціональный Струковъ [2]) должны всѣми силами и изобрѣтаемыми средствами стремиться къ возбужденію разведенія лѣсовъ въ различныхъ видахъ. Нельзя ли устроить общество возбужденія?

Извините, что на первой страницѣ я подражалъ вашей калиграфіи, не бывъ вами на это уполномоченъ.

Еще повторяю относительно лѣсоводства. Страшитесь застоя — état stationnaire! Кто въ какомъ либо дѣлѣ останавливается, тотъ уже нисходитъ и наконецъ низвергается во тьму кромѣшную.

Съ новымъ удовольствіемъ повторяю искреннее къ вамъ почтеніе и преданность. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

P. S. Не смотря на сочувствіе къ вамъ, вообразите, что я вовсе не знаю вашихъ нравственныхъ качествъ и вѣрованія. Знаю только умственныя способности и ученость. До послѣдней дошелъ самъ, а о первыхъ не отъ кого освѣдомиться. Но относительно вѣрованія созерцаніе ваше природы подаетъ мнѣ успокоительныя надежды.

Разсмотрите хорошенько статейку; если есть, сдѣлайте поправки.

мѣреніи посадить деревья вокругъ или вблизи этого памятника (что̀ я и исполнилъ), и на эту посадку графъ дѣлаетъ намекъ. Разведеніе древесной растительности было дорого его сердцу. П.

Теперь деревья эти пышно разрослись и даже закрываютъ собою прекрасный Одесскій памятникъ князю М. С. Воронцову. Этотъ памятникъ, лѣтъ десять тому назадъ, былъ виденъ во всей красѣ своей только со стороны соборной церкви. П. Б.

[1]) Графъ М. Д. Толстой.

[2]) Инспекторъ сельскаго хозяйства Юга-Россіи.

3.

Пріютъ, 28 Декабря 1864 г.

Желаніе ваше, почтенный Иванъ Устиновичъ, исполнено, но съ измѣненіями; потому что вы не довольно знаете сердце человѣка и самолюбіе, которое не допускаетъ его признаться въ ошибкѣ, и въ особенности ко введенію въ обманъ дѣлопроизводителемъ, что̀ поставило бы человѣка настоять на своемъ. Вы не знаете правила военной науки: разбитому наголову непріятелю ставить златой мостъ, чтобы не привести его въ отчаяніе и не заставить изъ отчаянія драться па смерть. Я принялъ вину па себя и писалъ между прочимъ: «Вы не знали всѣхъ этихъ обстоятельствъ, и непростительна съ моей стороны и въ мои лѣта вѣтренность передать вамъ поверхностно дѣло, въ чемъ прошу у васъ прощенія».

Передавъ ему [1]) употребленіе, которое я сдѣлалъ изъ статьи вашей: «Перемѣнился-ли климатъ Юга Россіи?» я пишу: «Убѣдительно прошу васъ прочесть эту статью, которая дастъ обильную пищу вашей любознательности и относительно одной уже науки будетъ вамъ полезна».

(По нездоровью пишу диктуя).

Если бы буква закона поставляла препятствіе, то я увѣренъ, что вы духомъ закона отразите ее. Я всегда цѣнилъ отсутствіе въ васъ матеріальности [2]) и преобладаніе отвлеченности духа; и это увеличивало мое къ вамъ сочувствіе. Хотя вы и не пишете прямо о вашемъ вѣрованіи, но прекрасный текстъ изъ Евангелія и Свящ. Писанія позволяетъ мнѣ съ увѣренностью сказать: Христосъ съ вами!

Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

4.

Дер. Пріютъ, 8 Іюля 1866 г.

Я такъ виноватъ предъ вами, почтенный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ, что совѣстно писать къ вамъ. Ничего не могу найти въ мое оправданіе: если я былъ боленъ или чрезвычайно занятъ, то былъ

---

[1]) Т. е. графу А. Г. Строганову? П. Б.

[2]) Графу было извѣстно, что я за должности секретаря и редактора при Имп. Обществѣ С. Хозяйства Южной Россіи жалованья не получалъ, и Богъ свидѣтель, я радъ былъ, что трудился безъ жалованія. Въ одномъ изъ собраній этого Общества предсѣдатель его, графъ А. Г. Строгановъ, предложилъ собранію: выдать мнѣ 600 р. изъ остатковъ, по сдѣланному разсчету, на расходы Общества. Я отказался принять это возмездіе за мои труды. И если на комъ, то на мнѣ исполнилось народное вѣрованіе: За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ. За 17-лѣтніе мои труды по этому Обществу я награжденъ кускомъ земли, который даетъ мнѣ кусокъ хлѣба. П.

и здоровъ и менѣе занятъ. Мнѣ остается только просить у васъ великодушнаго прощенія немощи моей. Сколько разъ собирался я сказать вамъ, какъ пріятно мнѣ было читать статью вашу о климатѣ, какъ восхищался ею и вполнѣ раздѣлялъ ваше мнѣніе; но—«ну, поди-жъ ты!» По Сентябрьской и Октябрьской (кажется) статьѣ вашей: «Перемѣнился-ли климатъ на Югѣ Россіи?» я не получилъ отвѣта; но изъ нѣкоторыхъ распоряженій правительства вижу, что мой голосъ остался не вовсе безплоднымъ.

Я давно собираюсь написать и послать вамъ статью о сѣвооборотѣ въ нашемъ краѣ; но—«ну, поди-жъ ты!»

Я вовсе не знакóмъ съ настоящимъ оберъ-прокуроромъ Сvнода. Съ предыдущимъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и здѣсь можно примѣнить мысль изъ басни Воза съ горшками:

„Но отъ друзей,
Какъ отъ враговъ, всегда толчки“.

Не написать-ли мнѣ по прежнему о васъ дѣлу къ настоящему оберъ-прокурору? Можетъ быть онъ, не въ качествѣ друга, будетъ менѣе толкаться? Въ положительномъ случаѣ, если обстоятельства не измѣнились, пришлите мнѣ новую краткую записку, безъ титуловъ и многословія, со сжатымъ изложеніемъ дѣла [1]) и четкимъ почеркомъ; ни въ какомъ случаѣ съ вашей калиграфіей, чтобы я могъ препроводить эту записку.

Отъ всего сердца обнимаю васъ. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

5 [2]).

Давно я ратоборствую противъ выродковъ Русскихъ, проживающихъ наши деньги на Западѣ Европы. Все это подражаніе и чувство ложнаго стыда, который источникъ безконечныхъ золъ. Я убѣжденъ, что изъ этихъ жильцовъ за границей бóльшая часть проклинаетъ и моду, и чувство ложнаго стыда, заставляющихъ ихъ жить внѣ отечества. Они скучаютъ и по квасу, и по щамъ, и по икрѣ, и по Русскимъ пирогамъ, и по грешневой кашѣ, царицѣ кашъ. Но отстать отъ другихъ стыдно: прослывешь человѣкомъ отсталымъ. Не могу не сказать, что мнѣ жаль только Русскихъ денегъ; а сами эти молодые люди для Россіи ни къ чему не пригодны.

---

[1]) Старость беретъ свое; я несу на раменахъ своихъ 80-й годъ жизни и не могу припомнить дѣла, о которомъ говоритъ графъ. П.

[2]) Первая половина этого письма мною затеряна. П.

Отвращеніе мое жить за границей безъ необходимости покажутъ вамъ прилагаемые стихи, написанные мною въ Каннахъ.

Кстати еще о чувствѣ ложнаго стыда. Какъ вамъ нравятся тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые, не различая vin de côte отъ сотерна и Донского отъ Шампанскаго, отворачиваютъ носы отъ Русскаго вина? Между тѣмъ, какія прекрасныя вина, при посредственной фабрикаціи, въ Закавказьѣ, Крыму, Бессарабіи! У фельдмаршала Паскевича въ Варшавѣ подавалось за столомъ Кахетинское, Бургонское и Бордоское почетнымъ гостямъ предпочтительнѣе Французскаго.

Очень забавно, что Бессарабскія вина возятъ въ Ригу и передѣлываютъ ихъ тамъ, добавляя спирту, подъ вкусъ Польскихъ пановъ, которые пьютъ его за Испанскія и другія.

Много гадостей необходимо намъ стряхнуть съ себя. Еслибы можно было составить общество пораженія ложнаго стыда!

Я ничего не пишу о сущности вашей статьи, потому что буду говорить о томъ въ моей статьѣ. Да поможетъ вамъ Богъ подвизаться на общую пользу! Вы одарены словомъ, ясностью ума, сжатостью слога, пріобрѣли познанія; не зарывайте таланта вашего.

Христосъ съ вами. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

P. S. Зачѣмъ ваши прекрасныя Записки [1]) въ такомъ маломъ объемѣ? Неужели не достало бы у васъ матеріаловъ?

*

Отвѣтъ тѣмъ, которые удивлялись недостаточной восторженности моей при созерцаніи красоты и величія природы на берегахъ Средиземнаго моря, въ Каннахъ, 8-го (20) Декабря 1858 г.

Все такъ, но мнѣ Пріютъ [2]) милѣй:
Онъ Богомъ данъ благословенный.
Покоится тамъ прахъ священный
Того, чей духъ на небесахъ.
  Здѣсь всѣ окрестности въ садахъ,
  Здѣсь лѣтомъ вешняя прохлада,
  Зимой не ощущаешь хлада,
  Зимою ароматъ лилей.

---

[1]) Записки Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, издаваемыя тогда въ Одессѣ И. У. Палимпсестовымъ. П. Б.

[2]) Деревня подъ Елисаветградомъ, гдѣ жилъ графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ. П. Б.

Все такъ, но мнѣ Пріютъ милѣй.
Тамъ зиждется во славу Бога
Храмъ Вознесенія Христа;
Сотрется въ немъ гордыня рога,
И у подножія креста,
Съ душею чистой, отрезвленной,
Познавши міра суету,
Съ любовью пламенной къ Христу,
На путь мы вступимъ вожделѣнный
Любви дѣлами; тѣмъ путемъ
Мы рай небесный обрѣтемъ.
Пышна здѣсь красота природы,
Ярчѣе зелень здѣсь полей,
И выше го́ры, чище воды.
Все такъ, но мнѣ Пріютъ милѣй.
Предъ нами островъ Маргериты
Тамъ знатный мученикъ страдалъ,
Желѣзной маскою сокрытый,
Въ тоскѣ ужасной увядалъ.
Взгляну направо съ грустной думой,
И вдался въ море изъ полей
Тамъ Эсте́рель *) въ красѣ угрюмой.
Все такъ, но мнѣ Пріютъ милѣй.
Въ Россіи подвигъ совершаетъ
Благословенный свыше Царь,
Постыдное пятно смываетъ:
Рабовъ въ Россіи нѣтъ, какъ встарь.
И врагъ свободы содрогнулся,
Смутился непривычный слухъ,
И здравый Русскій смыслъ очнулся,
Распространился Русскій духъ.
Очами духа я когда
Въ восходъ твой ясный прозираю,
Съ какою радостью тогда
Я жребій твой благословляю!
Могу ль-же я не предпочесть
Пріюта Русскаго, родного?
Тамъ все: надежда, слава, честь,
Тамъ столько для меня святого!

Графъ Д. Остенъ-Сакенъ.

---

*) Цѣпь горъ.

6.

20 Ноября 1867. Дер. Пріютъ.

Почтенный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ.

Простите за непростительно запоздалый отвѣтъ на любезное письмо ваше отъ 16-го Сентября. Любезное по выраженіямъ, но не по дѣйствіямъ. Признаюсь, что письмо это очень огорчило меня, и я вознегодовалъ на васъ: отказаться отъ мѣста редактора Записокъ, на которомъ вы приносили столько общественной пользы, и еще быть причиною закрытія этихъ разумныхъ Записокъ, по убѣжденію моему, преступно. Бѣдное Новороссійское хозяйство! На полупути, въ самое горячее время его развитія, вы затормозили его. Вы имѣли полное право просить жалованья, по званію редактора, и я увѣренъ, что члены общества не отказали бы вамъ; но письмо ваше выражаетъ, что вы ни на какихъ условіяхъ оставаться не хотѣли.

Я негодовалъ на васъ при полученіи письма; а когда въ послѣднемъ № Записокъ прочелъ извѣщеніе о ихъ закрытіи, то негодованіе это возрасло еще болѣе. Негодованіе мое на васъ равняется привязанности, которую вы мнѣ внушили приносимою вами нашему благодатному краю пользой, вашими познаніями, опытностью и умомъ.

Могутъ-ли замѣнить Записки, издаваемыя подъ вашимъ руководствомъ, два тома статей, которыя уже были помѣщены тогда, когда сельское хозяйство развитіемъ своимъ все болѣе и болѣе идетъ впередъ, и при постоянномъ быстромъ усовершенствованіи науки не можетъ оставаться въ состояніи застоя, état stationnaire?

Обнимаю васъ отъ души, призываю на васъ и близкихъ вамъ благословеніе свыше. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

7.

24 Ноября 1867. Дер. Пріютъ.

Достойный, милый и вмѣстѣ съ тѣмъ несносный, покойный редакторъ Записокъ, Иванъ Устиновичъ!

Посылаю вамъ давно обѣщанную статью.

Въ другихъ редакціяхъ журналовъ получаю я всегда отъ 20 до 30 экземпляровъ моихъ статей особыми тетрадками. Не понимаю, почему вы въ этомъ затрудняетесь. Вы когда-то нашли придуманное вами средство, но все-таки оставили его безъ исполненія. Если не пришлете 30 экземпляровъ, то огорчите меня.

Повторяю вамъ носъ и нахлобучку за оставленіе редакціи.

Пушкинъ писалъ къ портрету Барклая:

„И наконецъ,
Былъ долженъ уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко".

Власть понудила его къ тому; а вы добровольно уступаете вашъ замыселъ, обдуманный глубоко, замыселъ разлить свѣтъ науки сельскаго хозяйства въ юномъ, восходящемъ краѣ. Непростительно! Святые мученики болѣе васъ терпѣли, но не отступали отъ мученій; а вы зарываете талантъ, врученный вамъ отъ Бога; а казалось, что вы такъ любили Новороссійскій край.

Отъ всего сердца обнимаю милаго покойника, желая, чтобы онъ воскреснулъ съ моей легкой руки.

Передайте мой искренній поклонъ крестному брату моему, графу Михаилу Дмитріевичу [1]), брату потому, что отецъ его былъ моимъ крестнымъ отцомъ; я бы желалъ, чтобы онъ прочиталъ письмо мое. Увѣренъ, что мы взаимно вашею кончиной сострадаемъ другъ другу и что онъ употребитъ все стараніе исполнить просьбу мою.

Христосъ съ вами. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

8.

18 Февраля 1868. Пріютъ

Милый, искренно любимый Иванъ Устиновичъ!

Плугъ я получилъ и описаніе его поручилъ составить управляющему моимъ имѣніемъ Яцкевичу. Простите, если это описаніе явится не безъ граматическихъ ошибокъ и ошибокъ противъ языка. Благодарю за присылку отдѣльныхъ тетрадокъ статей моихъ. Неужели, спрашиваю, мое предложеніе о памятникѣ [2]) предастся забвенію, какъ забыто нашими обитателями голой степи лѣсоразведеніе? Это было бы очень прискорбно и выражало бы общество хохловъ, которые для дневнаго сна избираютъ всегда мѣсто на солнцѣ, ненавидя тѣнь, и верстовые столбы считаютъ тѣнистыми.

---

[1]) Толстому. П. Б.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ о постановкѣ памятника незабвенному для Юга Россіи лѣсоводу В. П. Скаржинскому. П.

Я былъ очень обрадованъ продолженіемъ Записокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ огорченъ предположеніемъ—только на одинъ годъ. Какъ упало Московское Общество Сельскаго Хозяйства послѣ выбытія достойнаго секретаря и редактора Записокъ Степана Алексѣевича Маслова!

Призываю на васъ и полезное служеніе ваше благословеніе свыше, отъ всего сердца обнимая васъ. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

9.

1-го Августа 1868. Дер. Пріютъ.

Достойный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ!

Сейчасъ получилъ письмо ваше отъ 28 Іюля и, не теряя и минуты, спѣшу отвѣтить вамъ.

Много могу сказать я въ свое извиненіе, но не отрицаю моей виновности и прошу у васъ великодушнаго прощенія; но какъ могли вы вообразить себѣ, что я могъ оскорбиться чѣмъ-либо? Оскорбляются люди, лишенные чувства внутренняго достоинства, и можно ли оскорбиться посвященіемъ статьи, что̀ выражаетъ и сочувствіе, и уваженіе? Напротивъ, нельзя быть болѣе обязаннымъ и признательнымъ за прекрасную, полезную статью вашу, не имѣющую слабой или неудовлетворительной стороны.

Опасная болѣзнь жены—воспаленіе легкихъ. Спаситель исцѣлилъ ее; но болѣзнь была продолжительная. Нѣсколько несу и собственныхъ болѣзней.

Заботы большія, при скудныхъ средствахъ, по окончаніи превосходной, цѣнной церкви, которая, если Богъ благословитъ, будетъ освящаться 1-го или 2-го Сентября. Но все это не имѣетъ основанія; ибо, если бы не неосмотрительность, то я имѣлъ бы время написать нѣсколько словъ, и мнѣ остается еще извиненіе въ Русской пословицѣ—«ну, поди-жъ ты!»

Христіанская покорность ваша радуетъ меня и заслуживаетъ и одобренія и подражанія. Съ полною любовью и сочувствіемъ обнимаю васъ, призывая благословеніе свыше. Христосъ съ вами. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

10.

5 Декабря 1868. С. Пріютъ.

Достойный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ!

Примите живѣйшую благодарность мою за Сборникъ [1]) статей о сельскомъ хозяйствѣ, отъ котораго ожидаю много пользы, въ особенности отъ всѣхъ вашихъ статей, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ: о климатѣ, объ обработкѣ земли, о водахъ.

У насъ нѣтъ никакой системы сѣвооборота, и потому я полагаю, статьею моею о раціональномъ хозяйствѣ принести значительную пользу, и радовался какъ дитя; но исключивъ ее изъ Сборника, вы разочаровали меня [2]). И потому прошу васъ съ полною откровенностію сообщить мнѣ, что̀ вы нашли въ ней неправильнаго и вреднаго для хозяйства? Указаніе ваше я приму съ особенною признательностію, и если буду убѣжденъ, то, не ломая общаго строя принятой системы, измѣню въ моемъ хозяйствѣ по возможности. Поспѣшите увѣдомить.

Сообщите мнѣ также, какъ общество наше будетъ дѣйствовать безъ Записокъ вашихъ сельскаго хозяйства? Мнѣ кажется, что это неудобно. Обмѣна мыслей необходима.

Сообщите мнѣ также, гдѣ можно будетъ, еслибы я рѣшился, пріобрѣсти обработникъ Христофорова? Можно ли отдѣльно одни лемехи съ почвоуглубителями? Будутъ ли они дѣлаться у Фендриха, и какая приблизительно цѣна?

Призываю на васъ и близкихъ вамъ благословеніе свыше, отъ всего сердца обнимая васъ. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

P. S. Графу М. Д. Толстому передайте мой искренній привѣтъ.

Будетъ ли испрошено позволеніе о сооруженіи памятника В. П. Скаржинскому и составлена ли подписка?

---

[1]) Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства южной Россіи, при моемъ редакторствѣ ихъ, издавались всего въ 250 экз., а въ прежніе годы еще въ меньшемъ количествѣ; а между тѣмъ нельзя было не видѣть въ нихъ статей полезныхъ для хозяйства Юга Россіи. Мысль составить и издать отдѣльною книгою Сборникъ изъ лучшихъ статей этого журнала принадлежитъ незабвенному архипастырю Херсоно-Таврическому Иннокентію, состоявшему почетнымъ членомъ этого Общества. Мною былъ составленъ Сборникъ, въ видѣ большаго тома до 1000 страницъ въ два столбца; но въ составъ его вошла только часть статей, могущихъ принести пользу хозяевамъ Юга Россіи. Предполагалось составить и другой подобный томъ; но я, оставивши мою службу при Обществѣ, не могъ осуществить этого истинно-добраго дѣла. П.

[2]) По составленной мною системѣ для Сборника, эта статья графа должна была войти во второй томъ Сборника, о чемъ я и писалъ ему. Другія статьи его вошли въ первый томъ Сборника. П.

11.

Достойный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ!

Письмо ваше отъ 25 Января чрезвычайно обрадовало меня. Хотя триста десятинъ и не соотвѣтствуютъ вашимъ заслугамъ, если онѣ и отведены будутъ весьма выгодно и по условіямъ мѣстности, но не менѣе того вниманіе къ вашей службѣ было мнѣ очень пріятно.

Я принялъ бы замѣчаніе ваше на статью мою съ искреннею признательностью, но вы пишете, что система моя безукоризненна. Не могу скрыть отъ васъ, что это принесло мнѣ большое удовольствіе. Спеціальность новаго редактора—химія, почему отъ васъ будетъ зависѣть передать г. Сокольскому мнѣніе ваше о статьѣ: «О введеніи раціональнаго хозяйства въ Новороссійскомъ краѣ».

Хотя я и не пользовался вашимъ обществомъ, но все-таки мнѣ грустно знать про ваше удаленіе въ Крымъ, если вы намѣрены тамъ поселиться. Переписка съ вами была для меня очень пріятна, и я желалъ бы по временамъ продолжать ее. Увѣдомьте меня, гдѣ вы намѣрены основать ваше жительство?

Напишите мнѣ, въ какой степени, по вашему мнѣнію, полезно пріобрѣсти землеобработникъ Христофорова? Также: можно-ли найти въ Одессѣ рухадло, гдѣ и по чемъ?

Вы очень обрадовали меня извѣстіемъ о С. А. Масловѣ, къ которому я привязанъ душею и глубоко уважаю. Вы когда-то хотѣли навѣстить В. В. Скаржинскаго. Еслибъ вамъ нельзя было пріѣхать ко мнѣ, то я пріѣхалъ бы къ вамъ.

Увѣдомьте меня, съ какими формальностями поднесли вы Государю вашъ Сборникъ, драгоцѣнное пособіе для хозяевъ Новороссійскаго края? Не знаете-ли вы, читалъ-ли, вслѣдствіе письма моего, Государь статью вашу: «Измѣнился-ли климатъ на югѣ Россіи?» Послѣ письма моего къ Его Величеству стали выходить постановленія касательно лѣсовъ.

Призываю на васъ и близкихъ вамъ благословеніе свыше, отъ всего преданнаго вамъ сердца обнимая васъ.

Христосъ съ вами. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

P. S. О изданіи Записокъ общества на 1869-й годъ я нигдѣ не читалъ. Потрудитесь увѣдомить, откуда ихъ выписать и сколько послать денегъ?

12.

6-го Февраля 1869. С. Пріютъ.

Достойный, искренно-любимый Иванъ Устиновичъ.

Еще къ вамъ просьба, о которой упомнилъ при послѣднемъ письмѣ моемъ. Въ журналахъ чрезвычайно расхваливаютъ трубчатые колодцы, употребляемые въ Америкѣ и Англіи. Они, какъ пишутъ, въ полчаса готовы. Въ 1-мъ номерѣ Землед. Газеты пишутъ, что въ Вѣнѣ нѣкто Шульгофъ превзошелъ Американскіе и Англійскіе колодцы и что они стоятъ самую бездѣлицу. Для здѣшняго края въ особенности, и для всѣхъ Крымцевъ вообще, было бы введеніе этого способа истинною драгоцѣнностью. Вы мнѣ окажете не одолженіе, а благодѣяніе, узнавъ, какимъ способомъ и за какую цѣну можно выписать одинъ экземпляръ этихъ колодцевъ. Если отъ общества нельзя будетъ пріобрѣсти, то дайте себѣ трудъ, для общественной пользы, убѣдить г. Фендриха и К° выписать нѣсколько экземпляровъ. По описанію, снарядъ очень простъ, и Фендрихъ, изготовляя у себя, извлекъ бы большую пользу. Необходимо также и руководство для установленія, ибо въ журналахъ неясно.

13.

С. Пріютъ, 17 Февраля 1875 г.

Радостное привѣтствіе моему милому блудному сыну [1]) и другу Ивану Устиновичу. «Изгибъ бѣ и обрѣтеся».

Отъ души благодарю васъ за signe de vie и за высокопарное поздравленіе съ произведеніями моего юбилея 12 Декабря, который чуть не возросъ до Ромулова apothéose.

Я также думаю, зачѣмъ вы разстались съ любимою вами наукою; полагаю, что вы и въ Одессѣ могли бы соорудить церковь [2]). По любви и народности, пріобрѣтенной вами въ Одессѣ, вамъ также было бы легко соорудить и тамъ церковь. Но сію минуту замѣтилъ, что говорю вздоръ: безъ воли Творца ничего не совершается; слѣдовательно, переселеніе ваше предопредѣлено было при сотвореніи міра.

---

[1]) Это титулъ за оставленіе мною Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. П.

[2]) Здѣсь намекъ на Θеодосійскій Александро-Невскій соборъ, надъ сооруженіемъ котораго я имѣлъ счастіе потрудиться. Но въ созиданіи этого святаго дома молитвы всѣ видѣли непосредственную помощь свыше. Закладку этого собора совершилъ въ Бозѣ почившій архипастырь Гурій 30 Апрѣля 1872 г. По совершеніи этого священнаго обряда, пришедши въ мой домъ, владыка подаетъ мнѣ просфору и говоритъ со слезами на очахъ:

Не вините батюшку Суворова, предъ которымъ я благоговѣю. Многіе святые отцы дѣлали тоже изъ любви къ ближнимъ и удостоивались царства небеснаго. Но честь и слава и, безъ сомнѣнія, царство небесное вамъ за сооруженіе изящнаго храма! Но какъ могли вы приспособить храмъ для 250 человѣкъ на 2000? [1])

Если васъ не чрезъ мѣру обременитъ, то пришлите мнѣ бруліовъ плана (безъ фасада), только планъ безъ масштаба, проставя разстоянія цифрами.

14.

12 Апрѣля 1876. С. Пріютъ.

Христосъ воскресе!

Дорогой, искренно любимый, высокоцѣнимый другъ, Иванъ Устиновичъ! Нѣтъ словъ для выраженія радости моей при полученіи письма вашего отъ 28 Марта. Итакъ, мы опять будемъ жить совмѣстно, припѣваючи. Я иногда буду пріѣзжать къ вамъ въ Одессу, а вы будете непремѣнно радовать насъ въ Пріютѣ и любоваться нашими тремя храмами.

Засвидѣтельствованіе о вашихъ достоинствахъ идетъ на сегодняшней почтѣ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ. Портретъ, который я снялъ съ васъ, удивительно похожъ.

Я заваленъ дѣлами и чрезвычайно усталъ и потому приступаю къ окончанію. Анна Ивановна [2]) шлетъ вамъ радушный привѣтъ и вмѣстѣ со мною благословеніе. Отъ всего сердца братски обнимаю васъ и близкихъ вамъ. Христосъ съ вами! На вѣки вашъ Дмитрій.

15.

14 Апрѣля 1880. С. Пріютъ.

Достойный, искренно любимый и цѣнимый Иванъ Устиновичъ.

Приближается праздниковъ праздникъ, и я спѣшу привѣтствовать васъ радостнымъ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе!

при нашихъ скудныхъ средствахъ (у насъ денегъ было всего 35 т. р.) едвали мы доведемъ нашъ храмъ до крыши. На эти слова я отвѣчалъ: я возму это святое дѣло въ свои руки и на слѣдующій годъ поставлю крестъ надъ храмомъ. Это обѣщаніе я написалъ на просфорѣ, которую и положилъ на икону Спасителя. Обѣщаніе мое исполнилось: слѣдующаго 1873 г. 23 Ноября архипастырь Гурій освятилъ Александро-Невскій Ѳеодосійскій соборъ. Мы скушали вышесказанную просфору со слезами благодарности къ Создателю и Промыслителю всего міра. П.

[1]) Графъ, вѣроятно, предполагалъ, что старая церковь перестраивалась въ новую. П.

[2]) Супруга графа Остенъ-Сакена, ур. Ушакова, скончавшаяся въ 1897 году въ Дрезденѣ. П. Б.

Письмо ваше и «Воспоминанія» ваши я получилъ и отвѣчалъ вамъ, но вѣроятно письмо затерялось. Итакъ я повторяю искреннѣйшую благодарность мою за память и любовь ко мнѣ. Да воздастъ вамъ Господь сторицею. Воспоминаній вашихъ, при моихъ занятіяхъ и преклонныхъ лѣтахъ, я еще не успѣлъ прочесть, а когда прочту, то напишу вамъ.

Наши всѣ, слава Богу, здоровы. Да почіетъ на васъ и близкихъ вамъ благодать Св. Духа, и да возстановитъ Господь здоровье вашей дорогой больной! [1])

16 [2]).

Съ 1852 года безвозмездно, съ изумительнымъ усердіемъ исполняли вы обязанности редактора Записокъ Сел. Хоз. Южной Россіи нашего юнаго неизслѣдованнаго края, которому въ будущемъ близкомъ предстоитъ много утѣшительнаго, въ отношеніи богатой производительности, промышленности и просвѣщенія.

Польза, которую вы принесли вашимъ свѣтлымъ умомъ, многостороннимъ и специальнымъ образованіемъ и опытностью, наукѣ и нашему краю, неисчислима. Я самъ, въ маломъ хозяйствѣ моемъ, испыталъ ее на дѣлѣ.

Увѣренъ, что всѣ просвѣщенные хозяева Южной Россіи, и въ особенности сочлены мои, раздѣляютъ мое мнѣніе и искреннее чувство признательности къ вамъ, которую, узнавъ о продолженіи оставляемыхъ вами Записокъ, спѣшу гласно выразить вамъ. Если же сочленамъ моимъ угодно будетъ почтить въ высокой степени полезное служеніе ваше краю благодарственнымъ адресомъ, то я вмѣню себѣ въ честь участвовать въ немъ моимъ подписомъ.

Благоволите принять выраженіе искренняго къ вамъ почтенія и преданности.

Отъ души благодарю васъ, милый, искренно любимый Иванъ Устиновичъ, за письмо ваше отъ 11-го Марта. Глубоко огорченный я тотчасъ же написалъ въ редакцію носъ и нахлобучку.

Писать болѣе некогда. Христосъ съ вами и присными! Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

---

[1]) Говорится о дочери И. У. Палимпсестова, который для ея излеченія жилъ потомъ нѣсколько лѣтъ сряду въ Москвѣ, гдѣ многіе его добромъ поминаютъ. П. Б.

[2]) Первая половина этого письма затерялась. П.

Въ Іюнѣ 1870 года графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ послалъ въ Записки Одесскаго Общества сельскаго хозяйства для напечатанія особую статью свою, съ исчисленіемъ заслугъ И. У. Палимпсестова. Статью эту не напечатали. Въ Февралѣ 1871 года онъ обратился съ письмомъ о томъ къ графу М. Д. Толстому, и отъ новаго президента Общества Сухомлинова снова получилъ отказъ. Редакторъ Записокъ заявлялъ ему, что благодарность Общества И. У. Палимпсестову уже выражена, и ему поднесенъ хронометръ съ цѣпью (цѣною въ 500 р.). П. Б.

Обѣ эти бумаги (письмо графа Д. Е. къ графу М. Д. Т., оставившему должность президента общества, и отношеніе новаго президента Ѳ. Н. Сухомлинова) я получилъ отъ графа Д. Е. при краткомъ письмѣ его ко мнѣ, проникнутомъ горькимъ укоромъ новому президенту общества. Этого письма не нашлось въ моихъ бумагахъ.

*

Но вотъ и конецъ драгоцѣннымъ для меня письмамъ незабвеннѣйшаго, могу сказать, для всей Русской исторіи графа Д. Е. Остенъ-Сакена. Онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ назвалъ меня блуднымъ сыномъ. Таковъ я въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и на самомъ дѣлѣ. Если я и теперь и прежде считалъ письма ко мнѣ графа драгоцѣнными, то почему только часть сохранилъ ихъ, и притомъ меньшую? Да, я воистину блудный сынъ! Такихъ людей, какъ графъ Д. Е., каждое слово должно быть дорого.

До сихъ поръ глубоко сожалѣю, что, не смотря на нѣсколько приглашеній, я не былъ въ Пріютѣ, гдѣ этотъ доблестный воинъ и ревностный сельскій хозяинъ представился бы мнѣ въ новомъ свѣтѣ, хотя этотъ свѣтъ и издали ярко свѣтилъ мнѣ. Я разумѣю свѣтъ глубоко-христіанской души графа. Я былъ близокъ къ приснопамятнѣйшему святителю Иннокентію, архіепископу Херсоно-Таврическому, который не разъ говорилъ мнѣ о графѣ Д. Е., какъ о рѣдкомъ христіанинѣ. Помню одно выраженіе его: „Это такая глубоко-вѣрующая душа, что она „правиломъ вѣры и образомъ кротости“ могла бы служить даже для насъ, служителей алтаря Господня“.

Дивный во святителяхъ Иннокентій и доблестный во всѣхъ входахъ и исходахъ жизни графъ Д. Е. были друзьями. Во время Крымской войны Иннокентій не разъ пріѣзжалъ въ Крымъ и въ Севастополь. Однажды онъ желалъ обойти всѣ бастіоны, но его не допустили до этого подвига, и для него осталось одно: повидаться со своимъ присновозлюбленнѣйшимъ во Христѣ братомъ *) Димитріемъ, который квартировалъ въ Николаевскомъ укрѣпленіи, на южной сторонѣ бухты, близъ такъ называемой Графской пристани. Туда съ сѣверной стороны бухты и отправился Иннокентій на катерѣ, которымъ правилъ одинъ изъ іеромонаховъ. Во время этого плытія двѣ бомбы упали около катера; одна по носу катера, другая по кормѣ его. Свиданіе, оглушаемое разрушительными ядрами, продолжалось недолго, и Иннокентій, по настоянію брата во Христѣ Димитрія, долженъ былъ воз-

*) Это собственныя слова Иннокентія. П.

вратиться на Сѣверную. Но, кажется, дня чрезъ три послѣ этого свиданія доблестный архипастырь отслужилъ въ Михайловскомъ храмѣ на берегу южной бухты Севастополя литургію съ водоосвященіемъ, на которыхъ присутствовали кн. Горчаковъ, графъ Остенъ-Сакенъ, начальникъ штаба П. Е. Коцебу, генералъ Ушаковъ, адмиралъ Нахимовъ и многіе другіе, включая сюда и низшіе чины изъ защитниковъ Севастополя, чины съ Георгіевскими крестами. Богослуженіе это кончилось къ 8 часамъ утра, и съ этого времени бомбардировка надъ Севастополемъ усилилась.

Послѣ неудачной Альминской битвы, въ Одессѣ многіе говорили: послать бы туда Иннокентія. Повторяли эти слова и при другихъ неудачахъ этой войны. Помню слѣдующія слова, съ улыбкой сказанныя мнѣ Иннокентіемъ: „Я недолго бесѣдовалъ съ возлюбленнымъ моимъ братомъ Димитріемъ, но убѣдительно просилъ его, чтобы онъ провелъ меня по всѣмъ бастіонамъ, гдѣ я могъ бы помолиться съ доблестными героями войны; но возлюбленный братъ не согласился на мою просьбу и сказалъ мнѣ, что никто изъ начальствующихъ лицъ не согласится на это. Послѣ этихъ словъ онъ, улыбаясь, поставилъ вопросъ: не хотите ли вы, святой владыко, стать во главѣ всѣхъ насъ, ведущихъ борьбу со врагомъ? И не лучше ли тогда пойдутъ наши боевыя дѣла? Конечно, эти вопросы заставили меня разсмѣяться".

Впрочемъ не всѣ такъ смотрѣли на Иннокентія. Послѣ Альминскаго боя онъ поѣхалъ въ Крымъ, чтобы помолиться съ войсками и благословить ихъ на брань въ защиту вѣры и отечества; но, какъ онъ однажды выразился, „его велѣли прогнать изъ Крыма хворостиной".

Но возвращусь къ графу. Я выше сказалъ, что архіепископъ Иннокентій видѣлъ въ немъ глубоко вѣрующаго христіанина. Сколько мнѣ извѣстно, такъ смотрѣли на него всѣ, кому дорогà вѣра во Христа. Но вотъ неоспоримое доказательство, что графъ дѣйствительно былъ глубоко-вѣрующій христіанинъ и всѣмъ сердцемъ любилъ православную церковь: это сооруженный имъ въ Пріютѣ храмъ Божій, на чтó онъ жертвовалъ свою послѣднюю лепту.

Описаніе этого храма и освященіе его архіепископомъ Димитріемъ (заступившимъ мѣсто Иннокентія) вышло особою брошюрою, въ Кіевѣ напечатанной. Если сооруженный графомъ храмъ можетъ быть свидѣтелемъ его горячей любви къ православной церкви, то и письма его могутъ служить доказательствомъ другой христіанской добродѣтели, именно: любви къ ближнему, не ко мнѣ лично, котораго онъ никогда не видѣлъ, но ко всѣмъ жителямъ широкаго Юга Россіи, къ подъему среди ихъ сельскаго хозяйства—этой первоосновы ихъ благосостоянія. Онъ цѣнилъ мои труды и поощрялъ меня къ этимъ трудамъ, съ какою цѣлію? Чтобы что нибудь доброе сдѣлать для ближняго, любовь къ которому намъ заповѣдана св. Евангеліемъ. А отсюда естественное заключеніе, что я, передавая во всеобщую извѣстность письма графа ко мнѣ, дѣлаю это не изъ личной моей гордыни,

а изъ сознательнаго желанія засвидѣтельствовать предъ исторіей о добрѣйшемъ сердцѣ графа, воодушевленномъ христіанскою любовію къ ближнимъ.

Неся на раменахъ своихъ 80-й годъ жизни, я вижу и чувствую, что близокъ мнѣ „предѣлъ, его же не прейдеши". При этомъ ожидаемомъ переходѣ невольно вспоминаю свои посильные труды и то доброе расположеніе ко мнѣ тѣхъ, которые слѣдили за ними. Вотъ, напримѣръ, одно изъ доказательствъ, какими добрыми очами смотрѣлъ на мои труды по Обществу сельскаго хозяйства южной Россіи незабвеннѣйшій для меня графъ А. Г. Строгановъ, Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ. По кончинѣ свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова онъ заступилъ мѣсто его, президента этого Общества, котораго я въ то время состоялъ секретаремъ и редакторомъ его Записокъ, сельско-хозяйственнаго журнала. Но я занималъ въ это время и другое служебное мѣсто по личному приглашенію министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, мѣсто адъюнктъ-профессора при Ришельевскомъ лицеѣ, отъ котораго и получалъ жалованья 600 р. Были у меня и другія доходныя статьи; но, сдѣлавшись семьяниномъ, я едва сводилъ концы съ концами и рѣшился выдти на другой путь. Мнѣ предложили быть управляющимъ одного обширнаго имѣнія съ жалованіемъ 3000 р. въ годъ и 10% изъ чистаго дохода. Я согласился, и заключенъ былъ законнымъ порядкомъ контрактъ. Прихожу проститься съ драгоцѣннымъ для моего сердца президентомъ Общества графомъ А. Г. Строгановымъ. Пристально смотритъ на меня своими добрѣйшими очами графъ и дѣлаетъ вопросъ: что если какой нибудь купецъ запретъ свою лавку и ключъ положитъ себѣ въ карманъ, будетъ ли идти торговля изъ этой лавки? Я отвѣчалъ: конечно, нѣтъ. Вотъ тоже будетъ, говоритъ графъ, и съ нашимъ Обществомъ. У меня навернулись слезы на глазахъ (прошу, читатель, вѣрить старику), и я сказалъ: ваше сіятельство, мнѣ тяжело оставить Общество; я былъ преданъ трудамъ ради его и готовъ отказаться отъ избранной мною дороги, готовъ уничтожить контрактъ, за что̀ конечно будутъ судить меня; но дѣло не въ томъ: согласитесь ли вы, чтобы при васъ служила безчестная личность? На эти слова графъ дѣлаетъ мнѣ вопросъ: контрактъ при васъ? Я вынимаю его изъ кармана. Дайте мнѣ его. Я отдаю. Графъ рветъ его въ клочки и говоритъ: я уничтожилъ контрактъ, и не вы, а я напишу этому землевладѣльцу, мнѣ хорошо знакомому; вы же продолжайте свою трудовую службу при Обществѣ; но такъ какъ вамъ нечего ѣсть, то будете кое-что получать отъ меня. Такъ оно и сбылось: въ теченіе трехъ лѣтъ я получалъ отъ графа по 300 р. въ годъ. Какъ къ президенту Общества и генералъ-губернатору, я нерѣдко долженъ былъ являться къ нему съ докладами, и уже заявлялъ въ печати, что минуты, проведенныя съ нимъ, были для меня свѣтлымъ и радостнымъ праздникомъ, хотя графъ и говаривалъ, что у него въ Одессѣ только двѣ собаки—Гангартъ и Палимпсестовъ, но собаки, которыхъ онъ любитъ. Этотъ титулъ я заслужилъ высказываніемъ правды, не рѣдко въ самыхъ неотесанныхъ выраженіяхъ, подражая въ этомъ случаѣ графу. Не могу не припомнить и слѣдующаго свидѣтельства добраго расположенія ко мнѣ графа.

Живя въ Москвѣ въ 1888 г., я составилъ, въ образѣ порядочной книги: „Мои воспоминанія о Херсоно-Таврическомъ архіепископѣ Иннокентіи“; и книгу эту счелъ долгомъ представить графу А. Г. Строганову, который былъ въ самой задушевной дружбѣ съ святителемъ Иннокентіемъ, что̀ видно и изъ слѣдующихъ его словъ: бросая горсть земли въ могилу Иннокентія, графъ обратился къ стоявшимъ близъ его и сказалъ: съ нимъ для меня весь міръ былъ бы и въ Усть-Сысольскѣ. Какой же отвѣтъ я получилъ за посылку этой книги? Благодарность въ самыхъ краткихъ словахъ и 500 р. въ подарокъ.

Да, немало я имѣлъ и имѣю свидѣтельствъ добраго расположенія ко мнѣ и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ личностей, и въ частности сельско-хозяевъ. Напримѣръ, незабвенный для Русскаго сельскаго хозяйства дѣятель графъ А. А. Бобринскій, проѣзжая чрезъ Одессу, почти всегда заходилъ ко мнѣ и велъ со мною самыя оживленныя и поучительныя для меня бесѣды по той промышленности, которой онъ посвятилъ всѣ свои силы. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. Между нимъ и президентомъ этого Общества, графомъ А. Г. Строгановымъ, была самая братская любовь. Но вотъ и кончина одного изъ первыхъ передовыхъ дѣятелей въ области нашей сельской промышленности, графа А. А. Бобринскаго. Президентъ Общества графъ А. Г. Строгановъ призываетъ меня и говоритъ: мы должны собрать Общество въ память этого плодотворнаго труженика, и вы должны приготовить рѣчь. Собраніе состоялось; кромѣ моей рѣчи были сказаны и другія, и мы не могли не замѣтить слезъ нашего президента. Рѣчи эти были напечатаны въ Запискахъ. Рѣчь мою я закончилъ предложеніемъ соорудить памятникъ графу А. А. Бобринскому, что̀ и исполнилось: памятникъ поставленъ въ Кіевѣ. И на моемъ письменномъ столѣ красуется памятникъ—часы, которые занимали такое же мѣсто въ кабинетѣ графа А. А. Бобринскаго. Графъ А. Г. Строгановъ, узнавши о полученіи мною этого памятника, совѣтовалъ сдѣлать на немъ соотвѣтственную надпись, что̀ я и исполнилъ.

Было бы непростительно для меня, если бы, говоря о личностяхъ сочувственно отзывавшихся къ моимъ посильнымъ трудамъ, я не сказалъ при настоящемъ случаѣ нѣсколько словъ о графѣ М. Д. Толстомъ, который почти во все время моей службы при Обществѣ состоялъ его вице-президентомъ и президентомъ. Для него я былъ не только, какъ говорится, свой человѣкъ, но какъ родной въ его домѣ; добрѣйшій графъ, иной разъ, положивъ свои руки на мои трудовыя плечи, говорилъ: я люблю васъ какъ роднаго сына, и сынъ его, бывшій мой студентъ, любилъ меня искренно. Графъ всей душой любилъ Общество сельскаго хозяйства и дѣлалъ для его полезной дѣятельности все, что̀ было возможно для него. Напримѣръ, домъ Общества въ Одессѣ своимъ существованіемъ обязанъ ему; первая мысль поставить въ Одессѣ памятникъ свѣтлѣйшему князю М. С. Воронцову принадлежитъ ему же; и мы, онъ, какъ предсѣдатель, а я, какъ секретарь

комитета по сооруженію этого памятника, не мало потрудились надъ этимъ добрымъ дѣломъ, и если чѣмъ можемъ похвалиться, то умѣньемъ расходовать деньги, собранныя на этотъ памятникъ; всего употреблено на него 45,394 р. 83 к., чтó и видно изъ напечатаннаго отчета, гдѣ отмѣчены всѣ приношенія, даже десятикопѣечныя, и всѣ расходы, даже пятикопѣечные. Не забудемъ, кромѣ величавой бронзовой статуи князя, на памятникѣ три барельефа довольно почтенныхъ размѣровъ. Говорили мнѣ въ Одессѣ, прочитавъ составленный мною отчетъ по сооруженію этого памятника, будто бы на памятникъ Дюку де-Ришелье, стоящій на приморскомъ бульварѣ Одессы, израсходовано болѣе 100,000 р., впрочемъ ассигнаціями *). Но какая величина этого памятника въ сравненіи съ памятникомъ князя Воронцова? Скажу еще нѣсколько словъ о графѣ М. Д. Толстомъ. При своей широкой опытности въ хозяйствѣ, при холодности къ губительной роскоши, графъ ни одного своего имѣнія не заложилъ въ какой нибудь банкъ, даже ближайшій къ нему и открывшійся при немъ Херсонскій земскій банкъ. При своей практичности и дальнозоркости графъ постоянно указывалъ мнѣ пути для моей дѣятельности по Обществу сельскаго хозяйства. Такъ въ былое время при насъ воздѣлываніе кукурузы ограничивалось только Бессарабскою областію, и въ большинствѣ хозяева Херсонской и Таврической губерній думали, что это растеніе только и можетъ воздѣлываться въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи и т. д., хотя и видѣли, что оно роскошно ростетъ при баштанахъ всего Юга Россіи. И вотъ графъ поручаетъ мнѣ обратиться къ многосторонней опытности одного изъ крупнѣйшихъ хозяевъ Бессарабіи г. Н. Кешко и при содѣйствіи его составить руководство къ воздѣлыванію кукурузы. Я исполнилъ порученіе графа, составилъ руководство, которое было напечатано въ Запискахъ и осталось небезполезнымъ для всего Юга Россіи. Графъ былъ такъ доволенъ этимъ моимъ трудомъ, что принесъ мнѣ въ подарокъ за него 300 р. Вообще незабвенный моему сердцу графъ былъ щедръ для меня. Поселившись въ Өеодосіи, я вздумалъ построить себѣ домикъ, и графъ присылаетъ мнѣ 500 р.

Еще непростительно было бы для меня, если бы при настоящемъ случаѣ я не сказалъ нѣсколько словъ и о В. П. Скаржинскомъ, этомъ первоучителѣ лѣсоводства и другихъ отраслей сельскаго хозяйства на Югѣ Россіи. Первѣе всего, не могу не сказать, что эта личность пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и любовію не за одну примѣрную дѣятельность въ области сельскаго хозяйства, чтó, между прочимъ, видно и изъ того, что Викторъ Петровичъ четыре трехлѣтія занималъ мѣсто Херсонскаго губернскаго предводителя дворянства. Отецъ его былъ соратникомъ Суворова, бился при взятіи Очакова и, получивъ множество ранъ, рѣшился выдти на мирное поприще, заняться въ своемъ имѣніи Херсонской губерніи хозяйствомъ.

*) Не знаю, во что обошелся памятникъ Пушкину въ Москвѣ; но онъ сравнительно съ памятникомъ князю Воронцову въ Одессѣ меньшихъ размѣровъ и барельефовъ не имѣетъ. П.

Но полученныя раны сократили его мирную жизнь, и хозяйство должно было перейти въ руки двухъ сыновей его и ихъ матери. Братъ Виктора Петровича былъ убитъ при Ульмскомъ сраженіи, и все хозяйство перешло въ руки Виктора Петровича и его матери, но на короткое время: юная, пылкая душа будущаго дорогаго хозяина Юга Россіи рѣшилась на другое дѣло; молодецкій Викторъ Петровичъ составляетъ изъ своихъ крѣпостныхъ отрядъ кавалеристовъ и отправляется драться съ Наполеономъ [1]). И драка эта была мужественная, потому что Викторъ Петровичъ получилъ за нее орденъ Анны 2-й степени. Воистинну это была доблестная и истинно Русская, православная душа.

Графъ Д. Е Остенъ-Сакенъ такъ высоко цѣнилъ труды этого образцоваго хозяина, что захотѣлъ память объ этихъ плодотворныхъ трудахъ передать потомству, и вотъ по его предложенію и настойчивости красуется передъ домомъ Общества сельскаго хозяйства мраморный памятникъ незабвенному хозяину В. П. Скаржинскому. Въ первыхъ годахъ моей дѣятельности по Обществу сельскаго хозяйства Юга Россіи я написалъ довольно порядочную по своему объему статью о лѣсонасажденіяхъ Виктора Петровича и предложилъ въ одномъ изъ собраній Общества украсить залу собраній портретомъ этого выдающагося дѣятеля; предложеніе мое было единогласно принято и одобрено Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ: портретъ Виктора Петровича Скаржинскаго и доселѣ украшаетъ залу собраній Общества въ Одессѣ.

Архипастырь Иннокентій, большой любитель лѣсоводства и плодоводства, не рѣдко посѣщалъ Виктора Петровича въ его имѣніи и каждый разъ объѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ лѣсныя и плодовыя насажденія. Въ 1851 году я, переѣхавъ изъ Саратова на службу въ Одессу, пошелъ къ владыкѣ Иннокентію, который, познакомившись съ нѣкоторыми моими печатными трудами и найдя меня личностію не безъ дарованій, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ къ Виктору Петровичу. Владыка, представляя меня именитому хозяину, говоритъ: это вашъ ученикъ; онъ не безъ дарованій; я не дозволю ему зарыть свои таланты въ землю, и тогда онъ можетъ принести пользу для здѣшняго сельскаго хозяйства Россіи. Добрѣйшій хозяинъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и въ этихъ объятіяхъ держалъ до конца своей жизни [2]).

Да, во многихъ отношеніяхъ Викторъ Петровичъ былъ для меня учителемъ; онъ указалъ мнѣ немало путей въ моей дѣятельности по сельскому хозяйству Юга Россіи. Вотъ тому примѣръ. Я написалъ довольно обширное руководство по устройству водохранилищъ въ южной Россіи, руководство, которое осталось не безъ добрыхъ послѣдствій; но во главѣ этого руководства стояли многочисленныя запруды, устроенныя Викторомъ Петровичемъ на

---

[1]) Объ этомъ есть свѣдѣнія въ описаніи Отечественной войны г. Михайловскаго.

[2]) Онъ помогалъ мнѣ и въ средствахъ для моей жизни. Отъ одного крупнаго, расположеннаго ко мнѣ землевладѣльца я купилъ по дешевой цѣнѣ дачу близъ Одессы, и Викторъ Петровичъ шлетъ мнѣ на лѣсоразведеніе 500 рублей.

его обширныхъ земляхъ, и при томъ съ такимъ знаніемъ дѣла, что онѣ могли служить лучшимъ образцомъ для южно-русскихъ хозяевъ. На этотъ разъ довольно припомнить, что нѣкоторыя изъ этихъ запрудъ были похожи на озера съ рыбою и окружены густою лѣсною растительностью. Немало было написано мною статей по лѣсоразведенію, и многое изъ этой отрасли сельскаго хозяйства передано было мнѣ незабвеннымъ моимъ учителемъ. Припоминаю одинъ случай. Пріѣхалъ я къ нему однажды въ имѣнье, куда я ѣздилъ нерѣдко и живалъ тамъ по недѣлѣ, даже по двѣ. Поѣхали мы осматривать пшеничныя поля, которыя занимали до 1000 хозяйст. десятинъ. Мы оба въ неописанный восторгъ приходили, любуясь волненіями этого растительнаго моря, хотя зеленый цвѣтъ его уже переходилъ въ желтоватый. Видя эту желтоватость, Викторъ Петровичъ говоритъ мнѣ: вотъ чрезъ недѣлю и приступимъ къ уборкѣ пшеницы, начиная съ полей возвышенныхъ, на которыхъ хлѣбъ раньше созрѣваетъ, чѣмъ на низменныхъ мѣстахъ. Проходитъ недѣля, и хозяину докладываютъ, что почти всѣ поля пшеницы подверглись запалу, т.-е. почти весь хлѣбъ погибъ отъ дувшихъ въ теченіе трехъ сутокъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Осмотрѣли мы печальныя поля, и многосторонне знакомый съ Югомъ Россіи Викторъ Петровичъ говоритъ: если бы мы провели по нашимъ степямъ съ Сѣвера на Югъ густыя полосы лѣса, и между этими полосами сѣяли свои хлѣба, то вражескіе восточные и сѣверо-восточные вѣтра не были бы такъ губительны для нашихъ хлѣбовъ и травъ. Эту неоспоримую правду я не разъ приводилъ въ извѣстность чрезъ Записки Общества. Но мы, Русскіе люди, любимъ истреблять драгоцѣннѣйшій покровъ земли—лѣса, а не разводить ихъ, хотя, пожалуй, и сознаёмъ, что лѣсная растительность способствовала бы болѣе обильному урожаю нашихъ хлѣбовъ и травъ. Да, находятся хозяева, которые такъ и смотрятъ на благотворное вліяніе лѣсовъ. Въ Херсонской губерніи есть землевладѣлецъ, выдающійся по своему широкому и основательному взгляду на сельское хозяйство юга Россіи. Это А. А. де-Карріеръ. Онъ разводитъ въ своемъ имѣніи полосами лѣсъ, среди этихъ полосъ сѣетъ хлѣба, съ которыми и сравниться по урожайности не могутъ хлѣба, посѣянные на беззащитныхъ степныхъ поляхъ *).

Найдутся-ли подражатели этому истинно передовому хозяину Новороссійскаго края? Нашлись бы, конечно; но трудно у насъ беречь лѣсонасажденіе отъ глуповатаго и дерзостнаго нашего народа. Въ Баваріи и другихъ государствахъ Западной Европы многія шоссейныя дороги обсажены фруктовыми деревьями, и плодовъ ихъ не касается дерзновенная рука. Но на нашихъ дорогахъ уцѣлѣли-ли бы подобныя деревья или ихъ плоды? Припомнимъ, до какихъ размѣровъ дошло у насъ даже святотатство.

Но возвращусь къ приснопамятному для меня Виктору Петровичу. Онъ страдалъ хирагрою и строки не могъ написать; между тѣмъ были статьи въ

*) Это истинно благотворное для Юга Россіи дѣло подробно и многосторонне описано извѣстнымъ въ настоящее время своими учеными трудами по сельскому хозяйству А. А. Бычихинымъ. Оно помѣщено въ Запискахъ Общества сельскаго хозяйства Юга Россіи за 1893. II.

Запискахъ, писанныя мною, но подписанныя его именемъ, о чемъ однажды однимъ изъ моихъ сослуживцевъ по Ришельевскому Лицею и былъ сдѣланъ на меня доносъ попечителю Одесскаго учебнаго округа, Н. И. Пирогову. Мы, учащіе, иногда собирались по вечерамъ къ этому именитому ученому мужу по его приглашенію и читали что-нибудь изъ нашихъ произведеній. Вотъ на одномъ изъ этихъ собраній, по прочтеніи мною одного изъ произведеній моего пера, и былъ сдѣланъ упомянутый доносъ. На вопросъ попечителя, обращенный ко мнѣ: чтó это значитъ? я отвѣчалъ, что въ статьяхъ съ подписью г. Скаржинскаго мое перо, но суть дѣла принадлежитъ этому сельскому хозяину, къ которому, какъ извѣстному практику, здѣшніе хозяева имѣютъ бóльшее довѣріе, чѣмъ ко мнѣ, теоретику. Попечитель остался доволенъ моимъ отвѣтомъ. Не думаю, чтобы меня обвинили въ неправдѣ или самохвальствѣ, если я при настоящемъ случаѣ скажу, что и отъ этого міроваго ученаго мужа я пользовался добрымъ расположеніемъ ко мнѣ. Поселившись въ своемъ имѣніи Подольской губерніи, онъ иногда (но кажется не болѣе двухъ разъ) писалъ ко мнѣ по нѣкоторымъ вопросамъ сельскаго хозяйства. Въ этихъ письмахъ, между прочимъ, просвѣчивала и его набожность, въ которую я и прежде вѣрилъ. Вступивъ въ должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, онъ счелъ своимъ долгомъ покороче познакомиться съ преподавателями наукъ въ Лицеѣ и приглашалъ ихъ по вечерамъ побесѣдовать съ нимъ одинъ на одинъ, какъ говорится, съ глазу на глазъ. Былъ призванъ и я, и наша бесѣда длилась съ 7 часовъ вечера до 12 часовъ ночи. Она касалась различныхъ предметовъ, между прочимъ и религіи, и я вынесъ изъ этой бесѣды полное убѣжденіе, что душа именитаго ученаго мужа была глубоко-вѣрующая въ откровеніе и во Христа, какъ въ Бога. Пожалуй вольномысліе и не повѣритъ мнѣ, но я скажу неоспоримую правду: Пироговъ иной разъ стоялъ въ алтарѣ на колѣняхъ и со слезами молился Богу. Впрочемъ, иногда подобные ученые мужи сами набрасываютъ на себя тѣнь. Прибывъ въ первый разъ во время богослуженія въ лицейскую церковь, и видя, что по одну сторону стоятъ лицеисты, а по другую гимназисты, попечитель, по окончаніи богослуженія, спрашиваетъ инспектора Лицея, Ѳ. Г. Михневича: это посѣщеніе церкви Лицея обязательно для учащихся? Инспекторъ отвѣчаетъ: обязательно. Я, какъ попечитель, отмѣняю это обязательство; учащимся дорого время, и пусть они ходятъ въ ближайшія къ нимъ церкви. Такое распоряженіе попечителя произвело на нѣкоторыхъ отцовъ и матерей тяжелое впечатлѣніе, и они называли великаго ученаго мужа атеистомъ. Однажды и графъ А. Г. Строгановъ сказалъ мнѣ такія слова: если бы вашъ Пироговъ сдѣлалъ это въ средніе вѣка, то его сожгли бы на кострѣ. Сколько мнѣ извѣстно, между графомъ А. Г. Строгановымъ и Н. И. Пироговымъ не было дружескихъ отношеній.

Ив. Палимпсестовъ.

17 Февраля 1898 г.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ИГУМЕНІИ ЕВГЕНІИ ОЗЕРОВОЙ [1].

Пріемка монастыря окончилась скоро и благополучно. Привязываться къ пустякамъ было бы и грѣшно, и неразумно. И такъ свели счеты вѣрно, и въ наличности денегъ принято 300 рублей ассигн., а затѣмъ разрушеніе во всемъ. Какой-то недовѣрчивый на меня взглядъ сестеръ, недоброжелательство, у иныхъ сплетни, толки! Но что̀ всего грустнѣе, кромѣ немногихъ старицъ возросшихъ духовно подъ руководствомъ покойной матушки Евгеніи, стадо совершенно распущенное, непривыкшее даже ко внѣшнему порядку, не говорю уже о какомъ либо духовномъ расположеніи или понятіи. Вотъ въ какомъ жалкомъ состояніи Господь привелъ меня принять Борисоглѣбскую обитель!

Мать игуменья не медлила долго: среди общаго плача, отслужа молебенъ Тихвинской Б. Матери и панихиду о упокоеніи матушки Евгеніи, уѣхала въ Москву и потомъ въ Серпуховъ, мѣсто своего назначенія. Жаль было видѣть старушку. Ей было тяжко до невозможности разстаться не только съ обителью, но со своей родиной, съ прахомъ родителей своихъ, погребенныхъ въ обители. Нѣкоторыя сестры выѣхали съ нею: воспитанница ея Ѳедосья, еще нѣсколько, и въ скоромъ времени монахиня Рафаила Ровинская [2]). Я же отправилась въ Москву съ донесеніемъ о принятіи и, возвратясь съ милостивымъ благословеніемъ и наставленіемъ отца и владыки, стала мало по малу вникать и приниматься за дѣла общежитія.

Слыхала я отъ мудрыхъ и читала сама у св. отцовъ, что, желая водворить духовный порядокъ, надо прежде дать благоустроеніе и возможность въ необходимомъ для жизни. И такъ моя забота обратилась на разрушенныя до зѣла̀ сестринскія кельи. Полы одинакіе, и тѣ гнилые, холодъ, сырость, тѣснота, половицы въ полахъ проваливались отъ ходьбы; всего разрушенія описать невозможно. Настояла необходимость строиться. Первой вкладчицей явилась А. И. Хохлова. Она желала помѣститься около обители и предложила выстроить маленькую

---

[1]) См. 3-й выпускъ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 321.

[2]) Впослѣдствіи игуменья Московскаго Вознесенскаго монастыря.

гостинницу (вмѣсто избы, которая носила это имя) съ тѣмъ, чтобы по жизнь давались ей помѣщеніе, дрова и пища. Владыка соизволилъ. Хохлова внесла 1000 р. сер., купецъ С. пожертвовалъ лѣсу; но сего было недостаточно на построеніе гостинницы. Въ тоже время сдѣлана была и представлена смѣта на устройство каменнаго корпуса для сестринскихъ келій и домовъ священно-церковно-служителямъ. Нужно было заготовить и для сихъ построекъ лѣснаго матеріала, для чего подано было прошеніе на вырубку въ монастырской лѣсной дачѣ. Святый владыка взялъ на себя исходатайствовать у Св. Сѵнода скорѣйшее разрѣшеніе. Въ Январѣ подана смѣта, а въ концѣ великаго поста разрѣшена рубка. Когда я представляла смѣту на каменный корпусъ, то всей суммы имѣлъ монастырь 300 р. асс. Что̀ можно было сдѣлать? Я со смущеніемъ ожидала рѣшенія моего владыки и отца. «Молись больше, Господь не оставитъ», сказалъ онъ мнѣ и разрѣшилъ стройку. Въ это самое время изъявила желаніе вступить въ обитель купчиха Туровская, сама отнеслась къ владыкѣ съ просьбой о помѣщеніи, потомъ мнѣ объявила, и я съ согласія святителя приняла ее. Она при вступленіи своемъ внесла 3000 р. сер., двѣ для построенія келій, а одну для домовъ причта, отъ поддержанія коихъ помѣщица села Аносина, моя родная сестра, В. С., по недостатку средствъ, должна была отказаться, взявъ только на себя обязанность доставлять каждому изъ нихъ по четыре сажени дровъ.

Вдругъ получить 4000 р. сер. была неожиданная и великая помощь, явное Божіе милосердіе за святительскія молитвы и за предстательство нашей покойной матушки Евгеніи. Приступить къ такой трудной и большой постройкѣ, не имѣя ни малѣйшаго опыта, меня крайне смущало. Что̀ дѣлать? Съ чего начать? Отнеслась я къ доброму и почтенному старцу о. Николаю, намѣстнику Саввина монастыря и нашему духовнику, прося его молитвъ и благословенія отправляться въ лѣсъ и начать рубку, какъ Богъ поможетъ. Онъ отклонилъ меня, представя, во первыхъ, мое незнаніе, а во вторыхъ, слабость женской силы на такую работу въ самую раннюю весну, по снѣгу и слякоти, и отправилъ на это дѣло своего казначея, іеромонаха о. Галактіона, который съ тѣхъ поръ и до нынѣ прикомандировывается начальствомъ къ важнымъ постройкамъ монастыря. Много меня облегчила эта помощь; но не безъ скорби она мнѣ досталась; много было столкновеній, смущеній, но терпѣніе все преодолѣть можетъ. При помощи Божіей гостинница была окончена. Кромѣ шести номеровъ для пріѣзжающихъ, устроено отдѣленіе для г-жи Хохловой, въ которомъ она поселилась и доселѣ живетъ и благодаритъ Бога. Каменный корпусъ для келій монашескихъ началъ воздвигаться, шло довольно успѣшно; но нако-

нецъ средства наши совершенно истощились. Я рѣшилась сдѣлать заёмъ, чтобы не задержать уплаты рабочимъ. Являюсь къ святителю съ прошеніемъ.

«Никогда не позволю долга, сказалъ онъ мнѣ, это разоренье монастырю; оставь прошеніе у меня, а завтра приди за отвѣтомъ». На другой день являюсь со страхомъ узнать о рѣшеніи. Вхожу. Владыка бросилъ свой свѣтлый взоръ на меня и съ улыбкой сказалъ: «Возьми свою бумагу съ отвѣтомъ и сочти». Боже мой! 500 р. сер. Я бросилась къ его ногамъ; только слезы свидѣтельствовали о моей благодарности. Кому приходилось оставаться съ 5 копѣйками на 120 человѣкъ да стройкою цѣлаго корпуса на рукахъ, тотъ пойметъ легко мое чувство.—«Будетъ-ли на расплату съ рабочими въ настоящее время?»—«Достаточно, владыко святый».—«Молись, не унывай; Господь не оставитъ». Всѣхъ милостей, всего отеческаго попеченія святителя и благодѣтеля описать невозможно. Каждое его слово было слово совѣта и благодатнаго разума; онъ былъ опора и утвержденіе моей немощи; истинно страшилась я не только предпринять что либо безъ его соизволенія, но даже самомалѣйшее дѣйствіе свое и начинаніе повергала въ его премудрую отеческую волю.

Дѣла шли тихонько. Безпокоило меня странное настроеніе сестеръ обители. Всѣ добрыя, всѣ трудолюбивыя, но всѣ неимѣющія ни малѣйшаго понятія ни о чемъ духовномъ. Стрицъ, воспитанныхъ покойной матушкой Евгеніей, оставалось мало; онѣ не могли словомъ своимъ удержать все общество, не привыкшее слушать старшихъ. Даже иныя и старыя вмѣсто добраго совѣта юнымъ и вновь вступавшимъ толковали небылицы и утверждали, что ихъ мнѣніе право. Довольно сказать, что почти всѣ считали грѣхомъ читать Св. Евангеліе въ келіи своей. Бывало, выду на монастырь, меня увидятъ и разбѣгутся какъ овцы, прячутся безъ всякой причины. Довольно сказать: «Игуменья идетъ», чтобы всѣхъ привести въ смущеніе. Часто, объясняя владыкѣ скорбь мою о семъ, объясняла я и недоумѣніе мое, какъ привести къ нѣкоторому устроенію. «Изъ новыхъ готовь людей», говорилъ онъ, «къ служенію обители, хотя ими тебѣ и не пришлось бы пользоваться». Много стоило усилій уничтожить этотъ безсмысленный страхъ, но Господь Самъ своимъ милосердіемъ помогалъ и мою немощь подкрѣплялъ Своею благодатью для возстановленія распадавшейся обители. Туровская недолго нажила въ монастырѣ: уставъ и нѣкоторое водвореніе порядка ей показались невмѣстимыми, и она перешла въ Хотьковъ. Дивное дѣло: точно для того помѣстилась у насъ, чтобы дать помощь обители. Кромѣ взноса денежнаго остались и другіе ея вклады, нѣкоторыя иконы и проч. Впослѣдствіи многія вступавшія прино-

сили посильные вклады, которые всѣ, съ разрѣшенія владыки, употреблялись на построеніе келій и принадлежностей. «Все равно», говорилъ онъ, «придетъ время, возмутъ въ казну капиталы монастырскіе; пользуйся приношеніями для устроенія обители».

Съ самаго начала моего вступленія я познакомилась ближе всѣхъ съ живущей въ Аносинѣ Надеждой Николаевной Макаровой, образованной и умною дѣвицей изъ купеческаго сословія. Я всегда видѣла въ ней добраго и способнаго человѣка; со вступленіемъ же въ должность настоятельницы обратила на нее полное вниманіе и, по выходѣ изъ монастыря монахини Рафаилы Ровинской въ Серпуховской Владычній монастырь къ и. Анастасіи, я передала ея послушаніе письмоводительницы Надеждѣ Николаевнѣ; всегда находила въ ней разсужденіе, духовную начитанность и усердіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много самомнительности. Во многомъ не сходились мы; но я надѣялась, что время, опытъ, наконецъ моя любовь и довѣріе побѣдятъ ея упорную мысль къ отдаленію себя отъ монашества и отъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ обители. Оттого я держала ее постоянно въ самомъ близкомъ къ себѣ отношеніи; она тоже много благодѣтельствовала обители и содѣйствовала своими средствами въ постройкахъ.

На первый годъ моего управленія монастыремъ, и тебя, мое доброе чадо, привелъ твой дѣдушка, о. намѣстникъ Саввинской Николай, въ обитель. Ты знаешь, что я чтила его и любила не только по долгу какъ духовника, но какъ вѣрнаго слугу Божьяго. Я чуяла въ немъ его смиренный и правдивый нравъ и крайнюю простоту. Смотри промыселъ Божій! Привелъ онъ тебя почти обманомъ, безъ твоего хотѣнія, сироту бѣдную, безпріютную. Ему желалось уневѣстить тебя Христу, а ты отбивалась отъ безсмертнаго Жениха всѣми силами! Вручилъ онъ мнѣ грѣшной всю тебя: и душу, и тѣло твое на воспитаніе. Предъ иконой Царицы Небесной истинно приняла я тебя отъ руки его, какъ отъ десницы Божіей. Виждь же, чадо мое, виждь благость Божію! И нехотящихъ насъ идти подъ легкое бремя Христово благость Его привлекаетъ, и нежелающихъ насъ вкусить отъ благъ обѣтованныхъ дѣвствующимъ силою ведетъ въ чертогъ Свой! Кто станетъ около престола Его величія въ ризахъ бѣлыхъ? Тѣ, кои не осквернили плоти своей и сердца и помышленія своего похотію плотскою Блюдись, милое чадо, иди путемъ Христовымъ, не посрами упованія старцева, ни меня убогой и грѣшной. Люби Господа, ищи Его, призывай на каждой минутѣ, отставай по маленьку отъ жизни плотской и внѣшней, стремись ко Господу, моя родная; молись, да водворитъ Онъ Всеблагій души наши въ мѣстѣ покоя! А начинай съ постояннаго сознанія немощи твоей, приноси Ему покаяніе простое, дѣтское,

ежедневное. Проси спасенія, и подастъ его. Онъ покрылъ тебя Своею милостію всячески; воздай Ему заботою о душѣ твоей. Ему ничего болѣе не нужно, какъ спасеніе наше. О Господи Всеблагій, ими же вѣси судьбами, спаси насъ! Что̀ воздамъ Господеви, еже воздаде ми? Чашу спасенія пріиму и имя Господне призову!

Наконецъ, послѣ немалой скорби и вмѣстѣ непрестанной помощи Божіей, каменный корпусъ былъ довершенъ. Я не умѣю выразить того чувства душевнаго утѣшенія, которое объяло мое сердце, когда внесли св. иконы и началось молебствіе на освященіе келій. Это было какое-то чудо: изъ ничего создался корпусъ! Есть убѣжище теплое, удобное хотя нѣсколькимъ сестрамъ! Я плакала, какъ ребенокъ. Надо было видѣть и восторгъ сестеръ; имъ онъ казался царскимъ дворцемъ; онѣ не помнили себя отъ радости, обнимались, поздравляли одна другую, а тѣ, которымъ досталось жить въ немъ, не знали мѣры своему благополучію. Такъ какъ это зданіе примыкало къ больничной церкви, а она была въ самомъ жалкомъ состояніи и по ветхости, и по безобразію, то надо было за нее приняться, тѣмъ болѣе, что главный соборъ тоже былъ въ упадкѣ и не могъ долго стоять безъ значительныхъ поправокъ. Предвидя это, надо было устроить больничную церковь такъ, чтобы безъ большаго утѣсненія могла совершаться постоянная служба. Опять недоумѣніе, какъ безъ средствъ приняться за перестройку церкви? Говорила я о семъ святителю; онъ, не предвидя средствъ, ничего не рѣшилъ. Также требовалось выстроить настоятельскія келіи, которыя пришли въ совершенное разрушеніе, и амбары для запасовъ, ибо крыши въ обоихъ зданіяхъ были до того ветхи, что дождь лилъ все равно, что на дворѣ. Опять Господь явилъ Свою помощь. Въ это время дѣвица изъ дворянъ, П. И. Старинкевичъ, поступила въ обитель, внесла 2000 р. сер., а чрезъ владыку я получила 1000 р. на поправку больничной церкви, и опять начали готовить матеріалъ для стройки. А моему сердцу готовились новыя скорби: добрая Екатерина Алексѣевна Муханова скончалась, вручивъ мнѣ свой дневникъ о болящей Юліи съ приказаніемъ владыки хранить его въ ризницѣ монастырской, пока будетъ угодно Господу привести его въ извѣстность. Скорбно было на вѣки съ ней проститься. Добрая была душа! Господь даровалъ ей мирную и христіанскую кончину. Упокой ее, Господи! За этимъ вслѣдъ, добраго, почтеннаго намѣстника Саввинскаго и нашего духовника о. Николая перевели въ Бѣлопесоцкій монастырь. Опять слезы; жаль было разстаться со старцемъ правдивымъ, простымъ, къ намъ искренно благорасположеннымъ, тѣмъ болѣе, что и онъ не желалъ перемѣщенія и со скорбію оставилъ монастырь и насъ убогихъ.

На его мѣсто назначенъ былъ его казначей іеромонахъ о. Галактіонъ, а его замѣнилъ переведенный изъ Ново-Спасскаго монастыря намѣстникъ о. Стефанъ. Я лично его не знала, но онъ былъ духовникомъ и руководителемъ въ мірѣ Авдотьи Александровны и черезъ нее имѣлъ со мною сношеніе. Былъ человѣкъ умный, образованный, съ мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ. Служилъ священникомъ въ селѣ, въ супружествѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потерявши жену, посвятилъ себя пастырскимъ трудамъ, молитвѣ, провождалъ вполнѣ жизнь монастырскую и въ послѣдствіи вступилъ въ монастырь. Его-то владыка назначилъ намъ въ духовники. Отдохнуло нѣсколько мое сердце. Я привязалась къ нему всей душей. Онъ говорилъ мало отъ ума, былъ направленъ ко всему отвлеченному, духовному; сухость не имѣла въ немъ мѣста, а между тѣмъ мягкость сердца не затмѣвала разсужденія. Онъ со взрослыми былъ серьезенъ и даже строгъ, съ немощными и юными самъ былъ младенецъ. Свое направленіе онъ основывалъ на словѣ Св. апостола Павла: *былъ всѣмъ вся, съ законниками яко подзаконникъ, съ язычниками яко язычникъ.* Но отнюдь не человѣкоугодничалъ, а гдѣ нужно было слово правды, то не обинуясь говорилъ ее. Кромѣ говѣнья я часто видалась съ нимъ. Онъ съ утѣшеніемъ слушалъ мои разсказы о болящей; бесѣда его была радушная, простая, сердечная. Но недолго и здѣсь Господь судилъ имѣть утѣшеніе. О. Стефанъ, въ слѣдствіе многихъ скорбей и простуды, полученной при переѣздѣ черезъ рѣку въ полузимнее время для пріобщенія болящаго, который ни у кого не хотѣлъ исповѣдываться кромѣ его, заболѣлъ: разлилась желчь, и никакія средства не могли спасти его. За нѣсколько дней онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти, но старался скрывать, чтобы не оскорбить меня и не повергнуть въ крайнее уныніе, однако говорилъ, что̀ дѣлать въ случаѣ его кончины. Часто я посѣщала его въ эти дни и бесѣдовала съ нимъ. Въ одно изъ сихъ незабвенныхъ свиданій, разговаривая о будущей жизни и какъ должно проводить жизнь временную, онъ мнѣ сказалъ. Тебѣ одной, какъ дочери, скажу; все, другъ мой, бывало. Ты знаешь, я овдовѣлъ 23-хъ лѣтъ; старался соблюсти себя и для того вкушалъ иногда однажды въ седмицу, валялся на голомъ полу, а теперь, видишь, лежу на диванѣ; всему свое время! Въ Св. Четыредесятницу на первой недѣлѣ не вкушалъ я до субботы ничего. Старайся и ты понести что-либо! Случалось, стану читать правило, свое сердце разогрѣется, отстать не хочется отъ молитвы; наконецъ немощь тѣла возметъ свое, лягу, и въ полуснѣ приходятъ чувства, мысли такія свѣтлыя, такія высокія! Вскочу, хочу записать, чтобы сохранить ихъ: нѣтъ земныхъ словъ, чтобы выразить небесное чувство!» За три дня до кончины, когда я поздра-

вила его съ принятіемъ Св. Таинъ и Св. Елеосвященія, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Слава Богу, я только этого и желалъ; теперь я совершенно спокоенъ и смерти не боюсь. Да, приходить время, когда ни сродники, ни друзья уже не нужны; одинъ Хранитель Ангелъ, руководствующій душу неизвѣстнымъ путемъ! Скажу тебѣ, что давно ничто меня не привлекало къ жизни, и ничего земнаго душа не желала, все равнодушно!»—А тяжко вамъ, батюшка? спросила я. — «Нѣтъ, я не страдаю».—Въ этотъ же день выслушалъ онъ отходныя молитвы, распорядился, въ чемъ его положить, все на случай смерти приготовленное одѣяніе приказалъ принести и требовалъ, чтобы эпитрахиль, набедренникъ, коротенькую келейную мантійку, мною ему данныя, непремѣнно на него надѣли. «Это даръ моихъ цыплятъ (такъ называлъ онъ насъ); хочу, чтобы и въ гробѣ онѣ были со мною неразлучны.»

Такъ какъ я каждый день возвращалась къ себѣ въ обитель, то онъ, чувствуя, что слабѣетъ и впадаетъ въ забытье, не медля, послалъ за мною. Это было наканунѣ смерти. Когда я пріѣхала и около получаса простояла у его постели, онъ открылъ глаза, узналъ меня, обнялъ и крѣпко прижалъ къ себѣ, сказавъ: «Прощайте, сестры, дѣти мои; всѣмъ мое благословеніе. Богу васъ вручаю и Пречистой Его Матери, а здѣсь некому»!—Въ это время скорбь объяла все существо мое. «Отецъ мой, какъ тяжело жить!»—«Родимая моя, Господа ради не унывай! На мнѣніе людей никогда не гляди, а только думай, какъ бы совѣсть свою представить непорочну предъ Господомъ. Господь милосерднѣе людей, Онъ все знаетъ; а люди только судятъ по внѣшности. Мало ли какихъ искушеній бываетъ? Часто чего мы страшимся, то приходитъ и гдѣ думаемъ нѣтъ опасности, тамъ падаемъ!»—«Батюшка, родной мой, сокровище мое», вопила я, рыдая, «возьми меня скорѣе съ собою!»—«Не могу. Когда будетъ Богу угодно, всѣ будемъ тамъ, рано или поздно. Мать, не имѣй ничего; какъ легко умирать, не оставляя по себѣ ничего!»—Тутъ изнемогъ онъ и впалъ въ забытье; черезъ нѣсколько времени пришелъ въ себя, увидѣлъ меня, крѣпко прижалъ мою голову къ себѣ и сталъ говорить: «Христосъ съ тобой, родная моя; утѣшь тебя Господь, какъ ты меня утѣшала! Помнишь о той особѣ, о которой мы прежде говорили. Они проводятъ жизнь министерскую, а нашей монастырской не понимаютъ и руководствовать нами не могутъ. Твой покровъ—Божія Матерь!» (Мы говорили прежде о протоіереѣ Сергѣѣ Ивановичѣ). Ночь эту провела я около него. Онъ увидѣлъ меня въ 11 часовъ.—«Хлопотунья моя, ты все здѣсь», и крѣпко сжалъ мнѣ руку, которую я держала въ его рукѣ. Въ 12 часовъ ночи умирающій о. Стефанъ потерялъ возможность говорить, но и послѣ узналъ, съ отеческою любовію смотрѣлъ на меня, прощаясь, и

опять пожалъ руку. Это былъ уже послѣдній знакъ его отеческой любви. Сдѣлалось воспаленіе, страдалъ ужасно до 2-хъ часовъ пополудни, а скончался совершенно тихо въ Среду на первой недѣлѣ Великаго поста, 20-го Февраля 1857 года. Послѣ него нашли имущества 20 р. сер., а ожидали найти капиталъ.

Нечего описывать, какъ было мнѣ тяжко утратить это сокровище. Я въ скоромъ времени поплатилась за эту скорбь тяжкою болѣзнію. Нѣсколько опомнясь послѣ похоронъ о. Стефана, я должна была приниматься за стройку и за дѣла. За матеріалы расплатилась, а на производство опять нѣтъ ни гроша. Однажды, расчитывая съ Надеждой Николаевной наши доходы и расходы и видя совершенное оскудѣніе, я, сознаюсь, упала духомъ. Чтò дѣлать, ни откуда нѣтъ источниковъ. Надежда Николаевна старалась ободрить меня, напоминая, что не въ первый разъ такъ случается. Вдругъ, ты чадо, еще юная и неопытная, входишь и говоришь: «баринъ въ энотовой шубѣ пріѣхалъ и желаетъ непремѣнно васъ видѣть». Хотя я вовсе не была расположена къ пріему гостей, но нечего дѣлать, надо просить. Входитъ почтмейстеръ нашъ съ книгой и объявляетъ, что на имя обители получено 1000 р. серебромъ, «извольте расписаться», говоритъ онъ. Ни слуху, ни глазамъ своимъ не вѣрю; адресъ къ намъ, а послано отъ неизвѣстнаго. И доселѣ не знаю, кто былъ благодѣтель. Вотъ какъ помощь Божія близка къ намъ во всякое время; не умѣемъ мы только цѣнить ее и искать вѣрою и любовію.

Это было великимъ постомъ. Послѣ Пасхи отправилась я съ св. артосомъ къ владыкѣ, передала ему случившееся; онъ съ отеческою любовію выслушалъ и даже разсказывалъ о семъ Павлу Григорьевичу Цурикову, котораго всегда желалъ расположить въ нашу пользу и поддержать въ добромъ къ намъ расположеніи. Святитель зналъ, что съ начала моего вступленія въ настоятельскую должность г. Цуриковъ съ недовѣріемъ всматривался въ мои дѣйствія, хотя и продолжалъ давать запасъ въ трапезу; на вопросы же владыки о порядкахъ монастырскихъ всегда давалъ благопріятный отвѣтъ.

Возвратясь домой ко 2-му Мая, т. е. къ нашему празднику, я уже чувствовала себя дурно и въ самый этотъ день слегла въ постель. Сильная тифозная горячка водворилась въ обители; до 30 человѣкъ почти въ одно время со мной ей подверглись.

Я была при смерти. Добрый докторъ К. И. Сокологорскій пріѣзжалъ и, сколько могъ, помогалъ больнымъ; никто не былъ жертвой болѣзни, но иныя потеряли здоровье, въ томъ числѣ и азъ грѣшная утратила силы, и нѣсколько лѣтъ продолжалось изнеможеніе. Въ болѣзни моей много было страннаго: я мало бредила, но тѣло дошло до

такого истощенія силъ, что сдѣлалось какое-то полусознательное состояніе, въ которомъ, сохраняя весь смыслъ и узнавая всѣхъ, я только теряла всякое свѣтское приличіе и говорила въ глаза каждому то, чего бы въ полной памяти никогда не посмѣла сказать. Я горячо всѣхъ любила и желала всѣмъ спасенія; душа стремилась всѣхъ привлечь къ Богу, къ Его святой любви, всѣхъ соединить во Христѣ Господѣ. Теперь уже я почти перезабыла, что̀ говорила, чувствовала и видѣла и отъ того не могу ничего передать, боясь исказить правду. Болѣзнь моя продолжалась долго: меня особоровали, раза три сообщали Св. Таинъ; я рѣшительно чувствовала и понимала, что умираю. Когда нѣсколько оправилась, въ концѣ Іюня, я просила дозволенія у владыки побывать у преподобнаго Сергія и пробыть ради отдыха нѣсколько времени, чтобы отдалиться отъ заботливости управленія дѣлами; ибо у меня до такой степени ослабли нервы, что я вся тряслась, дѣлались непрестанные обмороки, и я не могла рѣшительно связать никакой мысли. Владыка соизволилъ, писалъ ко мнѣ и прислалъ въ благословеніе икону преп Сергія. Я немедля отправилась, явилась къ нему въ Лаврѣ, едва могла переступать. Онъ удивился, не ожидалъ меня увидѣть въ такомъ положеніи, много распрашивалъ; я ему все раскрыла о своей болѣзни. Много говорилъ онъ о видѣніяхъ, объ искушеніяхъ и между прочимъ разсказалъ слѣдующее. «Одинъ старецъ, подвижникъ нынѣшняго времени, проводилъ жизнь совершенно отшельническую въ уединенной хижинѣ. Однажды, стоя на молитвѣ ночью, слышитъ онъ около келіи шумъ войска и стрѣльбу. Старецъ смутился на первую минуту; но потомъ, сообразивъ, что войску не откуда придти и что это смущеніе вражіе, остановилъ себя и пребылъ на молитвѣ, не обращая вниманія на шумъ и выстрѣлы до самаго разсвѣта. Вышедши утромъ изъ келіи, онъ нашелъ около нея землю всю усыпанную вишневыми косточками. Вотъ какъ ничтожно всякое мечтаніе вражіе. Мудрый старецъ безъ труда отразилъ его молитвою вѣры».

Утѣшившись сердечно, какъ и всегда, бесѣдою святителя, пробыла я нѣсколько дней въ Лаврѣ и возвратилась въ обитель. Однако силы мои не дозволяли продолжать поправку больничной церкви, которая и была отложена до слѣдующаго года; а настоятельскія келіи и амбары для запасовъ были окончены, и возвратилась я уже на новоселье. Кажется, въ это же время П. Г. Цуриковъ устроилъ новую страннопріемную на свое иждивеніе для странниковъ; прежде присылалъ запасъ, а вслѣдствіе разговоровъ и пересудовъ сталъ давать деньгами на покупку хлѣба и прочаго для насъ запаса.

Въ этотъ же годъ сильно потрясла меня семейная непріятность. По смерти сестры Надежды Семеновны бѣдный братъ нашъ, промотав-

шись совершенно, впалъ еще въ худшую безнравственную жизнь: постоянно окруженный дурными товарищами, имѣя характеръ слабый, увлекался во все дурное. Наконецъ вздумалъ онъ, безъ всякаго основанія, начать тяжбу съ сестрой Варварой Семеновной, чтобы отнять у нея село Аносино. Конечно, тяжба не была выиграна, но онъ пріѣзжалъ въ Аносино съ разными судейскими крючками и желалъ меня видѣть. Одинъ несчастный видъ его растерзалъ мнѣ сердце: больной, оборванный, потерявшій совершенно даже наружность порядочнаго человѣка! Усовѣщевать его было невозможно; однако я высказала ему, на сколько требовала совѣсть. Это было послѣднее свиданіе: онъ вскорѣ скончалъ свою плачевную жизнь, оставивъ въ утѣшеніе, что, безъ сомнѣнія, за молитвы матушки нашей Евгеніи, Господь даровалъ ему добрую и христіанскую кончину. А гдѣ покаяніе, тамъ и прощеніе отъ Премилосердаго Господа. Да, чадо милое, помни, что никакая скорбь, никакое смущеніе, никакая радость не должны отнюдь мѣшать исполненію обязанности. Долгъ совѣсти долженъ идти всегда впереди всего.

И такъ, наши дѣла монастырскія шли своимъ чередомъ. Надежда Николаевна много помогала мнѣ и денежными средствами, и умомъ своимъ. Часто и много боролась я съ ея настойчивостію, думая непремѣнно сломить ее и сдѣлать изъ нея дѣятельнаго члена нашего смиреннаго общежитія; но впослѣдствіи оказалось, что гдѣ мы хотимъ дѣйствовать своимъ упорнымъ разсужденіемъ, хотя, кажется, и благоразумнымъ, все то непрочно, ибо не имѣетъ въ основаніи *смиренія* и преданности безусловной волѣ Божіей; ибо Онъ Единый все вѣдаетъ и все устрояетъ къ лучшему. Отъ чего чаяла утѣшенія и помощи настоящей, то не сбылось; и далъ Онъ мнѣ впослѣдствіи помощницу въ Н. В. Щенковой, которая въ это время вступила въ обитель. Дочь богатаго отца изъ купеческаго сословія, но воспитанная при мачихѣ, въ довольствѣ, въ пышности внѣшней, но необразованная, загнанная и отъ того неразвернутая и робкая, она старалась образовать себя духовно и много читала. Боялась я всегда принять кого либо позначительнѣе въ обитель, тѣмъ болѣе, что отецъ Щенковой неохотно отпускалъ ее въ монастырь. Я повезла ее къ святителю испросить совѣта и благословенія. Онъ принялъ ее довольно строго и спросилъ, давно-ли имѣетъ желаніе вступить въ обитель и почему? Наталья Власьевна отвѣчала, что она получила это направленіе отъ тетки своей Никитскаго монастыря игуменьи Амѳилогіи, у которой часто гостила. «Да, она была добрая старица». Наталья Власьевна просить стала благословенія вступить къ намъ въ монастырь. «Богъ благословитъ; но смотри, не разрушай правилъ обители; у нихъ (показывая на меня) и

строго, и сурово; не вводи роскоши, не приноси съ собою мірскихъ вашихъ затѣй, слушайся ея». Мы обѣ, поклонившись ему до лица земли и принявъ благословеніе, отправились, и Щенкова скоро переселилась къ намъ, внеся вклада 2000 р. с. и, драгоцѣннѣе всякаго вклада, принесла истинно-монашеское послушаніе и нестяжаніе.

За ней вступила почти обманомъ, сказавъ, будто владыка приказалъ ее принять, изъ дворянъ, дѣвица Силина, больная и ни къ чему неспособная; внесла 1000 р. с. Обѣимъ вкладчицамъ нужно было устроить келіи. Не хотѣлось мнѣ строить мелкихъ деревянныхъ флигелей, и я рѣшилась начать еще корпусъ (низъ каменный, а верхъ деревянный), а пока помѣстила ихъ въ другихъ зданіяхъ. Къ этому же времени относится переходъ изъ Бородинскаго монастыря монахини Антоніи въ нашу обитель (по причинѣ бывшихъ ей въ оной непріятностей и скорбей). Она испросила дозволеніе выстроить себѣ келію, а до окончанія постройки оной жила довольно тѣсно и проходила послушаніе ризничей. Характера была молчаливаго, терпѣлива, умна и къ дѣлу весьма способна, но здоровья небогатаго. Пользовалась милостію владыки, тѣмъ болѣе, что она была воспитана съ 16-лѣтняго возраста и руководима покойной игуменьей Маріей (Тучковой), которую святитель любилъ и уважалъ. Разскажу странный сонъ, видѣнный м. Антоніей. Когда постройка ея келіи уже приходила къ окончанію, и она утѣшалась спокойнымъ и уединеннымъ помѣщеніемъ, видитъ она во снѣ владыку митрополита Филарета, который ей говоритъ, что ей въ этой келіи не жить. Антонія, проснувшись, смутилась, думая, что эти слова предсказываютъ ей смерть, и разсказала мнѣ видѣнное. Конечно, я старалась успокоить ее, какъ умѣла, говоря, что снамъ вѣрить не должно и что владыка не указалъ-же прямо на кончину ея. Прошло мало времени, получаю приказаніе отъ святителя явиться съ м. Антоніей въ Москву. Она ужасно испугалась, не понимая причины требованія, а когда явились, то онъ объявилъ, что м. Антонія должна быть настоятельницею Страстнаго монастыря. Посвященіе ея совершилось черезъ недѣлю. При этомъ случаѣ и часто при другихъ перемѣнахъ въ настоятельскихъ мѣстахъ молва переводила и меня изъ Аносина, но святитель видимо пока не желалъ меня удалить отъ обители мнѣ родной и дорогой по всему; онъ, какъ отецъ чадолюбивый, понималъ мое сердце и мою привычку къ уединенной жизни, мой робкій нравъ, не сродный для мѣстъ видныхъ, и оставлялъ меня въ нашей безмятежной пустынѣ.

Келія м. Антоніи стоила 1200 р. с. Владыка, зная ея малыя средства, спросилъ, какъ мы рѣшились поступить съ келіей, ибо она была только что выстроена и должна была остаться собственностію обители.

Игуменія Антонія не хотѣла брать отъ насъ, а я непремѣнно желала отдать. «Полно вамъ спорить», сказалъ владыка, улыбаясь. «Я рѣшу ваше прѣніе: ты отдай игуменьѣ Антоніи 500 р. с., а ты съ любовію и благодареніемъ возьми; да и прошу тебя, пробудь съ игуменіей Антоніей нѣсколько времени; ты уже имѣешь нѣсколько опыта, помоги ей принять ея должность и водвориться въ своемъ мѣстѣ; этого требуетъ любовь о Христѣ». Такимъ образомъ, пробывъ недѣли двѣ съ нею, я возвратилась домой къ своимъ мирнымъ и пешумнымъ занятіямъ. Келія м. Антоніи перешла къ Щенковой; впослѣдствіи еще была сдѣлана пристройка для Силиной, потомъ для Болотовой, и все вмѣстѣ составило еще одно-этажный деревянный корпусъ.

Около сего же времени, т. е. въ 1860 г., вспоминаю, что поступила къ намъ А. Лебедева, дитя лѣтъ 12, купеческаго званія. Когда отецъ ея, благоговѣвшій къ владыкѣ, привелъ малютку принять благословеніе, то долго его не допускали; онъ упорно просилъ свиданія, ибо надо было или оставить дитя дома, или отправить со мной въ обитель въ тотъ же день. Наконецъ доложили. Владыка выслушалъ отца, положилъ руку на голову дѣвочки, молился, благословилъ, съ любовію отпустилъ, а мнѣ при первомъ свиданіи сказалъ, когда рѣчь зашла о ней: «Прими, не отрѣвай, таковыхъ бо есть царствіе небесное. Лебедева была тебѣ отдана подъ надзоръ и доселѣ съ тобою неразлучна» Добрая и простая душа! Какъ Господь поведетъ далѣе ея жизнь?.

Общій благодѣтель всего околотка, а въ особенности Саввина и нашего монастыря П. Г. Цуриковъ, въ память своего покойнаго родителя Григорія Михайловича, вознамѣрился устроить часовню для чтенія неугасаемой псалтири надъ пещерой, вырытой самимъ преподобнымъ Саввою, въ которую сей угодникъ Божій удалялся для молитвы, и выстроить около часовни сторожку съ комнатой для помѣщенія по очереди читающимъ псалтирь. Но Господу угодно было прославить сіе уединенное мѣсто, освященное трудомъ и молитвою препод. Саввы. Мысль о часовнѣ перешла къ пещерной церкви, потомъ явилась въ размѣрѣ общежительнаго скита, обезпеченнаго на 16 человѣкъ. Владыка съ любовью принялъ усердіе и разрѣшилъ устройство онаго.

Года за два до сего (около 1858 г.) въ Саввинѣ монастырѣ перестроивали теплую церковь. Владыка самъ освящалъ ее (придѣлы были освящены уже викаріями); когда явилась я принять благословеніе и просить его посѣтить нашу убогую обитель, святитель отвѣчалъ мнѣ: «Въ настоящее время это невозможно: я долженъ спѣшить на экзаменъ въ Николаевскій Институтъ. Насъ не спрашиваютъ; тамъ начальница иностранка назначила день, объявила мнѣ, и перемѣнять уже нельзя». Я на это выразила свою глубокую скорбь, что обитель будетъ лишена

счастія принять личное благословеніе отъ его высокопреосвященства. На это святитель отвѣчалъ: «Не скорби, въ другой разъ пріѣду и буду у тебя». Конечно, я приняла его слово, какъ утѣшеніе, и увѣрена была, что это никогда не случится. И что же? Черезъ три-четыре года, 4 Сентября 1862 г. его прозорливое слово совершилось, и онъ, возвращаясь уже съ освященія скита, посѣтилъ нашу обитель. Хотя о. игуменъ Галактіонъ приглашалъ меня на освященіе, но съ оговоркой, что будетъ очень тѣсно; поэтому, всегда бѣгая большого стеченія, я не поѣхала, а явилась уже послѣ обѣда и прямо къ владыкѣ. Онъ былъ очень благосклоненъ, и я повторила мою просьбу о его посѣщеніи нашей пустыни. «Зачѣмъ не сказала прежде? Я уже пѣвчихъ и ризницу отпустилъ (вѣроятно хотѣлъ служить). Отчего ты не была на освященіи?» — «Побоялась тѣсноты, владыко святый.» — «А я тебя и твоихъ сестеръ вспоминалъ: вотъ просфора о здравіи твоемъ. Не говорю навѣрно, но постараюсь быть у тебя». Я благодарила святителя и поспѣшила ему дать покой. Возвратилась, чтобы все приготовить въ обители къ его принятію. Черезъ день игуменъ далъ знать, что владыка заѣдетъ по дорогѣ въ Москву къ Павлу Григорьевичу, а отъ него къ намъ.

Я не умѣю выразить чувство, меня одушевлявшее. Ждала я со страхомъ. Вся обитель была собрана у св. вратъ, священникъ съ крестомъ и св. водой; народъ за оградой толпился въ ожиданіи святителя, еще при покойной матушкѣ Евгеніи посѣтившаго обитель. Когда ударъ колокола возвѣстилъ о его приближеніи, слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ; мнѣ казалось, что Самъ Господь въ лицѣ Своего святителя посѣщаетъ этотъ смиренный уголокъ земли. Когда остановилась карета, и онъ, свѣтлый, какъ ангелъ Божій, окруженный сестрами обители, пошелъ во храмъ, я не помнила сама себя и все и всѣхъ забыла. Прослушавъ литію и многолѣтіе, осмотрѣвъ алтарь, вышелъ онъ и сталъ около праваго клироса. Сестры стали подходить къ благословенію, начиная со старшихъ; я указывала на тѣхъ, которыя еще были при покойной основательницѣ. Многія плакали, старицы по нѣскольку разъ лобызали его благословляющую десницу. Наконецъ онъ спросилъ: «Гдѣ погребена покойная основательница?» Я указала мѣсто. Владыка вышелъ въ сѣверную дверь холоднаго собора, на паперть, которая приходится прямо надъ могилой, и тихо самъ совершилъ литію, поклонился почти до земли. «Почему не въ церкви положена?» — «Ей не угодно было лечь въ церкви; мѣсто могилы было задолго ею самой назначено, и никто не смѣлъ нарушить ея воли». Потомъ, вошедъ обратно въ церковь, онъ осмотрѣлъ придѣлы уже весьма ветхіе; отсюда прошелъ въ больничную церковь, недавно поправленную, замѣ-

тилъ, что иконостасъ вѣроятно сохраненъ тотъ же, а только колеръ измѣненъ, и ему была пріятна прежняя простота. Потомъ онъ направился въ больницу, устроенную съ помощію г-жи Хвостовой (старой, бывшей при основательницѣ, и слѣда не было) въ память ея мужа.— «Почему не оштукатурено зданіе внутри?»—«Средствъ нѣтъ, святый владыко; штукатурка не необходима».—«Неужели настолько денегъ нѣтъ?» Оттуда прошелъ въ верхній этажъ. На лѣстницѣ лежали половики и всякая дрянь; я, не разбирая, сбросила внизъ чуть не на голову преосвященному Леониду.—«Покажи мнѣ келію которую нибудь». Куда ни кинусь, вездѣ заперто.—«Зачѣмъ вездѣ замокъ? Видно, есть что хранить въ келіи. Когда я въ первый разъ былъ въ Песношскомъ монастырѣ, всѣ келіи были отперты, и я находилъ въ нихъ скамьи вмѣсто кровати и столъ; а нынѣ тоже подъ замкомъ, и развелись самовары и многое другое; такъ-то и теперь у тебя?»—«Владыко святый, всѣ стремились къ вамъ на встрѣчу, а народа много; опасно оставить келію безъ замка: унесутъ и самое необходимое». Вышедъ на крыльцо корпуса, остановился, съ удовольствіемъ окинулъ взоромъ и сказалъ: «Хорошо, только старайся не стѣснять монастыря деревянной постройкой». И отправился прямо въ трапезу, гдѣ были накрыты столы, благословилъ, отвѣдалъ хлѣбъ, квасъ, поцѣловалъ булку и пошелъ въ настоятельскія келіи. Видно было, что ему пріятна была простота оныхъ и неогромный размѣръ; помолился, благословилъ меня, поставилъ свою трость въ уголокъ подлѣ себя и занялъ мѣсто на смиренномъ диванѣ, обитомъ Ярославской синей матеріей. «Зови же преосвященнаго, Павла Григорьевича и прочихъ». Когда всѣ размѣстились, и мнѣ тоже указавъ мѣсто, владыка сталъ говорить. «Знаешь ли ты, что я способствовалъ къ основанію этой обители?»—«Очень часто слыхала отъ покойной матушки о вашемъ отеческомъ попеченіи, владыко святый.»—«Я разскажу вамъ, преосвященный», продолжалъ святитель, обратившись къ бывшему тутъ же своему викарію Леониду, «какъ устроилась эта обитель. Первый годъ присутствовалъ я въ Синодѣ, когда княгиня Мещерская, по моему же указанію, подала просьбу о обращеніи богадѣльни въ общежительный монастырь. Многіе противились этой мысли по скудости средствъ и малаго обезпеченія; но я, зная усердіе и вѣру основательницы, употребилъ все стараніе, чтобы ея благочестивое желаніе исполнилось, и вотъ обитель и доселѣ существуетъ, и донынѣ средства скудныя; но Господь не оставитъ». Потомъ, обратя вниманіе на соборъ: «Странная архитектура того времени, вкусъ Александровскаго царствованія, круги да столбы. Да ветхое все, строилось на гроши».—Подали чай. Владыка взялъ чашку, прибавилъ нѣсколько капель вина, выкушалъ половину и отдалъ. Закуска

стояла неприкосновенна. Не помню, еще о чемъ шла рѣчь. Я смотрѣла и исчезала отъ радости, что святитель въ обители, и до того растерялась, что не умѣла даже предложить отдыха въ приготовленной келіи. Преосвященный Леонидъ поправилъ мою неловкость. «Ваше высокопреосвященство», сказалъ онъ, «мать игуменья озаботилась приготовить вамъ келію для отдохновенія; а насъ благословите возвратиться пировать у соорудителя Пещерной церкви». — «Богъ васъ благословитъ». Когда Павелъ Григорьевичъ подошелъ принять благословеніе и, поклонясь до земли, благодарилъ святителя за оказанную ему милость пріѣздомъ своимъ; владыка склонился къ нему, довольно долго говорилъ, но тихо, а тотъ отъ слезъ не могъ сказать ни слова. Потомъ владыка благодарилъ г. исправника Брюзгина за распорядительность и просилъ къ себѣ, а игумену Галактіону изъявилъ свою признательность и удовольствіе, послѣ чего и удалился, а я пошла провожать преосвященнаго Леонида.—Не правда-ли, мать игуменья, когда солнце сіяетъ, объ звѣздахъ не думаютъ? сказалъ онъ улыбаясь. «И съ нами теперь такъ случается». Ласково простились и всѣ уѣхали.

Владыка, отдохнувъ нѣсколько минутъ, вышелъ въ пріемную, гдѣ я его ожидала. «Зови же Московскихъ гостей, я ихъ видѣлъ давеча». Это были семейства С. Г. Котова и Егоровыхъ. «Мнѣ пріятно видѣть васъ всѣхъ здѣсь вкупѣ, въ обители у нея».—«Владыко святый», возразила я, «не иначе ихъ считаю, какъ ближайшими родными».—«Духовное родство ближе тѣлеснаго, союзъ духовный тверже и прочнѣе: онъ имѣетъ основаніе въ вѣрѣ и любви Божіей. Желаю, чтобы всегда оный между вами сохранился». Потомъ повелъ рѣчь о дѣлахъ Котова, о торговлѣ, о скудости обители нашей, о промыслѣ Божіемъ надъ ней и, пробывъ около получаса, собрался въ путь. Всѣ ожидали его выхода: сестры, народъ, посѣтители спѣшили принять благословеніе его; всѣ мы знали, что уже болѣе въ нашей пустыни его не увидимъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ сказалъ: «Силы мнѣ измѣняютъ, путешествія уже никуда не могу предпринимать, развѣ только въ Лавру». Когда онъ уже сѣлъ въ карету, я вошла на подножку, обняла его стопы, залилась слезами: «Свѣтлый ангелъ нашъ! Отецъ нашъ!» Далѣе ничего не могла говорить. «Довольно, довольно», и у самого на глазахъ навернулись слезы, тихо отстранялъ меня рукой и далъ знакъ къ отъѣзду. Добрый и усердный С. Г. Котовъ вспрыгнулъ на козлы кареты вмѣсто провожатаго и такъ везъ святителя до Москвы, ограждая его спокойствіе.

Во время посѣщенія владыки, страдавшая бѣснованіемъ сестра Матрена встрѣтила его при выходѣ изъ трапезы и подала ему поясокъ съ молитвой; онъ принялъ и, замѣтя ея растроенный видъ, положилъ

руку на голову ея, тихо произнесъ молитву, потомъ, въ скоромъ времени, прислалъ икону въ благословеніе. Съ тѣхъ поръ припадки изступленія миновались, и хотя осталась въ нравѣ раздражительность, но пребываетъ въ совершенномъ разумѣ.

Не медлила я. Рано утромъ на другой день, вынувъ просфору о здравіи святителя, во время благовѣста къ ранней обѣднѣ, отправилась благодарить нашего безцѣннаго гостя. Я первая въ тотъ же день прискакала на подворье. Владыка милостиво принялъ меня и возобновилъ разговоръ, почему основательница не въ церкви положена. Я разсказала ему, что за нѣсколько лѣтъ до кончины у нея была приготовлена самая простая дубовая колода вмѣсто гроба, и мѣсто для могилы было самой ею назначено. По кончинѣ ея, родители мои никакъ не хотѣли положить ея тѣло въ колодѣ и прислали приличный гробъ, обитый чернымъ бархатомъ, и такой же покровъ, и сами находились при ея погребеніи. Въ эту же ночь м. игуменья Анастасія, бывшая тогда казначеей, видѣла сонъ, будто ей матушка Евгенія съ гнѣвомъ выговаривала, какъ смѣла она преступить ея волю, что̀ м. Анастасію весьма смутило. «Какъ разрѣшить это смущеніе, владыко святый?» спросила я. «Виноваты-ли родители мои, что поступили противъ воли матушки, и виновата-ли игуменья, что вняла ихъ желанію?»—«Никто не виноватъ: родители твои явили усердіе и любовь къ усопшей, а игуменьѣ нельзя было сопротивляться волѣ ихъ. Негодованіе же покойной доказываетъ, что она смиренна даже и за гробомъ». Потомъ поговорили о стройкѣ, и я простилась, принявъ благословеніе на возвратный путь.

Вздумалось мнѣ въ теченіе дня заѣхать къ Саввинскому игумену на архіерейское подворье, которое на Тверской улицѣ; не помню, зачѣмъ онъ мнѣ былъ нуженъ. Нахожу тамъ Павла Григорьевича, который объявляетъ мнѣ, что искалъ меня по всему городу. «Вотъ вамъ пакетъ отъ его высокопреосвященства; въ немъ 500 р. с., отправляйтесь и благодарите святителя».—«Что̀ это значитъ? Я не понимаю», сказала я. «Вотъ что: когда я явился благодарить владыку за освященіе скита, то подалъ ему пакетъ, прося принять милостиво изъявленіе моей признательности».—«Ни за что», сказалъ владыка. «Это для бѣдныхъ вашихъ, извольте имъ раздать».—«У васъ свои есть бѣдные, сами своихъ и одѣляйте».—«Владыко святый, сдѣлайте милость, примите».—«Никакъ». Я въ смущеніи, продолжалъ П. Г., видя безвыходное свое положеніе и неудовольствіе митрополита, сказалъ: «Дозвольте эту сумму передать въ Аносинъ монастырь». Самъ Богъ внушилъ мнѣ эту мысль. Лицо святителя прояснилось. «Хорошо», сказалъ онъ, «пусть будетъ отъ насъ обоихъ, передайте такъ и игуменьѣ». Узнавъ о такой архипастырской милости и поблагодаривъ усердно и благодѣтеля, отпра-

вилась я съ таковою же благодарностью ко владыкѣ, который разсказалъ мнѣ свой разговоръ съ Цуриковымъ и отпустилъ меня съ миромъ восвояси.

Всегда и во всемъ видимо Господь покрываетъ эту обитель Своимъ крайнимъ милосердіемъ. Кажется, чрезъ годъ А. М. Котова разрѣшилась и послѣ была сильно больна, сдѣлалась рана на груди; много ее лѣчили, но страданія продолжались. Въ одну ночь она видитъ во снѣ, будто бы я пришла къ ней и (не помню теперь) сказала-ли я ей чѣмъ мазать грудь или что иное, только проснувшись она почувствовала себя лучше. Мужъ ея съ той поры сталъ давать въ обитель ежегодно 1000 р. с., что̀ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Онъ самъ разсказывалъ, что прочіе купцы, отпуская въ ярмарки товаръ, имѣютъ обычай всегда его застраховывать; а онъ, вмѣсто обезпеченія отъ огня, вносилъ эту сумму 1000 р. с. въ обитель, и никогда не случалось, чтобы горѣлъ его товаръ. Однажды его возщики только выѣхали съ товаромъ съ ночлега, какъ занялось все селеніе и множество товара у другихъ сгорѣло, а его товаръ былъ доставленъ до ярмарки благополучно.

Ты не возымѣй, по твоей ко мнѣ любви, пустой мысли о моемъ какомъ-либо достоинствѣ; ради Бога, не вдавайся въ пустое мнѣніе, а смотри на вещи, какъ онѣ есть: удивляйся промыслу Божію, что Онъ дозволилъ ангелу Своему взять образъ моего недостоинства, чтобы симъ привлечь любовь боголюбивыхъ людей къ обители, которая постоянно была въ недостаткѣ.

Около сего же времени, т.-е. въ 1863 г. 21 Іюля, прибыла къ намъ на монастырскую гостиницу монахиня Саратовскаго дѣвичья монастыря Марія Любарская и, желая лично видѣться со мною, прислала просить дозволенія придти и принести въ даръ обители св. икону. Это предложеніе навело на меня заботливое смущеніе. Иконъ множество, думала я, и находящихся у насъ не знаю куда дѣвать: устраивать кіоты не на что, а валяться имъ на полкѣ въ ризницѣ, право, грѣшно. Вотъ какъ человѣкъ слѣпъ! Владычица грядетъ съ милостью честною Своею иконой, а бренный, слѣпой человѣкъ не хочетъ принять Ее и смущается о помѣщеніи. Смотри, маловѣрне, пользуйся чужимъ опытомъ и возгрѣвай въ сердцѣ чувство вѣры, чадо любимое! Монахиня пришла. Послѣ первыхъ словъ знакомства, приказываетъ келейной своей принести икону. Когда открыли ящикъ, и я увидѣла изображеніе, не умѣю передать, что̀ совершилось въ душѣ моей: благоговѣйная радость и страхъ овладѣли мною. Видѣла глазами тѣлесными икону, а сердце чувствовало присутствіе благодатнаго посѣщенія. Монахиня Марія такъ о себѣ разсказывала: «Я изъ дворянъ, пожелала быть въ числѣ сестеръ

милосердія при раненыхъ во время Крымской войны, пробыла тамъ во все продолженіе оной. Окруженная постоянно смертію, я восчувствовала всю ничтожность суеты міра, отправилась въ Іерусалимъ на поклоненіе св. гробу Господню; тамъ еще болѣе развилась мысль о уединеніи, и я просила митрополита Мелетія, старца истинно богодухновеннаго, наставить меня и постричь въ монашество, что̀ и совершилось съ разрѣшенія Государыни Императрицы и св. Синода епископомъ Кирилломъ. Тогда я писала къ замужней дочери моей въ Саратовъ и высказала мое желаніе помѣститься въ дѣвичьемъ Кресто-Воздвиженскомъ Саратовскомъ монастырѣ, гдѣ игуменья мнѣ давно была знакома. Получа ея согласіе, я озаботилась устроить въ семъ монастырѣ для себя келію, чтобы безъ затрудненій прямо изъ св. града перейти въ св. обитель. Желая имѣть памятникъ моего пребыванія при Гробѣ Господнемъ, заказала икону. Наступило время отъѣзда, а икона не готова; отлагать нельзя, ибо только два раза въ годъ отправляются поклонники изъ Іерусалима. Съ горемъ пошла я принять благословеніе святителя и наставника моего митрополита Мелетія; объявляю, что не могу получить желаемаго и должна безъ иконы отправляться въ путь. Онъ, видя скорбь моего сердца, приказалъ принести Геѳсиманскую икону Божіей матери Пречестнаго Ея успенія, которая лежала нѣсколько времени на гробѣ Господнемъ. Принимая ее отъ митрополита, какъ даръ благодатный, я изъявила желаніе устроить ее въ Саратовской обители. На это святитель сказалъ мнѣ: «*Будетъ въ обители, но не въ вашей; гдѣ пребудетъ сія икона, пребудетъ и благословеніе Владычицы и стеченіе народа*». Не смотря на слова сіи, по вступленіи моемъ въ Саратовскій монастырь, я непремѣнно желала устроить сію икону въ обители. И, пріѣхавъ, въ отсутствіи игуменьи, увѣренная, что и она раздѣлитъ мои чувства, поставила икону въ церковь; а сама, утомленная путешествіемъ, въ тотъ же день слегла и выдержала сильную болѣзнь. По выздоровленіи моемъ не въ храмѣ уже нашла св. икону Владычицы, а въ какомъ-то углу и всю въ пыли и небреженіи. Сіе случилось вслѣдствіе разныхъ столкновеній. Не порицаю за сіе игуменью, она была и есть добрая душа; но видно такъ вела всесильная десница Божія. И такъ икона была взята мною въ келію, гдѣ и пребывала четыре года; часто приходили ко мнѣ болящіе и, получая елей изъ лампады, теплящейся предъ св. иконой, получали исцѣленіе. Въ продолженіи этого времени, сынъ мой, послушникъ Саратовскаго мужскаго монастыря, путешествуя въ видѣ странника, былъ и въ вашей обители и, возвратясь, говорилъ мнѣ, что онъ нечаянно попалъ къ вамъ, что пустынь, хотя бѣдная, но пришлась ему по сердцу. Я же, видя многія исцѣленія отъ св. иконы Владычицы, непрестанно со скор-

бію размышляла, что̀ будетъ съ нею послѣ моей смерти. Однажды, сидя въ креслахъ противъ нея въ грустномъ недоумѣніи, кому ее вручить, ибо настоятели многихъ монастырей желали получить и водворить у себя это духовное сокровище, я задремала около полуночи и слышу вѣщающій гласъ: «*Отвези и поставь въ Аносинскую пустынь*». Я очнулась въ недоумѣніи, какая такая пустынь и, думая, что это мечта, начала̀ обычное свое молитвенное правило и, окончивъ, легла въ постель. Едва свела глаза, слышу опять повелительный гласъ, повторяющій строго тѣже слова. Когда я разсказала о случившемся пришедшимъ моимъ дѣтямъ, сынъ напомнилъ мнѣ про пустынь вашу. Я видѣла Божіе произволеніе; но дальность разстоянія, скорбь разлуки съ моей Покровительницей, колебали мое сердце, я не рѣшалась исполнить повелѣнное. Господь наконецъ наказалъ мое непокореніе: я распухла съ головы до ногъ. М. игуменья, дѣти, доктора всѣ прилагали свои старанія, и все оставалось тщетно. Я же, страдая, наконецъ образумилась и, сознавъ свой грѣхъ, обѣщала, что ежели подниметъ меня Владычица, то, не медля, на своихъ рукахъ понесу Ея св. икону въ угодное Ей обиталище. Въ три дня опухоль прошла, и я вскорѣ съ келейной моей, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ въ телѣгѣ, гдѣ по водѣ достигла до васъ, и вотъ вручаю вамъ свое сокровище!»

Съ удивленіемъ и благоговѣніемъ выслушавъ разсказъ старицы, я предложила ей отправиться къ владыкѣ и ему лично все объяснить подробно. Она будто была согласна, но потомъ уклонилась; я должна была уже одна о всемъ донести святителю нашему, и онъ съ внимательнымъ благоговѣніемъ выслушивалъ разсказъ мой. Икона была принесена тобою и положена предъ нимъ на столѣ. Снявъ владыка свою шапочку, сталъ склонясь надъ иконою; и прочелъ тропать: *Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси* и пр. до конца; долго и пристально смотрѣлъ и сказалъ: «Живопись точно Греческая; можетъ быть, найдутся художники подражать платью, но лику—едва-ли». Я спросила, какъ и гдѣ устроить? «Отнесись къ священнику въ приходѣ Космы и Доміана, что̀ за Москвой-рѣкой; онъ человѣкъ внимательный и вели, сдѣлавъ доску, приписать Спасителя, пріемлющаго душу Богоматери и одръ, на коемъ возлежало-бы тѣло Ея. Изображеніе-же врѣзать въ доску, но не совершенно углублять его, чтобы отдѣлялась отъ общей иконы. Пріищи удобное мѣсто и мнѣ тогда скажи». Я въ точности исполнила приказаніе и за день до праздника Успенія послала монахиню домой. Пошелъ проливной дождь, нѣкоторыя плотины прорвало, рѣки наполнились. Монахиня съ иконою пробралась съ трудомъ до села Рожествена, надѣясь, что въ этомъ мѣстѣ удобнѣе переходить черезъ рѣку, но на берегу Истры остановилась въ недоумѣніи. Князь

Голицынъ, помѣщикъ села, всячески отклонялъ ее, представляя невозможность переѣзда. Но простосердечная м. Макрина отвѣчала: «Завтра праздникъ Владычицы, а съ Нею потонуть нельзя». Между тѣмъ собрался народъ у берега, взяли ящикъ съ иконою на головы и пустились въ бродъ, едва головы были видны изъ подъ воды, перенесли благополучно и прибыли въ обитель въ повечеріе. Св. икона была устроена на столикѣ въ сѣверной паперти Троицкаго храма. Въ туже, можно сказать, минуту началъ стекаться народъ, и ко всенощной не только храмъ; но и монастырь наполнился толпами богомольцевъ. Спрашивали у нихъ, кто сказалъ имъ о принесенной иконѣ? Иные говорили: «старикъ намъ повѣстилъ». Другіе: «мальчикъ объявлялъ всѣмъ и звалъ въ Аносинъ монастырь». Удивительно и трепетно было видѣть множество болящихъ, притекавшихъ къ заступленію Богоматери; многіе получали исцѣленіе, о которыхъ находится запись въ монастырской ризницѣ и лѣтописи, а другой экземпляръ всегда представлялся владыкѣ.

Нашъ благодѣтель былъ тронутъ и пораженъ симъ особеннымъ Божіимъ промышленіемъ и пожелалъ устроить два кіота: одинъ великолѣпный въ холодный храмъ, а другой попроще въ теплый. Сдѣлали рисунки, представили владыкѣ, означивъ мѣсто, гдѣ поставится. «Хорошо», сказалъ святитель, «но я бы совѣтовалъ сдѣлать кіоты одинаковые, чтобы народъ свободно узнавалъ икону. *Нарядную послѣ сдѣлаете*, а теперь держите себя смиреннѣе, тише, немного разглагольствуйте». И выбралъ рисунокъ попроще. Съ симъ отвѣтомъ возвратилась я къ благодѣтелю. Тотъ никогда и ни въ чемъ не пререкалъ волѣ святителя, и простенькій кіотъ былъ заказанъ. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы по причинѣ стеченія народа на зиму не переходить въ больничную церковь (въ которой обычно была зимою служба), а оттопить предѣлы въ соборѣ. Когда стали топить и готовиться къ переходу въ оные, то церковница замѣтила увеличивающіяся трещины на потолкѣ и однажды была испугана сильнымъ ударомъ, какъ будто выстрѣломъ изъ ружья. Стали осматривать и увидѣли, что верхній накатъ на поларшина отъ стѣны сгнилъ и висѣлъ на штукатуркѣ, которая дала трещину отъ западной стѣны до средины алтаря. Дѣло опасное, службѣ быть невозможно. Я отправилась съ докладомъ. Владыко приказалъ осмотрѣть подробно, соборъ запереть, а икону на зиму устроить въ больничной церкви, гдѣ быть и богослуженію. Пригласили архитектора и подрядчика, поставили для безопасности 24 подставки и вслѣдствіе соображеній предложили: по скудости средствъ сдѣлать опять деревянный потолокъ или, опоясавъ церковь желѣзомъ, нанести своды, что̀ конечно потребуетъ бо̀льшей суммы. Опять я от-

неслась къ святителю, но такъ какъ ни на то, ни на другое средствъ обитель не имѣла, то онъ и рѣшилъ однимъ словомъ: «повременить». Всѣ эти переговоры заняли время, и кіотъ былъ готовъ только къ 21 Ноября. Нашъ попечитель и благодѣтель самъ пріѣхалъ въ этотъ день, чтобы все устроить, и послѣ закуски, когда всѣ разошлись, объявилъ мнѣ, что на первый случай для устройства храма жертвуетъ 10000 р. с., а тамъ, что̀ Богъ дастъ, и прибавилъ: «Отправляйтесь ко владыкѣ, донесите ему и начинайте готовить кирпичъ; скажите, что своды не будутъ прочны на старыхъ стѣнахъ, а что надо съ основанія вывести стѣны; я не отступлюсь отъ своего слова и надѣюсь устроить храмъ.» — «Я слушала и едва понимала его слова. Онъ, который сначала не бралъ на себя поправки, теперь берется выстроить всю церковь, да еще расширить стѣны на двѣ саж. въ ширину противъ старой!

Истинно это было видимое чудо покровительства Владычицы!

Не медля нисколько, я опять въ Москву. Надо было видѣть утѣшеніе святителя, что объ его убогой пустынькѣ пекутся! Конечно, постройку разрѣшилъ и, кажется, съ сего времени еще усугубилъ свое расположеніе и вниманіе къ П. Г. Цурикову. Назначилъ въ строители собора Саввинскаго намѣстника Галактіона и примолвилъ: «много пташекъ на свѣтѣ, и каждая поетъ своимъ голосомъ, а ты должна учиться подпѣвать каждой изъ нихъ. Не человѣкоугодничать надо, а смиренною покорностію снискивать благорасположеніе добрыхъ людей!» Въ скоромъ времени матеріалы были изготовлены; въ самый день закладки храма, совершенной о. Галактіономъ, отслужена была соборнѣ съ нашими священниками панихида надъ могилой основательницы и при большомъ стеченіи народа былъ положенъ первый камень. Стройка собора продолжалась болѣе трехъ лѣтъ; благодѣтель не щадилъ ничего, старался сколько о прочности, столько и о благолѣпіи.

Въ теченіи этого времени обитель пострадала отъ тифозной горячки; ты безъ сомнѣнія хранишь въ памяти бывшее на тебѣ милосердіе Богоматери; блаженную кончину м. Венедикты и м. Апполинаріи, стало быть нечего сего и повторять, а только скажу, что заступленіемъ Владычицы прекратилась эпидемія въ обители.

Наконецъ храмъ довершенъ, и мы съ благодѣтелемъ отправились въ Лавру къ владыкѣ за благословеніемъ къ освященію. Застали его въ Геѳсиманскомъ скиту. Сперва П. Г. вошелъ, потомъ и меня позвали. Владыка высказалъ свою благодарность, и на нашу робкую просьбу, не можно ли надѣяться, что самъ святитель освятитъ храмъ, владыка сказалъ: «Нѣтъ, преосвященный викарій Леонидъ за меня сіе исполнитъ, я и здѣсь едва двигаюсь. Видите, какъ у меня здѣсь хоро-

шо, окно прямо въ церковь; я слушаю службу, часто сижу, никого не соблазняя. Силы упадаютъ.» Потомъ приготовленною у него на столѣ иконою Живоначальной Троицы онъ благословилъ Павла Григорьевича, и мы отправились къ препод. Сергію, отслушали молебенъ и тѣмъ же днемъ въ Москву, а оттуда, не мѣшкая, къ себѣ въ обитель. Суета приготовленія измучивала меня до невозможности. Настало 22 Іюля. Ждемъ преосвященнаго цѣлый день, все нѣтъ его. Наконецъ, является эстафетъ съ извѣстіемъ, что онъ поѣхалъ въ Лавру по случаю болѣзни архипастыря и отца нашего и что ежели не возвратится оттуда, дастъ знать. Скорбь и уныніе обьяли всѣхъ! Чтò будетъ? Чтò за болѣзнь владыки? Весь день и вечеръ прошелъ въ мучительномъ ожиданіи. Всенощное бдѣніе совершалъ архимандритъ Угрѣшскаго монастыря Пименъ своимъ чередомъ; утѣшеніе являлось въ сердцѣ при видѣ храма и при созерцаніи великихъ благодѣяній Царицы Небесной, но опять омрачалось скорбію неизвѣстности о первосвятителѣ. Наконецъ, въ 4 часу утра, прибылъ преосвященный Леонидъ. Я встрѣтила, и онъ объявилъ, что владыка точно почувствовалъ себя дурно, но теперь все миновалось, и что онъ призываетъ Божіе благословеніе на новосозданный храмъ, храмоздателя и на обитель. Отлегло отъ сердца! Освященіе совершилось благолѣпно и благополучно, къ общему всѣхъ утѣшенію, 23-го Іюля 1867 года. Я на другой день отправилась благодарить преосвященнаго Леонида въ Саввинъ монастырь и также благодѣтеля, въ прибавокъ къ изнеможенію еще простудилась и хотя отправилась въ Москву съ намѣреніемъ явиться въ Лаврѣ къ владыкѣ-митрополиту, донести объ освященіи и вмѣстѣ поздравить съ 50-тилѣтнимъ юбилеемъ его святительства, но болѣзнь одолѣла меня: сдѣлалось воспаленіе во рту, и я лишена была сего сердечнаго утѣшенія.

Икону Успенія Божіей Матери и поздравленіе препроводила черезъ Надежду Николаевну. Уже послѣ болѣзни ѣздила я съ донесеніемъ объ утвержденіи въ казначеи матери Никандры Щенковой.

Нечего повторять, по какому поводу палъ жребій на Никандру. Тебѣ чадо мое, извѣстно, что все было истощено въ отношеніи Надежды Николаевны. Все сіе стоило мнѣ многихъ слезъ, скорби, но все Господь ведетъ къ лучшему, и я Его благодарю, что отклонилъ мое упорное желаніе, а избралъ Самъ кого было угодно Его святой волѣ. И теперь радуюсь объ этомъ, ибо черезъ сіе сохранился миръ и единодушіе.

Когда я поправилась, а торжество юбилея нашего первосвятителя прошло, я была у владыки и просила себѣ помощницу, «ибо чувствую,

владыко святый», говорила я, «что не въ силахъ уже исполнять одна того, что̀ дѣлала по сіе время за ваши святыя молитвы» (была казначея старая и неспособная и ни во что не входила).—«Да ты и теперь больна», сказалъ владыка; «я въ выборѣ на тебя надѣюсь. На прошеніе согласенъ; но мнѣ жаль ея: она изъ младшихъ, старухи съѣдятъ ее".—«Что̀ дѣлать, владыко святый, поучится терпѣнію», отвѣчала я, и святитель утвердилъ прошеніе мое. Много разспрашивалъ о новомъ храмѣ и, прощаясь, сказалъ: «Служи, но береги себя». Это было послѣднее свиданіе. 1867 г. 19-го Ноября его не стало. Буди воля Господня!

Тяжка ли мнѣ сія потеря, ты другъ мой, знаешь все. Ты уже не дитя; съ тобой раздѣлены и радость и горе. Я забыла сказать, что жившая у насъ на гостинницѣ г-жа Злобина (Вѣра Алексѣевна) умирая, отказала свой капиталъ, 7000 р. с, на построеніе трапезы, и м. казначея Никандра, вступивъ въ должность, на свой счетъ оканчиваетъ корпусъ. Спаси и награди ее, Господи, а усопшую Вѣру помяни во царствіи Своемъ!

Предрѣченіе митрополита Мелетія сбывается: со времени перенесенія въ Аносинъ святой иконы въ праздники ея иконы бываетъ большое стеченіе народа, и вообще гораздо болѣе стало богомольцевъ. По сему случаю однажды я сказала митрополиту Филарету: «Въ Аносинѣ нѣтъ уже уединенія, котораго всегда искала и желала душа моя. Сдѣлалось суетно и многопопечительно. — «Ищи его въ сердцѣ», отвѣчалъ онъ.

ЧЕГО ДОСТИГЛИ И ЧЕГО ДОМОГАЮТСЯ ДОСТИГНУТЬ ФИНЛЯНДЦЫ ПО ПУТИ ОТПАДЕНІЯ ОТЪ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

Отъ сочинителя.

Въ этомъ изслѣдованіи излагается какъ то, чего уже успѣли достигнуть Финляндцы для отстраненія Русской государственной власти отъ внутренняго управленія ихъ страною, такъ и то, чего они домогаются достигнуть далѣе на томъ же пути. Сочиненіе это исключительно основано на официальныхъ документахъ и несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ. Съ особою подробностью изложены здѣсь и подвергнуты тщательному разбору домогательства Финляндцевъ на новыя пріобрѣтенія для превращенія этой провинціи Русской монархіи въ самостоятельное государство. Эти домогательства приводятся здѣсь буквально въ томъ самомъ видѣ, какъ они выражены собственными устами и писаніями тамошнихъ правительственныхъ дѣятелей. Для Русскаго, принимающаго къ сердцу будущность своего отечества и не лишеннаго способности видѣть очевидное, сказанныя Финляндскія домогательства должны служить указаніемъ на то, чего слѣдуетъ ожидать Россіи со стороны этой ближайшей къ Петербургу окраины нашего государства въ случаѣ исполненія Финляндскихъ надеждъ и въ случаѣ новой, весьма вѣроятной, противу насъ коалиціи Европейскихъ державъ.

Порядокъ законодательства въ Финляндіи отъ ея завоеванія въ 1809 году до Гельсингфорскаго сейма 1863 года.

Со времени завоеванія Финляндіи въ 1809 году и до Гельсингфорскаго сейма 1863 года изданіе законовъ въ этой провинціи, какъ и во всей Россіи, зависѣло единственно отъ самодержавной власти Императора. Вслѣдъ за покореніемъ Финляндіи и еще до заключенія мира со Швеціею, по повелѣнію императора Александра I-го, были собраны на сеймъ въ городѣ Борго депутаты отъ четырехъ сословій для принесенія присяги на подданство и для представленія своихъ мнѣній по четыремъ вопросамъ, требовавшимъ неотложнаго рѣшенія и переданнымъ на ихъ предварительное обсужденіе. Вопросы эти касались: будущаго устройства и способовъ содержанія Финскаго поселеннаго войска, упрощенія и болѣе правильнаго распредѣленія податей, переложенія Швед-

ской монетной системы на Русскіе рубли и наконецъ — нѣкоторыхъ частныхъ подробностей учрежденія Правительствующаго Совѣта, регламентъ котораго былъ составленъ особою комиссіею по назначенію Императора. Русское правительство, мало знакомое съ устройствомъ и законами этой только что завоеванной области, само собою разумѣется, не могло рѣшить этихъ вопросовъ безъ совѣщанія со свѣдущими людьми изъ числа самихъ жителей; но участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ было чисто-совѣщательное, такъ что одни изъ ходатайствъ сейма были приняты Русскимъ правительствомъ во вниманіе, другія подверглись при исполненіи болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ, третьи оставлены вовсе безъ послѣдствій, какъ, напримѣръ, ходатайства, относившіяся къ монетной системѣ и къ учрежденію банка земскихъ чиновъ. Важнѣйшее изъ переданныхъ на обсужденіе сейма узаконеній, регламентъ Правительствующаго Совѣта, подвергся передѣлкѣ уже по распущеніи сейма. Затѣмъ, въ теченіе 54 лѣтъ, сеймы вовсе не были собираемы. Законы издавались, измѣнялись и отмѣнялись властью императоровъ, по представленіямъ Правительствующаго Совѣта (переименованнаго потомъ въ Сенатъ) или по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Впрочемъ сеймъ, какъ совѣщательное собраніе, не былъ уничтоженъ въ принципѣ: такъ, въ царствованіе императора Николая I-го, при изданіи нѣкоторыхъ узаконеній дѣлалась оговорка о невозможности созвать въ то время земскіе чины, чтобы передать эти узаконенія на ихъ обсужденіе (см. высочайшее повелѣніе 21 Апрѣля 1826 г. объ уничтоженіи смертной казни и высочайшее постановленіе 2 Августа 1827 г. о принятіи на службу Финляндскихъ гражданъ православнаго исповѣданія). Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой нибудь законъ относился къ предметамъ общимъ для Имперіи и Великаго Княжества, онъ восходилъ на высочайшее утвержденіе въ общемъ законодательномъ порядкѣ чрезъ Государственный Совѣтъ или же по совокупному заключенію подлежащихъ министровъ и Финляндскаго генералъ-губернатора (Второе Полн. Собр. Законовъ №№ 210, 417, 8241, 33926).

Наканунѣ сейма въ Борго, именно 15 Марта 1809 г., т. е. почти за полгода до подписанія Фридрихсгамскаго мира со Швеціею, императоръ Александръ обратился къ населенію Финляндіи со слѣдующею привѣтственною грамотою: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ вновь *) утвердить и удостовѣрить религію, коренныя законы,

---

*) При самомъ началѣ войны императоръ Александръ, въ манифестѣ къ жителямъ Финляндіи отъ 5 Іюня 1808 г., обѣщалъ имъ сохраненіе „*древнихъ* установленій, странѣ ихъ свойственныхъ“. Къ этому обѣщанію и относится выраженіе „вновь“, употребленное въ грамотѣ 15-го Марта 1809 г.

права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи. Въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили».

Вслѣдъ за завоеваніемъ западной Финляндіи императоръ Александръ I-й утвердилъ для нея, какъ остающіеся въ силѣ и на будущее время, «Общее Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 г.» и «Церковный Уставъ 1686 г.». Въ первомъ изъ этихъ кодексовъ соединены издавна дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ законы гражданскіе, уголовные, судопроизводственные, о торговлѣ и о хозяйственномъ благоустройствѣ. Такимъ образомъ законы, утвержденные Александромъ I-мъ для Финляндіи, обнимали весь церковный, юридическій, административный и экономическій бытъ этой провинціи и были именно тѣ «древнія установленія, странѣ этой свойственныя», или иначе тѣ «коренные законы», сохраненіе которыхъ было обѣщано императоромъ Александромъ въ манифестѣ его къ жителямъ Финляндіи отъ 5 Іюня 1808 г. и въ грамотѣ отъ 15 Марта 1809 г. Общее завѣдываніе административными и судебными дѣлами Финляндіи было сосредоточено въ Правительствующемъ Совѣтѣ, поставленномъ въ независимость отъ всѣхъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій Имперіи. Въ §§ 15—18 учрежденія или регламента Правительствующаго Совѣта указаны тѣ предметы и дѣла, которые изъемлются изъ вѣдѣнія Совѣта и рѣшеніе которыхъ должно принадлежать непосредственно власти Императора. Къ числу такихъ предметовъ отнесены между прочимъ: «изъятіе изъ законоположеній, наложеніе новыхъ податей или какихъ либо другихъ сборовъ, чрезвычайные расходы, не опредѣленные годичнымъ росписаніемъ доходовъ и расходовъ, всякія законодательныя мѣры, пожалованіе казенныхъ имѣній и доходовъ и дозволеніе обмѣна казенныхъ гейматовъ, и вообще все, что̀ по существующимъ узаконеніямъ отъ особеннаго и непосредственнаго повелѣнія монаршей власти зависитъ». «Дѣйствія Совѣта, говорится въ § 17, ограничиваются существующими узаконеніями, безъ всякой власти перемѣнять, пояснять или, еще менѣе, уничтожать оныя». «Совѣтъ можетъ однакожъ (сказано въ § 18) представлять на высочайшее Его Величества усмотрѣніе мнѣніе свое о признаваемыхъ онымъ нужными поясненіяхъ въ постановленіяхъ или въ узаконеніяхъ. Таковыя представленія не будутъ дѣйствительны, доколѣ не удостоятся высочайшаго утвержденія». Въ главѣ II-й § 42-го сказано, что «проектъ росписанія годовыхъ доходовъ и расходовъ представляется Сенатомъ ежегодно Его Императорскому Величеству». На-

добно замѣтить, что первоначальный проектъ регламента составлялся самими Финляндцами, которые держались конституціонной точки зрѣнія и пытались, конечно, провести ее и въ регламентѣ. Но это имъ не удалось, потому что, вслѣдствіе положительнаго запрещенія императоромъ Александромъ I упоминать о Шведской конституціи 1772 года, Сперанскій, на котораго было возложено Императоромъ веденіе Финляндскаго дѣла, сдѣлалъ въ проектѣ регламента соотвѣтственныя волѣ монарха измѣненія (Ординъ, Покореніе Ф. II, 353, 390—392). Слѣды этой двойной редакціи выразились въ нѣкоторой недоговоренности и недостаточной категоричности вышеприведенныхъ параграфовъ регламента. Сперанскій, очевидно, старался и угодить Финляндцамъ, и въ тоже время боялся отвѣтственности предъ Императоромъ.

Такимъ образомъ, при всей поспѣшности, съ какою, вслѣдствіе тогдашнихъ тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ, велось Финляндское дѣло, дарованныя Финляндіи права и главнѣйшія основанія для ея управленія были указаны довольно опредѣлительно: въ Общемъ Уложеніи Швеціи 1734 г. соединены всѣ тѣ Шведскіе общіе законы, относившіеся къ суду, администраціи и экономическимъ дѣламъ, которые оставлялись въ силѣ и по присоединеніи Финляндіи къ Россіи; а въ учрежденіи Правительствующаго Совѣта указано, какіе предметы относятся непосредственно къ власти монарха и какіе вѣдаются, отъ его имени, Совѣтомъ. Всѣ мѣры законодательныя, разъясненіе законовъ, наложеніе новыхъ податей и сборовъ, какъ постоянныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, наконецъ назначеніе расходовъ, отнесены къ самодержавной власти Монарха. О сеймѣ не упомянуто ни слова: ясное доказательство, что императоръ Александръ I-й не признавалъ его непремѣннымъ органомъ законодательства, а разсматривалъ только какъ установленіе совѣщательное и случайное, содѣйствующее верховной власти, когда сія послѣдняя признаетъ нужнымъ спросить его мнѣніе. Въ противномъ случаѣ въ учрежденіи Правительствующаго Совѣта непремѣнно были бы указаны обязанности Совѣта по отношенію къ законодательнымъ проектамъ, вносимымъ на рѣшеніе сейма: ибо возбужденіе такихъ проектовъ и предварительная ихъ разработка не могли бы лежать ни на комъ другомъ, какъ только на Правительствующемъ Совѣтѣ, какъ высшемъ судебно-административномъ учрежденіи Финляндіи. Эти основныя начала въ управленіи Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ подтверждены и въ царствованіе императора Николая I-го, въ манифестѣ отъ 17 Марта 1826 г. объ упраздненіи Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ и объ учрежденіи Финляндскаго Статсъ-Секретаріата. Въ этомъ манифестѣ къ числу предметовъ, подлежащихъ непосредствен-

ному разсмотрѣнію и утвержденію Императора, отнесены: «общее расписаніе доходовъ и расходовъ, всѣ учредительныя постановленія, назначеніе суммъ къ отпуску по ординарному штату или въ видѣ временныхъ выдачъ и всѣ дѣла большой важности» (отдѣленіе II, §§ 8 и 10). О сеймѣ опять ни малѣйшаго упоминанія.

Изъ приведенныхъ здѣсь параграфовъ учрежденія Правительствующаго Совѣта и манифеста 17 Марта 1826 года съ полною ясностію усматривается, что дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ въ эпоху завоеванія западной Финляндіи основные государственные законы, извѣстные подъ именемъ «Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и безопасности 1789 г.», вполнѣ были упразднены въ Финляндіи съ момента присоединенія ея къ Россіи: ибо, на основаніи этихъ законовъ, наложеніе податей (§ 45 Формы правленія и § 5 Акта соед. и безоп.), изданіе новыхъ законовъ (§§ 40 и 41 Формы правл.) и поясненіе существующихъ законовъ (§§ 43 и 57 Формы правл.) не предоставлялись единоличной власти короля, а зависѣли отъ совокупнаго рѣшенія короля и сейма; правила же о пріобрѣтеніи крестьянами казенныхъ гейматовъ и шкатовыхъ имѣній и о владѣніи оными включены въ Актъ соединенія и безопасности 1789 г. (§ 3) и слѣдовательно также не могли подлежать никакимъ отступленіямъ безъ согласія сейма. Поэтому о сказанныхъ Шведскихъ законахъ, какъ окончательно упраздненныхъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни въ регламентѣ Правительствующаго Совѣта (этомъ основномъ законодательномъ актѣ того времени), ни въ какихъ-либо другихъ законахъ или правительственныхъ постановленіяхъ временъ Александра I и Николая I, тогда какъ оставленное въ силѣ Общее Уложеніе 1734 года было принято во вниманіе при составленіи регламента, и на него находятся прямыя указанія какъ въ регламентѣ, такъ и въ отзывѣ на оный депутатовъ Боргоскаго сейма. Напротивъ того, о Шведскихъ конституціонныхъ законахъ 1772 и 1789 г. депутаты не дозволили себѣ обмолвиться ни единымъ словомъ въ представленныхъ ими мнѣніяхъ. Самая терминологія регламента Правительствующаго Совѣта, не сохранившая никакихъ слѣдовъ терминологіи сказанныхъ Шведскихъ узаконеній, указываетъ на то, что узаконенія эти вполнѣ и безслѣдно были упразднены въ Финляндіи. Въ противномъ случаѣ они непремѣнно были бы переизданы для Финляндіи, какъ было переиздано и даже, по высочайшему повелѣнію, переведено на Русскій языкъ Общее Уложеніе Швеціи 1734 г., оставленное въ силѣ и по завоеваніи Финляндіи. Если бы была хотя тѣнь справедливости въ основномъ положеніи нынѣшняго Финляндскаго политическаго ученія, что императоръ Александръ I-й на Боргоскомъ сеймѣ

торжественно призналъ и утвердилъ для Финляндіи Форму правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 г.: то слѣдовало бы признать, что тотчасъ же за такимъ утвержденіемъ императоръ Александръ нарушилъ его при изданіи учрежденія Правительствующаго Совѣта и что потомъ, какъ этотъ императоръ, такъ и его преемники, постоянно и систематически нарушали торжественно признанную конституцію Финляндіи, издавая законы своею единоличною властью и не созывая сеймовъ въ теченіе 54 лѣтъ.

Грамота Александра I-го 15 Марта 1809 г., обѣщавшая Финляндцамъ сохраненіе ихъ религіи, коренныхъ законовъ и правъ каждаго сословія, и созваніе Боргоскаго сейма послѣдовали тогда, когда западная Финляндія, въ силу завоеванія, была уже фактически во власти Русскихъ, но еще до заключенія мира со Швеціей. Окончательно политическое положеніе Финляндіи было установлено Фридрихсгамскимъ мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ лицами уполномоченными со стороны Россіи и Швеціи 5 Сентября 1809 г. и ратификованнымъ Русскимъ императоромъ 1 Октября. Въ статьѣ 4-й этого трактата сказано: «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами и т. д., а равно ихъ принадлежности, *преимущества, права и выгоды* будутъ отнынѣ состоять *въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются*». Въ статьѣ 6-й говорится: «Поелику его величество императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, *по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества*, то его Шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія». Эти постановленія Фридрихсгамскаго трактата еще разъ подтверждаютъ самымъ непререкаемымъ образомъ, что императоръ Александръ I-й, подъ именемъ «*коренныхъ законовъ* или *древнихъ установленій, странѣ этой свойственныхъ*», сохранилъ для Финляндіи ея старинныя общегражданскія узаконенія, но отнюдь не политическія или конституціонные законы Швеціи, и что Боргоскій сеймъ вовсе не имѣлъ значенія конституціоннаго Шведскаго риксдага. Если же держаться взгляда нынѣшнихъ Финляндскихъ законовѣдовъ и историковъ, то слѣдовало бы допустить, что императоръ Александръ, подтвердивъ Финляндіи, въ Мартѣ 1809 г., конституцію Швеціи, въ Сентябрѣ того же года объявилъ предъ лицомъ всей Европы, что онъ беретъ свое слово назадъ и включаетъ Финляндію,

со всѣми правами ея жителей, въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской. Изъ тѣхъ же статей Фридрихсгамскаго трактата всякій можетъ усмотрѣть, что сохраненіе Финляндіи ея прежняго судебно-административнаго устройства послѣдовало «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія» императора Александра I-го, а не на основаніи какого-то договора, будто бы заключеннаго въ Борго между нимъ и Финляндцами, какъ стали впослѣдствіи проповѣдывать Финляндскіе законовѣды наперекоръ общеизвѣстнымъ историческимъ фактамъ.

Обособленность Финляндскаго управленія отъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій Имперіи.

Императоръ Александръ I-й не ограничился однако оставленіемъ Финляндіи ея прежнихъ общегражданскихъ узаконеній и прежняго административно-судебнаго устройства, но допустилъ изъять ея управленіе отъ всякаго надзора и вліянія центральныхъ государственныхъ учрежденій, такъ что эта бывшая Шведская провинція, находившаяся дотолѣ въ полномъ подчиненіи Шведскимъ властямъ, пребывавшимъ въ Стокгольмѣ, оказалась, послѣ завоеванія ея Русскими, совершенно автономною въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ. Чрезъ это устанавливалось полное административное разъединеніе Финляндіи отъ остальной Россіи. Это разъединеніе выразилось главнымъ образомъ въ учрежденіи Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ однихъ Финляндцевъ и имѣющаго пребываніе въ самой Финляндіи, въ учрежденіи въ Петербургѣ (въ 1811 г.) Финляндской Комиссіи, преобразованной впослѣдствіи въ Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ, и въ оставленіи Шведскаго языка оффиціальнымъ языкомъ въ законодательствѣ и въ управленіи.

Правительствующій Совѣтъ, на скорую руку учрежденный въ 1809 г., еще во время продолжавшихся военныхъ дѣйствій со Шведами, по плану Шведскаго перебѣжчика Спренгпортена, пользовавшагося особымъ довѣріемъ императора Александра I-го, сдѣлался потомъ, подъ именемъ Финляндскаго Сената, какъ бы верховнымъ правительствомъ этой провинціи. Вмѣсто того, чтобы оставить въ Финляндіи только мѣстныя учрежденія, какъ было при Шведскомъ господствѣ, верховное же завѣдываніе дѣлами сосредоточить въ Петербургѣ, подобно тому, какъ было нѣкогда сдѣлано относительно трехъ Балтійскихъ губерній (изъ которыхъ двѣ, Эстляндія и Лифляндія, также состояли прежде подъ Шведскимъ владычествомъ), наше правительство допустило перенести центръ правительственной власти въ только-что

завоеванную провинцію, хотя враждебное противъ Россіи настроеніе ея жителей, особенно ея высшаго класса, вполнѣ было извѣстно императору Александру I-му и его министрамъ. Барклай-де-Толли, занявшій постъ Финляндскаго генералъ-губернатора послѣ увольненія отъ него Спренгпортена, писалъ въ Петербургъ, что Правительствующему Совѣту слѣдовало имѣть пребываніе въ Русской столицѣ, а не въ Финляндіи, а предсѣдателемъ его долженъ быть одинъ изъ высшихъ Русскихъ сановниковъ. Онъ предсказывалъ, что если Совѣтъ останется въ Финляндіи, то долго еще будутъ держаться тамъ прежніе порядки, т. е. преобладаніе Шведскаго дворянства и враждебность противъ Россіи. Въ случаѣ же оставленія Совѣта въ Финляндіи, онъ требовалъ себѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ полиціи, безусловнаго начальства, независимаго отъ Совѣта; финансовыя же и таможенныя дѣла онъ предлагалъ сосредоточить въ Министерствѣ Финансовъ. Ничего этого не было однако исполнено, и все осталось такъ, какъ желали того Финляндскіе совѣтчики императора Александра, во главѣ которыхъ стоялъ Спренгпортенъ.

Старанія Финляндскихъ патріотовъ о совершенномъ отстраненіи Русскихъ государственныхъ властей отъ вліянія на управленіе Финляндіей не остановилось на учрежденіи Правительствующаго Совѣта. Сперва Александръ I-й поручилъ вести переговоры съ Финляндцами и докладывать ему Финляндскія дѣла Сперанскому; но такъ какъ Сперанскій не зналъ Шведскаго языка, то явилась надобность имѣть при немъ чиновника изъ Шведовъ. Спренгпортенъ и Маннергеймъ указали на нѣкоего барона Ребиндера, который и былъ опредѣленъ «состоящимъ при Государѣ для производства дѣлъ новоприсоединенной Финляндіи». Впрочемъ, самъ Спренгпортенъ, когда занималъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора, полагалъ, что Финляндскія дѣла должны докладываться Государю подлежащими министрами и чрезъ нихъ же должны идти всѣ высочайшія повелѣнія, адресуемыя на имя генералъ - губернатора. Предположеніе Спренгпортена было принято военнымъ министромъ Аракчеевымъ и командовавшимъ послѣ Буксгевдена Русскими войсками въ Финляндіи генераломъ Кноррингомъ. Но именно въ это время, въ 1811 году, когда Спренгпортенъ сошелъ уже со сцены, довѣріемъ императора Александра I-го овладѣлъ другой Шведскій перебѣжчикъ, извѣстный Густавъ-Морицъ Армфельтъ, который, пользовавшись довѣріемъ и даже дружбой Шведскаго короля Густава III, измѣнилъ его сыну Густаву-Адольфу IV и былъ, подобно Спренгпортену, заочно приговоренъ къ смертной казни. Армфельтъ оттѣснилъ Сперанскаго отъ Финляндскихъ дѣлъ и, какъ выяснилось теперь, игралъ

главную роль въ погубленіи его, въ слѣдующемъ 1812 году, во мнѣніи Императора. По плану, составленному Армфельтомъ, для доклада Финляндскихъ дѣлъ Императору учреждена была въ Петербургѣ, въ 1811 г., Комиссія Финляндскихъ дѣлъ, составленная изъ однихъ Финляндцевъ. Армфельтъ занялъ въ ней постъ предсѣдателя, а Ребиндеръ явился въ роли докладчика, докладывавшаго дѣла Императору въ присутствіи Армфельта. Армфельтомъ же была составлена инструкція для Финляндской Комиссіи.

Въ 1826 году, стало-быть уже при императорѣ Николаѣ, Комиссія Финляндскихъ дѣлъ была преобразована въ Финляндскій Статсъ - Секретаріатъ, а статсъ - секретаремъ оставленъ былъ тотъ же Ребиндеръ, занимавшій этотъ постъ до самой своей смерти въ 1841 г. Въ 1834 г. Ребиндеру дано было названіе министра-статсъ-секретаря по дѣламъ Великаго Княжества Финляндіи. Армфельтъ, по словамъ его біографа, Шведскаго писателя Тегнèра, втайнѣ ненавидѣлъ Россію и постоянно старался вредить ей. По его внушенію, Выборгская губернія, пріобрѣтенная для Россіи еще Петромъ Великимъ и Елисаветою, была въ 1811 году присоединена къ западной Финляндіи и такимъ образомъ сдѣлалась аванпостомъ враждебныхъ Россія Финляндскихъ чувствъ у самыхъ воротъ нашей столицы. За то Финляндцы возвели Армфельта и Ребиндера въ національные герои, справедливо почитая ихъ основателями нынѣшняго, безпримѣрнаго въ исторіи, политическаго положенія Финляндіи, которая изъ завоеванной Русскимъ оружіемъ Шведской провинціи, коренные жители которой были въ загонѣ и пренебреженіи въ Шведскомъ королевствѣ, мало-по-малу достигла того, что стала вступать въ договорныя условія съ Русскими монархами, какъ бы государство, добровольно соединившееся съ Россіей на началахъ реальной уніи. Финляндскій писатель Эдв. Бергъ, въ изданной имъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ книжкѣ «Развитіе государственнаго права Финляндіи съ 1808 года», говоритъ: «Учрежденіе Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ (впослѣдствіи названной Статсъ-Секретаріатомъ) было для того времени и полезно, и необходимо, въ особенности для того, чтобы снести съ дороги основанный въ Октябрѣ 1809 г. Финляндскій Комитетъ, большинство членовъ котораго были Русскіе». Достойно замѣчанія, что упоминаемый Ребиндеръ, начавшій собою рядъ Финляндскихъ министровъ - статсъ-секретарей и болѣе 30 лѣтъ бывшій докладчикомъ и совѣтодателемъ по Финляндскимъ дѣламъ у двухъ императоровъ, былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ Русской власти въ эпоху завоеванія западной Финляндіи. Отецъ этого Ребиндера писалъ слѣдующее въ своемъ наставленіи депутатамъ отъ Абовской губерніи, посылав-

шимся въ Петербургъ въ 1808 году въ числѣ другихъ Финляндскихъ депутатовъ: «Сдѣлаемъ заявленія, но уклонимся отъ выраженія истинныхъ причинъ нашего образа дѣйствій. Будемъ резонировать, худо-ли, хорошо-ли; наши новые господа еще не освоились съ нашими конституціонными таинствами. Безразлично, хромаетъ ли немного наше заявленіе или нѣтъ; нужно только одно, чтобы оно не разрушало основнаго правила, играющаго у насъ столь важную роль: principiis obstat—противорѣчить принципамъ». Съ тѣхъ поръ этотъ завѣтъ Ребиндера-отца сдѣлался руководящимъ правиломъ для всѣхъ Финляндскихъ политическихъ дѣятелей. Резонировать, худо-ли, хорошо-ли, скрывая только истинныя цѣли этого резонированія, и на всѣ мѣры Русскаго правительства, несогласныя съ принципомъ полнаго разъединенія Финляндіи отъ Россіи, отвѣчать «нельзя, противорѣчитъ нашимъ законамъ, которые вы обѣщали сохранить»: таково основное правило Финляндской тактики съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты. Такимъ образомъ Финляндскія дѣла были вовсе изъяты изъ вѣдѣнія и контроля высшихъ правительственныхъ учрежденій Имперіи, и единственнымъ докладчикомъ, или, вѣрнѣе сказать, руководителемъ Государя въ этихъ дѣлахъ явился министръ-статсъ-секретарь Великаго Княжества, на каковую должность, начиная съ Ребиндера, исключительно избирались одни Финляндцы. Исторія не представляетъ другаго примѣра, чтобы завоеванная оружіемъ инородческая провинція была завоевателемъ предоставлена столь полному и безконтрольному управленію самихъ же инородцевъ.

Не одному, однако, вліянію на Александра I-го его Финляндскихъ совѣтчиковъ обязана была Финляндія тѣми необычайными милостями и привилегіями, которыя дарованы были ей этимъ императоромъ. Въ эпоху завоеванія западной Финляндіи Александръ I считалъ необходимымъ дѣлать многія уступки Финляндскимъ домогательствамъ, дабы обезпечить себѣ вѣрность двухъ тамошнихъ всевластныхъ сословій, дворянства и духовенства, въ виду тучъ, скоплявшихся надъ Россіей со стороны Наполеона. Съ тою же цѣлью онъ, въ своихъ рѣчахъ и манифестахъ къ Финляндцамъ, употреблялъ нерѣдко выраженія, поддерживавшія въ нихъ смутныя надежды на дарованіе ихъ странѣ конституціоннаго представительства. Поощреніе этихъ надеждъ соотвѣтствовало и тогдашнему настроенію Императора, который, подъ вліяніемъ окружавшихъ его лицъ, съ молоду мечталъ о дарованіи своимъ народамъ свободныхъ учрежденій. Наиболѣе яркими фразами, поддерживавшими у Финляндцевъ сказанныя надежды, отличался манифестъ Императора отъ 9 Февраля 1816 г. объ именованіи Правительствующаго Совѣта Финляндскимъ Сенатомъ. На этотъ манифестъ чаще всего ссылаются Финляндцы

для доказательства того, что подъ утвержденными императоромъ Александромъ I для Финляндіи законами слѣдуетъ именно разумѣть Шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 гг. Въ началѣ этого манифеста говорится: «Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе *гражданской* его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи, съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому Финляндскому гражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими чинами, и учредили особенное правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта» и т. д. Послѣ такого громкаго вступленія слѣдовало ожидать, что въ этомъ манифестѣ Финляндіи даруются какія-нибудь весьма важныя права, осуществляющія надежды Финляндцевъ на конституцію. Вмѣсто того все дѣло ограничилось только тѣмъ, что Правительствующій Совѣтъ повелѣно называть впредъ Финляндскимъ Императорскимъ Сенатомъ. Мы уже видѣли, какъ мало регламентъ этого учрежденія отвѣчалъ требованіямъ конституціонной формы правленія. Для квалификаціи же сохраненныхъ Финляндіи законовъ и конституціи въ приведенномъ здѣсь манифестѣ употреблено выраженіе, что они положили основаніе *гражданской* свободѣ Финляндцевъ, но не сказано *политической* свободѣ, каковое выраженіе вездѣ принято терминомъ, означающимъ совокупность тѣхъ народныхъ правъ, которыя слѣдуютъ изъ конституцій, понимаемыхъ въ смыслѣ особой формы правленія. Изъ этого видно, что подъ громкимъ именемъ конституціи Александръ I-й разумѣлъ въ своихъ Финляндскихъ рѣчахъ и манифестахъ отнюдь не конституцію въ смыслѣ существовавшихъ тогда конституцій Англійской, Голландской и Шведской, а лишь совокупность тѣхъ особыхъ привилегій, которыми Финляндія отличалась отъ другихъ областей Россіи, и прежде всего свободу отъ крѣпостного права помѣщиковъ, которое болѣе всего должно было пугать Финновъ. По терминологіи, бывшей тогда въ употребленіи, слово конституція могло прилагаться даже ко всякому уставу или регламенту, опредѣляющему права и устройство какого-нибудь учрежденія: такъ, въ Шведскомъ текстѣ регламента Прав. Совѣта говорится о «*конституціяхъ университета*». Слово «по конституціямъ ихъ», употребленное въ грамотѣ 15 Марта 1809 г., повторено и въ манифестѣ императора Николая къ жителямъ Финляндіи при восшествіи его на престолъ; но за тѣмъ, въ таковыхъ же манифестахъ императоровъ Александра II и Александра III-го оно,

для избѣжанія ложнаго толкованія, замѣнено однозначащимъ съ нимъ Русскимъ выраженіемъ: «по прежнимъ установленіямъ этого края». Слѣдовательно, ссылки Финляндцевъ на подобнаго рода фразы не имѣютъ никакой доказательной силы. Всѣмъ извѣстно, что императоръ Александръ I-й любилъ употреблять громкія фразы и пользовался ими для своихъ цѣлей, какъ тонкій политикъ; но какъ скоро, при заключеніи Фридрихсгамскаго мира, дѣло дошло до акта международнаго и строго-обязательнаго, то тотъ же Императоръ выражается вполнѣ автократически, и при томъ въ такой рѣшительной и ясной формѣ, которая не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Финляндія безусловно подчиняется самодержавной власти Русскаго монарха. Фридрихсгамскій трактатъ не ограничился заявленіемъ, что Шведскій король навсегда уступаетъ императору Всероссійскому завоеванныя Русскимъ оружіемъ Финляндскія губерніи, но съ особою пунктальностью настаиваетъ на томъ, что «губерніи сіи, со всѣми жителями, городами и т. д., а равно ихъ принадлежности, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской». А чтобъ не оставалось никакого недоразумѣнія относительно происхожденія и объема тѣхъ привилегій, которыя Русскій императоръ вознамѣрился даровать жителямъ вновь пріобрѣтенной области, въ томъ же трактатѣ, съ такою же особою пунктуальностью, добавлено, что «Его Величество, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, обезпечиваетъ имъ свободное отправленіе ихъ вѣры, правà собственности и преимущества». Послѣ столь категорическаго и яснаго опредѣленія положенія Финляндіи въ ряду другихъ областей Русской Имперіи, не могло бы, казалось, быть и рѣчи о какомъ-либо договорѣ между Финляндцами и императоромъ Александромъ I, или о какихъ-либо конституціонныхъ ограниченіяхъ власти Русскаго монарха въ этой провинціи. Сверхъ того, какъ скоро во все царствованіе этого Императора не издано ни одного законоположенія, устанавливающаго въ чемъ-либо конституціонныя права Финляндцевъ, или даже имѣющаго только связь съ таковыми правами, это служитъ еще новымъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что правъ этихъ не существовало. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Александръ I-й поступалъ съ Финляндцами какъ монархъ вполнѣ самодержавный.

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе полнаго обособленія мѣстнаго Финляндскаго управленія отъ законовъ и центральныхъ властей Имперіи, область эта оказалась ничѣмъ несвязанною съ ея метрополіей, кромѣ занятія ея Русскимъ войскомъ. Матеріальныя благодѣянія, щедрою рукою излитыя на Финляндцевъ Александромъ I-мъ на счетъ Россіи, нисколь-

ко не привязали къ ней высшаго и средняго класса Финляндіи. Всѣ симпатіи ихъ остались на сторонѣ Швеціи и даже усилились противу прежняго времени. Простой Финскій народъ, хотя сразу облегченный отъ тягостей и поборовъ Шведскаго господства и успокоенный прекращеніемъ столь частыхъ войнъ между Россіею и Швеціею, театромъ которымъ всегда была Финляндія, простой Финскій народъ хотя не любилъ Шведовъ по прежнимъ воспоминаніямъ, но не могъ почувствовать расположенія и къ Русскимъ, ибо смотрѣлъ на все глазами своихъ пасторовъ, ленсмановъ и коронныхъ фохтовъ, которые естественнымъ образомъ должны были опасаться умаленія своего значенія и своихъ доходовъ отъ усиленія Русской власти. При преемникѣ Александра, императорѣ Николаѣ, также ничего не было сдѣлано для установленія Русскаго контроля надъ дѣлами Финляндіи и для административнаго ея сближенія съ остальною Россіею. По заведенному порядку, докладчикомъ и совѣтодателемъ по всѣмъ дѣламъ Финляндіи былъ при Императорѣ тотъ же Ребиндеръ, а послѣ его смерти—графъ Армфельтъ, сынъ упомянутаго Шведскаго перебѣжчика, возведеннаго императоромъ Александромъ I-мъ въ графское достоинство. Отъ такихъ людей, какъ отъ прирожденныхъ Шведо-финляндцевъ, менѣе всего можно было ожидать раскрытія истиннаго положенія дѣлъ въ этой странѣ и совѣтовъ въ интересахъ Русской власти. Они, дѣйствуя заодно съ мѣстнымъ Сенатомъ, сумѣли парализовать даже тѣ мѣры, которыя были предпринимаемы по почину самихъ императоровъ Александра I-го и Николая I-го.

Одинъ изъ самыхъ поучительныхъ примѣровъ этого рода представляютъ мѣры, предпринимавшіяся для распространенія въ Финляндіи государственнаго Русскаго языка. Въ эпоху завоеванія западной Финляндіи, Финляндцы, писавшіе для своей страны уставы, не рѣшались затрогивать вопроса о томъ, на какомъ языкѣ должно вестись дѣлопроизводство въ ихъ странѣ: до такой степени казалось имъ дерзкимъ предлагать Русскому Монарху, чтобы государственный Русскій языкъ не былъ допускаемъ въ дѣлахъ Финляндскаго управленія и чтобы офиціальнымъ языкомъ былъ оставленъ Шведскій, не только никому въ Россіи неизвѣстный, но и совершенно чуждый коренному населенію самой Финляндіи. Шведскій языкъ былъ дотолѣ офиціальнымъ языкомъ въ Финляндіи потому именно, что онъ былъ языкомъ государственнымъ, ибо Финляндія принадлежала Швеціи. Самъ Спренгпортенъ, главный внушитель всѣхъ тогдашнихъ мѣропріятій относительно Финляндіи, въ представленномъ имъ императору Александру докладѣ объ управленіи Финляндіей, говорилъ: «Дѣла будутъ производиться, за не-

возможностью поступить иначе, на нынѣ господствующемъ въ краѣ языкѣ; но когда попеченіемъ правительства будутъ учреждены школы Русскаго языка, этотъ языкъ, въ качествѣ главнаго, будетъ введенъ вообще въ дѣлопроизводство, вмѣстѣ съ Финскимъ, какъ языкомъ народнымъ». Еще въ 1812 году знаніе Русскаго языка было объявлено обязательнымъ для всѣхъ лицъ, поступающихъ въ Финляндіи на службу, и назначенъ для этого шестилѣтній срокъ. Тогда же было введено обязательное преподаваніе Русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1818 году сказанное постановленіе вошло въ силу, такъ что, при поступленіи на духовную, гражданскую и военную службу, отъ всѣхъ требовалось представленіе свидѣтельства объ удовлетворительномъ знаніи Русскаго языка. Но затѣмъ начинается рядъ отступленій отъ этого правила. Въ 1824 году отъ представленія сказанныхъ свидѣтельствъ освобождены были «впредъ до времени» лица, поступающія на духовныя должности, на томъ основаніи (какъ сказано въ этомъ распоряженіи), «дабы бѣдные студенты теологіи не вынуждены были проводить время въ такихъ занятіяхъ, которыя не имѣютъ собственно какой-либо связи съ ихъ будущимъ призваніемъ». Въ 1831 году освобождены были отъ этой обязанности, также «впредъ до усмотрѣнія», но уже безъ объясненія поводовъ, поступающіе на учительскія должности въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Потомъ постепенно отмѣнялось требованіе знать Русскій языкъ и для другихъ должностныхъ лицъ, и наконецъ оно осталось только для чиновниковъ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата и канцеляріи генералъ-губернатора. Когда такимъ образомъ было уничтожено всякое побужденіе у Финляндцевъ къ изученію Русскаго языка, то не было и цѣли преподавать его въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ; но при императорѣ Николаѣ Сенатъ и статсъ-секретари, зная желаніе Императора, чтобы государственный языкъ преподавался во всѣхъ краяхъ его государства, не смѣли ему противорѣчить, будучи увѣрены, что, съ уничтоженіемъ требованія отъ поступающихъ на службу знанія Русскаго языка, обученіе ему будетъ вестись только для формы. Между тѣмъ Императоръ, не проникая тактики Финляндскихъ властей, продолжалъ принимать мѣры къ упроченію преподаванія Русскаго языка въ Финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По его волѣ были предоставлены особыя преимущества Русскимъ уроженцамъ, поступавшимъ на учительскія должности въ Финляндіи. Въ высочайшемъ объявленіи 21 Іюня 1841 году постановлено, чтобы въ каждой епархіи былъ опредѣляемъ для Русскаго языка особый экзаменаторъ изъ Русскихъ уроженцевъ. На обязанности этихъ экзаменаторовъ лежало ежегодное посѣщеніе всѣхъ элементарныхъ учебныхъ заведеній епархіи для производства испытаній. Въ высочай-

шемъ объявленіи 4 Марта 1846 г. о преимуществахъ, предоставляемыхъ учителямъ Русскаго языка въ нѣкоторыхъ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи, постановлено, чтобы упомянутыя учительскія должности замѣщались безусловно или Русскими уроженцами, имѣющими аттестаты отъ университетовъ или гимназій Имперіи, или Финляндскими уроженцами, прошедшими курсъ Русскаго языка въ какомъ-либо изъ Русскихъ университетовъ, или же воспитанниками Выборгской гимназіи, съ полнымъ успѣхомъ окончившими въ ней курсъ по Русскому отдѣленію. Вслѣдствіе этихъ высочайшихъ распоряженій, въ сороковыхъ годахъ и позднѣе, въ Петербургскій и Московскій университеты были присылаемы для усовершенствованія въ Русскомъ языкѣ и исторіи молодые Финляндцы, прошедшіе уже курсъ Гельсингфорскаго университета. Съ кончиною императора Николая эти мѣры были брошены, а въ 1863 году, т.-е. въ годъ перваго Гельсингфорскаго сейма, обязательное преподаваніе Русскаго языка было совершенно отмѣнено, но потомъ, въ 1872 году, вновь возобновлено, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Въ 1891 году было высочайше постановлено, чтобы впредь отъ лицъ, поступающихъ на государственную службу по гражданскому вѣдомству, постепенно требовалось знаніе Русскаго языка. Но и это, столь неопредѣленное по своему сроку требованіе въ томъ же самомъ постановленіи стѣснено еще такимъ ограниченіемъ, что оно «относится *преимущественно* къ лицамъ, поступающимъ на службу при правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ и по вѣдомствамъ таможенному и административно-полицейскому, *особенно же* въ приморскихъ городахъ и мѣстахъ расположенія Русскихъ войскъ». Выполненіе и этихъ, столь скромныхъ, требованій относительно Русскаго языка будетъ попрежнему въ рукахъ Сената, который доказалъ уже прежними опытами, въ какой мѣрѣ онъ сочувствуетъ распространенію знанія Русскаго языка въ Финляндіи. Вигель въ своихъ Запискахъ говоритъ, что въ 1810 г. бывши въ Выборгѣ, онъ на улицахъ не слыхалъ другаго языка, кромѣ Русскаго; а въ шестидесятыхъ годахъ даже въ этомъ городѣ, пріобрѣтенномъ для Россіи еще славной памяти императоромъ Петромъ Великимъ, Русскій языкъ сталъ совершенно чужимъ и неизвѣстнымъ для мѣстныхъ Финляндскихъ жителей. Таковы были успѣхи Русской государственной политики въ Финляндіи въ теченіе этого полустолѣтія. Финляндскія власти всегда хорошо понимали, что Шведскій языкъ, никому въ Россіи неизвѣстный, не исключая и посылаемыхъ въ Финляндію генералъ-губернаторовъ, есть тотъ крѣпкій панцырь, подъ защитою котораго Финляндское управленіе всегда будетъ находиться внѣ надзора и контроля Русскаго правительства; потому-то онѣ и прилагали всѣ мѣры, чтобы не допустить распространенія въ Финляндіи

знанія Русскаго языка и тѣмъ сдѣлать практически-невозможнымъ введеніе его, въ качествѣ языка государственнаго, въ законодательство и управленіе этой области.

Мѣры, принимавшіяся въ прежнее время для кодификаціи Финляндскихъ законовъ.

Со времени присоединенія къ Россіи западной Финляндіи и по настоящее время дѣйствующіе въ этой области законы остаются безъ приведенія ихъ въ систематическую кодификацію, а до 1860 г. многіе изъ вновь издаваемыхъ законовъ печатались даже безъ перевода ихъ на Русскій языкъ въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго. Въ 1819 г. Финляндскій статсъ-секретарь Ребиндеръ пытался было уловить согласіе императора Александра І-го на составленіе «конституціи Финляндіи». По его предложенію, Комиссія Финляндскихъ дѣлъ испрашивала у Императора разрѣшенія составить проектъ такой конституціи, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ потомъ переданъ на обсужденіе сейма. За образецъ предполагалось принять Шведскую Форму правленія 1772 г.; но Императоръ проникъ виды Финляндцевъ, и представленіе Комиссіи оставлено было имъ безъ послѣдствій. Финляндскій историкъ Кастренъ, говоря объ этой попыткѣ, прибавляетъ, что одинъ «измѣнникъ» изъ Финляндскихъ чиновниковъ, почтъ-директоръ Ладау, написалъ въ Петербургъ кому слѣдуетъ объ этомъ проектѣ, выставивъ его въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Въ 1835 году, по повелѣнію императора Николая, учреждена была въ Гельсингфорсѣ комиссія для составленія систематическаго свода всѣхъ дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, изданныхъ какъ при Шведской власти, такъ и при Русскомъ правительствѣ. Комиссія была составлена изъ однихъ Финляндцевъ, подъ предсѣдательствомъ Финляндца же Валлена; но, относительно содержанія и системы свода, ей вмѣнено было въ обязанность руководствовать указаніями Сперанскаго, вслѣдствіе чего, при жизни сего послѣдняго, комиссія находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ со II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Сводъ предполагалось, по его окончаніи, объявить къ руководству по высочайшему повелѣнію, разумѣется, безъ всякаго участія сейма, про который ни слова не упомянуто въ повелѣніи Императора о составленіи сего свода. Сводъ, составляемый при такихъ условіяхъ, не могъ конечно соотвѣтствовать видамъ Финляндцевъ; поэтому они подъ разными предлогами затягивали его окончаніе. Смерть Сперанскаго, послѣдовавшая въ 1839 году, облегчила имъ откла-

дываніе этого непріятнаго для нихъ дѣла въ долгій ящикъ. Только въ 1858 г., слѣдовательно уже въ новое царствованіе, печатный проектъ свода, съ тою же цѣлію затягиванія, былъ разосланъ на заключеніе различныхъ Финляндскихъ учрежденій. Въ это время у Финляндцевъ созрѣлъ уже планъ о созваніи сейма на конституціонныхъ началахъ; оттого сказанному своду, находившемуся съ этими началами въ полномъ противорѣчіи, не было дано дальнѣйшаго хода, и сдѣланныя на него Сперанскимъ замѣчанія остались неизвѣстными Русскому правительству, такъ какъ Финляндскіе архивы, и въ особенности архивъ Статсъ-Секретаріата, недоступны ни для какой Русской власти. Для лучшаго сохраненія тайны Финляндскихъ дѣлъ, архивъ Статсъ-Секретаріата даже увезенъ былъ въ восьмидесятыхъ годахъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, вмѣстѣ съ хранящимися въ немъ бумагами Сперанскаго еще за время 1808 и 1809 годовъ *).

Несомнѣнно, что, кромѣ подтвержденнаго Александромъ I-мъ, Общаго Уложенія Швеціи 1734 г., въ Финляндіи, послѣ 1809 года, остались въ дѣйствіи и нѣкоторыя другія Шведскія постановленія, вполнѣ впрочемъ согласующіяся съ этимъ Уложеніемъ и часто служащія ему дополненіемъ. Одни изъ этихъ постановленій составляли особыя узаконенія, какъ напр. законы 1723 и 1789 годовъ о шкатовомъ выкупѣ и шкатовыхъ земляхъ и инструкція ландсгевдингамъ (переименованнымъ при

---

*) Финляндскій ученый и бывшій сенаторъ Мехелинъ, говоря о трудѣ комиссіи Валлена, главнымъ его недостаткомъ считаетъ то, что въ немъ не были разграничены двѣ различныя области законодательства (т. е. законодательство сеймовое, зависящее отъ сейма и правительства, и законодательство административное, зависящее только отъ правительства)". „Такъ напр., продолжаетъ онъ, въ отдѣлѣ о назначеніи чиновниковъ и о принадлежащихъ имъ преимуществахъ, основныя законоположенія и административныя предписанія слиты вмѣстѣ; равнымъ образомъ въ финансовомъ отдѣлѣ податные законы, принятые земскими чинами, смѣшаны съ постановленіями, изданными однимъ правительствомъ. По напечатаніи всей работы въ 1858 г., она была разослана на заключеніе судовъ и присутственныхъ мѣстъ, которые должны были представить свои замѣчанія къ 1861 году. Однако, еще до истеченія этого срока, для всѣхъ понимающихъ дѣло стало ясно, что проэкты комиссіи законовъ не могутъ быть утверждены къ руководству (подразумѣвается, утверждены сеймомъ, о предположенномъ созваніи котораго было уже офиціально объявлено въ 1861 г). Они остались проектами, не поведшими къ дальнѣйшимъ мѣрамъ". Далѣе г. Мехелинъ старается доказать, что такіе кодификаціонные своды нельзя издавать безъ согласія земскихъ чиновъ и что повелѣніе императора Николая I, въ которомъ говорилось, что своды, выработанные комиссіею, будутъ изданы къ руководству (подразумѣвалось, высочайшею властію) противорѣчило основнымъ законамъ. (Изъ статьи г. Мехелина подъ заглавіемъ „О кодификаціи законовъ въ Финляндіи". въ журналѣ Finsk Tidskritt, Ноябрь 1892 г.).

императорѣ Николаѣ въ губернаторовъ). Привилегіи сословій, подтвержденныя въ общихъ выраженіяхъ императоромъ Александромъ I, также помѣщены въ различныхъ Шведскихъ узаконеніяхъ, преимущественно въ привилегіяхъ дворянства и духовенства 1723 года. Нѣкоторыя же изъ сохранившихся отъ Шведскаго времени постановленій заключались въ Формѣ правленія 1772 г. и въ Актѣ соединенія и охраненія 1789 г., напримѣръ тѣ, которыя касаются гофгерихтовъ (изъ которыхъ два были въ Финляндіи), опредѣленія на должности, дѣленія должностныхъ лицъ на смѣняемыхъ и несмѣняемыхъ безъ суда, различныхъ видовъ землевладѣнія. Но всѣ эти узаконенія, сохранившія фактически свою силу въ Финляндіи, хотя и неподтвержденныя поименно высочайшею властію, касаются исключительно предметовъ провинціальнаго управленія, оставленнаго Русскою властію въ его прежнемъ видѣ, или сословныхъ привилегій, а отнюдь не центральныхъ правительственныхъ учрежденій Швеціи и не основныхъ государственныхъ ея законовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе не относились къ Финляндіи непосредственно, а послѣ ея отдѣленія отъ Швеціи не могли самою силою вещей къ ней примѣняться. Если упоминаемые здѣсь Шведскіе законы, фактически сохранившіеся въ Финляндіи, не были переизданы для нея особо по высочайшимъ повелѣніямъ (какъ было переиздано Общее Уложеніе 1734 г.), то это объясняется, во-первыхъ, тою крайнею поспѣшностью, съ какою велось Финляндское дѣло въ эпоху завоеванія этой страны, а потомъ тѣмъ, что сами Финляндскія власти не желали приведенія мѣстныхъ законовъ въ ясность, какъ доказала судьба проекта, составленнаго комиссіею Валлена. Надежда на то, что рано или поздно могутъ осуществиться Финляндскія поползновенія политическаго свойства, и была причиной, что Финляндскія власти всячески затягивали кодификацію дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній; ибо если бы они были кодифицированы какъ слѣдуетъ, то тогда исчезла бы всякая надежда включить въ нихъ заднимъ числомъ политическіе Шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ, какъ успѣли потомъ этого достигнуть Финляндскіе законовѣды.

Неприкосновенность державныхъ правъ монарха на Финляндію до 1863 года.

Хотя во внутреннемъ управленіи обособленность Финляндіи отъ Русскихъ государственныхъ учрежденій была доведена до крайнихъ предѣловъ, тѣмъ не менѣе, въ теченіе 54 лѣтъ, оставалось неприкосновеннымъ основное начало ея отношеній къ Россіи—единство и непререкаемый авторитетъ верховной власти въ дѣлахъ законодательства и высшаго управленія. Поэтому, хотя враждебность къ Россіи высшаго

и средняго классовъ Финляндіи не подлежала сомнѣнію и обнаруживалась при каждомъ удобномъ случаѣ (напр. во время нашихъ неудачъ въ войнѣ 1853—1856 гг. съ Европейской коалиціей), однако эта враждебность не могла проявляться активно и властно, пока источникомъ законодательства и высшаго управленія былъ одинъ Русскій монархъ, которому безпрекословно подчинялись всѣ существующія въ Финляндіи правительственныя учрежденія. Во все продолжительное царствованіе императора Николая Финляндцы не смѣли и помышлять объ ограниченіи власти Русскаго монарха. Потому-то царствованіе этого государя Финляндскіе ораторы и писатели сравнивали съ Египетскимъ рабствомъ (такъ выражался одинъ изъ депутатовъ дворянскаго сословія на Гельсингфорскомъ сеймѣ 1863 г.), съ весенними морозами, убившими всходы Финляндской независимости (слова одного изъ современныхъ писателей) и т. п. Между тѣмъ именно въ царствованіе Николая I Финляндія изъ страны съ рѣдкимъ и полуголоднымъ населеніемъ, почти безъ всякихъ признаковъ культуры, каковою она перешла къ Россіи изъ-подъ Шведскаго владычества, обратилась въ страну съ утроившимся населеніемъ, съ возросшимъ до неузнаваемости благосостояніемъ жителей, съ развившейся торговлею и фабрично-заводскою производительностію, со множествомъ школъ, среднихъ и низшихъ, и благотворительныхъ учрежденій. Въ первые годы царствованія императора Александра II въ офиціальныхъ актахъ также не было еще помину ни о какихъ основныхъ законахъ Финляндіи, будто бы признанныхъ для нея императоромъ Александромъ I-мъ. Такъ, напр., не далѣе, какъ 20 Ноября 1857 г., послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ § 9-го учрежденія Сената о сохраненіи за членами его, во время ихъ сенаторства, прежнихъ должностей и окладовъ. Учрежденіе Сената, или по прежнему Правительствующаго Совѣта, было въ то время важнѣйшимъ изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ Финляндіи и, по увѣренію нынѣшнихъ Финляндскихъ законовѣдовъ, было принято съ одобренія Боргоскаго сейма, имѣвшаго будто бы права Шведскаго риксдага. Измѣненіе этого закона единоличною высочайшею властію ясно доказываетъ, что императоръ Александръ II-й не признавалъ въ то время за Финляндіей никакихъ отдѣльныхъ основныхъ законовъ и не придавалъ никакого значенія тому, что регламентъ Правительствующаго Совѣта былъ на разсмотрѣніи Боргоскаго сейма. Мало того, даже во время самаго засѣданія перваго Гельсингфорскаго сейма, по высочайшему повелѣнію отъ 3 Февраля 1864 г., нѣкоторая часть Выборгской губерніи была присоединена къ Петербургской. Это дѣйствіе императора Александра II-го составляло бы вопіющее нарушеніе Шведскихъ конституціонныхъ законовъ, если бы онъ признавалъ ихъ тогда имѣющими силу въ Фин-

ляндіи. Упоминанія объ этихъ законахъ подставлены были въ акты, подносившіеся на подписаніе Императора, уже позднѣе, въ видѣ какъ бы частныхъ и побочныхъ ссылокъ на тѣ или другія статьи Шведскихъ конституціонныхъ узаконеній, извѣстныхъ подъ названіемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и безопасности 1789 г. Потомъ, въ Сеймовомъ уставѣ 1869 г., эти побочныя ссылки сведены были уже въ категорическое признаніе нѣкоторыхъ постановленій Шведскаго конституціоннаго законодательства прошедшаго столѣтія.

Пропаганда ученія о Финляндскомъ государствѣ.

Крайняя обособленность Финляндскаго управленія отъ общегосударственныхъ законовъ и учрежденій непремѣнно должна была вызвать у Финляндцевъ стремленіе къ пріобрѣтенію для своей страны полной политической самостоятельности, съ возможно большимъ ограниченіемъ власти Русскаго императора. Исторія намъ доказываетъ, что административная обособленность провинцій всегда вела къ попыткамъ ихъ жителей пріобрѣсти себѣ и политическую самостоятельность. Царствованіе императора Николая I-го только замедлило пробужденіе этихъ стремленій у Финляндцевъ, но не предотвратило ихъ; ибо при этомъ императорѣ ничего не было сдѣлано для исправленія ошибокъ предыдущаго царствованія, предоставившаго эту провинцію безконтрольному управленію самихъ Финляндцевъ. Чѣмъ шире и безотчетнѣе была власть, предоставленная тамошнему дворянству и чиновничеству, тѣмъ сильнѣе возбуждалась у нихъ жажда играть въ своей странѣ политическую роль и, отстранивъ Русскую монархическую власть, самимъ управлять судьбою двухмилліоннаго Финскаго народа.

Тотчасъ по кончинѣ императора Николая, въ Финляндіи начинается дѣятельная подготовка къ невооруженной и легальной революціи противъ Русской власти. Планъ задуманъ былъ весьма искусно и обѣщалъ вѣрный успѣхъ въ виду той неизвѣстности, какою было прикрыто отъ глазъ Русскаго правительства и общества все, что̀ творилось въ этой странѣ. Начато было съ того, что Финляндскіе профессора и писатели стали пропагандировать въ лекціяхъ и въ печати придуманное ими ученіе о Финляндскомъ государствѣ, соединенномъ съ Россіею только единствомъ царствующаго дома, но имѣющемъ свои собственные основные законы. Этими основными законами должны быть признаваемы, по толкованію сказанныхъ профессоровъ и писателей, Шведскіе конституціонные законы, дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ въ эпоху завоеванія Русскими западной Финляндіи и извѣстные подъ именемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г.

Государственная самостоятельность и сказанные основные законы были гарантированы Финляндіи, по сказанію упоминаемыхъ профессоровъ и писателей, на основаніи договора, заключеннаго въ 1809 г. въ городѣ Борго между императоромъ Александромъ I-мъ и представителями Финскаго народа, добровольно рѣшившагося отдѣлиться отъ Швеціи и присоединиться къ Россіи, по приглашенію Александра I-го.

Форма правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 года.

Происхожденіе сказанныхъ Шведскихъ законодательствъ было слѣдующее. Послѣ неограниченнаго правленія королей Карла XI и Карла XII, изъ которыхъ первый прямо называлъ себя самодержавнымъ королемъ, а послѣдній, при своемъ вступленіи на престолъ, не принесъ обычной королевской присяги и управлялъ королевствомъ вовсе не обращаясь къ риксдагу, наступилъ въ Швеціи такъ называемый «періодъ вольницы». Собравшійся по смерти Карла XII сеймъ (въ началѣ 1719 г.) согласился признать королевой сестру его Ульрику-Элеонору подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ она отказалась отъ неограниченной власти и управляла государствомъ согласно съ новою формою правленія, составленною сеймомъ. Ульрика-Элеонора дала присягу въ этомъ смыслѣ и подписала «Форму правленія» отъ 21 Февраля 1719 г., по которой королевская власть была ограничена въ пользу сейма и Государственнаго Совѣта. Въ слѣдующемъ 1720 году, по желанію королевы, отказавшейся отъ власти, провозглашенъ былъ на сеймѣ королемъ супругъ ея, наслѣдный принцъ Гессенскій Фридрихъ, который при этомъ согласился править государствомъ такъ, какъ ему предпишетъ сеймъ. Тогда была составлена новая форма правленія, отъ 2 Мая 1720 г. По этой формѣ и по данной Фридрихомъ присягѣ (удостовѣренію), королевская власть была еще болѣе ограничена. Законодательная власть предоставлялась исключительно сейму, и для изданія законовъ не требовалось согласія короля. Административныя узаконенія, издаваемыя въ промежутки между засѣданіями сейма, должны были представляться на разсмотрѣніе сейма, который собирался каждый третій годъ по призыву короля или Государственнаго Совѣта. Король управляетъ вмѣстѣ съ Государственнымъ Совѣтомъ, въ которомъ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, при чемъ король имѣетъ только два голоса. Государственные совѣтники отвѣтственны предъ сеймомъ и назначаются королемъ, въ засѣданіи совѣта, изъ трехъ кандидатовъ, предложенныхъ особою сеймовою комиссіей. Сношенія съ иностранными державами подчиняются также сейму; король же можетъ начинать, не обращаясь

къ сейму, только оборонительную войну, но и то не иначе, какъ съ согласія Государственнаго Совѣта. Всякое лицо, получающее какую-либо должность, обязано предварительно приносить присягу въ томъ, что оно не будетъ стремиться къ возстановленію неограниченной королевской власти. Дворянское сословіе при этомъ государственномъ переворотѣ захватило себѣ господствующее положеніе и почти всю власть въ государствѣ. Хотя, по изданному въ 1723 г. новому Сеймовому Уставу, сеймъ состоялъ, какъ и прежде, изъ четырехъ сословій, но въ сеймовыхъ комиссіяхъ, гдѣ подготовлялись всѣ дѣла и окончательно излагались рѣшенія сейма, дворянство имѣло столько же членовъ, сколько всѣ остальныя три сословія совокупно. Эти комиссіи, и въ особенности такъ-называемая секретная комиссія, часто рѣшали дѣла отъ имени всего сейма. Секретная комиссія, въ составъ которой вовсе не входили представители крестьянскаго сословія, вмѣшивалась во всѣ государственныя дѣла, вела сношенія съ иностранными державами, требовала къ своему суду государственныхъ совѣтниковъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ и заставляла отрѣшать ихъ отъ должности, въ случаѣ если ихъ дѣйствія оказывались несоотвѣтствующими желаніямъ господствующей партіи. Швеція въ это время превратилась, по выраженію извѣстнаго историка Шведскаго государственнаго права Наумана, «въ аристократическую республику, въ которой король былъ лишь наслѣдственнымъ президентомъ». Не-дворянскія сословія тяготились самовластіемъ аристократіи, которое сопровождалось корыстью, жестокостями и продажными сношеніями съ иноземцами. Этимъ общимъ недовольствомъ противъ олигархіи воспользовался король Густавъ III. Онъ арестовалъ важнѣйшихъ членовъ аристократической партіи и на сеймѣ 1772 года успѣлъ провести новую форму правленія, возстановившую до нѣкоторой степени равновѣсіе между королевскою властью и сословнымъ представительствомъ. Таково было происхожденіе «Формы правленія 1772 г.», столь часто упоминаемой теперь въ работахъ Финляндскихъ законовѣдовъ и историковъ. Однако и эта новая форма правленія значительно стѣсняла власть короля, какъ во внутреннемъ государственномъ управленіи, вслѣдствіе существованія Государственнаго Совѣта, съ мнѣніями котораго король во многихъ случаяхъ обязательно долженъ былъ сображаться, такъ и въ области внѣшней политики, потому что король не могъ начинать наступательной войны безъ согласія сейма. Въ 1788 г. Густавъ III началъ войну съ Россіей, не спросивъ согласія у сейма. Проявлявшееся уже и раньше сильное неудовольствіе дворянской партіи противъ короля выразилось тогда въ такъ-называемомъ Аньяльскомъ заговорѣ (отъ деревни Аньяла, гдѣ собирались заговорщики), составленномъ офицерами Шведской

арміи, дѣйствовавшей противу Русскихъ въ Финляндіи. Одни изъ заговорщиковъ стремились при этомъ къ возстановленію формы правленія 1720 г., то-есть полнаго господства дворянской партіи; другіе же, именно Финляндскіе Шведы, желали отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и образовать изъ нея самостоятельное государство подъ покровительствомъ Россіи. Густавъ III, находившійся тогда также въ Финляндіи, получивъ извѣстіе о заговорѣ, отправился въ Швецію и, успѣвъ заручиться тамъ поддержкою не-дворянскихъ сословій, устрашенныхъ угрожавшею королевству опасностью потерять Финляндію, собралъ въ началѣ слѣдующаго 1789 года сеймъ. Король предложилъ не-дворянскимъ сословіямъ сейма нѣкоторыя новыя права и преимущества (изъ которыхъ важнѣйшимъ было право владѣть фрельсовыми, то-есть свободными отъ налоговъ) землями, подъ условіемъ расширенія королевской власти. Въ этомъ смыслѣ и составленъ былъ тогда такъ-называемый «Актъ соединенія и охраненія». Такъ какъ дворянство противилось принятію этого закона, то Густавъ III велѣлъ арестовать главныхъ предводителей дворянской партіи и затѣмъ въ тронной залѣ предложилъ сейму принять этотъ актъ. Дворянство отвѣчало «нѣтъ»; но такъ какъ со стороны другихъ сословій, и особенно со стороны крестьянъ, послышались громкіе одобрительные крики «да», то тальманы этихъ сословій согласились подписать актъ. Подписалъ также и ландмаршалъ дворянства, но дворянство протестовало противъ этого. Лишь 11 лѣтъ спустя, въ царствованіе Густава IV Адольфа, на сеймѣ 1800 года, Актъ соединенія былъ принятъ и дворянскимъ сословіемъ. На основаніи этого закона Государственный Совѣтъ упразднялся, и власть короля чрезвычайно расширялась, граничa въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ самодержавіемъ, по замѣчанію Наумана. Но вообще оба эти законодательство, Форма правленія 1772 года и Актъ соединенія 1789 года, возникшія внезапно и при столь смутныхъ обстоятельствахъ, отличаются такою нестройностію и неясностію, что доселѣ лучшіе Шведскіе юристы не могутъ согласиться, какъ понимать многія ихъ статьи. Законы эти даже и въ то время не могли служить прочнымъ основаніемъ для государственнаго правленія, и потому, тотчасъ послѣ сверженія съ престола Густава IV Адольфа въ 1809 года (еще до заключенія Фридрихсгамскаго трактата), были упразднены и замѣнены новою формой правленія, которая, съ нѣкоторыми измѣненіями, дѣйствуетъ въ Швеціи и до сихъ поръ.

Продолженіе пропаганды ученія о Финляндскомъ государствѣ.

Вотъ эти-то Шведскіе законы 1772 и 1789 гг., и даже нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ узаконеній, какъ, напр., королевскій отдѣлъ земскаго

уложенія 1442 г., признаны были Финляндскими профессорами и публицистами за основные законы Финляндіи, утвержденные будто бы за нею на основаніи договора, заключеннаго въ Борго между императоромъ Александромъ I и представителями Финляндскаго народа. Все это ученіе построено на превратномъ толкованіи документовъ и историческихъ событій, и даже на фактахъ, никогда не существовавшихъ и придуманныхъ только для оправданія желаемой теоріи. Такъ, напр., Финляндскіе ученые выдумали сказанный небывалый договоръ въ Борго и даже рѣшаются утверждать, что Финляндцы добровольно вступили въ подданство къ императору Александру I, послѣ того, какъ онъ далъ имъ удостовѣреніе въ томъ, что Финляндіи будутъ сохранены Шведскіе конституціонные законы. Въ такомъ именно смыслѣ излагаютъ событія того времени всѣ нынѣшніе Финляндскіе законовѣды и историки. Финляндскіе газеты и журналы тотчасъ подхватили это новое ученіе о Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ и стали распространять его среди населенія. Успѣхъ пропаганды былъ обезпеченъ тѣмъ, что возраженій ни откуда не могло послѣдовать. Въ Россіи существованіе этой пропаганды никому не было извѣстно; притомъ документы, относящіеся къ подробностямъ Боргоскаго сейма и обличающіе всю ложь Финляндскаго ученія, лежали подъ спудомъ въ нашихъ государственныхъ архивахъ, пока не были извлечены на свѣтъ трудами незабвеннаго Ордина. Но возраженія Русскихъ ученыхъ во всякомъ случаѣ не дошли бы до Финляндскихъ читателей даже и въ переводѣ на мѣстныя нарѣчія, такъ какъ тамошнія власти зорко смотрятъ за тѣмъ, чтобы въ ихъ страну не имѣлъ доступа никакой голосъ съ Русской стороны, могущій повредить успѣху сказанной пропаганды. Происками Финляндскихъ властей даже въ самой Россіи запрещено было, въ концѣ 1861 года, помѣщать въ газетахъ и журналахъ извѣстія изъ Финляндіи, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ разрѣшены Финляндскимъ Статсъ-секретаріатомъ. Финляндское дѣло, отъ котораго съ самаго начала отстранены были всѣ Русскія государственныя власти, не имѣло у насъ никого, кто почиталъ бы своею обязанностью слѣдить за нимъ и могъ бы возвысить голосъ въ защиту Русскихъ государственныхъ интересовъ. Генералъ-губернаторы Финляндскіе, незнакомые ни съ прежнею исторіей Финляндіи, ни съ ея нарѣчіями, весьма мало знакомые даже съ дѣйствующими въ ней законами, окруженные при томъ въ собственномъ своемъ управленіи тѣсною стѣной Финляндцевъ до такой степени, что даже своихъ личныхъ адъютантовъ не могутъ избирать изъ Русскихъ уроженцевъ, генералъ-губернаторы поневолѣ должны были полагаться во всемъ на толкованія сенаторовъ и прокурора и, при самыхъ лучшихъ желаніяхъ, ничего не могли сдѣлать для измѣне-

нія установившихся тамъ порядковъ. Въ случаѣ же, если они рѣшались давать отпоръ незаконнымъ Финляндскимъ притязаніямъ, они встрѣчали могущественное противодѣйствіе въ Финляндскихъ министрахъ статсъ-секретаряхъ, которые всегда находили средство представить дѣло Государю Императору въ желаемомъ ими смыслѣ и опровергнуть доводы генералъ-губернатора. Скоро сказанное политическое ученіе стало преподаваться даже въ Финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и низшихъ, гдѣ были введены тамошнимъ учебнымъ начальствомъ соотвѣтственные учебники. Высшіе правители Финляндіи, члены тамошняго Сената, въ числѣ которыхъ всегда находятся и бывшіе профессора Гельсингфорскаго университета, были дѣятельнѣйшими поддерживателями новаго ученія, а нѣкоторые изъ нихъ (Пальменъ, Коскиненъ, Монгоммери, Мехелинъ) явились потомъ и главными его усовершенствователями и распространителями. Въ 1861 году является уже цѣлый сборникъ (на Шведскомъ языкѣ), подъ названіемъ: «Основные законы Великаго Княжества Финляндіи, съ принадлежащими къ нимъ актами», составленный Гельсингфорскимъ профессоромъ Пальменомъ (впослѣдствіи прокуроръ Сената, затѣмъ сенаторъ, вице-предсѣдатель департамента юстиціи и вице-канцлеръ Александровскаго Гельсингфорскаго университета). Составитель этого сборника не обинуясь называетъ основными законами Финляндіи Шведскую Форму правленія 1772 года и Актъ соединенія 1789 года, никогда Русскими монархами не признанные и рѣшительно нигдѣ дотолѣ не упоминавшіеся въ изданныхъ для Финляндіи узаконеніяхъ. Сборникъ Пальмена былъ признанъ въ Финляндіи какъ бы за офиціальный кодексъ, на который стали ссылаться другіе распространители ученія о Финляндскомъ государствѣ.

(*Продолженіе будетъ*).

ПИСЬМО СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

Въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка [1].

Иванъ Александрычъ!

Пожалуйте пришлите тетрадки, данныя вамъ мною, если онѣ вамъ не нужны, и не подумайте, что я ихъ далъ вамъ изъ какого нибудь тщеславія, а единственно только по одной искренности и усердію къ вамъ. Да прошу покорнѣйше васъ, будьте посредникомъ между мною и вашею маминькою. Право не знаю, почему она такъ часто на меня въ неудовольствіи и думаетъ, что я всегда будто съ самаго поступленія моего сюда какъ бы все нарочно дѣлаю противъ нея. Я вовсе не имѣю въ себѣ грубости. Когда находился я въ юношескихъ еще лѣтахъ подъ руководствомъ воспитателей и учителей, то и тогда не замѣчали во мнѣ такой въ характерѣ моемъ черты. Я слушалъ уроки Богословія у архимандрита Наѳанаила, профессора наилучшаго, какого можно видѣть въ духовныхъ училищахъ, нынѣ епископа Полтавскаго, къ которому за жизнь и ученіе имѣетъ благоволеніе самъ Монархъ [2]). Но и профессоръ, человѣкъ тонкій и проницательный, кромѣ успѣховъ моихъ въ наукахъ, особенно любилъ меня, какъ онъ отзывался объ этомъ моимъ товарищамъ, за мое послушаніе, скромность. При всемъ томъ что я былъ его ученикомъ (а ученики у насъ въ бо̀льшей строгости находятся у начальниковъ, нежели какъ у васъ рабы) при всемъ томъ, говорю, когда приходилъ я къ нему по какимъ либо отношеніямъ, онъ удостоивалъ меня стула и чаю. Замѣтивши нашу вѣрность съ отцемъ Трофимомъ (нынѣ Сосновскимъ), онъ намъ довѣрилъ храненіе Семинарской библіотеки, не менѣе какъ на двѣсти тысячъ рублей состоящей, гдѣ я заимствовалъ познанія изъ лучшихъ писателей, изъ шестидесяти человѣкъ, кончивши курсъ третьимъ. А такъ какъ двое первыхъ посланы въ Академію, то оставшись первымъ и по волѣ ли или по принужденію, конечно (что̀ для васъ досслѣ неизвѣстно, et maintenant je vous dis cela dans le secret) былъ я опредѣленъ на настоящее мѣсто. Только я вручилъ себя совершенно волѣ

---

[1]) Написано къ И. А. Голенищеву-Кутузову сыну помѣщика села Давыдовскаго въ Яловцѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, и сообщено въ „Русскій Архивъ" Алексѣемъ Васильевичемъ Баловымъ. П. Б.

[2]) Наѳанаилъ Павловскій, епископъ Полтавскій, съ 8 Сентября 1830 г. былъ архимандритомъ Ростовскаго Богоявленскаго монастыря (Строевъ, Списки іерарховъ, 927).

Божіей, никогда не огорчалъ Промыслъ Всевышняго малѣйшимъ даже роптаніемъ на участь свою. Сколько ни встрѣчалъ я препятствій со стороны угнетающихъ меня людей, сколь ни находилъ я многаго и почти всего совершенно противнаго моимъ склонностямъ, силамъ и способностямъ, но я всегда призывалъ только на помощь Ангела-Хранителя моего, всегда и все побѣждалъ и, кажется, побѣждаю однимъ молчаніемъ, терпѣніемъ и всевозможнымъ самоотверженіемъ. Въ прошедшей здѣсь жизни моей никто, кажется, не могъ замѣтить какого либо мечтанія моего о себѣ, какого либо отвращенія или презрѣнія къ другимъ. Вообще я велъ себя доселѣ такъ, что не только не выказывалъ себя со стороны своихъ достоинствъ или преимуществъ, но старался даже иногда скрывать себя и какъ можно унижать. Изъ всѣхъ крестьянъ, изъ которыхъ состоитъ нашъ приходъ, извольте спросить самыхъ вашихъ дворовыхъ людей, и они скажутъ ли, чтобы я кому либо изъ нихъ причинилъ какое оскорбленіе, какое неудовольствіе? Съ послѣднимъ изъ вашихъ рабовъ я обращаюсь всегда какъ можно ласковѣе, привѣтливѣе.

Итакъ что же? Получивши хотя нѣкоторое образованіе, неужели я вовсе безъ понятія и разсужденія, чтобъ я могъ иначе обращаться съ людьми высшаго сословія? Напротивъ, не особенныя ли чувства почтенія я обязанъ питать и дѣйствительно питаю къ нимъ? Не полагайте, что я имѣю сношеніе съ одною вашею маминькою и вашимъ домомъ: удостоиваютъ меня своего вниманія лица значительныя въ свѣтскомъ кругу. Конечно, по недостатку своего состоянія и времени, а наипаче по склонности къ уединенію, я не имѣю обширнаго знакомства; впрочемъ не только въ городѣ Пошехоньѣ многіе, но и въ другихъ мѣстахъ ко мнѣ весьма благосклонны истинно-почтеннѣйшіе люди по своему чину и состоянію. И будьте увѣрены, что я это говорю правду и отнюдь не изъ какой либо надменности, а только дабы доказать вамъ, что я никогда не изъявлялъ никому какой либо неучтивости и въ обращеніи свѣтской не нарушалъ правилъ оной.

Впрочемъ вы знаете безъ сомнѣнія мою должность и правà о ней. Хотя я долженъ предъ всѣми быть тихимъ и униженнымъ; но если чего отъ меня просятъ незаконнаго и чего не могу исполнить или иногда по тѣснымъ обстоятельствамъ или не нарушая своихъ обязанностей, то неужели должно винить меня при всемъ моемъ уничиженіи въ грубости и тогда, какъ долженъ сказать или иногда и сказываю, основываясь на словахъ Самаго Спасителя (см. Евангеліе Матѳея гл. 20, ст. 22) и если Его же словами отвѣчаю на излишнюю строгость и неумѣренную по нашему званію взыскательность (Іоанна, гл. 19, ст. 11)? Сверхъ того въ оправданіе свое скажу и то, что я

хотя сохраняю всегда возможное молчаніе, впрочемъ словà другихъ довольно важныя, сужденія, а равно и случаи, не оставляю въ забвеніи.

Итакъ извольте доложить вашей маминькѣ, помнитъ ли она, чтó изволила говорить мнѣ, когда приходилъ я сюда, еще будучи холостымъ, дабы испросить ея расположенность съ Александромъ Иванычемъ ко мнѣ, какъ будущему имъ священнику? Чтò до меня касается, то я это такъ помню, какъ бы сказано оно мнѣ было вчера или сего дни.... Но что объ этомъ упоминать?

Чтò же, вы спросите, говорила тогда ваша маменька? Она сперва объяснила мнѣ то и другое, многое со стороны своихъ священниковъ, почему не заслуживаютъ они полной расположенности ея и уваженія по ихъ сану, изъявляла желаніе имѣть у себя въ приходѣ такого священника, который бы велъ себя трезво и сообразно своему званію и который бы, между другими качествами своими, никогда никому, и даже гг. дворянамъ, не льстилъ, а говорилъ бы прямо, откровенно, не стараясь объ излишнемъ имъ угожденіи, такъ (я скажу самое выраженіе ея), чтобы всѣ нѣсколько опасались и остерегались его. Еслибы (присоединила она къ сему), еслибы былъ у насъ такой священникъ, то онъ, при нашемъ къ нему почтеніи, всегда бы отъ насъ былъ не оставленъ, всегда былъ бы облагодѣтельствованъ. Но вотъ прошло 12 лѣтъ уже. Я, сколько возможно исполняя ея слова, такъ какъ они были согласны и съ моимъ сужденіемъ, да и всякаго здравомыслящаго человѣка, чтò, наконецъ, долженъ видѣть, къ крайнему моему огорченію? Не упоминая о благодѣяніяхъ, которыхъ.... Но я ихъ, кажется, и не домогался, не искалъ, не предлагалъ ни о малѣйшемъ неоставленіи себя въ нуждахъ своихъ, расположивши себя быть довольнымъ и настоящимъ своимъ состояніемъ, за которое я всегда еще весьма благодарю Бога и къ которому уже привыкаю. Не упоминая, говорю, о благодѣяніяхъ, за чтò я отъ вашей маменьки, и только отъ нея одной, а никогда даже и отъ Александра Ивановича, долженъ слышать только неблагопріятные о мнѣ отзывы? Вѣрна-ли она въ словахъ своихъ, не забыла-ли даже оныя? Для чего обвинять меня въ неблагодарности, когда я рѣшился не ожидать не только отъ нея, но и отъ всѣхъ прихожанъ моихъ, кромѣ необходимаго для содержанія своего и которое, при томъ, бóльшею частью самъ своею дѣятельностью и трудами снискиваю? Въ удобныя минуты представьте это ей для размышленія, и она, можетъ быть, увидитъ, если безпристрастно разсудитъ, заслуживаю-ли я отъ нея, да и отъ всѣхъ прихожанъ, неудовольствія, помня всегда обязанности пастырскаго служенія своего, не льстя никому, говоря откровенно, какъ бы будучи устрашаемъ прещеніемъ Господа, относящимся къ каждому изъ священниковъ: *Внегда глаголати беззаконнику*:

смертію умреши, и не возвѣстиши ему, ни возглаголеши, еже очиститися беззаконнику и обратитися отъ пути своего, еже живу быти ему, то беззаконникъ оный въ беззаконіи своемъ умретъ, и крове его отъ тебе взыщу. Не огорчаетесь-ли, что я такъ далеко простираюсь и что какъ бы поучаю васъ, болѣе меня имѣющаго свѣдѣній? Если вамъ скучно и непріятно читать мое письмо, то положите оное, а если имѣете терпѣніе, то въ Библіи Новаго Завѣта Русскаго перевода (когда нѣтъ оной у васъ, то пошлите въ церковь), прочтите мѣсто у Ап. Павла 1-го посл. къ Ѳессал. гл. 2, ст. 3—14.

Конечно, я въ полной мѣрѣ сознаю свои слабости, недостоинство и чувствую важность званія, которое ношу. Впрочемъ, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи, не могу-ли сказать маменькѣ вашей, вамъ и всѣмъ въ приходѣ моемъ состоящимъ лицамъ, что въ ученіи моемъ, которое преподавалъ я въ церкви, а также и внѣ оной, нѣтъ ни заблужденій, ни нечистыхъ побужденій, ни лукавства? Но какъ Богъ избралъ меня къ тому, чтобъ ввѣрить мнѣ благовѣстіе, то я и говорю всегда, угождая не человѣкамъ, но Богу, испытующему сердце мое. Ибо никогда не было у меня предъ вами ни словъ ласкательства, какъ вы знаете, ни видовъ корысти. Богъ свидѣтель. Не ищу славы человѣческой, ни отъ васъ, ни отъ другихъ. Я могъ явиться къ вамъ, какъ служитель І. Христа, съ важностію; но былъ тихъ среди васъ, подобно какъ кормилица обходится съ дѣтьми своими. Такъ я, изъ усердія своего къ вамъ, восхотѣлъ предать вамъ не только благовѣствованіе Божіе, но и душу свою, потому что вы стали мнѣ любезны. Ибо вы помните, братіе, трудъ мой и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобъ не отяготить кого изъ васъ, я проповѣдывалъ у васъ благовѣстіе Божіе. Свидѣтели вы и Богъ, какъ я, сколь только возможно по моимъ слабымъ силамъ, свято, праведно и неукоризненно поступалъ предъ вами, вѣрующими. Поелику вы знаете, какъ каждаго изъ васъ, особенно въ церкви, какъ отецъ дѣтей своихъ, я просилъ и убѣждалъ и умолялъ васъ поступать достойно Бога, призывающаго васъ въ Свое царство и силу. Посему и я непрестанно благодарю Бога, что вы, пріемля отъ меня слышанное слово Божіе, каково оно поистинѣ есть, приняли оное не какъ слово человѣческое, которое и дѣйствуетъ въ васъ вѣрующихъ. Ибо кто моя надежда, или радость, или вѣнецъ похвалы? Не вы-ли предъ Господомъ моимъ І. Христомъ въ пришествіе Его? Ибо вы слава моя и радость.

Впрочемъ, если маменька ваша не довольна моимъ доселѣ поведеніемъ, то я, будучи 12 лѣтъ уже священникомъ, какъ бы останавливаюсь и подобно тому, какъ будучи еще холостымъ, прошу опять нынѣ ея расположенности къ себѣ, изъявляя всю готовность исполнять обязанности здѣсь священнической должности. Желательно только при

семъ знать мнѣ, какія я долженъ, по ея сужденію, имѣть качества, и какъ я долженъ поступать по своему званію относительно къ ней и вообще впредъ? Ce que je vous dis, cela je dis dans le secret. Покорный вашъ священникъ и духовникъ.

Пажи за 183 года (1711—1894). Біографіи бывшихъ пажей съ портретами. Собралъ и издалъ О. Р. Фонъ-Фрейманъ. Г. Фридрихсгамнъ, типогр. Акціонернаго Общества и Народная. 1894—1897. Въ 4-ку. Девять выпусковъ; во всѣхъ 872 стр. (3515 пажей).

Это большею частью формулярные списки. Нѣкоторыя біографіи подробны и содержатъ въ себѣ немало новыхъ показаній. Множество портретовъ оживляютъ эту справочную книгу, которая очень полезна для занимающихся новѣйшею исторіей Россіи, такъ какъ многіе изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей получили образованіе въ Пажескомъ корпусѣ. Значительную часть этого изданія составляютъ біографіи и портреты лицъ, еще живыхъ и служащихъ до нынѣ. Многіе-ли изъ нихъ знаютъ, что при Екатеринѣ Великой у нихъ въ Корпусѣ преподавался Ново-Греческій языкъ... Пусть помнятъ про иронію судьбы, которая сказалась въ Декабрѣ 1877 г., когда сокровища султана перевозились на Малоазійскій берегъ, и, Цареградскія казармы очищались для помѣщенія Русскихъ войскъ! П. Б.

ПОПРАВКИ.

(Къ стр. 25 въ первомъ выпускѣ „Русскаго Архива" 1898 года).

Подъ строкою, вмѣсто *такъ въ подлинникѣ* надо: „такъ въ нашемъ спискѣ". Сохранившійся у насъ списокъ этотъ не имѣлъ я времени провѣрить съ подлинникомъ, и въ немъ сдѣлано важное опущеніе. Слѣдуетъ читать такъ: **Tout le parti français... s'employait près de la défunte Impératrice pour faire passer la Grande-Duchesse dans un couvent et l'y faire enfermer pour toujours.**

За указаніе на этотъ пропускъ я обязанъ В. А. Бильбасову. Я не успѣлъ до сихъ поръ заявить о томъ печатно, имѣя въ виду воспользоваться его любезною поправкой при изданіи нѣкоторыхъ другихъ бумагъ, привезенныхъ мною въ прошломъ году изъ Берлина для „Русскаго Архива". Что депеши Гольца (въ числѣ 27, какъ сказано въ частномъ письмѣ ко мнѣ В. А. Бильбасова и въ числѣ 11, какъ означено въ его замѣткѣ: „Два слова П. И. Бартеневу", въ 4-й книжкѣ „Русской Старины", нынѣшняго года), сообщены были автору „Исторіи Екатерины II-й" директоромъ Берлинскаго архива Зибелемъ еще въ 1889 году и напечатаны въ Петербургѣ въ прошломъ году, въ видѣ рукописи, мнѣ было неизвѣстно, и только на дняхъ В. А. Бильбасовъ одолжилъ меня доставленіемъ ихъ.

П. Бартеневъ.

*

Стр. 27-я вмѣсто *ныму* надо *пылу*.

Стр. 519-я вмѣсто *Семеновъ* надо *Сезёмовъ*.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія изданія по исторіи рода Максимовичей, въ предисловіи къ которому авторъ И. К. Максимовичъ, упоминая о нѣсколькихъ различныхъ родахъ, носящихъ фамилію Максимовичей, такъ говоритъ о цѣли своего изданія: „Къ какому же роду „Максимовичей“ принадлежитъ наша семья? Это вопросъ, на который къ сожалѣнію или, выражаясь вѣрнѣе, къ стыду, не всякій изъ членовъ юнаго поколѣнія нашей семьи и самъ можетъ себѣ дать отчетъ и другимъ обстоятельно отвѣчать. Предназначая этотъ Сборникъ исключительно для юнаго поколѣнія семьи, для новыхъ членовъ, вступающихъ въ семью и для будущаго нашего потомства, я имѣю лишь одну цѣль,—цѣль, основанную на искренно-сердечномъ желаніи показать имъ, кто были ихъ предки, дѣды и отцы; какого они были рода, какую вѣру они исповѣдывали; какому дѣлу служили и какую память о себѣ оставили“. И. К. Максимовичъ вполнѣ правъ, говоря „къ стыду“. Дѣйствительно, не стыдъ ли не знать, кто я, кто мои отецъ и дѣдъ? А многіе ли у насъ знаютъ свои родословія дальше дѣдовъ и тѣхъ только по имени, помня какъ звали отца по батюшкѣ. А родословныя нашихъ заводскихъ лошадей мы знаемъ чуть не до десятаго колѣна. Причина та, что лишній предокъ у лошади увеличитъ ея цѣну, а знаніе своихъ собственныхъ предковъ не дастъ ничего—это все такъ неинтересно и скучно. Мы прекрасно умѣемъ пользоваться вотчинами и привилегіями, которыя получили наши предки за службы царямъ; мы твердо знаемъ сколько въ этихъ вотчинахъ удобной земли и другихъ угодій, одно только мы забыли—это какъ звали того человѣка, отъ котораго мы получили эти вотчины и который получилъ ихъ, можетъ быть, за то, что дрался съ Ляхомъ или другимъ врагомъ земли Русской и послѣ этой борьбы вернулся во вновь пожалованную вотчину убогимъ калѣкой. До послѣдняго намъ нѣтъ дѣла. И неужели же въ этомъ нѣтъ стыда? Неужели же заповѣдь, повелѣвающая чтить отца и мать, подразумѣваетъ только время ихъ жизни, разрѣшая забыть ихъ послѣ того какъ надъ ними захлопнется гробовая крышка? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Родъ Максимовичей происходитъ отъ Максима Васильковскаго, жившаго въ половинѣ XVII вѣка въ Нѣжинѣ и имѣвшаго семерыхъ сыновей, писавшихся уже Максимовичами; старшій изъ нихъ Іоаннъ былъ Тобольскимъ митрополитомъ († 1715 г.). Авторъ даетъ біографію всѣхъ этихъ сыновей Максима и тутъ же сообщаетъ краткія данныя объ ихъ потомствѣ.

Л. М. Савеловъ.

26 Марта 98. Коротоякъ.

Православная церковь въ Финляндіи. Напечатано по распоряженію г. оберъ-прокурора св. Синода. С.-Петербургъ 1893. большая 8-ка. III, 166 и 47 стр.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

(Годъ 36-й).

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1891**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни. Для личныхъ объясненій съ издателемъ—по **Середамъ** въ тоже время.

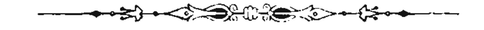
Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

6.



МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898.

Записки Петра Кононовича Менькова въ трехъ томахъ. Спб. 1898. I. Дунай и Нѣмцы (Восточный вопросъ 1853—1855). II. Дневникъ. III. Сборникъ статей. 470, 370 и 368 стр. въ 8—ку. Издалъ В. Березовскій.

Нѣкогда академикъ Шлёцеръ восхищался нашими лѣтописями и отдавалъ имъ предпочтеніе передъ хрониками Западной Европы. Вопреки всевозможнымъ неблагопріятнымъ условіямъ, обиліе лѣтописей у насъ изумительно, и эта любовь къ старинѣ, это желаніе передать потомству повѣсть протекшей жизни, не изсякли въ Россіи до временъ новѣйшихъ. Многіе дѣятели нынѣшняго столѣтія оставляли свои записки на храненіе въ учрежденія общественныя. Императорская Публичная Библіотека богата этими историографическими сокровищами. Немало ихъ и въ Москвѣ, какъ напр. Записки Ѳ. В. Чижова и барона А. И. Дельвига, положенныя на извѣстные сроки. Въ 1895 году истекъ срокъ оглашенію Записокъ П. К. Менькова, отданныхъ имъ Севастопольскому Музею, комитетъ котораго поручилъ изданіе ихъ подполковнику Заіончковскому. Однако время еще не успѣло произвести своего всепримиряющаго дѣйствія на человѣческія страсти, изображенныя въ этихъ Запискахъ, и нѣкоторыя мѣста ихъ не могутъ доселѣ появиться на свѣтъ Божій. Но вполнѣ достопамятнаго, живаго и въ высокой степени занимательнаго осталось вдоволь, и г-нъ Заіончковскій могъ бы даже, безъ ущерба дѣлу, опустить въ печати повторенія одного и того же.

Сынъ инвалиднаго начальника и городничаго въ Кашинѣ, П. К. Кононовъ родился 2 Іюня 1814 году. Благодаря покровительству А. П. Ермолова, онъ воспитался на казенный счетъ въ первомъ Кадетскомъ Корпусѣ и сдѣлался артиллеристомъ. Вся его жизнь († 9 Окт. 1875) прошла въ военномъ вѣдомствѣ, которое въ правѣ имъ гордиться. Это былъ настоящій Русскій воинъ, съ неизмѣнною заботою о солдатѣ, съ безграничною преданностью благу родины, съ забвеніемъ личныхъ выгодъ, съ широтою души, въ добавокъ трудолюбивый и отмѣнно даровитый. Подъ перомъ его встаютъ какъ живые князь Паскевичъ, князь М. Д. Горчаковъ, М. А. Офросимовъ и этотъ себялюбецъ Коцебу, котораго кости должны ворочаться въ гробу отъ Записокъ П. К. Менькова. Онъ преслѣдовалъ Менькова узнавъ, что его подвиги передаются потомству даровитымъ и зоркимъ офицеромъ; по счастію нашлась ему поддержка въ Д. А. Милютинѣ. Сбереженныя Меньковымъ письма разныхъ лицъ, напримѣръ князя В. И. Васильчикова представляютъ собою драгоцѣнность. Особенно любопытны также выдержки изъ Записокъ графа Д. Е. Остенъ Сакена.

П. Б.

*

Въ 1-й книгѣ „Русскаго Архива“ 1895 года помѣщена статья баронессы В. А. Лепель: „Е. П. Глѣбова-Стрѣшнева. Разсказы ея внучки“. Нынѣ старшая изъ дочерей этой внучки, княгиня Е. Ѳ. Глѣбова-Стрѣшнева-Шаховская придала внутреннюю связь и психологичѣскую послѣдовательность этимъ разсказамъ и напечатала въ особой книжкѣ превосходную біографію своей прабабушки, подъ заглавіемъ „Mon Aïeule“ (Paris, H. Oudin. 1898. мал. 8-ка, 195 стр.). Въ сжатомъ, художественномъ очеркѣ дадаровитой писательницы изображена достопамятная женщина XVIII вѣка. Это настоящая историческая картина. Не даромъ въ тотъ вѣкъ было у насъ четыре царицы и одна правительница государства: видно, властность возбуждаетъ къ подражанію. Намъ кажется, что въ біографіи этой упущено изъ виду воздѣйствіе предковъ. Бабка Елисаветы Петровны Глѣбовой - Стрѣшневой была князь-игуменьей во всешутѣйшемъ соборѣ

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

I.

Городъ Иваново-Вознесенскъ.

(Бывшее село Иваново, графа Шереметева).

Около 30 лѣтъ тому назадъ, „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ печатно заявлялъ желаніе помѣстить на своихъ страницахъ „любопытную памятную книгу почтеннаго Ивановскаго жителя А. Ф. Полушина“. Это доброе желаніе, по нѣкоторымъ причинамъ, не могло быть тогда исполнено, но оно заставило меня написать *Очеркъ начала и развитія ситцевой промышленности въ селѣ Ивановѣ и посадѣ Вознесенскомъ*. Въ этомъ очеркѣ я коснулся нѣкоторыхъ случаевъ, о которыхъ отмѣчено въ памятной книгѣ моего отца. „Очеркъ“ мой помѣщенъ въ журналѣ „Вѣстникъ промышленности“ 1861 года, изданіи И. К. Бабста и Ѳ. В. Чижова. Передавая нынѣ въ печать всѣ подлежащія оглашенію выписи изъ нашей семейной книги, въ которую вписывалъ свои замѣтки и сообщенія сначала мой дѣдъ, а затѣмъ отецъ, я убѣжденъ, что этимъ принесу извѣстную пользу и исполню справедливое желаніе многихъ. Для цѣльности въ чтеніи и полноты послѣдующихъ выводовъ въ будущемъ, я просто передаю въ хронологическомъ порядкѣ всѣ выписи *слово въ слово*, сохраняя особенность выраженій и построеніе рѣчи, при чемъ поясняю передаваемое, по мѣрѣ надобности, моими примѣчаніями.

Н. А. Полушинъ.

Выписи изъ памятной книги А. Ф. Полушина.

1751 годъ. Первая фабрика (ткацкая) въ селѣ Ивановѣ завелась у Григорія Бутримова, и ткали становъ на сто. И оный Григорій Бутримовъ по вотчинѣ былъ человѣкъ непослѣдній. У него былъ сынъ Иванъ, который умеръ прежде отца своего, и онъ Григорій Бутримовъ привезъ въ наслѣдники младенца Евсея изъ Москвы: якобы сынъ его Иванъ, бывши въ Москвѣ, женился и прижилъ онаго Евсея.

Григорій Бутримовъ былъ крестьяниномъ графа Шереметева, но, несмотря на свою крѣпостную зависимость, пользовался, какъ видно изъ „записи“, немалой свободой въ своихъ дѣйствіяхъ, чему способствовало, а мо-

жетъ быть и служило главной причиной то нравственное и матеріальное положеніе Бутримова, которое выражено словами записи: *„И оный Григорій Бутримовъ по вотчинѣ былъ человѣкъ непослѣдній“.* Эта благопріятная для Бутримова исключительность, безъ сомнѣнія, и дала ему возможность привезти изъ Москвы младенца Евсея и объявить его своимъ наслѣдникомъ. Дальнѣйшая судьба Евсея неизвѣстна. Знаемъ только, что въ настоящее время среди ткацкихъ фабрикантовъ города Иванова-Вознесенска фамиліи „Бутримовыхъ“ не существуетъ. Хотя въ „записи“ и не указано, какого рода тканье производилось на станахъ фабриканта Бутримова, холстъ или миткаль (такъ какъ иного производства кромѣ этихъ двухъ родовъ тканья въ нашей мѣстности не было и нѣтъ), но можно съ большой вѣроятностью допустить что Бутримовъ работалъ и то и другое. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что выработанныя Бутримовымъ ткани шли, по разсказамъ старожиловъ Иванова, подъ „выбойку“, которая, какъ извѣстно, производилась сначала на холстѣ, затѣмъ вскорѣ перешла и на миткаль.

1751 годъ. Завелъ вторую фабрику Иванъ Ивановъ Грачевъ; было у него становъ ста три.

Грачевъ, Бутримовъ, равно и всѣ послѣдующіе піонеры фабричной и торговой дѣятельности нашего края, были крестьяне графа Шереметева. Долгъ справедливости и чувство глубокаго уваженія къ свѣтлой личности умершаго владѣльца села Иванова заставляютъ сказать, что такое быстрое и замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ развитіе хлопчато-бумажной промышленности и торговли, какое совершилось и упрочилось въ нашемъ краю во времена крѣпостнаго права, было возможно только при тѣхъ въ высшей степени гуманныхъ отношеніяхъ, какія существовали у графа Шереметева къ своимъ крестьянамъ. Въ послѣдствіи бывали нѣкоторые случаи, шедшіе какъ бы въ разрѣзъ съ нашимъ воззрѣніемъ, но это мнимое несогласіе уничтожается, какъ скоро мы вспомнимъ, что не всѣ распоряженія и другія административныя дѣйствія главной конторы графа Шереметева, управлявшей его многочисленными имѣніями, заключали въ себѣ *личную волю* графа и даже были ему извѣстны.

1766 годъ. При выборныхъ Иванѣ Гандуринѣ и Иванѣ Гарелинѣ раздѣлили въ близости села Иванова пахотную землю... и сѣнные покосы *повытно.*

Вытью назывался участокъ земли мѣрою 19 десят. 2010 саж. Такъ ли это было въ данномъ случаѣ, намъ неизвѣстно; изъ приведенной „выписи“ видно, что Ивановцы въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ держались *вытной* системы, самое широкое примѣненіе которой господствовало въ Рязанской и Новгородской губерніяхъ. Здѣсь должно упомянуть, что хлѣбопашество и вообще сельское хозяйство Ивановцевъ было далеко не въ цвѣтущемъ положеніи: этотъ умный и предпріимчивый народъ былъ плохой пахарь. Ткацкій ста-

нокъ, рѣзьба на деревѣ и набивка ткани фантастическими узорами какъ-то не уживались съ простотою пашни и покоса.

Точки, поставленныя мною въ этой „выписи", означаютъ неразобранное мною слово.

1766 годъ. Была рожь цѣною 2 рубли 60 коп. четверть, государственная.

1767 годъ. Генваря 26. Возили (крестьянъ) въ Москву для отдачи въ рекруты по мірскому приговору и по указу графскому.

Какъ извѣстно, въ прежнее старое время эта мѣра частной администраціи примѣнялась, какъ со стороны обществъ, такъ и со стороны помѣщика, къ наиболѣе порочнымъ членамъ крестьянскаго общества и служила, такъ сказать, предохранительнымъ клапаномъ общественной безопасности и спокойствія. Разумѣется, наше примѣчаніе отнюдь не касается нравственной оцѣнки этой мѣры.

1767 годъ. Февраль 1. Цѣна ржи 2 руб. 80 коп. Овесъ 1 руб. 8 коп. Пшено 4 руб. 40 к. Крупа 2 руб. 60 коп. Горохъ 2 р. 60 коп. Конопляное сѣмя 2 руб. 60 коп. четверть.

1768 годъ. Май. По указу *ихъ сіятельствъ* брали съ дѣвокъ (оброкъ) пряжей: съ 18 до 20 лѣтъ 3 фунта, съ д. 20 до 25 лѣтъ 5 фунтовъ, съ 25 до 30 лѣтъ по 10 фунтовъ или деньги, за каждый фунтъ 20 копѣекъ.

1768 годъ. Мартъ 27. По смерти графини Варвары Алексѣевны по духовному ея завѣщанію отказано было село Павлово дочери ея Аннѣ Петровнѣ, которая была просватана за господина Панина, и Павлово отошло бы въ приданое, то графъ въ сыновнину вотчину, наше село Иваново, велѣлъ вывести слесарныхъ мастеровъ 6 семей, коихъ въ Павловѣ много; но по власти Божіей, графиня Анна Петровна, сосватанная, скончалась, и оныя семьи возвращены обратно въ Павлово.

Здѣсь говорится о генералѣ - аншефѣ, оберъ - камергерѣ императора Петра III, графѣ Петрѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, умершемъ въ 1788 году. Село Павлово находится въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи и славится фабрикаціей стальныхъ издѣлій.

1774 годъ. Ноябрь 21. Нашли убитыхъ у кабака: Ивана Лоскутова и Михаила Нефедова, а кѣмъ убиты, неизвѣстно.

Убійства и грабежи случались въ Ивановѣ довольно часто и, не ослабѣвая, продолжались до болѣе позднѣйшихъ годовъ, что̀ и вынудило Ива-

новцевъ сформировать собственную полицію изъ коренныхъ жителей села и дать имъ, по возможности, правильную организацію, съ чѣмъ мы познакомимся изъ послѣдующихъ выписей. Учрежденіе изъ своей среды охранителей порядка нельзя не отмѣтить, какъ явленіе, вытекавшее изъ желанія *обособить* жизнь своего родного гнѣзда и *упорядочить* ее безъ вмѣшательства и вліянія *чуждыхъ пришельцевъ*, которыхъ, кстати сказать, коренные Ивановцы и донынѣ называютъ *„натёками“*.

1775 годъ. Августа 21. Выгорѣло село Иваново *отъ Якова Сорычева*(?) Сгорѣло домовъ съ 400, а именно: сгорѣли улицы *Широкая*, *Кабацкая*, двѣ площади: большая и малая, двѣ голявы(?)—тожъ большая и малая; улицы: *Московская*, *Прислониха*, *Панская* и *Пахотная* за оврагомъ, *Посикуша* и ряды и многія лавки съ товаромъ, и два кабака; людей лишилось жизни 3 человѣка женскаго пола. Сгорѣла и часть овиновъ съ хлѣбными стогами и часть кузницъ, *приказная изба со всѣми дѣлами*; наипаче всего (здѣсь слово «наипаче» употреблено, какъ выраженіе сильнѣйшаго сожалѣнія) двѣ церкви: первая, деревянная «Воздвиженіе Честнаго Креста» съ придѣломъ «Іоанна Богослова», а вторая, каменная «Рождества Христова», съ придѣломъ «Парасковеи», нареченной «Пятницы»; только сгорѣли главы и верхъ, а въ ней (т. е. въ церкви), Божіей милостію, осталось сохранно; а въ колокольнѣ сгорѣли полы, колокола попадали и растопились; а церковь «Воздвиженія» стояла 73 года: была построена послѣ большаго пожара, бывшаго въ 1699 г.

Жестокія стихійныя бѣдствія, словно воинствующія полчища темной и злой силы, то и дѣло становились на пути нравственнаго и экономическаго развитія Ивановцевъ и причиняли имъ такіе громадные ущербы, которые для людей иного жизненнаго склада могли бы быть неотразимыми ударами рока, кладущаго свою огненную печать разрушенія на все созданное тяжкими усиліями людей, и такимъ образомъ убивающаго не только видимыя послѣдствія труда, но и отравляющаго источники, питавшіе этотъ трудъ: силу и энергію. Но въ глазахъ Ивановцевъ того времени эти бѣдствія были не болѣе какъ испытаніе Божіе, какъ отеческое наказаніе согрѣшившему сыну, который долженъ исправиться, вѣрить въ милосердіе Господа и опять работать въ потѣ лица своего. Сколько энергіи, вѣры и терпѣнія явили намъ здѣсь наши предки, эти гиганты труда, завоевавшіе себѣ то блаженное состояніе, которое давало имъ и „сапоги на нозѣ и перстень на руку“.

1776 годъ. Генваря 31. Покупали муку пшеничную по 53 коп., а ржаную по 33 копѣйки пудъ.

1776 годъ. Въ Мартѣ. Стараніемъ Дмитрія Кокина привезенъ изъ Московской домовой канцеляріи указъ, что погорѣлыя лавочныя

мѣста и всей площади сборъ отдать на церковь, а не владѣть никому изъ крестьянъ.

Эта запись свидѣтельствуетъ, что указъ домовой графской канцеляріи былъ выданъ согласно желанію крестьянъ села Иванова и по ихъ собственному почину. Эта черта общественнаго настроенія Ивановцевъ, первой заботой которыхъ послѣ страшнаго пожара 1775 года было возстановленіе сгорѣвшаго храма, указываетъ на ту душевную силу, съ помощью которой простыя деревушки дѣлаются Русскими Манчестерами. При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ Ивановцевъ принадлежали къ такъ называемой *старой вѣрѣ*; но этотъ религіозный туманъ не имѣлъ никакого вліянія на частныя и общественныя дѣла Ивановскихъ крестьянъ и годъ отъ году терялъ свое слабое для Ивановцевъ значеніе.

1778 годъ. Май. Покупалась ржаная мука по 18 коп. пудъ, а пшеничную покупали по 35 копѣекъ пудъ.

1781 годъ. Августъ 20. Учинился пожаръ отъ *варенія красокъ* у Михаила Иванова Полушина въ улицѣ *Мастерской*, отчего сгорѣло домовъ съ десять.

Эта запись представляетъ большую цѣнность для будущаго изслѣдователя начала кустарныхъ производствъ въ Россіи. Она показываетъ, что ситцевая фабрикація въ селѣ Ивановѣ существуетъ не менѣе 150 лѣтъ: въ 1781 году, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, въ Ивановѣ *варили краски* и существовала цѣлая улица, носящая названіе „Мастерской", которая не могла явиться съ быстротою дождевого гриба, а формировалась десятками лѣтъ. „Составы" или, такъ называемые „секреты" красокъ Ивановцы принесли изъ Шлиссельбурга, гдѣ на ситцевыхъ фабрикахъ они работали въ качествѣ простыхъ рабочихъ.

1781 годъ. Маія 27. Было заложеніе церкви «Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня» съ придѣлами «Іоанна Богослова» и «Николая Чудотворца». Бутъ бутить (начали). А рядили скласть цѣною 2800 рублей. Еще обѣщали сто рублей прибавить.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія свѣдѣніе о цѣнѣ на каменныя работы того времени. Жаль, что настоящее сообщеніе слишкомъ кратко.

1781 годъ. Іюня 20. Учинился пожаръ днемъ, во время *фабричной* гулянки, въ пятомъ часу за полдень въ улицѣ «Негорѣлой»; сгорѣло до 48 домовъ.

Въ теченіе 28 лѣтъ (1753—1781) улица „Негорѣлая" горитъ три раза и теряетъ въ сложности 204 дома. Гулянка, во время которой произошелъ пожаръ, названа *„фабричной"*. Это выраженіе подтверждаетъ наше замѣча-

ніе о давности начала ситцеваго производства въ селѣ Ивановѣ. *Ткацкія фабрики были чуть ли не послѣдствіями ситценабивнаго производства и явились какъ извѣстный результатъ экономическаго расчета.*

1781 годъ. Іюня 28. Еще второй пожаръ случился чрезъ семь дней: загорѣлось за «Широкой» улицей, въ «Линіи», въ домѣ Семена Сорычева и метало (искры) въ разныя мѣста, и выгорѣло улицъ до девяти или 10-ти, домовъ сгорѣло до 260 или болѣе, въ (одинъ) день.

1793 годъ. Іюня 10. Случился пожаръ въ Воскресенье, въ Погорѣлочную гулянку, отъ Дмитрія Голованова, который жилъ въ улицѣ «Линіи», и сгорѣло съ полъ-села или болѣе, до 500 домовъ. Прошло срединою села до Ямановскаго завода.

Погорѣлочная гулянка получила свое названіе отъ мельницы Погорѣлки, вблизи которой и устраивались сельскія гулянья. Пожаръ начался въ „линіи", т. е. въ томъ ряду домовъ, который не получилъ офиціальнаго названія, дѣлающаго его „улицей". Хотя между Ивановцами слово „Линія" допускалось какъ названіе улицы, но это дѣлалось исключительно для достиженія болѣе пояснительнаго указанія. Упоминаемый въ этой „записи" Ямановскій заводъ принадлежалъ богатѣйшему ситцевому фабриканту того времени, крестьянину Ямановскому, богатство котораго создало среди Ивановцевъ сравнительное выраженіе: „Богатъ, какъ толстый Яманъ!" Этотъ „толстый Яманъ" имѣлъ своихъ собственныхъ *крѣпостныхъ* людей. Такое прибавленіе новыхъ петель къ Гордіеву узлу составляло въ Ивановѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, очень обыкновенное явленіе, не порождавшее никакой аномаліи въ отношеніяхъ между дворяниномъ-помѣщикомъ и его полугосподами-крестьянами. Въ доказательство дѣйствительнаго существованія „купли" въ свою собственность крестьянами крестьянъ приведу здѣсь изъ той же памятной книги моего отца двѣ семейныя записи, не предназначенныя для печати: „1818 годъ Февраль 28, на 1-е Марта, въ ночи, скончалась *купленная мною* въ 1815 году женщина Катерина Александрова".—1821 года. Августа 23, скончалась старушка, моя няня Матрена Назарьевна, *купленная наша; схоронена въ бору,* подлѣ отца моего". Купившій Матрену Назарьевну въ няни къ отцу моему дѣдъ мой Филиппъ Ивановичъ Полушинъ принадлежалъ къ послѣдователямъ такъ называемаго „Спасова Согласія"; члены этого духовнаго общества имѣли въ Ивановѣ свое особое кладбище *въ бору,* гдѣ и хоронили своихъ усопшихъ собратій. Предокъ мой былъ, по выраженію того времени, „человѣкъ книжный" и пользовался общимъ уваженіемъ крестьянъ какъ за свою „начитанность", такъ и за строгій образъ жизни. По смерти отца моего осталась весьма цѣнная библіотека, состоявшая изъ 2000 томовъ различныхъ книгъ, между которыми были толстые фоліанты духовнаго содержанія, писанные *отъ доски до доски* рукою моего дѣда.

1809 годъ. Сентября 12. Строена *работная. Перестраивана.*

„Работной" называлось зданіе, въ которомъ работали ситецъ. Предки мои были ситцевые фабриканты; а отецъ мой, кромѣ ситцевой фабрики, имѣлъ еще и химическій заводъ. Какъ *перестройка* работной въ 1809 году, такъ и свидѣтельство „записи" 1781 года о „вареніи красокъ Михаиломъ Ивановымъ Полушинымъ" указываютъ, что въ мануфактурномъ развитіи села Иванова фамилія Полушиныхъ принимала дѣятельное участіе въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ. Въ настоящее время представителемъ фабричной дѣятельности нашей фамиліи является племянникъ мой И. М. Полушинъ.

1810 годъ. Былъ прикащикъ (т. е. былъ приказникомъ или управляющимъ с. Иванова) Николай Родіоновъ; выборный—Иванъ Бабуринъ; полицеймейстеръ—Дмитрій Полушинъ; помощникъ (полицеймейстера) Варлаамъ Бубновъ.

Этотъ списокъ властей Ивановской крѣпостной администраціи подтверждаетъ наше мнѣніе о крайномъ отвращеніи Ивановцевъ къ тѣмъ чуждымъ имъ пришельцамъ, которые были бы не прочь наградить коренныхъ жителей своимъ вмѣшательствомъ въ ихъ общественныя дѣла. Хотя изъ послѣдующихъ записей мы и увидимъ въ должностяхъ прикащиковъ или управляющихъ Ивановской вотчиной людей, не принадлежавшихъ къ коренному составу мѣстнаго населенія и не связанныхъ своими интересами, въ смыслѣ общности промышленныхъ стремленій, съ экономическимъ развитіемъ села; но это нисколько не помѣшало Ивановцамъ ввести для необходимаго равновѣсія въ административное управленіе вотчиной и свой родной элементъ, ежегодно составляемый изъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ своей энергіей и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Всѣ данныя, касающіяся самоуправленія крестьянъ села Иванова мы относимъ къ весьма важнымъ свѣдѣніямъ, стоящимъ на ряду съ крупными, выдающимися лѣтописными фактами нашего отечества, а потому считаемъ себя обязанными прослѣдить всѣ измѣненія, почему либо появляющіяся въ административномъ устройствѣ крестьянъ села Иванова, которое въ данномъ случаѣ является чуть-ли не единственнымъ источникомъ, дающимъ цѣнные факты изъ жизни крѣпостныхъ крестьянъ.

1811 годъ. Сентябрь и Октябрь. Было солдатство (наборъ) со 125 (т. е. одинъ рекрутъ со 125 человѣкъ или 8 съ тысячи). И брали 2000 рублей за квитанцію деньгами.

1812 годъ. Апрѣль и Май. Было солдатство съ 250 (т. е. 4 человѣка съ тысячи), въ которое, въ первый разъ въ моей жизни, отданы очередные: Федосей Шаровъ и прочіе.

„Очередныхъ" лицъ Ивановцы оберегали и по возможности отдаляли отъ нихъ исполненіе роковой участи, замѣняя ихъ во время набора дру-

гими лицами, ранѣе намѣченными обществомъ. Такой порядокъ мы видимъ изъ записи 1767 года, Января 26.

1812 годъ. Былъ прикащикъ *его благородіе* Лазарь Мокеичъ Серебряковъ; выборный—Алексѣй Постниковъ; полицеймейстеръ—Иванъ Усовъ; помощникъ—Назаръ Кокинъ.

Видимое здѣсь измѣненіе въ управленіи селомъ Ивановымъ произошло по распоряженію Московской конторы графа Шереметева. Назначеніе Серебрякова управлять общественными дѣлами не могло быть особенно пріятно Ивановцамъ, привыкшимъ видѣть въ должности прикащика кого-либо *изъ своихъ*; но, покоряясь этому распоряженію, они все-таки сохранили за собой право выбора на всѣ остальныя должности, которыя и замѣстили своими выборными изъ крестьянъ.

1813 годъ. Былъ прикащикомъ Иванъ Иванычъ ***Нѣмецъ***; выборнымъ—Василій Иванычъ Кубасовъ; полицеймейстеромъ—Михаилъ Григорьевичъ Полушинъ; помощникомъ—Петръ Васильевичъ Бурылинъ.

Назначенный графской конторой управляющій Серебряковъ что-то не поладилъ съ выборными и былъ вскорѣ уволенъ отъ должности, которую занималъ не болѣе года. На его мѣсто контора назначила какого-то Нѣмца Ивана Ивановича, фамилія коего такъ и осталась неизвѣстной. Нельзя не замѣтить, что въ дѣлахъ общественнаго управленія Ивановцы ежегодно мѣняли своихъ выборныхъ. Такое частое обновленіе состава выборныхъ не имѣетъ никакого отношенія къ критической оцѣнкѣ ихъ дѣятельности, а является только исполненіемъ разъ на всегда принятаго плана, сущность котораго есть результатъ слѣдующаго соображенія. Выбирая на общественныя должности лицъ, имѣющихъ свои значительныя торговыя и фабричныя дѣла, не должно удерживать ихъ на общественной службѣ *болѣе одного года,* въ рѣдкихъ случаяхъ *двухъ лѣтъ*, дабы не повредить ихъ фабричной дѣятельности, требующей, какъ извѣстно, личнаго внимательнаго участія самого фабриканта. Только при соблюденіи этого разумнаго условія составъ выборныхъ на общественной службѣ Иванова и могъ являть собой строго подобранный рядъ честныхъ, энергичныхъ и самостоятельныхъ дѣятелей, охотно идущихъ на непродолжительную службу. Упоминаемые въ этой записи выборные: Кубасовъ, Полушинъ и Бурылинъ имѣли въ Ивановѣ свои ситцевыя фабрики. „Кубасовскіе ситцы" были извѣстны и въ Москвѣ и занимали въ свое время такое же почетное положеніе, какое имѣетъ нынѣ *пунцовый товаръ* Баранова.

1813 годъ. Ноябрь. Было солдатство съ 242 душъ-рекрутъ, а сдавали лошадьми: 4, 5 и 6 лошадей за рекрута; 4 лошади 2 аршина, 2 вершка; вторыя—2 аршина, 1 вершокъ, а третьи—2 аршина (т. е. число лошадей, замѣняющихъ рекрута, было опредѣлено сообразно ихъ

извѣстному достоинству). А на покупъ сихъ лошадей брали деньги: съ *одинцовъ и двойниковъ*, и съ меня взяли 500 рублей. Абрамъ Полушинъ.

1815 годъ. Складена церковь у Покрова въ оградѣ, на мѣстѣ деревянной, перенесенной на кладбище иждивеніемъ Ивана и Ермолая Гандуриныхъ. (Оба Ивановскіе жители).

1815 годъ. Выбранъ (А. Ф. Полушинъ) отъ вотчины для покупки квитанцій (рекрутскихъ), которыя и покупались по 3500 рублей и по 4000 и болѣе.

1815 годъ. Ноябрь. Былъ (я) *отдатчикомъ* рекрутъ; отдавалъ (сдавалъ) бывшее въ это время солдатство съ пяти сотъ по рекруту, и въ тоже время (т. е. въ этотъ же наборъ) было солдатство *уравнительное*: первая треть вмѣсто возвратившагося ополченія, бывшаго (въ) 1812 г.

1815 годъ. Куплена мною земля у Константина Дунаева рядомъ съ нашей за 425 рублей. Еще пошлинъ отдано 21 руб. 25 коп.

Въ настоящей „записи“ не показано количество купленной земли, почему и нельзя опредѣлить существовавшую тогда цѣнность земельныхъ участковъ. Дальнѣйшія записи удостовѣряютъ, что цѣны на землю въ селѣ Ивановѣ, не смотря на его экономическое развитіе, были не высокія. Причину тому должно искать въ томъ положеніи Ивановцевъ, которое, не смотря на сравнительную свободу дѣйствій, не могло не порождать нѣкоторыхъ опасеній. Какъ бы ни были плодотворны по своему существу стремленія Ивановцевъ, но безъ личной и имущественной свободы дѣятелей эти стремленія, какъ заключенныя въ извѣстномъ кругу, за черту котораго можно было переноситься только мыслію, не могли развиться до своего естественнаго роста.

1816 годъ. Складены каменныя лавки или гостинный дворъ противъ церкви Рождества Христова.

1816 годъ. Іюня 29. Утонулъ мальчикъ Ѳедоръ у Петра Аѳонасьевича Зубкова (т. е. сынъ Петра Аѳонасьевича Зубкова) семи лѣтъ у мельницы Погорѣлки, однако, Божію милостію, откачали.

Этотъ мальчикъ Ѳедоръ, возвращенный къ жизни самымъ первобытнымъ способомъ, былъ впослѣдствіи извѣстнѣйшимъ ситцевымъ фабрикантомъ въ Россіи. Вмѣстѣ съ отличнымъ знаніемъ своего мануфактурнаго дѣла, поставленнаго имъ, благодаря умѣлому сношенію съ иностранцами, на высшую степень развитія, Ѳедоръ Петровичъ Зубковъ отличался высокими гуманными чувствами, примѣрной честностію и такимъ свѣтлымъ и широ-

кимъ умомъ, что могъ бы занять непослѣднее мѣсто въ ряду замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ настоящее время ситцевая фабрика, устроенная Ѳ. П. Зубковымъ, принадлежитъ его внукамъ.

1816 годъ. Мая 10. Строенъ сарай и перестроена задняя изба цѣною за 110 рублей; еще прибавлено 20 руб.

Плотничьи работы всегда цѣнились въ Ивановѣ очень дорого, и приводимыя въ „записи“ цифры за постройку обыкновеннаго крестьянскаго сарая и поправку избы, гдѣ помѣщались фабричные рабочіе, достаточно говорятъ о цѣнности плотничьихъ работъ. Собственно въ Ивановѣ плотниковъ не было, и Ивановцы этого ремесла не знали; плотничьи артели приходили на заработки изъ Покровскаго уѣзда и частію изъ г. Плёса, Костромской губерніи. Хотя въ указанное время въ селѣ Ивановѣ уже существовали частныя каменныя постройки, но Ивановцы приступали къ нимъ весьма недовѣрчиво и не только свои дома, но и фабрики строили деревянныя. Имѣя въ виду одну желанную цѣль—выкупиться на волю, Ивановскіе фабриканты опасались, чтобы построенные ими каменные дома и фабрики не усложнили давно задуманнаго дѣла, что̀ впослѣдствіи частію и оправдалось.

1816 годъ. Іюля съ 2-е на 3-е число. Въ ночи выгорѣло село Писцово: сгорѣло 426 домовъ. Еще того же лѣта и того же Іюля 24 дня, то-есть чрезъ 21 день (отъ перваго пожара) выгорѣло оставшее, да дровъ около 100 (саженъ). Сгорѣли: Тюринъ и Рыскинъ, за коими у меня денегъ болѣе 10,000 рублей.

Сосѣдство такого мануфактурнаго и промышленнаго центра, какъ Иваново, не могло не имѣть благотворнаго въ экономическомъ отношеніи вліянія на тѣ мѣстности, которыя составляютъ линію губернской границы. Города: Кинешма, Нерехта, и села: Писцово, Лежнево, Середа, Вичуга, Михалково и многія другія вошли такъ или иначе въ сферу экономическихъ интересовъ Иванова; а потому пожаръ села Писцова, равно какъ и другіе пожары пограничныхъ съ Ивановомъ селъ должны быть разсматриваемы, какъ причины, имѣвшія вліяніе на развитіе ситцеваго производства нашего края.

1816 годъ. Ноябрь и Декабрь. Было доимочное солдатство, послѣднія двѣ трети (смотри «запись» 1815 г. Ноябрь) вмѣсто возвратившагося ополченія, бывшаго въ 1812 году, кто какъ пожелаетъ: ставить людьми или деньгами (платить) по двѣ тысячи за рекрута. *Ивановскіе всѣ* (т. е. всѣ Ивановскіе жители) *отдали деньгами.*

„Запись“ эта даетъ намъ замѣчательное свидѣтельство о той плотной сомкнутости въ одинъ строго охраняемый кружокъ богатыхъ и бѣдныхъ членовъ крестьянскаго общества села Иванова. Надо помнить, что не одни *богатые* крестьяне должны были ставить рекрутъ, но и *бѣдные*, для которыхъ

2000 рублей, платимыхъ вмѣсто рекрута, составляли такую внушительную сумму, что они не смѣли и помышлять о ней. Съ другой стороны нельзя допустить, чтобы всѣ безъ исключенія Ивановскіе жители были богачи, и каждый изъ нихъ, не прибѣгая къ помощи другого, могъ располагать тысячами рублей, не стѣсняя своего собственнаго экономическаго положенія. Ивановцы составляли изъ себя такое тѣсно-сплоченное общество, которое, по извѣстнымъ причинамъ, не желало терять ни одной своей, даже самой ничтожной, лишь бы не явно порочной, единицы, доколѣ эта единица сама собой не оставляла своего мѣста. Весьма желательно, чтобы сообщаемый этой „записью“ фактъ обратилъ на себя вниманіе такихъ знатоковъ политико-экономической жизни нашего народа, какъ достойнѣйшіе писатели наши К. П. Побѣдоносцевъ и И. И. Янжулъ.

1817 годъ. Іюля 30. Въ первый разъ ѣздилъ я въ Макарьевскую ярмарку, которая переведена отъ Макарья въ Нижній-Новгородъ, *по сю сторону Оки*, на Стрѣлкѣ, по причинѣ сгорѣвшаго у Макарья гостиннаго двора въ прошломъ 1816 году, послѣ ярмарки, въ Августѣ мѣсяцѣ, неизвѣстно отчего.

Хотя въ „записяхъ“ и нѣтъ прямого указанія времени, когда Ивановскіе фабриканты стали ѣздить съ своими товарами на ярмарки, но по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что ярмарочная торговля, какъ вѣрнѣйшее средство къ болѣе быстрому развитію фабричной дѣятельности, была у Ивановцевъ въ числѣ мѣръ, стоящихъ на первомъ планѣ. Мнѣ извѣстно изъ разсказовъ старожиловъ, что задолго до 1817 года ситцевые фабриканты села Иванова ходили *пѣшкомъ* на нѣкоторыя ближайшія сельскія ярмарки, при чемъ свой товаръ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кусковъ выработаннаго ими ситца, *везли сами въ ручныхъ телѣжкахъ*. Въ 1817 году Ивановскіе фабриканты не только имѣли значительную торговлю съ Москвой и ѣздили на ярмарки въ Ростовъ и Нижній-Новгородъ, но посѣщали и такія дальнія окраины, какъ Симбирская губернія, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись, не вошедшая въ хронологическій порядокъ статьи: „1817 г., Мая съ 5-го на 6-е Василій Антоновъ Грачевъ (ситцевый фабрикантъ села Иванова) кончилъ свою жизнь дорогою въ Корсунь“. Ярмарка въ Корсунѣ (Симбирской губерніи) бываетъ съ 10-го по 25 Мая. Сопоставляя эти числа съ числами „записи“ о смерти Грачева, видимъ, что послѣдній имѣлъ цѣлью своей поѣздки Корсуньскую ярмарку.

1817 годъ. Заведена здѣсь сельская полиція управляющимъ Гофманомъ, состоящая изъ полицеймейстера, брантмейстера надъ пожарными инструментами, двоихъ частныхъ (приставовъ) и восьми человѣкъ квартальныхъ; первые четверо—благородные, а послѣдніе восемь отставные солдаты.

Это нововведеніе, придуманное управляющимъ Гофманомъ, отстраняло коренныхъ Ивановцевъ отъ личнаго участія въ полицейскомъ управленіи

селомъ Ивановымъ и вносило въ ихъ общественную жизнь не совсѣмъ сродный имъ городской характеръ. Насаждая эти сѣмена на крестьянской почвѣ и желая окультивировать ее полицейскими формами, управляющій Гофманъ нарядилъ, по разсказамъ старыхъ людей, всѣхъ новыхъ полицейскихъ чиновъ въ *треугольныя шляпы* и вооружилъ ихъ *шпагами*, что окончательно поставило мѣстное населеніе въ крайне-враждебное отношеніе къ полицейскимъ властямъ и такъ обострило ихъ неизбѣжныя сношенія, что вскорѣ послѣ сформированія новой полиціи нашли одного *квартальнаго* убитымъ и посаженнымъ *въ своей полной формѣ и со шпагою въ рукѣ* на уличной лавочкѣ его квартиры. Общее неудовольствіе росло все болѣе и болѣе, и наконецъ, послѣ 1820 года, вынудило кого слѣдуетъ упразднить весь составъ полиціи и назначить въ селѣ Ивановѣ постоянную квартиру становаго пристава.

1818 годъ. Февраля 28. Куплена мною «заварка» на рѣкѣ «Уводи», близъ мельницы Погорѣлки, у Михайла Родіонова Мякотина, цѣною за 50 рублей, которую я на томъ же мѣстѣ сдѣлалъ совсѣмъ новую въ Маѣ мѣсяцѣ.

„Заваркой" называлось, да и теперь называется, фабричное зданіе, въ которомъ находились котлы (нынѣ, при общемъ употребленіи пара, замѣненные деревянными ваннами) для *завариванія* ситцевъ въ крапѣ или гарансинѣ, что, какъ извѣстно, даетъ наложеннымъ на миткаль краскамъ прочность, т. е. несмываемость. Этой записью доказывается, что Ивановскіе фабриканты въ самомъ началѣ своего ситцеваго производства работали преимущественно *заварной* товаръ. Съ примѣненіемъ къ ситцевому производству пара многія фабрики сократили выработку *заварнаго* товара и стали производить болѣе *запарной* ситецъ, не имѣющій прочности красокъ, за то дающій фабриканту огромную экономію въ производствѣ. Этотъ *линючій* товаръ, отличаясь отъ *заварного*, т. е. *нелинючаго*, дешевизной своего производства и яркостью колеровъ, принесъ Ивановскимъ фабрикантамъ большія матеріальныя выгоды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на столько поколебалъ довѣріе къ доброкачественности мѣстныхъ мануфактурныхъ издѣлій, что даже до настоящаго времени Ивановскіе ситцы пользуются весьма сомнительной репутаціей, хотя современное ситцевое производство Иванова-Вознесенска заслуживаетъ лучшаго отношенія.

1818 годъ. Мартъ. Куплены мною домъ и земля послѣ покойнаго дяди моего Василія Ивановича Полушина цѣною за четыре тысячи рублей. (Домъ находится) близъ церкви «Рождества Христова».

Покупки Ивановскими крестьянами домовъ и земель оказались впослѣдствіи весьма крупными экономическими ошибками: при послѣдующихъ выкупахъ на свободу Ивановскіе крестьяне должны были вторично платить графской конторѣ за свои дома, какъ пріобрѣтенные за наличныя деньги у

другихъ крестьянъ, такъ и за выстроенные на свои средства; въ противномъ случаѣ сказанные дома и земли отбирались при выкупѣ и передавались въ пользу вотчины. Такимъ образомъ крестьянинъ выходилъ на волю безъ всякой недвижимой собственности. Благодаря этому порядку, мой отецъ оставилъ въ пользу общества свою ситценабивную каменную фабрику и двухъэтажный домъ, тоже каменный, съ большимъ количествомъ земли и множествомъ надворныхъ построекъ. Но нѣтъ худа безъ добра. Безземельные, но свободные крестьяне кинулись покупать земли въ деревнѣ Иконниковой и въ пустоши Дмитріевской, гдѣ построили себѣ новые дома и фабрики. Такимъ образомъ положено было основаніе посаду Вознесенскому и слободѣ Дмитровкѣ, вошедшей въ составъ послѣдняго.

1818 годъ. Май. Съ 10-го на 11-е въ полночь, случился пожаръ: выгорѣла улица за оврагомъ, къ заводу Ямановскаго, называемая «Новая», сгорѣло 13 дворовъ; которую (т. е. улицу) первую *по указу выстроили*: по два двора въ рядъ и проулокъ (съ проулкомъ) въ 12 саженъ.

Частые и опустошительные пожары въ селѣ Ивановѣ вынудили контору графа Шереметева выработать обязательныя строительныя правила, которыя и были объявлены Ивановцамъ особымъ „указомъ“. Но эта предохранительная мѣра мало помогла дѣлу, и Иваново продолжало часто горѣть.

1818 годъ. Мая. Выгорѣло село, Середа называемое, осталось дворовъ . . . . .

„Запись“ не окончена. Село Середа (Костромской губ.) постоянно находилось въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ Ивановымъ, хотя и не имѣло большого значенія для производительности послѣдняго. Но никакъ не должно забывать, что всѣ лежащія окрестъ Иванова села, деревни и деревушки были тѣ маленькіе ручейки, которые, впадая въ одинъ общій бассейнъ, увеличивали его разливъ и, благодаря этому избытку, въ свою очередь питались его водами и даже сами дѣлались многоводными и обильными рѣками. Доказательствомъ сего могутъ служить села: Писцево, Лежнево, Кохма, Вичуга и другія.

1818 годъ. Май. Построена деревянная работная (фабрика) и нарублены сушила (зданіе для просушки и провѣтриванія ситца).

1818 годъ. Май и Іюнь. Былъ я выбранъ повѣрять ревизію (ревизскія сказки) съ товарищемъ Семеномъ Ѳедоровымъ Черновымъ.

Ревизія была въ 1811 году. Число жителей села Иванова не превышало 3.000 человѣкъ; въ 60-хъ годахъ доходило до 6.000, въ настоящее время въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ числится осѣдлыхъ жителей около 12.000 человѣкъ. Пришлыя рабочія силы, наполняющія Иваново и его окрестности, въ извѣстность не приведены.

1818 годъ. Августъ. Отведено кладбище старообрядцамъ, а именно: «покрещиванцамъ» и «Спасову Согласію» въ рядъ со старымъ кладбищемъ (и новому)—ширины 20, длины 30 саженъ; того же время (въ тоже время) и обрыто канавой.

Среди ситцевыхъ фабрикантовъ Иванова было нѣсколько семействъ, принадлежавшихъ къ различнымъ религіознымъ толкамъ; но и они всѣ вскорѣ примкнули къ „единовѣрію“ и построили въ Ивановѣ единовѣрческую церковь, о чемъ будетъ сказано далѣе. Что же касается до „покрещиванцевъ“, то эта секта находила себѣ послѣдователей только среди мелкихъ торговцевъ и фабричныхъ рабочихъ. Весьма важныя свѣдѣнія о раскольникахъ села Иванова были собраны и обработаны мѣстнымъ священникомъ Покровской церкви о. Василіемъ Былинскимъ, давно уже умершимъ. Этотъ почтенный и высокоуважаемый пастырь хотѣлъ напечатать свои изслѣдованія, но, кажется, не успѣлъ.

1819 годъ. Апрѣля 29. Принялись класть каменную работную (фабрику): длиною 21 аршинъ, ширины 10½ аршинъ (приписка). Склали того же лѣта.

1819 годъ. Іюнь 7. Выгорѣло село Писцово; сгорѣло домовъ до 150. Выгорѣли: Рыскинъ Александръ Михаиловичъ и Тюринъ, а Флягина отстояли. Еще чрезъ 12 дней, т. е. Іюня же 20-го, выгорѣло (Писцово) въ другой разъ и сгорѣло не менѣе перваго.

Рыскинъ, Тюринъ и Флягинъ были, такъ сказать, послѣдователями ситцевыхъ фабрикантовъ Иванова и обильно пользовались какъ нравственною, такъ и матеріальною поддержкою послѣднихъ. Замѣчательная взаимная помощь въ фабричномъ дѣлѣ и искреннее отношеніе другъ къ другу были, можно сказать, первыми, строго исполняемыми правилами нравственнаго кодекса старинныхъ Ивановцевъ. Взаимное довѣріе доходило до поражающей простоты, что̀ однако никому не помѣшало сохранить его во всей чистотѣ до самой смерти носителей этого качества. Благодаря такому нравственному настроенію среди зажиточныхъ Ивановцевъ, село Писцово быстро поправилось послѣ своихъ пожаровъ и опять возстановило свое промышленное значеніе.

1819 годъ. Іюля 11. Заложена колокольня на кладбищѣ. И складена (въ) 1820. Кирпича ушло 180 тысячъ; за клажу (за работу) съ тысячи 12 рублей; кирпичъ покупали 26 рублей (тысяча), известь 50 коп. пудъ.

1819 годъ. Сентябрь Въ первыхъ числахъ выбранъ въ выборные или судьи Михаилъ Ивановичъ Ямановскій, въ помощники Меѳодію Ивановичу Гарелину, (приписка) и смѣнился 29-го Генваря 1820 года.

1819 годъ. Октября 20. Выбранъ я въ сборщики или сборные старосты сбирать рекрутскія деньги за отданныхъ въ рекруты *уличныхъ людей* по 800 руб. за каждаго.

Вѣроятно, подъ названіемъ „уличныхъ людей“ должно разумѣть различный, праздно-шатающійся сбродъ, которымъ замѣняли во время набора рекрутовъ, слѣдуемыхъ съ осѣдлыхъ семействъ. Семьи, освобожденныя такимъ образомъ отъ рекрутскаго набора, платили вотчинѣ по 800 рублей за рекрута. Этотъ сборъ предназначался въ пользу уличныхъ людей, отданныхъ въ солдаты, что прямо указывается словами „записи“: „рекрутскія деньги“. Записи 1767 года, Января 26-го и 1812 года, Апрѣля и Мая, подтверждаютъ сущность нашего примѣчанія.

1819 годъ. Декабря 22. Пріѣхалъ въ наше село управляющій, его высокородіе, статскій совѣтникъ Андрей Алексѣевичъ Савичъ и вступилъ въ должность 23-го сего мѣсяца.

1820 годъ. Январь и Февраль. Покупалась ржаная мука 1 руб. 20 к. и 1 руб. 30 коп. пудъ; пшеничная—2 руб. пудъ; дрова—5 руб. 50 к. сажень (три аршина) сосновыя, а березовыя—8 рублей (ассигн.).

Въ настоящее время березовыя дрова въ Ивановѣ-Вознесенскѣ продаются не дороже 5 р. 50 к. сажень, между тѣмъ какъ потребленіе ихъ сравнительно съ 1820 годомъ возросло на сотни процентовъ; но это экономическое положеніе построено на крайне-непрочномъ фундаментѣ: безпощадная вырубка окрестныхъ рощъ и лѣсовъ даетъ возможность создавать обильные приливы лѣсного матеріала и тѣмъ поддерживать низкій уровень его цѣнъ; но, само собой разумѣется, что такое, вызванное искусственными мѣрами, явленіе долго продолжаться не можетъ, и Ивановскимъ фабрикантамъ должно позаботиться о скорѣйшей замѣнѣ деревяннаго топлива торфомъ или углемъ.

1820 годъ. Октябрь. Отмѣнена здѣсь полиція, а вмѣсто оной выбраны полицеймейстеръ и помощникъ: Михаилъ Ефимовъ Опаринъ и Михаилъ Ефимовъ Гарелинъ.

Это желательное для крестьянъ села Иванова возвращеніе къ старымъ порядкамъ слѣдуетъ приписать личной волѣ гуманнаго и незабвеннаго по своимъ высокимъ душевнымъ достоинствамъ владѣльца села, графа Д. Н. Шереметева, вступившаго въ этомъ году въ фактическое владѣніе своими имѣніями, находившимися до 1820 года по случаю несовершеннолѣтія графа, въ опекунскомъ управленіи, что свидѣтельствуется слѣдующей записью моего отца, помѣщенной почти рядомъ съ записью объ отмѣнѣ полиціи: *„1820 г. Февраль 3. Его сіятельство, графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ вышелъ изъ-подъ опеки и вступилъ въ родительское наслѣдственное имѣніе“.*

1821 годъ. Были: управляющій тотъ же Савичъ, выборный Иванъ Ивановъ Бабуринъ, сборный староста *Анплей* Степановъ Удинъ, полицеймейстеръ Иванъ Михайловъ Ямановскій, помощникъ Діодоръ Андреевичъ Бурылинъ.

Съ любовію останавливаемся на фамиліи послѣдняго лица. Никто съ такою готовностью не посвящалъ себя на общественное служеніе, какъ Д. А. Бурылинъ, и никто такъ строго не относился къ своимъ дѣйствіямъ, какъ этотъ кроткій, честный и незлобивый человѣкъ. Устроенная имъ ситцевая фабрика существуетъ и теперь; она принадлежитъ его внуку и считается въ числѣ образцовыхъ.

1821 годъ. Февраля 14. Сегодняшній день переведенъ здѣсь, въ селѣ Ивановѣ, торгъ съ Воскресенья на Понедѣльникъ стараніемъ здѣшнихъ жителей, а наипаче Алексѣя Евдокимовича Постникова.

Перемѣна дней торга не вызывалась какими-либо комерческими разсчетами, а имѣла чисто-нравственный религіозный характеръ. Позднѣе Ивановцы имѣли уже два торга въ недѣлю: въ Понедѣльникъ и Четвергъ; въ эти базарные дни въ Иваново привозили изъ окрестныхъ сель и деревень различнаго рода продукты и товары, начиная съ дровъ и миткаля и кончая деревянными ложками и чашками. Денежные обороты Ивановскихъ базаровъ усиливались съ каждымъ годомъ и доходили до полумилліоннаго итога въ каждый базарный день. Въ настоящее время эти торги значительно утратили свою силу: дрова, пряжа и миткаль вышли изъ рыночнаго круга; первые стали пріобрѣтаться крупными покупками лѣсныхъ дачъ, а вторые, пряжа и миткаль, доставляются по заказу прямо на фабрики, минуя базары.

1822 годъ. Мая 10. Въ полдень сгорѣло село Михалково все; осталось только три дома, а сгорѣло домовъ до 60. Ко всеобщему сожалѣнію *стопилась* (сгорѣла) церковь и колокольня (сгорѣла); колокола растопились, а изъ церкви ничего не вынесли (не спасли), ибо въ ней сперва загорѣлось, но по какой причинѣ, того неизвѣстно.

Село Михалково упоминается въ примѣчаніи къ записи отъ 2—3-го Іюля 1816 года.

1823 годъ. Февраль. Съ 4-го на 5-е въ ночи случилось похищеніе изъ церкви «Покрова Пресвятой Богородицы», вновь выстроенной Гандуринымъ: *влѣзено* въ окно отъ западной стороны выломанъ кругъ въ срединѣ рѣшетки и ободраны двѣ иконы: Казанская и Смоленская Божія Матерь, на коихъ было жемчугу до 2½ фунтовъ и (много) драгоцѣнныхъ камней, всего на 50,000 рублей, и разломана у старосты, (которымъ) въ то время былъ Яковъ Куваевъ, *казенка* (т. е. денежный и свѣчный ящикъ, или конторка) и похищено денегъ 50 рублей.

Въ тоже время, т. е. 5-го числа, поутру и взять (арестованъ) по сомнѣнію (недоразумѣнію въ кражѣ) проживающій здѣсь села Писцова плотникъ Иванъ Петровъ Хохловъ съ товарищемъ Васильемъ Вихоревымъ, который (т. е. Вихоревъ) 10-го числа сего мѣсяца сознался (въ кражѣ) и отвелъ (слѣдователя, понятыхъ и священниковъ) на мѣсто, гдѣ (были) спрятаны похищенныя вещи, зарытыя въ снѣгу по Писцовской дорогѣ, недалеко отъ Иванова; а 11-го числа сознался и Хохловъ (позднѣйшая приписка). Оба преступника того же года, Октября 3-го наказаны здѣсь на площади: Хохлову (дано) 60, а Вихореву 50 ударовъ кнутомъ, и оба клеймены и сосланы въ Сибирь.

Объ этомъ происшествіи сохранилось слѣдующее преданіе. Когда арестованный Вихоревъ лежалъ на койкѣ въ арестантской комнатѣ сельскаго правленія, въ это время раздался заунывный звонъ большого колокола Покровской церкви, въ которой совершено было похищеніе. Звонъ этотъ производился по распоряженію настоятеля храма и имѣлъ своею цѣлью собрать всѣхъ жителей села для объявленія имъ прискорбнаго событія; медленные удары колокола, вызывавшіе заунывный звонъ, произвели на преступника сильное впечатлѣніе: онъ началъ трястись всѣмъ тѣломъ и *похолодѣлъ*, лихорадочная дрожь перешла въ конвульсивныя судороги; его начало подбрасывать на койкѣ съ такою силой, что присутствовавшіе при этомъ пришли въ ужасъ. Это явленіе заставило повторять заунывный звонъ каждое утро, Вихоревъ не выдержалъ, горько заплакалъ и сознался во всемъ.

1824 годъ. Апрѣль. По приказу его сіятельства графа, смѣненъ управляющій г. Савичъ, а на мѣсто его избранъ изъ своихъ крестьянъ Меѳодій Ивановичъ Гарелинъ.

Назначеніе того или другаго лица управлять селомъ Ивановымъ замѣнено съ 1824 года *выборами*, предоставленными крестьянскому обществу. Эта система просуществовала до 1832 года, за тѣмъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, стала подвергаться измѣненіямъ и наконецъ создала *борьбу партій*, образовавшихся послѣ *выхода на волю* тѣхъ Ивановскихъ крестьянъ, которые вмѣстѣ со своимъ матеріальнымъ значеніемъ составляли и нравственную силу общества.

1824 годъ. Въ семъ году платилъ я оброку съ восьми тяглъ, съ каждаго по 55 рублей—всего 440 рублей.

Въ этомъ году въ семействѣ моего отца было только два члена обязанныхъ платить оброчный налогъ; а именно: отецъ мой и сынъ его Маркелъ 14 лѣтъ, которые составляли два оброчныя тягла; между тѣмъ изъ настоящей записи видимъ, что эти два лица обязаны были заплатить восемь тяглъ оброку, т.-е. не 110 рублей въ годъ, какъ бы слѣдовало по нормѣ постояннаго оклада, а 440 рублей. Такое отступленіе отъ опредѣленной цифры несли на себѣ только одни ситцевые фабриканты села. Сопоставляя сумму оброка, платимаго въ 1824 году Ивановскимъ фабрикантомъ-крестья-

ниномъ, съ тѣми суммами гильдейскихъ повинностей по 3-му разряду, которыя уплачивалъ правительству вышедшій на свободу тотъ же Ивановскій фабрикантъ, мы увидимъ, что отъ происходившей въ семъ случаѣ разницы, добровольно принимаемой на себя правительствомъ въ продолженіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ (1824—1884), государственная казна потеряла не одинъ десятокъ милліоновъ рублей.

1824 годъ. Іюль. Складенъ мною каменный, двухъэтажный домъ въ улицѣ «Негорѣлой», на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ старый родительскій домъ.

Этотъ домъ сгорѣлъ въ большой пожаръ 1839 года; выстроенный же вмѣсто него новый домъ остался впослѣдствіи въ пользу вотчины безъ всякаго со стороны послѣдней вознагражденія владѣльцу (См. примѣчаніе къ выписи 1818 года, Марта мѣсяца). Крестьяне села Иванова, выкупаясь на волю, выговаривали себѣ право владѣть своимъ недвижимымъ имѣніемъ извѣстное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ имущество это должно быть продано графскимъ крестьянамъ. Подходило ли это условіе къ дому отца моего, построенному *послѣ выхода на свободу*, судить не берусь; но только отецъ мой послѣ пожара 1839 года выѣхалъ изъ Иванова и поселился въ слободѣ Дмитровкѣ, гдѣ и выстроилъ вновь и домъ, и фабрику.

1824 годъ. Ивановскіе фабриканты заплатили пошлину за свои фабрики, которая (пошлина) стоила по 1460 рублей (каждому фабриканту). Не всѣ (заплатили), а только человѣкъ 40, а послѣдніе, человѣкъ 150, работали, не заплатя ничего, *ибо строгость ослабла* (позднѣйшая приписка), а (въ) 1825 году вышло гильдейское дополнительное постановленіе.

Интересъ и значеніе этой записи не маловажны. Она даетъ ясное представленіе о тѣхъ же правительственныхъ мѣрахъ, которыя въ былое время, благодаря пропускамъ и недомолвкамъ, обильно украшающимъ торговый и фабричный уставъ, то и дѣло падали въ видѣ неожиданныхъ аэролитовъ на головы торговцевъ и фабрикантовъ. Впрочемъ, послѣдніе и не признавали эти, ничѣмъ не мотивированные, наскоки Департамента Мануфактуръ и Торговли за мѣры, установленныя закономъ, а прямо называли ихъ „строгостями“, имѣющими чуть ли не карательное значеніе. Только въ 1824 году правительство обратило свое вниманіе на ситцевыхъ фабрикантовъ села Иванова и поспѣшило, уразумѣвъ свои ошибки, сорвать съ нихъ торговыя и фабричныя пошлины за нѣсколько прошедшихъ лѣтъ; но и это, неузаконенное обычнымъ порядкомъ, пополненіе государственнаго бюджета новою статьей прихода было совершено съ такою видимой распущенностью, что изъ общаго числа Ивановскихъ фабрикантовъ *три четверти* не заплатили никакихъ пошлинъ, „ибо строгость ослабла“. Вышедшее въ 1825 году *дополнительное постановленіе* о гильдейскихъ пошлинахъ, о чемъ упоминается въ настоящей записи, было вызвано тѣмъ исключительнымъ случаемъ,

который здѣсь свидѣтельствуется. Благодаря этой же записи, устанавливается свѣдѣніе о числѣ ситцевыхъ фабрикъ въ селѣ Ивановѣ: въ 1824 году ихъ было 190. Теперь мы можемъ себѣ представить, какая громадная промышленная сила клубилась и развивалась въ этомъ крѣпостномъ крестьянскомъ гнѣздѣ, пріютившемся за дремучими Муромскими лѣсами, на темной узкой полоскѣ воды, именуемой рѣчкой Уводью.

1825 годъ. Былъ управляющій Неѳодій Ивановичъ Горелинъ, выборный—Абрамъ Филиппов Полушинъ; полицеймейстеръ или дозорный—Иванъ Дмитревъ Козыревъ; его помощникъ—Вонифатъ Фирсовъ Коноплянниковъ; сборный староста—Василій Алексѣевъ Напалковъ; расходный—Василій Петровъ Дурденевскій. Управляющій Горелинъ съ 1-го Февраля былъ въ отлучкѣ, послѣ хворалъ и померъ Іюня 1-го въ Москвѣ, а управлялъ (вотчиной) одинъ выборный Полушинъ (авторъ настоящихъ записокъ) по 6-е Іюля, а съ того числа поступилъ въ управляющіе, вмѣсто Горелина, Яковъ Якимовъ Куваевъ.

1825 годъ. Съ весны стали расписывать живописью въ церкви у Покрова Пресвятой Богородицы; поряжены за 14.000 рублей, села Тейкова, Тимоѳей и Епифанъ Медвѣдевы.

Братья Медвѣдевы были довольно талантливые художники - самоучки; церковная и портретная живопись была ихъ любимымъ дѣломъ и давала имъ хорошій заработокъ. Въ массѣ портретовъ, исполненныхъ этими художниками, встрѣчаются произведенія, безусловно говорящія о крупномъ, хотя и не разработанномъ, талантѣ. Къ числу такихъ удачныхъ работъ можно причислить портретъ моего отца, рисованный однимъ изъ братьевъ Медвѣдевыхъ.

1826 годъ. Августъ. Началъ я строить заводъ для дѣланія матеріаловъ, а особливо (въ особенности) купороснаго масла на купленной сего года у Михаила Дурнова землѣ, лежащей близъ Вардинскаго протока (позднѣйшая приписка), на постройку котораго (завода) и производство получилъ я «указъ» Московскаго Горнаго Правленія въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1827 года.

Существованіе этого завода было непродолжительно, такъ какъ усиливавшееся годъ отъ году производство на ситцевой фабрикѣ моего отца отвлекало его вниманіе отъ этого предпріятія; но оно, все-таки, успѣло принести хорошій плодъ для всѣхъ ситцевыхъ фабрикантовъ села Иванова: слѣдуя примѣру моего отца, въ Ивановѣ появилось множество химиковъ-самоучекъ, изъ которыхъ многіе даже до позднѣйшаго времени снабжали своими матеріалами ситцевыя фабрики села и, такимъ образомъ, нажили себѣ хорошія состоянія. Популярнѣйшими изъ этихъ доморощенныхъ химиковъ было двое: *Горевъ и Николай Зосимычъ* (фамиліи послѣдняго не помню); перваго изъ нихъ отецъ мой величалъ въ честь Бальзаковскаго героя „старикомъ Горіо“. Позднѣе Московскій купецъ В. А. Лепешкинъ устроилъ въ

селѣ Ивановѣ (на Дмитровкѣ) большой химическій заводъ, существующій и до настоящаго времени.

1827 годъ. Въ семъ году платилъ я съ десяти тяглъ оброку, съ каждаго по 55 рублей, всего 550 рублей.

Число оброчныхъ тяглъ, платимыхъ моимъ отцомъ, увеличивалось, по свидѣтельству записей, слѣдующимъ порядкомъ: въ 1814 г. платилось оброку 2 тягла; въ 1817 г.—3 тягла; въ 1819 году—5 тяглъ; въ 1824 г.—8 тяглъ и въ 1827 г.—10 тяглъ. Этотъ порядокъ, близкій къ систематической точности, даетъ приблизительное понятіе о развитіи матеріальнаго достатка даннаго лица, такъ какъ никакія другія причины не служили основаніемъ видимыхъ здѣсь числовыхъ разницъ. Это опредѣленіе подкрѣпляется примѣчаніемъ къ выписи 1824 года и тѣми семейными записями отъ 1814 года по 1827 годъ, по свидѣтельству которыхъ число членовъ семьи моего отца, подлежащихъ оброчной повинности, было во весь этотъ періодъ времени одно и тоже. Разумѣется, эта система повышенія оброчныхъ повинностей была примѣняема и къ другимъ лицамъ по мѣрѣ видимой доходности ихъ дѣла.

1827 годъ. Выпустилъ на волю его сіятельство графъ Дмитрій Николаевичъ шурина моего Савву Кирилловича Шомова *перваго*; потомъ семей пять Юхотскихъ(?).

Подчеркнутое нами слово „перваго“ означаетъ, что С. К. Шомовъ былъ первый по числу изъ Ивановскихъ крестьянъ, получившихъ свободу; за нимъ послѣдовалъ длинный рядъ Ивановскихъ фабрикантовъ. Періодъ времени отъ 1827 года по 1839 годъ можно назвать „періодомъ освобожденія“. Въ эти 12 лѣтъ вышли изъ крѣпостной зависимости 34 семьи самыхъ крупныхъ Ивановскихъ фабрикантовъ. Выкупная сумма не превышала 20,000 р. съ семьи и въ большинствѣ случаевъ была значительно ниже этой цифры. Принимая въ соображеніе крупные денежные капиталы освобожденныхъ лицъ и ихъ громадное значеніе для экономическаго роста с. Иванова, мы видимъ, что та или другая величина выкупной суммы не имѣла въ данномъ случаѣ никакого уравнительнаго значенія и не только не составляла съ этой стороны *причину дѣйствія,* но прямо противорѣчила этой причинѣ. Фактъ крупный и небывалый въ исторіи крѣпостного права!

1827 годъ. Сего года, въ Мартѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ, съ дозволенія его сіятельства графа, отданы на поселеніе 12 человѣкъ плутовъ и распутныхъ людей.

Всѣ болѣе или менѣе строгія мѣры, направленныя противъ злонамѣренныхъ нарушителей общественнаго спокойствія и порядка, возникали по инціативѣ самого крестьянскаго общества, тщательно вырывавшаго плевелы изъ своего поля. Предоставляя частной и общественной жизни своихъ крестьянъ полную свободу дѣйствій, графъ Шереметевъ только контролировалъ эти дѣйствія, никогда не нарушая ихъ своеобразнаго теченія. Благодаря такой гуманнѣйшей системѣ управленія, ни разу не измѣняемой ни

однимъ членомъ этой владѣтельной семьи, мы видимъ, что ни одно изъ помѣщичьихъ имѣній того времени не проявляло столько разумной жизни и энергіи въ своемъ развитіи и самоуправленіи, сколько явили того и другого крѣпостные крестьяне графа Шереметева и не только въ одномъ селѣ Ивановѣ, но и во всѣхъ его многочисленныхъ вотчинахъ (См. „Село Павлово", статья г. Безобразова, „Наблюдатель" 1855 г.).

1828 годъ. Уволены на свободу его сіятельствомъ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ братья Горелины: Петръ и Никонъ Меѳодьевы. Дома ихъ и фабрики предоставлены имъ (на условіи) пользоваться на 25 лѣтъ, а по истеченіи оныхъ позволено имъ все недвижимое имѣніе продать графскимъ крестьянамъ.

Впослѣдствіи это условіе было уничтожено; по новому соглашенію, домà и фабрики братьевъ Гарелиныхъ перешли въ ихъ полное потомственное владѣніе. Сынъ упомянутаго въ записи Петра Меѳодьевича Гарелина Яковъ Петровичъ Гарелинъ служитъ въ настоящее время городскимъ головой города Иванова-Вознесенска и имѣетъ большую, хорошо устроенную ситцевую фабрику, которую сдаетъ въ аренду. Самъ же Я. П. Гарелинъ производствомъ ситцевъ давно не занимается. Съ грустію вычеркиваемъ изъ списка Ивановскихъ фабрикантовъ эту даровитую и развитую личность.

1829 годъ. Сентябрь. Стали у меня на заводѣ (химическомъ) дѣлать квасцы.

Весьма жаль, что въ „Памятной книгѣ" моего отца не сказано, подъ чьимъ руководствомъ выработывались на его заводѣ химическіе матеріалы. Можно предположить, что это дѣло велось съ нѣкоторымъ знаніемъ, такъ какъ сохранившіяся у меня книги, въ которыя вписывалась продажа матеріаловъ, указываютъ, что требованія покупателей были довольно частыя и крупныя. Такое положеніе дѣла можетъ создаться выработкой вполнѣ доброкачественнаго продукта, не иначе.

1829 годъ. Въ семъ году былъ прикащикъ по Пасху Ларіонъ Степановичъ Удинъ; выборный—Иванъ Ивановичъ Борисовъ; сборный староста—Афанасій Куваевъ; расходный Никандръ Александровичъ Бабуринъ; а по увольненію ихъ графомъ на свободу, на мѣсто прикащика выбрали Ефима Алексѣевича Дурденевскаго; выборнаго—Григорія Ивановича Каменева; сборнаго старосты—Ивана Петрова Веденева; расходнаго—Льва Иванова Дурденевскаго.

Новый составъ выборныхъ уже не имѣлъ того вліянія и того значенія, какими пользовались въ своей крестьянской средѣ уволенныя на свободу лица; нравственный цензъ новыхъ правителей села Иванова былъ безупреченъ, и половина изъ нихъ занимала уже ранѣе общественныя должности, хотя и менѣе значительныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ мы видимъ ихъ теперь; но общественное мнѣніе крестьянъ, привыкшихъ видѣть во главѣ своего управленія такихъ вліятельныхъ капиталистовъ, какъ „Толстый

Яманъ" или гостепріимный Гарелинъ, не могло разумно помириться съ этой перемѣной и допустило въ средѣ своей тѣ пререканія и раздоры, которые по выходѣ на свободу послѣднихъ крупныхъ членовъ крестьянскаго общества не замедлили создать ожесточенную борьбу партій.

1830 годъ. Генварь. Куплена мною земля *гумённая* близъ моего купороснаго завода, шириною 14, длиною 59 саженъ (между гумёнными же землями Евстратія Степанова Леонтьева и Трифона Михайлова Зубкова) села Иванова у крестьянской вдовы Анны Алексѣевой Мелузовой за сто рублей.

Въ „купляхъ" и „продажахъ" подобнаго рода продавалась или покупалась никакъ *не земля,* въ точномъ смыслѣ этого слова (ибо она составляла неотъемлемую собственность помѣщика), а здѣсь уступалось или пріобрѣталось одно *право* владѣнія землей, право неустойчивое и неогражденное отъ случайностей и личнаго произвола, а потому сказанная въ сей записи денежная сумма не можетъ служить мѣриломъ дѣйствительной цѣнности земель Ивановской вотчины.

1830 годъ. Цѣна муки ржаной—1 руб. 5 коп.; пшеничной—1 руб. 60 коп. Дрова березовыя—7 рублей, сосновыя—4 руб. 50 коп. за сажень.

Сравнивая настоящую запись съ записью такого же рода 1820 года, Января и Февраля мѣсяцевъ, мы увидимъ, что цѣна дровъ сосновыхъ и березовыхъ понизилась на одинъ рубль въ сажени. Причина этого пониженія объясняется примѣчаніемъ къ Январьской записи 1820 года.

1830 годъ. Съ 1825 года по 1827, то-есть два года, платилъ я въ казначейство за свидѣтельство (право производства и торговли) по третьему роду, за которое сходило по 200 рублей (см. примѣчаніе къ четвертой выписи 1824 года), а 1827, 1828, 1829 и 1830 года платилъ по второму роду, за которое (т. е. за каждое свидѣтельство) сходило въ годъ по 1040 рублей монетою.

Вотъ эти-то торговыя и промысловыя пошлины и составляли сущность того „дополнительнаго гильдейскаго постановленія" 1825 года, о которомъ говорится въ припискѣ къ записи 1824 года. Заключительное слово этой записи—„монетою" поясняетъ, что торговыя пошлины, вносимыя въ казначейство, платились металлическими деньгами, а не бумажками, что̀ тогда не составляло той денежной разницы, которая появилась при новомъ биржевомъ курсѣ, введенномъ въ общее употребленіе въ 1839 году.

1831 годъ. Въ 1830 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, записался я въ Петровское купечество, въ 3-ю гильдію. Петровскъ 22 версты отъ Ростова. А на 1831 годъ во вторую гильдію.

Причина, почему авторъ замѣтокъ не записался купцомъ своего уѣзднаго города Шуи, отстоящаго отъ Иванова всего въ 30 верстахъ, а предпочелъ внести гильдейскія пошлины въ заштатный городокъ Ярославской губерніи, объяснялась страхомъ, порождаемымъ праздничными набѣгами на

Ивановскихъ фабрикантовъ Шуйскихъ чиновниковъ и частыми городскими выборами. Набѣги Шуйскихъ чиновниковъ врѣзались и въ мою память: живо помню, какая тревога и бѣготня поднимались въ домѣ моего отца, когда въ Рождественскіе праздники или Пасху на дальной дорогѣ изъ Шуи на Дмитровку показывалась длинная вереница разнообразныхъ экипажей, нагруженныхъ секретарями, столоначальниками, писцами и тому подобными дѣятелями Шуйскихъ присутственныхъ мѣстъ! При видѣ этой орды Сперанскихъ, Успенскихъ, Приклонскихъ, идущихъ и ѣдущихъ поздравлять Ивановскихъ купцовъ съ праздникомъ, всѣ окна въ домѣ занавѣшивались, двери запирались, и повсюду наступала такая поразительная тишина, что слова дворника, возвѣщавшаго отсутствіе всѣхъ жильцовъ дома, можно было принять за чистую, откровенную истину. Тоже самое творилось въ эти дни во всѣхъ купеческихъ домахъ Иванова; но не всегда этотъ единственный для всѣхъ способъ защиты имѣлъ надлежащій успѣхъ: какая-нибудь хитрая уловка, коварно подпущенная зацѣпой-секретаремъ, обнаруживала обманъ, и тогда несчастный купецъ платился сторицею.

1831 годъ. На сей годъ были начальники здѣшней Ивановской вотчины: прикащикъ—Ефимъ Алексѣевичъ Дурденевскій, выборный—Иванъ Александровичъ Бабуринъ, сборный староста—Константинъ Дмитріевичъ Бурковъ; расходный—Серапіонъ Филипповъ Журавлевъ, полицеймейстеръ или дозорный—Андрей Иванычъ Янчиковъ; его помощникъ Иванъ Архипычъ Хоринъ; волостой выборный д. Рылихи—Борисъ Никифоровичъ Боровенковъ.

Въ настоящемъ составѣ выборныхъ мы видимъ новое лицо съ новымъ представительствомъ: это *депутатъ* деревни Рылихи Борисъ Никифоровичъ Боровенковъ, допущенный въ число членовъ Ивановскаго волостнаго правленія. Это нововведеніе указываетъ, что Ивановское общество нашло новый источникъ индивидуальныхъ силъ, могущій постепенно пополнять уменьшавшееся годъ отъ году число выборныхъ. Хотя эта разумная мѣра и не создала *образа* прошлаго правленія, но дала Ивановцамъ нѣкоторое *подобіе его* Такое положеніе дѣлъ общественнаго управленія сохранилось до 1837 года, затѣмъ окончательно поколебалось и вызвало тотъ нежелательный порядокъ дѣйствій, о которомъ я говорилъ въ примѣчаніи къ записи 1829 года.

1831 годъ. Апрѣль. Покупали муку пшеничную—2 руб. 50 коп.; ржаную—1 руб. 5 коп. за пудъ; овесъ—6 рублей четверть, 8 мѣръ; дрова сухія: березовыя—5 рублей, разнолѣсокъ, то-есть: сосновыя, еловыя и осиновыя—3 руб. за сажень, не только Апрѣль мѣсяцъ, но и Мартъ и Февраль.

1831 годъ. Май. Построена мною деревянная рабочая изба на землѣ Кокуйской (т. е. на участкѣ земли, входящей въ линію улицы, называемой «Кокуйской» или «Кокуй»).

Изъ настоящей записи мы усматриваемъ, что крестьяне, получившіе свободу, могли арендовать у волостнаго правленія землю и возводить на

ней постройки, что, разумѣется, отдаляло время ихъ выселенія, постепенность котораго была въ прямыхъ интересахъ экономическаго положенія с. Иванова.

1831 годъ. Іюль. Въ селѣ Тейковѣ, отстоящемъ отъ Иванова въ 30 верстахъ, свирѣпствовала болѣзнь, называемая «холера», которой померло въ 5 недѣль до 150 человѣкъ, а всѣхъ въ Тейковѣ жителей до 1000 человѣкъ. Недѣлей или двумя попозднѣе была таже болѣзнь въ городѣ Шуѣ, гдѣ померло тоже до 150 человѣкъ, а въ Августѣ была здѣсь, въ селѣ Ивановѣ; но, благодаря Всевышнему, очень слабо дѣйствовала, и всего померло не болѣе 30 человѣкъ. Смотрителями (санитарами) были изъ благородныхъ: Гаврило Андреичъ Иконниковъ, изъ купечества Николай Иванычъ Бояркинъ, купецъ Ростовскій. Жителей же въ Ивановѣ и съ посторонними считается до 10.000 человѣкъ.

Строгія мѣры предосторожности, принятыя Ивановскими жителями, сохранили ихъ отъ страшнаго несчастія. Масса фабричныхъ, никогда неотличающихся чистоплотностію, отсутствіе больницъ и всякой медицинской помощи, наконецъ паническій страхъ жителей—могли превратить этотъ полный жизни, богатый разсадникъ промышленности въ одну громадную скудельницу. Сравнительно ничтожное количество жертвъ, выхваченное холерой изъ 10,000 человѣкъ, составлявшихъ въ то время коренное и пришлое населеніе села, не могло имѣть сильнаго угнетающаго впечатлѣнія на Ивановцевъ, почему и не отразилось губительными для всего края остановками въ ходѣ мануфактурныхъ и торговыхъ дѣлъ. Умершихъ отъ холеры Ивановцы хоронили на особомъ, заблаговременно отведенномъ для сего случая кладбищѣ, о чемъ упоминается въ одной записи слѣдующаго содержанія: „*1831 годъ. Августа 22. Померъ отъ холеры Петръ Алексѣевичъ Поповъ, или Новожиловъ; похороненъ на новомъ кладбищѣ, а не тутъ, гдѣ хоронились умершіе отъ холеры, т. е. между „Новымъ кладбищемъ“ и „Старообрядскимъ“.*

1831 годъ. Въ 1831 году большой былъ неурожай травѣ и яровымъ хлѣбамъ, отчего кормъ скотины былъ очень дорогъ.

Этой записью объясняется причина тѣхъ высокихъ цѣнъ на овесъ и муку, которыя мы находимъ въ выписи отъ Апрѣля мѣсяца сего же 1831 года.

1832 годъ. Генварь. Продавали муку ржаную—1 руб. 20 коп.; пшеничную, несѣянную—2 руб. 25 коп.; крупу—1 руб. 50 коп., говядину—3 руб. за пудъ; овесъ—6 рубл. четверть, въ 8 мѣръ; дрова аршинныя березовыя—6 рублей; сосновыя и разныя—3 руб. сажень.

1833 годъ. Генварь. Продавалась мука ржаная—1 руб. 80 коп.; пшеничная—2 руб. 50 коп.; крупа—2 руб. 10 коп.; говядина—4 руб. за пудъ; овесъ—5 руб. четверть; дрова аршинныя березовыя—7 руб. 50 коп.; разнолѣсокъ—4 рубля 50 коп. сажень.

Развитіе мануфактурной промышленности, привлекая въ село Иваново массы рабочихъ силъ, разумѣется, служило главной и постоянной причиной повышенія цѣнъ на главные жизненные продукты, что̀ мы и видимъ изъ сравненія „записей“ свидѣтельствующихъ о состояніи рыночныхъ цѣнъ за весьма продолжительное время (1766—1833 года и далѣе); но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ цѣны на дрова, вызываемыя ненормальной постановкой дровяного дѣла, о чемъ мы упоминали уже, равно и цѣны на пшеничную муку и говядину, имѣющихъ своими покупателями болѣе зажиточный классъ населенія, не могутъ служить такими вѣскими данными о движеніи народонаселенія края и о степени его благосостоянія, какъ рожь и крупа.

1833 годъ. Октябрь. Продавалась мука ржаная—2 руб. 80 коп.; пшеничная—2 руб. 80 коп.; крупа—2 руб. 70 коп за пудъ. Пшено—4 руб. 50 коп; овесъ новый—6 руб. 50 коп.; старый—8 руб. четверть.

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на то, что цѣны ржаной и пшеничной муки уравновѣсились безъ малѣйшей разницы, что́, вѣроятно, было вызвано новымъ неурожаемъ ржи. Это предположеніе подкрѣпляется, какъ мы увидимъ далѣе, записью слѣдующаго 1834 года. Сказанное равновѣсіе цѣнъ не имѣло въ себѣ ничего утѣшительнаго, такъ какъ переложить потребленіе ржаной муки на пшеничную не представлялось возможнымъ въ виду ограниченнаго привоза послѣдней.

1834 годъ. Апрѣля и Маія. Продавалась здѣсь (въ Ивановѣ) и въ окружности ржаная мука *3 рубля 70 коп.* за пудъ.

1834 годъ. Декабрь. Продавалась ржаная мука—2 руб. 20 коп. пудъ.

1836 годъ. Въ Мартѣ. Здѣшнимъ жителемъ, Московскимъ купцомъ Иваномъ Александровымъ Бабуринымъ, выстроенъ мостъ своимъ коштомъ (т. е. своими денежными средствами) чрезъ рѣку Уводь, называемый «Соковъ», стоющій ему, Бабурину, до 15.000 рублей.

Въ простомъ народѣ существуетъ весьма распространенное преданіе, что постройка моста избавляетъ его строителя отъ посмертныхъ адскихъ мученій, если таковыя было бы суждено испытать ему. Какъ жаль, что такая утѣшительная награда не связана съ постройкой школы!

1836 годъ. Декабрь. Была цѣна мукѣ ржаной—1 руб. 10 коп. Овесъ—5 рублей четверть, 8 мѣръ.

1837 годъ. Мая 13-го. Въ 9-мъ часу утра его императорское высочество, великій князь Александръ Николаевичъ при путешествіи своемъ по Россіи соизволилъ удостоить своимъ посѣщеніемъ село Иваново; отслушавъ литургію въ Покровской церкви и осмотря фабрику Юрьевецкихъ купцовъ, братьевъ Петра и Никона Меѳодьевыхъ Горелиныхъ, въ 12 часовъ изволилъ отправиться въ путь, въ Кострому, чрезъ село Писцово и г. Нерехту.

Маршрутъ наслѣдника-цесаревича, намѣчавшій ему путь чрезъ сёла Иваново, Писцово и городъ Нерехту, доказываетъ, что уже въ то время вниманіе правительства было достаточно обращено какъ на самое село Иваново, такъ и на весь окружающій его раіонъ фабричной дѣятельности. Упоминаемая здѣсь ситцевая фабрика братьевъ Гарелиныхъ была въ то время среди всѣхъ Ивановскихъ фабрикъ самой обширнѣйшей по количеству своего производства и самой лучшей по качеству издѣлій; впослѣдствіи это завидное первенство она уступила фабрикѣ Зубкова и другихъ.

1838 годъ. Съ 1-го Генваря указомъ учреждены по два въ уѣздѣ становые пристава изъ дворянъ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ первый станъ (назначенъ) въ с. Васильевскомъ, а 2-й въ Ивановѣ, и при нихъ учреждены канцеляріи, и всѣ дѣла поступили въ ихъ вѣдомство, а они ужъ должны относиться въ городъ (Шую) въ Земскій Судъ. Въ каждомъ станѣ назначены къ становому приставу въ помощники *тысячники*, выбираемые изъ крестьянъ. Въ Ивановѣ избранъ къ сей должности Никита Никитинъ Шаваевъ, а становой приставъ—Константинъ Иванычъ Бальмонтъ.

Назначеніе становыхъ приставовъ не уничтожило тѣхъ сельскихъ полицейскихъ должностей, которыя мы видимъ въ каждомъ составѣ выборныхъ. Должности дозорнаго или полицеймейстера и его помощника не были упразднены до 1842 года и исправлялись, какъ и въ прежніе года, выборными изъ крестьянъ; дальнѣйшее существованіе этого порядка намъ неизвѣстно, такъ какъ записи о выборахъ кончаются 1843 годомъ.

Первые по времени становые пристава села Иванова сидѣли на своихъ мѣстахъ *домо* и *крѣпко*; но затѣмъ, когда понятіе о такомъ „золотомъ днѣ", какъ Иваново, получило, гдѣ слѣдуетъ, надлежащее опредѣленіе, тогда *смѣна* становыхъ приставовъ получила характеръ какой-то періодической неустойчивости, напоминающей прилёты и отлёты жаворонковъ. Разумѣется, кромѣ этой, такъ сказать, господствующей, причины, здѣсь было немало и другихъ болѣе уважительныхъ.

1838 годъ. Генварь. Продавалась мука ржаная—1 руб. 25 коп.; крупа—1 руб. 90 к. пудъ; дрова березовыя—9 руб.; разнолѣсокъ—5 рублей сажень.

1838 годъ. Мартъ. Покупалась мука ржаная—1 руб. 25 коп.; крупа—2 руб. 80 коп.; масло льняное—9 рублей пудъ. Дрова березовыя аршинныя—9 рублей; разнолѣсныя—6 руб. сажень.

1838 годъ. Съ 31-го Марта на 1-е Апрѣля въ полночь сгорѣли лавки около ограды, построенныя лицомъ къ потоку, всего 48, и пригорѣло въ нихъ много муки и бакалейныхъ товаровъ; загорѣлось въ лавкѣ Ульяны Васильевой Мякотиной.

Въ теченіе 85 лѣтъ (1753—1838 г.) въ селѣ Ивановѣ было 19 пожаровъ, истребившихъ кромѣ церквей, лавокъ, фабрикъ и другихъ зданій, а равно и движимаго имущества, 1501 домъ. Громадный пожаръ 1839 года, уничтожившій почти все село Иваново, о чемъ будетъ сказано далѣе, не вошелъ въ этотъ итогъ. Чтобы имѣть достаточное понятіе о той гигантской борьбѣ съ роковыми случайностями, которая выпала на долю піонеровъ фабричнаго дѣла въ с. Ивановѣ, нужно вспомнить, что въ указанный періодъ времени, кромѣ гибельныхъ по своимъ послѣдствіямъ пожаровъ, Ивановскій фабрикантъ вынесъ на своихъ плечахъ восемь тяжелыхъ рекрутскихъ наборовъ, ополченіе 1812 года, сильный неурожай 1831 года, строгія карантинныя мѣры въ томъ же году по случаю появленія холеры, различныя денежныя лишенія при выкупѣ на свободу и такія же затраты капитала на покупку новыхъ *свободныхъ* земель, цѣнность которыхъ превышала 4000 рублей серебромъ за десятину.... Вотъ изъ какихъ жизненныхъ отмѣтокъ составился формуляръ стариннаго Ивановскаго фабриканта!

1838 годъ. Мая 19. Заложена старообрядческая, единовѣрческая церковь близъ села Иванова, возлѣ дороги, пролегающей отъ Иванова къ селу Николѣ-Талицамъ.

Позднѣе эта церковь обстроилась домами, которые своими улицами соединили ее съ селомъ Ивановымъ. Такимъ образомъ этотъ храмъ находится теперь въ чертѣ города. Главными строителями церкви были богатые ситцевые фабриканты Бурылинъ и Борисовъ, неоднократно упоминаемые въ настоящихъ записяхъ.

1839 годъ. Мартъ. Продавалась ржаная мука по 1 руб. 50 коп. за пудъ, дрова аршинныя березовыя по 8 рублей; разнолѣсокъ по 5 руб. 50 коп. сажень.

1839 годъ. Маія 13. Въ Субботу, во второмъ часу пополудни, въ селѣ Ивановѣ случился пожаръ: загорѣлось у Бакулина, живщаго въ *Поперечной* улицѣ отъ Поганаго пруда. Сгорѣли улицы: «Негорѣлая» и заднихъ улицъ пять, Покровскіе священники и со всѣмъ причтомъ (т. е. ихъ дома). Купеческихъ домовъ (сгорѣло): Матрены Ивановны Саладиной 3 дома, Афанасія и Ивана Яковлевыхъ Куваевыхъ, Виктора Алексѣевича Гречина, Афанасія Өедоровича Зубкова, нашъ Абрама Филиппова Полушина, фабричная свѣтелка Антона Ермолаевича Гандурина, домъ Петра Прохоровича Кокушкина, Ивана Аф. Сомова, Никона Меѳод. Горелина, Константина Ефимовича Дурденевскаго, Ларіона Степановича Удина, Никандра Александровича Бабурина, Ивана Александровича Бабурина. У насъ (т. е. у Абрама Филипповича Полушина), у Горелина и Ивана Бабурина уцѣлѣли фабрики, у прочихъ же всѣ сгорѣли; жизни лишились 5 человѣкъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ началѣ записи пяти улицъ сгорѣли всѣ центральныя улицы правой стороны села со множествомъ ситцевыхъ фабрикъ.

Паника, произведенная этимъ пожаромъ, была настолько велика, что обезумѣвшій отъ страха народъ заставилъ священниковъ въ полномъ облаченіи съ пѣніемъ и хоругвями нести по пылавшимъ улицамъ села икону Божіей Матери, именуемую „Неопалимая Купина". Жертвою этого пожара было болѣе 1000 домовъ и фабрикъ.

1839 годъ. Іюль. Постановлено указомъ быть единообразному курсу всей монеты; имперіалу 36 рубл. 5 коп., серебряному рублю, *цѣлковому* и *мелкому* 3 руб. 50 коп., 10-ти золотому 5 руб. 25 коп.; 20-ти франковому—17 руб. 22 коп., талеру Гишпан.—4 руб. 65 коп., піастру—4 руб. 67 коп., талеру Австрійскому—4 руб. 48 коп.

Указъ, устанавливавшій цѣнность звонкой монеты, былъ принятъ въ Ивановѣ съ величайшимъ вниманіемъ. Нечего и говорить, что знаніе установленнаго курса было необходимо для Ивановскихъ фабрикантовъ, привозившихъ съ Нижегородской ярмарки цѣлые мѣшки звонкой иностранной монеты, принимаемой ими до сказаннаго указа *по курсу взаимнаго соглашенія*, при чемъ различныя обстоятельства, неизбѣжныя въ каждомъ комерческомъ дѣлѣ, играли руководящую роль, часто гнетущую ту или другую сторону.

1840 годъ. Генварь. Мука ржаная продавалась 2 руб. 60 к.; крупа—3 руб. 30 к. пудъ; дрова березовыя—7 рублей; разнолѣсокъ—4 р. 50 к. сажень.

1840 годъ. Мартъ 21. Здѣсь, въ селѣ Ивановѣ трое молодыхъ мужчинъ: одинъ деревни Ясюнихи, второй деревни Калачева, третій села Иванова, наказаны кнутомъ по 50 ударовъ, заклеймены и сосланы за подорожный грабежъ около села Иванова.

1840 годъ. Іюль. Мука ржаная продавалась 3 руб. 40 коп. пудъ; крупа—4 руб. 50 коп.; пшено—6 руб. мѣра; масло льняное—11 руб. пудъ; овесъ—8 руб. 50 коп. четверть.

Увеличивавшійся годъ отъ году спросъ на ржаную муку въ связи съ недостатками урожая и монополіей хлѣбнаго дѣла на Ивановскомъ рынкѣ сильно подняли цѣну на этотъ необходимый продуктъ. Сопоставляя цѣны хлѣбнаго рынка за прошедшее пятилѣтіе, мы получимъ слѣдующія интересныя цифры: въ 1836 году цѣна на ржаную муку была 1 р. 10 к. пудъ, въ 1838 г. — 1 р. 25 к., въ 1839 въ Мартѣ — 1 р. 50 и въ Іюнѣ того же года 2 руб. пудъ; въ 1840 въ Январѣ 2 р. 60 к., въ Іюлѣ—3 руб. 40 коп. (См. записи сказанныхъ годовъ). Такимъ систематическимъ порядкомъ ржаная мука повысилась въ цѣнѣ въ продолженіе пяти лѣтъ на 2 р. 30 к. въ пудѣ, что составитъ около 180% на рубль. Таже степень повышенія и по тѣмъ же причинамъ замѣчается въ цѣнахъ на овесъ, пшено и крупу.

1841 годъ. Ноябрь. Мука ржаная здѣсь продавалась 2 р. 80 к.; крупа—3 руб. 40 коп. пудъ. Дрова березовыя—8 руб., разнолѣсокъ—5 руб. сажень.

Указанное сей записью пониженіе цѣнъ на ржаную муку и крупу не повело къ нормальнымъ границамъ рыночныхъ цѣнъ, а составило только еще бо́льшую видимость ихъ колебанія. Такое нежелательное состояніе рынка продолжалось до 1846 года, съ котораго рыночныя цѣны получили нѣкоторую устойчивость, не допускающую дальнѣйшаго повышенія.

1842 годъ. Мартъ. Мука ржаная продавалась по 3 руб. пудъ; крупа гречневая—4 р. пудъ; овесъ—10 руб. четверть; дрова березовыя—8 рублей, разнолѣсокъ—5 рублей сажень.

1845 годъ. Генварь. Продавалась мука ржаная 95 копѣекъ; крупа—1 р. 50 к. пудъ. Дрова березовыя—12 рублей, разнолѣсокъ—8 руб. сажень. Овесъ 5 руб. четверть.

1846 годъ. Генварь. Продавались дрова 14-ти вершковыя березовыя 8 рублей, разнолѣсокъ—6 руб. ассигн. сажень; овесъ—6 руб. 25 коп. четверть—8 мѣръ; сѣно—65 коп. пудъ; мука ржаная—1 р. 20 коп. пудъ ассиг.

1849 годъ. Складена церковь въ слободѣ Вознесенской (составляющей нынѣ лучшую и болѣе благоустроенную часть города Иваново-Вознесенска) иждивеніемъ и стараніемъ Петровскаго купца Петра Афанасьевича Зубкова, Московскихъ (купцовъ) Ивана Александровича Бабурина и Василія Петровича Дурденевскаго.

1850 годъ. Октябрь 14. Въ шестомъ часу утра у моего сосѣда и двоюроднаго брата Петра Афанасьевича Зубкова случилось несчастіе: на его ситцевой фабрикѣ разорвало паровой котелъ въ 20 силъ, и паромъ у него обварило работающихъ тутъ людей 35 человѣкъ, изъ коихъ въ теченіе 12 часовъ померло 27 человѣкъ.

Этотъ величественный храмъ, созданный жертвами и трудами многихъ *свободныхъ* Ивановскихъ крестьянъ, долженъ служить для ихъ потомства символическимъ памятникомъ, составляющимъ грань прошедшаго и указывающимъ начало новой свѣтлой эры въ многотрудной жизни предковъ.

*

Послѣ этой записи, на той же страницѣ, гдѣ она находится, написано рукою моей матери слѣдующее: „1852 года, 13 Февраля, въ 11-мъ часу пополудни, скончался любезный супругъ мой Абрамъ Филипповичъ Полушинъ“.

Н. А. Полушинъ.

ЧЕГО ДОСТИГЛИ И ЧЕГО ДОМОГАЮТСЯ ВПЕРЕДЪ ДОСТИГНУТЬ ФИНЛЯНДЦЫ ПО ПУТИ ОТПАДЕНІЯ ИХЪ ОТЪ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ [1])

Первый Гельсингфорскій сеймъ 1863 года.

Когда почва была такимъ образомъ подготовлена укрѣпленіемъ въ сознаніи Финляндцевъ ученія объ особомъ Финляндскомъ государствѣ со своими собственными основными законами, тогда было приступлено къ практическому осуществленію этого ученія. Въ 1861 году, съ высочайшаго разрѣшенія, было офиціально объявлено въ Финляндіи, что предположено созвать сеймъ по образцу Боргоскаго; но на самомъ дѣлѣ Финляндскіе руководители имѣли въ виду придать предположенному сейму полную конституціонную обрядность и закрѣпить за нимъ соотвѣтственныя права. Одинъ изъ чиновниковъ Финляндскаго Сената былъ отправленъ въ Швецію для изученія въ Шведскихъ архивахъ старыхъ сеймовыхъ актовъ и постановленій, чтобы знать, какъ слѣдуетъ поступать на предполагаемомъ Финляндскомъ сеймѣ, чтобы сдѣлать изъ него точную копію прежнихъ Шведскихъ риксдаговъ. Въ 1863 году, по распоряженію Сената, былъ обнародованъ въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго составленный на основаніи справокъ упомянутаго чиновника «Сводъ дѣйствующихъ постановленій и принятыхъ обычаевъ, имѣющихъ примѣненіе къ ландтагамъ въ Финляндіи». Въ этомъ сводѣ Форма правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 г. уже офиціально называются дѣйствующими основными законами Финляндіи, и даже прямо были указаны §§ 40—43 и 57 Формы правленія и § 5 Акта соединенія и охраненія, какъ постановленія, примѣнимыя къ Финляндскимъ сеймамъ [2]). Такимъ

---

[1]) См. выше стр. 147.

[2]) Въ § 40 Формы правленія постановлено, что король не можетъ издать новаго закона, ниже уничтожить стараго, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ. Въ § 41 сказано, что государственные чины не могутъ издать, либо отмѣнить, закона безъ воли и согласія короля. Въ §§ 42 и 43 установленъ порядокъ, которому долженъ слѣдовать король при предложеніи сейму новыхъ законовъ, а также сеймовые чины при предложеніи королю новаго закона (право предложенія было отнято отъ сейма Актомъ соеди-

образомъ Финляндскій Сенатъ собственною властью предрѣшалъ измѣненіе существовавшаго дотолѣ образа правленія въ Финляндіи. Согласно этому предрѣшенію, созванный въ томъ же 1863 году первый Гельсингфорскій сеймъ явился уже не совѣщательнымъ собраніемъ, какъ Боргоскій сеймъ 1809 г., а настоящимъ законодательнымъ. На его разсмотрѣніе предлагались отъ имени Императора законопроекты, и если онъ дѣлалъ въ нихъ какія-либо измѣненія или дополненія, то узаконенія эти издавались въ такомъ точно видѣ, какъ они были редактированы сеймомъ. Это правило соблюдалось съ тѣхъ поръ и при послѣдующихъ сеймахъ, а многія узаконенія начинались даже словами: «Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи, признали Мы за благо утвердить» и т. д. Только въ 1889 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе не употреблять этихъ столь неумѣстныхъ словъ во вступленіи къ законамъ, а замѣнить ихъ выраженіемъ: «по всеподданнѣйшему представленію земскихъ чиновъ». Сказанное коренное измѣненіе въ отношеніяхъ верховной власти къ одной изъ областей Русскаго государства явилось какъ бы само собою, не бывъ установлено никакимъ законодательнымъ актомъ, освященнымъ утвержденіемъ Монарха. Даже въ Сеймовомъ Уставѣ 1869 года, явившемся уже послѣ двухъ сеймовъ 1863 и 1867 гг., редакторы его рѣшились примѣнить требованіе о согласіи сословій только къ основнымъ законамъ и сословнымъ привилегіямъ (§ 71 Сеймоваго Устава), и то въ выраженіяхъ весьма уклончивыхъ и двусмысленныхъ, дающихъ поводъ къ двумъ различнымъ толкованіямъ.

Въ рѣчи, произнесенной Императоромъ при открытіи сейма 1863 года и редактированной, по словамъ Финляндскаго историка Берга, Финляндскимъ сенаторомъ Снельманомъ *), помѣщены были такія слова: «Plusieurs des stipulations *des lois fondamentales* du Grand-Duché ne sont plus applicables à l'état des choses survenu depuis sa réunion à l'Empire; d'autres manquent de clarté et de précision. Désirant remédier à ces imperfections, Mon intention est de faire élaborer un projet de loi qui contiendra des explications et des supplémens à ces stipu-

ненія 1789 г., но Финляндскій Сенатъ почелъ болѣе удобнымъ умолчать объ этомъ). Въ § 57 говорится о томъ, что въ случаѣ какой-нибудь неясности въ законѣ, слѣдуетъ поступать, какъ предписано относительно изданія новаго закона. Въ § 5 Акта соединенія сказано, что относительно назначенія податей на содержаніе государства Шведскій народъ имѣетъ неоспоримое право съ королемъ совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе.

*) См. книгу Берга „Наше управленіе и наши сеймы“, т. II, стр. 15. Для изложенія рѣчи правильнымъ Французскимъ стилемъ, Снельману былъ приданъ Русскій дипломатическій чиновникъ г. Гамбургеръ.

lations pour être soumis à l'examen des états lors de la prochaine diète, que Je pense convoquer dans trois ans. Et maintenant le principe monarchique constitutionnel inhérant aux moeurs du peuple finlandais et dont toutes ses lois et ses institutions portent le caractère, Je veux faire admettre dans ce projet un droit plus étendu que celui que possèdent déjà les états, quant au règlement de l'assiette des impôts, ainsi que le droit de motion qu'ils ont anciennement possédé, Me réservant toutefois celui de prendre l'initiative dans toutes les questions qui touchent au changement *de la loi fondamentale.* Въ этой рѣчи въ первый разъ отъ лица самой верховной власти признано существованіе *основныхъ законовъ* Финляндіи. Что же это за основные законы, о которыхъ здѣсь говорится? Въ теченіе 54 лѣтъ со времени завоеванія Финляндіи не было упоминанія ни о какихъ основныхъ ея законахъ; ибо Финляндія, какъ область, «состоящая въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской», не можетъ имѣть иныхъ основныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые установлены для всей Россіи *).

---

*) Для предупрежденія ложныхъ толкованій, слѣдуетъ упомянуть, что въ двухъ законодательныхъ актахъ въ царствованіе императора Николая I употреблено выраженіе „основныя постановленія сего края", именно: въ упомянутомъ выше манифестѣ 17 Марта 1826 г. объ учрежденіи Финляндскаго Статсъ-Секретаріата и въ высочайшемъ постановленіи 2 Іюня того же 1826 г. о приносимыхъ на высочайшее имя прошеніяхъ о помилованіи. Но изъ самаго содержанія этихъ актовъ видно, что подъ выраженіемъ „основныя постановленія сего края" разумѣются здѣсь не какіе-либо политическіе основные законы относящіеся къ государственному праву, въ родѣ Шведскихъ узаконеній 1772 и 1789 гг., а постановленія, изданныя или подтвержденныя для Финляндіи уже при Русскомъ владычествѣ, каковы прежде всего учрежденіе Правительствующаго Совѣта и Общее Уложеніе Швеціи 1734 года. Это видно, вопервыхъ, изъ того, что въ основныхъ Шведскихъ законахъ 1772 и 1789 годовъ власти короля не предоставлялось тѣхъ предметовъ, которые въ манифестѣ 17 Марта 1826 года отнесены къ непосредственному распоряженію Императора, „сообразно съ утвержденными (нами какъ тамъ сказано) коренными законами и основными постановленіями сего края". Было бы противно всякой логикѣ предполагать, что императоръ Николай ссылался на основные Шведскіе законы въ томъ самомъ актѣ, который находится въ полномъ противорѣчіи съ сими законами. Да и все учрежденіе Статсъ-Секретаріата, о которомъ говорится въ этомъ манифестѣ, было учрежденіемъ исходившимъ непосредственно отъ самодержавной воли Русскаго императора и не имѣвшимъ себѣ подобнаго въ Шведскомъ королевствѣ, а потому ссылка на основные Шведскіе законы не имѣла бы здѣсь смысла. Въ высочайшемъ постановленіи 2 Іюня 1826 года выраженіе „законы и основныя постановленія сего края" прямо относится къ учрежденію Правительствующаго Совѣта (тогда уже переименованнаго въ Сенатъ), какъ видно изъ всего содержанія этого постановленія. Одно уже то обстоятельство, что выраженіе „коренные законы и основныя постановленія сего края" употреблено въ актахъ, исходившихъ отъ императора Николая, достаточно свидѣтельствуетъ, что въ то время это вы-

Истина эта одинаково сознавалась какъ Русскимъ правительствомъ, такъ и населеніемъ Финляндіи, не помышлявшимъ въ теченіе двухъ царствованій ни о какихъ ограниченіяхъ правъ Самодержца того государства, въ составъ котораго Финляндія была включена по праву завоеванія. Упоминаніе въ императорской рѣчи объ этихъ таинственныхъ основныхъ законахъ, гдѣ-то дотолѣ скрывавшихся въ неизвѣстности и не признававшихся ни императоромъ Александромъ І-мъ, ни императоромъ Николаемъ, было только приготовительнымъ маневромъ со стороны редактора этой рѣчи къ тому, чтобы выдвинуть потомъ на сцену Шведскіе законы 1772 и 1789 гг. подъ видомъ законовъ, будто бы признанныхъ Александромъ І-мъ за основные для Финляндіи, и потомъ сдѣлать ихъ «plus applicables à l'état des choses» и придать имъ «plus de clarté et de précision», отсутствіемъ которыхъ они дѣйствительно страдаютъ въ высокой степени. Съ этого момента начинается уже положительное осуществленіе въ законодательствѣ и управленіи Финляндіи придуманнаго тамошними законовѣдами ученія о Финляндскомъ государствѣ съ его особыми основными законами. Затѣмъ въ рѣчи Императора обращаютъ на себя вниманіе слова: «Я желаю расширить въ этомъ проектѣ *принадлежащее уже сейму право* опредѣлять размѣръ налоговъ». До этого времени въ Финляндіи никакимъ закономъ не было установлено право сейма опредѣлять размѣръ нало-

---

раженіе не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ Шведскимъ конституціоннымъ узаконеніямъ, хотя противное сему силятся теперь доказать Финляндскіе законовѣды. Равнымъ образомъ и въ царствованіе Александра І-го въ нѣкоторыхъ манифестахъ и узаконеніяхъ встрѣчаются слова: „древнія установленія, странѣ сей свойственныя", и „коренные законы Финляндіи", напр., въ манифестѣ къ жителямъ Финляндіи отъ 5 Іюня 1808 года, въ грамотѣ 15 Марта 1809 года, въ высочайшей инструкціи Финляндской Комиссіи отъ 26 Октября 1811 года, и въ высочайшемъ постановленіи 24 Января 1812 года о представленіи кандидатовъ на судейскія должности. Изъ самаго содержанія этихъ документовъ явствуетъ, что подъ „древними установленіями и коренными законами" здѣсь разумѣлись издавна существовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ законы церковные, гражданскіе, уголовные и прочіе, вошедшіе въ Общее Шведское Уложеніе 1734 года и въ Церковный Уставъ, а отнюдь не Шведскія политическія узаконенія, извѣстныя подъ именемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія 1789 года. Въ этихъ двухъ законодательствахъ не только не было ничего древняго и кореннаго, но, напротивъ того, они, какъ мы видѣли, были новѣйшимъ и эфемернымъ порожденіемъ борьбы королевской власти со Шведскою олигархіей и испарились изъ Шведскаго законодательства въ самый годъ завоеванія Финляндіи Русскимъ оружіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ томъ же значеніи старинныхъ коренныхъ законовъ, а отнюдь не въ смыслѣ Шведскихъ политическихъ узаконеній конца 18-го вѣка, употреблено было и выраженіе „vos lois fondamentales" въ рѣчи императора Александра І-го при открытіи Боргоскаго сейма, что, впрочемъ, подтверждается всѣми дальнѣйшими дѣйствіями этого Государя.

говъ, и самое даже существованіе сеймовъ, какъ непремѣнныхъ органовъ законодательства, нигдѣ не узаконялось. Напротивъ того, какъ мы видѣли изъ регламента Правительствующаго Совѣта и изъ высочайшаго манифеста 17 Марта 1826 г., всѣ узаконенія и распоряженія о налогахъ, какъ и всѣ вообще законодательныя постановленія, исходили непосредственно отъ самодержавной власти Императора. Очевидно, это было скрыто отъ Императора, а редакторъ этой рѣчи, приписывая Финляндскому сейму право назначать налоги, выводилъ это право изъ Шведскихъ конституціонныхъ законовъ, какъ бы продолжавшихъ непрерывно дѣйствовать въ Финляндіи и послѣ 1809 г., но назвать прямо эти законы не рѣшался, вѣроятно изъ опасенія, что Императоръ можетъ потребовать для прочтенія самый текстъ ихъ. Что же касается до словъ рѣчи: «Я желаю ввести право предложенія законовъ, которымъ сеймъ пользовался прежде», то слѣдуетъ замѣтить, что въ эпоху присоединенія западной Финляндіи къ Россіи Шведскій сеймъ не пользовался уже правомъ непосредственнаго предложенія законовъ, такъ какъ это право было у него отнято Актомъ соединенія и охраненія (§ 6 Акта). Слѣдовательно, здѣсь редакторомъ рѣчи допущена двойная неправильность: кромѣ ссылки на старые Шведскіе законы, какъ бы на дѣйствующіе въ Финляндіи въ силу никогда несуществовавшаго признанія ихъ императоромъ Александромъ I-мъ, редакторъ ссылается на постановленіе Формы правленія, уничтоженное позднѣйшимъ закономъ—Актомъ соединенія. Во всякомъ случаѣ отождествлять импровизованный Финляндскій областной сеймъ, еще даже не имѣвшій при произнесеніи этой рѣчи никакого устава, съ риксдагомъ самостоятельнаго Шведскаго королевства и говорить, что Финляндскій сеймъ пользовался когда-то правомъ самостоятельныхъ предложеній—все это было весьма смѣлою перестановкою историческихъ фактовъ и перенесеніемъ правъ одного учрежденія на другое, имѣвшее съ нимъ только наружное сходство. Не менѣе грѣшатъ противъ исторической истины и тѣ слова рѣчи, гдѣ говорится, что принципъ конституціонной монархіи присущъ нравамъ Финляндскаго народа. Это можно было бы сказать только о Финляндскихъ Шведахъ, составлявшихъ всегда въ Финляндіи ничтожный процентъ населенія, въ видѣ высшаго класса, и жителей узкой прибрежной полосы вмѣстѣ съ островами. Но простой Финскій народъ не игралъ въ конституціонной жизни Швеціи никакой роли. Хотя Финляндія и пользовалась номинально одинаковыми политическими правами съ прочими частями Шведскаго королевства, но на самомъ дѣлѣ всегда была заднимъ дворомъ Швеціи и содержима, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ, вслѣдствіе рѣзкой племенной разницы обоихъ народовъ, низкаго культурнаго уровня Фин-

новъ, ихъ тогдашней бѣдности, дикости и даже самаго географическаго положенія ихъ страны, оторванной половину года отъ Швеціи непроходимыми льдами и снѣгами. Короли и принцы Шведскіе по цѣлымъ столѣтіямъ не показывались въ Финляндіи. Природные Финны не имѣли участія въ высшемъ управленіи королевствомъ и не получали высшихъ должностей въ войскѣ; они рѣдко даже производились въ офицерскіе чины. Въ самой Финляндіи всѣ сколько-нибудь значительныя должности ввѣрялись исключительно Шведамъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія Финляндцы ходатайствовали предъ Шведскимъ риксдагомъ о томъ, чтобы на должности въ Финляндіи опредѣлялись только природные Финляндцы, въ виду того, что уроженцы собственной Швеціи незнакомы съ Финскимъ языкомъ. Риксдагъ отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, а вмѣсто того сеймовая комиссія, обсуждавшая этотъ вопросъ, предложила принять мѣры къ тому, чтобы Финское населеніе отдавало своихъ дѣтей для обученія Шведскому языку въ Шведскія семейства, и раздавать на казенный счетъ Шведскія азбуки, катихизисы и пр. (Коскиненъ, «Исторія Финскаго народа», на Финскомъ языкѣ, стр. 428—429). Финская народность и Финскій языкъ были въ презрѣніи между Шведами. Поэтому сказать, что конституціонный принципъ присущъ нравамъ Финляндскаго народа значитъ утверждать фактъ, никогда несуществовавшій въ исторіи. Созваніе перваго Гельсингфорскаго сейма и произнесеніе вышеприведенной рѣчи относятся къ эпохѣ Польскаго мятежа 1863 г., когда Императоръ былъ озабоченъ Польскими дѣлами и враждебными Россіи заявленіями западныхъ державъ. Этимъ моментомъ и воспользовался графъ Армфельтъ, чтобы поднести Государю сказанную рѣчь и заложить операціонный базисъ для послѣдующихъ дѣйствій Финляндской тактики.

Учрежденіе перваго комитета (Норденстама) для кодификаціи такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи.

Согласно съ выраженнымъ въ приведенной рѣчи намѣреніемъ Государя о составленіи объясненій и дополненій къ основнымъ законамъ Финляндіи, Императору была представлена программа для руководства тому комитету, которому будетъ поручена эта работа. Программа сія высочайше утверждена 7 Декабря 1864 года. Офиціально она не была обнародована, а напечатана (на Шведскомъ языкѣ) въ частномъ изданіи—въ книгѣ Берга «Наше правительство и наши сеймы». Документъ этотъ поражаетъ смѣлостью пріемовъ его составителей. Здѣсь уже прямо ставится въ обязанность исполнителямъ предположенной кодификаціонной работы, «чтобы не только Форма правленія 1772 года и Актъ соединенія и безопасности 1789 года были соединены въ одинъ

актъ или основной законъ подъ названіемъ Уложенія для великаго княжества Финляндскаго, но чтобы законоположенія, вносимыя изъ прежнихъ (т. е. Шведскихъ) законовъ въ новый актъ, были съ точностью сохраняемы, сколь это возможно, при необходимомъ уясненіи выраженій». Программа предписываетъ, что «великое княжество управляется согласно съ *его формою правленія* и законами»; что «относительно порядка престолонаслѣдія, срока совершеннолѣтія наслѣдника, управленія во время несовершеннолѣтія Императора, для Финляндіи должно имѣть силу все, что̀ установлено или впредъ будетъ установлено для Россіи, и что отношенія Финляндіи къ иностраннымъ державамъ зависятъ отъ отношеній Россійскаго государства и съ ними одинаковы». Однимъ словомъ, Финляндія, бывшая дотолѣ одною изъ провинцій Россіи, признается здѣсь самостоятельнымъ государствомъ, имѣющимъ собственную форму правленія и соединеннымъ съ Россіею только въ лицѣ общаго государя, на условіяхъ такъ называемой реальной уніи, какъ наприм. Норвегія соединена со Швеціею. Такимъ образомъ превращеніе Русской провинціи въ самостоятельное государство, съ кореннымъ измѣненіемъ существовавшаго въ ней дотолѣ образа правленія, предрѣшалось программою, составленною Финляндскими законовѣдами, въ которой они, подъ видомъ существующихъ узаконеній (на кодификацію которыхъ собственно и дано было согласіе Императора), подставили прежніе Шведскіе законы, завѣдомо для нихъ не только никогда не утверждавшіеся Русскими монархами, но непримѣнимые къ Финляндіи, какъ къ нераздѣльной части Русскаго государства, и даже въ высшей степени оскорбительные для достоинства Русскаго монарха и для патріотическаго чувства Русскаго народа*). Этою же программою возлагалось на комитетъ, долженствующій кодифицировать такъ называемые основные законы Финляндіи, составленіе сеймоваго устава, при чемъ ему вмѣнялось въ обязан-

---

*) Въ королевскомъ увѣреніи, сопровождающемъ Форму правленія 1772 г., король обязывался утвердить оную „личною своею присягою“ и при этомъ объявлялъ дословно слѣдующее: „Мы наисильнѣйшимъ образомъ симъ увѣряемъ, что имѣемъ намѣреніе управлять государствомъ по принятому нынѣ основному закону и, отвергая навсегда, какъ то нами уже учинено, *ненавистное королевское самовластіе* (förhateliga Konnugsliga Enwäldet) *или такъ называемое самодержавіе* (Souverainitéten), мы почитаемъ всегда за величайшую для себя честь быть первымъ согражданиномъ среди вѣрнаго и вольнаго народа“. А въ самомъ текстѣ Формы правленія государственные чины, ее утвердившіе, объявляютъ: „Имѣя величайшее отвращеніе къ королевскому самодержавію, или такъ называемому неограниченному правленію, мы почитаемъ за превосходнѣйшее счастіе наше, честь и выгоду, что живемъ вольными, независимыми, законодательными, но законоповинующимися чинами“ и т. д.

ность внести въ этотъ уставъ примѣнимыя узаконенія изъ Шведскихъ сеймовыхъ уставовъ 1617 и 1723 гг., для собранія свѣдѣній о которыхъ и былъ, какъ сказано, командированъ въ Стокгольмъ особый чиновникъ (замѣтимъ, что Сеймовый Уставъ 1723 г. составленъ въ періодъ вольницы). Преобразовывая управленіе Финляндіи по Шведскимъ законамъ XVII и XVIII вѣка, составители этой программы вовсе оставили въ сторонѣ, какъ бы несуществующіе, тѣ законы, которыми дѣйствительно управлялась Финляндія съ 1809 года, на томъ основаніи (какъ это потомъ прямо было высказываемо составителями проектовъ Финляндскихъ основныхъ законовъ), что эти законы, какъ неутвержденные сеймомъ, не имѣютъ для Финляндцевъ обязательной силы. Чтобы обезпечить Финляндцамъ и на будущее время возможность проводить свои планы безпрепятственно, составители программы включили въ нее требованіе, чтобы министры статсъ-секретари, докладывающіе Государю дѣла, требующія высочайшаго разрѣшенія, назначались изъ Финляндскихъ уроженцевъ, хотя въ высочайшемъ манифестѣ 17 Марта 1826 г. объ учрежденіи Статсъ-Секретаріата ничего подобнаго не находится.

Для кодификаціи такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи образованъ былъ комитетъ, составленный изъ однихъ Финляндцевъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Норденстама. Комитетомъ симъ составленъ въ 1865 году проектъ, озаглавленный въ Шведскомъ подлинникѣ «Форма правленія великаго княжества Финляндіи», а въ Русскомъ текстѣ, назначенномъ для поднесенія Императору, названный болѣе скромнымъ титуломъ: Уложеніе великаго княжества Финляндіи». Въ этомъ проектѣ образъ правленія Финляндіи преобразовывается на основаніи двухъ главныхъ началъ: вопервыхъ, Финляндія разсматривается какъ самостоятельная часть Россійскаго государства, соединенная съ нимъ лишь единствомъ царствующаго дома, и вовторыхъ, власть Русскаго императора въ Финляндіи ограничивается согласіемъ сейма по всѣмъ предметамъ законодательства. Единоличной власти Императора предоставляется только опредѣленіе количества пошлинъ и вознагражденій за употребленіе принадлежащихъ казнѣ способовъ сообщенія, за пользованіе общественными заведеніями, за исходящія отъ служащихъ лицъ бумаги, за частныя служебныя дѣйствія сихъ лицъ, наконецъ назначеніе таможенныхъ пошлинъ на Русскія издѣлія, ввозимыя въ Финляндію (§ 49). Самыми существенными мѣстами всего проекта являются §§ 39 и 40; они же имѣютъ особенное значеніе и для уясненія важнѣйшихъ параграфовъ будущаго Сеймоваго Устава. Въ § 39 сказано: «Земскіе чины

Финляндіи имѣютъ право сообща съ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ постановить основной законъ, а также общія гражданское, уголовное, церковное и морское уложенія и измѣнить или прекратить таковые прежде изданные законы. Слѣдовательно ни Государь Императоръ не можетъ безъ согласія земскихъ чиновъ, ни земскіе чины не могутъ безъ согласія Государя Императора постановить какіе-либо подобные законы или отмѣнить прежніе. Основными законами Финляндіи считаются сіе Уложеніе и Сеймовый Уставъ» (составлявшійся одновременно съ симъ Уложеніемъ). Въ § 40 сказано: «Основной законъ можетъ быть постановленъ, измѣненъ или прекращенъ только по предложенію Государя Императора. Вопросы объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ общаго гражданскаго, уголовнаго, церковнаго и морскаго уложеній могутъ, кромѣ таковаго предложенія, быть возбуждаемы также и чрезъ предложенія сословій. Одинаковое право предложенія предоставлено земскимъ чинамъ также по всѣмъ другимъ вопросамъ, зависящимъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и земскихъ чиновъ». Послѣдній, 67-й параграфъ проекта гласитъ: «Сіе Уложеніе имѣетъ во всѣхъ его частяхъ силу неизмѣнимаго основнаго закона для Государя Финляндіи и земскихъ чиновъ до тѣхъ поръ, пока оно единогласнымъ ихъ рѣшеніемъ не будетъ измѣнено или отмѣнено». Составители проекта не только надѣялись, примѣняя къ Финляндіи заднимъ числомъ Шведскіе законы прошедшаго столѣтія, вырвать у Русскаго монарха его исконныя права, но и позаботились въ § 67 закрѣпить за Финляндіею это пріобрѣтеніе, если оно удачно будетъ достигнуто.

Императоръ Александръ II-й не соизволилъ однако принять этотъ проектъ. По этому случаю, при открытіи слѣдующаго сейма 1867 года, въ тронной рѣчи было указано, въ прямую противоположность упомянутой выше программѣ, «на утратившуюся силою обстоятельствъ совмѣстность коренныхъ законовъ Великаго Княжества съ положеніемъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи». При этомъ Императоръ заявлялъ, что работа по необходимымъ поясненіямъ и дополненіямъ сихъ законовъ, «по своей многосложности, въ настоящую минуту еще не созрѣла до того окончательнаго вида, который бы далъ Его Величеству возможность предложить оную на обсужденіе настоящаго сейма». Затѣмъ вопросъ о составленіи свода такъ-называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи не получилъ въ царствованіе императора Александра II-го дальнѣйшаго хода. Посягательства на ограниченіе монархической власти и на созданіе для Финляндіи политической самостоятельности, выразившіяся въ сказанномъ проектѣ, очевидно из-

мѣняли образъ мыслей Императора относительно такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи, тѣмъ болѣе, что уже на первомъ дарованномъ ей конституціонномъ сеймѣ 1863 года обнаружились выходки со стороны депутатовъ, особенно въ средѣ дворянскаго сословія, доказывавшія ихъ враждебное настроеніе противъ Россіи. На эти оппозиціонныя попытки сейма было указано даже въ рѣчи, произнесенной отъ высочайшаго имени генералъ-губернаторомъ при закрытіи сейма 1863 года. «Не могу не сожалѣть о томъ, говорилось въ этой рѣчи, что нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Ясное пониманіе пользъ Финляндіи должно склонять васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіею, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины».

Сеймовый Уставъ 1869 года.

Одновременно съ проектомъ Уложенія былъ составленъ тѣмъ же комитетомъ и проектъ Сеймоваго устава, опредѣлявшій только внѣшнюю процедуру сеймовыхъ собраній, не касаясь существа основныхъ конституціонныхъ законовъ, которые подробно были изложены въ Уложеніи или въ Формѣ правленія. Соотвѣтственно двумъ приведеннымъ выше параграфамъ (39-му и 40-му) проекта Уложенія, въ Сеймовомъ Уставѣ, въ §§ 71, 72, 73 и 74, былъ изложенъ порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія на сеймѣ вопросовъ, относящихся какъ къ основнымъ, такъ и къ общимъ законамъ, подлежащимъ совокупному рѣшенію сейма и Императора. Относительно *основныхъ* законовъ § 71-й требовалъ, чтобы «изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона могли послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій»; въ параграфахъ же 72—74 говорилось, по какимъ законодательнымъ вопросамъ считается достаточнымъ согласіе только трехъ сословій, чтобъ ихъ рѣшеніе признавалось рѣшеніемъ сейма, и какъ слѣдуетъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда сословія дадутъ столь разногласныя заключенія, что изъ нихъ нельзя составить требуемаго уставомъ большинства. Но какъ скоро §§ 39-й и 40-й Уложенія, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ Уложеніемъ, были отвергнуты Императоромъ, то, очевидно, слѣдовало измѣнить и редакцію § 71-го Сеймоваго Устава въ такомъ смыслѣ, что вопросы, касающіеся основныхъ законовъ, могутъ быть обсуждаемы на сеймѣ только въ томъ случаѣ, если они будутъ предложены Государемъ Императоромъ, а сеймовое по нимъ заключеніе только тогда должно считаться состоявшимся, когда

послѣдуетъ согласное рѣшеніе всѣхъ четырехъ сословій сейма. Такая редакція установила бы ясное различіе въ способахъ внесенія и рѣшенія вопросовъ, относящихся къ основнымъ законамъ, и тѣхъ, которые принадлежатъ къ общимъ законамъ, для рѣшенія каковыхъ, по § 73-му Сеймоваго Устава, требуется только согласное рѣшеніе трехъ сословій. Но Финляндскій Сенатъ почелъ болѣе удобнымъ для своихъ цѣлей оставить прежнюю редакцію § 71-го Сеймоваго Устава, именно: «Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и съ согласія всѣхъ сословій», хотя изъ такой редакціи прямо вытекаетъ заключеніе, что будто бы безъ согласія сейма Русскій Императоръ не въ правѣ издать основного закона собственною самодержавною властью. Такое заключеніе не имѣетъ, конечно, смысла послѣ того, какъ Императоромъ было отвергнуто Уложеніе комитета Норденстама, самые капитальные параграфы котораго, именно §§ 39-й и 40-й, заключали именно сказанное ограниченіе самодержавной власти Русскаго Монарха. Во всякомъ случаѣ подобное коренное измѣненіе образа правленія въ одной изъ областей Русскаго государства не могло быть выражено въ трехъ строкахъ Сеймоваго Устава, имѣющаго чисто-процессуальный характеръ, устава, «устанавливающаго (какъ сказано во вступленіи къ оному) правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ».

Очевидно, § 71-й Сеймоваго Устава могъ въ глазахъ Императора имѣть только тотъ смыслъ, что если Его Величество признаетъ нужнымъ предложить проектъ основнаго закона на предварительное обсужденіе сейма, то заключеніе сейма только тогда должно считаться состоявшимся, когда послѣдуетъ согласное рѣшеніе всѣхъ четырехъ сословій. Одно уже помѣщеніе узаконенія такой первостепенной важности въ столь несоотвѣтственномъ мѣстѣ даетъ понять, что при этомъ имѣлось въ виду ввести въ Бозѣ почившаго Императора въ заблужденіе и скрыть отъ него дѣйствительную цѣль, имѣвшуюся въ виду при помѣщеніи здѣсь этой статьи.

Но Финляндскій Сенатъ и министръ статсъ-секретарь, подносившій этотъ уставъ на утвержденіе Императора, справедливо разсчитывали, что кто не искусился въ законодательной кодификаціи и не предупрежденъ быть насторожѣ, тотъ едва-ли обратитъ вниманіе на эти три строки, втиснутыя и затертыя въ массѣ статей чисто-процессуальнаго характера, не имѣющихъ никакой принципіальной важности. На случай же, если бы Императоръ остановилъ свое вниманіе на сказанныхъ трехъ строкахъ, ему можно бы отвѣтить, что онѣ хотя, быть-можетъ, выражены и не совсѣмъ удачно, по недостаточному знакомству Финлянд-

скихъ законовѣдовъ съ Русскимъ языкомъ *), но тѣмъ не менѣе ни мало не посягаютъ на верховныя законодательныя права Монарха, и даже какъ бы подкрѣпляютъ ихъ требованіемъ, чтобы основные законы обсуждались на сеймѣ не иначе, какъ по предложенію Императора; что вся цѣль этихъ строкъ установить необходимое единогласіе всѣхъ четырехъ сословій при рѣшеніи вопросовъ этого рода. Но какъ только Сеймовый Уставъ былъ утвержденъ и подписанъ Императоромъ, Финляндскія власти не обинуясь стали уже провозглашать, что § 71-й Сеймоваго Устава обязываетъ Императора вносить на рѣшеніе сейма всякій вопросъ, касающійся основныхъ законовъ. Было уже доказано, что эти мнимые основные законы внезапно появились въ Финляндскомъ законодательствѣ съ 1863 года, въ противность государственному праву Россіи и наперекоръ всей исторіи Финляндскаго законодательства въ теченіе 54 лѣтъ. Такое превратное пониманіе этого параграфа стало съ тѣхъ поръ мало-по-малу вводиться въ сеймовую практику и теперь въ глазахъ Финляндцевъ окрѣпло до степени безусловной истины. Такимъ образомъ, посредствомъ хитро придуманной редакціи сказанныхъ трехъ строчекъ и благодаря тому, что до послѣднихъ годовъ минувшаго царствованія (до почтовой реформы 1890 года и высочайшихъ повелѣній о пересмотрѣ Финляндскаго уголовнаго уложенія въ 1890 г. и Устава о воинской повинности въ 1891 году), Финляндцы были полными и безконтрольными хозяевами въ дѣлахъ мѣстнаго законодательства. Они достигли того, что сказанныя три строчки, умышленно запрятанныя въ массу статей чисто-процессуальнаго содержанія, обратились въ основной законъ, ограничивающій власть Русскаго Монарха надъ Финляндіей. По совершенной неизвѣстности у насъ того, что творилось въ Финляндіи, Русское образованное общество, читая въ газетахъ отрывочныя корреспонденціи о тамошней конституціи, недоумѣвало, какимъ законодательнымъ актомъ, какимъ органическимъ уложеніемъ, или хотя бы простымъ манифестомъ, осуществлена была столь великая реформа въ политическомъ быту одной изъ областей Россіи. Образованнымъ Русскимъ извѣстна была, хотя въ общихъ чертахъ, исторія завоеванія Финляндіи въ 1809 году и тотъ порядокъ, который существовалъ въ ней при императорахъ Александрѣ І-мъ и Николаѣ І-мъ, абсолютныхъ самодержцахъ надъ всѣми подвластными Россіи областями. Откуда же вдругъ явилась Финляндская конституція? Конституція, какъ и всякая другая коренная реформа въ политиче-

*) Такой именно предлогъ выставили Финляндскій Сенатъ и министръ статсъ-секретарь, когда были уличены въ тенденціозно искаженномъ переводѣ на Шведскій языкъ высочайшаго рескрипта Финляндскому генералъ-губернатору отъ 28 Февраля 1891 года. (См. мою книгу „Финляндскій современный вопросъ“, стр. 225).

скомъ быту того или другого народа, не прокрадывается въ лазейку, не боится свѣта и не ищетъ укрыться отъ постороннихъ глазъ, прячась за двусмысленныя выраженія и прибѣгая къ завѣдомому обману. Конституція входитъ большими вратами и открыто заявляетъ о себѣ міру, будетъ ли она дарована народу милостію монарха, или будетъ вызвана событіями и въ силу необходимости. Мы, Русскіе, и доселѣ ищемъ и не находимъ этихъ широкихъ вратъ, которыми вошла въ міръ Финляндская конституція, этого органическаго уложенія, гдѣ опредѣлены предѣлы власти и образъ дѣйствій обоихъ верховныхъ факторовъ конституціоннаго правительства, монарха и народнаго представительства.

Проектъ Сеймоваго Устава, по изготовленіи его комитетомъ Норденстама, былъ по высочайшему повелѣнію внесенъ на разсмотрѣніе сейма 1867 года, которымъ былъ окончательно редактированъ въ формѣ договора между земскими чинами и Русскимъ Императоромъ. Въ такомъ видѣ онъ и былъ утвержденъ государемъ Александромъ II-мъ 3 Апрѣля 1869 года. Во вступленіи къ Уставу говорится, что Императоръ призналъ за благо утвердить принятый земскими чинами Сеймовый Уставъ; самый же Уставъ начинается словами: «Мы, нижеподписавшіеся земскіе чины великаго княжества Финляндскаго, графы, бароны, епископы, рыцарство и дворянство, духовенство, горожане и крестьяне, объявляемъ чрезъ сіе, что, по высочайшемъ предложеніи Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, принимаемъ къ руководству Сеймовый Уставъ слѣдующаго содержанія». Въ концѣ Устава сказано, что ландмаршалъ и тальманы сословій «для вящшаго удостовѣренія засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили сіе подписью своихъ именъ и приложеніемъ своихъ печатей». Затѣмъ слѣдуютъ подписи ландмаршала и тальмановъ, и послѣ нихъ подпись Императора и скрѣпа графа Армфельта. Все это слишкомъ рѣзко противорѣчило положенію Финляндіи, какъ провинціи, входящей въ составъ государства, не допускающаго по своимъ основнымъ законамъ подобныхъ отношеній между государемъ и подданными. Исторія Европейскихъ государствъ не представляетъ другаго примѣра, подобнаго этому событію. Тамъ конституціи или являлись древними учрежденіями, сложившимися вѣками, какъ въ Англіи, Голландіи, Швеціи, или же были послѣдствіемъ народныхъ революцій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ между государемъ и народными представителями составлялся договоръ, на основаніи котораго законодательная власть раздѣлялась между монархомъ и народными представителями. Но не было еще примѣра, чтобы ограниченіе монархической власти являлось,

какъ осуществленіе придуманнаго профессорами и публицистами политическаго ученія и какъ выполненіе никогда несуществовавшаго договора, будто бы, назадъ тому 60 лѣтъ, заключеннаго между завоевателемъ и завоеванными.

Въ первыхъ же строкахъ Сеймоваго Устава выражается косвеннымъ образомъ отрицаніе законности того порядка, который дѣйствовалъ въ Финляндіи въ теченіе двухъ предшествовавшихъ царствованій, и признаніе имѣющими въ ней дѣйствующую силу Шведскихъ конституціонныхъ законовъ прошедшаго столѣтія, какъ бы вовсе не существовало факта завоеванія Финляндіи Русскимъ оружіемъ. Уставъ начинается слѣдующими словами: «Принимая во вниманіе, что *дѣйствующія въ Финляндіи*, состоявшіяся въ прежнія времена узаконенія и правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ въ разныхъ частяхъ, не имѣютъ надлежащей полноты, ясности и точности, а также во многихъ отношеніяхъ непримѣнимы къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, Мы признали за благо» и пр. Далѣе: «Мы, нижеподписавшіеся земскіе чины великаго княжества Финляндіи, графы, бароны, епископы, рыцарство и т. д., объявляемъ чрезъ сіе, что *съ отмѣною* Сеймоваго Устава отъ 24 Января 1617 года, а также всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ законовъ, уставовъ и опредѣленій, изданныхъ касательно сеймовыхъ собраній», и т. д. Такъ какъ Русскими государями никогда не были признаны прежніе сеймовые уставы Швеціи, вслѣдствіе чего и самые сеймы не были собираемы въ теченіе болѣе полустолѣтія, то наименованіе Шведскихъ сеймовыхъ уставовъ *дѣйствующими въ Финляндіи* есть очевидный подлогъ и отрицаніе законности дѣйствій двухъ монарховъ. А какъ скоро Шведскіе сеймовые уставы не были никогда признаны Русскими монархами, то Финляндскіе графы, бароны, епископы, рыцари и пр. не имѣли никакого основанія и отмѣнять эти уставы.

Въ § 83 сказано, что «Сеймовый Уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ *основнымъ* закономъ для Монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ ихъ рѣшеніемъ». Эти строки составляютъ почти буквальное повтореніе § 67 отвергнутаго проекта Уложенія. Тогда не удалось провести этого Уложенія и придать ему значеніе и неприкосновенность основнаго закона; теперь удалось достигнуть этого, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ, весьма существенныхъ, постановленій несостоявшагося Уложенія, повторенныхъ только въ иной, замаскированной формѣ, въ Сеймовомъ Уставѣ и составляющихъ всю его важность, такъ какъ процессуальныя его подробности не настолько важны въ глазахъ Финляндцевъ, чтобы возводить ихъ на степень «ненарушимаго основ-

наго закона». Вотъ первый, дѣйствительно признанный для Финляндіи *основной* законъ, не принадлежащій къ основнымъ законамъ Россіи, и о которомъ притомъ положительно сказано, что онъ можетъ быть измѣняемъ или отмѣняемъ не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Монарха и земскихъ чиновъ. Замѣчательно, что въ этомъ Уставѣ нигдѣ прямо не сказано, что сеймовыя постановленія только тогда получаютъ силу закона, когда будутъ утверждены Государемъ, а сказано только, что рѣшенія сейма по сообщаемымъ ему высочайшимъ предложеніямъ и сеймовыя представленія на имя Государя (то-есть петиціи) повергаются на высочайшее *обсужденіе* (§ 76), и что сеймовыя рѣшенія издаются особо въ печати и включаются въ собраніе дѣйствующихъ въ краѣ общихъ постановленій (§ 81). Наконецъ, высочайшему утвержденію этого Устава предпосланы такія строки: «Сохраняя за собою принадлежащее намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ правленія отъ 21 Августа 1772 года и въ Актѣ соединенія и охраненія отъ 21 Февраля и 3 Августа 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, мы высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей Уставъ, какъ ненарушимый основной законъ». Опять новая загадка и новое широкое поле для толкованій. Никакой законовѣдъ не былъ бы въ состояніи распутать смыслъ этихъ загадочныхъ строкъ. О какомъ это говорится здѣсь правѣ Россійскаго Монарха, которое онъ сохраняетъ за собою въ томъ именно видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ правленія и Актѣ соединенія? По юридической терминологіи, всякія права нераздѣльны съ соединенными съ ними обязанностями, и именно въ сихъ послѣднихъ получаютъ свое точное опредѣленіе и границы. Признавая первыя, тѣмъ самымъ выражается признаніе и послѣднихъ. Но вѣдь сказанными двумя Шведскими узаконеніями установлено, между прочимъ, что «король долженъ управлять государствомъ по королевскому отдѣлу, земскому уложенію и сей Формѣ правленія (§ 2 Формы правленія), что король не можетъ издавать не только основныхъ, но никакихъ вообще законовъ, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ (ib. § 40), что онъ не можетъ наложить на подданныхъ какіе-либо новые налоги безъ вѣдома и добровольнаго согласія государственныхъ чиновъ (§ 45 Формы правленія и § 5 Акта соединенія), что если король боленъ или находится въ отсутствіи, то управленіе ведется тѣми государственными совѣтниками, которыхъ онъ для того назначитъ (§ 37 Формы правленія), и пр. и пр. Слѣдуетъ-ли изъ приведенныхъ выше выраженій въ высочайшемъ утвержденіи Сеймоваго Устава заключить, что всѣ сказанныя обязательства, относившіяся къ Шведскимъ королямъ, ложатся отнынѣ и на Русскаго Императора? Очевидно, имѣлась въ виду именно такая

цѣль. Когда впослѣдствіи успѣхъ, превзошедшій ожиданія Финляндцевъ, придалъ необыкновенную смѣлость Финляндскимъ руководителямъ, они прямо уже стали заявлять, что «все, что̀ постановлено относительно короля въ Шведскихъ основныхъ законахъ, которые въ 1809 году утверждены были для Финляндіи, послѣ 1809 года, разумѣется, примѣняется къ Императору и Великому Князю» (см. брошюру Мехелина «Противорѣчатъ-ли права Финляндіи интересамъ Россіи», стр. 5). Но во время составленія Сеймоваго Устава Финляндскіе руководители не рѣшались еще выразить прямо такое требованіе, помня только-что отвергнутый Государемъ проектъ Уложенія: поэтому придуманы были такія туманныя выраженія, которыя, не выдавая имѣющейся въ виду скрытой цѣли, могли бы быть впослѣдствіи истолкованы въ томъ смыслѣ, что самъ Русскій Монархъ согласился на такое же ограниченіе своихъ правъ, какое примѣнялось въ прошломъ столѣтіи къ Шведскимъ королямъ. Мы увидимъ потомъ, что именно въ этомъ смыслѣ воспользовались сказанными выраженіями въ высочайшемъ утвержденіи Сеймоваго Устава всѣ Финляндскіе законовѣды, составлявшіе проекты основныхъ законовъ Финляндіи и участвовавшіе въ разныхъ по этому случаю комитетахъ и совѣщаніяхъ. Правда, имъ можно бы замѣтить, что для того, чтобы быть послѣдовательными, они должны бы требовать примѣненія къ Русскому Императору не нѣкоторыхъ только, по ихъ выбору, статей Формы правленія и Акта соединенія, но всѣхъ условій, постановленныхъ тамъ для Шведскаго короля, не исключая и обязанности приносить присягу, «навсегда отвергая ненавистное королевское самодержавіе». Но, какъ мы видѣли изъ проекта комитета Норденстама и какъ увидимъ изъ слѣдующихъ подобныхъ же проектовъ, Финляндскіе законовѣды предоставили самимъ себѣ право выбирать, какія изъ требованій Формы правленія и Акта соединенія должны примѣняться къ Русскимъ монархамъ, и отъ какихъ можно ихъ освободить. Отъ императора Александра II-го, несомнѣнно, было скрыто содержаніе этихъ двухъ Шведскихъ законодательствъ, которыя въ то время никому въ Россіи не были извѣстны до напечатанія ихъ въ Русскомъ переводѣ въ классической книгѣ Ордина «Покореніе Финляндіи», вышедшей въ свѣтъ въ 1889 году. Упоминаемая вставка въ высочайшее утвержденіе Сеймоваго Устава своею искусственностью и неумѣстностью должна поразить всякаго читателя, даже непредупрежденнаго о цѣляхъ и пріемахъ Финляндской системы. Назначеніе послѣднихъ строкъ Сеймоваго устава должно состоять единственно въ его утвержденіи высочайшею властью. Все, что̀ не входитъ въ самый Уставъ, не можетъ быть и предметомъ высочайшаго утвержденія. Уставъ касается исключительно состава и образа дѣйствій сеймовыхъ собраній. Какимъ же

образомъ въ утвержденіи его вдругъ явилось общее опредѣленіе правъ и обязанностей Русскаго Императора относительно Финляндіи, о которыхъ дотолѣ нигдѣ не было упоминаемо, и притомъ опредѣленіе, выраженное въ столь отрывочной и загадочной формѣ? Эта неумѣстная и неоправдываемая никакою законною цѣлью вставка, очевидно, сдѣлана единственно для того, чтобы, воспользовавшись случаемъ, поднести на подписаніе Императора хотя бы только косвенную ссылку на Шведскіе конституціонные законы, которыхъ не удалось провести въ проектѣ Уложенія, составленномъ комитетомъ Норденстама. Весьма вѣроятно, что Императору, при представленіи Сеймоваго Устава на утвержденіе, былъ указанъ только § 1-й Акта соединенія и охраненія, который дѣйствительно усвоивалъ королю почти самодержавныя права. Сказанный пріемъ, употребленный въ заключительныхъ строкахъ Сеймоваго Устава, будетъ употребляемъ Финляндцами, какъ мы увидимъ дальше, всякій разъ, когда нельзя достигнуть желаемой цѣли открытымъ путемъ: они прибѣгаютъ тогда къ недомолвкамъ, неясностямъ, или къ частнымъ ссылкамъ на Шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ, чтобы потомъ неясныя мѣста истолковать въ желаемомъ ими смыслѣ, а частнымъ ссылкамъ придать значеніе признанія этихъ Шведскихъ законовъ въ полномъ ихъ объемѣ.

Однако обѣщанное Императоромъ сейму право непосредственнаго предложенія законовъ было исключено изъ Сеймоваго Устава, по той вѣроятно причинѣ, что изъ враждебныхъ Россіи заявленій, обнаружившихся уже на первомъ Гельсингфорскомъ сеймѣ, государь Александръ Николаевичъ убѣдился, что нельзя разсчитывать на признательность Финляндцевъ и что право непосредственнаго предложенія законовъ можетъ повести къ чрезмѣрнымъ требованіямъ и раздражительнымъ словопреніямъ на сеймахъ.

Уставъ о воинской повинности 1878 года.

Второй рѣшительный шагъ къ ограниченію правъ Монарха и къ политическому разъединенію Финляндіи отъ Россіи былъ сдѣланъ изданіемъ Устава о воинской повинности, высочайше утвержденнаго 6 Декабря 1878 г. Манифестомъ, того же числа изданнымъ, повелѣно всѣ существеннѣйшія статьи этого Устава, «въ виду особеннаго ихъ значенія и отчасти заключающихся въ нихъ измѣненій основныхъ законовъ», считать законами основными, т. е. такими, которые, по принятому Финляндцами толкованію § 71-го Сеймоваго Устава, не могутъ уже подлежать дальнѣйшимъ измѣненіямъ и дополненіямъ безъ согласія сейма. Здѣсь опять вставлено упоминаніе о прежнихъ основныхъ,

т. е. Шведскихъ законахъ, наперекоръ тому факту, что дотолѣ Русскіе императоры, въ теченіе 70 лѣтъ, не признавали для себя обязательными никакихъ Шведскихъ законовъ о воинской повинности.

При разсмотрѣніи проекта Устава о воинской повинности бывшимъ военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Милютинымъ произошло слѣдующее, достойное упоминанія, обстоятельство. Еще въ 1871 г. 12 Февраля генералъ - адъютантъ Милютинъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о предположенномъ тогда формированіи Финскихъ войскъ. «Великому княжеству Финляндскому, писалъ онъ, даровано монаршею волею полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе Финляндія, присоединенная къ Россіи силою оружія, составляетъ нераздѣльную часть Имперіи Россійской и слѣдовательно, пользуясь своимъ особымъ *мѣстнымъ* управленіемъ, особыми *мѣстными* законами, не можетъ однакоже домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства. Необходимая и неопровержимая связь Финляндіи съ Имперіею Россійскою должна выражаться прежде всего въ единствѣ верховной власти, а затѣмъ въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными. Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, также какъ и отдѣльной вооруженной силы. Не разъ уже въ прежніе годы былъ возбуждаемъ вопросъ объ учрежденіи въ Финляндіи особой военной системы, на подобіе Прусскаго ландвера. Къ счастію, эти проекты оставались безъ послѣдствій». Предположивъ однако, что существованіе отдѣльнаго Финскаго войска будетъ допущено, генералъ-адъютантъ Милютинъ находилъ, что слѣдуетъ по крайней мѣрѣ положить въ основаніе «нѣкоторыя условія, обезпечивающія, на сколько возможно, общіе интересы Имперіи». Въ числѣ этихъ условій онъ полагалъ между прочимъ два слѣдующія:

а) «Финляндскія войска, также какъ и принадлежащіе имъ склады запасовъ, оружія и все необходимое для ихъ устройства состоятъ въ завѣдываніи Военнаго Министерства и Финляндскаго военно-окружнаго управленія».

б) «Генералы, штабъ и оберъ-офицеры изъ уроженцевъ Финляндіи служатъ безразлично въ войскахъ Финляндскихъ или Русскихъ, а съ другой стороны—въ Финляндскія войска назначаются офицеры изъ уроженцевъ Финляндскихъ или Русскихъ безъ различія, по высочайшему усмотрѣнію».

На этомъ докладѣ положена была слѣдующая высочайшая резолюція: «Главныя основанія, изложенныя въ этой запискѣ, совершенно

согласны съ моими мыслями. Я оставилъ ее у себя для дальнѣйшихъ соображеній». Но затѣмъ въ проектѣ Воинскаго Устава, составленномъ особой коммиссіей, которая состояла изъ однихъ Финляндцевъ, оказались весьма важныя отступленія отъ общаго по Имперіи устава о воинской повинности, не соотвѣтствующія интересамъ Россіи. Въ числѣ уклоненій было и то, что, по проекту комиссіи, главнымъ начальникомъ Финскихъ войскъ назначался генералъ-губернаторъ Великаго Княжества даже и въ томъ случаѣ, когда начальникомъ Финляндскаго военнаго округа было бы назначено другое лицо; генералы же, штабъ и оберъ-офицеры этихъ войскъ должны состоять изъ Финляндскихъ подданныхъ. «Вообще, какъ писалъ генералъ-адъютантъ Милютинъ Финляндскому министру статсъ-секретарю (21 Января 1876 года № 722), въ проектѣ устранялась какая бы то ни было связь Финскихъ войскъ съ Русскою арміей». «Вникнувъ въ сущность этихъ предположеній, продолжалъ онъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что съ утвержденіемъ ихъ какъ бы узаконится существованіе въ предѣлахъ Имперіи совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго войска, которое не будетъ имѣть ничего общаго съ Русскими войсками, т.-е. съ арміею того государства, въ политическій составъ котораго входитъ и Великое Княжество Финляндіи. Было бы несогласно съ существенными интересами Имперіи создавать, по иниціативѣ самого правительства, чуждыя Россіи войска, и притомъ подъ самыми стѣнами столицы». По всѣмъ этимъ и другимъ соображеніямъ генералъ-адъютантъ Милютинъ настаивалъ на исполненіи первоначальныхъ, высочайше одобренныхъ условій, указывая, что только съ ихъ принятіемъ новая организація Финскихъ войскъ могла бы быть «допущена безъ ущерба для интересовъ Россіи, которые въ сущности *были бы болѣе обезпечены продленіемъ настоящаго безоружнаго положенія края*».

Требованія военнаго министра поступили въ Финляндскій Сенатъ, который представилъ возраженія по всѣмъ важнѣйшимъ ихъ пунктамъ, касавшимся установленія прочной связи между Финскими войсками и арміею Имперіи (№ 764). Онъ не допускалъ, напримѣръ, никакой связи между военными учрежденіями Имперіи и Финляндіи и настаивалъ, чтобы эта связь выражалась лишь въ лицѣ военнаго министра, помимо командующаго расположенными въ Финляндіи Русскими войсками (если онъ въ тоже время не генералъ-губернаторъ) и военно-окружнаго управленія. Съ этимъ военный министръ не могъ согласиться, «потому что командованіе войсками въ Финляндіи можетъ быть возложено Государемъ Императоромъ, по видамъ военнымъ, не на мѣстнаго генералъ-губернатора, а на другое лицо, и въ такомъ случаѣ не-

обходимое единеніе въ направленіи дѣйствій войскъ Русскихъ и Финскихъ встрѣтитъ еще бóльшія затрудненія» (25 Октября 1876 года № 9016).

Эти возраженія, вмѣстѣ съ проектомъ Финляндскаго Сената, были доложены покойному Императору Финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ. Параграфъ, касающійся лица, командующаго Финскимъ войскомъ (§ 119 въ окончательной редакціи Устава), былъ утвержденъ Государемъ въ слѣдующемъ видѣ: «Генералъ-губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ Финскихъ войскъ». Баронъ Шернваль-Валленъ, въ отношеніи къ военному министру (2 Декабря 1876 года № 922), объяснилъ, что эти слова прибавлены и изображены собственною Его Величества рукою. Составленный сообразно съ этими и другими указаніями проектъ Устава о воинской повинности былъ предложенъ на обсужденіе сейма, который въ очень многомъ вновь измѣнилъ Уставъ. Измѣненный сеймомъ Уставъ былъ переданъ, по высочайшей волѣ, сперва на разсмотрѣніе Финляндскаго Сената, а затѣмъ на заключеніе военнаго министра. Сенатъ въ своемъ представленіи по этому случаю, обративъ вниманіе на то, что сеймовыя измѣненія во многихъ и притомъ весьма существенныхъ частяхъ расходятся съ высочайше одобреннымъ проектомъ Устава, и перечисливъ соотвѣтственные параграфы, высказалъ однако по всѣмъ пунктамъ полное согласіе съ сеймовыми передѣлками. Но Сенатъ, перечисляя сдѣланныя сеймомъ измѣненія, умолчалъ объ измѣненіи вышеприведенной собственноручной Его Величества редакціи § 119-го, который поэтому могъ почитаться неприкосновенно сохраненнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ сеймомъ былъ возстановленъ первоначальный его текстъ, какъ онъ былъ изложенъ Финляндскою комиссіею, составлявшею проектъ Устава. Финляндскій министръ статсъ-секретарь, въ своей перепискѣ съ военнымъ министромъ, также ни слова не упомянулъ объ этой передѣлкѣ. «О прочихъ сдѣланныхъ земскими чинами измѣненіяхъ, писалъ баронъ Шернваль-Валленъ къ графу Милютину (отношеніе отъ 14 Іюля 1878 года № 512), которыя отчасти относятся къ редакціи, не затрогивая сущности дѣла, отчасти же касаются подробностей, которыя *впослѣдствіи безъ затрудненія могутъ быть измѣнены*, если окажется въ томъ надобность, Сенатъ считаетъ возможнымъ не упоминать». Что же касается требованія военнаго министра, чтобы Русскіе уроженцы были допускаемы въ Финскія войска, то оно вызвало со стороны Финляндскаго министра статсъ-секретаря слѣдующее замѣчаніе: «Значеніе и смыслъ этого узаконенія (о недо-

пущеніи Русскихъ въ Финскія войска) заключается въ томъ, чтобы въ законѣ было точно опредѣлено, что лица, служащія въ Финскомъ войскѣ, кромѣ правъ и обязанностей по военной службѣ, пользуются также правами гражданства въ Финляндіи, а потому имѣютъ наравнѣ съ прочими гражданами края разныя права и обязанности въ гражданскомъ отношеніи, какъ то право на пенсіи изъ Финляндскихъ суммъ, изъ вдовьей и сиротской кассъ, права̀ и повинности по общинному управленію и т. п.» (отзывъ въ Главный Штабъ 8 Октября 1876 года № 807). Но принятіе Финляндскаго гражданства обставлено, даже и для дворянъ Русскихъ, разными стѣснительными формальностями и податями, какъ явствуетъ изъ высочайшаго постановленія 29 Марта 1858 года. Вслѣдствіе сего военный министръ, хотя и соглашался на редакцію § 120-го въ смыслѣ допущенія въ Финскія войска однихъ Финляндскихъ гражданъ, но настаивалъ на исполненіи высочайшей воли, чтобы при пріемѣ на службу въ Финскія войска офицеровъ и чиновниковъ Русскихъ не требовалось относительно признанія ихъ гражданами Финляндіи исполненія формальностей, опредѣленныхъ въ упомянутомъ постановленіи, «но чтобы они считались Финляндскими гражданами на основаніи самаго высочайшаго приказа о назначеніи ихъ на службу въ Финскія войска» (25 Октября 1876 года № 9016). Хотя это предположеніе одобрено было Государемъ Императоромъ, тѣмъ не менѣе исполненіе его было затягиваемо Финляндскими властями. На просьбу военнаго министра о принятіи мѣръ къ исполненію высочайшей па сіе воли статсъ-секретаремъ было отвѣчено, спустя 9 мѣсяцевъ (8 Февраля 1880 года № 87), что къ вопросу о пересмотрѣ постановленія 1858 года «имѣетъ быть приступлено заблаговременно до срока, къ которому должны быть назначены офицеры въ упомянутыя войска». Однако съ того времени и донынѣ, въ теченіи болѣе двадцати одного года, ничего не было сдѣлано для исполненія сказанной высочайшей воли. Министръ статсъ-секретарь видѣлъ, что § 120-й устава былъ редактированъ Финляндцами совершенно несогласно съ высочайшею волей; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ представить этотъ новый законъ къ подписи Государя Императора. Мало того, баронъ Шернваль-Валленъ ходатайствовалъ предъ Государемъ о признаніи этого параграфа, согласно постановленію сейма, основнымъ закономъ, то-есть такимъ, который, по Финляндскому толкованію § 71-го Сеймоваго Устава, можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ не иначе, какъ съ согласія сейма, тогда какъ тотъ же самый баронъ Шернваль-Валленъ, въ письмѣ отъ 2 Декабря 1876 года, № 922, увѣрялъ графа Милютина, что законъ о допущеніи Русскихъ офицеровъ въ Финскія войска можетъ быть изданъ административнымъ путемъ, безъ участія

сейма. Военный министръ не только не былъ извѣщенъ объ отнесеніи § 120-го Устава, вмѣстѣ съ другими наиболѣе важными параграфами, къ числу законовъ, неподлежащихъ измѣненію безъ согласія сейма (по толкованію Финляндцами ст. 71-й Сеймоваго Устава), но Финляндскій Сенатъ и статсъ-секретарь, въ отношеніи отъ 14 Іюля 1878 г. № 512, объяснили, что едва ли можно предполагать, чтобы уже первыя мѣропріятія для устройства военнаго дѣла въ Финляндіи на новомъ основаніи могли быть осуществлены вполнѣ цѣлесообразно и что опытъ скоро укажетъ на необходимость приступить къ измѣненію отдѣльныхъ частей настоящаго перваго Устава о воинской повинности. Въ этихъ видахъ сеймъ ходатайствовалъ, «чтобы по примѣненіи сего Устава, въ теченіе десяти лѣтъ или же ранѣе, если Государь Императоръ признаетъ сіе нужнымъ, земскимъ чинамъ было сообщено предложеніе о внесеніи въ означенный Уставъ измѣненій, какія, по указаніямъ опыта, будутъ признаны необходимыми». Эти объясненія привели къ тому, что графъ Милютинъ (отъ котораго, какъ сказано, скрыто было объ отнесеніи многихъ сеймовыхъ измѣненій въ проектѣ Устава къ числу законовъ, не подлежащихъ, по толкованію Финляндцевъ, измѣненію въ административномъ порядкѣ), согласился на сдѣланныя сеймомъ измѣненія, «въ томъ вниманіи, какъ писалъ онъ, что самый Уставъ, по ходатайству земскихъ чиновъ, предполагается къ утвержденію *какъ временный*, подлежащій пересмотру послѣ десяти лѣтъ примѣненія и даже ранѣе этого срока, если это признано будетъ полезнымъ, и что, по заявленію Финляндскаго Сената, необходимыя въ случаѣ надобности измѣненія въ подробностяхъ и въ редакціи Устава *легко могутъ быть сдѣланы впослѣдствіи*». Окончательнымъ слѣдствіемъ сего было то, что сеймовый проектъ Воинскаго Устава, хотя и противный высочайшимъ предначертаніямъ и интересамъ Россіи, получилъ высочайшую санкцію и былъ введенъ въ дѣйствіе 1 Января (н. ст.) 1881 года.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить вопервыхъ, что самое представленіе проекта Воинскаго Устава на высочайшее утвержденіе чрезъ министра статсъ-секретаря было сдѣлано въ прямое нарушеніе высочайшей инструкціи Финляндскому Статсъ - Секретаріату, изданной 17 Марта 1826 года. Въ § 3-мъ отдѣла 1-го сей инструкціи положительно сказано, что «статсъ-секретарь вѣдаетъ нашу канцелярію по всѣмъ дѣламъ, относящимся *до гражданскаго управленія* Великаго Княжества Финляндіи». На семъ основаніи проектъ Воинскаго Устава подлежалъ докладу не чрезъ Финляндскаго статсъ-секретаря, а чрезъ военнаго министра; но, какъ оказывается, законъ 1826 года былъ скрытъ отъ свѣдѣнія императора Александра Николаевича. Впрочемъ, какъ было уже

сказано выше, Финляндскія власти открыто теперь заявляютъ, что онѣ не признаютъ законной силы ни за какими постановленіями Русскихъ монарховъ, изданными безъ содѣйствія сеймовъ въ теченіе 54 лѣтъ, съ 1809 по 1863 г., то-есть до перваго Гельсингфоргскаго сейма. Вовторыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что самое возбужденіе на сеймѣ 1877—1878 гг. вопроса объ отнесеніи важнѣйшихъ статей Устава о воинской повинности къ числу основныхъ законовъ было сдѣлано противузаконно; ибо тогда сеймъ не имѣлъ еще права возбуждать отъ себя никакихъ законодательныхъ вопросовъ, а тѣмъ менѣе вопросовъ объ основныхъ законахъ, о которыхъ въ ст. 71-й Сеймоваго Устава прямо сказано, что они могутъ быть обсуждаемы на сеймѣ «не иначе, какъ по предложенію Государя Императора». Обстоятельство это также было скрыто отъ Государя Императора при поднесеніи Воинскаго Устава на утвержденіе. Наконецъ, какимъ образомъ можно было причислять къ основнымъ, то-есть наиболѣе устойчивымъ и неизмѣнно дѣйствующимъ, законамъ постановленія объ организаціи войска и о его управленіи, когда, какъ всякому извѣстно, ни одна часть правительственныхъ постановленій не подвергается во всѣхъ государствахъ столь частымъ измѣненіямъ, какъ воинскіе уставы, цѣлесообразность которыхъ находится въ зависимости отъ многоразличныхъ обстоятельствъ данной минуты. Замѣчательно также, что при всѣхъ этихъ столь вопіющихъ нарушеніяхъ закона и государственныхъ интересовъ Россіи, которыми сопровождалось появленіе на свѣтъ Устава о воинской повинности, голосъ Финляндскаго генералъ - губернатора графа Адлерберга какъ бы совершенно отсутствовалъ, хотя ему, какъ предсѣдателю Сената, не могли быть неизвѣстны по крайней мѣрѣ такіе законы, какъ ст. 71 Сеймоваго Устава и высочайшія инструкціи Финляндскому Статсъ-Секретаріату Мало того, когда императоръ Александръ II-й колебался утвердить сеймовый проектъ Воинскаго Устава, тогда, по свидѣтельству самихъ Финляндскихъ историковъ и панегиристовъ графа Адлерберга, сей послѣдній «сумѣлъ разсѣять въ умѣ Императора тѣ сомнѣнія, какія питались въ этомъ отношеніи военнымъ министромъ, и при помощи того большого довѣрія, которое имѣлъ къ нему Александръ II-й, *добился* того, что Уставъ былъ утвержденъ». (См. *Финляндская Окраина*, вып. 2-й, стр. 458—460).

Такимъ образомъ даже въ дѣлѣ организаціи военной силы въ одной изъ областей Русскаго государства, и притомъ въ области ближайшей къ столицѣ государства, Русскій Императоръ не есть теперь, по толкованію Финляндцевъ, единый и верховный распорядитель, а обязанъ свои предположенія по этой части передавать на разрѣшеніе

Финляндскаго сейма; ибо существеннѣйшія статьи Устава о воинской повинности отнесены къ числу основныхъ законовъ, которые, по превратному толкованію Финляндцами статьи 71-й Сеймоваго Устава, не могутъ быть измѣняемы или отмѣняемы безъ согласія сейма, при чемъ достаточно не согласиться съ высочайшимъ предложеніемъ одному изъ четырехъ сословій сейма, чтобы предложеніе это считалось отвергнутымъ. По смыслу и буквѣ Воинскаго Устава, гражданскимъ установленіямъ Финляндіи, сейму и Сенату, предоставлено рѣшать нѣкоторые, чисто-спеціальные военные вопросы, съ которыми соединена безопасность нашей сѣверо-западной границы, какъ напримѣръ вопросы о численности Финскаго войска, о срокахъ службы въ дѣйствующемъ войскѣ и въ запасѣ, о продолжительности учебныхъ сборовъ запаса, о дислокаціи войска. Къ числу же основныхъ законовъ отнесено и то правило, что Финскія войска должны присягать согласно § 18-му Шведской Формы правленія 1772 года, то-есть присягать на вѣрность не только Русскому Императору, но и сеймовымъ депутатамъ (§ 88 Устава о воин. повин.).

Судьба Устава о воинской повинности убѣдительно доказываетъ, что, при существующемъ порядкѣ изданія законовъ для Финляндіи, важнѣйшіе интересы Россіи не обезпечены даже въ тѣхъ немногихъ вопросахъ, которые, какъ вопросъ военный, имѣютъ за себя представителей и охранителей съ Русской стороны. Въ военномъ вопросѣ хотя и признано было нужнымъ выслушать заключеніе военнаго министра, тѣмъ не менѣе его настоянія и предсказанія остались безплодны, и Финляндцы провели въ Уставѣ о воинской повинности все, что̀ имъ было желательно провести. Вслѣдствіе рѣшенія всѣхъ Финляндскихъ дѣлъ по личнымъ докладамъ министра статсъ-секретаря, наши министры и прочія высшія государственныя установленія остаются въ полной неизвѣстности о положеніи того или другого вопроса, касающагося Финляндіи, такъ что напримѣръ генералъ-адъютантъ Милютинъ, давая свое согласіе на нынѣшнюю редакцію § 120-го Воинскаго Устава, не зналъ, что этотъ параграфъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, былъ уже отнесенъ сеймомъ къ числу тѣхъ узаконеній, которыя, по толкованію Финляндцевъ, не могутъ подлежать измѣненію безъ согласія сеймовыхъ депутатовъ. Но большинство вопросовъ Финляндскаго законодательства, въ которыхъ такъ или иначе замѣшаны обще-государственные интересы, вовсе не имѣетъ теперь за себя представителей и ходатаевъ съ Русской стороны и рѣшается единственно по усмотрѣнію Финляндскихъ властей. Финляндскій Сенатъ съ его Шведскимъ языкомъ, никому въ Россіи неизвѣстнымъ, не исключая и назна-

чаемыхъ въ Финляндію генералъ - губернаторовъ, представляетъ изъ себя status in statu, учрежденіе совершенно изолированное отъ всѣхъ государственныхъ властей и недоступное ихъ контролю. Такое учрежденіе вполнѣ обезпечиваетъ тайну Финляндскихъ дѣлъ; тѣсная же солидарность и взаимная поддержка Сената и министра статсъ-секретаря, изъ которыхъ одинъ даетъ начало всѣмъ мѣропріятіямъ и разрабатываетъ ихъ подробности, а другой проводитъ ихъ къ окончательному утвержденію высочайшею властью, представляютъ такую силу, о которую, какъ доказалъ опытъ, разбивались всѣ противодѣйствія, проявлявшіяся по временамъ со стороны Русскихъ министровъ и нѣкоторыхъ Финляндскихъ генералъ-губернаторовъ въ защиту Русскихъ государственныхъ интересовъ.

Замѣчательно, что Финляндскіе историки, въ своихъ писаніяхъ на Шведскомъ языкѣ (стало-быть предназначенныхъ исключительно для своей домашней Финляндской публики), нисколько не скрываютъ той системы, которой слѣдовали ихъ главные дѣятели въ царствованіе императора Александра II-го для проведенія своихъ плановъ, и иногда даже какъ бы хвалятся этою системою. Такъ Финляндскій историкъ и патріотъ Бергъ, въ своей весьма распространенной въ Финляндіи книгѣ «Наше управленіе и наши сеймы», превознося тѣхъ Финляндскихъ дѣятелей, которые провели законъ объ установленіи въ Финляндіи отдѣльной отъ Россіи денежной системы, говоритъ: «Какъ много усердія, осторожности, умѣнья приноравливаться къ обстоятельствамъ и тонкой мудрости нужно было пустить въ ходъ для достиженія этой цѣли, объ этомъ можно заключить изъ того, что Императоръ, когда увидѣлъ всѣ послѣдствія реформы и то впечатлѣніе, какое они должны были произвести въ Россіи, выразился слѣдующимъ образомъ: «on a escamoté mon consentement!» (томъ II, стр. 15). Эта историческая фраза въ Бозѣ почившаго Императора служитъ объясненіемъ происхожденія не одной только монетной реформы въ Финляндіи. По отношенію къ Россіи и Русскому правительству Финляндскіе дѣятели съ давнихъ поръ поставили себѣ за правило не останавливаться ни предъ какими ложью, обманами и подлогами, если они могутъ вести къ достиженію ихъ цѣлей. Вотъ еще одинъ примѣръ въ этомъ родѣ. Авторъ книги «Finlands Historia» (1889 г.) Финляндецъ M. G. Schybergson, разсуждая о Финляндскомъ тарифѣ на ввозимые товары, говоритъ, что въ 1839 году ввозная пошлина для значительнаго числа товаровъ была понижена (замѣтимъ съ своей стороны—къ прямой невыгодѣ Россіи, куда иностранные товары проникали безпошлинно подъ именемъ Финляндскихъ, такъ какъ эти послѣдніе до 1886 года вовсе не оплачивались пошли-

ной при ввозѣ въ Россію, а съ 1886 года нѣкоторая незначительная ихъ часть обложена ничтожною пошлиной сравнительно съ общимъ нашимъ таможеннымъ тарифомъ). Несмотря на допущенное въ 1839 году для Финляндіи пониженіе ввозной пошлины, по словамъ автора сказанной книги, «большое неудобство заключалось въ томъ, что тарифная система Финляндіи не могла быть поставлена въ независимое отъ Россіи положеніе. Но и это препятствіе фонъ-Гартману *) посчастливилось обойти помощью цѣлесообразныхъ распоряженій, между прочимъ посредствомъ полуофиціальнаго таможеннаго тарифа (af en half-officiel tulltaxa), съ таможенными ставками, пониженными противъ ставокъ, установленныхъ офиціально (Finlands Historia, ч. 2-ая, стр. 413, изд. 1889 г.). Другими словами, тарифъ, утвержденный Русскимъ государемъ, несмотря на всю его выгодность для Финляндіи, отложенъ былъ въ сторону, а вмѣсто него Финляндскій Сенатъ ввелъ подложный тарифъ, сочиненный Гартманомъ и еще болѣе выгодный для Финляндіи и убыточный для Россіи. И все это мы узнаёмъ только случайно, изъ отрывочныхъ свѣдѣній, попадающихъ иногда въ Финляндскія книги и газеты, на которыя едва ли найдется въ Россіи больше пяти-шести читателей между чисто-Русскими людьми, не имѣющими притомъ никакого голоса въ нашей правительственной политикѣ! Все прикрываетъ собою офиціальный Шведскій языкъ, которымъ Верховная Власть, еще со временъ Александра I-го, добровольно отрѣзала себя отъ Финляндіи и поставила себя въ невозможность знать что̀ тамъ творится и что̀ внушается народу и обучающемуся юношеству. Въ Петербургѣ пребывали въ постоянномъ заблужденіи относительно Финляндіи. Мало того, даже въ Швецію назначались иногда нашими военными агентами Финляндцы, вслѣдствіе чего случалось, что наше правительство только изъ частныхъ статей въ Русскихъ газетахъ узнавало объ усиленіи Шведскихъ стратегическихъ подступовъ къ границамъ Россіи.

При чтеніи документовъ, разоблачающихъ тѣ средства, которыми Финляндцы достигли утвержденія нынѣ дѣйствующаго Устава о воинской повинности, самъ собою возникаетъ вопросъ: чего именно добивались Финляндцы, устраняя изъ своихъ войскъ Русскихъ офицеровъ и организовавъ эти войска не по Русскимъ образцамъ? Напрасно стали бы мы искать указанія этихъ цѣлей въ тѣхъ объясненіяхъ, которыми сеймъ сопроводилъ Воинскій Уставъ при представленіи его на

*) Упоминаемый здѣсь Гартманъ былъ съ 1841 по 1858 годъ вице-предсѣдателемъ Сената по департаменту экономіи. Такъ-называемый полуофиціальный тарифъ былъ введенъ въ началѣ 40-хъ годовъ.

высочайшее утвержденіе. Эти объясненія до такой степени неясны и запутаны, что ихъ невозможно понять, и часто они вовсе не сходятся съ тѣми статьями Устава, къ которымъ относятся: очевидно это были только объясненія показныя, назначенныя для отвода глазъ. Съ другой стороны, въ дѣлѣ столь щекотливомъ объясненія и догадки посторонняго лица, какъ бы ни были онѣ правдоподобны, не могутъ имѣть полной убѣдительности, ибо все же онѣ остаются мнѣніемъ субъективнымъ и могутъ заключать въ себѣ ошибки. Вполнѣ достовѣрнымъ и не допускающимъ возраженій объясненіемъ сказанныхъ цѣлей могутъ служить только собственныя слова тѣхъ депутатовъ, которымъ въ этомъ вопросѣ принадлежала руководящая роль на сеймѣ.

Когда на сеймѣ нѣкоторыми депутатами дворянскаго или, вѣрнѣе сказать, чиновническаго сословія (во главѣ ихъ стоялъ Л. Мехелинъ) былъ возбужденъ вопросъ о причисленіи важнѣйшихъ параграфовъ Воинскаго Устава къ числу основныхъ законовъ, то ландмаршалъ сейма воспротивился обсужденію этого вопроса, на томъ основаніи, что Уставъ предложенъ Государемъ Императоромъ на разсмотрѣніе сейма вовсе не въ видѣ основного закона, а какъ спеціальное узаконеніе. Тѣмъ не менѣе, сказанный вопросъ подвергся обсужденію; но рѣшеніе отнести важнѣйшіе параграфы Воинскаго Устава къ числу основныхъ законовъ было сперва принято только дворянскимъ и крестьянскимъ сословіями. Какимъ образомъ удалось потомъ склонить къ его принятію и городское сословіе, этого сеймовый историкъ Э. Бергъ не указалъ. Духовное сословіе (къ которому относятся и лица, служащія по учебному вѣдомству) долго не соглашалось со сказаннымъ предложеніемъ, возражая, что имѣющіеся въ виду параграфы Устава, хотя и имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ основнымъ законамъ и сословнымъ привилегіямъ, тѣмъ не менѣе сами по себѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться основнымъ закономъ. Представители духовнаго сословія справедливо указывали на то, что весь Воинскій Уставъ имѣетъ временный характеръ, и потому ни одно изъ его положеній не можетъ быть отнесено къ разряду основныхъ государственныхъ законовъ; съ принятіемъ сдѣланнаго предложенія должны возникать серьезныя затрудненія при каждомъ измѣненіи этихъ чисто-временныхъ узаконеній (см. Эд. Берга).

Обратимся теперь къ наиболѣе характернымъ и откровеннымъ рѣчамъ сеймовыхъ депутатовъ. Онѣ до нѣкоторой степени проливаютъ свѣтъ на стремленія Финляндцевъ. Депутатъ Монгомери (который прежде былъ прокуроромъ Сената, то-есть окомъ генералъ-губернатора и его руководителемъ въ лабиринтѣ неизвѣстныхъ ему Финляндскихъ зако-

новъ на Шведскомъ языкѣ) говорилъ: «Я со своей стороны не могу себѣ представить законопроекта по этому вопросу, который лучше настоящаго согласовался бы съ положеніемъ и потребностями Финскаго народа. Относительно устройства защиты этотъ проектъ содержитъ въ себѣ неоцѣненный шагъ къ лучшему, если принять во вниманіе проектируемое имъ устройство военнаго управленія. Въ какомъ положеніи находится теперь наша страна относительно этой столь важной части государственнаго управленія? Теперь военная повинность или можетъ ограничиваться, какъ въ настоящее время, уплатою ничтожной вакантной подати, или непосильнымъ и долженствующимъ подавить нашу культуру и благоденствіе бременемъ, въ случаѣ постановки арміи въ полномъ составѣ по системѣ поселенныхъ войскъ. Каково наше нынѣшнее положеніе въ военномъ дѣлѣ? Таково, что важнѣйшіе вопросы этого дѣла фактически устранены отъ рѣшенія Финляндскихъ властей, между тѣмъ какъ въ предлагаемомъ вамъ проектѣ военно-административная часть такъ организована и категорически установлена закономъ, что *по важнѣйшимъ ея предметамъ воля страны не останется безъ вниманія.* Если затѣмъ вы обратите вниманіе на самое устройство войска, предлагаемое проектомъ, то увидите, что оно болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое, *въ трудныя времена, которыя всегда могутъ наступить, способно даровать защиту нашему національному существованію, нашимъ учрежденіямъ.* Та форма воинской повинности, которая здѣсь предлагается, не истощая матеріальныхъ силъ страны, даетъ то, что̀ требуется для ея обороны; *она даетъ запасъ инструкторовъ нашему народу, для обученія его владѣть оружіемъ и для сдѣланія его способнымъ въ минуту опасности взяться за мечъ*». Депутатъ генералъ-лейтенантъ Альфтанъ (долго бывшій губернаторомъ въ Финляндіи и недавно умершій въ званіи сенатора) говорилъ: «До сихъ поръ Русскія войска содержали караулы въ странѣ, и въ этомъ заключалось нѣкоторое глубокое униженіе для Финляндіи. Доставляя странѣ возможность получить собственную хорошую военную силу, тѣмъ самымъ признаютъ, что представляется возможнымъ *прекратить то подчиненное политическое положеніе, въ которомъ страна находилась доселѣ.* Страна находится теперь на поворотномъ пунктѣ своихъ судебъ; ея благо или гибель зависятъ отъ правильнаго пониманія нынѣшнихъ обстоятельствъ и того, что̀ можетъ принести съ собою будущее. Достоинство и благо страны рѣшительно предписываютъ, чтобы Финляндія, какъ можно скорѣе, выставила и содержала свое собственное хорошее войско». Депутатъ Л. Мехелинъ находилъ, что «отсутствіе *національной обороны* есть столь очевидный недостатокъ Финляндскихъ учрежденій, что онъ не постигаетъ, какъ

земскіе чины могутъ добровольно желать продлить такое положеніе. Я не думаю, продолжалъ онъ, чтобы кто-либо могъ ожидать, что къ тому, котораго можно назвать безоружнымъ и покровительствуемымъ, будутъ относиться съ такимъ же уваженіемъ, какъ если бы онъ былъ *вооруженнымъ союзникомъ*. Мы можемъ предполагать, что наше положеніе въ союзѣ мало-по-малу пріобрѣтетъ безпристрастную и разумную оцѣнку; мы должны предъявить *на прочномъ основаніи стоящее требованіе, чтобы со стороны другого государства* (подразумѣвается Россіи) *не допускалось никакого вмѣшательства въ наше внутреннее прогрессивное шествованіе* и чтобы отъ насъ не требовалось ничего, что̀ могло бы противорѣчить собственнымъ интересамъ націи. Безоружность въ этомъ случаѣ не даетъ ясности; она, напротивъ того, есть заслоняющая тѣнь вокругъ правъ *Финляндскаго государства*».

Несмотря на понятную сдержанность, какую должны были наблюдать въ своихъ рѣчахъ сеймовые депутаты, изъ приведенныхъ словъ для всякаго становится ясно, какія имѣлись цѣли при учрежденіи Финской арміи и противъ какого врага она предназначалась въ мысляхъ охранителей правъ *Финляндскаго государства*.

Финляндцы сдѣлали все, что̀ могли, для того, чтобы эти цѣли были достигнуты наилучшимъ образомъ. Прежде всего они позаботились дать воинской повинности такой видъ, что она изъ всего Финляндскаго мужского населенія создаетъ вооруженный народъ. Къ отбыванію воинской повинности ежегодно призываются *всѣ* Финляндцы, достигшіе 21 года и способные носить оружіе. Одни изъ нихъ, по жребію, зачисляются въ дѣйствующее войско, другіе въ запасъ. Въ дѣйствующемъ войскѣ срокъ службы полагается только три года, а въ запасѣ пять лѣтъ. Отслужившіе въ дѣйствующемъ войскѣ три года переводятся также въ запасъ на два года, образуя тамъ инструкторовъ. Зачисленные же прямо въ запасъ ежегодно призываются въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ для военныхъ упражненій, въ общей сложности въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Для окончившихъ курсъ въ высшихъ народныхъ школахъ, гимназіяхъ и университетѣ срокъ дѣйствительной службы сокращается на одинъ, полтора и два года. Всѣ окончившіе службу въ запасѣ переводятся, до 40-лѣтняго возраста, въ ополченіе, которое вооружается лишь тогда, когда непріятель вступитъ въ Финляндію. Такимъ образомъ *каждый* Финляндецъ (за исключеніемъ весьма немногихъ категорій) обязанъ пройти или чрезъ дѣйствующее войско, или чрезъ запасъ. Въ этомъ послѣднемъ онъ обучается военному дѣлу, подъ руководствомъ инструкторовъ, въ теченіе 90 дней, что̀ вполнѣ

достаточно для обученія стрѣльбѣ, необходимымъ маневрированіямъ и построеніямъ, въ случаѣ надобности, полевыхъ прикрытій. Затѣмъ каждый Финляндецъ, не достигшій еще 40 лѣтъ, обязанъ явиться на защиту Финляндскаго отечества, въ случаѣ вступленія въ него непріятеля. Въ военное время изъ запаса берется потребное число людей, для укомплектованія дѣйствующаго войска. Финляндская армія назначается только для защиты своего Финляндскаго отечества. При сказанномъ устройствѣ Финляндскаго войска, оно пропускаетъ чрезъ свои ряды все мужское населеніе Финляндіи и быстро образуетъ огромный запасъ людей, освоенныхъ съ военнымъ дѣломъ, такъ что это войско имѣетъ характеръ всенародной милиціи. Научившись владѣть оружіемъ, Финляндскіе милиціонеры живутъ затѣмъ одною жизнью съ народомъ, раздѣляя его симпатіи и антипатіи. При крайне пересѣченной мѣстности этой страны, удобной для засадъ и прерыва непріятелю сообщеній, и при поддержкѣ всего населенія, здѣсь каждый туземный стрѣлокъ будетъ стоить десяти человѣкъ. Въ 1890 году сочтено было полезнымъ увеличить Финляндское національное войско сформированіемъ драгунскаго полка, для котораго лошади доставлены были, по самой дешевой цѣнѣ, изъ нашей кавалеріи. Для того, чтобы строжайше изолировать Финляндскую армію отъ Русскаго войска и укрыть ея духъ, а въ случаѣ войны и ея дѣйствія, отъ глазъ высшаго Русскаго военнаго начальства, постановлено было безусловно закрыть доступъ въ нее Русскимъ офицерамъ и генераламъ, и не допускать включенія ея въ общія военно-окружныя управленія Имперіи. Сказанными средствами Финляндцы надѣялись вполнѣ достигнуть цѣлей, высказанныхъ въ вышеприведенныхъ рѣчахъ ихъ политическихъ руководителей, именно: «чтобы воля страны принималась во вниманіе, чтобы прекращено было теперешнее подчиненное политическое положеніе Финляндіи, чтобы со стороны другого государства не допускалось никакого вмѣшательства въ ея внутреннее прогрессивное шествіе, чтобъ она была избавлена отъ глубокаго униженія видѣть у себя Русскія войска содержащими караулы, чтобы ея военная сила была устроена на конституціонномъ началѣ, однимъ словомъ, чтобъ она изъ безоружной и покровительствуемой страны превратилась въ вооруженнаго союзника». Для того, чтобы закрѣпить за Финляндіей всѣ эти пріобрѣтенія, сеймъ и ходатайствовалъ, чтобы они были признаны основнымъ закономъ и не подлежали уже впредъ никакимъ измѣненіямъ или отмѣнамъ безъ согласія самого сейма въ полномъ его составѣ. По мнѣнію Финляндскихъ властей, цѣль эта достигнута; но читатель уже знаетъ, какъ въ этомъ случаѣ императоръ Александръ II-й былъ введенъ въ обманъ двойственнымъ смысломъ ст. 71-й Сеймоваго Устава, которую впослѣдствіи

Финляндскіе правители стали истолковывать буквально въ смыслѣ Уложенія комиссіи Норденстама, отвергнутаго Императоромъ.

Мы не будемъ говорить о другихъ возможныхъ послѣдствіяхъ сказаннаго, нигдѣ небывалаго въ мірѣ устройства отдѣльной областной арміи,– послѣдствіяхъ, могущихъ обнаружиться, когда измѣнчивое военное счастіе обернется не въ нашу сторону въ случаѣ новаго, весьма возможнаго столкновенія Россіи съ Европейскою коалиціей. Всякому понятно, что никакая держава не станетъ вести войны съ Финляндіею; война можетъ быть только съ Россіею, при чемъ театромъ ея можетъ стать и Финляндія. Само собою разумѣется, что защищать Россію съ этой стороны придется не одному Финляндскому войску, которое слишкомъ слабо для того, чтобы бороться съ Европейскою коалиціей. Защищать Россію придется Русской арміи и Русскому флоту, а Финляндцы могли бы быть только помощниками Русскихъ въ защитѣ общаго государства. Но въ такомъ случаѣ они должны составлять не отдѣльное войско, организованное и управляемое совершенно иначе, чѣмъ Русское, и изъ котораго всякій Русскій элементъ строго изгнанъ, а должны входить въ составъ Русской арміи, безъ чего единство дѣйствій Русскихъ и Финляндцевъ немыслимо. Едва ли можно спорить противъ такой элементарной истины. А если это такъ, то спрашивается: въ виду какого же непріятеля понадобилось Финляндцамъ войско, не только совершенно изолированное отъ Русской арміи, но прямо поставленное къ ней во враждебное положеніе, такъ что ни одинъ офицеръ или генералъ Русской арміи, если онъ не прирожденный Финляндецъ, не допускается въ ряды Финляндскаго войска, тогда какъ такого запрета для Русскихъ не существуетъ ни въ какомъ другомъ войскѣ въ мірѣ? Со времени Петра Великаго и до нашихъ дней Русскіе офицеры и юнкера служили въ арміяхъ и флотахъ всѣхъ Европейскихъ державъ. Между тѣмъ Финляндцамъ широко раскрыты двери въ Русскія войска и во всѣ Русскія военныя и гражданскія учрежденія, гдѣ они часто дѣлаютъ блестящія карьеры. Финляндскіе офицеры, безъ всякихъ формальностей, могутъ тѣмъ же чиномъ переходить въ Русскіе полки. Много дѣтей Финляндцевъ воспитывается на казенный счетъ въ Русскихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и много Финляндскихъ семействъ получаетъ пенсіи изъ Русской казны. Финляндскіе врачи пользуются свободною практикой въ Россіи. Тысячи Финляндцевъ, безъ малѣйшихъ стѣсненій, находятъ себѣ занятія на всѣхъ поприщахъ частной дѣятельности въ Россіи и нерѣдко составляютъ себѣ состоянія, о которыхъ они не смѣли бы и мечтать на своей родинѣ. Въ благодарность за такую широкую равноправность со стороны Рос-

сіи, Русскимъ уроженцамъ закрыты двери всѣхъ Финляндскихъ учрежденій и Финляндскихъ школъ; имъ запрещено строить въ Финляндіи желѣзныя дороги и служить на Финляндскихъ судахъ; Русскіе врачи не могутъ свободно практиковать въ Финляндіи, такъ что тамошнія аптеки отказывались принимать рецепты даже знаменитаго Боткина, проживавшаго тамъ на дачѣ. Русскіе офени, или коробейники, немедленно изгоняются изъ предѣловъ Финляндіи, какъ только попадутся на глаза тамошнимъ полицейскимъ служителямъ. Спрашивается: для чего понадобилось Финляндцамъ такое поголовное изгнаніе Русскихъ гражданъ со всѣхъ поприщъ мѣстной службы и мѣстной дѣятельности, притомъ изгнаніе, прямо нарушающее и какъ бы бравирующее цѣлый рядъ высочайшихъ повелѣній, предоставившихъ Русскимъ людямъ полное право служить въ Финляндіи? Цѣль этихъ изгнаній слишкомъ понятна даже изъ того, что̀ высказано было открыто ораторами Финляндскаго сейма 1877 — 1878 года, именно—освободиться такъ или иначе отъ Русской власти, а для этого приготовиться должнымъ образомъ въ ожиданіи могущихъ произойти событій, благопріятныхъ для Финляндскихъ сепаратистовъ, мечтающихъ только о томъ, чтобы, сбросивъ Русскую власть, самимъ, безъ всякой уже помѣхи и опаски, управлять судьбою двухъ милліоновъ Финскаго народа.

Въ ожиданіи тѣхъ же благопріятныхъ событій Финляндцы уже нѣсколько лѣтъ настойчиво добиваются разрѣшенія имъ продолжить желѣзную дорогу отъ Улеаборга до Торнео, чтобы такимъ образомъ сомкнуть сѣть Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ со Шведскою стратегическою желѣзной дорогой, упирающеюся въ Хапаярви и построенною въ 1890 г. на случай войны Швеціи съ Россіею. Петиція о продленіи желѣзной дороги до Торнео была подана еще на сеймѣ 1891 года; но вслѣдъ затѣмъ на это домогательство и его несомнѣнную цѣль было указано въ вышедшей въ томъ же году моей книгѣ «Финляндскій современный вопросъ» (стр. 208 - 209), и сказанная петиція была отвергнута въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ III, по представленію Финляндскаго генералъ-губернатора. Не смотря на это, тоже домогательство предположено было возбудить вторично на сеймѣ 1896 года, какъ оповѣстили тогда о томъ Финляндскія газеты. На этотъ замыселъ также было мною указано, еще до открытія сейма, въ моей статьѣ «Какъ проведенъ былъ Финляндцами Уставъ 1878 г. о воинской повинности», напечатанной въ Іюльской книжкѣ Московскаго журнала «Русское Обозрѣніе» и вслѣдъ за тѣмъ перепечатанной особою брошюрой. Сколько извѣстно, замыселъ Финляндцевъ не удался и на этотъ разъ. Для незначительныхъ торговыхъ сношеній Финляндіи со

Швеціею существуетъ дешевый морской путь, и нѣтъ повидимому никакой цѣли проводить дорого стоющую желѣзную дорогу въ пустыни Лапландіи. Но эта дорога свяжетъ Шведскую военно-стратегическую желѣзную дорогу со всею сѣтью Финляндскихъ дорогъ, отъ Торнео до Сестрорѣцка и далѣе въ глубь страны, до Куопіо, Сердоболя и Іоэнсуу. На этой сѣти лежатъ важнѣйшіе стратегическіе пункты.

Дарованіе сейму права непосредственнаго предложенія законовъ.

Новый немаловажный успѣхъ для расширенія полномочій сейма пріобрѣтенъ Финлядцами съ изданіемъ манифеста 13 Іюня 1886 года о предоставленіи земскимъ чинамъ права непосредственнаго предложенія законовъ. Еще на первомъ въ царствованіе императора Александра III-го сеймѣ 1882 года земскимъ чинамъ былъ сообщенъ проектъ закона по сему предмету, составленный Сенатомъ въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для Финляндскихъ цѣлей. При семъ въ тронной рѣчи была выражена увѣренность въ Бозѣ почившаго Императора, что земскіе чины Финляндіи сумѣютъ разумно воспользоваться столь важнымъ правомъ и оправдаютъ это новое доказательство его довѣрія и благоволенія къ Финляндскому народу. Не смотря на сіе, сеймъ почелъ нужнымъ облечь предложенный законъ въ форму договора между Монархомъ и земскими чинами, на подобіе Сеймоваго Устава 1869 года. Въ началѣ закона сеймъ прибавилъ: «Мы, нижеподписавшіеся земскіе чины Великаго Княжества Финляндскаго, представители Финляндскаго народа; графы, бароны, епископы, рыцарство и проч., объявляемъ чрезъ сіе» и т. д.; а въ концѣ прибавлено: «для вящшаго же удостовѣренія засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили мы сіе подписью нашихъ именъ и приложеніемъ нашихъ печатей» и т. д. Эта договорная форма и была причиной, что законъ сей не удостоился высочайшаго утвержденія. Но потомъ слѣдующему сейму 1884 года тотъ же законъ опять былъ предложенъ въ его первоначальномъ видѣ, т.-е. въ формѣ манифеста, и по принятіи его сеймомъ уже безъ всякихъ вставокъ, былъ высочайше утвержденъ 13 Іюня 1886 года.

На основаніи сего закона (§ 51 Сеймоваго Устава въ новой редакціи), «земскіе чины, сверхъ предоставленнаго имъ предъ симъ права петиціи, впредь имѣютъ право вносить на сеймъ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ *такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами*. Не могутъ быть однако возбуждаемы предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ

или законовъ объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, а также законовъ о печати. Если земскіе чины, по поводу возбужденнаго предложенія, рѣшатъ принять новый, а также измѣнить или отмѣнить прежній законъ, то должны представить о семъ проектъ Государю Императору и Великому Князю. Въ случаѣ одобренія проекта земскихъ чиновъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, имѣетъ быть издано постановленіе *дословно согласное съ этимъ проектомъ.* Если же проектъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ не можетъ быть одобренъ *въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій,* о чемъ, по повелѣнію Государя Императора и Великаго Князя, земскимъ чинамъ сообщается не позже ближайшаго сейма». Въ этотъ законѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе начальныя слова: «земскіе чины имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ *такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами».* По толкованію Финляндцевъ, § 71-й Сеймоваго Устава требуетъ совокупнаго рѣшенія Монарха и земскихъ чиновъ для изданія или измѣненія *основныхъ* законовъ; теперь же, въ сказанномъ законѣ о правѣ предложеній, подставлены слова, дающія возможность утверждать, что, кромѣ основныхъ законовъ, есть и какіе-то «*общіе законы,* которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора съ земскими чинами». Гдѣ и когда установлено столь важное правило, чрезвычайно расширяющее полномочія, дарованныя сейму Уставомъ 1869 года, и въ такой же мѣрѣ суживающее права Верховной власти? Мы опять встрѣчаемся здѣсь съ пріемомъ, систематически повторяемымъ Финляндцами — неожиданно и какъ бы мимоходомъ вставлять въ подносимыя на высочайшее утвержденіе законоположенія такія выраженія, смыслъ которыхъ съ перваго раза не остановитъ вниманія того, кто не искусился въ законодательной кодификаціи и не предупрежденъ быть насторожѣ, но которымъ потомъ можно будетъ дать такое толкованіе, которое разомъ приблизитъ дѣло къ намѣченной цѣли. Такъ и приведенныя выше вставочныя слова закона 13 Іюня 1886 года, не имѣющія непосредственной связи съ самымъ этимъ закономъ, разрослись потомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми прежними подобными же вставками, въ цѣлую теорію о сеймѣ, какъ о второй Верховной власти Финляндіи. Цѣль приведеннаго закона вполнѣ была бы достигнута, если бы въ немъ просто было сказано, что земскимъ чинамъ предоставляется право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ общихъ законовъ. Вставка же: «такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора съ

земскими чинами», очевидно понадобилась только для того, чтобы, пользуясь симъ удобнымъ случаемъ, провести, хотя бы между строкъ, неудавшіяся попытки комитета Норденстама (§ 40 проекта Уложенія). Достойно также вниманія вступленіе къ закону о правѣ предложеній: вмѣсто того, чтобы прямо сказать, что, во исполненіе выраженнаго императоромъ Александромъ II-мъ намѣренія, постановляется слѣдующее, редакторы манифеста приплели сюда совершенно ненужное для настоящаго дѣла, но нужное для дальнѣйшихъ Финляндскихъ цѣлей указаніе на Актъ соединенія и охраненія, какъ на законъ, будто бы и доселѣ сохраняющій свою силу, и придали этому вступленію такую неудобопонятную редакцію, что распутать его смыслъ невозможно безъ особыхъ комментаріевъ. Разсчетъ Финляндцевъ очевидно тотъ, что чѣмъ неожиданнѣе будутъ эти побочныя вставки и чѣмъ туманнѣе будутъ онѣ выражены, тѣмъ больше вѣроятія, что онѣ пройдутъ, не встрѣтя никакихъ возраженій.

Учрежденіе втораго комитета (Вейсенберга) для кодификаціи такъ называемыхъ основныхъ законовъ Финляндіи и подробный разборъ составленнаго имъ проекта.

Вопросъ объ изданіи свода такъ-называемыхъ основныхъ узаконеній Финляндіи, пріостановленный въ своемъ выполненіи императоромъ Александромъ II-мъ, былъ снова выдвинутъ на сцену въ 1884 году, но на этотъ разъ противъ желанія Сената, который возражалъ противъ кодификаціи законовъ, не желая, очевидно, въ другой разъ выкладывать разомъ всѣ свои карты. Онъ придумалъ другой, болѣе вѣрный способъ для осуществленія Финляндскихъ надеждъ—учрежденіе при Сенатѣ особаго законодательнаго комитета, который разрабатывалъ бы всѣ поступающіе на разсмотрѣніе Сената законопроекты и шагъ за шагомъ велъ бы дѣло къ намѣченной цѣли, какъ и поступали Финляндцы съ 1863 года. Хотя, по ходатайству Сената, такой комитетъ и былъ учрежденъ въ 1884 году, но вслѣдъ затѣмъ, по представленію Финляндскаго генералъ-губернатора и по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Бруна, высочайше повелѣно было 9 Іюня 1884 года учредить, опять-таки изъ однихъ Финляндцевъ, особый комитетъ, «съ порученіемъ ему составить систематическій сводъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся *къ государственному праву Финляндіи*, съ присовокупленіемъ примѣчаній о томъ, что̀ въ практикѣ пра̀ва стало дѣйствовать въ замѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ *основныхъ* законоположеній». Здѣсь опять употреблено загадочное выраженіе «основныя законоположенія», очевидно съ тою цѣлію, чтобы потомъ этому слову придать значеніе Шведскихъ кон-

ституціонныхъ законовъ прошлаго столѣтія. Такъ именно и будетъ поступлено при исполненіи этого высочайшаго повелѣнія. Комитетъ, о которомъ говорилось въ этомъ повелѣніи, былъ учрежденъ въ 1885 году подъ предсѣдательствомъ Вейсенберга. Особой программы ему не было дано; но въ началѣ его занятій ему было разъяснено министромъ статсъ-секретаремъ, что работа его должна ограничиться сводомъ только *основныхъ* законоположеній, а не всѣхъ вообще узаконеній, имѣющихъ отношеніе къ государственному праву. Этимъ разъясненіемъ еще больше развязывались руки комитету въ томъ смыслѣ, что подъ основными законами онъ долженъ понимать не особое провинціальное устройство Финляндіи въ административномъ и судебномъ отношеніи, а именно политическіе основные законы, т.-е. законы, опредѣляющіе составъ и права Верховной власти и способы ихъ осуществленія.

Второй комитетъ, окончившій свою работу въ 1889 году, изложилъ ее въ двухъ частяхъ, которымъ далъ названіе: 1) проектъ Формы правленія для Великаго Княжества Финляндіи, и 2) проектъ сословныхъ привилегій. Эти проекты основаны на тѣхъ же двухъ главныхъ положеніяхъ, на которыхъ былъ построенъ и проектъ перваго комитета, отвергнутый покойнымъ Императоромъ, т.-е. что Финляндія есть автономное государство, соединенное съ Россіей лишь единствомъ царствующаго государя, и что основными ея законами служатъ Шведскіе конституціонные законы прошлаго столѣтія. Но въ развитіи этихъ основныхъ началъ второй комитетъ пошелъ еще дальше перваго относительно ограниченія правъ Русскаго Монарха и обособленія Финляндіи отъ Россіи. Комитетъ сопроводилъ свои проекты мотивами къ онымъ, которые излагаютъ мнимыя юридическія основы не только этого второго проекта, но всѣхъ доселѣ представленныхъ Финляндцами кодификаціонныхъ проектовъ, такъ какъ по существу своему они совершенно одинаковы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти мотивы рисуютъ полную картину нынѣшняго политическаго ученія Финляндцевъ и тѣхъ домогательствъ, которыя они изъ него выводятъ. Поэтому постатейный разборъ второго проекта съ его мотивами будетъ равносиленъ подробному разбору и слѣдующихъ за нимъ двухъ кодификаціонныхъ проектовъ.

Въ своемъ проектѣ второй комитетъ почти исключительно ссылается, какъ на дѣйствующіе будто бы въ Финляндіи законы, на Форму правленія, Актъ соединенія и другіе, еще болѣе старинные Шведскіе законы, а изъ законовъ, явившихся при Русскомъ правительствѣ, упоминаетъ только о тѣхъ, которые изданы при содѣйствіи сейма. Всѣ другія узаконенія, постановленныя Русскою Верховною властью въ эти 80 лѣтъ, комитетъ вычеркиваетъ изъ дѣйствующаго въ Финляндіи за-

конодательства, не смотря на то, что особое привилегированное положеніе, которымъ пользовалась Финляндія въ эти 80 лѣтъ, основывалось именно на законахъ, постановленныхъ или подтвержденныхъ (Общ. Улож. Швеціи 1734 г.) Русскими монархами уже по завоеваніи Финляндіи, а не на Шведскихъ конституціонныхъ законахъ, вовсе не примѣнявшихся Русскимъ правительствомъ къ этой области. Составители проекта не стѣсняясь заявляютъ въ мотивахъ къ проекту Формы правленія, что въ него потому не включены постановленія, изданныя Русскими монархами съ 1809 по 1863 г., что они были введены безъ согласія сейма, въ нарушеніе того порядка, который, по ихъ мнѣнію, долженъ быть соблюдаемъ въ Финляндіи примѣнительно къ порядку законодательства, существовавшему въ Швеціи (при разборѣ проекта по статьямъ, будутъ указаны страницы мотивовъ, гдѣ приводится этотъ доводъ). Такимъ образомъ Финляндскіе законовѣды собственною властью вычеркиваютъ изъ исторіи и законодательства Финляндіи цѣлыхъ 54 года, какъ бы не существовало ни побѣдоносной для Русскаго оружія войны 1808—1809 гг., ни Фридрихсгамскаго трактата, включившаго Финляндію въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи, ни двухъ продолжительныхъ царствованій, въ теченіе которыхъ изъ года въ годъ были издаваемы для Финляндіи, по непосредственному распоряженію верховной власти, новыя узаконенія, составившія съ 1809 по 1859 годъ семнадцать томовъ Сборника постановленій Великаго Княжества. Всѣ тѣ изъ числа этихъ узаконеній, которыя противорѣчатъ новому ученію о Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ, Финляндскими законовѣдами не признаются и упраздняются, какъ неосвященныя согласіемъ земскихъ чиновъ Финляндіи, и эта Русская область, чрезъ пространство цѣлаго столѣтія, прямо примыкается къ политическому строю Швеціи конца прошлаго вѣка. Въ мотивахъ къ Формѣ правленія составители проекта прежде всего разъясняютъ, что̀ слѣдуетъ признавать дѣйствующими основными законами Финляндіи, и для этого дѣлаютъ перечень основныхъ законовъ Швеціи, начиная съ XIV вѣка, отмѣчая, какіе изъ этихъ законовъ должны, по ихъ мнѣнію, признаваться дѣйствующими основными законами Финляндіи (стр. 1—12). Затѣмъ, въ самомъ проектѣ Формы правленія, они по своему произволу выбираютъ статьи изъ старыхъ Шведскихъ законовъ, отыскивая между ними такія, которыя давали бы предлогъ къ возможно большему ограниченію власти Русскаго Монарха въ дѣлахъ законодательства и управленія. Не говоря уже о несообразности общей мысли отыскивать дѣйствующіе въ Финляндіи основные законы въ Шведскомъ законодательствѣ прежнихъ вѣковъ, всѣ разсужденія комитета на эту тему и дѣлаемый имъ подборъ статей есть

сплошная цѣпь произвольныхъ измышленій и вопіющихъ противорѣчій со всею исторіей Финляндскаго законодательства за эти 80 лѣтъ.

Задавшись цѣлью сочинить для Финляндіи новую Форму правленія, на подобіе Шведской Формы правленія 1772 года, комитетъ усвоиваетъ Русской провинціи Финляндіи суверенныя права самостоятельнаго государства, и изъ всѣхъ основныхъ законовъ Имперіи признаетъ имѣющимъ силу для Финляндіи только законъ о порядкѣ престолонаслѣдія (см. проектъ Формы правленія §§ 1 и 2 и мотивы къ сему проекту, стр. 21, 22, 43 и другія [1]). Финляндскому Сенату, который, на основаніи его Регламента (§ 20), «не можетъ употреблять другой власти, кромѣ той, которая Его Императорскимъ Величествомъ оному предоставлена», комитетъ придалъ значеніе верховнаго правительства въ автономномъ государствѣ, замѣняющаго власть отсутствующаго государя (§ 18 проекта Формы правленія), на томъ основаніи, что по § 37-му Шведской Формы правленія 1772 года, въ случаѣ отсутствія короля изъ государства, управленіе королевствомъ ввѣрялось государственнымъ совѣтникамъ, назначаемымъ для сего отъ короля. «Провозглашеніе Императора Россійскаго Великимъ Княземъ Финляндскимъ [2]), разсуждаетъ комитетъ въ мотивахъ къ § 18-му проекта (стр. 42—43), заключало въ себѣ со стороны Финляндскаго народа признаніе, что обладатель верховной власти въ Финляндіи послѣ этого можетъ имѣть резиденцію также и внѣ предѣловъ той территоріи, гдѣ дѣйствовало подтвержденное съ его стороны присягою [3]) Финское государственное устройство. То, чтò въ Шведскомъ государствѣ было исключеніемъ (т.-е. отсутствіе короля изъ страны), въ Финляндскомъ государствѣ стало правиломъ. Поэтому учрежденіе общаго управленія, въ качествѣ постояннаго государственнаго установленія, пребывающаго въ предѣлахъ страны, было лишь послѣдовательнымъ примѣненіемъ основныхъ началъ Формы правленія 1772 года къ новымъ отношеніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ обратилось въ правило, что монархъ имѣетъ резиденцію внѣ предѣловъ страны. Что такое правительство (т.-е. Сенатъ, замѣняющій отсутствующаго государя) необходимо учредить и содержать,

---

[1]) Параграфы проекта и страницы мотивовъ выставлены здѣсь по Русскому ихъ переводу, сдѣланному по распоряженію Финляндскаго генералъ-губернатора и напечатанному in 4° въ Гельсингфорсѣ въ 1889 году. Есть другое изданіе того же перевода, напечатанное in 8° въ Петербургѣ въ 1891 году.

[2]) Такого провозглашенія никогда не существовало и не могло существовать, ибо Русскій монархъ не былъ избранъ Финляндцами, а владѣетъ ими въ силу завоеванія.

[3]) Присяга императора Александра I-го есть также одна изъ множества выдумокъ Финляндскихъ историковъ и законовѣдовъ. Александръ I-й никогда не приносилъ и не могъ приносить присяги предъ Финляндцами, такъ какъ былъ завоевателемъ ихъ страны и полновластнымъ распорядителемъ ихъ судьбы.

это стало красугольнымъ положеніемъ Финляндской конституціи съ того часа, когда императоръ Александръ I-й далъ свое удостовѣреніе, а сословія провозгласили его». До такой невѣроятной степени искажаются историческія событія Финляндскими законовѣдами! Они объясняютъ требованіемъ Шведскихъ законовъ даже учрежденіе Правительствующаго Совѣта, который, не имѣя никакого подобнаго себѣ установленія въ Шведскомъ королевствѣ, данъ былъ Финляндіи самодержавною волей Императора, и Регламентъ котораго, уже послѣ закрытія Боргоскаго сейма, былъ препровожденъ по высочайшей волѣ къ Финляндскому генералъ-губернатору Барклаю-де-Толли, «съ предоставленіемъ ему полной свободы предложить все, что онъ признаетъ нужнымъ, дабы учрежденіе это сдѣлалось дѣйствительно полезнымъ для блага страны» (Покореніе Финляндіи Ордина, II, 417). Одно уже то обстоятельство, что предсѣдателемъ Правительствующаго Совѣта назначался въ Регламентѣ генералъ-губернаторъ Финляндіи, тогда какъ, по § 33-му Шведской Формы правленія, въ Швеціи не допускалось никакихъ генералъ-губернаторовъ внутри государства, доказываетъ, что Шведскіе законы были не при чемъ при учрежденіи этого Совѣта. Высочайшая инструкція, данная прокурору Сената 31 Января 1812 года и дополнявшая нѣкоторыя существенныя стороны Регламента, также не могла бы быть издана безъ согласія сейма, если бы императоръ Александръ признавалъ въ силѣ прежніе Шведскіе законы. Изъ того, что въ Уставѣ о воинской повинности 1878 года на Сенатъ возложены разныя обязанности въ отношеніи Финскаго войска, сочинители проекта заключаютъ, «что эти обязанности достались Сенату на основаніи его общихъ правительственныхъ правъ, и что слѣдовательно характеръ Сената, *какъ правительства страны*, выраженъ также въ этихъ постановленіяхъ» (Мотивы, стр. 52—53). Въ мотивахъ, на стр. 108, комитетъ, повторяя свое прежнее утвержденіе, что Сенатъ олицетворяетъ собою полноту государственной власти прежняго Шведскаго государственнаго совѣта, когда онъ замѣнялъ собою отсутствующаго короля, выводитъ отсюда заключеніе, что «частичная передача правительственной власти какому-либо иному учрежденію, кромѣ Сената, не можетъ имѣть мѣста»; другими словами, что Русскій монархъ не въ правѣ отдѣлить отъ Сената какую-либо часть его теперешняго вѣдѣнія и передать ее другому учрежденію. Наконецъ, въ § 62-мъ сочинители проекта предоставляютъ право созывать сеймъ, кромѣ Императора, тому, «кто уполномоченъ вмѣсто него управлять страной», другими словами Сенату, представляющему собой, по толкованію комитета, замѣстителя отсутствующаго Государя. Излишне пояснять, какія могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, произойти послѣдствія отъ такого сосредоточенія верховной власти въ

рукахъ Сената и собравшагося по его призыву сейма. Учрежденіе Сената составители проекта отнесли къ основнымъ законамъ, вопервыхъ, на томъ основаніи, что Регламентъ Правительствующаго Совѣта былъ будто бы изданъ съ утвержденія Боргоскаго сейма, какъ это предписывалось Шведскими законами, и потому не можетъ быть измѣняемъ единоличною властью Императора и, вовторыхъ, потому, что о Сенатѣ упоминается въ новѣйшемъ основномъ законѣ, т.-е. въ Сеймовомъ Уставѣ 1869 года (Мотивы къ Формѣ правленія, стр. 5—12). Что Боргоскій сеймъ имѣлъ чисто-совѣщательный характеръ и что Регламентъ Правительствующаго Совѣта былъ во многомъ измѣненъ уже послѣ предъявленія его сейму, и слѣдовательно изданъ непосредственно высочайшею властью, это суть факты, документально доказанные въ сочиненіи Ордина «Покореніе Финляндіи». Кромѣ того, Регламентъ Сената и въ послѣдующее время многократно подвергался разнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ въ порядкѣ верховнаго управленія, т.-е. по высочайшимъ манифестамъ и постановленіямъ, напримѣръ 2 Іюня 1826 года, 28 Ноября 1857 года, 28 Ноября 1859 года и 22 Февраля 1869 года. Что же касается упоминанія о Сенатѣ въ Сеймовомъ Уставѣ, то упоминаніе это встрѣчается въ слѣдующихъ четырехъ мѣстахъ: въ § 31 сказано, что членъ Сената не можетъ быть членомъ которой-либо изъ сеймовыхъ комиссій; въ § 40 сказано, что сеймовыя комиссіи, въ случаѣ надобности въ справкахъ, обращаются къ председателю Сената съ просьбой предписать кому слѣдуетъ о доставленіи справки; въ § 47 говорится, что предсѣдатель и члены Сената имѣютъ право присутствовать въ совокупномъ собраніи сословій; наконецъ, въ § 50 сказано, что повелѣнія и предложенія Императора, которыя не были переданы сословіямъ при открытіи сейма, сообщаются ему чрезъ одного изъ сенаторовъ. Вотъ изъ какихъ упоминаній о Сенатѣ комитетъ выводитъ, что учрежденіе Сената должно быть признано основнымъ закономъ, т.-е. такимъ, для измѣненія котораго, по толкованію Финляндцевъ, требуется согласіе сейма. Изъ тѣхъ же упоминаній о Сенатѣ сочинители Формы правленія выводятъ, что «законодатель понималъ Сенатъ, какъ учрежденіе, представляющее Императора и Великаго Князя, и какъ высшую административную власть въ странѣ, съ принадлежащимъ ей правомъ повелѣвать всѣмъ должностнымъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ». (Мотивы, стр. 51—52). Съ такимъ же точно правомъ комитетъ могъ бы вывести изъ Сеймоваго Устава, что къ учрежденіямъ, существующимъ въ силу основнаго закона и представляющимъ Императора и Великаго Князя, принадлежатъ городовые магистраты (§ 12 Сеймоваго Устава), епархіальныя и университетскія консисторіи (§ 15), коронные фохты (§ 20) и пр.;

ибо и объ этихъ учрежденіяхъ также упоминается въ Сеймовомъ Уставѣ. Сочинителямъ Формы правленія понадобилось признать Сенатъ «учрежденіемъ, существующимъ съ неприкосновенностью, сообщаемою основными законами» (стр. 8 мотивовъ), для того, чтобы упрочить на будущее время существованіе въ теперешнемъ видѣ этого высшаго Финляндскаго правительства, которое, купно съ Финляндскимъ Статсъ-Секретаріатомъ, болѣе всѣхъ другихъ причинъ содѣйствуетъ крайней обособленности Финляндіи отъ Россіи. Кромѣ того, въ сочиненной комитетомъ Формѣ правленія нельзя было обойтись безъ упоминанія о Сенатѣ, главномъ правительственномъ учрежденіи Финляндіи. Ради этихъ поводовъ, комитетъ долженъ былъ прибѣгнуть къ сказаннымъ натяжкамъ и несообразностямъ въ своихъ объясненіяхъ къ проекту. Но отнеся учрежденіе Сената къ числу основныхъ законовъ Финляндіи, комитетъ не могъ упустить изъ вида, что § 15-й этого учрежденія находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми Шведскими законами, которые онъ кладетъ въ основу дѣйствующаго теперь въ Финляндіи государственнаго права, такъ какъ въ этомъ параграфѣ прямо сказано, что «непосредственно высочайшей власти принадлежатъ: изъятіе изъ законоположеній, пожалованіе казенныхъ имѣній и доходовъ, и вообще все, что по существующимъ узаконеніямъ отъ особеннаго и непосредственнаго повелѣнія монаршей воли зависитъ». Однако комитетъ нашелъ весьма простое средство выйти изъ этого затрудненія, именно онъ заявляетъ, что означенный параграфъ Регламента Сената «плохо составленъ, и что употребленное въ немъ слово «узаконенія», очевидно, неточно» (стр. 44—45 мотивовъ); но затѣмъ, путаясь въ мысляхъ и словахъ, не даетъ никакой разгадки сказаннаго противорѣчія. О параграфахъ же 16 и 18 Учрежденія Сената, гласящихъ, что наложеніе новыхъ податей, назначеніе чрезвычайныхъ расходовъ и поясненіе существующихъ законовъ относятся также къ непосредственной власти Императора, комитетъ почелъ за лучшее вовсе умолчать въ своихъ мотивахъ, такъ какъ не представляется никакой возможности согласить эти параграфы съ основными Шведскими законами прошлаго столѣтія.

Изъ того, что, на основаніи § 32 Формы правленія 1772 года, Шведскія коллегіи были «обязаны давать королю отчетъ въ своихъ занятіяхъ, когда онъ того потребуетъ, и предъ нимъ только были отвѣтственны за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей» (это значило, что коллегіи не отвѣтственны предъ Государственнымъ Совѣтомъ, какъ было въ періодъ вольницы), а по § 4 той же Формы правленія государственные совѣтники были «подчинены единственно королю и

только предъ нимъ отвѣтственны за свои дѣйствія», сочинители Формы правленія вводятъ въ § 21 своего проекта, что «Сенатъ за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей отвѣтственъ только предъ Императоромъ и Великимъ Княземъ». Другими словами, это значитъ, что Императоръ не можетъ повелѣть уполномоченнымъ отъ него лицамъ разслѣдовать дѣйствія Финляндскихъ сенаторовъ и, въ случаѣ обнаруженныхъ съ ихъ стороны преступленій, судить ихъ по законамъ Имперіи, какъ подданныхъ Русскаго императора. Ссылки на Шведскія коллегіи и государственныхъ совѣтниковъ совершенно неумѣстны, когда дѣло касается Императорскаго Финляндскаго Сената, не имѣющаго съ ними никакого сходства.

Въ § 22 проектъ постановляетъ, что «Сенатъ долженъ имѣть свое мѣстопребываніе внутри страны», ссылаясь при этомъ на введеніе къ Регламенту Правительствующаго Совѣта, на § 1 онаго и на § 37 Формы правленія 1772 года. Но въ Регламентѣ ровно ничего не говорится о мѣстопребываніи Совѣта, а въ § 37 Формы правленія сказано только о назначеніи государственныхъ совѣтниковъ для управленія королевствомъ, въ случаѣ болѣзни или продолжительнаго отсутствія короля. Изъ протоколовъ дворянскаго сословія, веденныхъ на Боргоскомъ сеймѣ, видно, что сами сеймовые депутаты полагали тогда, что Правительственный Совѣтъ будетъ имѣть свое пребываніе въ Петербургѣ. Даже Спренгпортенъ, уже послѣ помѣщенія Совѣта въ Або, представлялъ въ особомъ всеподданнѣйшемъ меморіалѣ о переведеніи его въ Петербургъ.

§ 24-й проекта постановляетъ, что въ члены Сената Императоръ можетъ назначать только «урожденныхъ Финскихъ людей», и основываетъ это требованіе на §§ 4 и 37 Формы правленія и на § 5 Регламента Правительствующаго Совѣта. Но приведенные параграфы Шведской Формы правленія не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ этому правилу, а въ § 5 Регламента сказано только, что «одна половина членовъ Совѣта избирается изъ дворянства, а другая изъ прочихъ сословій Финляндіи». Такъ какъ въ числѣ Финляндскаго дворянства и прочихъ сословій могутъ находиться и дѣйствительно находятся и приписанные въ Финляндіи Русскіе уроженцы, то ни откуда не слѣдуетъ, чтобъ они не могли быть назначаемы Императоромъ въ члены Сената, какъ постановляютъ сочинители Формы правленія. Напротивъ того, въ высочайшемъ манифестѣ 9 Февраля 1816 года (объ именованіи Правительственнаго Совѣта Сенатомъ), на который такъ любятъ въ другихъ случаяхъ ссылаться Финляндскіе законовѣды, сказано, что въ члены Сената императоръ Александръ I-й обѣщаетъ избирать «одинхъ только

коренныхъ Финляндцевъ, или *водворившихся тамъ и Финляндское гражданское право пріобрѣвшихъ*».

Въ § 29, говорящемъ о прокурорѣ Сената, составители проекта почли нужнымъ умолчать, что, на основаніи § 27 Учрежденія Сената, прокуроръ «подчиненъ непосредственно генералъ-губернатору»; напротивъ того, сославшись на § 15 Формы правленія 1772 года, гдѣ говорится, между прочимъ, что «канцлеру юстиціи надлежитъ смотрѣть за тѣмъ, какъ исполняются законы и постановленія и о семъ докладывать королевскому величеству», составители проекта приравниваютъ прокурора канцлеру юстиціи и также предоставляютъ ему непосредственно, помимо генералъ-губернатора, «представлять Императору и Великому Князю отчетъ объ отправленіи правосудія въ странѣ и о своей собственной дѣятельности». Но въ Швеціи канцлеръ юстиціи былъ сановникъ самостоятельный, не пріуроченный особо ни къ какому учрежденію и зависѣвшій только отъ короля. Самое названіе прокурора, не существовавшее въ Швеціи, было употреблено въ Регламентѣ при его передѣлкѣ, уже послѣ распущенія Боргоскаго сейма и заимствовано изъ Русскихъ законовъ; а въ текстѣ, предъявленномъ сейму, этотъ чиновникъ былъ названъ адвокатъ-фискаломъ, примѣнительно къ таковой же должности, существовавшей при Шведскихъ гофгерихтахъ. Упоминаемымъ § 29-мъ проекта значеніе генералъ-губернатора, какъ предсѣдателя Сената, и безъ того уже низведенное Регламентомъ 1809 года до одной формальности, окончательно уничижается. Высочайшею инструкціей прокурору, изданною въ 1812 году, ему предоставляется только доносить Императору о тѣхъ случаяхъ, когда Сенатъ или генералъ-губернаторъ въ чемъ-либо отступятъ отъ точной силы законовъ (§ 7).

Въ § 32 къ гофгерихту, который по проекту является «высшимъ судилищемъ въ судебныхъ дѣлахъ» (§ 30) *), примѣняется тоже правило, которое постановлено о Сенатѣ, т.-е. что за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей гофгерихтъ отвѣтствуетъ только предъ Императоромъ.

Евангелическо - лютеранское вѣроисповѣданіе проектъ признаетъ государственною (offentliga), т.-е. господствующею религіею страны (§ 5), и въ оправданіе этого ссылается, кромѣ старыхъ Шведскихъ законовъ, въ которыхъ такое правило было понятно и законно, еще на

*) А по § 18 проекта Сенатъ также завѣдуетъ высшимъ судомъ и расправой, какъ въ судебныхъ, такъ и въ хозяйственныхъ и прочихъ административныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ является нѣсколько учрежденій съ правами высшей судебной инстанціи: Сенатъ и гофгерихты.

извѣстную грамоту императора Александра I-го отъ 15 Марта 1809 года, изъ которой Финляндцы преимущественно выводятъ всѣ свои воображаемыя права. Но ничего подобнаго въ этой грамотѣ не содержится, а говорится только, что Императоръ «призналъ за благо утвердить и удостовѣрить религію» этой страны, или, какъ сказано въ ст 6-й Фридрихсгамскаго мирнаго трактата, «обезпечить, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры». Русская Верховная власть и во всѣхъ другихъ покоренныхъ Русскимъ оружіемъ областяхъ государства признаётъ свободное отправленіе ихъ религій; но правами господствующаго вѣроисповѣданія повсюду пользуется только православная религія, исповѣдуемая Русскими царями и Русскимъ народомъ, которые совокупными усиліями и жертвами создали Русское государство и поддерживаютъ его крѣпость и единство. Слѣдовательно и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, проектъ дѣлаетъ завѣдомо ложную ссылку на слова императора Александра I-го.

Въ земскомъ уложеніи Швеціи 1442 года существовалъ такъ-называемый отдѣлъ о королѣ, который есть сводъ древнѣйшихъ узаконеній Швеціи о королевской власти, когда въ ней существовалъ еще избирательный образъ правленія и когда избранный король обязывался объѣзжать всю страну для принесенія въ каждомъ округѣ присяги въ соблюденіи народныхъ вольностей. Это древнее Шведское законодательство, упраздненное почти всецѣло въ самой Швеціи въ эпоху присоединенія Финляндіи къ Россіи, комитетъ признаетъ дѣйствующимъ закономъ Финляндіи и ссылается на него во многихъ статьяхъ, которыми онъ ограничиваетъ власть Русскаго Монарха. Такъ, напримѣръ, изъ того, что по королевскому отдѣлу выборный Шведскій король обязывался при вступленіи на престолъ учинять присягу народу, комитетъ выводитъ требованіе, чтобы Императоръ, «при своемъ вступленіи въ управленіе, собственноручно подписывалъ удостовѣреніе сохранять твердо и ненарушимо въ полной силѣ религію Финляндіи и основные законы, а также тѣ привилегіи и права, какими каждое сословіе въ особенности и всѣ жители вообще пользуются согласно конституціи Финляндіи» (§ 3). Комитетъ въ своихъ мотивахъ (стр. 16—17) прибавляетъ, что хотя Шведскій король долженъ былъ повторять свою присягу и при короновaніи, тѣмъ не менѣе «комитетъ въ текстѣ законопроекта упомянулъ только о томъ удостовѣреніи, которое Монархъ *обязанъ* давать при своемъ вступленіи въ управленіе, но не внесъ постановленія о представленіи такого удостовѣренія также и при коронаціи». Комитетъ какъ бы считаетъ, что онъ этимъ сдѣлалъ нѣкото-

рое снисхожденіе въ пользу Русскихъ монарховъ, забывая даже, что въ Гельсингфорсѣ они не коронуются и потому, если бъ не было сдѣлано въ ихъ пользу сказаннаго снисхожденія, то имъ пришлось бы въ стѣнахъ Московскаго Успенскаго собора, предъ лицомъ избранныхъ чиновъ кореннаго Русскаго народа, представлять удостовѣреніе въ соблюденіи договора между Русскою Верховною властью и земскими чинами Финляндіи.

Въ королевскомъ отдѣлѣ земскаго уложенія воспрещалось выборному королю уменьшать что-либо для послѣдующаго короля изъ назначеннаго для содержанія короля Упсальскаго удѣла и другихъ казенныхъ имѣній. Потомъ, при наслѣдственной монархіи, частое нарушеніе этого постановленія раздачами земель въ ленное владѣніе членамъ королевской фамиліи вызвало сеймовое рѣшеніе 1650 года, по которому «государство должно всегда пребывать однимъ тѣломъ, подъ властью правящаго короля». Комитетъ, руководствуясь этими древними Шведскими узаконеніями и желая, какъ онъ говоритъ въ своихъ мотивахъ (стр. 18), выразить мысль «о недѣлимости государственной территоріи» Финляндіи, постановляетъ въ § 4 проекта, что «никакая часть Великаго Княжества не можетъ быть отъ него отдѣляема и что провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными подъ властью одного государя». Такъ какъ въ Россіи давно уже не существуетъ никакихъ леновъ или удѣловъ, то эта статья проекта сочинена очевидно на тотъ случай, если бъ Русское правительство вздумало исправить роковую ошибку императора Александра I-го и вновь слить съ Русскими губерніями старинное пріобрѣтеніе Россіи, Выборгскую губернію.

Въ § 10 комитетъ предписываетъ Государю, что онъ «*одинъ* управляетъ Финляндіею способомъ, указаннымъ въ § 2 сей Формы правленія», т.-е. «согласно съ сею Формою правленія и прочими законами Финляндіи». Это предписаніе комитетъ заимствовалъ изъ Формы правленія 1772 г., гдѣ сказано о королѣ (въ § 2), что «онъ и никто другой долженъ управлять государствомъ». Смыслъ этихъ словъ объясняется событіями, предшествовавшими изданію Формы правленія, и самымъ вступленіемъ къ оной, въ которомъ говорится, что сословія Шведскаго государства «по несчастному опыту узнали, что, подъ именемъ благородной свободы, нѣкоторые сограждане наши возвысились до господства, которое стало тѣмъ невыносимѣе, что, возникнувъ изъ своеволія, оно укрѣплялось корыстью и жестокостью и наконецъ получило поддержку отъ иноземной власти. Оно повергло бы насъ въ

величайшую опасность и могло бы привести государство къ той горькой участи, на какую указываютъ намъ исторія прежнихъ временъ и примѣры нашихъ сосѣдей». Въ предотвращеніе на будущее время такого самовластія Шведскаго высшаго дворянства, вырвавшаго всю власть изъ рукъ короля въ періодъ вольницы, предшествовавшій принятію Формы правленія 1772 г., въ ней и постановлено, что король, а никто другой, долженъ управлять государствомъ. Казалось бы, нѣтъ никакой надобности повторять это требованіе относительно Русскаго Государя, такъ какъ въ Россіи не существуетъ никакой олигархіи, которая, «возвысившись до господства, повергла бы страну въ величайшую опасность». Но комитетъ почелъ нужнымъ повторить въ § 10 проекта тоже требованіе очевидно для того, чтобы на него можно было сослаться въ томъ случаѣ, если бъ Верховною властью было признано необходимымъ, для прекращенія теперешней, столь вредной для государства отчужденности Финляндіи отъ общегосударственнаго управленія, поручить центральнымъ государственнымъ властямъ надзоръ и контроль за дѣйствіями Финляндскихъ провинціальныхъ учрежденій.

Въ § 16 Шведской формы Правленія 1772 г. сказано, что «всѣ комиссіи, депутаціи съ правомъ суда или экстраординарныя судилища съ этихъ поръ упраздняются, какъ средства, способствующія самодержавію и тираніи». Въ § 11 проекта буквально повторяется тоже правило, съ пропускомъ только послѣднихъ пояснительныхъ словъ. Въ мотивахъ же (стр. 26) комитетъ поясняетъ, что хотя сказанное запрещеніе въ старыхъ Шведскихъ законахъ «касалось судилищъ, учреждаемыхъ для особыхъ случаевъ, но, по его мнѣнію, оно направлено также вообще противъ учрежденія, безъ согласія сейма, спеціальныхъ судовъ для отправленія функцій, принадлежащихъ указаннымъ въ общемъ законѣ судебнымъ учрежденіямъ». Другими словами, въ случаѣ обнаруженія въ Финляндіи политическаго заговора, измѣны или посягательствъ на жизнь Русскихъ военнослужащихъ (единственныхъ тамъ охранителей Русской государственной власти), сказанною статьею проекта отъ Русскаго Императора отнимается право изъять эти дѣла изъ вѣдѣнія тамошнихъ слѣдователей и судовъ и поручить ихъ разслѣдованію и суду лицъ, облеченныхъ особымъ монаршимъ довѣріемъ.

Сочинители проекта до того простерли отрицаніе за Русскимъ Императоромъ всякихъ самостоятельныхъ правъ надъ Финляндіей, что даже такія общепризнанныя за всѣми монархами прерогативы, какъ «право начинать войну, заключать миръ и союзъ съ иностранными державами, имѣть верховную власть надъ военными силами и укрѣп-

леніями Финляндіи, въ уголовныхъ дѣлахъ миловать и освобождать отъ смертной казни и возводить въ Финляндское дворянское достоинство», выводять, въ §§ 12—14 проекта, изъ Формы правленія 1772 года и Акта соединенія 1789 г., а не изъ того, что Русскій Императоръ есть верховный обладатель этой, завоеванной безъ всякихъ условій области Россіи. Но даже и здѣсь проектомъ предусматривается случай, когда Финляндское рыцарство и дворянство могутъ, на основаніи Формы правленія 1772 г., отказать въ пріемѣ въ свою среду лицу, возведенному Императоромъ въ Финляндское дворянское достоинство (§ 14 проекта и стр. 26—27 мотивовъ). Относительно права Русскаго Монарха заключать договоры съ иностранными правительствами сочинители проекта также дѣлаютъ оговорку, что, «въ случаѣ заключенія договоровъ о дѣлахъ неполитическихъ, содержаніе договора не должно противорѣчить законамъ, явившимся при содѣйствіи сейма, въ противномъ же случаѣ всегда слѣдуетъ предварительно получить согласіе народнаго представительства».

Въ § 17 проектъ постановляетъ, что «всѣ дѣла, зависящія отъ собственнаго рѣшенія Императора, докладываются ему статсъ-секретарями, и ссылается здѣсь на § 21 Формы правленія 1772 года, тогда какъ тамъ ничего подобнаго не содержится, а говорится о составѣ и предметахъ вѣдомства 4-й государственной коллегіи или государственной канцеляріи. Хотя въ числѣ ея членовъ и упоминаются тамъ статсъ-секретари, но они, кромѣ названія, не имѣли ничего общаго съ Финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ, который есть учрежденіе единоличное, тогда какъ въ Швеціи было нѣсколько статсъ-секретарей, и они были чиновниками второстепеннаго ранга, наблюдавшими за дѣлопроизводствомъ въ государственной канцеляріи На основаніи Формы правленія (§ 8), король въ государственныхъ дѣлахъ выслушивалъ мнѣніе не статсъ-секретарей, а государственныхъ совѣтниковъ, высшихъ послѣ короля правительственныхъ лицъ, которые въ періодъ вольницы исхитили почти всю власть изъ рукъ короля. Но Актъ соединенія и охраненія 1789 г. (§ 1) освободилъ короля отъ обязанности выслушивать мнѣнія государственныхъ совѣтниковъ по какимъ бы то ни было дѣламъ; а вслѣдъ затѣмъ Густавъ III уничтожилъ и самый государственный совѣтъ. Стало быть даже въ старыхъ Шведскихъ порядкахъ не отыскивается никакого предлога къ тому, чтобы дѣла о Финляндіи докладывались Императору непремѣнно Финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ. Составителямъ проекта понадобилось сочинить это правило «о статсъ-секретаряхъ», на дѣлѣ несуществующихъ въ Финляндіи во множественномъ числѣ, только для того, чтобъ и

впредъ по дѣламъ, касающимся Финляндіи, Императоръ обязательно выслушивалъ только мнѣнія и совѣты Финляндскаго статсъ-секретаря и не могъ бы прибѣгать къ содѣйствію Русскихъ государственныхъ лицъ. Съ тою же цѣлію сочинители Формы правленія постановляютъ въ томъ же § 17-мъ, что «статсъ-секретари должны быть урожденными Финскими людьми», и при этомъ ссылаются на § 1 Акта соединенія, въ которомъ сказано, что «всѣ должности въ Шведскомъ государствѣ должны замѣщаться природными Шведскими людьми». Казалось бы, приведенная ссылка прямо противорѣчитъ тому, чего добиваются составители проекта; ибо изъ нея видно, что въ Швеціи допускались на службу только лица, принадлежавшія къ господствующей Шведской націи, а отнюдь не Померанцы, Финны или другіе инородцы изъ подвластныхъ Шведской коронѣ областей. Если доселѣ на должность Финляндскаго статсъ-секретаря были назначаемы, за исключеніемъ Сперанскаго, одни Финляндцы, или, вѣрнѣе сказать, тамошніе Шведы, то на это была воля государей, и отъ той же самодержавной воли зависитъ измѣнить такой обычай, если онъ будетъ признанъ вреднымъ.

Въ § 34-мъ, на случай, если Сенатъ или гофгерихтъ провинятся въ государственномъ преступленія, составители проекта устанавливаютъ государственный судъ, составъ котораго буквально выписываютъ изъ § 16 Формы правленія 1772 года, назначая предсѣдателемъ этого суда самого Императора (вмѣсто Шведскаго короля), или его Наслѣдника (вмѣсто кронъ-принца), или имѣющаго ближайшее право на престолъ послѣ Наслѣдника (вмѣсто перваго изъ наслѣдныхъ князей), или же занимающаго первое мѣсто въ Финляндскомъ Сенатѣ (вмѣсто старшаго изъ государственныхъ совѣтниковъ), а въ члены этого суда сажаютъ (буквально по сказанному параграфу Формы правленія) какихъ-то несуществующихъ въ Финляндіи статсъ-секретарей и по нѣскольку находящихся на *Финской службѣ* полныхъ генераловъ и адмираловъ, генералъ-лейтенантовъ и вице-адмираловъ, генералъ-маіоровъ и контръ-адмираловъ (составители проекта выпустили только, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, фельдмаршала, канцлера двора и президентовъ коллегій). Обвинителемъ, вмѣсто Шведскаго канцлера юстиціи, назначается прокуроръ Сената. «Приговоръ государственнаго суда, говорится въ проектѣ, никто не можетъ измѣнить и еще менѣе усугубить; у Императора и Великаго Князя не отъемлется однако право помилованія». Столь необычайная и нигдѣ теперь не существующая обстановка суда надъ Финляндскимъ Сенатомъ и гофгерихтами придумана очевидно для того, чтобы поднять эти мѣста на недосягаемую высоту въ сравненіи даже съ самыми высшими учрежденіями Имперіи.

Въ § 16 Формы правленія 1772 г. упоминается о «лицахъ столь высокаго происхожденія», подлежащихъ сужденію государственнаго суда въ случаѣ государственныхъ преступленій. По объясненію составителей проекта, подъ этими словами слѣдуетъ разумѣть принцевъ королевскаго дома; поэтому они сожалѣютъ, что «примѣненіе этого параграфа Формы правленія 1772 г. къ нынѣшнимъ условіямъ Финляндіи соединено съ различными затрудненіями и что его нельзя будетъ примѣнить къ государственнымъ преступленіямъ (подразумѣвается—противъ Финляндіи), какія могутъ быть совершены *въ странѣ* членами Императорскаго Дома, такъ какъ нельзя предполагать, чтобы Императоръ Александръ I во время соединенія Финляндіи съ Россіею отказался въ какомъ либо отношеніи отъ своего неограниченнаго права суда надъ этими высокими особами» (мотивы, стр. 57): сожалѣніе и заботливость по меньшей мѣрѣ излишнія, ибо нельзя даже представить себѣ такого случая, гдѣ членъ Русскаго Императорскаго Дома могъ бы оказаться виновнымъ въ государственномъ преступленіи—не противъ Россіи и ея Государя, а противъ Финляндіи. Но это сожалѣніе нынѣшнихъ Финляндскихъ законодателей о томъ, что проектируемый ими Финляндскій государственный судъ, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, будетъ лишенъ возможности привлекать къ своему разбирательству членовъ Русскаго Императорскаго Дома, ярко живописуетъ ту, можно сказать, чудовищную манію величія, которою одержимы теперешніе Финляндскіе дѣятели и которая зародилась и выросла у нихъ до такихъ размѣровъ именно вслѣдствіе предоставленнаго имъ въ теченіе многихъ лѣтъ безграничнаго своеволія и отсутствія всякаго за ними надзора со стороны государственной власти.

Въ § 33-мъ Шведской Формы правленія сказано: «не должно быть никакого генералъ-губернатора внутри государства, развѣ только въ особенныхъ случаяхъ и на опредѣленное время». Не имѣя силъ упразднить должность Финляндскаго генералъ-губернатора, существующую въ прямое противорѣчіе со сказаннымъ предписаніемъ Формы правленія, и въ тоже время желая настоять на томъ началѣ, что основными законами Финляндіи всегда признавались Шведскіе законы 1772 и 1789 гг., сочинители проекта въ § 35-мъ такъ переиначиваютъ § 33-й Формы правленія: «не можетъ быть назначаемо другое должностное лицо, кромѣ генералъ-губернатора, съ властью надъ управленіями нѣсколькихъ губерній, иначе какъ при особенныхъ обстоятельствахъ и на извѣстное время». Но такъ какъ это предполагаемое лицо съ властью надъ управленіями нѣсколькихъ губерній и называется обыкновенно генералъ-губернаторомъ, то приведенныя слова проекта

означаютъ, что кромѣ Финляндскаго генералъ-губернатора не можетъ быть назначаемо другого Финляндскаго генералъ-губернатора. Составители проекта не останавливаются даже предъ подобными, не имѣющими смысла фразами, чтобы только остаться вѣрными созданной ими фикціи, что Финляндія управляется на основаніи Шведскихъ законовъ прошлаго столѣтія.

Въ §§ 36 и 39 проектъ предоставляетъ Русскому Императору «полную власть постановлять объ учрежденіи новыхъ должностей и службъ и объ упраздненіи прежде существующихъ, а также издавать для должностныхъ и служащихъ лицъ инструкціи, регламенты и предписанія», и выводятъ эти, какъ бы весьма важныя для Русскаго Императора, прерогативы изъ Акта соединенія дѣлая однако, и здѣсь оговорку, что все сіе предоставляется Русскому Императору «постольку, поскольку это происходитъ не въ противорѣчіе съ сею Формою правленія, или съ другимъ закономъ, изданнымъ при содѣйствіи земскихъ чиновъ». Равнымъ образомъ изъ тѣхъ же старыхъ Шведскихъ законовъ составители проекта въ § 39 выводятъ, что «Императоръ замѣщаетъ всѣ тѣ должности и служебныя мѣста, о которыхъ законъ, изданный при содѣйствіи земскихъ чиновъ, не постановляетъ иначе». Выходитъ, что земскіе чины вездѣ на первомъ планѣ, а Русскій Императоръ, даже при назначеніи на должности, можетъ дѣйствовать лишь постольку, поскольку будетъ ему дозволено земскими чинами. До какой степени Финляндскіе законовѣды возвышаютъ свои земскіе чины даже предъ особою Русскаго Императора, видно также изъ того, что въ Уголовномъ Уложеніи 1889 года за насиліе надъ членами Императорской Фамиліи опредѣлялось только тюремное заключеніе, а за покушеніе на жизнь Монарха—условное лишеніе довѣрія согражданъ: именно Финляндскій судъ могъ признать по своему усмотрѣнію, что «въ свойствахъ этого преступленія не заключается повода» лишить преступника довѣрія Финляндцевъ (гл. XI, § 6). Между тѣмъ за посягательство на свободу совѣщаній и рѣшеній земскихъ чиновъ Финляндіи Уложеніе назначало заключеніе, не менѣе какъ на два года, въ смирительномъ домѣ, замѣняющемъ въ Финляндіи каторгу (гл. XV, § 1). Въ томъ же § 39 проекта Формы правленія прибавлено, что «Императору предоставляется поручать употребленіе своего права замѣщать должности Сенату или другой *Финской* власти». Это указаніе на то, что Императоръ не можетъ поручить въ извѣстныхъ случаяхъ замѣщеніе должностей довѣренному лицу или учрежденію не изъ Финскихъ властей, комитетъ выводитъ «изъ всего смысла основнаго закона и въ особенности изъ того постановленія (самимъ же комитетомъ сочиненнаго),

что всѣ должности, за нѣкоторыми исключеніями, должны быть замѣщаемы урожденными Финскими людьми» (мотивы, стр. 60).

Въ § 43-мъ сочинители Формы правленія постановляютъ, что «должности и служебныя мѣста должны быть замѣщаемы только урожденными Финскими людьми, и посему иноземные люди (подъ каковыми разумѣются Русскіе уроженцы) не могутъ быть употребляемы на службѣ страны, ни на гражданской, ни на военной, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они могутъ блестящими и великими свойствами своими доставить странѣ большую честь и значительную пользу». Но о статсъ-секретаряхъ и членахъ Сената подтверждается въ этой статьѣ и относящихся къ ней мотивахъ (стр. 63 — 70) выраженное уже прежде правило, что эти должностныя лица непремѣнно должны быть Финскими людьми, и что Русскіе, хотя бы отличались блестящими и великими свойствами, безусловно не должны быть допускаемы на эти должности. Для подкрѣпленія перваго изъ сихъ предписаній составивители проекта вдаются въ изслѣдованія Шведскихъ законовъ, начиная съ королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 года и до Акта соединенія и охраненія 1789 года, и выписываютъ изъ нихъ мѣста, которыми узаконялось, какъ общее правило, что только урожденные *Шведскіе* люди могутъ занимать должности въ Шведскомъ королевствѣ. Составители проекта, вмѣсто «урожденные Шведскіе люди», подставляютъ «урожденные *Финскіе*», и такимъ образомъ «непреложнымъ требованіемъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законовъ» у нихъ является то, о чемъ жители этого края тщетно ходатайствовали предъ риксдагомъ при существованіи тѣхъ же самыхъ основныхъ законовъ. По Шведскимъ законамъ, исключеніе изъ сказаннаго правила допускалось только для тѣхъ иностранцевъ, которые блестящими и великими качествами могли принести государству большую честь и значительную пользу (§ 10 Формы правленія 1772 года). Однако, начиная съ королевскаго отдѣла 1442 года, въ старыхъ Шведскихъ законахъ предписывалось, что «натурализованные не могутъ быть назначаемы на должности государственныхъ совѣтниковъ, которыя должны замѣщаться только урожденными Шведами, рыцарями и свеннами (дворянами)». «Никакой уступки въ родѣ той, которая сдѣлана въ § 10 Формы правленія, не существуетъ для государственныхъ совѣтниковъ». Приравнивая къ прежнему Шведскому государственному совѣту теперешній Финляндскій Сенатъ, будто бы замѣнившій собою государственный совѣтъ, проектъ требуетъ, чтобъ и сенаторы назначались исключительно изъ Финскихъ людей. «Постановленія основнаго закона, говорится въ мотивахъ, въ этомъ отношеніи были вполнѣ приняты во вниманіе при учрежденіи туземнаго правительства въ Финляндіи въ 1809 г.» Запрещеніе же назначать министра статсъ-секретаря не изъ

прирожденныхъ Финскихъ людей сочинители проекта выводятъ изъ тѣхъ соображеній, что «министръ статсъ-секретарь на самомъ дѣлѣ въ извѣстномъ отношеніи заступилъ мѣсто того члена Шведскаго государственнаго совѣта, который былъ президентомъ государственной канцеляріи: поэтому въ отношеніе его должно дѣйствовать не только то, чтѐ предписано въ основномъ законѣ о статсъ-секретаряхъ, но и то постановленіе Формы правленія 1772 г., по которому президентъ канцеляріи долженъ быть назначаемъ изъ уроженцевъ страны» (мотивы, стр. 63—67). Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ разсужденіяхъ, составители проекта нимало не стѣсняются тѣмъ, что завѣдомо утверждаютъ факты, никогда несуществовавшіе, и что разсужденія ихъ противорѣчатъ даже простой здравой логикѣ. Изъ документовъ, напечатанныхъ въ книгѣ Ордина «Покореніе Финляндіи», равно какъ и изъ самаго содержанія Регламента Правительствующаго Совѣта, видно, что при учрежденіи сего Совѣта вовсе не принимались въ соображеніе постановленія Формы правленія о Шведскомъ государственномъ совѣтѣ. Какимъ образомъ Правительствующій Совѣтъ могъ явиться замѣстителемъ Шведскаго государственнаго совѣта, когда сей послѣдній былъ уничтоженъ Густавомъ III еще въ 1789 г. и когда его вредная роль въ государственныхъ дѣлахъ хорошо была извѣстна нашему правительству по документамъ еще недавняго Екатерининскаго времени, когда Русское правительство близко слѣдило за внутренними раздорами Швеціи? Не далѣе, какъ въ 1867 г. высочайшимъ рескриптомъ отъ 26 мая было разъяснено, что Финляндскій Сенатъ «никакимъ закономъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами существовавшаго до 1789 г. Шведскаго государственнаго совѣта». Наконецъ не ясно ли для всякаго, что постановленіе Шведскихъ законовъ о томъ, чтобы на должности государственныхъ совѣтниковъ были назначаемы только «урожденные Шведы, рыцари и дворяне», т.-е. люди господствующей націи, если бъ оно было принято нашимъ правительствомъ и примѣнено къ членамъ Финляндскаго Сената и къ статсъ-секретарю, повело бы за собою устраненіе Финляндцевъ отъ этихъ должностей и замѣщеніе ихъ Русскими? При сколько-нибудь серіозномъ отношеніи къ дѣлу можно ли даже допускать мысль, что императоръ Александръ І-й, поручая веденіе и докладываніе ему Финляндскихъ дѣлъ сперва Сперанскому, а потомъ Ребиндеру, имѣлъ въ виду исполнить этимъ требованіе Формы правленія 1772 г. и замѣнить ими Шведскаго государственнаго канцлера, тогда уже несуществовавшаго и въ самой Швеціи? Не значитъ ли это строить порученный комитету трудъ на сплетеніи басней и произвольныхъ, впередъ задуманныхъ выводовъ? Но сдѣлавъ столько изысканій въ старыхъ Шведскихъ законахъ для

подкрѣпленія § 43 проекта, составители его не могли же упустить изъ вида, что въ Финляндіи существуетъ законъ, прямо опровергающій § 43 проекта, именно высочайшее постановленіе императора Николая отъ 2 Августа 1827 г., гласящее такъ: по такимъ-то и такимъ основаніямъ, «сообразно съ обязанностями державнаго нашего сына, признали мы за благо постановить и повелѣть слѣдующее: лица Греко-россійскаго исповѣданія, пріобрѣвшія уже въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ гражданское право или впредъ оное пріобрѣтающія, могутъ поступать въ гражданскую и военную службу того края и, соразмѣрно способностямъ и заслугамъ своимъ, быть опредѣляемы въ должности» и проч. Кромѣ того, по отношенію въ частности къ членамъ Сената, въ высочайшемъ манифестѣ отъ 9 Февраля 1816 г. допускалось, какъ было уже упомянуто, избирать на эту должность «водворившихся тамъ и Финляндское гражданство пріобрѣвшихъ». Но сочинители основныхъ законовъ для Финляндіи, присвоивъ себѣ право лишать силы всѣ тѣ постановленія Русскихъ монарховъ, которыя были изданы безъ одобренія сейма, нисколько не затруднились объявить и оба эти постановленія высочайшей власти неимѣющими законной силы (хотя въ другихъ случаяхъ они ссылаются на манифестъ 1816 г., какъ на главный аргументъ ихъ конституціонныхъ домогательствъ). Они разсуждаютъ такимъ образомъ: «Можетъ быть, возразятъ, что *въ административныхъ постановленіяхъ* (такъ называютъ они законы, изданные безъ одобренія сейма), изданныхъ послѣ 1809 г., встрѣчается взглядъ, по которому натурализованные *иностранцы* (т.-е. Русскіе уроженцы, записанные въ число Финляндскихъ гражданъ) также могутъ быть опредѣляемы на Финскую государственную службу. Но такъ какъ такой взглядъ, поскольку онъ не относится къ такимъ иностранцамъ (т.-е. Русскимъ), которые блестящими и великими качествами приносятъ странѣ большую честь и значительную пользу, противорѣчитъ основному закону (т.-е. Шведской Формѣ правленія) и никоимъ образомъ не пріобрѣлъ права давности, то комитетъ не можетъ признать его (т.-е. взгляда императоровъ Александра I-го и Николая I) основательности. Въ частности, едва ли можно полагать, чтобъ императоръ Александръ I-й нѣсколькими словами, употребленными въ высочайшемъ объявленіи 9 Февраля 1816 г., имѣлъ въ виду какимъ-либо образомъ не уважить основные законы страны. Комитетъ не могъ также включить въ свой проектъ входящее въ высочайшее постановленіе 2 Августа 1827 г. особое предписаніе о томъ, что натурализованные въ Финляндіи послѣдователи Греко-россійскаго вѣроисповѣданія могутъ занимать должности въ странѣ. Это постановленіе, какъ комитетъ указалъ уже въ мотивахъ къ §§ 5—9, появилось въ порядкѣ, несоглас-

номъ съ основными законами, и тѣхъ причинъ, которыя, не смотря на это, дѣлаютъ необходимымъ, съ отступленіемъ отъ прежнихъ основныхъ законоположеній (т.-е. законоположеній, признававшихъ за одними послѣдователями Лютеранскаго исповѣданія право поступать на службу въ Шведскомъ королевствѣ), признать полныя права гражданства за родившимися въ странѣ послѣдователями Греко-россійской вѣры, не существуетъ по отношенію къ переселившимся въ страну». Къ этой общей и главной причинѣ, побудившей Финляндскій комитетъ отвергнуть обязательную силу закона 2 Августа 1827 г., онъ присоединяетъ еще слѣдующее частное соображеніе: «Между тѣмъ, какъ поселившіеся и натурализованные въ Финляндіи послѣдователи Евангелическо-лютеранскаго исповѣданія (подразумѣваются Нѣмцы, переселившіеся изъ Россіи или изъ-за границы) не могутъ занимать здѣсь государственныхъ должностей (подразумѣвается—въ силу сочиненнаго составителями проекта § 43), предоставленіе такого права натурализованнымъ послѣдователямъ Греко-россійскаго вѣроисповѣданія означало бы, что эти послѣдніе имѣютъ пользоваться не только тѣми же самыми правами, какъ натурализованные послѣдователи главной религіи страны, но сверхъ того и извѣстнымъ преимуществомъ. Нѣтъ надобности доказывать подробнѣе, что это совсѣмъ противорѣчило бы Финляндской конституціи» (мотивы, стр. 68—69). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что кромѣ вышеприведеннаго постановленія императора Николая о правѣ лицъ Греко-россійскаго исповѣданія, пріобрѣвшихъ Финляндское гражданство, поступать тамъ на гражданскую и военную службу, существуетъ еще другое, позднѣйшее и болѣе широкое повелѣніе того же Императора, отъ 1-го Марта 1852 г., о томъ, чтобы на Финляндскую гражданскую службу были допускаемы «лишь тѣ изъ Русскихъ подданныхъ, *приписанныхъ въ Русскихъ губерніяхъ*, которые имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу на основаніи законовъ, дѣйствующихъ вообще въ Имперіи въ семъ отношеніи» (Сборн. рескриптовъ, на Шведск. яз., т. VI, стр. 6). Сочинители проекта, конечно, тщательно умалчиваютъ объ этомъ постановленіи.

Далѣе, комитетъ въ своихъ мотивахъ поясняетъ, что такъ какъ въ § 120 Устава о воинской повинности сказано, что «генералы, штабъ и оберъ-офицеры, гражданскіе чиновники и нижніе чины Финскихъ войскъ состоятъ изъ Финляндскихъ гражданъ», но не прибавлено слова «урожденныхъ», «то могъ бы явиться вопросъ, не было ли намѣренія законодателя, что и *натурализованные* Финскіе граждане (т.-е. Русскіе уроженцы, приписавшіеся къ Финляндскимъ сословіямъ) могутъ занимать должности въ Финскихъ войскахъ». Комитетъ рѣши-

тельно отвергаетъ такое пониманіе § 120-го Устава о воинской повинности, на томъ основаніи, что на сеймѣ 1877—1878 г. земскіе чины признали, «что помянутое постановленіе § 120-го Устава согласуется съ дѣйствующими основными законоположеніями. Никакого исключенія изъ основнаго закона (т.-е. Шведской Формы правленія) такимъ образомъ не имѣлось въ виду, а оставалось по прежнему требованіе, что всѣ Финскія должностныя лица должны быть уроженцами страны». Въ своемъ мѣстѣ было сказано, посредствомъ какого ловкаго маневра Финляндскаго Сената и статсъ - секретаря получено было согласіе въ Бозѣ почившаго Императора на § 120-й Устава о воинской повинности, подъ тѣмъ однако условіемъ, что для Русскихъ офицеровъ, поступающихъ въ Финское войско, будетъ упрощена процедура приписки къ Финляндскому гражданству. Упрощенія никакого не послѣдовало; но чтобъ уничтожить на будущее время всякія попытки къ открытію доступа въ Финское войско Русскимъ офицерамъ, составители проекта Формы правленія, вставивъ въ § 43 онаго слово «урожденные Финскіе люди», распространяютъ это требованіе и на военнослужащихъ. Комитетъ не могъ однако упустить изъ вида, что такое толкованіе § 120-го Военнаго Устава ведетъ къ тому, что Русскіе уроженцы, приписавшіеся къ Финляндскимъ сословіямъ, не будутъ подлежать общей воинской повинности въ Финляндіи, что̀ конечно не входило въ намѣреніе составителей проекта. Комитетъ выходитъ изъ этого затрудненія посрѐдствомъ такого разсужденія: «Что слово «урожденные» не вошло въ § 120 Устава о Воинской повинности, это можно объяснить тѣмъ, что параграфъ этотъ относится также къ нижнимъ чинамъ, къ которымъ подобное опредѣленіе было бы непримѣнимо, такъ какъ натурализованные граждане наравнѣ съ природными обязаны отбывать въ странѣ воинскую повинность» (мотивы, стр. 69). Такимъ образомъ одни и тѣже слова § 120-го, что «генералы, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины Финскихъ войскъ состоятъ изъ Финляндскихъ гражданъ», комитетъ толкуетъ въ двухъ противоположныхъ смыслахъ, именно: по отношенію къ нижнимъ чинамъ подъ Финляндскими гражданами слѣдуетъ разумѣть и натурализованныхъ Русскихъ, но по отношенію къ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ подъ Финляндскими гражданами слѣдуетъ разумѣть только урожденныхъ Финскихъ людей; другими словами—Русскіе, приписавшіеся къ Финляндскимъ сословіямъ, обязаны отбывать тамъ воинскую повинность, но производить ихъ въ офицеры воспрещается, къ какому бы званію они ни принадлежали. Сочинители Формы правленія примѣняютъ здѣсь къ Русскимъ то самое правило, которое примѣнялось въ Шведскомъ королевствѣ къ Финнамъ: такъ перемѣнились съ тѣхъ поръ роли господ-

ствующей націи и подвластной. Составителямъ проекта слишкомъ хорошо извѣстны переписка, происходившая между графомъ Милютинымъ и Финляндскимъ статсъ-секретаремъ по поводу § 120-го, и высочайшая воля покойнаго Императора, чтобъ Русскіе офицеры могли имѣть доступъ въ Финскія войска; но они демонстративно противопоставляютъ этой высочайшей волѣ мнѣніе земскихъ депутатовъ на сеймѣ 1877—1878 г. и даютъ такой оборотъ дѣлу, что Русскіе офицеры ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допускаемы въ Финское войско, хотя бы они соблюли всѣ требуемыя формальности для приписки къ Финляндскому гражданству.

Проектъ дозволяетъ принимать въ Финляндскую службу только тѣхъ православныхъ, которые принадлежатъ не къ натурализованнымъ или переселившимся въ Финляндію Русскимъ, а къ такимъ, которые происходятъ отъ водворившихся прежде въ Финляндіи и принявшихъ тамошнее гражданство Русскихъ (§ 7). Изъ сопоставленія этого § 7-го съ § 43 слѣдуетъ, что въ § 43 подъ «урожденными Финскими людьми» подразумѣваются и урожденные тамъ Русскіе. Хотя такая странная номенклатура могла бы подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ однако составители проекта смотрятъ на это дозволеніе прирожденнымъ Финляндскимъ гражданамъ православнаго исповѣданія вступать на Финляндскую службу, равно какъ и на дозволеніе православнымъ имѣть монаховъ (безъ права однако открывать новые монастыри) и устраивать религіозныя процессіи, какъ на отступленіе отъ основнаго закона, которое комитетъ принужденъ былъ допустить въ силу данной ему инструкціи относительно непримѣнимыхъ основныхъ законовъ, и считаютъ «текстъ § 7-го проекта не подтвержденіемъ того, что̀ существуетъ на самомъ дѣлѣ, а только проектомъ новаго основнаго закона», другими словами—что текстъ этотъ можетъ быть принятъ, или отвергнутъ, или измѣненъ земскими чинами при разсмотрѣніи проекта. Настоящимъ основнымъ закономъ по этимъ вопросамъ составители проекта признаютъ только рѣшеніе Шведскаго риксдага 1779 г. По ст. 7-й этого узаконенія, послѣдователи чужой религіи ни подъ какимъ видомъ не должны приниматься ни на высшія, ни на низшія должности; нигдѣ не могутъ основывать публичныхъ школъ или мѣстъ для обученія своей вѣрѣ; не могутъ съ этою цѣлію посылать миссіонеровъ; не смѣютъ учреждать монастырей, и вообще монахи не должны быть допускаемы или терпимы въ странѣ; публичныя процессіи чужихъ религій воспрещаются, для избѣжанія развращающихъ поводовъ къ заблужденіямъ и соблазну среди простыхъ людей; никто изъ послѣдователей чужой вѣры не можетъ пользоваться правами сеймо-

ваго депутата; наконецъ, предписывалось, чтобы тщательнѣйшимъ образомъ соблюдалось то, что постановлено въ § 3 главы I отдѣла о преступленіяхъ Общаго Уложенія 1734 г. относительно отпадающихъ отъ истиннаго Евангелическаго ученія и принимающихъ ложное ученіе (изгнаніе изъ государства и лишеніе гражданскихъ правъ) (мотивы, стр. 20—22). Этими разсужденіями комитетъ, такъ-сказать, преподастъ земскимъ чинамъ, которые будутъ разсматривать изготовленный имъ проектъ, какъ должны они смотрѣть на допущенную въ немъ льготу для послѣдователей православной вѣры изъ коренныхъ Финляндскихъ жителей вступать на службу, а также на оставленіе существующихъ монастырей (Валаамскаго и Коневецкаго), на допущеніе религіозныхъ процессій и проч. Надобно при этомъ замѣтить, что православныхъ считается нынѣ въ Финляндіи до 40.000 душъ и что въ юго-восточной части Финляндіи, составлявшей исконное владѣніе древняго Новгорода, православная вѣра существуетъ въ теченіе многихъ столѣтій Замѣчательно, что, не взирая на законъ императора Николая I о правѣ натурализованныхъ въ Финляндіи Русскихъ поступать въ тамошнюю службу, Финляндскія власти, послѣ смерти этого Императора, не допускали на службу не только натурализованныхъ, но и прирожденныхъ въ Финляндіи Русскихъ, какъ это можно заключить изъ того, что потребовался особый законъ, изданный 11 Ноября 1889 г., для предоставленія сказаннаго права Финляндскимъ гражданамъ всѣхъ безъ различія христіанскихъ исповѣданій.

Въ § 45-мъ проектъ постановляетъ, что всѣ служащіе, не исключая даже и состоящихъ на военной службѣ, «могутъ быть лишаемы своихъ должностей и мѣстъ лишь по слѣдствію и по суду». Понятно, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести принципъ несмѣняемости въ примѣненіи къ административнымъ должностямъ, не говоря уже о войскѣ. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано, во-первыхъ, относительно «довѣренныхъ лицъ», значеніе которыхъ, по сознанію самихъ составителей проекта, не опредѣлено ясно даже въ старыхъ Шведскихъ законахъ, и потомъ относительно лицъ, которыя «принимаютъ участіе въ областномъ управленіи». Значеніе этой послѣдней фразы также слишкомъ неопредѣленно и можетъ подавать поводъ къ разнымъ противорѣчивымъ толкованіямъ. Правило о несмѣняемости служащихъ лицъ подкрѣплено, какъ обыкновенно, ссылками на старо-Шведскіе законы, тогда какъ въ существующемъ Финляндскомъ законодательствѣ ничего подобнаго не находится, а относительно напр. членовъ Сената прямо сказано: «Списокъ членовъ Сената утверждается его Императорскимъ Величествомъ чрезъ каждые три года. Отъ благоизволенія Его Императорскаго

Величества зависѣть будетъ возобновленіе всего числа членовъ, или оставленіе прежняго назначенія въ цѣлости, либо въ нѣкоторой части» (§§ 11 и 13 Учр. Прав. Совѣта). Въ Швеціи несмѣняемость служащихъ лицъ, какъ сознаются и сами составители проекта (мотивы, стр. 70), была послѣдствіемъ преобладанія дворянскаго сословія, которое занимало всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ и само для себя создало правило несмѣняемости. Только по отношенію къ членамъ судебнаго департамента Сената проектъ дѣлаетъ неожиданное исключеніе изъ общаго правила о несмѣняемости судей, «въ виду, какъ говорится въ мотивахъ, дѣйствующей практики». Повидимому это исключеніе для того только и сдѣлано комитетомъ, чтобы имѣть предлогъ заявить въ мотивахъ, что «увольненіе сенатора судебнаго департамента противорѣчитъ основному закону и можетъ повлечь за собой для него потерю всякой должности на государственной службѣ» (мотивы стр. 72). Для поясненія послѣднихъ словъ надобно замѣтить, что, по § 9-му Учрежденія Правительствующаго Совѣта, члены его, въ виду назначенія ихъ только на три года, сохраняли за собою ихъ прежнія должности съ присвоенными имъ окладами; но высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ 1857 году, эта привилегія сенаторовъ была уничтожена. На это собственно и жалуются составители проекта, говоря, что теперь увольненіе сенатора можетъ повлечь за собою потерю для него всякой должности на государственной службѣ, и объявляютъ такое высочайшее распоряженіе «противорѣчащимъ основному закону».

§ 47-ой требуетъ, чтобы военно-служащіе приносили присягу на вѣрность Императору и Великому Князю и *странѣ*, т. е. Финляндіи. Въ § 88-омъ Устава о воинской повинности, на который сдѣлана здѣсь ссылка, ничего не говорится о томъ, кому должны присягать въ вѣрности Финскія войска, а уклончиво сказано лишь, что «начальникъ приводитъ ихъ къ присягѣ, сообразуясь съ § 18 Формы правленія». Раскрываемъ Форму правленія и въ § 18 читаемъ: «всѣ военныя силы государства должны учинять присягу на вѣрность королевскому величеству, государству и государственнымъ чинамъ». Такъ какъ сказать прямо въ Воинскомъ Уставѣ, что Финское войско присягаетъ земскимъ чинамъ, было рискованно, ибо слова эти могли попасться на глаза Императору, то избранъ былъ обычный путь нѣмой ссылки на Форму правленія, въ той увѣренности, что никому изъ Русскихъ Шведская Форма правленія 1772 г. неизвѣстна и что, при утвержденіи Воинскаго Устава, Императору придется полагаться только на засвидѣтельствованіе Финляндскаго министра статсъ-секретаря, что въ этомъ Актѣ нѣтъ ничего противнаго вѣрноподданническому долгу и общегосудар-

ственной пользѣ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что § 18-ый Формы правленія, на который сдѣлана ссылка въ проектѣ, въ самой Швеціи считался упраздненнымъ за силою § 1-го Акта соединенія 1789 г. и что съ этого года присяга войскъ государственнымъ чинамъ болѣе уже не примѣнялась ни при Густавѣ III, ни при его преемникѣ. Стало-быть, составители проекта, какъ и составители Воинскаго Устава, сдѣлали въ этомъ случаѣ сугубый подлогъ. Ясно, что и генералъ-адъютантъ Милютинъ оставилъ § 88-ой Воинскаго Устава безъ возраженія, потому что былъ введенъ въ заблужденіе сказанною уловкою редакторовъ. Свою всеподданнѣйшую записку по поводу предположеннаго формированія Финляндскаго войска онъ именно начиналъ заявленіемъ, что связь Финляндіи съ Россіею должна прежде всего выражаться въ единствѣ Верховной власти и въ единствѣ управленія военными дѣлами; но тамъ уже не существуетъ единства Верховной власти, гдѣ даже войско обязывается присягать на вѣрность не только Императору, но и земскимъ чинамъ, какъ второй Верховной власти.

Въ § 50-мъ проекта запрещается «безъ согласія земскихъ чиновъ дѣлать наборъ войска въ иныхъ случаяхъ или въ иномъ порядкѣ, чѣмъ установлено въ сей Формѣ правленія и въ дѣйствующемъ Уставѣ о воинской повинности, и при этомъ сочинители проекта ссылаются на Уставъ о воинской повинности, безъ указанія однако параграфа, и на § 45 Формы правленія 1772 г. Но въ Уставѣ о воинской повинности ничего подобнаго не заключается, а указываемый параграфъ Формы правленія 1772 г. (если бы даже и признавать ее дѣйствующимъ въ Финляндіи закономъ) принадлежалъ въ самой Швеціи къ числу статей, отмѣненныхъ § 1-мъ Акта соединенія 1789 года.

Въ §§ 63—69 проекта окончательно ограничивается власть Русскаго Императора въ дѣлахъ законодательства и управленія, и центръ тяжести правительственной власти переносится съ Государя на сеймовыхъ депутатовъ. Здѣсь Русскій Императоръ лишается даже тѣхъ правъ, которыя несомнѣнно принадлежали Шведскому королю по Акту соединенія 1789 г., и къ нему примѣняются, и то съ разными урѣзками, предписанія Шведской Формы правленія 1772 г. и королевскаго отдѣла въ земскомъ учрежденіи 1442 г. Такъ въ § 63 составители проекта примѣняютъ къ Русскому Императору § 40-й Формы Правленія 1772 г. о томъ, что король не могъ издавать новаго закона или отмѣнять стараго безъ согласія государственныхъ чиновъ, тогда какъ, на основаніи позднѣйшаго закона, именно § 1-го Акта соединенія и охраненія 1789 г., «король имѣлъ полную власть управлять государствомъ и въ дѣлахъ, относящихся къ попеченію о государствѣ, завѣ-

дывать, какъ ему покажется наиполезнѣйшимъ». Историкъ Шведскаго государственнаго права Науманъ говоритъ, что, въ силу Акта соединенія, Шведскій король былъ облеченъ властью, граничившею съ самодержавіемъ, и имѣлъ право распоряжаться, какъ ему казалось полезнѣйшимъ, веденіемъ всѣхъ дѣлъ, касавшихся попеченія о государствѣ, подъ чѣмъ главнымъ образомъ разумѣлось устройство управленія. Пользуясь верховнымъ правомъ законодательства. Густавъ III (при которомъ изданъ былъ Актъ соединенія и охраненія), безъ всякаго участія риксдага, упразднилъ государственный совѣтъ, преобразовалъ коллегіи, учредилъ высшій королевскій судъ и особое установленіе, изготовлявшее для доклада королю всѣ дѣла, которыя прежде производились въ государственномъ совѣтѣ. Кромѣ того § 6-й Акта соединенія прямо постановляетъ, что «на риксдагахъ государственные чины не занимаются никакими иными дѣлами, кромѣ тѣхъ, какія имъ предлагаетъ король, какъ это было въ обычаѣ до 1680 г.». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что, въ послѣдній періодъ Шведскаго господства надъ Финляндіею, отъ усмотрѣнія короля зависѣло передавать тѣ или другіе законодательные проекты на обсужденіе сейма, или же вводить законы собственною властью. Только относительно назначенія чрезвычайныхъ или такъ-называвшихся добровольныхъ податей требовалось согласіе народа (§ 5 Акта соединенія и охраненія). Сочинители Формы правленія для Финляндіи уступаютъ Русскому Императору право издавать безъ одобренія сейма только законы, «касающіеся общественнаго хозяйства страны» (§ 64). Но, употребивъ этотъ столь неопредѣленный терминъ для означенія законодательныхъ прерогативъ Русскаго Монарха, они тутъ же (§ 63) требуютъ согласія сейма на изданіе и измѣненіе лѣснаго устава, законовъ о промыслахъ, объ общинномъ управленіи городскомъ и сельскомъ, о призрѣніи бѣдныхъ, а также на измѣненіе Общаго Уложенія 1734 г., въ которомъ цѣлыхъ два отдѣла (о строеніи и о торговлѣ), посвящены именно общественному хозяйству страны. Спрашивается, что̀ же оставляется единоличной власти Русскаго Императора подъ именемъ законовъ, касающихся общественнаго хозяйства страны? Не найдя даже въ Формѣ правленія 1772 г. указаній на то, чтобъ такія постановленія, какъ лѣсной уставъ, законы объ общинномъ управленіи, о промыслахъ, о призрѣніи бѣдныхъ, требовали согласія риксдага (мотивы, стр. 86), сочинители проекта ссылаются на самые уставы, изданные по этимъ предметамъ послѣ 1863 года, не указывая однако подлежащихъ параграфовъ. Изъ разсмотрѣнія этихъ уставовъ оказывается однако, что хотя они и были на предварительномъ обсужденіи сеймовъ, но въ нихъ ничего не говорится о томъ, что они не могутъ быть измѣняемы безъ согласія земскихъ чиновъ.

Въ томъ же § 63-мъ проектъ, ссылаясь на §§ 40-й и 41-й Формы правленія 1772 г. (по обыкновенію вовсе не заключающіе въ себѣ того, что̀ проектъ желаетъ подтвердить), прибавляетъ, что сверхъ перечисленныхъ здѣсь законовъ, требующихъ согласія сейма (и обнимающихъ почти всю сферу законодательства) «никакой законъ или постановленіе въ тѣхъ частяхъ своихъ, въ изданіи которыхъ земскіе чины принимали участіе, не можетъ быть измѣняемъ, отмѣняемъ или поясняемъ иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ». А такъ какъ съ 1863 года на разсмотрѣніе Финляндскаго сейма были передаваемы законы почти по всѣмъ частямъ законодательства и самый Регламентъ Сената, по толкованію составителей проекта, принятъ съ одобренія Боргоскаго сейма: то отсюда выходитъ, что Русскому Императору не оставляется ни одного пункта въ законодательствѣ, гдѣ онъ могъ бы дѣйствовать самостоятельно, не испрашивая согласія земскихъ чиновъ. Наконецъ, въ § 64 составители проекта прибавили еще такое правило для ограниченія правъ Монарха: «Если приходится издавать законъ по предмету, о которомъ прежде не было постановлено, то на основаніи общихъ положеній (т.-е. по постановленію сейма) опредѣляется, принадлежитъ ли въ семъ случаѣ законодательное право Императору и Великому Князю одному, или ему и земскимъ чинамъ вмѣстѣ». Здѣсь, кромѣ ссылки на Форму правленія 1772 г. и рѣшеніе Шведскаго риксдага 1779 г., сдѣлана ссылка на § 75 Сеймоваго Устава 1869 г. Эта ссылка по обыкновенію оказывается невѣрною, ибо въ приведенномъ § 75 вовсе не говорится о томъ, чтобы сеймъ имѣлъ право рѣшать, подлежитъ ли тотъ или другой законодательный вопросъ единоличному рѣшенію Императора или же совокупному рѣшенію Императора и земскихъ чиновъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ многочисленныхъ ссылокъ, приведенныхъ комитетомъ подъ §§ 63 и 64, ограничивающими законодательную власть Императора согласіемъ земскихъ чиновъ, вѣрною оказывается только одна ссылка на Церковное Уложеніе 1869 г., по которому разсмотрѣніе и утвержденіе церковныхъ законовъ зависитъ отъ Государя Императора и земскихъ чиновъ Финляндіи. Всѣ остальныя ограниченія власти Монарха въ дѣлахъ законодательства придуманы самими сочинителями Финляндской Формы правленія. Явный и единственно обязательный смыслъ § 71-го Сеймоваго Устава былъ уже разъясненъ въ своемъ мѣстѣ, такъ что и ссылка на этотъ параграфъ оказывается неосновательною. Между тѣмъ составители проекта прошли совершеннымъ молчаніемъ Учрежденіе Правительствующаго Совѣта, т.-е. законъ, несомнѣнно дѣйствующій въ Финляндіи и до сихъ поръ, о которомъ сами же они отзываются, будто онъ изданъ съ согласія Боргоскаго сейма. Въ §§ 15—18 этого закона, какъ было уже

сказано, изъятіе изъ законоположеній, мѣры законодательныя и поясненіе существующихъ узаконеній отнесены непосредственно къ высочайшей власти.

Если соединить въ одно всѣ ограниченія монаршей власти, нанизанныя въ §§ 63 и 64 проекта, то окажется, что Русскій Императоръ ни по одной категоріи законодательства не пользуется самостоятельною властью, но безусловно вездѣ долженъ обращаться за одобреніемъ и разрѣшеніемъ къ земскимъ чинамъ. Ему какъ будто предоставлено рѣшать единолично законодательные вопросы, касающіеся общественнаго хозяйства страны; но вопросъ о томъ, принадлежитъ ли какой-нибудь вновь проектируемый законъ къ этой категоріи, рѣшается опять земскими чинами. «Для отвѣта на такой вопросъ, говоритъ комитетъ въ своихъ мотивахъ (стр. 83), требуется особое изслѣдованіе въ каждомъ конкретномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что понятіе и объемъ экономическаго законодательства измѣняются сообразно развитію общества, и многое такое, что̀ раньше безспорно составляло часть этого законодательства, вслѣдствіе болѣе развитыхъ отношеній должно быть отнесено теперь къ области общаго закона. Отсюда вытекаетъ въ качествѣ необходимаго и признаннаго послѣдствія, что въ случаѣ если подвержено сомнѣнію, къ какой вѣтви законодательства отнести вновь возникающій вопросъ, слѣдуетъ примѣнять общее основное положеніе государственнаго строя Финляндіи: никакого новаго закона безъ согласія земскихъ чиновъ» (мотивы, стр. 83—84). Кромѣ того, если вопросъ изъ сферы административнаго или экономическаго законодательства хотя разъ попалъ на разсмотрѣніе сейма, то онъ не можетъ уже быть вновь рѣшаемъ безъ согласія сейма, вслѣдствіе чего всѣ безъ исключенія экономическіе вопросы должны мало-по-малу перейти въ область сеймовыхъ рѣшеній. Всякія поясненія въ законахъ, въ силу § 63 проекта, также требуютъ согласія сейма. Наконецъ, по толкованію Финляндскихъ законовѣдовъ (напр. Мехелина въ его Précis du droit public du Gr.-Duché de Finlande, стр. 68—69, въ переводѣ Ордина), самыя предложенія законовъ, вносимыя Императоромъ на сеймъ, должны быть изготовляемы въ общемъ собраніи Финляндскаго Сената; а по заявленію составителей проекта, таковыя высочайшія предложенія (вѣроятно когда они изготовлены не въ Сенатѣ) должны быть предварительно препровождаемы въ Сенатъ, для полученія по нимъ его отзыва. Такое правило комитетъ Вейсенберга выводитъ изъ свойствъ Сената, какъ общаго управленія страны (мотивы, стр. 89), прибавляя, что «опредѣленнаго постановленія объ этомъ онъ не счелъ возможнымъ включать въ проектъ». Между тѣмъ каждый сеймовый де-

путатъ имѣетъ право, съ 1886 г., дѣлать на сеймѣ непосредственныя предложенія, не справляясь съ мнѣніемъ Сената.

Въ §§ 68 и 69 проектъ постановляетъ, что «безъ согласія и одобренія земскихъ чиновъ нельзя установлять новыя или увеличенныя противъ прежнихъ подати или иные налоги или дѣлать казенный заемъ», и что въ случаѣ назначенія чрезвычайной подати, «земскіе чины имѣютъ неоспоримое право совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе съ Императоромъ и Великимъ Княземъ о томъ, что̀ можетъ быть признано нужнымъ для содержанія страны», и что «земскимъ чинамъ предоставляется право установлять срокъ для взиманія чрезвычайной подати и опредѣлять цѣли, для коихъ она должна быть употребляема, а также ставить и другія условія касательно употребленія доходовъ казны». Такое ограниченіе Верховной власти Русскаго Монарха комитетъ основываетъ на королевскомъ отдѣлѣ въ земскомъ уложеніи 1442 г., на Формѣ правленія 1772 г., на Актѣ соединенія 1789 г. и на §§ 27, 36 и 72 Сеймоваго Устава 1869 г. Первыя три законодательства никакого отношенія къ Финляндіи не имѣютъ послѣ присоединенія ея къ Россіи; что же касается до приведенныхъ параграфовъ Сеймоваго Устава, то въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго ограниченія правъ Русскаго Монарха въ назначеніи податей и налоговъ. Въ § 36 говорится о томъ, что одна изъ пяти учреждаемыхъ во время собранія сейма комиссій (статная) обязана давать сейму отзывы о способѣ покрытія расходовъ въ случаѣ недостаточности ординарныхъ доходовъ и разсматривать, какимъ образомъ были употреблены назначенныя на предыдущемъ сеймѣ ассигновки. Въ § 72 говорится о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, если не всѣ сословія придутъ къ одинаковому мнѣнію «относительно основаній для какой-либо чрезвычайной подати и о раскладкѣ таковой», въ томъ конечно предположеніи, что обсужденіе этихъ вопросовъ будетъ предоставлено Монархомъ сеймовымъ депутатамъ. Наконецъ въ § 27 говорится о томъ, что «на каждомъ сеймѣ имѣетъ быть сообщаемо земскимъ чинамъ о состояніи статнаго вѣдомства, дабы доставить имъ свѣдѣнія объ употребленіи доходовъ казны въ пользу и на благо края». Слѣдовательно цитированные въ проектѣ параграфы Сеймоваго Устава опредѣляютъ лишь внѣшнюю процедуру назначенія тѣхъ налоговъ, установленіе которыхъ будетъ Государемъ Императоромъ предоставлено сейму, и порядокъ наблюденія за исполненіемъ ежегодныхъ росписей, чѣмъ отнюдь не стѣсняется право Монарха назначать подати и другіе налоги собственною властью, безъ обсужденія этихъ дѣлъ на сеймѣ. Составители проекта, пускаясь въ глубь вѣковъ со своими изслѣдованіями, ссылаясь на Шведскія за-

коны XV и XVIII вѣка и приводя невѣрные цитаты изъ Сеймоваго Устава, тщательно умалчиваютъ, какъ въ ссылкахъ подъ статьями проекта, такъ и въ мотивахъ къ онымъ, о томъ, что вопросъ о налогахъ, какъ ординарныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, равно какъ и о назначеніи расходовъ, давно уже рѣшенъ въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, который выводится комитетомъ, и рѣшенъ узаконеніями, дѣйствующими въ Финляндіи до сей минуты, именно въ § 16 и въ гл. II-ой § 42-го учрежденія Правительствующаго Совѣта и въ § 8 отдѣла II высочайшаго манифеста 17 Марта 1826 г. объ учрежденіи Статсъ-Секретаріата, о чемъ было подробно сказано въ своемъ мѣстѣ. На основаніи этихъ узаконеній, налоги взимались въ Финляндіи, въ теченіе болѣе полустолѣтія, по высочайшимъ постановленіямъ, и никогда не возбуждалось вопроса о необходимости ожидать на сіе разрѣшенія сейма; равнымъ образомъ и расходы назначались ежегодно росписью, утверждавшеюся высочайшею властію.

Въ Форму правленія для Великаго Княжества Финляндскаго комитетъ включилъ также постановленія о различныхъ видахъ землевладѣнія (§§ 74—92) и о привилегіяхъ, соединенныхъ съ владѣніемъ фрельсовыми или дворянскими имѣніями. Хотя нѣтъ ничего общаго между этими предметами и основными законами о формѣ государственнаго правленія, но комитету нужно было какимъ-нибудь способомъ упрочить на будущее время за дворянскими имѣніями неприкосновенность многоразличныхъ поземельныхъ привилегій, унаслѣдованныхъ еще отъ временъ дворянской вольницы, когда всевластное Шведское дворянство само освободило свои земли отъ государственныхъ налоговъ и повинностей: потому-то эти поземельныя привилегіи и включены въ Форму правленія. Правда, въ 1864 г. (2 Апрѣля) состоялся законъ, отмѣнившій существовавшее дотолѣ запрещеніе другимъ сословіямъ пріобрѣтать свободныя отъ повинностей дворянскія земли и, въ случаѣ ихъ пріобрѣтенія не дворянами, признавшій за этими землями сохраненіе прежнихъ льготъ. Но этотъ законъ, которому Финляндское дворянство придало видъ какъ-бы дѣйствія, внушеннаго идеею равноправности, на самомъ дѣлѣ прямо направленъ къ выгодѣ дворянства; ибо онъ разомъ возвысилъ продажныя цѣны дворянскихъ земель и содѣйствовалъ значительному переходу ихъ къ прочимъ сословіямъ. Дворянъ-землевладѣльцевъ въ Финляндіи очень немного; большинство же лицъ, принадлежащихъ къ этому званію, состоитъ изъ чиновниковъ, живущихъ службой въ многочисленныхъ казенныхъ учрежденіяхъ этой провинціи, которая, по числу жителей, соотвѣтствуетъ приблизительно Кіевской губерніи. Множество Финляндскихъ дворянъ служитъ на Русской воен-

ной и гражданской службѣ. Если бы Финляндское дворянство дѣйствительно желало общей равноправности относительно поземельныхъ налоговъ, то оно прямо отказалось бы отъ своихъ поземельныхъ привилегій и приняло бы, на ряду съ сельскимъ и городскимъ сословіями, участіе въ повинностяхъ. Но оно этого не сдѣлало, а только громко заявило, что уступаетъ другимъ сословіямъ право покупать отъ него сетерейно-фрельсовыя земли, съ тѣмъ, что и послѣ перехода ихъ къ не-дворянамъ за ними сохраняется льгота отъ разныхъ податей и повинностей.

Въ послѣднемъ 93-мъ параграфѣ проекта Формы правленія предписывается, что она «во всѣхъ своихъ частяхъ должна дѣйствовать, какъ непоколебимый основной законъ *для Финляндскаго Монарха* и народа, и должна быть примѣняема по истинному смыслу словъ». Здѣсь Русскому Императору, неограниченному обладателю Финляндіи по праву завоеванія, предписывается, какъ непоколебимый основной законъ, сочиненный Финляндцами тенденціозный подборъ старыхъ Шведскихъ узаконеній, не имѣющихъ никакого отношенія къ Финляндіи послѣ ея завоеванія Петромъ Великимъ, Елисаветою и Александромъ I. Такъ и это послѣдне-приведенное предписаніе проекта основано, какъ видно изъ ссылокъ, на введеніи и утвержденіи Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г., въ которыхъ, какъ было уже сказано прежде, заключаются обязательства, не только непримѣнимыя къ Русскому Монарху, но и въ высшей степени оскорбительныя для его достоинства. Затѣмъ въ томъ же § 93 Русскому Императору предписывается, какъ онъ долженъ править Финляндіею, именно, что ему «надлежитъ быть для всего Финскаго народа неизмѣнно вѣрнымъ правителемъ, который ни въ чемъ не поступаетъ вопреки сему закону и своимъ обѣщаніямъ, но скорѣе увеличиваетъ ихъ всѣмъ, что̀ можетъ относиться къ благосостоянію страны». Эти патріархальныя предписанія выводятся изъ королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 г. Въ томъ же параграфѣ проекта говорится, что «Финляндскій народъ долженъ оказывать Императору и Великому Князю надлежащее повиновеніе и слѣдовать его повелѣніямъ, въ согласии съ сею Формою правленія, во всемъ, что̀ ему повелѣвать, а подданнымъ исполнять приличествуетъ предъ Богомъ и людьми», и опять ссылка на королевскій отдѣлъ 1442 г. и Форму правленія 1772 г., и кромѣ того на присягу депутатовъ на Боргоскомъ сеймѣ. Само собою разумѣется, въ этой присягѣ не находилось никакихъ подобныхъ оговорокъ относительно того, подъ какими условіями депутаты давали за себя и за Финскій народъ обѣтъ вѣрности (см. Пок. Ф. Ордина, II, 355). Самъ комитетъ сознается, что

обязательства, подобныя § 93-му проекта, «рѣдко и едва-ли даже вообще когда-нибудь вносились въ новѣйшія государственныя конституціи»; тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что такое предписаніе «не лишено значенія» (мотивы, стр. 107).

Изъ сдѣланнаго здѣсь обзора проекта Формы правленія видно, что онъ вовсе не представляетъ собою кодификаціи существующихъ въ Финляндіи и признанныхъ Верховною властью узаконеній, о которыхъ напротивъ того онъ систематически умалчиваетъ, если они постановлены безъ содѣйствія сейма. Проектъ этотъ есть совершенно произвольный подборъ Шведскихъ узаконеній прежнихъ столѣтій, никогда Русскими императорами неутверждавшихся, подборъ, сдѣланный съ цѣлію лишить Русскаго Императора неотъемлемо принадлежащихъ ему правъ по законодательству и управленію и создать изъ Финляндіи самостоятельное государство, такъ чтобы никакія общегосударственныя требованія Россіи не могли вліять на Финляндскіе законы и порядки. Комитетъ, для оправданія своей законодательной теоріи, дѣлаетъ завѣдомо ложныя ссылки на статьи изданныхъ въ Финляндіи послѣ 1863 г. законовъ, не имѣющія никакого отношенія къ сочиненнымъ имъ законоположеніямъ, а напротивъ того — нѣкоторыя законоположенія, изданныя до 1863 г. самодержавною властію безъ всякаго соображенія съ прежними Шведскими законами, выдаетъ за прямое послѣдствіе этихъ законовъ. Объясненія къ проекту комитета представляютъ непрерывную цѣпь историческихъ вымысловъ и юридическихъ несообразностей, натянутыхъ или прямо превратныхъ толкованій смысла цитируемыхъ узаконеній, придирокъ къ отдѣльнымъ словамъ наперекоръ смыслу всего приводимаго узаконенія. Комитетъ измѣняетъ текстъ позднѣйшихъ узаконеній, каковы Регламентъ Правительствующаго Совѣта и постановленіе о Статсъ-Секретаріатѣ, по Шведскимъ, болѣе раннимъ узаконеніямъ (см. напр. §§ 24, 26, 27, 29 и 39 проекта); вырываетъ разныя постановленія и даже отдѣльныя фразы Шведскихъ законовъ изъ той связи, въ какой онѣ тамъ находятся, формулируетъ ихъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, видоизмѣняя иногда до неузнаваемости, и вставляетъ потомъ въ свой проектъ уже совсѣмъ въ другой связи, отчего существенно измѣняется ихъ смыслъ. Самое названіе проекта «Форма правленія», примѣнявшееся обыкновенно къ основнымъ государственнымъ законамъ самостоятельнаго Шведскаго королевства, не соотвѣтствуетъ не только положенію Финляндіи, какъ провинціи, состоящей въ собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи, но и самому содержанію проекта, такъ какъ въ немъ параграфы объ управленіи и законодательствѣ занимаютъ лишь меньшую часть, а

большая часть проекта не имѣетъ никакого отношенія къ образу правленія, какъ напр. постановленія, касающіяся землевладѣнія, которыя никогда не входили въ Шведскія Формы правленія.

Кромѣ Формы правленія комитетъ Вейсенберга составилъ и включилъ въ основные законы Финляндіи постановленія о сословныхъ привилегіяхъ, т. е. собственно о привилегіяхъ дворянства и духовенства, такъ какъ всѣ привилегіи городовъ ограничиваются подтвержденіемъ за ними права выбирать себѣ бургомистровъ и ратмановъ и управлять собственными городскими кассами; а всѣ привилегіи крестьянства заключаются въ одной статьѣ, гласящей, что крестьянина, владѣющаго землей (но не безземельнаго, каковыхъ въ Финляндіи больше половины всего количества сельскаго населенія), «нельзя арестовать, если только судья или иное должностное лицо не найдетъ нужнымъ взять его подъ стражу». Сословныя привилегіи комитетъ, по его словамъ, потому включилъ въ основные законы, что, «будучи основаны первоначально на нѣкотораго рода договорѣ между монархомъ и тѣмъ или другимъ сословіемъ, они въ теченіе XVIII столѣтія получили такое значеніе, что ихъ нельзя было измѣнять или отмѣнять, а также давать новыя привилегіи безъ согласія всѣхъ четырехъ сословій» (мотивы, стр. 9). Поземельныя привилегіи дворянства включены комитетомъ, какъ мы видѣли, не въ отдѣлъ сословныхъ привилегій, а въ Форму правленія, такъ какъ они какъ бы перестали быть сословными привилегіями послѣ закона 2 Апрѣля 1864 г.; въ проектъ же сословныхъ привилегій внесены только личныя привилегіи дворянства. Какъ тѣ такъ и другія привилегіи дворянства комитетъ основываетъ на привилегіяхъ, утвержденныхъ за Шведскимъ дворянствомъ въ 1723 г. королемъ Фридрихомъ Гессенскимъ, выбраннымъ на престолъ самимъ же дворянствомъ, которое и предписывало ему законы на всей своей волѣ и самовластно распоряжалось дѣлами на сеймахъ, не обращая вниманія на протесты горожанъ и крестьянства. Одни изъ дворянскихъ привилегій, внесенныхъ въ проектъ, не соотвѣтствуютъ цѣлямъ благоустроеннаго государственнаго управленія, другія же прямо направлены противъ державныхъ правъ Россіи. Такъ по § 1-му «у дворянина нельзя отнимать (конфисковать) писемъ или инаго имущества или производить въ нихъ обыскъ прежде, чѣмъ онъ не замѣченъ, не изобличенъ законнымъ образомъ и не осужденъ за такое преступленіе, за которое полагается по закону лишеніе жизни, чести и имущества». Въ мотивахъ къ этому параграфу (стр. 5) комитетъ говоритъ, что это постановленіе о конфискаціи и обыскѣ, взятое имъ изъ дворянскихъ привилегій 1723 г., составляетъ исключительную привилегію дворянства, ко всѣмъ же дру-

тимъ сословіямъ примѣняются постановленія общаго закона о производствѣ конфискаціи и домоваго обыска до осужденія. Эта дворянская привилегія, противорѣчащая самымъ элементарнымъ понятіямъ о цѣли всякаго обыска, какъ средства къ раскрытію преступленія, и потому предшествующаго суду, а не слѣдующаго за нимъ, открываетъ Финляндскому дворянину возможность ускользать отъ привлеченія къ суду и скрыться за границу въ случаѣ напр. политическаго преступленія, такъ какъ личный его арестъ, по тому же § 1-му, также возбраняется, «пока онъ не уличенъ въ тяжкомъ преступленіи или пока судья, по закону и порядку судопроизводства, не признаетъ нужнымъ взять его подъ стражу». Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что въ составленномъ Финляндскимъ Сенатомъ Уголовномъ Уложеніи 1889 г., введеніе котораго было потомъ пріостановлено по высочайшему повелѣнію, обойдены совершеннымъ молчаніемъ такого рода преступленія, какъ заговоръ на совершеніе измѣнническихъ дѣйствій противъ Русскаго государства или его правительства и шпіонство въ мирное время. Изъ сопоставленія этого умолчанія съ приведеннымъ выше § 1-мъ проекта сословныхъ привилегій выходитъ, что, въ случаѣ утвержденія этого проекта и введенія въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія 1889 г., въ Финляндіи каждый тамошній дворянинъ могъ бы совершенно безнаказанно составлять заговоры противъ Россіи и ея правительства и упражняться въ шпіонствѣ, по подговору враждебныхъ намъ правительствъ: сказанный § 1-ый проекта узаконялъ бы его неприкосновенность.

По § 7-му проекта сословныхъ привилегій, «дворянинъ освобождается отъ всякихъ казенныхъ повинностей и налоговъ съ находящагося въ городѣ его дома и двора, въ которомъ онъ самъ живетъ». Такимъ образомъ, по проекту, Финляндское дворянство ни со своихъ земель, ни со своихъ домовъ не платитъ ничего на содержаніе провинціальныхъ Финляндскихъ учрежденій и на общественное благоустройство, хотя само широко пользуется всѣми выгодами того и другаго.

Въ § 4-мъ дворянскихъ привилегій 1723 г. сказано, что каждому Шведскому дворянину «дается свобода и дозволеніе поступать на военную и иную службу къ чужеземнымъ государямъ». Комитетъ въ § 3-мъ своего проекта перефразировалъ это постановленіе такимъ образомъ: «дворянину дозволяется поступать на военную или иную службу *иностранной дружественной* державы», а въ мотивахъ къ этой статьѣ комитетъ поясняетъ, что «право находиться за границей и служить въ иностранной военной или гражданской службѣ, предоставленное дворянамъ § 4-мъ привилегій 1723 г., само собою ограничивается постановленіемъ, изложеннымъ въ § 1-мъ главы 4-й отдѣла о преступленіяхъ (въ Общемъ Уложеніи 1734 г.), въ томъ смыслѣ, что можно служить

только у дружественной державы. Въ приведенномъ здѣсь параграфѣ и слѣдующихъ за нимъ отдѣлахъ о преступленіяхъ установлена смертная казнь тому, кто наведетъ непріятельское войско противъ государства, или изобличенъ будетъ въ какомъ-либо замыслѣ противъ государства, будетъ покушаться предать страну или народъ, военную силу, запасные магазины и т. п. Въ слѣдующихъ затѣмъ параграфахъ смертная казнь опредѣляется и тому, кто будетъ способствовать такой измѣнѣ письмомъ, совѣтомъ или пособіемъ, или кто, зная о существованіи измѣнническихъ замысловъ, во время не откроетъ ихъ. Такъ какъ подъ словами «иностранная держава» и «за границей» Финляндскіе законовѣды прежде всего и спеціально подразумѣваютъ Россію, а подъ «государствомъ» разумѣютъ Финляндію: то становится весьма понятно, какимъ изъ своихъ согражданъ дворянскаго сословія и въ предвидѣніи какихъ случайностей угрожаютъ смертною казнію составители проекта въ своемъ толкованіи сочиненнаго ими § 3-го привилегій дворянства. Тенденціи составителей этого проекта и тонъ ихъ по отношенію къ Россіи и Русскимъ выступаютъ особенно рельефно, если это отнесеніе Россіи къ числу иностранныхъ державъ, это недопущеніе Русскихъ офицеровъ вступать въ Финское войско, это воспрещеніе производить даже натурализованныхъ въ Финляндіи Русскихъ, отбывающихъ тамъ воинскую повинность, въ офицерскіе чины, если все это сопоставить съ тѣмъ фактомъ, что сами Финляндцы принимаются въ Россіи во всѣ роды службы безъ всякаго различія отъ коренныхъ Русскихъ и достигаютъ нерѣдко высшихъ государственныхъ должностей, а дѣти ихъ воспитываются на казенный счетъ въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи.

Въ § 4-мъ проекта привилегій говорится: «Буде пожелаетъ дворянинъ перемѣнить свое мѣстожительство и выселиться въ иную страну, то сіе дозволяется. Дворянинъ, такимъ образомъ выселяющійся изъ страны, теряетъ мѣсто и право голоса въ рыцарскомъ домѣ». Это постановленіе опять есть перефразировка § 32-го привилегій 1723 г., гдѣ было сказано, что «буде пожелаетъ какой-либо Шведскій дворянинъ поселиться за границей подъ властью какого-либо правительства, состоящаго съ нашимъ государствомъ въ мирѣ и дружбѣ, то» и т. д. Такимъ образомъ требованіе, бывшее въ Шведскихъ законахъ совершенно умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ, составители проекта, посредствомъ извращенія смысла и выраженій, примѣняютъ къ Финляндцамъ, какъ бы къ подданнымъ самостоятельнаго Финляндскаго государства, относительно котораго Россія является «иною страною» или «иностранною державою».

Окончаніе слѣдуетъ.

УКАЗЫ ГРАФА П. Б. ШЕРЕМЕТЕВА ЕГО УПРАВИТЕЛЯМЪ [1].

Села Мещерина [2]) въ прудъ, которой называется Студенецъ, ежегодно покупать изъ казеннаго вѣдомства стерлядей живыхъ самыхъ мелкихъ, которыя бъ не томны были, ста по четыре, и сажать всякой годъ, которыя тутъ могутъ расти; а удобнѣе ихъ сажать весною или осенью, когда похолоднѣе будетъ. И нынѣшнею осенью посадить.

Іюня 17 д. 1764.

*

Конюха Тимофея Фуфая сыну Ивану, которой отданъ стороннему мастеру для обученія башмачному женскому мастерству, давать денежнаго жалованья по 2 р. въ годъ, а хлѣбную и прочія дачи противъ другихъ учениковъ холостыхъ.

Августа 9-го 1764.

*

Указалъ я Алексѣя Хрусталева для обученія стряпческихъ дѣлъ отдать стряпчему Алексѣю Толмачеву.

Августа 21-го 1764.

Указъ въ домовую мою канцелярію управителямъ.

О фабрикѣ слесарной, которая въ селѣ Павловѣ [3]), изъ оставленныхъ мастеровыхъ людей учрежденія никакого не сдѣлано, въ чемъ разсмотрѣніе и учрежденіе поручилъ я Николаю Володимировичу [4]) обще съ вами на такомъ основаніи.

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" сего года, выпускъ 4-й, стр. 509. Въ этихъ „указахъ" мы имѣемъ подлинное изображеніе жизненной обстановки, вкуса и дѣятельности оберъ-камергера графа Петра Борисовича Шереметева: „идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше". Внимательный читатель оцѣнитъ значеніе „указовъ" для бытовой исторіи прошедшаго вѣка. Тутъ очень мало общаго съ душевладѣльчествомъ Европейской аристократіи. Извлеченія изъ своеручныхъ подлинниковъ сдѣланы старшимъ правнукомъ графа Петра Борисовича графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Шереметевымъ. П. Б.

[2]) С. Мещериново, Моск. губ. Коломенскаго у.

[3]) С. Павлово, Нижегор. губ. Горбатовск у., на берегу Оки.

[4]) Шереметеву, внучатному племяннику графа Петра Борисовича.

1. Съ тѣхъ всѣхъ мастеровыхъ людей положенное вытное тягло снять и по тому тяглу денежныхъ доходовъ и прочихъ мірскихъ поборовъ никакихъ не требовать.

2. Для той фабрики построить надлежащее по тому мастерству строеніе.

3. Дѣлать имъ ружья, ножи, ножницы, щипцы, замки и пр., что̀ лучше употребляется въ продажу, а изъ тѣхъ вещей самымъ лучшимъ мастерствомъ осьмую часть, прочее же посредственное, какое въ продажу лучше можетъ произойти.

4. Всякой вещи, что̀ за нее мастеру заплатить, надлежитъ положить цѣну.

5. Мастеровымъ за ихъ работу платить по положенной цѣнѣ, сколько когда сдѣлаетъ, деньги.

6. Учредить изъ нихъ человѣка, чтобъ что̀ сдѣлано будетъ, принималъ у мастеровыхъ противъ пробы; которой же хуже пробы сдѣлаетъ, то принимать безъ заплаты денегъ или ломать, чтобъ чрезъ то имѣли тщаніе лучше дѣлать и приводить въ лучшее состояніе.

7. Тѣхъ всѣхъ мастеровыхъ поручить въ смотрѣніе одному человѣку, который бы надъ ними въ мастерствѣ ихъ зналъ и въ порядочномъ житьѣ имѣлъ смотрѣніе и за вины могъ штрафовать.

8. Какія же работы по дому моему сверхъ написанныхъ на продажу вещей приказано будетъ дѣлать, за то платить, по оцѣнкѣ работы, имъ деньги.

9. Тѣмъ всѣмъ вещамъ что̀ подѣлано будетъ продажѣ быть въ Москвѣ и въ селѣ Павловѣ, для чего надобно содержать особыя лавки.

10. Ежели къ той фабрикѣ потребны будутъ такія мастерства, какихъ въ Павловѣ нѣтъ, оное, ежели по разсмотрѣнію отъ той фабрики будетъ польза, можно опредѣлить, сыскавъ на то способнаго человѣка.

11. Къ дѣлу жъ ружей, ножевыхъ черенковъ всякое дерево и кость всегда присылаться будутъ отъ меня.

12 Протчіе же матеріалы, желѣзо и что̀ къ той работѣ принадлежитъ будетъ покупаться; а стволы у лучшихъ ружей дѣлать изъ обломковъ подковныхъ, гвоздиныхъ и пр., которые велѣть сбирать, такъ какъ прежде о томъ уже было приказано.

13. Напередъ всѣмъ вещамъ, какія тамъ на продажу дѣлать будутъ, велѣть на пробу сдѣлать по нѣскольку штукъ; а что̀ съ матеріалами и работою всякая станетъ, процѣнить, почему за нихъ взять будетъ можно и какая отъ всякой вещи будетъ прибыль и сколько той прибыли за содержаніемъ всей фабрики получить будетъ можно, учиня вѣрной счетъ, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе.

14. Всему жъ вышеписанному учрежденію напередъ сдѣлать планъ, какъ оное начать и какимъ порядкомъ идтить можетъ, и будетъ ли отъ того прибыль; ежели будетъ какая, положа въ счетъ и то, что̀ нынѣ съ нихъ берется по тяглу, которое совсѣмъ ужъ уничтожится, при томъ включа, что̀ на строеніе той фабрики и на дѣло инструментовъ надобно будетъ употребить и въ какое время то окупится и, учиня изъ всего того положенія экстрактъ, на какомъ основаніи той фабрикѣ остаться, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе, почему разсмотря точнымъ указомъ, на какомъ основаніи быть, отъ меня и опредѣлится.

Генваря 17 дня 1766.

*

Смотрѣть, чтобъ оставшійся въ Кромскихъ*) и Рыльскихъ деревняхъ немолоченный хлѣбъ чтобъ былъ обмолоченъ и понапрасну не сгнилъ, но и самыя малости понапрасну не пропадали и взыскивать за упущеніе и нерадѣніе съ тѣхъ кому поручено въ смотрѣніе.

Марта 30 го 1766.

*

Изъ садовъ огурцовъ и спаржей и никакой зелени не присылать въ Петербургъ, а присылать одни оранжерейные фрукты: вишни, сливы, персики, абрикосы, яблоки, груши, ананасы и другое что̀ въ оранжереѣ родится, и какія будутъ, и тѣ укладывать хорошенько, чтобъ дорогою не перепортились.

Мая 25 д. 1766.

*

Присланныхъ изъ Петербурга за воровство и пьянство бывшаго гребца и переплетчикова сына, въ домѣ ихъ не держать и напрасно дачъ не производить, ибо не токмо такими негодными дѣлается умноженіе числа людей, но и другіе отъ обхожденія съ ними могутъ портиться.

Петербургъ, 17 Декабря 1766.

*

Изъ приготовленныхъ въ Москвѣ конфектовъ, вареныхъ Аѳимьею Ключаревой въ сахарѣ, уложа хорошенько, отправить чрезъ ямскую почту малины, вишенъ, смородины красной, крыжевнику по 10 фунтовъ всякаго сорту, и того пудъ, немедленно, а протчихъ никакихъ не присылать, потому что до отъѣзду моего оныхъ будетъ довольно.

Въ С.-Петербургѣ, Генваря 4-го 1767.

*

Какія есть нынѣ дѣла̀ къ докладу мнѣ, также поданныя челобитны, тѣ всѣ прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе сегодня съ реестромъ, и

---

*) Села Алексѣевское-Шереметево и Ретяжи.

впредь тѣмъ дѣламъ, которыя подлежать будутъ къ докладу мнѣ, быть всегда здѣсь и одному дневальному отъ канцеляріи подъячему, чтобъ во всякое время, когда мнѣ надобно, я оныя разсматривать могъ.

Мая 22-го 1767.

*

Села Кускова всякаго званія дворовыхъ людей, которые нынѣ въ наличности и состоятъ по штату на денежномъ и хлѣбномъ жалованьи и жить будутъ добропорядочно, кто изъ нихъ и впредь будетъ умершихъ, таковыхъ по смерти ихъ оставшимъ женамъ давать хлѣбную и протчую дачу противъ окладовъ мужей ихъ половинную.

Октября 4 дня 1767.

*

Для избѣжанія отъ пожаровъ подтвердить, чтобъ во всѣхъ вотчинахъ имѣли предосторожность и при томъ для ихъ спасенія учредить, чтобъ имѣли крюки, топоры и ухваты, чѣмъ можно было хотя нѣсколько дворовъ спасти.

10 Января 1769.

*

Изъ высланныхъ изъ слободы Борисовки пѣвчихъ 5-ти человѣкъ явились годныхъ только 2 человѣка, басистъ и дишкантистъ, которые здѣсь и оставлены, а 3 человѣка за негодностью, потому, что хорошихъ голосовъ не имѣютъ, для отправленія обратно въ Борисовку посланы въ Москву на наемныхъ села Никольскаго-Химки*) двухъ крестьянскихъ лошадяхъ. Заплатить изъ казеннаго вѣдомства; но какъ то сдѣлано отъ несмотрѣнія и пренебреженія прикащика Казакѣева, который въ такихъ большихъ слободахъ годныхъ пяти человѣкъ найти не могъ, сочтя, что̀ ихъ проводъ и убытки стоятъ отъ Борисовки до Петербурга и изъ Петербурга обратно до Борисовки, оное все для страху впредь взыскать въ казну мою съ него Казакѣева безъ всякой отговорки и что̀ взыскано будетъ, для вѣдома писать ко мнѣ.

Декабря 1769.

*

Изъ имѣющихся въ домѣ моемъ мастеровыхъ позволилъ я Николаю Володимировичу набрать въ село Кусково для починокъ и поправокъ и карауловъ разнаго званія людей, а именно мастеровыхъ: одного маляра, одного кузнеца, одного пешника, четырехъ человѣкъ столяровъ, одного рѣщика, одного паяльщика, дву человѣкъ штукатуровъ, одного обрушника, четырехъ человѣкъ каменьщиковъ, трехъ человѣкъ лѣсниковъ, одну скотницу, да для караулу въ селѣ Вешняковѣ

---

*) Нѣкогда подмосковная князя А. М. Черкасскаго. Здѣсь былъ домъ, въ которомъ останавливалась императрица Елисавета Петровна на пути изъ Петербурга въ Москву.

трехъ человѣкъ. Сверхъ того позволено ему отъ меня въ Вешняковскую богадѣльню къ положенному числу богадѣленныхъ прибавить дому моего изъ людей престарѣлыхъ и увѣчныхъ восемь человѣкъ, а денежное, хлѣбное и протчее по окладу жалованье производить изъ суммы, которая положена была на содержанiе въ вотчинахъ моихъ монастырей, а они по силѣ указу испражнены.

Генварь, 1770.

*

Какъ въ Шампетрѣ[1]) переписать надъ карнизами картины Пошѐ, прислать ко мнѣ рисунокъ, который я потребовалъ, и написать то поручилъ его смотрѣнiю, о чемъ къ нему и писалъ; только я прежде приказалъ Замятину сходить къ Никитѣ Ивановичу[2]), или послать тебя, и ежели онъ скажетъ, что когда Его Высочество будетъ, помѣшательства не будетъ, то сказать ему Пошѐ, чтобъ приказалъ дѣлать что̀ можетъ изъ посланнаго на сей почтѣ къ Замятину указу, почему исполнить и отписать ко мнѣ.

Въ Москвѣ, Марта 3-го дня 1770.

*

Въ Фонтанной мой домъ [3]), въ контору мою, четыре кресла, которыя положено сдѣлать, вновь заказать сдѣлать точно такимъ манеромъ, какiя я видѣлъ въ спальнѣ у графа Никиты Ивановича Панина. У нихъ верхъ круглой, чего ради въ покои графа Никиты Ивановича тебѣ сходить и тѣ кресла посмотрѣть, и заказать сдѣлать противъ ихъ, а обить ихъ штофомъ зеленымъ.

Въ Шампетръ, въ гостиную голубую комнату, вмѣсто плетеныхъ канапѐ, заказать сдѣлать канапѐ ольховые, такiе, какъ есть въ Фонтанномъ моемъ домѣ по мѣрѣ мѣста, только щитокъ невысокiй, чтобъ бѣлье и зеркала не закрывало. . Матерья пришлется отсюда.

Марта 11-го дня 1770 [4]).

*

О погорѣлыхъ деревни Глобицъ крестьянахъ имѣть старанiе, чтобъ они конечно нынѣшнимъ лѣтомъ выстроились, давъ имъ надлежащую льготу и, сверхъ того, чѣмъ можно помочь. Также отчего опять пожаръ сдѣлался, писать ко мнѣ.

Въ Москвѣ, 19-го Апрѣля 1770.

*

---

[1]) Шампетръ—дача за Нарвской заставой, подъ Петербургомъ, противъ дачи князя Н. Ю. Трубецкаго, который былъ роднымъ дядею супругѣ графа П. Б Шереметева.

[2]) Графу Панину, жившему въ Зимнемъ дворцѣ. Не задолго передъ тѣмъ былъ онъ женихомъ дочери графа Петра Борисовича.

[3]) Домъ въ Петербургѣ на Фонтанкѣ, нынѣ графа С. Д. Шереметева.

[4]) Въ Шампетръ обѣщалъ для гулянья прiѣзжать Его Высочество. *Примѣчанiе графа П. Б. Шереметева.*

Что касается до подсадокъ въ саду Фонтаннаго моего дома и въ Шампетрѣ, оныхъ не упустить и стараться во всѣхъ мѣстахъ подсадить такими деревьями, какія гдѣ надобны, по прожекту Эклебанову, какъ я прежде писалъ.

Сказать садовнику, чтобъ онъ досталъ сѣмянъ цвѣточковъ миньонетовъ (такихъ, что̀ въ прошломъ году были присланы ко мнѣ отъ Карла Ефимовича Сиверса), которыя бы въ пристойныхъ мѣстахъ посѣялъ въ саду Фонтаннаго моего дома и въ Шампетрѣ.

22-го Апрѣля 1770.

*

Что въ саду Фонтаннаго моего дому шпалерныя березы пропали, меня очень удивило, потому что прошедшимъ лѣтомъ были зелены... На мѣсто ихъ посадить вездѣ одну липу, а что ты межъ березокъ назначилъ посадить акацію—очень дурно, а надобно, чтобы всякая шпалера была изъ одного дерева.

Въ Москвѣ, Апрѣля 29-го 1770.

*

Кунскамору всю, которая въ Фонтанномъ моемъ домѣ, намѣренъ я перенесть въ покои, гдѣ жилъ Доресій; а тотъ покой, гдѣ та кунскамора была, будетъ другая рыскамора для стариннаго ружья, которое пришлется въ добавку изъ имѣющихъ отсюда. Въ покой Доресіевъ изъ нынѣшней кикаморы для проходу въ тоё кунскамору дверь надлежитъ отворить, а сѣнныя двери, гдѣ ходятъ, задѣлать наглухо. Того ради ту комнату, гдѣ жилъ Доресій, для оной кунскаморы отдѣлать[1])..

Булатова покой прибрать и обить бумажками для камординера Француза, котораго я выписываю для себя изъ Парижа.

13 Іюня 1770.

*

Что Лукьяну Ивановичу [2]) отпустилъ дыни, очень изрядно. Для Доресія покои, также и для перукмахера Француза, какъ прежде... стараться отдѣлать немедленно; а чтобъ въ отдѣлкѣ ихъ не было остановки, Булатову жену съ дѣтьми, нанявши подводу, отправить въ Москву.

Въ Останковѣ, 1 Іюля 1770.

*

---

[1]) Что̀ такое рыскамора и кикамора, не знаемъ. Большое собраніе стариннаго оружія, доставшееся графу С. Д. Шереметеву, описано Э. Ленцомъ, и это описаніе съ фотографическими рисунками издано въ свѣтъ особою книгою. С.-ПБ. 1895, въ 4-ку.

[2]) Талызину.

Положенный мною штатъ псовой охоты нынѣ разсматриванъ вновь, которой, какъ людьми такъ и лошадьми укомплектованъ и остался во всемъ прежнемъ основаніи; неспособные же быть при той охотѣ псари отрѣшены, а на ихъ мѣста выбраны другіе, и та вся охота поручена отъ меня по прежнему въ полное смотрѣніе ловчему Андрею Бахтемирову, и велѣно ему въ содержаніи ея поступать по данной за моею рукою инструкціи. А чтобъ та охота приводима была въ лучшее состояніе, велѣно ему, ежели и впредь изъ опредѣленныхъ нынѣ псарей усмотрѣны будутъ зачѣмъ при той охотѣ быть негодными, о тѣхъ представлять мнѣ, почему и опредѣлены будутъ на ихъ мѣста другіе, годные. А безъ указу за моею рукою изъ той охоты, какъ псарей, такъ и лошадей и ничего не брать и псарямъ жениться не дозволять подъ опасеніемъ, кто то осмѣлится сдѣлать, штрафа. Канцеляріи же стараться ту охоту снабдѣвать положеннымъ по штату безъ удержки; а кто нынѣ при той охотѣ опредѣлены быть псари и которые за неспособностью отрѣшены, тому для знанія пріобщенъ при семъ указѣ реестръ.

Въ Останковѣ, 12 Іюля 1770.

*

Я изъ Москвы въ Петербургъ отправлюсь со всею свитою сегодня и буду ночевать на Чорной Грязи, о чемъ вамъ вѣдать и что̀ надлежитъ къ пріѣзду моему приготовить.

Въ Москвѣ, 3 Августа 1770.

*

Портретъ мой, планы и одинъ фасадъ Шампетру, также отправленные съ извощикомъ фонарики и шатеръ съ горы, получены исправно.

Пѣвчіе вчерашняго дня сюда пріѣхали; присланные съ ними кружки для обтиранія ногъ получены, а олени еще не привезены.

Оригинальный портретъ гр. Николая Петровича для списыванья съ него финифтію, чтобъ сходнѣе былъ написанъ, посланъ при семъ, который Адору отдать и поговорите, чтобъ какъ можно сходство было сохранено.

Въ Москвѣ, 23 Окт. 1770.

*

Повара Ивана Бальера, у котораго переломлена нога, велите лѣкарю лѣчить и какъ онъ вылѣченъ будетъ, прислать его въ Москву.

Въ Москвѣ, 1 Ноября 1770.

*

Посланъ отсюда въ Петербургъ Иванъ Каленой, и отдать его обучить Русской грамотѣ, потому что онъ выучился самоучкою, ничего

не знаетъ; также обучать писать, чтобъ умѣлъ и написать хорошо; при томъ найти мастера, который бы обучалъ его ариѳметикѣ, и геодезіи... Смотрѣть за нимъ, чтобъ онъ праздно не былъ и не избаловался и прилежалъ бы единственно наукѣ и годенъ былъ послѣ служить при Николаѣ Петровичѣ И производить ему въ годъ жалованья по 10 р., хлѣбные запасы, мяса и рыбу противъ прочихъ четвертинную дачу; когда жъ станетъ дѣлаться платье другимъ, и ему будетъ сдѣлано.

Ноября 24-го 1770.

*

Послано при семъ моихъ чулковъ шолковыхъ 16 паръ, которые отдать вымыть егеря Франциа женѣ, и какъ вымыты будутъ, прислать ко мнѣ.

Въ Москвѣ, 25 Ноября 1770.

*

При семъ послана табакерка золотая съ портретомъ гр. Николая Петровича. Оной портретъ писанъ въ Петербургѣ у Адора, которой здѣсь вставливается въ табакерку, мастеръ разбилъ. Того ради ту табакерку отнести къ нему Адору и поговорить ему отъ меня, чтобъ онъ съ того портрета тому мастеру (который живетъ въ его домѣ и на его содержаніи) велѣлъ написать не замѣшкавъ точно такой же портретъ финифтяной, потому что разбитой очень хорошо былъ трафленъ [1]), и я имъ былъ доволенъ.

Въ Москвѣ, Декабря 2 дня 1770

*

Что сани мушкарацкіе отпустилъ Льву Александровичу [2]) изрядно.

Что Прузской принцъ сюда въ Москву будетъ, и я долженъ его принять, къ вамъ писалъ прежде, а нынѣ сверхъ того для забранія сервизу и прочаго, въ чемъ теперь большая нужда будетъ, отправилъ къ вамъ Алексѣя Глѣбова.

Въ Москвѣ, Декабря 2 дня 1770.

*

Антону Чубарову поручена комисія смотрѣть работы, которыя не додѣланы въ Петербургѣ, а именно: у Дюваля дѣлаются пуговицы брилліантовыя, у Лапьера отдѣлываютъ портреты мой и Варвары Петровны [3]); у Адора портретъ финифтяной Николая Петровича, о которомъ писано къ тебѣ; у золотошвея Моллера шьется кафтанъ мой золотомъ,

---

[1]) *Трафить, потрафить.* Слова эти взяты ли съ Нѣмецкаго *treffen*, не знаемъ; они въ настоящее время употребительны только у простонародья.

[2]) Нарышкину.

[3]) Эти портреты нынѣ въ большомъ домѣ подмосковнаго села Кускова.

кисти на ключъ и кисточки на фалды, также тесьма золотая и серебряная.

Въ Москвѣ, Дек. 9 д. 1770.

*

Что пѣвчіе и дьяконъ отправятся, очень изрядно; а теперь за скорымъ пріѣздомъ Прузскаго принца никакихъ домашнихъ дѣлъ разсматривать не имѣю время.

Въ Москвѣ, Декабря 16-го 1770.

*

Отправленные отъ васъ олени третьяго дня сюда привезены всѣ здоровы, которые въ Кусковской звѣринецъ и пущены.

Въ Москвѣ, 27 Декабря 1770.

*

Купить въ кормъ попугаю сухарей Голанскихъ, чтобъ были самые лучшіе и прямые Голандскіе, три боченка и прислать ко мнѣ въ Москву, да купить же у главнаго садоваго мастера сѣмянъ цвѣтовъ миньонетовъ.

Марта 21 дня 1771.

*

Приказать сдѣлать сапожнику иноземцу, которой дѣлаетъ на меня сапоги бархатные черные съ подкладкою косматою бархатною голубою, такіе точно чтȍ онъ обыкновенно мнѣ дѣлаетъ и бархатъ велѣть ему употребить свой.

Въ Кусковѣ, 11 Апр. 1771.

*

Къ Николаю Петровичу на его вояжи непремѣнно надобно мнѣ перевесть въ Лейденъ къ Августу мѣсяцу 25.000 рублей, а суммы наличной у меня теперь нѣтъ.

Намѣренъ я былъ говорить съ Савою Яковлевичемъ Собакинымъ, однако онъ совсѣмъ теперь уѣхалъ въ Петербургъ. Того ради къ нему Собакину тебѣ съѣздить и поговорить отъ меня прилежно, не дастъ ли онъ мнѣ взаймы ту сумму 25,000 р. на два года съ процентами или на ту сумму въ Голландію два векселя и сдѣлать тебѣ со всѣмъ прилежаніемъ немедленно.

Ежели паче чаянія нигдѣ въ томъ не согласятся, можетъ быть, дадутъ еще въ Кадетскомъ Корпусѣ *).

Въ Кусковѣ, 19 Апр. 1771.

*

Господину Перфильеву сказать, что въ Шампетрѣ никакихъ покоевъ въ наемъ отдать тебѣ нельзя.

---

*) Любопытно, что въ такъ называемомъ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ можно было занять денегъ. Кажется, это были деньги будущаго графа Бобринскаго.

Цезарскій полковникъ Макау выписываетъ для меня вино Цинцендорфъ. То вино принять тебѣ въ домъ мой и оное съ прочими винами прислать въ Москву.

Въ Кусковѣ, 21 Апр 1771.

*

Пишетъ ко мнѣ изъ Парижа Лесажъ, что онъ шлетъ изъ Руана выписные мною товары.

При семъ списокъ.

Корабль, называемый Пророкъ Езекія, капгенъ Флустъ, три ящика подъ № 1, 2, 3. За провозъ 18 гульденовъ. Товары отданы на корабль.

Товары въ 1-мъ ящикѣ.

2 фляши серебр. для бульену.

1 кубикъ серебр. для куренья.

Ленты кавалерскія на суртутъ, бархатъ чорной съ пунсовымъ на обѣ стороны.

Драже.

Нѣсколько книгъ.

Дюжина чулковъ шелковыхъ.

Шляпы.

4 пары манжетъ антуалажные, которые зашиты середина бархатомъ

120 фунтовъ пудры.

Пластыри отъ мозолей.

Во 2-мъ ящикѣ:

Уксусы.

Горчица.

Элексиръ чѣмъ зубы чистятъ.

24 горшка помады.

Въ 3 ящикѣ:

100 фунтовъ табаку.

Въ Марковѣ, 15 Іюня 1771.

*

Купить въ Петербургѣ извести Петербургской, которая употребляется для лѣпной работы въ гротахъ, двѣ бочки, и отправить ко мнѣ въ Москву; оная надобна на уборку въ Кусковскомъ гротѣ, который убирается раковинами.

Въ Останковѣ, 27 Іюня 1771.

*

При семъ послана копія челобитной, поданной отъ комисаріатскаго члена Мерлина въ Москвѣ въ Сенатѣ, въ шестомъ департаментѣ, въ которую вмѣшано медіаторское опредѣленіе графа Романа Ларіоно-

вича[1]), по дѣлу съ гг. Нарышкиными о селѣ Поимѣ. Того ради къ Роману Ларіоновичу отъ меня съѣздить, поклониться, ту челобитную вручить, для того, чтобъ изволилъ знать, а притомъ не изволитъ ли по тому дѣлу чего и приказать, и что онъ скажетъ ко мнѣ отписать.

Въ Кусковѣ, 11 Іюля 1771.

*

Къ Роману Ларіоновичу отъ меня съѣздить и просить, чтобъ онъ, какъ обѣщалъ, взялъ на себя трудъ Мерлина уговорилъ со мною помириться, ибо онъ то дѣло твердо знать изволитъ.

Въ Марковѣ, 10 Августа 1771.

*

Николай Петровичъ отправилъ изъ Голландіи на караблѣ садовника, котораго я выписывалъ для Кускова. Теперь я въ Кусковѣ въ садовникѣ по обстоятельствамъ нужды не имѣю, а въ Петербургскомъ моемъ домѣ садовникъ не очень хорошій. Того ради, какъ оной садовникъ пріѣдетъ, объявить ему приказъ, быть ему въ Петербургскомъ моемъ домѣ.

Въ Марковѣ, 21 Августа 1771.

*

По причинѣ дурной дороги, съ превеликимъ безпокойствомъ и трудностью, въ село Иваново[2]) сего Сентября 27 дня съ Варварою Петровной и со всею своею свитой пріѣхалъ я благополучно, гдѣ учредилъ нарочныхъ людей, съ которыми буду посылать письма въ Москву-

Николай Петровичъ пишетъ ко мнѣ, что онъ отправилъ мнѣ двѣ картины, Варварѣ Петровнѣ башмаки и Аннѣ Николаевнѣ[3]) оловянныя игрушки. Того ради навѣдаться. Къ Роману Ларіоновичу, какъ пріѣдетъ изъ деревни, съѣздить.

Въ селѣ Ивановѣ, 29 Сентября 1771.

*

Я не надѣюсь, чтобъ здѣшнія обстоятельства скоро дозволили мнѣ ѣхать въ Петербургъ, а здѣсь къ прожитію моему во многомъ недостатокъ, и достать ничего негдѣ.

Въ с. Ивановѣ, 9 Октября 1771.

*

Чужестранные купцы изъ Москвы всѣ повыѣхали.

Купя отправить ящикъ Унгерской водки хорошей дюжинъ шесть, доделаванъ 6 бутылокъ, сыскавъ самой хорошей же.

---

[1]) Воронцову.

[2]) Въ родовое свое имѣніе Иваново Владимирской губерніи, лѣтопись котораго помѣщена выше, графъ Шереметевъ переѣхалъ по случаю Московскаго тогдашняго мятежа и чумы, которая опустошала Москву и ея окрестности.

[3]) Калмычкѣ.

Я намѣренъ всю зиму здѣсь прожить, въ селѣ Ивановѣ, потому что въ Петербургъ ѣхать по обстоятельствамъ, которыя вы знаете, невозможно.

Въ с. Ивановѣ, 31 Октября 1771.

*

Буду жить въ Ивановѣ... И что гдѣ въ домѣ моемъ и въ Шампетрѣ прибрано, все разобрать и поставить по своимъ мѣстамъ, гдѣ что̀ лежало.

Купя прислать ко мнѣ, какъ скорѣе можно, бумаги Голанской хорошей обрѣзной въ золотѣ, въ четверть листа стопу; перьевъ Голанскихъ пять пучковъ, хорошаго песку чернаго.

4 Ноября 1771, с. Иваново.

*

Объ дочери твоей чистосердечно я объ тебѣ сожалѣю; но какъ на то воля Божія и поворотить таковую не можно, надо входить въ разсужденіе и беречь себя.

Въ Ивановѣ, 8 Декабря 1771.

*

Купить въ Петербургѣ сиговъ живыхъ сто, которые велѣть просолить хорошенько и въ первомъ обозѣ прислать въ Москву. Ежели привезены изъ Рижскихъ мызъ [1]) окорока, полотна и масло, оное все прислать въ обозѣ въ Москву.

Декабря 10 дня 1771.

*

Прибавленіе изъ первой арміи и стихи Сумарокова получены.

Въ с. Ивановѣ, 21 Декабря 1771.

*

Мишель [2]) ко мнѣ пишетъ, что объ деньгахъ Ивану Ивановичу Бецкому онъ говорилъ; онъ же винитъ людей моихъ, будто за тѣми деньгами не имѣли хожденія. И такъ ежели такъ пойдетъ проводами, больше его и не просить.

Въ Москвѣ, 14 Марта 1773

*

Какъ скоро Николай Петровичъ въѣдетъ въ Фонтанный домъ, не мѣшкавъ ни часа съ извѣстіемъ отправить ко мнѣ въ Москву, выпрося у Алексѣя Логиныча пару почтовыхъ лошадей, и чтобъ съ ними

---

[1]) Рижскія мызы—это тѣ имѣнія, которыя пожалованы были Петромъ Великимъ въ 1710 году отцу графа Петра Борисовича, завоевателю того края. Въ одной изъ этихъ мызъ, Альтпебальгѣ, графъ Николай Петровичъ построилъ православную деревянную церковь; на ея мѣстѣ воздвигнута нынѣ каменная старшимъ его внукомъ.

[2]) Французъ торговецъ.

Николай Петровичъ написалъ для извѣстія мнѣ хотя строки двѣ и велѣлъ ему ѣхать съ поспѣшеніемъ. По немъ я реглирую пріѣздомъ моимъ для Николая Петровича въ Кусково, гдѣ его встрѣчу, а до тѣхъ поръ буду жить въ Мещериновѣ и въ Марковѣ, о чемъ и Николаю Петровичу писалъ.

Въ Кусковѣ, 25 Апрѣля 1773.

*

О займѣ у Андрея Петровича Шувалова на платежъ Собакину денегъ еще напоминаю. Мнѣ въ деньгахъ никакой нужды, а только бы онъ то сдѣлалъ, чтобъ Собакинъ вексель мой выдалъ, а я дамъ вексель Андрею Петровичу и останусь ему долженъ, а не Собакину.

Въ Марковѣ, 5 Мая 1773.

*

Церковника къ домовой церкви годного пріискать, чтобъ были двое; ибо одному при церкви быть нельзя, а и прежде было двое, а теперь покамѣстъ до пріиску его для Николая Петровича хотя нанять.

Въ Москвѣ, 25 Ноября 1773.

*

Письмо одного изъ управителей къ другому.

Государь мой Петръ Александровичъ. Его сіятельство графъ государь изволилъ указать, чтобъ вы съ гробницы покойнаго фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева надпись списали и прислали Василью Вороблевскому *). Иванъ Чубаровъ.

*

Посланъ отъ меня нарочно на почтовыхъ лошадяхъ съ письмомъ и съ подаркомъ къ гр. Николаю Петровичу камердинеръ Василій Сизяковъ, которому приказано отъ меня на словахъ, взявши отъ графа Николая Петровича на то мое письмо отвѣтъ, быть обратно ко мнѣ немедленно въ Москву. Того ради какъ онъ Сизяковъ въ Петербургъ пріѣдетъ, до отпуску помѣстить его въ домѣ моемъ, а притомъ ежели же Николай Петровичъ его зачѣмъ задержитъ, напомнить ему, что о томъ чтобъ онъ задержанъ не былъ я и тебѣ писалъ и велѣлъ напоминать; ибо мнѣ на то мое письмо отвѣтъ его нуженъ.

Въ Москвѣ, 4 Декабря 1773.

*

---

*) Вораблевскій, библіотекарь графа Шереметева, переводилъ съ Французскаго и печаталъ много книгъ. (См. Роспись Смирдина).

По представленію твоему о сельцѣ Вознесенскомъ[1]), какія того сельца крестьянами сверхъ положенія дѣланы работы, оныя имъ зачесть; кому необходимо надобно на постройку лѣсу, по разсмотрѣнію въ запискѣ дать безъ излишества; рыбакамъ тони отдать и надлежащимъ порядкомъ охочимъ людямъ кромѣ егеря Франсуа.

При отъѣздѣ гр. Николая Петровича въ Москву напомнить ему отъ меня, чтобы отправленное съ нимъ столовое серебро все привезъ съ собою, ибо оно изъ сервиза принадлежащаго г. Варварѣ Петровнѣ, которое теперь и надобно; а вмѣсто его я ему, когда надобно, отберу другаго.

Въ Москвѣ, 19 Декабря 1773

*

Надобно мнѣ для подарку графу Алексѣю Кириловичу[2]) сдѣлать пряжки брилліантовыя башмачныя и шляпныя, цѣною въ 2000 р. Того ради сходить отъ меня къ Дювалю, чтобъ въ ту цѣну и хорошимъ мастерствомъ и фасономъ, какой нынѣ въ модѣ, мнѣ пряжки пристойныя сдѣлалъ.

Въ Москвѣ, 23 Декабря 1773.

*

При семъ послана книга печатная путешествія батюшкина въ чужіе края, которую отдать отъ меня графу Николаю Петровичу; при томъ сказать, что оная книга только что вышла изъ печати, первая и на простой бумагѣ, которую посылаю для его удовольствія. Буде же Николай Петровичъ изъ Петербурга до полученія сего отправился въ Москву, прислать ее ко мнѣ обратно.

Въ Москвѣ, 24 Декабря 1773.

*

На мѣсто умершаго священника домовой церкви священника пріискать, ибо церкви безъ священника быть нельзя. Умершаго попа попадьѣ мѣсто для ея жительства пристойное дать.

Въ Москвѣ, 22 Апрѣля 1774.

*

---

[1]) Вознесенское-Корчмино, имѣніе князя А. М. Черкаскаго. Это любимая усадьба графини Варвары Алексѣевны Шереметевой, на берегу Невы, при впаденіи Ижоры.

[2]) Разумовскому. За него графъ Шереметевъ отдавалъ тогда свою дочь, графиню Варвару Петровну.

ПИСЬМА Я. И. БУЛГАКОВА ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ НЕАПОЛЬ КЪ СТАРШЕМУ ЕГО СЫНУ АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

1806-й годъ.

Москва, 22 Генваря 1806.

Домъ мой совсѣмъ конченъ и хорошъ; имъ больше еще прельщаются чужіе, нежели я. Дай Богъ пожить въ немъ хоть не долго съ вами.

Довѣренность къ тебѣ начальника [2]) простирается далеко и даже по собственнымъ его дѣламъ; но сіе-то и опасно. Сохрани Боже, ежели ты нерадѣніемъ или поведеніемъ одинъ разъ употребишь ее во зло: сіе никогда исправлено уже быть не можетъ. Ничего нѣтъ хуже и опаснѣе, какъ имѣть въ рукахъ чужія деньги, ибо наималѣйшее поползновеніе можетъ завести далеко и такъ тебя запутать, что никогда уже не избавишься отъ бѣды. И такъ, поступай осторожно. Я въ томъ на тебя надѣюсь и благодарю, что ты мнѣ все о себѣ сообщаешь. Иногда могу тебѣ помочь совѣтами, ибо я самъ черезъ все прошелъ. Фризель опредѣленъ гражданскимъ губернаторомъ въ Оренбургъ. Я отъ него на сихъ дняхъ получилъ письмо, но онъ еще о томъ не зналъ. Сіе причинитъ ему великую радость, ибо опять входитъ въ службу, изъ которой былъ отлученъ весьма непріятнымъ для него образомъ. Княжна Нат. Гагарина ушла съ Тончіемъ изъ Москвы; но говорятъ, что не удалось имъ нигдѣ еще обвѣнчаться.

*

Москва, 5 Февраля 1806.

Слава Богу, что братъ опять основался въ Вѣнѣ. По меньшей мѣрѣ онъ будетъ меня о тебѣ увѣдомлять часто. Здѣсь мы теперь не въ состояніи сдѣлать заключенія о вашихъ дѣлахъ: будетъ ли миръ или начнется война. Въ послѣднемъ случаѣ не безъ хлопотъ вамъ будетъ; но во всемъ воля Божья.

Теперь масляница; всякій день по два, по три бала и маскарада. Не понимаю, какъ жива молодежь. Я не танцую и бываю только на

---

[1]) См. выше, стр 41.

[2]) Т. е. Дмитрія Павловича Татищева, при которомъ А. Я. Булгаковъ тогда служилъ въ Неаполѣ.

одномъ въ сутки; но какъ ужинаютъ поздно, то возвращаюсь домой часу въ третьемъ и четвертомъ. Сегодня много писать кой-куда; но въ постъ больше къ вамъ писать буду. На сихъ дняхъ привезли ко мнѣ изъ Парижа *Отче нашъ* на 150 языкахъ, напечатанный во время бытности тамъ папы. Эдиція in 4° славная, но по большей части Латинскими литерами.

*

Москва, 26 Февраля 1806.

Ты правду говоришь, что свѣтъ сталъ вверхъ дномъ. Теперь, чтобы его не узнать, не надобно спать 700 лѣтъ, какъ семь отроковъ спящихъ въ пещерѣ, а довольно и семи недѣль. Что за перемѣны! И чтὸ еще будетъ? Но оставимъ ихъ теченію времени и займемся собою. Княжнѣ Натальѣ [1]) читалъ я твой отзывъ, т. е. благодарность за участіе, кое приняла она въ твоемъ землетрясеніи. У нихъ третьяго дни былъ концертъ, балъ и ужинъ прелюдный. Играли славные скрипачи Бальо, Элиза-дела-Маръ и пр. Она два раза пѣла, а княжна Прасковья [2]) играла на фортепіано удивительно. Вчерась всѣ онѣ у меня обѣдали, равно какъ Фризельша съ сестрою и пр. Завтра Фризельша ѣдетъ въ Нижній, и потомъ въ Оренбургъ, куда мужъ ея назначенъ губернаторомъ и уже поѣхалъ. А Родіонова ѣдетъ въ Петербургъ за какимъ-то дѣломъ, повидимому за разводомъ, и воротится сюда въ Маіѣ. И я также желаю, чтобы вмѣсто Сициліи пріѣхали вы въ Россію. Мнѣ уже извѣстно было черезъ брата, чтὸ о тебѣ писалъ Дм. Павловичъ. Можетъ быть, теперь уже и сдѣлано что нибудь для тебя. Алекс. Вас. [3]) поѣхалъ въ Петербургъ, и я ему поручилъ тотчасъ навѣдаться и меня увѣдомить; а тебя поздравляю съ подобною рекомендаціею, съ перстнемъ и деньгами. Надобно сохранить первый подарокъ за службу и желаю, чтобы чаще съ тобою сіе случалось.

Старый мой другъ Вас. Алекс. Шараповъ умеръ. Ему было больше 70-ти лѣтъ; но послѣдніе годы нельзя назвать жизнію по причинѣ его болѣзней. 14-го ночью загорѣлись ряды; но скоро потушили, и сгорѣла только часть овощнаго ряда. Въ газетахъ напечатано, что наше посольство прибыло на Кяхту, а 20-го Декабря имѣло вступить въ Китайскія границы, и что оно состоитъ изъ 124 человѣкъ. Приставы двора Пекинскаго уже прибыли для препровожденія его.

---

[1]) Хованской, будущей (съ Сентября 1809 г.) супругѣ А. Я. Булгакова.

[2]) Княжна Хованская, впослѣдствіи супруга Вас. Алесѣев. Обрѣзкова.

[3]) Приклонскій, племянникъ Я. И. Булгакова.

Москва, 12 Марта 1806.

Поздравляю тебя, господинъ надворный совѣтникъ, съ чиномъ, который долженъ тебя ободрить и поощрить къ большей еще, ежели можно, исправности по службѣ. А. В. Приклонскій пишетъ ко мнѣ, что произведены вы по старшинству, то быть легко можетъ, что по рекомендаціи явятъ еще какую милость. У насъ въ газетахъ начали печатать о политическихъ дѣлахъ, чего прежде никогда не было. Внесена въ нихъ нота, поданная Дм. Павл. о причинахъ отплытія изъ Неаполя нашихъ войскъ, о церемоніи размѣна ратификацій въ Царьградѣ Италинскимъ. Но гдѣ васъ искать? Какъ продолжать переписку? Богъ знаетъ. Кажется, сухимъ путемъ нельзя. А развѣ посылаться оная будетъ моремъ до Ливурны? Мнѣ будетъ горько не получать отъ тебя писемъ, да и къ тебѣ трудно оныя доставлять; но я писать не перестану, поручая пересылку брату: въ Вѣнѣ конечно найдутъ способъ переписываться съ дворомъ Неапольскимъ, гдѣ бы онъ ни былъ.

Къ намъ наѣхало много гостей изъ Петербурга: оберъ-камергеръ Нарышкинъ для построенія театра, князь Багратіонъ, Государевы адъютанты Долгорукіе и множество другихъ военныхъ. Ихъ здѣсь угощаютъ: всякой день обѣды, ужины, балы, театры, концерты. 7-го Марта давалъ Багратіону праздникъ прекрасной кн. В. А. Хованской. Я тебѣ его опишу, ибо инаго говорить нечего. Столовая была росписана трофеями; посреди стѣны портретъ Багратіона, подъ нимъ связка оружій, знаменъ и проч., около ея нѣсколько дѣвицъ, одѣтыхъ въ цвѣта его мундира и въ каскахъ à la Bagration (сдѣланныхъ на Кузнецкомъ мосту): сіе есть послѣдняя мода. Сколь скоро вошли въ залу, заиграла музыка. Княжна Наталья пѣла ему стихи, прерываемые хоромъ. Послѣ прочія дѣвицы, двѣ княжны, Валуевы, Нелединскія и пр. поднесли ему лавровый вѣнокъ и, взявъ за руки, повели его къ стѣнѣ, которая отворилась, т. е. опустилась занавѣса. Въ семъ покоѣ сдѣланъ былъ театръ, представляющій лѣсъ. На концѣ написанъ храмъ славы; передъ храмомъ статуя Суворова; изъ-за нея вышелъ геній и поднесъ Багратіону стихи; а онъ, принявъ ихъ и прочтя, поклонился статуѣ и положилъ свой лавровый вѣнецъ при ногахъ статуи. Послѣ начался балъ. Княжна часто пѣла. Ужинъ, который я въ половинѣ оставилъ и домой пріѣхалъ въ 4 часа. Все сіе было прелестно. На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Петербурга Дьяковъ; сказывалъ мнѣ, что дѣло П. И. Карпова кончено, деревни ему присуждены; а дѣло о фальшивомъ векселѣ перенесетъ онъ сюда въ Сенатъ и надѣется также выиграть.

*

Москва, 2 Апрѣля 18(6.

Пришлось подлинно горе вамъ мыкать, и вѣроятно, что ни въ Неаполѣ, ни при королѣ вамъ не бывать больше. Сіе поможетъ мнѣ съ тобою скорѣе увидѣться. Гдѣ вашему наслѣдному воевать съ 30 т., когда и 300 т. не могли ничего сдѣлать? Но во всемъ воля Божія. Ты говоришь, что писалъ ко мнѣ съ тремя разными оказіями; ни одно еще до сихъ поръ не дошло. Манзе, кажется, тотъ, что̀ у меня былъ въ Цареградѣ; спасибо ему, что тебя снабдилъ деньгами; а ты весьма умно сдѣлалъ, что оными запасся и не будешь терпѣть нужды. Видно, что кредитивъ новый до тебя еще не дошелъ. Да и что̀ въ немъ теперь прибыли? Онъ былъ на Неаполь. Сколь скоро твой вексель представятъ мнѣ, тотчасъ заплачу̀ и сегодня же деньги уже отложилъ; слава Богу, что случилось. Но тебѣ совѣтую денегъ не бросать. Никто не знаетъ будущаго: статься можетъ, что вы протаскаетесь годъ по чужой сторонѣ. Лучше что нибудь теперь себѣ отказать, дабы деньги сохранить на черный день; а отсюда доставить тебѣ оныхъ никакой уже возможности нѣтъ. Мнѣ кажется, что скоро вы разстанетесь съ Неаполемъ и со всѣмъ Неаполитанскимъ. Сейчасъ принесли отъ банкира Рованда твой вексель на 1.300 р., данный Манзе. Завтра придутъ за деньгами съ распискою, и я ихъ заплачу̀ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

*

Москва, 23 Апрѣля 1806.

Недавно умерли здѣсь Аполлонъ Андреевичъ Волковъ и князь Иванъ Васильевичъ Несвицкой, оберъ-шенкъ; первый по долгой болѣзни, а второй почти скоропостижно. Я съ недѣлю уже работаю въ саду. Снѣги были невѣроятные и повсюду не меньше сажени; но все сіе растаяло въ три дни, отчего страшныя наводненія. Москва-рѣка выходила изъ береговъ, т. е. покрывала и каменный берегъ, сносила дрова, даже цѣлые дома̀, кои плыли (разумѣется, небольшіе) цѣликомъ, какъ барки; мельницы, плотины повсюду разорены. Наводненіе походило на славное Петербургское 1777 года По улицамъ, а особливо за Москвою-рѣкою, ѣздили на лодкахъ.

Приносятъ ко мнѣ письмо отъ брата; открываю его, вижу твою руку, радуюсь; но что же это за письмо? № 55 отъ 9-го Мая 1804. Братъ пишетъ, что пакетъ твой къ нему привезъ курьеръ изъ Петербурга, гдѣ онъ два года въ канцеляріи валялся. Но гдѣ вы теперь? Неужели подлинно въ Калабріи война? Глупость и безразсудность! Братъ пишетъ также: «Межаковъ вдругъ сюда явился съ адъютантомъ

Государя Шепелевымъ. Ты далъ имъ и камердинеру князя Николая Гагарина письмо и посылку ко мнѣ. Они занесены были бурею въ руки Французскому корсару, который деньги у нихъ обобралъ, письма же лежатъ теперь на днѣ Адріатическаго моря купно съ мозаиками или другимъ чѣмъ, ибо камердинеръ говоритъ, что были какіе-то для меня камешки. Видно письмо и посылка были одно ихъ тѣхъ трехъ, о коихъ ты меня увѣдомлялъ. Дай Боже, чтобы хотя другіе два дошли; но всего нетерпѣливѣе ожидаю я новѣйшаго объ васъ извѣстія: гдѣ вы, здоровы ли и куда обратитесь?

*

Москва, 24 Мая 1806.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я къ тебѣ не писалъ; но отъ тебя съ самаго Февраля ничего не получалъ. Извѣстно намъ только, по письму Манзе къ его корреспонденту въ Петербургѣ отъ 19-го Марта, что наслѣдный принцъ и вы пріѣхали въ Козенцу; а братъ пишетъ, что курьеръ, прибывшій въ Вѣну изъ Палермы, утверждалъ, что видѣлъ васъ туда ѣдущихъ на кораблѣ. Первое вѣрное о тебѣ извѣстіе меня обрадуетъ; но я не думаю, чтобы вы зажились въ Сициліи; а можетъ быть скоро и домой возвратитесь. Здѣсь богачъ Хлѣбниковъ, человѣкъ молодой, умеръ; по сей причинѣ пріѣзжали сюда Полторацкіе, мать Оленина, братъ ея, женатый на сестрѣ покойника, который оставилъ, сказываютъ, миліоновъ пять матери, а по ней и сестрѣ своей Полторацкой. Другое знатное происшествіе есть смерть Суворовой, княгини Италинской, жены покойнаго фельдмаршала Александра Васильевича. Но не все говорить о похоронахъ. На сихъ дняхъ женился Францъ Ивановичъ, мой архитекторъ, на дѣвушкѣ, воспитанной у Юшковой, получилъ съ нею деревню душъ 80, приданаго 5000 р., да въ подарокъ отъ Юшковой 10.000 р. Сверхъ того будетъ жить у нея въ домѣ *), имѣть ея столъ и пр. Послѣ завтра графъ А. И. Пушкинъ празднуетъ въ Валуевѣ свою серебряную свадьбу. Я завтра туда ѣду, ежели не помѣшаютъ дождь и стужа, которые у насъ продолжаются уже двѣ недѣли, такъ что даже и морозы были и повредили цвѣты и нѣкоторыя деревья. Вамъ, думаю, теперь не до морозовъ. Странствующая жизнь непріятна; но когда ведешь ее для службы отечества, то она меньше тягостна.

*

Москва, 31 Мая 1806.

Давно я не былъ столько доволенъ, какъ получа твое письмо изъ Мессины отъ 20-го Марта подъ № 107; ты меня истинно обрадовалъ, увѣдомляя, что вы благополучно прибыли въ Мессину и скоро будете въ Палермѣ; но долго ли тамъ проживете, того и сами, думаю, не

---

*) На Мясницкой, нынѣ Школа живописи и ваянія: огромное, но несуразное зданіе,

знаете. Пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Неаполя гвардіи полковникъ Арсеньевъ полагаетъ, что уже въ Корфу; но ежели онъ выѣхалъ еще изъ Неаполя, то словамъ его вѣрить не можно. Благодарю тебя за подробное описаніе всѣхъ вашихъ приключеній. Я прожилъ нѣсколько дней въ Валуевѣ на серебряной свадьбѣ Пушкиныхъ: обѣдни, молебны, ходы, водосвященія, проповѣди, обѣды, ужины, ярмонки, крестьянскія пляски, комедіи, балансёры, медвѣжьи штуки, балы, иллюминаціи, фейерверки и пр. и пр. съ ногъ всѣхъ сбили. Письмо твое нѣсколько разъ принужденъ я былъ читать, и оно всѣмъ понравилось; теперь остается прочесть его Біянкію, котораго еще я не видалъ. Онъ самъ, думаю, не хуже бы съигралъ роль Паттія, ежели бы нашелся въ подобномъ положеніи. Благодареніе Богу, что вырвались изъ Калабріи цѣлы; да сотворитъ Онъ по Своему милосердію, чтобы также безвредно выѣхали и изъ Сициліи, и когда будете въ Россіи, то благодарность наша Ему ничѣмъ ограничиться не можетъ. Не думаю я, чтобы болѣзнь твоя была подагра; но ни за что̀ ручаться нельзя: можетъ быть, les deux plaisirs, appetit et sommeil, y joint le troisième, c'est à dire l'excès avec les femmes, vous ont rendu digne d'être un preux chevalier de la goutte, sans regarder à votre âge Демидовъ уже пріѣхалъ въ Петербургъ и будетъ въ Москву; увидимъ, слажу ли я съ нимъ, но не надѣюсь. Сіе предложеніе дѣлалъ я, когда онъ приказалъ домъ продавать; но какъ его никто не покупаетъ, то онъ не захочетъ уменьшить его землю.

От куріерской посылки у меня кудри не завьются, ибо волосовъ уже мало, ни апетитъ не прибавится, ибо зубовъ почти нѣтъ; но истинно буду утѣшенъ твоимъ пріѣздомъ. О деньгахъ писалъ уже я, что ты преразумно поступилъ; я уже ихъ заплатилъ; а на полномочіе выдавать тебѣ деньги помѣсячно Неапольскій банкиръ отвѣчалъ здѣшнему Шутельворту (который, слава Богу, еще не обанкрутѣлъ, какъ было слухъ прошелъ), что онъ приказанія исполнить не можетъ, ибо всякія сообщенія и переводъ денегъ въ Сицилію запрещены. Ежели ты получилъ письма отъ меня или отъ брата, то уже знаешь, что камердинеръ Гагарина бросилъ твою посылку въ море. Можетъ быть, въ его ликсиконѣ море значитъ карманъ; обо мудрено заключить, чтобы то было для спасенія чего нибудь или кого нибудь, а разбойники поступили бы съ ними повѣжливѣе, получа себѣ посылку; но такъ и быть. Бекеръ человѣкъ добрый, при мнѣ былъ долго. Хотя краснорѣчіе его не переживетъ Цицеронова, но воспоминаніе объ немъ есть омега моего отвѣта на твое долгое и милое письмо.

*

Москва, 28 Іюня 1806.

О возвращеніи вашемъ я пересталъ уже помышлять, но о курьерствѣ не отчаяваюсь и радъ буду душевно, когда обниму моего милаго Александра. Онъ прошелъ сквозь огонь и воду и, можетъ быть, его не узнàю; но думаю, что и онъ меня также мало узнаетъ: со мною много перемѣны въ сіи три года. Я также вояжировалъ; ѣздилъ съ гр. Пушкинымъ въ Тулу, гдѣ много повеселились; были въ разныхъ деревняхъ и особливо у зятя его Хитрова. Село прекрасное положеніемъ на двухъ рѣкахъ, все каменное, т. е. что нѣтъ ни одной избы крестьянской деревянной. Три превеликіе сада, обнесенные каменною стѣною; множество прудовъ съ чрезвычайною рыбою; мы ловили щукъ аршина по два, чего я еще въ жизни не видывалъ. Возвратился въ Москву 11-го Іюня и очень кстати, ибо на другой день пришла подагра, которая донынѣ держала меня въ постелѣ. Лишь только началъ приступать ногами, какъ беру въ руку перо и къ вамъ пишу; сіе мнѣ служитъ облегченіемъ и утѣшеніемъ. Надѣюсь черезъ недѣлю быть въ состояніи выѣзжать со двора. Но чтò за время! Уже мѣсяцъ, какъ ежедневно дожди и холодъ, трава не растетъ; обыкновенно въ Петровъ день земляника кончалась, а нынѣ еще не начиналась. Я лишаюсь пріятеля и благодѣтеля: Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій до того допросился, что отставленъ. Оставлено ему жалованье въ пенсію, и онъ собирается ѣхать на свою родину, въ Украину. Почтовое правленіе перешло по министерскому манифесту въ департаментъ министра внутреннихъ дѣлъ и вѣроятно, что форма его совсѣмъ перемѣнится. Фасту не бывать почтъ-директоромъ. Удѣлы отошли въ Кабинетъ, чтò и слѣдовало, и министромъ удѣловъ Гурьевъ. Князь Чарторыской также пошелъ въ отставку отъ иностранныхъ дѣлъ, а прочія мѣста, какъ то въ Совѣтѣ и пр. сохранилъ. Товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ на его мѣсто опредѣленъ генералъ Будбергъ, который былъ посломъ въ Швеціи и засѣдалъ въ Совѣтѣ. Вотъ вашъ новый командиръ! Графъ Воронцовъ въ Лондонѣ отставленъ; вѣроятно займетъ его мѣсто находящійся тамъ графъ Строгановъ. Алопеусъ уволенъ отъ исправленія должности въ Берлинѣ, а оставленъ на его мѣстѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ Криднеръ. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ ѣдетъ, и скоро, посломъ въ Вѣну, а съ нимъ и Боголюбовъ, какъ увѣряютъ. Объ отставкѣ графа Разумовскаго еще указа нѣтъ. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, котораго ожидали сюда главнокомандующимъ, проѣхалъ изъ Петербурга на свои губернаторства въ Полтаву и Черниговъ. Мы конечно лишимся Беклешова (ибо онъ всячески отбивается): потеря не наградимая. Но кто на его мѣсто? Богъ знаетъ. Перебрали

всѣхъ, теперь остановились на Кутузовѣ. Здѣшній губернаторъ Барановъ сенаторомъ, на его мѣстѣ Ланской, бывшій губернаторомъ въ Вильнѣ послѣ Фризеля. Графъ Ив. Вас. Гудовичъ военный губернаторъ Астраханскій, Кавказскій и Грузинскій, командующій арміею въ Персіи, на мѣстѣ убитаго Циціанова. Дочь его фрейлина. Фельдмаршалъ графъ Каменскій позванъ въ Петербургъ и принимается въ службу. Вотъ, кажется, и все! Сердобинъ пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ и числится при Герольдіи. Бароци пріѣхалъ въ Петербургъ. Графъ Пушкинъ со всею фамиліею сбирается въ деревню въ Ярославль; но болѣзнь Кат. Алекс. понынѣ останавливаетъ сей походъ, въ которомъ бы, можетъ быть, и я принялъ участіе, ежели бы былъ поздоровѣе, а время потеплѣе. Ив. Вол Лопухинъ здѣсь чахнетъ. Долги его дошли до такого положенія, что наконецъ рѣшился онъ продать 2000 душъ; кажется, уже поздно, ибо славы не воротишь. Чтò дѣлаетъ Патти? Читалъ я твое письмо Біянкію; онъ чуть со смѣха не задохся и съ горяча обѣщалъ написать объ немъ послу, но мы скоро простываемъ. У Архарова 24-го были торжественныя имянины въ деревнѣ близъ Звенигорода. Князь Серг. Ив. и княгиня туда ѣздили; дождь ихъ вымочилъ, но они какъ ни въ чемъ не бывали. Князь С. И. поѣхалъ третьяго дни отъ насъ въ Рязань къ дядѣ, у котораго долженъ пробыть около мѣсяца; княгиня осталась здѣсь и къ возвращенію его готовитъ родины. Князь Чарторыской, оставаясь въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ и попечителемъ Виленскаго университета, при отставкѣ выпросилъ своей канцеляріи или окружающимъ его кресты, денежныя награжденія и пр. Вотъ много тебѣ вѣстей, а о себѣ прибавить ничего не имѣю. Уже мѣсяцъ, какъ не былъ ни въ библіотекѣ, ни въ саду; а гуляющіе увѣряютъ, что онъ хорошъ. Много еще мнѣ писать; не знаю, какъ и справиться. Прости, любезный мой Александръ! Пляши, скачи, но поберегн и здоровье, безъ котораго все прочее пыль и ничтожество. Сюда пріѣхала кн. Ал. Ник. Волконская. Она живетъ въ Воронцовѣ съ сыномъ, княземъ Репнинымъ, который, сказываютъ, купилъ загородный домъ князя Александра Борисовича Куракина за Салтыковымъ мостомъ, чтò былъ прежде княгини Дашковой. Подзываютъ меня жить въ Воронцовѣ. Княгиня Репнина скоро родитъ; а къ Сентябрю всѣ они уѣдутъ въ Петербургъ.

*

Москва, 2 Августа 1806.

Князь Сергѣй Ивановичъ изъ Рязани воротился. Дядя его сбирается переѣхать жить въ Москву и велѣлъ себѣ домъ купить. Сестра моя также возвратилась отъ Самариныхъ, гдѣ въ Брыковѣ пьяный кучеръ вывалилъ ихъ изъ кареты и чуть до смерти не перебилъ. Опи-

саніе путешествія твоего по Сициліи, хотя и не Гомерово, весьма пріятно; но непріятно то, что три письма и посылку поглотило море, которое и читать не умѣетъ. Княгинѣ болѣзненна потеря ожерелья, а я сказалъ: быть такъ; жаль только твоихъ стараній и убытка. Путешествія твоего по Сициліи нельзя было сдѣлать пріятнѣе. Мы объ васъ горюемъ, а вы веселитесь, какъ бы хозяину не объ чемъ было тужить. Радуюсь, что Дм. Павл. продолжаетъ быть къ тебѣ добръ; надобно стараться не только удержать его въ сихъ расположеніяхъ, но и впредъ оныя пріумножить, ежели можно. Я предполагаю, что ты, когда увидѣлъ себя въ королевской лектикѣ, вообразилъ уже, что ты консулъ Римскій, въѣзжающій въ городъ съ тріумфомъ. Говоришь ты, что опять занемогъ, отнялась рука, потомъ нога; это еще не подагра, а вотъ что̀, и сіе еще хуже подагры. Въ твоихъ лѣтахъ нѣтъ ничему мѣры, ни предѣловъ. Здоровье, кажется, желѣзное, силы Геркулесовы; но все это обманъ. Частое и безразсудное употребленіе женщинъ, предъ которыми хочется всегда показать себя героемъ, сдѣлаютъ то, что ты въ тридцать лѣтъ будешь старѣе меня, а до сорока и не доплетешься; да когда ихъ и переживешь, то жизни не будешь радъ: ибо болѣзни такъ все тѣло разстроятъ, что каждый день надобно что нибудь вытерпѣть новаго, а лѣкарства отнимутъ и послѣднія силы у натуры. И такъ, лучше поберечься, когда еще есть время и надежда поправить здоровье. Послушайся моего совѣта и будь во всемъ умѣреннѣе, ежели хочешь жить долѣе и безъ терпѣнія ежечаснаго, особливо въ такомъ жаркомъ климатѣ. Ничѣмъ никого не удивишь; вся мнимая слава пройдетъ, какъ дымъ, а худыя слѣдствія останутся въ наказаніе на всю жизнь. Да что̀ и въ ней, когда страдать, терпѣть надобно ежедневно, а что̀ и больше—ко всему сдѣлаться неспособнымъ? О совѣтничествѣ твоемъ давно уже мы извѣстны; а не худо, ежели бы удалось опредѣлиться тебѣ на мѣсто совѣтника посольства; тутъ бы и жалованья, кажется, прибыло; но я не помню, кто у васъ теперь—секретарь или совѣтникъ, ибо впрочемъ сіе теперь на одно выходитъ, но зависитъ отъ новаго его представленія. У васъ секретаремъ былъ Левонтьевъ, а Карповъ принадлежитъ къ Сардинскому посту и въ Неаполѣ мѣсто занималъ на время. Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ, сказываютъ, опредѣленъ въ Москву начальникомъ, т. е. военнымъ губернаторомъ; но по сю пору указа, ни его еще здѣсь нѣтъ, хотя о томъ увѣряетъ и самъ Беклешовъ. Князь Николай Григор. Репнинъ здѣсь; у него родился сынъ Василій. Вчерась заѣзжала ко мнѣ княгиня Александра Николаевна; они проживутъ здѣсь до Октября. Новосильцовъ пожалованъ въ тайные совѣтники, уволенъ отъ званія товарища юстиціи, присутствуетъ въ Сенатѣ, оставленъ какъ при комиссіи законовъ, такъ и при

другихъ на него возложенныхъ должностяхъ. Бывшій у насъ Голандскій посланникъ Бюнсъ принятъ въ подданство и пожалованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Графъ Александръ Салтыковъ, сынъ Николая Ивановича, опредѣленъ на мѣсто князя Чарторыскаго; ибо Будбергъ занялъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, опорожнившееся смертію канцлера Воронцова, безъ сего однако послѣдняго титула.

Послѣ двухмѣсячныхъ и ежедневныхъ страшныхъ дождей, дней съ десять начались несносные жары: почти всякой день бываютъ въ 30 и болѣе градусовъ.

*

Москва, 24 Сентября 1806.

Боюсь я, чтобы ты не потерпѣлъ нужды, хотя она и бываетъ очень полезна для молодыхъ людей. Отсюда переслать денегъ въ Сицилію нельзя, изъ Неаполя по кредитиву получать ихъ тебѣ не можно; но надѣюсь, что въ крайности Дмитрій Павловичъ тебя не оставитъ. Вѣдь онъ какъ-нибудь да получаетъ деньги? Впрочемъ онѣ есть у брата, и я пишу къ нему, чтобы, если найдетъ какой вѣрный случай, тебѣ ихъ удѣлилъ; а въ самой крайности можно прибѣгнуть и къ перстню, и тогда ты можешь воскликнуть, что самъ себя кормишь, какъ тотъ студентъ, который хвасталъ, что питается отъ книгъ своихъ, ибо продалъ учебныя. Не смотря на твои увѣренія, не надѣюсь я, чтобы была возможность видѣть мнѣ тебя сего года. Катерина Любимовна*) желаетъ, чтобы ты въ Петербургѣ къ ней присталъ; а она живетъ на Большой Литейной въ домѣ купца Пастухова, № 113. Радуюсь, что мнимая подагра отъ тебя отстала; берегись и впередъ, а отъ чего? Я уже къ тебѣ писалъ. Князя Вентимиля я видѣлъ въ Крыму, но познакомиться съ нимъ было недосугъ. Фризельша-губернаторша Оренбургская; сестра ея уже другой годъ въ Петербургѣ старается о разводѣ съ мужемъ. Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, военный губернаторъ Оренбургскій, проѣхалъ здѣсь въ Петербургъ 20-го Сентября, велѣлъ вамъ кланяться. Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, по пріѣздѣ для излѣченія, оставленъ генералъ-маіоромъ съ мундиромъ и зиму здѣсь проживетъ. Онъ нанялъ домъ Балка въ Басманной. Княгиня Александра Николаевна также здѣсь; я ихъ видаю часто, и все объ васъ разговоры. Посольство Китайское отозвано формально. Посолъ графъ Головкинъ еще въ Иркутскѣ боленъ, а прочіе всѣ разъѣхались. Мартыновъ здѣсь, бываетъ у меня, всякій день ѣдетъ въ Петербургъ, а все еще въ Москвѣ. Пушкины изъ деревни пріѣхали, собираются скоро въ Петербургъ на родины къ дочери Хитровой и чтобы привезти Наталью, которую съ нею туда отпустили послѣ того какъ

*) Шумлянская, мать молодыхъ братьевъ Булгаковыхъ.

было перетонули, о чемъ я прежде писалъ. Катерина очень нехороша; но надѣются, что поправится. Всѣ они вамъ кланяются. На сихъ дняхъ умеръ у нихъ дядя Андрей Родіоновичъ Кошелевъ, жившій противъ меня въ деревянномъ домѣ Головина. Нѣмцы играютъ, и очень хорошо, на театрѣ Демидова подлѣ меня; я всякій день бываю по сосѣдству. Казинской пріѣзжалъ играть въ Петербургъ съ Виленскою труппою и возвратился домой, не заѣхавъ въ Москву. У насъ очень сухо, но съ садомъ приходится разставаться: онъ сіе лѣто былъ во всей красотѣ, цвѣтовъ бездна, фруктовъ премножество, но все уже кончилось, и обѣдать въ немъ холодно.

*

Москва, 8 Октября 1806.

По долгомъ ожиданіи обрадованъ я былъ письмомъ твоимъ подъ № 110; но оно походитъ на вексель, въ которомъ пишутъ: въ 65 дней отъ сего дня, и я жду извѣстія о тебѣ поновѣе. Обѣщаешь ты скоро со мною видѣться; я того желаю, но не вѣрю. И прежде трудно было безъ опасности добраться до Вѣны, а теперь и того труднѣе, какъ по причинѣ зимы моремъ, такъ по причинѣ новыхъ у васъ происшествій сухимъ путемъ. Итакъ оставляю сіе на волю Божію, а тебя прошу не рисковать понапрасну и лучше подождать благопріятнаго расположенія дѣлъ и обстоятельствъ. Мнѣ кажется, что ты посбавилъ спѣси съ своею Сициліею, и она уже не такъ тебѣ кажется пріятною: ко всему привыкаешь, и никогда первымъ воображеніямъ не надобно давать воли. Я и здѣсь, и въ моихъ лѣтахъ, чувствую сильно il dolce far niente: ни за чтò не хочется приняться; уже читаніе и писаніе скучаетъ; часто откладываю даже отвѣты на получаемыя письма и съ охотою за перо принимаюсь, только когда сбираюсь писать къ вамъ. Ты говоришь: la sera, la notte il dolcissimo far l'amore, и при семъ случаѣ дѣлаешь мнѣ довѣренности. Послѣднее похвально, и я, кажется, того стòю; но прошу тебя быть осторожнѣе. Самолюбіе и ревность въ Итальянкахъ всегда соединены съ измѣною, и часто подвергаешься опасности, когда того не ожидаешь и не предвидишь. Всѣ мы здѣсь желаемъ успѣховъ въ Неаполѣ Англичанамъ, и дай Богъ, чтобы доходящіе сюда о томъ слухи были основательны.

Отсюда желалъ бы тебѣ сказать что-нибудь пріятнаго и веселаго, но не знаю чтò. Поищемъ. Я цѣлую недѣлю прожилъ съ пріѣзжими и отъѣзжими. Вчерась проѣхала въ Петербургъ на зиму графиня Браницкая со всѣми дѣтьми. Она, потерявъ большаго сына и выдавъ дочь за князя Сангушка, оставила на долго Бѣлую Церковь и ѣдетъ лѣтомъ куда-нибудь къ водамъ. Завтра ѣдетъ въ С.-Петербургъ здѣшній гра-

доначальникъ Т. И. Тутолминъ и гр. Ал. Ив. Пушкинъ, а по первому пути графиня съ дѣтьми на родины къ дочери своей Хитровой. Между пріѣзжими находится фамилія Трубецкихъ кн. Николая Никитича. Они продали деревню около Одессы и здѣсь поселились. Живутъ въ бывшемъ нашихъ Щербатовыхъ домѣ противъ Католицкой церкви. Я у нихъ по сосѣдству бываю часто. Княгиня Ал. Ник. Волконская поѣхала въ Петербургъ, а князь Ник. Гр. Репнинъ нанялъ домъ Балка на Басманной противъ Петра и Павла и сдѣлался здѣшнимъ жителемъ; вчерась у меня обѣдалъ. Въ Палерму опредѣленъ вице-консуломъ какой-то титулярный совѣтникъ Болоньи. Вышелъ указъ о наборѣ рекрутъ съ 500 душъ по 4. Демидовъ поѣхалъ въ Сибирь до Генваря. Въ его домѣ продаютъ премножество антиковъ, камеевъ, мозаиковъ, пурпуриновъ и пр. и пр. Хотя увѣряютъ, что вещи принадлежатъ людямъ его, но мнѣ кажется, самому ему; ибо есть осыпанныя брилліантами, тысячъ по 8, по 6 каждая, а всего будетъ тысячъ на 300; но продаютъ очень дорого. Въ землѣ онъ мнѣ отказалъ, говоря, что самому нужна; но ежели станетъ продавать домъ, тогда охотно мнѣ, отдѣля ее, продастъ.

*

Москва, 12 Ноября 1806.

Радуюсь я, что Дм. Павл. продолжаетъ тебя любить. Ежели бы крестъ, мѣсто и окладъ и не удалось ему выхлопотать, но того уже довольно, что предстательство его будетъ въ Петербургѣ извѣстно; а я на выборъ того или другаго совѣта дать не могу, ибо желаю тебѣ всего добраго. Боюсь я, чтобы ты не нашелся въ нуждѣ денежной. Приходитъ мнѣ на мысль: не можетъ ли опять Манзе дать тебѣ денегъ, а ты ему на меня вексель? Сіе всего бы лучше, и въ такомъ случаѣ возми у него 1.000 р., кои я тотчасъ здѣсь заплачу́. Что̀ ты ни говори, а княгиня все родитъ. Богъ ей далъ сына Александра. Фамилія Голицыныхъ такъ велика, что наконецъ можно изъ нея брать рекрутъ. Въ одномъ нашемъ собраніи (Благородномъ) насчиталъ я между членами 52 Голицыныхъ одного только мужескаго пола.

Въ Палерму консуломъ назначенъ Манзе, а вице-консуломъ Болоньи, бывшій при министрѣ комерціи и перешедшій въ Иностранную Коллегію. Онъ родомъ изъ Флоренціи, но въ Россіи больше 20 лѣтъ; говоритъ и по-русски, и по-французски очень хорошо; человѣкъ знающій, умный и пріятный; у меня обѣдаетъ часто; хотѣлъ въ Октябрѣ ѣхать въ Одессу, Константинополь и далѣе; но я его удержалъ, ибо моремъ изъ Одессы нельзя отправиться прежде Генваря, а до того времени что̀ ему въ Одессѣ проживаться попусту и въ скукѣ? Ежели онъ

застанетъ тебя въ Палермѣ, то умножитъ хорошее твое общество. Жаль и Бекера, не смотря на его медоточивое краснорѣчіе. Изъ Иностранной Коллегіи выбылъ нѣкто статскій совѣтникъ Поццо-ди-Борго[1]); онъ переименованъ полковникомъ въ свиту Государя.

*

Москва, Декабря 1806.

Былъ я у Хованскихъ. Они переѣзжаютъ въ свой новый домъ на Знаменкѣ, купленный у Остолыпина, съ театромъ, и княжны поручили мнѣ переслать къ тебѣ билетъ, которымъ зовутъ на новоселье. Пушкины всѣ поднимаются на сихъ дняхъ въ Петербургъ, гдѣ проживутъ, можетъ быть, всю зиму. Я имъ давалъ обѣдъ прощальный, и для меня отсутствіе ихъ причинитъ великую пустоту. Недавно вышли Oeuvres posthumes de Marmontel; изъ нихъ томы 30 и 31 содержатъ метафизику и мораль. Я въ свѣтѣ не читалъ лучшихъ книгъ, и совѣтую вамъ при случаѣ ихъ достать и не только прочесть, но ежедневно читать и даже наизусть выучить. Мораль особливо есть истинный катихизисъ не только для молодежи, но и для стариковъ всякаго состоянія. Жаль, что я старъ, а то бы услужилъ отечеству, переведя ихъ на Русскій языкъ. Не знаю книги, въ которой бы съ такимъ достоинствомъ говорено было о Божествѣ, о всѣхъ обязанностяхъ человѣка, и ежели бы всѣ могли по ней исполнять, тогда бы можно было сказать, что родъ человѣческій истинно просвѣщенъ и не можетъ быть несчастливъ.

О производствахъ при случаѣ крещенія великой княжны[2]) братъ, думаю, тебѣ сообщилъ, ибо я къ нему послалъ реестръ. Здѣсь всѣ наши знакомые, по наслышкѣ о вашемъ добромъ поведеніи, интересуются и меня всегда объ васъ спрашиваютъ. Нужно сохранить сію славу и не ударить себя лицомъ въ грязь. Все наше благосостояніе зависитъ отъ добраго въ молодости поведенія.

*

Москва, 31 Декабря 1806.

Здравіе и почтеніе господину секретарю посольства! Ежели до тебя сіе извѣстіе еще не дошло, то вотъ тебѣ копія указа, полученнаго мною вчерась изъ Петербурга. Онъ меня сердечно обрадовалъ; теперь ты на ногахъ и пойдешь своею дорогою, ежели станешь продолжать вести себя хорошо, прилежно и усердно. Жалованья по сему мѣсту 1.500 р. съ курсомъ, слѣдовательно 3.000 р. на годъ, а иногда

---

[1]) Знаменитый впослѣдствіи дипломатъ.

[2]) Елисаветы Александровны.

и больше. Можно жить. Желаю тебѣ успѣха; а ты симъ одолженъ рекомендаціи Дмитрія Павловича, которому и я чувствительно обязанъ. Сорадуюсь отъ всего сердца твоимъ успѣхамъ. Ты видишь правду моихъ словъ, что за Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропадаетъ; служи и все получишь. Что касается до твоего сюда пріѣзда, оставимъ сіе на волю Божію. Ежели она позволитъ, увидимся, когда и не ожидаемъ; а теперь, я то чувствую, сему трудно сбыться. Новости наши теперь состоятъ въ побѣдахъ. Вчерась пѣли молебенъ о разбитіи Французовъ подъ Пултускомъ; о семъ братъ обстоятельнѣе сообщитъ. Будберга я знаю, но не коротко, а теперь ему за тебя благодаренъ. Теперь не братъ, а ты капиталистъ, ибо его перегналъ. Біянки еще не видалъ, но прочту мѣсто о Патти и впредъ тебѣ напишу. Ты говоришь, что 11-го Сентября танцовалъ до 4 часовъ. Долго не танцуютъ безъ волокитства; а я не помню, гдѣ читалъ и по сю пору не забылъ, ибо то правда: «à vingt ans on tue le plaisir, à trente on le goûte, à quarante on le ménage, à cinquante on le cherche, à soixante on le regrette. Княгиня*) по сю пору въ постели, но начинаетъ оправляться.

*) Т. е. княгиня Елисавета Васильевна Голицына, ур. Приклонская, племянница Я. И. Булгакова.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

1854-й годъ *).

Новый 1854 годъ, этотъ самый, коему предназначалось сдѣлаться самою жестокою эрою моей жизни, мы встрѣтили многолюднымъ баломъ у Новосильцовыхъ. Этотъ же балъ былъ первымъ для дорогой моей Анетины, но и послѣднимъ. Она была одѣта въ простенькомъ бѣломъ кисейномъ, но не безъ вкуса отдѣланномъ платьицѣ (жена моя великая мастерица въ туалетномъ дѣлѣ), танцовала отъ души и произвела всеобщее впечатлѣніе непринужденностью, граціей и скромными, но въ тоже время оживленными манерами. Да и тридцатисемилѣтняя моя жена была еще очень авантажна и казалась старшею сестрой своей дочери. Я былъ внѣ себя отъ гордости, глядя на мою Анну. Но кто бы повѣрилъ? Хотѣлось мнѣ при этомъ случаѣ пококетничать самому въ роли нестараго еще отца таковой красотки, и вотъ я принялся ухаживать и любезничать съ молодою Маркеловой, съ коею хотя я и встрѣчался у Хвощинскихъ, но думаю, что и этой дѣвушкѣ должно было казаться довольно страннымъ мое неотступничество отъ нея, даже за ужиномъ, для чего я подсѣлъ къ ней въ концѣ стола, гдѣ размѣстилась одна молодежь, тогда какъ мнѣ слѣдовало сѣсть въ болѣе степенной компаніи или даже ближе къ губернаторшѣ, такъ какъ я былъ одинъ изъ интимнаго ея кружка. Помню, что находившійся тутъ на балѣ и за ужиномъ Тамбовскій мой знакомый г. Полетика замѣтилъ мое волокитство и лукаво подмигнулъ мнѣ на мою сосѣдку, чѣмъ я крайне былъ прельщенъ. Я и теперь затрудняюсь психологически пояснить цѣль подобной моей фантазіи. Понятно, что я былъ совершенно равнодушенъ къ этой дѣвушкѣ, и ухаживаніе мое за нею было одно притворство. Но мало того: чѣмъ бы проводить дорогихъ моихъ двухъ женщинъ домой, расцѣловать дочь послѣ ея дебюта въ свѣтъ и поблагодарить Бога на сонъ грядущій, что Онъ удостоилъ меня встрѣтить новый годъ съ обѣими, я прямо изъ бала отпра-

---

*) См. выше, стр. 5-я.

вился къ князю Н. С. Вяземскому, который угощалъ тогда ужиномъ съ Шампанскимъ своихъ игрушекъ «миланчиковъ» съ ихъ антрепренеромъ Нѣмцовымъ, и я не пропустилъ случая порядчно кутнуть. Да! Я недостоинъ былъ имѣть своею дочерью столь чистое, столь неземное существо, каковымъ была моя Анетина!..... «Блажени яже избралъ и прiялъ еси, Господи! Души ихъ во благихъ водворятся.»

Въ Январѣ 1854 года пришлось мнѣ въ первый разъ ѣхать въ уѣздъ по дѣлу обвиненiя Сапожковскаго исправника Б. въ противузаконныхъ дѣйствiяхъ по службѣ. Мало надѣясь на свое умѣнiе по слѣдственной, новой еще для меня, части, я прибѣгнулъ къ хитрости, состоявшей въ томъ, что я выпросилъ себѣ, якобы для письмоводства, квартальнаго надзирателя по фамилiи Чичкова, но въ сущности, чтобы позаимствоваться отъ него слѣдственною процедурой. Дѣлать это надо было мнѣ половчѣе, не давая ему понятiя о моемъ невѣдѣнiи. Произведенное мною слѣдствiе обнаружило, дѣйствительно, кое-какiе грѣшки этаго субъекта, не очень, впрочемъ, вопiющiе и общiе тогдашней его братiи; но я подвергся слѣдующему никакъ неожиданному оскорбленiю. Въ одинъ изъ сеансовъ, когда обвиняемый Б. писалъ при мнѣ отвѣты на вопросные пункты, изложенные въ заготовленной для этого тетради, онъ заявилъ мнѣ о желанiи передать мнѣ кое-что наединѣ, такъ какъ при допросѣ его находились уѣздный стряпчiй (мною приглашенный къ слѣдствiю для большей оффицiальности), мой псевдописьмоводитель-полицiантъ и сословный депутатъ изъ ратуши; послѣднiй находился тутъ по той причинѣ, что хотя дѣло возникло по доносу одного Сапожковскаго мѣщанинина, но и самъ доносчикъ оказался по дѣлу неправымъ, и потому требовалось закономъ въ подобныхъ случаяхъ, чтобы при слѣдствiи находился депутатъ отъ мѣщанскаго сословiя для огражденiя обвиняемаго отъ пристрастныхъ дѣйствiй слѣдователя. Когда же я вышелъ съ исправникомъ въ сосѣднюю комнату (она была моею спальней и кабинетомъ), онъ подалъ мнѣ запечатанный конвертъ, который я принялъ за дополнительное его свѣдѣнiе, но по распечатанiи конверта я оробѣлъ, усмотрѣвъ въ немъ вмѣсто свѣдѣнiя препорядочную пачку кредитныхъ билетовъ. Я не столько разсердился, сколько сконфузился и чтобы не наговорить этому господину какихъ-нибудь колкостей, вертѣвшихся у меня на языкѣ, я сунулъ ему обратно въ руку этотъ проклятый пакетъ и вышелъ въ залъ, гдѣ была моя канцелярiя, попросивъ и его послѣдовать за мною. Но я оплошалъ тѣмъ, что вышелъ первымъ изъ моего кабинета, и вотъ почему. Что г.г. слѣдователи подкупались, было не безызвѣстно мнѣ; но я, графъ Бутурлинъ, никакъ не ожидалъ быть причисленнымъ къ ихъ разряду, и по-

тому, болѣе растерялся чѣмъ что другое и, дабы скрыть мой конфузъ, я поспѣшилъ выйти въ залъ и тамъ попросилъ исправника Б. пояснить болѣе подробно его отвѣты на мои вопросы по указанію на нихъ моимъ письмоводителемъ; а самъ я ушелъ обратно въ свой кабинетъ, чтобы успокоиться, да и кстати чтобы окончить начатое письмо къ моей матери во Флоренцію. Когда же, докончивъ страницу письмà, я перевернулъ листъ на бѣловую его сторону, то увидалъ, что между этимъ листомъ и открытымъ бюваромъ, лежитъ та самая кипа кредитныхъ билетовъ, но уже безъ обертки. Это значило, что господинъ Б. принялъ мой конфузъ за колебаніе или за застѣнчивость и воспользовался минутою, когда онъ оставался одинъ въ моемъ кабинетѣ, чтобы состряпать эту ловкую, по его (вѣроятно) понятіямъ, штуку. Хорошо еще, что дѣло обнаружилось до его выхода изъ моей канцеляріи; а не будь той случайности, что я перевернулъ почтовый листъ, деньги остались бы у меня безъ моего вѣдома до слѣдующаго дня, и исправникъ могъ бы, пожалуй, думать, что штука его удалась. На этотъ разъ я уже не вытерпѣлъ и, выскочивъ въ канцелярію, бросилъ прямо въ него ненавистную пачку, и она скользя по его мундиру, упала на полъ, при чемъ я, съ усиленною и несвойственною пылкому моему характеру сдержанностью, сдѣлалъ ему слѣдующую нотацію. «Милостивый государь (имя рекъ), какое вы нанесли мнѣ оскорбленіе, вамъ, конечно, недоступно это понять. Какъ христіанинъ, я вамъ прощаю; но какъ должностное лицо, я вась предупреждаю, что о вашемъ поступкѣ доведу до свѣдѣнія общаго нашего начальника, губернатора». Ассистенты мои вытаращили глаза, а г. исправникъ добрался до дверей, какъ шальной. Немудрено, что съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ какъ будто бы онъ принялъ двойной пріемъ кастороваго масла, и въ испугѣ онъ поскакалъ къ уѣздному предводителю, Александру Васильевичу Колебакину (женатому съ 1852 года на воспитанницѣ Новосильцовыхъ Маріи Петровнѣ), жившему въ своемъ имѣніи селѣ Песочномъ, въ 20 верстахъ отъ Сапожка, и, разсказавъ ему, какъ онъ попалъ впросакъ, просилъ выручить его изъ бѣды. Г. Колебакинъ *), не церемонившійся вообще съ кѣмъ бы то ни было (славный онъ малый: чтò на умѣ, то на языкѣ), не прибѣгнулъ къ обинякамъ и махнулъ охранителю благочинія и спокойствія своего уѣзда: «Надо быть такимъ осломъ, какъ вы, чтобы предложить деньги графу Бутурлину. Хоть бы вы предварительно спросили у меня, чтò это за человѣкъ? Конечно, онъ все разскажетъ губернатору».

---

*) Онъ нынѣ президентъ Московскихъ рысистыхъ бѣговъ. Марья Петровна умерла въ 1871 (кажется) году, и Александръ Васильевичъ вторично женился.

Чтобы покончить съ этою исторіей, добавлю, что когда, возвратившись въ Рязань, я съ негодованіемъ, но неофиціально, передалъ Петру Петровичу, какимъ афронтамъ подвергаются его чиновники, онъ, къ изумленію моему, расхохотался. «Vous pouvez vous attendre, mon cher, сказалъ онъ, à recevoir souvent de tels affronts. Demandez un peu à Bernard, si pareille chose ne lui arrive pas aussi, quand je le prends avec moi dans mes tournées de revision [1]). Ссылка на Евгенія Михаиловича Бернарда, конечно, не могла меня удовлетворить; но Петръ Петровичъ принадлежалъ къ школѣ того Греческаго философа, котораго не раздражали никакія человѣческія слабости, а возбуждали въ немъ только смѣхъ.

По произведенному мною слѣдствію, исправникъ Б. былъ преданъ суду и отрѣшенъ отъ мѣста; но въ числѣ обвиненій, вызвавшихъ это рѣшеніе, не упомянуто было о его посягательствѣ подкупить меня, такъ какъ я не далъ офиціально огласки этому эпизоду.

Въ концѣ Февраля двоюродная моя сестра Надежда Александровна убѣдительно просила меня письмомъ прибыть къ ней въ Тамбовъ по случаю рожденія перваго ея ребенка Маріанны [2]), въ чемъ Петръ Петровичъ отказалъ мнѣ безъ всякой видимой причины, но, конечно, не ради служебной пользы, такъ какъ онъ вообще мало интересовался ходомъ моихъ занятій. Подобныя необъяснимыя выходки были у него въ характерѣ, да и рѣдкіе примѣры пробудившейся въ немъ служебной взыскательности не шли какъ-то ему къ лицу и были напускнымъ дѣломъ.

Въ день, когда моей Аннѣ совершилось 17 лѣтъ (28 Февраля), по странной случайности, всѣ полученные ею подарки были розоваго цвѣта. Я ей далъ 10-рублевый кредитный билетъ (розоваго тогда оттиска), мать подарила ей розовую шляпку, Новосильцовы принесли ей опаковый темно-розовый стаканъ, и былъ еще, помнится мнѣ, какой-то другой сдѣланный ей подарокъ того же цвѣта.

Въ одно солнечное Мартовское утро, на второй или третьей недѣлѣ Великаго поста, я пошелъ съ моею Анночкою гулять. Она была совершенно здорова и весела. Прошлись мы по всей Астраханской и Почтовой улицамъ до Новаго базара, повернули на Соборную и воз-

---

[1]) Вы будете, мой милѣйшій, часто подвергаться подобнымъ афронтамъ. Спросите-ка у Бернарда, не тоже самое бываетъ и съ нимъ, когда онъ сопровождаетъ меня на ревизіяхъ.

[2]) Нынѣ моя невѣстка, графиня Маріанна Васильевна Бутурлина.

вратились домой началомъ Семинарской улицы мимо Варварина гостиницы. Могъ-ли кто-нибудь предсказать, что менѣе чѣмъ черезъ недѣлю Анну мою вынесутъ изъ этого дома въ гробу!

На слѣдующій день (или быть можетъ черезъ день) въ Понедѣльникъ, я ѣздилъ съ Меропою Александровною въ подгородное имѣніе Масловыхъ, гдѣ были замѣчательныя оранжереи камелій въ полномъ тогда расцвѣтѣ. Подобное цвѣтеніе я въ Россіи видѣлъ только однажды въ заведеніи графа Нессельроде на Аптекарскомъ острову (въ Петербургѣ), и вотъ я перенесся моментально въ Флорентинскій нашъ садъ этихъ растеній, на который выходили окна комнаты, гдѣ родилась наша Анночка. Позднѣе, вспомнивъ объ этомъ сближеніи, я принялъ его какъ нѣчто въ родѣ непонятаго въ свое время предзнаменованія судьбы моей дочери.

Пріѣзжаю домой, и мой человѣкъ говоритъ мнѣ, что Анна Михайловна не совсѣмъ здорова и лежитъ съ утра на диванѣ въ гостиной. Я поспѣшилъ туда, но ничего особеннаго въ ней не нашелъ, кромѣ нѣкоторой всеобщей слабости. На повѣрку оказалось, что, гуляя со мною, она промочила ноги (улицы были грязны) въ такое время, когда надо было особенно беречься этого, такъ какъ у ней были женскія періодическія отправленія. На слѣдующій день (это было во Вторникъ) она слегла въ постель. Мы тотчасъ послали за годовымъ нашимъ врачемъ Петромъ Ѳедоровичемъ Малининымъ, который нашелъ, что она дѣйствительно простудилась, и онъ что-то прописалъ ей. Въ Середу, въ день Благовѣщенія, я въ страшномъ безпокойствѣ простоялъ обѣдню въ Зимнемъ соборѣ и когда послѣ службы я устремился къ иконѣ Божіей Матери, ко мнѣ подошли обѣ молодыя Вишневскія съ распросами о состояніи моей дочери. Я отвѣчалъ, чтъ г. Малининъ (который былъ также домовый врачъ Вишневскихъ) не видитъ ничего опаснаго въ ея положеніи, но что его увѣренія не успокоиваютъ меня и что я голову теряю, какъ онѣ сами могли видѣть. Въ этотъ день (въ Середу), ей стало гораздо хуже, у нея сдѣлалось внутреннее воспаленіе (это мы узпали уже впослѣдствіи), которое врачъ думалъ преодолѣть каломелью. Вечеромъ онъ повторилъ пріемъ того же медикамента, и въ этотъ же день (если не ошибаюсь) онъ приказалъ поставить ей восемнадцать или двадцать піявокъ. Въ Четвергъ утромъ, видя, что болѣзнь не уступаетъ, г. Малининъ усилилъ дозы каломеля и однакоже приказалъ посадить больную въ ванну. Когда ее вынули оттуда, она болѣе еще ослабла. Хотя я не подозрѣвалъ всей опасности ея состоянія, но страшная тревога овладѣла мною: я ушелъ къ

20*

себѣ въ кабинетъ, бросился на диванъ и зарыдалъ. Ко мнѣ взошла сердобольная Софья Егоровна Путята и старалась успокоить меня, говоря, что рыданія мои можетъ услыхать больная и этимъ испугаться, что еслибы была какая-нибудь опасность, то г. Малининъ настолько добросовѣстенъ, что призвалъ бы консиліумъ; и такъ какъ въ эту минуту онъ взошелъ ко мнѣ, чтобы прописать новый рецептъ, Софья Егоровна сказала ему: «Не правда ли, Петръ Ѳедоровичъ, что для успокоенія графа, вы не будете имѣть ничего противъ созванія консиліума?» «Сдѣлайте милость», отвѣчалъ онъ, и тутъ же присѣвъ, написалъ приглашенія къ шести часамъ вечера того же дня двумъ изъ первыхъ Рязанскихъ врачей, г. Попову и Ивану Христіановичу Шенроку. Жена моя и теща провели день съ возраставшимъ безпокойствомъ, а что до меня, я не въ силахъ былъ оставаться подолгу у кровати моей Анны; но теща не отходила почти отъ нея. Въ продолженіи дня больная то впадала въ бредъ, то возвращалась къ сознанію. Вдругъ говоритъ она моей тещѣ (меня тутъ не было:)—«Знаете что бабушка? Я болѣе не хочу никогда бывать въ театрѣ» (она пристрастилась, какъ я уже сказалъ, къ этой для нея новости).—«Зачѣмъ же, мой другъ», спросила Елисавета Ивановна; «тутъ дурнаго ничего нѣтъ.»—«Да вѣдь вы, бабушка, сами не бываете же въ театрѣ?»— «Это совсѣмъ другое: я старуха, а тебѣ семнадцать лѣтъ.» Искренній нашъ другъ, Варвара Николаевна Ляпунова, не отходила отъ насъ во весь почти день, и по ея указанію на чудотворную икону Казанской Божіей Матери, находящуюся въ Рязанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, я съ нею отправился туда. Мы привезли съ собою икону, и у насъ отслужили молебенъ монастырскіе священникъ съ діакономъ. Въ шесть часовъ пришли всѣ три доктора, и начался консиліумъ, длившійся два часа, въ продолженіи коего всѣ три врача то и дѣло что входили по одиночкѣ къ больной. Совѣщаніе происходило въ залѣ, въ полголоса и по латыни, и потому я ничего не разслыхалъ и не понялъ изъ того что врачи говорили. Выходя отъ насъ въ 9-мъ часу, И. Х. Шенрокъ сказалъ мнѣ только, что его собратъ Малининъ лѣчилъ больную правильно, но г. Поповъ ничего мнѣ не сказалъ. П. Ѳ. Малининъ остался у насъ. Поставили четырнадцать или пятнадцать піявокъ къ животу, послѣ чего докторъ ушелъ. Средство это было или недостаточно сильнымъ или уже слишкомъ опоздало, а усиленные пріемы каломеля выходили у больной рвотою. Жена, видя мое разстройство и что я почти что весь день плакалъ, уговаривала меня воздерживаться и что если наша дочь увидѣтъ меня такимъ, то это ее встревожитъ и ей можетъ сдѣлаться отъ этого хуже, и потому, когда я входилъ къ ней, я оставался за перегородкою. Вдругъ она спрашиваетъ у меня по-францу-

ски чтò значитъ Итальянское слово «seccatori», тогда какъ она почти что забыла говорить по-итальянски. Предполагая, что ея вопросъ относится къ чему-нибудь чтò мерещилось ей въ бреду, я однакоже отвѣчалъ: «Это значитъ надоѣдающіе люди. Не примѣняешь ли ты, мой другъ, этого слова къ докторамъ, которые одинъ за другимъ входили къ тебѣ?»—«Ну да», сказала она:—«Я желаю одного Петра Θедоровича». Нравственно и физически утомленный, я ушелъ къ себѣ и кинулся на постель...

Здѣсь нужно сказать, что по предварительной просьбѣ Меропы Александровны, гг. Поповъ и Шенрокъ по выходѣ отъ насъ отправились прямо къ ней и сообщили ей, что не знаютъ, зачѣмъ нашъ домашній врачъ Малининъ созвалъ ихъ на консиліумъ, тогда какъ у молодой графини уже внутренній Антоновъ огонь и ей *остается жить только нѣсколько часовъ.* Мужъ и жена Новосильцовы такъ и ахнули при мысли, что родители ничего не подозрѣваютъ объ угрожавшемъ имъ ударѣ.

Итакъ, я лежалъ у себя въ полузабытьи, какъ внезапно слышу крикъ изъ гостиной и затѣмъ стоны моей жены. Вбѣгаю туда и вижу жену въ полуобморокѣ на рукахъ г. Малинина. «Michel», едва могла она проговорить, «Петръ Θедоровичъ сказалъ, что нѣтъ никакой болѣе надежды!» Я остолбѣнѣлъ и взглянулъ на врача. «Ну... да...» подтвердилъ онъ слабымъ голосомъ и самъ, помнится мнѣ, прослезившись. «Крѣпитесь... вы христіяне и покоритесь Божіей волѣ.»—«А можетъ быть еще не поздно?» воскликнулъ я. «Не созвать ли опять докторовъ?»—«Пожалуй,» слабо процѣдилъ сквозь зубы разстерянный медикъ. Я побѣжалъ съ раскрытою головою къ г. Попову, жившему не подалеку отъ насъ, но не засталъ его, и когда я возвратился домой, Аленушка (няня) встрѣтила меня въ коридорѣ роковымъ извѣстіемъ, что «все кончено, она отошла отъ насъ!»...

Это было въ 10 часовъ вечера, 26 Марта 1854 года, въ день Собора Архангела Гавріила...

Въ промежутокъ времени, чтò я лежалъ въ забытьѣ у себя и бѣгалъ отыскивать доктора Попова, случилось слѣдующее.

П. Θ. Малининъ, ушедъ отъ насъ послѣ ставки піявокъ, возвратился, безъ посылки за нимъ; въ половинѣ десятаго или около того. Онъ прошелъ прямо къ Анночкѣ и, убѣдясь (вѣроятно), что нѣтъ никакой надежды спасти ее, вышелъ съ моею женою въ гостиную, гдѣ и произошла вышеописанная сцена. А между тѣмъ какъ я побѣжалъ

за г. Поповымъ, теща моя и няня оставались вдвоемъ при Анночкѣ, съ которой вдругъ сдѣлалось какъ бы дурно. Теща моя, приподнявъ съ усиліемъ ея головку и подозвавъ поближе Аленушку, приказала ей скорѣе принесть спирту, полагая, что съ ея внучкою сдѣлался обморокъ. Няня подошла и, пристально посмотрѣвъ на семнадцатилѣтній предметъ ея попеченій, сказала. «Елисавета Ивановна, неужели вы не видите, что она отошла!»

Ни одна изъ этихъ трехъ женщинъ не ожидала подобной развязки; но сердце мое какъ бы чуяло еще наканунѣ, что настаетъ часъ вѣчной моей разлуки съ неземнымъ этимъ существомъ............. Отчетливо не припомню, что̀ со мною происходило въ первыя минуты послѣ сказанныхъ мнѣ словъ нянею въ коридорѣ; но когда, нагнувшись надъ неподвижною моею Анною, я приподнялъ и крѣпко сжалъ ее въ мои обьятія (она была вся какъ бы въ огнѣ), умъ отказывался вѣрить въ дѣйствительности ея вѣчнаго сна. Тутъ же я увидалъ стоявшую у подножья кровати, безмолвную и скрестившую руки Меропу Александровну. Я бросилъ вопрошающій взоръ на нее, всегда ко мнѣ дружелюбную, не выпуская изъ моихъ объятій моей Анны, и она, угадывая мою мысль, протяжно сказала: «Да, мой другъ, она скончалась; тутъ никакого сомнѣнія быть не можетъ, и вамъ надо въ томъ убѣдиться».

Поздно ночью, сынъ мой, Митя, давно заснувшій, вдругъ выскочилъ изъ своей кроватки и, въ одной рубашкѣ выбѣжавъ въ коридоръ, началъ кричать всхлыпывая: «Сестра умерла, сестра умерла». Этотъ плачъ шестилѣтняго ребенка, не понимавшаго еще значенія смерти, былъ потрясающій, въ своемъ родѣ, эпизодъ........

Первую ночь Анна осталась на своей постели, а на слѣдующее утро, въ Пятницу, ее положили на столъ. Новосильцовы и Вишневскіе прислали много цвѣтовъ, коими мы обложили ея головку..........

Жена и теща съ Митею переѣхали въ этотъ день на квартиру Николая Адріяновича, и я остался одинъ въ домѣ*). Панихиды служилъ два раза въ день священникъ приходской нашей церкви, Симеона Столпника, о. Стефанъ Родоскій, а для чтенія псалтыри призвана была монахиня чтица изъ Казанскаго монастыря, въ коемъ, по совѣту Петра Петровича, рѣшено было похоронить нашу дочь.

---

*) Передавъ въ мое распоряженіе свой домъ, Дивовъ нанялъ небольшую для своихъ пріѣздовъ въ Рязани квартиру, почти что у самой Астраханской заставы.

Узнавъ о постигшемъ насъ несчастіи, шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ прискакалъ въ Рязань съ старшимъ своимъ сыномъ Сергѣемъ, ровесникомъ нашей покойницѣ*). До дня похоронъ, бывшихъ въ Понедѣльникъ, я проводилъ часть ночей у ея гроба. Сила эта дана была мнѣ свыше; она не свойственною казалась нервной и впечатлительной моей натурѣ.......

На открытомъ фортепіанѣ такъ и оставалася печальная мелодія Шуберта:

«Adieu! Des voix étranges
T'appellent dans les airs,
Charmante soeur des anges;
Leurs bras te sont ouverts.
Parmi le choeur céleste
Vas tu prier un peu
Pour le banni, qui reste,
Et qui te dit: adieu».

Въ предшествующіе ея заболѣванію дни, Анночка какъ-то особенно пристрастилась къ этой элегіи, и не взирая на просьбы ея матери выбрать что нибудь не столь меланхолическое, она принималась за эту мелодію; а года два позднѣе, разбирая однажды въ Знаменскомъ ея вещи и въ томъ числѣ ея альбомъ, куда она вписывала Русскія и Французскія стихотворенія, которыя особенно ей нравились, я былъ пораженъ, наткнувшись на извѣстную мнѣ давно элегію Шатобріана на смерть одной молодой дѣвушки, изъ коей помню два стиха.

«Vous avez terminé vos fraîches matinées,
Jeune fille et jeune fleur».

Въ ней былъ также стихъ, давно сдѣлавшій на меня впечатлѣніе:

«Mais ton père, Célina, sur ta tombe s'incline».

Носился впослѣдствіи слухъ, что, во время проѣзда моей жены съ дочерью черезъ Москву въ Рязань, кто-то изъ близкихъ къ Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой сдѣлалъ вопросъ пишущему столу (или тарелкѣ) о житьѣ-бытьѣ моей дочери въ новомъ ея мѣстопребываніи, и что отвѣтъ былъ будто бы: «она умретъ». Но достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ я не могъ еще по сю пору добиться.......

.... Въ Воскресеніе, наканунѣ похоронъ, Меропа Александровна, ежедневно меня навѣщавшая, говоритъ мнѣ:—«Бутурлинъ, зав-

*) Онъ только что опредѣлился тогда юнкеромъ въ бывшій мой Павлоградскій гусарскій полкъ.

тра предстоитъ вамъ ужасный день; постарайтесь быть благоразумнымъ». Я ей отвѣчалъ:—«Завтрашній день ничѣмъ не хуже сегодняшняго или вчерашняго. Весь ужасъ удара разразился уже три дня назадъ и ничто сильнѣе не можетъ постичь меня завтра». Такъ и вышло въ дѣйствительности........

Къ выносу останковъ дорогой моей Анны собралось почти что все Рязанское общество; даже губернскій предводитель П. Н. Бухвостовъ и его жена, съ которыми я не имѣлъ никакого короткаго знакомства, долгомъ сочли лично заявить ихъ соучастіе въ постигнувшемъ насъ несчастіи. Какъ же не помянуть мнѣ всѣхъ ихъ, добрымъ словомъ? Молодежь изъ моихъ сослуживцевъ подняли и, очередуясь, несли гробъ вплоть (какъ помнится мнѣ) до церкви Симеона Столбника чтò на Старомъ базарѣ......... Петръ Петровичъ не отходилъ отъ меня во все время шествія, а Мерона Александровна поручила домашнему ихъ врачу Шенроку присматривать за мною во время заупокойной литургіи и отпѣванія. Но предосторожность эта была лишняя: я былъ слишкомъ убитъ морально, чтобы впадать въ обморокъ; да и силы даны были мнѣ милосердымъ Промысломъ. Внутренній голосъ нашептывалъ мнѣ увѣреніе, что созданіе, похищенное во всей чистотѣ и непорочности, на сколько то доступно человѣческой бренной натурѣ, сподобится быть принятымъ въ селенія праведныхъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.........

Петръ Петровичъ не допустилъ меня идти одному за гробомъ и самъ шелъ все время рядомъ со мною. Воздухъ былъ сыръ, вездѣ страшная слякость, и по временамъ порхалъ снѣжокъ, а Петръ Петровичъ былъ болѣзненнаго сложенія........

...... И такъ, Анна моя покоится нынѣ въ Рязанскомъ дивичьемъ монастырѣ, гдѣ и я надѣюсь лечь, если не рядомъ, то не подалеку отъ нея *). Могила ея была у самыхъ южныхъ дверей лѣтней церкви, но съ тѣхъ поръ какъ церковь эту перестроили и расширили, могила Анны взошла въ нее, подъ самый правый клиросъ.......

Всѣ хлопоты и распоряженія по печальному сему дѣлу добровольно принялъ на себя мой товарищъ Александръ Ивановичъ Протасьевъ, съ родственною вполнѣ готовностію. Мнѣ было не до того, да и денегъ на эти издержки не было у меня: ихъ выдалъ немедленно Петръ Петровичъ, даже не сказавъ мнѣ ничего о таковомъ одолженіи. Когда Николай Адріановичъ возвратился изъ Петербурга весною, онъ уплатилъ этотъ долгъ своими деньгами, также какъ и прочіе расходы,

*) Надежда эта исполнилась. П. Б.

относившіеся къ болѣзни и кончины моей дочери. Много добра сдѣлалъ мнѣ на своемъ вѣку этотъ человѣкъ! Впослѣдствіи я узналъ, что когда княгиня Марія Семеновна Черкаская, проведшая зиму въ Петербургѣ, извѣстила Дивова о Рязанскомъ происшествіи, съ нимъ сдѣлалось дурно.

Черезъ недѣлю, мое семейство перешло обратно въ Дивовскій домъ, а по истеченіи шести недѣль переѣхало въ Городище, куда давно передъ тѣмъ возвратился Николай Адріяновичъ. До переѣзда моего семейства въ Городище пріѣхали изъ Тарусы раздѣлить наше горе и поклониться свѣжей могилѣ Анны Тридонъ и его жена. «Вотъ другъ мой», сказалъ мнѣ Осипъ Августиновичъ, «какъ всѣ наши предположенія обманчивы. Разставаясь съ Анетиною въ Тарусѣ, я взялъ было съ нея обѣщаніе, что, въ случаѣ моей кончины, она приметъ подъ свое попеченіе мою Лиленьку»........... Намъ разсказывали позднѣе, что̀ произошло въ Знаменскомъ, когда вѣсть о кончинѣ нашей Анны была получена тамъ. Тамошній прикащикъ Тимофей Егоровъ, узнавъ первоначально о ея болѣзни, распорядился отслужить въ нашей церкви молебенъ о ея здравіи. Служба уже началась, какъ вдругъ онъ вбѣгаетъ въ церковь. «Батюшка», говоритъ онъ священнику Ѳедору Егоровичу Бриліантову, «не о здравіи, и о вѣчномъ покоѣ Анны Михайловны намъ надо молиться: сей часъ получено изъ Рязани извѣстіе, что она скончалась». Бѣдный отецъ Ѳедоръ такъ и обомлѣлъ!........

Во время болѣзни моей Анны, пронесся было по Рязани слухъ, что ей стало лучше. Дружелюбный ко мнѣ всегда Аркадій Африкановичъ Болдыревъ, выѣхавъ изъ Рязани въ Москву въ Середу, поспѣшилъ, по прибытіи туда, успокоить Зинаиду Сергѣевну на счетъ любимой ею Анночки, и тѣмъ сильнѣе поразило мою кузину полученное два дня спустя извѣстіе о ея кончинѣ... ...

... ... Долго ходилъ, какъ ошеломленный, бѣдный врачъ Малининъ. Жалостно было смотрѣть на него. «Ваше несчастіе», говорилъ онъ мнѣ, «въ тоже время и мое». Хотя онъ былъ ученикъ Ѳедора Ивановича Иноземцова, но на нашу бѣду далъ, какъ говорили его собратья, діогностическій промахъ, не угадавъ въ чемъ заключалась болѣзнь его паціентки, вслѣдствіе чего первоначальные его приступы были слишкомъ слабы. Докторъ Шенрокъ (методъ коего отличался смѣлостію) утверждалъ позднѣе, что если бы во Вторникъ (когда Анночка слегла) поставили ей сорокъ и даже пятьдесятъ піявокъ, вѣроятно, что она осталась бы жива. Недѣли черезъ три послѣ сего событія, теща моя заболѣла тѣмъ же восполеніемъ, какъ и ея внучка (въ меньшемъ, быть

можетъ, размѣрѣ), и не взирая на ея преклонные года (ей было 67 лѣтъ) и щедушный организмъ, г. Шенрокъ поставилъ ей до тридцати (помнится мнѣ) піявокъ, и она вскорѣ оправилась. Мало того: одновременно почти съ болѣзнію Анночки захворала также восполеніемъ восьмидесятилѣтняя г-жа Дубовицкая (мать Тульскаго Николая Александровича) проживавшая въ собственномъ домѣ въ Рязанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и ее поставилъ также на ноги тотъ же г. Шенрокъ, и она прожила еще шесть или семь лѣтъ.......

Въ началѣ или около середины Апрѣля 1854 г., я получилъ письмо отъ моей матери со вложеніемъ въ немъ письма для Анны уже не живой *). Это неважное по себѣ обстоятельство легло новою тяжестію на мою душу...

Когда я былъ въ состояніи писать, я извѣстилъ мою невѣстку, графиню Аврору Осиповну, о постигшей насъ потерѣ, прося ее передать эту грустную вѣсть, какъ она лучше съумѣетъ, нашей матери. Невѣстка моя приняла всѣ возможныя въ подобномъ случаѣ осторожности, но принятое выраженіе *приготовить* одно лишь пустословіе. Развѣ возможно приготовить кого либо къ неожиданному, ошеломляющему его удару?.... Едва графиня Аврора Осиповна сказала нашей матери, что ей пишутъ изъ Россіи, что Анночка опасно заболѣла, какъ мать моя воскликнула: «она умерла»! Ахъ бѣдный мой Михайло!»...

Такъ какъ мое семейство намѣревалось возвратиться на лѣто въ Знаменское, то я просилъ Петра Петровича уволить меня къ нимъ, чувствуя себя неспособнымъ заниматься служебными обязанностями. «Ни на одинъ день не отпущу васъ», отвѣчалъ онъ: «я знаю по опыту, мой любезнѣйшій, что служба есть единственное развлеченіе въ подобныхъ моральныхъ потрясеніяхъ». Этотъ отказъ, кромѣ кажущейся его жестокости, не могъ, по тогдашнему моему разумѣнію, достигнуть предполагаемой Петромъ Петровичемъ; цѣли. Я ошибся. Чрезвычайно тяжело было мнѣ приняться за занятія но чувство долга, что человѣческіе интересы могли бы пострадать отъ моего бездѣйствія, помогло преодолѣть моральную мою атонію, и мало по малу я дошелъ до того, что единственныя минуты, въ которыя я отвлекался отъ моей скорби, были тѣ, когда я углублялся въ мои служебныя занятія. Да и иныя дѣла были довольно важны. Казавшеюся столь суровою мѣра› П. П. Новосильцова вышла спасительная, и я впослѣдствіи понялъ что только она и отвратила отъ меня угрожавшее мнѣ сумасшествіе.....

*) Такъ какъ не было еще тогда желѣзныхъ дорогъ, то письма изъ Флоренціи въ оскву и Петербургъ проходили на семнадцатый только день, и потому извѣстіе о конМчинѣ любимой ея внучки мать моя не могла получить ранѣе половины Апрѣля.

Много также помогло душевному моему успокоенію сближеніе мое съ соборнымъ протоіереемъ Иваномъ Ефимовичемъ Любимовымъ [1]), съ коимъ я познакомился осенью 1853 г., у Хвощинскихъ и къ коему съ перваго раза почувствовалъ такое влеченіе, что избралъ его въ духовные себѣ отцы и пригласилъ священнодѣйствовать при похоронахъ моей Анночки. Съ этого времени началась моя дружба съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, двадцати годами нынѣ скрѣпленная и поддерживающаяся перепиской. Онъ и графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой сдѣлались моими преобразователями; первый въ духовномъ направленіи, а второй сдѣлалъ изъ меня, бывшаго дотолѣ космополитомъ, Русскаго человѣка. Онъ же познакомилъ меня короче съ церковнымъ уставомъ (въ которомъ онъ свѣдущъ до малѣйшихъ подробностей) и направилъ историческіе и иные мои взгляды, въ числѣ каковыхъ тотъ, что поспѣшная и насильственная Петровская реформа имѣла столько же пагубныхъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствій», (а въ частности исказила Русскій семейный бытъ), сколько и блистательныхъ для организаціи отечества. Но о вліяніи на меня графа Дмитрія Николаевича здѣсь слишкомъ еще рано говорить.

Я получалъ отовсюду соболѣзновательныя письма, въ числѣ коихъ глубоко тронули меня нѣсколько теплыхъ строчекъ, начертанныхъ карандашомъ княгинею Маріею Петровною Волконской изъ Петербурга [2]), и также сочувственное письмо старухи графини Риччи, съ коею я не видался съ 1828-го года, извѣстившейся о моей потерѣ отъ княгини Маріи Семеновны Черкасской [3]).

Въ числѣ посѣщавшихъ меня съ добрымъ намѣреніемъ разсѣять по возможности горькія мои думы былъ новый мой знакомый Петръ Ивановичъ Фроловъ, тотъ самый, что̀ стрѣлялся въ Москвѣ въ 1844 году съ графомъ Саліасомъ. Въ Рязани онъ бывалъ единственно по чувству признательности къ Петру Петровичу вступившемуся за него

---

[1]) Магистръ Кіевской Духовной Академіи и нынѣ законоучитель при Рязанской гимназіи.

[2]) Я ее извѣщалъ, что дочь моя покоится рядомъ съ ея матерью Маріею Ардаліоновною Кикиной и ея бабушкою Торсуковой.

[3]) Напоминаю, что графиня Риччи (рожденная Лунина) та самая что̀ удостоивалась быть вѣнчанною за ея пѣніе въ Римскомъ Капитоліи, между 1814 и 1818 годами, и участвовала, какъ примадонна, въ операхъ у княгини Зинаиды Александровны Волконской въ Москвѣ въ 1826 и 1827 годахъ. Живя съ мужемъ (красавцемъ двадцатью годами моложе ея) на слишкомъ широкой ногѣ, они покончили весьма значительное ея состояніе и затѣмъ разъѣхались. Въ началѣ 50-хъ годовъ графиня Риччи проживала кое-какъ въ оставшемся у нея незначительномъ имѣніи подъ Коломною, не имѣя средствъ жить въ столицахъ.

въ то время, когда графъ Закревскій сослалъ его въ полярный городъ Колу, но за что именно, я не припомню. Оригинальный этотъ человѣкъ началъ службу въ Черноморскомъ флотѣ и отличился, будучи еще въ нижнемъ чинѣ, какимъ-то доблестнымъ подвигомъ о чемъ свидѣтельствовалъ солдатскій Георгіевскій его крестъ. Безпокойный и буйный когда-то его нравъ завлекъ его въ разныя приключенія и поединки, и онъ слылъ дуэлистомъ. Однажды онъ возымѣлъ намѣреніе подняться съ однимъ воздухоплавателемъ, но полетъ его не состоялся по той причинѣ будто бы, какъ онъ разсказывалъ, что тогдашній оберъ-полицеймейстеръ Берингъ распорядился, чтобы не впущено было бы въ шаръ нужнаго количества газа, или что-то въ этомъ родѣ, дабы подвергнуть жизнь П. И. Фролова еще бóльшей опасности. Быть можетъ, что это вымыселъ, такъ какъ нельзя было всегда давать вѣры его словамъ, но за что купилъ, за то и продаю. Когда я упоминалъ о немъ въ событіяхъ 1844 года, то выставилъ, кажется, высокую черту его самоотверженія, состоявшую въ томъ, что онъ отдалъ незамужнимъ своимъ сестрамъ все свое, хотя незначительное, имѣніе въ Коломенскомъ уѣздѣ. Жаль, что послѣ столь примѣрнаго поступка онъ не обратился снова къ службѣ для независимаго своего существованія, а предпочелъ ей унизительную роль паразита и пикъ-ассіета [1]), чѣмъ и пріобрѣлъ незавидную извѣстность въ Москвѣ. Но вѣдь кромѣ Лукулловыхъ наслажденій съ отборнымъ Лафитомъ (до коего г. Фроловъ былъ великій охотникъ) есть много и другихъ житейскихъ потребностей, удовлетвореніе коихъ невозможно безъ денегъ и особенно въ великосвѣтской сферѣ, коей г. Фроловъ упорно придерживался до конца Московской своей жизни; но откуда бралъ онъ средства, чтобы прилично одѣваться, платить за квартиру и посѣщать клубы и театры, было для всѣхъ энигмою. Хотя онъ и поигрывалъ въ карты, но не по значительному кушу, а въ шулерство не слыхать было, чтобы онъ пускался. Добавлю, что вездѣсущая его свѣтская дѣятельность въ послѣднія десять лѣтъ Московской его жизни (1863—1873) была изумительна. Городскія новости находили въ немъ свѣжаго всегда передатчика, и его можно было встрѣчать повсюду и почти въ одно и тоже время: по утрамъ ковылявшимъ [2]) по Кузнецкому мосту, а по вечерамъ на концертахъ, въ двухъ клубахъ (Англійскомъ и Дворянскомъ), на частныхъ балахъ, на дворянскихъ выборахъ, въ лучшихъ Французскихъ ресторанахъ, на похоронахъ (гдѣ не упускалъ онъ случая усердно уписывать на заупокойныхъ трапезахъ), по воскреснымъ днямъ у обѣд-

---

[1]) „Pique-assiette“ зовутъ искателей даровыхъ обѣдовъ съ угодничествомъ къ ихъ амфитріону.

[2]) Онъ ходилъ съ костылемъ.

ни въ бомондной церкви Успенія на Овражкѣ, что̀ въ Газетномъ переулкѣ, а оттуда съ утреннимъ визитомъ къ Московскому викарію Леониду, коего онъ считалъ своимъ сослуживцемъ; словомъ, П. И. Фроловъ повсѣмѣстно разсыпался и всѣмъ надоѣдалъ, но тѣмъ не менѣе запертыхъ для него дверей не встрѣчалъ никогда. Правда, что онъ въ этихъ случаяхъ бралъ нахрапомъ (il payait d'audace). Можно себѣ представить мое удивленіе, когда, находясь во Флоренціи въ концѣ 1862 года, гдѣ я жилъ у бывшаго моего воспитателя и благодѣтеля г. Слоана, дверь растворилась, и ко мнѣ влетаетъ, насколько дозволяла ему хромота, Фроловъ съ поклономъ отъ моего кузена Н. А. Дивова изъ Парижа, съ коимъ онъ туда пріѣхалъ изъ Петербурга. Въ обществѣ онъ былъ довольно забавенъ оригинальнымъ своимъ умомъ, но былъ болтунъ. Бѣдный П. И. Фроловъ кончилъ свое поприще трагически. Когда всѣ его извороты для поддержанія себя въ Московскомъ аристократическомъ кружкѣ истощились, онъ собралъ послѣднія свои крохи и уѣхалъ весною прошлаго 1873 года въ Монако, гдѣ существуетъ публичная азартная игра въ рулетку. Тутъ онъ поставилъ сразу весь свой денежный кушъ: панъ или пропалъ! Банкометъ убилъ его карту, и несчастный игрокъ тутъ же принялъ заготовленный заблаговременно, пріемъ сильнаго яда.

Возвращаюсь къ событіямъ весны 1854 года. Англійское военное судно «Тигръ» попавъ на мель у Одесскаго прибрежья, принуждено былъ сдаться военноплѣннымъ. Командиръ судна заболѣлъ и остался въ Одессѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ; офицерамъ и нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ экипажа назначено было мѣстопребываніемъ Рязань, а два каютъ-юнга (по-англійски «midshipmen») отвезены въ Москву для окончанія ихъ образованія при Московскомъ университетѣ подъ присмотромъ, кромѣ мѣстныхъ властей, пастора Московской Англиканской церкви: распоряженіе довольно странное, но совершенно въ духѣ покойнаго императора Николая. Въ Рязань, препровождены были старшій лейтенантъ Александръ Гамильтонъ, сорокалѣтній съ небольшимъ и солидный человѣкъ; младшій лейтенантъ Вебъ Элфинстонъ - Стонъ, весьма общественный и романическаго оттѣнка молодой человѣкъ, даже сердечкинъ (ему было лѣтъ 28), старшій шкиперъ, пожилыхъ уже лѣтъ, и два или три матроса. Шкиперъ и остальныя лица прибыли въ Рязань много позднѣе двухъ вышеназванныхъ офицеровъ, въ началѣ осени. Квартира, отведенная для двухъ офицеровъ, была помѣстительна и опрятна, а содержаніе, назначенное имъ, весьма изрядное (въ чемъ заключалось послѣднее, не упомню хорошо, но кажется болѣе рубля въ день); а какъ оба были люди со средствами, то они зажили

очень прилично. Г. Элфинстонъ обзавелся лошадкою съ таратайкою въ родѣ кабріолета, а г. Гамильтонъ, какъ охотникъ, лягавою собакою. Такъ какъ для нихъ требовался переводчикъ, губернатору предписано было въ случаѣ неимѣнія на мѣстѣ чиновника знающаго Англійскій языкъ, снестись съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, откуда долженъ былъ быть высланъ переводчикъ изъ тамошнихъ чиновниковъ; но Петръ Петровичъ, имѣя въ виду мое знаніе этого языка, назначилъ меня въ эту должность, безъ увольненія меня отъ слѣдственныхъ занятій и безъ увеличенія моего оклада. Послѣднее обстоятельство было, по моему, несовсѣмъ правосудно: вѣдь не случись я въ Рязани, пришлось бы откомандировать чиновника съ экстреннымъ для сего жалованіемъ. Впрочемъ, я не ставлю этого въ вину Петру Петровичу; экономическій этотъ расчетъ состоялся, вѣроятно, помимо его. Но не надо думать, что новая моя обязанность заключалась лишь въ томъ, чтобы служить толмачемъ для личныхъ нуждъ военноплѣнныхъ: на мнѣ лежала неблаговидная обязанность прочитывать всѣ письма, ими полученныя и отправляемыя въ Англію и съ нихъ дѣлать переводы по-русски (или по-французски, хорошо не помню); переводы мои отсылались въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, а иныя изъ полученныхъ семейныхъ писемъ были иногда на восьми страницахъ, и переводческій трудъ отвлекалъ меня отъ настоящихъ моихъ занятій. Да и кромѣ того, сблизившись съ этими офицерами (они были люди отлично образованные и привыкшіе къ хорошему обществу и со мною обращались подружески), я всегда стыдился моего невольнаго соглядатайства. Не взирая однакоже на фальшивое мое положеніе, я сыскалъ (самъ не знаю какъ) искреннюю ихъ дружбу и впослѣдствіи даже переписывался съ ними. Глубоко тронуло меня письмо, полученное однажды на мое имя отъ отца лейтенанта Элфинстона, Англійскаго пастора, въ коемъ онъ горячо благодарилъ меня за вниманіе оказанное его сыну. Петръ Петровичъ былъ очень ласковъ съ обоими офицерами: они нерѣдко обѣдали у него, и онъ возилъ ихъ къ Дивову въ Городище и къ княгинѣ М. С. Черкасской, ежегодно проводившей лѣто съ ея дочерью княжною Маріею Петровною въ своемъ имѣніи подъ Рязанью. Повѣритъ ли кто, что за это гуманное и свойственное просвѣщенному человѣку обхожденіе съ плѣнными подобнаго ему уровня нашлись въ Рязани ретрограды или желчнаго темперамента люди, которые упрекали Петра Петровича и находили, что и на плѣнныхъ надо смотрѣть какъ на враговъ отечества? Наши Англичане познакомились также съ нѣкоторыми ближайшими къ Рязани помѣщиками и гостили у нихъ по нѣскольку дней, о чемъ они однакоже всегда увѣдомляли губернатора. Лейтенантъ Элфинстонъ былъ красивый мужчи-

на, хотя ростомъ невеликъ, женственен въ манерахъ и мягкой, впечатлительной натуры: разставаясь съ Рязанью со вздохомъ (когда осенью размѣнены были съ обѣихъ сторонъ плѣнные), онъ оставилъ тамъ не одну горемычную Дидону.

Началось формированіе всеобщаго въ Россіи ополченія, и многіе изъ статскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ опредѣлились офицерами въ Рязанскія дружины. Въ числѣ послѣднихъ, былъ Аполлонъ Николаевичъ Волковъ, поступившій въ Михайловскую дружину, такъ какъ онъ былъ помѣщикъ этого уѣзда, а въ начальники всего Рязанскаго ополченія выбранъ былъ генералъ (въ отставкѣ) Павленко, женатый на сестрѣ Н. Г. Рюмина. Меломанъ и старый театралъ князь Алексѣй Дмитріевичъ Волконскій устремился было снова на службу; его выбрали въ начальники Зарайской дружины, и онъ уже облекъ было свой дворовый (и весьма сносный) оркестръ въ мундиры; но когда онъ, разсорился, не помню за что, съ начальствомъ или съ дворянами уѣзда, военный его пылъ остылъ, и онъ остался дома. Рязанскою дружиною командовалъ гвардейскій офицеръ, но Рязанскій уроженецъ и житель, молодой Грегоріусъ.

Когда обнародованъ былъ манифестъ объ ополченіи, случилась вотъ какая исторіи. Между крестьянами Тамбовской губерніи и смежныхъ съ нею Рязанскихъ уѣздовъ разнесся слухъ, что кто только поступитъ въ ряды ополченцевъ, тотъ уже на всегда увольняется отъ крѣпостнаго состоянія, и вотъ крестьяне гурьбою направлялись черезъ Рязанскую губернію въ Москву, гдѣ, какъ они увѣряли, должно собираться все ополченіе. Толпы изо ста и болѣе крестьянъ являлись одна за другой къ графу Закревскому, который высылалъ ихъ обратно по этапу на ихъ мѣста жительства. Когда одна таковая партія бѣжала по шоссе между Баграмовскою почтовою станціи и селомъ Луховицами, въ участкѣ Зарайскаго уѣзда, тамошній исправникъ Дмитрій Васильевичъ Улитинъ, изъ себя колосъ и силачъ, вздумалъ было одинъ и Геркулесовою своею персоною преградить ей путь. Его сшибли съ ногъ и порядочно, кажется, намяли ему бока. Узнавши объ этомъ приключеніи, Петръ Петровичъ отозвался, что по дѣлôмъ ему дураку. Не даровитъ дѣйствительно былъ этотъ исправникъ, но усерденъ по службѣ и честенъ (сирѣчь, не взяточникъ), за что былъ любимъ губернаторомъ, а внѣ службы былъ флегматиченъ и молчаливъ. Проводивъ, бывало, губернатора черезъ участокъ своего уѣзда, онъ заѣдетъ отдохнуть у своего друга-пріятеля Дмитрія Николаевича Апраксина (Дивовскаго сосѣда) въ сельцѣ Горяинцовѣ и, взойдя къ нему въ домъ и едва

поздоровавшись съ хозяиномъ, растянется на его постели, не говоря ни слова. «Чай, губернатора своего провожалъ?» Начнетъ Апраксинъ, зная, что не добьется слова отъ своего гостя «Да», отвѣчаетъ тотъ, и за тѣмъ опять молчаніе. «Такъ разскажи хоть что нибудь про это?» — «Нѐчево сказать: все давно переговорено. И этимъ кончался разговоръ.

Газеты и вся Русская публика восторгалась тогда подвигомъ молодаго артилериста Щеголева, который съ своею полубатареею (или цѣлою батареею), стоявшею въ Одесской гавани, выдерживалъ огонь Англійскаго флота, бомбардировавшаго городъ, и мѣткими выстрѣлами своихъ орудій Щеголевъ даже повредилъ непріятельскія суда. Не отрицая доблести этого юноши, все таки спрашиваю, какъ могъ бы онъ иначе поступить? Не бросить же былъ ему своего поста и утекать? Севастопольскія событія, отступленіе отъ невзятой Силистріи и поспѣшное очищеніе нашими войсками Придунайскихъ княжествъ, уязвляли до нѐльзя національное чувство: подобнаго позора Русское оружіе не видало со временъ Петровскаго пораженія при Прутѣ. Высадка союзниковъ на Крымскій полуостровъ и осада Севастополя съ суши могли, пожалуй, настигнуть Россію врасплохъ какъ непредвидимыя случайности; но что же это такое, спрашивали мы другъ у друга, что и съ Турками мы не совладаемъ и отступаемъ передъ ними? Конечно, очищеніе Молдаво-валахіи произошло вслѣдствіе Австрійской вооруженной демонстраціи на сѣверной границѣ княжествъ; но она вышла бы опоздалою угрозою, еслибы Государь согласился на смѣлую программу Катакази, и наши войска устремились бы на Константинополь переходомъ черезъ Балканы и моремъ, не замѣшкавшись въ Придунайскихъ княжествахъ.

Но вотъ забавный бонъ-мо, приписываемый тогда князю Меншикову. Во время блистательной, но сумазбродной атаки Англійскаго драгунскаго полка имени королевы Викторіи, командиромъ коего былъ лордъ Кардиганъ (офицеры полка были съ букетомъ въ петлицѣ по случаю дня рожденія королевы и, какъ говорятъ, мертво пьяны), попался въ плѣнъ молодой офицеръ этого полка лордъ Дункѐли и былъ препровожденъ къ нашему главнокомандующему. Въ экзалтированномъ чаду отъ пороха и, быть можетъ, винныхъ паровъ и въ естественной досадѣ быть взятымъ въ плѣнъ, молодой милордъ отнесся къ князю Александру Сергѣевичу съ заносчивымъ словомъ: «Mon prince, vous aurez beau faire, mais nous prendrons Sébastopol».—«A, vous avez vrai, milord», отвѣчалъ нашъ острякъ, «jusqu à aujourdhui, j'ai toujours crains ce résultat; mais maintenant que vous n'êtes plus dans les

rangs de nos ennemis, je commence à espérer que nous tiendrons bon jusqu' á la fin»[1]).

Весной этою 1854 года умерли два Тарусскіе старожила: Петръ Ильичъ Заславскій и Авдотья Ивановна Нарышкина. Утрата послѣдней была горестнымъ событіемъ для всего околодка, для коего открытый ея домъ служилъ давнѣйшимъ и гостепріимнымъ центромъ. Наслѣдникомъ П. И. Веселовскаго былъ дальный его родственникъ г. Зубовъ женатый на фрейлинѣ Эйлеръ и служившій въ почтовомъ департаментѣ въ превосходительномъ чинѣ; но, какъ человѣкъ и безъ того достаточный, онъ не спѣшилъ вступить немедленно въ наслѣдственныя свои права и предоставилъ двумъ старухамъ-сестрамъ покойника, Аннѣ и Авдотьѣ Ильинишнымъ (третья сестра Татьяна давно уже померла) пользоваться до конца жизни имѣніемъ ихъ брата[2]).

По истеченіи шести недѣль послѣ кончины моей Анночки, мое семейство переѣхало, какъ я уже говорилъ, въ Городище, а въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня возвратилось въ Знаменское. Въ Городище же пріѣзжалъ тогда Августъ Осиповичъ Понятовскій, чтобы совѣщаться съ Николаемъ Адріяновичемъ на счетъ дѣлъ моего (и также его) племянника графа Дмитрія Петровича, довѣрителемъ коего онъ былъ. Братъ мой графъ Петръ Дмитріевичъ умеръ почти что въ одно время съ его повѣреннымъ Иваномъ Антоновичемъ Кавецкимъ въ предъидущемъ (1853) году, а сей послѣдній оставилъ дѣла своего довѣрителя въ запутанномъ довольно положеніи. Г. Кавецкій остался также должникомъ моей матери по покупкѣ ея имѣнія с. Бѣлкина, вслѣдствіе чего мать моя снабдила Николая Адріяновича довѣренностію для взысканія этихъ денегъ съ дочери умершаго г. Кавецкаго, Варвары Ивановны Обнинской. По рекомендаціи (вѣроятно) П. П. Новосильцова, Дивовъ и Понятовскій препоручили взысканіе этихъ долговъ адвокату Михайлу Ивановичу Бернару, коему выдано было впередъ тысяча рублей на необходимые расходы. На сколько М. И. Бернаръ подвинулъ дѣло моего племянника, мнѣ мало извѣстно; но на счетъ долгу моей матери, не взыскано еще было ни копѣйки до 1857 года, когда умеръ М. И. Бернаръ, и мнѣ пришлось хлопотать по этому дѣлу, какъ увидимъ дальше.

---

[1]) Князь, какъ бы вы ни старались удержать Севастополь, но мы его возьмемъ. „Если сказать вамъ правду, милордъ, я самъ боялся до сегодяшняго дня этого схода; но теперь вы болѣе уже не находитесь въ рядахъ нашихъ враговъ, и я начинаю надѣяться, что мы отстоимъ Севастополь до конца".

[2]) Сынъ этого г. Зубова женился позднѣе на дочери Кокошкина, бывшаго нашимъ представителемъ при Туринскомъ дворѣ и женатаго на дочери знаменитой когда-то пѣвицы Каталани, Валабрекъ.

На первыхъ порахъ постигшаго меня удара, мнѣ жилось легче въ Дивовскомъ имѣніи нежели въ Рязани, такъ какъ не было въ Городищѣ никакихъ мѣстныхъ воспоминаній о моей дочери. Временному этому перемѣщенію не воспротивился Петръ Петровичъ, но и я самъ не злоупотреблялъ его снисходительностію и принуждалъ себя исподволь заняться служебными дѣлами, для чего часто отлучался въ Рязань. Правда, что бывшія у меня въ производствѣ слѣдствія немного затягивались, но недостатка не было въ занятіяхъ и по переводамъ кореспонденціи Англійскихъ военно-плѣнныхъ, а келейную помощницу въ этой работѣ я пріобрѣлъ позднѣе въ лицѣ княжны Маріи Петровны Черкасской, и дѣло пошло у меня поспорнѣе.

Теперь вся отрада моей жизни сосредоточилась въ единственномъ моемъ дѣтищѣ, коему минуло семь лѣтъ, и естественно, что съ отъѣздомъ въ Знаменское моего семейства одиночество мое сдѣлалось еще чувствительнѣе. Меропа Александровна уѣхала въ мужнино имѣніе с. Воинъ надъ Мценскомъ, куда и Петръ Петровичъ по нѣскольку разъ отлучался изъ Разани, и безотрадные мои дни протекли бы среди чуждыхъ мнѣ людей, если бы Провидѣніе не послало мнѣ утѣшительницъ въ княгинѣ и княжнѣ Черкасскихъ, коими я былъ принятъ въ семейно-интимную ихъ жизнь, и до конца этого лѣта я часто проводилъ по нѣскольку дней и ночей сряду у нихъ въ деревнѣ.

Оба Англійскіе моряка постоянно бывали у Черкасскихъ. Общество молодой княжны Маріи Петровны, владѣвшей Англійскимъ нарѣчіемъ съ рѣдкою элегантностію, было слишкомъ могучимъ талисманомъ для мягкосердечнаго Элфинстона, чтобы не плѣниться ея особою; но этого исхода мы никакъ не подозрѣвали (впрочемъ, быть можетъ, я одинъ по моей недальновидности не замѣчалъ того что̀ было достаточно ясно для прочихъ), и потому меня поразило, когда по отъѣздѣ Англичанъ изъ Рязани и Черкасскихъ на зиму въ Петербургъ, княжна Марія Петровна извѣстила меня оттуда о полученіи ею письма изъ Англіи отъ лейтенанта Элфинстона съ декларацією нѣжныхъ его чувствъ и съ предложеніемъ его руки. Бѣдняжка была сама такъ озадачена этою неожиданностію, что затруднялась какъ формулировать повѣжливѣе свой отказъ.

Съ этимъ молодымъ морякомъ я чуть не подвергся крайне-непріятному приключенію. Отправились мы однажды вдвоемъ рисовать съ натуры живописную мѣстность усадьбы И. Н. Дубовицкаго, село Дядьково, стоящей на горѣ въ двухъ верстахъ отъ Рязани, и насъ окружила толпа любопытныхъ крестьянскихъ дѣтей, къ коей приткну-

ли мало-по-малу взрослые крестьяне, которые начали насъ распрашивать, какіе мы люди и что̀ мы тутъ дѣлаемъ. Хотя къ подобнымъ распросамъ я и привыкъ, когда мнѣ и прежде случалось рисовать на открытомъ воздухѣ, однакоже мнѣ показалось, что на этотъ разъ на насъ смотрѣли какъ-то подозрительно и со мною не разговаривали со свойственною имъ почтительностію. Когда же при первой моей встрѣчѣ съ Дубовицкимъ я разсказалъ ему, что наше рисованіе на открытомъ воздухѣ вызвало чуть ли не всѣхъ крестьянъ его села, онъ отвѣчалъ, что нѣсколько человѣкъ изъ нихъ приходили къ нему съ заявленіемъ, что какіе-то, кажись, не-Русскіе люди, а должно быть изъ непріятелей «снимаютъ планты» съ его вотчины, такъ не прикажетъ ли онъ задержать ихъ, и вотъ, благодаря только его приказаніямъ оставить насъ въ покоѣ, мы избѣгли насильственныхъ дѣйствій.

Осенью состоялся размѣнъ Англійскихъ военноплѣнныхъ съ Русскими, вслѣдствіе чего въ началѣ Октября мнѣ поручено было препроводить Англійскихъ моряковъ въ Москву и сдать ихъ тамъ графу Закревскому. Это былъ первый случай что̀ я его видѣлъ. Генералъ-губернаторская пріемная была полна высшимъ и низшимъ служебнымъ мѣстнымъ составомъ, и мое появленіе въ парадномъ мундирѣ съ рапортомъ, вложеннымъ, какъ слѣдуетъ, между петлицами мундира и во главѣ Англійскихъ моряковъ, также облекшихся въ полную форму, произвело сенсацію лестную (сознаюсь) малодушному моему самолюбію. Но каково̀ было всеобщее и мое удивленіе, когда на этой аудіенціи лейтенантъ Элфинстонъ, выступивъ впередъ, произнесъ, съ невозмутимою Британскою флегмою, короткую, но довольно правильную алокуцію графу Закревскому, изученную имъ впередъ. Исполнивъ мое порученіе, я поѣхалъ въ сопровожденіи Радзиковскаго *) провѣдать мое семейство въ Знаменское; но воспоминанія дочери были тамъ такъ живы, что я не въ силахъ былъ оставаться болѣе одного дня, и самъ добрый нашъ мѣстный врачъ Викторъ Яковлевичъ Яковенко сказалъ моей женѣ: «Гоните, матушка, поскорѣе вашего мужа отсюда; моральное его разстройство усиливается здѣсь.» Въ Москвѣ, гдѣ я пробылъ четыре или пять дней, я часто видѣлся съ Зинаидою Сергѣевною, и мы поплакали вдвоемъ, сколько душамъ нашимъ хотѣлось. Когда, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, я вторично представлялся графу Закревскому, онъ съ любезностію и улыбаясь сказалъ мнѣ: «Имѣю васъ увѣдомить, графъ, что опекаемые вами Англичане благополучно уже отправлены во свояси.»

*) Его кондитерская, на углу Никитской и Верхняго Кисловскаго переулка, начинала тогда входить въ славу

Возвратившись въ Рязань, я переѣхалъ изъ Дивовскаго дома, проданнаго имъ совѣтнику Зайцову, на квартиру на Левицкой улицѣ, а для облегченія платежа за нее Николай Адріяновичъ назначилъ мнѣ по 100 рублей ежегодно. Это перемѣщеніе было благотворно для меня, такъ какъ здѣсь не было никакихъ раздирающихъ воспоминаній. Хотя Петръ Петровичъ былъ внимателенъ ко мнѣ еще до постигшаго меня несчастія, но съ этого времени обхожденіе его со мною сдѣлалось еще дружественнѣе. Медики совѣтовали ему тогда пѣшій моціонъ, и онъ просилъ меня заходить ежедневно къ нему въ два часа, чтобы заставить его исполнять этотъ гигіеническій режимъ. Во время нашихъ прогулокъ вдвоемъ, онъ высказывался на распашку о придиркахъ, коимъ онъ безпрестанно подвергался отъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Дмитрія Гавриловича Бибикова, и дѣйствительно, онѣ были до того невыносимы, что я удивлялся долготерпѣнію Петра Петровича. Почему желчный и безъ того Дмитрій Гавриловичъ такъ открыто высказывалъ свое нерасположеніе къ личности Рязанскаго губернатора и не цѣнилъ его безкорыстія, мнѣ неизвѣстно; но вотъ какой былъ особенный случай, поддавшій еще болѣе пару враждебному и несправедливому настроенію министра. Въ Губернскомъ Правленіи продавалось съ аукціона какое-то имѣніе; одно изъ лицъ, торговавшихъ это имѣніе, было рекомендовано Петру Петровичу самимъ министромъ. Окончательный срокъ переторжки былъ назначенъ въ 12 часовъ, и едва одинъ изъ прочихъ торговавшихъ нанесъ еще цѣну, какъ начался бой двѣнадцати часовъ; рекомендованный же министромъ господинъ въ туже минуту поднялъ цѣну; но губернаторъ объявилъ ему, что онъ опоздалъ, такъ какъ стукнуло уже 12 часовъ и хотя торгующій заявилъ протестъ, что онъ не лишался права окончательной наддачи па томъ-де основаніи, что въ это время бой часовъ еще не ударилъ до двѣнадцати разъ, но Губернское Правленіе присудило продаваемое имѣніе его сопернику, какъ заявившему послѣднюю надбавку до начала часоваго боя. Д. Г. Бибиковъ счелъ это рѣшеніе придиркою и, оскорбясь неуваженіемъ къ нему Петра Петровича, началъ пріискивать всякаго случая, чтобы дѣлать ему непріятности. Министерская гроза еще пуще разразилась по слѣдующему многосложному дѣлу о Рязанскомъ исправникѣ Г., коему покровительствовалъ, къ сожалѣнію, губернаторъ. Не служившій нигдѣ помѣщикъ Ж. лишилъ невинности какую-то дѣвчонку (кажется, солдатскую дочь) насильственно-ли, или съ ея согласія, не упомню, о чемъ тетка ея подала прошеніе въ Рязанскій Земскій Судъ, и возникло дѣло. Г. исправникъ, содравъ (какъ мнѣ разсказывали) значительный кушъ съ помѣщика Ж. и не подѣлившись ни съ кѣмъ, сжегъ все начатое слѣдствіе. Обдѣленный уѣздный

стряпчій, попавъ случайно (годъ или два спустя послѣ этого происшествія) въ исправляющіе должность губернскаго прокурора, поднялъ снова все дѣло, обвиняя исправника въ уничтоженіи начатаго формальнымъ порядкомъ уголовнаго слѣдствія [1]). Губернское Правленіе потребовало первоначально объясненія отъ исправника противъ прокурорскаго объявленія, и онъ показалъ, что производилъ-ли становой форменное дознаніе о будто бы изнасилованіи сказанной дѣвки, ему исправнику неизвѣстно, но что никакого письменнаго производства о томъ у него въ Земскомъ Судѣ не было никогда, что вслѣдствіе словесной (или на бумагѣ) жалобы тетки онъ приказалъ становому сдѣлать первоначальные исподволь лишь распросы, а отнюдь не формальное дознаніе, что изъ собранныхъ свѣдѣній обвиненіе противъ помѣщика Ж. не подтвердилось и что сверхъ сего, тетка дѣвки принесла жалобу по истеченіи уже срока опредѣленнаго закономъ для освидѣтельствованія физическихъ слѣдовъ и потому, онъ, исправникъ, оставилъ безъ вниманія и дальнѣйшихъ дѣйствій навѣтъ просительницы. При производствѣ о томъ (т.-е. о дѣйствіяхъ исправника) слѣдствія по указу Губернскаго Правленія моимъ товарищемъ (если не забылъ) Иваномъ Карповичемъ Мартенсомъ, становой, освирѣпѣвшій отъ надменности своего принципала, поднялъ руки на себя и показалъ, что не простые распросы, а форменное какъ есть дознаніе онъ производилъ по письменному предписанію исправника, что иныхъ изъ свидѣтелей онъ допрашивалъ подъ присягою, на какую мѣру онъ, становой, не отважился бы, не имѣвъ предписанія произвести дознаніе по формѣ и что онъ представилъ произведенное имъ дознаніе въ Земскій Судъ, каковое осталось тамъ безъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и что онъ узналъ стороною, якобы начатое дѣло было тамъ уничтожено. Спрошенный въ свою очередь непремѣнный членъ Земскаго Суда, соображаясь (какъ я угадываю изъ хода всего дѣла), что утайка и уничтоженіе начатаго уголовнаго дѣла обнаружатся безъ сомнѣнія при дальнѣйшемъ о томъ слѣдствіи, и основываясь на законѣ, что чистосердечное и во̀ время сдѣланное признаніе уменьшаетъ въ послѣдствіи степень взысканія [2]),

---

[1]) Производство по дѣламъ о личной обидѣ можетъ прекратиться миролюбивою сдѣлкою, но уголовное дѣло никогда, хотя бы истецъ заявилъ, что онъ прощаетъ отвѣтчика.

[2]) Ни становой, ни непремѣнный членъ земскаго суда не могли ссылаться для ихъ оправданія, что первый изъ нихъ утаилъ то, что̀ онъ зналъ о поступкѣ исправника, а второй сдѣлался даже соучастникомъ исправника, изъ подчиненія къ ихъ начальнику; ибо законъ не только не повелѣваетъ исполнять незаконныя требованія начальствующаго лица, но за исполненіе таковыхъ подчиненный подлежитъ равной своему начальнику отвѣтственности. Для несвѣдущихъ по юридической части не лишними будутъ, полагаю, слѣдующія поясненія. Если жалоба или заявленіе близкою родственницею изнаси-

показалъ, что форменное дознаніе было дѣйствительно представлено становымъ приставомъ въ Земскій Судъ, и тамъ, по распоряженію исправника, уничтожено безслѣдно. Заручившись этими показаніями, слѣдователь на основаніи статьи изложенной въ Сводѣ уголовныхъ законовъ, взошелъ съ представленіемъ въ Губернское Правленіе, чтобы во время производства имъ слѣдствія исправникъ Г. былъ *на время* удаленъ отъ занимаемой имъ должности, дабы онъ не могъ бы подѣйствовать на своихъ подчиненныхъ *). По свойственной сердцу его добротѣ, не хотѣлось Петру Петровичу опозорить любимаго имъ исправника безъ болѣе очевидныхъ противъ него уликъ, и онъ сдѣлалъ предложеніе въ этомъ духѣ Губернскому Правленію, мотивируя отказъ требованія слѣдователя преждевременностью подобной мѣры. Вице - губернаторъ и всѣ три совѣтника согласились съ его мнѣніемъ; но противъ этого опредѣленія взошелъ съ протестомъ ассесоръ Губернскаго Правленія Дмитрій Александровичъ Гвоздевъ. Конечно такое ничтожное лицо, какъ ассесоръ Губернскаго Правленія, не посмѣло бы идти на перекоръ губернатору, не будь у него подпорою родной его братъ Александръ Александровичъ Гвоздевъ, тогда директоръ департамента общихъ дѣлъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, взошедшій въ большую силу при Бибиковѣ. Вслѣдствіе протеста ассесора Губернскаго Правленія, вопросъ о временномъ отстраненіи отъ должности исправника Г. перешелъ на разсмотрѣніе Министерства или самаго Сената (про этотъ фазисъ дѣла я немного позабылъ); но результатъ былъ тотъ, что назначена была коммиссія для продолженія начатаго слѣдствія надъ исправникомъ Г., въ составъ коей былъ назначенъ чинов-

---

лованной дѣвушки было подано по истеченіи опредѣленнаго на то срока закономъ (срокъ назначенъ, кажется, три дня), то исправникъ Г. правильно поступилъ, отказавши дать ходъ дѣлу; но если онъ предписалъ становому произвесть о томъ форменное дознаніе (т.-е. приступы къ формальному слѣдствію), это было сдѣлано съ цѣлью запугать помѣщика Ж. и выманить у него деньги, слѣдовательно исправникъ Г. былъ юридически виновенъ, что пустилъ въ ходъ дѣло, котораго не слѣдовало пускать, а морально и во всякомъ случаѣ уголовно виновенъ, что выманилъ деньги застращиваніемъ по какому бы дѣлу ни было. Но такъ какъ слѣдствіе возникло изъ-за того, что онъ обвинялся въ *прекращеніи* начатаго уголовнаго дѣла, по производившіе слѣдствіе должны были основываться на томъ, что исправникъ *имѣлъ* законныя данныя начать производство о растлѣніи дѣвки, а если онъ началъ, то не долженъ былъ прекратить. А что до того, правильно-ли, или неправильно онъ поступилъ принявъ жалобу тетки этой дѣвки, не могло, (по моему разумѣнію) входить въ составъ изслѣдованія о его (исправника) дѣйствіяхъ, такъ какъ вѣроятно, не было объ этомъ, никакихъ данныхъ, и вотъ почему, исправникъ Г. такъ упорно стоялъ на томъ, что онъ не приступалъ ни къ какимъ формальнымъ (т.-е. офиціальнымъ дѣйствіямъ).

*) Во время моей службы я всегда дѣйствовалъ такимъ же образомъ, и требованія мои о временномъ удаленіи исправника, надъ которымъ я производилъ слѣдствіе, были всегда уважены, какъ законныя и согласныя съ здравымъ смысломъ.

никъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, статскій совѣтникъ Аршеневскій, и почти одновременно съ этимъ перемѣщенъ былъ изъ Рязанскаго Губернскаго Правленія въ Симбирское старшій совѣтникъ Документовъ по секретному на него извѣту, что онъ управлялъ Рязанскимъ губернаторомъ. Немудрено, что еслибы Петръ Петровичъ не упрямился и удалилъ бы на время исправника Г., дѣло о немъ могло бы кончиться въ самомъ Рязанскомъ Губернскомъ Правленіи, семейнымъ, такъ-сказать, образомъ, а именно. Когда слѣдователь представилъ бы туда оконченное имъ слѣдствіе, Губернское Правленіе, при разсмотрѣніи дѣла, могло бы, въ угодность губернатору, найти, что обвиненія противъ исправника Г. не на столько доказаны, чтобы предать его суду, и дѣло кончилось бы тогда или выговоромъ или, въ крайнемъ случаѣ, килейнымъ приказаніемъ, чтобы онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ [1]); впрочемъ, еслибы и въ этомъ случаѣ не послѣдовало опозиціоннаго протеста отъ ассесора. Какъ бы то ни было, но Новосильцовы, мужъ и жена, пришли въ большое негодованіе отъ новаго оборота дѣла, и бѣдный ассесоръ Гвоздевъ, чувствуя всю фальшивость своего положенія въ Рязани, перешелъ въ Тверское Губернское Правленіе, а на мѣсто переведеннаго въ Симбирскъ старшаго совѣтника Документова назначенъ былъ изъ Министерства нѣкій г. Просвирнинъ, по поводу коего Петръ Петровичъ скаламбурировалъ мнѣ: «Je le recevais comme du pain béni» [2]). Новая слѣдственная коммиссія начала съ того, что удалила все-таки на время исправника Г. отъ занимаемой имъ должности и посадила въ острогъ несчастныхъ становаго и непремѣннаго члена, и хотѣли было сдѣлать тоже съ главнымъ обвиняемымъ исправникомъ Г., но нашлось столь много о немъ ходатаевъ, что слѣдователи воздержались отъ этой справедливой мѣры на томъ-де основаніи, что супруга этого господина находилась въ интересномъ положеніи и могла бы подвергнуться выкидышу въ случаѣ тюремнаго заключенія ея сожителя. Ничего подходившаго къ подобной любезности

---

[1]) Исправника отъ короны губернаторъ имѣлъ право отрѣшить отъ должности по собственному своему произволу; но исправникъ по выбору отъ дворянъ не иначе могъ быть отрѣшенъ какъ съ преданіемъ его суду, чего именно хотѣлось избѣгнуть Петру Петровичу, и вотъ онъ оказалъ безсознательно медвѣжью услугу своему протеже.

[2]) „Я приму его какъ благословенный хлѣбъ (то-есть, какъ просвиру).“ Совѣтникъ Документовъ, проѣзжая позднѣе черезъ Рязань изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ въ отпуску, разсказывалъ намъ, что когда онъ являлся къ министру и просилъ его объяснить, чѣмъ онъ заслужилъ его немилость, каковою онъ долженъ былъ считать непрошенное свое перемѣщеніе въ Симбирскъ, Дмитрій Гавриловичъ отвѣчалъ: „Мы оба съ вами уже съ сѣдиною и потому можемъ понять другъ друга безъ особенныхъ объясненій.“ Я очень сожалѣлъ объ удаленіи г. Документова, какъ единственнаго толковаго человѣка во всемъ нашемъ Губернскомъ Правленіи, да и самъ онъ былъ очень *комъильфотный*.

къ женскому полу, не могло быть, конечно, въ уголовномъ сводѣ, и я не разъ упрекалъ впослѣдствіи моего товарища и друга Мартенса (находившагося въ составѣ слѣдственной коммиссіи) за подобную неумѣстную снисходительность. Я забылъ сказать, что жена этого исправника (коей дано было между нами прозвище «недорѣзанной индюшки» отъ томной и полуплачевной всегда интонаціи ея голоса и протяжнаго говора) взошла въ большой *форсъ* при губернаторшѣ. Дѣло это тянулось болѣе двухъ лѣтъ и, не смотря на сильную (и для меня необъяснимую) поддержку этого господина, Сенатъ опредѣлилъ отрѣшить его отъ службы, впредъ никуда не поступать и къ дворянскимъ выборамъ не допускать. Открытымъ покровительствомъ человѣка, пользовавшагося непохвальною репутаціею, Петръ Петровичъ повредилъ себѣ въ общественномъ мнѣніи.

Въ Рязань тогда пріѣзжалъ сошедшій съ Московской сцены первый теноръ Бантышевъ. Онъ былъ принятъ особенно ласково и, какъ старый знакомый Петра Петровича, обѣдалъ у него и даже, помнится мнѣ, что на прощаньи Петръ Петровичъ обнялъ его и подарилъ что-то ему въ знакъ памяти; но давалъ-ли нашъ ветеранъ-пѣвецъ концертъ въ Рязани, не упомню, такъ какъ въ это время меня не интересовали городскія происшествія.

Между тѣмъ служебный нашъ штатъ измѣнился и отчасти увеличился. Еще осенью 1853 года опредѣлился изъ студентовъ Московскаго университета нѣкій Купинъ, который получилъ мѣсто секретаря въ отдѣленіи Губернскаго Правленія, коимъ завѣдывалъ совѣтникъ Документовъ. Купинъ былъ малый способный и умѣвшій себя держать въ хорошемъ обществѣ; онъ сразу попалъ въ интимный кружекъ Меропы Александровны. По переводу въ Тверь ассесора Гвоздева, его мѣсто занялъ въ Губернскомъ Правленіи мой товарищъ Иванъ Карловичъ Мартенсъ, а на вакантное мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій опредѣленъ былъ Михайловскаго уѣзда молодой, но совершенно лысый, Казначеевъ; на вакансію же перешедшаго во Владиміръ А. И. Протасьева (тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ Рязани) поступилъ молодой дворянинъ Рязанской же губерніи Ладыженскій. Кстати разскажу, какой новый фокусъ придумалъ А. И. Протасьевъ, чтобы заставить допрошаемаго свидѣтеля показать «всю сущую правду», безъ привода его къ присягѣ. Онъ предложитъ, бывало, допрошаемому произнести слѣдующую форму: «Лопни моя утроба, если лгу». Простолюдины чуждались произнести эти грозныя, по ихъ взгляду, слова. «Вѣдь ты обѣщаешься же говорить всю правду?» спроситъ Протасьевъ.— «Истинно такъ, ваше благородіе; облыжно ничего не покажу».— «Такъ

зачѣмъ же ты боишься сказать: лопни моя утроба? Вѣдь ты къ этому себя присуждаешь только въ случаѣ, если солжешь.» — «Оно все такъ, батюшка; да зачѣмъ же лопнуть то ей, моей утробѣ?» И ни за что, бывало, не урезонитъ онъ мужичка произнесть это заклинаніе [1]).

Опредѣлился также въ губернаторскую канцелярію нѣкій Рыжковъ, племянникъ Ряжскаго предводителя г. Яблочкина, но его употребляли также и для производства слѣдствій наравнѣ съ чиновниками особыхъ порученій; а изъ состава послѣднихъ віолончелистъ Кущевъ перешелъ около этого времени къ Орловскому новому губернатору Сафоновичу. О Кущевѣ я однажды только упомянулъ, потому что онъ какъ бы чуждался насъ и не показывался никогда въ обществѣ; но о слѣдственной его дѣятельности ходилъ между нами, его сослуживцами, слѣдующій разсказъ. Производилъ онъ однажды слѣдствіе въ Касимовскомъ (кажется) уѣздѣ надъ однимъ отставнымъ рядовымъ или унтеръ-офицеромъ, и вотъ задаетъ онъ обвиняемому письменный допросъ «по пунктамъ», по установленной на то формѣ. На первый вопросъ «какъ тебя [2]) зовутъ?» Отвѣтъ былъ «Хаджи Магометъ» или «Ибрагимъ», или нѣчто въ этомъ родѣ, такъ какъ на сей разъ субъектъ былъ изъ Татаръ. На второй (вписанный также заранѣе) вопросъ «какого ты вѣроисповѣданія?» Отвѣтъ послѣдовалъ «Магометантскаго». Затѣмъ появился и третій, по установленной формѣ, вопросъ «бываешь-ли ты каждогодно на исповѣди и у святаго причастія; если же не бываешь — *то почему*?» Какъ бы ни казался абсурднымъ этотъ анекдотъ, на практикѣ онъ могъ бы дѣйствительно случиться, и вотъ почему. Бывало, мы, слѣдователи, отступая иногда отъ правилъ (или точнѣе, наказа), выписывали заранѣе всѣ нужные вопросные пункты на приготовленной для того тетради съ одного боку каждой страницы, предоставляя допрошаемому самому вписывать его отвѣты на оставшейся половинѣ страницы, параллельно нашихъ вопросовъ. Если допрошаемый былъ безграмотенъ, со словъ его писалъ тотъ, кому онъ довѣрялъ, при чемъ

---

[1]) Куда хитеръ нашъ народецъ! Во время слѣдственной моей практики я узналъ, что при приводѣ крестьянъ къ присягѣ надо слѣдователю зорко смотрѣть, чтобы они громко прикладывались ко кресту, безъ чего они не считаютъ клятвопреступничествомъ показать неправду послѣ произношенія клятвеннаго обѣщанія. (Азъ, наименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, и проч.), а чтобы избѣгнуть этого, они лишь наклонятся ко кресту и дѣлаютъ видъ, что прикладываются къ нему, но безъ чмоканія и, по выходѣ отъ слѣдователя, говорятъ, что мы-молъ не цѣловали креста.

[2]) Общепринятая нынѣ формула „вы“ употреблялась тогда при допросахъ однихъ только дворянъ, купечества, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія, а для лицъ остальныхъ сословій, какъ то крестьянъ, рядовыхъ, унтеръ-офицеровъ и мѣщанъ, употреблялось „ты“. Это было отчасти и логично въ томъ отношеніи, что равенства передъ закономъ въ практическомъ примѣненіи этого слова тогда не было; наприм. законъ дозволялъ разспрашивать „знатныхъ лицъ“, у нихъ на дому.

случалось даже (въ чемъ я долженъ сознаться), что мы дозволяли обвиняемому, для бо́льшаго ему удобства, уносить къ себѣ на домъ эту тетрадь и тамъ наполнять ее по его усмотрѣнію. Немудрено, что такъ поступилъ въ данномъ случаѣ г. Кущевъ; а быть можетъ также, что онъ не счелъ себя въ правѣ отступить на волосъ отъ установленной формы при дачѣ предварительныхъ, такъ называемыхъ, вопросовъ (цѣль коихъ было опредѣлить тождество обвиняемаго или допрошаемаго лица), довольствуясь оставить въ пробѣлѣ отвѣтъ на вопросъ, не подходившій къ дѣлу. Вѣдь существовалъ же законъ, что «всякое отступленіе отъ принятыхъ формъ уничтожаетъ сущность дѣла»?!

Для болѣе спораго хода дѣлъ и уменьшенія траты времени на разъѣзды чиновниковъ особыхъ порученій, Петръ Петровичъ придумалъ весьма дѣльную мѣру, назначивъ по два уѣзда (изъ всѣхъ 12 Рязанской губерніи), на каждаго изъ его шести чиновниковъ особыхъ порученій; но изъ уваженія, быть можетъ, къ моимъ лѣтамъ или свѣтскому положенію пришелся на мою долю городъ Рязань съ однимъ его только уѣздомъ. Отъ этого казавшагося облегченія (относительно уменьшенія разъѣздовъ по губерніи) занятія мои усилились несравненно болѣе противъ тѣхъ изъ моихъ товарищей, которые имѣли на рукахъ два уѣзда, такъ какъ случалось, что въ иныхъ уѣздахъ не было никакого дѣла по шести мѣсяцевъ, и между тѣмъ я сдѣлался единственнымъ слѣдственнымъ приставомъ по губернскому городу, гдѣ наплывъ дѣлъ никогда не прекращался. Новые и юные мои сослуживцы не оказывали вообще особеннаго рвенія къ занятіямъ, такъ что предъ концомъ моей службы въ Рязани тружениками были только Степанъ Тимоѳеевичъ Словутинскій (изъ давнѣйшихъ чиновниковъ, еще при губернаторѣ П. С. Кожинѣ, образцовый слѣдователь) и я.

Былъ въ Рязани въ это время губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ нѣкій изъ правовѣдовъ г. Дитель, престранный господинъ, фамилію коего мы измѣнили на «Дятелъ». У него высказывались иногда такія сужденія, что давали поводъ подозрѣвать, въ полномъ ли онъ разсудкѣ, а между тѣмъ онъ занимался литературными предметами и даже небезуспѣшно: въ одномъ современномъ періодическомъ журналѣ (кажется, въ Архивѣ, изданіи 1860 г. Н. В. Калачова) онъ помѣстилъ довольно интересный историческій обзоръ Зарайска и его уѣзда; но тутъ онъ попалъ въ курьезный археологическій промахъ, сказавъ, что въ имѣніи генерала Дивова, въ сельцѣ Городищѣ, видны по сю пору слѣды древнихъ укрѣпленій, между тѣмъ какъ они не что иное, какъ тѣ многостоящіе валы и канавы, перерытые съ мѣста на мѣсто моимъ

почтеннѣйшимъ кузёномъ между 1848 и 1856 годами, о чемъ я уже разсказывалъ *).

Въ Декабрѣ, незадолго передъ Рождествомъ, Николай Адріяновичъ вызвалъ меня къ себѣ въ Городище, чтобы объявить мнѣ о новой семейной потерѣ: мать моя скончалась во Флоренціи въ Ноябрѣ, 77 лѣтъ отъ роду. Это былъ третій ударъ, постигшій меня въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ. Я долженъ былъ прекратить на время служебныя мои занятія и, съ согласія Петра Петровича, остался на три недѣли въ Городищѣ, гдѣ я одинъ встрѣтилъ новый 1855 годъ, между тѣмъ какъ Дивовъ уѣхалъ на зиму въ Петербургъ. Мать моя долго была бодра не по лѣтамъ, но смерть моего брата мгновенно превратила ее (какъ мнѣ впослѣдствіи говорили) въ дряхлую старуху и свела въ могилу. Обозрѣвая въ Городищенскомъ моемъ уединеніи всю истекшую мою жизнь, сколько упрековъ я дѣлалъ себѣ за всѣ горести и слезы, причиненныя этой лучшей изъ матерей буйною моею молодостью, тогда какъ отъ примѣрнаго моего брата она видѣла одно утѣшеніе и отраду!....

..... Самый день новаго года я встрѣтилъ и провелъ у сосѣда Дивова, достойнаго человѣка, но бирюка по привычкамъ жизни, Дмитрія Николаевича Апраксина въ его сельцѣ Горяинцовѣ, втроемъ съ ветеринаромъ Городищенскаго коннаго завода Константиномъ Петровичемъ Василевскимъ, человѣкомъ, оказавшимъ мнѣ живѣйшее сочувствіе во время и даже послѣ постигшаго меня несчастія.

---

*) Этотъ г. Дитель устроилъ было свою судьбу весьма укромно, женившись на одной богатой вдовѣ Калужской губерніи. Я встрѣтилъ его однажды въ Калугѣ (въ концѣ 50-го и въ началѣ 60-го годовъ) франтомъ и разъѣзжавшимъ въ своемъ экипажѣ; но онъ кончилъ незавиднымъ образомъ. Онъ и жена его находились подъ судомъ въ концѣ 60-хъ годовъ по обвиненію въ умышленномъ причиненіи смерти его пасынку (уже взрослому). Мать умершаго была приговорена къ каторжной (кажется) роботѣ, а ея мужъ къ ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ правъ состоянія; но онъ померъ еще въ острогѣ.

ЧЕТВЕРОСТИШІЕ А. С. ПУШКИНА КЪ ПОРТРЕТУ П. Х. МОЛОСТВОВА.

Панфамиръ Христофоровичъ Молоствовъ, помѣщикъ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, участвовалъ въ походахъ 1812-го и 1814-го годовъ и былъ въ Парижѣ. Возвратившись изъ этого похода, онъ продолжалъ службу офицеромъ въ Царско-сельскихъ гусарахъ, а по выходѣ въ отставку жилъ постоянно въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ на Сергіевской улицѣ. Точно опредѣлить время его знакомства съ А. С. Пушкинымъ трудно; нельзя даже сказать, было-ли это послѣ или до выхода его въ отставку. Вѣроятно поводомъ къ знакомству послужило то обстоятельство, что Молоствовъ былъ Царскосельскій гусаръ, а съ гусарами, какъ извѣстно, поэтъ и въ Лицеѣ, и въ первые годы по выходѣ оттуда водилъ сношенія. Если Молоствовъ и былъ во время знакомства его съ Пушкинымъ въ отставкѣ, то это ничего не значитъ, такъ какъ и вышедшіе изъ полка гусары поддерживали дружбу со старыми товарищами. Тѣмъ болѣе вѣроятно это по отношенію къ Молоствову, что онъ жилъ въ своемъ домѣ, гдѣ старые товарищи принимались на совершенно свободную, холостую ногу. Знакомство съ поэтомъ, благодаря уму и образованію Молоствова, скоро перешло въ столь близкія отношенія, что Пушкинъ сталъ часто бывать у него въ домѣ, а впослѣдствіи былъ съ нимъ въ перепискѣ. Въ этотъ-то періодъ болѣе близкаго знакомства, когда Александръ Сергѣевичъ бывалъ у Молоствова въ домѣ, и было написано сохранившееся у меня четверостишіе, продиктованное ему Музой въ веселую минуту, быть можетъ, холостой пирушки. Вотъ это четверостишіе.

Небольшой онъ Русскій баринъ,
Дуракомъ онъ не былъ вѣкъ:
Онъ Татаринъ, онъ Татаринъ,
Онъ же Русскій человѣкъ!

А. С. Пушкинъ и П. Х. Молоствовъ находились оба въ хорошихъ отношеніяхъ съ нѣкіимъ Криницынымъ, помѣщикомъ Псковской губерніи (Лужскаго уѣзда). Криницынъ былъ одно время высланъ за границу, но потомъ прощенъ и жилъ безвыѣздно у себя въ деревнѣ. Быть можетъ, тамъ сохранились бумаги или письма, относящіяся къ Пушкину.

Портретъ П. Х. Молоствова принадлежитъ нынѣ его племяннику В. Т. Молоствову, живущему въ Петербургѣ. Стихи Пушкина написаны имъ на оборотѣ этого портрета карандашомъ. Письма же Пушкина, хранившіяся у В. Т. Молоствова въ его селѣ Никольскомъ, сгорѣли въ пожаръ 1840 года.

Н. Г. Молоствовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИХАИЛѢ ПЕТРОВИЧѢ ПОГОДИНѢ.

Я обучался въ первой Московской гимназіи, въ одномъ классѣ съ сыномъ Михаила Петровича. Когда установились товарищескія отношенія съ добрымъ Дмитріемъ Михайловичемъ, я нерѣдко бывалъ въ домѣ почтеннаго академика. Вслѣдствіе отдаленности этого дома отъ центра Москвы и незаселенности поля, которое отдѣляло его отъ города, мнѣ приходилось по нѣскольку часовъ оставаться у моего товарища и даже ночевать. Это обстоятельство сблизило меня съ семьей его, но, конечно, не съ отцомъ. Михаилъ Петровичъ иногда приходилъ въ комнату сына; стоя слушалъ наши разговоры или наблюдалъ за нашими занятіями кратко, отрывисто высказыва свое мнѣніе и уходилъ, не допуская ни возраженій, ни разъясненій. Съ его стороны я не замѣчалъ къ себѣ особеннаго расположенія, да предполагаю, что ничѣмъ и не вызывалъ его.

При окончаніи гимназическаго курса, по успѣхамъ я занялъ мѣсто третьяго ученика; Погодинъ стоялъ ниже. Мое поступленіе въ университетъ было радостнымъ событіемъ въ нашемъ семействѣ, особенно для моей матушки, которая высоко цѣнила университетское образованіе: ей нравилась даже студенческая форма, какъ внѣшній признакъ просвѣщающагося юноши. Поэтому я поспѣшилъ надѣть эту форму, удовлетворяя и собственному желанію отличаться отъ другихъ.

Для какой-то надобности мнѣ нужно было зайти въ Правленіе Университета. Здѣсь я узналъ, что я не принятъ въ число студентовъ: секретарь объяснилъ мнѣ, что Государь ограничилъ это число въ Московскомъ университетѣ опредѣленнымъ комплектомъ. Неожиданность этого извѣстія до того поразила меня, что я нѣсколько минутъ не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать: уходить ли изъ Правленія или дожидаться пріема въ университетъ. Опасаясь въ такой же степени поразить матушку, я не рѣшился идти домой. Это рѣшеніе было сознательнымъ; но что̀ мнѣ предпринять, объ этомъ у меня не было никакого представленія, и я безсознательно пошелъ по улицамъ, безсознательно пришелъ на Дѣвичье поле. Тутъ ужъ было естественно зайти къ товарищу. Онъ погоревалъ со мной, сообщилъ о моемъ горѣ старшей сестрѣ своей и сказалъ, что онъ принятъ въ университетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Михаилъ Петровичъ позвалъ меня къ себѣ. Онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ.

— «Что̀, не приняли?» спросилъ болѣе сурово, чѣмъ участливо Михаилъ Петровичъ.

— Не приняли, отвѣчалъ я.

— «А учиться хотите?»

— Хочу.

— «Сядьте.»

Михаилъ Петровичъ подвинулся къ столу, написалъ письмо, запечаталъ его и, передавая мнѣ, спокойно сказалъ:

— «Поѣзжайте къ ректору университета Альфонскому. За Бутырской заставой.»

Поблагодаривъ за письмо, которое рѣшало мою судьбу, я тотчасъ отправился за Бутырскую заставу, гдѣ жилъ ректоръ на дачѣ.

Ректоръ Альфонскій, прочтя письмо, нѣсколько минутъ внимательно смотрѣлъ на меня.

— «Вы знаете содержаніе этого письма?»

— Нѣтъ.

— «Михаилъ Петровичъ проситъ уволить сына изъ университета и принять васъ вмѣсто него.»

Увидя мое смущеніе, ректоръ продолжалъ: «Этого сдѣлать нельзя; снимите мундиръ и поступайте въ университетъ вольнослушающимъ.»

Немного помолчавъ, онъ прибавилъ: «попросите попечителя.»

Генералъ Назимовъ принялъ меня, съ каской на головѣ, сходя по парадной лѣстницѣ своей квартиры и надѣвая перчатки. На мою просьбу онъ отвѣчалъ крикомъ, который я не сумѣлъ перевести на доступный мнѣ языкъ, а только сообразилъ, что нужно поскорѣе уходить съ дороги.

***

Если современный читатель объяснитъ просьбу Михаила Петровича принять въ университетъ меня, вмѣсто собственнаго сына, обыкновеннымъ расчетомъ, основаннымъ на увѣренности, что сына его ни въ какомъ случаѣ не уволятъ, то это обнаружитъ въ читателѣ незнаніе характера и нравовъ того времени, къ которому относится разсказъ. Въ тогдашнее суровое время порядокъ ставили выше справедливости, и необычайная просьба отца могла быть принята. Слѣдовательно, письмо Михаила Петровича не было искусственнымъ пріемомъ, и на ректора оно не произвело впечатлѣнія хитрой лжи. Ложь возбудила бы въ немъ смѣхъ или, по крайней мѣрѣ, улыбку; но онъ бросилъ на меня проницательный взглядъ, думая особенностью моей личности объяснить приводящее въ изумленіе содержаніе письма̀. А въ этой личности не было ничего, кромѣ общихъ задатковъ будущаго или, лучше сказать, могущаго быть развитія. Не личныя мои достоинства вызвали христіанскій поступокъ М. П. Погодина, а высокій порывъ собственной души его.

Татлинъ.

Москва, 7-го Мая 1898 года.

О ПАМЯТНИКАХЪ ИМПЕРАТОРАМЪ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ И АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

(Изъ письма къ профессору И. В. Цвѣтаеву),

4 Іюня 1634 года, по заключеніи имѣвшаго великое значеніе для Россіи Поляновскаго мира между царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и королемъ Владиславомъ, Польскіе паны, на радостяхъ, говорили нашимъ посламъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву и князю Алексѣю Михайловичу Львову: „На томъ бы мѣстѣ, гдѣ такое великое и славное дѣло совершилось, гдѣ стояли шатры, для вѣчнаго воспоминанія насыпать два большіе кургана и сдѣлать на нихъ два столба каменные, одинъ на Московской, другой на королевской сторонѣ, и на тѣхъ столбахъ написать государскія имена, также годъ и мѣсяцъ, какимъ образомъ и посредствомъ какихъ пословъ такое великое дѣло учинилось“.

Шереметевъ и князь Львовъ не согласились на такое предложеніе и отвѣчали Полякамъ: „Въ Московскомъ государствѣ такихъ обычаевъ не повелось, и дѣлать этого не для чего. Все сдѣлалось волею Божіей и съ повелѣнія великихъ государей, и написано будетъ въ посольскихъ книгахъ“. Они донесли о томъ въ Москву въ Посольскій Приказъ, и въ Москвѣ похвалили ихъ за такой отзывъ. „Дѣло нестаточное, писали имъ оттуда, бугры насыпать и столбы ставить. Быть тому не пригоже и не для чего; потому что доброе дѣло учинилось по Божьей волѣ, а не для столбовъ и бугровъ бездушныхъ“. (Соловьева, Исторія Россіи, изд. 1894 г. II. стр. 1216).

Таковое было мнѣніе умныхъ предковъ нашихъ, и хотя прошло слишкомъ два съ половиною вѣка съ тѣхъ поръ, какъ оно выражено, многомилліонный *христіанскій* народъ нашъ, въ большинствѣ своемъ, думаетъ и теперь тоже самое. Онъ несъ въ обиліи свои трудовыя деньги *на поминъ души* Великаго Государя, котораго *изъ сердца не выкинешь*, какъ выразился про него одинъ простолюдинъ, и конечно, храмъ Св. Александра Невскаго, воздвигаемый въ Москвѣ на Міусской площади, будетъ Русскому народу дороже Кремлевскаго памятника, при которомъ можно бы еще устроить хотя небольшую часовню для постояннаго молитвеннаго поминовенія объ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Тоже самое, и еще въ большей степени, должно относиться къ памятнику, который предполагается воздвигнуть императору Александру Александровичу, этому безпримѣрному во всемірной исторіи Государю, который отличался, можно сказать, *стыдѣніемъ власти*. Будь онъ живъ, то отвергъ бы всякую мысль о подобномъ памятникѣ себѣ. Въ вѣчный поминъ великой и въ тоже время скромной душѣ его слѣдуетъ обратить собранныя и собираемыя деньги на благотворительное учрежденіе или на храмъ Божій и именно въ Кремлѣ. „Москву—говорилъ онъ—зовутъ сердцемъ Россіи, а Кремль Московскій—душа Россіи“.

П. Б.

КЕРЧЬ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

Воспользовавшись въ Керчи стоянкою парохода, я отправился на „Митридатъ“, который еще издали привлекаетъ вниманіе путешественника своими развалинами.

До половины горы надо подниматься по широкой каменной лѣстницѣ, а затѣмъ уже по тропинкѣ, протоптанной разнымъ людомъ, отправляющимся на гору, въ надеждѣ найти что-нибудь въ трещинахъ горы и затѣмъ продать найденное туристамъ.

Поднявшись на гору, я невольно залюбовался прекраснымъ видомъ, открывшимся на городъ, раскинувшійся у подножія „Митридада“ и на заливъ, покрытый множествомъ всевозможныхъ судовъ. Съ правой стороны виднѣются укрѣпленія Керченской крѣпости, а за ними выходъ въ Черное море. Но совсѣмъ непривлекательный видъ представляетъ сама гора „Митридатъ“, давшая немало богатствъ нашимъ и иностраннымъ музеямъ. Видно, что ею никто не интересуется, никому она не нужна, никому не дорога: повсюду. видны слѣды коровъ и пр... Развалины церкви служатъ убѣжищемъ для босовиковъ, проводящихъ здѣсь ночи и тутъ же отправляющихъ свои естественныя потребности, и повидимому, никому нѣтъ до этого никакого дѣла. Неужели же въ Керчи никому не дороги эти остатки былой старины; вѣдь есть же въ Керчи музей, слѣдовательно есть люди, которые имъ завѣдываютъ; неужели же они не видятъ, въ какомъ безобразномъ состояніи находится „Митридатъ“, не могутъ оградить его отъ нежелательныхъ посѣщеній всевозможныхъ двуногихъ и четырехногихъ туристовъ, занаваживающихъ несчастную гору?

Учились мы много, но видно все еще не доучились, отвыкнувъ любить свою исторію и дорожить ея памятниками. А такъ ли у насъ ихъ много, чтобы съ такимъ возмутительнымъ пренебреженіемъ обращаться съ подобными останками древности, какъ гора „Митридатъ?“

Около развалинъ церкви, между прочимъ, я видѣлъ надгробный камень съ прекрасно-сохранившеюся надписью. Отчего бы не перести его въ музей? Керченскій музей находится въ концѣ города и помѣщается въ двухъ небольшихъ комнатахъ. Благодаря тому, что все лучшее отправляется въ Петербургъ, музей довольно бѣденъ. Больше всего вазъ, между которыми есть довольно интересныхъ. Печатнаго каталога нѣтъ, что весьма затрудняетъ осмотръ музея.

Леонидъ Савеловъ.

Коротоякъ,
Августъ 1897.

Петра Великаго, а дѣдъ Иванъ Родіоновичъ Стрѣшневъ подвергался также униженіямъ: гордыня внучки была, можетъ быть, безсознательною местью.

Въ той же книжкѣ напечатаны еще двѣ біографіи: царицы Евдокіи Өеодоровны Лопухиной и княгини Е. Р. Дашковой, полныя также мѣткими замѣчаніями и отличающіяся прелестью живаго и художественнаго изложенія.

П. Б.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двѣнадцатая. Спб. 1898

Лѣтопись г. Н. Барсукова, содержащая въ себѣ изложеніе жизни и трудовъ М. П. Погодина, продолжается безостановочно. Не входя въ подробную характеристику пріемовъ почтеннаго бытописателя, уже извѣстную читателямъ изъ предыдущихъ нашихъ замѣтокъ, скажемъ здѣсь только, что по интересу изложенія 12-я книга нисколько не уступаетъ книгамъ предыдущимъ. Скажемъ болѣе: чѣмъ ближе подходитъ въ своемъ повѣствованіи почтенный біографъ къ современности, тѣмъ болѣе растетъ занимательность его разсказа. Разсматриваемая книга содержитъ въ себѣ повѣсть о событіяхъ 1852 и 1853 годовъ, которые въ жизни Погодина отмѣчены двумя выдающимися случаями: продажею въ казну его древлехранилища и поѣздкою его въ чужіе края. На фонѣ этихъ двухъ фактовъ изъ жизни Погодина его біографъ начерталъ живую и обстоятельную картину, рисующую намъ умственную жизнь Русскаго интеллигентнаго общества начала 60-хъ годовъ. Читатель съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдитъ за характерною для Русскаго образованнаго общества порою, когда печатное Русское слово подвергалось тяжелымъ испытаніямъ, когда труды Хомякова, Кирѣевскаго и Аксаковыхъ чуть-чуть не возбуждали подозрѣній и преслѣдованія, когда относились съ недовѣрчивостью къ такимъ, въ существенности, патріотическимъ изданіямъ, какъ Московскій Сборникъ Аксакова. Но рядомъ съ этимъ мы съ наслажденіемъ слѣдимъ за державною поддержкой, которую испыталъ Погодинъ при пріобрѣтеніи въ казну для Императорской Публичной Библіотеки и Московской Оружейной Палаты его Древлехранилища за 500.000 р. ассигн. Это обстоятельство обезпечило нашего труженика и дало ему возможность безъ всякой помѣхи работать надъ своими учеными задачами, между прочимъ и надъ Русской исторіей. Въ спокойномъ и, позволимъ себѣ выразиться, величавомъ повѣствованіи автора о пріобрѣтеніи Древлехранилища читатель испытываетъ извѣстнаго рода внутреннее успокоеніе, видя, какъ стремленія археолога и антиквара нашли себѣ истинную и просвѣщенную оцѣнку, поддержаны и признаны высшею властію. Не менѣе любопытно и то, что̀ говоритъ біографъ о пятомъ путешествіи Погодина на Западъ Европы, когда онъ ѣздилъ на минеральныя воды въ Германію и побывалъ въ Парижѣ.

Читатель 12-й книги встрѣчается съ знакомыми ему лицами: съ Шевыревымъ, Леонтьевымъ, Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Т. И. Филипповымъ, Грановскимъ, Григорьевымъ, Катковымъ, Дмитріевымъ, Островскимъ и т. д. и т. д. Вмѣстѣ съ ними являются на сцену и новые дѣятели, такъ или иначе стоявшіе въ связяхъ съ Погодинымъ, напр. священникъ Белюстинъ и профессоръ М. М. Стасюлевичъ. Всѣмъ лицамъ воздается надлежащая оцѣнка, почерпаемая преимущественно изъ ихъ собственныхъ писаній. Въ этомъ и заключается, главнымъ образомъ, вся увлекательность изложенія почтеннаго біографа Погодина. Мы искренне желаемъ г. Н. Барсукову съ неослабѣвающимъ рвеніемъ докончить свое повѣствованіе и этимъ самымъ воздвигнуть Погодину памятникъ „aere perennius“.

И. Помяловскій.

Май 1898 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

(Годъ 36-й).

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный —**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

7.

Стр.

Приложеніе портретъ игуменьи Евгеніи Озеровой.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1898.

Любецкій архивъ графа Милорадовича. Выпускъ первый. Кіевъ. 1898. 8°. VI+256+VI стр.

Появленіе въ печати бумагъ какого-нибудь частнаго архива нельзя не привѣтствовать и не поблагодарить его владѣльца за то̀, что онъ не только съумѣлъ сберечь письменные слѣды жизни своихъ предковъ, но и сдѣлалъ ихъ общимъ достояніемъ. Вотъ почему нельзя не отмѣтить и появленія въ свѣтъ лучшаго изъ Малороссійскихъ архивовъ, „Любецкаго архива графа Милорадовича".

Архивъ графа Милорадовича находится въ его имѣніи, мѣстечкѣ Любечѣ, Городнянскаго уѣзда, Черниговской губерніи *). Это самый сбереженый архивъ Малороссіи. Онъ содержитъ въ себѣ до 7000 рукописей, относящихся къ исторіи Малороссіи, и составился изъ архивовъ нѣсколькихъ Малороссійскихъ фамилій: Полуботки, Лашкевичи, Скоропадскіе, Борозды, Леонтовичи, Фридрикевичи, Стороженки, Чарныши, Судіенки и др. Нѣкоторыя изъ этихъ фамилій играли крупную роль въ исторіи Малороссіи. Въ Любецкомъ архивѣ есть много актовъ XVI-го столѣтія, отъ котораго мало осталось документовъ, относящихся до лѣвобережной Украйны, что̀, конечно, еще возвышаетъ историческую цѣнность архива.

Издавать свой архивъ графъ Милорадовичъ предполагаетъ систематически, по родамъ, что̀ намъ кажется весьма цѣлесообразнымъ: другая система могла бы только затруднить пользованіе архивомъ. Весьма полезными являются приложенныя къ 1-му выпуску росписи тѣхъ родовъ, съ представителями которыхъ знакомятъ помѣщенные акты.

Въ настоящій выпускъ „Архива" вошли:

I. Документы Чарнышей. II. Семейная переписка Настасьи Степановны Полуботокъ съ зятемъ ея П. С. Милорадовичемъ и внукою Н. П. Лашкевичъ. III. Переписка П. С. и Г. П. Милорадовичъ съ разными лицами. IV. Любецкіе акты (1637—1708). Всего 198 документовъ. Приложены портреты: Н. С. Полуботокъ, рожд. Леонтовичъ, 1732 † 1802 („бабушка"), Г. П. Милорадовича, 1765 † 1828, и Александры Павловны Милорадовичъ, рожд. Кочубей, 1772 † 1838.

Бумаги Чарнышей рисуютъ бытовую сторону Малороссійской старшины. Особенно интересенъ перечень движимости, оставшейся послѣ смерти Мареы Степановны (по второму мужу) Скоропадской, въ Подоловскомъ домѣ, 1764 г., гдѣ подробно описанъ весь домъ, убранство покоевъ, перечислено все до мельчайшей подробности: тутъ и ложки „подъ смалцемъ", и чарки, и кубки, „пѣрначъ сребный, позлочистый", „шабля подъ cребромъ, старынная", „лакончикъ парломонтной на мушки и румяна", шубы парчевыя, кунтуши, запаски и кружевныя блонды, „карета зъ чахломъ, семостекелная, фрушталная, выбитая алимъ трипомъ", берлины, сѣдла, двѣ скрыни, занятыя Русскими и Латинскими книгами и т. п.

---

*) Любечъ—одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ Россіи, существовавшее уже въ IX-мъ вѣкѣ.

ЧЕГО ДОСТИГЛИ И ЧЕГО ДОМОГАЮТСЯ ВПЕРЕДЪ ДОСТИГНУТЬ ФИНЛЯНДЦЫ ПО ПУТИ ОТПАДЕНІЯ ИХЪ ОТЪ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ *).

Начало коренного измѣненія въ порядкѣ изданія узаконеній для Финляндіи.

Увѣренность Финляндцевъ въ томъ, что проектъ, составленный комиссіей Вейсенберга, пройдетъ мимо обще - государственныхъ учрежденій, компетентныхъ въ дѣлѣ законодательства, не оправдалась: по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1889 году, проектъ этотъ былъ переданъ на заключеніе главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ и министра юстиціи. Это высочайшее распоряженіе составило поворотную грань въ исторіи Финляндскаго законодательства: оно изъяло его изъ безконтрольнаго распоряженія самихъ Финляндцевъ и подчинило разсмотрѣнію высшихъ государственныхъ учрежденій. Этимъ распоряженіемъ Верховная власть выразила признаніе того начала, что законы Финляндіи и дарованное ей мѣстное самоуправленіе должны быть безусловно подчинены общегосударственнымъ интересамъ той державы, которой она принадлежитъ въ собственность и державное обладаніе. Хотя это начало никогда и прежде не могло подлежать сомнѣнію въ историческомъ и правовомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе на практикѣ оно было сильно поколеблено съ начала шестидесятыхъ годовъ. Въ слѣдующемъ 1890 году тоже начало выразилось въ высочайшемъ манифестѣ о пересмотрѣ составленнаго Финляндцами Уголовнаго Уложенія. Проекты комитета Вейсенберга подвергнуты были въ Кодификаціонномъ Отдѣлѣ и въ Министерствѣ Юстиціи самому тщательному разбору юристами, обнаружившими глубокія познанія, какъ въ старыхъ Шведскихъ законахъ, такъ и въ дѣйствующихъ Финляндскихъ. Въ отзывахъ обоихъ сихъ высшихъ учрежденій съ неопровержимою документальностью доказывалось, что проекты Финляндскаго комитета вовсе не соотвѣтствуютъ требованіямъ

---

*) См. выше, стр. 206.

кодификаціи и въ превратномъ видѣ представляютъ положеніе Финляндіи по отношеніи къ Имперіи.

Для разсмотрѣнія Финляндскаго проекта въ связи со сказанными отзывами главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ и министра юстиціи учрежденъ былъ въ Гельсингфорсѣ въ 1890 году, подъ предсѣдательствомъ Финляндскаго генералъ-губернатора, комитетъ изъ восьми Финляндскихъ сенаторовъ, въ который были приглашены генералъ-губернаторомъ два представителя отъ Кодификаціоннаго Отдѣла и одинъ отъ Министерства Юстиціи, для объясненій по отзывамъ этихъ двухъ вѣдомствъ. Къ сожалѣнію, эти представители высшихъ установленій Имперіи были поставлены въ комитетѣ не въ качествѣ полноправныхъ членовъ, какъ бы это слѣдовало, а лишь въ качествѣ экспертовъ. Это повело къ тому, что Финляндскіе сенаторы легче могли направить ходъ сужденій въ комитетѣ сообразно своимъ видамъ. Въ преніяхъ, происходившихъ въ этомъ комитетѣ, Финляндскіе сенаторы выразили свою полную солидарность съ проектомъ комитета Вейсенберга и рѣшительное несогласіе съ точкою зрѣнія главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ отдѣломъ и министра юстиціи, а равно и Финляндскаго генералъ-губернатора. «Коль скоро *не подлежитъ сомнѣнію*, высказали они между прочимъ, что Форма правленія 1772 года и Актъ соединенія и охраненія 1789 года составляютъ основу, на которой покоится весь государственный и общественный строй Финляндіи, то, очевидно, конституціонная жизнь края *попрежнему* должна опредѣляться всѣми заключающимися въ этихъ актахъ положеніями, насколько они не потеряли силы, какъ непримѣнимыя вслѣдствіе новыхъ политическихъ условій, вызванныхъ соединеніемъ Финляндіи съ Россіей. Однако для того, чтобы изслѣдованіе этихъ обстоятельствъ (т.-е. какіе изъ прежнихъ Шведскихъ законовъ и насколько сохранили силу для Финляндіи) могло дать надежный результатъ, необходимо пользоваться древнѣйшими и новѣйшими правовыми источниками *съ знаніемъ дѣла* (намекъ по адресу Русскихъ государственныхъ лицъ и юристовъ, разбиравшихъ Финляндскій проектъ). Въ этомъ отношеніи трудъ кодификаціоннаго комитета (Вейсенберга), выполненный добросовѣстно, съ тщательностію и заботливостью, заслуживаетъ *полнаго признанія*». Одинъ изъ членовъ комитета, говоря о томъ, что съ 1809 по 1863 годъ законы издавались безъ участія сейма, заявлялъ слѣдующее: «Въ Финляндіи возбуждался, правда, вопросъ о значеніи законовъ, изданныхъ съ 1809 по 1863 годъ безъ участія земскихъ чиновъ, но подчинились все-таки *неотразимому факту* и примѣняли ихъ». Тотъ же членъ, для доказательства, что сеймъ имѣетъ право участвовать при постановленіи всѣхъ законовъ, ссылался

на §§ 33, 34 и 35 Сеймоваго Устава, тогда какъ въ нихъ подобнаго правила не содержится. Къ нему по обоимъ заявленіямъ присоединились и всѣ прочіе члены изъ Финляндцевъ.

При такой коренной противоположности взглядовъ Финляндскихъ сенаторовъ и представителей Русскихъ государственныхъ интересовъ, пренія этого комитета не могли привести ни къ какому результату. Находя однако, что проектъ комитета Вейсенберга съ внѣшней или редакціонной стороны требуетъ нѣкотораго упрощенія и сокращенія, упоминаемые восемь сенаторовъ составили отъ себя проектъ основного закона Великаго Княжества, состоящій изъ 27 статей.

Проектъ Финляндскаго Сената.

Затѣмъ, согласно высочайшей волѣ, все это дѣло было передано генералъ-губернаторомъ въ Финляндскій Сенатъ. Сей послѣдній, по разсмотрѣніи дѣла, изложилъ свои заключенія въ особомъ всеподданнѣйшемъ представленіи, которое впослѣдствіи было подробно оглашено Финляндскою печатью. Прежде всего Сенатъ, подобно предшествовавшимъ тремъ Финляндскимъ комитетамъ, занимавшимся этимъ вопросомъ, настаиваетъ на томъ коренномъ пунктѣ нынѣшняго Финляндскаго политическаго ученія, что всѣ Русскіе монархи, начиная съ Александра I, признавали Форму правленія 1772 года и Актъ соединенія 1789 года основными законами Финляндіи и соблюдали ихъ въ дѣлахъ законодательства и представительства этого края. Потомъ Сенатъ въ особенности распространяется по поводу извѣстной оговорки, вставленной въ высочайшее утвержденіе Сеймоваго Устава 1869 года, именно: «Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ правленія 1772 года и въ Актѣ соединенія и охраненія 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, Мы» и т. д. Согласно составленному въ свое время плану, по которому эта столь загадочная оговорка для того именно и была заготовлена, чтобы потомъ основать на ней дальнѣйшія Финляндскія притязанія, Сенатъ прямо уже утверждаетъ, что этою оговоркой императоръ Александръ II-й призналъ, что въ Финляндіи ему принадлежитъ власть съ тѣми конституціонными ограниченіями, которыя опредѣлены въ упомянутыхъ Шведскихъ узаконеніяхъ. Таже оговорка, по словамъ Сената, вполнѣ ясно опровергаетъ *совершенно новый взглядъ,* который проявился въ самое послѣднее время и высказанъ въ отзывахъ главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ и министра юстиціи. Въ подкрѣпленіе своего утвержденія о признаніи Русскими монархами Шведскихъ конституціонныхъ законовъ, Сенатъ

приводить также и тѣ ссылки на эти законы, которыя какъ бы мимоходомъ и по разнымъ частнымъ поводамъ вставлялись въ нѣкоторыя подносившіяся на подписаніе въ Бозѣ почившаго Императора высочайшія предложенія сейму. При этомъ Сенатъ поясняетъ, что если въ большинствѣ высочайшихъ предложеній сказанные Шведскіе законы не упоминались, особенно въ самое послѣднее время, то это происходило лишь отъ того, что этого и не требовалось для существа дѣла, такъ какъ основные законы утверждены и извѣстны. Въ этихъ столь рѣшительныхъ выводахъ, дѣлаемыхъ Сенатомъ изъ сказанныхъ ссылокъ на Шведскіе законы, вполнѣ уясняется вся система, задуманная руководителями Финляндской политики съ начала шестидесятыхъ годовъ, для уловленія Верховной власти посредствомъ частныхъ ссылокъ на Шведскіе законы, никому въ Россіи въ то время неизвѣстные, дабы потомъ имѣть предлогъ утверждать, что эти законы признаны Русскими монархами, какъ дѣйствующіе законы Финляндіи.

Послѣ сказаннаго вступленія Сенатъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ представленіи, излагаетъ въ 34 параграфахъ собственный проектъ свода основныхъ законовъ Финляндіи, составляющій только повтореніе проекта восьми сенаторовъ, частію буквальное, частію съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями редакціи; оба же эти проекта въ существѣ своемъ воспроизводятъ проектъ комитета Вейсенберга, но только въ болѣе сжатомъ видѣ, съ разными перефразировками, съ болѣе систематическимъ размѣщеніемъ статей и съ выпускомъ разныхъ подробностей, не имѣющихъ никакого принципіальнаго значенія. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ проектъ Сената какъ бы исправляетъ увлеченія комитета Вейсенберга, происшедшія отъ слишкомъ буквальнаго воспроизведенія Шведской Формы правленія 1772 г. Напр., Сенатъ вовсе опустилъ § 3-ій проекта кодификаціоннаго комитета, требующій, чтобы Императоръ «при своемъ вступленіи на престолъ собственноручно подписывалъ удостовѣреніе сохранять твердо и ненарушимо въ полной силѣ религію Финляндіи, основные законы, а также сословныя привилегіи», и, какъ бы въ вознагражденіе таковаго Императорскаго обязательства, постановляющій, что и «жители страны со своей стороны учиняютъ присягу на вѣрноподданство Императору и Великому Князю». Равнымъ образомъ въ § 26 своего проекта Сенатъ предоставляетъ предсѣдательство въ государственномъ судѣ генералъ-губернатору или другому лицу, назначенному Императоромъ, и предоставляетъ Императору же назначать членовъ суда изъ Финляндскихъ должностныхъ лицъ, тогда какъ по § 34-му проекта комитета Вейсенберга для сужденія членовъ Финляндскаго Сената и гофгерихтовъ предсѣдательство-

вать въ судѣ долженъ самъ Всероссійскій Императоръ или Наслѣдникъ престола, а членами полагались, между прочимъ, несуществующіе во множественномъ числѣ Финляндскіе статсъ-секретари и едва ли часто встрѣчающіеся тамъ полные генералы и адмиралы. Сенатъ, излагая въ § 28 своего проекта постановленія, относящіяся къ вѣроисповѣданіямъ, выпустилъ выраженіе Вейсенберговскаго проекта, что «евангелическо-лютеранское вѣроисповѣданіе есть *государственная* религія страны» (а въ проектѣ восьми сенаторовъ прибавлено «господствующая»). Въ другихъ же случаяхъ Сенатъ, напротивъ того, даетъ выраженіямъ своего проекта такой оттѣнокъ, который еще болѣе умаляетъ власть Русскаго Императора сравнительно съ проектомъ кодификаціоннаго комитета. Такъ, напр., въ § 12 проекта этого комитета сказано, что Императоръ «имѣетъ верховную власть надъ военными силами и укрѣпленіями Финляндіи», а въ § 6 сенатскаго проекта: «Императоръ имѣетъ *главное начальство* надъ войсками и принимаетъ мѣры, признаваемыя необходимыми для обороны Финляндіи и *согласующіяся съ благомъ жителей*». Здѣсь отношенія Русскаго Императора къ Финскимъ войскамъ приравнены къ власти Финляндскаго генералъ-губернатора, которому именно и принадлежитъ главное начальство надъ этими войсками; послѣднія же слова этого параграфа какъ бы даютъ понять Финскому войску, что для него обязательны только тѣ распоряженія Императора, которыя согласуются съ благомъ жителей. Кому же однако предоставляется опредѣлять, согласуются ли или не согласуются распоряженія Русскаго Императора съ благомъ Финляндцевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается изъ § 88 Устава о воинской повинности, на основаніи котораго Финскія войска обязываются присягать на вѣрность не только Императору, но и земскимъ чинамъ. Изъ этого примѣра видно, какъ въ этой задуманной Финляндцами системѣ мирнаго упраздненія Русской власти надъ Финляндіею все впередъ предусмотрѣно и какъ каждый новый проектъ только совершенствуетъ и дополняетъ въ этомъ отношеніи то, чтò было выработано прежними проектами.

Въ § 119 Устава о воинской повинности, для того чтобы согласить хотя наружнымъ образомъ воображаемую Финляндцами политическую отдѣльность ихъ страны отъ Россіи съ невозможностью имѣть собственныхъ министровъ, какъ въ Норвегіи, придуманъ такой замысловатый оборотъ рѣчи: «Военный министръ Имперіи докладываетъ, *въ семъ же званіи для Финскихъ войскъ*, Государю Императору и Великому Князю тѣ по Финскимъ войскамъ дѣла, которыя не относятся къ законодательству или хозяйственному управленію». Сенатъ почелъ нужнымъ, въ тѣхъ же видахъ подтвержденія государственной обособ-

ленности Финляндіи отъ Россіи, повторить подобную же фразу и относительно международныхъ дѣлъ, именно: «международныя дѣла, касающіяся Великаго Княжества Финляндскаго, докладываются Его Императорскому Величеству министромъ иностранныхъ дѣлъ Имперіи», какъ будто Финляндскія губерніи могутъ имѣть какія-нибудь международныя дѣла отдѣльно отъ Имперіи. Къ загадочному выраженію § 64-го проекта кодификаціоннаго комитета о правѣ Императора издавать «законы и постановленія, касающіеся общественнаго хозяйства страны», Сенатъ прибавляетъ столь же неопредѣленное выраженіе — «и касающіеся государственнаго управленія» (§ 12). Но вслѣдъ за симъ Сенатъ повторяетъ всѣ тѣже отдѣлы законодательства, по которымъ и комитетъ Вейсенберга требуетъ участія сейма, такъ что Русскому Императору, по проекту Сената, оставляется только власть: «постановлять о расходованіи ординарныхъ доходовъ, а также о снаряженіи и содержаніи войскъ» тѣмъ порядкомъ, который относительно этихъ двухъ предметовъ указанъ въ томъ же проектѣ, а равно установлять: «таможенный тарифъ, сборы, взимаемые за пользованіе принадлежащими казнѣ средствами сообщенія и иными правительственными учрежденіями, размѣръ платы за пользованіе общественными учрежденіями и заведеніями, которыя содержатся городомъ или иною общиною, за исключеніемъ случаевъ, когда право установленія подобной платы положительно предоставлено общинѣ, наконецъ установлять пошлины за исходящія бумаги властей и чиновниковъ и размѣръ вознагражденія чиновникамъ за частныя производства» (§§ 16 и 17 сенатскаго проекта). Подобныя постановленія болѣе походятъ на выходки тенденціозной литературы или политическихъ ораторовъ, чѣмъ на серьезный законодательный трудъ, каковымъ долженъ бы быть трудъ, порученный Финляндцамъ довѣріемъ Самодержавнаго Монарха Россіи.

Мнѣніе Финляндскаго генералъ-губернатора.

Финляндскій генералъ-губернаторъ, въ представленной имъ на высочайшее воззрѣніе въ концѣ 1891 года запискѣ, высказалъ, что «проектъ Финляндскаго Сената, по лежащимъ въ основаніи его политическимъ принципамъ, ничѣмъ не отличается отъ законодательныхъ по тому же предмету предположеній 1865 и 1889 гг. и что исходною мыслію всѣхъ этихъ законопроектовъ является существованіе Великаго Княжества Финляндскаго, какъ *особаго автономнаго государства*. Хотя, по волѣ императора Александра I-го, бывшая Шведская Финляндія, вмѣстѣ съ присоединенными къ ней впослѣдствіи Выборгскою губерніею и Вестерботніею, получили особый порядокъ управленія, внутренняя политическая жизнь этого края и его законодательство не могли

развиваться вполнѣ самостоятельно и независимо отъ пользы и интересовъ Имперіи безъ нарушенія единства того государственнаго организма, нераздѣльною частію коего является Великое Княжество. Рядомъ съ мѣстными потребностями Финляндскаго населенія стоятъ общегосударственные интересы России и Русскаго народа, высшимъ хранителемъ коихъ можетъ быть только Всероссійскій Самодержецъ, который, одинаково заботясь о благосостояніи отдѣльныхъ народностей, вошедшихъ въ составъ населенія Имперіи, облеченъ вмѣстѣ съ тѣмъ священнымъ правомъ направлять жизнь и развитіе народностей этихъ къ общему благу государства. Ограниченіе такого полномочія Верховной власти относительно Финляндіи равносильно было бы поставленію мѣстныхъ потребностей завоеваннаго края выше интересовъ Россіи, что̀, очевидно, не могло входить въ намѣреніе Русскаго Царя при устроеніи имъ особаго порядка управленія Финляндскими губерніями, а потому нельзя и допустить возможности утвержденія для названнаго края государственныхъ законовъ Швеціи, умаляющихъ въ семъ отношеніи державныя права Россійскаго Монарха». Далѣе Финляндскій генералъ-губернаторъ, поименовавъ тѣ части Финляндскаго законодательства, которыя въ силу постановленій, высочайше утвержденныхъ императорами Александромъ II-мъ и Александромъ III-мъ, не могутъ быть измѣняемы безъ согласія на то земскихъ чиновъ, поскольку эти законодательные предметы касаются исключительно мѣстныхъ нуждъ и обстоятельствъ края, говоритъ: «Слѣдуетъ признать, что мнѣніе земскихъ чиновъ даже и по вопросамъ объ измѣненіи постановленій указанныхъ выше коренныхъ законовъ края не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, если только необходимость такого измѣненія обусловливается не мѣстными пользами Финляндіи, а цѣлями и потребностями всего государства. Общегосударственное благо должно быть поставлено выше мѣстныхъ интересовъ, а потому и голосъ земскихъ чиновъ Финляндіи, представителей выгодъ и потребностей лишь малой части Имперіи, въ вопросахъ, касающихся пользъ и интересовъ всей Россіи, долженъ потерять свое значеніе предъ высшимъ приговоромъ Самодержавнаго Царя, которому одинаково дорого благо всѣхъ ввѣренныхъ Ему Промысломъ народовъ. Такое верховное право монарха не разъ уже осуществлялось по отношенію къ Финляндіи. Въ тѣхъ случахъ, когда принятіе мѣръ, вызываемыхъ общегосударственными потребностями, встрѣчало противодѣйствіе со стороны представителей мѣстнаго управленія края, Государь Императоръ напоминалъ имъ о принадлежности Финляндіи Россіи, издавая высочайшимъ манифестомъ мѣстное для края узаконеніе, согласное съ достоинствомъ и пользами Имперіи. Но дабы подобные акты, исходящіе отъ самодержавной власти, не могли быть

принимаемы населеніемъ Великаго Княжества какъ нарушеніе всемилостивѣйше дарованныхъ ему правъ, необходимъ законъ, разъясняющій государственную связь Финляндіи съ прочими частями Имперіи и самодержавныя права Верховной власти въ краѣ. Отсутствіе до настоящаго времени точныхъ по сему предмету законоположеній, какъ въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи, такъ и въ мѣстныхъ узаконеніяхъ губерній Финляндскаго края, служитъ существеннымъ препятствіемъ не только къ согласованію интересовъ Великаго Княжества съ пользами и выгодами Имперіи, но и къ направленію дѣятельности мѣстныхъ учрежденій Финляндіи на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей ея населенія. Мѣропріятія, предначертываемыя Верховною властію въ цѣляхъ общегосударственныхъ и ближайшимъ образомъ для достиженія болѣе тѣснаго единенія Великаго Княжества съ прочими частями Россійской державы, вызываютъ ропотъ и даже противодѣйствіе со стороны представителей мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій Финляндіи. Необходимость положить конецъ невѣрному истолкованію тѣхъ началъ, на которыхъ зиждутся отношенія Великаго Княжества къ Имперіи и къ Верховной власти, представляется тѣмъ болѣе неотложною, что помянутыя заблужденія въ послѣднее время *дѣятельно распространяются среди населенія Финляндіи путемъ печати и школы*».

Въ согласіи съ этими фактами и соображеніями первостепенной важности, Финляндскій генералъ-губернаторъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ излагаетъ проектъ учрежденія управленія губерній Великаго Княжества Финляндіи, состоящій изъ 18 статей. Въ этомъ проектѣ приняты во вниманіе и тѣ отступленія отъ общаго порядка законодательства въ Имперіи, которыя установлены для Финляндіи узаконеніями, изданными въ царствованія Императоровъ Александра II и Александра III. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ своемъ проектѣ (§§ 15 и 16) графъ Гейденъ придаетъ § 71-му Сеймоваго Устава тотъ же неправильный смыслъ, который умышленно навязанъ ему Финляндскимъ Сенатомъ и поддерживался въ Петербургѣ Финляндскими министрами статсъ-секретарями. Иначе и быть не могло; ибо, на основаніи Регламента Сената, офиціальнымъ блюстителемъ правильнаго пониманія и исполненія законовъ является прокуроръ Сената, а при докладѣ дѣлъ Государю Императору министръ статсъ-секретарь; но эти-то лица и были главными проводниками и прикрывателями этой, столь смѣло устроенной законодательной ловушки. Прокуроры Сената всегда играли роль руководителей Русскихъ генералъ-губернаторовъ въ лабиринтѣ неизвѣстныхъ этимъ сановникамъ законовъ и непонятныхъ для нихъ сенатскихъ сужденій на незнакомомъ для нихъ Шведскомъ языкѣ.

О порядкѣ изданія узаконеній общихъ для Финляндіи съ прочими частями Россіи.

Согласно съ представленіемъ графа Гейдена, Его Императорскимъ Величествомъ повелѣно было разсмотрѣть какъ записку Финляндскаго генералъ-губернатора, такъ и проектъ Финляндскаго Сената въ Особомъ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бунге и затѣмъ внести дѣло въ Государственный Совѣтъ чрезъ его Кодификаціонный Отдѣлъ. Особое Совѣщаніе состояло изъ министра юстиціи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Манасеина, главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фриша, самого графа Гейдена, военнаго министра генералъ-адъютанта Ванновскаго, министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Дурново, Финляндскаго министра статсъ-секретаря генералъ-лейтенанта фонъ-Дена, прокурора Финляндскаго Сената Колоніуса и Финляндскаго сенатора генералъ-лейтенанта Альфтана. Особое Совѣщаніе, не приступая еще къ разсмотрѣнію двухъ сказанныхъ предположеній, занялось, по предложенію своего предсѣдателя, обсужденіемъ вопроса о порядкѣ разсмотрѣнія и изданія законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндіи, а также и такихъ, которые хотя относятся къ дѣламъ мѣстнаго управленія Финляндіи, но соприкасаются съ вопросами и общаго управленія Имперіи. Русскими членами Совѣщанія былъ составленъ по этому вопросу проектъ, предназначавшійся для внесенія въ Государственный Совѣтъ. Въ Финляндскихъ газетахъ и журналахъ было въ свое время оповѣщено о томъ, что Финляндскіе члены Совѣщанія по всѣмъ существеннымъ пунктамъ отвергли сказанный проектъ, какъ несогласный съ Шведскими Формою правленія и Актомъ соединенія и охраненія, въ которыхъ Финляндскіе законовѣды видятъ альфу и омегу для оправданія построенной ими теоріи объ отдѣльномъ Финляндскомъ государствѣ, союзномъ съ Россіей. Если вѣрить Финляндскимъ публицистамъ, то Финляндскіе члены Совѣщанія настаивали на томъ, чтобы, относительно Русскихъ законодательныхъ проектовъ по вопросамъ общимъ Россіи и Финляндіи, Сенату и Сейму Финляндскимъ предоставлено было право рѣшать, не содержатся ли въ данномъ проектѣ такія постановленія, которыя, на основаніи Формы правленія и Акта соединенія, не могутъ быть изданы иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи. Въ такомъ случаѣ вопросъ переходитъ на рѣшеніе Финляндскаго Сейма, а нашему Государственному Совѣту дозволяется только или утвердить законъ въ редакціи, постановленной Сеймомъ, безъ малѣйшихъ измѣ-

ній, или же отвергнуть его всецѣло, т.-е. оставить возбужденный правительствомъ вопросъ безъ послѣдствій. А такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что никакой законъ, касающійся общегосударственныхъ интересовъ Россіи, въ принятой Финляндскимъ сеймомъ редакціи не будетъ утвержденъ Государственнымъ Совѣтомъ, не пріемлющимъ къ своему руководству Шведскихъ законовъ XV и XVIII столѣтій, то отсюда выходитъ, что всякій проектъ такого закона будетъ, по волѣ депутатовъ восьми Финляндскихъ губерній, приведенъ къ нулю, какъ бы ни была настоятельна для Россіи необходимость въ его изданіи. Такое требованіе можно считать послѣднимъ словомъ нынѣшней Финляндской политической теоріи, усиливающейся превратить дарованное Финляндіи мѣстное самоуправленіе въ полную политическую самостоятельность, съ правомъ, во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ, ставить Россіи извѣстныя условія и не подчиняться ея Верховной власти. Финляндцы забываютъ, что если Русскими монархами было даровано Финляндіи особое мѣстное самоуправленіе, независящее отъ центральныхъ учрежденій Имперіи, то при этомъ само собою разумѣлось, что это мѣстное самоуправленіе не можетъ распространять свою власть на дѣла общія всѣмъ областямъ Русскаго государства, а въ томъ числѣ и Финляндіи. Вслѣдствіе сего дѣла подобнаго рода, съ самаго присоединенія западной Финляндіи и по настоящее время, постоянно рѣшались въ порядкѣ верховнаго управленія, безъ всякаго участія провинціальныхъ Финляндскихъ учрежденій, т.-е. тамошняго Сената и сейма. Не говоря уже про царствованія императоровъ Александра I-го и Николая I-го, даже въ царствованіе императора Александра II-го въ такомъ порядкѣ было рѣшено присоединеніе части Выборгской губерніи къ Петербургской, а въ царствованіе императора Александра III-го подчиненіе Финляндскихъ почтовыхъ учрежденій Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Что мѣстные законы и учрежденія должны подчиняться общегосударственнымъ, а не общегосударственные мѣстнымъ, это есть азбука всякаго государственнаго права. Противный этому взглядъ Финляндцевъ объясняется основною точкой отправленія новой Финляндской теоріи, именно, что Финляндія есть не провинція Россіи, а особое государство, соединенное съ нею лишь единствомъ царствующаго монарха. Съ такою точкой зрѣнія вполнѣ согласно требованіе Финляндскихъ чиновниковъ и публицистовъ, чтобы по каждому вопросу, обоюдно касающемуся обоихъ этихъ государствъ, Россія входила въ соглашеніе съ Финляндскимъ правительствомъ, при чемъ каждой договаривающейся сторонѣ принадлежитъ право, въ случаѣ несогласія, остаться при своемъ мнѣніи; при такомъ оборотѣ переговоровъ, предполагавшаяся международная конвенція считается не-

состоявшеюся. Но едва ли въ какомъ-нибудь благоустроенномъ государствѣ правительство можетъ подчиниться такому своеобразному взгляду.

Проектъ, составленный Русскими членами Особаго Совѣщанія, былъ уже подготовленъ ко внесенію въ Государственный Совѣтъ и о томъ состоялось высочайшее повелѣніе; но съ кончиною императора Александра III-го дѣло это пріостановилось, или по крайней мѣрѣ о немъ не имѣется никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, если не считать заслуживающими довѣрія ликованія Финляндской печати о томъ, что не только всѣ дальнѣйшія попытки къ скрѣпленію государственной связи между Россіей и Финляндіей будутъ отнынѣ прекращены, но и слѣдуетъ ожидать новыхъ пріобрѣтеній для увѣнчанія зданія Финляндскаго самоуправляющагося государства.

Заключеніе.

Изъ предшествующаго изложенія ясно видны тѣ ближайшія цѣли, которыхъ надѣются достигнуть Финляндцы по пути отпаденія ихъ страны отъ Русской государственной власти. Они разсчитывали при этомъ на то, что и теперь имъ однимъ будетъ предоставлено право писать для себя законы, безъ всякаго участія компетентныхъ Русскихъ государственныхъ учрежденій, какъ это практиковалось съ 1863 года, т. е. со времени перваго Гельсингфорскаго сейма. Высочайшею волею Финляндцамъ было разрѣшено кодифицировать тѣ основныя законоположенія, на которыхъ утверждается дарованное Финляндіи отдѣльное областное самоуправленіе. Мы видѣли, какъ Финляндцы воспользовались этимъ монаршимъ довѣріемъ. Въ трехъ послѣдовательныхъ комитетахъ (Норденстама, Вейсенберга и въ комитетѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена), и затѣмъ во всеподданнѣйшемъ представленіи Сената, представители Финляндскихъ интересовъ, вмѣсто возложенной на нихъ кодификаціи существующихъ и признанныхъ Верховною властью законовъ Финляндіи, сочинили совершенно новое законодательство, возводящее восемь Финляндскихъ губерній на степень Европейскаго государства, въ которомъ Верховная власть принадлежитъ сейму и Сенату—сему послѣднему въ качествѣ замѣстителя отсутствующаго Государя, а Россійскому императору предоставлено только отрицательное право налагать veto на постановленія сейма, безъ всякаго самостоятельнаго права въ чемъ бы то ни было измѣнять существующіе въ Финляндіи законы и порядки, какая бы ни настояла въ томъ нужда со стороны общегосударственныхъ интересовъ Россіи. Это новое законодательство представители Финляндскихъ интересовъ осно-

вали на томъ вымышленномъ Финляндцами фактѣ, что будто бы императоръ Александръ I призналъ основными законами Финляндіи Шведскія конституціонныя узаконенія прошлаго столѣтія, извѣстныя подъ именемъ Формы правленія и Акта соединенія и охраненія, съ упоминаемыми въ нихъ другими, еще болѣе давними узаконеніями. Но такъ какъ все законодательство Финляндіи при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I прямо опровергаетъ этотъ вымыселъ, ибо оно исходило не изъ конституціонныхъ началъ, а единственно изъ самодержавной воли этихъ монарховъ, то представители Финляндскихъ интересовъ сочли себя въ правѣ въ сочиненныхъ ими проектахъ вовсе не принимать во вниманіе тѣхъ, изданныхъ при этихъ двухъ Императорахъ законовъ, которые разрушаютъ нынѣшнюю Финляндскую теорію, на томъ основаніи, что законы эти не были утверждены земскими чинами Финляндіи.

Едва ли на такой почвѣ возможно какое-нибудь соглашеніе съ Финляндцами, и едва ли даже соотвѣтствуетъ достоинству правительства великой державы входить съ ними въ пререканія и оспаривать домогательства, столь очевиднымъ образомъ противорѣчащія и исторіи, и государственному праву Россіи и утверждающіяся на однихъ вымыслахъ. Государственная нераздѣльность Россіи и единство ея Верховной власти созданы вѣковыми усиліями и жертвами ея царей и народа. Ставить эти основы политическаго бытія нашего отечества, хотя бы только въ одной изъ провинцій Россіи, въ зависимость отъ Шведскаго законодательства прошедшихъ столѣтій и пытаться ниспровергнуть ихъ съ помощію вымысловъ и лжетолкованій—такой вызовъ, сдѣланный Финляндскими руководителями нашему правительству, казалось бы, не заслуживаетъ даже отвѣта. Но, съ другой стороны, нельзя оставлять нерѣшеннымъ вопросъ объ отношеніяхъ провинціальнаго Финляндскаго самоуправленія къ основнымъ законамъ и центральнымъ властямъ Россійскаго государства. Если прежде Финляндское законодательство страдало отсутствіемъ кодификаціи, т. е. системы, полноты и ясности, то со времени Сеймоваго Устава 1869 г. въ немъ, сверхъ сказаннаго недостатка, спутались основныя понятія о составѣ и объемѣ власти верховнаго правительства; появились статьи, имѣющія двоякій смыслъ - явный и скрытый; стали встрѣчаться неожиданныя и коренныя измѣненія существовавшаго дотолѣ образа правленія, вставляемыя между строкъ и въ мѣстахъ, вовсе несоотвѣтствующихъ важности сего предмета; попадаются неясные намеки на что-то недоговоренное и нигдѣ дотолѣ неустановленное, въ родѣ намековъ на такіе *общіе законы*, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора съ зем-

скими чинами (въ высочайшемъ манифестѣ 13 Іюня 1886 г.); часто встрѣчаются ссылки на Форму правленія и Актъ соединенія, какъ на законы, будто бы дѣйствующіе въ Финляндіи. Еще со временъ Римскихъ юристовъ основнымъ требованіемъ законодательства служило правило, что законъ долженъ быть ясенъ, категориченъ и не давать поводовъ къ различнымъ толкованіямъ; Финляндскіе же законодатели, со времени Сеймоваго Устава, повидимому приняли въ руководство въ вопросахъ государственнаго права совершенно обратное правило, именно: законъ долженъ быть теменъ, двусмысленъ и давать возможность къ различнымъ толкованіямъ, смотря по обстоятельствамъ. Такое положеніе Финляндскаго законодательства вполнѣ слѣдуетъ назвать хаотическимъ. Въ глазахъ Финляндцевъ оно является переходнымъ фазисомъ къ созданію новаго политическаго бытія для Финляндіи. Въ этой начатой, но еще недоконченной работѣ созданія новаго порядка всѣ эти спутанности и двусмыслія, ссылки, намеки, неожиданныя вставки и прочее имѣютъ свое значеніе и впередъ назначенное мѣсто. Но если задуманный Финляндцами новый политическій порядокъ для ихъ страны не входитъ въ виды государственной власти, то необходимо положить конецъ столь фальшивому положенію и опредѣлить категорически предѣлы Финляндскаго мѣстнаго самоуправленія и отношенія его къ Верховной власти. Единственный для этого путь, какъ показалъ опытъ, состоитъ въ томъ, чтобы правительство взяло рѣшеніе этого вопроса въ собственныя руки и рѣшило его соотвѣтственно государственному праву и общему благу Россіи, принявъ во вниманіе и тѣ особыя привилегіи, которыя дарованы Финляндіи Русскими монархами. Представители Финляндскихъ интересовъ высказали съ своей стороны все, что считали нужнымъ высказать, и больше отъ нихъ нельзя уже ожидать ничего, кромѣ повторенія прежняго, какъ доказали это всѣ ихъ послѣдовательные проекты и заявленія. Сколько бы ни собирать комитетовъ по этому вопросу, всѣ они будутъ оканчиваться представленіемъ двухъ несогласимыхъ между собою проектовъ—Русскаго, основаннаго на государственномъ правѣ Россіи и на законахъ, дѣйствительно дарованныхъ Финляндіи Русскими вѣнценосцами, и Финляндскаго, построеннаго на выдуманной Финляндцами теоріи и усиливающагося создать изъ этой провинціи автономное государство. Государственная нераздѣльность Россіи и единственно ея Верховной власти должны находить для себя санкцію и огражденіе не въ мѣстныхъ узаконеніяхъ той или другой подвластной ей области, а единственно въ собственныхъ основныхъ законахъ Россійской Имперіи.

Прежде всего слѣдуетъ устранить самую мысль объ изданіи для Финляндіи отдѣльныхъ основныхъ законовъ, потому что мысль эта ока-

зывается ложною съ исторической и правовой точки зрѣнія. Если въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ Финляндскимъ дѣятелямъ, бывшимъ въ то время полными хозяевами въ дѣлѣ Финляндскаго законодательства, удалось усвоить несоотвѣтственное названіе основныхъ законовъ двумъ узаконеніямъ, именно Сеймовому Уставу и нѣкоторымъ статьямъ Устава о воинской повинности, то этотъ маневръ входилъ въ составленный Финляндцами планъ совершеннаго обособленія ихъ края отъ Россіи, планъ, окончательнымъ увѣнчаніемъ котораго долженъ былъ служить проектъ комитета Вейсенберга или сокращенная его копія, представленная отъ Финляндскаго Сената. Но если правительство не намѣрено осуществлять этого плана, то сама собою падаетъ и мысль, подъ именемъ основныхъ законовъ Финляндіи воскресить для нея старые Шведскіе конституціонные законы, упраздненные въ этой странѣ самымъ фактомъ завоеванія ея Россіею. Извѣстная область государства можетъ имѣть отдѣльное управленіе и отдѣльное законодательство въ вопросахъ исключительно ея провинціальнаго быта, не переставая въ тоже время подчиняться общимъ основнымъ законамъ государства, а въ дѣлахъ общегосударственнаго характера — и центральнымъ государственнымъ властямъ. Финляндія была и есть не болѣе, какъ область Россіи, управляемая на особомъ положеніи. Кромѣ этой исторической и правовой точки зрѣнія, называть особое положеніе для управленія Финляндіею громкимъ и несоотвѣтственнымъ именемъ основныхъ законовъ было бы вредно и въ практическомъ отношеніи; ибо такое названіе способно и въ самыхъ благонамѣренныхъ умахъ возбуждать ложную мысль о политической самостоятельности Финляндіи и питать въ населеніи сепаратическія мечтанія. Мы видѣли, какими нежелательными для государства послѣдствіями отозвалась на политическомъ настроеніи Финляндцевъ та неподобающая помпа, которая была придана первому Гельсингфорскому сейму 1863 г., съ императорскимъ трономъ, съ ландмаршаломъ и тальманами сословій, съ обращенными къ лицу Императора ихъ рѣчами и прочее. Сколько поддѣльнаго величія, неумѣстнаго въ законодательствѣ и несоотвѣтствующаго положенію вещей, заключается въ этихъ вступленіяхъ къ нѣкоторымъ законамъ той эпохи: «Мы, Финляндскіе графы, бароны, епископы, рыцарство и т. д. объявляемъ чрезъ сіе». Все это было задумано и осуществлено именно для того, чтобъ въ Финляндскомъ населеніи, въ огромномъ большинствѣ совершенно равнодушномъ къ политическимъ мечтаніямъ, вызвать сепаратическія идеи и несоотвѣтственное дѣйствительности представленіе о значеніи и роли Финляндскаго народа. Расчетъ оказался вѣренъ: новое политическое ученіе о Финляндскомъ государствѣ получило сугубую силу и успѣхъ именно съ тѣхъ поръ, когда въ шестидесятыхъ годахъ

явились обставленные чрезвычайною торжественностью періодическіе сеймы, введена была особая монетная единица и окончательно установлена таможенная граница. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ ложнымъ представленіямъ и смущающимъ населеніе попыткамъ на самостоятельную политическую роль Финляндіи, представлялось бы настоятельно необходимымъ объявить категорически, что основные государственные законы Россійской Имперіи распространяются и на Финляндію, но что при этомъ ей дарованы нѣкоторыя отмѣны отъ общаго порядка законодательства въ Имперіи.

Здѣсь необходимо дать себѣ ясный отчетъ о томъ, какія именно изъ утвержденныхъ для Финляндіи законоположеній составляютъ исключеніе изъ основныхъ государственныхъ законовъ Имперіи и ограничиваютъ права самодержавія. Какъ бы ни нарушали нѣкоторыя изъ этихъ исключеній единства и крѣпости государственнаго строя, не представляется крайней необходимости прибѣгать къ ихъ отмѣнѣ. Если на будущее время будутъ прекращены неопредѣленность и шаткость отношеній Верховной власти къ Финляндіи и будутъ приняты дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы мѣстные законы и порядки этой провинціи безусловно подчинялись, въ необходимыхъ случаяхъ, общегосударственнымъ законамъ и потребностямъ, то и допущенныя доселѣ для Финляндіи исключенія изъ общегосударственнаго права Имперіи могутъ быть сдѣланы менѣе вредными и даже вовсе нечувствительными, при томъ конечно непремѣнномъ условіи, что правительство не будетъ дозволять Финляндцамъ ни одного шага къ дальнѣйшему умаленію монаршей власти надъ этою областію Россіи и къ дальнѣйшему разъединенію ея съ Имперіею. Иначе можетъ случиться, что одна какая-нибудь мѣра, втихомолку проведенная Финляндскими дѣльцами безъ обсужденія ея въ компетентныхъ государственныхъ установленіяхъ, разомъ приблизитъ Финляндскихъ сепаратистовъ къ намѣченной цѣли и отниметъ отъ Верховной власти свободу дѣйствій въ будущемъ, когда, быть можетъ, Россію постигнутъ трудныя обстоятельства и ей придется отстаивать цѣлость своихъ границъ. Мы уже достаточно видѣли изъ всего предыдущаго изложенія, до какой степени изловчились Финляндцы въ этихъ внезапныхъ уловленіяхъ Верховной власти.

Дарованіе Финляндіи сейма, съ правомъ періодическихъ собраній, не составляетъ нарушенія общихъ державныхъ правъ Русскаго Императора въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ его воли зависитъ вносить или не вносить извѣстный законъ на разсмотрѣніе сейма, а въ случаѣ внесенія—принять или не принять во вниманіе мнѣніе сейма. Въ этихъ случаяхъ совѣщательный голосъ сеймовыхъ депутатовъ можетъ прино-

сить несомнѣнную пользу и часто быть даже необходимымъ, какъ голосъ людей, которымъ близко извѣстны мѣстныя потребности и обстоятельства. Но именно этотъ вопросъ, въ какихъ случаяхъ Верховная власть приняла на себя обязательство вносить законы на разсмотрѣніе сейма и сообразоваться съ его рѣшеніями и въ какихъ случаяхъ Императоръ можетъ постановлять законы своею единоличною властію, этотъ существеннѣйшій вопросъ составители Сеймоваго Устава, вслѣдствіе принятой системы подходить къ цѣли скрытыми ходами и маскировать свои намѣренія недомолвками, постарались запутать, чтобы оставить возможность для превратныхъ толкованій закона въ смыслѣ, желательномъ для Финляндцевъ. Главнымъ опорнымъ пунктомъ для ихъ софизмовъ служитъ § 71 Сеймоваго Устава. Здѣсь достаточно уже разъяснено, какой смыслъ слѣдуетъ придавать этой хитрой лазейкѣ, столь предусмотрительно оставленной въ Сеймовомъ Уставѣ, не смотря на то, что проектъ комитета Норденстама, съ которымъ она неразрывно связана, былъ всецѣло отвергнутъ императоромъ Александромъ II-мъ.

Однако въ нѣкоторыхъ узаконеніяхъ, изданныхъ въ царствованіе сего Государя, прямо заявлено, что они могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Монарха и земскихъ чиновъ. Такихъ законоположеній въ настоящее время немного, именно: Сеймовый Уставъ (см. § 83 онаго), Церковное Уложеніе 1867 года (см § 14 онаго) и узаконенія, касающіяся основнаго и депозитнаго фондовъ Финляндскаго банка, права выпуска бумажныхъ денегъ и выдачи ссудъ (Выс. постан. 9 Декабря 1867 года).

Данное сейму въ 1886 году (манифестомъ отъ 13 Іюня) право непосредственныхъ законодательныхъ предложеній нисколько не можетъ ограничивать державныхъ правъ Монарха, такъ какъ всякое предложеніе сейма, несоотвѣтствующее по своей цѣли или по своей формѣ видамъ Императора, будетъ оставляемо безъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, если вопросъ, затронутый въ отвергнутомъ сеймовомъ предложеніи, по существу своему будетъ заслуживать вниманія, то ничто не будетъ препятствовать рѣшить его высочайшимъ манифестомъ въ томъ видѣ, какой будетъ признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Наконецъ, при исчисленіи отступленій, допущенныхъ доселѣ въ Финляндскихъ законахъ отъ общихъ основныхъ законовъ Имперіи, остаются ссылки, сдѣланныя въ разныхъ законодательныхъ актахъ двухъ предыдущихъ царствованій на Форму правленія и Актъ соединенія, какъ бы на дѣйствующія въ Финляндіи законодательства. На

эти ссылки и въ особенности на ссылку, сдѣланную въ утвержденіи Сеймоваго Устава, опираются сочинители основныхъ законовъ Финляндіи, какъ на доказательство того, что въ Финляндіи Русскій Императоръ не можетъ имѣть большей власти противу той, какую имѣлъ въ прошломъ столѣтіи Шведскій король въ своемъ королевствѣ. Но сказанныя ссылки были основаны на томъ вымыслѣ современнаго Финляндскаго ученія, что будто бы упоминаемые въ нихъ Шведскіе законы были признаны для Финляндіи императоромъ Александромъ I-мъ и подтверждены его преемникомъ императоромъ Николаемъ. Однако для оправданія этого вымысла Финляндцы не могли доселѣ привести ни одного факта, ни малѣйшаго документальнаго указанія въ исторіи и законодательствѣ Финляндіи отъ ея завоеванія въ 1809 году до Гельсингфорскаго сейма 1863 года. Сказанныя, совершенно произвольныя и ложныя ссылки прокрались въ нѣкоторые Финляндскіе законодательные акты, со времени перваго Гельсингфорскаго сейма, единственно благодаря тому обстоятельству, что Финляндскіе законы составлялись одними Финляндцами, безъ всякой провѣрки компетентными учрежденіями Имперіи. Неосновательность Финляндской теоріи, усиливающейся признать Форму правленія и Актъ соединенія дѣйствующими законами Финляндіи, достаточно разъяснена въ заключеніяхъ главноуправлявшаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ и бывшаго министра юстиціи по проекту комитета Вейсенберга, а также въ журналахъ комитета 1890 года подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена. Какъ скоро съ несомнѣнною очевидностью разъяснены истинный характеръ упоминаемыхъ ссылокъ на Шведскіе законы и обстоятельства ихъ появленія въ нѣкоторыхъ законодательныхъ актахъ, касающихся Финляндіи, то придавать имъ какое-нибудь правовое значеніе значило бы возводить вымыселъ, случайно прокравшійся въ законодательство, на степень постоянно дѣйствующаго закона. Излишне распространяться о томъ, какой изъ этого послѣдовалъ бы рядъ неправильностей въ дальнѣйшемъ Финляндскомъ законодательствѣ и сколько затрудненій въ будущемъ создалось бы для правительства. Развивая послѣдовательно начала, лежащія въ сказанныхъ двухъ Шведскихъ законодательствахъ, Финляндскія власти, при поддержкѣ литературы и общественнаго мнѣнія, не переставали бы настойчиво добиваться упроченія въ ихъ странѣ тѣхъ законовъ и порядковъ, которые выражены въ разсмотрѣнныхъ здѣсь трехъ Финляндскихъ проектахъ. Неудовлетвореніе этихъ невозможныхъ и нелѣпыхъ домогательствъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше порождало бы въ населеніи толковъ и неудовольствій, питаемыхъ журналистикой и мѣстнымъ чиновничествомъ. Рано или поздно правительству предстоялъ бы одинъ изъ двухъ исходовъ: или удовлетворить домогательства господ-

ствующей въ Финляндіи партіи, т.-е., другими словами, создать у воротъ столицы самовластное и враждебное Россіи государство, вернуться къ тому положенію, въ которомъ Петербургъ былъ до Полтавской побѣды, или же отобрать разомъ у Финляндцевъ всѣ полномочія народнаго правленія, мало-по-малу надаванныя имъ въ силу признанія Формы правленія и Акта соединенія дѣйствующими въ Финляндіи законами. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что лучше теперь же признать сказанные Шведскіе законы (а слѣдовательно, и сдѣланныя на нихъ ссылки) не имѣющими никакой силы для Финляндіи, чѣмъ прибѣгать къ этой мѣрѣ тогда, когда, быть можетъ, Финляндцы успѣютъ извлечь изъ нихъ новыя ограниченія правъ Русскаго Монарха и новыя расширенія самодержавія тамошняго чиновничества и крупныхъ собственниковъ. Тогда эта мѣра можетъ уже имѣть нежелательный характеръ coup d'état, тогда какъ теперь она не произведетъ въ существующемъ Финляндскомъ законодательствѣ никакой ломки; ибо, кромѣ Сеймоваго Устава, узаконеній, касающихся основнаго и депозитнаго фондовъ Финляндскаго банка, и Церковнаго Уложенія, Финляндцы не успѣли еще доселѣ примѣнить принципъ ограниченія законодательнаго права Монарха ни къ какимъ другимъ законамъ. Само собою разумѣется, что Верховной власти принадлежитъ безусловное право возвратить § 71-му Сеймоваго Устава его чисто прецессуальный смыслъ, ибо никакое правительство не можетъ дозволить играть собою съ помощью лазеекъ и подтасовокъ въ законахъ. Такое исправленіе § 71-го должно быть сдѣлано прежде изданія Особаго Положенія для Финляндіи.

Имѣя въ виду, что Финляндія составляетъ нераздѣльную часть Русскаго Государства, управляемую лишь на особомъ положеніи, главныя постановленія этого Особаго Положенія слѣдуетъ изложить въ соотвѣтственномъ мѣстѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи, проведя ихъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ чрезъ Государственный Совѣтъ, и затѣмъ объявить ихъ въ Финляндіи въ офиціальной газетѣ и внести въ сборникъ постановленій Великаго Княжества. Надобно твердо помнить, что путемъ обращенія къ Сейму правительство никогда не достигнетъ упорядоченія отношеній Финляндіи къ Россіи и къ ея Верховной власти и что всякое предложеніе въ духѣ Русскихъ общегосударственныхъ интересовъ встрѣтитъ непреодолимое сопротивленіе на Сеймѣ. Поэтому, если имѣется въ виду положить конецъ нынѣшнимъ неопредѣленнымъ отношеніямъ Финляндскаго законодательства и управленія къ Верховной власти, то дѣло это должно быть вовсе изъято изъ разсмотрѣнія Сейма и рѣшено самимъ правительствомъ.

Особое Положеніе для управленія Финляндскими губерніями могло бы быть изложено въ Сводѣ Законовъ, въ главныхъ чертахъ, въ слѣдующемъ видѣ:

1) Губерніи, образующія Великое Княжество Финляндское, составляютъ нераздѣльную часть Русскаго Государства и со всѣми жителями оныхъ, ихъ принадлежностями, преимуществами, правами и выгодами состоятъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской (ст. IV-я Фридрихсгамскаго мирнаго трактата 1809 г.).

2) Основные государственные законы Россійской Имперіи распространяются и на губерніи Финляндскія. Нѣкоторыя, высочайшею властію установленныя для Финляндскихъ губерній, отмѣны отъ общаго въ Россійскомъ Государствѣ порядка разсмотрѣнія и изданія законовъ указаны ниже въ семъ Положеніи.

3) Евангелическо-лютеранское вѣроученіе пользуется въ Финляндскихъ губерніяхъ полною свободой исповѣданія. Церковныя дѣла сего вѣроученія въ Финляндскихъ губерніяхъ управляются на основаніи высочайше утвержденнаго его Императорскимъ Величествомъ Церковнаго Уложенія.

4) Дѣла мѣстнаго гражданскаго управленія и суда въ Финляндскихъ губерніяхъ подчиняются особымъ постановленіямъ, изданнымъ или подтвержденнымъ для нихъ высочайшею властью или имѣющимъ впередъ быть изданными тою же властью.

5) Для предварительнаго разсмотрѣнія тѣхъ законодательныхъ проектовъ, относящихся къ Финляндскимъ губерніямъ, по которымъ Его Императорское Величество признаетъ нужнымъ затребовать соображенія сословныхъ представителей Финляндіи, сіи послѣдніе собираются на Сеймъ, составляемый и дѣйствующій согласно высочайше утвержденному 3 (15) Апрѣля 1869 г. Сеймовому Уставу.

6) Для измѣненія или отмѣны Сеймоваго Устава 1869 г., Церковнаго Уложенія 1867 г. и постановленія 27 Ноября (9 Декабря) 1867 г. объ основномъ и депозитномъ фондѣ Финляндскаго банка, о правѣ выпуска бумажныхъ денегъ и о выдачѣ ссудъ, требуется совокупное рѣшеніе Монарха и сеймовыхъ депутатовъ, какъ о семъ постановлено въ поименованныхъ въ сей статьѣ узаконеніяхъ.

7) По всѣмъ прочимъ законодательнымъ предметамъ, касающимся Финляндскихъ губерній, отъ Государя Императора зависитъ издать законъ безъ затребованія соображеній сеймовыхъ депутатовъ, или же повелѣть внести проектъ закона на предварительное ихъ обсужденіе и состоявшееся заключеніе Сейма принять при начертаніи закона въ соображеніе въ той мѣрѣ, въ какой оно будетъ признано Его Императорскимъ Величествомъ полезнымъ для этого края.

8) Если по высочайшей волѣ на обсужденіе Сейма будетъ внесенъ вопросъ объ измѣненіи или отмѣнѣ Сеймоваго Устава, или данныхъ сословіямъ привилегій, или параграфовъ Устава о воинской повинности, поименованныхъ въ высочайшемъ манифестѣ отъ 6 (18) Декабря 1878 г., или закона 11 Ноября 1889 г. о правѣ Финляндскихъ гражданъ неЕвангелическо-лютеранскаго исповѣданія занимать должности и служебныя мѣста въ Финляндіи, то для постановленія сеймоваго заключенія по симъ предметамъ требуется согласное мнѣніе депутатовъ всѣхъ четырехъ сословій (§ 71 Сеймоваго Устава 1869 г.).

9) Проекты законовъ, относящихся къ Финляндскимъ губерніямъ, или составляются по высочайшему усмотрѣнію и непосредственному повелѣнію, или же пріемлютъ свое начало отъ общаго теченія дѣлъ въ сихъ губерніяхъ, когда, при разсмотрѣніи оныхъ въ Финляндскомъ Императорскомъ Сенатѣ, признано будетъ необходимымъ измѣнить, дополнить или отмѣнить дѣйствующій законъ или составить новое постановленіе. Въ такомъ случаѣ Сенатъ свои о семъ предположенія повергаетъ на высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

О порядкѣ предложенія законовъ, касающихся собственныхъ дѣлъ Евангелическо-лютеранской церкви въ Финляндіи, сказано въ § 14 Церковнаго Уложенія 1869 г., а относительно законодательныхъ проектовъ, представляемыхъ Государю Императору Сеймомъ въ видѣ петицій или же въ видѣ окончательно выраженныхъ предложеній (моцій), дѣйствуютъ правила, постановленныя въ высочайшемъ манифестѣ 13 (25) Іюня 1886 года.

10) Всѣ относящіеся къ Финляндскимъ губерніямъ законы представляются на высочайшее утвержденіе на Русскомъ языкѣ, и только таковой, утвержденный собственноручнымъ его Императорскаго Величества подписаніемъ Русскій текстъ почитается имѣющимъ силу закона.

11) Законы, общіе для Финляндскихъ губерній съ прочими частями Россійскаго Государства, разсматриваются и издаются въ свѣтъ въ общемъ для Имперіи законодательномъ порядкѣ и сообщаются Финляндскому Императорскому Сенату для опубликованія и исполненія.

12) Если проектируемый для Финляндскихъ губерній законъ въ какомъ бы то ни было отношеніи касается интересовъ Имперіи или предметовъ вѣдѣнія какого-либо министерства или православнаго духовнаго управленія, то на обязанности министра статсъ-секретаря по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго лежитъ, прежде представленія такого проекта на высочайшее воззрѣніе, запрашивать заключенія подлежащихъ министерствъ или другихъ высшихъ государственныхъ установленій и отзывы ихъ прилагать ко всеподданнѣйшему представленію.

13) Общее храненіе законовъ, относящихся къ Финляндскимъ губерніямъ, возлагается на Императорскій Финляндскій Сенатъ. Посему всѣ новые законы, издаваемые для сихъ губерній или имѣющіе къ нимъ какое бы то ни было отношеніе, хотя бы они содержались въ именныхъ повелѣніяхъ, данныхъ особо какому-либо лицу или мѣсту, должны быть отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ сообщаемы въ спискахъ Финляндскому Императорскому Сенату.

14) Законы, содержащіе въ себѣ новое постановленіе или же поясненіе, измѣненіе, дополненіе либо отмѣну прежнихъ законовъ, какъ относящіеся исключительно къ Финляндскимъ губерніямъ, такъ и общіе симъ губерніямъ съ прочими частями Государства, а равно высочайшія повелѣнія и манифесты, до сихъ губерній касающіеся, обнародываются въ Финляндіи во всеобщее свѣдѣніе тамошнимъ Императорскимъ Сенатомъ чрезъ напечатаніе ихъ въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества, а когда будетъ признано нужнымъ, то и чрезъ помѣщеніе ихъ въ мѣстной офиціальной газетѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ законы, высочайшія повелѣнія и манифесты должны печататься, во-первыхъ, въ Русскомъ офиціальномъ текстѣ и сверхъ того въ переводѣ на мѣстныя нарѣчія.

15) Всѣ Россійскіе подданные христіанскаго вѣроисповѣданія, приписанные къ одному изъ Финляндскихъ сословій, пользуются всѣми правами и преимуществами, въ мѣстныхъ узаконеніяхъ Финляндіи для сихъ сословій опредѣленными. Внесеніе въ мѣстные сословные списки производится порядкомъ, установляемымъ Верховною властью.

16) Всѣ Россійскіе подданные, имѣющіе право по законамъ Имперіи вступать въ гражданскую службу, могутъ быть назначаемы на оную и въ губерніяхъ Финляндскихъ.

Такъ какъ изложенныя здѣсь главныя основанія Особаго Положенія для управленія Финляндскими губерніями ни въ чемъ не измѣняютъ тѣхъ законовъ, отмѣна или измѣненіе которыхъ могутъ происходить лишь по совокупному рѣшенію Монарха и Сейма (Сеймовый Уставъ, Церковное Уложеніе и высочайшее постановленіе 9 Декабря 1867 г. о Финляндскомъ банкѣ), то ничто не обязываетъ Верховную власть вносить эти главныя положенія на разсмотрѣніе Сейма.

Өедоръ Еленевъ.

ПОСТРОЕНІЕ СОБОРНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ГОРОДѢ РЯЖСКѢ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Въ 1667 году 14 Августа попъ Ряжской соборной церкви Благовѣщенья Григорій подалъ въ Приказной Избѣ города Ряжска воеводѣ Сацыперову подписную челобитную на имя царя Алексѣя Михайловича слѣдующаго содержанія:

„Въ Рязкомъ-де городѣ его великаго государя богомолье соборная церковь Благовѣщенья Пречистыя Богородицы съ придѣлы Іоанна Предтечи да преподобнаго отца Михаила Малеина ветха, и входить и служить въ той церкви немочно, престолы и иконы отъ мочи перепортились, и вся развалилась, и покрыть ее невозможно; а строена та церковь въ давнѣхъ лѣтѣхъ, какъ Рязкой городъ сталъ послѣ разоренья; а прихожанъ у той церкви нѣтъ, построить ее нѣкимъ, и чтобъ великій государь пожаловалъ его попа Григорья, велѣлъ въ Рязкомъ городѣ соборную церковь построить, какъ онъ великій государь укажетъ“.

На этой челобитной думнымъ дворяниномъ и печатникомъ Дементьемъ Миничемъ Башмаковымъ была сдѣлана слѣдующая помѣта: „Великій государь указалъ тоё церковь построить градскими и уѣздными людьми какъ возможно, а какову церковь устроятъ и во что̀ станетъ, о томъ велѣно писать имянно“, въ каковомъ смыслѣ, въ слѣдующемъ году 6-го Сентября, и была послана Рязанскому воеводѣ государева грамота о постройкѣ новой церкви съ вѣдома преосвященнаго Иларіона, архіепископа Рязанскаго и Муромскаго.

Какъ была выстроена церковь и во что обошлась, мы не знаемъ; но очевидно, что подобное распоряженіе набожнаго, но бережливаго царя, не совсѣмъ пришлось по вкусу градскимъ и уѣзднымъ людямъ и весьма мало развязало ихъ тугіе кошели, такъ какъ съ небольшимъ чрезъ 20 лѣтъ воевода князь Дуловъ доносилъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, что 29 Января 1691 года ему въ Приказной Избѣ подалъ протопопъ Миронъ съ братьею слѣдующую челобитную:

„Въ прошлыхъ годѣхъ, по указу отца великихъ государей блаженныя памяти великаго государя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержца, и по благословенію преосвященнаго Иларіона митрополита Рязанского и Муромского и по челобитью тоё соборныя церкви Благовѣщенья Пречистыя Богородицы и съ придѣлы усѣк-

новеніе честныя главы Іоанна Предтечи и преподобнаго отца Михаила Малеина, построена была градскими и уѣздными людьми; а нынѣ-де та церковь и предѣлы ветхи, входить и служить въ ней имъ немочно и у настоящія церкви въ олтарѣ середнія стѣны и главы отгнили, и кресты посломались, и подволока обвалилась, и покрыть немочно; и за ветхостью изъ предѣловъ иконы вынесены вонъ, а вновь-де тоё соборную церковь и придѣловъ ему протопопу Мирону съ братьею построить нечѣмъ для того, что у нихъ приходскихъ людей и руги *) нѣтъ".

На эту челобитную протопопа, въ которой такъ ярко обрисована картина полнаго разрушенія храма, и въ которой указано между прочимъ на постройку его „градскими и уѣздными людьми", прислана была въ томъ же году 3-го Апрѣля великихъ государей грамота воеводѣ князю Дулову.

„Велѣно ему соборную церковь съ градскими и съ уѣздными всякихъ чиновъ со многими людьми осмотрѣть и буде по осмотру въ той соборной церкви служить невозможно, и тоё соборную церковь съ вѣдома преосвященнаго Авраамія митрополита Рязанскаго и Муромскаго противъ прежняго государева указу 1668 г. построить Ряскими градскими и уѣздными всякихъ чиновъ людьми, какъ возможно, росписавъ на всѣхъ по скольку на комъ чего взять доведется, а лишняго на то строенье отнюдь ни съ кого не сбирать и тѣмъ тягостей и разоренья градскимъ и уѣзднымъ людемъ не чинить, а строить тоё церковь въ то время, какъ минетъ дѣловая пора; а какъ та церковь будетъ построена и что̀ съ кого будетъ взято порознь цѣною, и что̀ по смѣтѣ всего того строенья будетъ, и тому всему что̀ будетъ цѣна и въ отдѣлкѣ та церковь цѣною что́ станетъ, о томъ о всемъ писать и тому смѣтную роспись съ цѣною прислать въ Разрядъ".

Однако требуемыя свѣдѣнія не были доставлены въ Разрядъ, и о послѣдствіи осмотра церкви можно узнать лишь изъ отписки новаго воеводы, Василія Ознобишина.

„Въ прошломъ-де во 1691 году, по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ Разряда, воевода князь Микита Дуловъ съ Ряжскими помѣщики и вотчинники и съ градскими всякихъ чиновъ со многими людьми, соборную деревянную церковь осматривали, а по осмотру та церковь у настоящія середнія стѣны межъ придѣловъ съ обѣихъ сторонъ выгнила и бревна многія вывалились и придѣлы отсѣли, и стоитъ на подпорахъ, и кровля огнила, и съ настоящей церкви крестъ свалился, и вся ветха, и служить въ ней за ветхостью немочно. И приговорили-де Ряжскіе помѣщики и вотчинники и градскіе жители противъ прежняго съ придѣлы построить вновь каменную церковь, а на то строенье сбирать Ряжскаго уѣзда съ помѣщиковыхъ и вотчинниковъ съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ и съ однодворцовъ, дѣтей боярскихъ и съ монастырскихъ и которые на церковныхъ земляхъ живутъ по переписнымъ книгамъ 1678 года—взять по 4 алтына по 2 деньги съ двора".

*) Жалованье духовенству отъ казны, будь то деньгами или натурой.

Но, не смотря на этотъ приговоръ, который быть можетъ, выражалъ лишь волю меньшинства, именно сторонниковъ протопопа, сборъ денегъ подвигался туго и, наконецъ, со смѣной стараго и назначеніемъ новаго воеводы, затаенное неудовольствіе плательщиковъ на церковное строеніе переходитъ въ открытое и выражается цѣлымъ рядомъ челобитныхъ.

Первыми, такъ сказать, застрѣльщиками, выступаютъ братья Вердеревскіе *) съ челобитной, помѣченной 15-мъ Мая 1693 года.

„Великимъ государямъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ бьютъ челомъ холопи ваши Ѳедька да Петрушка Вердеревскіе. Вотчинки у насъ холопей вашихъ въ Ряжскомъ уѣздѣ, а изъ Ряжскова, государи, воевода присылаетъ въ тѣ наши деревнишки служилыхъ людей непрестанно для денежнаго сбору, съ крестьянскихъ и бобыльскихъ со всякого двора правятъ по 4 алтына, по 2 деньги на церковное строеніе, которую церковь нынѣ строютъ въ Ряжскомъ внутри города, и будто о строеніи той церкви къ челобитной руки приложили мы холопи ваши; а мы холопи ваши о строеніи той церкви не бивали челомъ и къ челобитной рукъ отъ себя и вмѣсто людишекъ нашихъ и крестьянишекъ никто не прикладывали, а въ тѣхъ нашихъ вотчинкахъ церкви построены свои, и отъ того денежного сбору отъ служилыхъ людей нынѣ чинятся крестьянишкамъ нашимъ харчи и убытки большіе. Милосердые великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте холопей своихъ, не велите, государи, тѣхъ денегъ на крестьянишкахъ нашихъ напрасно править и о томъ дать намъ свою великихъ государей грамоту въ Ряжской къ воеводѣ, чтобъ крестьянишкамъ нашимъ отъ пріѣзду служилыхъ людей въ разореніи не быть. Великіе государи, смилуйтеся!“

Вскорѣ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, присоединяется къ нимъ и третій Вердеревскій, Иванъ, съ челобитной, представляющей собой дословное повтореніе челобитной своихъ предшественниковъ. Наконецъ, почти одновременно выступаютъ съ челобитной „Ряжскаго уѣзду, Пехлецкого стану помѣщики и вотчинники“, которые, выражаются несравненно болѣе рѣзко Такъ напримѣръ, приводя заявленіе протопопа Мирона о ветхости храма и о постройкѣ его въ былые годы уѣздными людьми, они замѣчаютъ: „и то онъ протопопъ билъ челомъ вамъ великимъ государемъ вымысломъ своимъ, ложно, хотя насъ холопей вашихъ и людишекъ и крестьянишекъ нашихъ разорить и себя обогатить“. Далѣе: „Воевода Василій Ознобишинъ посылаетъ изъ Ряжска въ уѣздъ многихъ посыльныхъ людей по селамъ и по деревнямъ и уѣзду, и тѣ посыльные люди пріѣздами своими людишекъ и крестьянишекъ нашихъ и однодворцевъ бьютъ и тѣ деньги

---

*) Имя Вердеревскихъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ рукописяхъ случалось намъ видѣть написаннымъ такъ: Верхдеревскій.

правятъ будто на строенье тоё соборныя и каменныя церкви, будто то по приговору уѣздныхъ людей; а мы холопи ваши отъ того побору и отъ присылокъ и отъ пріѣзду посыльныхъ людей, людишки и крестьянишки наши и однодворцы разоряются безъ остатку. А онъ Василей чинитъ и посылки посылаетъ не противъ вашего великихъ государей указу и грамотамъ; а мы холопи ваши про строенье тоё соборныя каменныя церкви и про приговоръ и про поборы ни про что не вѣдаемъ и приговоръ для того каменного строенья не давывали. А и прежъ сего та церковь соборная въ Ряжскомъ внутри города строена не уѣздными людьми, и нынѣ та церковь не ветха, и въ той церкви божественное пѣніе и литоргію служить возможно; а крестьянишки и людишки наши и бобылишки отъ службъ, отъ Крымскихъ походовъ и отъ хлѣбныхъ недородовъ разорились безъ остатку, а подати всякія ваши великихъ государей платятъ на Москвѣ и въ городѣхъ безъ доимокъ". Въ заключеніе говорится: „А въ вашемъ великихъ государей указѣ и въ грамотѣ того не именовано, построить каменная соборная церковь, а что про сборы съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ и однодворцовъ по четыре алтына по двѣ деньги какимъ изложеніемъ берутъ, про то мы холопи ваши ни про что не вѣдаемъ, и къ приговорамъ и челобитнымъ о каменной и деревянной церкви рукъ мы холопи ваши не прикладывали и вмѣсто себя никому не веливали, а Ряжской городъ ото многихъ селъ и деревень въ дальномъ разстояніи, и въ тѣхъ селѣхъ по обѣщанію своему помѣщики и вотчинники строяли церкви Божія сами, а не уѣздными какими людьми. Милосердые великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте насъ холопей своихъ, не велите, государи, на тоё каменную соборную церковь на строенье съ людишекъ и съ крестьянишекъ и съ бобылишекъ и съ задворныхъ людишекъ нашихъ и съ однодворцовъ тѣхъ денегъ напрасно править и чтобъ намъ холопѣмъ вашимъ и людишкамъ нашимъ и крестьянишкамъ въ конецъ не разориться и межъ дворъ не бродить, а намъ холопѣмъ вашимъ вашихъ великихъ государей службъ не отбыть и людишкамъ нашимъ и крестьянишкамъ вашимъ великихъ государей податей не отбыть же и врознь не разбрестись, и противъ нашего холопей вашихъ челобитья о томъ въ Ряжской къ воеводѣ велите, государи, послать свою великихъ государей грамоту. Великіе государи, смилуйтеся!"

За тѣмъ, въ Іюлѣ того же года, вновь бьетъ челомъ одинъ изъ неугомонныхъ братьевъ Вердеревскихъ Ѳедоръ, чтобы не сбирали денегъ на строенье соборной церкви въ Ряжскѣ съ его крестьянъ, такъ какъ въ его деревняхъ построены двѣ деревянныя церкви еще въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ году его крестьяне строятъ въ селѣ Ѳедоровскомъ каменную церковь.

Но, можетъ быть, еще долгое время суждено было всѣмъ этимъ челобитьямъ быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, еслибы 20 Января 1694 года къ подобнымъ заявленіямъ не присоединился бояринъ князь Константинъ

Осиповичъ Щербатой съ братомъ Иваномъ. Ихъ челобитная, гдѣ они просятъ, чтобы великіе государи не велѣли имать денегъ на церковное строенье съ ихъ вотчины села Мураевны съ деревнями въ Ряжскомъ уѣздѣ, Пехлецкаго стану, какъ челобитная людей значительныхъ и очевидно имѣвшихъ руку на Москвѣ, даетъ дѣлу иной оборотъ. Съ одной стороны, усердіе воеводы по сбору денегъ на церковное строеніе начинаетъ замѣтно ослабѣвать; съ другой онъ начинаетъ все чаще и чаще наталкиваться на упорные отказы въ платежѣ этого сбора, и вотъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія и хоть нѣсколько сложить съ себя отвѣтственность, воевода принимается дѣятельно отписываться и 7 Марта въ томъ же 1694 году пишетъ на Москву, что „о благословенной грамотѣ къ преосвященному Авраамію, митрополиту Рязанскому и Муромскому, онъ Василей писалъ, и по той его отпискѣ отъ преосвященнаго митрополита о строеньи соборныя каменныя церкви прислана благословенная грамота: велѣно на каменную соборную церковь всякіе припасы готовить и въ тѣхъ припасѣхъ строить соборную новую каменную церковь одну настоящую безъ придѣловъ во имя Благовѣщенья Пречистыя Богородицы по соборному близъ старой церкви, и на строенье соборныя каменныя церкви Ряжскіе помѣщики и вотчинники въ Ряжскомъ въ Приказной Избѣ деньги платить почали, а въ сборѣ тѣхъ денегъ рублевъ со сто и больше, и тѣмъ-де сборнымъ деньгамъ съ кого имяны и съ сколькихъ дворовъ взято, велѣлъ записывать въ книги подлинно; а иные-де Ряжскіе помѣщики и крестьяне на строенье соборной каменной церкви посыльнымъ людямъ денегъ не платятъ, а безъ указу-де великихъ государей и безъ грамоты изъ Разряду по тому приговору для сбору денегъ въ вотчины бояръ и окольничьихъ и думныхъ и всякихъ чиновъ людей онъ Василей посылать не смѣетъ, и великіе государи велѣли бъ ему о томъ свой государевъ указъ учинить“.

На слѣдующій же день бьетъ челомъ не менѣе встревоженный всѣмъ происходящимъ протопопъ Миронъ: „Бьютъ челомъ богомольцы Ряска города соборныя церкви Благовѣщенья Пречистыя Богородицы протопопъ Миронъ съ братьею. Царское ваше великихъ государей богомолье въ Ряжскомъ городѣ соборная церковь Благовѣщенья Пречистыя Богородицы и придѣлы Іоанна Предтечи и Михаила Малеина построены были деревянные Ряжскимъ городомъ и уѣздомъ всякихъ чиновъ людьми, и та, государи, нынѣ церковь и придѣлы ветхи, у настоящей церкве и у придѣловъ олтари развалились, и служить намъ богомольцамъ вашимъ и на ваше великихъ государей тезоименитство соборнѣ молебствовать негдѣ. И въ прошломъ, государи, во 1691 году били челомъ мы богомольцы ваши великимъ государемъ въ Разрядѣ о строеніи той Ряжской соборной церкви Благовѣщенья Пречистыя Богородицы и о придѣлѣхъ, и по нашему богомольцовъ вашихъ челобитью послана въ Ряжской ваша великихъ государей грамота изъ Разряду о строеньи той Ряжской соборной церкви Благовѣщенья Пречистыя Богородицы и о придѣлѣхъ къ воеводѣ князь Никитѣ Дулову, а въ той вашей великихъ государей грамотѣ написано, велѣно ему князь Никитѣ Ду-

лову тоё Ряжскую соборную церковь съ придѣлы осмотрить Ряскимъ городомъ и уѣздомъ всякихъ чиновъ людьми, а по осмотру велѣно ему князь Никитѣ Дулову тоё Ряжскую соборную церковь и придѣлы строить Ряжскимъ городомъ и уѣздомъ всякихъ чиновъ людьми. И Ряжскіе вотчиники и помѣщики и градскіе жители приговорили тоё соборную церковь строить каменную и къ приговору руки приложили, а на тоё каменную соборную церковь приговорили сбирать съ двора по 4 алтына по 2 деньги со всего Ряжскова города и уѣзду со всякихъ чиновъ людей, и онъ князь Никита Дуловъ перемѣненъ. А нынѣ, государи, въ Ряжскомъ воевода Василей Ознобишинъ безъ вашего великихъ государей указу и безъ грамоты изъ Разряду той Ряжской соборной каменной церкви строить и денегъ сбирать по приговору Ряжскова города и уѣзду со всякихъ чиновъ людей не смѣетъ. Милосердые и великіе государи, пожалуйте насъ богомольцовъ своихъ, велите, государи, тоё Ряжскую соборную церковь по своему великихъ государей указу и по приговору Ряжскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ и градскихъ жителей строить каменную Ряжскимъ городомъ и уѣздомъ всякихъ чиновъ людьми, и велите, государи, о строеніи той Ряжской соборной каменной церкви изъ Разряду съ прежняго отпуску послать свою великихъ государей грамоту въ Ряжской къ воеводѣ къ Василью Ознобишину. Великіе государи, смилуйтеся, пожалуйсте!“

Не довольствуясь написаннымъ въ своей челобитной, протопопъ самъ собрался въ Москву и, явившись въ Разрядъ, объяснилъ, что „въ Ряжскомъ-де у соборныя церкви Благовѣщенья Пречистыя Богородицы приходскихъ людей ни одного двора и руги и вотчинъ и никакихъ пожиточныхъ угодей нѣтъ, и построить-де тоё церковь опричь градскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей некѣмъ, а служать-де у той церкви онъ протопопъ, два священника, дьяконъ“.

На этотъ разъ въ Москвѣ не заставили себя долго ждать: „1694 года, Марта 23-го по указу великихъ государей бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ приказалъ въ Ряжской къ стольнику и воеводѣ послать великихъ государей грамоту, велѣть на церковное строеніе собрать съ посаду и съ Ряжского уѣзду по приговору Ряжскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и градскихъ жителей съ тѣхъ, которые въ томъ приговорѣ написаны и къ тому приговору руки приложили и съ тѣхъ, которые учнутъ платить по волѣ, а въ неволю ни на комъ въ то строенье денегъ править не велѣть“.

(Съ подлинниковъ, хранящихся *въ Московскомъ* архивѣ Министерства Юстиціи, сообщено Г. Г. Лукьяновымъ).

ПИСЬМА Я. И. БУЛГАКОВА ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ЧУЖІЕ КРАЯ КЪ СТАРШЕМУ ЕГО СЫНУ АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

Москва, 29 Генваря 1807.

О Дмитріѣ Павловичѣ[2]), что онъ здоровъ по 6 Октября передалъ я извѣстіе чрезъ Фаста его матушкѣ; ибо онъ къ ней писалъ, что она черезъ тебя и меня чаще можетъ получать о немъ извѣстія, нежели чрезъ собственныя его письма. По поводу словъ: «будучи самъ усердрый обожатель прекраснаго пола» что̀ мнѣ сказать? Повторить много разъ сказанное, что здоровье надобно беречь для переду. Никто сей храбрости не похвалитъ въ нашемъ вѣку, гдѣ можно другимъ прославиться, когда и о 50 Данаидахъ (въ одну ночь) позабыли бы давно, и о Геркулесѣ, ежели бы онъ не прославилъ себя другими 12-ю полезными подвигами. Мнѣ пріѣзжіе сказывали, и недавно Демидовъ подтвердилъ, что твоя принцесса совсѣмъ тебя изсушила. Остается мнѣ только желать, чтобы ты себя поберегъ и не забылъ пословицы, что углемъ моря не нагрѣешь: уголь погаснетъ, а море по старому останется. Погубить же здоровье на всю жизнь очень несносно. Ты самъ описываешь злость, ревность и пр. Сициліянцевъ; такъ надобно о семъ не забывать и стараться избѣгать, чтобы на тебя котораго изъ нихъ не обратилось вниманіе; но о семъ довольно. О дѣлѣ Карпова я писалъ, кажется, недавно. Сколь скоро увижу Дьякова, спрошу у него и увѣдомлю; теперь за отъѣздомъ Пушкиныхъ рѣдко съ нимъ встрѣчаюсь. Сожалѣю о Неаполѣ, яко и о всѣхъ земляхъ въ подобномъ положеніи находящихся; но сему будетъ когда-нибудь конецъ. Дай Боже, чтобы воспослѣдовалъ скорѣе! Дмитрію Павловичу отказано въ его просьбѣ оставить свое мѣсто на нѣсколько времени, видно, до оборота, какой возмутъ дѣла; а сіе пойдетъ на годъ, и ты между тѣмъ можешь здѣсь побывать, ежели сіе не испортитъ твоего при немъ положенія. Вѣроятно, что въ случаѣ его отъѣзда тебя бы онъ оставилъ повѣрен-

---

[1]) См. выше, стр. 289.

[2]) Татищевъ, начальникъ А. Я. Булгакова. Молодой пріятель Булгаковыхъ, Фавстъ Петровичъ Макеровскій, служилъ тогда въ Москвѣ, въ Почтамтѣ.

нымъ въ дѣлахъ. Полетикою не знаю почему недовольны въ Петербургѣ; хотѣли его употребить въ Цареградѣ, откуда Козловъ просится въ другое мѣсто. Но, разсудивъ, что Козловъ лучшій тамъ работникъ, Полетику опредѣлили въ Корфу. Впрочемъ я не знаю, гдѣ онъ теперь. Ты уже давно знаешь, что тебѣ дали мѣсто секретаря посольства. Желаю тебѣ дальшихъ успѣховъ. Содержаніе письма гросъ-мейстера меня порадовало, яко слѣдствіе добраго о тебѣ въ людяхъ мнѣнія, и желаю поздравить тебя кавалеромъ, въ ожиданіи того же изъ Петербурга, гдѣ сіе не такъ легко; а что̀ до насъ дошло, то наше, и не думаю, чтобы отказали тебѣ принять сей крестъ, на который однако должно просить позволенія. У Будберга[1]) я не имѣю канала; но пишу къ знакомымъ, чтобы они поразвѣдали и постарались, чтобы рекомендація не осталась тщетна, хотя и полагаю, что секрѐтарство уже было того слѣдствіемъ. Но ничего упускать не надобно. Вице-консулъ Болоньи выѣзжаетъ на сихъ дняхъ и сіе письмо везетъ до Вѣны. Онъ здѣсь женился на бѣлокурой дѣвушкѣ ростомъ съ меня, а онъ самъ съ Фаста. Она у васъ будетъ фигурою примѣтна.

Ив. Ал. Алексѣевъ былъ посыланъ въ Псковскую губернію для слѣдствія; возвратился, имъ были довольны, Государь ему пожаловалъ аренду, а въ ожиданіи вакующей[2]) приказалъ производить ему деньгами по 3.000 р. въ годъ. Онъ самъ Алексѣевъ ко мнѣ пишетъ, и я ему сорадуюсь. Отъ Болоньи, который не можетъ зажиться въ Вѣнѣ, узна̀ешь ты всѣ здѣшнія новости, образъ нашей и моей жизни, все здѣсь происходящее. Онъ человѣкъ очень хорошій и у васъ ничего не испортитъ. Меня онъ полюбилъ и часто со мною обѣдывалъ. Вотъ тебѣ письмо отъ Біянки съ поэмою въ честь Паттія. Долго онъ ее сочинялъ; но Патти, думаю, самъ не хуже его сдѣлаетъ.

*

Москва, 14 Февраля 1807.

Приступаю къ отвѣту на твое письмо; но прежде загадаю я загадку, изволь отгадать. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ женился; но кто? Я, живучи здѣсь, какъ съ неба упалъ, когда услышалъ въ первый разъ; такъ мнѣ странна показалась сія новость. Положеніе ваше, можетъ быть, теперь уже оправдалось. Побѣды наши, и частыя, и важныя, надъ Наполеономъ, можетъ быть, освободили уже Неаполь отъ гостей, которые столь тамъ непріятны были. Вамъ конечно уже изъ Вѣны сообщены всѣ происшествія Прусскія, т.-е. вступленіе въ сіе

---

[1]) Тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Т.-е. по теперешнему *вакантной*.

королевство Французовъ и наши надъ ними побѣды. Итакъ, я объ нихъ говорить не буду, тѣмъ паче, что когда сіе письмо дойдетъ, можетъ быть, дѣло совсѣмъ кончено будетъ. Княгини*) печаль не хотѣлъ я возобновить воспоминаніемъ потери ожерелья, о которомъ можно бы сочинить поэму, подражая потерянному локону волосовъ. Она оправляется и начинаетъ уже ходить, хотя еще съ постороннею помощію. За обѣщаніе коллекціи агатъ напередъ тебя благодарю; но чтобы не вышло втораго тома ожерелья; бѣда Біянкію сочинять поэму. Описаніе обхожденія Дм. Павл. съ тобою и твоего вообще поведенія меня радуетъ; но въ семъ-то положеніи и надобно быть осторожну и слишкомъ не надѣяться на то, что̀ намъ летитъ; въ твои лѣта пора уже и самому разсуждать и укрощать въ себѣ самолюбіе, котораго однако довольно, чтобы насъ сдѣлать непріятными тѣмъ, съ кѣмъ мы живемъ. Желаю отъ всей души, чтобы положеніе твое продолжалось навсегда и буду сорадоваться всякому благу, которое съ тобою случится. Ты хорошо дѣлаешь, что не хочешь отъ меня ничего таить. Кто тебѣ можетъ безпристрастнѣе совѣтъ дать? Кто тебѣ можетъ безкорыстнѣе желать добра? Сверхъ того я прошелъ сквозь огонь и воду безъ всякаго проводника. Знаю вещи, цѣну и пр. всему; но и я признаюсь, что въ 25 лѣтъ казалось мнѣ хорошо, славно, похвально, прибыльно, а теперь о многомъ думаю, какой я дуракъ былъ. Слава Богу, что помогъ мнѣ ничего такого не сдѣлать, отъ чего бы мнѣ теперь было стыдно. Секретарство и жалованье ты получилъ, и сего бы, кажется, и довольно. Писалъ я однако въ С.-Петербургъ; мнѣ отвѣчаютъ точно то, что̀ я самъ себѣ отвѣчалъ: теперь довольно. А для переду надобно, чтобы министръ при способномъ случаѣ чрезъ нѣсколько времени опять, ежели ты будешь достоинъ, представилъ, сказавъ, что онъ не почитаетъ данную тебѣ должность секретаря награжденіемъ, ибо ты имѣлъ уже чинъ выше, а должность отправлялъ давно, не пользуясь выгодами, съ нею сопряженными. «Впрочемъ, прибавляетъ мой пріятель (ибо я его слова писалъ, хотя и самъ то думалъ), я буду искать случая расположить къ нему министра и уважить представленіе Татищева».

Отгадалъ ли ты, кто женился? 10-го Февраля былъ у меня обѣдъ; всегдашній гость не пріѣхалъ, а пріятель его, Бечи, и сей задалъ мнѣ загадку. Въ тотъ же день обвѣнчался Біянки съ одною Французенкою въ 40 лѣтъ и съ 20 т. р. приданаго; имяни ея не упомню. Его по сей день не видалъ; но впредь все опишу, а теперь бумаги нѣтъ. Прости, любезный Александръ; обнимаю тебя сердечно и надѣюсь, что ты не женишься à la Bianchi.

*

*). Голицыной.

Москва, 25 Февраля 1807.

13-го Февраля вышелъ манифестъ, учреждающій для нижнихъ чиновъ военныхъ и рядовыхъ, въ сухопутной и морской службѣ, кавалерской орденъ подъ званіемъ *знакъ отличія военнаго ордена:* серебряный крестъ, въ кругу котораго на одной сторонѣ изображеніе на конѣ Св. Георгія, съ другой вензель онаго. Носить на лентѣ шелковой Георгіевской. Съ нимъ каждый унтеръ-офицеръ, рядовой, матросъ и пр. за отличности, которыя всѣ въ манифестѣ прописаны, получаетъ жалованье одною третью больше обыкновеннаго. Ежели отличится въ другорядъ, двѣ трети, ежели еще—полное жалованье въ прибавку къ настоящему, по смерть и даже въ отставкѣ; а по его смерти—женѣ на одинъ годъ [1]).

Біянки былъ у меня и хотѣлъ привезти жену, но она нездорова. Она Француженка, была гувернанткою въ Петербургѣ, а здѣсь у Щепотева, у Давыдовой, вдова послѣ Ребюфета, а по отцѣ Маскле. Братъ ея aumônier de l'ordre de Malthe въ Петербургѣ; другой—офицеръ, за котораго вышла большая барыня Глафира Ивановна Ржевская, славная воспитанница монастырская, фаворитка Бецкаго и даже покойной Государыни [2]). Біянки показываетъ себя весьма довольнымъ; говоритъ, что имѣетъ она 30 т. р., а въ свадьбу подарила ему 10 т. и, кажется, прежде, ибо послѣ, можетъ быть, и раздумала бы. Когда ее увижу, скажу тебѣ больше.

О побѣдахъ нашихъ вамъ, конечно, уже извѣстно черезъ Вѣну. Теперь у насъ масляница, и праздникамъ нѣтъ конца.

*

Москва, 18 Апрѣля 1807.

Радуюсь, что ты живъ и здоровъ, ибо давно не имѣлъ о тебѣ никакого извѣстія. Радуюсь твоему въ Мессину путешествію; радуюсь хорошеству нашей эскадры, желаю ей всѣхъ успѣховъ и особливо того, чтобы наша морская сила могла вскорѣ сказать Аглинской: не шуми! Извѣстіе о Дмитріи Павловичѣ сообщилъ я въ его фамилію. Она была тѣмъ довольна, но его почитаетъ лѣнивымъ. Прощаю тебя и разрѣшаю навсегда не поздравлять съ праздниками. Сіе попусту отнимаетъ много время и нимало не доказываетъ, чтобы поздравляющій

---

[1]) Въ это же самое время, когда Наполеонъ приближался къ Русской границѣ, рѣшено было, для возбужденія любви къ отечеству, воздвигнуть въ Москвѣ памятникъ Минину и Пожарскому. Но прошло три мѣсяца, и наступила дружба съ Французами, такъ что ваятель Мартосъ могъ не торопиться, и памятникъ на Красной площади открытъ только черезъ 11 лѣтъ.

[2]) См. ея Записки въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года. Князь Вяземскій тогда же писалъ про нее:

„Мадамъ Маскле живетъ въ Москвѣ
И кофе пьетъ въ стаканѣ".

насъ любилъ и говорилъ правду. Но есть люди, кои чинятъ худыя заключенія о такихъ, кто ихъ не поздравляетъ. Меня прошу исключить изъ ихъ числа. Я въ жизнь мою не писалъ ни одного письма съ поздравленіемъ новаго года, а все не зачахъ. Это любятъ тѣ, у кого никакого дѣла нѣтъ; а у кого дѣла нѣтъ, тотъ и намъ не можетъ быть ни полезенъ, ни пріятенъ. Есть однако и на сіе исключеніе, какъ на все; но долго бы было сію матерію толковать, и ты дѣлай что̀ заблагоразсудишь. Впрочемъ, и безъ поздравленія я нимало не сомнѣваюсь, что ты мнѣ желаешь всякаго добра; ибо сверхъ всего мое добро разольется на васъ, когда я вами доволенъ. Увидѣться съ тобою, конечно, и я искренно желаю; но торопиться тебѣ не по что̀, а лучше сообразоваться временному положенію и не испортить того, чѣмъ ты теперь пользуешься. Правда, что никто не знаетъ своего конца; но кажется, что нѣтъ причины и мнѣ разстаться съ вами, не видѣвшись еще хотя одинъ разъ. Есть люди, которые живутъ и долѣе меня; а по нынѣшнему моему состоянію кажется, что и я могу еще попользоваться симъ свѣтомъ нѣсколько лѣтъ.

Совѣтую и прошу тебя отправлять должность съ ревностію, усердіемъ и вѣрностію, не для того, чтобы начальники твои имѣли причину тебя рекомендовать, но потому, что все оное никогда не пропадетъ; ибо кто искренно служитъ Государю и отечеству, тотъ не остается безъ воздаянія. Да ежели бы воздаяніе по какому - либо случаю и не воспослѣдовало, то какъ пріятно и легко утѣшаться, что мы все должное сдѣлали. Впрочемъ все сказанное тобою разсужденіе я одобряю, и не думай, чтобы посредственность дарованій была нетерпима и мало приносила пользы отечеству; она-то ее и приноситъ, а прочее есть фейерверкъ: когда сгоритъ, все и забыто, а оказанная услуга никогда не погасаетъ. Итакъ, продолжай держаться сего правила. Не всякій день праздникъ. Но у кого всякій день не праздникъ, тотъ въ праздникъ бываетъ довольнѣе, счастливѣе и въ своемъ вѣрнѣе.

Теперь у меня въ Петербургѣ никого нѣтъ. Послѣдніе Алексѣевъ и Тургеневъ посланы по комиссіямъ въ Литву, и я совсѣмъ осиротѣлъ.

P. S. Чуть не позабылъ. Давно ты ко мнѣ писалъ о дѣлѣ Петра Ивановича[1]). Не могъ я отыскать Дьякова; но на сихъ дняхъ, говѣя у Пушкина[2]), съ нимъ встрѣтился. Онъ меня увѣрилъ, что дѣло кончено,

[1]) Карпова, бывшаго передъ тѣмъ начальникомъ А. Я. Булгакова въ Неаполѣ.

[2]) Т.-е. въ домовой церкви графа А. И. Пушкина, на Разгуляѣ, гдѣ нынѣ Вторая Гимназія.

т. е. что деревня 70 душъ утверджена Петру Ивановичу. Остался только вексель; но онъ надѣется доказать фальшивость его, и дѣло теперь въ здѣшнемъ Сенатѣ. Сверхъ того, обѣщалъ прислать ко мнѣ письмо, въ которомъ все объяснитъ. Ежели передъ почтою пришлетъ, приложу его здѣсь. На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Петербурга (на время отсутствія Государя) Ваня Пушкинъ говѣть и разговѣться съ родными. А братъ его Александръ данъ въ секретари Ив. Ал. Алексѣеву, который уполномоченъ для разныхъ комиссій въ нашихъ Польскихъ губерніяхъ и теперь находится въ Гроднѣ и съ женою.

*

Moscou, 11 Іюля 1807.

Я безпрестанно разъѣзжаю по деревнямъ и потому умедлилъ тебѣ отвѣчать такъ долго; да и сіе пишу въ Валуевѣ у Пушкиныхъ, дабы, возвратясь въ Москву, отправить, ибо и тамъ время проходитъ не знаю какъ. Примусь теперь перечитывать твои милыя письма и отвѣчать на статьи, того требующія. Я совершенно доволенъ причинами, для которыхъ откладываешь ты свое отправленіе въ Москву, и хвалю тебя, что ты остановился. Ежели Богъ позволитъ, увидимся, хотя и не такъ скоро; а ты бы, конечно, все испортилъ, ежели бы поторопился; и такъ, по сей матеріи будь спокоенъ. Сорадуюсь, что Дмитрій Павловичъ продолжаетъ быть къ тебѣ благосклоненъ. Когда однажды ты пріобрѣлъ таковое его благорасположеніе, остается теперь его не потерять и пріумножить; а сіе дѣлается продолженіемъ исправности въ поручаемыхъ намъ дѣлахъ, въ уваженіи особы своего начальника и въ добромъ всегда поведеніи. Сколько онъ ни друженъ, ни на минуту не надобно забывать, что онъ твой начальникъ, и въ соотвѣтствованіи даже на его ласки употреблять тонъ почтенія и преданности, а не братства и равности. Сего для тебя, кажется, довольно, и я говорить больше не буду. Князь Репнинъ живетъ теперь у тестя въ Горенкахъ, возвратясь изъ Нижняго. Я его самъ давно не видалъ, но газету твою до него черезъ другого доставилъ. Саду моему всѣ удивляются, а я радуюсь; право, не хочется изъ него выйти. Но увы! 24 каштановыя дерева всѣ пропали; осталось одно маленькое, и я съ прежняго перенесъ на него твое имя. Кажется, что оно добрѣетъ съ того времени, какъ узнало, что ты секретарь посольства.

Приключеніе твое важнѣе, нежели ты думаешь, и даже глупо, доказывая твою неопытность. Не знаю, кто Евангелистъ; но никогда писать не надобно. Хорошъ ты былъ въ мужицкомъ платьѣ! Ты и тутъ не видалъ хитрости: чего легче принудить жену написать, дабы заманить тебя въ свои руки. Ой, молодежь! Ежели теперь съ рукъ

сошло потому, что, уважая твое мѣсто, не смѣли тебѣ отомстить; то они столь злопамятны, что черезъ 10 лѣтъ и въ другой землѣ должно опасаться кинжала сзади или яда въ кофе. Прошу тебя быть поосторожнѣе, поскромнѣе и не вдаваться въ опасности, и для чего? Для женщины, которыхъ на свѣтѣ столько же, сколько и мужчинъ. Не любовь, а влюбчивость есть вещь, похожая на молоко, которое лѣтомъ черезъ три дня прокиснетъ, а зимою замерзнетъ; слѣдовательно, не стоитъ труда, чтобъ за нее подвергать свою жизнь или спокойствіе дней своихъ. Я самъ былъ молодъ, почти всегда счастливъ, все удавалось и ни въ чемъ не раскаеваюсь: ни одной не обѣщалъ вѣчной вѣрности, ибо она такъ же рѣдка, какъ трактаты вѣчной дружбы, изъ коихъ немало я самъ подписалъ и кои успѣлъ пережить. Кажется, сего тебѣ довольно.

Возвратясь въ Москву, нашелъ я все въ движеніи: Тутолминъ получилъ рескриптъ отъ Государя о заключеніи 27 Іюня съ Франціею мира. Сказано въ немъ: возстановлено блаженное спокойствіе, неприкосновенность и безопасность границъ Россійскихъ охранена новымъ приращеніемъ и пр. Послалъ бы все печатное, но почта дорогà, и такъ въ короткѣ скажу: учреждены празднества. 7-го объявленіе о мирѣ пушками, благодарные молебны, обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія, данный Тутолминымъ, городъ иллюминованъ. 8-го спектакль даромъ на Русскомъ театрѣ. 9-го гулянье по всему бульвару съ иллюминаціею, музыкою, пѣснями и пр. 10-го въ Благородномъ Собраніи маскарадъ для всѣхъ (выдано 4000 билетовъ, вотъ и твой), ужинъ, иллюминація. 11-го гулянье на Прѣсненскихъ прудахъ, съ музыкою, иллюминаціею, фейерверкомъ на водѣ. 12-го Французскій спектакль даромъ. 13-го гулянье въ Дворцовомъ Саду съ музыкою и освѣщеніемъ. 14-го купечество угощаетъ въ Брюсовской дачѣ въ Сокольникахъ обѣденнымъ столомъ. На полѣ для народа увеселенія, театры, качели и пр.; садъ иллюминованъ съ картинами и фейерверкомъ. Теперь все въ движеніи, и сегодня мнѣ хлопотъ много будетъ; но я всѣ отправленія печатаю, ибо не спавъ ночь, просплю весь день завтра, Четвергъ, когда почта отходитъ. Не знаемъ еще, въ чемъ состоитъ миръ; но здѣсь между прочимъ говорятъ, что Неаполь возвращается попрежнему королю. И такъ, скоро и вы возвратитесь туда.

*

Москва, 12 Сентября 1807.

Я, слава Богу, здоровъ. Августъ былъ лучше и теплѣе всего Іюля; я весь его проѣздилъ: былъ у Нарышкиныхъ, Хованскихъ, Трубецкихъ, Херасковыхъ и пр. Княжна Софья перестала быть княжною 1-го Сентября; но всѣ они еще въ деревнѣ. Теперь началась стужа и

дождь и, кажется, нельзя уже къ нимъ ѣхать. Много я писалъ новостей къ брату и велѣлъ ему сообщить ихъ къ тебѣ; но сіе можетъ дойти къ тебѣ прежде, и я что-нибудь скажу. Князь Александръ Алекс. Прозоровскій, графъ Иванъ Вас. Гудовичъ—фельдмаршалы. Графъ Ник. Петр. Румянцовъ на мѣсто Будберга министромъ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Васильевъ умеръ, но его мѣсто еще не занято.

*

Москва, 14 Октября 1807.

Гдѣ вы? Что̀ дѣлаете? Куда обратитесь? Здѣсь ничего узнать нельзя. У насъ еще довольно тепло; мы рады, когда случится хоть небольшой морозъ, ибо безъ него отъ грязи проѣхать нельзя. Тимоѳею Ивановичу Тутолмину присланъ наконецъ Андреевскій орденъ. Александръ Львовичъ Нарышкинъ отпущенъ за границу на два года. Хованскіе, Нарышкины еще въ деревнѣ.

*

Москва, 21 Октября 1807.

Получилъ я письмо отъ брата, все изъ Тенедоса, какъ бы изъ другаго свѣта *). Оно было въ дорогѣ три мѣсяца.

Государь ѣздилъ всюды для осмотра армій и уже изъ Витебска возвратился. Здѣсь вчерась выпалъ страшный снѣгъ, и чуть не станетъ ли зима, ежели морозъ ее подкрѣпитъ. Княгиня выздоравливаетъ. Князь похоронилъ дядю и вступаетъ въ его владѣнія. Я, слава Богу, здоровъ, и меня ничто не безпокоитъ кромѣ полученія объ васъ извѣстія. Дай Богъ, чтобы сіе нашло тебя здоровымъ, ибо я люблю обнимать здоровыхъ, а не больныхъ.

*

Москва, 27 Апрѣля 1808.

Не получая отъ тебя извѣстія около пяти мѣсяцевъ, я страдаю мыслями: не сдѣлалось ли съ тобою какого несчастія, а потому и самъ уже къ тебѣ не писалъ съ 6-го Февраля. Братъ равномѣрно ничего о тебѣ не знаетъ, а обо мнѣ къ тебѣ пишетъ, когда и не приложу я къ тебѣ письма. На сихъ дняхъ читаемъ мы въ чужестранныхъ газетахъ, что вы высланы изъ Палермы и отправились въ Чивита-Векхію, что королева Сицильская объявила намъ войну, а король уѣхалъ въ Мальту. Ежели сіе правда, то бы я успокоился; но куда вы дѣвались и доѣхали-ль въ Италію благополучно? Какъ бы, кажется, въ Вѣнѣ о томъ уже не знать, когда газеты говорятъ? Дай Богъ, чтобы сумнѣніе мое скорѣе рѣшилось!

*) Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, служившій при посольствѣ въ Вѣнѣ, ѣздилъ съ Поццо-ди-Борго на эскадру Сенявина, которая въ тогдашнюю нашу войну съ Турками находилась въ Греческихъ водахъ.

Ты у меня нѣкогда спрашивалъ о наслѣдствѣ г. Карпова. На сихъ дняхъ говорилъ я о томъ съ Дьяковымъ. Онъ мнѣ сказалъ, что дѣло его въ общемъ собраніи въ Московскомъ Сенатѣ. Но какъ ихъ разсматриваютъ по порядку ихъ вступленія, то должно ждать по реестру мѣсяцевъ шесть, пока до него дойдетъ, и ежели рѣшится въ пользу г. Карпова, то Дьяковъ будетъ имѣть причину начать тяжбу и о Тамбовскомъ имѣніи, состоящемъ почти во 100 душахъ, и спросить: по какому праву соперница имъ завладѣла (ибо инаго нѣтъ), какъ и на прочее, отсужденное отъ нея Сенатомъ. Ты можешь ему сіе сообщить или пересказать, ежели онъ съ вами.

Середа 22 Апрѣля была для меня днемъ счастія и утѣхи. Наконецъ отыскался мой милый и любезный Александръ! Первое извѣстіе прислала ко мнѣ княгиня, сообща письмо отъ князя Сергѣя Ивановича*); второе — Пушкины, получа оное отъ Вани; третье—отъ Багмевскаго, который доставилъ мнѣ письмо отъ брата и твое № 124 изъ Вѣны. 23-го опять отъ тебя письмо изъ Петербурга № 1. Князь Сергѣй Ивановичъ льститъ, что̀ онъ со всѣми вами явится здѣсь къ 1-му Мая. Хорошо бы, но не надѣюсь. Поуспокоя немного сладкія мысли, стану къ тебѣ писать, что̀ придетъ на умъ; а отъ разстроенной головы порядка ожидать нельзя. Ты много потерпѣлъ въ мореплаваніи; но здраво почитаешь его за науку. Благодареніе Богу, что выѣхалъ цѣлъ и здоровъ. Ежели бы былъ съ тобою Патти, онъ бы сочинилъ изъ твоихъ приключеній новую Одиссею. Апартаментъ тебѣ готовъ въ библіотекѣ и подлинно великолѣпный, а при томъ и наполненный жителями: не знаю, откуда появились мыши и сею зимою упражнялись въ книгахъ. Но кто не боялся китовъ, то можетъ ли бояться мышей? Впрочемъ мыши бѣгаютъ отъ пѣтушьяго пѣнія.

Петербургъ сіяетъ на челѣ (письма̀ твоего)! Сорадуюсь хорошему твоему отъ всѣхъ пріему. Подлинно отпускъ твой на годъ не можетъ тебѣ въ службѣ повредить, когда миссія ваша рушилась; но боюсь, чтобы не управили тебя въ Неаполь. Не знаю, какъ и куда послать сіе письмо, ибо ты не пишешь, гдѣ живешь; да это въ суетахъ простительно. Къ князю адресовать боюсь, не уѣхалъ ли. Пошлю къ Алекс. Васильевичу. Нельзя, впрочемъ, повѣрить, чтобы вы могли здѣсь быть къ 1-му Мая на гулянье. А хорошо бы! Мы тамъ обѣдаемъ съ Хованскими и пр. на пикникѣ подъ палатками; удивилъ бы всѣхъ, ежели бы явился; но сему быть невозможно: изъ Петербурга не выѣзжаютъ, когда хочется. У насъ теперь совершенное лѣто. Сколь скоро тебя я прижму къ сердцу, то станемъ часто гулять, повсюду разъѣзжать. Можетъ быть, я тебя не узнаю; но то вѣрно, что меня ты, конечно, не узнаешь.

---

*) Голицына, женатаго на племянницѣ Я. И. Булгакова, Приклонской.

Я такъ состарѣлся и одряхлъ, что ни во что̀ не гожусь; да будучи одинъ, и гуляньями мало пользуюсь. Не узнаешь также ты ни сада, ни дома: много есть въ нихъ новаго.

*

Москва, 30 Апрѣля 1808.

Библіотеку теперь кроютъ желѣзомъ и ежели тебѣ будетъ безпокойно, то на всякій случай велѣлъ я приготовить въ большомъ домѣ покои Анны Петровны[1]), которой, по ея сумасшествію, не ожидаю скоро, хотя и обѣщается она пріѣхать симъ же лѣтомъ. Прочти мое письмо къ Катеринѣ Любимовнѣ. Остерегись, чтобы Александръ Васильевичъ[2]) тебя не обманулъ, т. е. обѣщаясь ѣхать завтра, не продержалъ бы тебя мѣсяцъ. Онъ на все способенъ.

*

Москва, 7 Мая 1808.

Ежели твой отпускъ не воспослѣдовалъ прежде несчастнаго нашего траура, то можетъ задлиться, и я стану продолжать къ тебѣ писать каждую почту; но не меньше съ нетерпѣніемъ буду тебя ждать. Жаль, что ты сегодня не здѣсь: ко мнѣ назвались всѣ Хованскіе, княгиня и пр., человѣкъ до 30-ти.

Анна Петровна Самарина пишетъ ко мнѣ по поводу Николаши и жалуется, что ты у нея не былъ. Татищевъ сюда пріѣхалъ; но я его еще не видалъ; да теперь и нужды нѣтъ.

*

Москва, 11 Мая 1808.

Въ Четвергъ 14-го, праздникъ Вознесенія, есть на нашей улицѣ праздникъ; у меня будетъ обѣдъ; хорошо, ежели бы ты къ сему подоспѣлъ. Князь Сергѣй Ивановичъ переѣхалъ вчерась въ свой домъ въ Сущовѣ, а Дмитровскій отдалъ въ наемъ подъ свадьбы и послѣ продастъ. Братъ думаетъ, что ты здѣсь и велѣлъ тебѣ сказать, что Татищевъ пишетъ къ князю о скоромъ твоемъ прибытіи въ Вѣну.

Помнишь ты аббата Рампацо? Здѣсь была m-me Пикъ и отъ него очень кланялась съ тѣмъ приложеніемъ, что ежели онъ потеряетъ послѣднее мѣсто (т. е. служить обѣдни у Португальскаго министра), то послѣднее убѣжище будетъ у меня. Онъ, сказываютъ, въ крайней бѣдности. Найди ты его и скажи ему, что я тому буду радъ; но какъ мѣсто и у меня невѣрно, ибо никто не обѣщалъ мнѣ прожить сто лѣтъ, то я тотчасъ его пристрою въ сосѣдствѣ, а именно въ

---

[1]) А. П. Колтовская, родственница Булгакова, которая по смерти его завела тяжбу съ его сыновьями о наслѣдствѣ и выиграла ее.

[2]) Приклонскій.

Католицкой церкви, гдѣ теперь нѣтъ священника для Итальянцевъ. Всѣ ему будутъ рады, какъ то: Біянки, Бечи и проч. Не только надѣюсь, но прочіе два священника, мои пріятели, мнѣ обѣщали его принять, дать ему квартиру, столъ и 300 р. на годъ. Перескажи ему все сіе, и я бы желалъ, чтобы онъ поспѣшилъ предложеніемъ воспользоваться. Какъ у него дѣла будетъ мало, то можетъ давать уроки по домамъ, ежели захочетъ умножить свое благосостояніе; впрочемъ, у меня бывать можетъ почти ежедневно, когда я дома обѣдаю. Онъ бы былъ мнѣ полезенъ для компаніи, для библіотеки, для прогулокъ и пр. Ежели сіе письмо тебя застанетъ, пожалуй исполни мою комиссію.

*

Москва, 14 Мая 1808.

Пускай Патти напишетъ поэму о покупкѣ княземъ худой коляски. Cela vaut la boucle enlevée. Твоему храбрецу постеля готова и чуть не лучше ли твоей. По крайней мѣрѣ онъ ниже во снѣ не потребуетъ бросить якоря, ибо она самая низкая. Ты съ мышами воевать не будешь. Ты будешь жить въ покояхъ Анны Петровны. А когда она соберется ѣхать, то перейдешь въ библіотеку, которая къ тому времени поспѣетъ и гдѣ тебѣ будетъ очень хорошо. Хорошо ты сдѣлалъ, ежели побывалъ у всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Мысль твоя о Минхенѣ разсмотрится здѣсь. Ежели министръ старый, то лучше жить съ Паттіемъ. Посланіе твое глупому Евсевію отдалъ; онъ у меня при буфетѣ и все перебилъ. Глупъ, но интригантъ и тебѣ не годится. Здѣсь найдешь ты, кому тебѣ служить. Карета также готова, какъ и все прочее.

Сегодня посылаю я къ Ив. Алексѣевичу 1.000 р. для Анны Петровны и прошу его тебѣ ихъ отдать для отвезенія къ ней. Она должна тотчасъ выѣхать изъ Петербурга или я съ сумасшедшею перерву даже и переписку.

Почта пришла; отъ тебя писемъ нѣтъ. У меня обѣдаютъ человѣкъ 30: Пушкины, Волковы, Щербатовы и пр. За столомъ сестра получаетъ письмо отъ Ал. Вас., который пишетъ, что ты отпущенъ, но дожидаешься изъ Коллегіи денегъ. Удержалъ нарочно почту, но теперь нечего ждать. Прости, дай Богъ скорѣе тебя видѣть.

*

Москва, 16 Іюля (1808).

Ночевавъ двѣ ночи у Нарышкиныхъ, двѣ у Пушкиныхъ, пріѣхалъ я вчерась ввечеру домой и нашелъ разныя письма, между коими и твое, любезный мой Александръ, отъ 12-го. Какъ я ѣхалъ не для театра, то и разстройка ваша меня не трогаетъ. Кажется, что выѣду я въ Понедѣльникъ 20-го (ежели дождя, снѣга или чего другаго не бу-

деть), ночую въ Очаковѣ. 21-го отправимся съ Нарышкиными и ночуемъ на дорогѣ; 22-го въ Горбовѣ[1]); привезу съ собою и попа. Je ne réponds pas aux princesses. Dites leur de ma part tout ce que je sens. Elles écrivent si vite et si mal que je me tue à les déchiffrer; il faut bien que je me charge de leur enseigner à former les lettres de l'alphabet. M-me de Sokovnine s'est tiré d'affaire du chandelier divinement et mériterait une épître en réponse; mais je suis si fatigué, la tête si lourde, l'imagination engourdie et d'ailleurs vous êtes mon ambassadeur à Gorbowo. Il faut vous laisser exercer votre fonction. Dites leur donc, à commencer par le prince, mille choses, et vous finirez par le fou. Je suis si aveugle que j'ai lu dans la signature des deux soeurs *Natalie poulet* et il s'est trouvé *Pauline.* Elle ne m'a pas dit un mot; je m'en souviendrai en tems et lieu. J'ai trouvé une lettre de Pozzo-di-Borgo; je vous l'envoye[2]). Lisez aux princesses l'article qui les regarde.

Алексѣевъ пишетъ ко мнѣ о тебѣ, но письма послать не могу: можетъ быть, къ Понедѣльнику стану ему отвѣчать. Сегодня обѣдали у мени Нарышкины, Милашевичевы, Тургеневъ и пр. Нарышкина не ѣдетъ въ Горбово, потому что вдова Дарья Николаевна, избѣгая визитъ, коихъ однако не отъ кого ожидать, переѣзжаетъ въ Очаково къ ней жить. Сверхъ попа ѣдетъ къ вамъ княгиня съ княземъ, а я привезу Тургенева: съ нимъ мнѣ много говорить, а здѣсь некогда. Ваши хозяева будутъ имъ довольны, ибо рѣдко можно найти столь достойнаго молодаго человѣка. Будетъ къ вамъ также Ренкіевичъ.

*

Москва, 25 Генваря 1809.

Разставшись съ небольшимъ тому сутки, нечего мнѣ тебѣ новаго сказать. Вчерась былъ я у Катерины Любимовны[3]) и нашелъ, что она похудѣла противъ прежняго, но по крайней мѣрѣ увѣряла, что ей легче. Завтра будетъ катанье у князя Сергѣя Ивановича; пріѣзжалъ звать, но, кажется, я не поѣду, боясь простудиться, ибо и сегодня 15° мороза. Онъ у меня спрашивалъ, не оставилъ ли ты часовъ? Я отвѣчалъ, что ничего не знаю, и видно, что ты позабылъ ихъ оставить за суетами, а что могу къ тебѣ написать, чтобы ты ихъ прислалъ. Онъ промолчалъ. Сейчасъ принесли ко мнѣ изъ твоихъ покоевъ разныя

---

[1]) Подмосковная князя Василья Алексѣевича Хованскаго, о дочеряхъ котораго Софьѣ (Соковниной) и Прасковьѣ говорится далѣе.

[2]) Поццо-ди-Борго пріѣзжалъ тогда въ Москву и останавливался у Я. И. Булгакова.

[3]) А. Я. Булгаковъ перевезъ свою больную мать въ Москву изъ Петербурга и помѣстилъ ее въ особомъ домѣ съ двумя дочерьми ея, Шумлянскими.

картинки и твой красный porte-feuille, который я тебѣ подарилъ. Удивительно, что ты его съ собою не взялъ, и chiffonnière, гдѣ онъ лежалъ, не запертъ.

*

Москва, 28 Генваря 1809.

Сегодня я и не думалъ къ тебѣ писать; но, получа письмо отъ брата *), хотѣлъ тебѣ сообщить его содержаніе, котораго я и самъ не понялъ. Говоритъ онъ: «Я хотѣлъ отвѣчать вамъ подробно съ Пиніемъ; но вчерась графъ Салтыковъ (не знаю, кто и какой) увѣдомилъ меня, что онъ черезъ два дни поѣдетъ прямо въ Москву и чрезвычайно туда спѣшитъ по дѣламъ своимъ, а остановится только на одинъ день въ Кіевѣ, слѣдовательно мое письмо (видно № 1) скоро до васъ дойдетъ». Кажется, что Салтыковъ, не иной какъ графъ Петръ Ивановичъ, хотя еще не пріѣхалъ, а письмо Пиній прислалъ ко мнѣ изъ Петербурга по почтѣ. Константинъ или влюбленъ, или былъ пьянъ, ибо на пакетѣ написалъ ко мнѣ *къ его сіятельству*, а въ самомъ письмѣ говоритъ *графиня Салтыкова*. Удивительно также, что по 26 Декабря онъ еще не получилъ ордена Св. Владимира. Съ Пиніемъ онъ мнѣ прислалъ коробку хлопушекъ; отыщи ее и перешли ко мнѣ на тяжелой почтѣ, что̀ можешь исполнить чрезъ Оденталя. Фастъ ко мнѣ ласкается больше прежняго; но сіе ему не помѣшало выиграть у меня больше 500 р.

*

Москва, 4 Февраля 1809.

Вчерась обрадованъ я былъ первымъ твоимъ изъ Петербурга письмомъ отъ 28-го. Благодарю тебя за всѣ подробности пути и первыхъ часовъ твоего пребыванія. Радуюсь, что ты здорово доѣхалъ; ибо носъ, видно, не такъ сильно отзнобилъ, когда о томъ шутишь. Все тобою описанное изъ разговоровъ Ивана Алексѣевича и Боголюбова также меня веселитъ и подаетъ надежду въ успѣхѣ нашихъ желаній. Въ сіи дни ты конечно со многими видѣлся и что-нибудь началъ. Я нигдѣ не бываю, но измученъ и сегодня заперся, дабы отдохнуть и къ тебѣ написать. Кибитка твоя стоитъ похвалы, и желаю, чтобы окончаніе твоихъ дѣлъ дозволило ей послужить и на возвратный путь. Чудакъ Жеромбо уже здѣсь; былъ во Вторникъ въ Собраніи съ своимъ медвѣдемъ и мертвою головою. Ходили за нимъ станицею, какъ за чучеломъ; но сіе бы ничего, а сказываютъ, что онъ началъ уже дѣлать грубости и досаждать. Я тебѣ очень благодаренъ за его исторію: зная

*) Младшій Булгаковъ, Константинъ Яковлевичъ, пріѣзжалъ въ Москву изъ Вѣны, куда и возвратился потомъ, черезъ Петербургъ; старшій, Александръ Яковлевичъ, также ѣздилъ туда и выхлопоталъ себѣ опредѣленіе на службу въ томъ мѣстѣ, гдѣ и началъ ее, т.-е. въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

ее, знаешь какъ въ случаѣ поступить. Онъ привозилъ къ князю В. А. письмо отъ брата; его не было дома, а княжны принять не могли. Онъ разсердился. Выслали съ нимъ трактовать Голубицкую, ибо она говорить по-нѣмецки. По долгомъ спорѣ онъ пошелъ и бросилъ письмо людямъ на лѣстницѣ для отдачи. Дабы объ немъ кончить, однажды я прочесть успѣлъ твою объ немъ статью княжнамъ. Жаль, что у моего камергера отмерзла лучшая часть его тѣлодвиженій, нижняя; однако и тутъ успѣлъ онъ пасть къ ногамъ. О королевѣ Прусской [1]) говоришь ты многое, чего я отъ другихъ не зналъ; также и о Дюпорѣ, котораго сюда ожидаютъ; но сіе, кажется, невѣроятно, ибо ему одному танцовать нельзя, а завозить сюда весь балетъ было бы тяжело. Все то, что̀ тебѣ разсказывалъ Боголюбовъ, очень хорошо, лишь бы была правда. Алекс. Васильевичу сказалъ, чтобы готовилъ деньги на плюмажъ; дай Богъ, чтобы сіе исполнилось. Княжнѣ Натальѣ сообщилъ до нея касающееся, и вотъ ея отвѣтъ въ подлинникѣ, дабы не переписывать. Нарышкинымъ, которые послѣ послѣдней почты присылали навѣдываться о тебѣ, я писалъ. Онъ тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ и между прочимъ сказывалъ, что сестру свою [2]) помолвилъ за Бальмена. Въ день твоего отъѣзда 24-го былъ у меня обѣдъ для Энгелардовъ; на него набралось больше 20 человѣкъ, между прочими С. П. Татищевъ, князь Урусовъ, Милашевичъ и пр. и пр. Тутолминъ наконецъ выѣхалъ въ Петербургъ, обѣщая постараться о мѣстѣ для Ал. Вас., а потомъ поѣхалъ и Валуевъ. Пріѣхала сюда княгиня Алена Ник. Вяземская, много и хорошо о тебѣ говорила; она по всѣмъ праздникамъ ѣздитъ; съ нею Constance Влодекъ, прекрасная и премилая; мы возобновили знакомство. Маркетти у князя Н. А. Голицына давала родъ оперы, на которой никого не было. Отъ Тургенева я получилъ отвѣтъ in folio на прошлогоднее письмо; онъ все доказываетъ, что писалъ къ тебѣ, къ Оливарію, къ брату по три раза. Поццо взялъ отъ меня двѣ посылки и имѣлъ выѣхать въ Вѣну третьяго дня. Лубяновскій ѣдетъ въ Малороссію на будущей недѣлѣ, а оттуда опять проѣдетъ черезъ Москву.

*

Москва, 8 Февраля 1809.

Весьма радуюсь хорошему пріему тебя у тѣхъ, отъ коихъ зависитъ исполненіе твоихъ желаній. Не упущай ничего, чтобы скорѣе успѣть: проси, кланяйся всѣмъ, отъ кого зависитъ. Барыни лучшія помощницы. Отзывы Салтыкова меня веселятъ, надобно ими воспользоваться. Крестъ Ан., который даютъ и генераламъ, и козацкимъ хо-

---

[1]) Жившей тогда въ Зимнемъ дворцѣ.

[2]) Марью Васильевну, впослѣдствіи вышедшую вторымъ бракомъ за А. Д. Олсуфьева.

рунжимъ, для тебя ничего не значитъ; а ежели бы произвели тебя съ прибавкою жалованья, это всего лучше. Проси о томъ самъ и черезъ другихъ Салт(ыкова). Дай Богъ, чтобы сіе скорѣе кончилось. Ежели затянется, бѣда. Больше о семъ не говорю.

Не знаю, откуда ты взялъ, что Фризеля ушибъ параличъ. На прошлой недѣлѣ князь С. И. получилъ отъ него письмо, что онъ сюда ѣдетъ.

Братъ пишетъ, что Штакельбергъ увѣдомилъ ихъ изъ Дрездена, что онъ посломъ въ Вѣнѣ, и далъ имъ разныя препорученія.

*

Москва, 11 Февраля 1809.

Вчера, какъ ложился я спать, прислала ко мнѣ графиня Чернышова твой пакетъ № 4 и братню посылку. Я тотчасъ отправилъ приложенное къ Нарышкину и къ Катеринѣ Любимовнѣ. Они отданы имъ въ руки. Въ коробочкѣ, содержащей хлопушки, коими я очень доволенъ, нашелъ я письмецо, коего адресъ разобрать нельзя. Писала видно безграмотная женщина, ужъ не къ твоему ли Антонію? Прилагаю его. Ежели не къ нему, то такъ и быть. Мнѣ невозможно найти здѣсь человѣка, котораго не знаю имяни.

Я самъ никогда о себѣ не просилъ и теперь сожалѣю. Получилъ бы Богъ знаетъ что̀; но по правиламъ морали думалъ, что другіе должны догадаться и за меня выхаживать. Ты не говоришь, въ чемъ состоитъ докладъ; но ежели получишь чинъ, жалованье и переводъ въ Архиву, сіе не помѣшаетъ стараться и о крестѣ. Барынямъ, тебя покровительствующимъ, будетъ стыдно, ежели отпустятъ тебя безъ креста, который не тяжело носить, когда пройдетъ чрезъ ихъ руки. Можно закинуть имъ сіе шуткою. Впрочемъ крестъ ничто, и отъ тебя не уйдетъ. А я бы желалъ лучше Владимира*), ибо 2-я ст. Анны дается козацкимъ хорунжимъ, которые сами лошадей чистятъ, купцамъ, продающимъ сахаръ и пр. Для меня радостно было видѣть мнѣніе, какое о тебѣ имѣетъ графъ Салтыковъ и расположеніе его въ твою пользу. Надобно ковать желѣзо, пока горячо.

*

---

*) Коего покровитель былъ первый слуга дамъ, ибо имѣлъ женъ по десятку. *Примѣчаніе Я. И. Булгакова.*

Москва, 15 Февраля 1809.

Вчерась былъ у меня П. М. Нарышкинъ, и по его словамъ княжна все нездорова: флюсъ дошелъ даже до глаза. По сю пору Жеромбо здѣсь еще ничего не напроказилъ; но я чрезъ всѣхъ допускаю до князя Василья, чтобы онъ не вѣровалъ въ него, какъ въ Лаубера.

Фастъ зачалъ выѣзжать и былъ у меня въ первый разъ. Они въ горѣ и хлопотахъ, ибо племянники Акулины Матвѣевны требуютъ назадъ деревни и всего, что̀ она наслѣдовала послѣ Фастова отца, и въ случаѣ отказа хотятъ судиться. По словамъ Фаста, дѣло ясно, и она ничего потерять не можетъ; но прискорбно на старости быть огорчену и входить въ хлопоты.

Нарышкина я давно не видалъ; сговоренная сестра есть, кажется, меньшая, тоненькая и рыженькая. Сюда пріѣхалъ дѣдъ ея графъ Артемій Ивановичъ *).

*

Москва, 18 Февраля 1809.

Все парирую въ свѣтѣ, что Чернышовъ сегодня не пріѣдетъ, а можетъ быть ни завтра, ни послѣ завтра. Когда собираешься ѣхать въ Субботу, то самый спѣшащій, какъ ты, не выѣзжаетъ какъ по полуночи. И такъ, можно ли въ два дни доѣхать до Москвы, чтобы въ третій быть здѣсь? Но лишь бы пріѣхалъ хоть въ Четвергъ, разумѣется, въ первый, ибо А. П. Самарина въ пять лѣтъ сюда не доѣхала, беря всегда подорожныя.

Одентадь объ тебѣ пишетъ горы; онъ малый не дуракъ, но запрометчивъ и отъ того, думаю, и счастья своего еще не сдѣлалъ. Судитъ о всемъ, какъ министръ; а ежели бы его министромъ сдѣлали, то бы себя осрамилъ. Радуюсь, что ты узналъ Петербургъ, т. е. дворъ. Боже избави имѣть дѣло! Сколь скоро свои дѣла кончишь, не останавливайся ни дня за моими.

Александръ Васильевичъ теперь у княгини живетъ; его вытрезвливаютъ и лѣчатъ. Прежде сказывалъ онъ мнѣ, что получилъ отъ Ѳедорова изъ капитула извѣстіе, что я въ Маѣ войду въ число пенсіонеровъ. Навѣдайся обо всемъ, т. е. когда, сколько пенсіи и пр.; но даже и для сего не заживайся въ Петербургѣ. Мнѣ гораздо лучше, и я начинаю слышать почти по обыкновенному; однако еще не выѣзжаю.

*) Воронцовъ.

Катерина Любимовна, къ которой я посылаю всякой день, говоритъ, что слаба и пр. Да какъ больному и отвѣчать инаково? Андрей Ивановичъ, по которомъ и она, и я тоскуемъ, еще не пріѣхалъ; срокъ его, 28 дней, давно прошелъ. Вчерась былъ у меня Трубецкой, и они вздыхаютъ, но ничего не знаютъ. Вчерась вечеръ просидѣлъ у меня графъ А. И. Пушкинъ; онъ сказывалъ, по письмамъ изъ Яссъ отъ его сына, что полномочные Турецкіе для трактованія въ Яссахъ о мирѣ прибыли на Дунай и что къ нимъ туда посланы отъ Прозоровскаго приставы и встрѣча для провожденія ихъ въ Яссы; а самъ Прозоровскій боленъ. Весьма доволенъ я всѣмъ твоимъ поведеніемъ, разговорами съ С. и здравыми твоими отвѣтами; продолжай сіе. Кажется, остановится на 1000, а наиболѣе на 1200 р.; но что̀ дѣлать? Несчастіе, что графу Салт. не пришло въ голову представить о чинѣ, когда скупятся на деньги. Можетъ быть, удастся ему еще сіе поправить при случаѣ; но указа все еще нѣтъ. Между тѣмъ, по благосклонности дамъ, изъ которыхъ Гол. обѣщаетъ, что она какую нибудь выгоду вѣрно тебѣ доставитъ, можно намекнуть ей о чемъ я прежде писалъ, т. е. о камеръюнкерствѣ (сіе не касается до Румянцова); а сіе она даже чрезъ внушеніе Гурьеву, ежели въ дружбѣ, произвести можетъ. И кто знаетъ? Иногда дѣло дѣлается тамъ, откуда и не ожидаешь. А сіе бы полезнѣе чина и креста, оставя васъ при прежнихъ должностяхъ.

Въ часъ по полудни пріѣзжаетъ ко мнѣ князь Сергѣй Ивановичъ; вскорѣ за нимъ Чернышовъ входитъ, самъ несетъ четыре твои посылки. Самую маленькую отворяю, вынимаю и отдаю князю часы его. Онъ оторопѣлъ, не ожидая, видно, возвращенія, и взялъ, ни слова не сказавъ. Съ Чернышовымъ нельзя было много говорить. Обѣщалъ нарочно пріѣхать. Отпустя ихъ, принялся я отворять твои посылки. Портреты очень хороши, по крайней мѣрѣ лучше всѣхъ донынѣ гравированныхъ. Сегодня или завтра отправлю одинъ къ Хованскому. Шандалъ очень мнѣ полюбился, простъ, недорогъ и, думаю, хорошо свѣтитъ. Сегодняже сдѣлаю пробу. Въ календарѣ уже отыскалъ васъ обоихъ. Сѣлъ обѣдать, пріѣхалъ Казимиръ, потомъ Ринкевичъ; тотчасъ ихъ прогналъ, дабы не опоздать на почту. Дуракъ Рокасовскій умеръ скоропостижно и мнѣ не былъ долженъ.

*

Москва, 22 Февраля 1809.

Я въ горяхъ: Трубецкіе получили письмо отъ Андрея Ивановича Миллера, въ которомъ онъ извѣщаетъ ихъ, что въ Москву совсѣмъ не воротится. Кажется, что въ Малороссіи онъ влюбился, хочетъ жениться и совсѣмъ тамъ поселиться. Теперь я не вижу, кѣмъ бы могъ его намѣстить. Рекомендованный имъ лѣкарь есть сущій ребенокъ, а

Реманъ—гуляка и волокита. Но въ случаѣ нужды придется по сосѣдству за него приняться. Не знаю также, что̀ Катеринѣ Любимовнѣ дѣлать; она еще о семъ не знаетъ. Въ Пятницу пріѣзжала меня навѣстить Кат. Ал. Муромцова, которая сама больна. Велѣла сказать, что она цѣлуетъ твои глаза. Посѣтилъ меня Иванушка въ бархатномъ кафтанѣ, шитомъ серебромъ и золотомъ, въ красныхъ чулкахъ. Вмѣсто звѣзды превеликій букетъ цвѣтовъ; убранство сіе подарилъ ему Всеволодской, и за нимъ гоняются люди по улицамъ. Серра-Капріоламъ скажи искреннюю мою благодарность за ихъ обо мнѣ память. Указъ твой публикую и любящимъ, и недоброжелающимъ; но для насъ онъ хорошъ. Прочіе проекты, о коихъ писалъ прежде, не могутъ въ дѣйствіе быть произведены теперь, по случаю отъѣзда Государева. Но посмотри, не можно ли черезъ дамъ устроить чего для переду. Объ Антоніѣ смѣялся; но какъ Иванушка былъ у меня, то приключеніе его не столь важно мнѣ показалось. Дай Боже, чтобы благодѣтель нашъ общій скорѣе возвратился изъ Парижа. Весьма похвально, что ты напишешь къ Каменскому; но пиши також-ъ и къ Малиновскому. Все сіе тебѣ послужитъ въ пользу. Секретарь вашъ Шульцъ меня сильно одолжаетъ: находитъ мнѣ деньги, суетится и по два раза у меня бываетъ. Я ему крайне обязанъ, и надлежитъ ему отслужить. Оденталь и ко мнѣ пишетъ, что тебя звалъ. Не надобно никѣмъ пренебрегать: все впередъ пригодится. Вчерась, въ Воскресенье, передъ обѣдомъ собрались ко мнѣ: сестра, княгиня, Анна Петровна и пріѣзжая изъ Арзамаса сестра Кашкарова. Я имъ объявилъ, что ты будешь здѣшній житель. Первыя двѣ, кажется (но, можетъ быть, мнѣ только кажется), не очень тому обрадовались и немного мнѣ вопросовъ дѣлали. Князь объѣлся и боленъ. Ал. Вас. еще у нихъ неможетъ; его лѣчатъ, т. е. выгоняютъ изъ него квашню дрожжей, кои накопились въ обширномъ его брюхѣ, и сіе хорошо.

*

Москва, 25 Февраля 1809.

Сказать ли тебѣ новость, которой конечно не отгадаешь? Ты видалъ конечно у Волкова полковника Раля; съ нимъ всегда ѣзжалъ офицеръ его, капитанъ или маіоръ Шнейдеръ, который обыкновенно игралъ въ бостонъ. За него Катерина Александровна *) выдаетъ Катерину Матвѣевну, и уже они помолвлены. Присылала о семъ мнѣ сказать, и я у нея былъ, поздравлялъ жениха и невѣсту. По причинѣ свадьбы она проживетъ здѣсь до лѣта и скоро ждетъ Катерину Даниловну, у которой, кажется, ты еще не былъ. Гр. Ал. Ив. сказывалъ мнѣ, что на сихъ дняхъ ждетъ сюда Ваню. Радуюсь, что Оденталь

*) Муромцова.

тебѣ полюбился; но письма продолжу посылать чрезъ Ив. Ал., ибо легко можетъ случиться, что Оденталя неожидаемо куда нибудь пошлютъ съ какимъ дѣломъ. Да кажется, что скоро кончится наша переписка, и совѣтую тебѣ поспѣшить возвращеніемъ, дабы по дорогѣ не плыть и не дождаться Р.[1]), который въ состояніи все разрушить. Дай Богъ, чтобы Баварское дѣло подтвердилось; оно бы послужило хорошимъ фундаментомъ для всего прочаго. Ежели Бахъ Виленскій, то ему теперь сорокъ лѣтъ, ибо онъ карло. Не помню, писалъ ли къ тебѣ освѣдомиться около Гурьева, не покупаютъ ли деревень въ Удѣлъ? Я бы охотно свои всѣ продалъ, а купилъ бы гдѣ близко Москвы. Мѣсяцъ, какъ не вижу Оливьерія. Сегодня прислалъ жену съ письмомъ; проситъ 150 р. на свое обмундированіе; говоритъ, что боленъ каменною болѣзнію, а самъ поѣхалъ въ Университетъ будто вступать въ должность, ибо за нимъ прислали. Въ деньгахъ я ему отказалъ, да и въ Университетѣ знаютъ уже его проказы; опасно, что его не примутъ. Но Богъ съ нимъ. Я по добротѣ души помогалъ ему, а теперь отрекаюсь. Отъ Тургенева получилъ письмо, наполненное пылью и новостями, которыя уже и здѣсь забыты. Послалъ ко мнѣ придворный календарь, котораго я не получалъ. Худой комиссіонеръ!

*

Москва, 1 Марта 1809.

Въ Четвергъ, 25-го, Софья Васильевна[2]) родила дочь Катерину по двусуточномъ страданіи. Ко мнѣ на другой день прислали о томъ сказать. Она, впрочемъ, по состоянію своему здорова. Принцъ Биронъ Петръ возвратился изъ своего глупаго и безплоднаго путешествія въ Грузію, о которомъ раскаевается. Въ дорогѣ ознобилъ ноги и едва можетъ ходить. На сихъ дняхъ ѣдетъ въ Петербургъ. 27-го былъ пиръ у Фаста: завтракъ въ три часа пополудни, но и тутъ даже не всѣ еще съѣхались. Письмо ему тотчасъ отдалъ, но ничего о ихъ дѣлѣ не говорилъ. Конь о четырехъ ногахъ, да и тотъ спотыкается. Ты ихъ прежде времени обнадежилъ; а теперь все пошло наизворотъ. On ne vend pas la peau d'ours avant de le coucher par terre. Кстати упомяну я и о другомъ случаѣ, а именно: почему Фастъ знаетъ о камеръ-юнкерствѣ? Ты, конечно, къ нему писалъ? И сіе также рано наружу вышло. Ежели не удастся, то прикро[3]) будетъ слушать о томъ разговоры, и лучше бы было про себя тайну хранить. Но сего довольно. Дай Богъ, чтобы надежда твоя о долгѣ Александры Петровны оправдалась;

---

[1]) Графа Н. П. Румянцова, который тогда ѣздилъ въ Парижъ.

[2]) Соковнина, ур. княжна Хованская; А. Я. Булгаковъ былъ тогда женихомъ ея сестры, княжны Натальи Васильевны.

[3]) Старинное наше и Польское слово *прикрый*—дурной, трудный, недоступный.

но мало я сего надѣюсь по вѣтренности Кат. Ал., и они тебя обманываютъ для своихъ видовъ на Дм. Павл. Графинѣ Головкиной при случаѣ скажи мое почтеніе. Она, кажется, меня знаетъ, когда я ѣзжалъ въ домъ къ ихъ отцу. Отъ нея получилъ я кухмистра Гассена. Александръ Васильевичъ живетъ еще у сестры, и его сильно лѣчатъ. Теперь нашлось бы уже въ Москвѣ довольно бумаги для измѣренія его брюха, которое до половины уменьшилось. Князь опять ѣдетъ въ деревню на короткое время, а здѣсь торгуетъ уже сальными свѣчами, привезенными съ его завода. Катерина Любимовна кажется получше и нашла себѣ, на мѣсто Андрея Ивановича, какого-то доктора, стараго знакомаго, коимъ довольна, и слава Богу! При мнѣ пріѣхала къ ней старая ея пріятельница, Манычарова жена съ фамиліею, прибывшая сюда изъ деревни*). Теперь ей будетъ повеселѣе. Вчерась ѣздилъ я къ Чернышову. Она поѣхала къ Бутурлиной, которая родила; а его я засталъ и взялъ письмо Паллафокса для прочтенія. Прекрасно и конечно не имъ писано, а какимъ-нибудь умнымъ, ученымъ и добромыслящимъ Французомъ.

Сегодня отвѣчаю я Оденталю на два письма. Когда ты его увидишь, распроси у него хорошенько: кто таковъ рекомендованный имъ Йванъ Ивановичъ Бабичевъ, гдѣ онъ служилъ и пр.; человѣкъ, кажется, хорошій и ищетъ со мною связи. Сегодня денегъ въ Банкъ не посылаю, ибо еще недостаетъ трехъ или четырехъ тысячъ; но завтра конечно, ихъ обѣщали, и отправлю ихъ въ Четвергъ, т.-е. за н. годъ капитала 4.359, процентовъ 7.674 р. 84 к., а всего 12.030 р. 84 к. Попроси Ивана Алексѣевича, чтобы онъ пожаловалъ послалъ кого постараться объ отправленіи ко мнѣ квитанціи, и ежели бы въ счетѣ нашлась какая несправедливость (чего однако не надѣюсь), доплатилъ, дабы не войти въ пустую переписку. Анна Петровна проситъ спросить у Самариной: для чего не ѣдетъ сюда Шалльи? Будетъ ли онъ; ибо она ей ничего не отвѣчаетъ. Теперь осталось мнѣ только о тебѣ поговорить. До Пасхи осталось только 26 дней, а до совершенной распутицы гораздо меньше, такъ что тебѣ около 15-го непремѣнно надобно выѣхать; старайся кончить къ тому дни всѣ свои дѣла, прощайся и отправляйся съ Богомъ въ путь. Я тебя ожидаю съ нетерпѣніемъ.

Денегъ ко мнѣ принесли, и теперь всѣ готовы; но отправить сегодня поздно, а отправлю въ Четвергъ. Завтра, думаю, ѣдетъ въ Петербургъ графъ Володимеръ Григорьевичъ Орловъ.

*

---

*) Превосходный портретъ этой Манычаровой, работы Боровиковскаго, подаренъ Румянцовскому Музею Марьей Павловной Арапетовой.

Москва, 4 Марта 1809.

Я ѣздилъ къ Александру Львовичу Нарышкину, который живетъ въ домѣ Мины Лазарева, на Трубѣ. Хотѣлъ его благодарить за все доброе, тебѣ оказываемое его родцею. Онъ не принялъ меня, а можетъ быть и дома не былъ. Строитъ тутъ въ залѣ театръ, на которомъ будутъ играть Богъ знаетъ кто, ибо на большомъ, по причинѣ поста, нельзя играть. О маiорѣ Зенге совсѣмъ не помню; а слава Богу, что меня помнятъ.

*

Москва, 8 Марта 1809.

Ты ошибаешься: Ремапъ, рекомендованный Миллеромъ, не есть докторъ намъ знакомый, но лѣкарь, ежели не подлѣкарь, здѣшняго военнаго гошпиталя, ребенокъ лѣтъ въ 20. Онъ былъ у меня, но мнѣ не полюбился, даже по своему вертопрашеству. О Колтовской и Самариной и говорить нечего: первая обманываетъ, другая умничаетъ. Дай Богъ, чтобы дѣло твое кончилось скорѣе, и ты не заживался только въ одной надеждѣ. Но будь остороженъ съ покровительницею, чтобы тебя, даже изъ зависти одной, не очернили. Бѣда! Будь крайне остороженъ и никому не ввѣряй своихъ дѣлъ.

Поѣхалъ я на концертъ къ князю В. А. Хованскому, гдѣ игралъ на вiолончели Рембергъ. Я ничего прекраснѣе не слыхалъ; было человѣкъ сто, однихъ второклассныхъ съ дюжину, какъ то: Нарышкинъ, князь Зубовъ, князь Голицынъ, Чернышовъ и пр. Нарышкинъ за тебя благодарилъ и Пушкина. Подходитъ ко мнѣ человѣкъ и обнимаетъ дружески: Узнаете ли меня? Нѣтъ. Онъ такъ перемѣнился, растолстѣлъ и похорошѣлъ, что на себя не походитъ. Спрашиваю послѣ: кто? Князь Зубовъ. Сегодня въ Понедѣльникъ къ нему поѣду. Княжнѣ Натальѣ читалъ твое письмо, наговорила много и не помню что̀. Оттуда въ 6-мъ часу къ Милашевичу, гдѣ разыгрывается въ лоттерею картина. Ввечеру на концертъ въ Собранiе, гдѣ играетъ Фильдъ.

*

Москва, 11 Марта 1809.

Сегодня прiѣзжалъ ко мнѣ Лисовскiй; я его не узналъ, да и онъ бы также не узналъ меня, ежели бы не въ моемъ домѣ. Вчерась обѣдалъ у Опочининой съ княжнами Х., коихъ довезъ до Соковниной. Оттуда къ Милашевичу, гдѣ разыграли картину, шитую шелками, по нихъ безцѣнную, а ежели бы мнѣ удалось выиграть, я бы не осмѣлился вывѣсить въ своемъ домѣ: премерзкая. Насилу вырвался. Послѣ 10 часовъ баликъ, а ужинъ бы былъ послѣ полуночи. Разбранился съ

хозяйкою и уѣхалъ. Перерываютъ. Пріѣхалъ ко мнѣ князь Зубовъ, но я уже раздѣтъ и не принялъ.

Кажется, ты и не помышляешь еще о дорогѣ. Ежели Государь подлинно изволитъ выѣхать 13-го, то тебѣ не за чѣмъ жить, да хотя бы и не выѣхалъ, то дѣло могутъ кончить и безъ тебя, ежели опредѣлено судьбою ему кончиться; а даромъ упускать не надобно Здѣсь уже оттепель начинается. Благодарю тебя за мои комиссіи. Что̀ дѣлать? По неволѣ оставишь въ покоѣ Башловскаго, когда нечего взять, и Мухина, когда отыскать его нельзя; но не худо бы хоть съ Хвостова: сей въ состояніи заплатить. Не можетъ ли помочь княгиня Вяземская? Онъ всегда былъ ихъ креатурою и, можетъ быть, къ ней ѣздитъ [1]). Настоитъ рѣчь объ Антоніи[2]). Ты воленъ дѣлать что̀ хочешь, хоть онъ тебѣ будетъ въ тягость. Сочтя все, выйдетъ, что обойдется не дешевле, какъ Шалльи для Самариной. Въ условіи своемъ ты отгадалъ мое мнѣніе. Стола, когда я не обѣдаю дома, дать не могу; а теперь вино, вмѣсто шести, платится по 12 р. ведро, и бутылка становится слѣдовательно почти въ рубль; а въ годъ для него стало бы рублей двѣсти. Ежели ты полагаешь, что можетъ онъ кормиться у Кат. Люб., то ей будетъ въ тягость. Какъ ни оборачивай, все падаетъ на твой карманъ и слѣдовательно на мой. Что̀ касается до комнаты, сіе, быть можетъ, и учредится, когда сюда пріѣдешь. Я даже и съ тобою заключу конвенцію, чтобы подъ твоимъ именемъ и на твой счетъ меня не обкрадывали.

Братъ напрасно терпѣлъ нужду въ деньгахъ, ибо кредитивъ его продолжаетъ существовать, и я къ нему писалъ, чтобы деньги бралъ въ случаѣ нужды. Доходы его уменьшились отъ того, что прежде получалъ 50 ч. на мѣсяцъ, а теперь только 200 р. ассигнаціями; но разница та между тобою и имъ, что ты получаешь 200 р., не теряя ничего на курсѣ. Сколь скоро возвратишься, то постараемся отправить къ нему денегъ. Присланное отъ него письмо къ Рейнсдорфу отошлю съ Казимиромъ, который его знаетъ. Дай Богъ для блага Константина, чтобъ князь [3]) возвратился и скорѣе въ Вѣну. Я слышу отъ Петербургскихъ пріѣзжихъ, что будто уже рѣшено назначить туда Кочубея.

*

---

[1]) А впрочемъ оставить сіе попеченіе Ив. Алексѣевичу. *Замѣтка Я. И. Булгакова.*
[2]) Итальянецъ, слуга А. Я. Булгакова.
[3]) Князь А. Б. Куракинъ, посолъ въ Вѣнѣ.

Москва, 15 Марта 1809.

Говорилъ съ Чернышовымъ; онъ настоялъ, чтобы тебѣ остаться до свадьбы для окончанія дѣла; а я противнаго мнѣнія: ежели хотятъ сдѣлать, сдѣлаютъ теперь или при свадьбѣ, когда инако нельзя. Но тебѣ жить тамъ мѣсяца два (ибо прежде дорòги не будетъ) убыточно: надобно одѣться, представляться и пр. Лучше, чтобы сіе воспослѣдовало въ твое отсутствіе; а инаково бросить тысячу или болѣе никакой нужды нѣтъ. Лучше ее сбереги для переду. И такъ надѣюсь, что ты скоро пустишься въ путь. Вѣдь только двѣ недѣли осталось до Свѣтлаго Воскресенія, и дорога портится. Дай Богъ, чтобы сіе письмо было предпослѣднее. Азанчевскій *) пишетъ, что поручилъ секретарю Главнаго въ Витебскѣ Суда увѣдомить себя, сколь скоро получатъ изъ банка исключеніе на души, но ничего не получаетъ. Попроси Ивана Алексѣевича, чтобы онъ приказалъ кому о семъ постараться, т. е. за заплаченный капиталъ исключить изъ заклада то число душъ, которое и въ семъ мѣсяцѣ еще умножилось до 90 душъ. Мнѣ сіе нужно на всякій случай, ибо ихъ могу здѣсь заложить вновь въ Воспитательномъ Домѣ. Отвѣтъ твой М. А. Нарышкиной очень благоразуменъ; но не довольно говорить, а надобно такъ и поступать. Симъ однимъ заслужишь славы. Сколь онѣ ни ласковы, но тщеславіе ихъ трогаетъ больше всего на свѣтѣ.

*

Москва, 18 Марта 1809.

Ты ошибся: деньги въ банкъ отправлены прямо, дабы не отяготить Ивана Алексѣевича принимать ихъ съ почты, расписываться, отдавать въ банкъ и пр. Я сіе дѣлаю уже нѣсколько лѣтъ.

Я переводилъ тебя жить въ Москву для себя и даже для тебя Ежели нѣтъ на то Божьей воли, что̀ дѣлать? Я привыкъ къ терпѣніямъ. Но не постигаю и не могу домыслиться, какъ все это всему свѣту извѣстно. Письмо твое я получилъ во Вторникъ; а въ Понедѣльникъ поутру былъ у меня человѣкъ и спрашивалъ, правда ли, что ты сюда ѣдешь, что ѣдешь жениться, что адресовался къ брату, что братъ тебѣ отвѣчалъ, что онъ для твоей пользы самъ никогда не женится и что сіе дѣло рѣшено Не зная ни слова ни о чемъ, я изумился, а по твоему письму вижу что все сіе не есть ложь.

Это послѣднее письмо. Вскорѣ А. Я. Булгаковъ пріѣхалъ въ Москву и поселился въ ней на долго; 7-го Іюля того же 1809 года отецъ его Я. И. Булгаковъ скончался. Около того же времени скончалась и Катерина Любимовна. П. Б.

*) Управлявшій имѣніями Я. И. Булгакова.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ИГУМЕНІИ ЕВГЕНІИ ОЗЕРОВОЙ. *)

1868 года 28 Сентября обитель была удостоена посѣщенія его высокопреосвященства митрополита Московскаго Иннокентія. Онъ останавливался на сутки по случаю освященія храма въ с. Ивановскомъ, на фабрикѣ благодѣтеля нашего П. Г. Цурикова. Въ 3 часа пополудни прибылъ архипастырь. Вообще его серьезный видъ и довольно сухое обращеніе съ монашествующими наводили на меня страхъ и смущеніе. Встрѣченъ онъ былъ у св. вратъ съ хоругвями и запрестольными иконами, крестомъ и св. водой. Въ храмѣ мы зажгли всѣ паникадила и свѣчи, украсили его всѣмъ, что̀ было лучшаго, какъ на самый большой праздникъ. Я не имѣла ни возможности, ни можетъ быть и довольно усердія, чтобы стать на молитву, а только въ умѣ говорила Владычицѣ, чтобы Она Сама расположила и смягчила сердце митрополита къ нашей убогой обители. Послѣ литіи и многолѣтія въ храмѣ я поднесла ему икону Успенія Божіей Матери и просфору, прося посѣтить наши маленькія заведенія. Онъ промолчалъ и прямо изъ церкви пошелъ въ приготовленную для него келію. Кушалъ одинъ. Сынъ его, протоіерей Гавріилъ Ивановичъ и секретарь, противъ обыкновенія, обѣдали особо, а меня онъ оставилъ съ собою во время стола. Сначала былъ суровъ, разспрашивалъ, какъ и кѣмъ основалась обитель, какія средства, гдѣ источникъ доходовъ, сколько примѣрно получается въ годъ? «Отъ 6 до 8 тысячъ, ваше высокопреосвященство», отвѣчала я.—«Какъ и гдѣ набираете вы 8.000 р.?»—«Владычица насъ собрала, Она насъ и питаетъ и промышляетъ насъ, а со сборомъ мы не ходимъ по завѣщанію основательницы обители, ваше в-во».—«Все тратите? Нѣтъ ли залежныхъ капиталовъ?»—Ваше в-во., когда я представляла отчеты покойному владыкѣ, отцу и благодѣтелю нашему, то всегда его первый былъ вопросъ: «Нѣтъ ли долга?» и получивъ отвѣтъ отъ меня, что нѣтъ его, спрашивалъ объ остаткѣ, на что тоже отвѣчала: иногда 3 р. или 2 р., а иногда и 50 к. с. Тутъ митрополитъ расхохотался.—«Вотъ богачи!» и сдѣлался гораздо благосклоннѣе. Мно-

---

*) См. выше, стр. 124.

Но особенно характерна переписка „бабушки", въ которой прекрасно обрисовывается личность Н. С. Полуботокъ. Своей внучкѣ, Настасьѣ Петровнѣ Милорадовичъ, она нашла жениха, въ лицѣ богатаго и хорошо образованнаго Ивана Степановича Лашкевича, и въ концѣ-концовъ, не смотря на сопротивленіе отца невѣсты, съумѣла добиться своего.

„Естли при томъ, пишетъ она зятю, у васъ есть женихъ на примѣтѣ такой отдѣлной, какого вы желаете, то сему не грѣхъ и отказать; буде же нѣтъ, то уважте на все, а особливо на лѣты вашей дочери, которой не къ лѣтамъ, но изъ лѣтъ идетъ (Н. П. было въ это время 20 лѣтъ), которая, какъ вы пишете отъ Боровичъ (имѣніе бабушки), помолодѣетъ. Нѣтъ, дайте ей весь свѣтъ, то ничто не поможетъ наградить потерявшія лѣта; а особливо ее и меня тревожитъ ежедневно видимые образцы, какъ-то: Борознина дочь, которая меня старѣе, въ дѣвкахъ по сіе время, несчастныя Лизогубовны и Гудовичева, а къ нимъ и Базилевсковна, которая 70 тысячъ имѣетъ денегъ и 600 душъ. Подумайте со всякимъ уваженіемъ и поступите, какъ вы знаете; все про все въ вашей волѣ, а я только, любя ее, пишу къ вамъ сіе, и больше о семъ писать не буду, увѣряю". Бабушка не отпускала отъ себя внучку, а отецъ требовалъ возвращенія дочери. Въ одномъ изъ его писемъ читаемъ: „Еще вамъ объявляю, что я какъ предъ симъ къ вамъ, такъ и нынѣ пишу, что нѣтъ моей воли, желанія, ниже согласія, быть женихомъ г. Лашкевичу для дочери моей, и скажу вамъ сіе, что я о дочери моей разсуждаю и пекусь, смотря, какъ душевнымъ, такъ и тѣлесными очима, такъ какъ ея отецъ, чему свидѣтель Серцевидецъ, а не такъ, какъ прочіе ея сродственники": ясный намекъ на „бабушку", что̀ та, конечно, прекрасно поняла и, отвѣчая (14 Февраля 1789 г.) на письмо зятя, заканчиваетъ такъ: „За симъ не осталося уже мнѣ въ сей матеріи далѣе размножать, а прошу прилежно васъ дочери вашей, яко совершеннолѣтней, дать волю въ избраніи себѣ жениха, не относяся къ собственному вашему неизвѣстному жениху". Энергичная „бабушка" настояла на своемъ, и свадьба состоялась въ томъ же 1789 г. Петръ Степановичъ возбудилъ преслѣдованіе противъ дочери за неповиновеніе. Дѣло тянулось до 1791 года, доходило до Сената, но въ 1791-мъ кончилось примиреніемъ.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены письма Лашкевича къ „бабушкѣ" и невѣстѣ, которую онъ называетъ „дражайшая владычица души моей, вѣчная обладательница сердца моего, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька".

Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщены письма Петра Степановича Лашкевича къ сыну, которыя касаются разныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

IV-й отдѣлъ занятъ юридическими документами Любецкаго края.

Пожелаемъ графу Г. А. Милорадовичу полнаго успѣха въ предпринятомъ изданіи. Добрый примѣръ его да не останется безъ подражанія среди представителей другихъ родовъ, владѣющихъ архивами *).

Леонидъ Савеловъ.

16 Іюня 1898 г.
Коротоякъ.

*) Не найдетъ ли возможнымъ графъ Милорадовичъ при слѣдующемъ выпускѣ приложить объясненіе нѣкоторыхъ Малороссійскихъ словъ, не вполнѣ понятныхъ для незнакомыхъ съ Малороссійскимъ языкомъ. Л. С.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

8.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898.

Л. Волковъ. Адамъ Мицкевичъ и его произведенія (Критико-біографическій очеркъ). Варшава, 1897. Мая. 8-ка, 78 стр.

Небольшая книжка, полная содержаніемъ. Желательно, чтобы кто-нибудь перевелъ ее на Польскій языкъ. Это первый опытъ разоблаченія лжи, лежащей въ основѣ всей дѣятельности Мицкевича. Немногіе, умудренные опытомъ Поляки, въ сущности сознаютъ эту ложь, но не рѣшаются гласно о ней говорить. Такъ, покойный Лелевель, въ бесѣдахъ съ нами, лѣтомъ 1858 года, въ Брюсселѣ, осуждалъ Мицкевича и говорилъ, что съ такими вожаками Полякамъ не избѣгнуть окончательной погибели. Прелесть его поэзіи непререкаема; но для безпристрастнаго читателя есть въ ней что-то болѣзненное, какая-то утомляющая напряженность. Мицкевичъ до изнеможенія рисуется; онъ лишенъ Пушкинской простоты и краткости. Чтò касается до его личности, въ книжкѣ Л. Волкова собраны скорбныя черты лукавства, обмана и полоумія. Жаль, что дозволено поставить ему памятникъ въ Варшавѣ (гербъ которой Сирена съ мечемъ); онъ не можетъ повести къ добру, и намъ, пожалуй, опять придется„ биться съ мертвецами, воскресшими для новыхъ похоронъ".

Кстати замѣтить ошибку г. Л. Волкова: не Хомяковъ въ 1844 году привезъ обѣднѣвшему Мицкевичу пять тысячъ рублей изъ Москвы, а покойный Александръ Николаевичъ Поповъ. Деньги эти послали ему чрезъ Попова, А. С. Хомяковъ, С. П. Шевыревъ и Н. В. Путята. П. Б.

Профессоръ Д. Н. Бѣликовъ. Первые Русскіе крестьяне - насельники Томскаго края и разныя особенности въ условіяхъ ихъ жизни и быта (общій очеркъ за XVII и XVIII столѣтія). Съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ Колыванской области за 1782 годъ. Изъ серіи публичныхъ лекцій, организованныхъ Томскимъ Отдѣломъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ осеннемъ полугодіи 1897 года. Томскъ, типографія М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовскаго. 1898. Мая. 8-ка 138 стр.

Книжка весьма замѣчательная. Картины свѣжія и яркія. Напр. жители города Тары не захотѣли присягать Екатеринѣ І-й. Вождь ихъ Бочаговъ, во время розыска по этому дѣлу, отъ котораго погибло свыше 1.000 человѣкъ, поджогъ подъ своимъ домомъ порохъ, чтобъ взлетѣть на воздухъ. Жестокости управленія угоняли Русскихъ людей въ глубь Сибирскихъ пространствъ, которыя населялись старовѣрами, бѣжавшими отъ преслѣдованій. По словамъ автора, при Елисаветѣ Петровнѣ гнали ихъ жесточе, чѣмъ во времена Петра и Анны. Бѣглецы просились даже въ Китайское подданство.

Страстнаго Монастыря
Игуменья Евгения

го говорилъ о бѣдности духовенства и что желаетъ на монастырскіе капиталы устроить для него богадѣльню на 300 человѣкъ.—«Все равно отниметъ же у монастырей казна; лучше употребить на доброе дѣло. Покойнаго много обманывали, увѣряя, что духовенству хорошо.» Потомъ разспрашивалъ объ иконѣ Успенія Божіей Матери, кѣмъ, когда и какъ принесена. Приказалъ холодную церковь затворить, гдѣ его встрѣтили. «Холодно, одежонка на всѣхъ васъ плохая, зазябните; служите въ Успенскомъ придѣлѣ, а я буду стоять въ лѣвомъ, чтобы не стѣснять ни служащихъ, ни поющихъ и чтобы никто не входилъ ко мнѣ въ алтарь во время всенощной».—«А какъ прикажите, в. в., сократить служеніе или исполнять какъ у насъ обычно?»—«Чтобы служба шла порядкомъ, какъ всегда у васъ; я хочу посмотрѣть.» Послѣ обѣда отдыхалъ, и въ 6 часовъ ударили къ бдѣнію. Послѣ всенощной, провожавъ митрополита въ келію, я спросила его, не изволитъ ли сдѣлать какого замѣчанія на счетъ богослуженія? «Служба идетъ хорошо, очень хорошо, и поютъ хорошо, стройно, только нота хитра». Я просила служить у насъ.—«Некогда, спѣшу».

Утромъ, прочитавъ правило, осматривалъ монастырь, входилъ въ келіи и между прочимъ и къ регентшѣ м. Филаретѣ, опять хвалилъ пѣніе, былъ во всѣхъ церквахъ, въ новой трапезѣ, всѣмъ былъ доволенъ и вообще очень веселъ. Обходя монастырь, спросилъ меня: «Неужели всегда усыпаютъ монастырь пескомъ?»—Нѣтъ, в. в. Сестры, ожидая вашего посѣщенія, вмѣнили себѣ въ утѣшеніе убрать монастырь сколько возможно лучше, а ежедневно усыпать намъ некогда.»—«А гуляютъ ли онѣ?»—«Лѣтомъ послѣ богослуженія и послушаній клиросныя гуляютъ.»—«Надо, чтобы имѣли движеніе.» Часто повторялъ: хорошо, очень хорошо. Возвратясь съ освященія храма отъ Павла Григорьевича, позвалъ меня и старшихъ сестеръ и сказалъ: «М. игуменья и сестры, я слышу, что ни отъ игуменьи на сестеръ, ни отъ сестеръ на игуменью никогда не было доносовъ и прошеній. Мнѣ это весьма пріятно. Благодарю м. игуменью за порядокъ, за распоряженіе и васъ, сестры, за усердіе, за трудолюбіе. Благодарю, за все благодарю. Помните, что узокъ путь въ Царство Небесное. Недостатки несите съ терпѣніемъ; надо или здѣсь или тамъ потерпѣть. М. игуменья, живите дальше для блага обители, Богъ васъ благословитъ». И, вышедъ на крыльцо, еще повторилъ: «благодарю, всѣхъ благодарю.» Сестры бросились толпою къ благословенію и, подходя по нѣскольку разъ, тѣснились. Я старалась удержать ихъ; но онѣ, продираясь, изорвали мои четки и толкали митрополита. «В. в., простите ихъ простоту», сказала я.—«Сохраняйте сію любезную простоту навсегда, Богъ васъ благословитъ». Сѣлъ въ экипажъ и выѣхалъ изъ воротъ, благословляя на всѣ стороны.

Сіе впечатлѣніе обители на митрополита ни къ чему не могу приписать, какъ къ особенному покрову и склонности Владычицы! Когда явилась я въ Москву благодарить владыку за посѣщеніе, еще онъ благодарилъ и сказалъ: «Чтобы сохранить добрую славу обители, держите сестеръ строже, какъ можно строже.»

Преосвященный викарій Леонидъ утѣшился до глубины души отзывомъ митрополита о насъ, сказывалъ, что и ему хвалилъ все устройство и пѣніе, даже сказалъ, что келія игуменьи очень понравилась: «не роскошна и непространна, а очень хороша». Слава Богу, устрояющему вся!

Сего же года 27 Октября, къ общему утѣшенію, зданіе трапезы окончено и освящено игуменомъ Саввина монастыря Галактіономъ. Радость была общая; всѣ обнимались послѣ молебна, поздравляли другъ друга; но безъ сомнѣнія радость была болѣе всѣхъ ощутительна для м. казначеи Никандры, иждивеніемъ которой окончательно соорудилось зданіе. Къ 7.000 р. покойной г-жи Злобиной м. Никандра все нужное для совершенія и устройства трапезы дополнила своимъ капиталомъ (около 6.000 р. с.). Монастырскихъ употреблено тутъ же около 1.500 руб. с. Всѣ ее благодарили со слезами. Прибылъ на освященіе и Павелъ Григорьевичъ, его добрая душа не можетъ не участвовать въ радости ближняго; привезъ хлѣбъ-соль и со слезами тоже всѣхъ поздравлялъ, желая, чтобы въ трапезѣ *всего было много*. Какъ не дивиться? Почти всѣ жители обители неимущи до того, что иныя не имѣли копѣйки, чтобы взять заздравную просфору за м. Никандру. А зданіе стóитъ слишкомъ 15.000 р. с. по здѣшнимъ цѣнамъ, а въ Москвѣ навѣрно стоило бы около 30.000 р. Не дивное ли чудо? Слава Богу! Теперь и порядокъ держать можно, и всѣ въ покоѣ и утѣшеніи. Господи, созижди и души наши!

1868 года 8-го Декабря обитель была поражена ужасною вѣстью. Собрались говѣть; по обычаю послали лошадей за о. духовникомъ, экономомъ Чудова монастыря і. Стефаномъ. Экипажъ возвратился съ страшнымъ извѣстіемъ, что добраго и кроткаго старца убилъ его келейникъ. О. Стефанъ изъ жалости къ безнравственности этого молодого человѣка принялъ его подъ свой надзоръ, одѣвалъ и наконецъ взялъ себѣ въ келейники, надѣвъ на него монастырское одѣяніе; а онъ, злодѣй, въ благодарность за благодѣяніе, думая ограбить сундукъ съ деньгами (вѣроятно монастырскими), во время отдыха старца, послѣ того какъ онъ совершилъ въ Воскресенье позднюю литургію, вошелъ и, найдя его спящимъ, убилъ топоромъ. Господи, какой ужасъ! Человѣкъ все идетъ отъ силы въ силу ко злу. Страшное время! Господи, покрой и заступи!

1869 года, въ концѣ Генваря, заболѣла наша дорогая старушка бабушка Марья Григорьевна, была при вратахъ смерти; но Господь поднялъ ее. Слава силѣ Его, слава милосердію Его! Во всю болѣзнь была въ такомъ христіанскомъ и мирномъ духѣ, что ожидала смерти, какъ вожделѣнной гостьи. Не хотѣла она принимать никакого врачебнаго пособія, часто сообщалась Св. Таинъ и соборовалась. Письмо преосвященнаго Леонида, котораго она чтила и любила сердечно, заставило ее уступить нашимъ просьбамъ и употребить, хотя изрѣдка, врачебную помощь.

Того же года, въ первыхъ числахъ Февраля, монастырская сестра Александра Лебедева, доброе и простодушное дитя, вечеромъ была послана на монастырскую гостиницу часу въ 7 и, возвращаясь, увидѣла летящій отъ Востока къ Западу шаръ, видомъ и цвѣтомъ подобный лунѣ, но гораздо больше; отъ него хвостъ красноватый и синеватый съ искрами; пролетѣлъ очень быстро. Дѣвочка стояла въ страхѣ, никому о семъ не сказала, а по возвращеніи нашемъ съ тобою *) изъ Москвы передала тебѣ о явленіи семъ. Послѣ услышали, что крестьяне деревни Покровской видѣли шаръ въ томъ же видѣ. Вскорѣ открылась въ обители тифозная горячка. 21-го Февраля болѣзнь похитила сперва рясофорную послушницу Аглаиду, старшую въ рукодѣльной, а черезъ день (22 Февр. 1869) и мое доброе и послушливое чадо м. казначею Никандру. Господу угодно было отнять отъ меня утѣшеніе, которое я находила въ ея единодушіи и въ послушаніи. Буди его святая воля! Она вѣрно соблюдала слова святителя Филарета: нестяжаніе и воздержаніе ея были примѣрныя. Ничѣмъ она не отличала себя отъ сестеръ; не смотря на сіе, многіе старшія поносили ее; безъ сомнѣнія нуженъ былъ ей сей очистительный крестъ терпѣнія, дабы предстать предъ Господа съ чистою душой! Гряди, доброе чадо, въ вѣчность съ миромъ и, аще обрящешь дерзновеніе, помяни мать твою, утопающую въ суетѣ грѣховности.

Когда болѣзнь была во всемъ разгарѣ, и ежедневно по двое и по трое занемогали, совершено было молебствіе съ водоосвященіемъ предъ иконою Владычицы пречестнаго Ея Успенія; больныя напоены св. водой, окроплены ею всѣ палаты больницы и всѣ кельи монастырскія, и съ тѣхъ поръ никто уже не занемогалъ, милосердіемъ и предстательствомъ Царицы Небесной! Избранъ новый духовникъ, старецъ Саввинскаго скита о. Іоиль. Во время эпидеміи жилъ у насъ онъ сердобольный и въ жизни монашеской опытный.

---

*) Т. е. съ нынѣшнею игуменьей Московскаго Вознесенскаго монастыря, матерью Евгеніей же, для которой и написаны эти, принадлежащія ей лично, Записки. П. Б.

1869 года 9-го Марта вся обитель говѣла; отецъ Іоиль вступилъ въ свое дѣло духовника. Слава Богу! Кромѣ отрады и духовнаго утѣшенія ничего не предвидится.

Не знаю кто, духовникъ ли о. Іоиль, или Московскій священникъ Петръ Ив. Косминъ, руководитель Надежды Николаевны, воздѣйствовалъ на нее, и она наконецъ согласилась принять постриженіе въ мантію и послушаніе казначеи. Господи, благослови доброе начало! Много было разговора, убѣжденій. Однако она добра и умна, можетъ быть настоящею помощью. Какъ-то сойдемся съ нею; всегда у насъ было разномысліе. Буди воля Божія!

1869 года 14-го Марта отецъ духовникъ Іоиль принялъ схиму и нареченъ Иліей.

1869-го года 24 Іюня; послѣ литургіи въ настоящей церкви Св. Живоначальной Троицы, когда всѣ уже вышли, а остались однѣ церковницы для уборки, между ними и ты съ м. Мелетиной, какъ свѣчницы оправляли паникадило, ты только успѣла отойти къ двери, а м. Мелетина стояла еще на лѣстницѣ, цѣпь, на которой оно висѣло, оборвалась, и оно упало, раздробило аналой стоящій у амвона и падая даже не коснулось м. Мелетины. Цѣпь кольчатая никуда не откинулась, а собралась въ кучу около упавшаго паникадила. Разумѣвай милость Божію, напоминающую намъ, съ какимъ опасеніемъ мы должны проходить путь жизни нашей, находясь всегда на одну черту отъ смерти! Въ тотъ же день былъ отслуженъ молебенъ Заступницѣ и Покровительницѣ нашей Владычицѣ Богородицѣ предъ иконою Ея пречестнаго Успенія. А паникадило поновлено и опять устроено всегдашнимъ попечителемъ и благодѣтелемъ П. Г. Цуриковымъ.

1869 года 31-го Іюля отправились мы съ тобой къ Преподобному Сергію въ Троицкую Лавру, я грѣшная, сколько для поклоненія его св. мощамъ, столько, или даже болѣе, чтобы побывать на гробѣ отца и владыки. Придумала, чтобы по желанію сердца и панихиду служить прежде молебна; но Преподобный, видя малодушіе мое, все устроилъ въ порядкѣ и даже не знаю, какъ и за что и почему мнѣ открыли его святую главу. Тутъ я возчувствовала свое увлеченіе. Никогда, другъ мой, не дѣйствуй по влеченію сердца, а всегда будь руководима разсудкомъ. Была я у о. намѣстника Антонія; много говорили о преставшемся владыкѣ. Постараюсь припомнить какъ можно вѣрнѣе слова о. архимандрита.

1867 года 1-го Октября (началъ рѣчь о. намѣстникъ) служилъ я въ Хотьковской женской обители въ день ихъ храмового праздника, стало быть, за полтора мѣсяца до кончины святителя. Вхожу къ нему съ докладомъ, что служеніе было благополучно. Выслушавъ меня, онъ

началъ свою рѣчь:—«Видно, я скоро умру; въ умѣ моемъ чувствую просвѣщеніе». Владыка святый, Господь продлить жизнь вашу. Ваша матушка жила 96 лѣтъ.—«А почему ты это знаешь?»—Я слышалъ такъ.—«А я тебѣ скажу, что она окончила жизнь на 86 году; мнѣ всѣхъ вѣрнѣе это знать. И такъ повторяю тебѣ, что чувствую просвѣщеніе въ умѣ; боюсь самообольщенія».—Имѣя вашу многолютнюю опытность, владыка святый, вы не должны страшиться.—«Вижу я страшную тучу, идущую отъ Запада на церковь и на Россію; но, чѣмъ она разразится, не вижу».—Будьте молитвенникомъ предъ Господомъ за насъ.

Еще говорилъ о. Антоній: «Господи Боже мой, когда былъ святитель еще покрѣпче, бывало придетъ въ Троицкій соборъ къ утрени, станетъ на третьемъ мѣстечкѣ, озаботится, что я стою на первомъ отъ двери: «Тебѣ дуетъ, какъ ты стоишь здѣсь?» Простоитъ шестопсалміе и пойдетъ въ Успенскій соборъ, оттуда къ Смоленской, вездѣ все примѣтитъ, точно птичка все облетитъ. Да и скажетъ: тамъ читаютъ спѣшно, тамъ-то замѣтитъ какой либо безпорядокъ, а замѣтитъ, такъ отечески, съ такою любовью! А между тѣмъ не выполнить замѣчанія нѣтъ возможности. Бывало доложишь съ волненіемъ о какомъ-либо бездорядкѣ въ братіи, требуешь строгихъ мѣръ для исправленія; а онъ такъ разумно, такъ спокойно отдѣлитъ человѣка отъ его паденія, дастъ понять всю должную мѣру любви и терпѣнія, что невольно выйдешь отъ него, обличая себя въ суровости и нелюбви къ ближнему. Господи, Боже мой! Какъ онъ постоянно любилъ Бога и ближняго! Онъ не былъ постникъ, не былъ подвижникъ, но шелъ съ юности почти ровнымъ одинаковымъ царскимъ путемъ. Иной на подвигѣ положитъ года, а тамъ разслабѣетъ и позволяетъ себѣ покой, а онъ всю жизнь былъ на одинаковой стражѣ, какъ положилъ себѣ сначала. Все вкушалъ, но въ такой строгой мѣрѣ, что труднѣе всякаго неѣденія. Напримѣръ. Однажды онъ кушалъ чай; его мѣра послѣ обѣда была одна чашка; онъ выкушалъ ее и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «что-то пить хочется; можно еще?»—Да кушайте, владыко святый.—«Подайте полчашки. А хлѣба можно?» Подали ломоть хлѣба; онъ отломилъ $^1/_4$ доли и скушалъ съ чаемъ. Да что вы кормите цыплятъ; кушайте Бога ради.—«Нѣтъ, этого мнѣ довольно».—Какой подвижникъ или постникъ возможетъ себя воздержать такимъ образомъ всю жизнь? Еще сказывалъ: «Любилъ онъ меня какъ сына, не скрывалъ отъ меня своихъ свѣтлыхъ мыслей; а между тѣмъ я чувствовалъ предъ нимъ великій страхъ и благоговѣніе. Отъ чего, однажды спросилъ я его, я васъ боюсь до того, что, входя къ вамъ, всегда прочитываю молитву *Отче нашъ* и призываю Св. Ангела хранителя, чтобы словомъ моимъ не нарушить мира вашего? Отъ чего

этотъ страхъ и благоговѣніе? — «Это твое добро, а моего ничего нѣтъ», отвѣчалъ онъ. Святитель всегда даже до излишества видѣлъ все доброе въ ближнемъ; ему все казалось великимъ подвигомъ въ другихъ, свое-же великое онъ не только не примѣчалъ, но и даже и не постигалъ, что оно можетъ быть въ немъ. Сколько разъ съ удивленіемъ говорилъ онъ о подвигахъ миссіонерства преосвященнаго Иннокентія. «Вообрази, говорилъ, онъ ѣздитъ на собакахъ!» — Да и всѣ тоже ѣздятъ такъ. — «Нѣтъ, удивляюсь ему; надо дать понятіе о немъ въ Св. Сѵнодѣ». И точно, кто же какъ не святителевъ гласъ возвелъ преоосвященнаго Иннокентія на митрополію Московскую.

Еще любопытное событіе о себѣ самомъ разсказывалъ о. архимандритъ. Когда я былъ изъ пустыни переведенъ въ настоятели Лавры, меня страшно тяготила эта должность; постоянная мысль, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, проситься въ отставку мучила меня до унынія. Не находя утѣшенія ни въ комъ, я отправился на богомолье въ Воронежъ. Преосвященный Антоній Воронежскій, мужъ въ добродѣтели дивный, встрѣтилъ меня съ отеческою любовію, и я открылъ ему возмущавшій меня помыселъ.

«Нельзя рѣшить вдругъ этотъ вопросъ, сказалъ онъ мнѣ; помолимся три дня святителю Митрофану и что̀ онъ намъ откроетъ, то и сотворимъ». По окончаніи трехъ дней преосвященный приглашаетъ меня ѣхать съ нимъ за городъ въ Дѣвичій монастырь, который онъ любилъ, а игуменья и казначея были въ немъ Московскія и мнѣ дѣти духовныя. Я принялъ приглашеніе, и въ каретѣ началъ онъ мнѣ разсказывать, какъ и его тяготило начальство, какъ онъ просился у Сѵнода на покой. Да, продолжалъ онъ надо возлагать все на волю Промысла Божія. Въ этомъ смущеніи мыслей я однажды прилегъ на диванъ въ залѣ отдохнуть и едва закрылъ глаза, слышу голосъ въ головахъ. Не знаю кто говорилъ мнѣ, Ангелъ или святитель Митрофанъ. «Ты хочешь проситься на покой?» — Да, отвѣчаю мысленно. — «А знаешь ли ты, что̀ такое начальство?» Это распятіе Господу Нашему Іисусу Христу; а Онъ съ креста не сошелъ, Его сняли со креста: то ты и долженъ пребывать на немъ». Я, продолжалъ о. армимандритъ, слушалъ его и старался скрыть лицо мое, по которому слезы градомъ катились изъ глазъ, а слова его какъ острымъ орудіемъ врѣзывались на сердцѣ моемъ. Между тѣмъ карета остановилась у вратъ монастыря, старицы приняли насъ съ радостію и предложили намъ взглянуть на 99-тилѣтнюю подвижницу ихъ обители. Вошли мы въ ея убогую келію. Согбенная лѣтами и подвигами старица встала, чтобы принять благословеніе, и опять сѣла на свою кроватку, надъ которой находились два портрета святителей Митрофана и Тихона. «Вотъ, ба-

тюшка, сказала она, указывая на портреты, этотъ милостивый, добрый, т.-е. святитель Митрофанъ, а этотъ—Богъ съ нимъ!» — Что̀ ты это говоришь? возразилъ преосвященный...—«Да какъ же, вотъ въ прошедшую ночь они оба ко мнѣ пришли. Святитель Митрофанъ и говоритъ святителю Тихону: «Пора отпустить рабу Божію, пора разрѣшиться ей изъ узъ плоти; а святитель-то Тихонъ отвѣтилъ: «нѣтъ, пусть еще потерпитъ.» Каковъ же; а я какъ молилась, какъ просила, что пора уже переселиться въ вѣчность! Самъ онъ потерпи!» Вотъ простота! Сама не понимаетъ, отчего бесѣдуетъ со святыми какъ съ живыми людьми. Нынѣ трудно уже найти сію блаженную простоту. Наконецъ, отправились домой и, возвратясь, преосвященный Антоній предлагаетъ мнѣ ужинать съ нимъ.—Никогда не ужинаю, владыко. — Ну, хоть такъ посиди. Черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ рѣчь: «Вотъ три дня прошли; надо рѣшить твое недоумѣніе и волненіе твоего духа.»— Владыко, давеча въ каретѣ вы съ намѣреніемъ говорили, или это былъ просто разсказъ о вашемъ прошедшемъ?—«Что̀ я говорилъ?»—Да какъ же, вы мнѣ разсказывали о собственномъ вашемъ состояніи духа и о гласѣ вами слышанномъ. Ваше слово все рѣшило.— «Неужели я разсказалъ тебѣ? Смотри же, молчи, никому въ жизни я сего не открывалъ, и какъ сказалъ тебѣ, не помню.»—«И мы, прибавилъ о. архимандритъ, можемъ сказать, что сами грѣшные, но видѣли праведныхъ и избранныхъ Божіихъ.» Сему повѣствованію было поводомъ, что я объяснила о. архимандриту смущеніе мое въ послушаніи управленія и насколько трудно сохранить миръ душевный и порядокъ въ дѣлахъ обители. На это онъ отвѣтилъ: «Что̀ дѣлать? Часто приходится и кошкѣ поклониться въ ножки!.»

1869 года 16-го Сентября. Посѣтилъ обитель нашу достопочтенный старецъ Іоаннъ Александровичъ Кривцовъ, основатель Введенской богадѣльни въ Бессарабіи. Слѣпецъ престарѣлый, сопровождаемый однимъ изъ учениковъ своихъ (Одесскимъ купцомъ, положившимъ все свое достояніе для устройства благотворительнаго заведенія), уже полтора года проживаетъ въ Москвѣ, смиренно испрашивая пособія у добрыхъ людей для своихъ возлюбленныхъ чадъ, хромыхъ, слѣпыхъ, калѣкъ, собранныхъ въ его заведеніи въ числѣ 150 человѣкъ. Усердіе оказалось малочисленно; но онъ, уповая на Владычицу, не скорбитъ и возвращается съ радостію въ свое уединеніе. Видъ старца поразителенъ; слѣпой, согбенный, удрученный постомъ и подвигомъ, онъ непрестанно творитъ молитву, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятенъ, радушенъ и веселъ. Ни онъ, ни его сотоварищи и ученики не имѣютъ монашескаго одѣянія, но проходятъ тайное монашество, какъ самъ онъ выразился. Я пригласила его къ себѣ. Бесѣда его простая, сердечная, изъ ко-

ей ясно видно, что онъ не отъ начитанности, не отъ привычки научать говорить, а отъ внутренняго и опытнаго упражненія въ добродѣтельномъ подвигѣ. Въ бесѣдѣ своей высказалъ онъ свое уваженіе къ преосвященному Воронежскому Серафиму.—«Это архіерей не вѣка сего, сказалъ старецъ, смиреніе его дивное. Подумай, матушка; онъ промѣнялся со мной своей одеждой, мою возложилъ на себя, а мнѣ отдалъ свою. При мнѣ пришла къ нему женщина съ просьбой и, конечно, кланялась ему въ ноги; а онъ, подумай-ка, разсмѣялся да и говоритъ: «Посмотримъ, старица, умѣютъ ли архіереи низко кланяться», да самъ бухъ ей въ ноги. Вотъ, матушка, святитель предобрый и пресмиренный. Нынѣ мало уже таковыхъ».

Еще говорилъ: «Спасайтесь, ищите Царствія Божія, много званныхъ да мало избранныхъ, говоритъ Господь; а что̀ это значитъ? Взгляни на небо, все усыпано звѣздами, а много ли блестящихъ звѣздъ? Опусти взоръ на лугъ въ Маѣ мѣсяцѣ, весь усѣянъ разными травами, а часто ли найдешь ладоновую травку; такъ, кое-гдѣ! Такъ-то и избранные Божіи; много вѣрующихъ словомъ, да много ли спасающихся?» Еще говорилъ: «Трудно поклоны класть, трудно поститься, лѣнь одолѣваетъ, немощь мѣшаетъ; а вы возьмитесь за вѣрный путь, любите другъ друга, смиряйтесь, прощайте другъ друга, вотъ и легкій путь. Спаситель сказалъ: *Претерпѣвый до конца той спасется. Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша.* Сими словами какъ бы устрашаетъ насъ, а тамъ и прибавляетъ: *Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть*, а то-то сіе и есть иго любви и смиренія.»

Прощаясь я просила его принять на память четки. Онъ разсмѣялся и сказалъ: «А, мать, какая ты хитрая! Ты какъ Закхей, возрастомъ малъ бѣ и влѣзъ на высокое дерево, да оттуда и заманилъ къ себѣ Спасителя; а ты мнѣ старому хитро напоминаешь о непрестанной молитвѣ и заставляешь восходить по этой лѣстницѣ на небо. — Да вашими молитвами и насъ туда же притащите», сказала я.—«Благо, благо, молитвою взыдемъ на небо! Простите, да будетъ надъ вами всѣми благословеніе Господне!»

Сего же года 18 Сентября посѣтилъ обитель преосвященный Леонидъ, викарій Московскій. Совѣстно даже передавать его милостивое и внимательное обхожденіе со мною грѣшной. Объѣзжалъ епархію и непремѣнно хотѣлъ быть въ обители 18-го числа, въ день открытія, день достопамятный для насъ. Сколько сирыхъ, бѣдныхъ, престарѣлыхъ нашли пріютъ подъ сѣнію сего устроенія! Буди вѣчная память основательницѣ игуменьѣ Евгеніи. Преосвященный выразилъ сіе сочувствіе и глубокое уваженіе къ памяти матушки-игуменьи. Онъ посѣтилъ уже насъ вечеромъ и уѣхалъ въ 11 часу, въ дождь и сильную грозу.

1869 года 15 Октября получили при указѣ Московской Духовной Консисторіи отъ купца Щенкова (брата покойной м. казначеи Никандры) остальной ея капиталъ, который она просила брата еще при жизни своей отдать въ обитель послѣ ея смерти, 14.500 р. с., изъ оныхъ 1.000 р. с. священно-церковно служителямъ для вѣчнаго поминовенія, а остальные 13.500 р. с. въ обитель для полученія процентовъ, не трогая капитала. Смотри и разумѣвай, чадо возлюбленное, попеченіе Владычицы о насъ грѣшныхъ и недостойныхъ! Перестали ѣздить побираться по деревнямъ, что всегда было у меня на совѣсти, первое потому, что разрушалось симъ завѣщаніе покойной матушки не ходить со сборомъ; второе, что сестры, шатаясь по деревнямъ, теряли время, привычку быть дома и сколько-нибудь внимательно проводить жизнь; а третье, что противъ совѣсти вытягивать у людей трудовой хлѣбъ, когда мы можемъ его своими руками выработать. И что же? Перестали ханжить; года не прошло, и съ преизбыткомъ Владычица замѣнила получаемое въ хлѣбномъ сборѣ. Велій еси Господи, и чудны дѣла Твои!

Того же года 28-го Ноября была я въ Москвѣ по дѣламъ обители и посѣтила княжну А. В. Голицыну, у которой устроена больница для монашествующихъ и сборщицъ. Наша м. Клеопатра лежала у нея, и я желала поблагодарить княжну. Въ разговорѣ она мнѣ передала, что, въ послѣднее ея свиданіе съ митрополитомъ Филаретомъ, онъ ее просилъ всегда принимать въ больницу Аносинскихъ и Зосимовскихъ сестеръ. «Я всегда принимаю Бородинскихъ», сказала княжна, «и въ настоящее время многія лежатъ у меня».—«Я васъ прошу о тѣхъ. Бородинскія не такъ жалки, у нихъ болѣе связей и средствъ, а эти бѣдныя сироты». Вотъ какое попеченіе отецъ и святитель имѣлъ постоянно о насъ!

1870 года 3-го Февраля совершилось у насъ въ обители небывалое событіе: милостію Божіею воспріяла св. схиму м. Аріадна, нынѣ схи-монахиня Анна, кроткое, незлобливое существо. Сколько было глумленія надъ ней всегда; съ самаго ея вступленія не было ей въ обители другого имени, какъ *дурочка гнилая*; сколько ее укоряли за ея постоянную довѣренность и любовь ко мнѣ грѣшной! Она все сносила въ молчаніи и всегдашнемъ незлобіи. За то и Богъ ее превознесъ и даровалъ ей имя Серафимское и безъ сомнѣнія благодать Свою. Она уже слишкомъ 26 лѣтъ живетъ въ обители.

Хотя снамъ вѣрить не должно и грѣшно; но что̀ хочу передать, то случилось не безъ промысла Божія, ищущаго всѣмъ спастися. Когда

наступило время сбора монашествующихъ и сестеръ въ мою келію для вывода къ постриженію въ схиму въ церковь м. Аріадны (это ея монашеское имя), мало кто изъ монахинь пришли. Послали за ними и когда сказали одной изъ нихъ, которая поносила и глумилась всячески надъ м. Аріадной, она и тутъ выразила презрѣніе къ ней и сомнѣніе, что не по достоинству пріемлетъ св. схиму. Эта монахиня въ слѣдующую ночь видитъ во снѣ огромное поле застроенное разными зданіями съ обѣихъ сторонъ, посреди древо необыкновенно красивое; она хочетъ осмотрѣть его и чѣмъ болѣе приближается, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ необычайное благоуханіе; подходитъ ближе и удостовѣряется, что запахъ отъ дерева и видитъ съ вѣтвей его сливающуюся росу на землю и ее орошающую; хочетъ распространить росу животворную на весь лугъ, но недоумѣваетъ, какъ это сдѣлать. Въ эту минуту просыпается и понимаетъ, что дерево благоуханное м. Аріадна, ею всегда поносимая. Монахиня, сильно тронутая и по послушанію отъѣзжавшая въ Москву, просила молитвъ и прощенья у новой схимонахини Анны.

Того же года въ Февралѣ мѣсяцѣ по дѣламъ обители была я въ Москвѣ у преосвященнаго викарія Леонида и, въ разговорѣ объ исповѣди и духовникахъ онъ передалъ мнѣ замѣчанія въ Бозѣ почившаго владыки митрополита Филарета.... Преосвященный Леонидъ день отъ дня болѣе располагается довѣріемъ ко мнѣ грѣшной. Господи управь сіе во благо и на пользу! Не попусти моему самолюбію утѣшаться и превозноситься довѣріемъ лица начальствующаго!

1870 года 19 Мая лишилась наша семья драгоцѣнной нашей бабушки Марьи Григорьевны; она переселилась въ вѣчность, можно сказать, безболѣзненно, 75-ти лѣтъ. Вечеромъ была весела, забавляла и утѣшала внучку свою и крестницу Машу Кругликову, легла въ 12 часу вечера, сдѣлался ударъ, продолжалось безчувствіе до 1-го часа дня, и тихо предала духъ свой Господу, окончивъ свою жизнь самоотверженную и исполненную любви ко всѣмъ. Съ полнымъ утѣшеніемъ принимаю прахъ ея въ обитель ей совершенно близкую и родную. Господь привелъ ее здѣсь въ Аносинѣ воспитаться у матушки Евгеніи вмѣстѣ съ матерью нашей, потомъ и самой воспитать двухъ ея дѣтей, Настасью Кругликову и Александру Глѣбову. А теперь первую Господь утѣшилъ исполнить послѣдній долгъ и самой принять духъ матери-воспитательницы, а подлѣ другой лечь въ могильный покой! Какъ

вторую мать съ любовію срѣтаю. Упокой ее, Господи, во царствіи Своемъ!

1870-го года 19 Іюля посѣтилъ обитель преосвященный Леонидъ, предваривъ меня письмомъ, что желаетъ придти въ обитель не въ видѣ начальника, но какъ братъ, безъ всякихъ излишнихъ приготовленій. Я и мысли не имѣла приглашать его къ служенію, на что у насъ нѣтъ и средствъ; но онъ самъ вызвался совершать всенощную, на другой день литургію, кушалъ обще съ нами въ трапезѣ, не захотѣвъ отнюдь измѣненія въ оной; все что̀ могла—испросить позволенія устроить пищу какъ въ большіе праздники у насъ на трапезѣ устроется, что̀ весьма не великолѣпно для архіерейскаго обѣда. Преосвященный обошелъ всѣ наши маленькія заведенія, всѣ келіи, съ любовію и милостію всѣхъ привѣтствовалъ. На могилѣ матушки игуменіи Евгеніи и бабушки Марьи Григорьевны совершилъ литію, всѣмъ остался доволенъ. Мы проводили владыку съ грустью и вмѣстѣ съ сердечною признательностію. Сестры забыли труды и усталость ради приготовленія, а только радовались, что удостоена обитель вожделѣннаго посѣщенія добраго и милостиваго нашего владыки.

1870-го года, въ началѣ Августа, рѣшились сдѣлать заемъ для устройства ограды, которая падаетъ. Смущала меня мысль, что долгъ всегда былъ противу мысли покойнаго святителя, но нужда крайняя заставила и противъ желанія просить. Игуменъ о. Іосифъ Давидовской пустыни обѣщалъ дать безъ процента 4.000 р. с. Ну слава Богу, думала я, выпросила, доложила митрополиту; дѣло улажено. И вдругъ Господь судилъ иначе: отецъ и святитель не восхотѣлъ, чтобы я грѣшная преступила заповѣдь его. О. игуменъ отказался безъ настоящей причины, а постройку взялъ на себя благодѣтель обители П. Г. Цуриковъ.

1870-го года 19 Ноября день памяти отца и владыки нашего. Думая часто и перебирая въ умѣ всѣ случаи и слова святителя, припоминалось мнѣ слѣдующее происшествіе. Строился у насъ въ монастырѣ каменный подвалъ подъ рухлядной противъ моей келіи. Каменьщики были безпорядочны. Сестра, приставленная за надзоромъ по стройкѣ, конечно часто ворчала на нихъ, а они много ей грубили. Наконецъ подвалъ былъ оконченъ, убранъ, и уже кое-что въ него поставлено, и тѣмъ днемъ хотѣли освятить его. Утромъ послѣ заутрени старшая трапезница послала одну изъ вновь вступившихъ что-то изъ него принести; та побѣжала, отворяя дверь, испугалась и упала навзничь безъ памяти. Долго не могли привести ее въ сознаніе; наконецъ, когда память возвратилась, она разсказала, что, входя въ подвалъ безъ молитвы и спѣшно, увидѣла страшную, огромную лягушку, которая

съ визгомъ бросилась на нее, а больше ничего не помнитъ. Я же, сидя у открытаго окна въ моей келіи, точно слышала страшный визгъ, что̀ заставило меня выйти узнать о причинѣ оного; сестру видѣла въ конвульсіяхъ, но лягушки не видала. Съ тѣхъ поръ бѣдная сестра сдѣлалась почти дурочкой, отъ всего святаго отвращалась, церкви бѣгала, кричала; ее ломало, особливо, когда сообщалась Св. Таинъ. Въ безпамятствѣ повторяла: «наконецъ перейдетъ со мной, а послушанія святаго никогда нести не буду». Не зная что̀ сдѣлать съ ней, однажды пришло мнѣ на мысль надѣть на нее образъ Пр. Сергія, благословленный мнѣ отцемъ владыкой митрополитомъ Филаретомъ и, скативъ съ него воду, напоить несчастную. Это послужило къ ея успокоенію и было единственнымь способомъ облегченія въ ея припадкахъ. Наконецъ, бывъ по дѣламъ въ Москвѣ у святителя, я ему передала все подробно, и онъ приказалъ ее отвезти въ Лавру къ Преп. Сергію съ порученіемъ о. намѣстнику попещись духовно о больной. Взявъ благословеніе и съ вѣрою въ святительскія молитвы, мы отправились; наша больная все время была тревожна, но изъ экипажа не рвалась. Остановились кормить лошадей, сами отдохнули, пообѣдали, приказываю закладывать; кучеръ говоритъ: «съ лошадью что-то сдѣлалось, вся въ пѣнѣ, трясется и корма не ѣстъ». Въ раздумьѣ велѣла нанять лошадь, и вдругъ пришла мнѣ мысль, не врагъ-ли намъ хочетъ преградить путь и, призвавъ въ помощь Угодника Божія и молитвы владыки, скатила водой образъ имъ мнѣ благословленный, облила лошадь и дала ей остальное выпить. Лошадь успокоилась, съѣла кормъ, и мы доѣхали благополучно. Послѣ сего она служила намъ нѣсколько лѣтъ. Больную-же оставили въ Лаврѣ съ монахиней нашей; она тамъ пробыла шесть недѣль; надъ ней читали, часто сообщали Св. Таинъ, соборовали, и она возвратилась милостію Божіей исцѣленною. Только здоровье ея потеряно: она страдаетъ болью въ головѣ и потому постояннаго послушанія нести не можетъ, но безуміе и припадки вовсе прошли. Впослѣдствіи негодные каменщики проговорились и высказывали, что имъ жаль эту сестру, а что они это устроили для той, которая была въ то время при постройкѣ.

Того-же года 1871 въ началѣ Марта получила указъ о перемѣнѣ у насъ благочиннаго и о назначеніи въ сію должность вмѣсто досточтимаго старца отца архимандрита Гедеона Угрѣшенскаго архимандрита Пимена. Эта перемѣна для насъ весьма чувствительна. О. Гедеонъ былъ отечески расположенъ и къ обители, и ко мнѣ грѣшной. Послѣ многихъ и многихъ столкновеній и недоразумѣній съ казначеей м. Іоанной дѣло дошло до того, что она отозвалась болѣзнію и рѣшительно отказалась отъ должности казначеи,

но титулъ еще за ней. Управь ее Господь ко благу! Не постигаю пути ея! Теперь къ письмоводительству пріучаю Елисавету Арсеньеву; она близка мнѣ, какъ залогъ послѣ покойной Юліи; а тебя, чадо, ввожу въ дѣла хозяйственныя и счеты. Учись уже серіозно служить обители. Да поможетъ тебѣ Господь!

Сего-же года 25 Февраля умерла жившая у насъ въ обители дѣвица изъ дворянъ Силина; при кончинѣ облекли въ рясофоръ и нарекли Антониной. Ни въ жизни, ни въ умѣ ничего не было замѣчательнаго, а Господь утѣшилъ мирной кончиной, и такъ была хороша усопшая, точно живая!

Того же года 4-го Іюня, наконецъ, м. Іоанна подала форменную просьбу объ отставкѣ отъ должности казначеи. Много было непріятностей, много, можетъ быть, недоразумѣній и съ той и съ другой стороны. Но Господь все устроеэтъ къ лучшему и къ спасенію; можетъ быть, водворится опять миръ въ обители. Избрана м. Клеопатра исправляющей должность. Это сдѣлалось нечаянно; тутъ въ существѣ не было выбора ни моего, ни сестеръ; видно такъ Богу угодно, все къ лучшему. Этимъ прибавилось мнѣ труда и заботъ, а тебя, дитя мое, избавило отъ разныхъ скорбей и вражды. Слава Богу! Жаль и м. Іоанну. Сколько можно человѣчески видѣть, она едва-ли на правомъ пути, не въ искушеніи-ли? А можетъ быть влечется желаніемъ къ уединенію. Трудно проникнуть въ каждую душу, а особенно въ ея. Управь ее Господь! А намъ что̀ сказать? *Терпя потерпѣхъ Господа и внятъ ми.* Всегда помню слова твоего дѣдушки о. Николая, что правда свѣтлѣе солнца.

Того же года, въ первыхъ числахъ Іюля, посѣтила обитель графиня Орлова-Давыдова съ дочерью; входили во всѣ подробности, порядки устава и хозяйства, обѣдали въ трапезѣ будничнымъ кушаньемъ. Остались вполнѣ удовлетворены и просили позволенія прислать довѣренное лицо пожить, чтобы вглядѣться въ чинъ общежитія. Кажется, хотятъ сами завести общину. Были онѣ у насъ по указанію и соизволенію митрополита Иннокентія.

Обитель наша всегда была окружена небогатыми селеніями, а въ настоящее время, можно сказать, обѣднѣвшими, такъ что къ веснѣ многіе изъ поселянъ нуждаются въ хлѣбѣ и почти постоянно приходятъ брать заимообразно ржаную муку до собранія новаго хлѣба, въ чемъ обитель имъ и не отказываетъ. Въ нынѣшнемъ году число просителей умножилось или отъ ихъ же нерадѣнія и пьянства, или, можетъ быть, и по другимъ причинамъ, не знаю, только мнѣ они на-

доѣли, и я не велѣла имъ давать муки. Благодѣтель же нашъ постоянный И. Г. Цуриковъ уже многіе годы къ 1 Мая и къ 1 Ноября даетъ обители на содержаніе странниковъ по 500 р. с. Нынѣ же и 1 Мая, и до конца Мая нѣтъ обычной отъ него милостыни. Меня стало тревожить его забвеніе. Спросила у Саввинскаго намѣстника, получилъ ли онъ обычную милостыню? Тому выдано было въ извѣстный срокъ. Тогда мнѣ пришла мысль, не я ли сама причиной замедленія и не отдамъ ли за то отвѣта предъ Богомъ, и первому пришедшему за мукой велѣла выдать просимое и давать безпрепятственно по обычаю. Что же? На другой день пріѣзжаетъ И. Г. Цуриковъ и проситъ извиненія, что за разными хлопотами забылъ привезти обычную милостыню обители, и передаетъ теперь *500 р. с.* Вотъ какъ Господь учитъ помнить заповѣдь Свою, что и за малую милость воздастъ сторицею! Мы даемъ во время нужды заимообразно, *не велика жертва*; а Онъ Всеблагій изливаетъ Свою милость, чрезъ избраннаго раба Своего, тупе и щедро.

Того же года 18 Іюля преосвященный викарій Леонидъ посѣтилъ обитель, служилъ, по обычаю, былъ милостивъ и внимателенъ. Не стою сего милостиваго вниманія. Дай Богъ, чтобы расположеніе владыки не измѣнялось.

М. Іоанну прочили въ игуменьи, но ея настойчивый отказъ отъ казначейства разрушилъ намѣреніе начальства. Все Господь ведетъ къ лучшему, неизслѣдимы судьбы Его. Да водворится миръ и любовь въ нашемъ маломъ убѣжищѣ!

Съ преосвященнымъ пріѣзжалъ и новый благочинный Пименъ. Онъ мнѣ не по духу; присутствіе и благоволеніе владыки Леонида оградило насъ отъ пустого разысканія и замѣчаній благочиннаго.

Въ теченіе послѣдняго времени распространилась холера, хотя не сильная, въ окрестностяхъ обители. Сегодня, т.-е. 7 Августа, пришла пріобщиться Св. Таинъ крестьянская дѣвица Евдокія Андреевна изъ Труховки (постоялый дворъ на Воскресенской дорогѣ) и сообщила, что въ недавнемъ времени она ощущала всѣ припадки холеры по ночамъ въ теченіи двухъ сутокъ; днемъ ей становилось легче, но когда внезапно занемогла холерой же ея невѣстка и въ сутки кончила жизнь, она оробѣла, и съ ней усилилась болѣзнь. Находясь въ страданіяхъ и корчахъ, она обѣщала, ежели Владычица св. иконою Своею Тихвинскія подниметъ ее, отслужить молебенъ съ водоосвященіемъ и акаѳистомъ и тутъ же почувствовала облегченіе, выздоровѣвъ говѣла

и сегодня сообщалась Св. Таинъ. Все это время ежедневно поднимають сію св. икону и съ теплой вѣрой ей молятся.

Того же года 8-го Сентября Александра Өедоровна Туровская, нынѣ рясофорная послушница Хотькова монастыря Антонія, прибывшая на богомолье въ нашу обитель, передавала слѣдующее. Въ посадѣ Троицкой Лавры жила и доселѣ живеть бѣдная дѣвица добраго и духовнаго настроенія, которой постоянно въ Бозѣ почившій владыко Филаретъ ежемѣсячную давалъ милостыню. По кончинѣ его она сильно скорбѣла о немъ и о томъ, что не знаетъ, какъ о немъ молиться. Не смѣю, говорила она, взывать къ нему, какъ къ святому; не смѣю и поминать какъ человѣка, требующаго обычнаго поминовенія. Въ этомъ скорбномъ раздумьѣ пришла она въ церковь Филарета Милостиваго къ могилѣ святителя и припала къ нему, какъ къ живому, вопрошая о своемъ сомнѣніи. Въ туже ночь видитъ во снѣ, что она въ келіяхъ у владыки въ Лаврѣ и что онъ съ обычною милостію говоритъ ей: «Ты не знаешь и смущаешься, какъ за меня молиться. Молись вотъ такъ: *Упокой Господи іерарха Филарета и его святыми молитвами прости моя согрѣшенія.* Съ симъ пробудилась, ощущая радость и спокойствіе въ душѣ.

Другой случай. Въ Москвѣ у купчихи Смирновой была сестра отчаянно больна, и когда она ее посѣтила, то уже больная была особорована и напутствована Св. Тайнами, а врачами приговорена къ смерти. Въ скорби Смирнова возвратилась домой и прилегла на диванѣ, сама не знаетъ, какъ задремала и видитъ, что она на подворьѣ у владыки Филарета въ Москвѣ, отворяетъ дверь изъ передней, но не узнаётъ его залы: совсѣмъ другое, стѣнъ не видитъ, а вездѣ свѣтъ въ храминѣ. Она испугалась; но, увидя въ глубинѣ владыку, сидящаго за столомъ и пишущаго, кинулась къ нему и, припадая къ стопамъ его, проситъ о молитвѣ за сестру болящую. — «А я писалъ приговоръ». Она взглянула на бумагу и видитъ, что при движеніи пера выходятъ слова огненныя на бумагѣ. Въ страхѣ она поняла, что это былъ смертный приговоръ сестрѣ. «Владыко святый, вы всегда были милостивы къ паствѣ вашей; умилосердитесь, сотворите молитву о сестрѣ моей умирающей!» — «Ну хорошо», и оттолкнулъ бумагу. «Я очнулась», говоритъ Смирнова, «въ туже минуту обратно поѣхала къ сестрѣ, застала ее крѣпко спящую.» Съ сей минуты болѣзнь миновалась, и она жива и здорова до сего дня. Все можетъ сила молитвы. А велики заступленіе и молитвы праведнаго!

Сего 1871 года въ Октябрѣ мѣсяцѣ благодѣтель нашъ П. Г. Цуриковъ сильно былъ встревоженъ. Въ теченіе мѣсяца подкинули ему, кажется, три письма съ прещеніемъ сжечь фабрику, ежели въ назначенныя мѣста не положитъ назначенной суммы денегъ. Наконецъ въ послѣднемъ, четвертомъ письмѣ назначено мѣсто около почти нашей ограды, у балагана, гдѣ помѣщаются каменщики-рабочіе. Явилась къ намъ тайная полиція, чтобы схватить злодѣя; провели двое сутокъ, ничего не развѣдали и никого не поймали, а подозрѣніе и доказательство явно падали на одного изъ земляниковъ, работавшихъ и у насъ, и на фабрикѣ Цурикова. Розыски оказались не успѣшны. Павелъ Григорьевичъ прибѣгнулъ къ Владычицѣ, служилъ молебенъ, просилъ молиться. Я, зная свою лѣность, не смѣла думать взять на себя, а сказала о. духовнику іеросхимонаху Иліи, схимницѣ Аннѣ и одной новопостриженной монахинѣ, что настоятъ сильная скорбь и смущеніе, чтобы просили Владычицу развязать узелъ и раскрыть дѣло. Что же? Черезъ два дня на самой фабрикѣ злодѣй былъ остановленъ такъ тихо, что никто доселѣ о семъ не знаетъ, во всемъ повинился, просилъ прощенья, клялся, что впередъ ничего подобнаго дѣлать не будетъ, и добрѣйшая душа, Павелъ Григорьевичъ, все простилъ и покрылъ молчаніемъ. И опять водворилось общее спокойствіе. Вотъ сила молитвы! А за прощеніе Господь воздастъ Своею милостію благодѣтелю и, вѣроятно, приведетъ на покаяніе несчастнаго, покусившагося на преступленіе.

Въ семъ же мѣсяцѣ утверждена исправляющею должность казначеи м. Клеопатра. Вмѣсто нея мѣсто быть благочинной жребій палъ на м. Ѳеофанію. Никто и не думалъ о ней прежде; она держала себя кротко и незамѣтно, но видно было угодно Владычицѣ вызвать ее на служеніе обители. Радуюсь о семъ; помоги ей, Господи!

На смертномъ одрѣ постригли въ мантію рясофорную послушницу (аптекаршу) Апполинарію, нарекли Августой. Сего же года 20-го Ноября она кончила жизнь въ сознаніи и въ христіанскомъ расположеніи, каждый день сообщалась Св. Таинъ. Вѣчная ей память!

Почти весь Ноябрь мѣсяцъ провела въ обители довѣренное лицо отъ графини Орловой - Давыдовой Елисавета Васильевна Ольдерогъ, уѣхала она сего 1871 года 1-го Декабря. Высказывала полную благодарность и сочувствіе къ обители. Она занимаетъ должность начальницы общины сестеръ милосердія, основанной матерью гр. Орловой-Давыдовой, княгиней Барятинской. Личность г-жи Ольдерогъ мнѣ нра-

вится; она перешла изъ протестантства въ православіе, весьма серьезная, богобоязливая, дѣльная и, кажется, весьма воспріимчивая ко всему духовному и доброму. Многіе думаютъ и желаютъ устроенія монашеской общины. Трудно устроить монашескую общину, не пройдя опытомъ монашескаго начала, подъ руководствомъ монашескимъ. Дай имъ Господи успѣхъ къ пользѣ душевной!

1872 года 27 Января совершилъ Господь твое постриженіе въ мантію, доброе чадо мое Евгенія. Да благословитъ Онъ тебя Самъ съ Пречистою Своею Матерію и да совершитъ путь твой въ благоугожденіе и служеніе Его святой волѣ и обители и въ утѣшеніе старости моей! Я теперь покойна, что ты уже совершенно присвоена обители и уже на твердомъ камени стоишь. Слава милосердію Его неизреченному, даровавшему мнѣ убогой старицѣ твоей сіе душевное утѣшеніе! Помни, дитя мое, какъ ликъ Владычицы былъ прекрасенъ въ этотъ день. Благодари и вѣруй, что Она твой покровъ и утвержденіе.

Нынѣшнее лѣто дочь графини Орловой-Давыдовой Марья Владимировна съ тремя сестрами своей общины, и между ними уже гостившая у насъ Е. В. Ольдерогъ, посѣтили обитель, говѣли въ постъ свв. апостоловъ Петра и Павла, также и княгиня Анна Ивановна Гагарина *). Дивныя дѣла! Ищутъ совѣта у меня грѣшной, утѣшаются обителью. Къ чему все это ведетъ, Богъ вѣсть.

Преосвященный Леонидъ руководствуетъ княгиню Гагарину и желаетъ ее вполнѣ передать на мои руки въ монастырь. Одно страшитъ: Господи, огради душу мою отъ тщеславія и превозношенія! Милости преосвященнаго не стою и ничѣмъ не могла заслужить ее.

*) Бывшая актриса Пряхунова. Н. Б.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

По нерѣдкой у насъ склонности придавать нашимъ друзьямъ такія качества и отличительныя черты, которыми они не владѣютъ, Надежда Дмитріевна Хвощинская, вообразивъ себѣ, что во мнѣ теплится беллетристическая искра, уговорила меня попытать мои силы на этой новой для меня аренѣ, обѣщаясь быть моимъ руководителемъ, цензоромъ и корректоромъ. Особенно предстояло ей много труда по корректурной части, вслѣдствіе моей невообразимой даже неграмматикальности, переполнявшей и редакцію производимыхъ мною слѣдствій [2])

Избралъ я сюжетъ изъ сферы тогдашнихъ моихъ занятій и озаглавилъ мою повѣсть: «Первое слѣдственное дѣло чиновника особыхъ порученій». Повѣсть моя вышла, вопреки благосклоннаго взгляда знаменитой моей помощницы, нелѣпѣйшею изъ нелѣпыхъ (таковъ теперешній мой приговоръ, но въ то время она представлялась мнѣ какъ бы перломъ); но я все таки возымѣлъ дерзновеніе отослать ее въ «Отечественныя Записки», уповая на патронатство Надежды Дмитріевны, какъ одной изъ самыхъ видныхъ подпоръ журнала Краевскаго. Нѣчего и говорить, что не суждено было моей безцвѣтной элюкубраціи увидѣть свѣтъ; но я всетаки не унялся и на слѣдующій (1856) годъ начертилъ романическую дребедень, подъ именемъ «Провинціальная танцовщица», заимствовавъ впрочемъ сюжетъ изъ событій Рязанской театральной жизни, и на этотъ разъ я предпочелъ попытать свое авторское счастіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Удостовѣрившись однакоже по прошествіи года, что разсказъ мой не былъ помѣщенъ въ этомъ журналѣ, я, въ бытность мою въ Москвѣ, зашелъ къ М. Н. Каткову (жившему тогда на Мясницкой, при входѣ въ Армянскій переулокъ, гдѣ помѣщалась и его типографія), чтобы узнать, принята ли моя статья; но увы! онъ объявилъ мнѣ, что хотя разсказъ мой очень «миленькій», но недостаточно

---

[1]) См. выше стр. 303.

[2]) Къ стыду моему я долженъ сказать, что я сталъ заниматься Русскою грамматикою и даже Русскою исторіею не прежде конца 60-хъ годовъ, да и по сю пору сильно хромаю въ правописаніи.

интересенъ, чтобы быть помѣщеннымъ въ его журналѣ, и съ этихъ поръ я убѣдился, что во мнѣ нѣтъ никакихъ беллетристическихъ дарованій. Мое посѣщеніе Михаила Никифоровича относится къ 1857 году (я нарушилъ хронологическій порядокъ, чтобы покончить сразу съ моимъ неудавшимся авторствомъ). А больно хотѣлось мнѣ, и даже хочется и теперь, литературной извѣстности!......

Въ Февралѣ этого 1855 года, взошедъ однажды утромъ къ Петру Петровичу Новосильцову, я засталъ его въ кабинетѣ, втроемъ съ его зятемъ, княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ Вяземскимъ, и съ Меропою Александровною. Всѣ трое сидѣли съ необыкновенно серіозными и озабоченными физіономіями, и меня особенно удивило найти здѣсь князя Вяземскаго, только что наканунѣ этого дня уѣхавшаго въ Москву. На мой вопросъ о причинѣ столь поспѣшнаго его возвращенія въ Рязань, онъ объяснилъ, что въ Москвѣ получено было частное, но вѣрное извѣстіе, что государь Николай Павловичъ скончался, и вотъ почему онъ прискакалъ обратно къ своему тестю. Эти слова поразили меня какъ громовой ударъ, и мы всѣ четверо оставались безмолвными и съ поникшими головами. Когда, спустя нѣсколько времени, я остался вдвоемъ съ Петромъ Петровичемъ, онъ сказалъ: «Тотъ по крайней мѣрѣ лично зналъ меня, а этотъ—поди, угодишь-ли ему? Однако же, потрудитесь, *mon cher*», продолжалъ онъ, «перемѣнить Государя портретъ, что̀ стои́тъ на̀дъ моимъ письменнымъ столомъ». Надо знать, что вдоль стѣнъ его кабинета висѣли литографированные портреты всѣхъ членовъ царской фамиліи, кромѣ самаго Государя, коему сдѣланъ былъ особый почетъ выситься надъ письменнымъ столомъ, и вотъ, исполняя желаніе моего начальника, я перенесъ покойнаго императора на стѣну, на то мѣсто, гдѣ былъ портретъ великаго князя цесаревича Александра Николаевича, а послѣдняго я помѣстилъ на подобающее ему, какъ царю, новое мѣсто. Петръ Петровичъ казался такъ опечаленъ и разстроенъ неожиданностію роковаго извѣстія, привезеннаго его зятемъ, что меня немного удивило, какъ могъ онъ въ настоящую минуту помышлять о столь мелочномъ, но все таки какъ бы полуоффиціальномъ заявленіи, каковымъ я считалъ перемѣщеніе царскихъ портретовъ. Вслѣдъ за симъ онъ поспѣшилъ къ преосвященному Гавріилу, чтобы сообщить ему неизвѣстную еще въ городѣ новость и, быть можетъ, поплакать съ нимъ, а также чтобы условиться относительно немедленнаго провозглашенія о восшествіи на престолъ новаго Государя и о приводѣ къ присягѣ мѣстныхъ жителей, что̀ и состоялось на слѣдующій день, хотя оффиціальнаго извѣстія о кончинѣ императора Николая Павловича не было еще (на сколько помнится мнѣ) получено въ Ря-

зани, а на другой день послѣ присяги совершена была торжественная заупокойная литургія и панихида о почившемъ въ Бозѣ императорѣ, при чемъ весь служебный нашъ составъ и дамы были въ полной траурной одеждѣ. Изъ послѣднихъ самыя видныя, по свѣтскому ихъ въ Рязани положенію, губернаторша и двѣ сестры княгини Грузинская и Дадіанъ (дочери графа Павла Петровича Палена) были одѣты по строгому придворному этикету, въ длинныхъ со шлейфами черныхъ вуаляхъ, чего не случалось мнѣ видѣть дотолѣ. Съ этого же дня (если память не измѣнила мнѣ) во всѣхъ Рязанскихъ городскихъ церквахъ стали уже поминать императора Александра Николаевича; но внѣ города продолжали молиться по прежнему о здравіи и благоденствіи императора Николая Павловича впредъ до полученія новаго о томъ консисторскаго указа, замедлившагося отъ неполученія консисторіею синодальнаго указа, и эта аномалія продолжалась цѣлыя двѣ недѣли или даже чуть-ли не болѣе. Вотъ онъ, этотъ несчастный оффиціальный характеръ, подъ гнетомъ коего страждетъ наша церковь: уваженіе къ бюрократическимъ формамъ доходитъ у насъ до того, что заставляетъ молиться съ сознательной лживостію.

Вопреки Крымскимъ военнымъ неудачамъ, общественное мнѣніе края такъ твердо вѣрило въ геніальность государя Николая Павловича, что, узнавъ о его кончинѣ, мы считали Россію пропавшею безъ него и со страхомъ спрашивали другъ у друга: чтò теперь будетъ съ нами? Чтò ни говори, а чѣмъ нибудь да заслужилъ же покойный государь подобное всеобщее о себѣ мнѣніе [1])!

На первыхъ же порахъ новаго царствованія послѣдовали опалы. На мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова назначенъ былъ Сергѣй Степановичъ Ланской, а преемникомъ главноуправляющаго путями сообщенія графа П. А. Клейнмихеля назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Чевкинъ [2]). Уже кстати разскажу, какъ онъ однажды переострилъ князя Меньшикова (хотя это было до его назначенія въ сказанную должность). Въ одномъ изъ городскихъ салоновъ, свѣтлѣй-

---

[1]) Заслужилъ онъ, по моему, это мнѣніе тѣмъ, что былъ Русскимъ вполнѣ царемъ, въ противуположность своему предшественнику императору Александру 1-му. Не говоря о другомъ, вѣдь свѣжа еще были въ народной памяти Аракчеевщина и военныя поселенія, и не давалъ императоръ Николай Павловичъ предпочтенія иностранцамъ въ ущербъ своимъ подданнымъ.

[2]) Еще въ 40-хъ годахъ носился въ Петербургѣ слухъ, что однажды императрица Александра Өеодоровна жаловалась будто-бы Государю на надменное обращеніе графа Клейнмихеля съ великимъ княземъ наслѣдникомъ, вслѣдствіе чего Государь предупредилъ будто графа Петра Андреевича не забывать, что „когда нибудь придется ему имѣть дѣло съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ“.

шій князь Александръ Сергѣевичъ (не оставлявшій по своему обыкновенію почти никого въ покоѣ), увидавъ входившаго, горбатаго и кривобокаго Чевкина, не удержался, чтобы не сказать вслухъ:—«Que vient faire ici Ésope?» На что Чевкинъ отвѣчалъ не запинаясь: «Il vient faire parler les animaux *).

Вотъ подробности о паденіи Д. Г. Бибикова, какъ я ихъ слышалъ, не изъ оффиціальныхъ, а только изъ городскихъ источниковъ. Во время одного изъ докладовъ Бибикова, Государь спросилъ его, отъ чего дѣла по ввѣренному ему министерству не идутъ настолько удовлетворительно, какъ бы желалось, чтобы онѣ шли. «Оттого, Государь», отвѣчалъ будто-бы Д. Г. Бибиковъ, «что министръ внутреннихъ дѣлъ не пользуется правомъ имѣть опредѣленный въ недѣлѣ день, для личнаго доклада вашему величеству, а только отсылаетъ вамъ свой портфель».— «Я самъ того же мнѣнія», сказалъ на это Государь, «и вотъ почему, я впредь назначаю опредѣленный въ недѣлѣ день для доклада министру внутреннихъ дѣлъ, Сергѣю Степановичу Ланскому». Павшій министръ откланялся и, возвратясь домой, ни слова не проронилъ своему семейству о постигшей его опалѣ, и во время обѣда оставался въ такомъ же хорошемъ расположеніи духа, какъ и обыкновенно. Послѣ обѣда, когда вся семья собралась въ его кабинетѣ, въ томъ числѣ и зять его графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, и пошла обычная бесѣда, Дмитрію Гавриловичу доложили, что въ его пріемной дожидается правитель министерской его канцеляріи. «Скажи», молвилъ Бибиковъ лакею, «чтобы онъ явился въ новому министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому». Легко представить себѣ общее изумленіе, произведенное этими словами.

Съ удаленіемъ Д. Г. Бибикова, наступила болѣе благопріятная для нашего губернатора эра.

Въ Рязанской, шумной дотолѣ, жизни произошелъ застой по случаю траура по императорѣ Николаѣ Павловичѣ; но если бы даже не было иначе, всѣ эти веселости не существовали бы для меня со времени кончины моей Анны, и меня единственно занимало служебное дѣло. Изложу два-три болѣе крупные случая изъ этого міра.

Раненбургскій уѣздный судъ приговорилъ одного обвиняемаго въ поджогѣ (или какомъ-то другомъ, не помню, важномъ преступленіи) крестьянина къ наказанію плетьми (или розгами) и къ ссылкѣ. Съ этимъ согласна была и Уголовная Палата, но когда дѣло поступило

*) „По какому дѣлу пришелъ сюда Езопъ?"—„Чтобы заставить скотовъ говорить".

на разсмотрѣніе въ Сенатъ, онъ, отмѣнивъ тѣлесное наказаніе, во всемъ прочемъ согласился съ рѣшеніями обѣихъ упомянутыхъ инстанцій, въ коихъ усматривалось также обвиненіе нѣкоторыхъ другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, лицъ. Когда сенатскій указъ поступилъ въ Уголовную Палату, она, вызвавъ главнаго обвиняемаго, объявила ему съ подпискою объ измѣняемомъ отчасти рѣшеніи, до него касающемся, а за тѣмъ препроводила дѣло въ Уѣздный Судъ, а послѣдній предписалъ Раненбургскому Земскому Суду привести его въ исполненіе. Но послѣ обычно-оффиціальнаго слова, «приказали», было слѣдующее: «Рѣшеніе Правительствующаго Сената объявлено подъ росписокою главному подсудимому (имя рекъ), а во всемъ остальномъ поступить по указу» *). Указъ этотъ (отъ Уѣзднаго Суда) былъ полученъ Раненбургскимъ Земскимъ Судомъ въ тотъ самый злосчастный день и моментъ, когда накопилась тамъ груда дѣлъ, требовавшихъ немедленнаго исполненія, или, быть можетъ, когда Земскій Судъ находился въ обычномъ ему лихорадочномъ состояніи и страхѣ отъ ожиданія губернаторской ревизіи, этого Дамоклесова меча, вѣчно висѣвшаго надъ нимъ. Какъ бы то ни было, а время приспичило горячее, да и въ этомъ длиннѣйшемъ протоколѣ повторялись отъ доски до доски всѣ три рѣшенія (первоначальное Уѣзднаго Суда, Уголовной Палаты и Сената), а въ добавокъ и послѣдній указъ Уѣзднаго Суда о приводѣ въ исполненіе окончательнаго рѣшенія; и потому докладчикъ суда, бѣгло просмотрѣвъ весь протоколъ, составлявшій объемъ фоліанта, а быть можетъ, удовольствовавшись прочтеніемъ первыхъ и послѣднихъ его страницъ, понялъ, что окончательная фраза обоихъ указовъ, Уголовной Палаты и Уѣзднаго Суда, гдѣ читалось, что «рѣшеніе Правительствующаго Сената объявлено подсудимому, а во всемъ прочемъ поступить согласно указу» (т. е. сенатскому), относилась къ тому, что подсудимому объявлено было о наказаніи его плетьми (или розгами) и что потому Раненбургскому Земскому Суду ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ исполнить приговоръ, относившійся какъ къ главному обвиняемому, такъ и къ его соучастникамъ. Исполнивъ такимъ образомъ этотъ подвигъ, Земскій Судъ донесъ Уѣздному Суду, что, согласно съ сенатскимъ указомъ, всѣ виновные подвергнуты были опредѣленному имъ наказанію, а въ томъ числѣ и главный обвиняемый тѣлесному наказанію. Между тѣмъ несчастная жертва поспѣшности прочтенія всего протокола подала прошеніе губернскому прокурору о томъ, что, вопреки объявлен-

*) Вставка о томъ, что подсудимый росписался, что ему предъявленъ былъ сенатскій приговоръ, обозначала, что Земскій Судъ не долженъ былъ отбирать вторично подобную подписку отъ подсудимаго.

вому ему въ Уголовной Палатѣ сенатскому рѣшенію объ избавленіи его отъ тѣлеснаго наказанія, онъ былъ высѣченъ въ Земскомъ Судѣ. Вслѣдствіе этого Уголовная Палата сдѣлала запросъ Уѣздному Суду о причинѣ отступленія отъ сенатскаго указа, а послѣдній представилъ въ свое оправданіе копію своего указа въ Земскій Судъ, во всемъ согласнаго съ указами Сената и Уголовной Палаты. Что̀ постигло Раненбургскій Земскій Судъ, не упомню; впрочемъ, кажется, что онъ былъ преданъ суду. По чѣмъ могъ быть вознагражденъ бѣдняга, подвергнувшійся жестокому наказанію отъ поспѣшности прочтенія судебнаго приговора? Съ нынѣшнимъ гласнымъ, благодаря Бога, судопроизводствомъ этого никогда не могло бы случиться.

Вызывались тогда охотники изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ поступить снова на службу, съ предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ преимуществъ. Они собирались въ губернскіе города, и губернаторъ отправлялъ ихъ партіями, или по одиночкѣ, къ сборнымъ пунктамъ въ Петербургъ, или въ дѣйствующую армію. Одинъ изъ таковыхъ, отправленный на Москву, воротился съ дороги на слѣдующій день послѣ его выхода изъ Рязани и, явившись къ губернатору, объявилъ, что онъ имѣетъ сообщить ему наединѣ одно важное обстоятельство. Петръ Петровичъ повелъ его въ свой кабинетъ, и отставной солдатъ (или унтеръ-офицеръ) началъ свой разсказъ. «Извольте припомнить, ваше превосходительство, что нынѣшнею весною, во время распутицы, найдено было мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка подъ мостомъ по Ряжской почтовой дорогѣ.» (Дѣйствительно при вскрытіи весны, около указаннаго разсказчикомъ мѣста замѣченъ былъ сильный запахъ, какъ бы отъ падали, и становой розыскалъ подъ мостомъ полуистлѣвшее тѣло, которое, не будучи признаннымъ никѣмъ изъ окольныхъ жителей, было предано землѣ, и тѣмъ дѣло кончилось). «Какъ предъ Богомъ такъ и предъ вашимъ превосходительствомъ,» продолжалъ служивый, «винюсь, что это было дѣло моихъ рукъ. Прошлою осенью, возвращаясь на родину, я нагналъ по Тамбовской дорогѣ прохожаго человѣка, съ коимъ поразговорился; показалось мнѣ, что онъ при деньгахъ. Прельстилъ меня лукавый убить и обобрать его и, подходя къ мосту, я немного отсталъ, хватилъ его дубинкой по головѣ, и когда онъ свалился, я его тутъ же и докончилъ, а денегъ у него оказался всего одинъ полтинникъ. Никого на дорогѣ кромѣ насъ двухъ не было. Спрятавъ его подъ мостъ, я пошелъ на свою родину; но съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ житья отъ покойника ни днемъ, ни ночью: такъ и лезетъ онъ ко мнѣ въ глаза, съ упреками, что я его убилъ. Думалъ я, что искуплю свой грѣхъ, поступивъ снова на царскую службу; но и по

нынѣ нѣтъ мнѣ покоя отъ него, и вотъ я рѣшился явиться съ повинною головою, и готовъ принять законное наказаніе за свое преступленіе. Авось Господь Богъ помилуетъ меня на томъ свѣтѣ.» О послѣдующей судьбѣ этого служиваго ничего мнѣ неизвѣстно; но конечно, за чистосердечное и добровольное его сознаніе наказаніе смягчалось самимъ закономъ.

Но вотъ другой болѣе трагическій случай. Нѣсколько лѣтъ передъ описываемымъ временемъ (должно быть при губернаторѣ Кожинѣ), найденъ былъ одинъ помѣщикъ мертвымъ, въ стойлѣ конюшни, съ слѣдами подковы около виска и такъ какъ подозрѣній въ убійствѣ его не было ни на кого изъ его людей, то слѣдователи заключили, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, помѣщикъ ходилъ въ конюшню приласкать любимую свою лошадь въ такое время, когда тамъ не было никого, и что лошадь начала лягать, копытомъ убила его наповалъ, и дѣло предано было забвенію. Нѣсколько уже лѣтъ спустя (въ 50-хъ годахъ), сынъ этого помѣщика, давно вступившій въ свое наслѣдство, былъ убитъ и когда началось о томъ слѣдствіе, кучеръ его объявилъ, что нечего разспрашивать другихъ, что онъ одинъ убилъ молодаго барина, и вотъ почему. Молодой помѣщикъ началъ было приставать къ приглянувшейся ему дѣвчонкѣ, работавшей на его фабрикѣ, и такъ какъ она любила кучера, а тотъ ее любилъ, то она разсказала ему, что не знаетъ, какъ отдѣлаться ей отъ преслѣдованій барина, а кучеръ научилъ ее назначить барину мѣсто свиданія, отдаленное отъ усадьбы, «а чтò-молъ послѣ будетъ, это уже мое дѣло.» Дѣвушка послушалась его и когда помѣщикъ пришелъ къ условленному мѣсту, кучеръ порѣшилъ его сразу. «И такъ,» спросилъ слѣдователь, «ты убилъ твоего барина изъ ревности?»—«Оборони Боже,» отвѣчалъ кучеръ, «чтобы я принялъ на душу таковой грѣхъ изъ-за какой нибудь дѣвчонки. Нѣтъ, ваше благородіе, а убилъ я его вотъ почему. Чай слыхали вы о давнишнемъ дѣлѣ, какъ стараго барина нашли мертвымъ въ стойлѣ, и всѣ полагали тогда, что его убила лошадь, но дѣло было не такъ. Мы съ молодымъ бариномъ были въ тѣ поры почитай что мальчишками, и онъ уговорилъ меня помочь ему убить своего отца; послѣ чего мы подбросили старика въ стойло подъ лошадь, которая дѣйствительно начала лягать, отчего и оказались слѣды на его головѣ. Вотъ съ того-то времени омерзѣлъ мнѣ молодой баринъ за то, что подбилъ меня на это преступленіе, и омерзѣлъ онъ мнѣ до того, что во снѣ и на яву все слышится мнѣ голосъ, зачѣмъ ходитъ безнаказанно по бѣлу-свѣту этотъ отцеубійца, и что тогда только и будетъ мнѣ покой, когда я его изве-

ду, и вотъ почему я и наложилъ на него руку, а не изъ-за дрянной дѣвчонки.»

Уже носились тогда слухи, что правительство задумываетъ покончить съ крѣпостной зависимостью крестьянъ. Многіе считали эту мѣру несвоевременною (сначала и я раздѣлялъ это мнѣніе), но правительственный взглядъ, что крѣпостное право отжило свое время, оказался вѣрнымъ. Не знаю, какъ происходило въ прочихъ губерніяхъ; но въ Рязанской, во все время тамошней моей службы, не проходило года, чтобы крѣпостные люди не расправлялись съ своими барами убійствомъ, или сѣченіемъ, или побоями. Квартировавшій рядомъ со мною, одинъ титулованный молодой господинъ былъ избитъ своими дворовыми людьми, показавшими при слѣдствіи, что хотя они не принадлежали собственно ему, а старому еще барину, но что избили молодаго, чтобы онъ впослѣдствіи не могъ бы ими владѣть, и на вопросъ слѣдователя, почему они полагаютъ, что побои, нанесенные молодому барину, помѣшаютъ ему владѣть ими, они отвѣчали: потому что, когда Московскій баринъ Базилевскій былъ высѣченъ своими людьми, то царь повелѣлъ отобрать отъ него всѣ имѣнія. Вотъ въ какомъ видѣ распространилась по всей матушкѣ Россіи исторія о высѣченномъ камергерѣ, и дѣйствительно, имѣніе его было передано его сыну, по высочайшему повелѣнію. Нѣкая великосвѣтская и титулованная дама С....го уѣзда была высѣчена своими людьми; но какъ умная баба, она не пикнула о томъ никому и не потребовала отъ губернатора, чтобы произведено было о томъ слѣдствіе, какъ настоялъ избитый аристократическій мой сосѣдъ. Петръ Петровичъ намѣревался было навязать мнѣ это непріятнѣйшее дѣло, но я отмахался руками и ногами, и симъ удружилъ моему товарищу И. К. Ма́ртенсу.

Петръ Петровичъ, узнавъ, что Петровскій садъ на дачѣ княгини М. С. Черкасской, прельщавшій городскихъ посѣтителей, находился подъ моимъ наблюденіемъ, просилъ меня принять въ мое вѣдѣніе Рязанскій городской садъ, страшно тогда запущенный, и одновременно съ тѣмъ заняться разведеніемъ втораго публичнаго сада, на соборной площади, надъ крутымъ берегомъ р. Трубежа*). На содержаніе ста-

*) Вся эта сторона, гдѣ нынѣ рядъ домовъ отъ театра до моста у соборной колокольни, подъ коимъ спускъ къ рѣкѣ, была въ то время пустыремъ, окружавшимъ изолированную церковь Спаса на Яру. Попытка засадить это мѣсто садомъ была предпринята еще до меня, Нѣмцемъ, садовникомъ Кранихомъ; но не удалась, какъ и моя позднѣйшая также не удалась. Впрочемъ, еслибы я продолжалъ свою службу въ Рязани, то не отсталъ бы отъ этого предпріятія изъ самолюбія. Главною причиною неудачи было затрудненіе добывать молодыя деревья, которыя привозились издалека уже полузасох-

раго сада, отпускалось по разрѣшенію Губернскаго Правленія изъ городскихъ доходовъ (такъ какъ въ то время городскія думы не были еще самостоятельными) полтораста рублей въ годъ, или даже меньше, сумма еле-еле достаточная для содержанія сада въ сносномъ порядкѣ, а о наймѣ особеннаго садовника нечего было и помышлять, а потому эту должность я буквально принялъ на себя. Повсюду росли лопухъ и крапива, а послѣдняя была въ низменной части сада до того густа и высока, что казалась богатымъ конопляным посѣвомъ; сушь и валежникъ рѣдко подчищались, а свѣжіе, навислые сучья чуть не задѣвали головы гулявшихъ; словомъ, запущенность была такая, что конечно, и скудная, опредѣленная на содержаніе сада сумма едвали расходовалась на него. Когда я принялся распахивать оврагъ, заросшій лѣсомъ крапивы, коренья ея были такъ здоровы и переплетены между собою, что сохи ломались. Я увеличилъ, помнится мнѣ, скудное жалованье сторожихѣ, жившей со взрослыми дочерьми-кружевницами въ избушкѣ самаго сада, и онѣ сдѣлались такія усердныя мнѣ помощницы, что черезъ три мѣсяца нельзя было узнать садъ: дорожки вездѣ вычищены и клумбы засажены однолѣтними цвѣтами. Работниковъ я добывалъ, по письменному каждый разъ требованію, изъ арестантской роты; но и тутъ приходилось соблюдать строгую экономію, такъ какъ плата каждому была по 10 копеекъ въ день, а конвойнымъ при нихъ унтеръ-офицерамъ по 20 (кажется). Однажды случилось слѣдующее съ ними происшествіе. Начавъ утромъ работу, я ушелъ домой къ моимъ служебнымъ занятіямъ, какъ вдругъ ко мнѣ прибѣгаетъ испуганная сторожиха съ извѣстіемъ, что вся команда перепилась и разбѣжалась. Я поспѣшилъ туда, и вотъ что̀ оказалось. Едва я ушелъ изъ саду, какъ какой-то купецъ позвалъ арестантовъ съ конвоемъ подойти къ близко находившемуся кабаку и всѣхъ ихъ напоилъ. Часть арестантовъ разбѣжалась, а другая таки осталась на мѣстѣ, а оба (помнится мнѣ) унтеръ-офицера лежали въ лёжку, и никакого объясненія я не могъ добиться отъ нихъ. Дѣло было ка̀зусное, и я немедленно далъ знать о случившемся начальнику арестантской роты, который сейчасъ прибылъ съ новымъ конвоемъ. Но что̀ крайне удивило меня и что̀ относится къ похвальной характеристикѣ нашего народа, это то, что иные (впрочемъ, немногіе) арестанты отказались идти въ кабакъ, и не только не послѣдовали примѣру своихъ товарищей, но продолжали работать безъ всякаго за ними присмотра. «Куда намъ бѣжать, ваше благородіе», отозвались они на мои вопросы о ихъ товарищахъ, «вѣ-

шими, а также въ неудобствѣ возить на гору достаточное количество воды для поливки растеній. Петръ Петровичъ хлопоталъ также о постройкѣ, при началѣ этого пустыря, казеннаго губернаторскаго дома, но проектъ его не имѣлъ успѣха.

стимо, что всѣхъ ихъ переловять». И дѣйствительно, не могли далеко уйти валившіеся съ ногъ пьяные бѣглецы, и ихъ вскорѣ всѣхъ до единаго, помнится мнѣ, переловили*).

Появились въ то время въ свѣтъ «Записки охотника» И. С. Тургенева, какъ бы въ подкрѣпленіе необходимости уничтожить радикально возможность злоупотребленій крѣпостнаго права; да и напечатаніе этого столь смѣлаго сочиненія не допущено было бы правительствомъ, еслибъ оно не имѣло въ виду неотлагательности подобной мѣры. Хотя тогдашніе законы предвидѣли и преслѣдовали злоупотребленія помѣщичьей власти, но на практикѣ законъ обходился дружнымъ отпоромъ дворянской партіи, а ей мирволила мѣстная администрація, состоявшая изъ ея же членовъ. Прогресисты, въ томъ числѣ и азъ грѣшный, кинулись съ жадностію на этотъ первый въ печати протестъ противъ позорившей наше отечество вѣковой язвы; но старобоярскій консервативный элементъ встрѣтилъ Тургеневскій очеркъ гнёта меньшей нашей братіи съ негодованіемъ и провозгласилъ автора возмутителемъ общественнаго строя и оскорбителемъ дворянскаго сословія.

Раннею весною присланы были на жительство въ Рязань въ два раза Англійскіе сухопутные плѣнные, и въ бо̀льшемъ несравненно количествѣ, чѣмъ въ предъидущемъ 1854 году. Сначала препровождены были два коммисаріатскихъ чиновника, изъ коихъ одинъ былъ Ирландецъ, по фамиліи Макартни. Такъ какъ оба не числились въ офицерскомъ чинѣ, то назначенное имъ содержаніе было такъ ничтожно, что Петръ Петровичъ уважилъ мою просьбу о помѣщеніи ихъ въ двухъ свободныхъ у меня комнатахъ, чрезъ что оставались у нихъ въ экономіи (помнится мнѣ) квартирныя ихъ деньги, да и удобнѣе имъ было сноситься со мною, какъ съ переводчикомъ по ихъ незнанію другаго языка кромѣ роднаго. Они были люди безъ свѣтскаго лоска (Ирландецъ Макартни былъ необтесанный чурбанъ), и потому я собственно ничего не выигрывалъ отъ ихъ общества. Мой человѣкъ и неудавшійся воспитанникъ Тимошка (изъ Знаменскихъ крестьянъ) пред-

*) Петръ Петровичъ разсказывалъ мнѣ другой замѣчательный случай о чувствѣ долга у арестантовъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Однажды, въ его Орловскомъ имѣніи, селѣ Войнѣ, остановилась на привалъ этапная партія; конвойные солдаты перепились и спали на телѣгахъ, а трезвые арестанты расположились вокругъ обоза. На вопросъ Петра Петровича, что̀ они тамъ дѣлаютъ, арестанты отвѣчали, что „наши робята-молъ подгуляли, и вотъ мы оберегаемъ ихъ: неравно что̀ случится съ ними, либо начальство какое нибудь нагрянетъ, и за это имъ будетъ лихо“. Распущенность въ тогдашнихъ уѣздныхъ командахъ внутренней стражи была страшнѣйшая, а этапная служба—дѣло заглазное. Далѣе сообщу, какъ нѣкій Тарусскій исправникъ отправлялъ арестантовъ въ станъ подъ конвоемъ деревенскихъ бабъ.

ложилъ взять ихъ на харчи (на ихъ же, конечно, счетъ), что казалось выгоднымъ для нихъ, но вышло иначе. Мой личарда частенько запивалъ (до того, что я немного позднѣе вынужденъ былъ отдать его для исправленія въ арестантскую роту, но и это средство не помогло), и Англичане не только оставались иногда полуголодными, но экономъ ихъ не стѣснялся щеголять въ ихъ одеждѣ *). Не упомню, когда они выбыли изъ Рязани; но я не провожалъ ихъ, какъ прочихъ, въ Москву для сдачи.

Великимъ постомъ я заболѣлъ довольно серіозно, и свѣтлый день Пасхи пролежалъ въ постели. Тутъ-то я особенно почувствовалъ все свое одиночество. Однако, благодаря упомянутому не разъ Шенроку, я почти совершенно оправился на Ѳоминой недѣлѣ.

Вторая партія Англійскихъ плѣнныхъ прибыла въ Рязань въ началѣ Апрѣля и состояла изъ семи сухопутныхъ офицеровъ и одного моряка, всего восьми человѣкъ. Пѣхотный полковникъ Келли, пѣхотный капитанъ Фромптонъ, пѣхотный стрѣлковый (rifflemen) капитанъ Дуфъ, пѣхотный капитанъ Монгомери, пѣхотный поручикъ Байронъ (или Биронъ), гусарскій поручикъ Клаузъ (Clowes), уланскій поручикъ Чадвикъ и командиръ транспортнаго судна «Кулоденъ», капитанъ Каррю (Carrew). Всѣ они, за исключеніемъ моряка Каррю, сдѣлались, какъ прошлогодніе морскіе офицеры, постоянными гостями у Петра Петровича; но въ салонный кружекъ Меропы Александровны попалъ только молодой Дуфъ, принадлежавшій къ аристократической фамиліи, весьма образованный и отлично говорившій по-французски; а изъ прочихъ офицеровъ по-французски знали только рыжій полковникъ Келли, да и то съ грѣхомъ пополамъ, и капитанъ Монгомери. Морякъ Каррю былъ человѣкъ грубоватый, съ нимъ мало сообщались его соотечественники, и онъ не бывалъ у Новосильцовыхъ. И на этотъ разъ, какъ прежде, на меня возложена была непріятная обязанность прочитывать и переводить всю ихъ корреспонденцію, но съ нѣкоторымъ на этотъ разъ облегченіемъ: я получилъ разрѣшеніе дѣлать одни экстракты изъ ихъ писемъ, вмѣсто переводовъ отъ доски до доски. Но все таки занятіе это было прескучное: писемъ получалось немало, и особенно корреспонденція полковника Келли съ его женою утруждала меня, потому что нѣжная полковница исписывала по 12 (помнится мнѣ) страницъ неразборчиваго въ добавокъ почерка; да кромѣ этого я поставленъ

*) Тимошку я таки побаловалъ, потому что еще ребенкомъ онъ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ моей дочери. Кончилъ онъ весьма плачевно: онъ былъ сосланъ въ прошломъ 1873 году за кражу.

былъ въ щекотливое положеніе относительно простодушнаго полковника Келли тѣмъ, что я былъ посвященъ въ его семейныя дѣла [1]). Я теперь только вспомнилъ, что былъ еще какой-то флотскій медикъ, мизантропическаго и раздражительнаго темперамента, который однажды въ письмѣ къ какому-то своему знакомому въ Англію отозвался такъ желчно и незаслуженно о своемъ положеніи въ Россіи, что я вынужденъ былъ увѣдомить о томъ Петра Петровича; а тотъ, вызвавъ его къ себѣ, задалъ ему такую головомойку, что онъ послѣ этого присмирѣлъ. Хотя я этимъ исполнилъ свою обязанность, но съ того времени мнѣ всегда было неловко встрѣчаться съ этимъ господиномъ. Молодому Дуфу, какъ привыкшему къ великосвѣтскому обществу, находкою было сдѣлаться своимъ, такъ сказать, человѣкомъ на половинѣ Меропы Александровны. Она, кажется, приняла его ухаживанье за нею въ болѣе сердечномъ смыслѣ чѣмъ оно было въ дѣйствительности, и даже стала ревновать его къ одной молодой Рязанской особѣ, съ которою нашъ Англичанинъ началъ было сближаться. Что же дѣлать? Таковъ уже женскій нравъ, даже когда пора плѣнять прошла; а Меропа Александровна подвигалась къ пятидесяти годамъ. Правда, что она была неимовѣрно еще свѣжа и могла гордиться пышными своими плечами и свѣтло-каштановыми волосами безъ единой сѣдины.

Рыжій и приземистый, но коренастый полковникъ Келли былъ добрякъ и простякъ, и надъ нимъ любилъ подтрунивать подъ-часъ Петръ Петровичъ, мастеръ мистифировать, когда захочетъ. «Voyons, colonel», начнетъ онъ, «racontez nous un peu, comment avez vous été fait prisonnier?» [2]) И Британецъ начнетъ, бывало, на своемъ ломанномъ Французскомъ нарѣчіи, уже слышанный нами разсказъ о томъ, какъ на разсвѣтѣ однаго туманнаго дня онъ, будучи въ обходѣ съ патрулью, сбился съ дороги и наткнулся на Русскіе шанцы; какъ на него накинулись, какъ онъ выхватилъ свой шестиствольной револьверъ, спустилъ курокъ—осѣчка, спустилъ второй—тоже, третій, четвертый, пятый и шестой,—тоже, и тогда, нечего было ему дѣлать какъ сдаться въ плѣнъ. Во время этого разсказа Петръ Петровичъ подмигнетъ мнѣ и скажетъ по русски: «А все вретъ; онъ просто, какъ неохотникъ до пороха, самъ искалъ благовиднаго случая попасться въ плѣнъ»; но добродушный Англичанинъ никогда не догадывался, что надъ нимъ подтруниваютъ и былъ высокаго мнѣнія о «мистеръ» Новосильцовѣ. Онъ считалъ своего главнокомандующаго, лорда Раглана, за великаго

---

[1]) Корреспонденты нашихъ военноплѣнныхъ смѣшивали Рязань съ Казанью, и иные изъ ихъ писемъ пересылались къ намъ изъ послѣдняго города.

[2]) Ну-ка, полковникъ, разскажите намъ, какъ это вы попались въ плѣнъ?

полководца и разсказывалъ, что этотъ лордъ былъ когда-то адъютантомъ и ученикомъ герцога Веллингтона, а Петръ Петровичъ сказывалъ мнѣ, что кромѣ бездарности этотъ ученикъ Ватерлоскаго побѣдителя ничѣмъ себя не выказалъ въ Крымской войнѣ [1]). Тотъ же полковникъ Келли говорилъ мнѣ, что Рязань тѣмъ пріятнѣе ему, что напоминаетъ города въ Нижней Канадѣ, гдѣ онъ продолжительно квартировалъ съ своимъ полкомъ. Тѣже широкія улицы, тѣже одноэтажные деревянные домики, съ заборами между ними и что еслибы пришлось ему перезимовать у насъ, то онъ не побоялся бы Русскихъ зимъ, такъ какъ въ Канадѣ онъ свыкся съ продолжительными снѣгами, съ ѣздою въ саняхъ и съ трескучими морозами.

Капитанъ Фромптонъ былъ человѣкъ любознательный и соціальныхъ привычекъ, даже общителенъ, но по незнанію Французскаго языка онъ не могъ часто пользоваться гостепріимствомъ Новосильцовыхъ. Его сильно интересовала внутренняя администрація Россіи, и я составилъ для него краткій о ней очеркъ, по англійски, который такъ ему понравился, что онъ обѣщалъ напечатать его въ Англіи; но сдержалъ ли онъ слово или нѣтъ, не знаю. Гусаръ Клаусъ и уланъ Чадьикъ были веселые, добрые ребята, но точно такіе же безцвѣтные молодые офицеры, какъ большинство нашей армейской кавалерійской молодежи. Молодой Дуфъ, участвовавшій въ Инкерманскомъ дѣлѣ, разсказывалъ мнѣ, что сердце содрогалось смотрѣть, какое опустошеніе производили въ рядахъ Русскихъ колоннъ выстрѣлы карабиновъ системы Минье [2]), тогда какъ пули отстрѣливающихся нашихъ солдатъ не долетали до половины разстоянія отъ напиравшаго непріятеля.

Въ числѣ военноплѣнныхъ, находившихся въ Рязани, былъ Французъ, капитанъ Ермансъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ легкою просѣдью, но бодрый, плотнаго тѣлосложенія, открытаго и веселаго нрава, какъ всѣ его соотечественники. И онъ часто бывалъ у губернатора; а чтобы не было тягостно ему жить одному, Петръ Петровичъ помѣстилъ его къ тогдашнему полицеймейстеру подполковнику Фелькнеру [3]), о коемъ ни слова не говорилось еще по сю пору.

---

[1]) Лордъ Рагланъ участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ и имѣлъ нашъ Георгіевскій крестъ. П. Б.

[2]) Я слышалъ, будто бы въ 40-хъ годахъ Минье пріѣзжалъ въ Россію съ предложеніемъ нашему правительству купить его изобрѣтеніе, но правительство (или точнѣе, высшій милитаризмъ той эпохи) отвергло предложеніе Минье, потому что отъ новаго его устройства ружейные пріемы выходили „неловкими“!

[3]) Братъ его (кажется) былъ убитъ въ Варшавѣ, въ 1863 году.

Это былъ настоящій типъ безпечнаго жуира. Русская широкая натура, требующая простора и разгула во что бы то ни стало, а завтра будь, чтò будетъ, и потому я прозвалъ его маіоръ Бонъ-Виванъ, по имени одного дѣйствующаго лица въ піесѣ, бывшей тогда въ ходу. Поступивъ въ гвардію изъ Пажескаго корпуса, а оттуда на Кавказъ, при князѣ Воронцовѣ (гдѣ, впрочемъ, онъ хорошо себя показалъ), онъ постоянно находился въ товариществѣ аристократической молодежи, усвоилъ себѣ мотовскія привычки, несоотвѣтствующія его средствамъ, и залѣзъ по уши въ долги. Недостатка въ протекціи не было, по видимому, у него, благодаря чему удалось ему выпросить взаймы у тогдашняго великаго князя наслѣдника Александра Николаевича кругленькую довольно сумму, чуть ли не 12 тысячъ рублей изъ собственной его шкатулки, для уплаты каковой вычитывалась опредѣленная закономъ часть изъ жалованья А. И. Фелькнера. Но полицеймейстерской его окладъ былъ такъ невеликъ и изъ него вычиталась такая ничтожная доля, что для пополненія всей занятой Фелькнеромъ суммы пришлось бы ему прослужить цѣлый полувѣкъ, и волею-неволею онъ долженъ былъ продолжать службу. Говорили, что его не выпускаютъ въ отставку, чтò и имѣло свою выгодную сторону, такъ какъ онъ этимъ былъ гарантированъ отъ преслѣдованій за частные долги. Кутила и мотъ непремѣнно бываетъ добрый малый, а подобный гвардейскій индивидуумъ, цивилизованный человѣкъ, каковымъ вполнѣ представлялся нашъ полицеймейстеръ, и вотъ къ этому, отличному и даже съ жаргономъ «парлè-франсè», господину губернаторъ очень кстати пріютилъ Алжирской пѣхоты капитана Ерманса. Супружница нашего маіора Бонъ-Вивана была женщина образованная, но собою непривлекательна: горбатая, остроносая и чахоточной комплекціи. Казалось абсурднымъ, чтобы она могла сдѣлаться предметомъ супружеской ревности, но вышло противное, или быть можетъ ревность служила лишь предлогомъ къ размолвкѣ между гг. Фелькнеромъ и Ермансомъ. Какъ бы то ни было, но Французъ нашъ, возвращаясь однажды домой за полночь, тщетно избилъ свои кулаки о запертые ворота: полицеймейстеръ не велѣлъ впускать своего постояльца, и тотъ вынужденъ былъ скитаться по всему городу, въ глухую ночную пору, чтобы гдѣ нибудь приклонить голову. Взбѣшенный Французъ ходилъ на слѣдующій день жаловаться губернатору, а полицеймейстеръ объяснилъ, что капитанъ Ермансъ возвращается въ непозволительные часы и тѣмъ безпокоитъ всѣхъ въ его домѣ. Послѣ этой исторіи Французъ пріискалъ себѣ другую квартиру.

Въ одно послѣ-обѣда я засталъ у Новосильцовыхъ (жившихъ лѣтомъ на дачѣ Рюмина) графа Владимира Сологуба, котораго я потерялъ

изъ виду со времени Петербургской моей жизни. Онъ проѣзжалъ черезъ Рязань съ Кавказа и сказывалъ мнѣ, что бросилъ тамошнюю службу, потому что Тифлисъ надоѣлъ ему. Это было одно благѣрство (какъ я сей часъ объясню), и потому я сказалъ ему въ отвѣтъ, что хорошо жить, кому бабушка ворожитъ, а что я радъ-радехонекъ, что попалъ въ губернскій городъ чиновникомъ особыхъ порученій. Дѣло было, какъ я слышалъ, нѣсколько иначе, чѣмъ его разсказывалъ блестящій беллетристъ и эпиграмматистъ, графъ Сологубъ. Когда графъ Воронцовъ (еще не князь) былъ назначенъ на Кавказъ, всесильные протекторы разстроившаго свое состояніе графа Сологуба исходатайствовали создать для него небывалую должность директора Тифлискаго театра, съ окладомъ, кажется не менѣе 12 тыс рубл. въ годъ [1]). Когда же Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ Кавказскимъ намѣстникомъ, послѣ князя Воронцова, то, какъ разсказывали тогда, онъ посовѣтовалъ сіятельному директору Тифлискаго театра возвратиться во свояси, къ Невскимъ берегамъ. У васъ-де кстати прекрасный «тарантасъ» (намекъ на юмористическое сочиненіе графа Сологуба, «Тарантасъ,» производившее фуроръ въ Петербургскихъ салонахъ въ началѣ 40-хъ годовъ, одновременно съ «Путешествіемъ мадамъ Курдюковой», И. П. Мятлева). Имѣть въ числѣ подчиненныхъ салоннаго баловня и колкаго балагура не было въ духѣ педанта по службѣ, Николая Николаевича. Графъ Сологубъ тутъ же сообщилъ намъ новость, что онъ заѣзжалъ къ своему тестю, жившему лѣтомъ въ своемъ имѣніи Зарайскаго уѣзда, и нашелъ одряхлѣвшаго меломана и композитора предававшимся исключительно Русскому риѳмоплетству, въ патріотическомъ духѣ, по злобѣ дня.

Въ Августѣ я проводилъ всѣхъ Англійскихъ военноплѣнныхъ въ Москву для размѣна; но на этотъ разъ я не являлся къ графу Закревскому, а сдалъ ихъ (помнится мнѣ) гражданскому губернатору Капнисту. Въ Москвѣ меня отыскалъ внимательный всегда ко мнѣ князь Николай Ѳедоровичъ Голицынъ и угостилъ меня обѣдомъ, порядочно орошеннымъ Шампанскимъ, во Французскомъ ресторанѣ «Роше-де-Канкаль» (что на углу Неглиннаго проѣзда и Софійской улицы, насупротивъ Голицынской галлереи [2]), и крѣпкій еще не по лѣтамъ Пре-

---

[1]) Быть можетъ, лицо, передавшее мнѣ эти свѣдѣнія, подразумѣвало рубли по ассигнаціонному курсу, но и въ такомъ случаѣ сумма равнялась губернаторскому окладу того времени.

[2]) Содержатель этого ресторана Барденъ (Bardin) составилъ въ теченіе съ небольшимъ 10 лѣтъ такое состояніе, что, сдавъ свое заведеніе, поселился въ Ниццѣ, гдѣ купилъ прекрасную виллу. Его ресторанъ не славился въ гастрономическомъ отношеніи, ни при немъ, ни послѣ него.

ображенецъ перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка не отставалъ отъ меня ни единымъ бокаломъ. Третьимъ застольникомъ былъ у насъ нѣкто Григорьевъ, употребляемый княземъ какъ коммиссіонеръ, и конечно щедро оплачиваемый. Этотъ Григорьевъ былъ весьма способный и образованный человѣкъ, но нигдѣ какъ-то ему не везло. Былъ онъ одно время чиновникомъ особыхъ порученій при Н. М. Смирновѣ, въ бытность послѣдняго Калужскимъ губернаторомъ, но провалился на службѣ; послѣ того опредѣлился управляющимъ Московскою домовою конторою Николая Гавриловича Рюмина; позднѣе, въ 1857 году, онъ пошелъ въ ходатаи по дѣламъ, послѣ чего я потерялъ его изъ виду. Прежде чѣмъ разстаться съ моими друзьями Англичанами, я ихъ сопровождалъ къ Московскому Англійскому пастору, который разсказалъ мнѣ, что въ разгаръ Крымской войны графъ Закревскій приказалъ было ему выпустить изъ Англиканской литургіи молитву о побѣдѣ надъ врагами королевы; но пасторъ представилъ графу, что безъ парламентскаго разрѣшенія онъ не въ правѣ нарушить ритуалъ (служебникъ) своей церкви.

Изъ Москвы я поѣхалъ къ своимъ, въ Знаменское, и пробылъ съ ними до именинъ моего Мити, 21 Сентября. Тамъ я засталъ Митю только-что оправившагося отъ опасной болѣзни, о чемъ я узналъ только въ Москвѣ отъ князя А. М. Хилкова (нашего сосѣда). Ему и теперь помогъ, какъ въ концѣ 1850 года, когда онъ тяжко заболѣлъ въ моемъ отсутствіи въ Воронцовѣ, талантливый Алексинскій врачъ Александръ Семеновичъ Дмитревскій [1]). Въ Знаменскомъ мы узнали о новой неудачѣ нашего оружія при Черной, и что въ этомъ дѣлѣ были убиты мой давнѣйшій другъ баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій [2]) и генералы Веймарнъ и Реадъ. Хотя сказано было, можетъ статься, мною, что начальствующимъ Тарусскою дружиною былъ выбранъ мѣстный помѣщикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Миллеръ (бывшій однимъ изъ Московскихъ полицеймейстеровъ въ 30-хъ годахъ), который и былъ переименованъ въ генералъ-маіоры, но не договорилъ я, помнится мнѣ, что Тарусская дружина выступила въ походъ съ деревяшками вмѣсто кремней, чуть ли не болѣе чѣмъ на половину всей дружины, а о пистонныхъ ружьяхъ тогда и помину не было. Въ Боровской дружинѣ (начальникомъ коей былъ выбранъ полковникъ Наркисъ Антоновичъ Обнинскій, что̀ женатъ былъ на до-

---

[1]) Впослѣдствіи А. С. Дмитревскій, покинувъ широкую свою практику и наживъ порядочный капиталъ, пристрастился къ адвокатству.

[2]) Баронъ П. А. Вревскій былъ тогда уже генералъ-адъютантомъ и женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ генерала Храповицкаго, рожденной княжнѣ Щербатовой.

чери Ивана Антоновича Кавецкаго) былъ едва ли слыханный дотолѣ случай, что три поколѣнія находились въ военной службѣ въ одно и тоже время, какъ случилось въ семействѣ Челищевыхъ. Престарѣлый дѣдъ дошелъ, впрочемъ, только до Курска или до Харькова, гдѣ начальникъ Калужскаго ополченія графъ Толстой (братъ оберъ-прокурора Св. Синода Александра Петровича и Егора Петровича, бывшаго незадолго передъ тѣмъ Калужскимъ губернаторомъ) съ немалымъ трудомъ уговорилъ его возвратиться домой, за что̀ старикъ сильно сѣтовалъ на своего сына Дмитрія Михайловича, вліянію котораго на графа Толстого (при коемъ послѣдній находился адъютантомъ) старикъ приписывалъ совѣты графа отстать отъ ополченія*). Меньшому Челищеву, Николаю Дмитріевичу, было тогда 18 или 19 лѣтъ. Въ награжденіе Челищевымъ за подобное рвеніе къ службѣ, малолѣтняя дочь Дмитрія Михайловича была помѣщена въ институтъ на казенный счетъ.

Отпраздновавъ въ Знаменскомъ именины моего сына, я выѣхалъ оттуда 22 Сентября обратно въ Рязань, но заѣхалъ на нѣсколько дней въ Зенино, къ Зенаидѣ Сергѣевнѣ и съ гостившею тамъ Анною Петровною Ракитиной прибылъ въ Городище 1-го Октября. На слѣдующій день явившись къ Петру Петровичу, я получилъ отъ него выговоръ за то, что такъ долго замѣшкался (всего какихъ-нибудь полтора мѣсяца). У него проявлялись, какъ я уже сказывалъ, подобныя странныя выходки, свойственныя лишь педанту по службѣ, ни образа, ни подобія чего въ немъ никогда не бывало; а въ данномъ случаѣ замѣшканіе мое было тѣмъ извинительнѣе, что я не видался со своимъ семействомъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ, а вѣдь Петръ Петровичъ былъ самъ нѣжнѣйшимъ семьяниномъ.

Когда наступала зима, проходили подъ конвоемъ черезъ Рязань изъ Воронежа въ Москву четверо плѣнныхъ изъ Піемонтскихъ ниж-

---

*) Дмитрій Михайловичъ Челищевъ былъ безукоризненный и образцовый исправникъ и рыцарскаго свойства человѣкъ, не боявшійся говорить правду губернаторамъ. (Надѣюсь, что и понапрасну употребляю глаголъ былъ и что Дмитрій Михайловичъ здравствуетъ и бодрствуетъ по сю пору). Прослуживъ нѣсколько трехлѣтій сряду Боровскимъ исправникомъ по выбору отъ дворянъ, онъ былъ назначенъ исправникомъ и отъ короны, когда эта должность перестала быть избирательною. Сколько ни было губернаторовъ въ Калугѣ, всѣ его отличали, и лишь въ 60-хъ годахъ онъ вынужденъ былъ просить объ увольненіи его, по причинѣ несправедливыхъ придирокъ губернатора г. Спаскаго, ни во что̀ не ставившаго надежныхъ чиновниковъ. Сынъ его, Николай Дмитріевичъ, пошелъ по слѣдамъ отца, былъ дѣльнымъ Малоярославецкимъ исправникомъ, и подобно отцу бросилъ службу, по непріятностямъ съ тѣмъ же губернаторомъ г. Спаскимъ, послѣ чего былъ выбранъ Малоярославецкимъ градскимъ главою. Изъ этого можно судить, что̀ за люди Челищевы.

нихъ чиновъ, маленькіе, тощіе и почти всѣ изъ новобранцевъ. Петръ Петровичъ, призвавъ ихъ къ себѣ, накормилъ и напоилъ досыта этихъ жалкихъ воиновъ отъ своего собственнаго стола, и Итальянцы, ожившіеся виноградпымъ напиткомъ, коего были давно лишены, угостили насъ въ свою очередь нѣсколькими боевыми пѣснями въ родѣ маршей, довольно стройно спѣтыми. По распоряженію Петра Петровича, ихъ снабдили полушубками, наушниками, валеными сапогами и теплыми рукавицами. Ужъ какъ и благодарили они губернатора за его отцовское о нихъ попеченіе! Не сдѣлай этого добраго дѣла Петръ Петровичъ, несчастные, пожалуй, замерзли бы въ своихъ солдатскихъ шинелишкахъ. Когда они, разгулявшись отъ губернаторскаго пира, затянули свои военные гимны, жандармъ, находившійся на вѣстяхъ у губернатора, вызвалъ Евгенія Михайловича Бернара на пару словъ, и какъ только послѣдній вышелъ въ переднюю, жандармъ спросилъ его: «Скажите на милость, ваше благородіе, неужели всѣ Хранцузы такіе щедушные какъ этотъ народъ?» — «Не знаю, какъ тебѣ сказать,» смѣясь отвѣчалъ безногій Бернаръ, «можетъ быть, есть и покрупнѣе.» — «Помилуйте, ваше благородіе, судя по этимъ, войско ихъ должно быть не страшно. Вѣдь я одинъ справлюсь, пожалуй, съ четырьмя такими, да и не руками, а просто пинкомъ», и при этомъ, молодецъ нашъ лягнулъ впередъ ногою.

Говоря о Піемонтцахъ, должно замѣтпо, что они появились на Крымскомъ полуостровѣ союзниками Наполеона невзначай, безъ объявленія намъ войны, каковую формальность они считали, должно быть, излишнею. Командующимъ ихъ войскомъ (если таковымъ можно считать отрядъ изъ 12 т. или немного болѣе человѣкъ) былъ Ламармора, двоюродный братъ моего зятя, маркиза Клавдія д'Эксъ-Сейсель. А въ Турецкіе башибузуки опредѣлился тогда волонтеромъ Флорентинецъ, молодой графъ Серистори, сынъ служившаго у насъ съ 1818 по 1830 годъ свитскимъ офицеромъ полковника графа Серистори, который женился въ Одессѣ на дочери нашего драгомана при Портѣ Франкини.

Въ началѣ зимы этого 1855 года крѣпость Карсъ въ Азіатской Турціи, защищаемая Англійскимъ генераломъ Вилліамсомъ, вслѣдствіе блокады сдалась на капитуляцію Н. Н. Муравьеву. Генералъ Вилліамсъ со своимъ штабомъ поселился на зиму въ Тифлисѣ, но почти что вслѣдъ за тѣмъ секретарь его по дипломатической части, г. Чурчиль (считавшійся въ числѣ военноплѣнныхъ) былъ высланъ къ намъ въ Рязань. Позднѣе мы узнали, что онъ повредилъ себѣ язычкомъ въ Тифлисѣ, и потому Николай Николаевичъ счелъ нужнымъ охладить его

пылъ перемѣщеніемъ въ болѣе холодный климатъ. Чурчиль былъ весьма образованный молодой человѣкъ и впослѣдствіи составилъ хорошую карьеру, въ Англійскихъ миссіяхъ на Востокѣ, для чего онъ спеціально изучалъ восточныя нарѣчія. Сближеніе съ нимъ было весьма пріятною для меня случайностью, тѣмъ болѣе, что не поручено было мнѣ шпіонства за его кореспонденцію. Онъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, что въ послѣдніе дни осады Карса, когда всѣ съѣстные припасы были истощены, они питались однимъ сахаромъ: житье, значитъ, сладкое, а хуже горькаго.

Жизнь моя текла также однообразно, какъ и прежде: въ обществѣ я нигдѣ не показывался, кромѣ Новосильцовыхъ и Хвощинскихъ, и съ неотлегнувшей отъ души грустью встрѣтилъ новый 1856 годъ. О, какъ онъ рознился отъ этого дня два года передъ тѣмъ, когда я встрѣчалъ новый годъ у Новосильцовыхъ съ женою и дочерью....

Въ Январѣ или Февралѣ Зенаида Сергѣевна нарочно пріѣзжала въ Рязань, чтобы поклониться праху моей Анетины, которую она любила и оплакивала со мною. Трудно встрѣтить сердце, которое бы болѣе ея сочувствовало чужой скорби! И ей, бѣдняжкѣ, суждено было испытать потерю, подобную моей. Одиннадцать лѣтъ позднѣе, старшій ея сынъ сошелъ въ преждевременную могилу и покоится въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, который и она себѣ усвоила, какъ я усвоилъ себѣ Рязанскій Казанскій монастырь и называю его *моимъ*...

Весною заключенъ былъ миръ съ коалиціею; вѣсть о томъ повсюду встрѣчена съ восторгомъ. Была партія (и по нынѣ существуетъ), находившая, что слѣдовало продолжать войну во что бы то ни стало, и что Наполеонъ истощалъ будто бы послѣднія свои силы; но вѣдь у насъ не было, по общему отзыву, ни денегъ, ни пороху для дальнѣйшей борьбы, а тѣмъ временемъ прочія державы, остававшіяся дотолѣ нейтральными, начинали уже колебаться, за исключеніемъ Пруссіи. Швеція, какъ говорили тогда, была уже готова вооружиться и воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы отторгнуть отъ насъ Финляндію; что̀ до Наполеона и Англичанъ, то они конечно, не отстали бы отъ своего предпріятія, а финансовыя ихъ средства, были гораздо въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, чѣмъ наши *).

Когда во время редакціи Парижскаго трактата, который лишалъ насъ Дунайскаго прибрежія съ крѣпостью Измаломъ включительно и

*) Одинъ артилерійскій офицеръ, находившійся въ Севастополѣ до конца войны, разсказывалъ мнѣ, что въ послѣднее время осады отпускалось каждому солдату по 12 патроновъ въ день, и никакъ не болѣе.

обязывалъ уничтожить Черноморскій флотъ, нашъ уполномоченный, князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ сталъ (какъ разсказывали) возражать противъ столь унизительныхъ для Россіи кондицій, Австрійскій первый министръ Буоль замѣтилъ князю, что Россіи, какъ побѣжденной, ничего болѣе не остается дѣлать какъ покориться необходимости. «Можетъ быть такъ, отвѣчалъ князь, но Россія не привыкла быть побѣжденною»: намекъ на постоянное пораженіе Австрійцевъ въ теченіи полувѣка [1]).

Этой же весною, Петръ Петровичъ отпросился за границу на шесть мѣсяцевъ. Онъ поѣхалъ въ Неаполь къ чахоточной своей дочери, княгинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Вяземской, и вмѣсто обыкновеннаго порядка временнаго управленія губерніею мѣстнымъ вице-губернаторомъ назначенъ былъ управляющимъ Рязанскою губерніею графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, бывшій предъ тѣмъ вице-директоромъ департамента исполнительной полиціи. Одинъ Петербуржецъ сказывалъ мнѣ тогда, что по случаю выхода въ отставку Валерія Валеріевича Скрипицына, директора департамента иностранныхъ исповѣданій [2]), мож-

---

[1]) Такъ какъ, съ окончаніемъ Крымской войны, внезапно исчезла изъ обращенія звонкая монета, то я крѣпко держусь мнѣнія, что, по включенной въ Парижскій трактатъ секретной статьи, мы были обложены сильною контрибуціею; да это предположеніе и вполнѣ логично. Кто же даромъ воюетъ? Нельзя же допустить, чтобы Наполеонъ удовлетворился, вмѣсто покрытія громадныхъ военныхъ издержекъ, одной славою, и тѣмъ что онъ отбросилъ Россію отъ Дуная и запретилъ ей держать флотъ на Черномъ морѣ. Предположеніе мое подтверждается еще тѣмъ, что послѣ разгрома Франціи въ 1870 году нашъ кредитъ и вексельный курсъ началъ возвышаться довольно быстро.

[2]) В. В. Скрипицынъ игралъ, какъ извѣстно, важную роль въ дѣлѣ о переходѣ уніатовъ сѣверо-западнаго края въ православіе, въ концѣ 30-хъ годовъ. Онъ умеръ въ Парижѣ нынѣшнимъ лѣтомъ 1874 года. Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, умѣвшій цѣнить людей по ихъ достоинству, былъ подпорою В. В. Скрипицына, но значеніе послѣдняго въ министерствѣ стало, повидимому, упадать при Д. Г. Бибиковѣ и С. С. Ланскомъ. Внезапное увольненіе его отъ службы случилось въ 1856 году по слѣдующему поводу. По введеніи конкордата, заключеннаго въ 1846 году (чрезъ графа Д. Н. Блудова) между папою Григорьемъ XVI и императоромъ Николаемъ Павловичемъ, В. В. Скрипицынъ очутился какъ бы между двумя огнями. Ему пришлось выбирать одно изъ двухъ: или прислуживаться Римской куріи, или служить чисто-Русскимъ интересамъ. Понятно, что онъ выбралъ послѣдній путь, и потому всячески старался не исполнять конкордата. На него возникли отъ этого нескончаемыя негодованія, и противники его прибѣгнули къ наушничеству предъ юнымъ царемъ, не безъ участія, быть можетъ, графа Блудова и вице-канцлера графа Нессельроде, виновниковъ конкордата. Рѣшено было пожертвовать В. В. Скрипицынымъ. На сколько могъ онъ имѣть поддержки у тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскаго, мнѣ неизвѣстно; вступился, однакоже, за него всесильный тогда князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, по ходатайству котораго В. В. Скрипицынъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и причисленъ къ министерству съ тѣмъ, чтобы назначить его въ сенаторы при первой открывшейся вакаціи, но обѣщанная эта награда не получена имъ, хотя вакаціи и открывались. Сначала онъ поселился въ Парижѣ, а оттуда въ Ниццѣ, гдѣ онъ купилъ живописную виллу, утопающую въ зелени пальмъ и по-

но было ожидать, что на его мѣсто будетъ назначенъ графъ Н. Д. Толстой, но побаивались его, какъ черезъ чуръ ревностнаго ко всему, что̀ относится до нашего вѣроисповѣданія (отчего самаго палъ Скрипицынъ), а чтобы миновать эту случайность безъ обиды для него, придумано было послать его погубернаторствовать въ Рязань, доколѣ откроется самостоятельное для него губернаторское мѣсто. Между тѣмъ, директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій назначенъ нѣкто Хрущовъ, покровительствуемый великой княгиней Еленою Павловною. Графъ Дмитрій Николаевичъ ежегодно почти бывалъ въ своемъ имѣніи Данковскаго уѣзда селѣ Толстомъ-Знаменскомъ, и я, встрѣчаясь съ нимъ у Петра Петровича, возобновилъ прежнее мое съ нимъ знакомство, начатое въ Нижнемъ въ 1843 году, когда онъ былъ тамъ директоромъ ярмарки. Иногда, вмѣсто отпуска онъ бралъ какую нибудь командировку отъ министерства, чтобы не лишиться жалованья (такъ какъ средства его были ограничены) и этимъ имѣть также возможность оставаться у себя въ деревнѣ, сколько ему было угодно. Однажды онъ взялъ командировку для ревизіи Рязанскаго Губернскаго Правленія и полиціи, изъ чего произошло столкновеніе съ Петромъ Петровичемъ, впрочемъ не особенно важное. Но надо прежде сказать, что добрый нашъ Петръ Петровичъ чванился обыкновенно, что при назначеніи его Рязанскимъ губернаторомъ онъ будто бы настоялъ черезъ князя Алексѣя Өедоровича Орлова на два важныя изъятія отъ обыкновеннаго по-

---

меранцовыхъ деревьевъ, при входѣ улицы „St.-Etienne". Когда ему выслали за границу черновой формулярный его списокъ для просмотра, то, при возвращеніи списка, онъ приписалъ, что вся его служба показана вѣрно, кромѣ одного обстоятельства, что при увольненіи его ему было обѣщано назначеніе въ сенаторы при первомъ возможномъ случаѣ, но что это не состоялось. На этотъ протестъ не было обращено никакого вниманія. Въ бытность мою въ Ниццѣ, въ началѣ 1863 года, я часто встрѣчалъ В. В. Скрипицына, прогуливавшагося въ остроконечной шляпѣ, на подобіе сахарной головы, никѣмъ, кромѣ него, не носимой. Лично съ нимъ я не былъ знакомъ, да и онъ вообще удалялся отъ нашей Русской колоніи въ Ниццѣ, весьма тогда многочисленной. (Насчитывалось Русскихъ семействъ до 800, а лицъ обоего пола до 2000). Уважая вполнѣ служебную самоотвагу В. В. Скрипицына, я, какъ неодаренный подобною ему смѣлостью, дѣйствовалъ бы, быть можетъ, иначе. Зная, что плетью обуха не перешибешь и что немыслимо дѣйствовать продолжительно на перекоръ правительственной программѣ (будь это даже по убѣжденію, что я тружусь для отечественной пользы), но не желая однакоже съ другой стороны сдѣлаться безмолвнымъ орудіемъ мѣръ, несогласныхъ съ моими воззрѣніями, я бы просилъ о назначеніи меня на другое мѣсто, ибо въ сущности „on ne doit pas être plus royaliste que le roi lui-même, ni plus orthodoxe que le pape". (Не слѣдуетъ никакъ быть болѣе ярымъ роялистомъ, чѣмъ самъ король, или болѣе правовѣрнымъ, чѣмъ самъ папа). В. В. Скрипицынъ былъ женатъ на Француженкѣ, перешедшей въ православіе. У нихъ осталась единственная дочь, не вышедшая еще по сіе время (въ 1874 году) замужъ, причиною чему могли быть ея родители. Отецъ твердилъ, что онъ выдастъ ее замужъ только за Русскаго, а мать говорила, что не иначе какъ за ея соотечественника. В. В. Скрипицынъ скончался въ Парижѣ въ нынѣшнемъ 1874 году.

ложенія всѣхъ прочихъ губернаторовъ, а именно: чтобы не высылалось бы никогда чиновника изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для обревизованія какой бы то ни было части Рязанской администраціи, и чтобы мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ не доносилъ своему начальству ничего, не показавши предварительно Петру Петровичу, о чемъ именно онъ доносилъ. Исполнялось ли въ точности второе изъ этихъ условій, не знаю; но на счетъ перваго, оно и безъ командировки графа Толстаго было нарушено присылкою изъ министерства нѣкоего г. Сафоновича [1]) для ревизіи чего-то въ Рязани. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Рязань, графъ Дмитрій Николаевичъ сказалъ Петру Петровичу, что ему хочется пожить подольше въ своемъ имѣніи, и потому не имѣетъ ли Петръ Петровичъ чего нибудь противъ его желанія взять командировку изъ министерства для обревизованія какой нибудь части въ Рязанской губерніи? На это Петръ Петровичъ отвѣчалъ, что ни за что не дастъ своего согласія, ссылаясь на обѣщанное будто бы ему княземъ Орловымъ. «Весьма сожалѣю,» сказалъ графъ, «что я объ этомъ не зналъ прежде, потому что уже имѣю порученіе ревизовать ваше Губернское Правленіе и полицію,» при чемъ вынулъ изъ бокового кармана министерское предписаніе. Нечего было дѣлать бѣдному Петру Петровичу, пришлось «faire bonne mine au mauvais jeu» [2]), и со всегдашнею свѣтскою своею любезностію онъ предложилъ графу сейчасъ же ѣхать съ нимъ въ Губернское Правленіе.

Графъ Дмитрій Николаевичъ, съ перваго же дня управленія губерніею, сталъ обращаться со мною не только что ласково, но ему угодно было отличать меня отъ прочихъ чиновниковъ, за исключеніемъ И. К. Мартенса, который сдѣлался также приближеннымъ къ нему человѣкомъ. И меня сильно влекло къ графу, хотя я едва былъ знакомъ съ нимъ (да и начало моего съ нимъ знакомства въ Нижнемъ черезъ столь амфибичную личность, каковою былъ ярморочный надзиратель Израильтянинъ Розè, не особенно могло рекомендовать меня ему), какъ будто бы я предчувствовалъ, что въ немъ я найду моего перевоспитателя. Нѣкоторые изъ болѣе приближенныхъ къ Петру Петровичу чиновниковъ не только начали чуждаться графа Толстаго и глазъ у него не показывали, но удрали изъ Рязани. Чтò значилъ этотъ протестъ, трудно угадать. Вѣдь графъ Толстой былъ временнымъ только губернаторомъ, не было никакой ссоры между нимъ и Петромъ Петро-

[1]) Вслѣдъ за тѣмъ, г. Сафоновичъ былъ назначенъ Орловскимъ губернаторомъ.
[2]) Взять на себя веселый видъ по непріятному дѣлу.

вичемъ; да и гоненія свыше на послѣдняго не было никакого. А между тѣмъ оказалось, что эти господа были неплохіе дипломаты, и при возвращеніи Петра Петровича имъ сочтено было это въ услугу, а гроза обрушилась надъ Мартенсомъ и надо мною за наше будтобы угодничество графу, какъ о томъ разскажу далѣе. Комплектъ чиновниковъ особыхъ порученій былъ уже и безъ того неполный, а съ укрывательствомъ (или, для смягченія выраженія, съ отъѣздомъ въ отпускъ) двоихъ изъ нихъ, тягловыми слѣдователями оставались только Степанъ Тимофеевичъ Славутинскій и я. И. К. Мартенсъ уже былъ ассесоромъ Губернскаго Правленія *). Невмоготу было намъ двоимъ: я просилъ графа о замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ. И Мартенсъ, и я указывали ему на Викентія Өомича Раковскаго, какъ на работящаго чиновника, да и графъ уже замѣтилъ его таковымъ и безъ нашей рекомендаціи, потому что онъ каждый день приходилъ къ графу съ журналами Губернскаго Правленія; но онъ не согласился на наше предложеніе, потому что прочилъ Раковскаго на другое мѣсто. Однакоже, онъ назначилъ въ подмогу намъ чиновникомъ особыхъ порученій одного изъ чиновниковъ губернской канцеляріи, г. Лекторскаго. Мы и этому были рады. Я забылъ сказать, что я и прежде просилъ Петра Петровича о назначеніи В. Ө. Раковскаго въ чиновники особыхъ порученій; но онъ отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ, потому-де, что Раковскій не зналъ другаго языка кромѣ Русскаго (и Польскаго, своего роднаго, какъ Бѣлорусскій дворянинъ), а Петру Петровичу хотѣлось, не знаю почему, имѣть при себѣ лингвистовъ. Свѣжій примѣръ о пользѣ имѣть подъ рукою готоваго переводчика (каковымъ былъ я) по случаю нахожденія въ Рязани военно-плѣнныхъ ничего не доказывалъ, такъ какъ случай этотъ былъ экстреннымъ.

Губернскій предводитель Петръ Николаевичъ Бухвостовъ и Рязанскій уѣздный предводитель Александръ Николаевичъ Рѣдкинъ чествовали графа Толстого обѣдами, на коихъ приглашаемъ былъ и я; но по весьма мѣткому замѣчанію графа, неловко какъ-то чувствовалось, г. Бухвостову по офиціальному своему характеру, находиться въ ладахъ съ губернаторомъ, а между тѣмъ повода къ ссорѣ съ нимъ не представлялось, да и въ добавокъ, графъ былъ свой, т.-е. мѣстный дворянинъ и помѣщикъ. Именно мѣткостью-то и отличается графъ Дмитрій Николаевичъ. Вотъ другой тому примѣръ. Когда я гулялъ съ нимъ по вечерамъ въ городскомъ саду, онъ высказывался мнѣ откро-

*) С. Т. Славутинскій, кому поручены были слѣдствія по раскольничьимъ дѣламъ, открылъ переписку Егорьевскаго уѣзда фабриканта Хлудова съ Бѣлокриницкимъ раскольничьимъ митрополитомъ Амвросіемъ.

венно по вопросамъ, поднятымъ тогда въ правительственныхъ сферахъ, въ томъ числѣ о предполагаемомъ упраздненіи крѣпостного права. На мое боязливое замѣчаніе, что нашъ народъ не созрѣлъ еще для этой мѣры, графъ отвѣчалъ мнѣ: «А я такъ думаю, что не крестьяне, а мы дворяне не готовы къ этому». И дѣйствительно, почти что буквально въ этомъ положеніи настигла насъ реформа 19 Февраля 1861 года.

Нельзя сказать, чтобы графъ очень шибко принялся выметать соръ въ мѣстной администраціи. Онъ чувствовалъ себя калифомъ на часъ; но однакоже, онъ кое-что почистилъ и кое-что подтянулъ. Неизвѣстно еще было тогда, останется ли онъ въ Рязани губернаторомъ или нѣтъ.

Всѣхъ насъ удивило тогда поступленіе на службу почтеннаго моего двоюроднаго братца Н. А. Дивова послѣ 26-тилѣтней отставки, да еще въ военную, прямо въ генералъ-майоры изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, а при переходѣ изъ прежней военной въ статскую службу (въ 20-хъ еще годахъ) онъ былъ лишь полковникомъ. Но тутъ надо изложить вкратцѣ его прошедшее до того времени, когда онъ поселился въ своемъ Рязанскомъ имѣніи. Уже давно онъ порывался снова на службу, но покойный государь Николай не долюбливалъ моего кузена и однажды, въ 40-хъ годахъ, когда онъ чуть не поступилъ подъ начальство графа Клейнмихеля (и даже по приглашенію этого временщика) Государь отказалъ ему на отрѣзъ. А не долюбливалъ его Государь по какому-то случаю во время нахожденія Дивова шталмейстеромъ при дворѣ великаго князя Михаила Павловича. Всѣ подробности этой исторіи мнѣ неизвѣстны съ точностію (такъ какъ неловко было мнѣ разспрашивать о томъ самого Николая Адріяновича), но Государь упрекалъ будтобы его въ неблагодарности, и по тогдашнимъ городскимъ слухамъ, кузенъ мой, обидѣвшись будтобы, что кто-то изъ штата великаго князя, моложе его по службѣ, получилъ Анну 1-й степени, а онъ нѣтъ, началъ рѣзко отзываться о томъ. вслѣдствіе чего Государь пожаловалъ ему этотъ орденъ, и въ томъ же приказѣ сказано было, что онъ увольняется отъ службы, впрочемъ, по прошенію [1]). Позднѣе Государь черезчуръ жестоко и незаслуженно отозвался о немъ, когда онъ просился за границу [2]), чтобы сопрово-

---

[1]) Говорятъ, что Дивовъ написалъ по этому случаю какое-то рѣзкое письмо великому князю, которое попало въ руки Государю; но странно, что великій князь никогда не перемѣнялъ своего милостиваго обращенія съ Дивовымъ и когда послѣдній, давно уже въ отставкѣ, пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ всегда являлся къ великому князю и обѣдалъ у него, какъ свой интимный человѣкъ.

[2]) Въ то время выѣздъ за границу былъ запрещенъ всѣмъ безъ высочайшаго на

ждать графа Сергѣя Петровича Румянцова, о чемъ уже подробно разсказалъ я въ другомъ мѣстѣ. Понятно, что послѣ всего этого Николай Адріяновичъ не особенно воспитывалъ въ себѣ вѣрноподданническое чувство любви; но при новомъ царствованіи не могли ему вредить никакіе неблагопріятные антецеденты, и онъ былъ принятъ на службу съ назначеніемъ генералъ-провіантмейстеромъ въ Варшаву по ходатайству тогдашняго намѣстника Царства Польскаго, князя Горчакова, товарища Дивова по гвардейской артиллеріи [1]). Не совсѣмъ ловко было находиться ему подъ начальствомъ генерала-интенданта Мельникова, бывшаго еще юнкеромъ, когда Дивовъ уже былъ въ генеральскомъ чинѣ; но имѣлось тогда въ виду (если не ошибаюсь), что Мельниковъ желалъ оставить этотъ постъ, и преемникомъ ему надѣялся быть Дивовъ. Однако это не состоялось. И вотъ, нашъ Цинцинатъ-агрономъ, коннозаводчикъ и скотоводъ, бросилъ свое столь роскошно устроенное хозяйство, облекся въ мундиръ съ небывшими еще никогда у него генеральскими эполетами и полетѣлъ безъ оглядки въ Варшаву. Съ нимъ мы опять встрѣтимся не ближе какъ въ слѣдующемъ 1857 году въ Москвѣ.

По заключеніи мира, Государь милостиво пригласилъ къ себѣ въ Петербургъ Англійскаго генерала Вилліамса. Знаменитый защитникъ Карса выѣхалъ изъ Тифлиса уже не какъ военноплѣнный, а со всѣми почестями царскаго гостя, со своимъ адъютантомъ Титзделемъ и съ однимъ нашимъ офицеромъ, въ качествѣ безсмѣннаго при немъ ординарца и въ тоже время переводчика [2]). Въ Рязани онъ пробылъ два-три дня и захватилъ съ собою своего секретаря Чурчиля, находившагося тамъ, какъ я уже говорилъ, съ конца зимы. Генералъ Вилліамсъ провелъ вечеръ у графа Толстого, гдѣ находился и я, по приглашенію графа. Собою онъ былъ широкоплечій, плотный, средняго роста, мужчина около пятидесяти лѣтъ, съ усами и съ коротко стрижеными волосами, съ замѣтною уже просѣдью, съ добродушнымъ открытымъ лицомъ, военною осанкой, свободно говорилъ по-французски (хотя, конечно, съ Англійскимъ акцентомъ) и отчеканивалъ каждое слово. Разсказывалъ онъ намъ много интереснаго, какъ о свѣжихъ военныхъ

то разрѣшенія. Мѣра эта состоялась вслѣдствіе Парижской и Варшавской революцій 1830 года.

[1]) Въ походахъ 1812—1814 годовъ Дивовъ, князь Горчаковъ и Сергѣй Павловичъ Сумароковъ были молодыми оберъ-офицерами одной роты (позднѣе, батареи) гвардейской пѣшей артиллеріи.

[2]) За примѣрную оборону Карса королева Викторія пожаловала генерала Вилліамса титуломъ баронета, съ прибавленіемъ къ его фамиліи „Карскаго“ (Sir Williams of Kars).

дѣйствіяхъ въ Азіи, гдѣ онъ игралъ довольно видную роль, такъ и о прежней своей службѣ въ Индіи, и все это онъ намъ передавалъ съ оживленіемъ и съ полною, повидимому, откровенностью и даже словоохотливостью, не всегда свойственною его землякамъ. Такъ, между прочимъ, онъ рѣзко высказывалъ свое неудовольствіе на Англійскаго посланника въ Константинополѣ, лорда Редклифа, за слабое и какъ бы неохотное его содѣйствіе ему, Вилліамсу, когда султанъ поручилъ послѣднему сформированіе Азіатскаго войска, и онъ даже угрожалъ, что этому дипломату достанется отъ него при ихъ свиданіи въ Лондонѣ. Онъ коснулся также недавняго событія, взятія въ плѣнъ Шамилемъ Русскихъ княгинь Оребеліани и Чавчавадзе, по поводу чего онъ говорилъ, что писалъ Шамилю, представляя ему о неблагородствѣ и непристойности подобнаго дѣйствія, потому-де, что у цивилизованныхъ народовъ женщины непричастны къ военнымъ случайностямъ [1]). Онъ давно былъ знакомъ съ Н. Н. Муравьевымъ, еще въ то время, когда служилъ молодымъ офицеромъ въ Индійской арміи, а Николай Николаевичъ былъ посланъ въ Хиву и къ Бухарскому эмиру съ дипломатическою миссіей [2]). Онъ высоко отзывался о военныхъ способностяхъ Н. Н. Муравьева. «Я хорошо его знаю», сказалъ намъ Англійскій генералъ, «и очень его люблю, и потому могу о немъ сказать, что онъ, будучи въ душѣ добрѣйшимъ человѣкомъ, напускаетъ на себя личину суровости и какъ бы домогается, чтобы его ненавидѣли» [3]). Онъ очень добродушно и безцеремонно подтрунивалъ надъ своимъ секретаремъ Чурчилемъ, тутъ же находившемся, по поводу преждевременной его высылки изъ Тифлиса «другомъ Муравьевымъ» за излишнюю болтовню. Костюмъ генерала Вилліамса состоялъ изъ двубортнаго синяго сюртука безъ эполетъ, но, помнится мнѣ, съ однимъ золотымъ жгутомъ и краснымъ гаруснымъ шарфомъ, очень похожимъ на гусарскій кушакъ нашихъ нижнихъ чиновъ. И онъ, и его адъютантъ Титздель (красивый гусарскій офицеръ) были при сабляхъ, какъ не считавшіеся болѣе военноплѣнными. Головной уборъ его былъ не кепи, какъ у Французовъ, а (помнится мнѣ) круглая и плоская фуражка съ козырькомъ, точь-въ-точь какъ Русская прежней формы.

---

[1]) Ужъ какъ я пенялъ на себя впослѣдствіи, что не подумалъ попросить у ген. Вилліамса копію съ этого письма. Оно весьма кстати явилось бы тогда въ печати, какъ дополненіе реляціи о взятіи въ плѣнъ нашихъ дамъ.

[2]) Это было, кажется, еще въ началѣ 20-хъ годовъ. О своемъ посольствѣ Николай Николаевичъ напечаталъ въ то время книгу на Русскомъ и на Французскомъ языкахъ.

[3]) Точь-въ-точь такое мнѣніе я давно себѣ составилъ о покойномъ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

Разъѣзжая по дѣламъ службы по Рязанскому уѣзду [1]), я однажды заѣхалъ въ гости къ Петру Дмитріевичу Норову, въ сельцо Насурово, гдѣ онъ проводилъ каждое лѣто со своимъ семействомъ, и онъ радушно удержалъ меня чуть ли не на цѣлую недѣлю. Отрадно было мнѣ отдыхать душою въ этой патріархальной семьѣ, состоявшей изъ его жены Татьяны Семеновны (рожденной Викулиной) и незамужней еще дочери Софіи Петровны, миловидной брюнетки съ Итальянскимъ типомъ и вдобавокъ преумной и утонченно образованной дѣвушки, владѣвшей Англійскимъ языкомъ, какъ бы природная Британка. Она была такъ привлекательна собою (при всемъ ея миніатюрномъ ростѣ) и манерами, и говоромъ, мягкостью и впечатлительностью характера, что вполнѣ заслуживала прозвище, данное мною ей «рай-дѣвицы»; да и англоманство ея приходилось мнѣ какъ разъ по душѣ [2]). Я уже гдѣ-то говорилъ, что мать Петра Дмитріевича Норова была сестра Алексѣя Аѳанасьевича Ракитина, такъ же какъ и мать Варвары, Натальи и Ольги Николаевныхъ Ляпуновыхъ, Ивана Александровича Бабина и г-жъ Сипягиной и Пущиной (и даже, кажется, Куровой). Братъ Петра Дмитріевича, Илья Дмитріевичъ, почти-что безотлучно жилъ въ Веневскомъ своемъ имѣніи (гдѣ и былъ выбранъ начальникомъ мѣстной дружины во время Крымской войны), а сестра ихъ, Лука Дмитріевна Канищева, поселилась, не знаю почему, въ самой Коломнѣ [3]).

У Норовыхъ гостили тогда двоюродныя Петра Дмитріевича сестры, Варвара и Наталья Николаевны Ляпуновы (Городищенскія сосѣдки),

---

[1]) Винюсь, что когда я имѣлъ въ производствѣ дѣла внѣ Рязани, я старался продлить мое пребываніе въ уѣздѣ, на сколько могъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ мнѣ выдавалось по 40 коп. сер. въ день столовыхъ: разсчетъ немаловажный для человѣка, получавшаго всего 600 р. сер. въ годъ.

[2]) Года два позднѣе она вышла замужъ за Саксонскаго барона Люцероде въ Дрезденѣ, гдѣ и поселилась и вскорѣ овдовѣла. Мать ея переѣхала на жительство къ ней туда. П. Д. Норовъ (умершій въ 1859 или въ началѣ 1860 года) былъ очень богатъ, но не столько помѣстьями, сколько капиталами, сверхъ чего имѣлъ два большіе дома въ Петербургѣ. Сынъ его Дмитрій Петровичъ женился позднѣе на одной изъ многихъ дочерей Рязанскаго же помѣщика, князя Николая Дмитріевича Волконскаго (это братъ театрала, князя Алексѣя Дмитріевича и сосѣда Дивова по Городищу). Въ описываемое мною время (1856 годъ) молодой Дмитрій Петровичъ только-что былъ произведенъ въ офицеры конной гвардіи.

[3]) Кстати о Коломнѣ. Проѣзжая черезъ желѣзнодорожный мостъ Оки, нельзя не замѣтить роскошную старинную усадьбу на возвышенномъ правомъ (Рязанскомъ) берегу этой рѣки, деревню Щурово. Огромный этотъ домина съ флигелями, парящій надъ столь живописною мѣстностью, принадлежалъ нѣкогда г. Губерти, долго бывшему Коломенскимъ городничимъ. Меня заинтересовала Итальянская эта, повидимому, фамилія; но оказалось, что въ Коломенскомъ экс-городничемъ было столько же Итальянской крови, сколько во мнѣ. Насупротивъ этой усадьбы, при впаденіи Москвы-рѣки въ Оку, стоитъ Голутвинскій монастырь, одинъ монахъ коего успѣшно, какъ мнѣ сказывали, разводилъ виноградъ на открытомъ воздухѣ.

вторая изъ коихъ была уже поражена параличомъ и тихо сошла въ могилу годъ или два позднѣе.

Гостя у Норовыхъ, я однажды ѣздилъ къ ихъ сосѣду, Петру Александровичу Дубовицкому, въ село Стѣпкино. О немъ я по сю пору говорилъ лишь вскользь, тогда какъ онъ заслуживаетъ болѣе подробнаго о немъ воспоминанія.

Отецъ П. А. Дубовицкаго, помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, впалъ когда-то въ сектаторство, отъ коего до хлыстовщины всего одинъ шагъ *), и былъ будто бы основателемъ новой секты подъ названіемъ «духовныхъ скопцовъ», не допускающихъ тѣлеснаго увѣчья и хранящихъ плотскую чистоту, и увлекъ будто бы въ свою секту одну изъ незамужнихъ своихъ дочерей. За это онъ былъ заключенъ довольно долго въ острогѣ или въ какомъ-то монастырѣ, а все его имѣніе передано было по высочайшему повелѣнію сыну, который между тѣмъ блистательно кончилъ ученіе въ Казани по медицинское и принялся за практику, не взирая на родительское большое состояніе, въ тоже время сильно хлопоталъ о выпускѣ изъ заточенія своего отца и, наконецъ, сыновнія его заботы увѣнчались успѣхомъ. Старикъ Дубовицкій женился впослѣдствіи во второй разъ. Его-то вдова была та самая Наталья Петровна Дубовицкая, о которой я упомянулъ какъ о сосѣдкѣ Дивова и которая умерла въ 1849 году. Располагая обширными средствами по смерти отца, Петръ Александровичъ устроилъ въ своемъ Стѣнкинѣ великолѣпную больницу, не только для своихъ крестьянъ, но и для всѣхъ постороннихъ всякаго званія; за лѣченіе и содержаніе денегъ онъ ни съ кого не бралъ и самъ былъ ординаторомъ своей больницы, а помощницею ему въ должности сидѣлки была родная его незамужняя сестра, женщина болѣзненнаго сложенія. И не надо думать, чтобы Петръ Александровичъ Дубовицкій былъ лишь врачъ-аматёръ; онъ былъ преискусный медикъ, въ слѣдствіе чего его избрали изъ прочихъ Петербургскихъ претендентовъ въ директоры Медико-хирургической Академіи, на что онъ согласился въ описываемый мною 1856-й годъ, хотя дорожилъ своею свободой и возможностью проживать, сколько ему хотѣлось, въ своемъ любимомъ Стѣнкинѣ. Эту кондицію онъ заранѣе выговорилъ себѣ, такъ же какъ и ту, чтобы ему не завѣдывать экономическою частью Академіи. Въ Стѣнкинѣ онъ также

*) Я читалъ, что извѣстная Татаринова была ни что иное, какъ хлыстовка. П. И. Мельниковъ включаетъ въ эту секту самого князя А. Н. Голицына (тогдашняго синодскаго оберъ-прокурора), но это, какъ мнѣ кажется, понапрасну: онъ былъ мистикъ школы г-жи Крюднеръ и не болѣе.

имѣлъ весьма порядочный рысистый заводъ и бралъ призы на Рязанскомъ гиподромѣ. Когда я познакомился съ Петромъ Александровичемъ, ему едва было сорокъ лѣтъ. Другая его сестра была замужемъ за артиллеристскимъ генераломъ Сигизмундомъ Венедиктовичемъ Мерхелевичемъ, бывшимъ постояннымъ партнёромъ Зенаиды Сергѣевны и моимъ въ Петербургѣ зимою 1842—1843 года (въ то время онъ былъ только полковникомъ) и съ коимъ я однажды опять встрѣтился въ Рязани. Огромный каменный трехъэтажный Стѣнкинскій домъ походилъ болѣе на за̀мокъ, нежели на помѣщичью храмину и былъ изящно отдѣланъ внутри; тутъ же была и картинная галерея весьма изрядная, въ составъ коей входили нѣкоторыя картины работы болѣзненной сестры хозяина, свидѣтельствовавшія о замѣчательномъ ея художественномъ талантѣ. Жена его Марія Александровна (рожденная Стаховичъ) была премиленькая каштановласая и съ розовыми щечками барынька и предобрая и внимательная хозяйка дома; вредило ей лишь, что она немного гнусила и говорила съ плачевною и всегда однообразною интонаціей. Дѣтей у нихъ не было. Страстно любила Марія Александровна попугаевъ, и ничѣмъ она такъ не занималась въ своемъ Стѣнкинѣ, какъ ими, а ихъ былъ легіонъ и въ клѣткахъ, и на волѣ, и во всѣхъ парадныхъ комнатахъ, и даже въ саду; послѣдніе были ястребинаго размѣра, яркопунсовые съ немного-голубымъ оттѣнкомъ, и сидѣли они на высокихъ жердяхъ на цѣпи. На воздухѣ пріятно было любоваться этими рѣдкими экземплярами; но пернатое сборище ихъ собратій въ парадныхъ комнатахъ, хотя и ослѣпляло глаза всѣми возможными радужными оттѣнками, было невыносимо: живой этотъ зоологическій кабинетъ оралъ такъ немилосердно, что заглушалъ голоса собесѣдниковъ, и нельзя было поддерживать разговоръ съ хозяевами дома. Въ числѣ коллекціи замѣчательна была маленькая, бѣлая съ желтымъ хохликомъ, перюша *), до того ручная, что не отлетала отъ хозяйки, и любимое мѣстопребываніе этой фаворитки было за шеей Маріи Александровны, подъ пелеринкой коей ласковая птичка прятала свою головку. Она пользовалась полною свободой и кормилась изъ розоваго ротика хозяйки. Когда я глядѣлъ на эту птичью привязанность, приходила мнѣ въ голову поневолѣ мысль объ Индѣйской доктринѣ, что души усопшихъ переходятъ въ животныхъ и что не была ли когда-нибудь эта птичка приближеннымъ человѣкомъ Маріи Александровны?

Ѣздилъ-ли графъ Дмитрій Николаевичъ на коронацію въ Августѣ, не помню; но поѣхали туда, по долгу службы, нашъ досточтимый ста-

---

*) Самка попугая.

рецъ владыка Гавріилъ и губернскій предводитель П. Н. Бухвостовъ. Для всѣхъ Россійскихъ, собравшихся на коронацію, іерарховъ построены были отъ казны одинаковыя облаченія изъ серебрянаго глазета, оставленныя въ ихъ собственность. Возведены были тогда въ графское достоинство Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ и Сергѣй Павловичъ Сумароковъ, а князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ; но не долго могъ онъ пользоваться этимъ высшимъ военнымъ значеніемъ: пріѣхавъ въ Москву на коронацію уже больнымъ, онъ никуда не выѣзжалъ и скончался вскорѣ послѣ коронаціи, въ Одессѣ. Государь однажды навѣстилъ его. Я слышалъ, что народный обѣдъ на Ходынкѣ не удался: день для сего откладывался такъ долго по случаю дурной погоды или по другой причинѣ, и провизія протухла. Слышалъ я также, что экстраординарный папскій легатъ (legatus ad laterem) намѣренно опоздалъ пріѣздомъ въ Москву, чтобы не присутствовать на церковныхъ церемоніяхъ, чего онъ не могъ бы избѣгнуть, какъ членъ акредитованнаго на этотъ случай дипломатическаго корпуса. Латынянамъ запрещено присутствовать на иновѣрческомъ богослуженіи, и монсиньоръ какъ разъ потрафилъ къ началу баловъ и пиршествъ.

Осенью возвратился Петръ Петровичъ изъ своего отпуска въ Рязань, но безъ жены и дочери, оставшихся въ Москвѣ, и незадолго до его пріѣзда графъ Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ на вакантное мѣсто Калужскаго губернатора. Но онъ не отправился тотчасъ туда, а сдавъ управленіе Рязанскою губерніей вице-губернатору, уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Какъ скоро сдѣлалось извѣстно о назначеніи графа Дмитрія Николаевича въ Калугу, я намекнулъ ему о моемъ желаніи перейти на службу къ нему, но не рѣшительно, а въ видѣ предположенія, которое могло бы осуществиться. Онъ отнесся весьма благосклонно къ моему заявленію, но ничего окончательнаго по этому поводу не произошло тогда между нами. Хотя въ теченіе всей моей Рязанской службы не встрѣчались мнѣ никакія непріятности, и Петръ Петровичъ, уѣзжая, не измѣнилъ своего родственнаго со мною обхожденія, но мнѣ тяжело было находиться въ постоянной разлукѣ съ моимъ семействомъ (въ Сентябрѣ минулъ уже годъ, что̀ я не видался съ нимъ), и вотъ какая была единственная причина моего желанія перейти на службу въ Калугу. Между тѣмъ слухъ распустился по Рязани, что И. К. Мартенсъ и я переходимъ къ графу Толстому, и угодники Петра Петровича, укрывавшіеся во время его отсутствія, не преминули передать ему эту новость, какъ только онъ возвратился. Я предчувствовалъ, что возникнутъ у меня непріятности съ Петромъ Петровичемъ, и предчувствіе мое оправдалось. Но прежде надо раз-

сказать, что произошло въ министерствѣ по поводу возвращенія Петра Петровича въ Рязань. Въ министерскихъ сферахъ недовольны были его управленіемъ: находили, что онъ распустилъ губернію (отчасти это было справедливо), и предполагалось утвердить въ Рязани графа Толстого, а Петру Петровичу дать другое назначеніе. Узнавъ объ этомъ предположеніи, послѣдній поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ и заболѣлъ холерой; немудрено, что душевное разстройство по поводу министерскаго намѣренія содѣйствовало его заболѣванію. Оправившись, онъ убѣдительно присталъ къ С. С. Ланскому (тогда министру), чтобы не сдѣлали ему подобнаго афронта и если дѣйствительно онъ распустилъ ввѣренную ему губернію, то кому же другому и исправить ее какъ не самому ему? Министръ согласился, и вотъ почему графъ Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ въ Калугу.

На общемъ пріемѣ всѣхъ насъ служившихъ при Петрѣ Петровичѣ онъ принялъ Мартенса и меня сухо и почти что строго, едва кивнулъ головою. Возвратясь домой съ тяжелымъ на душѣ впечатлѣніемъ отъ незаслуженнаго мною публичнаго оскорбленія, я размыслилъ однакоже, что послѣ столь долговременнаго родственнаго расположенія, оказаннаго мнѣ Петромъ Петровичемъ, не благодарно и не честно было бы съ моей стороны рѣшиться на немедленный переходъ изъ Рязани вслѣдствіе первой постигшей меня непріятности, и потому я предпочелъ первоначально объясниться съ нимъ съ глазу на глазъ, въ надеждѣ разсѣять его предубѣжденія о моемъ поведеніи во время его отлучки, хотя извиняться передъ нимъ не было въ чемъ. Позднѣе я узналъ, что его фавориты внушили ему, якобы Мартенсъ и я приняли на себя роль доносчиковъ по его административнымъ дѣйствіямъ, насплетничали на него, съ цѣлью задобрить графа Толстого; но подобное обвиненіе было такъ низко, что я не счелъ бы нужнымъ разувѣрять Петра Петровича въ противномъ. Отправившись къ нему вторично на слѣдующій день послѣ его обѣда [1]), я засталъ его вдвоемъ съ его воспитанницей и любимою какъ дочь, Марьею Петровною Кулебякиной. Сначала я повелъ разговоръ о банальныхъ предметахъ, разспрашивалъ о его пребываніи во Флоренціи, моей второй родинѣ [2]) и тому подобномъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ нехотя и лаконически. Тогда приступилъ

---

[1]) Помню, что мнѣ было такъ тяжело и конфузно идти на эту экспликацію, что я предварительно отправился къ вечернѣ въ свой приходъ, Николы Дворянскаго, чтобы подкрѣпиться молитвою.

[2]) Петръ Петровичъ останавливался во Флоренціи въ домѣ князя Юрія Трубецкого, доставшагося ему отъ безрукаго графа Остермана-Толстого. Этотъ князь Трубецкой былъ женатъ на Итальянской пѣвицѣ, принявшей позднѣе Православіе.

я къ сути. Я объяснилъ ему, что дѣло о моемъ переводѣ въ Калугу было лишь одно предположеніе, на которое я намекалъ графу Толстому только вскользь, хотя и не скрывалъ передъ Петромъ Петровичемъ, что продолжать жить въ постоянной разлукѣ съ моимъ семействомъ тягостно для меня, особливо послѣ постигшей меня въ Рязани семейной потери. Я говорилъ, что не могу забыть всѣ его ко мнѣ милости и родственное постоянное участіе, что не чувствую себя ни въ чемъ виноватымъ передъ нимъ, но что я не могъ безъ явной невѣжливости отклонять отъ себя вниманіе, оказанное мнѣ графомъ Толстымъ, и удаляться отъ него безъ всякой благовидной причины. Ничего не помогло: онъ также какъ сначала отвѣчалъ уклончиво и отрывисто, какъ будтобы имѣлъ дѣло съ едва знакомымъ ему лицомъ; впрочемъ, намекнулъ съ тономъ полнѣйшаго индиферентизма, что люди оставшіеся приверженными ему доказали это на дѣлѣ и не сближались съ его преемникомъ. Даже Маріи Петровнѣ было совѣстно за мой конфузъ, и во время перерыва моего разговора съ Петромъ Петровичемъ, она отнеслась ко мнѣ двумя-тремя сочувственными словами, и за тѣмъ наступило общее молчаніе. Убѣдясь въ невозможности примиренія, я поклонился и, возвратясь домой съ ущемленнымъ сердцемъ, рѣшился безъ дальнихъ колебаній перейти на службу въ Калугу. Въ послѣдующіе дни я разсказалъ своимъ знакомымъ о моемъ намѣреніи и немедленно подалъ прошеніе о 28 дневномъ отпускѣ. Распростившись съ Хвощинскими и со всѣмъ обществомъ, дружелюбнымъ расположеніемъ коего я пользовался въ теченіи болѣе четырехъ лѣтъ, я сдалъ свою квартиру, а мебель перевезъ къ И. К. Мартенсу (пополамъ съ коимъ я держалъ столъ со времени отъѣзда Новосильцовыхъ). Я такъ свыкся было съ Рязанью, что мнѣ весьма чувствительно было разставаться съ нею; да и по нынѣ, въѣзжая въ нее, мнится мнѣ, какъ бы я возвращаюсь на родину. Туда меня манятъ останки моей Анны и надежда самому лечь не подалече отъ нея: вѣдь есть же притягательная сила и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы страдали!.....

О моемъ отъѣздѣ особенно жалѣлъ, я знаю, мой духовникъ и мудрый всегда совѣтникъ, соборный протоіерей Иванъ Ефимовичъ Любимовъ; но и онъ одобрилъ мой поступокъ тѣмъ болѣе, что раздѣлялъ мое высокое мнѣніе о графѣ Толстомъ.

Такъ какъ не для чего было мнѣ торопиться, то я заѣхалъ на два, на три дня въ Городище. Николай Адріяновичъ давно уже былъ въ Варшавѣ, но тамъ оставался его братъ затворникъ экс-іезуитъ Александръ Адріановичъ, докторъ Битъ и ветеринаръ завода, Константинъ Петровичъ Василевскій, съ которымъ я давно жилъ въ ладахъ, какъ

съ человѣкомъ особенно доказавшимъ мнѣ свою дружбу тѣмъ, что въ первые дни послѣ кончины моей Анны онъ не отходилъ отъ меня ни днемъ, ни ночью. По усиленной его просьбѣ, я опять взялъ къ себѣ въ услуженіе моего Тимошку, въ надеждѣ, что арестантская рота его исправила, и дѣйствительно, по выпускѣ его оттуда онъ хорошо служилъ у одного г. Шишкова, совѣтника Казенной Палаты, и самъ просилъ г. Василевскаго уговорить меня взять его опять; но горбатаго и пьяницу одна могила исправить, и черезъ полгода съ небольшимъ, я долженъ былъ окончательно его прогнать, какъ мнѣ ни жаль было разставаться съ этимъ способнымъ на все малымъ: онъ выливалъ изъ глины муравленныя чашечки для акварельныхъ красокъ и обжигалъ ихъ какъ фаянсъ, составлялъ для моего Мити механическія игрушки и даже изобрѣлъ для него бичевочный телеграфъ, проведенный отъ большаго дома до флигеля, гдѣ я жилъ. Полна матушка Россія подобными Тимошками на все способными, а прока отъ нихъ нѣтъ! Губитъ ихъ зеленд̀-вино, а этого не встрѣчается въ иностранныхъ земляхъ.

Я выѣхалъ изъ Городища не рано утромъ, и уже стемнѣло, когда я проѣхалъ г. Бронницы, а такъ какъ я намѣревался своротить въ Зенино, которое было около 10 верстъ отъ шоссе по проселочной и малоѣзжанной дорогѣ, то я предпочелъ переночевать на почтовой станціи. Утромъ, только что я проснулся, какъ взошелъ къ станціонному смотрителю Петръ Петровичъ, спѣшившій въ Петербургъ, по случаю полученнаго извѣстія о кончинѣ его брата Николая Петровича [1]). Его сопровождалъ докторъ Шенрокъ, который дружественно поздоровался со мною; но Петръ Петровичъ едва кивнулъ мнѣ головою, сухо спросилъ, куда ѣду, и тутъ же вышелъ [2]). Съ тѣхъ поръ я болѣе не видался съ нимъ до Декабря 1862 года, когда я опять встрѣтился съ нимъ въ Ниццѣ. Онъ былъ тогда въ отставкѣ, и гнѣвъ его на меня давно уже тогда остылъ.

У Зенаиды Сергѣевны я прогостилъ съ недѣлю и ѣздилъ съ нею къ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну, проводившему осень въ

[1]) Бывшаго нѣкогда статсъ-секретаремъ при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

[2]) Петръ Петровичъ, будучи однажды въ Москвѣ съ Шенрокомъ, познакомилъ его съ своимъ давнѣйшимъ пріятелемъ, знаменитымъ медикомъ Александромъ Ивановичемъ Оверомъ, который нашелъ, что Рязанскій нашъ практикантъ замѣчательный врачъ. Къ несчастію, И. К. Шенрокъ сильно запивалъ и кончилъ ударомъ. Про себя скажу, что когда онъ однажды лечилъ меня отъ упорнаго кашля, схваченнаго осенью, онъ опредѣлилъ, что у меня желудочный катаръ, болѣзнь неопасная, и что я могу ощущать иногда временное облегченіе, но что въ сущности болѣзнь неизлечима и что съ нею я сойду въ могилу.

великолѣпной своей подмосковной Кузминкахъ (иначе Влахернское). Къ нему я ѣздилъ не съ обыкновеннымъ визитомъ, а вотъ по какому случаю. Одна изъ его старыхъ сестеръ, княжна Елена Михайловна (съ которою были очень дружны моя мать и ея сестры графини Марія и Екатерина Артемьевны Воронцовы, но особенно, послѣдняя изъ нихъ) находилась во Флоренціи при кончинѣ моего отца, 7 Ноября 1829 года. Праведный и благочестивый сынъ православной церкви перешелъ въ вѣчность, крѣпко прижимая въ рукахъ фамильный, драгоцѣнный по множеству въ немъ святыхъ мощей, крестъ; а окружавшіе новопреставленнаго, всѣ Латинскаго исповѣданія, какъ будто-бы чуждались этой святыни, и потому набожная княжна Елена Михайловна приняла святыню изъ окоченѣвшихъ рукъ моего родителя и оставила ее при себѣ, заявивъ заранѣе своему брату, что желаетъ, чтобы послѣ ея кончины крестъ этотъ переданъ былъ мнѣ. Она скончалась въ этомъ 1856 или въ предъидущемъ году, и князь Сергѣй Михайловичъ пожелалъ видѣть меня, чтобы передать мнѣ въ руки этотъ священный кладъ, сдѣлавшійся отнынѣ фамильнымъ *)

Старый вельможа повелъ затѣмъ рѣчь о совершившемся года два передъ тѣмъ придворномъ приключеніи, о бракѣ NN съ молодымъ графомъ Григорьемъ Строгоновымъ...

Въ Москвѣ я остановился, по предложенію Анны Петровны Ракитиной, въ ея квартирѣ, въ домѣ князя Юсупова, на углу Никитской и Леонтьевскаго переулка, такъ какъ она жила лѣтомъ съ Дивовой въ Зенинѣ. Юсупова домъ приходился на искосокъ отъ кондитерской бывшаго моего повѣреннаго Радзиковскаго, заведеніе коего было тогда въ славѣ: во время и послѣ коронаціи онъ хорошо торговалъ, и мнѣ странно, что при скромной семейной его жизни онъ не успѣлъ отложить на старость лишнюю копейку, и 12 лѣтъ спустя, разбитый параличомъ, долженъ былъ сдать свое заведеніе по запутаннымъ дѣламъ. Онъ говорилъ мнѣ, что во время коронаціи видался съ бывшимъ моимъ комиссіонеромъ по спекуляціи старинныхъ картинъ, Итальянцемъ Джіованни Паоли, который въ то время значительно оперился противъ прежняго своего положенія и былъ «маджіоръ-д'омо» (т.-е. метръ-д'отелемъ) у вдовы княгини Бѣлосельской - Бѣлозерской, переѣхавшей по этому торжественному случаю изъ Петербурга въ свой Московскій

---

*) Крестъ этотъ, серебрено-вызолоченный, Греческой, такъ называемой, формы. т. е. всѣ четыре конца почти что ровны, и каждый конецъ имѣетъ по три закругленныя оконечности. Въ немъ до 65 мощей. Къ сожалѣнію, семейныхъ преданій о немъ не имѣется.

домъ что на Тверской, гдѣ она дала одинъ изъ самыхъ блестящихъ баловъ, на коемъ присутствовала царская фамилія. Губернскіе предводители всей Имперіи съѣхались на коронацію, въ томъ числѣ Костромской Александръ Алексѣевичъ Мироновъ, мой военный сослуживецъ и искренній другъ, съ коимъ Радзиковскій часто видался, и оба порѣшили, что я понапрасну упустилъ этотъ исключительный случай просить объ оказаніи мнѣ всемилостивѣйшей помощи въ бѣдственномъ моемъ положеніи со времени перехода моего имѣнія въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. Но эти «pia desideria» добрыхъ моихъ друзей были не что иное какъ мечты. О чемъ могъ бы я просить, да и на какомъ основаніи? Не спорно, что на милость образца нѣтъ; но вѣдь безъ сильной протекціи, каковой у меня не было, нечего надѣяться на успѣхъ. И то уже было весьма счастливо для меня, что личность моя сдѣлалась обезпеченною отъ преслѣдованій кредиторами. Благодаря хлопотамъ И. А. Кавецкаго, а по смерти его, Михаила Ивановича Бернара, и на издержки, ассигнованныя на этотъ предметъ матерью моею или братомъ графомъ Петромъ Дмитріевичемъ, состоялось въ 1854 году рѣшеніе Московскаго Надворнаго Суда, гдѣ разбиралось дѣло о всѣхъ моихъ долговыхъ обязательствахъ, по которому моя несостоятельность была подведена подъ разрядъ несчастнаго банкротства, то-есть, по причинамъ отъ меня независящимъ, и потому личность моя была навсегда ограждена отъ ареста, и я могъ снова пріобрѣтать на свое имя всякаго рода движимое и недвижимое имущество.

Въ Москвѣ я могъ любоваться несломанными еще остатками публичныхъ празднествъ во время коронаціи. На Театральной и Воскресенской площадяхъ, у Иверскихъ воротъ и кое-гдѣ на главныхъ улицахъ, стояли еще фальшивые фонтаны, арки и разные подмостки, служившіе для волшебной, повидимому, иллюминаціи; но душевное мое настроеніе того времени дѣлало меня равнодушнымъ къ общественнымъ забавамъ, и я нимало не сожалѣлъ, что не удалось мнѣ видѣть все это волшебство.

Когда я добрался до Знаменскаго, на душѣ стало легче отъ мысли, что я здѣсь уже не въ отпуску и что съ предстоящею новой мнѣ службой разлуки съ семействомъ не будутъ столь продолжительными, какъ прежде; да сверхъ сего я имѣлъ въ виду заняться хозяйствомъ въ имѣніи моей жены, довольно распущенномъ отъ женскаго правленія, а для удачнаго его хода я надѣялся на пріобрѣтенную мною въ Городищѣ практику. Мой девятилѣтній Митя былъ ласковой и привязчивой ребенокъ. Я занималъ его большую часть дня то играми, то чтеніемъ ему вслухъ, и замѣчательно, что онъ особенно любилъ слу-

шать Лермонтова. Къ нему приходилъ учитель изъ Тарускаго уѣзднаго училища; но долго заниматься было тяжело и вредно для его глазъ, разболѣвавшихся временно отъ золотухи. При новой моей жизни, многое изъ накопившагося у меня на сердцѣ горя отлегло, хотя всякій уголъ въ домѣ напоминалъ мнѣ о присутствіи навѣки исчезнувшаго милаго существа, рукою котораго еще недавно обрабатывалась въ саду особенная клумбочка, теперь запущенная....

Недѣли черезъ три по пріѣздѣ въ Знаменское, я сообразилъ, что пора мнѣ ѣхать въ Калугу, чтобы явиться къ графу Толстому, давно уже прибывшему туда. Пріемъ, встрѣченный мною, былъ такъ сердеченъ, что сконфузилъ меня. Графъ обнялъ меня и извинялся за непріятности, постигшія меня съ Петромъ Петровичемъ, причиною коихъ онъ считалъ себя, при чемъ добавилъ, что сожалѣетъ, что и Мартенсъ подвергся тому же *). Когда я заявилъ ему мое желаніе служить подъ его начальствомъ, онъ выразился, что ему это будетъ особенно пріятно и лестно, и оставилъ меня обѣдать у себя, какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе два, что̀ я пробылъ въ Калугѣ. Онъ однакоже предупредилъ меня, что вакантнаго мѣста чиновника особыхъ порученій съ жалованіемъ не было въ то время, но что онъ пристроитъ меня надлежащимъ образомъ, и я немедленно подалъ ему прошеніе на высочайшее имя о моемъ переводѣ въ Калугу и съ сопровождавшимъ меня въ Калугу Осипомъ Августиновичемъ Тридономъ уѣхалъ обратно въ Знаменское, гдѣ, съ разрѣшенія графа, я провелъ неотлучно все начало зимы и только въ первыхъ числахъ Января 1857 года отправился къ мѣсту новаго моего служенія. Въ Ноябрѣ графъ пріѣзжалъ ревизовать Тарусу и провелъ вечеръ въ кругу моей семьи, съ коею онъ еще не былъ знако̀мъ, и оставилъ обѣихъ моихъ дамъ восхищенными его любезностію и интереснымъ разговоромъ. Въ это самое время я получилъ изъ Рязани письмо отъ Надежды Дмитріевны Хвощинской, извѣщавшее меня о кончинѣ ея отца, что̀ очень огорчило какъ меня, такъ и графа Толстого, который тутъ же вспомнилъ, что меньшая дочь Дмитрія Кесаревича, Прасковья, гостила въ то время у графини, сестеръ его въ Данковскомъ уѣздѣ, и что ей особенно будетъ тяжело узнать

*) Графа Толстого извѣстилъ о случившемся со мною Николай Александровичъ Замятинъ, предсѣдатель Рязанской Гражданской Палаты, женившійся недавно передъ тѣмъ вторымъ бракомъ на овдовѣвшей Елисаветѣ Андреевнѣ Петровской, родной сестрѣ графа Дмитрія Андреевича Толстого, нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія и двоюроднаго племянника графу Дмитрію Николаевичу. Вскорѣ послѣ сего, Н. А. Замятинъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Самару, а позднѣе былъ директоромъ департамента земскаго отдѣла и умеръ въ концѣ 60-хъ годовъ вскорѣ послѣ своей жены.

о кончинѣ ея отца, случившейся въ ея отсутствіе. Вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ пріѣхалъ къ намъ на вечеръ также новый Тарускій предводитель дворянства, богачъ Дмитрій Александровичъ Чертковъ, женатый на меньшой изъ сестеръ моего гусарскаго товарища и друга, Петра Александровича Хрущова, Любовь Александровнѣ. Д. А. Чертковъ выбранъ былъ на мѣсто Константина Александровича Поливанова, отказавшагося продолжать эту службу и уже больнаго.

Дописавъ мою автобіографію до періода, начинающагося съ 1857 года, слѣдуетъ отмѣтить два крупныя проявленія, одно по части журналистики, а другое, по художественному отдѣлу. Первое изъ таковыхъ былъ «Колоколъ» издаваемый въ Лондонѣ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ. Хотя офиціально запрещенный, но слабо преслѣдуемый, этотъ журналъ (или скорѣе газета) ходилъ вездѣ по рукамъ, и говорятъ, что самъ Государь постоянно и не безъ удовольствія его читалъ, по поводу чего разсказывали слѣдующій анекдотъ. Однажды, великій князь Константинъ Николаевичъ спросилъ у державнаго своего брата, читалъ-ли онъ послѣдній нумеръ этого журнала, гдѣ была какая-то черезчуръ ѣдкая статья. Государь отвѣчалъ, что этотъ нумеръ у него, но что ничего подобнаго въ немъ нѣтъ, и великій князь, удостовѣрившись къ крайнему своему удивленію въ нетождественности экземпляра, находившагося у Государя, съ своимъ, принесъ свой экземпляръ, въ коемъ Государь прочелъ статью, о которой шла рѣчь, пропущенную въ его экземплярѣ. Оказалось (за что купилъ, за то и продаю, но за вѣрность анекдота не ручаюсь), что въ III-мъ Отдѣленіи секретно перепечатывали «Колоколъ», и Государь могъ читать лишь то, что угодно было цензурѣ шефа жандармовъ. Много конечно, было ложнаго и утрированнаго въ этомъ изданіи, но все-таки оно принесло отечеству свою лепту пользы, ускоривъ (какъ думается мнѣ), упраздненіе крѣпостной зависимости. Да и саркастиченъ былъ нашъ эмигрантъ, нечего и говорить. Помню, какъ однажды появилась у него статейка съ сильнымъ обвиненіемъ одного изъ младшихъ Московскихъ полицеймейстеровъ въ злоупотребленіи власти относительно одной женщины, порывавшейся покинуть свою позорную жизнь, а полицеймейстеръ заставилъ будто бы ее возвратиться назадъ, вслѣдствіе каковой статьи нашъ полицеймейстеръ счелъ нужнымъ послать свое оправданіе въ этотъ журналъ. Герценъ не замедлилъ напечатать полученную статью съ предисловіемъ, что онъ тѣмъ охотнѣе помѣщаетъ ее, что «благодаря г. полицеймейстеру, «Колоколъ» пріобрѣтетъ отнынѣ право гражданства».

Шумнымъ событіемъ въ художественномъ мірѣ была картина Иванова, «Проповѣдь Іоанна Предтечи», только-что привезенная имъ изъ Рима. По поводу ея публика раздѣлилась на два лагеря. Партія, чрезмѣрно превозносившая это произведеніе, состояла изъ клики журналистовъ, ворчуновъ и недовольныхъ правительственнымъ направленіемъ, и картина Иванова сдѣлалась лозунгомъ оппозиціи. Кричали, что интрига академическихъ профессоровъ - завистниковъ геніальнаго (какъ выражались) таланта Иванова, старается уронить достоинство его произведенія и препятствуетъ правительству пріобрѣсть эту джемму, послѣднее слово отечественнаго художества, и что несчастный Ивановъ, дошедшій до нищеты, умеръ съ горя. Никакихъ въ сущности придирокъ, ни преслѣдованій не было. Что засидѣвшись въ Римѣ, онъ сочинялъ, уничтожалъ, опять писалъ и снова стиралъ или даже рвалъ (будто бы) свой трудъ, коимъ оставался недовольнымъ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, доказываетъ, что Ивановъ былъ труженикъ искусства, а не художникъ. Въ первомъ десятилѣтіи своего нахожденія въ Римѣ на казенный коштъ, онъ выслалъ оттуда одну только картину, кажется, явленіе Спасителя по воскресеніи Маріи Магдалинѣ (находящуюся въ Имп. Эрмитажѣ), и потому Академія перестала выдавать ему содержаніе по существующему на то правилу. Безсмертный нашъ К. П. Брюловъ создалъ свое «Разрушеніе Помпеи», не болѣе какъ въ четыре года (и даже чуть ли не менѣе). Правда, что Николай Никитичъ Демидовъ (или сынъ его, Анатолій Николаевичъ) купилъ эту картину за 100 т. р. ассигн.; но вѣдь меценатъ-Сибирякъ желалъ, быть можетъ, блеснуть вельможею и поощрителемъ національнаго художества, и немудрено, что картина была пріобрѣтена имъ безъ всякой оцѣнки; но вѣдь какъ себѣ хотятъ крикуны оппозиціи, а трудъ Иванова не чета Брюловской поэмѣ. Первый перерось немного обыкновенныхъ пигмеевъ искусства, а второй былъ и останется великаномъ. Ивановъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, заболѣлъ холерою (говорятъ, поѣвши мороженаго) и умеръ. Быть можетъ, что болѣзнь приняла злокачественный характеръ отъ упадка духа, такъ какъ его надежды не осуществились въ тѣхъ размѣрахъ, какъ онъ воображалъ; но ни правительство, ни профессора Академіи неповинны въ преждевременной смерти этого бѣдняка. А что̀ до достоинства его картины, рисовальная часть (контуры фигуръ) строга и вѣрна, это неоспоримо, и особенно хороши мальчики-Евреи, выходящіе изъ воды; но колоритъ просто невозможенъ. Вотъ какихъ-нибудь двадцать съ небольшимъ лѣтъ, что картина написана, и она выцвѣла и поблѣднѣла, тогда какъ «Разрушеніе Помпеи», написанное болѣе сорока тому лѣтъ, стемнѣло немного сначала и вѣроятно на этомъ и остановится. И опять-таки вотъ что: у Иванова

встрѣчается Еврейскій типъ нашихъ сѣверо и южно-восточныхъ губерній съ пейсиками включительно, а это не можетъ быть вѣрнымъ; да и кромѣ этого, мѣстность (Іорданская долина) вымышлена, а не списана съ натуры съ ея растительностію и воздушными тонами знойной Сиріи, и Ивановъ, какъ я слышалъ, не трогался изъ Рима во все время, что̀ писалъ этотъ грандіозный историческій сюжетъ. Не такъ дѣлалъ Горасъ-Вернетъ въ его библейскихъ композиціяхъ, для исполненія коихъ онъ изучалъ на Востокѣ типы и мѣстности и даже до домашнихъ принадлежностей древняго Іудейскаго и Аравійскаго быта.

Нелишнимъ будетъ добавить, что въ салонно - литературныхъ сферахъ той эпохи (т.-е. между 1852 и 1858 годами) читалась на расхватъ «Семейная Хроника», С. Т. Аксакова, и романъ псевдонимки Евгеніи Туръ. Можно судить, до чего была скудна въ то время литературная выручка изъ того, что 12 тысячъ руб. сер., полученныя авторомъ за два тома его «Хроники», казались неслыханнымъ дѣломъ *).

«Племянница» было первымъ, если не ошибаюсь, произведеніемъ графини Саліасъ (рожденной Сухово-Кобылиной), той самой молодой барыни, съ которой я познакомился случайно въ Костромѣ осенью 1840 года и съ коей я слегка поссорился позднѣе въ Москвѣ. Она не отличалась ни свѣтскою любезностію, ни изящностью маперъ или увлекательностію разговора, и невозможно было предвидѣть, что она получитъ какую-либо дозу извѣстности, какъ писательница. Тѣмъ не менѣе, хотя ткань ея повѣсти калькирована отчасти (какъ мнѣ сдалось) съ одного извѣстнаго мнѣ Англійскаго романа, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями, въ ней встрѣчаются сцены и детали, не лишенныя художественной отдѣлки.

---

*) Цѣна за литературный трудъ (при успѣхѣ таковаго) возвысилась въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія въ такихъ размѣрахъ, что графъ Л. Н. Толстой выручилъ въ концѣ 60-хъ годовъ за свой романъ „Война и Миръ“ тридцать тысячъ рублей.

УКАЗЫ ГРАФА П. Б. ШЕРЕМЕТЕВА ЕГО УПРАВИТЕЛЯМЪ [1]).

Я положилъ намѣреніе будущею осенью отправиться въ Петербургъ, ибо графъ Николай Петровичъ будетъ въ Петербургѣ въ началѣ Іюня мѣсяца и, побывъ тамъ короткое время, будетъ ко мнѣ сюда, а съ нимъ, какъ выше писано, и я осенью возвращусь въ Петербургъ[2]). Сего ради заблаговременно даю вамъ знать.

Въ Москвѣ, 13 Марта 1773.

*

Пишетъ ко мнѣ Николай Петровичъ, чтобъ для подарку маіору Тиру, которой въ Берлинѣ, сколько гр. Никита Ивановичъ присовѣтуетъ, выдать денегъ; а ежели у него столько останется, то онъ подаритъ и отъ себя; также бы и на проѣздъ его изъ Петербурга до Москвы. Того ради, ежели понадобится деньги подарить Тиру и на проѣздъ Николая Петровича сколько надобно, денегъ взять немедленно у Юхотскихъ торговыхъ крестьянъ въ Петербургѣ, а имъ дать квитанцію на ту сумму, сколько возмешь для платежа въ Юхотской волости.

Пишетъ мнѣ Дюваль, что онъ вещи, которыя мнѣ надобны для подарка Прасковьѣ Сергѣевнѣ, пришлетъ на той почтѣ.

По обстоятельствамъ болѣзни Замятина видно, что онъ живъ быть не можетъ; того ради, ежели онъ умретъ, что̀ было въ его вѣдомствѣ и смотрѣніи, то-есть домъ и что̀ въ немъ есть, деньги, припасы и все, что̀ гдѣ есть, все до опредѣленія на его мѣсто человѣка, котораго я сыщу, принять тебѣ съ описью въ свое вѣдомство и расходы оные по положенію моему держать съ разсмотрѣніемъ.

Въ Мещериновѣ, 3 Іюня 1773.

*

---

[1]) См. выше, стр. 275.

[2]) Кажется, это намѣреніе не исполнилось. И по возвращеніи изъ чужихъ краевъ единственнаго сына своего графъ Петръ Борисовичъ продолжалъ жить въ Московскомъ своемъ домѣ на Никольской и въ подмосковныхъ деревняхъ. Петербургъ ему опостылѣлъ по кончинѣ любимой дочери, отъ брака которой съ графомъ Н. И. Панинымъ могъ онъ сулить ей и себѣ благополучіе. П. Б.

Просилъ меня г-нъ Залдернъ, который живетъ въ Петербургѣ, чтобъ я въ Шампетръ для поправленія его здоровья дозволилъ ему пріѣзжать, когда онъ захочетъ, а притомъ ежели онъ разсудитъ и пожить; но какъ я имъ по отправленію Николая Петровича въ чужіе края очень много одолжонъ, того ради не токмо ему въ томъ позволять, но тотъ домъ съ гостинными покоями, со всѣми службами и оранжереи съ садомъ на нынѣшній годъ отдаю совсѣмъ въ его диспозицію; вамъ же стараться ему въ чемъ можно въ немъ показать, чтобъ былъ доволенъ, и что̀ изъ него для сбереженья вывезено въ Фонтанный домъ, все ввезть и поставить по своимъ мѣстамъ, гдѣ что̀ было при мнѣ и вездѣ какъ въ немъ, въ верхнихъ и въ гостинныхъ покояхъ, въ службахъ прибрать, чтобы онъ нашелъ въ немъ и во всѣхъ покояхъ такую чистоту, какъ было при мнѣ. Но какъ изъ одной гостинной комнаты обои сняты и взяты сюды, то обить тотчасъ хорошими и пристойными бумажками, кресла же въ ней и въ спальнѣ гдѣ ихъ нѣтъ, надѣюсь онъ пришлетъ свои, о чемъ къ нему я писалъ, и то письмо посылаю при семъ, которое тебѣ отнесть къ нему г-ну Залдерну, вручить и притомъ донесть, что вы отъ меня имѣете приказъ тотъ домъ со всѣми службами и оранжереею и садомъ, отдать въ его диспозицію, и какъ онъ объ немъ прикажетъ, въ свое ль смотрѣніе изволитъ принять или будетъ подъ вашимъ вѣдомствомъ, въ томъ такъ и поступать и сдѣлать по его волѣ: ибо онъ человѣкъ привыкшій жить хорошо, ничего не вымараетъ, не растеряетъ и что̀ онъ скажетъ, также какъ совсѣмъ прибранъ будетъ, писать ко мнѣ, о чемъ я Замятину писалъ.

Въ Москвѣ, 1773 года.

*

Графъ Николай Петровичъ сказывалъ мнѣ, что онъ въ бытность свою въ Петербургѣ въ домѣ моемъ и въ Шампетрѣ нашелъ все порядочно и услугою твоею и брата твоего былъ доволенъ, и отъ постороннихъ въ домѣ моемъ слышалъ вездѣ хорошую рекомендацію, что̀ вамъ дѣлаетъ честь, и ежели впредъ то продолжаемо будетъ по рекомендаціи Николая Петровича, можешь себя ласкать надеждою быть на мѣстѣ Замятина. Впротчемъ буду ожидать, чтобъ то заслугою было доказано и давать хорошій примѣръ другимъ, такъ какъ Замятинъ, который всегда мнѣ служилъ и дому моему дѣлалъ честь. Николай же Петровичъ принесъ ко мнѣ записку, поданную отъ брата твоего Дмитрія Александрова, что князь Николай Михайловичъ Голицынъ на старомъ приморскомъ моемъ дворѣ изъ большаго пруда въ нижній свой прудъ для теченія воды сдѣлалъ трубу въ вершинѣ того пруда, гдѣ была плотина, и перекопалъ и сдѣлалъ теченіе въ мой прудъ, отчего

веснoю рыба можетъ идти вверхъ; онъ же де хочетъ противъ моей мызы поднять дорогу выше на пять саженъ своимъ коштомъ. Того ради то осмотрѣть, ежели та труба и плотина прорыты на моей землѣ, то къ нему отъ меня съѣздить и объявить, что оное сдѣлано въ моихъ дачахъ безъ моего вѣдома, я на то не согласенъ и дѣлать того не дозволяю, и чтобъ онъ дорогу на моей дачѣ поднялъ выше своимъ коштомъ, я его о томъ не прошу, а что̀ мнѣ будетъ надобно я прикажу сдѣлать и самъ. Буде же то все сдѣлано не въ моихъ дачахъ, а сдѣлалъ онъ въ своихъ дачахъ, мнѣ до того нужды нѣтъ; поднять же дорогу, какъ написано выше, на пять саженъ, что̀, надѣюсь, написано ошибкою, ибо препорція чрезмѣрная.

Въ Кусковѣ, 4 Іюля 1773.

*

Газеты, книжка Древняя Вивліоѳика, бархатъ получены.

О продажныхъ вещахъ изъ кабинета Брилева, какъ прежде на двухъ почтахъ писалъ, прислать ко мнѣ реестръ, а между тѣмъ ежели есть куріозныя окаменѣлости, которыя не дороже того чего онѣ стоятъ, продаются, оныя показать графу Николаю Петровичу и ежели онъ апробуетъ ихъ взять, оныя сторговать...

На содержаніе стола г. Николая Петровича 200 рублей взято отъ Ивана Аргунова изъ доходовъ Милліоннаго дому. Я объ Ник. Петр. таперь ничего не полагаю, а жду его сюды; ежели же ему быть сюды не можно будетъ, тогда о содержаніи его распорядокъ будетъ сдѣланъ.

Въ Москвѣ, 18 Ноября 1773.

*

Что фрукты изъ саду Фонтаннаго дому относятъ графу Никитѣ Ивановичу, г. Залдерну, Кросу и прочимъ всѣмъ, въ комъ есть нужда, а затѣмъ излишніе были продаваны, изрядно.

Сельдей два боченка шлютъ изъ Голандіи гр. Николаю Петровичу, и конесементъ на нихъ у г-на Кроса.

Въ Марковѣ, 4 Августа 1773.

*

Пишутъ о гр. Ник. Петровичѣ, что онъ слава Богу находится въ добромъ здоровьѣ, а онъ ко мнѣ пишетъ, что четыре дня во дворецъ не выѣзжалъ, а для чего, изъ письма его не видно, чрезъ что подано мнѣ сумнѣніе, развѣ онъ не очень здоровъ, о чемъ ко мнѣ, чего ради онъ не выѣзжалъ, отписать.

Въ Москвѣ, 14 Ноября 1773.

*

При семъ послано двѣнадцать книгъ въ переплетѣ и одна безъ переплету батюшкина путешествія въ чужіе края, для раздачи въ Петербургѣ, а кому которую книгу, на всѣхъ моею рукою подписано,

которыя развезть всѣ и всякому объяви мое почтеніе. Вручить въ томъ числѣ г. Володимеру Григорьевичу Орлову, Александру Романовичу для того, что онъ говорилъ графу Николаю Петровичу, что онъ ту книгу хочетъ имѣть, Александру Петровичу Сумарокову, что я ему знакомъ, его не хотѣлъ обойти, чтобъ ту книгу и ему не сообщить; протчимъ же по родству и по знакомству, и какъ тѣ всѣ книги розданы будутъ, обстоятельно писать ко мнѣ.

Въ Москвѣ, 21 Генваря 1774.

*

Реестръ кому посланы книги:

1) Графинѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой.
2) Платону, архіепископу Тверскому.
3) Ивану Ивановичу Бецкому.
4) Графу Роману Ларіоновичу } Воронцовымъ.
5) Графу Александру Романовичу }
6) Графу Володимиру Григорьевичу Орлову.
7) Князю Петру Никитичу Трубецкому.
8) Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому.
9) Графу Андрею Петровичу Шувалову.
10) Графинѣ Дарьѣ Петровнѣ Салтыковой.
11) Александру Семеновичу Васильчикову *).
12) Александру Петровичу Сумарокову.

Въ Москвѣ, 21 Генваря 1774.

*

Образъ, которой писанъ на холстѣ, плачущую Богоматерь, который прежде стоялъ Петербургскаго дому въ наугольной комнатѣ, а послѣ поставленъ былъ въ галереѣ съ протчими картинами, отыскавъ прислать. Спроси объ ней Ивана Аргунова; можетъ быть, онъ куда ее въ то время, какъ образа помѣщали въ картинную, дѣвалъ. Онъ знаетъ, ибо то поручено было ему. Хотя бъ съ той рамы позолота облѣзла, то въ какомъ состояніи она найдена будетъ, прислать можно, а поправить или перезолотить вновь.

Въ Москвѣ, 7 Апрѣля 1774.

*

Погорѣлымъ въ вотчинѣ крестьянамъ для ихъ спасенія отъ такихъ случаевъ впредъ строиться по положенію, чтобъ чрезъ нѣсколько дворовъ были переулки и улица была широкая.

Въ Кусковѣ, 25 Апрѣля 1774.

*

По понедѣльничной почтѣ вчерашняго числа писемъ отъ меня не было за неимѣніемъ времени на свадьбѣ графини Варвары Петровны,

---

*) Преемнику князя Г. Г. Орлова въ милостяхъ Государыни. П. Б.

которая кончилась 23-го числа сего мѣсяца благополучно, и вѣнчались въ Кусковской церкви, о чемъ тебѣ вѣдать*).

Въ Москвѣ, 25 Февраля 1774.

*

Я Тверскому Платону посылаю шесть эстамповъ батюшкина портрета, въ томъ числѣ три въ рамочкахъ золоченыхъ со стеклами, а три просто и которые всѣмъ тремъ архіереямъ по одной въ рамочкѣ, Гавріилу и Иннокентію, при отдачѣ отъ меня почтенія, вручи.

Въ Москвѣ, 6 Марта 1774

*

Кухмистра принять на такихъ кондиціяхъ:

1) Чтобъ въ обѣдѣ и въ ужинѣ самъ держалъ кушанье всегда.

2) Учениковъ стороннихъ ни одного быть въ науку не позволяется.

3) Обѣдать и ужинать ему съ протчими офиціянтами въ скатертной и домой ничего не брать.

4) Безъ вѣдома дворецкаго со двора не отлучаться, а когда куда надо съѣздить—свѣдома его.

5) Что̀ касается до распорядку и до раздачи готоваго кушанья, до онаго ему дѣла нѣтъ, и предоставляется то дворецкому.

Въ Москвѣ, 17 Марта 1774.

*

Что̀ касается до выпутой на Невскомъ дворѣ у крестьянъ моихъ Французской водки, чтобъ на дворахъ моихъ такихъ безпорядковъ и шинковъ не было, долженъ смотрѣть ты, и твое дѣло за все отвѣчать. Но ежели та водка у порту и взята за нее пошлина, то въ корчемство ставить не велѣно, и ту водку еще дозволено продавать. Буде оно такъ, то крестьяне мои виноваты не будутъ; буде же привезена минуя порту съ росписи безпошлинно, или продавана штофами, или дешевлѣ положенной цѣны, то поставится въ корчемство, и ту водку всю конфискуютъ. Изъ отписки твоей ничего не видно. О чемъ выправясь писать въ домовую канцелярію и требовать, какъ съ онымъ поступить и какое средство къ защищенію крестьянъ взять наставленіе.

Сходить отъ меня къ почтдиректору и сказать, что давно не получаю Лаванкуреръ, также не всѣ и Бруншвицкія газеты.

Въ Москвѣ, 27 Марта 1774.

*

---

*) Младшая дочь графа Шереметева, графиня Варвара Петровна, вышла за старшаго сына гетманова, графа Алексѣя Кириловича, братъ котораго, графъ Андрей Кириловичъ, былъ тогда первымъ лицомъ при молодомъ великокняжескомъ дворѣ. П. Б.

Экстрактъ изъ письма Россійскаго агента Ольдекопа, который пишетъ:

Птицъ, которыя чрезъ него выписываются, онъ отправилъ изъ Голандіи, а именно

павлина и паву бѣлыхъ.
2 пары Цесарскихъ куръ бѣлыхъ.
1 пару кулверъ.
1 пару цаплей хохлатыхъ Африканскихъ.
1 пару цаплей малиновыхъ красныхъ.
1 пару гусей Африканскихъ.
1 пару гусей Африканскихъ, большіе носы.
1 пару гусей, которые зовутся горѣлые.
1 пару утокъ Азіатскихъ.
1 воронъ Американскій, перья красные съ голубымъ.
1 пѣтухъ большой и 6 курицъ, черные и бѣлые съ хохлами.
1 пѣтухъ и 6 курицъ серебряныхъ съ бѣлыми хохлами.
1 обезьяна капуцынъ (оная обезьяна для гр. Ник. Петр., но какъ онъ скоро ѣдетъ въ Петерб., то оставить ее до него въ Петербургѣ).

Въ Кусковѣ, 17 Іюня 1774.

*

На гробницу графини Анны Петровны вмѣсто украденной мѣдной доски доску по присланному отъ тебя рисунку съ тою подписью, какая на старой доскѣ была, сдѣлать и укрѣпить хорошенько, чтобъ опять не украли.

Въ Марковѣ, 24 Августа 1774.

*

Для завиванія мнѣ косы купи въ Петербургѣ лентъ чорныхъ Французкихъ такихъ, чтò прежде отъ тебя были присланы два куска, прямо на первой почтѣ; ибо ленты всѣ изошли.

Въ Марковѣ, 31 Августа 1774.

*

Въ присланныхъ отъ тебя календаряхъ простыхъ въ долгоденствіи превеликая ошибка, надѣюсь для того, что они первые и еще не вытравлены были и съ такою неисправностью Государынѣ ихъ не поднесутъ; того ради, ежели они вытравлены безъ ошибки, то такихъ взять два и переплесть въ тафту и въ золотой обрѣзъ прислать ко мнѣ, а притомъ ежели какіе есть и еще календари въ выходѣ, оныхъ всѣхъ сортовъ, взявъ календаря по четыре и переплетя также, прислать ко мнѣ не помѣшкавъ.

Въ Москвѣ, 24 Декабря 1774.

*

Купцу Бахарахту въ сельцѣ Вознесенскомъ хоромы и съ садомъ на нынѣшнее лѣто внаймы отдать и взять съ него по разсмотрѣнію твоему что надобно; ибо отсюда предписать цѣны нельзя, и въ перепискахъ пройдетъ лѣто.

Въ Кусковѣ, 6 Іюля 1775.

*

Шлетъ ко мнѣ докторъ Мертенсъ валторны. Поискать въ Петерб. моемъ домѣ, въ казенной, въ кладовыхъ чуланахъ, скрыпокъ старыхъ, на которыхъ я учился (также и въ оставшихъ пожиткахъ послѣ графа Бориса Петровича), и сколько ихъ гдѣ сыскано будетъ, прислать ко мнѣ.

Въ Кусковѣ, 3 Августа 1775.

*

При семъ посланъ телескопъ, который нѣсколько попорченъ и не очень чисто показываетъ. Надѣюсь, нѣсколько труба погнута или у объекта глазиръ затускъ. Того ради въ Академіи Художествъ спросить, не могутъ ли его починить, чтобъ онъ такъ какъ прежде былъ и чисто показывалъ, или сыскать партикулярныхъ мастеровъ, которые бъ его починили.

Въ Кусковѣ, 6 Августа 1775.

*

При семъ послано четыре экземпляра Кусковскихъ видовъ, состоящихъ во всякомъ экземплярѣ по 13 эстамповъ, изъ которыхъ отнесть отъ меня и при объявленіи моего почтенія вручить: одинъ экземпляръ графинѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой, другой Ивану Ивановичу Бецкому, третій князю Петру Никитичу Трубецкому, четвертый отдать въ библіотеку Академіи Художествъ.

Въ Кусковѣ, 10 Августа 1775.

*

На прошедшихъ двухъ почтахъ писемъ отъ меня къ тебѣ не было для того, что Ея Императорское Величество изволила имѣть походъ въ городъ Коломну и имѣла у меня станцію въ Марковѣ и въ Мещериновѣ, гдѣ я былъ и не имѣлъ время всѣ почтовые дни писать *).

Въ Москвѣ, 19 Октября 1775.

*

---

*) Въ 1854 году умеръ сержантъ гвардіи Иванъ Ивановичъ Мѣщаниновъ, сынъ Иванъ Демидовича, Коломенскаго именитаго гражданина. Онъ сказывалъ, что у нихъ въ домѣ въ Коломнѣ останавливалась Екатерина II-я. Мѣщаниновъ помнилъ что государыня восхищалась мѣстомъ, гдѣ Москва-рѣка впадаетъ въ Оку и гдѣ Голутвинъ монастырь, и что она сказала: „Вотъ гдѣ бы слѣдовало быть Москвѣ!“ Ей также нравились старинные наряды Коломенскихъ женщинъ. Екатерина ѣздила осматривать имѣнія, назначенныя ею для Бобринскаго, которому шелъ тогда 14-й годъ и отецъ котораго былъ за границей. Про эту поѣздку ея мало сохранилось извѣстій. П. Б.

Сторговалъ я въ Петербургѣ чрезъ Итальянца машиниста Маджія у чужестраннаго купца Іоганъ-Георгъ-Розенфелта восемь статуй, убранныхъ раковинами (изъ которыхъ одна образцовая принята мною здѣсь), да три Дельфина и одна Сырень, сдѣланы изъ состава, составъ сдѣланъ на подобіе бѣлой глины, и убраны разныхъ сортовъ раковинами, а Дельфинъ и Сырень составляютъ одну групу, которая можетъ ставиться и на большой круглой столъ для украшенія.

Къ тому купцу тебѣ съѣздить и данной отъ Маджія адресъ ему отдать и тѣ статуи поисправнѣй осмотрѣть хорошенько и ежели онѣ всѣ цѣлы, то ихъ принять по написанной по-русски росписи, и какъ первой зимній путь станетъ, отправить ихъ за хорошимъ присмотромъ ко мнѣ въ Кусково.

Въ Москвѣ, 26 Октября 1775.

*

Поѣхали отсюда въ Петербургъ два человѣка Агличанъ (которые всякій годъ сюды пріѣзжаютъ изъ Англіи съ продажными Аглицкими лошадьми и съ собаками); они въ Петербургѣ до вскрытія воды живутъ у Калинкина мосту, у Англичанина Шмита, которой имъ родня. Того ради сыскать и поговорить съ ними, чтобъ они будущею весною привезли мнѣ на корабляхъ три смычка гончихъ собакъ, въ томъ числѣ чтобъ было четыре суки и два кобеля, хотя изъ молодыхъ погодовалыхъ собакъ, которыя хотя бъ и въ гоньбѣ еще не были, только бъ были хорошихъ породъ; мнѣ онѣ надобны для заводу, и ежели они согласятся привезть, почемъ возмутъ послѣднюю цѣну за смычокъ, съ ними договориться, ихъ привезти въ Москву. Буде жъ они привезти въ Москву не согласятся, а чтобъ принять ихъ у нихъ въ Петербургѣ, я и въ томъ съ ними согласенъ, и на какомъ основаніи, съ ними договориться, о томъ писать ко мнѣ можно. Въ томъ, ежели оно цѣною сходно будетъ, написать съ ними и контрактъ.

Въ Москвѣ, 23 Ноября 1775.

*

Мнѣ надобно въ нишъ Кусковской спальни сдѣлать павильонъ такой, что̀ сдѣланъ въ спальнѣ моей Фонтаннаго дому. Того ради тотъ павильонъ вымѣрить и притомъ смѣрить штофъ зеленой широкій, которымъ въ томъ моемъ домѣ обита конторка, будетъ его на дѣло одного такого павильона (кромѣ обивки въ нишѣ). Ежели его наберется на дѣло павильона здѣсь въ Кусковѣ, прислать ко мнѣ чрезъ почту въ Москву.

Я будущимъ лѣтомъ намѣренъ пить Пирмонтскія воды.

Въ Москвѣ, 17 Декабря 1775.

*

Что̀ касается до сестры Анны Николаевны[1]), Катерины Борисовны, къ ней отъ меня сходить и сказать, что письмо ея я получилъ, на которое хотѣлъ къ ней писать самъ, да не писалъ затѣмъ, что глазами не очень здоровъ, а писать буду на будущей почтѣ, а притомъ какъ шесть недѣль пройдетъ, то она съ вѣдома г. Мартына Карлыча[2]) можетъ переѣхать въ Фонтанный мой домъ, гдѣ ее, покамѣстъ она можетъ собраться сюда, помѣстить, и дать пристойные покои; а притомъ чтобъ она ко мнѣ отписала, имѣетъ ли она при себѣ бабу и дѣвку, съ кѣмъ бы сюда пріѣхать могла, также какую карету или сани, изъ чего я увидя прикажу тебѣ и какъ ее отправить буду писать обстоятельно. Но притомъ надобно, чтобъ она отъ графа Мартына Карлыча взяла какой-нибудь письменный видъ, съ чѣмъ бы она могла сюда ѣхать, и послѣ не вышли бъ отъ него какія претензіи, и о всемъ ономъ ей отъ меня объяснить обстоятельно и что̀ она на то скажетъ, отписать.

Сколько въ сельцѣ Вознесенскомъ въ хоромахъ и на старомъ приморскомъ моемъ дворѣ въ покояхъ есть на стѣнахъ эстамповъ выписавъ, прислать реестръ.

Въ Москвѣ, 28 Генваря 1776.

*

Сказывала здѣсь пріѣзжая нынѣ изъ Петербурга дворянка Чепчюгова, которая вхожа была въ домъ графини Анны Карловны, будто графиня Анна Карловна завѣщала дать сестрѣ Анны Николаевны, Катеринѣ Борисовнѣ, денегъ четыре тысячи рублевъ и изъ гардероба платье, и ее Катерину Борисовну беретъ къ себѣ гр. Мартынъ Карловичъ, которая къ нему идти согласна; того ради освѣдомиться обстоятельно и мнѣ дать знать, почему я въ томъ такъ и расположусь.

Въ Москвѣ, 8 Февраля 1776.

*

Что̀ касается до Катерины Борисовны, о томъ буду ожидать какъ пройдутъ шесть недѣль[3]) и какъ узнаю точно ея намѣреніе, по тому и реглируюсь.

Въ Москвѣ, 11 Февраля 1776.

*

Стараго приморскаго двора для Талызина не чинить, а ежели ему что̀ надобно будетъ, онъ самъ для себя можетъ починить; а о Шампетрѣ спросить у гр. Николая Петровича, и ежели онъ для него надобенъ бу-

---

[1]) Любимой Калмычки графа, съ которой онъ и переписывался. П. Б.

[2]) Скавронскаго.

[3]) Т.-е. по кончинѣ вдовы канцлера, графини А. К. Воронцовой, ур. Скавронской. (1775). У нея было нѣсколько Калмычекъ и Калмыковъ. Она была двоюродная сестра императрицы Елисаветы Петровны, и у нея цесаревичъ Павелъ Петровичъ цѣловалъ руку, называя ее „ma tante“ (семейное Воронцовское преданіе). П. Б.

деть и онъ прикажетъ его прибрать, отдаю на его волю. А Талызину можетъ быть, я еще старую приморскую мызу безъ найму и не отдамъ; ежели ему надобно будетъ, онъ пускай найметъ.

Въ Москвѣ, 28 Марта 1776.

*

Что̀ въ Петербургѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ публично будетъ дѣлаться, т. е. когда назначенъ будетъ день погребенія Ея Высочества*) и какія будутъ церемоніи, также гдѣ изволитъ быть Ея Величество и какіе будутъ походы куда назначены, также во дворцѣ какія будутъ передѣлки и о прочемъ подобномъ сему, что́ свѣдаешь, о томъ для моего знанія писать чрезъ почту обстоятельно. Здѣсь слухъ есть, что будто будутъ и въ Москву.

Въ Кусковѣ, 26 Апрѣля 1776.

*

Агличанамъ дана комисія привесть для меня лошадь Аглицкую. При семъ послана отъ Раевскаго записка объ ней. Освѣдомиться, приведена ли она; ежели приведена, то сказать отъ меня гр. Николаю Петровичу, чтобъ онъ ее посмотрѣлъ и велѣлъ опробовать, годится ль она для моей ѣзды, и ежели она годна, велѣть ее отправить въ Москву. О гр. Никитѣ Ивановичѣ Панинѣ освѣдомиться чрезъ гр. Ник. Петр. или чрезъ кого вѣрно можно знать, какъ его болѣзнь пойдетъ и будетъ ли ему лучше или хуже и что̀ съ нимъ дѣлаться будетъ, писать ко мнѣ всякую почту.

Въ Марковѣ, 18 Мая 1776.

*

Графу Николаю Петровичу дозволяю жить, гдѣ онъ разсудитъ; въ Вознесенскомъ ежели онъ пожить хочетъ, въ томъ отдаю на его волю.

Съ портрета великой княгини мнѣ хотѣлось имѣть копію, о чемъ я къ Ивану Аргунову писалъ, чтобъ онъ чрезъ гр. Николая Петровича старался отъ Рослена достать; а во оригиналѣ и въ копіи чтобъ онъ Росленъ для меня списывалъ: мнѣ нужды нѣтъ, я его работу имѣю и такъ дорого платить не намѣренъ; а мнѣ хотѣлось достать такимъ образомъ, чтобъ онъ съ оригиналу дозволилъ только списать, которую можетъ списать Иванъ Аргуновъ, о чемъ мое намѣреніе гр. Николаю Петровичу сказать и чтобъ онъ, ежели можно, постарался такимъ образомъ копію для меня достать. Шампетра ни съ которой стороны не огораживать, а оставить его такъ, какъ онъ есть; ежели его кругомъ огородить, всю ту красу отымешь, которую онъ имѣетъ, и будетъ гораздо хуже. (Получено 13 Іюня 1776).

*

*) Великой княгини Натальи Алексѣевны, скончавшейся въ родахъ. Любопытенъ этотъ слухъ о поѣздкѣ въ Москву. П. Б.

Съ Агличанами, которые привезли собакъ, поговорить, чтобъ они мнѣ выписали еще три смычка гончихъ собакъ изъ молодыхъ, которые погодовали, хотя бъ они и въ гоньбѣ еще не были, только бъ были отъ хорошихъ собакъ и были бъ съ клеймами; ибо которыя нынѣ присланы съ клеймами—тѣ лучше.

Въ Кусковѣ, 4 Іюля 1776.

*

Счетъ аптекаря Даненберга простирается больше пяти съ половиною тысячъ рублей, что составляетъ немалую сумму, а притомъ и вкрадывающагося долгу, чего, чтобъ лѣкарствы браны были въ долгъ, никогда не бывало, а бирались всѣ на деньги, что́ и было порядочнѣе, и такой суммы не выходило. Того ради съ нижеписаннаго числа изъ аптеки лѣкарствъ никакихъ безъ денегъ ни на одну копѣйку отнюдь не брать, а посылать ерлыки съ деньгами и брать все на деньги. Даненбергу сказать, чтобъ онъ безъ денегъ ничего не отпускалъ и счетовъ его впредъ принято не будетъ.

Въ Кусковѣ, 16 Іюля 1776.

*

Въ отдачѣ съ вотчинъ моихъ рекрутъ наблюдать, чтобъ шло по моему положенію и не былобъ маломощнымъ отъ богатыхъ притѣсненія и отдаваны были очередные.

Въ Марковѣ, 2 Октября 1776.

*

Въ Петербургѣ продаются ковры шерстяные волнистые, привозные изъ Англіи; мнѣ сказывали здѣсь, что ихъ множество навезено, такіе, что въ каретахъ Аглицкихъ полы обиваютъ и у графа Никиты Ивановича ими въ покояхъ обиты полы; они не очень широки и на полы ихъ сшиваютъ. Того рода такихъ ковровъ поискать купить для обивки здѣсь наугольной комнаты.

Въ Москвѣ, 31 Октября 1776.

*

Измайловскаго полку пѣвчимъ, которые за неимѣніемъ церковника пѣли въ домовой церкви, по договору заплатить.

Въ Москвѣ, 19 Декабря 1776.

*

Поѣхалъ отсюда зять Вѣры Борисовны[1]), Иванъ Александровичъ Заборовской[2]), который просилъ меня, чтобъ для житья его дать покои въ Фонтанномъ моемъ домѣ. Того ради, ежели Василій Сергѣевичъ[3]) изъ

---

[1]) Лопухиной, сестры графа П. Б. Шереметева. П. Б.

[2]) Извѣстный генералъ, который нѣкогда первый изъ Русскихъ съ войскомъ перешелъ Балканы. Во вторую Турецкую войну, онъ отправленъ былъ набирать офицеровъ для нашей службы, и ему молодой Бонапартъ подавалъ о томъ прошеніе, но требовалъ высшаго чина, на что Заборовскій не согласился (слышано отъ графа Д. Н. Блудова). П. Б.

[3]) Шереметевъ. П. Б.

Петербурга выѣхалъ, то отвесть ему покои, гдѣ онъ жилъ; будежъ не выѣхалъ, то отвесть покои на тойже половинѣ нижніе, которые и прибрать, ибо онъ скоро отсюда ѣдетъ, и для людей его отвесть покои внизу.

Въ Москвѣ, 5 Генваря 1777.

*

При семъ посланъ планъ Кусковскаго Аглицкаго саду, который мнѣ хочется отдать выгравировать на мѣдной доскѣ. На томъ планѣ нехорошо сдѣланъ виньетъ; поговорить съ Иваномъ Аргуновымъ, не знаетъ ли онъ гравировщиковъ, которые, можетъ быть, не хуже бы сдѣлали.

Въ Москвѣ, 16 Февраля 1777.

*

Пишетъ ко мнѣ Александръ Александрычъ Нарышкинъ и рекомендуетъ имѣющагося въ домѣ моемъ золотаря Петра Рыбакова, который въ домѣ его порядочно исправилъ золотарную работу и считаетъ его хорошимъ мастеромъ; но какъ къ отдѣлкѣ здѣсь въ Кусковѣ дому такіе мастера нужны будутъ и нынѣ для разныхъ золотарныхъ работъ всегда надобны, того ради его Рыбакова и съ женою и со всѣмъ отправить сюда, который здѣсь опредѣлится въ Кусково, ибо въ Петербургскомъ домѣ работъ золотарныхъ никакихъ нѣтъ, и онъ живетъ праздно.

По газетамъ въ Петербургѣ у переплетчика продается книжка «Великопостной конфектъ», цѣна по 40 коп., которую прислать.

Въ Москвѣ, 6 Марта 1777.

*

Проситъ меня графъ Романъ Ларіонычъ Воронцовъ, чтобъ позволено ему было отъ меня ѣздить въ дачахъ Копорскихъ моихъ мызъ съ собаками; то какъ я всегда обязанъ дружбою Романа Ларіоныча, ѣздить ему дозволить, о чемъ къ нему я писалъ, а притомъ послалъ къ тамошнему прикащику указъ. Того ради тамошнему прикащику подтвердить, чтобъ въ силу указу моего онъ съ нимъ обходился учтивѣе; быть можетъ, ему случится въ моихъ мызахъ и ночевать, чтобъ какъ можно ему стараться сдѣлать удовольствіе.

Василій Сергѣевичъ будетъ жить опять въ моемъ домѣ на прежнемъ основаніи.

Въ Москвѣ, 20 Марта 1777.

*

Описаніе о бывшемъ въ Петербургѣ наводненіи и разореніи страшно слышать здѣсь; надѣюсь, у васъ весь городъ былъ въ превеликой тревогѣ и страхѣ; а что̀ именно въ домѣ моемъ и въ Шампстрѣ

тѣмъ штурмомъ изломало и испортило, тому прислать обстоятельное описаніе, и также торгующимъ въ Петербургѣ крестьянамъ моимъ кому именно какой то наводненіе сдѣлало убытокъ, тому учиня вѣрную вѣдомость прислать ко мнѣ.

Въ Марковѣ, 20 Сентября 1777.

*

Какіе въ Петербургѣ будутъ публичные слухи и что̀ дѣлаться будетъ, о томъ для моего знанія о всемъ писать ко мнѣ обстоятельно; ибо графъ Николай Петровичъ изъ Петербурга скоро выѣдетъ, и я ни о чемъ не буду знать.

Въ Марковѣ, 27 Сентября 1777.

*

Пишешь, что бывшее въ Петербургѣ 25 числа обыкновенное наводненіе сдѣлало большую тревогу въ городѣ. Оное немудрено: надѣюсь, прежнее у всѣхъ еще въ свѣжей памяти, и забыть некогда.

Въ Марковѣ, 4 Октября 1777.

*

Я намѣренъ Фонтанной мой домъ вмѣстѣ съ Шампетромъ одному, ежели будутъ охотники, отдавать въ наемъ, Фонтанной домъ съ тѣми уборами, какіе въ немъ есть, съ садами и строеніемъ что̀ въ нихъ есть, выговоря только покои, которые надобны для людей. Я изъ Фонтаннаго дому возму еще нѣчто изъ уборовъ небольшое и шлюбку.

Въ Москвѣ, 8 Октября 1777.

*

По Петербургскимъ газетамъ видно, что нѣкоторое общество вознамѣрилось издавать въ свѣтъ ежемѣсячное изданіе подъ заглавіемъ «Утренняго Свѣта» *); вырученныя за тѣ сочиненія деньги сбираться будутъ на заведеніе школъ для бѣдныхъ сиротствующихъ дѣтей; кто оныхъ желаетъ брать, тому надо подписаться въ академической книжной лавкѣ у ком. помощника г. Вилковскаго; которые изъ нихъ будутъ съ картинами, тѣ продавать будутъ отъ 4 до 50 рублей. О взятьѣ тѣхъ сочиненій подписаться для меня и взнесть деньги на два экз. съ картинами, на лучшей бумагѣ, и какъ тѣ сочиненія будутъ выходить, брать по два экземпляра и присылать ко мнѣ черезъ почту.

Купя прислать ко мнѣ чрезъ почту слѣдующія книжки, которыя продаются въ 1-й линіи, въ домѣ надворнаго совѣтника Адамовича, у содержателя инженерной типографіи Х. Ф. Клеена.

Трактиръ, комедія, или питейная . . . . .25 к.
Три разговора изъ Волтеровыхъ сочиненій. 25
Жизнь и похожденія Россійскаго Картуша. 35
Описаніе свадебныхъ Украинскихъ простонародныхъ обрядовъ. 25

*) Н. И. Новикова. Выходило три года сряду. П. Б.

Забавный магазинъ или собраніе новѣйшихъ забавныхъ повѣстей 55

Разскащики забавныхъ увеселительныхъ повѣстей. 35

Въ Марковѣ, 10 Октября 1777.

*

При семъ послано отъ меня письмо къ Семену Гавриловичу Зоричу, которое отнесть отъ меня и при объявленіи ему отъ меня почтенія стараться вручить самому, а не черезъ людей, если возможно будетъ принятъ, и что̀ онъ на то скажетъ, ко мнѣ отписать.

Въ Москвѣ, 30 Октября 1777.

*

Вѣра Борисовна отсюда ѣдетъ въ Петербургъ, которой я позволилъ жить въ Фонтанномъ моемъ домѣ, и приготовить для нея покои Варвары Петровны, также нижніе, гдѣ была образная Анны Николаевны *). Разумѣются въ одномъ этажѣ къ церкви всѣ покои; но какъ она, надѣюсь, скоро и поѣдетъ, того ради всѣ тѣ покои прибрать.

Въ Москвѣ, 30 Октября 1777.

*

Сходить отъ меня къ князю Михайлу Михайловичу Щербатову. Онъ мнѣ обѣщалъ доставить письма батюшкины, писанныя отъ него къ государю императору Петру Великому, которые я чрезъ него и имѣю по 707-й годъ, а больше ихъ не имѣю, и попросить его, чтобъ онъ, какіе есть и того 707 г., еще письма приказалъ скопировать и мнѣ доставить ихъ по 707 годъ. Писано не очень порядочно, многихъ нѣтъ. Ежели и тѣхъ годовъ еще отыщутся, чтобъ пожаловалъ приказалъ скопировать же и ко мнѣ доставить и что̀ онъ на то скажетъ, о томъ обстоятельно увѣдомить.

Въ Москвѣ, 23 Ноября 1777.

*

Что князь Михайла Михайлычъ Щербатовъ письма батюшкины обѣщалъ приказать отыскивать и ко мнѣ присылать, тѣмъ я доволенъ; но какъ я теперь письмамъ батюшкинымъ хочу печатать книгу, того ради еще къ князю Мих. Мих. отъ меня съѣздить и попросить, чтобъ онъ меня одолжилъ тѣмъ.

Въ Москвѣ, 7 Декабря 1777.

*

Шлюбку со всѣмъ ея приборомъ съ подушками и съ зонтикомъ, ежели она исправна, все отправить нынѣшнимъ путемъ, когда способнѣе, въ Кусково.

Въ Москвѣ, 14 Декабря 1777.

---

*) Анна Николаевна (Калмычка), впослѣдствіи за мужемъ за Фатьяговымъ.

Что Петербургскій господинъ почтдиректоръ сочиненій Аналь-Лингетъ обѣщалъ для меня выписывать, изрядно, которыхъ отъ него и буду ожидать; о тѣхъ же сочиненіяхъ просили меня князь Матвѣй Алексѣевичъ Гагаринъ и Петръ Иванычъ Измайловъ. Того ради къ нему сходить и попросить, чтобъ онъ для нихъ по два экземпляра тѣхъ сочиненій выписалъ.

Дровъ и уголья для топленія покоевъ, въ которыхъ живетъ Вѣра Борисовна, и для кухни ея, не покупать, а сказать, что покамѣсть были дрова заготовленные, то издержали, а теперь больше заготовленныхъ нѣтъ, а уголья и совсѣмъ нѣтъ; она прикажетъ покупать на свои деньги.

Въ Москвѣ, 18 Декабря 1777.

*

О письмахъ батюшкиныхъ буду ожидать отъ князь Михайла Михайловича на посланное отъ меня чрезъ тебя письмо отвѣтъ, а сверхъ того поручена отъ меня комисія гр. Николаю Петровичу. Поговорите съ нимъ еще о тѣхъ письмахъ. И о колоннѣ тоже приказано поговорить съ господиномъ Зоричемъ ему же гр. Николаю Петровичу, о чемъ въ бытность гр. Н. П. ему напоминать и дѣлать то, что онъ тебѣ прикажетъ. Гр. Николай Петровичъ отсюда отправится въ Петербургъ 26 числа мѣсяца сего, котораго и будетъ въ Петербургѣ 31 числа, къ новому году.

Портретъ Петра Великаго стоячій большой, который стоитъ въ прихожей Фонтаннаго дому моего и съ рамою, которая на немъ, уложа хорошенько въ ящикъ, не помѣшкавъ прислать ко мнѣ; изъ-подъ него комоду, которая въ той же передней, прислать послѣ въ обозѣ въ Кусково.

Въ Москвѣ, 21 Декабря 1777.

*

Мнѣ надобно выписать для Кусковскаго дому изъ Англіи биліардъ большой руки краснаго дерева со всѣмъ принадлежащимъ къ нему приборомъ, т.-е. съ шарами, кіями и мазами *) и чтобъ онъ былъ бы только солидной такой, какъ въ Англіи дѣлаютъ большіе хорошіе биліарды. Того ради въ Петербургѣ сыскать надежнаго человѣка, чтобъ тотъ биліардъ выписать.

Въ Москвѣ, 28 Декабря 1777.

*

*) Мазою въ биліардной игрѣ называется женскій кій. П. Б.

О ЗНАЧЕНІИ СЛОВА „КУДІАРЪ“, ВЪ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ СКАЗАНІЯХЪ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ за минувшій 1897 годъ, въ 12-мъ выпускѣ, помѣщена статья Р. Л. Маркова о разбойникѣ Кудіарѣ. Не касаясь легендъ, соединенныхъ съ личностью Кудіара, мы имѣемъ въ виду внести поправку въ ошибочное объясненіе этого слова, принадлежащее профессору И. И. Срезневскому и повторенное г. Марковымъ.

„По объясненію профессора Срезневскаго, слово *Кудіаръ* значитъ *кудесникъ, чудодѣй.* И конечно, тѣ чудныя дѣла, бывшія совсѣмъ не по разуму и не подъ силу обыкновенному человѣку, которыя поражали воображеніе современниковъ атамана Ивана Өедоровича, вполнѣ могли стяжать этому необыкновенному человѣку (даже еще и съ его молодости) славу чудодѣя, кудесника, Кудіара (Кудіаръ назывался и Кудояръ). Такимъ образомъ Кудіаръ есть *не имя, а прозвище*“.

Прежде всего замѣтимъ, что слово „Кудіаръ“ есть *собственное имя, а не прозвище.* Имя это Персидское и состоитъ изъ двухъ словъ: *Худа*—Богъ и *Яръ*—другъ, и означаетъ въ переводѣ на Русскій языкъ буквально *Другъ Божій.* Такое имя (*Худаяръ*) носилъ послѣдній ханъ Кокандскій, владѣнія котораго (Фергана) были присоединены къ Россіи въ 1875 году. Это Персидское имя по своему составу есть имя мусульманъ, встрѣчается среди нихъ нерѣдко и совершенно тождественно съ другимъ мусульманскимъ именемъ Алла-Яръ. Среди Тюркскихъ племенъ (Татаръ, Киргизъ) имя *Худаяръ* принимаетъ форму *Кудаяръ* (Х измѣняется въ К). Въ такой формѣ это имя было извѣстно, конечно, и Русскимъ во времена Грознаго, но было измѣнено въ *Кудеяръ* или *Кудіяръ*. Въ послѣдней формѣ оно встрѣчается въ древнихъ Русскихъ сказаніяхъ, упомянутыхъ въ статьѣ г-на Маркова. Любопытно, что въ Темниковскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, среди крестьянъ заштатнаго города Кадома, есть въ настоящее время христіанская семья, носящая фамилію *Кудеяровъ.* Очевидно, предокъ этой семьи былъ крещеный Татаринъ Кудеяръ (Худаяръ). Такимъ образомъ производство профессора Срезневскаго слова Кудіаръ отъ Славянскаго *кудо*—чудо и переводъ этого слова въ значеніи чудодѣя, кудесника—неправильны.

Но другой вопросъ, интересный для филологовъ, состоитъ въ томъ: не принадлежитъ ли древне-Славянское *кудо*—чудо къ одному корню съ древне-Иранскимъ *Худà—Кудà*, Богъ, какъ источникъ чудодѣйственной силы?..

Настоящій случай вызываетъ желаніе пересмотрѣть обрусѣвшія фамиліи Русскихъ родовъ, въ которыхъ несомнѣнно скрываются мусульманскія имена и Тюркскіе корни. Таковы: Шереметевъ, Аксаковъ, Мустафинъ и др. Фамилія *Аксаковъ* очевидно происходитъ отъ Тюркскаго слова *аксакъ*—хромой; фамилія *Мустафинъ* отъ Арабско-мусульманскаго имени *Мустафа*, первоначально усвоеннаго основателю Ислама, какъ одинъ изъ эпитетовъ Арабскаго пророка; въ фамиліи *Шереметевъ* ясно слышатся слова *ширъ* (Персидское) левъ и *мадъ*, представляющее сокращеніе Арабскаго имени *Мухаммадъ.* Туркестанскіе мусульмане до сихъ поръ любятъ это сокращеніе и всегда говорятъ *Ширматъ* вмѣсто полнаго *Ширъ-Мухаммадъ.*

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ, 1898.

ГРАФЪ В. А. БОБРИНСКОЙ.

Когда узнаёшь о смерти знакомаго человѣка, особенно если онъ при этомъ еще въ жизни выдвигался способностями и дѣятельностью, то невольно, отдавая достодолжную дань уваженія и оцѣнку его жизни, вспоминаешь прошлое, встрѣчи съ нимъ и все хорошее, что̀ удалось сдѣлать тому человѣку на жизненномъ поприщѣ. Я только-что узналъ о томъ, что не стало графа Владимира Алексѣевича Бобринскаго, скончавшагося въ Кіевской губерніи, и мнѣ невольно вспомнились мои съ нимъ встрѣчи.

Семейство наше, князей Оболенскихъ, уже четыре поколѣнія (то-есть болѣе ста лѣтъ) состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей графовъ Бобринскихъ. Они наши ближайшіе сосѣди по родовому имѣнію нашему Тульской губерніи, гдѣ мы живемъ и доселѣ. Имѣніе наше находится межа съ межею съ Епифанскими имѣніями „Бобрики" графа Василія Алексѣевича Бобринскаго, владѣвшаго ими съ начала столѣтія до семидесятыхъ годовъ. „Бобрики" перешли къ сыну его Алексѣю Васильевичу (бывшему Московскому губернскому предводителю), а теперь принадлежатъ внуку, графу Алексѣю Алексѣевичу. Другая часть огромныхъ Тульскихъ помѣстій, жалованныхъ Екатериною II-й первому Бобринскому, графу Алексѣю Григорьевичу [1]), знаменитое село Михайловское, Богородицкаго уѣзда, досталась старшему сыну его, графу Алексѣю Алексѣевичу, извѣстному Кіевскому сахарозаводчику, отцу только-что скончавшагося графа Владимира Алексѣевича [2]). Третьему сыну, графу Павлу Алексѣевичу, достался Богородицкъ съ дворцомъ. Ближе всего къ намъ село Бобрики, почему мы встрѣчались всего чаще съ семействомъ и потомствомъ графа Василія Алексѣевича. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринской еще въ 30-хъ годахъ устроилъ въ Михайловскомъ образцовый сахарный заводъ, часто навѣщалъ его и жилъ тамъ нѣкоторое время со своею супругой. Все, что̀ выходило новаго, что̀ изобрѣталось по сахарному производству за границей, подвергалось опыту

---

[1]) Всей земли было отведено 150.000 десятинъ первому графу Бобринскому, съ населеніемъ въ 45.000 душъ.

[2]) См. о графѣ А. А. Бобринскомъ статью князя П. А. Вяземскаго въ „Русскомъ Архивѣ" 1868 года, стр. 2025 и д.

въ Михайловскомъ, и когда опытъ удавался, то новое изобрѣтеніе примѣнялось на Кіевскихъ заводахъ, въ Смѣлѣ, мѣстечкѣ, которое принадлежало супругѣ графа, отъ ея отца, графа Самойлова. Сначала завѣдывалъ Михайловскимъ сахарнымъ заводомъ славный сельскій хозяинъ нашъ, Николай Петровичъ Шишковъ. Его смѣнилъ нѣкто Хаприсъ, передѣлавшій Михайловскій заводъ на паровой. Ханрису надоѣдало, что графъ А. А. Бобринской часто ѣздилъ въ Михайловское; онъ взялъ да сломалъ домъ. Пріѣзжаетъ графъ, удивленно спрашиваетъ, гдѣ же домъ? и получаетъ очень хладнокровный отвѣтъ: „Je l'ai démolie, monsieur le comte", на что́ графъ только воскликнулъ: „Quel vandalisme!" [1]). Мнѣ про эту сцену разсказывалъ Н. П. Шишковъ, пріѣзжавшій вмѣстѣ съ графомъ осматривать новое паровое приспособленіе Михайловскаго завода.

По сахарному дѣлу и веденію огромнаго хозяйства (въ одномъ Михайловскомъ было 50.000 десятинъ земли и 15.000 душъ) ближайшимъ помощникомъ графа былъ сынъ его, живой, энергичный графъ Владиміръ Алексѣевичъ, личность крайне симпатичная и добрая. Еще молодымъ человѣкомъ графъ В. А. былъ выбранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, но, не дослуживъ трехлѣтія, въ 1854 году онъ вступилъ въ Александрійскій гусарскій полкъ унтеръ-офицеромъ и поѣхалъ на Дунай, а затѣмъ въ Севастополь По окончаніи войны, онъ оставался на время въ военной службѣ, принятый въ свиту флигель-адъютантомъ Государя. Онъ продолжалъ помогать отцу въ обширныхъ его занятіяхъ и приготовленіяхъ къ уничтоженію крѣпостного права.

Передъ отмѣною крѣпостного права отецъ его, человѣкъ, которому Россія обязана установленіемъ и процвѣтаніемъ свеклосахарнаго дѣла, подалъ записку на высочайшее имя, въ которой, указывая, что состояніе его не въ одинъ милліонъ рублей, но что, имѣя 6 сахарныхъ заводовъ, онъ можетъ разориться, если ему не дадутъ ссуды въ три милліона рублей. Все хозяйство у него основано было на обязательной посадкѣ свеклы; свеклою оплачивались и повинности, а при уничтоженіи крѣпостнаго права, при закрытіи Опекунскаго Совѣта, уничтоженіи дворянскаго кредита, вольно-наемный трудъ и инвентарь требовали громадныхъ затратъ. Прошеніе было уважено Государемъ, и дѣла графа Бобринскаго даже улучшились послѣ 1861 года, а кредитъ ихъ такъ поднялся, что во всѣхъ трехъ милліонахъ не было и надобности.

Призванный на должность товарища (1867), а потомъ и министра путей сообщенія, графъ Владиміръ Алексѣевичъ какъ-то сказалъ моему знакомому, спросившему его, почему онъ, такой независимый человѣкъ, пошелъ на службу? „Я слишкомъ многимъ обязанъ Государю, чтобы отказаться отъ какой бы то ни было службы, какую бы Государь ни пожелалъ на меня возложить. Если бы не Государь, мы были бы разорены". Вообще искренняя благодарность и преданность Императору постоянно одушевляли графа Бобринскаго. Государь зналъ, что онъ набрался опыта у своего отца,

---

*) Я его сломалъ, ваше сіятельство.—Какое вандальство!

который былъ первымъ желѣзнодорожнымъ строителемъ въ Россіи, а именно Царскосельской дороги, которая *досель* самая дешевая у насъ (она строена на артельныхъ основаніяхъ). И вотъ на сына перваго строителя, на своего флигель-адъютанта, государь Александръ Николаевичъ обратилъ свои взоры, когда желѣзнодорожная горячка дошла у насъ до апогея, когда стали наживаться быстро, не въ мѣру и не по достоинству люди всякаго рода и племени. Первое порученіе на этомъ поприщѣ, данное графу Владимиру Алексѣевичу, была ревизія Николаевской желѣзной дороги, а затѣмъ только-что выстроенной Курской, гдѣ Богъ вѣсть что творилось. Блестяще исполненное порученіе доставило графу мѣсто товарища министра, а затѣмъ министра *). У молодаго министра не было никакихъ знаковъ отличія, кромѣ Севастопольской медали и сабли за храбрость. Станислава 1-й степени онъ получилъ прямо, помимо всякихъ крестовъ.

Первая командировка его на Николаевскую желѣзную дорогу была очень оригинальна. Не будучи еще опытенъ, онъ обратился къ графу Г. А. Строгонову за совѣтомъ. Тотъ ему сказалъ, что дѣло очень трудное, особенно при знаменитомъ контрактѣ Американца Вайнанса. „Возьмите для изслѣдованія г-на Перля. M-r Perle c'est la perle des hommes“, прибавилъ графъ Строгоновъ шутя. И дѣйствительно, Перль оказалъ графу Бобринскому неоцѣненныя услуги по дѣлу о дорогѣ. Вступленіе графа въ Министерство Путей Сообщеній положило предѣлъ баснословнымъ цѣнамъ концессіонеровъ. Дешевле 80—85 тысячъ не было поверстныхъ цѣнъ на нашихъ новостроящихся линіяхъ. Тотчасъ по вступленіи графа, Кіевско-Брестскій участокъ былъ сданъ за 52.000 рублей верста, а участокъ отъ Ряжска до Скопина былъ заявленъ въ 38.000 рублей, но, конечно, съ разсчетомъ получить продолженіе къ Тулѣ, Калугѣ и Вязьмѣ. Времена милліонныхъ барышей для концессіонеровъ миновали.

При всей доступности и любезности, графъ В. А. Бобринскій былъ твердъ въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ. Въ 1868 году я, какъ Ефремовскій предводитель дворянства, усиленно хлопоталъ у разныхъ земствъ и городовъ о проведеніи желѣзной дороги съ Воронежа чрезъ Задонскъ-Елецъ-Ефремовъ-Богородицкъ на Тулу. Это было бы возстановленіе стараго Кавказскаго (вѣками установленнаго) пути и кратчайшаго къ Москвѣ. Проэктъ мой былъ готовъ, когда графъ былъ назначенъ министромъ. Графъ принялъ меня крайне любезно и сказалъ мнѣ: „Дорога, вами проэктированная, идетъ чрезъ всѣ наши Тульскія имѣнія. Я слишкомъ заинтересованъ въ ея осуществленіи, чтобы теперь, будучи министромъ путей сообщенія, сталъ помогать въ этомъ дѣлѣ. Хлопочите сами о внесеніи ея въ желѣзнодорожную сѣть въ комитетѣ помимо меня“. И дѣйствительно, пока онъ былъ

*) Онъ немедленно окружилъ себя людьми новыми, умными, честными, и въ товарищи къ себѣ принялъ князя А. П. Щербатова и графа Клейнмихеля, одного изъ сыновей бывшаго министра путей сообщенія.

министромъ, я немногаго добился своими хлопотами, оставаясь все-таки въ лучшихъ съ нимъ отношеніяхъ. Глубоко-честному графу постоянно приходилось бороться со всевозможными происками концессіонеровъ, желавшихъ добиться выгодной постройки той или другой дороги чрезъ протекцію разныхъ придворныхъ и высокопоставленныхъ лицъ. Куски были слишкомъ лакомы, чтобы упустить ихъ безъ боя, въ виду твердой грани, поставленной безукоризненнымъ отношеніемъ къ интересамъ своего отечества молодымъ министромъ. О подкупѣ нельзя было думать, а клеветать на этой почвѣ тоже было трудно, такъ какъ Государь безусловно довѣрялъ графу. Начали досаждать ему всячески и, конечно, какъ человѣка нервнаго и заработавшагося, постоянно раздражали до того, что онъ, не долѣе трехъ лѣтъ бывъ министромъ, вынужденъ былъ просить объ увольненіи. Уходя изъ министерства, графъ Владиміръ Алексѣевичъ оставилъ по себѣ прекрасную память просвѣщеннаго и добраго человѣка между сослуживцами, а съ точки зрѣнія государственной--человѣка, сохранившаго многіе милліоны Государственному Казначейству. Послѣ него баснословныя поверстныя цѣны желѣзнодорожныхъ построекъ были уже немыслимы.

Затѣмъ графъ Бобринскій предался исключительно сельско-хозяйственной дѣятельности и сахарному дѣлу въ обширныхъ размѣрахъ. Живя въ Кіевѣ и Смѣлѣ, онъ во всѣхъ вопросахъ и совѣщаніяхъ по сахарнымъ дѣламъ выбирался всегда предсѣдателемъ комиссій и комитетовъ; онъ также вызывался часто въ Петербургъ, гдѣ прислушивались къ его вѣскому слову по дѣламъ, имѣющимъ государственное значеніе. Не разъ, уже въ царствованіе императора Александра III, предлагали ему высокія должности и лестныя для всякаго другого видныя назначенія, но онъ предпочелъ блестящему положенію въ Петербургѣ и при дворѣ частную жизнь и трудъ *домашній* на пользу общественную и семейную.

Князь Д. Оболенскій.

Оболенское. 4 Іюня 1898 г.

ОБОРОНА ПЕТРОПАВЛОВСКА ПРОТИВЪ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРЫ ВЪ 1854-МЪ ГОДУ.

Въ настоящее время желѣзнодорожнаго сближенія великой нашей Восточной окраины съ Великою Россіей, умѣстно вспомнить о той сравнительно недавней порѣ, когда, по словамъ Николая Павловича, Сибирскій генералъ-губернаторъ лишь чрезъ полгода могъ узнать о занятіи Камчатки непріятелемъ, и помянуть добрымъ словомъ душесильныхъ людей, которые съ самыми незначительными средствами умѣли отстоять цѣлость Россійской имперіи и оборонить Восточное побережье Сибири и Камчатку отъ нападенія Англичанъ и Французовъ. Имена Н. Н. Муравьева и его сподвижниковъ должны быть дороги всякому Русскому сердцу. Ихъ достославнымъ дѣяніямъ за это время посвящено изслѣдованіе покойнаго П. В. Шумахера*). Онъ писалъ на основаніи подлинныхъ бумагъ, съ знаніемъ дѣла; но оборонѣ Петропавловска, которая дала увѣренность въ успѣхѣ малочисленнымъ защитникамъ Сибири и ободрила ихъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ и трудамъ, отведено у него лишь нѣсколько страницъ.

Этотъ пробѣлъ отчасти восполняется письмомъ супруги тогдашняго губернатора гор. Петропавловска къ Камчатскому преосвященному Иннокентію, хранящимся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (портфель 1-й, № 10), въ бумагахъ, переданныхъ Архиву г-омъ Басинымъ. Съ любезнаго разрѣшенія г-на директора архива, князя Павла Алексѣевича Голицына, приводятся выдержки изъ этого письма. Ю. Б.

Изъ письма Е. С. Завойко отъ 31 Августа — 4 Сентября 1854 года.

Великъ Богъ Русскій, славно имя Его! Блаженны всѣ надѣющіеся на Него. Онъ спасъ насъ отъ страшной, неминуемой опасности.

17 Августа въ 10 часовъ утра сдѣлали сигналъ съ маяка. Вижу въ морѣ иностранную эскадру. Всѣ вообще думали и полагали, что непріятель не въ состояніи отдѣлить большія силы для Петропавловска, но ошиблись. Иностранная эскадра состояла изъ 6 судовъ: Англійскій адмиральскій фрегатъ Президентъ (52 пушки), Англійскій фрегатъ

*) См. Р. Архивъ 1878, II, 393—425.

Пикъ (44 пушки), большой пароходъ-фрегатъ (8 бомбическихъ пушекъ и мортиръ), Французскій адмиральскій фрегатъ Фортъ (60 пушекъ), малый фрегатъ Эвридисъ (32 пушки) и бригъ Облигада (18 пушекъ). Итакъ у нихъ было 214 пушекъ и около 2.500 человѣкъ команды и два адмирала[1]). У насъ было съ фрегатомъ Аврора, Двиною (транспортъ), съ нашими батареями 69 пушекъ (пушки фрегата по мѣстоположенію были почти въ бездѣйствіи, а также и пушки Двины) и 858 человѣкъ, въ томъ числѣ 350 рекрутъ, прибывшихъ за мѣсяцъ на Двинѣ, изъ числа сплывшихъ по Амуру, чиновники и волонтеры, а безъ нихъ 800. Видите-ли, непріятель втрое и болѣе превосходитъ насъ силою. Сверхъ того у него ружья и боевые снаряды далеко были лучше нашихъ; у него былъ порохъ въ изобиліи, а у насъ въ порохѣ былъ недостатокъ. За насъ былъ Богъ, и ухищренія человѣческой гордости и высокоумія рушились.

17-го же числа всѣ женщины, дѣти и скотъ были высланы изъ города. Ужасно было, когда ударили тревогу. Какое-то чувство нѣмаго отчаянья овладѣло всею душою; всѣ дѣти въ голосъ кричали. Черезъ часъ городъ опустѣлъ, остались одни мужчины. Въ этотъ день судамъ былъ противный вѣтеръ, и взошелъ въ губу одинъ пароходъ; безчестный Англичанинъ несъ Американскій флагъ [2]). Онъ подошелъ къ сигнальному мысу, не доходя выстрѣловъ и, завидя посланную къ нему шлюпку, отворотилъ и ушелъ въ море. 18-го Августа послѣ полудня вошла вся эскадра и направилась въ обходъ малой губы; но наши батареи открыли огонь, и эскадра удалилась изъ-подъ выстрѣловъ. Въ этотъ день, какъ мы узнали впослѣдствіи, убитъ Англійскій адмиралъ Крайсъ, который похороненъ въ Тарьѣ [3]). 19-го въ 9 часовъ утра на сигнальной батареѣ служили молебенъ; непріятель, замѣтя это, сталъ бросать бомбы [4]) и ядра, которыя свистали надъ головами молящихся. Но достойный пастырь, отецъ Георгій, надъ головой котораго пролетѣла бомба во время чтенія Евангелія, не смутился и продолжалъ громкимъ, внятнымъ голосомъ взывать къ Господу силъ. По окончаніи молебствія и окропивъ святой водой воиновъ и батарею, священникъ переѣхалъ на Кошку, гдѣ возведена большая батарея и, окропивъ и ее святою водой, пропѣлъ краткое молебствіе. Остатокъ дня

---

[1]) Начальствовалъ Англійскій контръ-адмиралъ Крайсъ; послѣ его смерти командованіе принялъ Французскій контръ-адмиралъ Февріе-де-Пуантъ. Ю. Б.

[2]) Хожденіе подъ чужимъ флагомъ (полное нарушеніе правилъ чести воинской) не разъ практиковалось Англичанами. Ю. Б.

[3]) По инымъ свѣдѣніямъ онъ застрѣлился. Ю. Б.

[4]) Союзники дѣлали тоже и подъ Севастополемъ, даже усилили канонаду во время Пасхальной службы, приставя впрочемъ на это время къ орудіямъ Турокъ. Ю. Б.

прошелъ спокойно. 20-го числа видно было, что непріятель готовится къ рѣшительному нападенію. Пароходъ повелъ три фрегата и десантные боты къ нашимъ батареямъ. Г. губернаторъ [1]) Камчатки взошелъ на батарею и сказалъ: «Братцы, велика сила идетъ, но Богъ за насъ, будемъ сражаться за вѣру! Многихъ изъ насъ не будетъ сегодня; да будетъ послѣдняя молитва наша за Царя!» Пропѣли «Боже, царя храни» на всѣхъ батареяхъ нашихъ и на судахъ и стрѣлковыя партіи вторили, грянули «ура» и «умремъ съ ружьями въ рукахъ, а не отступимъ ни на шагъ» и принялись за дѣло.

Началась страшная кононада. 80-ть непріятельскихъ пушекъ бомбардировали батарею на сигнальномъ носу (5 пушекъ) и на Красномъ Ярѣ (3 пушки). Хотя сначала наши батареи наносили значительный вредъ непріятелю [2]); но ихъ сила превзошла, станки у нашихъ пушекъ были поломаны и платформы до того засыпаны землей, что невозможно было дѣйствовать пушками и потому онѣ были заклепаны и оставлены [3]). Крѣпостной гюйсъ былъ перенесенъ на батарею № 2 на Кошкѣ, а флагъ на гауптвахту. Въ это время 13 десантныхъ ботовъ пошли по направленію къ Красному Яру, высадились и побѣжали на батарею. Французы вздернули тамъ свой флагъ; но лишь они увидали на горѣ приближеніе стрѣлковыхъ партій, то стремглавъ бросились внизъ и убѣжали на свои суда. Съ 9-ти часовъ утра до 7-ми вечера три фрегата дѣйствовали противъ Кошечной батареи (11 пушекъ), на ней командовалъ Дмитрій Петровичъ князь Максутовъ. Сберегая людей и порохъ, онъ дѣйствовалъ только тогда, когда одинъ изъ фрегатовъ вдавался ближе, чтобы посмотрѣть, сбита ли батарея; а самъ онъ ходилъ во все время взадъ и впередъ вдоль по батареѣ, какъ на ученьи, наблюдая за движеніемъ непріятеля. Къ концу дѣла батарея была почти цѣла; убитыхъ на ней 12 человѣкъ и ранено 30, а командиръ остался невредимъ.

Въ этотъ день тысячи бомбъ и ядеръ и конгревовыхъ ракетъ были брошены въ городъ (почти весь покрытый соломой). Они бросали бомбы черезъ перешеекъ и, сколько могли, въ Кошку и черезъ Кошку. Земля въ городѣ совершенно изрыта ядрами и бомбами; но ни одинъ домъ не загорѣлся, и попортило весьма немногіе изъ нихъ и ни-

[1]) Контръ-адмиралъ Василій Степановичъ Завойко. Ю. Б.

[2]) Непріятель расположился такъ, что выстрѣлы съ Авроры, Двины и батареи № 3-й не могли ему вредить. Ю. Б.

[3]) Командиръ батареи, лейтенантъ Гавриловъ, былъ раненъ. Ю. Б.

кого въ городѣ не убило. Фрегатскій священникъ насчиталъ менѣе чѣмъ въ часъ 300 выстрѣловъ.

Въ этотъ день губернаторъ былъ болѣе на Сигнальномъ мысу, гдѣ его осыпало градомъ ядеръ и бомбъ; но Богъ его сохранилъ подъ Своею невидимою десницей.

21-го, 22-го и 23-го числа суда непріятельскія крѣпились и чинились, и наконецъ наступило 24-е число, день, въ который весь Петропавловскъ долженъ возсылать благодарственныя молитвы Господу силъ, даровавшему спасеніе. Каждый годъ въ этотъ день будетъ и въ нашей семьѣ молебствіе. Господь въ этотъ день сохранилъ жизнь Василію Степановичу.

Рано въ этотъ день пришло все въ движеніе на непріятельской эскадрѣ. Пароходъ повелъ суда со стороны Никольской горы. На перешейкѣ была устроена батарея изъ 5-ти пушекъ. Суда стали дѣйствовать противъ этихъ 2-хъ батарей [1]). Съ перешейка, гдѣ командовалъ герой князь Александръ Максутовъ, дѣйствія были весьма удачны: сшибли гафель на Англійскомъ адмиральскомъ фрегатѣ, и Британскій флагъ слетѣлъ; перешибли много снастей, попадали часто въ самый корпусъ судна, убили капитана парохода на кожухѣ, утопили цѣлый баркасъ съ десантомъ. Но непріятельское ядро оторвало руку героя, который въ туже минуту и послѣ не переставалъ креститься и благодарить Бога за свое спасеніе, и во время мучительныхъ перевязокъ онъ постоянно молился (онъ впослѣдствіи померъ). Вообще оба Максутовы показали себя людьми съ великою душой, съ истиннымъ мужествомъ и съ живою дѣтскою вѣрой въ Бога.

Когда обѣ наши батареи были сбиты [2]), непріятель подъ покровительствомъ своихъ пушекъ сталъ высаживать десантъ, состоявшій по бумагамъ, найденнымъ у начальника (убитаго), изъ 670 человѣкъ; да послѣ непріятель послалъ въ подкрѣпленіе 6 большихъ баркасовъ, въ которыхъ можно полагать до 300 человѣкъ [3]). Они раздѣлились на двѣ части: одни пошли по дорожкѣ внизу озера; но пушки озерной батареи заставили ихъ воротиться, и они взбѣжали на второй холмикъ Никольской горы; а другая часть заняла весь гребень Никольской горы

---

[1]) Противъ нашихъ восьми пушекъ дѣйствовали 30 орудій фрегата Форта и 26 орудій Президента. Ю. Б.

[2]) Командиръ батареи № 7, капитанъ-лейтенантъ Кораллов, оставался на посту до тѣхъ поръ, пока не былъ раненъ въ голову. Ю. Б.

[3]) Для отраженія ихъ у насъ было лишь 201 человѣка. Ю. Б.

Часть, стоявшая на второмъ холмѣ, была шагахъ въ 25-ти отъ губернатора, близъ котораго были: гражданскій секретарь Лохвицкій, Юдицкій, Литке и гардемаринъ Колокольцевъ, 5 человѣкъ матросовъ и остатки резервной партіи волонтеровъ плохенькихъ. Подлѣ нихъ дѣйствовала конная пушка, которая послѣ трехъ удачныхъ выстрѣловъ свалилась въ ровъ, и вся прислуга возлѣ нея, казаки и писаря, были перебиты непріятельскими пулями. «Мы стояли, говоритъ г. губернаторъ, въ крови; съ ружьями въ рукахъ дорого продавали нашу жизнь. Предъ нами въ 20-ти шагахъ собирался и строился взводъ непріятеля и осыпалъ насъ градомъ пуль. Казалось, пробилъ послѣдній часъ жизни. Вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пушки, свалившейся въ ровъ со станка, и вражья толпа дрогнула и начала опять скопляться. Но вдругъ раздается наше «ура», наши партіи приняли въ штыки верхнюю партію враговъ, и нападавшіе на насъ обратились въ бѣгство, а я остался живъ».

Снизу горы вверхъ скорымъ шагомъ, отстрѣливаясь, поднимались стрѣлковыя партіи: лейтенантъ Анкудиновъ (30 человѣкъ), мичманъ Михайловъ (50 чел.), Губаревъ (50 ч.), мичманъ Фесунъ (30 ч.), Спилихинъ (51 ч.) и прапорщикъ Жилкинъ (20 ч.) врѣзались въ самую средину непріятеля и разорвали ихъ цѣпь. Лейтенантъ Полкинъ взбѣжалъ съ перешейка и принялъ ихъ слѣва въ штыки. Раздалось со всѣхъ сторонъ громкое ура. Непріятеля стиснули. Онъ дрогнулъ и побѣжалъ. Его отступленіе было ужасное: онъ бросался съ утеса, спѣша къ своимъ баркасамъ и таща убитыхъ и раненыхъ; но и тутъ ихъ ожидала смерть: наши, помѣстившись на гребнѣ горы, стрѣляли въ нихъ сверху. Баркасы, ѣхавшіе полными, возвращались назадъ вполовину пустыми. Одинъ баркасъ, нагруженный одними трупами, угребъ съ 8-ю гребцами. Въ баркасахъ слышался страшный стонъ. Полагаютъ ихъ потерю въ этотъ день до 300 человѣкъ убитыми; 40 человѣкъ оставили они здѣсь и въ числѣ ихъ четыре офицера и командующій десантомъ *). Десантное знамя, 70 ружей и 7 офицерскихъ шпагъ остались въ нашихъ рукахъ. Десанту было 900 человѣкъ, мы отстаивали съ 270, и намъ удалось положить 300 ч. и остальныхъ прогнать въ безпорядкѣ. Безъ Божіей помощи этого нельзя сдѣлать людямъ, и грѣшно всякому человѣку, оставшемуся изъ насъ въ живыхъ 24 Августа, возгордиться храбростью и сказать, что̀ мы сдѣлали! мы прогнали! нѣтъ! нѣтъ!—и пока у насъ нѣтъ ни одного такого, и дай Богъ, чтобы и впослѣдствіи не было.

*) Лейтенантъ Паркеръ; изъ бумагъ, найденныхъ при немъ, видно, что десанту было высажено 676 человѣкъ, да на баркасахъ у перешейка находилось 200 человѣкъ. Ю. Б.

Храбрость есть даръ Бога... Послѣ столь славнаго дѣла наши соединились и еще до прихода священника пропѣли: «Царю небесный» и «Отче нашъ». Когда пришелъ священникъ, было совершено благодарственное молебствіе на самомъ окровавленномъ полѣ побѣды. Вы можете себѣ представить, что всякій чувствовалъ, что самъ Богъ спасъ, и молился отъ всей души.

25-го и 26-го числа непріятель чинился. Пароходъ возилъ своихъ покойниковъ на трехъ катерахъ хоронить въ Тарьѣ.

Непріятельская эскадра вышла въ море, но по несчастью она встрѣтила шкуну Анадырь, которую и увела. Шесть военныхъ судовъ увели беззащитную шкуну съ лѣсомъ! Это совершенно въ Англійскомъ духѣ. Еще видѣли вдали, что они увели съ собой большое трехмачтовое судно Ситху, компанейское судно *).

У убитаго начальника десанта въ карманѣ нашли записки адмирала о числѣ десанта, планъ, какъ завладѣть городомъ и уничтожить его (у нихъ были съ собою и стружки для поджога, и веревки для связки плѣнныхъ; но не подумали они только, что Русскіе живыми не дадутся). На запискѣ карандашемъ написано рукой адмирала: не забыть взять съ собою сколько есть кандаловъ.

У насъ теперь есть два мальчика калѣки. Когда одному отнимали руку, онъ говорилъ доктору: Скорѣй, мнѣ не больно. Я за Царя руку потерялъ!. Богъ внушилъ присутствіе духа вообще всѣмъ, а не человѣческое умѣнье.

Ужасны были эти дни, продолжаетъ Е. С. Завойко; я знаю по многимъ опытамъ, какое неоцѣненное благо для человѣка молитва. Но никогда я не чувствовала этого такъ живо, какъ нынѣ. Мы почти постоянно молились, всѣ вмѣстѣ живя тамъ на хуторѣ; дѣти молились всѣ съ горькими рыданіями. Богъ внялъ молитвамъ нашимъ. Молитва насъ укрѣпляла полною преданностью волѣ Провидѣнія. Всѣ, всѣ у насъ видятъ сверхъестественную Божію помощь; нѣтъ ни одного, который бы не благоговѣлъ передъ путями благаго Провидѣнія, которые теперь для насъ такъ ощутительно видны.

Хвально и прославлено имя Господне отнынѣ и до вѣка!

Рукою г. Баснина помѣчено: „Подлинная копія возвращена отцу протоіерею Прок. Вас. Громову 27 Ноября 1856 г. въ Иркутскѣ, чрезъ Е. П. Литвинцева“.

*

*) Россійско-Американской Компаніи. Ю. Б.

Скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ ходѣ событій.

27 Августа непріятельская эскадра ушла въ море и болѣе не появлялась подъ Петропавловскомъ въ этотъ годъ. Ее ждали весной 1855 года, и вся команда порта работала надъ возведеніемъ новыхъ батарей и заготовленіемъ станковъ и лафетовъ. Но Н. Н. Муравьевъ, опасаясь, что непріятель придетъ опять съ большими силами, приказалъ снять портъ съ его укрѣпленіями, вооружить всѣ суда, забрать гарнизонъ, все казенное имущество, присутственныя мѣста и должностныхъ лицъ, принять на транспорты всѣ семейства и раннею весной выйти въ море. 5-го Апрѣля всѣ суда направились въ гавань Де-Кастри. Гражданское управленіе передано земскимъ начальствамъ, команда надъ казаками и ополченіемъ возложена на есаула Мартынова, которому было приказано на случай прихода непріятеля все оставшееся казенное имущество, запасъ провіанта и частную собственность вывезть внутрь страны. Въ 10 верстахъ отъ города, въ селѣ Авагѣ, сосредоточены были военныя команды. Въ Большерѣцкѣ (на противоположной сторонѣ полуострова) былъ оставленъ ботъ „Кадьякъ“ для сообщенія съ Амурскими поселеніями. Отъ Петропавловска до Большерѣцка устроена была цѣпь казачьихъ пикетовъ.

8-го Мая показалась на горизонтѣ Авагинской губы непріятельская эскадра.

У насъ на рейдѣ стояло китоловное судно Аянъ, нагруженное частями желѣзнаго парохода и 3-мя тысячами пудовъ муки. Тотчасъ же судно было разгружено, пароходъ затопленъ, провизія сдана на сохраненіе Американцу Чези, команда переведена въ Авагинскій заливъ, всѣ снасти судна зарыты въ землю; тоже было сдѣлано съ оставленными въ портѣ пушками, снарядами, якорями, словомъ со всѣмъ казеннымъ имуществомъ.

19-го числа эскадра въ числѣ семи судовъ вошла въ губу. Около мѣсяца непріятель крейсировалъ близъ города, сжегъ аптеку, домъ и магазинъ Россійско-Американской Компаніи; 8-го Іюня предложилъ черезъ Американца Чези размѣнъ плѣнныхъ, что̀ и было совершено 9-го Іюля, 15-го числа сжегъ судно Аянъ и скрылся.

Этимъ закончились дѣйствія союзнаго флота противъ Камчатки.

Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ обороной другихъ побережій Восточной Сибири отсылаемъ къ вышеупомянутой статьѣ Шумахера и къ труду И. П. Барсукова: „Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“.

Юрій Бартеневъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ НИКОЛАЕВИЧѢ.

Цѣль моихъ воспоминаній— вывести на свѣтъ Божій нѣкоторыя событія изъ жизни столь великаго царя, какимъ былъ и останется для исторіи императоръ Александръ Николаевичъ.

Былъ я военнымъ, армейскимъ кавалеристомъ и прослужилъ Александру II-му 20 лѣтъ, но имѣлъ счастіе видѣть его всего только два раза, а именно въ началѣ 70-хъ годовъ. Величественный образъ его остался мнѣ памятенъ на всю жизнь, и серебристый его баритонъ, кажется, звучитъ у меня въ ушахъ и донынѣ.

Въ первый разъ увидѣлъ я его въ Гроднѣ, лѣтомъ, въ проѣздъ его изъ-за границы чрезъ Варшаву, гдѣ онъ смотрѣлъ войска, и для этого же ожидали его въ Гроднѣ. Для встрѣчи его на дворцовой площади былъ выстроенъ съ распущеннымъ знаменемъ и хоромъ музыки баталіонъ пѣхоты отъ какого-то полка, кажется отъ Оренбургскаго. Дѣло было вечеромъ, благодаря чему дворцовая площадь горѣла всевозможными плошками, освѣщая своимъ фантастическимъ свѣтомъ самую пеструю массу народа, начиная отъ блестящихъ мундировъ и изящныхъ джентльменовъ-фрачниковъ до грубой сѣрой чуйки, и отъ чопорныхъ фрейлинъ до деревенскихъ бабъ, съ уродливымъ на головѣ тюрбаномъ изъ рябого платка. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали своего могущественнаго повелителя, гордость Россіи. Погода была прекрасная, и лишь изрѣдка надъ нашими головами пробѣгали блѣдно-лиловыя облачка, и гдѣ-то спуганные голуби витали въ вышинѣ надъ заревомъ, какъ бы въ довершеніе ночной картины. Молодой маіоръ, командовавшій почетнымъ карауломъ, статный ростомъ, съ шилообразными усами, à la Наполеонъ III-й, счастливый своимъ назначеніемъ, самодовольно расхаживалъ взадъ и впередъ по надъ фронтомъ, потрясая золотыми массивными эполетами и мимоходомъ дѣлая кое-какія небольшія замѣчанія, общія и въ отдѣльности, въ родѣ слѣдующаго: смотрѣть въ оба, молодцами! Подтянуться! Медвѣдевъ, собери глаза! Лыковъ, чуточку впередъ! А ты, Тимохинъ, убери правый носокъ! Вотъ такъ! Купенко, зачѣмъ надулся какъ пузырь, выпусти духъ! и т. п. Въ данное время бравый маіоръ занималъ самое видное мѣсто и былъ предметомъ всевозможныхъ толковъ или разговоровъ. Въ товарищахъ своихъ онъ возбуждалъ завистъ и вообще занималъ умы.

„Какъ-то онъ скомандуетъ? Что-то скажетъ ему Государь?“ думали одни; „быть можетъ, произведетъ его въ полковники, или вдругъ пожалуетъ аксельбантомъ“, предполагали другіе. Въ это время прекрасный полъ по отношенію маіора также былъ неравнодушенъ и по адресу его строилъ своего рода предположенія и догадки. „Интересно, холостъ ли этотъ душка-маіоръ, или, быть можетъ, уже женатъ? Противный этакій!“ слышалось съ одной стороны. „Навѣрное, холостъ; посмотрите, какъ онъ уставилъ на меня свои глаза; нѣтъ на меня, а не на васъ!“ заспорили между собою два чьихъ-то нѣжныхъ голоска. „Какая прелесть этотъ маіоръ, настоящій блондинъ!“ говоритъ сбоку меня пухленькая, розовенькая дамочка своей сосѣдкѣ, высокой размалеванной особѣ. „Настоящій шатенъ!“ возражаетъ ей послѣдняя.—Ну, ужъ нѣтъ!—Нѣтъ такъ! настаиваетъ на своемъ кокетка: я лучше васъ знаю всякіе цвѣта, подчеркиваетъ она.

Такимъ образомъ прошелъ добрый часъ въ ожиданіи. Наконецъ, одна за другой взвились двѣ сигнальныя ракеты надъ вокзаломъ желѣзной дороги, и отъ передовыхъ войскъ долетѣло до насъ могучее ура! Все въ одно мгновеніе встрепенулось и устремило взоры вдоль аллеи, откуда долженъ былъ показаться Государь. Бравый маіоръ изумительно круто повернулся на подборцахъ и занялъ свое мѣсто, еще разъ окинувъ баталіонъ своимъ Олимпійскимъ взглядомъ. Нѣсколько томительныхъ секундъ, и изъ-за кустовъ сирени показалась царская коляска, запряженная парой сѣрыхъ рысаковъ. Ѣдетъ! шепотомъ пронеслось въ публикѣ. Еще одно мгновеніе, и оглушительное ура съ дворцовой площади, какъ бы сорвавшійся откуда-то ураганъ, понеслось навстрѣчу приближающемуся Царю, и вмѣстѣ съ тѣмъ полетѣли вверхъ шапки и замелькали въ воздухѣ бѣлые платки. Мигомъ вспыхнули самые причудливые транспаранты, огненные фонтаны, бураки, фугасы и т. п. причуды; а музыканты грянули чу́дное „Боже, Царя“, унося симфоніей своей Русское сердце въ какой-то невѣдомый заоблачный міръ, навстрѣчу безсмертному творцу Львову. Это грандіозное ура, это волшебное освѣщеніе и музыка были высшимъ тріумфомъ и самымъ блестящимъ ореоломъ славы Царя-освободителя народовъ. Вмѣстѣ съ Государемъ, по лѣвую его руку, сидѣлъ въ экипажѣ командующій войсками, генералъ-адъютантъ Потаповъ, а въ ногахъ царя лежалъ громадный, всѣмъ извѣстный тогда черный пудель. Подъѣхавъ къ правому флангу баталіона, гдѣ были выстроены начальники отъ всѣхъ частей, Государь, не смотря на свои тогда слишкомъ 50 лѣтъ, съ чисто-юношескою живостью ступилъ изъ коляски и подошелъ къ правому флангу, гдѣ уже, опередивъ его, пристроился кукольный Потаповъ, едва достигая султаномъ своимъ плеча стоявшаго у него по лѣвую руку могучаго генерала Криднера. Государь подалъ руку Потапову и еще нѣсколькимъ лицамъ, прочихъ же удостоилъ своимъ милостивымъ словомъ. Государь былъ въ уланской формѣ, въ обще-генеральскомъ сюртукѣ и фуражкѣ съ желтымъ околышемъ. Онъ мнѣ показался самаго большаго роста, стройный, съ величественною и полною жизни осанкой. У него были боль-

шіе голубые глаза, въ которыхъ ясно свѣтились доброта и кротость, какъ отраженіе его ангельской души, что также было видно и на устахъ его, въ чуть замѣтной, но никогда не сходившей улыбкѣ. Лицо его было овально и нѣсколько загорѣлое, опушенное густыми темными бакенбардами и большими закрученными усами. Воздвигнутые ему впослѣдствіи монументы по лицу великой Россіи имѣютъ самое поразительное сходство съ нимъ. Это былъ по истинѣ Царь-богатырь, „красное солнышко", которому надлежало прожить до ста лѣтъ на благо Россіи, и вдругъ 1-го Марта 1881 года его не стало, въ какихъ-нибудь съ небольшимъ 60 лѣтъ, не стало отъ злодѣйской руки Рысакова и его соумышленниковъ!

Къ слову сказать, Потапова я также увидѣлъ здѣсь въ первый разъ и, говоря безъ всякаго преувеличенія, я былъ пораженъ его каррикатурой, въ красныхъ брючкахъ и въ каскѣ съ бѣлымъ султаномъ. При его сравнительно-большой головѣ и маленькихъ ножкахъ, онъ походилъ на какого-то карлика. Хотя я передъ тѣмъ и слышалъ по секрету отъ одного генерала, Ф. Р., весьма забавный разсказъ про Потапова, какъ въ бытность его адъютантомъ при Паскевичѣ однажды товарищъ его, нѣкто громадина ротмистръ Солонина, шутки ради, ввалилъ его въ колыбель для подкидышей при госпиталѣ „Младенца Іисуса"; но во всякомъ случаѣ я никакъ не представлялъ себѣ, чтобы онъ былъ до такой степени лиллипутомъ. Когда Государь, при его колоссальной фигурѣ, двинулся по фронту съ праваго фланга къ лѣвому, то Потаповъ буквально бѣжалъ за нимъ въ припрыжку, и онъ пуще казался смѣшнымъ и невольно наводилъ на размышленія: какія-такія особенныя заслуги или достоинства привели его къ столь высокому положенію, какъ званіе командующаго войсками и генералъ-губернатора пяти губерній? „Здорово, Оренбурцы!" *) весело крикнулъ Государь баталіону своимъ зычнымъ голосомъ; громкое и дружное „Здравія желаемъ, ваше императорское величество", было ему отвѣтомъ, и въ заключеніе тоже ура!

Командующій парадомъ оправдалъ наши надежды и удостоился получить полную высочайшую похвалу за свое артистическое строевое знаніе и молодечество. Послѣдняя же его команда къ церемоніальному маршу, произнесенная чистымъ негустымъ альтомъ: „Ба-та-лі-онъ по отдѣ-ле-ні-ямъ на-пра-во! Пра-вое пле-чо впе-редъ!" положительно всѣхъ очаровала, меня же въ особенности. Маіоръ мой, ловко описавъ въ воздухѣ салютъ своимъ блестящимъ клинкомъ и поддавъ „такту" съ лѣвой ноги, затѣмъ, какъ бы порвавъ удерживаемый имъ до того поводъ, лихо ринулся предъ Императоромъ, горделиво неся свою нѣсколько откинутую назадъ голову и вскинувъ свои соколиныя очи въ сторону равненія. По лицу Государя пробѣжала улыбка удовольствія. „Хорошо!" крикнулъ ласково Государь тѣмъ же гармоническимъ голосомъ.

*) Въ то время въ Гроднѣ на кампаментѣ, между прочимъ, была 27-я пѣхотная дивизія, въ которую входили пѣхотные полки: Оренбургскій, Уральскій и др.

Кто изъ насъ не испытывалъ чувства очарованія на всю жизнь на какой-нибудь сценѣ, положимъ? Кто не влюблялся въ актрисъ за ихъ сценическія дарованія? Подобно многимъ другимъ, и я былъ также очарованъ навсегда моимъ маіоромъ, отличившимся на царскомъ парадѣ. Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго. Конечно, впечатлѣнія мои скорѣе всего можетъ раздѣлять только военный, а не другой кто *)...

Государь на завтра назначилъ войскамъ смотръ въ 7½ ч. утра и, уставъ послѣ заграничной дороги и смотра войскъ подъ Варшавою, тутъ же изволилъ пойти въ свою опочивальню. Едва только Государь скрылся за дверями дворца, какъ все военное сразу засуетилось и заговорило о предстоящемъ царскомъ смотрѣ, при чемъ получилась настоящая катавасія: одни пороли горячку непремѣнно выводить людей въ 6, 5 и даже 4 часа утра; а другіе, болѣе ретивые, требовали вовсе не поспать эту ночь, „потому царскій смотръ", говорили они. Но вдругъ всему этому сразу положилъ конецъ и заставилъ нѣсколько покраснѣть всѣхъ потерявшихъ головы какой-то генералъ изъ свиты Государя, къ счастью подслушавшій эти толки. „Зачѣмъ такъ рано выводить людей на плацъ, когда Государь назначилъ смотръ въ 7½ часовъ?" вдругъ заговорилъ онъ и всѣхъ поставилъ въ тупикъ. Если людямъ не дать довольно выспаться, куда они будутъ годны на завтра? Это невозможно! сказалъ онъ въ заключеніе нѣсколько повелительнымъ тономъ. Сценѣ этой, между прочимъ, былъ свидѣтелемъ и по нынѣ здравствующій полковникъ И. С. Ч. Кромѣ вышесказаннаго, я знавалъ многихъ подобныхъ начальниковъ, которые вообще передъ смотрами, не говоря уже о царскихъ, совсѣмъ-таки теряли головы и совершенно зря мучили себя и другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей. Пускай имъ уже по дѣломъ мýка, да другихъ-то за что же мучить? И все это тогда проходило совершенно безнаказанно; не знаю, какъ теперь. И все это, само собою разумѣется, происходитъ отъ нетвердаго знанія дѣла. Кто въ самомъ себѣ твердо увѣренъ, тотъ никогда не потеряется. И кажется, всякій согласится, что разъ кто теряетъ голову въ мирное время на парадномъ плацу, въ роли отвѣтственнаго командира той или другой части, тотъ тѣмъ болѣе долженъ заявить себя непригоднымъ и на войнѣ.

Я лично не знавалъ никакой иной войны кромѣ Кавказской, и въ этой боевой школѣ было нѣсколько примѣровъ, вполнѣ подтверждающихъ мое мнѣніе: каковъ въ строю, таковъ въ бою; но говорить объ этомъ здѣсь подробно не приходится. Довольно сказать, что въ Германской арміи, какъ должно быть извѣстно всякому военному, за выводъ части на смотръ ранѣе

---

*) Почти полвѣка тому назадъ, въ 1850 г., въ Сунженскомъ отрядѣ, въ пріѣздъ бывшаго Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, точно метеоромъ подлетѣлъ къ нему съ рапортомъ на Арабскомъ жеребцѣ, въ Мартанской долинѣ, знаменитый тогда Кавказскій герой Слѣпцовъ, и картина эта никогда не изгладится изъ памяти очевидцевъ.

опредѣленнаго времени только за 15 минутъ полагается штрафъ, или иное взысканіе; а потому тамъ подобные случаи составляютъ самое рѣдкое исключеніе.

Зналъ я одного такого военнаго кавалериста въ Виленскомъ округѣ который теперь генераломъ отдыхаетъ на лаврахъ въ своемъ Курляндскомъ имѣніи. Это А. Д. Т., который хладнокровіемъ своимъ по отношенію къ плацъ-парадамъ вообще просто таки изумлялъ всѣхъ. Онъ никогда не мучилъ своей части; она у него всегда была готова ко всякому смотру, и самъ онъ былъ козырь, потому что онъ во-первыхъ на сквозь вѣдалъ строевой уставъ и былъ самымъ разумнымъ воспитателемъ своей части, безъ щелчковъ, безъ всякаго запугиванія, прививалъ своимъ подчиненнымъ понятія строевой азбуки, пріохочивая людей ко всякаго рода наукѣ, а потому онъ всегда выѣзжалъ на смотры не болѣе какъ за 2—3 минуты, будучи самоувѣренъ за себя и за своихъ людей, съ улыбкой посматривая при этомъ на другихъ, чуть не ночевавшихъ на плацу. Мало того, что г. Т. этимъ ничего не терялъ противъ другихъ, онъ наоборотъ всегда передъ ними больше выигрывалъ, и ему первому всегда была благодарность за смотры.

Утромъ на другой день состоялся назначенный высочайшій смотръ. на военномъ полѣ за Нѣманомъ, по лѣвую сторону Брестъ-Литовской желѣзной дороги. На этотъ разъ Государь былъ въ обще-генеральской формѣ, при орденахъ и шпагѣ; вмѣсто вчерашней уланской фуражки на головѣ его было кэпи, которое по своимъ особенностямъ обратило на себя вниманіе: оно было очень глубокое и при томъ стоячее съ большимъ козырькомъ Сапоги на немъ были съ широкоотрубленными носками; какъ кэпи, такъ и сапоги были настоящіе форменные; этимъ Государь наглядно показывалъ собою примѣръ, какъ должно соблюдать форму, между тѣмъ какъ нѣкоторые офицеры-щеголи позволяли себѣ тогда носить кэпи низкія, приплюснутыя и сапоги болѣе съ узкими и нѣсколько закругленными носками. Подъ Государемъ была большая гнѣдая лошадь, повидимому довольно старая и невозмутимо-спокойная ко всему происходившему предъ ея глазами; она стояла какъ статуя. Государь сидѣлъ, какъ мнѣ помнится, на черномъ общегенеральскомъ мохнатомъ со звѣздами сѣдлѣ. Я въ него буквально впился глазами, и въ это время онъ, сидя на конѣ, показался мнѣ еще величественнѣе и еще симпатичнѣе, нежели вчера при Бенгальскихъ огняхъ. Въ рукахъ Государя была узкая длинная лента бумаги, на которую были занесены всѣ войска, имѣвшія счастье дефилировать предъ нимъ. Сзади, по правую его руку стоялъ Потаповъ, также на большой гнѣдой лошади, благодаря чему онъ вдругъ какъ-бы подросъ на цѣлый аршинъ. Далѣе тянулась взадъ громадная вереница свиты Государя, состоявшая какъ изъ Русскихъ, такъ и изъ иностранныхъ генераловъ и офицеровъ, между коими особенно выдѣлялись военные агенты Германскій Вердеръ и Австрійскій, и тутъ же по лѣвую руку Царя въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него находился въ цѣпи полиціи и вспомогательныхъ войскъ молодой, красивый, съ развѣвающимися на голо-

вѣ страусовыми перьями, генералъ Зуровъ, Гродненскій губернаторъ. Благодаря прекрасной погодѣ, хотя и жаркой, публики собралось на смотръ масса, при чемъ каждому хотѣлось какъ можно ближе видѣть Государя и каждый рвался пробиться впередъ, вслѣдствіе чего на долю полиціи пришлось очень много поработать для возстановленія порядка. Народъ прорывалъ цѣпь, переходилъ за черту, его осаждали назадъ. Увидя это, Государь, повернувъ голову къ сторонѣ губернатора, вдругъ громко замѣтилъ ему: „оставьте, народъ не мѣшаетъ!“ Это были точныя незабвенныя для меня его слова. Сначала войска проходили мимо Государя шагомъ, имѣя во главѣ своей распущенные знамена и штандарты, по чину преклонявшіеся передъ нимъ при каждомъ прохожденіи мимо него войскъ. Тутъ были знамена, весело развѣвавшіяся въ воздухѣ своими шелковыми складками или полями и были тутъ заслуживающія самаго глубокаго вниманія и почтенія одни только древки съ жалкими остатками отъ древнихъ нашихъ знаменъ, изстрѣленныхъ непріятельскими пулями и истлѣвшихъ отъ времени, подъ сѣнію которыхъ когда-то стяжали себѣ неувядаемую боевую славу: царственный вождь Петръ Великій, Румянцовъ - Задунайскій, перешагнувшій Сенъ-Готардъ нашъ легендарный Суворовъ и другіе достославные наши полководцы. Войска проходили мимо Государя вполнѣ молодецки, имѣя самый бодрый видъ и выправку; явно было, что они были и сыты и выспавшись какъ слѣдуетъ, благодаря вмѣшательству свитской особы. Прежде всего шла пѣхота. Однимъ Государь изъявлялъ свое царское спасибо! хорошо! и еще болѣе разжигалъ ихъ энтузіазмъ; другихъ-же пропускалъ молча: видимо, что онъ по отношенію ихъ чѣмъ-то оставался недоволенъ. Эти послѣдніе, не получивъ царской похвалы, впадали въ уныніе, и тутъ-же, минуя царскую ставку, по обыкновенію начинали расчеты, обвиняя другъ друга въ своей неудачѣ. „Это все вы съ вашей клячей понадѣлали“, горячился пѣхотный полковой командиръ, еще нестарый человѣкъ съ выдающеюся фронтовою выправкой, выговаривая одному изъ баталіонныхъ командировъ, неуклюжему толстяку съ коротенькими ножками, едва окорачивавшими таковую же, какъ самъ онъ, неуклюжую шкапу, которая отъ неумѣлыхъ шпоръ всадника постоянно, какъ мельница, вертѣла куцымъ хвостомъ, грызла удила и разражалась задомъ... Баталіонный же, какъ водится, старался свалить всю вину на другого; онъ настаивалъ, что все дѣло испортилъ этотъ, по его словамъ, раздушенный Помпадуръ, прапорщикъ 1-й роты Тупиковъ, своими тѣсными сапогами: чортъ побери, какъ есть въ самый „моментъ“ онъ какъ сорока зачиликалъ на трехъ ножкахъ... Затѣмъ шла кавалерія, при чемъ остался также памятенъ мнѣ Владимирскій уланскій полкъ, со своимъ лихимъ командиромъ полка Дохтуровымъ, достойнѣйшимъ потомкомъ доблестнаго Бородинскаго героя, на ворономъ Арабскомъ жеребцѣ, который, полный огня, буквально шелъ на дыбахъ, олицетворяя собою монументальнаго коня Петра Великаго, высоко вознося статную фигуру, съ изящными манерами своего сѣдока, украшеннаго традиціоннымъ уланскимъ киверомъ съ шнурами на отлетъ. Часто до того, всматриваясь въ стѣнныя картины и видя на нихъ

гарцующихъ всадниковъ на заднихъ ногахъ съ удивительными па, я думалъ, что это не больше не меньше какъ досугъ фантазіи художника; но тутъ я воочію убѣдился, что подобнаго рода картины взяты съ натуры. Дохтуровъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія. Государь милостиво ему улыбнулся и особеннымъ „спасибо" наградилъ его молодецкій полкъ. Это былъ по истинѣ рыцарь командиръ. Кто не зналъ про столкновеніе его съ начальникомъ 7 кавалерійской дивизіи К—мъ изъ за маіора И—ва? Затѣмъ пѣхота была пропущена бѣглымъ шагомъ, а кавалерія галопомъ и рысью. При этомъ случаѣ врѣзался мнѣ особенно въ память одинъ ротный командиръ, порядочнаго роста, ужасный толстякъ, котораго я замѣтилъ еще при прохожденіи шагомъ и который теперь также, въ лѣтнюю пёклу, не отставая отъ прочихъ, долженъ былъ бѣжать въ тактъ, ежеминутно подвергая себя апоплексіи; солдаты его прошли молодцами. Я взлянулъ на него съ полнымъ состраданіемъ, и мнѣ невольно вспомнился ротный командиръ Нѣмецкой арміи, противъ нашего обезпеченный казенною строевою лошадью и кромѣ того бо́льшимъ жалованьемъ. Всѣ сигналы подавалъ на голосъ самъ Государь, которые живо подхватывалъ стоявшій позади его лейбъ-трубачъ въ бѣлой черкескѣ и такой-же папахѣ, съ серебряною трубой. Напослѣдокъ Государь, подавъ кавалеріи сигналъ „въ карьеръ!" вслѣдъ за нею поскакалъ легкимъ галопомъ до крайняго пункта, и я его болѣе уже не видѣлъ на этотъ разъ.

Ровно черезъ годъ имѣлъ я счастье вновь видѣть Государя уже въ Вильнѣ на военномъ полѣ за р. Виліей, близъ фольварка Верки, принадлежавшаго князю Витгенштейну. Мнѣ показалось, что Государь по прежнему былъ въ цвѣтущемъ здравіи и въ одинаково добродушнѣйшемъ настроеніи. Разница была только въ перемѣнѣ плаца; вся-же прочая обстановка, какъ мнѣ показалось, была таже самая: таже свита, тѣ-же иностранные агенты. Весь интересъ того дня сводился къ разговору Государя съ Австрійскимъ агентомъ, по поводу командира 1-й бригады гусарской дивизіи, генерала фонъ-Радена, парадировавшаго во главѣ Митавскаго и Нарвскаго гусарскихъ полковъ. Это былъ самаго громаднаго роста Остзеецъ, лѣтъ 65, съ богатырскимъ голосомъ. Въ Венгерскую войну онъ былъ ротмистромъ, эска́дроннымъ командиромъ, кажется, что въ Елисаветградскомъ гусарскомъ полку и подъ Коморномъ былъ крѣпко раненъ въ голову. Долго потомъ лежалъ онъ въ Варшавѣ въ Уяздовскомъ госпиталѣ; наконецъ, благодаря его желѣзной натурѣ, оправился отъ ранъ, выписался изъ госпиталя, но полнаго выздоровленія не получилъ и всю жизнь свою потомъ страдалъ отъ головныхъ болей, вслѣдствіе чего ему было высочайше разрѣшено во всѣхъ случаяхъ носить, въ замѣнъ кивера или каски, фуражку, а за отличіе подъ Коморномъ ему была пожалована золотая сабля съ надписью: „за храбрость". Сабля эта уже впослѣдствіи, только по выбытіи его изъ госпиталя, была вручена ему въ Варшавѣ, и при томъ при самой торжественной обстановкѣ, фельдмаршаломъ Паскевичемъ, въ присутствіи многочисленнаго

генералитета, которую, по словамъ Радена, нынѣшній командующій войсками Потаповъ, тогда адъютантъ Паскевича, поднесъ ему на золотомъ блюдѣ. Вотъ какъ иногда судьба измѣнчива бываетъ, говаривалъ Коморнскій герой: тогда онъ мнѣ завидовалъ, взиралъ на меня, какъ на какого нибудь Олимпійца, а теперь я долженъ преклоняться предъ этой бирюлькой. Такъ бывало, скажетъ онъ злобно въ заключеніе, видимо крайне разочарованный военною службой.

Поровнявшись съ Государемъ и напрягши всѣ свои силы, Раденъ вдругъ пріосанился и изъ мѣшковатаго дотолѣ старика превратился въ какого-то неузнаваемаго Ливонскаго рыцаря-меченосца, въ пиковаго козыря, съ выпяченной впередъ грудью и съ вывернутыми въ сторону равненія бѣлками. Государь не выдержалъ взгляда Радена, особенно милостиво улыбнулся ветерану и тутъ-же, подозвавъ къ себѣ Австрійскаго военнаго агента, онъ съ понятною болью въ сердцѣ, раздѣляемою всѣми его вѣрноподданными, сказалъ ему, указывая на Радена: „вотъ генералъ, который проливалъ кровь за Австрію!“ и, не обращая вниманія на какой-то лепетъ Австріяка, особенно громко крикнулъ гусарамъ: Хорошо! Спасибо! Онъ какъ-бы желалъ этимъ заглушить подвернувшееся непріятное воспоминаніе о быломъ. Хотя это, конечно, было сказано по-французски, тѣмъ не менѣе о томъ тутъ-же всѣ мы узнали и ликовали.

Ротмистръ В. Донецкій

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

(Записано со словъ покойнаго М. А. Максимовича).

Въ последніе годы Александрова царствованія, между студентами и лицами, принадлежавшими къ Виленскому университету, составилось общество такъ-называемыхъ *Филаретовъ*. Председателемъ былъ некто *Занъ*, сосланный потомъ въ Астрахань и оттуда получившій позволеніе воротиться въ Литву. На это общество (въ которомъ ни одинъ изъ профессоровъ не участвовалъ) пали подозренія. Н. Н. Новосильцову было поручено следствіе, и 26 человекъ отправлены въ Петербургъ. Они привезены были туда на другой день после известнаго наводненія (7 Ноября 1824 г.). Они представились министру народнаго просвещенія Шишкову, который ласково и вежливо ихъ принялъ. Имъ было предложено на выборъ, где они захотятъ служить; за отзывами же объ ихъ знаніяхъ и способностяхъ послано въ Вильну.

Въ числе этихъ молодыхъ людей былъ и Мицкевичъ, до того времени занимавшій въ Ковне место учителя. Онъ получилъ место въ Одессе, чиновникомъ у графа Воронцова, супруга котораго по отцу была Полька. Въ этой-то должности Мицкевичъ ездилъ въ Крымъ.

Тамъ пелъ Мицкевичъ вдохновенный...

Въ Марте 1825 года Мицкевичъ, Малевскій, Будревичъ и другіе его товарищи (6 человекъ) пріехали въ Москву. Оба первые получили места чиновниковъ для особыхъ порученій при князе Д. В. Голицыне, котораго любовь къ просвещенію была известна. Микцевичъ жилъ съ Малевскимъ, Ежовскимъ и Дашкевичемъ скромно, безъ гласности. Онъ занимался печатаніемъ своихъ Сонетовъ. Князь Вяземскій, у котораго тогда собиралось лучшее литературное общество, напечаталъ объ этихъ Сонетахъ статью въ Московскомъ Телеграфе Полеваго и переводъ самыхъ Сонетовъ, о близости котораго онъ очень заботился.

Во время коронаціи въ Москву наехали гвардейцы, и одинъ изъ нихъ (Ю. Познанскій), знавшій по-польски, познакомилъ Полеваго съ этими Сонетами и изумилъ его. Полевой, до того встречавшійся въ обществе съ Мицкевичемъ, но не подозревавшій въ немъ такого таланта, теперь коротко съ нимъ сошелся и ввелъ въ свой кружокъ, собиравшійся у Полеваго по воскресеньямъ. Тогда же и возвращенный изъ ссылки Пушкинъ познакомился съ Польскимъ своимъ собратомъ. Они часто видались Будревичъ, учитель математики въ Тверской гимназіи, помнилъ, какъ разъ Пушкинъ зазвалъ сбитенщика и какъ вся компанія пила сбитень, а Пушкинъ шутя говорилъ: «На что намъ чай? Вотъ нашъ національный напитокъ.»

Въ одномъ собраніи Мицкевичъ, въ присутствіи Пушкина, импровизировалъ Французскою прозою. Разсказываютъ, что въ Петербурге Мицкевичъ засталъ Пушкина у одного общаго знакомаго за банкомъ, и что Пушкинъ очень замешался отъ неожиданной встречи съ нимъ.

Когда вышелъ Конрадъ Валленродъ, въ Польше появился разборъ его, неблагопріятно изъяснявшій это произведеніе. Дело какъ-то дошло до Царя. Онъ спросилъ, что за человекъ Мицкевичъ. Ему отвечали, что онъ тоже для Польши, что Пушкинъ для Русскихъ. Царь приказалъ дать ему полную свободу жить за границею. Мицкевичъ уехалъ навсегда изъ Россіи, и сначала въ Римъ. Мицкевича провожали изъ Москвы ужиномъ, распорядителемъ былъ Соболевскій. Поэту поднесли серебряный кубокъ съ вырезанными именами Московскихъ его друзей, при чемъ пелись стихи Шевырева: «Чрезъ Неманъ дай же руку!» П. Б.

СКАЗАНІЕ ОБЪ АЗОВСКОМЪ СИДѢНІИ,

какъ Донскіе казаки сидѣли въ осадѣ отъ Турокъ во градѣ Азовѣ, пять тысячъ человѣкъ противъ триста тысячъ человѣкъ.

Лѣта 7150 году Октября 28 дня. Къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, въ Бѣлорусіи, пріѣхали изъ Турецкой земли, съ Дону, изъ Азова города, Донскіе казаки: атаманъ Наумъ Васильевъ, да ясаулъ Ѳедоръ Ивановъ, а съ ними пріѣхало Донскихъ же рядовыхъ выборныхъ казаковъ двадцать четыре человѣка, которые сидѣли въ Азовѣ городѣ отъ Турокъ въ осадѣ, и свою осадную и боевую и вылазковую привезли они съ собою подлинную роспись.

А въ росписи ихъ пишетъ подлинно порознь по статьямъ.

Въ прошломъ во 149-мъ году, Іюля въ 24-й день, прислалъ Турской Обрагимъ салтанъ царь къ намъ Донскимъ казакамъ четыре паши, да двухъ своихъ полковниковъ, да капитана, да Мустафу, ближнія своея думы и тайнаго своего покою слугу, добрѣ надъ нами смотрить промыслу, какъ станутъ промышлять паши его и полковники надъ Азовымъ городомъ, а съ ними пашами прислалъ многую свою собранную казну и босурманскую свою многую силу, да съ ними же прислалъ, совокупя на насъ Донскихъ казаковъ, подручныхъ своихъ и подданныхъ двѣнадцати земель воинскихъ людей. А своей силы, по спискамъ его, браннаго боеваго люду двѣсти тысячъ, окромѣ Поморскихъ и Кафинскихъ черныхъ мужиковъ, а которые на сей сторонѣ моря собраны со всей орды Крымскіе и Нагайскіе на загребь, чтобъ насъ казаковъ въ Азовѣ городѣ живыхъ загресть и засыпать бы имъ насъ горою высокою, какъ они загребаютъ люди Персицкіе; а себѣ бы имъ тою нашею смертію учинить славу великую, а насъ бы имъ укорить вовѣки. А тѣ собраны у нихъ черныхъ мужиковъ многія тысячи, имъ же не бѣ числа. Да съ тѣми же его пашами пришелъ Крымской царь, да братъ его родной Крымгирей царевичь съ своею ордою Крымскою и Нагайскою, а съ ними Крымскихъ и Нагайскихъ людей мурзъ и Та-

таръ, вѣдомыхъ людей, окромѣ охотниковъ, сорокъ тысячъ, да съ нимъ же царевичемъ пришло Горскихъ и Черкаскихъ князей изъ Кабарды тысяча человѣкъ. Да съ ними же пашами было наемныхъ людей изъ Венеціи Нѣмецкихъ два полковника, а съ ними солдатъ было шесть тысячъ человѣкъ. Да съ нимижъ пашами были для всякихъ подкопныхъ и приступныхъ промысловъ Нѣмецкіе люди городоимцы, мудрые вымышленники многихъ государствъ изъ Греческія и изъ Стекольныя и изъ Французскія земли, пинарщики, которые умѣютъ всякія приступныя дѣлать и вымышлять дѣла и подкопныя подземельныя вести мудрости и ядра огненныя зажигательныя. А снаряду всякаго съ тѣми пашами и полковники было подъ тѣмъ городомъ Азовымъ великихъ большихъ проломныхъ 129 пушекъ, а ядра у тѣхъ пушекъ были въ полпуда и въ полтора пуда и въ два пуда, да мелкова снаряду было съ ними пушекъ и туфяковъ шестьсотъ семдесятъ четыре пушки, окромѣ огненныхъ верховыхъ зажигательныхъ пушекъ, а тѣхъ верховыхъ было тридцать двѣ пушки, а тотъ весь снарядъ былъ у нихъ весь на цѣпяхъ, боясь того, чтобы на вылазкахъ вышедъ его не взяли. А было съ тѣми Турецкими пашами людей его подъ Азовымъ городомъ и разныхъ земель: первые Турки, вторые Крымъ, третіе Греки, четвертые Сербы, пятые Арапы, шестые Можары, седьмые Буданы, осьмые Бойшляны, девятые Арнауты, десятые Мутяны, первые-надесять Волохи, вторые-надесять Черкасы, третіе-надесять Нѣмцы, четвертые-надесять Янычери. И всего съ пашами и съ полковники и съ капитаномъ было подъ Азовымъ городомъ людей его, и съ Крымскимъ царемъ и съ царевичемъ Крымгиреемъ, по спискамъ браннаго всякаго боеваго мужика, окромѣ вымышленниковъ Нѣмецкихъ и черныхъ мужиковъ и охотниковъ, двѣсти пятьдесятъ шесть тысячъ. А сбиралъ онъ, Турской царь, ту силу за моремъ на насъ, Донскихъ казаковъ, идти подъ Азовъ городъ, ровно четыре года, а на пятой годъ въ лѣто 7149 году, мѣсяца Іюля въ 24-й, на Рождество святаго славнаго пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна, пришли они въ осмый *) часъ дни, въ самой обѣдъ.

Паши же его Турскіе, полковники и капитанъ, и Крымской царь и царевичъ наступили они своими силами на Азовскія поля, и заняли они много степи, и показалося намъ въ Азовѣ городѣ аки лѣса темные стали. И отъ силы ихъ Турецкія и отъ рысканія конскаго земля у насъ подъ Азовымъ городомъ рехнулась, и изъ рѣки Дону вода на берегъ показалось намъ, сидя въ Азовѣ городѣ, выступила. Мы же бѣдные отъ того вельми, сидя, ужаснулись, токмо упованіе положихомъ на

*) Счетъ древній и у насъ въ Москвѣ бывшій: съ восхожденія солнца. П. Б.

Бога и на Пречистую Богородицу и на всѣхъ святыхъ Его угодниковъ, ни откуду же помощи чаяху.

Турки же по полямъ почали шатры и палатки многіе ставить и наметы дѣлать, понеже бо бѣ время лѣтнее, и почали у нихъ въ полкѣхъ быть трубли и игры и свирѣльные писки великіе жалостнымъ обычаемъ; еще же почали у нихъ трубить въ трубы Нѣмецкія и Турецкія несказанными гласы, страшными и неизрѣченными босурманскими играми.

Послѣди же тѣхъ всякихъ игоръ почала у нихъ быть стрѣльба мушкетная и пушечная великая, какъ есть стояла надъ городомъ надъ Азовомъ и надъ нами громная туча и отъ воскуренія пищальнаго и отъ пушечнаго дымъ велій, что другъ друга не видѣти.

Мы же бѣдные отъ ихъ босурманскаго приходу вельми ужаснулись, и немочно намъ такую ихъ великую силу смѣтить. Стали же они къ намъ близостію ставиться только за полверсты малыя отъ Азова города. Янычерскія же головы идутъ строемъ къ намъ подъ городъ великими полками, раздѣляясь знаменами, на ширенки многія безъ знаку, набатъ у нихъ гремятъ и въ трубы трубятъ и въ барабаны бьютъ безпрестанно, и ни въ какихъ строяхъ такихъ знаменъ и набатовъ и барабановъ мы не видали.

Пришли же къ намъ самою близостію двѣнадцать головъ янычерскихъ, къ городу Азову, стекшися стали кругъ города въ восемь рядовъ отъ рѣки Дону, захватя до моря рука за руку. Мы же то все видимъ у нихъ у всѣхъ Янычеръ, что кипятъ у мушкетовъ ихъ, аки звѣчи горятъ, фитили спучены съ сѣрою горючею. А у всякаго Янычерскаго головы въ полку его по двѣнадцати тысячъ человѣкъ. А бой у нихъ у всѣхъ огненной мушкетной, а платье у всѣхъ тѣхъ Янычерскихъ головъ надѣто золотные бешмети, а на Янычеряхъ на всѣхъ построено платье единоцвѣтное красное, а мушкеты и пищали у нихъ долгіе Турецкіе съ жаграми желѣзными, стальными и съ укладными. А подобенъ ихъ строй нашему Русскому солдатскому строю. Да съ ними же тутъ стали въ рядъ Нѣмецкіе два полковника съ своими Нѣмецкими людьми съ наемными солдатами. А въ полку ихъ было шесть тысячъ человѣкъ.

Мы же за помощію Божіею ничего въ то время зла имъ и бою никакого имъ не дали, ожидаемъ къ себѣ, что у нихъ промыслу на насъ будетъ. Токмо удѣлываемъ земляные подкопы и готовимъ на нихъ, всякое большое и мелкое ружье заряжаемъ дробомъ и посѣчками мелкими желѣзными.

Того же дни на вечеръ, какъ пришли къ намъ Турки подъ городъ, паши же и капитанъ и полковники прислали къ намъ подъ го-

родъ пѣшихъ своихъ босурманскихъ Турецкихъ толмачей и Персидскихъ и Нѣмецкихъ людей съ выговоромъ.

А говорить велѣли строю пѣхотному Янычерскому головѣ, и голова ихъ Янычерской почалъ намъ Донскимъ казакамъ говорить словомъ Турскаго царя и четырехъ пашей, и капитана, и отъ царя и отъ царевича Крымскаго рѣчью гладкою и словами умиленными: Люди Божіи, Царя небеснаго, въ пустыни сей никѣмъ видими, или посылаеми, яко орлы парящіе, безъ страха по воздуху летаеми, и яко львы свирѣпые въ пустынѣхъ рыскаете; казачество Донское вольное, сосѣди наши ближніе, непостоянные нравы, лукавые пустынные жители и разбойницы непощадные, несытые ваши очи, не полны ваши чрева! Кому приносите такія обиды великія и страшныя грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя нашего Турскаго. Невпрямь вы еще на Руси богатыри святорусскіе, гдѣ вы можете убѣжати отъ руки его такія сильныя? Прогнѣвали вы Амуратъ-салтаново величество, убили вы слугу его вѣрнаго, посла его Турскаго Фому Кутугина *), а съ нимъ побили всѣхъ Арменъ и Грековъ многихъ людей; а посланъ онъ былъ къ вашему великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу Московскому и всея Россіи. Да вы же взяли любимую его вотчину царя Турскаго славной красной Азовъ городъ, напали вы на него аки гладные волцы, не пощадили вы въ немъ никакова мужичья возраста, побили вы всѣхъ до единаго человѣка, положили вы тѣмъ на себя лютое имя звѣриное; разгнѣвали вы нашего царя Турскаго съ своею ордою криворродствомъ своимъ тѣмъ нашимъ Азовымъ городомъ, а та у него орда Крымская оборона его на всѣ стороны страшная.

Второе, разлучили вы его съ корабельнымъ пристанищемъ, затворили вы имъ Азовымъ городомъ все море синее, не дадите проходу по морю ни кораблямъ, ни каторгамъ, ни въ которые поморскіе городы царя Турскаго. Согрубя вы такую грубость лютую, конца ли себѣ въ немъ дожидаетесь или смерти разныя горькія? Сердца ваши христіанскія жестокія, очистите вотчину царя Турскаго, Азовъ городъ, въ сію нощь, не мѣшкая, доколѣ всѣхъ васъ не побьемъ; а что въ томъ нашемъ Азовѣ городѣ есть вашего воровскаго грабительнаго собранія и всякихъ вашихъ пожитковъ, и намъ до того дѣла нѣтъ: то все понесите вонъ изъ Азова города въ свои казачьи городки съ собою безъ страху къ своимъ товарищамъ, а на отхожденіи ничѣмъ васъ не тронемъ. А естьли вы только изъ Азова города въ нощь сію вонъ не выдите, не можетъ уже завтра отъ насъ живъ быти, никто отъ васъ зло-

*) Кантакузена.

дѣевъ. А укрытися и убѣжати вамъ изъ Азова города некуды, а заступити и выручити васъ отъ руки нашея также сильныя некому. И противъ нашего царя Турскаго и такихъ великихъ и непобѣдимыхъ страшныхъ восточныхъ и полуденныхъ силъ кто стояти или битися можетъ? Подобно ему изъ царей и изъ князей величествомъ на свѣтѣ нѣсть. Токмо повиненъ онъ единому Небесному Богу, и стражъ онъ Гробу Господню, и по волѣ Божіей избра его Богъ на свѣтѣ семъ единаго, паче ото всѣхъ царей и князей земныхъ. Промышляйте въ нощь сію животомъ своимъ. И не мрите отъ руки его лютою своею вольною смертію. Онъ, царь восточной, не убійца никому вашему брату вору казаку и разбойнику; ему то царю нашему честь достойная. Побити ему людей царя Россійскаго, развѣ своей чести лишену быть. Недорога ему ваша кровь татиная и разбойничья.

А если вы уже пересѣдите въ нощь сію чрезъ цареву такую милостивую рѣчь и заповѣдь въ нашемъ Азовѣ городѣ, и внезапу пріимемъ мы заутра городъ Азовъ, а васъ татей и разбойниковъ яко птицъ въ руцѣ свои возмемъ и предадимъ васъ воровъ на муки разныя и раздробимъ плоть вашу на крошки мелкія. Хотя бы васъ всѣхъ воровъ сидѣло и сорокъ тысячъ, ино силы для васъ прислано съ пашами больше трехъ сотъ тысячъ. И волосовъ столько не будетъ на главахъ вашихъ, сколько стоитъ силы нашея подъ Азовымъ городомъ; видите вы и сами воры глупые очима своима такую силу великую и несчетную, какъ они покрыли такую степень великую, а и съ высоты очи ваши то все видятъ, сколько нашея силы подъ Азовымъ городомъ, что другаго краю силы нашей конца не видѣть. Да и то даемъ вамъ вѣдомость, что отъ царства вашего Московскаго сильнаго и грознаго никакой вамъ отъ людей не будетъ помощи, и выручити васъ некому, потому что вы у насъ взяли Азовъ городъ своимъ глупымъ воровскимъ вымысломъ, не доложась своего великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Россіи, да и запасу никакова хлѣбнаго съ Руси къ вамъ николи не пришлютъ.

А естьли вы служить похочете нашему царю Турскому, потому что ваша порода казачество Донское вольное, свирѣпое и безстрашное, пастыря и учителя надъ собою не имѣете, живете по вольности своей, принесите вину свою татиную и разбойничью и повинныя свои глупыя головы нашимъ пашамъ и полковникомъ въ повиновеніе на службу вѣчную, и за то отпуститъ вамъ царь нашъ Турской и паши его и полковники вины ваши страдничьи и не помянетъ прежнія ваши грубости и нынѣшняго взятія Азовскаго.

И пожалуетъ васъ Донскихъ казаковъ честію великою и обогатитъ васъ онъ царь нашъ Турской великимъ и несчетнымъ богатствомъ

и учинитъ вамъ казакамъ покой великой и положитъ на васъ платье златоглавое и дастъ вамъ печати богатырскія со златымъ своимъ царскимъ клеймомъ, и всякъ на васъ казаковъ и зря на платье ваше въ нашемъ царствѣ станутъ вамъ кланятися и почитать, и называть станутъ васъ Дону славнаго казаки, избранные рыцари, знатные люди, и та ваша казачья слава вѣчная въ Царѣградѣ и въ иныхъ городѣхъ будетъ въ вѣцѣ семъ, отъ Востоку и до Западу станутъ васъ казаковъ называти во вѣки всѣ орды босурманскія, Перскія и Елинскія, святорусскіе богатыри, что не устрашились отъ насъ, сѣли вы въ городѣ Азовѣ такими своими малыми людьми, только имѣете пять тысячъ людей, а такихъ страшныхъ великихъ и непобѣдимыхъ триста тысячъ силъ не боитеся. Гдѣ вы умъ свой дѣвали? Каковъ передъ вами славенъ и силенъ и многолюденъ и богатъ шахъ Кизылбашской и Персидской царь, владѣетъ онъ всею Персидою, Индіею богатою и имѣетъ у себя рати многія. И онъ не противу царя нашего Турскаго; не бываетъ того никогда же, что ему съ нами битися и въ городѣхъ и на поляхъ не отсиживаются отъ силы нашея, видя къ себѣ смиреніе наше, всегда повинуются намъ и милости у нашего царя Турскаго просятъ.

По семъ же отвѣтъ казачій изъ Азова города толмачамъ и головѣ Янычерскому.

Видимъ мы всѣхъ васъ и до сѣхъ мѣстъ мы васъ знаемъ и про васъ вѣдаемъ, силы и пыхи царя вашего Турскаго всѣ знаемъ, и видаемся мы съ вами, Турками, по-часту на морѣ и за моремъ и на сухомъ пути; давно мы васъ ждали къ себѣ въ гости подъ Азовъ городъ и егда дождались, лишь вы потеряли дни многіе, напрасно ѣдучи къ Азову городу.

Гдѣ полно Обрагимъ вашъ царь Турской умъ свой дѣлъ, или у него, царя Турскаго, не стало за моремъ злата и сребра, что онъ пріѣхалъ подъ насъ, казаковъ, для кровавыхъ нашихъ зипуновъ?

А сказываете намъ, что прислалъ четырехъ пашей да капитана, да двухъ полковниковъ, да съ ними же прислалъ для насъ Турецкія силы триста тысячъ боевыхъ людей, окромѣ мужиковъ черныхъ, да на насъ же нанялъ онъ четырехъ Нѣмецкихъ земель солдатъ шесть тысячъ, да многихъ мудрыхъ полковниковъ и далъ имъ за то казну свою великую. И то вамъ самимъ Туркомъ вѣдомо, что по сіе время никто даромъ зипуновъ съ насъ не снимывалъ. Хотя онъ Турской царь насъ взятьемъ возметъ въ Азовѣ городѣ такими своими великими силами и людьми наемными, и умомъ и разумомъ и промысломъ Нѣмецкимъ, а

не своимъ царевымъ разумомъ и храбростію, то небольшая ему почесть и хвала отъ своей братьи, отъ иныхъ окрестныхъ государствъ и земель будетъ; не изведетъ онъ тѣмъ нашего стариннаго казачьяго прозвища, и не запустѣетъ отъ того Донъ головами нашими.

И на взысканіе наше будутъ молодцы съ Дону. Тогда въ то время не убѣжати будетъ пашамъ вашимъ и капитану и полковникомъ за море. А есть ли только избавитъ Богъ отъ руки его такія сильныя, отсидимся отъ васъ въ Азовѣ городѣ отъ такихъ великихъ силъ его отъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ такими своими малыми людьми пятью тысящи, то великая срамота царю вашему отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ и земель будетъ.

А назвалъ онъ Турской царь самъ себя ото всѣхъ земныхъ царей и князей больше и честію выше и пишется стражемъ гроба Господня напрасно.

А сей городъ Азовъ строеніе благовѣрныхъ великихъ царей Греческихъ Православныя христіанскія вѣры, а не вашего босурмана царя Турскаго, а онъ завладѣлъ имъ напрасно. А мы люди Божіи, и надежда у насъ вся на Его милость и потомъ на Пречистую Богородицу и на всѣхъ святыхъ Его угодниковъ, и на свою братію товарищевъ, которые у насъ по Дону живутъ въ городкахъ: тѣ насъ выручатъ, а мы холопи природные государевы великаго государя царства Московскаго.

А прозваніе наше вѣчное казачество Донское вольное, безстрашное; станемъ мы съ нимъ, царемъ Турскимъ, биться, что̀ съ худыми свиньями, то всѣми вами и наемными вашими людьми окупимъ мы себѣ въ живота мѣсто; гдѣ бываютъ рати ваши великія, тутъ станутъ ложиться отъ нашихъ христіанскихъ рукъ трупы великіе и ваши босурманскія кости многія. А мы люди не шаха царя Персидскаго, хотя вы людей его и называете бабами и побиваете ихъ множество.

И хотя насъ казаковъ въ Азовѣ сидитъ и пять тысячъ, только за Божіею помощію не боимся силы вашея трехъ сотъ тысячъ, что прислано къ намъ и наняты на насъ Нѣмецкіе многіе люди отъ вашего босурмана царя Турскаго.

А гордому ему босурману и пашамъ, и капитану, и двумъ полковникомъ за такія ваши слова глупыя и неразумныя станетъ Богъ противиться, аки гордому Фараону и покоритъ рати ваши подъ ноги наша.

Развѣ онъ, собака смрадная, своимъ глупымъ высокоуміемъ называется и въ титлахъ своихъ неразумныхъ пишется Богомъ; и не положилъ онъ босурманъ Бога помощника себѣ, по упова на тлѣнное богатство свое, вознесяся бо сатана отецъ его гордостію своею до небесъ, и опусти его Богъ за то съ высоты въ бездну во вѣки, а отъ

нашея казачьи руки малыя срамота будетъ царю вашему Турскому вѣчная.

Гдѣ рати великія стоятъ, и тутъ въ поляхъ у насъ ревутъ медвѣди и волки, и всякіе звѣри многіе, и тутъ за утро лягутъ отъ рукъ нашихъ подъ городомъ многія тысячи людей вашихъ, и многіе же трупы и головы ваши объявятся на съѣденіе всякихъ звѣрей и птицъ, и покажетъ насъ вамъ Богъ за наше смиреніе и правду и кротость передъ вами, собаками, аки львовъ яростныхъ.

Давно у насъ въ поляхъ нашихъ летаютъ орлы и играютъ враны черные и всякія птицы кровоядныя, подлѣ рѣки Дону, и дожидаются на съѣденіе и на пищу плоти вашея, и всегда бѣгаютъ звѣри дикіе, медвѣди и волцы и лисицы, ожидающе на прокормленіе себѣ головъ и трупу вашего.

А прежде сего тому пятой годъ, какъ мы взяли сей Азовъ городъ, и тогда тѣ же всякія птицы слетались и звѣри дикіе сбѣжались на ваши босурманскія плоти побитыя, на кормленіе и на пищу себѣ. А нынѣ мы вашими босурманскими головами и трупомъ накормимъ тѣхъ же всякихъ кровожадныхъ птицъ и всякихъ звѣрей дикихъ до сытости на многія времена, и нынѣ имъ того же хочется.

А вѣдь мы Азовъ городъ взяли напередъ сего въ лѣто 7145-е у вашего царя Турскаго не татинымъ и не разбойнымъ промысломъ, въ день, а не ночью, дородствомъ и разумомъ своимъ, взятьемъ бьючися съ вами съ поганцы съ лица на лицо, не бояся и не страшася великія силы вашея впредъ для опыту, каковы царя вашего Турскаго въ городѣхъ люди сидятъ.

А нынѣ мы бѣдные сѣли отъ васъ въ осадѣ въ Азовѣ городѣ малыми людьми, раздѣляясь нарокомъ надвое, для опыту же смотрѣти Турскихъ вашихъ разумныхъ умовъ и промысловъ.

А все то мы примѣняясь къ Іерусалиму и къ Царюграду, хочется намъ такъ взять у васъ Царьгородъ. А то государство было христіанское прежнихъ великихъ благочестивыхъ царей Греческихъ строеніе, а не вашего босурмана царя Турскаго. Да вы же насъ босурманы пужаете и грозите намъ, что съ Руси къ намъ не будетъ и не пришлютъ никакихъ запасовъ и изъ царства Московскаго никакихъ къ намъ воинскихъ людей на помощь не будетъ же; про то мы и сами вѣдаемъ и безъ васъ и о томъ и о всемъ къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Россіи къ Москвѣ писано.

Какіе будто мы на Руси люди надобные и дорогіе!

Мы въ Московскомъ государствѣ ничѣмъ не надобны и не годны, и такую очередь мы за собою знаемъ и вѣдаемъ подлинно.

То государство Московское великое и пространное и многолюдное сіяетъ посреди всѣхъ государствъ и земель и ордъ босурманскихъ и Елинскихъ и Персидскихъ аки солнце.

И не почитаютъ насъ бѣдныхъ на Руси ничѣмъ и ненавидятъ насъ аки псовъ смрадныхъ, потому что отбѣгохомъ мы изъ того государства Московскаго и изъ иныхъ его государевыхъ розныхъ городовъ отъ неволи и налога, изъ работы и изъ холопства вѣчнаго и отъ неволи великія, отъ его государевыхъ князей и бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ Московскихъ и всякихъ городовыхъ приказныхъ людей. Да здѣ вселились въ пустыни непроходимыя, токмо взираемъ на Бога и на всѣхъ святыхъ Его угодниковъ.

Кому о насъ бѣдныхъ въ Московскомъ государствѣ потужить или порадѣть? Всѣ князи, и бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе Московскаго чину и разныхъ городовъ приказные люди концу и смерти и погибели нашей рады; а запасы хлѣбные съ Руси къ намъ николи не бываютъ, кормитъ насъ Богъ молодцовъ на полѣ Своею милостію, звѣрьми дикими, да морскою рыбою питаемся, яко птицы небесныя ни сѣемъ, ни оремъ, ни въ житницы собираемъ, а сыти бываемъ. Тако мы бѣдные питаемся подлѣ синяго моря.

А сребро и злато емлемъ мы у васъ за моремъ, то вамъ и самимъ вѣдомо.

А жены себѣ красныя выбираемъ у васъ же, уводимъ изъ Царяграда и у женъ вашихъ дѣтей вмѣстѣ приживаемъ съ вами.

А се мы взяли у васъ Азовъ городъ своею волею, а не государевымъ повелѣніемъ для казачьихъ зипуновъ своихъ и для лютыхъ пыховъ вашихъ, и за то на насъ, холопей своихъ дальнихъ, великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ вельми кручинится, и мы бѣдные за то отъ него великаго государя за взятіе Азовское боимся казни смертныя.

А онъ государь нашъ царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи многихъ государствъ и ордъ государь и обладатель.

И есть у него государя въ вѣчномъ его холопствѣ такихъ босурманскихъ царей не одинъ, и служатъ ему, государю, въ таковужъ пору, каковъ и Обрагимъ вашъ царь Турской; только онъ, государь нашъ великій и пресвѣтлый, чинитъ по преданію святыхъ Апостоловъ и святыхъ отецъ и не желаетъ пролити босурманскихъ кровей вашихъ.

И такъ онъ, государь нашъ, богатъ отъ Бога данными своими оброки и безъ вашего босурманскаго смраднаго богатства. Есть-ли бы было на то его государево повелѣніе такое, восхотѣлъ бы онъ, великій государь, пролити крови вашей, и разоренія бъ вашего босурманскаго желалъ, и хотябъ онъ на васъ на всѣхъ босурманъ велѣлъ вой-

ною идти одной своей украинѣ, которые живутъ у него государя отъ поля орды Нагайскія, ино бы и тутъ собралось государевыхъ людей больше легіона тысячи людей его украинныхъ, такіе его государевы люди Русскіе украинцы, подобны и алчны на васъ за ваше разореніе и полонное терпѣніе, яко львы яростные хотятъ поглотити васъ и живу плоть вашу босурманскую поясть. Да держитъ ихъ и не повелитъ имъ великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи. И на то его десница государская.

А въ городѣхъ, во всѣхъ, подъ его государевымъ страхомъ смертнымъ, держатъ ихъ повелѣніемъ государевымъ бояре и воеводы.

И не укрылся бы вашъ Обрагимъ Турской царь отъ руки его государевы и отъ десницы его высокія, и море бы синее не удержало людей его. Были бы за нимъ государемъ однѣмъ лѣтомъ Іерусалимъ и Царьградъ по прежнему благочестивыхъ царей. А въ городѣхъ бы Турецкихъ во всѣхъ не устоялъ бы и камень на камени отъ разуму и промыслу людей его государевыхъ. Да вы же насъ зовете словомъ царя Турскаго, чтобъ намъ жить за нимъ и служить ему царю Турскому, а сулите намъ отъ него царя Турскаго честь великую и богатство многое. А мы люди Божіи, а холопи государя царя Московскаго, а всѣ нарицаемся по крещеніи христіане. Како служити намъ мочно царю вашему невѣрному, оставя нынѣшній свѣтъ и идти во тьму кромѣшную?

Буде мы отсидимся въ Азовѣ городѣ отъ такихъ силъ его великихъ, и тогда побываемъ у него и за моремъ подъ его Царемъ-городомъ и посмотримъ его Царя-града строемъ кровей вашихъ. Тамъ съ нимъ царемъ Турскимъ съ самимъ переговоримъ рѣчь всякую. Лишь бы ему наша казачья рѣчь полюбилась.

А станемъ мы ему служить и радѣть всѣми своими молодецкими головами надъ его и надъ всѣми его людскими головами съ пищальми казачьими, да своими саблями вострыми. А тепере намъ съ вами и говорить не съ кѣмъ, съ пашами вашими.

А какъ напередъ сего учинили вы надъ Царемъ-городомъ, а взяли вы его взятьемъ и убили вы царя Греческаго православныя христіанскія вѣры Константина Ивановича благовѣрнаго и побили вы въ томъ Царѣ-градѣ христіанъ тьмы и тысячи многія, обагрили вы кровію нашею христіанскою всѣ пороги церковные и искоренили до конца вѣру христіанскую: такобы и нынѣ намъ учинить надъ всѣми вами и собрався взять бы намъ Обрагима царя вашего Турскаго и убить бы тако же, какъ и вы убили благовѣрнаго царя Греческаго Константина Ивановича, и принять бы намъ Царь-городъ со всѣми вами босурманы,

и пролить бы вашу кровь нечистую. Тогда у насъ съ вами и миръ на томъ мѣстѣ поставится.

А нынѣ намъ съ вами и говорить нечего: что̀ мы у васъ слышали, то мы все твердо знаемъ.

А что вы отъ насъ слышите, и то все скажите рѣчь нашу пашамъ и капитану и полковникамъ своимъ. А мириться или вѣриться намъ съ вами никоими дѣлы не мочно; понеже бо христіанину съ босурманомъ нѣсть согласія. Христіанинъ побожится душою христіанскою, и на той онъ правдѣ стоитъ во вѣки. А вашъ братъ босурманъ побожится вѣрою босурманскою, ино все лжетъ. А вѣра ваша босурманская равна бѣшеной собакѣ. Ино чему вашему брату и вѣрить?

Рады мы васъ за утро потчивать, чѣмъ у насъ въ Азовѣ Богъ случилъ. Поѣдьте къ своимъ глупымъ пашамъ не мѣшкая. А впредъ къ намъ опять съ такою своею глупою рѣчью не ѣздите, а манить вамъ насъ лише дни терять.

А кто отъ васъ къ намъ впредъ съ такою глупою неразумною рѣчью пріѣдетъ, и тому отъ насъ подъ стѣною города Азова быть убитому.

Промышляйте вы тѣмъ, для чего вы къ намъ подъ Азовъ городъ отъ царя Турскаго присланы. А мы у васъ Азовъ городъ взяли головами своими молодецкими немногими людьми. А вы его у насъ изъ рукъ нашихъ казачьихъ доступайте головами своими Турецкими многими своими тысячи, и кому то у насъ на бою поможетъ Богъ. Потерять вамъ подъ Азовымъ городомъ Турецкихъ своихъ головъ многія тысячи, а не видать его вамъ изъ рукъ нашихъ казачьихъ и до вѣку, что̀ ушей своихъ.

Развѣ его отыметъ у насъ, холопей своихъ дальнихъ, великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи, да васъ тѣмъ городомъ Азовомъ пожалуетъ, тогда уже въ то время будетъ вамъ на то его государская воля.

*

И какъ отъ Азова города голова и толмачи поѣхали въ силы своя Турецкія къ пашамъ и къ капитану и къ полковникамъ и сказали нашъ отвѣтъ во всѣхъ полкѣхъ, и у нихъ въ то время замѣшались во всѣхъ полкѣхъ всѣ воинскіе люди. И почали въ трубы трубить великія собрався всѣ, а послѣ собранія той трубли стали бить въ грама̀ты свои великія и въ набаты и трубить въ роги и свирѣли, и въ цыбызги учали играть жалостнымъ обычаемъ.

А то все знатно, что готовятся къ приступу на взятіе града Азова, а у пѣхоты ихъ у всѣхъ солдатскихъ и Янычерскихъ головъ въ полкѣхъ ихъ потихоньку въ барабаны бьютъ.

Разбираючи они въ полкѣхъ своихъ и строились ночь всю до свѣта. И какъ на дворѣ уже часъ дни.

Потомъ же почали выступать изъ становъ своихъ Турецкихъ, знамена ихъ разцвѣли и препоры на поле, какъ есть стали цвѣты многіе различные, и отъ трубу и отъ набатовъ ихъ великихъ пошелъ неизрѣченной визгъ, дивенъ и страшенъ вельми приходъ ихъ къ намъ подъ Азовъ городъ, никогда нигдѣ такова приходу мы не видали, и страшнѣе быть нельзя.

Первой приходъ ихъ къ намъ подъ городъ, пришли къ намъ къ приступу Нѣмецкіе два полковника съ солдатами, а за ними пришелъ строй весь пѣхотной Янычерской, а въ тѣхъ полкѣхъ сто пятьдесятъ тысячъ людей воинскихъ.

Потому мы знаемъ, что напередъ сего и отъ роду ихъ на приступъ весь пѣхотный строй къ городамъ нигдѣ не хаживали.

Толь смѣло и жестоко приходъ къ городу Азову. Перво приклонили они знамена свои всѣ и покрыли нашъ весь Азовъ городъ.

И почали сѣчь топорами и кирками желѣзными городовыя стѣны и башни. А на стѣны града пошли по лѣстницамъ, хотѣли насъ взять того же часу перваго своими многими несказанными силами.

И въ то время пошла у насъ стрѣльба на нихъ осадная изъ города. А до тѣхъ мѣстъ мы имъ все молчали, а во огни и въ дыму немочно у насъ другъ друга видѣти на обѣ стороны. Лише громъ стоялъ отъ стрѣльбы ихъ огненной, да дымъ топился до небесъ. Какъ есть стояла страшная и грозная туча, когда бываетъ съ небесъ громъ съ молніею.

И которые у насъ подземные подкопы отведены были за городъ напередъ сего для ихъ приступнаго времени, и тѣ наши подкопы отъ множества ихъ неизрѣченныхъ силъ и отъ бросанія многаго людскаго не устояли и не удержались, всѣ обвалились, и на тѣхъ пропастяхъ подкопныхъ побито отъ насъ, Донскихъ казаковъ, Турецкія ихъ собранныя силы многія тысячи; на тѣ подкопы приведенъ у насъ былъ весь снарядъ и набитъ былъ у насъ, казаковъ, дробью желѣзными усѣчками. И убито ихъ Турскихъ людей отъ насъ, Донскихъ казаковъ, подъ стѣною города на томъ первомъ приступѣ въ тотъ первой день, шесть головъ Янычерскихъ, да два наемныхъ Нѣмецкихъ полковника со всѣми ихъ солдатами шестію тысячи.

Да въ тотъ же первой день, на томъ же первомъ приступѣ, взяли мы у нихъ на вылазкѣ большое знамя царя ихъ Турскаго съ клеймомъ его, а паши его и полковники перво приступали всѣми силами въ самой первой день и до самой ночи и зарю всю вечернюю. И въ то время, въ тотъ первой день, убито ихъ отъ насъ, Донскихъ казаковъ, подъ городомъ Азовымъ, окромѣ шести головъ Янычерскихъ и

двухъ Нѣмецкихъ наемныхъ полковниковъ, однѣхъ Янычеръ двадцать три тысячи, окромѣ раненыхъ; оклали мы, Донскіе казаки, кругъ города выше пояса.

На другой же день, на зарѣ вечерней, прислали къ намъ Турки подъ городъ толмачей своихъ, чтобы имъ дать отобрать побитой ихъ трупъ, которой побитой отъ насъ, Донскихъ казаковъ, подъ стѣною Азова города. А давали намъ за всякую убитую голову Янычерскую по золотому червонному, а за головъ и за полковниковъ давали по сту тарелей серебреныхъ.

И воины наши за то не постояли, не взяли у нихъ за убитыя ихъ головы ничего: ни сребра, ни злата, а сказали имъ казаки Донскіе, что не продаемъ убитаго трупу мертваго николиже. Не дорого намъ сребро ваше и злато, дорога намъ слава вѣчная. То вамъ сабакамъ изъ Азова города отъ насъ, Донскихъ казаковъ и молодцовъ, игрушка первая. Лише мы молодцы, Донскіе казаки, оружіе свое прочистили, а еще вы только станете приступать къ Азову городу, и тогда вамъ всѣмъ босурманамъ Турскимъ тоже будетъ, а инымъ намъ васъ ничемъ потчивать: дѣло у насъ нынѣ осадное.

И въ томъ другой день бою у насъ никакова съ ними не было. Потому отбирали они отъ города своихъ побитыхъ людей цѣлой день до вечера. И выкопали они ямы великія тому своему побитому трупу и большіе рвы выкопали отъ города за три версты и засыпали ихъ горою высокою и поставили надъ ними признаки многіе разные босурманскіе. И подписали надъ ними языки своими многими разными.

И послѣ того, въ третій день, опять къ намъ они, невѣрные Турки, подъ Азовъ городъ пришли со всѣми своими босурманскими силами, только стали уже вдали отъ насъ, чтобы ружье наше съ города ихъ не взяло. А приступу къ намъ отъ нихъ никакова не было.

Почали ихъ люди пѣшіе въ тотъ день гору вести высокую, земляной валъ великой выше многимъ Азова города.

И тою горою высокою хотѣли насъ въ Азовѣ городѣ своими великими силами Турецкими покрыть всѣхъ, а вели они къ намъ тоё гору къ Азову городу три дни безпрестанно работая.

И мы, бѣдные, видя надъ собою такое ихъ злое умышленіе и погибель свою вѣчную, что отъ той горы будетъ наша смерть лютая, и мы бѣдные, попрося отъ Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи, и у Предтечева образа, и призывая на помощь чудотворцы Московскіе, и учиня мы межъ себя надгробное прощеніе и цѣлованіе другъ съ другомъ и со всѣми православными христіаны, малою своею дружиною пятію тысящію пошли къ нимъ изъ града на прямой бой противу трехъ сотъ тысячъ и глаголаху другъ съ другомъ: Господь,

Сотворитель небу и земли, не выдай насъ нечестивымъ симъ созданія рукъ Своихъ. Видимъ отъ нихъ сильныхъ предъ лицемъ смерть свою лютую и горькую. Хотятъ насъ живыхъ покрыть горою высокою, видя пустоту нашу и безсиліе наше, что насъ въ пустынѣхъ покинули всѣ христіане православные, убояся лица ихъ страшнаго и грознаго, и великихъ ихъ Турецкихъ силъ. А мы бѣдные не отчаемся къ себѣ Твоея Владычныя милости, вѣдая Твои щедроты великія за Твоею Божіею помощію, за вѣру христіанскую умираючи, бьемся противу большихъ такихъ людей трехъ сотъ тысящъ, за церкви Божія и за все государство Московское и за имя царское. Положа мы на себя образы смертные, выходили мы къ нимъ на бой единодушно.

Крикнули на бою, вышедъ къ нимъ, великими гласы: съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Невѣрные же заслышали изъ устъ нашихъ таково слово. И не устоялъ впрямь отъ насъ ни единъ человѣкъ противу лица нашего, всѣ побѣжали отъ горы нашея высокія.

И въ то время, вышедъ, побили ихъ на вылазкѣ многія тысячи. Да взяли у нихъ въ тоже время на той же вылазкѣ и на томъ же бою у той горы знаменъ однѣхъ шестнадцать тысячъ Янычерскихъ, да двадцать восемь бочекъ пороху.

И тѣмъ мы ихъ порохомъ, подкопався подъ ту ихъ гору высокую, разбросали всюду побитую ихъ силу Турецкую множество, многія тысячи, и къ намъ въ городъ Янычеръ тѣмъ нашимъ подкопнымъ порохомъ живыхъ къ намъ кинуло тысячу четыреста человѣкъ.

Послѣ же сего времени мудрость ихъ земляная миновалася. Повели уже къ намъ они другую гору позади тоѣ горы больше ея въ длину три лучныя стрѣльбища, а въ вышину многимъ выше Азова города, а ширина той горѣ какъ мочно дважды каменемъ бросить. На той же горѣ поставили они весь снарядъ свой пушечной и пѣхоту Турецкую привели и орду всю свою Нагайскую поставили на той же горѣ и почали съ той горы изъ снаряду бить день и нощь безпрестанно по Азову городу.

И отъ ихъ пушечной стрѣльбы страшной громъ стоялъ и огонь и дымъ топился отъ нихъ до небесъ.

И били по городу изъ того снаряду день и нощь безпрестанно шестнадцать дней и шестнадцать нощей.

Ни на единой часъ въ то время и дни и нощи покоя намъ не было, и отъ стрѣльбы ихъ пушечной всѣ наши Азовскія крѣпости потряслись, и стѣны, и башни, и церковь Іоанна Предтечи и палаты всѣ до единой сбиты по подошвѣ самой.

И снарядъ нашъ пушечной весь переломали. Одна лишь у насъ въ Азовѣ городѣ во всемъ осталась въ полы церковь Николы Чудотворца. Потому что она стояла въ лугу добрѣ къ морю подъ гору.

А мы въ то время сидѣли отъ нихъ по ямамъ, выглянуть намъ не дадутъ. И мы въ тѣ поры сдѣлали себѣ покои великіе въ землѣ, подъ ихъ валъ дворы себѣ покойные сдѣлали, и изъ тѣхъ мы своихъ дворовъ подвели подъ ихъ таборы двадцать восмь подкоповъ, и тѣми мы подкопами учинили себѣ помощь и избаву великую, выходили нощью по рву на ихъ пѣхоту Янычерскую и побивали мы ихъ тамъ множество. И тѣми мы своими подкопами, вылазками на ихъ пѣхоту Турецкую, положили мы великой страхъ, и уронъ большой учинили мы въ людѣхъ ихъ.

И послѣ того паши ихъ Турецкіе, смотря на наши подкопные мудрости и осадные промыслы, повели уже они напротивъ къ намъ изъ своихъ босурманскихъ таборовъ семнадцать подкоповъ; хотѣли они тѣми подкопами придти въ ямы наши и подавить насъ тѣми своими подкопами и многими своими людьми. Мы же Божіею милостію и молитвами и заступленіемъ всѣхъ святыхъ Его угодниковъ устерегли тѣ всѣ ихъ подкопныя мудрости и своего пороху противъ ихъ подкоповъ положили и вывели изъ Азова города свои подкопы противъ ихъ подкоповъ и тѣмъ своимъ порохомъ вырвало многіе ихъ подкопы и засыпало землею многихъ Турецкихъ людей, и въ то время вышедъ мы бѣдные изъ Азова города, побили у нихъ людей многія тысячи и до самыхъ большихъ ихъ таборовъ прогнали, и съ тѣхъ мѣстъ подкопныя ихъ мудрости миновались; а было къ намъ отъ Турковъ къ Азову городу двадцать четыре приступа всѣми ихъ людьми, окромѣ большого ихъ перваго приступу.

Такова жестока и смѣла приступу къ намъ не бывало, что̀ нынѣ въ послѣдній приступъ на городовой стѣнѣ, поводясь съ ними, ножами рѣзались и едва со стѣны града ихъ сбили.

И почали уже они на насъ метать, въ ямы наша, ядра огненныя чиненыя и всякія Нѣмецкія приступныя и вымышленныя мудрости. Тѣмъ они намъ, сидя въ Азовѣ городѣ, чинили поруху и тѣсноту великую пуще перваго приступу. И побили и опалили насъ тѣми огненными зажигательными ядрами многихъ людей.

И послѣ тѣхъ ядеръ огненныхъ и зажигательныхъ, вымысля надъ нами бѣдными немногими людьми умомъ своимъ и разумомъ и вымысломъ и мудростію Нѣмецкою, и покинули иныя всякія мудрости Нѣмецкія и зажигательныя огненныя ядра, все оставили. И почали они насъ осиловать тѣмъ и доступать насъ прямымъ ручнымъ своимъ боемъ и силами своими великими. Почали они къ намъ на приступъ посылать на всякой день людей своихъ по десяти тысячь.

Тѣ люди приступають къ намъ къ Азову городу въ день до вечера, а къ нощи пріидуть на перемѣну другія десять тысячъ. И приступають всю нощь и не дадуть намъ отдохнуть ни въ день, ни въ нощь; они бьются съ перемѣною день и нощь, чтобы насъ тою истомою осиловать, а намъ бѣднымъ перемѣнится не кѣмъ, бьемся все одни съ ними, и отъ таковаго ихъ злаго промыслу и вымысла Нѣмецкаго и отъ своего безсонія и отъ тяжелыхъ ранъ своихъ и отъ всякихъ лютыхъ злыхъ и прискорбныхъ нуждъ осадныхъ отягчѣли и заскорбѣли.

И отъ духу смраднаго побитаго трупу многіе заскорбѣли, поцынжали мы бѣдные, сидя въ осадѣ въ Азовѣ городѣ, въ то время отчаявъ своего живота. И выручки намъ и помочи ни отъ какихъ людей, ни отъ кого нѣтъ. Только себѣ и чаемъ помощь отъ Вышняго Бога и отъ Пречистыя Богородицы и отъ всѣхъ святыхъ Его угодниковъ. Токмо пріидемъ мы бѣдные къ образу святаго славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна. И расплачемся предъ святымъ его образомъ съ горькими слезами и глаголемъ предъ образомъ его:

О Великій, святый, славный Пророче и Предтече Крестителю Господень Іоанне! Заступи и помилуй насъ грѣшныхъ и непотребныхъ рабовъ своихъ отъ таковаго босурманскаго нашествія и отъ горькія напрасныя смерти; разорили мы гнѣздо ихъ змѣиное, взяли мы весь Азовъ городъ и побили мы въ немъ мучителей и зловѣрцовъ всѣхъ христіанскихъ душъ нашихъ и идолослужителей богоотметныхъ еретиковъ. И очистили мы и украсили пресвѣтлый храмъ и святый его образъ, великаго и славнаго въ чудесѣхъ Николы Чудотворца и иные въ томъ святомъ храму многіе святые образы отъ своихъ грѣшныхъ и недостойныхъ рукъ; а безъ пѣнія у насъ и по се время ваши святые Божіи никогда не бывали, прогнѣвали насъ святыхъ, что идете отъ насъ въ руцѣ беззаконныхъ и невѣрныхъ босурманъ; ни откуду помощи не надѣемся, токмо на васъ, великихъ святителей и учителей великихъ.

И сидя въ осадѣ, оставя всѣхъ своихъ товарищевъ, а нынѣ видимъ мы отъ нихъ поганыхъ смерть и мученіе горькое.

Поморили насъ безсоніемъ; четырнадцать дней и четырнадцать нощей съ ними уже безпрестанно мучимся, уже наши ноги подъ нами подогнулися и руки наши оборонныя уже служить замертвѣли. А уста наши и не глаголють отъ безпрестанныя стрѣльбы пушечныя и пищальныя. Глаза наши, по нихъ поганыхъ стрѣляючи, порохомъ выжгло. Языкъ нашъ въ устахъ нашихъ на нихъ, поганыхъ босурманъ, закричати не можетъ. Такое стало безсиліе и неможеніе, что не мо-

жемъ въ рукахъ своихъ держати никакого оружія. Почитаемъ мы нынѣ себя за мертво; съ два часа уже не будетъ въ городѣ Азовѣ сидѣнія нашего.

Нынѣ мы бѣдные разставалися со всѣми святыми церкви и съ образы Божіи и всѣхъ святыхъ Его угодниковъ и со всѣми православными христіаны.

Уже не бывать намъ впредъ на Святой Руси и не видать царства Московскаго и его государевыхъ многихъ городовъ! Нынѣ приспѣ смерть наша скорая грѣшничья въ пустынѣхъ сихъ, за наши иконы чудотворныя и за вѣру христіанскую и за имя царское и за все христіанство Московское.

И почали уже мы бѣдные прощатися. Простите насъ грѣшныхъ и непотребныхъ рабовъ своихъ, великій государь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи и вели помянуть души наши грѣшныя. Простите всѣ патріархи вселенскіе, простите всѣ митрополиты, архіепископы и епископы и архимандриты и игумены и весь священническій чинъ, протопопы и діаконы. Простите пустынные жителіе и затворницы мнашескаго чину и всякаго возрасту, которые Христа ради въ пустынѣхъ скитающеся и въ горахъ и въ пропастѣхъ земныхъ. Простите всѣ православные христіане и помяните души наши грѣшныя со всѣми нашими родители: не позоръ мы, бѣдные, учинили всему государству Московскому. Простите насъ лѣса темные и дубравы зеленыя, простите насъ поля чистыя и тихія заводи. Простите насъ, море синее и тихой Донъ Ивановичъ. Уже намъ по тебѣ, атаману нашему, съ грознымъ своимъ войскомъ не ѣздити и дикова звѣря въ чистомъ полѣ не стрѣливати и въ тихомъ Дону Ивановичѣ рыбы не лавливати.

И такъ мы казаки, отчаявъ животъ свой и простяся со всѣми православными христіанами, на утренней зарѣ ожидали мы себѣ еще приступу и смерти горькія и лютыя отъ тѣхъ невѣрныхъ бусурманъ, отъ Обрагима царя Турскаго и отъ его собранія сильнаго.

И какъ уже на дворѣ часъ дни, а отъ нихъ къ намъ приступу нѣтъ.

И мы, бѣдные, попрося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы, скорыя помощницы и теплыя заступницы, и заступленія у святаго славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна, пошли мы къ нимъ изъ города Азова на ихъ таборы Турецкіе.

И намъ бѣднымъ и томленнымъ и скорбнымъ и раненымъ людемъ показалась льгота и бодрость великая, и страхъ и трепетъ отойде отъ насъ. И видѣхомъ мы, что по таборамъ стоятъ Турки и Янычаря. И увидя они насъ, что идемъ къ нимъ противу ихъ, не боясь и не страшась силъ ихъ великихъ и въ похвальбѣ ихъ не пособилъ имъ насъ взять взятьемъ въ Азовѣ городѣ. Покиня они всѣ свои таборы

Турецкіе, побѣжали отъ насъ къ морю къ своимъ кораблямъ и каторгамъ, видя они отъ насъ къ себѣ свою погибель и страхъ великой отъ нашея руки малыя.

И мы бѣдные, надѣяся на свои руки оборонныя и на ноги подломенныя, не надѣялись мы бѣдные на свою силу, только и чая и ожидая себѣ и прося у Бога милости и у Пречистыя Его Богоматери и у всѣхъ святыхъ Его угодниковъ и у Предтечева образа.

И крикнули мы бѣдные на ихъ Турецкіе таборы. Ажно милостію Божіею по таборамъ ихъ только одни огни горятъ, а людей ихъ никого не бывало, всѣ заранѣе отъ страха нашего побѣжали къ синему морю къ кораблямъ своимъ, чтобы имъ уйти отъ насъ за синее море.

И мы, бѣдные, надѣясь на Вышняго Бога, пошли въ походъ за ними. Ажно они садятся въ свои корабли и каторги и бусы. И мы крикнули на ихъ каторги и которые были на сухомъ берегу, и они, не взвидя другъ друга, стали метаться на корабли и бусы и каторги, и въ то число на томъ сухомъ берегу побили много, а больше того, метався на струги, потонули въ морѣ.

Паши же ихъ съ Турками отошли отъ насъ отъ Азова города съ великою скорбію, не со многою Турецкою силою ушли за синее море въ Царьградъ. Только языки говорятъ, которые у нихъ на бояхъ и на вылазкахъ отъ насъ Донскихъ казаковъ взяты: только ушло ихъ изъ подъ Азова города за море пятдесятъ тысячъ. А вашему босурману царю Турскому отъ нашея руки малыя и отъ казачества Донскаго вольнаго срамота стала и укоръ и безчестіе вѣчное ото всѣхъ земель и отъ царей и королей. А нашему православному царю государю великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Россіи слава и похвала вѣчная во всѣ орды босурманскія и Елинскія.

А нашему атаману Науму Васильевичу и ясаулу Ѳедору Ивановичу и всѣмъ Донскимъ казакамъ, грознымъ и страшнымъ, слава и похвала вѣчная. Аминь.

(Сообщено А. А. Карасевымъ).

Извѣстно, что Донскіе казаки овладѣли Азовомъ и предали казни Ѳому Кантакузена, ѣхавшаго посломъ отъ Турецкаго султана къ царю Михаилу Ѳедоровичу. Турки явились отнимать назадъ Азовъ и должны были уйти назадъ. Царь не хотѣлъ начинать войну съ Турками, и по рѣшенію бывшаго тогда въ Москвѣ земскаго собора Азовъ былъ имъ возвращенъ. П. Б.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА-ВИЛЕНСКАГО.

Всеподданнѣйшая записка о нравственномъ положеніи Могилевской губерніи и о способахъ сближенія оной съ Россійскою Имперіею *).

Не распространяясь о необходимости нравственнаго сближенія Бѣлоруссіи съ Россійскою Имперіей и той степени отдаленія, которая еще и понынѣ между оными существуетъ, я обращаюсь къ тѣмъ главнымъ недостаткамъ и препонамъ (извлеченнымъ изъ внимательнаго наблюденія губерніи, управленію моему ввѣренной), отстраненіе коихъ могло бы, по мнѣнію моему, ускорить исполненіе благодѣтельнаго великаго намѣренія Вашего Императорскаго Величества. Не смѣю входить въ подробное разсмотрѣніе причинъ, по которымъ край сей, издревле коренной Русскій, понынѣ, послѣ болѣе 50 лѣтняго нахожденія онаго подъ правленіемъ Россіи, еще отчасти чуждъ оной, когда большею частью населеніе Бѣлоруссіи было коренное Русское, кромѣ помѣщиковъ, которые суть пришельцы и число коихъ весьма ограничено.

Также не менѣе удивляться должно тому, что вѣра Православная, издревле здѣсь водворенная, теперь подъ владычествомъ Россіи не токмо что не распространяется, но напротивъ того, пришельцы - Католики постепенно увеличили свое вліяніе, и что Унитское исповѣданіе, введенное Римскимъ духовнымъ правительствомъ для удобнѣйшаго увлеченія изъ Православія въ Католицизмъ, во время Россійскаго управленія симъ краемъ совершенно сблизилось къ настоящей цѣли своего учрежденія и служитъ нынѣ дѣйствительнымъ преддверіемъ къ безвозбранному переходу въ Католицизмъ, совершенно удалясь даже въ наружныхъ своихъ обрядахъ отъ коренныхъ постановленій; что Католическое монашествующее духовенство, признанное во многихъ Католическихъ земляхъ для правительствъ вреднымъ, въ Бѣлоруссіи имѣетъ толикія привилегіи, управляя мнѣніемъ дворянства, получивъ сверхъ того право быть источникомъ всего Бѣлорусскаго просвѣщенія; и наконецъ, что край сей при всемъ своемъ маломъ образованіи весьма мед-

---

*) Писано 22 Декабря 1830 г., вслѣдъ за началомъ Польскаго мятежа, въ бытность М. Н. Муравьева Гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ. П. Б.

ленно духомъ сближается съ Россіей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже отъ оной отдаляется; какъ, напротивъ того, въ первые годы присоединенія, принятыми мѣрами правительства оный быстро къ сему сближенію стремился, что̀ ясно усмотрѣть можно даже изъ направленія тогдашняго производства дѣлъ, которое постепенно, настаиваніемъ намѣстниковъ, сближалось къ Россійскому порядку, и судныя дѣла, не взирая на то, что Литовскій Статутъ не былъ уничтоженъ, весьма часто производились на Русскомъ языкѣ и Россійскимъ порядкомъ, когда, напротивъ, съ 1796 г. и нынѣ, производство по Польскому порядку умножилось.

Можетъ быть, правительство имѣетъ на сіе свои причины, которыя частному начальнику не должны быть извѣстны; однакоже, какъ вѣрноподданный Вашего Императорскаго Величества, пекущійся о всемъ, что̀ можетъ быть полезнымъ славѣ августѣйшаго престола Вашего, не смѣю скрыть своего мнѣнія, основаннаго на внимательномъ болѣе двухъ лѣтъ управленіи Могилевскою губерніей, что правительству необходимо принять скорыя, рѣшительныя и самостоятельныя къ сему сближенію мѣры, до чего нынѣ еще достигнуть можно безъ большого затрудненія; со временемъ же, по мѣрѣ большей образованности обывателей, сіе можетъ быть сопряжено съ нѣкоторыми препятствіями. Способы къ достиженію сказанной цѣли, по мнѣнію моему, должны состоять:

I. Въ принятіи мѣръ къ возвышенію Православія и отстраненію тѣхъ недостатковъ, которые въ управленіи онаго въ Бѣлоруссіи нынѣ встрѣчаются.

а) Необходимо имѣть въ Бѣлоруссіи епископа просвѣщеннаго, дѣятельнаго, духомъ и дѣйствіями кроткаго, увлекающаго своими нравственными и умственными способностями, отнюдь не поражая умовъ и мнѣній крутыми и рѣзкими дѣйствіями.

б) Должно особенное обратить вниманіе на составъ, образованіе и нравственность Греческаго духовенства, ибо оное обстоятельствами поставлено среди владѣльцевъ исповѣданія Католическаго, съ удовольствіемъ ищущихъ случаевъ порицанія и униженія онаго.

в) При всей попечительности епархіальнаго начальства къ посвященію достойныхъ священниковъ, много остается приходовъ, въ которыхъ не имѣется комплекта. Я полагалъ бы полезнымъ, чтобы мѣста сіи отчасти замѣщались духовенствомъ, образованнымъ въ Россіи, чѣмъ самымъ со временемъ преобразовался бы духъ въ Бѣлоруссіи рожденнаго и воспитаннаго духовенства, невольнымъ образомъ несущаго отпечатокъ обычаевъ и мнѣній края.

г) По бѣдности поселянъ и иновѣрію владѣльцевъ, нисколько не участвующихъ въ поддержаніи священниковъ, живущіе въ деревняхъ находятся по большей части въ весьма бѣдномъ положеніи и въ нрав-

ственномъ своемъ быту не соотвѣтствуютъ важности своего званія; въ Бѣлоруссіи же болѣе нежели въ другихъ областяхъ государства должно обратить вниманіе на сей важный предметъ, а въ особенности на нравственность духовенства. Но до сего достигнуть невозможно безъ нѣкоторыхъ пожертвованій; ибо безъ особыхъ выгодъ никто изъ священниковъ, въ Россіи образованныхъ, не согласится принять мѣсто въ Бѣлоруссіи, какъ между тѣмъ сіе совершенно необходимо.

д) По той же самой причинѣ и церкви Православныя худо поддерживаются, и не соблюдается въ оныхъ должнаго благолѣпія; въ нѣкоторыхъ даже городахъ оныхъ вовсе не имѣется. Извѣстно, что помѣщики Римскаго исповѣданія не могутъ имѣть усердія къ поддержанію церквей Православныхъ, а поселяне по бѣдности своей не могутъ оказать никакого пособія. По мнѣнію моему, должно возложить на обязанность и отвѣтственность самихъ владѣльцевъ нѣкоторое участіе въ вспомоществованіи прихожанамъ къ удержанію Православныхъ церквей въ должномъ приличіи, ограничивъ положительнымъ правиломъ степень починки, которая должна упадать на участіе оныхъ; ибо никакого духовного капитала не будетъ достаточно, ежели всѣ мелочныя исправленія будутъ на оный отнесены.

е) Хотя строгое наблюденіе за нравственностью священниковъ должно наибольшее обратить вниманіе начальства, но не менѣе того наказаніе, опредѣленное имъ указомъ 1808 года отдачею виновныхъ въ рекруты, не должно быть, по мнѣнію моему, допущено въ Бѣлоруссіи; ибо оное, унижая званіе духовное, обращаетъ его въ посмѣшище прочимъ, и особенно вселяетъ неуваженіе во мнѣніи Католиковъ, которые, какъ члены рекрутскаго присутствія, сами участвуютъ въ семъ пріемѣ. Наказаніе сіе, мнѣ кажется, можно бы замѣнить иною мѣрой взысканія, менѣе посрамляющею духовное званіе, особенно въ Бѣлоруссіи, гдѣ управленіе Католической церкви, напротивъ того, старается смягчать наказанія своего духовенства и тѣмъ возвышать санъ онаго. Хотя, въ теченіе двухъ лѣтъ управленія мною Могилевскою губерніей, свидѣтельствовано въ рекрутскомъ присутствіи изъ духовнаго званія 37 человѣкъ, въ числѣ коихъ діаконовъ и священниковъ 12; но опытъ доказалъ, что сія мѣра наказанія, столь учащенная строгостью духовныхъ постановленій, нисколько не улучшила духовенства.

ж) Поддержавъ сколько возможно Греческое духовенство, необходимо, однакоже, для бо́льшаго единства и осторожности въ дѣйствіяхъ онаго и отстраненія излишней рѣзкости въ способахъ его наблюденія за прочими исповѣданіями, вмѣнить въ обязанность епархіальному начальству, чтобы оно, до зачатія офиціальной переписки о предметахъ своевольныхъ дѣйствій Римскаго духовенства, входило предварительно

въ совѣщаніе съ начальникомъ губерніи; ибо много можетъ предупредиться зла подручными дѣйствіями мѣстнаго начальства и прекратиться излишней официальной переписки, въ таковыхъ случаяхъ всегда вредной.

II. Въ преграждепіи способовъ вліянія Католическаго духовенства.

а) Прелатъ Могилевскій хитрымъ умомъ, просвѣщеніемъ и фанатическимъ усердіемъ къ Католицизму ежедневно болѣе выигрываетъ во мнѣніи края, стремясь поддержать всѣми возможными способами фанатическое вліяніе Римской церкви. По сей причинѣ удаленіе его изъ сей епархіи есть совершенно необходимо. По мнѣнію моему, въ семъ важномъ случаѣ правительству не должно нисколько медлить; назначеніе ему приличнаго мѣста въ столицѣ могло бы избавить Бѣлоруссію отъ непосредственнаго вліянія человѣка слишкомъ способнаго, имѣющаго въ рукахъ самое сильное оружіе, и за образъ чувствованія и дѣйствія коего не токмо что ручаться нельзя, но, напротивъ того, по всему должно опасаться.

б) Унитское исповѣданіе, служащее преддверіемъ и переходомъ въ Католицизмъ, не взирая на все попеченіе правительства къ возвышенію и доставленію оному независимо отъ Римской церкви существованія, есть и понынѣ еще вѣра презрѣнная въ Бѣлоруссіи. Граждане и чиновники, достигнувшіе до нѣкотораго независимаго бытія, стыдятся оставаться въ оной и переходять въ Католическую. Переходы сіи должно необходимо преградить положительнымъ закономъ, въ которомъ заключались бы и способы возможнаго за симъ наблюденія, ибо безъ того оные останутся, какъ и нынѣ, безъ должнаго дѣйствія.

в) Необходимо строго воспретить Католическимъ священникамъ служеніе въ церквахъ Унитскихъ и взаимно Унитскимъ въ церквахъ Католическихъ; ибо отъ сего утверждается во мнѣніяхъ народа, обращающаго болѣе вниманіе на одну наружность, понятіе о единствѣ вѣры Католической и Унитской, которое мнѣніе Католики и безъ того всѣми способами стараются внушить.

г) Отъ сего вліянія Католицизма даже наружные обряды Унитства сближаются съ Католическими, и потому необходимо положить сему преграду строгимъ взысканіемъ за малѣйшее отступленіе отъ коренныхъ обрядовъ Унитской церкви, предписавъ частый и строгій объѣздъ епархіи благомыслящему Унитскому епископу и постоянное ему въ оной пребываніе; ибо одни письменныя воспрещенія не могутъ противодѣйствовать сказаннымъ выше причинамъ.

д) Фанатическій духъ Католицизма, болѣе сосредоточенный въ монашествующихъ орденахъ, соединенный большею частью съ нѣкіимъ отчужденіемъ отъ всего Русскаго и стремящійся къ поддержанію національзма, долженъ особенное строжайшее обратить вниманіе правительства.

е) Правительству слишкомъ извѣстно, сколь необходимо положить сему злу коренную преграду и лишить монашествующее духовенство права заниматься воспитаніемъ юношества. Уменьшеніе чрезмѣрнаго числа Католическихъ монастырей было бы также весьма полезно; но приступить къ сему должно постепенно, начиная преимущественно съ тѣхъ, которые занимаются воспитаніемъ юношества и окружены приходами Греческаго и Унитскаго исповѣданій. По мнѣнію моему, достаточно сохранить монастыри въ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Предметъ сей, по важности своей, требуетъ пространнаго развитія, особенно въ способахъ приведенія въ исполненіе; ибо рѣшительная мѣра можетъ пробудить вниманіе и возродить ропотъ, въ семъ случаѣ всегда вредный, тѣмъ болѣе, что до сего можно достигнуть осторожными мѣрами, безъ пораженія умовъ.

ж) По мнѣнію моему, было бы также весьма полезно отнять у монастырей недвижимыя имѣнія, вознаградивъ ихъ ежегоднымъ денежнымъ окладомъ, ограничивъ между тѣмъ число монаховъ и годы вступленія въ оные. Отнятіе духовныхъ имѣній должно по всей справедливости распространено быть и на монастыри Греческаго исповѣданія. Можно удостовѣрительно сказать, что необходимое уменьшеніе Католическихъ монастырей, при благоразумномъ содѣйствіи мѣстнаго начальства, можетъ быть приведено въ исполненіе; но необходимо прежде сего удалить изъ епархіи прелата Щитта по причинамъ выше сего сказаннымъ, отличить знаками милости и высочайшаго благоволенія чиновниковъ дворянства, которые наиболѣе имѣютъ вѣсу во мнѣніи края и съ усердіемъ готовы содѣйствовать всѣмъ преднамѣреніямъ правительства, и притомъ приступить къ исполненію сего, для меньшаго пораженія умовъ, не вдругъ, но постепенно.

з) Уничтоженіе духовныхъ училищъ при монастыряхъ и замѣщеніе оныхъ свѣтскими уже предположены благодѣтельнымъ правительствомъ, а потому и не стану распространяться о семъ важномъ, необходимомъ предметѣ; но полагаю, однакоже, что преподаваніе предметовъ въ сихъ училищахъ на Русскомъ языкѣ было бы весьма полезно и въ Могилевской губерніи возможно, ибо въ оной языкъ Русскій довольно общій всѣмъ сословіямъ. Достоинства и отличное усердіе къ благу службы нынѣ назначеннаго попечителя Бѣлорусскаго учебнаго округа, безъ сомнѣнія, преодолѣютъ тѣ затрудненія, которыя при введеніи свѣтскихъ училищъ могутъ еще по новости сего предмета встрѣтиться въ Могилевской губерніи; но не менѣе того должно избѣгать уничтоженія существующихъ учебныхъ заведеній прежде заведенія новыхъ, и ускорить устройство таковыхъ.

и) Необходимо оградить строгими положительными законами, съ изложеніемъ и способовъ наблюденія, переходы изъ Греческаго и Унитскаго исповѣданій въ Католическое и правила объ исповѣданіи родившихся отъ родителей Греческой и Унитской вѣры; законы сіи весьма часто нарушаются по недостатку опредѣлительныхъ способовъ должнаго за симъ наблюденія и невѣжеству Греческаго духовенства. Мнѣ кажется, что законъ сохраненія дочерямъ вѣры матери, а сыновьямъ отцовской не исполняется также и по неудобству своему; ибо различіе вѣръ между братьями и сестрами возрождаетъ семейныя несогласія, для избѣжанія которыхъ родители сами вынуждены отступать отъ силы онаго.

і) Исповѣдныя книги суть единственные указатели увлеченія изъ одной вѣры въ другую, а потому и необходимо подвергнуть таковыя большей точности и строгому контролю, не исключая и тѣхъ, которыя ведутся Католическими и Унитскими священниками, возложивъ преимущественно всю отвѣтственность на Греческое приходское духовенство, особенно за допущеніе большой части селенія, какъ сіе часто обнаруживается, къ неисполненію обрядовъ вѣры. Простой народъ въ Бѣлоруссіи еще въ такомъ находится невѣжествѣ, что мало постигаетъ различіе вѣръ, и ежели идетъ молиться безъ разбору въ церкви того или другого исповѣданія, или вовсе ни въ какія, и наконецъ переходитъ даже въ Католическую вѣру, то, безъ всякаго сомнѣнія, сему болѣе причиною безпечность и невѣжество самого духовенства, которое нисколько не заботится внушать ему его обязанностей, и въ концѣ года, а иногда даже по истеченіи продолжительнаго времени, доноситъ лишь, что такія-то лица не были у исповѣди, отчего возрождаются большія запутанныя дѣла, вовсе безполезныя; ибо въ существѣ своемъ сіе происходитъ, какъ выше сказано, отъ невѣжества Бѣлорусскихъ крестьянъ, нераченія и безпечности Греческаго, а еще болѣе Унитскаго духовенства, которымъ Католики, нерѣдко пользуясь, совращаютъ поселянъ въ свое исповѣданіе. Въ Бѣлоруссіи просвѣщенному епископу и духовенству предстоитъ весьма обширное поприще нравственнаго вліянія, дѣйствіями котораго могли бы сильно облегчиться правительству пути къ достиженію своей цѣли, и уменьшиться надобность рѣзкаго примѣненія законовъ въ дѣлахъ совѣсти и вѣры.

к) Истинное отступленіе отъ Православія и Унитской вѣры болѣе замѣчается въ имѣніяхъ, Католическому духовенству принадлежащихъ; а потому здѣсь должно возлагать и всю отвѣтственность прямо на оное. Я полагаю, что совращеніе изъ Унитства въ Католицизмъ должно подвергнуть не менѣе строгому взысканію; ибо рано или поздно, при постоянныхъ дѣйствіяхъ правительства, Уніаты должны быть обращены

въ Православіе, и потому совращеніе оныхъ въ Католицизмъ столько же вредно, какъ и увлеченіе изъ Греческаго исповѣданія. Впрочемъ, обращеніе Уніатовъ къ Православію можно бы привести въ исполненіе и нынѣ безъ большого затрудненія, особенно въ селеніяхъ; ибо Бѣлорусскіе крестьяне по большей части еще столь невѣжественны, что мало постигаютъ различіе вѣръ; но для сего необходимо постоянное дѣйствіе и пребываніе благонамѣреннаго и дѣятельнаго Унитскаго епископа и таковаго же Греческаго, съ особенными нравственными качествами, способнаго къ снисходительному убѣжденію заблуждающихся.

л) Также таковое отчужденіе отъ Православія и Уніатства замѣчается между прислугою помѣщиковъ, которая, увлекаясь примѣромъ и внушеніемъ своихъ владѣльцевъ, принимаетъ Католическое исповѣданіе, и дѣти ихъ окрещаются въ оное домашними капеллянами. Здѣсь способъ наблюденія и огражденія отъ сего зла весьма удобенъ, ибо при малѣйшемъ вниманіи приходскаго начальства сіе обнаружить можно; а потому, по мнѣнію моему, въ семъ случаѣ всю отвѣтственность возложить должно на самихъ помѣщиковъ, на приходскихъ священниковъ, допустившихъ до сего, и на общемъ основаніи на тѣхъ Католическихъ священниковъ, которые въ томъ участвовали.

м) Законъ, вновь подтверждающій о преданіи суду совращающихъ изъ Православнаго исповѣданія, не есть, по мнѣнію моему, достаточенъ; ибо совращенный послѣ духовнаго увѣщанія отсылается къ суду въ судебныя мѣста, составленныя изъ тѣхъ же Католиковъ, и самые совратители подвергаются лишь взысканію той же Римской Консисторіи, тайно способствующей таковымъ противозаконнымъ дѣйствіямъ и потому стремящейся къ закрытію виновныхъ. Я полагалъ бы полезнымъ, чтобъ изобличенные въ томъ, а преимущественно совратители и тѣ священники, которые принимаютъ таковыхъ на исповѣдь безъ надлежащей справки, судимы были въ сосѣдственныхъ Россійскихъ губерніяхъ законами гражданскими, какъ злонамѣренные нарушители государственныхъ постановленій при депутатѣ Католическомъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣсколько подобныхъ примѣровъ скоро положатъ преграду сему злу, столь вредному и унижающему достоинство правительства и господствующаго исповѣданія.

н) Какъ примѣры увлеченія или первоначально равнодушія къ обрядамъ Православной церкви встрѣчаются преимущественно тамъ, гдѣ фанатическій духъ Католицизма поддерживается монашествующимъ духовенствомъ и гдѣ таковые, живучи праздно въ домахъ помѣщичьихъ, исправляютъ требы въ каплицахъ, то и необходимо прекратить опасное вліяніе сихъ послѣднихъ, вредное и въ отношеніи воспитанія ими въ сихъ домахъ юношества, овладѣнія совѣстью владѣльцевъ, под-

ручнаго управленія имѣніями ихъ и увлеченія окружающей прислуги въ Католическую вѣру. А потому, кромѣ принятыхъ уже мѣръ правительствомъ къ уменьшенію числа безнужныхъ каплицъ среди приходовъ Греческихъ и Унитскихъ, было бы не менѣе необходимо воспретить удержаніе при оныхъ монаховъ и опредѣлять къ богослуженію преимущественно священниковъ изъ бѣлаго духовенства, которое весьма рѣдко одушевляется фанатизмомъ вѣры, строго воспретивъ праздношатаніе монашествующихъ подъ видомъ домашнихъ капеллановъ.

о) Необходимо воспретить также устройство Католическихъ часовень, хотя и не для богослуженія созидаемыхъ, среди приходовъ Греческихъ и Унитскихъ, надъ водою и въ иныхъ мѣстахъ, также и возобновленіе крестовъ и распятій, гдѣ проповѣдывали миссіи. Всѣ сіи знаки наружнаго благочестія и поклоненія Католиковъ, возстановляемые иногда среди приходовъ Православныхъ и Унитскихъ, вселяютъ навыкъ и уваженіе къ обрядамъ Католическимъ, а потому весьма вредныя оставляютъ впечатлѣнія. Всѣ сіи наблюдательныя мѣры, къ сожалѣнію, нынѣ въ Бѣлоруссіи неудобоисполнимы; ибо ближайшіе мѣстные блюстители порядка, исправники и городничіе большею частью туземцы, о которомъ неудобствѣ будетъ сказано ниже сего въ своемъ мѣстѣ.

п) Есть даже нѣкоторыя Католическія церкви, которыхъ храмовые праздники и иные дни празднуются вообще всѣми исповѣданіями и привлекаютъ на поклоненіе большое стеченіе народа, какъ напримѣръ: въ Могилевѣ Бернардинская церковь Св. Антонія и Могилевскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Бялыничахъ икона Божіей Матери и иныя въ губерніи часовни. Хотя весьма трудно принять положительныя мѣры для предупрежденія сего соединенія исповѣданій, но мнѣ кажется, что со временемъ, при благоразумномъ и постоянномъ дѣйствіи всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія и особенно духовнаго, возможно бы достигнуть постепенно уменьшенія сего безъ пораженія умовъ.

Всѣ изложенныя здѣсь средства, могущія отнять у фанатическаго Римскаго духовенства способы распространять вредное свое вліяніе на край, готовый къ нравственному сближенію съ Россіей, ежели правительство приметъ къ тому постоянныя мѣры, требуютъ положительнаго разсмотрѣнія и точнаго опредѣленія времени, постепеннаго ихъ приведенія въ дѣйствіе, отстранивъ, впрочемъ, всякій фанатизмъ въ исполненіи и дѣйствуя постепенно съ большою осторожностью и избѣгая сильнаго пораженія умовъ. Конечно, весьма прискорбно, чтобы въ вѣкѣ просвѣщенномъ правительство вынуждено было принимать столь положительныя мѣры къ ограниченію одного изъ христіанскихъ исповѣданій; но какъ опытъ доказалъ, что съ онымъ неразлучно и вредное политическое вліяніе, то для блага края и всего государства

не должно терять сего изъ виду, и все, что̀ будетъ сдѣлано къ укрощенію Католическаго фанатизма въ Бѣлоруссіи, будетъ безъ всякаго сомнѣнія служить къ скорѣйшему сближенію оной съ Россіей.

III. Необходимые способы дѣйствія главнаго правительства и мѣстнаго управленія къ достиженію сказанной цѣли.

Изложенные выше способы дѣйствія не могутъ быть приведены въ исполненіе съ должнымъ успѣхомъ и не принесутъ настоящей пользы, доколѣ мѣстное гражданское начальство и прочіе отрасли главнаго управленія не будутъ положительно стремиться къ той же цѣли, ибо единственно отъ гармоніи во всѣхъ частяхъ управленія Бѣлоруссіей зависитъ и самый успѣхъ къ достиженію предположеннаго.

а) Въ большей части Могилевской губерніи, кромѣ части присоединенной въ 1793 году, языкъ Русскій уже столько общій всему населенію, что введеніе онаго въ производствѣ всѣхъ дѣлъ не можетъ встрѣтить никакого затрудненія; сіе доказывается тѣмъ, что во всѣхъ исполнительныхъ частяхъ управленія, входящаго въ сношенія со всѣми сословіями, оный употребляется безъ переводовъ.

б) Въ дворянскомъ собраніи по текущей части употребляется также Русскій языкъ; но, къ сожалѣнію, выводовыя дѣла производятся по-польски, затрудняя лишь просителей и самихъ производителей переводами опредѣленій дворянскаго собранія, которыя могли бы быть писаны по-русски; зло сіе существуетъ еще потому, что не было обращаемо на оное должнаго вниманія. Сіе можно прекратить безъ особаго правительственнаго распоряженія однимъ мѣстнымъ настояніемъ и наблюденіемъ.

в) Въ дворянскихъ опекахъ, которыя многіе годы оставались безъ должнаго наблюденія, часть дѣлъ производилась по-польски; я сіе отмѣнилъ безъ всякаго затрудненія однимъ вниманіемъ и словеснымъ настояніемъ; теперь пишутъ уже въ оныхъ по-русски. Со времени управленія моего Могилевскою губерніей, не принимаютъ ни въ Губернскомъ Правленіи, ни на мое имя просьбъ, писанныхъ по-польски. Обычай сей утвердился безъ малѣйшаго ропота и затрудненія. Примѣры сіи доказываютъ, сколь легко совершенно ввести производство всѣхъ дѣлъ, даже и тяжебныхъ, на Русскомъ языкѣ.

г) Тяжебныя и исковыя дѣла, производящіяся нынѣ по Литовскому Статуту и на Польскомъ языкѣ, по мнѣнію моему, должны бы немедленно приведены быть къ порядку Русскаго производства, и Литовскій Статутъ вовсе навсегда отмѣнить, сохранивъ лишь въ департаментахъ уголовномъ и гражданскомъ предсѣдателей по выборамъ дворянства; ежели же правительству неугодно вдругъ къ сему приступить, то можно до сего достигнуть постепенно, предоставя началь-

нику губерніи давать дѣламъ преимущественно направленіе порядка Россійскаго, что̀ можно исполнить безъ всякаго затрудненія, не возбуждая особаго вниманія; такимъ образомъ нечувствительно можно уменьшить вліяніе Польскихъ законовъ и замѣнить ихъ Русскими.

д) Доказательствомъ, что не будетъ предстоять затрудненій къ введенію порядка Русскаго производства въ дѣлахъ тяжебныхъ и исковыхъ, можетъ служить то, что, съ начала присоединенія края сего, намѣстники Бѣлоруссіи предуспѣли подручнымъ наблюденіемъ направить большую часть исковыхъ дѣлъ порядкомъ Русскимъ, и съ того времени до 1796 года всѣ обыватели Могилевской губерніи пріобыкли было къ оному, и Литовскій Статутъ рѣже нынѣшняго употреблялся.

е) Литовскій Статутъ, коего коренныя начала даютъ поводъ ожидать справедливѣйшаго производства дѣлъ, въ существѣ своемъ, по неопредѣлительности въ немъ способа процедуры и многихъ иныхъ ему собственныхъ недостатковъ, которые прежде присоединенія края постепенно исправлялись конституціями, утвержденными на сеймахъ, нынѣ уже вовсе недостаточенъ, и постановленія онаго, будучи пополняемы и измѣняемы общимъ смысломъ законовъ, издаваемыхъ для всего государства, служатъ лишь поводомъ къ безконечнымъ проволочкамъ и запутанностямъ въ дѣлахъ, отъ которыхъ болѣе терпятъ бѣднѣйшіе.

ж) Несовершенство Литовскаго Статута, смѣсь сего производства дѣлъ съ Русскимъ порядкомъ, особенно въ высшихъ инстанціяхъ, и употребленіе Польскаго языка еще болѣе умножаютъ запутанность въ дѣлахъ; ибо часто просители, усмотрѣвъ, что тяжбы ихъ принимаютъ оборотъ невыгодный, подаютъ прошенія въ высшія инстанціи, и тогда нерѣдко способъ сужденія ихъ измѣняется.

з) Неимѣніе класса адвокатовъ, необходимаго для производства дѣлъ по Литовскому Статуту, чрезвычайно обременяетъ тяжущихся и въ особенности бѣднѣйшихъ.

и) Несуществованіе положительной черты между дѣлами, которыя должны производиться порядкомъ, въ Учрежденіи о губерніяхъ предписаннымъ, и тѣми, которыя подлежатъ производству по Литовскому Статуту, чрезвычайно запутываетъ вообще весь ходъ дѣлъ по губерніи, а въ особенности земскія и городскія полиціи, отъ которой неопредѣлительности, происходящей отъ различій основаній Россійскихъ и Литовскихъ узаконеній и которыя по сей причинѣ весьма трудно сблизить, очень часто дѣла принимаютъ произвольное неправильное направленіе къ обремененію самихъ просителей, о чемъ представлено уже со всею подробностью высшему начальству отъ здѣшняго Губернскаго Правленія *). Изложенныя выше сего нѣкоторыя изъ многочислен-

*) Всѣ исковыя дѣла и окончательное удовлетвореніе оныхъ посредствомъ тради-

ныхъ неудобствъ Польскаго порядка производства дѣлъ столь сильно ощущаемы благоразумною частью обывателей Могилевской губерніи, что отмѣненіе Литовскаго Статута и введеніе Русскаго порядка не произведутъ значительнаго неудовольствія, а, напротивъ того, будутъ пріятны благомыслящимъ обывателямъ, и преимущественно бѣднѣйшимъ, составляющимъ главнѣйшее населеніе губерніи, и въ особенности удобно будетъ сіе исполнить, ежели правительство предварительно знаками отличія и снисхожденія привлечетъ въ пользу свою болѣе значительныя лица въ губерніи.

і) Польза отъ введенія Русскаго порядка столь очевидна и необходима къ исполненію благодѣтельной цѣли Вашего Императорскаго Величества, что, по мнѣнію моему, сія мѣра есть одна изъ первыхъ, которую употребить должно для сближенія края сего съ Россіею, и къ оной должно приступить безъ всякаго промедленія, съ начала приготовляя къ тому умы и наконецъ рѣшительнымъ повелѣніемъ: ибо единственно чрезъ сравненіе политическихъ правъ возможно положить на вѣчныя времена основаніе слитію Бѣлоруссіи съ Россіею, что̀ и было уже въ виду правительства до 1796 года, какъ замѣтить можно изъ приведеннаго выше сего примѣра дѣйствій Бѣлорусскихъ намѣстниковъ.

Для блага цѣлаго, въ семъ важномъ случаѣ мнѣ кажется не должно даже входить въ сужденіе, которыя узаконенія лучше, Россійскія или Литовскій Статутъ; ибо первая цѣль есть совершенное слитіе края сего съ Россіею, и когда законами Русскими управляется все государство, то почему Бѣлоруссія будетъ отъ оныхъ изъята?

к) Введеніе на Русскомъ языкѣ производства дѣлъ по Литовскому Статуту было бы по мнѣнію моему совершенно вредно, ибо послужитъ къ большему утвержденію Литовскихъ законовъ въ Бѣлоруссіи, о которыхъ и память должно стараться изгладить; ибо при существованіи правъ и обрядовъ Литовскаго дѣлопроизводства, и при томъ на Польскомъ языкѣ, Бѣлоруссія никогда должнымъ образомъ не сольется съ Россіею, а напротивъ того постепенно болѣе будетъ утверждаться отчужденіе оной, ежели впрочемъ къ тому не примутся положительныя мѣры; вообще всѣ полумѣры въ столь важномъ случаѣ будутъ совершенно вредны.

л) Кромѣ прописанныхъ выше сего положительныхъ способовъ дѣйствій, отъ высшаго правительства зависящихъ, необходимо и мѣстному начальству постепенно стремиться къ той же цѣли, выводя изъ обыкновенія Польскія наименованія мѣстъ и лицъ и замѣняя ихъ Рус-

---

цій и эксдивизіи, кромѣ ослабленія общественнаго кредита, чрезвычайно обременительны тяжущимся и вредны благосостоянію края.

скими; до сего можно достигнуть безъ малѣйшаго затрудненія; возможность сего я испыталъ на опытѣ.

м) Необходимо должно замѣщать главнѣйшія мѣста управленія въ губерніи Русскими благонадежными чиновниками и въ назначеніи оныхъ быть весьма осмотрительнымъ; также преимущественно опредѣлять Русскихъ исправниковъ, городничихъ и почтъ-экспедиторовъ, доставивъ имъ нѣкоторыя выгоды по службѣ, ибо безъ того затруднительно имѣть хорошихъ чиновниковъ. Въ семъ важномъ предметѣ правительству не должно дорожить никакими пожертвованіями; ибо рѣшительно можно сказать, что доколѣ главное управленіе губерніи, также земскія и городскія полиціи будутъ составлены изъ туземцевъ и будутъ существовать Литовскія права, то нельзя ожидать успѣха въ исполненіи преднамѣреній правительства, а потому и совершеннаго нравственнаго сближенія.

н) По мнѣнію моему, также было бы полезно дозволить вступать въ службу по свидѣтельствамъ дворянскаго собранія, утвержденнымъ (для предупрежденія злоупотребленій) начальникомъ губерніи; мнѣ кажется, что можно даже допустить, чтобы свидѣтельства сіи имѣли свою силу до полученія чина титулярнаго совѣтника; для дальнѣйшей же службы требовать, чтобы доказательства о дворянствѣ были утверждены Герольдіею, въ которой справедливо требующаяся формальность, затрудняя и умедляя подобнаго рода дѣла, отъемлетъ нынѣ у Бѣлорусскихъ особенно бѣдныхъ дворянъ возможность вступать въ службу и достигать офицерскаго чина, и потому явная подагается преграда къ исполненію цѣли самого правительства. И кромѣ того отъ сего нынѣ встрѣчается большое затрудненіе и недостатокъ въ дворянахъ, имѣющихъ право на занятіе должностей по выборамъ, которыя по сей причинѣ остаются вакантными или замѣщаются весьма часто во вредъ службы людьми недостойными; когда же облегчатся, согласно предположенію моему, способы къ вступленію въ коронную службу, тогда правительство скоро увидитъ большую часть здѣшняго дворянства на поприщѣ оной.

о) Вообще дѣйствія мѣстнаго начальства должны быть единообразны, строги, но справедливы, уклоняясь сколь возможно отъ сильнаго пораженія умовъ и въ особенности отличая достойнѣйшихъ. Свойство Поляковъ есть большое стремленіе къ тщеславію; должно онымъ пользоваться, и отличіемъ тѣхъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу въ губерніи, можно значительно облегчить правительству способы къ достиженію своей цѣли, тѣмъ болѣе, что одно духовенство и весьма малая часть дворянскаго сословія сохраняютъ духъ отчужденія отъ Россіи; дворянство же, взятое въ общей массѣ, при малѣйшемъ положи-

тельномъ стремленіи къ сему правительства, при благоразумномъ содѣйствіи мѣстнаго начальства, будетъ соучаствовать во всѣхъ его преднамѣреніяхъ; небольшое вниманіе и незначительные знаки благосклоннаго расположенія правительства, болѣе нежели другія какія мѣры могутъ къ тому ихъ возбудить, не укосняясь между тѣмъ полагать преграду вредному вліянію монашествующаго Католическаго духовенства.

Великая Екатерина старалась всегда сблизить край сей водвореніемъ большаго числа Русскихъ семействъ, чрезъ пожалованіе имъ имѣній; но въ послѣдствіи бо́льшая часть оныхъ перешла въ руки туземцевъ. Мнѣ кажется, что какъ раздача въ потомственное владѣніе имѣній уже вышла изъ цѣли правительства, то оное должно замѣнить раздачею въ аренду Русскимъ казенныхъ имѣній на особомъ основаніи и на продолжительнѣйшее время съ тѣмъ, чтобы семейства Русскія могли бы въ оныхъ водворяться.

Кромѣ всѣхъ изложенныхъ выше сего способовъ къ достиженію сказанной цѣли, болѣе всего необходимо предварительно приготовить умы въ пользу правительства облегченіемъ обывателей въ несомыхъ ими неуравнительныхъ тягостяхъ, гораздо превышающихъ даже способы края. Я весьма далекъ отъ той мысли, чтобы должно было оказывать одной области государства преимущество противъ другихъ, особенно въ ущербъ прочихъ; однакоже есть случаи, въ которыхъ благодѣтельная попечительность правительства должна стремиться къ облегченію неуравнительныхъ тягостей края и оказать ему нѣкоторую помощь, служащую къ коренному улучшенію онаго и располагающую умы обывателей таковою отеческою попечительностью ко всѣмъ преобразованіямъ, которыя благоугодно будетъ правительству ввести.

Причины всеобщей бѣдности Бѣлоруссіи, а въ особенности нищеты и угнетеннаго положенія крестьянъ, происходятъ отъ столь многосложныхъ обстоятельствъ и собственнаго географическаго положенія губерніи, что изложеніе оныхъ требуетъ подробнаго развитія, также и тѣхъ пожертвованій, которыя необходимо правительству сдѣлать, какъ для улучшенія собственно края, такъ преимущественно для расположенія умовъ въ его пользу. Но я изложеніемъ оныхъ здѣсь воздерживаюсь, дабы не обременить протяжностію сей краткой записки, тѣмъ болѣе, что предметъ сей долженъ быть соображенъ съ общими средствами государства; но не могу однакоже умолчать, что сіе совершенно необходимо, ежели правительству угодно приступить къ исполненію благодѣтельной цѣли—сближенію Бѣлоруссіи съ Россіею.

*

Въ заключеніе, обязаннымъ нахожусь доложить, что всѣ прописанныя выше сего мѣры тогда только могутъ быть полезны, когда бу-

дутъ примѣнены съ должною осмотрительностью и постоянно соблюдаемы общими распоряженіями правительства; ибо въ противномъ случаѣ всякое противорѣчіе въ распоряженіяхъ, безнужное оскорбленіе мнѣній и умовъ, употребленіе полумѣръ тамъ, гдѣ должно дѣйствовать рѣшительно и, напротивъ того, употребленіе рѣшительныхъ мѣръ, гдѣ требуются осторожность и предварительное пріуготовленіе мнѣній, которыми всегда весьма легко правительству направлять по своему произволу, особенно въ семъ краѣ, произведутъ болѣе вреда нежели пользы.

Отличительная черта характера большей части обывателей сей губерніи есть покорность, спокойствіе, искательство, тщеславіе въ своемъ краѣ и временная самонадѣянность при малѣйшемъ сомнѣніи въ нерѣшительности правительства, и также безмолвная покорность при дѣйствіяхъ самостоятельныхъ. Основываясь на сихъ чертахъ характера народа, или лучше сказать дворянства, здѣсь весьма незначительнаго и, сверхъ того, еще весьма мало образованнаго, правительству должно соразмѣрять свои дѣйствія, опредѣливъ предварительно время приведенія въ исполненіе предположенныхъ средствъ и нисколько не укосняясь въ оныхъ. Тѣже лица, на которыя нельзя будетъ положиться, можно, подъ благовидными предлогами, польстивъ ихъ тщеславію, помѣстить на приличныя мѣста во внутрь имперіи.

Впрочемъ, правительство можетъ до всего достигнуть въ Бѣлоруссіи, лишь бы положительно къ сему приступило мѣрами осторожными, пользуясь характеромъ и тщеславіемъ дворянства, наградивъ знаками наружнаго отличія наиболѣе оному приверженныхъ. Для лучшаго приличія можно даже склонить многихъ къ поднесенію адресовъ правительству въ томъ смыслѣ, въ которомъ оному будетъ угодно; ибо вообще мнѣніе и духъ обывателей сей губерніи весьма легко могутъ быть направляемы въ пользу правительства, и ежели они еще нѣсколько чужды, то единственно потому, что не было на сей важный предметъ обращаемо должнаго вниманія; словомъ, нужны единая священная воля Вашего Императорскаго Величества, предварительное начертаніе способовъ постояннаго положительнаго дѣйствія и направленіе всѣхъ отраслей управленія сего края къ одной и той же цѣли, и тогда рѣшительно можно удостовѣрить, что Могилевская губернія въ самомъ непродолжительномъ времени, безъ малѣйшаго затрудненія, на вѣчныя времена нравственно сольется съ Россійскою Имперіей.

(Сообщено въ „Русскій Архивъ“ покойною дочерью графа М. Н. Муравьева, Софьею Михаиловной Шереметевой).

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

I.

Прототипы Фонвизинскаго Митрофанушки.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица Всероссійская.

Въ нынѣшнемъ 1732 году Марта, а котораго числа не упомню, по объявленіи вашего императорскаго величества указу о Кадетскомъ Корпусѣ, записанъ я нижепоименованный въ Москвѣ у генерала и кавалера господина Салтыкова во оной корпусъ изъ недорослей кадетомъ. Не зналъ я, въ каковомъ подлинно оной корпусъ имѣетъ быть порядкѣ, и думалъ, что оной будетъ состоять противъ другихъ полковъ; а нынѣ я, по прибытіи моемъ въ Санктпетербургъ, увѣдомился, что оной высочайше учрежденный корпусъ состоитъ въ великихъ наукахъ, и отъ младыхъ лѣтъ въ ученіе подлежащіе, и по крайней мѣрѣ хотя по-россійски читаніе и писаніе твердо знающіе въ оной требуются; и показано быть кадету не больше 18 лѣтъ и отъ богатаго шляхетства.

А я нижеименованный имѣю отъ рожденія своего 19 годовъ въ доходѣ, а паче, что одержимъ головною болію и имѣю крѣпко затхлое въ ушахъ слушаніе, въ памяти своей весьма слабъ, за которою едва по россійски читать книги и то малость церковной печати; а писать, кромѣ своего имени, ничего не умѣю. Къ тому же нахожусь во владѣніи за собой токмо одной небольшой деревни, шляхтичъ хотя и природной, но небогатой. Имѣю я за вышепоказанными моими резонами сказать, что во оной вышепоказанной корпусъ никакъ не гожусь, для того, что во обученіи высочайшихъ наукъ могу время за моими вышепоказанными причинами препровождать напрасно. Къ тому и охоты по слабой своей памяти во ономъ быть не имѣю, а желаю служить вашему императорскому величеству въ армейскихъ полкахъ.

А посему прошу ваше императорское величество милостивымъ указомъ повелѣть, дабы меня нижеименованнаго въ корпусъ не опредѣлять, а опредѣлить въ армейскій полкъ, отослать, понеже и отецъ мой служилъ вашему императорскому величеству въ армейскихъ полкахъ.

Нижайшій рабъ, недоросль Александръ Ивановъ сынъ Самаринъ. Іюня 1732 года.

2.

Всемилостивѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица Всероссійская.

Служилъ я нижайшій при дворѣ ея высочества блаженной памяти государыни царевны Парасковьи Іоанновны пажемъ безотлучно и безъ всякихъ подареній. А по кончинѣ ея высочества отосланы: мой братъ камеръ-пажъ для опредѣленія въ армейскій полкъ въ оберъ-офицеры въ Военную Колегію, а я нижеименованный отосланъ по указу вашего императорскаго величества во вновь учрежденной Кадетской Корпусъ въ кадеты. А понеже по указу вашего императорскаго величества опредѣлять велѣно въ Кадетской Корпусъ отъ 12 и до 17 лѣтъ, а которымъ свыше 17-ти, то отсылаются въ военную службу, для опредѣленія чрезъ государственную колегію, а я нижеименованной имѣю отъ роду 18 лѣтъ и къ тому не знаю языковъ и наукамъ никакимъ не обучался, и невозможно, чтобъ во ономъ корпусѣ, за довольными мои лѣтами, какъ-нибудь обучили*).

Александръ Чаадаевъ.

(Изъ архива бывшаго Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса).

*

Прошло сто лѣтъ, и тѣже имена Самарина и Чаадаева составляютъ нынѣ гордость Русскаго просвѣщенія. Покойный А. С. Хомяковъ говорилъ, что ходъ онаго знаменуется между прочимъ двумя Аксаковыми: дѣдушка Степанъ Михайловичъ таскаетъ свою супругу за косу, а внукъ ихъ Константинъ (котораго Хомяковъ же называлъ «свирѣпымъ агнцемъ») пишетъ диссертацію о Ломоносовѣ Русскими словами, но какъ будто по нѣмецки. П. Б.

---

*) Далѣе А. Чаадаевъ проситъ опредѣлить его въ армейскіе полки, какъ и Самаринъ; но императрица не уважила прошеній этихъ кадетъ и приказала помѣстить ихъ въ корпусъ. Года черезъ два оба они были уволены изъ корпуса унтеръ-офицерами.

II.

Балетмейстеръ Ланде.

(† 1746).

Въ архивѣ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса сохранились бумаги, проливающія нѣкоторый свѣтъ на дѣятельность знаменитаго въ свое время артиста Ланде, родоначальника нашего балета. Выписанный императрицею Анною Іоанновной въ началѣ ея царствованія изъ-за границы, Ланде съумѣлъ войти въ довѣріе къ герцогу Бирону и заслужить расположеніе самой государыни, такъ что онъ сдѣлался настоящимъ хозяиномъ придворнаго театра. Уже за границею Ланде пользовался громкою извѣстностью не только какъ талантливый танцоръ, но и какъ даровитый преподаватель хореграфическаго искусства. Ему мы обязаны созданіемъ перваго Русскаго балета; изъ его школы вышли всѣ наши лучшія въ то время балерины: Аксинья Сергѣева, Елисавета Зорина, Авдотья Тимофѣева, а изъ танцовщиковъ Тимошка Бубликовъ, не уступавшій Французу Лебрену, солисту придворной Итальянской труппы. За свою дѣятельность Ланде былъ осыпаемъ милостями государыни. Кромѣ драгоцѣнныхъ подарковъ, содержаніе ему назначено было не въ примѣръ прочимъ по тому времени значительное: по тысячѣ рублей въ годъ. Извѣстность Ланде, какъ преподавателя, росла; онъ засыпанъ былъ приглашеніями давать уроки въ лучшихъ домахъ столицы. Императрица Анна Іоанновна, создавшая въ первые годы своего царствованія Кадетскій Корпусъ и постоянно заботившаяся о его процвѣтаніи, нашла нужнымъ научить его питомцевъ приличнымъ дворянину манерамъ и „всякимъ инымъ учтивствамъ“, а потому указала главному директору корпуса графу Миниху на Ланде, какъ на самое подходящее лицо, наблюденію котораго могло быть ввѣрено обученіе кадетъ „шляхетнымъ манерамъ и танцамъ“.

Карабановъ въ своемъ „Основаніи Русскаго театра“ разсказываетъ, что знаменитый Ланде былъ приглашенъ въ Кадетскій Корпусъ для обученія танцамъ въ 1752 году, замѣнивъ бывшаго до того учителемъ танцевъ Христіана-Фридриха Вельмана, уѣхавшаго за границу. Чрезъ нѣсколько страницъ ниже, забывъ о сказанномъ, Карабановъ относитъ участіе кадетъ, учениковъ Ланде, въ придворныхъ балетахъ, уже къ 1735 году.

Теперь мы узнаёмъ, что обученіе кадетъ танцамъ учениками Ланде, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, началось только съ Августа 1740 года. Въ Февралѣ (26-го) 1746 года Ланде скончался.

Письмо фельдмаршала Миниха къ директору Кадетскаго Корпуса Фонъ-Тстау.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ Кадетскаго Корпуса директоръ.

Обрѣтающійся при дворѣ ея императорскаго величества балетмейстеръ господинъ Ланде обѣщалъ мнѣ изъ находящихся при немъ учениковъ его нѣсколько человѣкъ дать, кои могутъ танцованію обучать въ Кадетскомъ Корпусѣ. Того ради ваше высокоблагородіе изволить оныхъ учениковъ отъ него г-на Ланде требовать, и егда даны будутъ, отвести имъ при корпусѣ пристойную квартиру, а въ прочемъ въ надлежащемъ довольствіи содержать. А какое имъ жалованье за то обученье производить надлежитъ, о томъ по усмотрѣніи ихъ искусства и прилежности разсмотрѣніе учинено будетъ впредъ.

И понеже рѣченные ученики отъ показаннаго балетнаго мастера Ланде вовсе отпущены быть не могутъ и имѣютъ иногда обрѣтаться въ присутствіи ея императорскаго величества на театрѣ: того ради, по требованію его Ланде, оныхъ учениковъ отпускать и, для того съ симъ Ланде согласиться, въ которомъ часу они при корпусѣ быть могутъ.

О семъ по изслѣдованіи меня увѣдомить. Вашего высокоблагородія охотный слуга Von-Münnich.

Августа 5 дня 1740 г., въ Санктпетербургѣ.

Отвѣтъ.

Его сіятельству господину генералу-фельдмаршалу, государственной Военной Колегіи президенту, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковнику, Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса шефу и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеру графу Фонъ-Миниху покорнѣйшій рапортъ.

По силѣ вашего высокографскаго сіятельства присланнаго ко мнѣ ордера сего Августа отъ 5-го числа, съ обрѣтающимся при дворѣ ея императорскаго величества балетнымъ мастеромъ господиномъ Ланде о употребленіи изъ находящихся при немъ учениковъ для обученія въ Кадетскомъ Корпусѣ танцованію, имѣлъ я разговоръ и, по довольномъ о томъ разсужденіи, оный господинъ Ланде обѣщаетъ со своими тремя учениками подъ его возможнымъ смотрѣніемъ, также и отъ него самого показываемыми лекціонами въ Кадетскомъ Корпусѣ на танцъ-бодъ

въ недѣлю четыре дня, въ каждой день послѣ полудня отъ 2-го до 6-го часовъ, порученныхъ ему кадетъ вѣрно, порядочно и учтиво обучать, за что требуетъ на себя и на своихъ учениковъ со всѣмъ жалованья по пятисотъ рублевъ на годъ, и на оное отъ вашего высокографскаго сіятельства всепокорнѣйше прошу высокой резолюціи.

Ѳонъ-Тетау, директоръ.

Августа 21 дня 1740 [1]).

28-го Августа того же года послѣдовало утвержденіе этого рапорта фельдмаршаломъ Минихомъ.

III.

А. П. Сумароковъ.

(Замѣтка для его біографіи).

Въ архивѣ Перваго Кадетскаго Корпуса сохранилась любопытная бумага, озаглавленная: «О выпускѣ ундеръ-офицеровъ и кадетовъ въ армейскіе полки 14 Апрѣля 1740, № 60». Въ ней находится небольшая замѣтка о сдачѣ вещей и книгъ выпущенными кадетами, и противъ фамиліи Сумарокова помѣчено: «у Французскаго учителя г-на Руина не сдана книга, одна часть Увре де-Мольера [2]).

Это небольшое указаніе дорого для біографа Сумарокова, особенно при скудости вообще какихъ-либо біографическихъ данныхъ, относящихся ко времени пребыванія его въ корпусѣ. Оно указываетъ намъ, въ какомъ направленіи развивался литературный вкусъ этого замѣчательнаго писателя, и опровергаетъ показаніе самого Сумарокова, который увѣрялъ, что съ Французскою классическою литературой ознакомился онъ только по выходѣ изъ корпуса, и развитіемъ своего вкуса къ драматической поэзіи обязанъ самому себѣ. Изъ этой же бумаги узнаёмъ мы имена преподавателей Сумарокова въ корпусѣ. Физику преподавалъ профессоръ Гречъ, Весманъ и Виндорфъ преподавали Нѣмецкій и Русскій языки, Карлъ Везнеръ обучалъ артиллеріи, Мерсъ—математикѣ, Дедневъ—геометріи, Городчаниновъ—черченію и рисованію, Руинъ—Французскому языку и знакомилъ своихъ учениковъ съ лучшими произведеніями Французской литературы. Ариѳметику преподавалъ Іоганъ Мельвоутъ.

Сообщилъ **В. Мустафинъ**.

---

[1]) Дѣло объ опредѣленіи въ Шляхетный Корпусъ разныхъ чиновъ 1740 году, № 5, стр. 112—114.

[2]) Т.-е. Oeuvres de Molière.

ЧЕШСКІЙ ФАБРИКАНТЪ ВЪ КУРСКОЙ АРЕСТАНТСКОЙ РОТѢ.

Въ столицѣ Чехіи, Прагѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, проживалъ богатый купецъ, Нѣмецъ Эрнестъ-Фридрихъ Шиллеръ. Онъ владѣлъ прядильною фабрикой, находившейся невдалекѣ отъ Праги, большимъ имѣніемъ на берегу рѣки Молдавы и двумя домами въ самой Прагѣ и городѣ Каролинenталѣ. Онъ оставилъ по себѣ троихъ взрослыхъ сыновей: Ричарда, Августа и Эдуарда. Братья жили въ отцовскомъ домѣ и вели сообща фабричное дѣло. Младшій изъ нихъ, Эдуардъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ окончилъ курсъ высшаго спеціальнаго учебнаго заведенія, любилъ заниматься механикой и химіей и былъ хорошимъ сотрудникомъ старшихъ братьевъ. Казалось, что Эдуардъ Шиллеръ могъ прожить весь свой вѣкъ припѣваючи; но странное его увлеченіе Польскимъ мятежомъ совершенно измѣнило его судьбу. Думали ли знакомые Эдуарда, видя предъ собой браваго молодого человѣка, завиднаго жениха, добраго товарища своихъ сверстниковъ, что въ скоромъ времени онъ очутится въ далекой Россіи, въ арестантской ротѣ и, сидя на корточкахъ въ пыли и песку, будетъ мостить камнемъ Курскія улицы, поджидая, когда къ обѣду принесутъ въ кадкѣ арестантскія щи и появятся на сцену куски чернаго рѣшетнаго хлѣба?

Какъ разъ въ то время, когда нашъ герой оставилъ школьную скамью, начали разгораться политическія страсти въ Польшѣ и Западной Россіи. Тогдашнія иностранныя газеты наполнялись извѣстіями о волненіяхъ Поляковъ въ Россіи, о манифестаціяхъ, заговорахъ, объ ожидаемомъ возстаніи Польскаго народа и т. п. Австрійскія газеты подробно трактовали о Польскихъ дѣлахъ, помѣщали очень много корреспонденцій изъ взволнованнаго края и возбуждали въ средѣ читателей сочувствіе къ Полякамъ. Понятное дѣло, извѣстіями изъ Польскаго края въ Прагѣ интересовались не менѣе, чѣмъ въ другихъ Западно-Европейскихъ городахъ. Какъ только вспыхнуло открытое возстаніе, то изъ Галиціи, Венгріи, Восточной Пруссіи, Италіи и Франціи стали направляться въ Россію волонтеры. Но то были большею частью Поляки, или любители-революціонеры, искавшіе приключеній... Какимъ же образомъ богатый Нѣмецъ рѣшился, оставивъ всѣ удобства своей жизни, родину, братьевъ, друзей и знакомыхъ, ринуться въ пламя возстанія,— на этотъ

вопросъ отвѣчать мудрено. Возбудили ли въ душѣ Эдуарда Шиллера желаніе стать въ ряды Польскихъ повстанцевъ газетныя статьи о «страданіяхъ» Польши, переполненныя самыми фантастическими вымыслами объ испытываемыхъ будто бы Поляками притѣсненіяхъ отъ Русскихъ, или онъ имѣлъ какія-либо отношенія съ нашими или Австрійскими Поляками, не знаемъ. Неизвѣстно также, какъ Эдуардъ Шиллеръ ушелъ на театръ возстанія: сообщивъ свое рѣшеніе братьямъ и напутствуемый ихъ сочувствіемъ и пожеланіями, или тайно отъ родныхъ и знакомыхъ, бѣжалъ онъ изъ Австріи, переѣхалъ Русскую границу и вступилъ въ ряды повстанцевъ, образовавшихъ довольно значительную банду, начавшую военныя дѣйствія зимою 1863 года.

Любопытно, что вовсе непривыкшій къ трудамъ и лишеніямъ походной жизни Шиллеръ въ теченіе почти цѣлаго года находился въ Польскихъ бандахъ, и только 7-го Января 1864 года взятъ Русскими войсками въ плѣнъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Нужно замѣтить, что незначительное меньшинство Польскихъ повстанцевъ выдержало столь продолжительное участіе въ мятежныхъ отрядахъ; большинство же «воевало» лишь по нѣскольку недѣль, рѣдко мѣсяцевъ. Но Эдуардъ Шиллеръ побывалъ во многихъ бандахъ, исходилъ значительную часть Царства Польскаго и сражался противъ Русскихъ въ то время, когда одни жалкіе остатки бандъ бродили по лѣсамъ, и для всѣхъ было очевидно, что мятежное дѣло проиграно въ конецъ. Отмѣтимъ и то загадочное обстоятельство, что Шиллеръ, несмотря на полученное имъ на родинѣ хорошее образованіе, не пошелъ дальше рядоваго повстанца и не выдвинулся въ разрядъ начальниковъ, чего, какъ извѣстно, было весьма легко достигнуть. Какъ бы то ни было, нашъ герой принималъ участіе во многихъ стычкахъ и сраженіяхъ съ Русскими и былъ даже раненъ; быть-можетъ, онъ искалъ смерти, но судьба привела его въ Курскъ.

Движимый великодушіемъ, императоръ Александръ II-й даровалъ, въ первый день Пасхи 1863 года, прощеніе возставшимъ Полякамъ, если они положатъ оружіе и возвратятся на путь вѣрноподданическаго долга и повиновенія властямъ. Къ сожалѣнію, заблудшіе не вняли всемилостивѣйшему воззванію и продолжали мятежъ. Тогда правительству необходимо было озаботиться о наложеніи надлежащихъ взысканій на забранныхъ въ плѣнъ повстанцевъ и о размѣщеніи ихъ для отбытія сроковъ наказанія. 11-го Мая по этому предмету были высочайше утверждены *особыя правила*, а въ началѣ Іюня предписано губернаторамъ такъ-называемыхъ «внутреннихъ губерній» озаботиться приготовленіемъ помѣщеній въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства для заключенія въ нихъ Польскихъ инсургентовъ. Назначенъ былъ и главный

начальникъ всѣхъ арестантскихъ ротъ въ имперіи, генералъ-лейтенантъ Синельниковъ, которому высочайше было повелѣно «наблюдать за порядкомъ содержанія Польскихъ мятежниковъ въ арестантскихъ ротахъ». Учреждены были военно-судныя комиссіи для разбора дѣлъ о взятыхъ въ плѣнъ или арестованныхъ Полякахъ. Приговоры этихъ комиссій предоставлено было конфирмовать окружнымъ начальникамъ «отдѣльнаго корпуса внутренней стражи» въ губернскихъ городахъ имперіи, а въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ—главнымъ военнымъ властямъ. Разумѣется, самая большая часть судебной дѣятельности выпала на долю комиссій, находившихся въ объятомъ мятежомъ краѣ; но надо замѣтить, что многочисленныя партіи повстанцевъ въ 1863—1864 годахъ были отправляемы въ городъ Владиміръ-на-Клязьмѣ, гдѣ образована была военно-судная комиссія, разобравшая множество дѣлъ о Польскихъ мятежникахъ, которыхъ въ теченіе года со времени начала возстанія было выслано болѣе 30.000 человѣкъ.

Взятый въ плѣнъ Эдуардъ Шиллеръ былъ прежде всего отправленъ въ Псковъ, какъ сборное мѣсто для повстанцевъ, ссылавшихся изъ Царства Польскаго. Изъ Пскова онъ по этапу былъ переселенъ во Владиміръ, и тамошняя военно-судная комиссія приговорила его къ заключенію на нѣсколько лѣтъ въ Курскую арестантскую роту, а затѣмъ на водвореніе въ Енисейскую губернію. Приговоръ былъ утвержденъ командиромъ третьяго резервнаго корпуса, и Шиллера выслали въ Курскъ. Здѣсь онъ находился около двухъ лѣтъ и исполнялъ назначаемыя арестантамъ работы, заключавшіяся главнымъ образомъ въ замащиваніи улицъ, выравниваніи гористыхъ спусковъ, въ устройствѣ насыпей и т. п. Повидимому Шиллеръ, находясь въ Россіи, не имѣлъ сношеній съ родными и не получалъ отъ нихъ писемъ. 21-го Августа 1865 года онъ написалъ письмо къ *Пражскому бургомистру*, котораго просилъ о помощи. Вотъ что, между прочимъ, было сказано въ его письмѣ *).

«Милостивый государь, бургомистръ въ Прагѣ! Съ глубокимъ благоговѣніемъ и преданностью излагаетъ свою просьбу и свое печальное положеніе осужденный... Въ началѣ 1863 года оставилъ я свою родину и принялъ участіе въ Польской революціи; 7-го Января 1864 г. попалъ въ плѣнъ Русскимъ, послѣ чего былъ съ другими арестантами высланъ въ Москву, а затѣмъ во Владиміръ, гдѣ приговоренъ къ заключенію въ арестантскую роту въ Курскѣ. Я нахожусь въ тяжеломъ положеніи и потому рѣшаюсь просить достопочтеннѣйшаго бургомистра увѣдомить моихъ братьевъ и друзей о моемъ несчастіи, такъ какъ мнѣ

---

*) Переводъ съ Нѣмецкаго сдѣланъ чиновникомъ Губернскаго Правленія.

необходима *помощь изъ отечества*. Вѣроятно, послѣ претерпѣннаго наказанія, я буду сосланъ, какъ поселенецъ, въ Сибирь, гдѣ католицизму положенъ конецъ, и я долженъ буду присоединиться къ Лютеранской или Русской церкви. Если моему брату Августу возможно будетъ пріѣхать въ Россію, то пусть онъ не медлитъ, потому что есть еще время помочь мнѣ несчастному. Для воспоминанія о своей родинѣ я прошу васъ прислать: Исторію Богеміи, а также нѣкоторыя сочиненія по химіи и механикѣ, чѣмъ доставите мнѣ большую услугу. Мои братья и друзья: Ричардъ и Августъ Шиллеръ, Шпенглеръ, Эдуардъ Гейзеръ, кандидатъ нотаріуса въ Каролиненталѣ. Жажду скораго отвѣта. Будьте счастливы, милые братья и друзья, и ты, незабвенная, дорогая родина! Если Богу будетъ угодно, мы опять увидимся».

Курское Губернское Правленіе позволило Шиллеру послать написанное имъ письмо Пражскому бургомистру.

Между тѣмъ вскорѣ судьба Шиллера измѣнилась къ худшему. Дѣло въ томъ, что въ 1866 году признано было полезнымъ изъ арестантовъ, находившихся въ арестантскихъ ротахъ, образовать особыя *рабочія роты*, которыя должны были принять участіе въ сооруженіи полотна желѣзныхъ дорогъ. Для завѣдыванія рабочими ротами былъ назначенъ особый инспекторъ. Въ это время начато было устройство линіи желѣзной дороги отъ Орла до Курска. Въ Орлѣ была сформирована рабочая рота, подъ названіемъ *Польской*, для земляныхъ работъ по желѣзнодорожной линіи. Командиръ Польской роты, штабсъ-капитанъ Хорьковъ, проѣздомъ чрезъ Курскъ, предложилъ командиру Курской роты нѣсколько человѣкъ бывшихъ повстанцевъ, въ томъ числѣ и Шиллера, отправить въ Орелъ. Однако, командиръ Курской роты отказался исполнить это предложеніе и написалъ инспектору арестантскихъ ротъ, генералъ-майору фонъ-Штемпелю: «Хотя г.Хорьковъ и требовалъ въ Польсую роту политическихъ преступниковъ, но я, не имѣя на то приказанія начальства, выполнить его требованія не могъ». Тогда фонъ-Штемпель на самомъ же донесеніи командира Курской роты помѣтилъ: «прошу распоряженія Курскаго Губернскаго Правленія объ отправленіи указанныхъ штабсъ-капитаномъ Хорьковымъ арестантовъ въ Орловскую Польскую роту». Губернское Правленіе распорядилось, и въ Октябрѣ 1866 года бывшій фабрикантъ отправился вмѣстѣ съ другими въ Орелъ, чтобы оттуда, вооружившись лопатой и тяжелою тачкой землекопа, начать земляныя работы.

А. Танковъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

1857-й годъ *).

Я отправился изъ Знаменскаго въ Калугу (разстояніе отъ Тарусы до Калуги 62 версты) къ мѣсту моего новаго служенія 7 Января. Первыя слова, сказанныя мнѣ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, когда я явился къ нему, были, чтобы я не искалъ квартиры, а поселился бы въ помѣстительномъ казенномъ губернаторскомъ домѣ, коего одинъ только бэль-этажъ онъ, какъ холостякъ, занималъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась губернаторская канцелярія и была квартира правителя ея Владимира Андреевича Лысогорскаго, а третій этажъ оставался почти что пустымъ за исключеніемъ двухъ комнатъ, изъ коихъ одну занималъ дальній родственникъ графа, старикъ Семенъ Васильевичъ Хрущовъ, прибывшій съ нимъ въ Калугу, а другая была потомъ обращена въ огромный птичникъ, въ коемъ до полуста (или даже болѣе) пѣвучихъ канареекъ порхали на свободѣ и гнѣздились. Такъ какъ въ это время не было вакаціи на штатное (т.-е. съ жалованіемъ) мѣсто чиновника особыхъ порученій, то я былъ зачисленъ младшимъ чиновникомъ безъ жалованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлопроизводителемъ по Губернскому Статистическому Комитету съ годовымъ окладомъ въ 500 рублей.

Въ этой новой моей должности я очутился какъ бы въ лѣсу и еще болѣе сталъ втупикъ, когда прочелъ перечень предметовъ, входившихъ въ занятія комитетскія. Собираемыя свѣдѣнія относились къ предметамъ: географіи, геогнозіи, гидрографіи, минералогіи, этнографіи, агрономіи, лѣсоводства, пчеловодства, скотоводства, мѣстной промышленности, ремеслъ, сельскаго хозяйства съ обозначеніемъ числа скота, лошадей, овецъ и свиней, числа фабрикъ по городамъ и селеніямъ и что онѣ производятъ; перечню народонаселенія по расамъ, вѣроисповѣданію, по возрастамъ, по сословіямъ, числа дворянъ обоего пола, пространства ихъ помѣстій, правъ ихъ на дворянскіе выборы,

---

*) См. выше, стр. 406.

числа священно-и церковно-служителей, монашества, пространства земель и угодій при церквахъ и монастыряхъ; числа каменныхъ и деревянныхъ церквей по городамъ и селеніямъ, числа каменныхъ и деревянныхъ домовъ по городамъ, казенныхъ и частныхъ, числа лицъ служащихъ во всей губерніи съ обозначеніемъ по какимъ вѣдомствамъ, числа купцовъ по гильдіямъ, о подсудности лицъ въ теченіе года, о подушномъ сборѣ, о школахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ съ обозначеніемъ числа учителей и учащихся и пр. и пр.

Для каждаго предмета печатныя бланковыя таблицы (всѣхъ было, помнится мнѣ, болѣе шестидесяти на каждую губернію) посылались Статистическимъ Комитетомъ въ земскіе и уѣздные суды, въ городническія правленія и въ градскія полиціи, въ градскія думы, въ магистраты, въ дворянскія и магистратскія опеки, въ казначейства, въ предводительскія канцеляріи, къ благочиннымъ, въ консисторію, въ депутатское собраніе и въ канцелярію директора гимназіи. Случалось, что въ таблицахъ, обратно получаемыхъ изъ земскихъ судовъ и предводительскихъ канцелярій, были разнорѣчія касательно числъ дворянъ въ уѣздѣ и ихъ правъ на выборы, точно также какъ и въ таблицахъ земскихъ судовъ и городническихъ правленій и градскихъ думъ въ ихъ свѣдѣніяхъ о числѣ городскихъ обывателей съ раздѣленіемъ ихъ по вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ, народностямъ и промысламъ. Въ подобныхъ случаяхъ таблицы отсылались обратно къ нимъ съ эстафетою на счетъ этихъ мѣстъ для исправленія таблицъ, а весь отчетъ составлялся разъ въ годъ. Но кромѣ сего, члены комитета собирались (или должны были собираться) по мѣрѣ надобности, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи и состояли изъ мѣстнаго архіерея, губернскаго предводителя, предсѣдателей палатъ и прочихъ высшихъ чиновныхъ лицъ; но установленнаго для собранія членовъ комитета времени не полагалось. Для комитетскихъ совѣщаній были также отпечатанные журнальные бланки, и вписывать въ нихъ протоколы засѣданій было обязанностію дѣлопроизводителя комитета.

Не справиться бы мнѣ съ этимъ хаосомъ, еслибы мною не руководилъ чиновникъ губернаторской канцеляріи Васильевъ, который исправлялъ до меня должность дѣлопроизводителя, такъ какъ утвержденнаго таковаго не было. Къ счастію моему, во время четырехъ мѣсяцевъ, что̀ лежала на мнѣ эта обуза, гг. члены ни разу не собирались. Этотъ самый Васильевъ разсказывалъ мнѣ, что однажды противъ посланной имъ въ Перемышльское городническое правленіе таблицы для вписыванія въ ней всѣхъ зданій въ этомъ городѣ, какъ казенныхъ,

такъ и частныхъ, а также и церквей, городничій донесъ комитету, что «въ городѣ Перемышлѣ никакихъ зданій не имѣется.» Чтò по его понятіямъ обозначало слово «зданіе», трудно угадать.

Графъ Д. Н. Толстой принялъ осенью 1856 г. Калужскую губернію отъ управлявшаго ею въ теченіе почти года г. Барановича [1]), со времени отбытія изъ Калуги бывшаго предъ тѣмъ губернаторомъ Петра Алексѣевича Булгакова, назначеннаго генералъ-провіантмейстеромъ, и потомъ пожалованнаго въ статсъ-секретари. Г. Барановичъ былъ послѣ сего назначенъ вице-губернаторомъ въ Витебскъ (каковымъ онъ былъ, если не ошибаюсь, прежде въ Тулѣ). Правитель губернаторской канцеляріи, В. А. Лысогорскій, былъ опредѣленъ въ эту должность еще П. А. Булгаковымъ, имъ переведенный изъ Тамбова, гдѣ П. А. Булгаковъ былъ передъ тѣмъ губернаторомъ [2]). В. А. Лысогорскій былъ весьма способный и работящій молодой человѣкъ, особенно хорошо владѣвшій перомъ, и его пустилъ позднѣе въ ходъ графъ Д. Н. Толстой; славный былъ онъ товарищъ и никогда не прочь покутить [3]). Графскій сожитель и дальній родня, Семенъ Васильевичъ Хрущовъ, старый маіоръ Аракчеевскихъ южныхъ (кавалерійскихъ) военныхъ поселеній, былъ человѣкъ весьма религіозный и могъ соперничать съ графомъ въ знаніи церковнаго устава. Онъ, Лысогорскій и я ежедневно обѣдали съ графомъ въ четверомъ. Чиновниками особыхъ порученій были: изъ старшихъ, гг. Гавриловъ, Колошинъ и имени третьяго не припомню. Младшими: гг. Кричевскій, Муравьевъ и Михаилъ Владимировичъ Корсаковъ. Послѣдній подалъ въ отставку вскорѣ послѣ моего перевода въ Калугу, и потому я занялъ его мѣсто.

Рѣзко отличался отъ другихъ Николай Петровичъ Гавриловъ, идеалъ слѣдователя, съ коимъ я могъ сравнивать только одного моего быв-

---

[1]) Въ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ, г. Барановичъ былъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Рязани. Не посчастливилось ему по службѣ до конца его карьеры, и онъ не попалъ никогда въ губернаторы Онъ былъ Полякъ, въ концѣ 60-хъ годовъ обратился въ Православіе и чуть-ли не постригся въ Оптиной пустыни.

[2]) Напоминаю, что вслѣдствіе открыто-офиціальной войны между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ кн. Юрьемъ Николаевичемъ Голицынымъ и взаимныхъ ихъ доносовъ, П. А. Булгаковъ былъ переведенъ въ Калугу, а князь Голицынъ уволенъ отъ службы. Первый изъ нихъ былъ примѣрный администраторъ, но дерзокъ и грубъ до крайности съ своими подчиненными.

[3]) Когда графъ Д. Н. Толстой поступилъ снова на службу губернаторомъ въ Воронежъ, онъ перевелъ туда В. А. Лысогорскаго совѣтникомъ Губернскаго Правленія (чѣмъ впрочемъ онъ былъ и въ Калугѣ при преемникѣ графа Толстаго, В. А. Арцымовичѣ) и позднѣе доставилъ ему мѣсто вице-губернатора въ Перми.

шаго Рязанскаго товарища, С. Т. Славутинскаго. При громадной, пріобрѣтенной практикѣ, г. Гавриловъ *) прилежно продолжалъ заниматься теоріею юридическихъ занятій и далеко пошелъ. И его, какъ и В. А. Лысогорскаго, вывезъ изъ Тамбова П. А. Булгаковъ. Совѣтниками Губернскаго Правленія были: гг. Карповъ, Косачъ, и фамилію третьяго я забылъ. Старшій изъ нихъ, Григорій Степановичъ Карповъ, посѣдѣвшій въ этой должности, имѣлъ нѣкоторую рутину въ дѣлахъ; но нашъ новичекъ вице-губернаторъ Н. И. Юркевичъ, только-что вышедшій изъ л.-гв. конногренадерскаго полка, видѣлъ въ немъ какую-то особенную геніальность, и г. Карповъ былъ въ его глазахъ неоспоримымъ авторитетомъ. Второй совѣтникъ, Михаилъ Григорьевичъ Косачъ былъ свѣтски-цивилизованный или, правильнѣе, лакированный человѣкъ, не безъ примѣси аффектаціи въ говорѣ и манерахъ: одѣвался изящно, и во всей его персонѣ видна была порядочность; лицомъ свѣжъ и румянъ, но сѣдовласъ какъ лунь не по лѣтамъ, тщательно всегда выбритый и съ гладко причесанными вплоть до глазъ висками. Я сказалъ, что онъ посѣдѣлъ преждевременно, потому что въ описываемое мною время ему было только сорокъ съ небольшимъ лѣтъ. Выписывалъ онъ періодическіе журналы и изъяснялся литературнымъ современнымъ слогомъ, немного протяжно и округляя свои фразы; а когда попадались ему на языкъ слова Французскаго происхожденія, какъ напримѣръ: «гувернантка,» то онъ произносилъ послѣдній слогъ «нантка» гнуся. Не сходился нашъ совѣтникъ коротко ни съ кѣмъ и въ обществѣ не показывался, кромѣ клуба, гдѣ, какъ холостякъ, онъ проводилъ вечерà за карточнымъ столомъ по маленькому кушу, а когда разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь, или слушалъ докладъ младшаго секретаря по своему отдѣленію въ Губернскомъ Правленіи, то, засунувъ, бывало, руки въ боковые карманы своихъ широкихъ брюкъ и покачиваясь слегка на каблукахъ, онъ отъ времени до времени выправлялъ воротнички безукоризненно-бѣлой сорочки или поправлялъ свой галстукъ. Вообще въ немъ замѣтна была наклонность молодиться. Случилось съ нимъ однажды довольно непріятное, по его привычкамъ, приключеніе. Пришедъ обѣдать по холостяковскому своему обычаю въ общественный трактиръ, тогда наилучшій въ Калугѣ, онъ усѣлся за отдѣльнымъ столомъ, а въ сосѣдней комнатѣ шумно пировалъ разгульный купчикъ, содержатель почтовыхъ лошадей. Купчикъ этотъ мѣтилъ было въ градскіе головы и угощалъ разливнымъ моремъ Шампанскаго, не столько вліятельныхъ лицъ изъ солидныхъ негоціантовъ, какъ всякую шушеру изъ закадычныхъ своихъ пріятелей и прихлѣбателей. «Анъ нуть-

---

*) Въ настоящее время, Н. П. Гавриловъ предсѣдатель Тульскаго Окружнаго Суда.

ка-съ», подхватывала паразитская ватага, «покажи-ка намъ, какъ ты взойдешь въ думу градскимъ головою и какія ты тамъ рѣчи заговоришь и новые порядки начнешь заводить!» И буйный купчикъ, выскочивъ на середину зала, принялся было репетировать начальническую роль, какъ вдругъ, въ пылу ораторства, замѣтивъ нашего совѣтника, скромно сидѣвшаго въ сосѣдней комнатѣ, схватилъ полный бокалъ и подбѣжалъ къ нему съ просьбою: «Касачикъ, выпей бокальчикъ!» Легко представить себѣ, съ какимъ негодованіемъ, при этой фамиліярности, чопорный нашъ совѣтникъ отклонилъ отъ себя предлагаемый бокалъ. Но испытанія его этимъ не прекратились, и обиженный отказомъ купчикъ угостилъ его за отказъ площадною, извѣстною Русскою руганью, въ составъ коей входитъ имя матери. Не вытерпѣлъ Михаилъ Григорьевичъ и, не кончивъ своего обѣда, побѣжалъ съ жалобою къ губернатору, коимъ былъ уже тогда В. А. Арцымовичъ.

Хорошій человѣкъ былъ вице-губернаторъ Н. И. Юркевичъ, и ему оказалъ графъ Д. Н. Толстой служебную и въ тоже время семейную услугу. Отецъ его, богатый господинъ, держалъ сына на черезчуръ скудной денежной порціи, пока онъ не добьется до званія превосходительства, а между тѣмъ у Николая Ильича уже было восемь или девять человѣкъ дѣтей, и трудно было ему перебиваться. Поэтому графъ Толстой, на первыхъ же порахъ своего пріѣзда въ Калугу, выхлопоталъ ему въ министерствѣ то, что̀ составляло предметъ родительскаго честолюбія, а для сына насущной потребности.

Асессоромъ Губернскаго Правленія былъ нѣкто Вагинъ, а старшимъ секретаремъ Александръ Дмитріевъ Ходовъ, человѣкъ не безъ значенія на своемъ мѣстѣ. Предсѣдателемъ Казенной Палаты былъ г. Кабритъ, вскорѣ по моемъ опредѣленіи въ Калугу переведенный въ другую губернію, а на его мѣсто былъ назначенъ г. Толмачевъ, весьма недалекій господинъ. Когда графъ Дмитрій Николаевичъ вышелъ въ отставку въ 1858 году, а до пріѣзда его преемника должность губернатора исправлялъ вице-губернаторъ Юркевичъ, г. Толмачевъ все освѣдомлялся, не отправится ли на ревизію по губерніи вице-губернаторъ, чтобы онъ могъ (по положенію) быть хотя калифомъ на часъ и числиться исправляющимъ должность губернатора въ городѣ. «Чай вамъ непріятно», однажды спросилъ онъ у одного изъ нашихъ чиновниковъ особыхъ порученій, «что на мѣсто графа Толстаго теперь новый губернаторъ?» — «Когда человѣкъ добросовѣстно исполняетъ свои служебныя обязанности», отвѣчалъ мой товарищъ, «ему все равно, кто бы ни былъ его начальникомъ». — «Однакоже», настаивалъ г. Толма-

човъ, «вѣдь можетъ же случиться, что ваша физіономія не понравится ему?» — «Ну, если случится такой губернаторъ, который будетъ судить о своихъ подчиненныхъ по одной ихъ физіономіи, то я и самъ не пожелаю служить при немъ», отвѣчалъ нашъ молодецъ. Этими анекдотами о г. Толмачевѣ я забѣжалъ впередъ, дабы болѣе не возвращаться къ его личности.

Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ въ то время князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, женатый на Дьяковой [1]), а Уголовной Палаты—Александръ Ивановичъ Яковлевъ, человѣкъ феноменальной неспособности и тупоумія [2]). Привожу одинъ примѣръ его юридическихъ понятій и познаній. Однажды заарестованъ былъ крѣпостной человѣкъ графа Шувалова, выдававшій себя за попа раскольничьей секты. При немъ найдены были (на сколько помню) іерейское облаченіе, служебныя книги и чуть ли даже не церковные сосуды, вмѣстѣ съ чиномъ присоединенія «отъ Никоніановской ереси приходящихъ». И такъ, въ дѣлѣ о немъ было двоякое обвиненіе: первое—въ распространеніи ереси, за чтò онъ подвергался (на основаніи 216 ст. Уложенія о Наказаніяхъ, по изд. 1857 года) лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ за предѣлы Европейской Россіи, а второе—въ бродяжничествѣ, за которое, по 1216, 1217 и 1218 статьямъ того же Уложенія, онъ подлежалъ къ отдачѣ въ солдаты или арестантскія роты, на время отъ 10 до 12 лѣтъ, или къ поселенію въ Сибирь. Калужская Уголовная Палата обвинила его въ одномъ только присвоиваніи себѣ непринадлежавшаго ему чина и, на основаніи 1942 статьи того же Уложенія, присудила къ денежному штрафу [3]).

Управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ былъ г. Волковъ, тихій и скромный человѣкъ, а губернскимъ прокуроромъ молодой еще правовѣдъ, г. Трузсонъ, отличный малый, подвергшійся позднѣе гоненію за либеральное свое направленіе, при реакціонномъ министерствѣ Валуева, замѣнившаго въ 1862 году графа С. С. Ланскаго. Архіереемъ былъ уже и тогда тотъ же самый Григорій, чтò и нынѣ, поступившій незадолго предъ тѣмъ на мѣсто скончавшагося

---

[1]) Отецъ этой молодой княгини Оболенской былъ женатъ вторично на нашей Московской аматёрской примадоннѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ Окуловой.

[2]) Этотъ г. Яковлевъ не имѣетъ ничего общаго съ Калужскимъ же Семеномъ Павловичемъ Яковлевымъ, о коемъ сейчасъ придется говорить.

[3]) Замѣчательнаго этого рѣшенія самъ я не читалъ; но о немъ передано было мнѣ графомъ Д. Н. Толстымъ, протестовавшимъ, конечно, противъ онаго.

Николая *), а губернскимъ предводителемъ только-что выбранный Θедоръ Сергѣевичъ Щукинъ, на мѣсто г. Уньковскаго.

Должность жандармскаго штабъ-офицера занималъ не по чину г.-м. Гринфельдъ, человѣкъ благонамѣренный и прямой. Овъ былъ ярый садоводъ: цвѣтники его сдѣлали бы честь любому по профессіи садовнику, какъ по богатству ассортиментовъ растеній, такъ и по выгонкѣ ихъ. Кромѣ воздушной части, Гринфельдъ особенно искусно выдерживалъ въ комнатахъ множество розъ, кактусовъ и луковичныхъ растеній, какъ бы въ оранжереѣ, и надъ всѣмъ этимъ собственноручно трудился, и даже возилъ землю на тачкѣ, окапывая и поливая клумбы безъ садовника, съ помощію одного своего дворника и раздѣляя работу съ нимъ съ Нѣмецкою аккуратностью пополамъ. Онъ былъ произведенъ въ генералы за долголѣтнюю службу, съ оставленіемъ, не въ примѣръ другимъ, въ его функціяхъ и съ окладомъ штабъ-офицерскимъ. Старый, но бодрый и румяный былъ этотъ холостякъ. Въ обществѣ онъ рѣдко показывался и тратилъ значительную часть своего жалованья и пенсіона (уже имъ выслуженнаго) на любимое свое садоводство. Между нимъ и графомъ Толстымъ произошло маленькое столкновеніе на первыхъ порахъ пріѣзда послѣдняго въ Калугу. Когда весь губернскій высшій и низшій чиновническій персоналъ являлся, какъ это обыкновенно водится, къ новому губернатору, генерала Гринфельда не находилось въ этомъ числѣ: онъ кичился, должно быть, тѣмъ, что генералъ-маіорскій чинъ выше дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и потому старшему не обязательно являться къ младшему. Графъ никакого, конечно, замѣчанія ему не сдѣлалъ на это; но, дабы взаимныя ихъ отношенія обрисовались правильнѣе на будущее время, графъ Дмитрій Николаевичъ пригласилъ его къ себѣ по дѣламъ службы, и волею-неволей военный генералъ долженъ былъ первый явиться къ статскому.

Калужское осѣдлое, такъ-сказать, общество было изъ мѣстныхъ дворянъ и лицъ, поселившихся въ Калугѣ по разнымъ случайностямъ, кромѣ служебныхъ. Оно было несравненно многочисленнѣе Рязанскаго. Нѣкоторыя лица имѣли свои собственные дома, какъ напримѣръ княгиня Наталья Петровна Оболенская (вдова князя Александра Петровича, бывшаго почетнымъ опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома) и Семенъ Павловичъ Яковлевъ. Съ нимъ я не замедлилъ возобновить прежнее мое знакомство въ Москвѣ, во время нашихъ ама-

*) Преосвященный Николай (бывшій когда-то Московскимъ викаріемъ), умеръ, послѣ долгихъ страданій, вслѣдствіе паденія съ экипажемъ во время своихъ разъѣздовъ по эпархіи.

тёрскихъ концертовъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, въ коихъ участвовала его жена, Зенаида Александровна, рожденная Берингъ (родная сестра Меропы Александровны Новосильцовой). Такого милаго и дружнаго между собою семейства, какъ Яковлевы, трудно сыскать, и много отрадныхъ часовъ я провелъ въ средѣ его. Оно состояло изъ четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Старшая изъ первыхъ, Софія Семеновна, которой было 18 или 19 лѣтъ, не жила тогда съ родителями: ее взяла къ себѣ въ Петербургъ, года три или четыре передъ тѣмъ, ея бабушка по матери, княгиня Софья Егоровна Вяземская. Вторая была шестнадцатилѣтная Олимпіада Семеновна, и двѣ малолѣтнія, Зенаида и Наталья. Старшему сыну было 11 или 12 лѣтъ, и его вскорѣ помѣстили въ Пажескій Корпусъ[1]), а меньшому было 5 или 6 лѣтъ. Олимпіада Семеновна напоминала мнѣ мою Анну во всемъ, кромѣ наружности, и я привязался къ ней какъ бы къ моей кровной; да и дѣвушка она была выходившая изъ общаго разряда. Тихоправная, скромная и немного застѣнчивая, съ любящимъ сердцемъ, религіозная въ высшей степени, веселаго довольно характера, всѣми и всѣмъ довольная: въ ея глазахъ всѣ люди были хорошими; пороковъ ихъ она не замѣчала и о нихъ судила по своей душевной чистотѣ. Отецъ и мать дали утонченное воспитаніе своимъ дѣтямъ, и у дочерей были иностранныя гувернантки, не Парижанки-болтуньи, что̀ однимъ лишь градусомъ выше прикащицъ модныхъ магазиновъ, какъ бываетъ сплошь да рядомъ, а съ солидными манерами и правилами и фундаментально-образованныя[2]). Обѣ старшія сестры безукоризненно говорили по-французски, по-англійски и по-нѣмецки. Олимпіадѣ Семеновнѣ захотѣлось учиться по-итальянски, и я съ радостію предложилъ ей мои посильныя услуги. Она сама, помнится мнѣ, указала на методъ Робертсона, для изученія Итальянскаго языка, методъ точь-въ-точь такой же, какимъ я руководствовался въ преподаванія Англійскаго языка моей Анетинѣ. При дарованіяхъ юной моей ученицы, успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе, и не болѣе какъ въ три мѣсяца она уже свободно переводила съ Итальянскаго на Французскій языкъ и обратно. Знаменательно было для меня это сближеніе двухъ молодыхъ и столь интересныхъ существъ, единственныхъ моихъ ученицъ, коимъ, какъ неземнымъ жилицамъ, предназначенъ былъ одинаковый жребій. Въ одномъ и томъ же воз-

[1]) Нынѣ начальникъ Московской таможни. П. Б.

[2]) Гувернанткою у Яковлевыхъ была позднѣе Француженка, нѣкая m-lle Mulanie, воспитанница Французскаго училища „le Sacré Coeur“ въ Римѣ, гдѣ она знавала мою племянницу, графиню Анну Петровну Бутурлину, монахиню въ этомъ заведеніи и всѣми тамъ уважаемую. Эта мамзель Мюлани до того обрадовалась знакомству со мною, что чуть не бросилась мнѣ на шею, какъ родная.

растѣ обѣ были отторгнуты скоропостижно отъ родителей, предстали чистыми отъ мірскаго соприкосновенія предъ Творцомъ и тамъ сдѣлались молитвенницами за своихъ родителей [1]). Даже учебный методъ Робертсона, вещь столь незначительная, былъ звѣномъ между обѣими и мною!.. Олимпіада Семеновна была роскошная, бѣлая и розовая дѣвушка, съ черными выразительными глазами и темными волосами. Вполнѣ красавицею быть мѣшалъ ей лишь плосковатый немного носикъ и опущенныя оконечности пышнаго ротика.

Семенъ Павловичъ Яковлевъ, по нынѣ здравствующій, былъ и есть фанатикъ-меломанъ и даже весьма порядочный виртуозъ на скрипкѣ. О немъ разсказываютъ, что когда въ первый разъ онъ присутствовалъ въ Петербургѣ на одной изъ новыхъ оперъ Верди, какая-то оркестровая комбинація до того восхитила его, что онъ, не вытерпѣвъ, воскликнулъ: «Отцы родные, что̀ это вы со мною дѣлаете!» Шутки въ сторону, онъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и нѣжный семьянинъ, и дай Богъ всякому прожить въ такомъ супружескомъ согласіи, какъ онъ жилъ съ покойною Зенаидою Александровною, женщиною недюжиннаго разряда [2]). Состояніе у него хорошее, и винный заводъ, существующій уже болѣе 20 лѣтъ, идетъ успѣшно по сіе время. Городской его домъ (на Архангельской улицѣ, насупротивъ церкви Св. Архистратига Михаила) игрушечка; по наружной архитектурѣ и по внутреннему изящному устройству и комфорту, онъ могъ бы быть украшеніемъ столицы. Онъ построенъ по плану одного Нѣмецкаго архитектора [3]).

Открытымъ домомъ жила молодая чета Храповицкихъ. Почему они выбрали губернскій городъ мѣстомъ постояннаго своего жительства, тогда какъ ихъ средства дозволяли имъ жить въ столицѣ, не знаю; а впослѣдствіи Варвара Александровна Храповицкая, по смерти

[1]) Олимпіада Семеновна скончалась холерою въ Петербургѣ, въ домѣ своей бабки, княгини С. Е. Вяземской, въ 1861 году, заявляя окружавшимъ ея одръ, что умираетъ съ радостію, въ надеждѣ вѣчнаго блаженства. Никакое семейное горе не постигло ея никогда, а родители и бабушка ея не чаяли души въ ней.

[2]) Она умерла отъ апоплексическаго удара на Святой недѣлѣ, въ 1865 или 1866 году. Первый ударъ постигъ ее въ покояхъ преосвященнаго Григорія, коего она пріѣхала поздравить съ Пасхою, послѣ вечерень на первый день праздника, и тутъ же ей кровь пустили, къ великому испугу преосвященнаго

[3]) Все сказанное о С. П. Яковлевѣ совершенно вѣрно; но слѣдуетъ прибавить, что онъ былъ величайшій говорунъ. Бывшій Калужскій губернаторъ Булгаковъ отзывался о немъ, что „онъ кровь заговариваетъ“. И вправду, слушая безконечную его рѣчь, у иныхъ кровь останавливалась. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

мужа, купила даже домъ въ Калугѣ. Она была одно изъ тѣхъ существъ, о которыхъ говорится «bonne comme du pain»: проста и ровна въ обращеніи со всѣми и всѣми любима. Никто не дозволилъ бы себѣ не только остраго словечка на ея счетъ, но даже и шуточнаго намека. Мужъ ея, нигдѣ тогда не служившій, даже по дворянскимъ выборамъ, ѣзжалъ за границу на короткое время, но, помнится мнѣ, безъ жены.

Проживала также въ Калугѣ, не знаю по какому случаю, Марья Степановна Толстая. Она была вдова и имѣла при себѣ одну только дочь, Марью Васильевну, уже взрослую и недурную собой, умершую въ дѣвицахъ. У княг. Натальи Петровны Оболенской дѣтей не было, и она воспитывала, какъ дочь, свою племянницу, миловидную блондинку, также княжну Наталью (по отчеству я забылъ) Оболенскую, назначивъ ее своею наслѣдницей. Менѣе чѣмъ черезъ годъ по моемъ переходѣ въ Калугу, поселился у княгини Натальи Петровны родной ея братъ, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, прощенный Декабристъ, съ женою Сибирячкой и съ двумя мальчиками [1]). Отъ природной сердечной доброты и вслѣдствіе (вѣроятно) долговременной ссыльной жизни и бремени годовъ, князь Евгеній Петровичъ сдѣлался настоящимъ дитятею въ практической жизни, взамѣнъ чего онъ вынесъ изъ страдальческаго терноваго своего пути глубокое религіозное направленіе и рѣдкую кротость въ сужденіяхъ. Богъ сподобилъ его воспріять немного позднѣе благочестивую кончину [2]). Во время подготовительныхъ работъ въ Петербургѣ по дѣлу объ эмансипаціи крестьянъ, Я. И. Ростовцовъ, одинъ изъ главныхъ, какъ извѣстно, двигателей великаго этого событія, улучилъ время прискакать на нѣсколько часовъ въ Калугу, чтобы повидаться съ забытымъ всѣми послѣ тридцатилѣтняго исчезновенія Калужскимъ отшельникомъ [3]). Я. И. Ростовцовъ принадлежалъ къ тому же тайному обществу, какъ и князь Евгеній Петровичъ, но вышелъ

---

[1]) Одинъ изъ сыновей князя Евгенія Петровича, нынѣ (въ концѣ 1874 года) уѣзднымъ (или земскимъ) врачемъ въ Тарускомъ уѣздѣ.

[2]) Въ началѣ 60-хъ годовъ, на Страстной седмицѣ, въ Чистый Четвергъ или Великую Субботу, князь Евгеній Петровичъ, причастившись Св. Тайнъ въ соборѣ, едва пришелъ домой, какъ съ нимъ случился апоплексическій смертельный ударъ.

[3]) Я. И. Ростовцовъ пріѣзжалъ въ Генварѣ 1855 года въ Москву на юбилей Университета. Тогда его исторія 1825 года и вполнѣ чистый образъ дѣйствій не были еще разъяснены, и кто-то въ Москвѣ про него съострилъ, что онъ въ одно и тоже время отецъ и сынъ (Іаковъ-Іуда). П. Б.

изъ него незадолго до Декабрьскаго разгрома, и потому незаслуженно пріобрѣлъ у иныхъ прозвище Іуды Искаріота *).

Изъ мужского персонала, проживавшаго въ Калугѣ, рѣзко выдавались двѣ личности: Декабристъ Гаврила Степановичъ Батенковъ и старикъ князь Святополкъ-Мірскій. Послѣдній находился подъ надзоромъ полиціи, но изрѣдка посѣщалъ графа Дмитрія Николаевича.

Біографія Батенкова не вполнѣ выяснена въ нашихъ историческихъ журналахъ, и о немъ упоминается лишь вскользь въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Русской Старинѣ» и немного пространнѣе въ Запискахъ Н. И. Греча въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1868 (кажется) годъ; да и въ этихъ Запискахъ онъ выставленъ великимъ кутилою, чтобы не сказать пьяницею. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя я могъ по сю пору собрать о немъ. Батенковъ былъ родомъ Сибирякъ, служилъ въ артиллеріи и въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ, при чемъ былъ жестоко раненъ и брошенъ за мертво на полѣ битвы. О дальнѣйшей его службѣ мнѣ ничего не извѣстно до того времени, когда онъ сдѣлался приближеннымъ человѣкомъ уже прощеннаго Сперанскаго, по атестаціи коего онъ перешелъ къ графу Аракчееву, пріобрѣлъ расположеніе его и даже имѣлъ нѣкоторое при немъ значеніе. Былъ онъ замѣшанъ въ Декабрьскомъ заговорѣ и просидѣлъ что-то очень долго, чуть ли не около двадцати лѣтъ, въ Петропавловской крѣпости; но странно то, что не встрѣчается его имени въ слѣдственномъ дѣлѣ о Декабристахъ. Въ первыя 16 или 17 лѣтъ его заключенія ему не давали ни письменныхъ принадлежностей, ни книгъ, и единственная, которую разрѣшено было ему, наконецъ, имѣть, была Библія. Какой требовался избытокъ нравственныхъ и физическихъ силъ, чтобы не умереть или не сойти съ ума! Да и когда я знавалъ Гаврила Степановича въ Калугѣ уже старикомъ, организмъ его былъ еще желѣзный и обличалъ мускулёзнаго когда-то атлета. Выпустили его, наконецъ, изъ заточенія и отвезли на родину, въ Сибирь. Тамъ никого изъ его родственниковъ

---

*) Я только-что вспомнилъ удачный весьма „bon mot" Авраама Сергѣевича Норова насчетъ самого себя и Я. И. Ростовцова. На одномъ придворномъ балѣ, во время разговора А. С. Норова (тогда министра народнаго просвѣщенія) съ Я. И. Ростовцовымъ, который былъ директоромъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, государь Николай Павловичъ, подошедъ къ нимъ, спросилъ у перваго: чтó новаго въ городѣ?—„Новаго только то, государь", отвѣчалъ А. С. Норовъ, „что въ городѣ поговариваютъ, будто народное просвѣщеніе въ Россіи покоится на лонѣ Авраама и Іакова". Услыхавъ это, государь расхохотался. Другая острота. Старикъ Норовъ ходилъ на деревяшкѣ. Товарищемъ его по Министерству Народнаго Просвѣщенія былъ тоже старикъ князь П. А. Вяземскій. Говорили, что это министерство: трехногая кляча, и то съ *норовомъ*.

не было уже въ живыхъ, и никто не зналъ его. Брошеннаго безъ всякихъ средствъ въ какой-то уѣздный городишко, несчастнаго призрѣлъ одинъ тамошній обыватель. «Мы съ тобой люди убогіе», сказалъ этотъ милосердецъ своей женѣ, «но подѣлимся послѣднимъ нашимъ кускомъ хлѣба съ этимъ бѣднякомъ: авось Господь Богъ насъ за то не оставитъ». И жилъ Батенковъ нѣсколько лѣтъ у своихъ благодѣтелей [1]). Однажды этотъ добрякъ отправленъ былъ въ какую-то очень дальнюю командировку, за нѣсколько тысячъ верстъ, и передъ отъѣздомъ говоритъ онъ своему жильцу: «Гаврила Степановичъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; если что̀ случится со мною, не оставь, прошу тебя, мою жену; ты знаешь, я сдѣлалъ что̀ могъ для тебя». Чуяло сердце добраго этого человѣка, что онъ болѣе не вернется, и дѣйствительно, онъ померъ на чужой сторонѣ. А что̀ могъ сдѣлать Батенковъ для вдовы и семейства покойника, прозябавшихъ на одномъ его скудномъ достаткѣ? Но вотъ восшелъ на престолъ грядущій освободитель милліоновъ крестьянскихъ рабовъ, и всѣ Декабристы, оставшіеся въ живыхъ, возвращены на родину. Было когда-то у Батенкова какое-то незначительное имущество, а такъ какъ онъ пропалъ безъ вѣсти и родственниковъ никакихъ у него не оказалось, то имущество это, какъ выморочное, поступило въ казну. Теперь прибѣгнулъ онъ къ царю съ прошеніемъ по сему дѣлу. Навели справки о существованіи когда-то указаннаго просителемъ имѣнія; показаніе подтвердилось, но о судьбѣ владѣльца ничего не было извѣстно. Тогда государь выдалъ Батенкову 12 тысячъ рублей (если не ошибаюсь) изъ собственной своей шкатулки, и Батенковъ, взявъ съ собою вдову своего благодѣтеля, пріѣхалъ первоначально въ Тульскую губернію, гдѣ находился, кажется, кто-то изъ старыхъ его знакомыхъ [2]), но вскорѣ затѣмъ поселился въ Калугѣ и купилъ тамъ скромный домикъ на Дворянской улицѣ. Онъ еще былъ тогда плотный и несгорбленный мужчина, съ твердою поступью и громкимъ голосомъ, и говорилъ почти что съ эмфазисомъ, чуждымъ, впрочемъ, всякой афектаціи, и съ нѣкоторою разстановкой; не злословилъ никого и принималъ живое участіе въ современныхъ событіяхъ, и даже въ мелочахъ ежедневной жизни губернскаго города. Домъ и небольшой свой капиталъ онъ завѣщалъ жившей при немъ вдовѣ Сибирскаго своего благодѣтеля, которая вышла замужъ еще при

---

[1]) Это были Томскіе граждане Лутчевы. П. Б.

[2]) Это было благословенное семейство Елагиныхъ. Старушка Авдотья Петровна, вдова артиллериста Алексѣя Андреевича, которому вѣкогда Батенковъ былъ другомъ и товарищемъ, и ея два сына, Василій и Николай, назначили Батенкову пенсію и посылали ее въ Томскъ, а потомъ въ Калугу. П. Б.

его жизни за товарища председателя Калужской Гражданской Палаты, г-на Цурикова, человека много моложе ея [1]).

Второю замечательною личностью был престарелый князь Святополк-Мирский, человек довольно загадочный. Акцент обличал в нем чистаго Поляка, но таковым он не признавал себя и заявлял, что он Русский. Про его похождения в молодости ничего мне неизвестно, кроме того, что он долго жил во Франции, после чего поселился в Алжире, где купил ферму на участке казенных земель, или взял ее в аренду на долгий срок; потом, разсорившись за что-то с Французским правительством, переехал в Австрию, где также не поладил с Венскою высшею администрацией, перебрался в Петербург, в министерство графа Льва Алексеевича Перовскаго, и принял Православие, вместе с взрослою своею дочерью [2]). Не вем, чем досадили Рюриковскому прямому потомку Французское и Австрийское правительства; но он бранил па чем свет стоял и падшаго Людовика-Филиппа, и воцарившагося Наполеона III-го, и Габсбургской династии императора. Находился он в Калуге под надзором начальника губернии, не потому что был замешап в политических заговорах, а потому, как я слышал, что он доводил до сведения Государя, что он имеет якобы большее право на Всероссийский престол, чем царствующий дом Романовых, по своему прямому (как сказано выше) происхождению от Рюрика. По моему, кроме смешного, ничего не было в этой династической претензии, за которую не стоило подвергать его административному надзору, тем более, что по его речам можно было подозревать, что его умственныя способности были не в совершенно-нормальном состоянии.

Не было недостатка на балах в военных кавалерах, так как в Калуге квартировал тогда пехотный фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полк, командовал коим пожилых уже лет полковник Чу́ди, уроженец княжества Зигмарингенскаго. О нем разсказывали, что в первой молодости, находясь в Прусской службе, он участвовал в Ватерлоском сражении и потому носил орден, выданный в воспоминание этой битвы, и вот этот-то самый орден

---

[1]) Я был у Батенкова в Декабре 1861 года, и он в то время был еще настолько свеж и бодр, что я удивился, узнав о его кончине в следующем 1862-м или 1863-м году.

[2]) Сыновья помещены были государем Николаем Павловичем в казенныя учебныя заведения, а над одним из них, уже взрослым, совершено было, в церкви Кадетскаго Корпуса таинство Св. Крещения, с погружением в воду. П. Б.

(или медаль) служилъ будто бы предметомъ вѣчныхъ упрековъ со стороны престарѣлаго его отца, такъ какъ старшій Чу́ди находился въ Наполеоновскихъ войскахъ въ этотъ злополучный для Французовъ день. Начальникомъ дивизіи, штабъ коей находился въ Калугѣ, былъ генералъ Тетеревниковъ, а начальникомъ артиллеріи генералъ Гагеманъ, супруга коего была урожденная княжна Кастріоти Скандербекъ-Грегоровичъ-Барбаросса, изъ сочетанія каковыхъ фамилій опредѣлить съ точностью національность этой дамы трудно [1]).

Въ Калугѣ я сблизился съ Иваномъ Леонтьевичемъ Тимофеевскимъ, съ коимъ познакомился въ 1855 году въ Тарусѣ. Онъ содержалъ откупъ и, препоручивъ оный своему повѣренному, переѣхалъ въ Калугу съ семействомъ, а самъ сдѣлался управляющимъ отсутствующаго тамошняго откупщика Воронина. Съ этого времени мои и жены моей отношенія съ этимъ семействомъ сдѣлались короткими. Мужъ и жена были почтенные, добродушные и услужливые люди, любили жить съ комфортомъ и обстановкою комъ-иль-фотнаго сословія, хотя сами были мѣщанскаго происхожденія. Иванъ Леонтьевичъ, уроженецъ Новгородской губерніи, гор. Крестцовъ, началъ свое поприще сидѣльцемъ въ кабакѣ и впослѣдствіи, долго служа въ Петербургѣ по винному откупу, въ кругу образованныхъ людей, почувствовалъ потребность просвѣщенія, и если самъ не достигъ вполнѣ до этой цѣли, то далъ тщательное воспитаніе своимъ дѣтямъ, изъ коихъ двое сыновей были въ описываемое мною время въ Калужской гимназіи, а нынѣ проложили себѣ хорошую по службѣ дорогу; единственная же дочь, Ольга Ивановна, успѣшно выдержала, изъ любви къ наукѣ, университетскій экзаменъ, вовсе не помышляя поступить въ учительницы, такъ какъ отецъ ея владѣетъ большимъ капиталомъ [2]). Нѣжная заботливость о своихъ чадахъ иногда доходила у Ивана Леонтьевича до комичности. Въ лѣтнее время, когда старшіе его сыновья Константинъ и Викторъ, уже студенты Московскаго университета, гостившіе у него въ Тарусѣ (гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ и продолжалъ содержать откупъ до уничтоженія въ 1863 году откупной системы) засиживались до поздней ночи у насъ въ Знаменскомъ [3]), онъ становился безпокоенъ и начиналъ приставать къ женѣ: «Мамаша, не случилось ли чего съ дѣтьми?» — «А чего добраго», насмѣшливо отвѣтитъ добрая

---

[1]) Она Далматка. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

[2]) Она вышла замужъ въ концѣ 1863 года за моего сослуживца, не разъ упомянутаго, Викентія Ѳомича Раковскаго, бывшаго тогда однимъ изъ Тарускихъ мировыхъ посредниковъ, а нынѣ (въ 1874 году) прокуроромъ Владимирскаго Окружнаго Суда.

[3]) Напоминаю, что отъ Знаменской нашей усадьбы до Тарусы всего двѣ версты.

и разсудительная всегда Екатерина Михайловна, «вѣдь они маленькіе: того и гляди, упадутъ, пожалуй, въ прудъ» *).

Изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ губернскихъ городовъ ни одинъ не производитъ такого грустнаго впечатлѣнія, какъ Калуга, своими руинами, свидѣтельствующими о прежнемъ ея процвѣтаніи. По многимъ ея улицамъ стоятъ изолированными громадные палацццы, въ полуразрушенномъ нынѣ видѣ, нѣкогда принадлежавшіе первостатейнымъ купцамъ-милліонерамъ: Золотаревымъ, Билибинымъ и другимъ, имена коихъ я забылъ. Таковыхъ тузовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка считали десятками, а въ 50-хъ годахъ во всемъ городѣ едва ли былъ одинъ купецъ первой гильдіи. Въ концѣ прошлаго и въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка Калуга вела огромную торговлю пенькою и юфтянымъ производствомъ и отчасти хлѣбомъ съ Ригою. Для послѣдняго продукта, какъ и для пеньки, Калуга была складочнымъ мѣстомъ, а кожи выдѣлывались на мѣстѣ; но мало-по-малу, съ 20-хъ годовъ, торговля этими предметами приняла другое направленіе, и городъ началъ постепенно упадать. Прежніе капиталисты перемерли, а обѣднѣвшіе ихъ наслѣдники продали или отдали въ наймы свои трехъэтажные дома подъ казармы, больницы и подобныя общественныя надобности, или, продолжая занимать сами незначительную часть этихъ домовъ, запустили остальныя. Гостиный дворъ, съ его безсмысленною полуготическою и полумавританскою архитектурой, бывшею въ модѣ въ первой четверти нынѣшняго вѣка, построенъ въ такихъ размѣрахъ, что могъ бы, пожалуй, удовлетворять требованіямъ столичнаго населенія; а теперь въ его опустѣлыхъ проходахъ и линіяхъ хоть шаромъ покати: не задѣнешь никого. Въ городѣ насчитывается до 30 тысячъ жителей, тогда какъ Рязань, имѣя не болѣе половины этого числа, несравненно оживленнѣе. Если бы въ Калугѣ вмѣсто улицъ были каналы, то къ ней можно было бы примѣнить то, что̀ сказалъ Шатобріанъ о Венеціи, что «гробовое ея безмолвіе нарушается лишь паденіемъ въ лагуны камней съ ея дворцовъ». Правда, что Калуга раскинута, какъ Тамбовъ, на огромномъ пространствѣ, включающемъ немало пустырей. Все это выкупается живописною мѣстностью. Два противуположные конца города, примыкающіе къ Тульской и Смоленской заставамъ, построены на холмахъ и дебряхъ, не говоря уже о высокомъ и крутомъ берегѣ надъ Окою, на которомъ высятся соборъ, присутственныя мѣста, публичный садъ и губернаторскій домъ.

*) Е. М. Тимофеевская скончалась въ 1868 году. Старшій ея сынъ Константинъ уже давно флотскимъ медикомъ, а Викторъ товарищемъ прокурора Воронежскаго Окружнаго Суда.

Единственная сохранившаяся въ Калугѣ историческая древность (кромѣ нѣкоторыхъ церквей, да и тѣ не весьма глубокой старины), это домъ мѣщанина Коробова, въ коемъ жилъ, если вѣрить преданію, Тушинскій самозванецъ съ Мариною и, къ счастію для археологіи, этотъ домъ (каменный одноэтажный) не подвергался никакимъ варварскимъ перестройкамъ ни снаружи, ни во внутреннемъ устройствѣ. У обѣднѣвшаго его хозяина сохранялись до 40-хъ годовъ отрѣзки старинныхъ парчевыхъ вельможническихъ одеждъ и, помнится, что я видѣлъ у него нѣкоторыя весьма древнія иконы [1]). Существуетъ также мѣстное преданіе, что Тушинскій воръ похороненъ на соборной площади, близъ семинаріи, и въ первой четверти сего вѣка еще указывали будто бы на камень, лежавшій надъ его могилою.

Графъ Дмитрій Николаевичъ, какъ холостякъ, баловъ не давалъ, да и средства его не дозволили бы ему подобной траты. По Понедѣльникамъ бывали у него карточные мужскіе съѣзды, а въ остальные дни онъ проводилъ вечера надъ бумагами, или имѣлъ свою партію дома, а иногда ѣзжалъ въ гости, хотя рѣдко. Чаще всего онъ бывалъ у княгини Н. П. Оболенской, у которой его партію составляли: хозяйка дома, ея братъ, князь Евгеній Петровичъ, и князь Андрей Васильевичъ Оболенскій. Мы обѣдали въ пять часовъ, а такъ какъ графъ садился играть или выѣзжалъ не ранѣе десятаго часа, то эти три часа незамѣтно пролетали въ интимной и часто назидательной бесѣдѣ въ его кабинетѣ, и изъ нихъ-то я вынесъ много духовной и интеллектуальной пользы: онѣ-то раскрыли мнѣ, какъ мало Русскаго человѣка было дотолѣ во мнѣ, какъ я сбивался на космополита, а главное, какъ мало я былъ свѣдущъ въ уставахъ исповѣдуемой мною церкви. Тутъ же я почерпнулъ первое ясное понятіе о славянофильствѣ, его направленіи и цѣляхъ, тогда какъ до того времени я видѣлъ въ немъ одно лишь модное увлеченіе Москвичей и лингвистико-археологическое занятіе. Стыдно становится, когда вспомню, что, до этихъ съ графомъ Толстымъ бесѣдъ, я игнорировалъ даже имя столь доблестнаго борца нашей церкви и народности, каковымъ былъ Хомяковъ [2]). Семенъ Васильевичъ Хрущовъ былъ (какъ прежде сказано) человѣкъ глубоко-вѣрующій и настолько силенъ въ церковномъ уставѣ, что могъ поддерживать словопреніе и препираться съ графомъ. Помню, между прочимъ, одно между ними преніе по поводу VI-го ирмоса, чтò поется на утрени Ве-

---

[1]) Снятый мною съ этого дома рисунокъ былъ помѣщенъ въ 1860-мъ году въ „Архивѣ“, издаваемомъ Н. В. Калачевымъ.

[2]) Къ величайшему моему стыду, я тогда не зналъ даже, что въ Смутное время былъ великій защитникъ Русской земли и мученикъ, святитель Гермогенъ. Русскою исторіей я началъ заниматься только съ 1869 года.

ликой Субботы: «Ятъ бысть, но не удержанъ въ персѣхъ китовыхъ Іона». Въ истолкованіи послѣднихъ словъ этого ирмоса они расходились. Не имѣя дотолѣ никакого понятія даже о существованіи этого ирмоса, я, конечно, все время молчалъ, но не замедлилъ снестись съ Рязанскимъ моимъ духовникомъ и душевнымъ другомъ, протоіереемъ Иваномъ Ефимовичемъ Любимовымъ, прося его прислать мнѣ его объясненіе этого церковнаго пѣснопѣнія. Въ этихъ преніяхъ участвовалъ также приходившій изрѣдка къ графу въ эти часы ректоръ семинаріи, архимандритъ Агапитъ, молодой еще человѣкъ, большой начитанности и съ знаніемъ Французскаго языка. Можно было надѣяться, что со временемъ изъ него выйдетъ замѣчательный іерархъ, но, къ сожалѣнію, онъ подверженъ былъ, какъ мнѣ сказывали, горячимъ напиткамъ, и потому, вѣроятно, онъ далѣе архимандритства не пошелъ. Переводили его настоятелемъ монастырей съ одного конца Россіи въ другой, а въ настоящее время онъ чуть ли не проживаетъ гдѣ-то на покоѣ. Часто задаю себѣ вопросъ, отчего это суждено ученому человѣку, Русской исключительно народности, спиваться, какая физіологическая тому причина, между тѣмъ какъ подобная скорбная вещь не встрѣчается между учеными другихъ націй?.

Графъ Дмитрій Николаевичъ настолько силенъ въ Славянскомъ нарѣчіи, что перевелъ съ Русскаго сказаніе о явленіи Калужской чудотворной иконы Божіей Матери. Икона же эта находится постоянно не въ городѣ, а въ урочищѣ Калужкѣ, въ трехъ верстахъ отъ него. Въ прошломъ столѣтіи мѣстность эта принадлежала какому-то помѣщику, въ домѣ котораго заброшена была на чердакѣ, въ числѣ разнаго хлама и въ поврежденномъ, вѣроятно, видѣ, старая картина, писанная на холстѣ, Итальянской, очевидно, кисти, изображающая одну Богородицу, безъ предвѣчнаго Младенца, въ синемъ покрывалѣ и съ книжкою въ рукахъ. Эта икона, повидимому, составляетъ только половину изображенія Благовѣщенія, а ея «pendant», долженствующій изобразить архангела, утраченъ. Одна изъ хозяйскихъ дочерей вытащила съ чердака эту картину, принятую ею за портретъ какой-нибудь монахини и шутя сказала сестрѣ, что желаетъ воздать подобающій почетъ заброшенной игуменьѣ. Однакоже, вскорѣ послѣ сего, открылось ей въ сонномъ видѣніи настоящее значеніе картины, вслѣдствіе чего она и все ея семейство, уразумѣвъ свою ошибку, поставили эту картину между семейными иконами, и чудотворныя дѣйствія не замедлили произойти отъ нея. Тогда благочестивый помѣщикъ, считая себя недостойнымъ удерживать долѣе подобную святыню въ своемъ домѣ, пе-

ренесъ ее въ приходскую церковь, гдѣ она и осталась по сіе время, и вѣрующіе не замедлили получать многія Божія милости чрезъ нее.

Икона эта переносится разъ въ годъ въ Калужскій каѳедральный соборъ, гдѣ и остается въ теченіе всего Августа мѣсяца. Вотъ это-то временное нахожденіе иконы въ городѣ послужило однажды поводомъ для эпиграмматической выходки графа Д. Н. Толстаго насчетъ строительной и дорожной комиссіи, просившей разрѣшенія принять у себя икону (на это требовалось согласіе губернатора, какъ предсѣдателя этой комиссіи, а равно также Приказа Общественнаго Призрѣнія и Губернскаго Правленія, въ коихъ онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ). «Какъ! Царицу Небесную въ ваши стѣны? Полноте, господа», отшучивался графъ посланному отъ комиссіи. «Вѣдь это будетъ святотатство. А благо, что у васъ проявилось религіозное настроеніе, такъ вотъ вамъ мой совѣтъ: отправьтесь-ка вы всѣ на кладбище и тамъ отслужите торжественную панихиду по архитекторѣ N, предоставившемъ вамъ и преемникамъ вашимъ насущный хлѣбъ». Исторія объ архитекторѣ N слѣдующая. Въ первомъ или второмъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка построенъ былъ, подъ наблюденіемъ какого-то дѣльнаго губернатора, огромный каменный мостъ, съ арками въ два яруса, чрезъ широкій оврагъ, пересѣкающій улицу, ведущую отъ присутственныхъ мѣстъ къ церкви Одигитріи и къ Смоленской заставѣ. По своей массивности и прочности мостъ напоминалъ древнія Римскія постройки и до сороковыхъ годовъ едва ли подвергался починкамъ; значитъ, для гг. архитекторовъ съ него было, какъ съ козла, ни шерсти, ни молока; и вотъ, во время губернаторствованія Н. М. Смирнова, нѣкій архитекторъ N взошелъ съ представленіемъ въ Строительную Комиссію о томъ, что въ мосту груда желѣзнаго матеріала, связей, полосъ и пр., совершенно ненужнаго, употребить который можно было съ несравненно большею пользой на другіе предметы. Члены Комиссіи нашли, что проектъ архитектора N основателенъ, и представили таковой на утвержденіе губернатору, который согласился на ихъ доводы, вслѣдствіе чего состоялось журнальное о томъ постановленіе. Винить въ этомъ Н. М. Смирнова было бы несправедливо, такъ какъ онъ не могъ быть спеціалистомъ по строительной части и довѣрялся гг. техникамъ. Вытащили все желѣзо, что̀ могли, изъ моста, и менѣе чѣмъ чрезъ десять лѣтъ онъ до того осѣлъ, что надо было приступить къ капитальной его передѣлкѣ, а три или четыре года позднѣе мостъ потребовалъ вторичнаго исправленія, хотя не столь уже значительнаго, какъ въ первый разъ. Вотъ почему графъ Толстой указывалъ гг. архитекторамъ творить торжественное благодарственное поминовеніе по душѣ почившаго ихъ предшественника и благодѣтеля.

Изъ этого можно видѣть, что графъ Дмитрій Николаевичъ придерживался въ служебномъ дѣлѣ Латинской поговорки «castigare ridendo mores [1])», чему могу привести и другой примѣръ, доказывающій въ тоже время его готовность на доброе дѣло и игривость способа въ достиженіи этой цѣли. Однажды ему подалъ прошеніе какой-то тамошній гимназистъ, не кончившій еще курса, о зачисленіи его въ губернаторскую канцелярію. Просьба была написана на столько плохо, что графъ (всегда откровенный со всѣми) отвѣчалъ просителю, что въ гражданской службѣ требуется правильное знаніе Русскаго языка и чистописанія и совѣтовалъ ему поступить лучше въ военную. Заблистали глаза у гимназиста при перепективѣ эполетъ; но онъ объяснилъ, что родители его не имѣютъ средствъ экипировать его. «Объ этомъ не хлопочите», сказалъ сердобольный графъ, «я васъ снаряжу какъ слѣдуетъ, лишь бы вы доставили мнѣ письменное удостовѣреніе вашихъ родителей о ихъ согласіи на ваше поступленіе въ военную службу». На слѣдующій день явились къ графу родители юноши съ изъявленіемъ ихъ согласія, но подтвердили слова сына о ихъ невозможности экипировать его. Потому графъ поручилъ правителю своей канцеляріи, В. А. Лысогорскому, заняться снаряженіемъ всего нужнаго для будущаго юнкера, съ бѣльемъ включительно, что̀ стоило около 70 рублей, и при свиданіи съ начальникомъ дивизіи Тетеревниковымъ графъ просилъ его быть благосклоннымъ къ его кліенту. Благодаря этому ходатайству, юный воинъ подвергся самому легкому экзамену при поступленіи на службу и вскорѣ облекся въ мундиръ съ галунами. Вскорѣ послѣ сего событія, приходитъ къ графу содержатель гостинницы Кулона [2]) съ вопросомъ, можетъ ли онъ дѣлать кредитъ графскому племяннику, частенько посѣщающему его гостинницу. Графъ отвѣчалъ, что никакого племянника въ Калугѣ у него нѣтъ, при чемъ напомнилъ Кулону, что при самомъ своемъ вступленіи Калужскимъ губернаторомъ онъ публиковалъ, чтобы въ городѣ не дѣлали никакого кредита служащимъ при его домѣ людямъ. Во время этого разговора (въ пріемномъ залѣ губернаторскаго дома) вдругъ входитъ самъ герой разсказа, и на него указываетъ Кулонъ, какъ на выдающаго себя за графскаго племянника. «Да!» сказалъ тутъ графъ. «Я объ немъ и забылъ: онъ дѣйствительно мой племянникъ, но всетаки кредиту ему прошу васъ не дѣлать». Едва вышелъ Французъ, какъ графъ крикнулъ своимъ людямъ

---

[1]) Насмѣшкою исправлять нравственность.

[2]) Тотъ самый, что̀ въ 40-хъ годахъ содержалъ въ Петербургѣ знаменитую гостинницу на Михайловской площади, впослѣдствіи содержателя Клея. Напоминаю, что Кулонъ началъ съ того, что въ началѣ 30-хъ годовъ былъ метръ-дотелемъ у свѣтлѣйшаго князя П. П. Лопухина, тогда командира 1-й гусарской дивизіи.

принести пучокъ розогъ. Оторопѣлъ нашъ псевдоплемянникъ; но, видя, что аппараты для школьной экзекуціи не на шутку приготовлялись, онъ сталъ на дыбы и началъ припоминать, что дворянъ сѣчь нельзя.— «Я и безъ тебя хорошо это знаю», серіозно отозвался графъ, «да я посторонняго какого нибудь дворянина и не подумалъ бы наказывать, а какъ дядя, имѣю полное право высѣчь шалуна-племянника». Тотъ въ слезы и не радъ былъ, что присвоилъ себѣ это родство. Потѣшившись вдоволь его испугомъ, графъ отпустилъ его, конечно, нетронутымъ.

Графъ вывелъ однажды весьма куріозный расчетъ о томъ, сколько часовъ въ сутки губернаторъ долженъ былъ посвящать своимъ занятіямъ, дабы исполнить въ точности невозможный для исполненія губернаторскій наказъ. Во первыхъ, по аномаліи, встрѣчавшейся въ программѣ административныхъ уложеній, губернаторъ подразумѣвался (il était censé) якобы лично присутствующимъ ежедневно въ Губернскомъ Правленіи, въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія и въ Строительной и Дорожной Коммиссіи. Во вторыхъ, подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ находились Комитетъ о земскихъ повинностяхъ и Коммиссія народнаго продовольствія, по коимъ былъ у него ежедневный (почти) докладъ. Третье, въ число суточныхъ занятій входили, какъ и понынѣ, пріемъ просителей на дому, Петербургская офиціальная переписка, текущія дѣла по его губернаторской канцеляріи и докладъ по рѣшеніямъ Уголовной Палаты, требовавшимъ его согласія, а въ случаѣ его протеста дѣла эти восходили до Сената. Городскія полицейскія и тюремныя дѣла также требовали разсмотрѣнія. Словомъ, по вѣрному исчисленію, по часамъ, губернаторскихъ ежедневныхъ занятій, графъ Дмитрій Николаевичъ вывелъ, что если бы исполнять буквально весь губернаторскій наказъ, то изъ 24 часовъ оставалось бы ему не болѣе какъ три часа для сна, ѣды и для пріема просителей, а для моціона не оставалось бы ни минуты. Слыхалъ я, будто бы Сперанскій, составитель, какъ извѣстно, у насъ Свода Законовъ, говаривалъ, что Россія «держится неисполненіемъ законовъ». Чего добраго, вѣдь былъ же на моей памяти нѣкій Тосканскій государственный мужъ и мудрецъ, маркизъ Фоссомброни, который, убѣдившись, что всякіе законы и уложенія почти что лишніе, потому-де что міръ и люди идутъ себѣ своимъ чередомъ и безъ нихъ, придумалъ административный афоризмъ, что «il mondo va da se» (свѣтъ идетъ самъ по себѣ, т. е. безъ надобности помочей).

Передавая характеристику графа Дмитрія Николаевича, не хочется мнѣ пропустить молчаніемъ о феноменальномъ его употребленіи чаю.

Едва проснется (а вставалъ онъ рано) и до 12 часовъ, когда подавали завтракъ, самоваръ слѣдовалъ за самоваромъ, и это снова продолжалось послѣ завтрака до 2-хъ часовъ, когда графъ выѣзжалъ со двора. Возвратившись домой въ 4 часа, онъ ложился спать до обѣда (бывшаго въ 5 часовъ), а послѣ обѣда опять начиналось чаепитіе, продолжавшееся до 9 часовъ, если онъ уѣзжалъ въ гости, а если имѣлъ свою партію дòма, самовары не переставали шипѣть до 1-го или 2-го часа пополуночи. Сколько дюжинъ стакановъ чая выпивалъ графъ въ теченіи дня, счесть невозможно; но завѣдывавшій тогда его домашнимъ хозяйствомъ С. В. Хрущовъ сказывалъ какъ-то мнѣ, что выходило въ мѣсяцъ отъ семи до восьми фунтовъ чая, судя по каковой пропорціи можно бы было предполагать, что сахару выходило по малой мѣрѣ полтора пуда, вмѣсто чего выходило лишь отъ 9 до 10 фунтовъ въ мѣсяцъ, такъ какъ графъ пивалъ чай совершенно безъ сахара, а иногда съ поджаренымъ миндалемъ *).

Въ однó прекрасное утро, приходо-расходчикъ Губернскаго Правленія К. исчезъ, захвативъ съ собою 7 или 8 тыс. рублей казенныхъ денегъ и оставивъ на имя графа письмо, въ которомъ писалъ, чтобы его не искали, потому что когда письмо доставлено будетъ по принадлежности, то трупъ автора его уже будетъ расклеванъ птицами. Графъ, распросивъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ изчезновенія приходо-расходчика и узнавъ, что онъ выѣхалъ изъ своего дома на извозчикѣ, естественно не повѣрилъ этому заявленію. Онъ справедливо заключилъ, что для того, чтобы посадить себѣ пулю въ лобъ, не нужно было тратить денегъ на извозчика, и потому поручилъ чиновнику особыхъ порученій г. Кричевскому отправиться въ догоню бѣглеца. Порученіе было крайне затруднительно, но слѣдователю помогло то обстоятельство, что К. вмѣстѣ съ деньгами укралъ три бланка казенныхъ подорожныхъ, №№ которыхъ записываются впередъ въ особый реестръ. При помощи этихъ №№, Кричевскому не трудно было, по справкѣ на почтовой станціи, удостовѣриться, куда отправился бѣглецъ, и хотя онъ пустился въ путь подъ чужимъ именемъ, на каждой станціи предъявлялъ другія подорожныя и съ другими именами, но предательскіе №№ послужили слѣдователю нитью Аріадны, и онъ прослѣдилъ вора до Москвы; тамъ онъ узналъ, что К. послѣ ночлега въ гостиницѣ «Эрмитажъ» отправился по Владимирскому тракту. Кричевскій продолжалъ слѣдить за нимъ

---

*) Въ этомъ отношеніи, графъ составилъ себѣ такую извѣстность, что П. И. Бартеневъ, не будучи еще лично съ нимъ знакомъ, спросилъ у меня однажды: бывшій директоръ департамента полиціи исполнительной графъ Толстой, тотъ ли самый чтò пьетъ такъ много чаю?

до самаго Владимира, но здѣсь слѣдъ его пропалъ. Тогда онъ бросился къ ямщикамъ и, узнавъ, кто изъ нихъ привезъ нашего героя во Владимиръ, отыскалъ такимъ путемъ и того ямщика, который повезъ его дальше, уже на вольныхъ лошадяхъ и не по почтовой дорогѣ. Прослѣдя его и этимъ путемъ сначала до Тамбова, слѣдователь настигъ его наконецъ въ Саратовѣ, гдѣ нашелъ его спящимъ въ одной гостиницѣ, съ пистолетомъ однакоже и кинжаломъ на столѣ, возлѣ кровати; а такъ какъ г. Кричевскаго сопровождала полиція, то, войдя безъ шума въ комнату и завладѣвъ оборонительными орудіями, они взяли и связали его. За симъ онъ былъ привезенъ обратно въ Калугу арестованнымъ. Это удачное выполненіе возложеннаго на моего сослуживца порученія дѣлаетъ много чести его смѣтливости, и я долженъ сознаться, что не съумѣлъ бы выйти такъ успѣшно изъ подобнаго дѣла.

Калужское общество взволновано было свѣжимъ тогда случаемъ дерзкаго грабежа, жертвою коего былъ богатый отставной генералъ Хамратъ и его семейство, жившіе въ своемъ имѣніи, недалече отъ Калуги. Однажды ночью, ворвалась въ его домъ переодѣтая и замаскированная шайка и, связавши хозяина дома и его дочерей, ограбила все движимое имущество, въ томъ числѣ кредитные и ломбардные билеты, коихъ, какъ говорили, было не на малую сумму. Отъ испуга одна изъ его дочерей померла. Всѣ розыски отыскать этихъ разбойниковъ долго оставались тщетными, и только года черезъ три, или даже болѣе, полиція случайно напала на ихъ слѣдъ, схвативъ одного изъ этой шайки по другому грабежу.

Въ концѣ Февраля я попросился въ отпускъ, въ Москву, куда звалъ меня Н. А. Дивовъ, по дѣлу о взысканіи съ Обнинскихъ денегъ, завѣщанныхъ мнѣ моей матерью. Я присталъ, по указанію Дивова, на квартирѣ недавно передъ тѣмъ умершаго его брата, Петра Адріяновича, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ дьякона Никологнѣздненской церкви. Самого Николая Адріяновича еще не было въ Москвѣ: онъ прибылъ туда изъ Варшавы (гдѣ былъ тогда генералъ-провіантмейстеромъ) съ недѣлю послѣ меня и остановился на квартирѣ Анны Петровны Ракитиной, въ домѣ князя Юсупова, чтò на углу Леонтьевскаго переулка и Никитской. Встрѣтилъ онъ меня болѣе чѣмъ сухо, даже сурово, и упрекалъ въ неблагодарности къ П. П. Новосильцову, за то что я промѣнялъ его на графа Д. Н. Толстаго. Я возразилъ, что если я въ жизни когда нибудь грѣшилъ неблагодарностію, то конечно къ одной моей матери и не къ кому другому; что былъ и всегда буду признателенъ Петру Петровичу за постоянно родственное его ко мнѣ вниманіе; что прослужилъ при немъ три года со всѣмъ

возможнымъ усердіемъ; но что, хотя одна изъ причинъ, побудившихъ меня перейти на службу въ Калугу, была дѣйствительно публичный и незаслуженный афронтъ отъ моего начальника, но что мнѣ и безъ того невыносимо было продолжать службу въ Рязани, въ постоянной разлукѣ съ моимъ семействомъ. Всѣ эти аргументы были, кажись, вѣскими; но кузенъ мой, не смотря на многія хорошія свои качества, упрямъ до крайности въ своихъ воззрѣніяхъ и нерѣдко раздражителенъ и охочъ судить другихъ по себѣ. Вотъ почему всѣ мои объясненія не убѣдили его въ моей правотѣ, и онъ продолжалъ дуться на меня. Случилась тутъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Рязань, Меропа Александровна и остановилась у своего брата Алексѣя Александровича Тимашева-Беринга, тогдашняго оберъ-полицеймейстера, который занималъ казенный домъ на Тверскомъ бульварѣ и жилъ на широко-роскошной ногѣ, окруженный легіономъ лакеевъ, въ позументахъ съ гербами по всѣмъ швамъ, и такимъ же швейцаромъ-привратникомъ, и съ ватагою чернофрачныхъ въ бѣлыхъ галстухахъ оффиціантовъ. Меропа Александровна послала немедленно за мною, обняла меня какъ родная, и выразила теплое и искреннее сожалѣніе о своемъ отсутствіи, во время осенняго пріѣзда ея мужа въ Рязань изъ-за границы, потому что она никогда бы не допустила прискорбной сцены, происшедшей между Петромъ Петровичемъ и мною; да и я убѣжденъ, что будь она тогда въ Рязани, этого никогда бы не случилось. Она добавила (если память моя вѣрна), что, возвратившись въ Рязань, она сильно упрекала мужа въ его несправедливости противъ меня, представляя ему, что «Boutourline n'est pas un employé comme tous les autres»*). Всегда скажу, что много есть хорошаго въ этой болтливой по видимому женщинѣ и особенно то, что она горячій другъ своимъ друзьямъ.

Въ Москвѣ же я свидѣлся съ Аркадіемъ Африкановичемъ Болдыревымъ, который предложилъ мнѣ сдѣлать окончательный съ нимъ расчетъ въ моихъ лошадяхъ (верховыхъ), содержавшихся (какъ я уже говорилъ) съ 1852 года на его счетъ. За старую и слѣпую мою кобылу, Паразину, и двухъ отъ нея жеребятъ онъ предложилъ мнѣ (помнится) 400 р. сер. Подобное неожиданное предложеніе я счелъ за благодѣяніе съ его стороны, особенно въ тогдашнемъ, безденежномъ моемъ положеніи. Это было послѣднее мое свиданіе съ этимъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ: въ слѣдующемъ 1858 году онъ умеръ въ Тулѣ, во время тамошнихъ рысистыхъ бѣговъ, коихъ онъ былъ президентомъ.

Послѣ трехнедѣльнаго, или около того, пребыванія въ Москвѣ, я вернулся въ Знаменское, гдѣ провелъ Пасху и остался до конца Апрѣ-

*) Нельзя ставить Бутурлина на ряду съ прочими чиновниками.

ля, съ согласія на то графа Толстаго. Я занялся переустройствомъ хозяйства въ имѣніи моей жены, которое дошло до сильнѣйшаго упущенія отъ женскаго управленія. Можно себѣ представить, какіе могли быть урожаи на почвѣ, уже по себѣ глинистой, когда изъ 40 десятинъ въ полѣ удабривалось не болѣе трехъ или четырехъ десятинъ, и весьма рѣдко пять, да и то не сильно (т. е. количествомъ навозныхъ кучъ); а что до скопа на скотномъ дворѣ, то онъ былъ предоставленъ на произволъ скотницѣ, обязанной доставлять въ господскую экономію по 30 ф. масла въ годъ отъ всякой коровы (кромѣ нужныхъ, конечно, сливокъ), но за недоборъ этого количества ничего не взыскивалось съ нея, и она всегда могла ссылаться на яловыхъ коровъ. Результатъ былъ тотъ, что, живя у себя въ деревнѣ, приходилось покупать масло для кухни чуть-ли не 9 мѣсяцевъ въ году. Впрочемъ, вѣдь и то сказать, кормъ скотины состоялъ изъ одной ржаной соломы и кое-когда яровой, да и та давалась почти исключительно однимъ телятамъ; слѣдовательно нечего было и ожидать лучшаго отъ подобнаго содержанія господской скотины, не говоря уже о ея помѣщеніи на открытомъ дворѣ, даже въ трескучіе морозы.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ Апрѣля я получилъ губернаторское предписаніе явиться въ Калугу, чтобы немедленно отправиться въ Жиздринскій уѣздъ для производства слѣдствія надъ однимъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, г-мъ Г., обвиняемомъ въ оскорбленіи и истязаніи священника Лоренцо. По важности дѣла, прикомандированъ былъ ко мнѣ адъютантъ Калужскаго жандармскаго штабъ-офицера, капитанъ Александръ Ивановичъ Золотухинъ, человѣкъ вполнѣ благонадежный, который, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, оказывалъ мнѣ дружеское вниманіе и содѣйствіе.

Въ это самое время старшій чиновникъ особыхъ порученій Колошинъ перешелъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, и я поступилъ на его мѣсто, которое было съ жалованіемъ, и такимъ образомъ могъ я развязаться, къ величайшему моему удовольствію, съ дѣлопроизводствомъ по Статистическому Комитету, мнѣ не подъ силу, и передать его чиновнику губернаторской канцеляріи, г. Васильеву, коему это дѣло было сподручнѣе.

Едва пріѣхалъ я въ несчастную Жиздру [1]), какъ явился ко мнѣ на постоялый дворъ мѣстный исправникъ Өед. Дмитр. Домогацкій. Это уже такъ водилось въ тѣ времена. Хотя личность г. Домогацкаго

[1]) Этотъ городишко выстроенъ какъ бы на Аравійскихъ пескахъ. Въ 1857 году ни одна, помнится мнѣ, въ немъ улица не имѣла мостовой.

была далеко не изъ привыкшихъ или нуждавшихся заискивать благорасположеніе губернскихъ властей или непосредственно зависящихъ отъ нихъ лицъ; но всетаки губернаторскій старшій чиновникъ особыхъ порученій, да въ добавокъ, титулованный, какъ я, имѣлъ свое значеніе; вотъ почему, быть можетъ, г. Домогацкій счелъ нелишнимъ оказать мнѣ подобную вѣжливость. Самъ онъ былъ съ изряднымъ состояніемъ, женатъ на единственной дочери одного изъ первыхъ Жиздринскихъ богачей и не только гнушался пушкомъ на рыльцѣ, но годовое приношеніе, ассигнованное по тогдашнему обычаю мѣстнымъ откупщикомъ на персоналъ Земскаго Суда (что-то около 1500 р. въ годъ) г. Домогацкій отдавалъ сполна на канцелярію суда, за что̀ и боготворилъ его этотъ забитый людъ. Изъ себя былъ онъ атлетъ и непрочь покутить, въ каковыхъ случаяхъ могъ безслѣдно и безвредно выпить хоть бочку. О немъ разсказывали, что однажды на выборахъ въ Калугѣ онъ и одинъ подъ пару ему пріятель, сосѣдній исправникъ, переполнивъ свои утробы до того, что онѣ не могли помѣщать уже ни одной болѣе капли, разнуздали любимыхъ своихъ коней и принялись спаивать ихъ, вливая Шампанское въ вёдра. А хотя и былъ онъ такой жуиръ, но Земскій Судъ шелъ у него какъ по стрункѣ, и онъ умѣлъ подтянуть этотъ судъ, когда слѣдовало; словомъ, былъ молодецъ на всѣ руки. За то и любило его начальство. Да и служилъ онъ такъ-себѣ, изъ любви къ искусству, или для препровожденія времени въ антрактахъ ружейной охоты и отъѣзжаго поля, а чуть замѣтитъ гримасу на лицѣ высшаго начальства, прощайте-молъ, я вамъ болѣе не слуга; дѣлайте какъ знаете безъ меня. Охъ какъ мало, увы! было такихъ людей въ тѣ отпѣтыя времена.

Новый мой слѣдственный субъектъ Г. былъ пьяница, буянъ и безобразникъ, а подчасъ не въ совершенно здравомъ разсудкѣ; послѣднее, впрочемъ, состояніе, происходило отъ перепоя. Жена его разъѣхалась съ нимъ, а дѣтей, кажется, у нихъ не было. Съ своимъ приходскимъ священникомъ онъ жилъ въ ладахъ, и послѣдній не нахваливался приходскимъ своимъ бариномъ, а высѣкъ онъ сосѣдняго попа, носившаго Итальянскую фамилію Лоренцо, чортъ знаетъ за что. На сколько помнится мнѣ, помѣщикъ Г. пожертвовалъ было какой-то лѣсокъ въ свою церковь, что̀ не мѣшало (кажется) ему продавать (или дозволять продавать) дрова изъ этого лѣса, и вотъ, узнавъ объ этомъ, бѣдняга отецъ Лоренцо пріѣхалъ къ нему для покупки дровецъ. Помѣщикъ Г., уже, какъ говорится, на готовѣ, повздорилъ съ покупателемъ, выдралъ у него клочокъ бороды и, кликнувъ своихъ челядинцевъ, приказалъ разложить и высѣчь попа; но экзекуція эта шла съ промежут-

ками. «Теперь вставай, выпьемъ вмѣстѣ по чарочкѣ», кричалъ безумецъ», и послѣ выпивки опять давай сѣчь несчастнаго; а между тѣмъ буйный домохозяинъ то и дѣло что стрѣлялъ изъ пистолета «для бòльшаго форса или куража». Хотя операція сѣченія продолжалась нѣсколько часовъ съ эксцентрическими промежутками попойки, но попъ не подвергся (какъ помнится мнѣ) увѣчью. Сѣкли его конечно для одной проформы, и срама было, какъ я домекаю, чуть ли не болѣе, чѣмъ истязанія. Вотъ-съ, какія дѣла творились въ дворянской сферѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ губерніи смежной съ Московскою!

Едва я приступилъ къ этому дѣлу, какъ получилъ дополнительное предписаніе произвести изслѣдованіе, по совокупности съ настоящимъ дѣломъ, о злоупотребленіи этимъ господиномъ помѣщичьей власти и о жестокомъ его обращеніи съ его людьми. Откуда поступилъ доносъ или жалоба на него, не помню [1]) При отобраніи отъ него первыхъ показаній, онъ обращался со мною весьма вѣжливо, ни въ чемъ не сопротивлялся, держалъ себя вообще довольно прилично и подписывалъ всѣ свои показанія; но едва онъ увидѣлъ прибывшаго для нахожденія при слѣдствіи Жиздринскаго предводителя дворянства г. Челищева (такъ какъ при слѣдствіи надъ дворянами всегда присутствовалъ мѣстный предводитель въ качествѣ какъ-бы депутата отъ своего сословія), Г. накинулся на него съ такою неприличною бранью, что я вынужденъ былъ пригрозить ему, что если онъ не уймется, то я составлю о томъ журнальное постановленіе, чтò послужитъ ему во вредъ. А это случилось потому, что у Г. были свои старые счеты съ г. Челищевымъ [2]) во время сбора ополченія по ихъ уѣзду. На счетъ жестокаго обращенія Г. съ крѣпостными его людьми, одна молодая дѣвушка, бывшая его сударушкою, показала мнѣ между прочимъ, что однажды, прогнѣвался на нее ея баринъ и высѣкъ ее съ подобными же какъ при сѣченіи попа Лоренца промежутками, и въ добавокъ, оскорбилъ ее своими циническими съ ней поступками. Теперь я вспомнилъ, что доносъ о злоупотребленіяхъ помѣщичей власти чуть-ли не происходилъ отъ кого-то изъ жертвъ; и будь это пятью или шестью годами ранѣе, дѣло не имѣло бы, пожалуй, никакихъ послѣдствій, такъ какъ законъ не дозволялъ доносовъ и, кажется, даже жалобъ прямо отъ крѣпостныхъ лю-

[1]) Впрочемъ, кажется мнѣ, что это распоряженіе состоялось вслѣдствіе первыхъ моихъ донесеній о личности этого господина. Будучи въ пьяномъ видѣ, онъ также кощунствовалъ; но начальство не сочло нужнымъ пустить это дѣло въ ходъ, такъ какъ на этотъ счетъ не было никакой жалобы.

[2]) Этотъ г. Челищевъ не имѣлъ ничего общаго съ почтеннымъ Боровскимъ исправникомъ Д. М. Челищевымъ.

дей на своихъ господъ; но въ описываемое мною время, когда въ Петербургѣ уже разрабатывался проектъ о возможности неотлагательной крестьянской эманципаціи, губернаторы начинали пускать въ ходъ и подобныя жалобы.

По важности дѣла надъ помѣщикомъ Г., я счелъ нужнымъ пригласить для содѣйствія мнѣ мѣстнаго стряпчаго (какъ было на то разрѣшеніе въ Соодѣ уголовныхъ законовъ), г. Фельда, черезъ что образовалась цѣлая комиссія изъ четырехъ членовъ: меня, жандармскаго офицера, уѣзднаго стряпчаго и мѣстнаго предводителя дворянства *). При окончаніи одного допроса обвиняемаго по пунктамъ, случилась вотъ какая исторія. Я, какъ настоящій слѣдователь, подписавъ протоколъ, пригласилъ г. предсѣдателя Челищева подписаться вслѣдъ за мною; но онъ всталъ съ своего мѣста и съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства заявилъ всѣмъ присутствовавшимъ, что онъ никакъ-де не считаетъ себя лицомъ, поставленнымъ ниже губернаторскаго чиновника, и что потому никакъ не подпишется вторымъ. Надо сказать, что дѣйствительно меня предупреждали, что этотъ господинъ въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ притязаніе на первенство въ подписи, считая себя первымъ въ уѣздѣ лицомъ (т е. по службѣ) и что въ этихъ случаяхъ иные мои собратія поблажали этой его прихоти; но я, не будучи изъ таковскихъ, не обращалъ никакого вниманія на курьезное это сообщеніе. Напрасно силился я доказывать г. предводителю, что, чуждый всякому самолюбію, я дѣйствовать иначе не могу на томъ основаніи, что здѣсь настоящій слѣдователь и единственное отвѣтное лицо за всякую неправильность въ дѣлѣ я, а что онъ состоитъ лишь при слѣдствіи для огражденія обвиняемаго отъ всякихъ съ моей стороны пристрастныхъ дѣйствій и вопросовъ, какъ представитель дворянскаго сословія. Ничего не помогло. Г. Челищевъ стоялъ на томъ, что не подпишется вторымъ, безъ предварительнаго разъясненія (таковы были, помнится мнѣ, его выраженія) этого вопроса самимъ губернаторомъ и безъ его (губернатора) указанія на мѣсто, гдѣ долженъ подписаться мѣстный предводитель. Вслѣдствіе этого заявленія, я, обще съ жандармскимъ офицеромъ и уѣзднымъ стряпчимъ, составилъ журнальный протоколъ о таковомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ и, пріостановившись въ

*) Этотъ Фельдъ былъ незаконорожденный сынъ роднаго дяди жандармскаго генерала Гринфельда (явное сокращеніе). Радостно мнѣ почтить двумя словами память этой чистой личности, выходившей изъ ряду обыкновенныхъ тогдашнихъ стряпчихъ-взяточниковъ. Дѣлецъ безъ крючкотворства и непритязателенъ при скудныхъ житейскихъ своихъ средствахъ, этотъ скромный и мелкій дѣятель погасъ безслѣдно, тогда какъ, подобно многимъ другимъ, онъ могъ бы составить карьеру при иной обстановкѣ.

дальнѣйшемъ производствѣ, донесъ начальнику губерніи о случившемся, съ просьбою рѣшить поднятый вопросъ. О томъ же отнесся къ нему и г. предводитель съ своей стороны. Отвѣтъ послѣдовалъ, что губернаторъ не считаетъ себя въ правѣ лишать слѣдователя предоставленнаго ему по закону права въ первенствѣ подписи, чѣмъ и угомонился нашъ больно щепетильный, но не особенно дѣловой предводитель, и вся эта курьезная переписка вошла въ составъ самого дѣла. Добавлю кстати, что тогдашніе гг. уѣздные предводители составляли себѣ странное понятіе о мнимомъ своемъ правѣ вмѣшиваться даже въ занятія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Мнѣ случилось быть очевидцемъ, какъ одинъ знакомый мнѣ предводитель Тарускаго уѣзда справлялся полуоффиціальнымъ тономъ о ходѣ вообще дѣлъ въ Земскомъ Судѣ, и какъ исправникъ (по выборамъ, конечно) относился къ нему съ подчиненными почти пріемами.

Еще два слова о Жиздринскомъ образчикѣ дворянскаго представительства. Разсказывали тогда, что онъ считалъ себя и даже будтобы подписывался начальникомъ Жиздринскаго уѣзда, а также, что, узнавъ однажды, что во время перевозки мѣшковъ съ мѣдною монетой изъ казначейскаго подвала, по случаю пожара въ церкви, подъ коей былъ этотъ подвалъ, одинъ изъ мѣшковъ прорвался и нѣсколько монетъ (мѣдныхъ) высыпалось на улицу, онъ будтобы письменно увѣдомилъ уѣздное казначейство о своемъ намѣреніи произвести тамъ ревизію. А въ другой разъ захотѣлось ему (если память мнѣ не измѣнила) ревизовать Градскую Думу, по своей собственно иниціативѣ. Конечно, его осмѣяли въ обоихъ случаяхъ, но это даетъ понятіе до какой фанаберіи доходили тогда иные гг. предводители и какіе атрибуты пытались себѣ присвоивать.

Въ Жиздринскомъ уѣздѣ я позамѣшкался почти до половины Іюля, такъ какъ то и дѣло подсылались мнѣ другія еще служебныя порученія. Изъ нихъ упомяну объ одномъ, какъ о знакѣ того блаженнаго неправосуднаго времени, которое получило окончательный ударъ съ введеніемъ судебной реформы 20 Ноября 1864 года*). Предписано было мнѣ переслѣдовать одно дѣло, неправильно якобы произведенное Жиздринскою городскою полиціею, о чемъ подана была жалоба губернатору отъ претерпѣвшаго (вѣроятно) лица. Разсматривая это дѣло, я

*) Непреложная, по моему, истина, что какъ бы неудовлетворительно пока ни шла у насъ судебная часть, во всякомъ случаѣ она все-таки сто кратъ лучше прежней безгласной и сословной процедуры и полицейско-слѣдственной части. Слава тебѣ Господи, что вычистили наконецъ эту Авгіеву конюшню!

узналъ между прочимъ, что обвиняемый и уличенный въ воровствѣ, дворовый человѣкъ г-на Г. (непремѣннаго члена мѣстнаго Земскаго Суда) былъ оставленъ на свободѣ, между тѣмъ какъ посажена была въ острогъ несчастная молоденькая проститутка, квартировавшая у одной женщины, содержавшей притонъ для краденыхъ вещей, и у которой, помнится мнѣ, даже найдены были украденныя вещи или часть таковыхъ. Изъ дѣла видно было, что эта дѣвчонка, лежа ночью на печкѣ, подслушала разговоръ своей хозяйки съ воромъ о сдѣланной имъ кражѣ, и вѣроятно, кому-то передала подслушанное ею, потому что была допрошена въ качествѣ свидѣтельницы, при чемъ подтвердила свое показаніе. Квартальный же надзиратель, носившій громкую фамилію Понятовскаго *), производившій слѣдствіе, не посмѣлъ, должно быть, заарестовать двороваго человѣка столь значительнаго лица, какъ непремѣнный членъ Земскаго Суда, но не поколебался спустить въ острогъ беззащитную дѣвчонку-свидѣтельницу, подъ предлогомъ-ли распутнаго ея поведенія (извѣстно, что на полиціи лежитъ обязанность пещись о публичной нравственности городскихъ обывателей) или, быть можетъ, за недонесеніе въ свое время мѣстному начальству о томъ что̀ было ей извѣстно касательно кражи (вспомнить чего не могу за давнопрошедшимъ временемъ). Когда я ее освободилъ изъ острога и старался пояснить, что она имѣла право взойти съ прошеніемъ о беззаконномъ ея арестѣ (къ чему, винюсь, уговаривалъ ее), бѣдняжка и слышать не хотѣла о томъ, а рада-радехонька была уже тому, что по моей милости она снова увидала Божій свѣтъ. Не помню, самъ ли я, взамѣнъ этой дѣвчонки, немедля и съ величайшимъ наслажденіемъ, посадилъ въ острогъ уличеннаго виновника, или Земскій Судъ, въ минуту юридической стыдливости, распорядился это сдѣлать. Вышеупомянутый уѣздный стряпчій г. Фельдъ разсказывалъ мнѣ позднѣе, что какъ только я приступилъ къ переслѣдованію сказаннаго дѣла, то произвелъ терроръ, нѣчто въ родѣ Медузиной головы въ городническомъ правленіи и въ Земскомъ Судѣ, за исключеніемъ, конечно, исправника Ѳ. Д. Домогацкаго, не участвовавшаго никогда въ грязныхъ дѣлахъ.

Какъ характеристику направленія, усвоеннаго въ тѣ времена слѣдственною частію, отмѣчу, что когда, возвратившись въ Калугу съ

---

*) Заинтересовавшись этимъ Полячкомъ-полиціантомъ, увѣрившимъ меня, что фамилія его невымышленная, я посовѣтовалъ ему отправиться въ Кіевскую губернію и явиться отъ моего имени къ шуринамъ покойнаго моего брата, Ламберту и Августу Осиповичамъ Понятовскимъ, въ качествѣ обѣднѣвшаго, дальняго ихъ родственника. Онъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что послушался моего совѣта, былъ у *дяденьки* Ламберта Осиповича Понятовскаго и получилъ отъ него денежную помощь.

окончаніемъ дѣла о сѣченіи священника Лоренца и выдергиваніи бороды, я посѣтилъ нашего, всѣми почитаемаго архипастыря Григорія (и по нынѣ право правящаго Господнее слово истины), то онъ, къ моему удивленію, поблагодарилъ меня за то, что я не далъ въ обиду подчиненнаго ему страдальца. Значитъ, что гнуть въ угодность сильнымъ міра сего и привилегированной кастѣ было въ ходу у нѣкоторыхъ слѣдователей. Правда, что о правахъ меньшей нашей братіи и помину тогда не было. Допустимъ, что въ нынѣшнее время (въ 70-хъ годахъ) балансъ переходитъ подчасъ въ противоположную и даже неправую сторону и что этимъ руководствуется иногда персоналъ судебныхъ учрежденій въ порывѣ увлеченія минутной моды (увлеченіе, свойственное юнымъ дѣятелямъ), но какъ же не хотятъ понять ворчуны, что это проявленіе есть протестъ и неминуемая реакція послѣ трехсотлѣтняго гнета и безграничнаго произвола надъ нашею меньшею братіею? Вѣдь въ глазахъ же этихъ юныхъ юристовъ происходили вчера, такъ сказать, всѣ неистовства крѣпостного права, образчики коего я выписываю изъ служебной моей практики. Какъ же послѣ этого удивляться, что въ пылу негодованія они (юристы) дѣйствуютъ иногда пристрастно? Корысти въ нихъ нѣтъ никакой, а впадать въ крайности это удѣлъ молодежи. Побрыкаются, побрыкаются, да наконецъ и уймутся. Такъ-то, господа ворчуны, вы это примите въ толкъ. А уже какъ хотите, но отъ вашего ропота, насмѣшекъ и пессимистическихъ пророчествъ вѣетъ закваскою утраченнаго на вѣки плантаторства; сознаться же въ этомъ вы стыдитесь. Вотъ гдѣ Ахиллесова пятка. Признайтесь чистосердечно, не сожалѣете ли вы объ Египетскихъ цибуляхъ? Нѣчего вѣдь грѣха таить: мало сочувствія встрѣтилъ въ нашихъ высшихъ слояхъ крѣпостной переворотъ 19 Февраля 1861 года, а они еще считаютъ себя передовыми!

Во время слѣдствія надъ безобразникомъ Г., при капитанѣ А. И. Золотухинѣ состоялъ рядовой Калужской жандармской команды, Самохваловъ, очень мнѣ понравившійся своею смѣтливостью и расторопностью, и во время послѣдующихъ моихъ командировокъ по разнымъ уѣздамъ Калужской губерніи я постоянно бралъ его съ собою, къ смущенію нерѣдко мирныхъ обывателей, между тѣмъ какъ меня льстило, что нахожденіе при мнѣ синяго мундира придавало нѣкоторую важность моей личности. Въ жизни моей не честолюбіе чиновъ въ строгомъ смыслѣ имѣло для меня обаяніе, а прельщало меня играть какую бы то ни было роль (être un quelque chose) на службѣ или внѣ ея, въ салонной ли жизни, или даже на крестьянскихъ сборищахъ въ моихъ бывшихъ Порзняхъ, на сговорахъ, свадьбахъ и на сельскихъ

сходкахъ въ моемъ вотчинномъ правленіи. Я алкалъ получить какую бы то ни было общественную извѣстность, и вотъ почему мнѣ такъ хотѣлось, одно время, когда я владѣлъ звучнымъ баритономъ, поступить въ качествѣ артиста на какую-нибудь сцену, хотя бы отплылъ я для этого въ Америку. Чувство это преобладало въ вокальной моей меломаніи. Въ описываемый мною періодъ тщеславіе мое нашло пищу и могло высказаться на новомъ моемъ поприщѣ слѣдователя, а въ еще позднѣйшее время, въ литературныхъ занятіяхъ. Видѣть свое имя напечатаннымъ подъ какой-нибудь статьею, даже прочесть печатное опроверженіе и порицаніе моихъ мнѣній, радостно щекочетъ и по нынѣ мое самолюбіе. Извѣстность, coûte qui coûte, вотъ чего мнѣ хочется, и я не могу преодолѣть этой слабости.

Возвращаюсь къ моему жандарму.

Позднѣе, когда Самохваловъ выслужилъ свой срокъ, и я уже былъ Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ, я взялъ его въ услуженіе, въ качествѣ разсыльнаго, сыщика и камердинера. Это былъ типъ присущей Русскому простолюдину отваги. Страшна была въ его глазахъ одна лишь смерть (да и то, пожалуй, придерживался онъ поговорки «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать»), и онъ сдѣлался настолько всѣмъ извѣстенъ, что его употребляли при случаѣ и посторонніе люди, за чтò хорошо его награждали. Но не изъ одного денежнаго интереса подвизался мой Видокъ, а любилъ онъ свою профессію и особливо когда она направлена была на травлю сомнительныхъ личностей. Въ этомъ отношеніи Жиздринскій уѣздъ представлялъ широкое поле для его дѣятельности. Уѣздъ граничитъ съ Болховскимъ и Брянскимъ, Орловской губерніи, и черезъ рубежъ тянутся извѣстные Брянскіе лѣса, на большомъ протяженіи, и потому вся эта мѣстность служитъ (или служила въ мое время) притономъ для всякаго рода бродягъ. Однажды исправникъ Домогацкій отправилъ Самохвалова, съ дозволенія капитана Золотухина, въ одно подгородное селеніе, отыскивать какого-то скрывавшагося будто бы тамъ безпаспортнаго героя, и синемундирный сыщикъ, облекшись въ мужицкій сѣрый армякъ и избравъ для обыска ночное время, перешарилъ всѣ избы и перещупалъ (по крайней мѣрѣ онъ такъ разсказывалъ) въ потемкахъ всѣхъ спавшихъ тамъ. Какъ не переломали ему реберъ, диво! Впрочемъ, въ послѣднее время онъ видимо охладѣлъ къ ловлѣ бродягъ, потому-де, что казна перестала ему платить, по прежнему, по червонцу за каждый субъектъ.

Возвратившись въ Калугу послѣ двухъ съ половиною мѣсячнаго странствованія по Жиздринскимъ лѣсамъ, весямъ, дебрямъ и постоялымъ дворамъ, я засталъ тамъ Рязанскаго моего сослуживца, Ивана Карловича Мартенса, уже опредѣленнаго на открывшуюся ваканцію совѣтника Калужскаго Губернскаго Правленія, а на прежнее его мѣсто (асессора Рязанскаго Губернскаго Правленія) туда перешелъ асессоръ Калужскаго г. Вагинъ.

Раннею весною, когда я не выѣзжалъ еще изъ Знаменскаго (или уже находился въ Жиздринскомъ уѣздѣ), проѣзжалъ по Брестъ-Литовскому шоссе Государь съ Императрицею, и графъ Дмитрій Николаевичъ отправился встрѣтить царскую чету въ Медынь, гдѣ она имѣла ночлегъ. На слѣдующее утро, когда Императрица, милостиво разговаривая съ графомъ Толстымъ, спросила его: въ чьемъ домѣ мы стоимъ? графъ отвѣчалъ, въ д. купца такого-то. Вдругъ Государь, разговаривавшій тогда съ губ. предводителемъ, сказалъ: «Толстой, представь его Императрицѣ». Полагая что Государю угодно было чтобы Императрицѣ былъ представленъ хозяинъ дома, о которомъ только что шла рѣчь, графъ пошелъ къ дверямъ, чтобы позвать его; но Государь, улыбаясь добавилъ: «Не его, а губернскаго предводителя» (Ѳедора Сергѣевича Щукина). Этотъ неважный самъ по себѣ эпизодъ послужилъ тѣмъ не менѣе впослѣдствіи къ особенному милостивому вниманію Государя къ графу. Лѣтъ десять спустя (или даже болѣе), на одномъ куртагѣ, Государь, замѣтивъ графа, сказалъ ему. «А помнишь Медынь?» стоявшая же тутъ Императрица добавила: Ce n'était qu'un qui pro quo» (Это было одно недоразумѣніе).

Съ обычною своею ко мнѣ благосклонностію, графъ Дмитрій Николаевичъ уволилъ меня къ моему семейству, безъ назначенія срока, и для сохраненія внѣшняго порядка службы поручилъ мнѣ два - три совершенно пустыя изслѣдованія, какъ напр.: ссора Тарусскаго градскаго головы съ откупщикомъ, по случаю винной выставки на ярмаркѣ, и подобныя тому дѣла. Но личныя мои отношенія съ графомъ придавали мнѣ большой вѣсъ, какъ въ Тарусѣ, такъ и повсюду въ губерніи, а довѣріемъ ко мнѣ моего начальника я пользовался, чтобы доносить ему о разныхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ, мною подмѣченныхъ, о коихъ не было ничего извѣстно губернскому начальству; а также я рекомендовалъ его вниманію кое-кого изъ канцелярскаго люда присутственныхъ мѣстъ для помѣщенія на открывающіяся ваканціи. Донесеніями моими я заслужилъ прозвище шпіона у Тарусскаго дворянства, и это ой какъ больно откликнулось мнѣ впослѣдствіи; но ни тогда, ни теперь не нахожу ничего ни позорнаго, ни предосу-

дительнаго въ этихъ моихъ дѣйствіяхъ. Не въ шутку, и не за одно банальное канцелярское фразерство принимаю я слова, въ данной на службѣ присягѣ, служить вѣрою и правдою и доносить обо всемъ, что̀ могло бы причинить вредъ государственной службѣ; а одновременно съ исполненіемъ въ точности долга я находилъ и нахожу, что я служилъ обществу въ широкомъ примѣненіи этого названія, а въ абстрактивномъ смыслѣ человѣчеству, заступничествомъ моимъ за низшую забитую братію, и сверхъ того обличая взяточничество, эту язву нашей администраціи. Впрочемъ, всякій судитъ по своей совѣсти.

Въ Тарускомъ уѣздномъ судѣ былъ тогда секретаремъ отпѣтый взяточникъ, контролировать дѣйствія коего не хотѣли или не умѣли судья и его аколиты. Сейчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Тарусу (изъ Калуги), я вызвалъ этого господина къ себѣ и объявилъ ему наединѣ, что если онъ не исправится, то ему предстоитъ быть удаленнымъ. Мѣсяца черезъ два или три, удостовѣрившись, что нотація моя не послужила ему въ пользу, я донесъ о немъ, и онъ немедленно смѣненъ. Тоже самое я сдѣлалъ съ письмоводителемъ городническаго правленія. Эти два случая придали мнѣ особенное значеніе въ глазахъ высшаго и низшаго персонала Тарускихъ присутственныхъ мѣстъ; но опять повторяю, что меня радовала не одна лишь польза, принесенная обществу отъ успѣха моихъ представленій, но и служебный вѣсъ, мною черезъ это пріобрѣтенный.

Осенью (1857) получилъ я секретное предписаніе сдѣлать безгласное, исподоволь, дознаніе о справедливости разныхъ злоупотребленій, въ коихъ обвинялся Тарускій исправникъ Бахметевъ, свѣдѣнія о коемъ получены были не черезъ меня. Я дотолѣ видѣлъ въ немъ лишь крайне недалекаго и пустого человѣка, но объ особенно вопіющихъ его проступкахъ по службѣ я ничего еще не зналъ. Дознаніе подтвердило многое изъ высказаннаго въ доносѣ, и мнѣ предписано было приступить къ формальному о немъ слѣдствію. Оно вышло такъ многосложно, что тянулось всю осень, зиму, и только весною слѣдующаго 1858 года я представилъ дѣло въ Губернское Правленіе. Разскажу о нѣкоторыхъ комическихъ замашкахъ этого индивидуума. Во едину отъ субботъ, онъ подмѣтилъ какое-то жилое строеніе на краю одного селенія, выходившее не въ линію съ прочими, а на дорогу и, можетъ быть, суживавшее немного проѣздъ. И вотъ приказываетъ онъ становому снести это строеніе (жили-ли въ немъ жильцы или нѣтъ, не помню); но такъ какъ послѣ нѣсколькихъ повтореній (письменныхъ) становой не исполнялъ его приказаній, то исправникъ прискакалъ туда и, вызвавъ становаго, велѣлъ ему немедленно раскидать все строеніе. «По-

милуйте», возразилъ тотъ, «вѣдь этого мы не имѣемъ права дѣлать по закону?» — «Что̀ мнѣ законъ, я вамъ законъ», грозно гаркнулъ принципалъ. «Ну, такъ извольте сами и распоряжаться», отвѣчалъ осторожный подчиненный, «а я отказываюсь». Раскидано-ли было строеніе или нѣтъ, не помню. А иногда отправлялъ онъ преступниковъ изъ города въ станъ подъ конвоемъ какихъ, думаете вы, людей? Подъ конвоемъ *бабъ*; да, бабъ, вмѣсто разсыльныхъ, состоявшихъ при судѣ, но коихъ онъ употреблялъ для разныхъ работъ у себя на дворѣ, и вообразите себѣ, что смиренные арестанты не убѣгали изъ-подъ этой нѣжной стражи. А случалось это вотъ почему. Въ Тарусѣ базарный день Воскресенье; такъ вотъ и пошлетъ нашъ исправникъ привести съ площади кого нибудь изъ селеній, находившихся въ окрестностяхъ стана: «вамъ-молъ это по дорогѣ»; а не случится на тотъ разъ отыскать какого нибудь мужичка, такъ наряжали для конвоя хоть двухъ бабъ. Тоже было и по подводной повинности, неохотно, какъ извѣстно, отбываемой крестьянами, и потому г. Бахметевъ дозволялъ женщинамъ замѣнять своихъ мужей. Пришлось мнѣ однажды ѣхать на обывательскихъ лошадяхъ по проселочнымъ дорогамъ, и вдругъ лѣзетъ на козлы моего тарантаса крестьянская баба; понятно, что съ подобнымъ возницею я не захотѣлъ отправиться въ путь. Квартировалъ исправникъ на горѣ, при выѣздѣ изъ города, и иногда можно было видѣть его отправляющагося въ свой Земскій Судъ, бывшій въ центрѣ города, верхомъ, на взнузданномъ по кавалерійски конѣ.

Слѣдствіе надъ исправникомъ Бахметевымъ дало поводъ къ единственному въ жизни моей случаю посѣтовать немного на графа Дмитрія Николаевича. Накоплялось все болѣе и болѣе уликъ о непохвальныхъ дѣйствіяхъ по службѣ Бахметева, какъ вдругъ получаю записочку, по французски, вложенную въ запечатанный пакетъ отъ графа Толстаго, слѣдующаго содержанія: «Cher comte, allégez, si vous pouvez, le sort de ce malheureux»*). Меня, признаюсь, это покоробило. Какъ? подумалъ я, столь прямой человѣкъ, какъ графъ, хочетъ посягать на свободу моихъ убѣжденій и совѣсти и заставлять меня затаивать истину изъ участія къ лицу, заслуживающему кару закона? Не ожидалъ я этого отъ него, да и тѣмъ болѣе, что имѣлъ случаи удостовѣряться, что онъ не смотритъ на службу, какъ на богадѣльню. Тѣмъ не менѣе, не свернулъ я съ тропы, по которой шелъ, не пропускалъ и не умалялъ всего, что̀ открывалось новое по сему предмету; но воспользовался первой возможностью съѣздить въ Калугу, чтобы изустно объясниться съ графомъ. Онъ увѣрилъ меня, что никакъ не думалъ предписывать

*) Любезный графъ, облегчите, если можете, участь этого несчастнаго.

мнѣ, чтобы я придерживался ложнаго направленія и гнулъ бы изслѣдованіе въ оправданіе Бахметева, но что онъ пришелъ въ минутный тупикъ отъ сцены, происшедшей тогда въ его кабинетѣ. Съ одной стороны, несчастный Бахметевъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и стукался, какъ сумасшедшій, головою объ стѣну; а съ другой престарѣлая его мать валялась въ ногахъ графа, слезно умоляя пощадить ея сына, и вотъ подъ какимъ вліяніемъ растроганный графъ настрочилъ мнѣ упомянутую записку. Онъ увѣрялъ, что ему и на мысль не приходило предписывать мнѣ дѣйствовать противъ моей совѣсти. Объясненіе это вполнѣ меня успокоило, и никогда не было болѣе между нами намека объ этомъ эпизодѣ, такъ что я кончилъ слѣдствіе безъ всякихъ дальнѣйшихъ утаекъ.

Исправникъ Бахметевъ служилъ по выбору отъ дворянства, и немудрено, что строгое мое изслѣдованіе всѣхъ его похожденій могло увеличить нерасположеніе ко мнѣ мѣстныхъ дворянъ; но туча, собиравшаяся надъ моей головой, шла все болѣе и болѣе кресчендо при послѣдующихъ моихъ дѣйствіяхъ. Велѣно было мнѣ произвести секретное дознаніе о притѣсненіяхъ своихъ кресьянъ и противузаконныхъ дѣйствіяхъ помѣщика Толбугина, о коемъ уже не разъ упомянуто выше*). Порученіе это было чуть-ли не мотивировано тѣмъ, что крестьяне этого помѣщика вышли изъ его повиновенія, что̀, въ оффиціальной тогдашней терминологіи, называлось бунтомъ, хотя открытаго бунта никогда не было, а только то, что вышедшіе изъ терпѣнія и разоренные отъ поборовъ своего барина нѣкоторые несчастные крестьяне (да и то не всѣ) отказывались тихо, но дружно и упорно, исполнять притѣснительныя его требованія. Предписано было мнѣ произвести это дознаніе вмѣстѣ съ Тарускимъ уѣзднымъ предводителемъ, Дмитріемъ Александровичемъ Чертковымъ, который хотя далеко не изъ либеральнаго десятка, но тѣмъ не менѣе (я долженъ отдать ему полную справедливость) дѣйствовалъ тутъ за одно со мною, безъ пристрастія къ принципу поддержки, во что бы то ни стало, дворянскаго сословія. Между прочихъ обвиненій подтвердилось, что у г. Толбугина опредѣленнаго размѣра оброка не было: сегодня получено сполна, а завтра, когда крестьянамъ были нужны паспорты, чтобы имъ идти на за̀работки, съ нихъ требовался еще добавочный по произволу оброкъ, и нерѣдко, для вымогательства его, сѣкли крестьянъ и отбирали ихъ имущество. Крестьяне дошли до такой крайности и страха, что перегоняли свой скотъ въ сосѣднія селенія, не принадлежавшія ихъ помѣ-

*) Отсылаю читателя къ описанію Московскихъ событій весною 1835 г., а также къ моей жизни въ Знаменскомъ съ 1847 по 1849 годъ.

щику, и тамъ держали скотину на чужое имя. Не забуду, что, на выѣздѣ изъ Криворѣзова (такъ называлось это село, составлявшее лишь часть большого имѣнія г. Толбугина) мой тарантасъ застрялъ въ топкомъ оврагѣ, и мнимые бунтовщики прибѣжали гурьбой помочь мнѣ.

Если я такъ часто налегаю съ подробностями о неистовствахъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ помѣщиковъ, то дѣлаю это, дабы доказать, какъ необходимо и неотлагательно было покончить сразу съ крѣпостнымъ правомъ. Законъ запрещалъ, это правда, всѣ подобныя злоупотребленія; но его умѣли обходить, и онъ дѣлался одною мертвою буквою.

Со времени недавняго еще моего перехода на службу въ Калужскую губернію, вотъ уже былъ второй случай, что я выводилъ на чистую воду тиранство помѣщичьей власти, а въ довершеніе всего я секретно донесъ, что нѣкая Таруская немелкопомѣстная барыня разорила своихъ крестьянъ до того, что они ходили по міру по всему уѣзду, и что нѣкій помѣщикъ, разгнѣвавшись за плохую барщинскую работу, запрягъ одну бабенку въ борону и заставилъ ее бороновать, чѣмъ и подвергъ ее всеобщему позору. Всѣ эти мои дѣйствія навѣяли на мою голову странную и публичную грозу въ домѣ уѣзднаго предводителя, и мнѣ пришлось отгрызаться, какъ я только могъ; но, придерживаясь всегдашняго моего правила «avoir le courage de mes opinions»*), я принялъ на себя всю отвѣтственность за мои дѣйствія и конечно не извинялся передъ этимъ грознымъ ареопагомъ. Одинъ изъ болѣе разъяренныхъ этихъ господъ воскликнулъ: «мы будемъ просить губернатора, чтобы не налагалъ такихъ обязанностей на своихъ чиновниковъ».—«Просите, сколько угодно» (помнится мнѣ, я отвѣчалъ), «а до тѣхъ поръ я не измѣню моего образа дѣйствій». Буря улеглась, но только на время. Позднѣе, въ 60-хъ годахъ, при введеніи мировыхъ учрежденій, когда я попытался было попасть въ Тарускіе мировые судьи (на чтò я имѣлъ полное право по девятилѣтней практикѣ по слѣдственной части), нерасположеніе ко мнѣ мѣстнаго дворянства снова высказалось: пущены были въ ходъ разныя натяжки «cousues de fil blanc» (т. е. призрачныя), и меня отстранили отъ выборовъ.

Не помню, говорилъ ли я, что въ описываемое мною время уѣзднымъ судьею въ Тарусѣ былъ безвредный старецъ, г. Гродненскій, отставной гусаръ и визіонеръ. Чтò до послѣдняго эпитета, то онъ безусловно вѣрилъ въ разные чары и заговоры и разсказывалъ, что когда посягатели на чужую собственность условливаются усыпить

*) Не страшиться боя для защиты своихъ убѣжденій.

мертвымъ сномъ жителей дома, который они намѣреваются ограбить, то обходятъ все строеніе или вкрадываются въ домъ, неся предъ собою кость умершаго младенца, и этимъ легкимъ способомъ достигаютъ своей цѣли безъ всякой помѣхи. Но спеціальностію г. Гродненскаго было устройство фонтановъ; и дѣйствительно, въ его имѣніи на р. Протвѣ красовалось довольно обширныхъ бассейновъ съ водометами. Однажды, при посѣщеніи его уѣзднымъ предводителемъ, Дмитріемъ Александровичемъ Чертковымъ, съ его женою Любовью Александровною, когда послѣдняя очень хвалила фонтанъ при въѣздѣ господскаго дома г. Гродненскаго, хозяинъ, въ порывѣ восторженной признательности, воскликнулъ: «Онъ вамъ нравится? Такъ я его вамъ дарю.» Чтобы покончить съ этой оригинальной личностію, дополню, что его такъ поразили всѣ послѣдствія отъ манифеста 19 Февраля 1861 года, что онъ бросилъ все свое хозяйство (тогда какъ слылъ дотолѣ хорошимъ агрономомъ) и запустилъ всѣ господскія свои поля: ни самъ ихъ не пахалъ, ни отдавалъ въ наймы.

Засѣдателемъ въ уѣздномъ судѣ былъ уже тогда Григорій Александровичъ Кондыревъ, человѣкъ вполнѣ безукоризненный, заступившій впослѣдствіи г. Гродненскаго въ должности судьи *). Подобную о немъ аттестацію я смѣло могу дать, потому что я служилъ съ нимъ въ бытность мою безъ малаго два года Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ, а при первоначальномъ въ 1860 году учрежденіи этой новой должности (предшествовавшей судебной реформѣ 20 Ноября 1864 г.), слѣдователи считались членами Уѣзднаго Суда и въ свободное время тамъ засѣдали.

Этой же осенью перешелъ къ намъ въ Калугу изъ Рязани Викентій Ѳомичъ Раковскій, и графъ Толстой помѣстилъ его на открывшуюся вакацію чиновника особыхъ порученій послѣ Гаврилова, назначеннаго (помнится мнѣ) товарищемъ предсѣдателя Уголовной Палаты (или Кричевскаго, получившаго мѣсто губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго). Вотъ былъ такимъ образомъ и третій Рязанскій бѣглецъ, считая И. К. Мартенса и меня, не говоря уже о нѣкоемъ Шумовѣ, успѣшно кончившемъ курсъ въ Рязанскомъ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, коего графъ помѣстилъ въ свою канцелярію, но противъ чаянія ничего особеннаго изъ него не вышло. Перешелъ также изъ Рязани какой-то становой, но онъ недолго, кажется, продержался въ Калужской губерніи.

---

*) Онъ нынѣ (1875) Тарускимъ исправникомъ.

Въ одно изъ краткихъ моихъ появленій въ Калугѣ, чтобы повидаться съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ, я однажды встрѣтился у друзей моихъ, поселившихся тамъ на зиму, Поливановыхъ, съ бывшимъ однополчаниномъ моимъ Андреемъ Семеновичемъ Раевскимъ, съ которымъ я не видался съ 1832 или 1833 года: обстоятельство тѣмъ болѣе странное, что онъ былъ помѣщикъ Калужскаго уѣзда *). Въ этотъ, или въ другой кратковременный мой пріѣздъ въ Калугу, зимою, было послѣднее мое свиданіе съ добрѣйшимъ Константиномъ Александровичемъ Поливановымъ: онъ давно страдалъ астмою и кончилъ сухоткою при открытіи весны 1858 года.

Передъ осеннею моею поѣздкою въ Калугу съѣхалась порядочная толпа гостей изъ Тарускаго и Калужскаго уѣздовъ отпраздновать въ сельцѣ Колосовѣ день имянинъ, 21 Сентября, Тарускаго предводителя Дмитрія Александровича Черткова. Туда потащились также жена моя и я съ нашимъ десятилѣтнимъ сыномъ, который и самъ былъ имянинникомъ. Проживалъ тогда г. Чертковъ въ живописномъ своемъ помѣстьѣ, при широкой по заграничному обстановкѣ, что̀ зовется «vie de château»: все было у него на изящно-роскошной ногѣ и «en grand», хоть бы завтра принимай царскую фамилію. Мэтръ-д'отелемъ былъ Итальянскій Славянинъ (изъ Тріеста) и столичные ватели, съ ихъ кулинарными ассистентами, кондитеръ и лакеи въ щиблетахъ и ливреяхъ, съ гербовыми позументами по всѣмъ швамъ, оффиціанты во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а лѣстница и пріемныя комнаты убраны тропическими и цвѣтущими растеніями изъ собственныхъ его оранжерей, тянувшихся одна за другой; онѣ же и снабжали столъ всякими плодами. Пріѣхалъ наканунѣ праздника и нашъ Калужскій архипастырь Григорій со своими пѣвчими и съ ревуномъ (хотя уже въ сѣдинахъ), тучнымъ протодіакономъ, и на слѣдующій день совершилъ литургію въ селѣ Солопёнкахъ, которое входитъ въ составъ имѣнія г. Черткова, но отстоитъ отъ Колосова въ трехъ верстахъ, при самой же усадьбѣ церкви нѣтъ. Владыка уѣхалъ послѣ утонченнаго, многоблюднаго и многолюднаго обѣда, за которымъ провозглашенъ былъ признательный въ его честь тостъ; а вечеромъ начался балъ съ выписнымъ изъ Калуги оркестромъ. Мѣстность въ Колосовѣ очаровательна. Домъ господствуетъ надъ крутымъ и высокимъ берегомъ Оки, а по болѣе отлогому его склону раскинутъ простран-

*) Онъ давно уже былъ женатъ на княжнѣ Горчаковой, но изъ какихъ Горчаковыхъ, не знаю.

вый и превосходно планированный паркъ. Зрителю мнится, что онъ не въ Россіи, а перенесенъ на берега Рейна. Тотчасъ же за Окою, изъ за темной чащи далеко тянущагося бора, выглядываютъ колокольни и кресты Алексинскихъ церквей, а вдоль Калужскаго берега той же рѣки, въ двухверстномъ разстояніи отъ Колосова, клубы дыма, вырывающіеся изъ высокихъ домнъ, свидѣтельствуютъ о кипучей дѣятельности Мышинскаго чугунно-плавильнаго завода. Изъ пріемныхъ комнатъ второго этажа Колосовскаго замка (каковымъ можно его назвать и потому, что при въѣздѣ во дворъ, утрамбованный, по заграничному, рѣчнымъ гравіемъ, возвышается, примыкая къ строенію, башня съ часовымъ боемъ), устроены, вмѣсто балкона или лѣстницы, отлогіе два спуска къ цвѣтникамъ, и все это вмѣстѣ, при бальномъ освѣщеніи, съ открытыми изъ залъ окнами, въ теплую Сентябрскую ночь, озаряющемъ ближнія цвѣточныя клумбы, а затѣмъ, въ отдаленности, лунное отраженіе, игриво трепещущее надъ поверхностію Оки,—все это вмѣстѣ придавало балу театрально-декоративный характеръ, измѣнившійся не менѣе эффектно, когда, при лучахъ восходившаго солнца, аккорды оркестра слились съ идиллическимъ звукомъ рожка: пастухъ выгонялъ въ поле стадо.

При въѣздѣ въ липовую аллею, засаженную въ два ряда съ каждой стороны и ведущую отъ большой Алексинской дороги къ Колосовскому дому, горѣли въ подобныхъ случаяхъ два огромные фонаря, на каменныхъ столбахъ, у желѣзныхъ воротъ, и это гармонировало какъ нельзя больше съ вельможническою обстановкою всей усадьбы, Но паче всего украшала празднество граціозная и привѣтливая ко всѣмъ молодая хозяйка дома, олицетворявшая тѣхъ «châtelaines», о коихъ мы часто читаемъ въ иностранныхъ романахъ, и порхавшая между своими гостями, не минуя никого теплымъ и искреннимъ словомъ. Отнюдь не диво, если салонный репертуаръ молодой великосвѣтской женщины бываетъ неистощимъ въ присущей ей сферѣ; но вѣдь здѣсь былъ свой совершенно элементъ, и Любовь Александровна имѣла дѣло съ провинціальными посѣтителями, многихъ изъ коихъ она видѣла въ первый или во второй только разъ, и потому общаго съ ними ничего не могла имѣть. Въ числѣ этихъ гостей насчитывалось конечно нѣсколько личностей, принадлежавшихъ къ одинаковой, свѣтской категоріи съ хозяйкою, но таковыя были въ меньшинствѣ, а встрѣчались между ними Гоголевскіе Ноздревы и Собакевичи; и все таки Любовь Александровна находила о чемъ съ ними бесѣдовать, и бесѣдовать даже продолжительно, такъ какъ нѣкоторые гости оставались въ Колосовѣ и на весь слѣдующій день. Душевная чистота этой жен-

щины и дѣтская ея способность забавляться тѣмъ, что̀ казалось бы невыносимо скучнымъ для пресыщенныхъ бо-мондныхъ львицъ, отражались во всѣхъ ея пріемахъ, и облегчали ей роль хозяйки, потому что когда мы довольны самими собою, то довольны всѣмъ и всѣми насъ окружающими, и на оборотъ. Не могла она конечно не закусывать губки, чтобы не расхохотаться отъ безпощадной ломки Французскаго языка нѣкоей Таруской городничихи, образчики чего стоило бы передать потомству, хоть бы наприм., что «m-r Chroustcheff est tellement brouillé avec m-r. N. qu'il ne s'est même pas ressuscité avec lui à la Pâques», что̀ значило, что двое изъ Тарускихъ обывателей, враждовавшіе между собою, не похристосовались на пасхальной утренѣ. Въ другомъ случаѣ, лингвистка эта, желая поблагодарить отъѣзжавшаго на зиму въ Москву мѣстнаго помѣщика за оказанное ей вниманіе, во время его лѣтняго пребыванія въ своемъ имѣніи, махнула фразу: «Je vous remercie, mon prince, pour votre bonne disposition (т. е. за доброе ваше ко мнѣ расположеніе). А то, участвуя однажды въ партіи съ этимъ же княземъ, когда одинъ изъ его партнеровъ замѣтилъ ему, что онъ сдѣлалъ неправильный ходъ, изъ чего произошелъ между ними споръ, трещетка-градоначальница, вступившись въ дѣло, промолвила: «le prince a ses règles», на что̀ тотъ отвѣчалъ ей: «je vous prie de croire, madame, que je ne les ai jamais eues». Въ интимномъ кружкѣ Любови Александровны была тогда нѣкая, немолодая и нестарая, но пріятная весьма особа; она же была и ближайшая ея сосѣдка. «Ахъ!» воскликнула городничиха при первомъ съ нею знакомствѣ, «c'est donc vous qui êtiez la fameuse jolie Grouchinka (немолодую и нестарую эту барыню звали Аграѳеною), dont j'ai tant entendu parler, quand j'étais encore une petite fille.» — «C'est moi-même, madame, mais d'après ce que vous dites, il y a de cela déjà bien longtemps,» сострила въ отвѣтъ пикированная дама.

Элегантный колоритъ балу придавали дамскіе туалеты, мало уступавшіе столичнымъ. Ужъ что другое, а на этотъ счетъ наши провинціалки не ударяютъ себя лицемъ въ грязь. Образчиками прехорошенькихъ, бальныхъ сильфидъ представилъ Таруской уѣздъ въ лицѣ двухъ сестеръ Шатиловыхъ, и одной Елагиной *), а въ дополненіе ко всему комъ-ильфотный оттѣнокъ балу придавали танцоры, артиллерійскіе офицеры, квартировавшіе неподалеку въ Тарусѣ и въ Калугѣ, уровень образованности коихъ рѣзко отдѣляется (или по крайней мѣрѣ отдѣлялся въ то время) отъ армейскихъ пѣхотинцевъ. Изъ этихъ артилле-

*) Она вышла замужъ за одного изъ Тульскихъ князей Вадбольскихъ.

рійскихъ офицеровъ сблизились съ нами гг. Эйсмундъ, Августиновичъ [1]) и Рубецъ [2]).

Для паралельнаго изложенія всѣхъ, наиболѣе интересныхъ происшествій, внѣ окружавшей меня тогда сферы, разскажу о двухъ крупныхъ случаяхъ, взволновавшихъ Москву и Рязань. Первымъ изъ нихъ была студенческая исторія съ оберъ-полицейместеромъ Берингомъ, некрасиво для него кончившаяся. Подробности этого происшествія ускользнули изъ моей памяти, но сущность его была приблизительно такова. Въ квартиру собравшихся нѣсколькихъ студентовъ, пировавшихъ и, быть можетъ, распѣвавшихъ громковато любимую свою пѣснь «Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus», ворвались, безъ всякаго предписанія отъ начальства, полиціанты. Незванныхъ этихъ гостей студенты начали выгонять; произошла схватка, во время которой свѣчки были, умышленно или нѣтъ, потушены, и полиціанты обнажили свои тесаки, а полицейскій казакъ (или жандармъ) саблю. Студентамъ удалось вытѣснить осаждающихъ на улицу, но полиціанты возвратились съ подкрѣпленіемъ и уже въ сопровожденіи частнаго пристава, продолжавшаго наступательныя мѣры съ словеснымъ, будто бы, на это разрѣшеніемъ отъ самого А. А. Беринга. Насколько правды въ послѣднемъ обстоятельствѣ, не знаю; но помню, что въ схваткѣ были раненые изъ обоихъ лагерей. На слѣдующій день вспылилъ, въ естественномъ негодованіи, весь университетскій высшій персоналъ и взошелъ съ прошеніемъ къ генералъ-губернатору, графу Закревскому. (Быть можетъ, что полиціею были задержаны подъ арестъ нѣкоторые студенты, что̀ и составляло нарушеніе университетской автономіи; но оно могло случиться потому, что г. Берингъ былъ грубоватаго нрава и наклоненъ расправляться по фельдфебельски). Когда за тѣмъ наряжено было по этому дѣлу слѣдствіе, Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцовъ (тогда профессоръ) заявилъ желаніе находиться при производствѣ дѣла, какъ депутатъ отъ горячо любимыхъ имъ студентовъ. Дѣло долго тянулось, но однакоже кончилось преданіемъ суду частнаго пристава, самовольно распорядившагося со студентами, а оберъ-полицейместеръ Берингъ былъ уволенъ изъ службы безъ прошенія.

---

[1]) Сестра этого Августиновича была та самая назойливая барышня, съ претензіями на пѣніе, пристававшая ко мнѣ въ 1841 году (если читатель помнитъ), чтобы я ее допустилъ участвовать, какъ солистку, въ одномъ изъ нашихъ аматёрскихъ концертовъ. Братъ ея, вышесказанный артиллерійскій офицеръ, женился въ 1858 году на одной изъ вышеупомянутыхъ сестеръ Шатиловыхъ.

[2]) Онъ владѣлъ звучнымъ теноровымъ, груднымъ органомъ и хотѣлъ было поступить (да чуть ли не поступилъ) на сцену, для чего ѣздилъ позднѣе за границу

Второй случай, еще болѣе возмутительный, былъ въ Рязани, съ блаженной памяти архіепископомъ Гавріиломъ. Въ осенній праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, по совершеніи имъ литургіи въ Рязанскомъ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, по случаю храмоваго праздника, онъ, а также и губернаторъ П. П. Новосильцовъ съ женою, пошли, по приглашенію игуменьи, старицы Екатерины (которая сама передавала мнѣ въ 1859 году этотъ случай), кушать у нея чай, и едва всѣ усѣлись за столъ, какъ какой-то незнакомый никому человѣкъ (но по одеждѣ принадлежавшій къ духовному званію), взошедъ въ горницу, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ бы желая подойти подъ благословеніе владыки. Достопочтенный архипастырь, всегда вѣжливый ко всякому, всталъ съ мѣста на встрѣчу незнакомца, дабы осѣнить его, какъ вдругъ этотъ негодяй, ударилъ со всего розмаху архіерея по головѣ такъ сильно, что старикъ упалъ на полъ. Петръ Петровичъ бросился его поднимать, и на всеобщій крикъ выбѣжала игуменья изъ сосѣдней комнаты, гдѣ она была занята приготовленіями къ угощенію своихъ почетныхъ гостей. Пытался-ли преступникъ бѣжать, не знаю; но сопровождавшій губернатора жандармскій вѣстовой схватилъ мерзавца и повелъ его подъ арестъ. Кто онъ былъ таковъ, не могли дознаться, хотя нѣкоторые его переходы изъ одного монастыря въ другой, внѣ Рязанской епархіи, были изслѣдованы, также какъ осталось тайною, питалъ-ли онъ личную за что-нибудь злобу къ праведнику-іерарху, не имѣвшему ни единаго врага во всей своей епархіи. Иные говорили, что онъ Рязанскій уроженецъ, что якобы былъ за что-то исключенъ изъ духовнаго званія, и тому подобное, но ничего положительнаго о немъ не было обнаружено слѣдствіемъ. Будучи признанъ въ состояніи умопомѣшательства медицинскимъ осмотромъ, онъ былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ. Преосвященный Гавріилъ увѣдомилъ было о случившемся съ нимъ митрополита Филарета, съ коимъ давно находился въ перепискѣ [1]), но, не получая, какъ разсказывали мнѣ, никакого отвѣта отъ митрополита, онъ понялъ будто-бы, что это молчаніе соотвѣтствуетъ совѣту проситься на покой, что̀ онъ и сдѣлалъ [2]). Послѣдніе немногіе годы своей жизни преосвященный Гавріилъ провелъ въ подгородномъ къ Рязани Ольговомъ монастырѣ, и при всей тѣлесной своей немощи собственноручно вырылъ, исподоволь, себѣ могилу, а въ хорошую лѣтнюю погоду онъ просиживалъ, бывало, по-

[1]) Отрывки изъ этой переписки недавно напечатаны въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ.

[2]) Сколько мнѣ извѣстно, ударившій архіерея былъ заштатный дьяконъ. Извѣстіе о молчаніи митрополита, принятомъ пр. Гавріиломъ за совѣтъ удалиться, мнѣ неизвѣстно, но кажется невѣроятнымъ. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.*

долгу передъ стѣнами обители, устремивъ взоръ на любимую и преждевременно покинутую имъ Рязань. Навѣстилъ его тамъ однажды сердобольный всегда Петръ Петровичъ Новосильцовъ, уже не Рязанскимъ губернаторомъ, нарочно пріѣхавшій повидаться съ іерархомъ, съ коимъ онъ всегда жилъ дружно. «Повремените немного, ваше превосходительство», всполошился старецъ, увидѣвъ столь неожиданнаго и дорогаго гостя, и затѣмъ удалившись въ свои внутренніе покои, возвратился въ шелковой рясѣ, сшитой изъ матеріи, подаренной ему нѣкогда Меропою Александровною. «Съ тѣхъ поръ какъ я ее (т.-е. рясу) сшилъ», началъ онъ, «я такъ ею дорожу, что ни разу еще не надѣвалъ и завѣщалъ, чтобы меня въ ней похоронили; но для васъ дѣлаю исключеніе *)». Этакая была въ немъ дѣтская простота!

Подъ конецъ осени, Таруской предводитель Д. А. Чертковъ, созвавъ къ себѣ всѣхъ дворянъ уѣзда, въ томъ числѣ и меня, предъявилъ намъ министерскій циркуляръ слѣдующаго приблизительно содержанія. Такъ какъ дворянство Сѣверо-западныхъ губерній поднесло всеподданнѣйшій адресъ, съ изложеніемъ желанія улучшить бытъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, то, находя эту мѣру своевременною, Государь Императоръ соизволилъ дать свое на это согласіе и вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ спросить у дворянъ всѣхъ прочихъ губерній, не пожелаютъ-ли они послѣдовать похвальному примѣру вышеупомянутыхъ дворянъ. Въ этомъ циркулярѣ ясно читалось, что Государь желаетъ приступить къ окончательному упразненію крѣпостной зависимости, и потому смѣтливые Таруские помѣщики поняли настоящую суть дѣла, и заявили о своемъ согласіи; а такъ какъ предводитель просилъ каждаго изъ насъ изложить нашъ отвѣтъ на бумагѣ, то, возвратившись домой въ экзальтированномъ состояніи духа, я начертилъ въ отвѣтъ, что радостно привѣтствую случай высказать питаемое мною омерзѣніе къ крѣпостному гнету, и что вполнѣ сознаю, что наступило время покончить навсегда съ этимъ позоромъ, отдѣлявшимъ насъ отъ всей цивилизованной Европы. По словамъ Д. А. Черткова, шуринъ мой А. И. Нарышкинъ выразился еще болѣе рѣзко, нежели я. Отвѣтныхъ заявленій отъ прочихъ Тарускихъ дворянъ не случилось мнѣ прочесть; но никто, вѣроятно, не высказался противъ явнаго желанія правительства.

Зиму съ 1857 по 1858 годъ я провелъ неотлучно съ своимъ семействомъ въ Знаменскомъ, занимаясь преимущественно дѣломъ надъ исправникомъ Бахметевымъ, изъ чего образовался толстый фоліантъ, а такъ какъ онъ былъ удаленъ на время отъ своей должности, то графъ

*) Передано мнѣ самимъ П. П. Новосильцовымъ въ Ниццѣ въ 1863 году.

Дмитрій Николаевичъ предложилъ, по моему и г. Черткова указанію, прежнему исправнику, Александру Александровичу Сумороцкому, принять временно на себя эту должность. Я гдѣ-то уже говорилъ, что этотъ достойный вполнѣ человѣкъ, прослужившій съ честію и съ пользою для уѣзда нѣсколько трехлѣтій, былъ незаслуженно забалотированъ на послѣднихъ выборахъ, и неохотно онъ теперь принялъ сдѣланное ему губернаторомъ предложеніе, потому вопервыхъ, что онъ зналъ о неурядицахъ, допущенныхъ въ Тарускомъ земскомъ судѣ г. Бахметевымъ, а вовторыхъ, потому что онъ могъ быть лишь калифомъ на часъ, вслѣдствіе чего не могло быть у него охоты трудиться даромъ, если г. Бахметевъ будетъ оправданъ и снова вступитъ въ свою должность. Однакожъ Д. А. Чертковъ и я уломали его дать согласіе; да и быть можетъ, ему польстило немного вступить на службу по личному приглашенію начальника губерніи.

1858-й годъ.

Въ промежуткѣ слѣдствія надъ г. Бахметевымъ я попросился въ отпускъ въ Москву по затянувшемуся безъ результатовъ иску съ г-жи Обнинской, и прожилъ въ Москвѣ до конца зимы.

Одною изъ первыхъ и грустныхъ для меня новостей, прочтенныхъ въ газетахъ въ Москвѣ, было извѣстіе, что Петръ Петровичъ отозванъ отъ мѣста губернатора въ Рязани и причисленъ къ министерству. Много позднѣе я узналъ отъ человѣка, довольно къ нему близкаго, слѣдующія подробности по сему дѣлу. По полученіи предъидущею осенью извѣстнаго министерскаго циркуляра объ улучшеніи крестьянскаго быта, Петръ Петровичъ отвѣчалъ, что изъ объясненій съ дворянами Рязанской губерніи по этому предмету онъ узналъ, что они не находятъ современнымъ приступать къ измѣненію чего-либо въ настоящихъ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными ихъ людьми, съ каковымъ взглядомъ и онъ, губернаторъ, вполнѣ согласенъ; и за тѣмъ, развивая эту тему, онъ указывалъ на пагубныя для государства послѣдствія, могущія возникнуть отъ нарушенія крѣпостнаго начала при незрѣлости нашихъ крестьянъ. Подобное мнѣніе губернатора, хотя оно шло въ разрѣзъ съ правительственною тенденціею и обличало человѣка, не понимающаго знаменій времени, все-таки показываетъ нѣкоторую отважность. Вотъ, молъ, я высказалъ вамъ мои убѣжденія, какъ честный человѣкъ, а затѣмъ, дѣлайте что̀ угодно со мною. Но не выдержалъ характера легкомысленный Петръ Петровичъ. Сообщилъ онъ о своемъ отзывѣ Николаю Адріяновичу Дивову, а послѣдній замѣтилъ ему, что онъ затѣваетъ немаловажное для себя затрудненіе этимъ офи-

ціальнымъ протестомъ противъ очевидной монаршей воли. Слова моего кузена заставили, вѣроятно, Петра Петровича потрезвѣе разобрать pro и contra этого вопроса, и онъ, измѣнивъ прежній свой образъ дѣйствій, черезъ недѣлю вторично донесъ министру, что послѣ перваго своего донесенія онъ имѣлъ случай снова бесѣдовать съ Рязанскимъ дворянствомъ, которое заявило ему, что находитъ своевременнымъ приступить къ коренной реформѣ крестьянскаго быта, съ чѣмъ и онъ, какъ губернаторъ, вполнѣ согласенъ. Какъ ни покровительствовалъ ему дотолѣ министръ, Сергѣй Степановичъ Ланской, но столь явная непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ губернатора была уже слишкомъ разительна. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ могло дворянство всей губерніи придти въ столь короткій срокъ къ совершенно противуположному противъ прежняго взгляду? Вотъ черезъ что рушилась дальнѣйшая карьера бѣднаго Петра Петровича, и только нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, но безъ всякаго новаго назначенія, чѣмъ, по моему мнѣнію, его незаслуженно обидѣли, тогда какъ ему давно хотѣлось попасть въ сенаторы, чтобы пользоваться трехтысячнымъ окладомъ, составлявшимъ немаловажную для него поддержку при разстройствѣ домашнихъ его дѣлъ. Въ послѣдній годъ губернаторствованія въ Рязани Петра Петровича постигла непріятность попасть въ «Колоколъ», который всѣ читали съ жадностію и противъ распространенія котораго правительство не особенно зорко слѣдило. Взбунтовались крестьяне Зарайскаго уѣзда села Дѣднова (имѣніе бывшее Измаилова, доставшееся по наслѣдству графу Александру Дмитріевичу Толстому). Поводомъ этихъ безпорядковъ было, на сколько помнится мнѣ, ошибочное убѣжденіе крестьянъ, что по смерти Измаилова они должны были поступить въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. П. П. Новосильцовъ отправился на мѣсто происшествія, и когда всѣ его старанія вразумить крестьянъ оказались безплодными, то онъ долженъ былъ поневолѣ прибѣгнуть къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Была ли сѣкуція въ размѣрахъ болѣе жестокихъ, чѣмъ требовалось, не знаю; но Герценъ описалъ это происшествіе въ своемъ листкѣ въ такихъ краскахъ, что публично опозорилъ не только самого губернатора, но выставилъ ассистентами этой экзекуціи Зарайскаго исправника Улитина и чиновника особыхъ порученій Славутинскаго. Не говоря уже о томъ, что послѣднія оба лица не могли ни въ чемъ распоряжаться въ данномъ случаѣ, но у Герцена была еще и та невѣрность, что Славутинскій не сопровождалъ губернатора въ с. Дѣдново.

Квартируя въ Москвѣ у прежняго моего «factotum», кондитера Радзиковскаго (на углу Большой Никитской и Верхняго Кисловскаго

переулка), всталъ я въ одно прекрасное утро съ рѣшеніемъ попытаться покончить миролюбно мою тяжбу съ супругами Обнинскими. Уже хуже чѣмъ теперь изъ этого дѣла ничего выйти не можетъ, размышлялъ я. Обнинскіе жили въ своемъ собственномъ домѣ, на Пятницкой (за Москвой рѣкою) въ Клементьевскомъ переулкѣ, и я, помолившись мимоходомъ у Иверской, отправился къ нимъ. Когда человѣкъ доложилъ Наркису Антоновичу о моемъ пріѣздѣ, онъ вышелъ ко мнѣ съ изумленнымъ выраженіемъ. «Понимаю ваше удивленіе», началъ я, «но я счелъ лучшимъ объясниться лично съ вами и помириться, если возможно. Подумайте, что выйдетъ изъ нашей тяжбы? Мы съ вами люди уже немолодые, будемъ все кормить безъ всякаго толка адвокатовъ да подъячихъ, а въ случаѣ нашей смерти передадимъ безконечную тябжу нашимъ дѣтямъ. Положите, почтеннѣйшій Наркисъ Антоновичъ, какъ честный человѣкъ (каковымъ я васъ считаю), положите руку на сердце и скажите, вотъ передъ иконою, ужели можете утверждать, что при смерти вашего тестя, Ивана Антоновича, всѣ денежные счеты между нимъ и моею матерью были покончены за проданное ею на имя вашей жены имѣніе?» Замялся немного мой полковникъ и возразилъ: «Ко-нечно, — н-н нѣтъ (онъ сильненько заикался)» н-но вѣдь а-адвокатъ Бернаръ взыс-скивалъ такую несоразмѣрную съ н-насъ с-сумму, что приходится отрицать в-весь долгъ, а в-вы знаете, в-ваше сіятельство, что по з-закону кто преувеличиваетъ свой искъ, т-тотъ л-лишается его с-сполна».—«Знаю, почтеннѣйшій Наркисъ Антоновичъ», отвѣчалъ я ему на это, «но знаю также, что отвѣтчику не очень легко отъ этого; потому что судебное мѣсто всетаки взыскиваетъ съ него долгъ въ настоящемъ его размѣрѣ, съ тою лишь разницею, что, вмѣсто удовлетворенія истца, деньги эти поступаютъ на какое нибудь богоугодное заведеніе. Это само по себѣ, а въ настоящемъ случаѣ я желаю обратить ваше вниманіе и на то, что я никакъ не отвѣтчикъ за дѣйствія г. Бернара, ибо онъ былъ не мой повѣренный, а моей матери и наслѣдника моего брата; а какъ вамъ извѣстно, что моя мать завѣщала мнѣ должныя по сіе время вашею женою деньги, то я теперь веду искъ отъ собственнаго моего имени».— «Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ», видимо смягчившись, сказалъ онъ: «тамъ пересмотримъ вмѣстѣ всѣ бумаги по сему дѣлу». Тутъ взошла въ столовую, гдѣ мы разговаривали, его жена и со слезами на глазахъ протянула мнѣ руку. Прошло уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я не встрѣчался съ Варварою Ивановною, и пріемъ ея глубоко тронулъ меня. Когда я сталъ напоминать ей о времени дѣтскихъ нашихъ игръ, она съ взволнованнымъ голосомъ перебила меня словами: «Все, все помню, а также и всѣ ми-

лости мой благодѣтельницы», т. е. моей матери [1]) «и будьте увѣрены. графъ, что мужъ и я готовы сдѣлать все возможное, чтобы честно расплатиться съ вами». За тѣмъ Наркизъ Антоновичъ и я принялись тщательно разсматривать всѣ бумаги по этому дѣлу, а также и письменную корреспонденцію покойнаго его тестя съ моею матерью и съ моимъ братомъ. Въ духовномъ своемъ завѣщаніи мать моя назначила моимъ дѣтямъ (тогда Анночка моя была еще жива) недоплаченныя ей деньги за продажу ея имѣнія, всего 80 тыс. (кажется) рублей на ассигнаціи, что̀ и представляло приблизительно 23 тыс. рубл. на серебро. На просьбу г. Обнинскаго, чтобы я сдѣлалъ какую нибудь скидку изъ всей этой суммы, въ виду стѣсненныхъ отчасти его обстоятельствъ (и дѣйствительно, г. Кавецкій, его тесть, въ послѣдніе годы своей жизни довольно неудачно повелъ денежныя свои дѣла), я отвѣчалъ, что, дѣйствуя не за себя, а за малолѣтняго моего сына, я не въ правѣ лишить его того, что̀ назначено ему его бабушкой, но тѣмъ не менѣе соглашаюсь уступить полторы тысячи рублей серебр., но ни копѣйки болѣе. За тѣмъ г. Обнинскій предъявилъ мнѣ письмо моей матери къ И. А. Кавецкому, писанное позднѣе (если не ошибаюсь) духовнаго ея завѣщанія, въ которомъ она препоручала ему исполнить разныя денежныя коммиссіи, всего на сумму 1000 рублей серебромъ или около того, и я счелъ справедливымъ вычесть эти деньги изъ капитала обозначеннаго въ духовномъ завѣщаніи. Послѣ сего г. Обнинскій показалъ мнѣ другое письмо, также моей матери, къ его тестю, въ которомъ она уполномочивала его выдать Николаю Адріяновичу Дивову семь съ половиною (помнится мнѣ) т. рубл. серебр., каковые онъ просилъ заимообразно у нея, и въ полученіи которыхъ Обнинскій показалъ мнѣ росписку Дивова. Хотя объ этомъ займѣ не сказано было ничего въ духовномъ завѣщаніи моей матери (т. е. не было обозначено, кому слѣдуютъ эти деньги послѣ ея смерти), но, имѣя въ виду, что 1000 рубл., издержанные г. Кавецкимъ на комиссію моей матери, не были вычтены изъ остальнаго долга ей за ея имѣніе г. Кавецкимъ, я подумалъ, что объ этой выдачѣ денегъ Дивову мать моя, быть можетъ, позабыла упомянуть въ своемъ духовномъ завѣщаніи, и потому я заявилъ г. Обнинскому свое согласіе вычесть и эту сумму изъ недоплаченныхъ моей матери и признать Дивова моимъ должникомъ [2]). И

---

[1]) Она воспитывалась въ Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ на счетъ моей матери.

[2]) Впослѣдствіи обстоятельство это было причиною молчаливаго недоразумѣнія между мною и моею невѣсткою, графинею Авророю Осиповною и ея сыномъ. Говорю молчаливаго, потому что моя невѣстка одинъ только разъ намекнула мнѣ объ ошибоч-

такъ, по учиненіи всего расчета, мы пришли къ обоюдному соглашенію, что г-жа Обнинская оставалась должна мнѣ 13 тыс. рубл. сер., въ каковыхъ мужъ ея первоначально предложилъ мнѣ взять какое-то небольшое имѣніе его жены въ Ярославской губерніи, но какъ я на это не согласился, потому что мать моя назначила получить мнѣ наличныя деньги, то супруги Обнинскіе высказали готовность выдать мнѣ сейчасъ вексель на всю сумму. Въ ознаменованіе миролюбивой нашей сдѣлки, Наркизъ Антоновичъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ въ этотъ же день въ Дворянскомъ клубѣ, гдѣ онъ былъ членомъ. Мимоѣздомъ туда мы завернули къ маклеру на Ильинкѣ, гдѣ онъ и выдалъ мнѣ вексель срокомъ на четыре или пять лѣтъ, за порукою его жены, а за обѣдомъ мы спрыснули Шампанскимъ наше примиреніе, и вскорѣ послѣ сего онъ заплатилъ мнѣ (на сколько помню) годовые проценты впередъ со всей суммы. Жаль, что упустилъ я тогда изъ виду взять отъ него росписку, выданную Дивовымъ г-ну Кавецкому, въ полученіи отъ послѣдняго денегъ, занятыхъ у моей матери, что̀ и надѣлало было мнѣ впослѣдствіи серіозныхъ хлопотъ, какъ о томъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Всѣ мои знакомые поздравляли меня съ неожиданною развязкой столь запутанной тяжбы, но особенно радовался за меня мой Радзиковскій. Объ одной кондитерской его продѣлкѣ сто̀итъ здѣсь разсказать. Имянины тогдашней игуменьи Зачатейскаго монастыря приходились обыкновенно великимъ постомъ, по каковому случаю инокини этой обители привыкли прибѣгать къ Радзиковскому съ заказомъ постнаго миндальнаго торта для поднесенія своей начальницѣ; а нашъ-

---

номъ моемъ взглядѣ по одной статьѣ духовнаго завѣщанія моей матери, да и то вскользь; племянникъ же мой ни слова никогда мнѣ не говорилъ по этому предмету, но проронилъ однажды словечко о семъ съ Дивовымъ, который отвѣчалъ ему, что находившіяся у него деньги, занятыя у моей матери, слѣдуютъ безспорно мнѣ. Сознаюсь теперь, что тутъ могла быть нѣкоторая путаница, выходившая изъ того, что въ духовномъ завѣщаніи моей матери сказано также было, что всѣ ея капиталы, за исключеніемъ недоплаченныхъ ей г. Кавецкимъ за с. Бѣлкино, она завѣщаетъ своему внуку, графу Дмитрію Петровичу, такъ какъ она состояла должною его отцу, а ея сыну. Припоминая нынѣ въ подробности все это дѣло, подозрѣваю, что, быть можетъ, я поступилъ слишкомъ необдуманно, согласившись вычесть долгъ Дивова изъ недоплаченныхъ за Бѣлкино денегъ; но въ то время оно представлялось мнѣ въ ясномъ совершенно видѣ и вполнѣ справедливымъ. Во всякомъ случаѣ я глубоко сожалѣю, что старался замять разговоръ съ графинею Авророю Осиповною, когда она намекнула мнѣ объ этомъ дѣлѣ, въ бытность мою во Флоренціи, въ началѣ 1863 года. Къ счастію, это недоразумѣніе не произвело никакого охлажденія между нами и между мною и моимъ племянникомъ.

то кондитеръ-грѣховодникъ, преспокойно и безъ зазрѣнія совѣсти, мѣсилъ тѣсто для торта на скоромномъ маслѣ съ яицами, но поверхность торта, разукрашеннаго разноцвѣтными сахарными орнаментами, онъ смазывалъ для аромата легкимъ слоемъ крѣпкой миндальной эссенціи. Смиренныя инокини ничего повидимому не подозрѣвали, да и сама мать-игуменья, при посѣщеніи ея однажды Радзиковскимъ въ день ея имянинъ, наивно спросила у него, какъ это онъ умѣетъ столь вкусно изготовлять постное издѣліе, на что онъ имѣлъ дерзость отвѣчать, что весь секретъ состоитъ лишь въ томъ, что онъ мѣситъ тѣсто на миндальномъ маслѣ: вещь едвали возможная, и во всякомъ случаѣ крайне не практичная по дороговизнѣ миндальной масляной эссенціи. Но вотъ о чемъ стòитъ также записать, какъ объ образчикѣ роскоши, вкравшейся въ низшихъ слояхъ столичнаго духовенства. На свадьбу пономаря Николо-хлыновской церкви (близъ Никитской) съ дочерью просвирни той же церкви, Радзиковскому было заказано кондитерскихъ издѣлій на 300 (кажется) рублей серебр.. а на слѣдующій послѣ свадьбы день молодые поѣхали съ визитами въ каретѣ. Каковò это? Знать, просвирня наградила дочку хорошимъ приданымъ!

Разузнавъ, гдѣ жилъ уволенный съ предыдущаго (1857) года отъ мѣста Московскаго почтдиректора, Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, я счелъ долгомъ сердца навѣстить этого стараго знакомаго моего семейства, еще до нашего переселенія во Флоренцію въ 1817 году, и который постоянно былъ внимателенъ ко мнѣ. Смѣненъ же онъ былъ, какъ мнѣ разсказывали, будто бы за то, что въ одномъ случаѣ не оказалъ свѣтской любезности нѣкоторой вліятельной Петербургской, женской особѣ изъ темнаго міра, но которую тѣмъ не менѣе чествовалъ будто бы въ Москвѣ крупный коммерческій дѣятель съ однимъ офиціальнымъ даже лицомъ, по случаю пріѣзда туда этой барыни. Кстати я желалъ навѣстить сына его, блестящаго когда-то въ обѣихъ столицахъ повѣсу, Костю, уже разбитаго тогда параличомъ и дни коего были сочтены. Это онъ хорошо зналъ, но тѣмъ не менѣе не унывалъ. Отецъ и сынъ занимали маленькую квартирку на Малой Дмитровкѣ, при болѣе чѣмъ скромной обстановкѣ, такъ какъ состоянія у нихъ не было (а если и было, то самое ничтожное), и Александръ Яковлевичъ существовалъ, вѣроятно, почти что однимъ своимъ жалованьемъ сенатора, каковое званіе онъ получилъ при его увольненіи изъ почтдиректоровъ. Сердце щемило у меня, глядя на обоихъ, и это свиданіе было послѣднее мое съ ними. Старикъ Александръ Яковлевичъ совсѣмъ почти оглохъ, и куда дѣвались вся его салонная изящность и любезность, которыя онъ сохранялъ дотолѣ и молодился,

хотя давно уже перешелъ на восьмой десятокъ. А сынъ, бывшій запѣвало Петербургской золотой молодежи и мучитель великаго князя Михаила Павловича, этотъ неистощимый своимъ юморомъ Костя не могъ вставать съ креселъ; но и въ этомъ состояніи вырывались у него подчасъ острыя словечки.

Зенаида Сергѣевна Дивова жила тогда въ домѣ Варгина, на Тверской площади, платя за свое отдѣленіе по 300 рубл. въ мѣсяцъ, и я каждый день обѣдалъ у нея. Старшій ея сынъ, Сергѣй Николаевичъ, которому шелъ 14-й годъ, былъ недавно передъ тѣмъ записанъ въ пажи; но этимъ все дѣло и кончилось, и его никогда не отдали въ корпусъ. Онъ учился тогда ѣздить верхомъ (безъ стремянъ) въ манежѣ Фрейтага (на Бронной), и бѣдняжка пыхтѣлъ отъ стянутаго на немъ мундира; а мундиръ былъ сшитъ очень тѣсный по желанію (помнится мнѣ) заботливой его матушки, дабы помѣшать сынку толстѣть, къ чему онъ имѣлъ наклонность.

Къ свѣтлому празднику я возвратился въ Знаменское и тамъ остался до просухи. При вскрытіи весны скончался въ Калугѣ, какъ слѣдовало ожидать, мой хорошій пріятель Константинъ Александровичъ Поливановъ. Въ беззлобіи и любви къ ближнему и готовности помочь всякому нуждающемуся могу я отчасти сравнить его только съ моимъ братомъ, графомъ Петромъ Дмитріевичемъ; но послѣдній былъ высшимъ идеаломъ возможнаго въ человѣкѣ совершенства.

Въ Маѣ я отправился на службу въ Калугу, и туда же поѣхала со мною на нѣсколько дней моя жена съ Митею, который причинилъ было намъ немало тревоги. Съ половины дня до вечера, когда онъ легъ спать, его трясла лихорадка, а ночью съ нимъ вдругъ сдѣлался жаръ и сильный бредъ. Онъ поднялся на кровати и съ открытыми глазами началъ умолять: «родные вы мои, не оставьте меня». Можно себѣ представить нашъ переполохъ. Четыре года передъ тѣмъ мы внезапно лишились нашей дочери, и поневолѣ пуганая ворона куста боится. Мы сейчасъ послали за почтеннымъ докторомъ, Ѳедоромъ Васильевичемъ Бекеромъ, который не замедлилъ прибыть и прописать что-то успокоительное, такъ что остальную часть ночи мальчикъ нашъ провелъ безъ волненій. Это было не что иное, какъ лихорадочно-нервный пароксизмъ, и на слѣдующій день онъ былъ какъ встрепаный. Онъ росъ очень нервнымъ ребенкомъ, и подобные лихорадочные припадки повторялись кое-когда и впослѣдствіи, но никогда въ такой степени, какъ въ этотъ разъ въ Калугѣ. Рядомъ съ нами, въ гостиницѣ Кулона, стояли тогда Чертковы, которые, какъ и мы, имѣли единственнаго ребенка и пото-

му приняли живѣйшее участіе въ нашемъ безпокойствіи. Я всегда отдавалъ и отдаю должную справедливость Дмитрію Александровичу Черткову, что насколько онъ былъ непріятенъ и тяжелъ какъ педантъ въ служебномъ отношеніи, на столько былъ образцовымъ мужемъ и отцомъ.

Вышелъ тогда министерскій проектъ о начальникахъ уѣздовъ, чему И. К. Мартенсъ и я очень было обрадовались, уповая, что графъ Толстой непремѣнно назначитъ обоихъ насъ на эти мѣста; однакоже, къ нашему прискорбію, проектъ этотъ канулъ въ воду.

Я остался въ Калугѣ, а жену съ сыномъ отправилъ обратно въ Знаменское, съ моею чиновническою по казеннымъ надобностямъ подорожной, и вотъ что случилось съ нею. Первыя двѣ станціи все шло какъ по маслу; лошадей она не ждала и платила за пару, хотя ей впрягали тройку, но въ Ферзиковѣ ямской староста, заглянувъ въ тарантасъ и разсмотрѣвъ, что въ немъ сидитъ «не нашъ чиновникъ самъ» (какъ меня величали), а его барыня, слупилъ съ нея двойные прогоны чуть ли не за всю тройку.

Однажды, въ началѣ лѣта, графу Дмитрію Николаевичу захотѣлось «кутнуть», какъ онъ выразился, въ кругу «своей молодежи», каковыми онъ называлъ себя, старыхъ декабристовъ князя Евгенія Петровича Оболенскаго и Гавріила Степановича Батенкова, вице-губернатора Николая Ильича Юркевича (человѣка хотя не стараго, но начинавшаго сѣдѣть), Семена Васильевича Хрущова (отставного маіора Аракчеевскихъ кавалерійскихъ поселеній) и вашего покорнѣйшаго слуги. Кромѣ того, включены были дѣйствительно молодые, сравнительно съ нами, люди: князь Андрей Васильевичъ Оболенскій (предсѣдатель Гражданской Палаты), И. К. Мартенсъ и правитель графской канцеляріи Владимиръ Андреевичъ Лысогорскій. Препоручено было мнѣ заняться обѣдомъ у Кулона; но такъ какъ назначенное для нашего пиршества время, 5 часовъ, было слишкомъ позднимъ для Г. С. Батенкова и нарушало методическія его привычки, то онъ, отобѣдавъ у себя въ свой обыкновенный часъ, пришелъ къ намъ, когда обѣдъ былъ въ полномъ разгарѣ, и нѣкоторые изъ насъ немного навеселѣ. Это былъ не тотъ уже разгульный Батенковъ 20-ыхъ годовъ, о которомъ говоритъ Гречъ въ своихъ Запискахъ, и коснулся ли онъ тутъ хоть кончиками губъ къ бокалу Шампанскаго, я и этого утвердить не могу. Общій у насъ разговоръ былъ оживленъ и разнообразенъ, и когда перешелъ непримѣтно къ нѣкоторымъ событіямъ и дѣятелямъ Александровской эпохи, то Батенковъ произнесъ, съ нѣкоторымъ эмфазисомъ: «Да, графъ

Аракчеевъ оставилъ свои секретные мемуары; они хранятся въ потаенномъ мѣстѣ, *но я знаю, гдѣ они спрятаны*». Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, обратили пытливый взглядъ на «бывшаго мизинца правой руки государевой» (какъ его однажды назвалъ Гречъ), но такъ какъ никто не настаивалъ на этотъ предметъ, то Батенковъ ни слова болѣе не добавилъ; но сказанное имъ врѣзалось у меня въ памяти, такъ какъ никто еще, насколько мнѣ извѣстно, не зналъ о существованіи автобіографическихъ записокъ знаменитаго временщика. И ужели Батенковъ унесъ съ собою въ могилу эту тайну, и не суждено столь интереснымъ документамъ всплыть когда-нибудь наверхъ? [1])

Въ это самое время (т.-е. въ началѣ лѣта) назначена была столь много обѣщавшая и столь неудачно оказавшаяся на дѣлѣ, духовная миссія въ Іерусалимѣ, начальникомъ коей былъ выбранъ Кирилъ, сынъ Калужскаго священника Михаило-Архангельской церкви, и хиротонисанъ для сего въ епископа, въ слишкомъ, какъ мнѣ сдается, молодыхъ годахъ (ему было тридцать съ небольшимъ лѣтъ), и это-то обстоятельство могло быть причиною неуспѣшныхъ (или, быть можетъ, необдуманныхъ) его дѣйствій на мѣстѣ новаго его служенія. Въ чемъ именно могли его упрекать, достовѣрно не знаю, а сплетни не охочъ я передавать; но я слышалъ, что онъ имѣлъ какую-то исторію съ однимъ изъ своихъ діаконовъ, котораго хотѣлъ заставить будто бы исповѣдываться, когда діаконъ этотъ готовился причаститься святыхъ тайнъ, во время служенія съ нимъ литургіи; что діаконъ не подчинился въ этомъ случаѣ своему архіерею и прибѣгнулъ къ протекціи мѣстнаго Греческаго патріарха, вступившагося за него, хотя діаконъ зависѣлъ непосредственно отъ Русскаго епископа, а послѣдній не былъ подчиненъ патріарху. Миссія эта не осуществила ожидаемой отъ нея пользы, цѣль ея была возстановленіе Русскаго вліянія въ святыхъ мѣстахъ, и преосвященный Кирилъ подвергся опалѣ. Онъ былъ отозванъ и назначенъ состоять въ распоряженіи Казанскаго (кажется) архіерея, даже безъ званія викарнаго епископа, и вскорѣ померъ отъ душевной, пожалуй, скорби [2]). Между тѣмъ какъ преосв. Кирилъ го-

[1]) Я замѣтилъ, что между любителями современной исторіи составилось въ недавнее время мнѣніе, что Аракчеевъ былъ будто бы козломъ очищенія въ дѣлѣ объ учрежденіи военныхъ поселеній, что даже былъ противъ этого проекта и что мысль о нихъ принадлежитъ всецѣло императору Александру, настаивавшему основать эти поселенія, и что всю за нихъ отвѣтственность передъ отечествомъ взялъ на себя великодушный „безъ лести преданный“. Мнѣнія этого я не раздѣляю.

[2]) До чего Лондонскіе наши агитаторы герценисты не знали своего очечества и нашего духовенства, видно изъ того, что Кельсіевъ, провѣдавъ объ опалѣ преосв. Кирилла,

товился къ отъѣзду изъ Петербурга въ Іерусалимъ, назначены были съ нимъ въ миссію два молодые инока изъ Оптиной пустыни (Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда), Половцовъ и Кавелинъ, оба изъ дворянъ: первый изъ артиллерійскихъ, а второй изъ офицеровъ гвардіи. Обоихъ я однажды видѣлъ у графа Дмитрія Николаевича, пригласившаго ихъ отобѣдать у него, по случаю того, что въ то самое утро оба они были рукоположены въ іеромонахи.

Въ составъ насъ, чиновниковъ особыхъ порученій, поступилъ тогда одинъ князь Вадбольскій, молодой вдовецъ; но онъ вскорѣ выбылъ куда-то коронпымъ исправникомъ, кажется, въ Лихвинъ.

Наконецъ я представилъ въ Губернское Правленіе многосложное мое слѣдствіе объ исправникѣ Бахметевѣ. Улики противъ него были настолько сильны, что большинство членовъ Губернскаго Правленія (въ томъ числѣ и Мартенсъ) настаивали на преданіи его суду; но графъ Дмитрій Николаевичъ, сжалившись надъ этимъ болѣе безмозглымъ, нежели злоумышленнымъ субъектомъ, упросилъ ихъ, изъ уваженія къ его личности, согласиться покончить дѣло домашнимъ порядкомъ, и его уволили изъ службы безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, а достойнѣйшій нашъ А. А. Сумароцкій былъ утвержденъ Тарускимъ исправникомъ.

Съ открытіемъ лѣтняго сезона, графъ переѣхалъ на губернаторскую дачу, на самомъ концѣ длинной Золотаревской улицы, почти что внѣ города и насупротивъ городского бора, откуда открывается пространная панорама на берега Оки, вплоть почти до береговъ Угры, и я ежедневно ходилъ обѣдать къ нему, несмотря на то, что разстояніе это отъ губернаторскаго дома, гдѣ я жилъ, было добрыхъ двѣ версты. Служебныя мои занятія были тогда весьма несерьезны и, кромѣ одного случая, были всѣ въ городской чертѣ.

Въ Іюнѣ пріѣхалъ, будто бы для ревизіи, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ, давнѣйшій мой знакомый по Одессѣ, и съ нимъ былъ его сынъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, еще студентъ Петербургскаго университета. Говорю, что А. И. Левшинъ пріѣхалъ подъ предлогомъ ревизіи, потому что настоящею цѣлью, если не ошибаюсь, его пріѣзда въ Калугу и посѣщенія другихъ губернскихъ городовъ было разузнать о всеобщемъ настроеніи умовъ

писалъ къ нему убѣдительно, прося его согласиться быть епископомъ у Турецкихъ раскольниковъ-некрасовцевъ, на Дунаѣ и на островѣ Майносѣ. Письмо Кельсіева осталось, конечно, безъ отвѣта.

касательно возникшаго въ правительственныхъ сферахъ вопроса о предстоящемъ уничтоженіи крѣпостной зависимости. А. И. Левшинъ благонамѣренный вполнѣ и знающій внутреннюю Россію человѣкъ, и мнѣ кажется, что весьма жаль, что онъ никогда не попалъ въ министры, тогда какъ другіе изъ тузовъ Сѣверной Пальмиры знаютъ лишь Петербургскую Россію.

Въ одно прекрасное утро, пока я прохлаждался надъ утреннимъ своимъ чаемъ съ аксессуарами (процедура всегда чрезвычайно долго продолжающаяся у меня), вдругъ отворяется дверь и входитъ ко мнѣ вѣчный жидъ въ лицѣ Александра Ивановича Розѐ. Я чуть не вскрикнулъ. Вотъ уже по истинѣ легокъ на поминѣ, подумалъ я, такъ какъ только наканунѣ этого дня, бесѣдуя вечеромъ съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ на террасѣ его дачи, мы припоминали всѣ подробности перваго нашего знакомства въ 1843 году, и я между прочимъ спросилъ у него, какое могъ онъ составить обо мнѣ мнѣніе, вслѣдствіе знакомства моего съ нимъ чрезъ посредство этого загадочнаго, чтобы не сказать болѣе, господина, тогдашняго надзирателя ярмарочнаго гостинаго двора? Когда я пришелъ по обыкновенію обѣдать къ графу, онъ также сказалъ, что едва вѣрилъ своимъ глазамъ, когда поутру явился къ нему, какъ бы выросшій изъ земли, тотъ самый, о которомъ мы только что говорили наканунѣ. По обычной своей добротѣ, графъ однакоже не отказалъ странствующему рыцарю Еврейскаго происхожденія въ просьбѣ опредѣлить его куда нибудь на службу (въ надеждѣ чего онъ нарочно пріѣхалъ въ Калугу) и назначилъ его частнымъ приставомъ въ Жиздру. Въ промежуткѣ отъ Нижегородской его службы и внезапнаго явленія въ Калугу, старикъ Розѐ былъ помощникомъ окружнаго при Палатѣ Государственныхъ Имуществъ въ какой-то, не помню, губерніи; а въ новой своей должности въ Жиздрѣ онъ продержался лишь годъ съ небольшимъ и былъ уволенъ преемникомъ графа Дмитрія Николаевича, Викторомъ Антоновичемъ Арцымовичемъ. Тутъ я уже окончательно потерялъ его изъ виду*).

Жизнь моя текла какъ-бы у Христа за пазухой: служба была необременительна, и я имѣлъ полный досугъ часто наслаждаться роскошными цвѣтниками яраго садовода и спеціалиста по этой части,

---

*) Дочь этого Розѐ, успѣшно кончившая курсъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи, была сперва замужемъ за единоплеменникомъ своего отца и, овдовѣвъ, вышла замужъ за г. Спасскаго, служившаго въ одномъ изъ министерствъ, брата что̀ былъ въ 60-хъ годахъ Калужскимъ губернаторомъ.

жандармскаго генерала Гринфельда (всѣ эти пышныя коллекціи разновидныхъ растеній были твореніемъ неутомимыхъ собственныхъ его рукъ). Столъ и квартира были у меня готовые, и мой 600 рублевый годовой окладъ вполнѣ обезпечивалъ меня, да сверхъ сего супруги Обнинскіе уплатили мнѣ тысячу (или полторы тысячи) рублей подъ тѣмъ любезнымъ предлогомъ, что цифра 13 тыс. (сумма даннаго мнѣ заемнаго письма) имѣетъ-де зловѣщее значеніе. Но увы, вся эта служебная моя обстановка неожиданно измѣнилась.

Однажды, когда я пришелъ обѣдать къ графу (это было въ началѣ Августа), онъ срѣзалъ меня извѣстіемъ, что мы разстаемся. Въ недоумѣніи я спросилъ, что̀ бы это значило, и онъ еще болѣе поразилъ меня, объяснивъ, что онъ выходитъ въ отставку, и уже утромъ того дня отправилъ прошеніе объ его увольненіи, по болѣзни, съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства. «А уже Холмскій» (инспекторъ Врачебной Управы) «расписалъ», добавилъ онъ, «подъ моимъ наблюденіемъ такія страсти о состояніи моего здоровья, что шалишь, не могутъ удержать меня насильственно на службѣ или временно уволить меня для лѣченія за границу». Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки, подумалъ я. И такъ, предстояло мнѣ на дняхъ разставаться съ человѣкомъ, принесшимъ столь много пользы душевному моему міру и направившимъ меня изъ ложнаго космополитизма, въ которомъ я дотолѣ блуждалъ, на путь Русскаго гражданина.

Причина, побудившая графа Дмитрія Николаевича оставить службу, дѣлаетъ много ему чести.

Возникли безпорядки въ имѣніи Медынскаго помѣщика Полтева; съ извѣстіемъ прискакали въ Калугу весь испуганный Медынскій исправникъ и старый нашъ Рязанскій знакомый, Александръ Ивановичъ Ляпуновъ (котораго звалъ Н. П. Новосильцовъ, *точенымъ*), оплошавшій немного, если не ошибаюсь, при началѣ этого дѣла. Какъ-бы то ни было, но вслѣдствіе упрямства крестьянъ, не поддававшихся никакимъ вразумленіямъ, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ тѣлесной экзекуціи. Графъ исполнилъ свой долгъ, какъ губернаторъ; но, возвратившись въ Калугу, сейчасъ подалъ въ отставку, а намъ, его приближеннымъ, сказалъ, что рѣшился на этотъ послѣдній шагъ, потому что роль палача слишкомъ противна его натурѣ.

За нѣсколько дней до столь горестнаго для меня событія, графъ поручилъ мнѣ произвести дѣло по жалобѣ одного крестьянина на своего барина, Тарускаго помѣщика Чуфаровскаго, обвѣнчавшаго насильственно его дочь. Въ свѣжее еще время наврядъ-ли какой нибудь губерна-

торъ далъ бы ходъ подобному дѣлу, но тогда все шло къ подготовкѣ коренной реформы крестьянскаго быта, и всякое лыко становилось въ строку*). Произведенное мною слѣдствіе подтвердило самоуправство г. Чуфаровскаго и содѣйствіе ему священника въ насильственномъ бракѣ (за чтò послѣдній былъ отрѣшенъ отъ мѣста); но, едва приступивъ къ этому дѣлу, я поспѣшилъ обратно въ Калугу, чтобы участвовать въ прощальномъ обѣдѣ, данномъ по подпискѣ графу Дмитрію Николаевичу, распорядителемъ чего былъ вице-губернаторъ Юркевичъ. Подъ самою Калугой меня обогналъ Д. А. Чертковъ, спѣшившій изъ своего Колосова участвовать въ этомъ обѣдѣ; но къ общему нашему удивленію, онъ и губернскій предводитель, Сергѣй Ѳедоровичъ Щукинъ, блеснули тамъ своимъ отсутствіемъ. Едва прибывъ въ Калугу, Дмитрій Александровичъ свидѣлся съ Щукинымъ, который, надо полагать, уговорилъ его не исполнять своего намѣренія, и затѣмъ великій и меньшой представитель дворянскаго сословія откушали вдвоемъ у Кулона. Въ сущности не было никакого оффиціальнаго разрыва между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ, и наврядъ ли поднятъ былъ какой-либо жгучій между ними вопросъ; но, какъ я уже не разъ указывалъ, подобныя манифестаціи предъ дворянскою корпораціей считались нужными, чтобы публично показать, какъ независимо и самостоятельно отъ губернаторской личности умѣли держать себя гг. предводители. И замѣтьте между тѣмъ, что нашъ Тарускій предводитель всегда почтительно и похвально отзывался о графѣ Дмитріи Николаевичѣ; но принципъ паче всего. Просто курамъ на смѣхъ!

Графскіе приближенные устроили ему проводы до первой станціи, и какъ ни грустно было всѣмъ намъ разставаться съ нимъ, тѣмъ не менѣе выпито было на прощанье препорядочное количество Шампанскаго. Извѣстно, Русскій человѣкъ одинаково пьетъ съ радости и съ горя. Семенъ Васильевичъ Хрущовъ не уѣхалъ съ графомъ, а остался въ Калугѣ, въ надеждѣ получить какое-нибудь мѣстечко на службѣ, въ чемъ графъ отказался содѣйствовать ему и чтò было причиной ихъ размолвки. Мотивы графскаго отказа были вполнѣ справедливы. С. В. Хрущовъ хлопоталъ получить вакантное тогда мѣсто смотрителя въ одномъ изъ Калужскихъ богоугодныхъ заведеній, на чтò графъ, жалѣя его, не соглашался, по причинѣ преклонныхъ уже лѣтъ просителя и

*) Не вхожу въ споръ съ авторомъ; но положительно говорю, что и въ прежнее время всякій губернаторъ тоже могъ ставить лыко въ строку, и если на насиліе была жалоба, то производилось слѣдствіе, и давался законный ходъ дѣлу. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

изъ боязни, что С. В. Хрущовъ, по простотѣ своей, запутается въ отчетной части, которая была мало ему знакома, да еще и потому, что формуляръ Семена Васильевича былъ замаранъ. Въ служебномъ его спискѣ значилось, что во время его службы въ военныхъ поселеніяхъ онъ былъ подъ судомъ за то, что засѣкъ будто бы одного поселенца, и хотя всякій, кто зналъ незлобивый нравъ этого человѣка, могъ вѣрить его словамъ, что это была одна напраслина, но все-таки поступить ему снова на службу съ подобною аттестаціей было довольно затруднительно. Надѣясь, что правящій губерніей Н. Н. Юркевичъ окажется сговорчивѣе графа, С. В. Хрущовъ объявилъ послѣднему, что онъ остается въ Калугѣ; но въ разсчетахъ своихъ онъ, однакоже, ошибся. На службу ему не удалось попасть и, оставаясь безъ всякихъ житейскихъ средствъ, онъ рѣшился пойти въ монахи въ Оптину пустынь, гдѣ, проживъ немного лѣтъ послушникомъ (но въ клобукѣ), онъ убѣдился вѣроятно, что иноческіе подвиги были ему не подъ силу и, поступивъ снова въ міръ, онъ помѣщенъ былъ, по покровительству бывшаго его однокашникомъ по корпусу колоновожатыхъ, а тогда Московскаго генералъ-губернатора Тучкова, въ офицерское отдѣленіе Московской Измаиловской военной богадѣльни, гдѣ имѣлъ величайшее блаженство облечься въ мундиръ съ штабъ-офицерскими эполетами (его приняли съ маіорскимъ чиномъ, полученнымъ при отставкѣ) и гдѣ онъ кончилъ свою жизнь въ 60-хъ годахъ. Человѣкъ онъ былъ примѣрной набожности и весьма изрядной начитанности по церковной части; онъ даже напечаталъ брошюрку подъ заглавіемъ: «Размышленія христіанина у Креста Господня», экземпляръ которой, скажу мимоходомъ, добрые люди зачитали, къ сожалѣнію, у меня.

Незадолго до подачи о своемъ увольненіи отъ службы, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой получилъ предписаніе организовать губернскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ (подъ этимъ названіемъ разумѣвалось освобожденіе крестьянъ), и графъ назначилъ членами отъ правительства въ этотъ комитетъ князя Андрея Васильевича Оболенскаго и Владимира Оттоновича Рене́ (бывшаго когда-то предсѣдателемъ Калужской Уголовной Палаты).

Послѣ проводовъ графа Дмитрія Николаевича, я возвратился въ Тарускій уѣздъ и жилъ у себя въ Знаменскомъ, для продолженія слѣдствія надъ помѣщикомъ Чуфаровскимъ, обвиняемымъ, какъ уже было сказано, въ насильственномъ обвѣнчаніи крѣпостной его дѣвки Рязанской губерніи съ крестьяниномъ Тарускаго его имѣнія. Не упомянулъ я гдѣ слѣдовало, что, приступая первоначально къ этому дѣлу, я пригласилъ уѣзднаго предводителя Д. А. Черткова (основываясь на

полученномъ имъ отъ начальника губерніи предложеніи по сему предмету) прибыть къ мѣсту слѣдствія, какъ водилось въ подобныхъ случаяхъ, дабы ему находиться при производствѣ дѣла, какъ мѣстному представителю сословія, къ которому принадлежало обвиняемое лицо. На это мое отношеніе г. Чертковъ отвѣтилъ офиціальною также бумагою, что предводитель не есть представитель дворянства и слѣдовательно онъ и не депутатъ; что ему неизвѣстна никакая статья въ цѣломъ Сводѣ Законовъ, прямо указывающая предводителю находиться при слѣдствіяхъ о проступкахъ дворянъ, и что потому онъ не считаетъ себя обязаннымъ исполнить предложеніе губернатора. Препроводивъ моему начальству отзывъ Таруского предводителя, я кончилъ все слѣдствіе безъ участія г. Черткова, но для предосторожности (то-есть, чтобы придать моимъ дѣйствіямъ видъ слѣдственной коммиссіи) пригласилъ мѣстнаго уѣзднаго стряпчаго участвовать во всемъ производствѣ.

Въ самое это время, или немного ранѣе, не миновало однако меня столкновеніе съ тѣмъ же предводителемъ, но по другому совершенно обстоятельству. Въ числѣ секретныхъ моихъ донесеній губернатору (еще лѣтомъ) было одно, касавшееся одной Таруской помѣщицы, крестьяне которой были до такой степени притѣсняемы, что хаживали по міру по всему уѣзду. Вслѣдствіе моего доношенія, предписано было мнѣ произвести секретное подъ рукою дознаніе обще съ мѣстнымъ предводителемъ о справедливости этого слуха, и если онъ подтвердится, то разузнать, отъ чего крестьяне дошли до подобнаго разоренія. Съ предложеніемъ подобнаго рода губернаторъ (тогда еще графъ Д. Н. Толстой) отнесся къ г. Черткову. Когда мы оба приступили къ секретному дознанію, г. Чертковъ, въ разговорѣ со мною объ этомъ дѣлѣ, высказался, что желательно бы ему узнать, кто учинилъ о томъ доносъ. По принятому мною принципу «имѣть смѣлость моихъ убѣжденій», я отвѣчалъ, что доносъ сдѣланъ мною. «А какія имѣете вы на это доказательства?» спросилъ онъ меня съ крайне недовольнымъ видомъ. «Доказательствами служатъ», отвѣчалъ я, «тѣже крестьяне, побирающіеся по всему уѣзду съ сумою, о чемъ легко можно справиться, если вамъ угодно.» Ни тогда, ни впослѣдствіи г. Чертковъ болѣе не заикнулся мнѣ объ этомъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе намоталъ его себѣ на усъ, и оно, быть можетъ, послужило подкрѣпленіемъ составившемуся у него позднѣе мнѣнію, что я принадлежу къ фалангѣ «красныхъ».

Преосвященный нашъ Григорій, объѣзжая этимъ лѣтомъ Тарусскій уѣздъ, завернулъ по дорогѣ на четверть часа къ намъ въ Зна-

менское. (Благодаря рекомендаціи графа Дмитрія Николаевича, владыка благоволилъ ко мнѣ). Одна изъ многихъ похвальныхъ отличительностей этого іерарха состоитъ въ томъ, что онъ не имѣетъ привычки передавать на разсмотрѣніе Консисторіи прошенія лично ему подаваемыя каждое утро, и даже, какъ мнѣ сказывали, во время пріема просителей отсутствуетъ его секретарь (или письмоводитель), и на всякое прошеніе онъ тутъ же собственноручно кладетъ резолюцію карандашомъ. А въ его обращеніи съ священниками и діаконами его епархіи онъ всегда говоритъ съ ними не иначе какъ на *вы*.

Было въ то время при Таруcкомъ Петропавловскомъ соборѣ четыре вмѣсто трехъ по положенію священника. Протопопъ Максимъ Степановичъ Богоявленскій *) почти что ослѣпъ отъ старости и уже рѣдко литургисовалъ, да и то съ величайшимъ затрудненіемъ и съ опасностію уронить или пролить Св. Дары. (Напоминаю кстати, что онъ былъ изъ перваго выпуска Калужской семинаріи, а выпускъ этотъ относится къ 1807 или 1808 году, и что онъ хоронилъ извѣстную княгиню Екатерину Романовну Дашкову въ церкви ея села Троицкаго, Тарускаго уѣзда, въ 1810 году). Поэтому къ Тарускому собору причисленъ былъ молодой священникъ о. Александръ изъ полковыхъ и украшенный серебряною медалью за Севастополь. Думаю, что при ревизіи преосв. Григоріемъ внушено было престарѣлому протопопу проситься о своемъ увольненіи, потому что оно послѣдовало почти что по возвращеніи владыки въ Калугу, а на его мѣсто поставленъ былъ въ протопопы не разъ упоминаемый Михаилъ Ивановичъ Февралевъ. О столь неважномъ уѣздномъ событіи не стоило бы и говорить, еслибы оно не давало мнѣ случая очертить личность человѣка, съ которымъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Михаила Ивановича я причисляю къ тѣмъ скромнымъ, но полезнымъ дѣятелямъ, слава о которыхъ глохнетъ въ тѣсной ихъ сферѣ, но которымъ обѣщано возмездіе за то, что хотя малое было имъ поручено, они въ этомъ маломъ были вѣрны. Предшественники его слабо заботились о благолѣпіи Тарускаго соборнаго храма: внутреннія стѣны оставались нерасписанными, а ризница въ самомъ плачевномъ состояніи. Отецъ Михаилъ во время 15-лѣтняго своего протоіерейства (онъ умеръ въ концѣ 1872 года) и даже до этого времени не переставалъ изыскивать всѣ возможныя средства для украшенія Тарускаго храма и нашелъ денежныхъ благотворителей, даже и въ Москвѣ. Его стараніемъ вся церковь была расписана, на большинствѣ мѣст-

*) Отецъ д. стат. совѣтн. Михаила Максимовича Богоявленскаго, нынѣ директора Петербургскаго Коммерческаго Училища.

ныхъ иконъ появились небывалыя дотолѣ серебряныя вызолоченныя ризы, устроенъ былъ изящно кивотъ большаго размѣра для вновь поставленной въ немъ копіи съ чудотворной иконы Калужской Божіей Матери, также въ богатомъ окладѣ. Построено было его попеченіемъ не менѣе, какъ предполагаю, десяти полныхъ священническихъ парчевыхъ облаченій съ діаконскими стихарями; трапеза отдѣлена на зимнее время отъ настоящаго (лѣтняго) придѣла стеклянною перегородкою. и эта часть церкви сдѣлалась теплою. Хотя оба боковые придѣла были и прежде теплыми, но въ нихъ было очень тѣсно, потому что ихъ раздѣляла холодная часть трапезы съ глухими по обѣимъ сторонамъ стѣнами и съ аркою для входа въ оба придѣла, а въ эти арки были вдѣланы стеклянныя двери, которыя оставались даже и на лѣто. Въ настоящее время стеклянныя эти перегородки сняты, и оба придѣла съ трапезою составляютъ одно обширное пространство, нагрѣвающееся двумя духовыми печами, такъ что все городское богомольное населеніе помѣщается тамъ безъ малѣйшей тѣсноты. Изнуренный продолжительнымъ недугомъ и лежа на одрѣ, съ котораго онъ перешелъ въ вѣчность, не переставалъ онъ даже и тогда заботиться объ устройствѣ зановo передѣланныхъ иконостасовъ въ обоихъ придѣлахъ; но не суждено было ему полюбоваться ихъ постановкою на мѣстѣ, хотя одинъ изъ нихъ былъ совершенно окопченъ (но не освященъ) до его смерти. Когда уже его не стало, и приступлено было къ второму придѣлу, признательные его сослуживцы помѣстили въ его память, въ иконостасъ, образъ его ангела, Св. Михаила Малеина. Онъ также завелъ церковную библіотеку, вещь небывалую дотолѣ, выписывая для этого изъ остатковъ церковныхъ суммъ по нѣскольку духовныхъ журналовъ. Рано овдовѣвъ, онъ взялъ на воспитаніе малолѣтнюю племянницу, выдалъ ее за брата умершей его жены (письмоводителя въ городническомъ правленіи) и сдѣлалъ ее своею наслѣдницей. А уже сколько добра творилъ онъ изъ скудныхъ своихъ средствъ! Скудныхъ, потому что весь доходъ Тарускихъ протоіереевъ едва ли простирается и понынѣ до 700 рублей. Были у него мѣсячные пенсіонеры изъ сиротъ и изъ бѣднѣйшихъ городскихъ жителей; но немногимъ была извѣстна его благотворительность. И этотъ безупречный вполнѣ человѣкъ, которымъ дорожило само епархіальное начальство, не могъ до конца жизни отдѣлаться отъ паническаго страха, когда ему приходилось предстать, не то что предъ своимъ архипастыремъ, но являться къ ревизору отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, командированному обозрѣвать, въ числѣ уѣздныхъ училищъ, также и Тарускоe, въ которомъ о. Михаилъ былъ законоучителемъ. Страхъ ко всякой предержащей власти всасывался въ плоть и кровь тогдашней духовной касты

съ самой семинарской скамьи: въ этомъ сознавался самъ нашъ протоіерей, и оно было естественно. Учениковъ, даже взрослыхъ, пороли семинарскими сторожами, какъ солдатъ, до безчувственнаго иногда состоянія, въ чемъ ректоръ семинаріи былъ полновластенъ; а ставленникамъ иное епархіальное начальство не внушало ничего кромѣ раболѣпнаго трепета. Не посмѣетъ, бывало, ни за что забитый священникъ жаловаться владыкѣ на насильственные поборы Консисторіи. О. Михаилъ разсказывалъ мнѣ, какъ однажды, въ пріѣздъ въ Тарусу преосв. Григорія, начавъ обычную эктенію при входѣ архіерея въ соборъ, онъ до того растерялся, что, при окончаніи эктеніи, обратился къ Калужскому протопопу, сопровождавшему владыку, прося его подшепнуть ему, какой слѣдуетъ возгласъ. Когда же, вмѣсто отвѣта, Калужской соборянинъ улыбнулся отъ столь неимовѣрнаго смущенія Тарускаго своего собрата, тотъ сказалъ ему. «Тутъ не до смѣха, а прошу васъ убѣдительно подсказать мнѣ, какой слѣдуетъ возгласъ (яко твое есть царство и сила и слава и проч. или другой?): голова у меня закружилась». А онъ вѣдь былъ любимецъ у преосв. Григорія! Чтò же были остальные, не пользовавшіеся подобной милостію [1]).

Въ Октябрѣ прибылъ въ Калугу новый губернаторъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ, переведенный изъ Тобольска. Онъ былъ изъ перваго выпуска Училища Правовѣдѣнія (въ 1840 или 1841 году) и женатъ на дочери сенатора Жемчужникова [2]). Я пріостановился моими служебными занятіями по Тарускому уѣзду и поспѣшилъ въ Калугу явиться къ нему. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково и приглашалъ меня нѣсколько разъ обѣдать у него въ теченіи краткаго моего пребыванія въ Калугѣ. Отъ него я узналъ, что бывшій мой фактотумъ Леонъ Капенштейнъ здравствовалъ и продолжалъ заниматься въ Тобольскѣ какими-то мелочными аферами въ родѣ поставокъ, и также, что у него былъ притонъ разныхъ сомнительныхъ личностей. Горбатаго исправитъ только могила [3])!

---

[1]) Приписываютъ остроумному министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову, такое изреченіе: „La caste des Lévites c'est comme une feuille de papier de poste. Vous avez beau marcher dessus, vous ne pouvez pas l'écraser". (Каста Левитовъ тоже чтò листъ почтовой бумаги. Сколько хотите топчите его, вамъ никакъ не удастся его растоптать). Желательно бы знать, почему хотѣлось его сіятельству (воспитаннику аббата Мангена) топтать духовную касту еще болѣе, чѣмъ она теперь стоптана?

[2]) Того самаго, чтò въ 1827 году былъ первымъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Орлѣ, а позднѣе Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

[3]) Послѣ сего я никакихъ извѣстій о немъ болѣе не получалъ, но слышалъ отъ одного служившаго въ Сибири лица, что въ 1868 году Леонъ былъ еще живъ.

Вскорѣ послѣ поступленія В. А. Арцымовича губернаторомъ въ Калугу, прежній правитель губернаторской канцеляріи В. А. Лысогорскій перешелъ въ совѣтники Калужскаго Губернскаго Правленія на мѣсто И. К. Мартенса, переведеннаго въ Петербургъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и рекомендованнаго графомъ Д. Н. Толстымъ тогдашнему министру Михаилу Николаевичу Муравьеву. Преемникомъ В. А. Лысогорскаго былъ кто-то изъ прибывшихъ въ Калугу съ новымъ губернаторомъ (чуть-ли не Сѣрно-Соловьевичъ, замѣшанный позднѣе, кажется, въ какомъ-то подпольномъ обществѣ). Немного позднѣе (должно быть въ 1859 году) произошли также нѣкоторыя измѣненія въ нашемъ составѣ чиновниковъ особыхъ порученій. Н. П. Гавриловъ повысился въ товарищи предсѣдателя Уголовной Палаты, а Кричевскій былъ сдѣланъ губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ. Въ чиновники особыхъ порученій поступилъ Николай Владимировичъ Корсаковъ (изъ военной службы, братъ Михаила Владимировича, котораго я засталъ въ 1856 году чиновникомъ особыхъ порученій). Еще при графѣ Д. Н. Толстомъ жилъ въ Калугѣ, подъ надзоромъ полиціи, возвращенный изъ Сибири декабристъ Петръ Николаевичъ Свистуновъ; но онъ поступилъ на службу много позднѣе, какъ увидимъ далѣе. Самъ же я не искалъ никакого другаго назначенія, потому что мнѣ было сподручно оставаться чѣмъ я былъ, такъ какъ и сама должность чиновника особыхъ порученій была мнѣ знакома и давала мнѣ, въ добавокъ, возможность жить дома бо̀льшую часть года, или разъѣзжать по дѣламъ службы въ сосѣдніе къ Тарускому уѣзды и этимъ избѣгать расходовъ годовой квартиры въ Калугѣ.

Поздно осенью образовались губернскіе комитеты для проектированія мѣръ къ улучшенію крестьянскаго быта (такъ въ оффиціальной терминологіи обозначалось предвѣстіе реформы 19 Февраля), въ составъ которыхъ выбиралось по два дворянина изъ каждаго уѣзда, и въ этотъ Комитетъ назначалось также по два члена отъ правительства. Въ Калужскій Комитетъ выбраны были отъ Тарускаго уѣзда предводитель Д. А. Чертковъ и тамошній помѣщикъ г. Жилинъ, а однимъ изъ членовъ отъ правительства назначенъ князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, бывшій предъ тѣмъ предсѣдателемъ Гражданской Палаты. По Боровскому уѣзду однимъ изъ дворянскихъ членовъ былъ выбранъ тамошній предводитель Наркисъ Антоновичъ Обнинскій; кто былъ другой, не помню. Засѣданія Комитета открылись въ самомъ концѣ 1858 года.

Въ Октябрѣ накопилось у меня нѣсколько дѣлъ по Малоярославецкому и Боровскому уѣздамъ, куда я и отправился, заѣхавъ по до-

рогѣ въ казенное село Недѣльное, торговый центръ Малоярославецкаго уѣзда. Туда переведенъ былъ, лѣтъ 15 предъ тѣмъ, нашъ Бѣлкинскій священникъ Ѳедоръ Васильевичъ Богословскій, о которомъ я говорилъ въ началѣ настоящихъ записокъ [1]) и съ которымъ я заранѣе сговорился побывать вмѣстѣ въ Боровскѣ, для отысканія въ Пафнутьевомъ монастырѣ могилы дѣда моего графа Артемія Ивановича Воронцова, имъ же (о. Ѳедоромъ) похороненнаго тамъ въ 1813 году. Я отчетливо помнилъ, что въ единственную мою побывку въ этомъ монастырѣ въ Мартѣ 1828 г. (когда я еще юнкеромъ былъ въ отпуску въ Москвѣ и, возвращаясь въ Орелъ, заѣхалъ въ Бѣлкино), вставлена была во внутренней стѣнѣ трапезы зимняго собора мѣдная доска надъ могилою моего дѣда; но впослѣдствіи, какъ разсказывали мнѣ, одинъ изъ настоятелей, расширивъ эту трапезу, вырылъ всѣ кости изъ могилъ подходившихъ къ наружнымъ стѣнамъ трапезы и свалилъ ихъ безъ разбора въ одну общую яму неподалече отъ собора. Дѣйствительно ли столь святотатственно поступилъ прежній игуменъ, дознаться я не могъ; но какъ я ни старался отыскать могилу моего предка, никто изъ монаховъ-старожиловъ, ни даже самъ тогдашній архимандритъ Геннадій (авторъ преизряднаго описанія Пафнутьевой обители) не могли удовлетворить меня, и даже никому изъ нихъ не было извѣстно, что на монастырскомъ кладбищѣ покоятся останки какого-то графа Воронцова. Подобная небрежность тѣмъ болѣе непростительна, что самъ о. Ѳедоръ внесъ въ 1813 году, по порученію моей матери, 600 или 700 рубл. ассигн. за мѣсто для моего дѣда и на вѣчное о немъ поминовеніе, сумма весьма почтенная по тогдашнему времени. Меня допустили пересмотрѣть монастырскій сунодикъ, и хотя я въ немъ нашелъ имя Артемія, но оно было безъ графскаго титула. Мало ли бываетъ на бѣломъ свѣтѣ Артеміевъ? Однакоже, я почти увѣренъ, что это имя относится къ моему дѣду, потому что тутъ же вписано было имя Прасковіи, относившееся, по моей догадкѣ, къ Прасковьѣ Васильевнѣ Нарышкиной, родной теткѣ моей жены [2]), которая умерла также въ Бѣлкинѣ въ томъ же 1813 году и похоронена въ Пафнутьевомъ монастырѣ, или къ моей бабкѣ, графинѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, женѣ этого графа Артемія Ивановича, хотя умершей много раньше мужа [3]). Обитель эта находилась въ 50-хъ годахъ въ страшномъ упадкѣ, тогда

---

[1]) Маститый этотъ іерей скончался въ 1871 или 1872 году, и только двѣ недѣли до смерти пересталъ священнодѣйствовать. Менѣе 88 лѣтъ ему не могло быть тогда по моему разсчету.

[2]) Она же была и родная племянница графа Артемія Ивановича Воронцова, дочь сестры его Анны Ивановны Нарышкиной.

[3]) Гдѣ она похоронена, не знаю.

какъ до XVII-го вѣка она была изъ первостатейныхъ въ Россіи. Прежде и послѣ погрома, постигшаго ее въ 1610 г. отъ Ляховъ, Московскіе до-петровскіе цари и царицы нерѣдко предпринимали богомолья къ ней, имѣли тамъ свои царскія палаты, и объ ихъ щедротахъ свидѣтельствовали дорогіе вклады и богатая ризница, расхищенная большею частію Французами во время ихъ двоекратнаго прохожденія чрезъ Боровскъ (въ Москву и обратно). При отобраніи въ казну монастырскихъ вотчинъ великою Екатериною (не считавшею предосудительнымъ отнимать то, чего она не дарила), отошло отъ Пафнутьева монастыря болѣе десятка (вѣроятно) тысячъ душъ крестьянъ, и за обителью остались лишь нѣкоторыя угодья по р. Протвѣ, и если не ошибаюсь, подворье въ Москвѣ; да сверхъ сего монастырь извлекаетъ доходъ отъ годовой ярмарки, которая собирается вокругъ его стѣнъ, въ Покровъ день, или 25 Сентября, когда празднуется память основателя обители, преподобнаго Пафнутія. Отъ прежнихъ царскихъ палатъ осталась одна каменная свѣтелка въ одну комнату, стоящая надъ двумя арками отдѣльно отъ прочихъ строеній, и мнѣ разсказывали, что обширные прежніе хоромы были сломаны за ихъ ветхостью, въ первой четверти нынѣшняго вѣка. На сколько я могъ замѣтить, нельзя сказать, чтобы особенное стеченіе богомольцевъ привлекала рака Боровскаго чудотворца Пафнутія, мощи котораго открыто почиваютъ у южныхъ дверей лѣтняго собора, того самого, у сѣверныхъ дверей котораго палъ въ 1610 году доблестный Боровской воевода князь Волконскій, при осадѣ и раззореніи обители паномъ Сапѣгою. Въ центрѣ ограды стоитъ древняя (но, къ сожалѣнію, заново и безвкусно передѣланная) усыпальница князей Оболенскихъ. Весьма сожалѣю, что, при послѣднемъ моемъ посѣщеніи Пафнутьевой обители, я упустилъ изъ виду изслѣдовать, не покоятся ли тамъ удѣльные князья Оболенскіе и Тарускіе *).

Я обѣщался поговорить подробнѣе объ упомянутомъ вскользь Боровскомъ исправникѣ, Дмитріѣ Михайловичѣ Челищевѣ, съ которымъ я познакомился только въ эту мою поѣздку въ Боровскъ. Въ немъ много оригинальнаго, отчасти рыцарскаго и всего хорошаго, и ему приличествуетъ девизъ Баярда, «безъ страха и упрека.» За то и держалъ онъ себя не то чтобы черезъ чуръ ходульно, но немного величаво и какъ человѣкъ чувствующій свое достоинство и привыкшій встрѣчать всеобщее о себѣ одобреніе. Никогда не заискивалъ онъ ничего у гу-

---

*) Удѣльные князья Оболенскіе и Тарускіе (какъ писалось въ старину) были потомки св. Михаила Черниговскаго. Его сынъ Юрій былъ первымъ Оболенскимъ княземъ. Въ Тарускомъ уѣздѣ существуетъ и по нынѣ село Оболенское, бывшее городомъ до половины XVIII вѣка.

бернскаго начальства, не пресмыкался предъ властію, и когда предписывали ему какое-либо дѣйствіе, казавшееся ему вреднымъ по долголѣтнему его опыту, онъ имѣлъ смѣлость, прежде чѣмъ исполнить предписанное, изложить партикулярнымъ письмомъ начальнику губерніи свое мнѣніе о неудобности подобной мѣры, за что разсудительные губернаторы благодарили его, соглашались съ его взглядомъ и всегда отзывались о немъ какъ о примѣрномъ исправникѣ. Куда ни былъ своенравенъ Николай Михайловичъ Смирновъ, и взыскателенъ по службѣ Петръ Александровичъ Булгаковъ, а оба они, а также и ихъ преемники, графъ Толстой, Арцымовичъ и г. Лерхъ [1]), высоко цѣнили дѣятельность Д. М. Челищева. Когда подходило время выборовъ, и иные изъ Боровскихъ помѣщиковъ шутя говаривали ему: «а что, Дмитрій Михайловичъ, не выбрать-ли опять тебя въ исправники?» онъ полусерьезно отвѣчаетъ имъ: «Еще бы не выбрать! Да вы скажите, господа, какого же вамъ найти исправника помимо меня?» Но это высокомѣріе, единственная слабая въ немъ струна, примѣтно было лишь въ его отношеніяхъ съ вышепоставленными ему лицами или съ равными, а въ обращеніи съ подчиненными не было ничего крутого, и если онъ требовалъ строгаго исполненія службы, подчиненные всегда находили въ немъ безпристрастнаго цѣнителя ихъ труда, и въ случаяхъ нужды голосистаго предъ начальствомъ заступника. Паче всего онъ остерегался давать поводъ къ подозрѣнію, что рыльце у него въ пуху, и вотъ почему онъ избѣгалъ, между прочимъ, находиться при вводѣ во владѣніе какого-нибудь новаго помѣщика, хотя эту административную процедуру обыкновенно исполняли сами исправники. Извѣстно, что новый владѣлецъ отдаривалъ составъ Земскаго Суда и стряпчаго за то, что побезпокоились прибыть съ временнымъ отдѣленіемъ, и вотъ почему однажды въ разговорѣ съ Дмитріемъ Михайловичемъ, по одному вводу, случившемуся во время моей бытности въ Боровскѣ, онъ сказалъ мнѣ, что послалъ вмѣсто себя непремѣннаго члена суда со стряпчимъ: пусть, молъ, ихъ тамъ покормятъ. Если кто возразитъ мнѣ на это, почему же г. Челищевъ, будучи самъ непричастенъ къ взяточничеству, терпѣлъ такое зло вокругъ себя, отвѣчаю: искоренить эту язву не только лилипуту-исправнику, но и любому губернатору рѣшительно невозможно; да и за то спасибо, если высшій административный губернскій персоналъ наблюдаетъ, чтобы размѣры зла не превышали терпимыхъ границъ [2]). Впрочемъ, корня этого зла надо доискиваться въ бо-

[1]) При г. Лерхѣ и послѣ его, Д. М. Челищевъ уже былъ исправникомъ отъ короны.

[2]) Нѣкто губернаторъ однажды признался мнѣ въ минуту откровенности, что не смѣняетъ одного совѣтника-взяточника въ Губернскомъ Правленіи, потому что ему (гу-

лѣе высоко поставленныхъ сферахъ, нежели въ уѣздныхъ или губернскихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, а то все налегають на голодныхъ становыхъ и щедушныхъ квартальныхъ надзирателей.

Д. М. Челищевъ передалъ мнѣ тогда извѣстіе о скоротечной кончинѣ въ Москвѣ Варвары Ивановны Обнинской, мужъ коей былъ тогда Боровскимъ предводителемъ.

Занятія мои задержали меня почти что цѣлый мѣсяцъ въ Боровскѣ, и я порядочно соскучился, не имѣя тамъ никого изъ знакомыхъ, кромѣ супруговъ Челищевыхъ. Въ антрактахъ моихъ занятій предстоялъ мнѣ полный досугъ обозрѣвать мѣстныя примѣчательности, но таковыхъ тамъ нѣтъ, кромѣ Пафнутьевой обители (находящейся въ двухверстномъ разстояніи отъ центра города), да двухъ-трехъ старыхъ, но не особенно древнихъ церквей (и тѣ перестроены на новый и безвкусный ладъ) и надгробнаго большого камня, съ надписями на всѣ четыре стороны, надъ могилами боярынь Морозовой и сестры ея княгини Урусовой. Извѣстно, что обѣ были ревнительницы древняго благочестія, духовныя дщери протопопа Аввакума, и пострадали за свои убѣжденія при Алексѣѣ Михайловичѣ (хотя кроткомъ по тогдашнему времени царѣ). Несчастныя двѣ эти женщины содержались въ Боровскѣ въ подземельѣ, гдѣ онѣ и умерли, и могила этихъ раскольничьихъ страстотерпицъ въ великомъ почетѣ у Боровскихъ старовѣровъ, составляющихъ половину, если не болѣе, мѣстнаго торговаго люда. Камень имѣетъ форму гроба, лежитъ весь снаружи на площадкѣ, насупротивъ острога, и окруженъ перилами; но подъ нимъ ли томились въ заключеніи эти жертвы фанатизма и нетерпимости, не знаю *). Слышно, что въ иныхъ Боровскихъ раскольничьихъ семьяхъ хранятся библіографическія рѣдкости, печатныя и въ рукописяхъ. Надъ берегомъ рѣки Протвы высится одиноко огромный полуразрушенный домина въ три этажа, съ флигелями и службами; онъ принадлежалъ въ началѣ нынѣшняго вѣка купцу-милліонеру (Молчанову), и въ немъ останавливался Наполеонъ I-й въ 1812 году. По существующимъ нѣкоторымъ строеніямъ въ этомъ же родѣ (хотя въ меньшихъ размѣрахъ), видно, что въ Боровскѣ когда-то процвѣтала торговля; теперь же онъ находится въ совершенномъ упадкѣ и очутился въ захолустьѣ, безъ всякаго шоссейнаго даже съ нимъ сообщенія. Главная мѣстная про-

бернатору) въ точности извѣстно, свыше чего не беретъ этотъ совѣтникъ, а если-це онъ опредѣлитъ новаго на его мѣсто, да въ добавокъ болѣе хитраго, то тогда ему невозможно будетъ учесть этого субъекта. Скорбная, но правильная логика.

*) Позднѣе я тщательно срисовалъ этотъ памятникъ, но какой-то добрый человѣкъ въ Петербургѣ усвоилъ себѣ мой трудъ.

мышленность въ рукахъ огородниковъ, которые уходятъ на все лѣтнее время за хорошую плату въ сосѣдніе уѣзды и даже далѣе.

Контрастъ съ Боровскомъ представлялъ тогда Малоярославецъ своею сравнительною оживленностью, благодаря Московскому-Брестъ-Литовскому шоссе, проходившему чрезъ него. Почтовыя кареты останавливались для обѣда пассажировъ предъ весьма сносною гостиницей на площади, украшенной чугуннымъ монументомъ въ память воиновъ павшихъ тамъ въ бояхъ 1812 г. Слѣды спорной этой схватки (городъ переходилъ по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки) сохранились также и въ оградѣ монастыря, что̀ на краю города. Въ стѣнахъ обители врѣзались и остались по сю пору Французскія ядра. Кстати о монастырѣ: въ немъ былъ въ 50-хъ годахъ игуменомъ Французъ (вѣроятно обрусѣлый) Жерве; онъ же и завелъ тамъ великолѣпный скотъ, чисто Швейцарской (какъ мнѣ показалось) породы.

Отдѣлавшись, наконецъ, отъ Боровскихъ занятій, я перебрался въ Малоярославецъ и пробылъ тамъ два-три дня для окончанія прежде начатыхъ слѣдствій. Я возвратился въ Калугу 18 или 19 Декабря, во время сильной метели, которой я всегда страшусь, и если бы я могъ предвидѣть, что меня настигнетъ подобная снѣжная буря при ночной темнотѣ, я предпочелъ бы переночевать на послѣдней станціи предъ Калугою. На слѣдующій день, явившись къ В. А. Арцымовичу и возвратившись къ себѣ на постоялый дворъ, я былъ немного удивленъ приходомъ посланнаго ко мнѣ человѣка отъ Тарускаго моего знакомаго, Ивана Леонтьевича Тимофеевскаго (управлявшаго тогда Калужскимъ откупомъ, хотя онъ продолжалъ содержать Тарускій откупъ), звавшаго меня отобѣдать. Зная, что онъ всегда обѣдаетъ въ третьемъ часу, тогда какъ я издавна привыкъ обѣдать въ пять, я отвѣчалъ чрезъ посланнаго, что не могу воспользоваться его приглашеніемъ по причинѣ усталости отъ дороги и нѣкоторыхъ моихъ занятій. Черезъ четверть часа явился вторично тотъ же посланный съ повтореніемъ приглашенія и съ любезнымъ дополненіемъ, что его хозяинъ готовъ ждать меня сколько мнѣ угодно, но что онъ не сядетъ за столъ безъ меня. Послѣ такого знака вниманія ко мнѣ невозможно было отнѣкиваться. Иванъ Леонтьевичъ встрѣтилъ меня съ обычнымъ ему радушіемъ; но на его лицѣ я прочелъ какую-то несвойственную ему заботливость, и я не ошибся. Трудно представить себѣ, какъ поразили меня первыя же его слова: «Здравствуйте, графъ; я желалъ скорѣе васъ видѣть, чтобы сообщить вамъ горестную вѣсть. Сегодня утромъ прискакалъ ко мнѣ гонецъ изъ Тарусы съ извѣстіемъ, что добрый нашъ знакомый, Осипъ Августиновичъ Тридонъ, приказалъ долго жить.

Вчера вечеромъ хватилъ его апоплексическій ударъ»... Могъ ли я вообразить, что наканунѣ, въ то самое время, когда меня сильно тревожила настигшая меня метель, я лишался одного изъ самыхъ преданныхъ друзей моей молодости! Послѣднее мое съ нимъ свиданіе было въ Октябрѣ въ Тарусѣ, на улицѣ; онъ тогда надсматривалъ надъ перестройками двухъ домовъ, купленныхъ вышесказаннымъ И. А. Тимофеевскимъ, а я уѣзжалъ въ Малоярославецкій уѣздъ и просилъ его указать мнѣ маршрутъ на село Недѣльное. Не говоря уже о его преданности семейству Нарышкиныхъ и о пользѣ оказанной имъ въ многолѣтнее его управленіе Знаменскимъ, живая, истинно-родственная его ко мнѣ дружба не ослабѣвала въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ. Частенько журилъ онъ меня и въ большинствѣ случаевъ былъ правъ, и я всегда высоко цѣнилъ колкую его подчасъ откровенность. Но особенно трогала меня его любовь къ моей Анетинѣ: чувство это было наравнѣ съ его любовью къ единственной его дочери Лилѣ, оставшейся сиротою восьми лѣтъ. Подъ его неусыпнымъ наставничествомъ дочь моя быстро усовершенствовалась во Французскомъ языкѣ и отъ него же получила элементарные уроки на фортепіано.

Пробывъ съ недѣлю въ Калугѣ, я поспѣшилъ въ Знаменское, гдѣ жена моя разсказала мнѣ, что утромъ самаго дня смерти Тридонъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и пріѣзжалъ къ ней изъ Тарусы (гдѣ жилъ въ своемъ домѣ съ 1849 года), чтобы дать Французскій урокъ нашему 12-тилѣтнему Митѣ; что въ сумеркахъ она была у него въ Тарусѣ, но поспѣшила домой по причинѣ метели; что, вскорѣ послѣ ея отъѣзда, онъ пошелъ въ свою гостиную взглянуть на термометръ, и такъ какъ долго оттуда не возвращался, то жена его пошла туда посмотрѣть, что̀ онъ дѣлаетъ, но нашла его опустившимся въ креслахъ безъ движенія. Она немедленно послала за Тарускимъ врачемъ, общимъ нашимъ другомъ, В. Я. Яковенко, который не замедлилъ прибыть, и хотя онъ убѣдился при первомъ взглядѣ, что признаковъ жизни уже не было въ Тридонѣ, но для успокоенія его жены попытался пустить кровь, которая, конечно, не пошла. Затѣмъ онъ попросилъ Юлію Ивановну удалиться, подъ предлогомъ, что желаетъ испробовать, вмѣстѣ со своимъ фельдшеромъ, другія медицинскія средства; но это былъ только предлогъ, дабы выиграть хотя сколько-нибудь времени и приготовить несчастную женщину услышать отъ него роковую вѣсть.

Трогательны были его похороны. Наше духовенство вѣротерпимо. Такъ ли оно дѣйствуетъ въ прочихъ губерніяхъ, я не имѣлъ случая

удостовѣриться, но въ Тарусѣ хоронятъ иновѣрцевъ по обряду нашей церкви. Впрочемъ, духовенство руководится, какъ мнѣ сказывали, разрѣшеніемъ отъ епархіальнаго начальства, но съ тою однакоже разницей, что, по отслуженіи панихиды въ домѣ умершаго, его выносятъ на кладбище безъ отпѣванія въ церкви. Для Осипа Августиновича сдѣлано было исключеніе, и его внесли въ Тарускій соборъ, на томъ будто бы основаніи, что онъ принадлежалъ къ Римско-Католическому исповѣданію, то-есть къ церкви признанной у насъ апостольскою; а будь онъ Лютеранинъ, его бы отнесли изъ дому прямо на кладбище *). Хотя разстояніе отъ Тарускаго собора до погоста не болѣе полуверсты, но погребальное шествіе продолжалось съ часъ отъ стеченія народа, желавшаго отслужить на каждомъ перекресткѣ литію за упокой всеобщаго ихъ благодѣтеля, каковымъ былъ дѣйствительно этотъ человѣкъ, всячески помогавшій бѣдному люду и даровыми медикаментами, и провизіей, и деньгами.

---

*) Весьма сбивчивъ для меня вопросъ, согласна ли подобная вѣротерпимость относительно иновѣрцевъ съ каконическими постановленіями. Что этою же терпимостью руководствуются иногда и въ столицахъ, доказывается тѣмъ, что когда скончался въ Москвѣ начальникъ Московской дворцовой конторы и директоръ императорскихъ дворцовъ католикъ баронъ Боде, то хотя его хоронило Римско-Католическое духовенство, но по словесному ли его завѣщанію, или по желанію его жены и дѣтей, которыя всѣ православныя, во все время, что̀ тѣло его было выставлено въ домѣ, наше духовенство служило панихиды по два раза въ день. А съ другой стороны разсказываютъ, что когда великая княгиня Марія Николаевна, посѣтивъ Сергіевскую пустынь (что̀ подъ Петербургомъ), просила архимандрита Игнатія (Брянчанинова) отслужить панихиду по новопреставленномъ ея супругѣ, герцогѣ Лейхтенбергскомъ (Римскомъ католикѣ), архимандритъ Игнатій отказался исполнить ея желаніе, какъ несогласное съ каноническими правилами, и компетентные люди одобряютъ это дѣйствіе о. Игнатія.

РУССКОЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Наконецъ-то и у насъ есть свое Генеалогическое Общество *). Какъ всегда и всюду, мы оказались постоянными и въ этомъ случаѣ (качество, впрочемъ, говорятъ, весьма похвальное): вѣчно быть позади цивилизованныхъ народовъ. У всѣхъ нашихъ сосѣдей, считая въ этомъ числѣ и нашихъ Остзейцевъ, давно уже существуютъ общества, задавшіяся цѣлью разрабатывать исторію своихъ предковъ, т.-е. другими словами, исторію своего народа, а у насъ... Приведу слова И. С. Аксакова изъ его письма къ графу С. Д. Шереметеву (А. П. Барсуковъ. Обзоръ источниковъ и литературы Русскаго родословія, стр. 1): наши дворяне „большею частью о предкахъ своихъ ничего не знаютъ, преданій рода не уважаютъ, Русской исторіи не вѣдаютъ, семейной старины не цѣнятъ“. Слова эти служатъ какъ бы подтвержденіемъ Пушкину:

Мнѣ жаль, что мы, рукѣ наемной
Ввѣряя чистый свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто...
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старѣя близъ могилъ родныхъ.
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ. .
Что Русскій вѣтренный бояринъ
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сбродъ календарей.

Между тѣмъ, по выраженію покойнаго историка К. Н. Бестужева-Рюмина: „гдѣ существуютъ исторіи *родовъ*, городовъ и учрежденій, тамъ возможны общія исторіи“.

Если же Западные народы, у которыхъ высшій классъ въ былыя времена занимался грабежомъ на большихъ дорогахъ, или, сидя въ своихъ

*) Составъ правленія Общества слѣдующій: предсѣдатель Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ, члены правленія: Г. А. Власьевъ, Н. П. Лихачевъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, князь М. С. Путятинъ, графъ С. Д. Шереметевъ и Г. Ѳ. Штендманъ, секретарь Общества В. В. Руммель.

укрѣпленныхъ гнѣздахъ, велъ упорную борьбу, изъ личныхъ видовъ, со своими королями, находятъ нужнымъ разрабатывать исторію своего высшаго сословія, то не заслуживаетъ ли исторіи и Русское дворянство? Можетъ быть, весьма лестно для потомковъ рыцарей и бароновъ вспоминать тѣ времена, когда ихъ дѣды шли противъ своихъ королей съ мечомъ въ рукахъ, или нападали на своихъ сосѣдей; можетъ быть, весьма пріятно съ гордостью показывать доспѣхи своихъ предковъ, въ которыхъ они ходили во времена своихъ разбойничьихъ набѣговъ; но можно весьма и весьма сомнѣваться, чтобы подобное сословіе могло приносить большую нравственную пользу своему народу.

Не то мы видимъ у насъ на Руси. Здѣсь не было гордыхъ вассаловъ, не признававшихъ никакой власти, кромѣ власти грубой силы; у насъ были служилые люди, слѣпо покорявшіеся волѣ своего царя (конечно, бывали исключенія, но объ исключеніяхъ нѣтъ рѣчи, говорится о большинствѣ), не обинуясь носившіе званіе государева холопа или слуги [1]). Гордый бояринъ, зорко слѣдившій, чтобы роду его не учинили порухи, по одному слову своего государя, котораго считалъ помазанникомъ Божіимъ, шелъ на бой, при чемъ ему и въ голову не могла прійти мысль о сопротивленіи или непослушаніи.

Правда, нашему боярству далеко было до образованія и внѣшняго лоска своего западнаго собрата, но за то тѣломъ и душею Русскій бояринъ принадлежалъ своему народу, составлялъ съ этимъ народомъ одно нераздѣльное цѣлое. Онъ велъ этотъ народъ къ величію, и Россійская имперія создана народомъ, имѣвшимъ во главѣ своей боярство, составлявшее не отдѣльное тѣло отъ народа, а бывшее его головой. Боярство—это лучшія силы народа, плоть отъ плоти его, и этимъ оно отличается отъ западнаго рыцарства [2]).

Вотъ почему нельзя не порадоваться возникновенію Русскаго Генеалогическаго Общества, имѣющаго своею цѣлью: научную разработку исторіи и родословія Русскаго дворянства, изслѣдованія по вопросамъ Русской геральдики, сфрагистики, дипломатики, изданіе въ свѣтъ матеріаловъ, статей, изслѣдованій и замѣтокъ по этимъ предметамъ, а также печатаніе историко-генеалогическихъ актовъ, хранящихся въ многочисленныхъ государственныхъ и семейныхъ архивахъ, разбросанныхъ по всему лицу Русской земли;

---

[1]) Въ примѣръ можно указать на князя Ивана Михайловича Воротынскаго, перешедшаго въ 1493 году со своимъ удѣломъ въ Москву и получившаго, какъ особое отличіе, именованіе „государева слуги“.

[2]) Покойный графъ Д. А. Толстой передавалъ намъ, что по назначеніи своемъ на должность министра внутреннихъ дѣлъ, онъ указывалъ покойному Государю на ошибки предшествующаго царствованія и въ числѣ ихъ на преднамѣренное приниженіе дворянъ. Вы любите, Государь, Русскую исторію—говорилъ графъ Толстой, занимаетесь ею; а ее, въ сущности, творила сотня-другая дворянскихъ родовъ. П. Б.

собиранiе специальной библiотеки, коллекцiи старинныхъ грамотъ, актовъ, печатей, а также предметовъ, принадлежавшихъ представителямъ служилаго класса и имѣющихъ историческiй интересъ.

Пожелаемъ же отъ души полнаго успѣха молодому Обществу. Исторiя Русскаго дворянства—исторiя Россiи.

9-го Мая сего года произведены были выборы членовъ правленiя Общества, а также лицъ, предложенныхъ въ дѣйствительные члены (21 лицо) и въ члены-сотрудники (2 лица). За симъ секретарь Общества, В. В. Руммель, доложилъ собранiю о желанiи одного изъ членовъ-учредителей, Л. М. Савелова, участвовать въ качествѣ представителя Общества на XI археологическомъ съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Кiевѣ въ Августѣ 1899 года, и просьбу того же Савелова объ исходатайствованiи ему разрѣшенiя на доступъ для занятiй въ архивахъ дворянскаго депутатскаго собранiя и статистическаго комитета Области Войска Донского. Оба ходатайства были уважены собранiемъ. Членъ правленiя Общества, князь М. С. Путятинъ, прочелъ подробный докладъ о предстоящей Обществу дѣятельности по собиранiю, обработкѣ и изданiю генеалогическихъ матерiаловъ, при чемъ обратилъ особое вниманiе Общества на громадное число частныхъ архивовъ, сложенныхъ иногда въ простыхъ шкафахъ и сундукахъ, которые ему приходилось много разъ видѣть въ дворянскихъ усадьбахъ, старинныхъ церквахъ и монастыряхъ. Всѣ эти драгоцѣнные для работъ Общества матерiалы часто уничтожаются пожарами (какъ, напримѣръ, въ усадьбѣ князей Оболенскихъ, въ Могилевской губернiи, гдѣ еще недавно пожаръ уничтожилъ всѣ собранные тутъ семейные документы и прочiе предметы старины), или гибнутъ вслѣдствiе небрежности. Принимая это во вниманiе председатель предложилъ собранiю обратиться отъ имени Общества къ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства съ просьбою довести до свѣдѣнiя дворянъ ихъ губернiй и уѣздовъ о цѣляхъ и задачахъ возникшаго нынѣ Русскаго Генеалогическаго Общества и оповѣстить ихъ, что Общество имѣетъ помѣщенiе при Музеѣ имени Императора Александра III, куда дворяне, не располагающiе достаточно безопасными отъ пожаровъ и другихъ бѣдствiй помѣщенiями и сочувствующiе цѣлямъ Общества, могутъ доставлять имѣющiеся у нихъ грамоты, акты и разнообразные памятники прошлаго на вѣчное храненiе въ специально образуемомъ для этого музеѣ при Русскомъ Генеалогическомъ Обществѣ (за всѣми справками слѣдуетъ обращаться къ секретарю Общества, Василiю Владимiровичу Руммелю, С.-Пб., Мытнинская ул., 7). Выслушавъ предложенiе своего предсѣдателя, собранiе постановило: поручить секретарю Общества составить таковое обращенiе и, по надлежащемъ разсмотрѣнiи и утвержденiи, разослать его по принадлежности ко всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Предложенiе В. В. Руммеля о собиранiи матерiаловъ для генеалогическаго словаря Русскаго дворянства и объ изданiи гербовъ и родословныхъ росписей, представленныхъ въ концѣ XVII вѣка въ Разрядъ, было также принято собранiемъ, при чемъ относительно изданiя росписей принято предложенiе Н. П. Лихачева, предварительно

составить по архивнымъ матеріаламъ полный списокъ дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ или копіяхъ росписей, и только окончательно выяснивъ наличный матеріалъ, издать и самыя росписи. Въ концѣ засѣданія, послѣ обсужденія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ дѣлъ Общества, Н. П. Лихачевъ прочелъ сообщеніе по вопросу о нетитулованныхъ Рюриковичахъ. Указавъ на сомнѣнія, которымъ въ настоящее время подвергается дѣйствительность происхожденія и существованіе нетитулованныхъ Рюриковичей вообще, докладчикъ привелъ, въ видѣ исключенія, примѣръ исторіи изъ рода Монастыревыхъ (которые считаются потомками князей Бѣлозерскихъ), изложилъ родословное развѣтвленіе этого обширнаго рода, изъ котораго ни одна вѣтвь не носила княжескаго титула, и указалъ на исключительный случай титулованія въ древней грамотѣ (1519 г.) „княжимъ“ сыномъ Ивана Александровича Кнутова („а на то послуси Иванъ княжъ Александровъ сынъ Кнутовъ“), который былъ праправнукомъ родоначальника, Александра Монастырева.

Л. М. Савеловъ.

7-го Іюня 1898. Коротоякъ.

*

Намъ кажется, что эпиграфомъ къ изданіямъ новаго Общества, возникновеніе котораго нельзя не привѣтствовать, могло бы быть четверостишіе Пушкина:

Два чувства чудно-близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

Пушкинъ занимался своимъ родословіемъ, и слѣды этихъ занятій остались въ его стихахъ и прозѣ. Вигель упрекалъ его въ излишествѣ родовой гордыни, когда онъ, взбѣшенный Булгаринымъ съ братьею, написалъ свою знаменитую Родословную (Не торговалъ мой дѣдъ блинами и пр.), а Пушкинъ отвѣчалъ на этотъ упрекъ письмомъ (которое намъ случилось читать и которое до сихъ поръ не издано). Конечно, Вигель былъ правъ, такъ какъ въ Россіи, по милости Божіей, не бывало и нѣтъ рѣзкаго различія между сословіями, и Крыловскіе гуси одна изъ любимѣйшихъ у насъ басенъ. Русскому Генеалогическому Обществу предлежитъ заниматься не дворянами только, но и родословіями другихъ сословій, въ особенности духовенства, когда въ нихъ встрѣчаются лица достопамятныя. Такъ, напримѣръ, мать Сперанскаго, Грамотина, родомъ изъ Запорожья. А сколько дѣятелей вышло изъ крѣпостного крестьянства! Желательно также, чтобы Русское Генеалогическое Общество озаботилось пріобрѣтеніемъ рукописныхъ трудовъ стараго времени. Такъ, напримѣръ, покойный Курскій помѣщикъ Арисъ Егоровичъ Стремоуховъ многіе годы работалъ надъ родословіями дворянъ; мы видѣли у него множество карточекъ съ именами и поколѣніями, и въ Москвѣ, въ 1870-мъ году, думалъ онъ приступить къ ихъ печатанію; пробный печатный листокъ у насъ сохраняется. Читатели „Русскаго Архива“ получили въ 1883 году „Петербургскій Некрополь“, почтенный трудъ В. И. Саитова. Необходимъ для родословныхъ розысканій такой же Московскій.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы новое Общество не задремало въ канцелярскихъ околичностяхъ. П. Б.

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ АНДРЕЕВСКАГО ОРДЕНА.

Орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго учрежденъ, какъ извѣстно, Петромъ Великимъ; но когда, т.-е. какого числа, мѣсяца и года? Въ „Историческомъ очеркѣ Россійскихъ Орденовъ", изд. 1891 года, сказано: „Петръ Первый, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія въ 1698 году, по примѣру государей Европы, учредилъ орденъ въ честь Св. Апостола Андрея Первозваннаго, крещеніемъ первоначально предѣлы наши просвѣтившаго, и пожаловалъ первымъ кавалеромъ сего ордена генералъ-адмирала и фельдмаршала Ѳеодора Алексѣевича Головина 10 Марта 1699 года". При этомъ не указывается точно дня и мѣсяца основанія ордена.

Бывшій въ то время въ Москвѣ секретарь Австрійско-Цесарскаго посольства Корбъ въ дневникѣ своемъ, изданномъ въ Вѣнѣ въ 1700 году на Латинскомъ языкѣ, записалъ, что 20 Марта 1699 года (по старому стилю 10 Марта) его величество учредилъ орденъ Св. Андрея, и первымъ кавалеромъ пожалованъ былъ бояринъ Головинъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Корба, день основанія ордена совпадаетъ съ днемъ пожалованія имъ перваго кавалера. Въ „Лѣтописи Капитула Орденовъ", изданной въ 1897 году ко дню столѣтія Департамента Удѣловъ, говорится, что Петръ Великій, учреждая въ 1698 году первый Россійскій орденъ, предполагалъ установить и самостоятельную администрацію этого ордена, что былъ составленъ проектъ таковой въ 1720 году, но высочайшаго учрежденія не послѣдовало. Этотъ проектъ устава Андреевскаго ордена напечатанъ на стр. 1—28 „Сборника основныхъ орденскихъ статутовъ" *), при чемъ въ самомъ концѣ помѣщено слѣдующее: „*Учинено* въ нашемъ столичномъ городѣ Санктъ-Петербургѣ по Рождествѣ Спасителя нашего Іисуса Христа въ 1720 году, по претерпѣнныхъ мученіяхъ Святымъ Апостоломъ Андреемъ въ 1650 году, царствованія нашего въ 30, *а учрежденія сего ордена въ 21 году*". Изъ этого слѣдуетъ, что орденъ учрежденъ не въ 1698 году, а въ 1699 году; ибо, прибавивъ къ этому послѣднему числу 21 годъ, получится какъ разъ 1720 годъ, когда написанъ проектъ устава ордена. Другими словами, Корбъ совершенно правильно считаетъ годомъ основанія ордена годъ пожалованія имъ Голо-

*) Онъ составляетъ часть упомянутаго выше „Историческаго очерка Россійскихъ орденовъ".

вина, т.-е. 1699 годъ, и остается неизвѣстнымъ, почему изданіемъ Капитула учрежденіе этого ордена относится къ 1698 году.

Вопросъ о точномъ опредѣленіи дня учрежденія перваго ордена Россійской Имперіи занималъ и графа Сперанскаго, когда онъ работалъ надъ составленіемъ Свода Россійскихъ Законовъ, при чемъ въ первомъ томѣ онаго предполагалось изложить и правила о Россійскихъ орденахъ. Въ дѣлахъ архива Государственнаго Совѣта сохранилась переписка графа Сперанскаго по сему предмету съ Д. Н. Блудовымъ (впослѣдствіи графомъ). Пользуясь разрѣшеніемъ г. государственнаго секретаря, д. т. с. фонъ-Плеве, заниматься въ этомъ архивѣ, позволяемъ себѣ познакомить нашихъ читателей съ означенною перепиской, сохранившеюся въ дѣлѣ № 876 (по дѣламъ бывшаго II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи).

Графъ Сперанскій, въ 1827 году 31 Мая, просилъ Дмитрія Николаевича Блудова (которому, какъ извѣстно, императоръ Николай поручалъ разныя исторіографическія работы) навести подробную справку въ бумагахъ Кабинета Петра Великаго о времени основанія ордена Святаго Андрея Первозваннаго.

На это Д. Н. Блудовъ отвѣчалъ:

„Милостивый государь Михаилъ Михаиловичъ.

Исполняя желаніе вашего превосходительства, изъявленное въ отношеніи вашемъ ко мнѣ отъ 31 минувшаго мѣсяца, я поручилъ употребляемымъ мною по сей части чиновникамъ пересмотрѣть снова и съ величайшимъ тщаніемъ реестры бумагъ, составляющихъ такъ-называемый Кабинетъ Петра Великаго. Если намъ удастся найти въ сихъ бумагахъ что-либо касающееся до учрежденія ордена Святаго Андрея, то я поспѣшу все достойное вниманія сообщить вашему превосходительству, въ копіи или выпискѣ. Но едва ли мы можемъ ожидать сего. По всему кажется, что установленіе нашего перваго кавалерскаго ордена не было ознаменовано никакимъ письменнымъ актомъ. Г. Ф. Гизенъ (v. Huysen) въ своей неполной и доселѣ *рукописной* исторіи Петра I-го, сочиненной по указаніямъ и вѣроятно подъ личнымъ надзоромъ самого императора, говоритъ, что „Его Царское Величество, учредивъ въ 1699-мъ году Россійской орденъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, *статуты и церемоніи онаго отложилъ до другого времени*". А въ проектѣ сихъ статутовъ, составленномъ въ 1720 году (славнымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, какъ можно полагать по слогу сей бумаги) сказано именно: „Не отреклись бы мы въ самомъ началѣ сей нашъ новый орденъ, по обыкновенію, уставами, правилами и приличными должностями *снабдивъ обнародовать, если бы прежде Турецкою, а потомъ Шведскою войной и прочими случаями не были удержаны*. Нынѣ же мы сей нашъ орденъ въ совершенное состояніе приведши и уставами, правилами и законами, на которыхъ оный долженъ быть основанъ, утвердивъ, не отлагая времяни, *издать благоволили*". Сіи слова, какъ я смѣю думать, ясно доказываютъ, что не только статуты не были изданы, но и существованіе ордена

ни указомъ, ни инымъ публичнымъ актомъ не было возвѣщено народу до 1720 года".

„Что же касается до времени установленія, разумѣя подъ симъ назначеніе первыхъ кавалеровъ [1]), то, кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Голиковъ несправедливо полагалъ оное въ *1698-мъ* году. Противное сему вышеприведенное свидѣтельство Гизена подтверждается и показаннымъ въ проектѣ статутовъ числомъ (въ лѣто отъ Р. Х. 1720-е, царствованія нашего въ 30-е, а учрежденія сего ордена въ 21-е), и другою исторіей, коей манускриптъ также хранится въ Кабинетѣ Его Императорскаго Величества и въ коей означено рукой самого Петра Великаго, что „того же (1699) года его величество учинилъ Россійскій орденъ Святаго Апостола Андрея, того ради, понеже народъ Россійскій первое начало христіанской вѣры отъ него воспріялъ". Но точно ли, по сказанію Корба, коему слѣдовали Бантышъ-Каменскій и Вихманъ, учрежденіе ордена и пожалованіе Головина первымъ кавалеромъ было 10 (20) Марта, я не смѣю рѣшить; полагаю даже, что здѣсь въ мѣсяцѣ или числѣ есть ошибка, ибо по одному письму царя къ князю Ромодановскому видно, что 3-го Марта 1699 года онъ уже былъ въ Воронежѣ, а оттуда, какъ извѣстно, отправился въ Таганрогъ".

„Препровождая при семъ выписку изъ исторіи Гизена, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Д. Блудовъ.

2-го Іюня 1827 года".

Выписка изъ Исторіи Петра Великаго, сочиненной фонъ-Гизеномъ [2]).

Сего-жъ года (1699) такожъ установилъ его царское величество Россійской орденъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, для знатныхъ генераловъ и министровъ съ симъ девизомъ: *за вѣру и вѣрность*; а статуты и церемоніи онаго отложены до иного времени.

Помянутый орденъ основанъ въ память первородства Россійскаго крещенія, которое Россія приняла еще въ лѣта апостольскія, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ около 69 лѣта послѣ Рождества Господа нашего Іисуса Христа, отъ перваго архіепископа Константинопольскаго или еще Византійскаго. Глаголемъ же отъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, иже бысть Апостолъ Европы и, пришедши Днѣпромъ отъ Востока, изъ града Греческаго Корсуня, водрузи на горахъ Кіевскихъ крестъ, таможе и нѣкіихъ крестилъ. По семъ церковь Воздвиженія Креста Господня соорудися, пророчески глаголя ученикомъ своимъ: *на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и будетъ градъ великъ, и воздвигнетъ Господь Богъ въ немъ множество церквей.* По семъ опустися Днѣпромъ и приде къ Славянамъ и гдѣ же нынѣ Великій Новгородъ, тамо же и нѣкіихъ крестилъ, а оттуда чрезъ землю Варяжскую пустися до Рима, о чемъ въ житіи его пространнѣе видно (зри о семъ же пространнѣе въ Печерскомъ Патерикѣ въ предисловіи и въ Кіевской Хроникѣ).

---

[1]) Назначеніе первыхъ кавалеровъ ордена можетъ, очевидно, и не совпадать съ днемъ его установленія.

[2]) Изъ дѣла Архива Государственнаго Совѣта № 876.

Считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія къ письму Д. Н. Блудова.

1) Баронъ Хюйсенъ (Huysen, а не Гизенъ) былъ, какъ извѣстно, учителемъ царевича Алексѣя Петровича, и ему, по приказанію Петра Великаго, въ 1714 году, отданы были всѣ журналы для написанія исторіи сего государя. Имѣя въ рукахъ подлинные журналы походовъ и путешествій Петра, Хюйсенъ, по словамъ г. Устрялова (т. I, стр. XXX и слѣд.) ограничился выписками изъ нихъ безъ всякой связи и довелъ свое изложеніе до 1715 года. Рукописный экземпляръ этого сочиненія хранится въ Государственномъ Архивѣ; но оно напечатано было гораздо ранѣе письма г. Блудова, именно Туманскимъ въ 1787 году въ его «Собраніи записокъ къ исторіи Петра Великаго» части III, IV. Приводимая Блудовымъ выписка помѣщена на стр. 119 — 121 этого сборника, при чемъ *день* учрежденія ордена не означенъ; но извѣстіе объ этомъ помѣщено послѣ сообщенія о смерти Лефорта, послѣдовавшей 2 Марта.

2) Сомнѣніе Блудова въ правильности показанія Корба, что Головинъ пожалованъ кавалеромъ $^{10}/_{20}$ Марта 1699 года, едва ли имѣетъ правильное основаніе. Блудовъ полагаетъ, что тутъ есть ошибка въ мѣсяцѣ или числѣ; ибо по одному письму Царя къ князю Ромадановскому видно, что 3 Марта 1699 года Петръ былъ въ Воронежѣ, а оттуда отправился въ Таганрогъ.

Вѣрно, что 3 Марта 1699 г. Петръ былъ въ Воронежѣ и писалъ къ князю Ромадановскому; это письмо его напечатано въ собраніи писемъ Петра Великаго г. А. Ѳ. Бычковымъ, въ томѣ I, стр. 276, и помѣчено *г. Воронежъ.* Но изъ слѣдующаго за тѣмъ письма не подлежитъ сомнѣнію, что 13-го Марта того же года Петръ I былъ въ *Москвѣ*, а вовсе не по направленію къ Таганрогу. 2 Марта 1699 года умеръ Лефортъ, любимецъ Петра, въ Москвѣ (см. Устрялова, Исторія, т. III, стр. 265 и слѣд.), и немедленно по полученіи извѣстія объ этомъ Петръ возвратился въ Москву для торжественнаго его погребенія.

Наканунѣ печальнаго обряда Петръ (по словамъ г. Устрялова) возложилъ на боярина Ѳедора Алексѣевича Головина учрежденный имъ *въ то время орденъ* Апостола Св. Андрея Первозваннаго. Такимъ образомъ орденъ пожалованъ Головину *девятаго Марта.* Послѣ похоронъ Лефорта чрезъ два дня Царь уѣхалъ въ Воронежъ (стр. 270), а потомъ 27 Апрѣля 1699 года съ флотомъ двинулся по Дону къ Азову, а за тѣмъ уже къ Таганрогу (стр. 277).

3) Нельзя не упомянуть, что Голиковъ въ своемъ сочиненіи «Дѣянія Петра Великаго», томъ I, стр. 136, говоритъ, что «по наказаніи стрѣльцевъ (а дѣломъ о стрѣлецкомъ бунтѣ занимался Царь по возвращеніи въ Москву изъ заграничнаго путешествія *25 Августа 1698 года, во время вечерни,* см. Устрялова, т. III, стр. 151) учрежденъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, что было *30 Августа,* которымъ тогда пожалованъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и Мазепа»; при чемъ въ примѣчаніи тутъ же Голиковъ удивляется, отъ чего не награжденъ былъ орденомъ Лефортъ. Тоже самое повторяетъ Голиковъ въ Дополненіяхъ къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. 5, стр. 227, говоря, что по примѣру иностранныхъ державъ Петръ основалъ 30 Августа орденъ Св. Андрея и украсилъ тогда двухъ только особъ, Головина и Мазепу.

Въ Историческомъ Очеркѣ Россійскихъ орденовъ сказано, что Малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа удостоился получить орденъ Св. Андрея въ Москвѣ *8 Февраля 1700 года,* въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ имъ въ теченіи 13 лѣтъ на военномъ поприщѣ въ войну съ Турками и ханомъ Крымскимъ *).

Уставъ или статутъ ордена Св. Андрея обнародованъ Императоромъ Павломъ Апрѣля 5 дня 1797 года (П. С. З. № 17908) и дѣйствуетъ по настоящее время. Днемъ же основанія ордена указывается, какъ видно изъ вышеизложеннаго, 30 Августа 1698 года по Голикову, 9 Марта 1699 года по Устрялову и 10 Марта того же года по Хюйсену и Корбу. Которое же изъ нихъ надлежитъ считать правильнымъ, остается вопросомъ открытымъ?

П. Майковъ.

---

*) Это свѣдѣніе основано на „Спискахъ кавалерамъ“ Бантыша-Каменскаго, стр. 57. Въ Словарѣ его, т. 3, стр. 239, изданіе 1836 года въ біографіи Мазепы, имѣется тоже самое свѣдѣніе.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА ВЪ МОСКВУ КЪ ЕГО ОТЦУ ЯКОВУ ИВАНОВИЧУ.

1802-й годъ.

С.-Петербургъ, 12 Февраля 1802 года.

Читатели „Русскаго Архива“ уже знакомы съ прекрасными письмами славнаго Екатерининскаго дипломата къ обоимъ его сыновьямъ. Начинаемъ печатаніе выдержекъ изъ ихъ писемъ къ старику отцу. Молодой Александръ Яковлевичъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Неаполь въ началѣ Марта 1802 года. Младшій братъ его Константинъ оставался въ Петербургѣ, дожидаясь своего назначенія въ Вѣну. Оба брата, по пріѣздѣ изъ Москвы, остановились у дочери князя Репнина, княгини А. Н. Волконской; мать же ихъ Шумлянская жила тогда въ Петербургѣ. Любопытно, что о ней оба сына не пишутъ ничего въ Москву. Вскорѣ и Константинъ Яковлевичъ получилъ мѣсто въ Вѣнѣ, откуда пріѣзжалъ въ томъ же году на свиданіе съ братомъ въ Неаполь. П. Б.

Милостивый государь батюшка.

Наконецъ, послѣ шестидневнаго путешествія, прибыли мы *) сегодня, въ восьмомъ часу вечера, въ Петербургъ. Дорога была хороша до Твери, а отъ Твери она такъ дурна, что не можно себѣ представить; нельзя было ѣхать иначе, какъ шагомъ; подъѣзжая къ Петербургу, она опять становится хороша. Повозки наши то и дѣло портились и ломались, возокъ разбился въ дребезги, и мы были слишкомъ счастливы промѣнять его, хотя и съ придачею 15 рублей, на кибитку. Ночевали мы только два раза на дорогѣ, и то только для того, что починка нашихъ повозокъ онаго требовала. Много намъ попалось людей, и между прочими слуга князя Алексѣя Ивановича Голицына, который повезъ въ Петербургъ сочиненія своего господина, съ письмомъ къ Оленину, для поднесенія Государю. Онъ хотѣлъ съ нами ѣхать и служить намъ дорогою; но мы, слава Богу, его избавились, да и не знаю я, какъ онъ доѣдетъ до Петербурга, имѣя подорожную только до Новгорода. Вотъ, кажется, все, что касается до дороги; лошадей имѣли мы вездѣ безъ остановки.

---

*) Т.-е. съ младшимъ братомъ, Константиномъ Яковлевичемъ. Оба они служили въ Москвѣ, въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, у Н. Н. Бантыша-Каменскаго.

Здѣсь нашли мы въ домѣ [1]) всѣхъ, слава Богу, здоровыми, кромѣ князя Никиты Григорьевича) [2]), который нѣсколько дней боленъ лихорадкой. Княгиню мы еще не видали, ея нѣтъ дома. Князь Николай Григорьевичъ [3]) подлинно считается по арміи, пока не получитъ другого мѣста, и носитъ теперь бѣлый общій кавалерійскій мундиръ. Живемъ мы во флигелѣ, въ трехъ очень хорошихъ комнатахъ, надъ Юріемъ Александровичемъ Нелединскимъ, который также здѣсь остановился. Иванъ Григорьевичъ Фризель также здѣсь, но мы его еще не видали, а видѣлъ я только одного Влодека, который въ большой радости: Государь позволилъ ему пользоваться старостомъ 50 лѣтъ еще послѣ смерти отца его и избавилъ его отъ платежа всѣхъ податей.

*

13-го Февраля.

Сегодня видѣлись мы съ княземъ Григоріемъ Семеновичемъ. Онъ увѣрилъ насъ, что не оставитъ насъ и сдѣлаетъ все, что̀ будетъ отъ него зависѣть. Княгиня весьма ласково насъ приняла, водила по всему дому, все сама намъ показала и просила быть у нея такъ, какъ въ своемъ домѣ.

Не нашедъ Ивана Алексѣевича [4]) до̀ма, поѣхали мы въ Коллегію и къ оберъ-секретарю явились; онъ намъ все разсказалъ, когда кого застать. Отправленіе наше зависитъ, какъ онъ говоритъ, отъ доклада вице-канцлера. Были мы послѣ у Боголюбова, который объ насъ доложилъ князю [5]); мы очень долго дожидались, ибо князю перевязывали щеку, наконецъ велѣлъ насъ къ себѣ позвать. Пріемъ сей тѣмъ болѣе для насъ былъ пріятенъ, что многіе не были допущены. Князь насъ весьма ласково принялъ, прочелъ ваше письмо, спрашивалъ о вашемъ здоровьѣ, увѣрилъ, что не упуститъ ни единаго случая, въ которомъ можно ему будетъ доказать, сколь онъ къ вамъ приверженъ и сколь желаетъ намъ добра. Онъ намъ говорилъ, что спѣшить намъ, кажется, не за чѣмъ; мы отвѣчали, что сіе зависитъ совершенно отъ его воли и приказанія; также просилъ насъ къ себѣ сегодня на вечеръ.

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ въ Украйну и скоро туда ѣдетъ; жена его и весь домъ остаются въ Петербургѣ. Государь Императоръ изволилъ нѣсколько тому

---

[1]) Т.-е. въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ князю Петру Дмитріевичу Волконскому на Мойкѣ, гдѣ скончался въ 1837 году Пушкинъ.

[2]) Впослѣдствіи супруга княгини Зенаиды.

[3]) Старшій сынъ князя Волконскаго, получившій имя князя Репнина.

[4]) Сенатора Алексѣева.

[5]) Т. е. князю Александру Борисовичу Куракину.

дней назадъ навѣстить князя Александра Борисовича, и вотъ, я думаю, причина, которая его наиболѣе облегчила отъ болѣзни. Всѣмъ армейскимъ полкамъ вышли новые мундиры. Скоро будетъ сюда Французскій посолъ, который уже и въ дорогѣ. Будетъ онъ жить въ домѣ, бывшемъ Льва Александровича Нарышкина, въ которомъ живетъ теперь князь Александръ Борисовичъ; по пріѣздѣ посла переѣдетъ князь въ домъ Чернышова.

*

17 Февраля 1802.

По вашей милости и по письмамъ, которыя вы намъ дали, мы еще, благодаря Бога, не забыты и здѣсь. Всѣ здѣсь, какъ только узнаютъ, что мы ваши дѣти, насъ ласкаютъ и стараются услужить. Я никакъ еще не могу привыкнуть къ Петербургу или, лучше сказать, не быть съ вами; все мнѣ кажется ново. Мы обѣдали въ Субботу (день, по которымъ онъ всегда дома обѣдаетъ) у Ивана Алексѣевича; обѣдалъ тутъ также Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, которому онъ насъ представилъ и которому мы отдали ваше письмо; онъ положилъ оное въ карманъ, думая видно, что писано къ нему о постороннемъ дѣлѣ. Дмитрій Прокофьевичъ говорилъ также, что онъ очень передъ вами виноватъ, что не отвѣчалъ на ваше письмо, но просьбу вашу исполнилъ и выпросилъ у Государя для Травина 300 р., но не знаю, пенсіи ли, или единовременнаго. Я игралъ послѣ съ женою Ивана Алексѣевича и пр. въ берланъ; тутъ подошелъ Дмитрій Прокофьевичъ, сталъ за моимъ стуломъ, очень ласково говорилъ со мной и спрашивалъ о правилахъ игры, отошедъ желалъ мнѣ счастія. Видѣлъ я также тутъ Виленскаго знакомаго генерала Сакена *), у котораго отъ раны лѣвый глазъ меньше и лицо повреждено; очень много объ васъ спрашивалъ.

Третьяго дня были мы у графа Кочубея. Онъ велѣлъ позвать насъ въ свой кабинетъ, долго съ нами говорилъ, спрашивалъ гдѣ учились, какіе знаемъ языки, часто ли бывали въ Архивѣ, что̀ тамъ дѣлали (подробно). Такъ какъ Яковъ Ивановичъ (говорилъ онъ) желаетъ, чтобы вы были помѣщены не сверхъ комплекта, а съ жалованьемъ, то теперь не могу исполнить его просьбы во всей точности, ибо въ Вѣнѣ и Берлинѣ нѣтъ вакансіи; а старшаго изъ васъ пошлю я во Флоренцію, гдѣ есть мѣсто и съ жалованьемъ, и ежели вы на сіе согласны, то въ Понедѣльникъ совѣтъ, и я Государю доложу. Меньшого же изъ васъ можно будетъ послать въ Вѣну; впрочемъ, со временемъ можно будетъ перемѣнить и опредѣлить каждаго, куда вашъ батюшка

*) Славнаго впослѣдствіи губернатора въ Парижѣ, князя и фельдмаршала.

васъ назначаетъ. Велѣлъ также каждому написать на всѣхъ языкахъ какіе мы знаемъ, чтобы видѣть наши почерки. Весьма нетерпѣливо ожидаю вашего отвѣта и мнѣнія на все графомъ Кочубеемъ сказанное, и отправляться ли мнѣ, куда онъ назначаетъ? Вы мнѣ не велѣли упускать, ежели будетъ хорошее мѣсто; а для начала, мнѣ кажется, лучше не надобно. Еще меня то утѣшаетъ, что поѣдетъ туда со мною Пиніевъ братъ, малый добрый, который мнѣ будетъ немалою пользой, имѣя болѣе меня опытности. Я радъ, что могу сдѣлаться нѣсколько нужнымъ старшему Пинію, къ которому весьма хорошо расположенъ графъ Кочубей. Всякая ласка къ меньшому брату мнѣ будетъ заплачена старшимъ, возлѣ вице-канцлера. Все идетъ, кажется, нельзя лучше; только я Италію не очень люблю, и мнѣ кажется, что въ ней болѣе можно найти разсѣянности и забавъ, нежели способовъ просвѣтиться; впрочемъ, нѣтъ земли, гдѣ бы не можно найти что-либо хорошее перенять. Какъ тамъ немного канцелярскихъ служителей, то болѣе будетъ работы и слѣдственно менѣе празднаго времени, отъ котораго все худое по большей части происходитъ. Не могу я добиться, кто тамъ министромъ; говорятъ, будто новое посольство составляется. У графа Воронцова мы были разъ шесть, но не можемъ застать.

*

С.-Петербургъ, 20 Февраля 1802 года.

Слава Богу, все уже кончено касательно моего отправленія, и я вамъ при семъ прилагаю копію съ высочайшаго именного указа, объявленнаго графомъ Кочубеемъ, которому я всѣмъ обязанъ. И такъ, я уже не во Флоренцію, а въ Неаполь отправляюсь, гдѣ министромъ камергеръ и кавалеръ Италинскій, человѣкъ весьма хорошій, какъ я здѣсь слышу. Жалованье я буду получать по штату, т.-е. 400 ефимковъ съ курсомъ. Вы изволили намъ назначить по 100 на мѣсяцъ, что̀, вмѣстѣ съ моимъ жалованьемъ, составитъ прекрасный навсегда доходъ. Теперь не могу еще о томъ судить; но мнѣ кажется, что можно будетъ даже часть сего дохода сберечь, какъ вы изволили мнѣ сами совѣтовать, на всякіе неожиданные случаи. Что касается до пересылки денегъ, то есть здѣсь придворный банкиръ Раль, который беретъ деньги для перевода во всѣ города свѣта. Очень былъ бы я доволенъ, ежели бы получалъ деньги въ разныя времена. Жалованье выдается въ Генварѣ, Маѣ, кажется, и Ноябрѣ, но приходитъ въ чужіе края, конечно, по крайней мѣрѣ, мѣсяцомъ позже. И такъ, ваши деньги желалъ бы я получать въ Апрѣлѣ, Сентябрѣ и Декабрѣ, дабы быть всегда въ деньгахъ наличныхъ, безъ которыхъ вездѣ худо, а кольми паче въ чужой землѣ, гдѣ кредиту не имѣется и гдѣ малѣйшій долгъ десять

разъ отяготительнѣе нежели нужда, претерпѣваемая скудостію. Я положилъ проживать только то, что̀ буду получать по вашей милости, а жалованья не буду трогать вовсе. Что̀ касается до времени моего отъѣзда, то оное я еще самъ не знаю. Графъ Викторъ Павловичъ говоритъ, чтобы я не мѣшкалъ; ибо Италинскій, лишаясь Немѣровскаго, имѣетъ въ насъ нужду, тѣмъ болѣе, что при немъ нѣтъ, кому бы можно отправлять дѣла; а надобно знать, что отправленіе Немѣровскаго зависитъ отъ пріѣзда во Флоренцію графа Моцениги, который еще здѣсь и о котораго отъѣздѣ еще ничего не слыхать. И такъ, я думаю пробыть здѣсь еще недѣли полторы, а можетъ быть и болѣе. На проѣздъ намъ будетъ съ Пиніемъ дано иные говорятъ 300, другіе 400 червонныхъ.

Я съ моимъ товарищемъ познакомился. Онъ, кажется, въ своего брата, и всѣ въ коллегіи его хвалятъ. Старшій Пиній хотѣлъ самъ къ вамъ писать; я весьма имъ доволенъ и многимъ ему обязанъ. Онъ будетъ насъ учить шифрировать и дастъ намъ всѣ нужныя наставленія. Пиній мнѣ говорилъ: toutes les affaires seront sur vos épaules, car il y a là Swietchine et je ne sais encore qui, mais cela ne vaut rien tout cela. Слѣдовательно, мы не копіистами выйдемъ, а будемъ отправлять всю работу, чѣмъ я весьма доволенъ. Сегодня поѣду я къ князю Ал. Бор. и къ графу благодарить, хотя первый вовсе и не участвовалъ въ моемъ успѣхѣ. Я почелъ за нужное увѣдомить о всемъ также Николая Николаевича *), какъ своего стараго начальника, желающаго мнѣ добра и коего рекомендаціи мнѣ весьма были полезны; послалъ я также къ нему копію съ указа. Хотя я его благодарилъ въ письмѣ моемъ за всѣ его ласки и старанія, но прошу васъ оное потрудиться повторить, когда его увидите, за меня.

Пиній беретъ охотно на себя пересылку нашихъ писемъ. Переписка съ Италіей дешева. Прескверную будемъ имѣть дорогу, но что̀ дѣлать! Я думаю, что намъ дадутъ депеши въ Вѣну, гдѣ позволятъ нѣсколько пробыть; не угодно ли вамъ будетъ писать въ Варшаву, чрезъ которую, я думаю, мы также поѣдемъ? Признаться, что трудно бы было ѣхать одному, съ мальчикомъ 15 лѣтъ, да и глухимъ еще. Намъ можно будетъ ѣхать, я думаю, въ одной повозкѣ, а оставшіяся деньги раздѣлимъ между собою. Прошу васъ, батюшка, сказать на все ваше мнѣніе и поправить, ежели что не такъ. Что я принялъ предложеніе графа Кочубея быть посланнымъ въ Неаполь, вы то одобрите, я думаю; ибо не было возможности быть въ другомъ мѣстѣ, а еще

*) Бантышъ-Каменскаго.

менѣе въ Вѣнѣ; да притомъ ни Иванъ Алексѣевичъ, ни князь, ни княгиня оное не опровергали. Впрочемъ, графъ Викторъ Павловичъ именно сказалъ, что со временемъ постарается устроить все по вашему желанію: изъ Неаполя недолго переѣхать въ Вѣну.

Познакомился я здѣсь съ дюкомъ Сера-Капріоли, Неаполитанскимъ посланникомъ, который мнѣ даетъ много рекомендательныхъ писемъ въ Неаполь; онъ вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе; также буду я просить отъ нашихъ министровъ писемъ. Не изволите ли вы знать Италинскаго?

Какой-то князь Егоръ Грузинскій [1]), который поднесъ Государю чудотворный крестъ, обратившій Грузію въ христіанство, сдѣланъ камергеромъ. Вчера были мы съ княгиней въ Нѣмецкомъ театрѣ, играли Шиллерову піесу les Voleurs.

Сейчасъ былъ у меня мой товарищъ Пиній, который сказывалъ, что насъ отправляютъ курьерами и даютъ на проѣздъ обоимъ 300 червонныхъ. Мы согласились съ нимъ взять бричку и, дабы не было лишней тяжести и слѣдственно большого платежа, беру я только человѣка; а онъ найметъ себѣ или возметъ, ѣдучи чрезъ Флоренцію, гдѣ живутъ мать его и родственники, лакея; а оттуда въ Неаполь недалеко. Онъ мнѣ также сказалъ, что секретаремъ посольства тамъ Свѣчинъ, братъ бывшаго здѣсь военнаго губернатора, и что онъ скоро женится, не знаю, тамъ ли или сюда въ Россію пріѣдетъ; можетъ быть, что намъ должно будетъ замѣнить его мѣсто.

Я вамъ писалъ о Государевой милости въ разсужденіи Влодека. Этого не довольно: велѣно ему даже возвратить тѣ 8000 р. казенныхъ податей, которыя онъ заплатилъ въ четыре года владѣнія своего староствомъ. Онъ, кажется, думаетъ здѣсь поселиться навсегда.

Надобно мнѣ быть готовымъ всякую минуту, дабы не сдѣлалось со мною такъ, какъ съ Тургеневымъ, въ Вѣну поѣхавшимъ, который получилъ повелѣніе ѣхать, тогда какъ не думалъ еще и сбираться.

Иванъ Петровичъ [2]) не забылъ въ Петербургѣ своего Университета и выпросилъ профессорамъ, 10 лѣтъ служившимъ, пенсіи, равно и вдовамъ ихъ, ежели мужъ ихъ прослужилъ 20 лѣтъ. Сіе остается навсегда въ Московскомъ Университетѣ.

---

[1]) Славный позднѣе своимъ самодурствомъ владѣлецъ Лыскова, Волжскій царь (le roi de Volga), какъ его называли.

[2]) Тургеневъ, директоръ Московскаго университета. Выше говорится о старшемъ его сынѣ Андреѣ, кончина котораго оплакана В. А. Жуковскимъ.

Городъ здѣшній украсился многими прекрасными зданіями. Михайловскій зáмокъ великолѣпенъ, ворота и въѣздъ его величественны, передъ дворцомъ стоитъ статуя Петра Великаго на лошади. Статуя давно вылита, но поставлена покойнымъ государемъ съ надписью: Прадѣду Правнукъ. Видѣлъ я также монументы Румянцова и Суворова. Исаакіевская церковь не важна снаружи совсѣмъ, внутри чрезвычайно великолѣпна и высока. Я ничего подобнаго не видалъ. Деревья на перспективѣ мнѣ не нравятся, ибо кромѣ того, что дѣлаютъ улицу темною, они отнимаютъ у улицы ширину, которая составляла ея главную красоту.

Чтò я вамъ сказывалъ объ Университетѣ, еще невѣрно; ибо я видѣлъ молодого Тургенева, который не слыхалъ о семъ еще ничего. Велѣно снять трауръ для 21, 22 и 23 чиселъ. Что-жъ касается до пожалованнаго Университету кабинета, то оное правда.

Февраля 19 го дня 1802 года.

*

С.-Петербургъ, 24-го Февраля 1802 года

Мануцiя мы еще не видали, да и не знаемъ, гдѣ онъ живетъ, впрочемъ нѣтъ дня, чтобъ не видали кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ, которые стараются намъ за одолженія ваши къ нимъ. Имя ваше даетъ намъ вездѣ доступъ, котораго лучше имѣть трудно. Мы въ эту Субботу опять обѣдали у Ивана Алексѣевича, гдѣ видѣли Литке, Петра Ив. Новосильцова, Фрязева, Григорія Павловича Кондоиди, которые свидѣтельствуютъ вамъ всѣ свое почтеніе.

Такъ какъ я прежде недѣли, кажется, не выѣду, то и рѣшился я на сей недѣлѣ говѣть, дабы совсѣмъ отдѣлаться и не имѣть въ Неаполѣ хлопотъ, гдѣ, можетъ быть, и не успѣю оное исполнить, а при томъ сама княгиня говѣетъ, и служба у ней отправляется. Она также была моего мнѣнія. Италія, говорятъ, рай земной; но грѣшныхъ туда вѣрно не пускаютъ.

*

С.-Петербургъ, 27-го Февраля 1802 года.

Князь Николай и князь Никита живутъ съ нами точно какъ съ братьями; мы вмѣстѣ завтракаемъ, прогуливаемся, выѣзжаемъ и пр. Они даютъ намъ всякій разъ свою карету; но мы только одинъ разъ ею пользовались, и то по неотступной ихъ просьбѣ. Я думаю уже писалъ, что мы перешли и живемъ съ ними въ однѣхъ комнатахъ; теперь намъ нѣсколько повеселѣе, ибо не такъ часто бываемъ одни. Мы не только избѣгаемъ наскучить князю или княгинѣ, но даже не упускаемъ, кажется, ни единаго случая, въ которомъ можемъ имъ пока-

зать, что чувствуемъ съ благодарностью всѣ ихъ ласки и попеченія. Былъ здѣсь маскарадъ публичный, въ который не хотѣлось намъ ѣхать; но князь насъ принудилъ и прислалъ намъ даже прекрасныя маскарадныя платья. Вы видите, что онъ даже въ самыхъ малостяхъ насъ не забываетъ.

Подполковникъ Витовтовъ сдѣланъ камергеромъ за проектъ, который онъ подалъ Государю объ истребленіи нищихъ и всякаго рода нуждающихся людей. Онъ предлагаетъ учредить комитетъ, который будетъ разсматривать причину нищеты всякаго. Много издерживается денегъ на милостыни, а большая часть оныхъ денегъ даваема бываетъ по большей части бродягамъ, пьяницамъ и праздношатающимся, то онъ и предлагаетъ присылать оныя деньги въ комитетъ, гдѣ оніи будутъ употреблены съ разсудкомъ и пользою. Всякій взнесшій въ комитетъ хотя 25 р. имѣетъ право присылать туда, сколько хочетъ нищихъ съ запискою, и они будутъ приняты и призрѣны. Тѣ, которые разорились отъ потери процесса, могутъ также туда прибѣгнуть; однимъ словомъ, всякаго рода бѣдные. Вотъ то, что̀ я слышалъ объ этомъ проектѣ, которымъ Государь былъ восхищенъ и приказалъ въ дѣйствіе произвесть. Государь ассигновалъ великую сумму на заведеніе, и императрица вдовствующая также.

Здѣсь дѣлается большая лотерея барона Строганова; она стоитъ 150.000 рубл., будетъ 150.000 тысячъ билетовъ по рублю каждый; одинъ билетъ выигрываетъ. Графъ Шереметевъ взялъ, говорятъ, 6.000 билетовъ, а князь Александръ Борисовичъ 4.000 билетовъ.

*

С.-Петербургъ, 3-го Марта 1802 года.

Сдѣланъ губернаторомъ во Владимиръ Долгорукій, котораго вы видали у Милашевича, съ большою губою; а Руничъ, Владимирскій губернаторъ, переведенъ въ Вятку.

Мы уже давно съ Пиніемъ рѣшились взять бричку; намъ прибавлено еще 50 и 220 на проѣздъ, и такъ мы получимъ 350 и 200 бумажками, для Россіи (т.-е. до Бреста). А все неизвѣстно еще, когда я ѣду; теперь говорятъ, будто ждутъ для отправленія нашего курьера изъ Парижа, который долженъ скоро сюда быть. Хотя мы и ѣдемъ курьерами, но кажется насъ такъ торопить не станутъ. Пиній хочетъ даже остановиться нѣсколько времени во Флоренціи у своей родни, и ему обѣщано позволеніе на сіе. Италинскій теперь въ Палермо съ королемъ; вотъ еще причина не спѣшить; мнѣ кажется такъ по крайней

мѣрѣ. Моцениго поѣхалъ министромъ покуда въ Корфу до открытія министерской вакансіи во Флоренціи.

Бѣдный Тиманъ умеръ почти при мнѣ третьяго дня, 1-го Марта, въ 7-мъ часу вечера; онъ говорилъ до послѣдней минуты и далъ Ив.Петр. *) комиссію для каждаго изъ живущихъ въ домѣ порознь. Лѣкарь увѣряетъ, что причиною его смерти былъ элексиръ, который онъ слишкомъ часто принималъ и тѣмъ разгорячалъ чрезмѣрно себя; наконецъ порвалась у него въ груди жила, и кровь задавила его. Княгиня очень опечалена; вы, я думаю уже знаете, что Сер. Ив. Плещеевъ также умеръ въ Монпеліерѣ.

*

С.-Петербургъ, Марта 6-го 1802 года.

Весьма я доволенъ, что назначеніе мое вамъ по сердцу. Я сего, правду сказать, не ожидалъ; ибо княгиня Ал. Ник. мнѣ часто повторяла: «я не знаю, доволенъ ли будетъ Яковъ Ивановичъ; ибо онъ вѣрно желалъ, чтобы вы были при такомъ министрѣ, котораго онъ знаетъ самъ лично». Теперь вы довольны, слѣдственно и я. Совѣты, которые вы мнѣ даете въ вашемъ письмѣ, будутъ всегда и во всѣхъ случаяхъ моими вождями. Графъ Никита Петровичъ Панинъ, по просьбѣ княгини, даетъ мнѣ рекомендательное письмо къ Италинскому, въ которомъ проситъ его дать мнѣ случай трудиться; можно отказать въ просьбѣ быть празднымъ, но въ этомъ вѣрно нѣтъ.

*

С.-Петербургъ, Марта 8-го дня 1802 года.

Разсудите, какая атенція со стороны князя Александра Борисовича: я не думалъ еще просить письма рекомендательнаго къ Италинскому, а уже онъ самъ приказалъ оное написать. Хотѣли дать одно обоимъ; онъ приказалъ мнѣ именно дать особое и самое лестное; я постараюсь для васъ достать копію, ежели можно. Гр. Кочубей не далъ мнѣ письма, но пишетъ объ насъ въ депешахъ, что мы молодые люди, которые много обѣщаемъ, и что по сю пору кромѣ похвалы ничего объ насъ не слышно. Впрочемъ я не просилъ письма, а Пиній (мой).

*

Воскресенье, 9-го Марта.

Множество мнѣ наговоривъ учтивостей, князь Александръ Борисовичъ простился и поѣхалъ во дворецъ. Брата хотѣли послать въ Мадридъ. Я Боголюбову въ разговорахъ сказалъ, что вы никогда не изъявляли желанія своего, чтобы я былъ или братъ туда посланъ; онъ

*) Тургеневу.

видно пересказалъ сіе князю, и все отмѣнилось. Мнѣ сегодня князь говорилъ: «Братца вашего мы пошлемъ, я думаю, въ Вѣну; Вѣнская миссія не такъ многолюдна, какъ вы думаете, и всѣ говорятъ, что весьма бы было желательно, чтобы опредѣлили туда человѣка, знающаго Русскій языкъ; тамъ два Нѣмца и одинъ только Русскій, вотъ и все посольство. Волынскій принужденъ и сочинять, и переписывать.»

Былъ я у князя Багратіона (воина), который также меня обласкалъ. Онъ далъ мнѣ письмо къ князю Павлу Гавриловичу Гагарину, нашему министру при Сардинскомъ королѣ, который живетъ въ Неаполѣ, а жена его дала мнѣ письмо къ бабушкѣ своей: la comtesse douairière de Skavronsky, née baronne Stroganoff, dame d'honneur et chevalier St. Catherine, которая по письму сему меня обласкаетъ. Впрочемъ, Багратіонъ съ женою отпущенъ Государемъ въ Италію, ѣдетъ туда по первому хорошему пути и поселится въ Неаполѣ, гдѣ просилъ меня быть у него всякій день.

Италинскій былъ учителемъ графа Панина и графа Кочубея.

*

С.-Петербургъ, Марта 12-го 1802 года.

Я здѣсь купилъ портретъ, весьма похожій Государя, хотя и не хорошо писаный. Пріѣхавши въ Италію, велю оный хорошенько списать, сдѣлаю рамку хорошую и подарю Италинскому, который вѣрно будетъ доволенъ симъ драгоцѣннымъ подаркомъ. Я думаю, что тамъ еще нѣтъ портретовъ, развѣ гравюры, и то дѣлано по тѣмъ, можетъ быть, которыя въ календаряхъ. Я увѣренъ, что онъ будетъ доволенъ моею атенціею, когда скажу, что нарочно для него привезъ.

Государь велѣлъ объявить всѣмъ тѣмъ штабъ-офицерамъ, которые числятся по арміи, что ихъ не будутъ производить, покуда не войдутъ въ какое-либо дѣйствительное отправленіе службы. Нашъ князь Николай *) идетъ то въ гусары, то въ кирасиры, то въ драгуны, то хочетъ идти въ Московскіе полки, то въ Вильну. Графъ Н. П. Шереметевъ очень опасно боленъ; у него былъ на спинѣ нарывъ, который срѣзали, теперь прикинулся антоновъ огонь. Въ Парижѣ убитъ на дуели какой-то Кнаррингъ молодой. Вы читали, что̀ было написано въ Courrier de Londres о Марковѣ; ежели правда, то жалокъ онъ весьма. Здѣсь сказали было опять, что Криденеръ ѣдетъ на его мѣсто. Убрій Виленскій переведенъ изъ Берлина въ Парижъ на мѣсто другого его брата, который взятъ въ канцелярію къ Кочубею.

*

*) Т. е. князь Н. Г. Репнинъ, будущій вице-король Саксонскій.

13-го Марта.

Я ни сегодня, ни завтра не поѣду, ибо сейчасъ пріѣхалъ Австрійскій курьеръ, который насъ задержитъ, и съ нами будутъ отвѣчать на его депеши. Князя Гаврил. Петров. Гагарина дочь ушла недавно, и она наконецъ нашлась у какого-то Сикунова, служащаго въ капитулѣ Мальтійскомъ, въ котораго она влюбилась; отецъ, говорятъ, ее простилъ и позволилъ ей за него замужъ выйти.

*

С.-Петербургъ, Марта 15 го дня 1802 года.

Поздравляю васъ съ исполненіемъ одного изъ вашихъ желаній, т.-е. съ продажею Крымской деревни. Мнѣ кажется теперь, что никому бы не было столь прилично имѣть шесть лошадей, какъ господину Шостаку[1]). Слухъ о Габлицѣ долженъ быть неоснователенъ, ибо никакъ объ ономъ не говорятъ. Сегодня у Ивана Алексѣевича была за столомъ рѣчь о Крымѣ и о вашей деревнѣ, которую весьма расхваливали Сергѣй Лавр. Львовъ и Ив. Ив. Кушелевъ, бывшіе сами тамъ на мѣстѣ. Обѣдали еще тамъ княгиня, княжны Дар. и Софія[2]), князь Юсуповъ, Завадовскій, Самойловъ, Трощинскій, Львовъ, Литке, Панкратьевъ, которые почти всѣ свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Самойловъ поймалъ меня на лѣстницѣ и спрашивалъ меня, гдѣ служу, на какомъ основаніи ѣду, на долго ли? Спрашивалъ, не думаете ли вы сюда переѣхать, и велѣлъ вамъ кланяться. Дмитр. Прокофьевичу [3]) сдѣлалось вдругъ такъ дурно, что онъ принужденъ былъ встать изъ стола и уѣхать; не знаю, какія сіе имѣло слѣдствія. Весьма радуюсь, что богатство Анны Николаевны Исаевой перешло въ руки добродѣтельнаго человѣка, какъ Иванъ Волод. [4]), который сдѣлаетъ хорошее изъ него употребленіе.

Говорятъ, что Кочубей ѣдетъ на время въ Парижъ на мѣсто Маркова. Графу Шереметеву вырѣзали изъ спины фунтъ мяса; совсѣмъ тѣмъ антоновъ огонь опять прикинулся, и онъ въ большой опасности. У меня былъ Андрей Тургеневъ, который мнѣ сказывалъ, что отцу его дана большая св. Анны, но это секретъ; ибо знаковъ онъ еще не получилъ, то и не можетъ называться кавалеромъ, и вамъ объявляю сіе какъ тайну, о которой вы получите обстоятельное и вѣрное извѣстіе съ слѣдующею почтою отъ брата, а можетъ быть и отъ меня. Вы

---

[1]) Купившему Крымское имѣніе Булгакова.

[2]) Волконскія, внучки князя Н. В. Репнина.

[3]) Трощинскому.

[4]) Лопухина.

уже знаете, я думаю, что вдовствующая императрица пожаловала ему перстень *).

У насъ будетъ конечно реформа въ Коллегіи. Вчера было собраніе всѣхъ членовъ въ Коллегіи, и князю подали коллежскій списокъ, съ означеніемъ, что̀ всякій дѣлаетъ? Намъ, кажется, нечего бояться; о насъ и службѣ нашей, кажется, извѣстно. Думая о Пушкиныхъ, вспомнилъ я объ ихъ лѣкарѣ, который къ намъ ходилъ и лѣчилъ Клима въ Москвѣ; не знаю, дали ли вы ему что нибудь, можетъ быть забыли, а онъ не просилъ ничего вѣроятно для того, чтобъ быть опять призвану въ случаѣ надобности въ немъ. Дай Богъ всему дому обойтись безъ его искусства. Князь Алексѣй Ивановичъ Голицынъ здѣсь очутился и гуляетъ часто по набережной; но мы, слава Богу, нигдѣ не столкнулись, ибо замучилъ бы стихами и визитами.

Теперь 9 часовъ вечера, и я сіи строки пишу въ канцеляріи Кочубея; сейчасъ иду къ нему проститься и сажусь въ бричку. Прощайте, батюшка; обнимаю васъ со слезами и прошу меня любить также въ Неаполѣ.

Теперь выхожу отъ графа; дано мнѣ семь пакетовъ, къ Разумовскому, Италинскому и Бороздину въ Неаполѣ.

*

Брестъ Литовскій, Марта 27-го 1802 г.

Меня въ Литвѣ такъ нагружали хлѣбами, конфектами, пирогами, виномъ и пр. на дорогу, что я принужденъ былъ, наконецъ, отречься отъ столь любезнаго и драгоцѣннаго мнѣ родства и не называться вашимъ сыномъ тѣмъ, которые меня лично не знали, а называлъ себя совсѣмъ другой фамиліи, и тогда потчивали меня, яко молодого человѣка, совѣтомъ слѣдовать вамъ во всемъ и походить на васъ. Что до сего касается, то я хватился за сіе прежде ихъ совѣта, и молю Бога успѣть въ своемъ стараніи. Какъ я ни спѣшу, но рѣшился, какъ для здоровья и покоя своего, такъ и дабы увѣдомить васъ о новомъ своемъ образѣ жизни, здѣсь хотя нѣсколько часовъ поспа́ть хорошенько и отдохнуть наѣвшись и напившись. Я съ Вильны ничего горячаго во рту не имѣлъ, и горло охрипло отъ пыли.

*

*) Конечно въ память своего супруга, находившагося нѣкогда въ сношеніяхъ съ Московскими Мартинистами, къ числу которыхъ принадлежалъ И. П. Тургеневъ.

Вѣна, Апрѣля 2 (14) 1802 г.

Наконецъ я достигъ желаннаго города Вѣны. Графъ Андрей Кирилловичъ весьма хорошо меня принялъ и позвалъ къ себѣ обѣдать; изъ его канцеляріи я теперь къ вамъ пишу. Чрезвычайно я усталъ, давно такъ хорошо не обѣдалъ, и мысль, что можно будетъ всю эту ночь проспать, чрезвычайно меня веселитъ.

Графъ говоритъ, что намъ надобно будетъ здѣсь нѣсколько промѣшкать, чего я весьма желаю какъ для своего покоя, такъ и чтобъ посмотрѣть городъ, который и по сю пору не предпочитаю Петербургу. Сталъ я здѣсь у Золотого Быка; многіе у графа хотѣли дѣлить со мною свою комнату, но я не могъ оставить своего товарища одного.

*

Вѣна, Апрѣля 5 (17) 1802 г.

Графъ Андрей Кирилловичъ насъ сегодня ввечеру отправляетъ, а завтра Свѣтло Христово Воскресенье; придется намъ, видно, праздновать оное на дорогѣ съ господами почтмейстерами. Польскій и Нѣмецкій языки великой были мнѣ пользы въ дорогѣ и избавили отъ большихъ обмановъ. Первый изъ сихъ языковъ можно употреблять до самой почти Вѣны; не знаю, отъ чего сіе происходитъ. Я весьма многимъ обязанъ здѣсь г-ну Рибопьеру, камергеру, молодому человѣку весьма благовоспитанному и любезному, причисленному также къ здѣшней миссіи. Онъ меня ввелъ во многіе дома, давалъ свою карету, верховыхъ лошадей, ходилъ и ѣздилъ со мною, показывалъ нѣкоторыя достопамятности города; онъ будетъ весьма полезенъ для брата (котораго я ему рекомендовалъ), ибо у посла самого и въ городѣ вообще знаемъ съ весьма хорошей стороны и очень любимъ. Жаль, что онъ очень стѣсненъ и самъ живетъ у племянника посла, камеръ-юнкера Васильчикова, сына Анны Кирилловны, а то бы вѣрно раздѣлилъ свое жилище съ братомъ. Волынскій готовъ ужъ въ воду идти за будущаго своего товарища; все сіе суть слѣдствія оказанныхъ ему вами благодѣяній, которыя онъ всегда помнитъ и чувствуетъ и достоинъ за то похвалы.

Правитель канцеляріи г-нъ Анштетъ, человѣкъ веселый и любезный, довольно молодой, обходится со всѣми безъ церемоніи и отъ другихъ равнаго требуетъ обхожденія. Со временемъ братъ можетъ и долженъ занять Волынскаго мѣсто, ежели сему дадутъ другое мѣсто; ибо невѣроятно, чтобы онъ службу оставилъ, по крайней мѣрѣ такъ скоро, имѣя въ жалованьѣ одномъ свое пропитаніе, а получаетъ онъ хо-

рошія денежки: 800 съ курсомъ. Здѣсь это 2000, а у васъ болѣе 3000, судя по здѣшней дешевизнѣ.

Къ намъ въ миссію опредѣленъ еще сверхъ штата статскій совѣтникъ Левонтьевъ, коего жена родная сестра Пестелевой жены; онъ поѣхалъ вчера въ Неаполь. Я успѣлъ съ нимъ познакомиться; его хвалятъ; онъ молодой еще человѣкъ.

*

Римъ, Апрѣля 17 (29) 1802 г.

Княгиню Лобанову[1]) долженъ я былъ три раза видѣть, но все не встрѣчалъ или, можетъ быть, ночью попадалась. Вотъ что я здѣсь о ней слышу. Поѣхала она чрезъ Флоренцію смотрѣть каскады di Terni, оттоль будетъ сюда на два мѣсяца, а потомъ поѣдетъ опять въ Неаполь на житье. Лубяновскій, который съ нею вездѣ, проводивъ ее въ Неаполь, поѣдетъ за Муравьевою и проводитъ ее до Мадрита, гдѣ мужъ ея[2]) посланникомъ и опять воротится въ Неаполь. Ежели есть здѣсь что̀ хулы достойнаго, то это суть нищіе, отъ которыхъ нѣтъ покоя и что̀ всего смѣшнѣе, что они сами изволятъ назначать, сколько имъ давать должно, и ежели дать безногому копейку, то онъ отвѣчаетъ: такъ мало бѣдному безногому не дается.

Вчера назначенъ monsignore di Arrezzo, епископъ, посломъ папскимъ въ Петербургъ, и онъ скоро отправится. Онъ былъ сперва губернаторомъ въ Perrugio и большой баринъ. Я не знаю, бывали ли нунціи въ Петербургѣ? Генералъ Бороздинъ съ находящимся въ Италіи Россійскимъ войскомъ отправляется, говорятъ, въ Россію обратно, и я спѣшу его застать, ибо имѣю депеши къ нему; послѣ завтра я въ Неаполѣ, поутру отдамъ что̀ имѣю и послѣ обѣда ѣду въ Палермо.

Всѣ единогласно мнѣ обѣщаютъ рай земной возлѣ Италинскаго; онъ генерально всѣми хвалимъ, почитаемъ и любимъ, занимается своими подчиненными какъ своими дѣтьми, особливо, когда видитъ охоту трудиться.

*

Неаполь, 4 Мая (22 Апрѣля) 1802 года.

Воскресенье, Апрѣля 20-го, былъ тотъ счастливый день, въ который я прибылъ наконецъ въ желанный городъ Неаполь. Все то, что̀ я ни претерпѣлъ въ дорогѣ, слишкомъ вознаграждено хорошимъ пріемомъ господина Италинскаго, котораго я здѣсь нашелъ противу всякаго чаянія. Пріѣхавши въ городъ, тотчасъ спросилъ: гдѣ онъ? Не

[1]) Супругу князя Якова Ивановича.

[2]) Иванъ Матвѣевичъ, отецъ Декабристовъ.

было его дома, а былъ онъ у старой графини Скавронской, матери бывшаго здѣсь нѣкогда министромъ Скавронскаго. У нея отдалъ я Италинскому депеши, равно и Бороздину, и письмо графинѣ отъ ея родныхъ. Послѣ былъ я у Гагарина, который, какъ вы знаете, посломъ нашимъ при Сардинскомъ королѣ; очень меня обласкалъ, предложилъ мнѣ ужинъ и комнату, думая, видно, что я на малое время въ Неаполь пріѣхалъ. Отъ него возвратился я къ Италинскому, который уже былъ ома, дабы вручить ему двѣ посылки, которыя были въ моемъ чемоданѣ, будучи слишкомъ велики, чтобъ вмѣститься въ сумкѣ. Я нашелъ его ходящимъ по всему своему дому и выбирающимъ мнѣ лучшую въ немъ комнату. Я не могъ слишкомъ его возблагодарить за попеченіе, которое не успѣлъ еще даже и заслужить; но онъ еще милостивѣе отвѣчалъ, говоря, что его собственная выгода въ томъ—имѣть близко эвоего секретаря и что я сіе за одолженіе считать не долженъ, но что эо временемъ увижу, сколько онъ мнѣ подлинно желаетъ добра. Мнѣ не осталось болѣе ничего дѣлать, какъ чувствовать и молчать. Я надѣюсь, что сдѣлаюсь достойнымъ такого рѣдкаго начальника. Я имѣю комнату, которая почти смежна съ его кабинетомъ, весьма хорошо убрана и снабжена всѣмъ нужнымъ. Сверхъ того есть другая малая комнатка для поклажи; но какъ она также чиста, хотя не прибрана, то хочется мнѣ сдѣлать изъ нея спальню, а въ другой — принимать, писать и пр. Я пріѣхалъ въ 9 часовъ вечера. На другой день министръ дома не обѣдалъ; управитель пришелъ спросить: прикажу ли готовить себѣ столъ? И между тѣмъ другой человѣкъ князя Гагарина пришелъ звать меня къ князю обѣдать, къ которому я и поѣхалъ обѣдать, поблагодаря метердотеля, конечно Италинскимъ ко мнѣ посланнаго. Другіе два дня, то есть вчера и сегодня, обѣдалъ я съ министромъ дома наединѣ и много очень съ нимъ говорилъ, много получилъ совѣтовъ и наставленій.

И такъ, вы можете быть совершенно покойны во всемъ томъ, что̀ только до меня касается, начиная отъ важнаго до самыхъ бездѣлицъ, въ которыя господинъ Италинскій самъ входитъ. Завтра станетъ меня учить шифровать, а на сихъ дняхъ сдана мнѣ будетъ канцелярія и всѣ дѣла, ибо г-нъ Свѣчинъ (вторая особа послѣ министра) въ Палермѣ и довольно долго тамъ пробудетъ: поѣхалъ жениться.

Имѣлъ я также пакетъ изъ Вѣны отъ королевы Неаполитанской къ здѣшнему первому министру генералу Актону, который самъ своеручно вручилъ. Какъ графъ Андрей Кириловичъ *) очень мнѣ рекомен-

*) Разумовскій, нѣкогда посланникъ въ Неаполѣ и близкій человѣкъ къ Неаполитанской королевѣ Каролинѣ.

довалъ въ точности доставить, то я, дабы успокоить его, пишу къ нему и увѣдомляю его о исправномъ исполненіи его приказанія.

Здѣсь городъ очень великъ, на прекрасномъ мѣстѣ, наполненъ прекрасными видами, но очень нечистъ, ибо очень населенъ. Все дѣлается на улицѣ: мясники рѣжутъ скотину, сапожники дѣлаютъ сапоги, башмаки, портные — платья и пр., всякій свое, и послѣ всякаго остаются натурально обрѣзки, обломки и тому подобное, что̀ прибираемо не бываетъ. Нашъ домъ на самомъ морѣ. На лѣвой сторонѣ Везувій, прямо почти островъ Капри, направо прекрасная прогулка, которой имя не знаю. Можно сидѣть цѣлый день на балконѣ, не наскучитъ: то кареты, то люди, то корабли, безпрестанно что нибудь проходитъ или проѣзжаетъ.

Генералъ Бороздинъ съ войскомъ выступаетъ, но не такъ скоро еще. Сегодня буду ужинать у графини Скавронской, которая говоритъ, что много васъ знаетъ. Вообще я примѣчаю, что вы чрезвычайно здѣсь извѣстны, и всѣ меня спрашиваютъ: не родня ли я тому Булгакову, который былъ въ Цареградѣ министромъ?

*

Неаполь, Мая 6 (18) 1802 года.

Послѣ захожденія солнца здѣсь очень вредно ходить, и я, идучи довольно поздно отъ князя Гагарина домой, вѣрно простудился; но теперь буду осторожнѣе. У князя и у графини Скавронской, вотъ гдѣ я всегда бываю; ибо въ Неаполитанскихъ домахъ, кромѣ карточной игры, ничего не найдешь; въ прочіе вечера хожу въ театръ, въ ложу князеву. Здѣсь шесть театровъ, на которыхъ порознь или иной разъ и вмѣстѣ играютъ шесть Итальянскихъ труппъ. Здѣшній теноръ Monbelli славится во всей Италіи; пѣвицы хороши, но не чрезвычайны. Музыка часто, вмѣсто того, чтобы увеселять, заставляетъ меня думать о любезномъ отечествѣ, отъ котораго я такъ далеко, и мнѣ въ театрѣ часто случается плакать, вспоминая драгоцѣнное то время, которое дѣлилъ съ вами и съ прочими родными и друзьями. Воля ваша была меня послать сюда. А какъ все, что̀ вы дѣлаете для меня, клонится къ моему благополучію, то я не жалуюсь и не ропщу; но ожидаю ту минуту, въ которую буду въ вашихъ объятіяхъ, съ покорностію и терпѣніемъ, молю Бога ускорить сіе благополучіе и предстать предъ васъ достойнымъ того попеченія и любви, которыхъ имѣю столь безчисленныя доказательства. Я не смѣю веселиться обѣщаніемъ вашимъ быть въ Италію; вы вѣрно оное написали только, дабы утѣшить меня и придать бодрости сносить разлуку. Но чего не въ состояніи сдѣлать

доброе ваше сердце? Съ какимъ восхищеніемъ брошусь къ вамъ на шею! Мнѣ теперь кажется, что болѣе двухъ лѣтъ васъ не видалъ.

Всѣ удивляются, что я такъ скоро (23 дня) сюда пріѣхалъ, ибо почта ходитъ въ полтора мѣсяца. Сегодня король прислалъ генералу Бороздину, который ѣдетъ скоро, я думаю, въ Петербургъ, прекрасную табакерку съ своимъ портретомъ, алмазами осыпанную. Вчера была буря и сильный вѣтеръ съ моря, которымъ покрыло весь берегъ противъ нашего дому устрицами и раковинами. Жаль, что нѣтъ Щербатова князя Ал. Ал., а то бы онъ могъ обогатить свой кабинетъ безъ денегъ раковинами всѣхъ цвѣтовъ и за которыя въ Петербургѣ не хотѣли взять менѣе 10,000 р. Мы ходили послѣ бури съ княземъ Гагаринымъ и много нашли хорошаго, между прочимъ кусокъ довольно большой и красивой de verre antique. Четвертаго дня ѣздилъ я съ княземъ, княгинею и многими другими Русскими въ Казерту, загородный домъ короля съ превеликолѣпнымъ дворцомъ, садомъ и каскадами; видѣли тамъ славный акедюкъ, шелковую фабрику и пр. достопамятности. Вчера былъ я въ славной Позилипской гротѣ; это ничто иное, какъ большая гора, въ которой просѣчена внутрь дорога, хорошо вымощенная и обнесенная страшными сводами; въ серединѣ дороги есть отверстіе вверху для свѣта; но со всѣмъ тѣмъ весьма темно и ужасно ѣхать. Нѣтъ дня, чтобъ я не видалъ что либо примѣчательнаго и удивительнаго. Ежели вамъ оное не наскучитъ, то стану давать отчетъ во всемъ томъ, что̀ вижу. Всякой день обѣдаю я дома; столъ у министра такъ хорошъ, что я не могу вамъ онаго изобразить; однимъ словомъ, нашъ славный Nakel могъ бы быть у нашего повара подмастерьемъ. Теперь призывалъ меня къ себѣ министръ, спросилъ: сколько мнѣ отъ васъ назначено и вычислялъ самъ со мною всѣ расходы, и нашлось по его мнѣнію, что я довольно хорошо могу жить своимъ доходомъ со всѣми выгодами, кромѣ экипажа. Повторилъ всѣ ваши совѣты — ограничивать расходы свои по доходамъ и не входить въ долги и пр., увѣрилъ меня еще въ своемъ благорасположеніи; много очень говорилъ къ вашей похвалѣ и изъявлялъ желаніе свое быть вамъ полезнымъ, въ чемъ можетъ. «Я знаю, говорилъ онъ, вашего батюшку только по репутаціи, но слышалъ, сколько много сдѣлалъ добра и сколько имѣлъ неблагодарныхъ, и мнѣ пріятно имѣть при себѣ сына такого человѣка, какъ батюшка вашъ.» Не думайте, чтобы сіи слова были что̀ называется complimens de coutume, ибо онъ не любитъ много говорить; но что̀ скажетъ, то подлинно отъ сердца идетъ.

*

Неаполь, 1 Мая (19 Апрѣля) 1802.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Лубяновскаго изъ Флоренціи отъ 10-го Мая, въ которомъ увѣдомляетъ меня о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ Россію и предлагаетъ мнѣ писать, ежели хочу. Нельзя мнѣ было сдѣлать пріятнѣйшаго предложенія; ибо кромѣ того что почта такъ долго ходитъ, часто пропадаютъ письма, что̀ весьма непріятно. Я обрадованъ былъ вчера двумя письмами отъ брата; одно получилъ по почтѣ, а другое посредствомъ флотскаго курьера, посланнаго мѣсяца за два въ Петербургъ и вчера сюда обратно возвратившагося.

Работы я имѣю очень много теперь, будучи совсѣмъ одинъ, и все то, что̀ мнѣ дается на цѣлый день, кончаю всегда въ нѣсколько часовъ или какъ можно скорѣе и лучше, и министръ мнѣ уже не одинъ разъ объявлялъ, сколько онъ доволенъ исправностію и скоростію моей работы. Вчера онъ мнѣ сказалъ: «Я дѣйствительно хочу обременить васъ всею работою по внѣшней перепискѣ, а г-нъ Пини, зная хорошо конечно Итальянскій языкъ, будетъ вѣдаться съ здѣшнимъ дворомъ.» Пріѣздъ сюда ѣдущаго въ Корфу по особенному препорученію графа Моцениги, отбытіе туда же части нашего войска, а другой въ Россію, скорый пріѣздъ, какъ говорятъ, короля въ Неаполь изъ Палермы, отбытіе его Сардинскаго величества въ Римъ, по мнѣнію иныхъ, на всегда, а другихъ—на время, все сіе стеченіе разныхъ обстоятельствъ даетъ много намъ дѣла. Надобно думать, что король Сардинскій воротится сюда, ибо въ Римѣ съ нѣкотораго времени господствуетъ заразительная болѣзнь. Жаль весьма мнѣ будетъ, ежели князю Гагарину должно будетъ слѣдовать за королемъ въ Римъ: я потеряю пріятнѣйшій для меня домъ и общество; ибо Русскіе здѣсь рѣдки, какъ красные дни у насъ, а особливо когда войска отбудутъ. Дружественное обхожденіе князя, безчисленныя его ласки заставляютъ меня просить васъ, батюшка, написать къ нему благодарность; адресуйте только ко мнѣ, я ему его доставлю. Къ Италинскому вы безъ того писать хотѣли. Письма ко мнѣ впередъ адресуйте на имя Андрея Яковлевича, вѣрнѣе будутъ доходить. Не забывайте впрочемъ пространныхъ моихъ титуловъ въ адресахъ; письма къ Русскимъ здѣсь въ Италіи весьма сберегаемы бываютъ, особливо когда чиновный человѣкъ на адресѣ. Сіе покажется вамъ шуткою, но въ самомъ дѣлѣ справедливо. На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда нашъ ст. сов. Леонтьевъ, человѣкъ молодой, добрый, женатый, опредѣленный въ нашу миссію сверхъ штата, хотя и съ жалованьемъ 1500 р.

Здѣсь теперь нашъ посолъ къ Швеціи Будбергъ, который у меня объ васъ спрашивалъ. Съ нимъ г-нъ Бурке, Датскій посолъ при Гишпанскомъ дворѣ. Сей послѣдній (кавалеръ Бѣлаго Орла) говорилъ мнѣ, что весьма былъ знакомъ съ вами въ Варшавѣ, и свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе. Здѣсь также графъ Иванъ Кириловичъ Разумовскій, но въ весьма жалкомъ состояніи со стороны здоровья: онъ боленъ чахоткою. Моя маленькая лихорадка вытянула меня еще, говорятъ. Я знаю только то, что имѣю послѣ нея страшный аппетитъ. На сихъ дняхъ ѣздили съ княземъ и всею нашею Русской шайкою въ противолежащій островъ Капри, гдѣ провели ночь. Видъ изъ него безподобный: весь Неаполь виденъ во всемъ своемъ пространствѣ; видѣли тамъ еще древній дворецъ Тибера на горѣ, мѣсто, съ котораго кидали людей въ море и пр.

*

Неаполь, 27 Мая (8 Іюня) 1802 года.

Сосѣдство Царьграда съ Италіей сдѣлало васъ здѣсь весьма извѣстными, и даже во мнѣ имя ваше почитается; я обязанъ сохранить его достоинство. Я былъ бы надмененъ, ежели бы желалъ пріобрѣсти себѣ славу вездѣ; но зачѣмъ не заставить хорошо говорить о себѣ въ Неаполѣ? Это не свыше моихъ силъ, и я дѣлаю все, чтѷ отъ меня зависитъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Кто приходитъ ко мнѣ съ просьбою, тотчасъ бываетъ удовлетворенъ; ибо стóитъ только доложить министру, ежели просьба справедлива, то все дѣло тотчасъ кончится. Намедни былъ у меня бѣдный Піемонтскій офицеръ, просилъ ходатайства Андрея Яковлевича по его дѣлу и рекомендательнаго письма къ министру королевскому въ Палермѣ. Я выпросилъ сіе письмо, на другой день съ маленькимъ комплиментомъ ему вручилъ, а онъ теперь благовѣститъ по Неаполю мою похвалу и рекомендуетъ всѣмъ: il nuovo segretario dell' ambasciata Moscovita, яко совершеннѣйшаго изъ смертныхъ. Мы теперь вотъ на какой ногѣ: при покойной императрицѣ были, какъ вы знаете, вездѣ совѣтники и секретари посольствъ государь Павелъ I-й истребилъ оныхъ совѣтниковъ (кромѣ Парижа, Лондона, Вѣны и не помню еще гдѣ), и такъ они, потерявъ свои названія совѣтниковъ, берутъ названія или хотятъ по старшинству называться секретарями посольствъ. Мы оными не подписываемся, но, отправляя ихъ должность, всѣ секретарями называемы бываемъ. Вы видите изъ сего, что не весьма пріятно быть совѣтникомъ посольства, кромѣ нѣкоторыхъ дворовъ. Въ этомъ казусѣ у насъ г. Свѣчинъ, который изъ Палермы еще не бывалъ.

Изъ нашего балкона прекрасный видъ: въ маломъ разстояніи на лѣвой рукѣ Везувій, но не въ такомъ видѣ, какъ у васъ въ голубой гостиной. Здѣсь, однакожъ, предсказываютъ въ семъ году или въ будущемъ страшное изверженіе, ибо Везувій съ нѣкотораго времени не дымится, и утверждаютъ, что сіи пары или дымъ сѣрный, накопившись въ большомъ количествѣ въ нѣдрѣ горы, загорится и произведетъ извѣстный фейерверкъ, котораго бы я весьма былъ любопытенъ видѣть.

Отгадайте, кто былъ у меня вчера? Г-нъ James, Англичанинъ, котораго вы знали въ Царьградѣ; весьма мнѣ обрадовался, много объ васъ спрашивалъ, говоритъ, что одно его желаніе есть видѣть васъ прежде своей смерти; очень состарѣлся, но здоровъ; кажется, поселился здѣсь навсегда.

Въ концѣ сего мѣсяца ожидаютъ сюда короля и большія дѣлаютъ пріуготовленія для принятія его: разныя будутъ веселости. Андрей Яковлевичъ сказалъ мнѣ, что буду имъ представленъ его величеству. Вчера весь городъ очистился отъ нищихъ, которые всѣ взяты и отданы въ домы особенные, гдѣ будутъ призрѣны; бо́льшая часть будетъ употреблена на работу, ибо много между ними трезвыхъ и здоровыхъ людей, отъ одной лѣни просящихъ милостыню.

Здѣсь говорятъ за вѣрное вотъ что̀: Бонапарте принялъ на себя званіе Consul Héréditaire, но со всѣмъ тѣмъ предоставляетъ себѣ право выбирать наслѣдника. Учреждается знакъ отличія оказавшимъ заслуги отечеству. Говорятъ, что мало имѣется противниковъ новому сему уложенію, которое весьма бы было желательно.

Пишутъ изъ Парижа, что Демидова жена безъ надежды больна. Самъ Николай Никитичъ тамъ же. Пишутъ изъ Варшавы, что князь Зубовъ, который теперь въ Варшавѣ, вызванъ гр. Гелгутомъ на поединокъ за старыя обиды. Prince de Saxe, бывшій, говорятъ, въ Россіи, также ждетъ отъ него въ Вѣнѣ сатисфакцію. Здѣсь за точную вѣсть говорятъ, что Сардинскій король (который теперь въ Римѣ), въ будущее Воскресенье отрекается отъ короны, дабы посвятить себя монашеской жизни, и передаетъ право престола брату своему, дюку d'Auste, здѣсь теперь находящемуся. Я не помню имени монастыря, выбраннаго его величествомъ, но кажется, что S-t Castello въ Римѣ.

*

Неаполь, Іюня 15 дня 1802 года н. ст.

Короля ожидаютъ въ концѣ сего мѣсяца; пріуготовленія, которыя дѣлаютъ для его пріема, какъ-то храмы, ворота, иллюминаціи и пр., будутъ стóить до 300.000 здѣшнихъ дукатовъ, т.-е. почти 100.000 ч. Новый Сардинскій король третьяго дня поѣхалъ въ Римъ со всею семьей, гдѣ, говорятъ, поселится, ибо этикетъ не позволяетъ быть въ одномъ городѣ двумъ королямъ. Жалѣю, что не успѣлъ я быть ему представленъ княземъ; но видалъ его величество почти всякой день или на гуляньѣ, или на балконѣ, ибо князь жилъ надъ нимъ, во второмъ этажѣ, а король въ первомъ. Наши войска, морскія и сухопутныя, какъ въ Корфу, такъ и въ Россію, еще не отбыли; на сихъ дняхъ на фрегатѣ большой прощальный обѣдъ, который даетъ командиръ эскадры, Александръ Андреевичъ Сорокинъ; онъ говоритъ, что зналъ меня маленькаго въ Царьградѣ. Сегодня полѣземъ на Везувій; я беру съ собою бумагу, перо и чернила, дабы вамъ писать оттуда. До половины нельзя бы было дойти ради страшной жары; но мы начнемъ путешествіе въ полночь, тѣмъ болѣе, что теперь мѣсячное время; увидимъ съ горы восхожденіе солнца и воротимся прежде полдня домой.

*

Неаполь, Іюня 22 дня 1802 н. ст.

Вамъ очень не хочется, чтобъ я ѣхалъ въ Палерму, и мнѣ отъ усталости не весьма хотѣлось туда ѣхать, со всѣмъ любопытствомъ видѣть Сицилію, столь исполненную древностями. Но, слава Богу, все устроилось по желанію нашему. Министръ только-что почти успѣлъ пріѣхать въ Неаполь, какъ и я тутъ же явился. Не могу сказать, чтобы я въ дорогѣ чрезвычайно претерпѣлъ, по крайней мѣрѣ не столько, сколько ожидалъ; но были ночи, которыя насилу могъ перенесть, особливо когда шелъ сырой дождь, отъ котораго не могъ защититься, будучи въ открытой повозкѣ. На всякой почтѣ должно было самимъ перекладывать чемоданы и пр., что̀ не очень пріятно, признаться. Слава Богу, что я здоровъ, крѣпкаго сложенія и не имѣю слабую грудь, которая бы вѣрно претерпѣла отъ сумки, полно набитой и тяжелой; сверхъ сумки имѣлъ я еще связочку, въ которую положилъ всѣ прочія большія письма и пакеты; между прочимъ, пакетъ изъ Вѣны, отъ королевы Неаполитанской къ королю; мнѣ было очень рекомендовано гр. Разумовскимъ вѣрно сіе доставить; такъ что, боясь потерять что-нибудь, имѣлъ я всю дорогу сію связку въ рукахъ. Очень тревожила меня всегда мысль, чтобы не пропало что-нибудь, и сія мысль, ежели не портила, то, по крайней мѣрѣ, уменьшала удовольствіе, которое бы доставляла мнѣ дорога по прекрасной Италіи.

Братъ, наконецъ, помѣщенъ также. Больно мнѣ очень видѣть себя счастливѣе его; но имѣю утѣшеніе думать, что не отъ меня зависѣло дать ему лучшее мѣсто. Но что̀ дѣлать? Ежели онъ такъ меня любитъ, какъ я его, то будетъ почитать мое счастіе своимъ собственнымъ. Въ моемъ положеніи нельзя быть довольнѣе, какъ я теперь: въ хорошей школѣ, любимъ министромъ, у него въ домѣ живу, вижу отъ него ласки. Сегодня онъ мнѣ сказалъ: мнѣ очень пріятно видѣть, что вы не мѣшаетесь въ число молодыхъ франтовъ, которые не носятъ ни пудры, ни пучковъ, и думаютъ все сіе замѣнить большими бакенбардами. Пини хорошій малый, но по несчастію такъ одѣвается; а часто бездѣлицы самыя дѣлаютъ нѣкоторое вліяніе на мнѣніе о человѣкѣ. Я очень радъ, что въ Москвѣ не послѣдовалъ толпѣ угодниковъ моды. Пригодилось!

Кассини пишетъ изъ Рима, что графъ Иванъ Кирилловичъ Разумовскій, который весьма больной, отсюда туда поѣхалъ, тамъ умеръ; здѣсь бы прожилъ онъ мѣсяцъ или два болѣе: усталость отъ дороги, при весьма худомъ состояніи здоровья, ускорила смерть его. Я боюсь, чтобы множество иностранцевъ, его окружающихъ, не ограбили его имущества.

15-го сего мѣсяца были мы съ княземъ Гагаринымъ и пр. на Везувіи. Два часа мы на него карабкались, тамъ завтракали; я написалъ тамъ нѣсколько писемъ; не могу ихъ приложить, ибо сіе письмо не должно быть толсто, потому что вложится въ чужой пакетъ; съ будущею почтой пришлю. Назадъ сошли мы въ 26 минутъ. Зола, которая оттуда катится, насъ съ собою понесла. Я выбралъ лучшій кусокъ лавы, который могъ найти, дабы сдѣлать вамъ табакерку. Что удивительно, что княгиня взошла на самый верхъ; я имѣлъ удовольствіе ее туда вести. И когда всѣ ѣхали на ослахъ, я шелъ пѣшкомъ, въ угодность князю, возлѣ нея и держалъ, дабы не упала; слѣдственно двойной имѣлъ трудъ. Желалъ бы чаще имѣть случай изъявлять князю, сколь цѣню его ласки.

*

Неаполь, 1 (12) Іюля 1802 года.

Я шифровалъ въ первый разъ депешу. Отправленія къ князю Куракину и графу Кочубею стараюсь писать какъ можно почище; кромѣ того, что нечеткія руки должны быть непріятны для тѣхъ, которые имѣютъ множество бумагъ къ чтенію всякой день и слѣдственно не имѣютъ времени сидѣть за однимъ письмомъ полчаса, они, будучи далеко отъ меня, могутъ только судить о мнѣ по прилагаемому мною старанію или пренебреженію въ отправляемыхъ къ нимъ министромъ

нашимъ письмахъ. А я очень помню, что вы сами мнѣ говорили, что многіе обязаны были счастіемъ своимъ единственно хорошему почерку. При томъ, какъ образецъ моего письма, который я подалъ графу въ Петербургѣ, былъ писанъ тщáтельно, то я долженъ продолжать такъ же, ежели бы дѣлалъ даже оное только для того, чтобъ показать ему, что я не выдалъ чужую руку за свою, и не обманулъ его въ надеждѣ вѣрнѣе получить мѣсто.

Здѣсь дѣла очень довольно. Вы говорите, что главная работа въ почтовые дни: нѣтъ почти дня, чтобы не было письма, и потому трудно мнѣ учредиться съ учителями, которыхъ принужденъ буду часто отсылать. Брать ихъ помѣсячно,—потеряю много уроковъ, а побилетно,—потребуютъ они вдвое, ежели стану заставлять ихъ ходить часто понапрасну. Жалѣю, но долженъ вамъ сказать, что деньги мною отъ банкира взяты и большая часть оныхъ истрачена. Пріѣхавъ сюда, слишкомъ былъ щедръ, нанималъ нѣсколько недѣль карету, нашилъ платья много, одѣванье или, лучше сказать, щегольство есть слабость моя, исповѣдуюсь вамъ въ ономъ; но за то теперь запасёнъ я онымъ и прочимъ всѣмъ на долго. Еще одинъ пунктъ, и тогда всѣ мои вины будутъ вамъ извѣстны и, слѣдственно, мучить меня перестанутъ: я купилъ, ѣдучи чрезъ Вѣну, фортепіано прекрасное, за которое заплатилъ 45 ч.; оно уже здѣсь и мнѣ предлагаютъ за него купцы 70 ч. Это я вамъ говорю, дабы вы не думали, что я былъ обманутъ. Вотъ мои вины; иныхъ я, право, ни передъ вами, ни передъ кѣмъ другимъ не имѣю, и совѣсть моя чиста и покойна. Сердце будетъ весело по полученіи отвѣта вашего на сіе письмо. Я бы могъ утаить все отъ васъ; но охотнѣе понесу брань, нежели ласки, которыя не заслуживаю, ежели будете хвалить меня за обѣщаніе, которое давалъ во всѣхъ моихъ письмахъ беречь деньги. Простите первому шагу въ свѣтъ, которой платятъ иной разъ дороже. Съ прискорбіемъ великимъ вижу, что потерялъ, можетъ быть, нѣсколько вашу довѣренность и для того не смѣю васъ болѣе обнадеживать; но время вамъ докажетъ, сколь истинно я раскаиваюсь. Утѣшеніе, которое мнѣ остается есть истинное увѣреніе, которое могу вамъ дать, что сдѣлалъ, можетъ быть, безразсудное употребленіе изъ денегъ, но никогда ни копейки дурно и постыдно не употребилъ. Я имѣю великую наклонность и нахожу въ томъ удовольствіе, которое никакими размышленіями убѣдить не могу—давать за труды или дарить и пр. рубль тамъ, гдѣ довольно бы было гривны. Была пѣвица у меня съ билетомъ на ея бенефисъ; я подумалъ, что не истратилъ еще на театръ ни гроша, будучи всегда въ ложѣ у князя Гагарина, и далъ 5 р. за билетъ, прося ее онаго не объявлять и ска-

зать даже другимъ актерамъ, что я ея не принялъ, дабы впередъ избавиться отъ подобныхъ непростительныхъ издержекъ, въ которыхъ я по несчастію нахожу удовольствіе.

11 (23) Іюня король отправился изъ Палермы и по благополучномъ мореплаваніи 15 (27) того же мѣсяца прибылъ въ здѣшній заливъ поутру въ 9 часовъ на воинскомъ Неаполитанскомъ кораблѣ «Архимедѣ» въ провожаніи Англійскаго фрегата, бригантины, куттера, корветы и нѣсколькихъ другихъ здѣшнихъ судовъ. Прибывъ на средину залива, началась пушечная пальба со всѣхъ судовъ и крѣпостей. Король сошелъ на шлюбку и отправился въ Фавориту. Все сіе происходило въ нашихъ глазахъ, ибо домъ нашъ на самомъ заливѣ. Изъ Фавориты (дворецъ), лежащей у подошвы Везувія, въ разстояніи отъ Неаполя 1½ или 2 Нѣмецкихъ миль, отправился король верхомъ въ 5 часовъ послѣ обѣда. Шествіе, за множествомъ народа, окружавшаго лошадь королевскую и наполнявшаго всѣ улицы, должно было производиться шагомъ и продолжалось до 9-го часа вечера. Прибывъ во дворецъ, его величество изволилъ слушать благодарственное молебствіе, а потомъ принималъ поздравленія отъ чужестранныхъ министровъ и прочихъ знатныхъ особъ. Всеобщая радость народа о благополучномъ возвращеніи короля въ сію столицу была засвидѣтельствована всѣми возможными способами. Всѣ площади наполнены были прекраснѣйшими зданіями: на одной былъ le temple de Pestum, на другой—амфитеатръ Помпеянскій, наполненный народомъ, одѣтымъ въ Римскія платья, воинами, гражданами и пр., державшими въ рукахъ лавры и пальмы; зрѣлище совсѣмъ новое и прекрасное. Когда король подъѣхалъ къ амфитеатру, то стоявшая предъ онымъ статуя, представлявшая Раздоръ, провалилась и взошелъ бюстъ весьма похожій короля, окруженный Миромъ и Благоденствіемъ. Сіе было весьма удачно произведено въ дѣйство. На другой еще площади противъ дворца стоялъ прекрасный храмъ Славы. Всѣ сіи зданія первые три вечера королевскаго пріѣзда были иллюминованы, равно какъ и весь городъ. Все оное оставлено до пріѣзда королевы изъ Вѣны, за которою 22 Іюня (4 Іюля) поѣхалъ уже въ Тріестъ тотъ же военный корабль «Архимедъ» съ тремя другими небольшими военными судами. Возстановивъ здѣсь нѣсколько свое здоровье, ея величество отправится моремъ въ Гишпанію съ здѣшнимъ наслѣднымъ принцемъ для трактованія супружества его съ дочерью его католическаго величества. Съ недѣлю тому пошелъ отсель нашъ фрегатъ въ Черноморскіе порты «Св. Григорій Великія Арменіи», на которомъ капитанъ г. Шостакъ, конечно братъ нашего покупщика. «Св. Михаилъ», другой фрегатъ, отправится также скоро въ Корфу съ графомъ Моченигою.

Благодарю за всѣ новости. Домъ Репниныхъ меня весьма интересуетъ. Жениха княжны Софіи [1]) не знаю и не видывалъ, но много слышалъ похвалъ на его счетъ. Сенковскаго здѣсь нѣтъ или нѣтъ еще. Я не знаю человѣка, которому бы менѣе прилично и даже физически возможно было *бѣжать*, какъ княжнѣ Дарьѣ Николаевнѣ [2]). Жалѣю, что не могу поплясать на свадьбѣ Маріи Алексѣевны, моей фаворитки; желаю ей отъ всей души счастія, которое она не можетъ не найти съ хорошимъ ея нравомъ.

О Евсеѣ случается мнѣ вздыхать, хотя и вижу, что онъ бы мнѣ былъ, кромѣ комнатной работы и одѣванья, совсѣмъ безполезенъ. Пріятно въ лѣтахъ имѣть человѣка, который при тебѣ и съ тобою выросъ и вмѣстѣ всегда находился. Я нанялъ камердинера, жившаго всегда при иностранцахъ и всѣми ими мнѣ рекомендованнаго; человѣкъ претрезвый, усердный, честный, который въ разныхъ покупкахъ отъ великихъ меня избавилъ убытковъ. Я испыталъ его честность во многихъ случаяхъ. Плачу́ ему 4 ч. на мѣсяцъ, что̀ конечно немного. Да, я перешелъ теперь, живу не въ томъ же домѣ, но рядомъ съ министромъ. Съ будущею почтою подробно вамъ разскажу все. Между тѣмъ не думайте, чтобы сіе было слѣдствіе какой-либо ссоры или неудовольствія. Тутъ будетъ канцелярія, въ чемъ я самъ настоялъ. А какъ мѣста болѣе въ домѣ нѣтъ, то и нанялъ пополамъ съ Пиніемъ три прекрасныя комнаты и пр. Вы утаили мнѣ свою болѣзнь; въ семъ нахожу я новый опытъ любви вашей ко мнѣ; оный тѣмъ болѣе меня трогаетъ, что вы, можетъ быть, страдали, а писать все ко мнѣ не переставали. Да воздастъ вамъ Богъ за сіе! Желаю, чтобы намѣреніе ваше ѣхать въ деревню совершилось, но не такъ, какъ прочіе года. Фаста вы, я думаю, возмете съ собою; онъ будетъ вамъ большой пользы, ибо довольно свѣдущъ въ экономіи.

Письмо къ княгинѣ, дабы не занимать лишняго мѣста, не запечатано; прочтите оное, ежели хотите имѣть понятіе о путешествіи нашемъ на Везувій. Я сдѣлалъ обстоятельное описаніе: для женщины довольно сего.

*

Неаполь, 31 Іюля (11 Августа) 1802.

Въ Цизальпинской республикѣ, гдѣ бываетъ довольно остановокъ, нашлось, что командиръ кордона былъ какой-то Полякъ полковникъ, который зналъ васъ въ Варшавѣ, отчего я не былъ нимало задержанъ и тотчасъ отправленъ. Онъ далъ мнѣ, или лучше принудилъ

---

[1]) Будущаго министра двора, князя П. М. Волконскаго.

[2]) Она была горбата. Бѣжала съ Калонбаргомъ.

взять на дорогу хлѣба и вина. Здѣсь видѣлъ я въ первый разъ «дерево вольности», которое потомъ попадалось на всякой почти почтѣ.

Прошу васъ посадить въ саду дерево въ память отъѣзда моего въ чужіе края; но молю Бога не видѣть его высокимъ по возвращеніи моемъ въ Москву. Смотря на оное, слишкомъ будетъ для меня грустно видѣть долготу нашей разлуки. Я воображаю, сколь много садъ нашъ долженъ васъ занимать. Я вамъ привезу рисунки и пр. для его украшенія. Не понимаю, какъ вы могли выправить аллею къ Голенкину, не трогая забора? Долго ли будетъ вамъ кормить Агличанъ въ конюшнѣ? Здѣсь бы для многаго было полезно мнѣ имѣть верховую лошадь; но теперь и думать о томъ не могу. Пѣшкомъ здѣсь можно ходить только до 8 часовъ утра и съ 6 или 7 часовъ послѣ обѣда до ночи, которая такъ шумна, какъ день. Ничего нѣтъ подлѣе—ѣздить на здѣшнихъ извозчикахъ, которые суть лазароны, имѣющіе колясочки на двухъ колесахъ; какъ цѣна ихъ очень низка, то употребляемы всякою канальей, за которую принятымъ быть можешь, такъ что я предпочитаю сто разъ хожденіе пѣшкомъ. Князь Гагаринъ и графиня Скавронская близко отъ насъ, а я болѣе нигдѣ не бываю. Въ театръ, на гулянье и пр. возитъ меня князь или княгиня, которыми я довольно нахвалиться не могу. Плачу о потерѣ сего дома, ибо они думаютъ ѣхать черезъ мѣсяцъ въ Римъ, гдѣ князь, сдавши дѣла и поживя, отправится въ Россію. Палерму я все не отчаиваюсь видѣть. Невѣроятно, чтобы Французы не стали дѣлать новыя покушенія на Италію, особливо когда узнаютъ, что нѣтъ Русскихъ здѣсь болѣе; король, конечно, паки возвратится въ Сицилію, и мы туда же. Фрегатъ «Св. Григорій» отправился уже въ Черноморскіе порты; «Св. Николай» за ветхостью здѣсь продается, «Св. Михаилъ» имѣетъ со всѣми сухопутными войсками, здѣсь находящимися, равно и морскими, на сихъ дняхъ отправиться въ Корфу съ графомъ Моченигою. Вчера былъ маневръ нашихъ баталіоновъ, который удостоилъ его величество своимъ присутствіемъ. Какъ король Сардинскій отрекся отъ престола, то Бонапарте почитаетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязанностей, которыя имѣлъ въ разсужденіи сего короля, и для того Піемонтъ причисленъ къ Французской республикѣ. Имѣнія всѣхъ Піемонтскихъ эмигрантовъ, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не явятся подъ власть перваго консула, будутъ конфискованы и употреблены по соизволенію. Вотъ что̀ пишутъ партикулярно. Новый король ожидаетъ отъ перваго консула подтвержденія сего печальнаго для него извѣстія съ курьеромъ, повезшимъ къ нему объявленіе объ отреченіи короля его брата. Г-нъ Буркъ весьма часто даетъ мнѣ препорученіе вамъ кланяться и по-

мнитъ очень время, которое столь пріятно проводилъ съ вами въ Варшавѣ. Онъ живетъ здѣсь въ загородномъ домѣ въ Ischia. Намедни за столомъ у министра генералъ Бороздинъ (который зналъ васъ также въ Варшавѣ), Будбергъ, Буркъ etc. всѣ говорили объ васъ; за излишнее почитаю сказать вамъ, какъ они объ васъ отзывались. Я обѣщался вамъ сказать, какъ я перешелъ на другую квартиру. Не было мѣста для канцеляріи. Министръ изъявилъ, сколь бы ему было пріятно имѣть близко канцелярію свою, но что между тѣмъ не хочетъ и меня согнать, а мѣста нѣтъ. Хотѣлъ канцелярію въ другое мѣсто перевесть. Я бы былъ глупъ, ежели бы воспользовался сею учтивостью, и потому просилъ его назначить въ моей комнатѣ канцелярію, мнѣ же велѣлъ нанять три комнаты рядомъ съ его домомъ. Какъ наемъ стóитъ только около 35 ч. въ годъ, то не захотѣлъ я заставить его платить за опое и заключилъ самъ контрактъ на свое имя. Я не опредѣлилъ срока найму, но съ тѣмъ взялъ квартиру, что хозяинъ не воленъ будетъ никогда меня согнать, развѣ нужда будетъ требовать ею пользоваться собственно для себя. Мнѣ стóитъ только перешагнуть, и я у министра, съ которымъ я часто завтракаю, особливо въ почтовые дни. Весьма тревожитъ меня слухъ о назначеніи Андрея Яковлевича въ Царьградъ на мѣсто Тамары. Богъ знаетъ, каковъ будетъ новый мой начальникъ. Но теперь, зная теченіе и порядокъ всѣхъ канцелярскихъ дѣлъ, могу имѣть начальникомъ и человѣка, который нетерпѣливъ, взыскателенъ, строгъ даже. Зная, чтò и какъ надобно дѣлать, ежели онаго не исполню, будетъ отъ лѣни или нерадѣнія. Сперва была воля безъ умѣнія, теперь есть все. Я надѣюсь, ежели новый министръ будетъ вамъ знакòмъ, что вы не оставите меня ему рекомендовать, яко слугу, который не совсѣмъ ему будетъ безполезенъ. А сіе новое назначеніе скорѣе дойдетъ до васъ нежели до меня.

31-го прошедшаго мѣсяца имѣлъ я удовольствіе обнять здѣсь брата. Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Вѣну, какъ отправили его сюда курьеромъ. Вы можете сами посудить, сколь я былъ удивленъ и обрадованъ его видѣть. Онъ былъ 8 дней въ дорогѣ, хотя незнаніе Вѣнской почты и заставило его сдѣлать крюкъ, назначивъ ему путь чрезъ Тріестъ. Онъ живетъ у меня, слава Богу, здоровъ, но очень загорѣлъ. Я представилъ его сіятельству, Италинскому и графинѣ Скавронской, которая говоритъ, что очень знала покойныхъ дѣдушку и бабушку. По сю пору не знаемъ, когда воспослѣдуетъ обратная посылка брата въ Вѣну. Мнѣ очень хочется, чтобъ онъ поѣхалъ съ вышерѣченнымъ курьеромъ, и это, кажется, сдѣлается.

Любя Ивана Петровича Тургенева, жалѣю весьма, что слухи о успѣхахъ его неосновательны. Сынъ его Андрей рыскаетъ по свѣту и скоро заставитъ говорить о себѣ въ газетахъ, яко о первомъ курьерѣ во всей вселенной. Теперь онъ въ Вѣнѣ и ждетъ себѣ новой пищи.

Были мы въ Помпеѣ, которой конечно ничего любопытнѣе видѣть нельзя. Вамъ извѣстно, что это городъ, который, не знаютъ вѣрно когда, былъ покрытъ до основанія мелкимъ каменнымъ дождемъ, золою и пепломъ; ибо сильный вѣтеръ, дувшій во время изверженія Везувія на сей несчастный городъ, все сіе туда перенесъ, хотя и отстоитъ онъ отъ горы верстахъ въ трехъ. Весьма малая часть города открыта; въ ней виденъ амфитеатръ малый и большой, весьма хорошо сбереженные, лавки, гдѣ сидѣлъ народъ, и пр., солдатскія квартиры. Въ одной комнатѣ намарано много именъ, видно, солдатскихъ, и другія слова; большая улица вымощенная, на коей видны даже слѣды колесъ, ибо улица, будучи весьма узка, колеса проходили все по одному мѣсту; городскіе маленькіе ворота (сіе доказываетъ, что то, что̀ отрыто, есть только предмѣстье). Я входилъ во всѣ сіи древніе домы, кои всѣ единообразны, имѣютъ равное количество комнатъ, дворъ, а посереди онаго фонтанъ. Во многихъ комнатахъ живопись весьма хорошо сохранилась; большая часть оной снята и перевезена въ Портичи, гдѣ любопытные могутъ все сіе видѣть. Фигуры, висящія въ вашихъ комнатахъ и называемыя figures d'Herculanum, взяты всѣ изъ Помпеи. Я видѣлъ оригиналы, часть въ Портичи, а другая въ Помпеѣ, на стѣнахъ еще; ибо безъ большой опасности ихъ отнять нельзя. Еще виденъ здѣсь храмъ и отверстіе, въ которое пролѣзали попы и давали оракулы, тогда какъ народъ думалъ, что богиня говоритъ. Полъ храма вымощенъ мозаикою. Въ обоихъ амфитеатрахъ видны мѣста, куда народъ ходилъ за нуждою. Весьма жаль, что не продолжаютъ копать, и сей интересный городъ, т.-е. большая его часть, покрытъ виноградными садами. Во время войны, Французскій генералъ Шампіоне послалъ туда надзирателя съ 600 Неаполитанцами и велѣлъ для себя копать. Одну комнату нашелъ онъ совсѣмъ убранную; въ ней было 30 золотыхъ и до 100 серебряныхъ денегъ, нѣсколько сосудовъ, столовъ, серьги и множество драгоцѣнныхъ вещей, много поваренной посуды и пр. Добыча простиралась до 30.000. Несмотря на всѣ предложенія продать все сіе съ выгодою, онъ не хотѣлъ согласиться и все повезъ въ Парижъ. Сей успѣхъ не поощрилъ правительство дѣлать новыя розысканія. Хозяева земель, покрывающихъ Помпею, охотно оныя продаютъ; но запрещено строго копать. Въ Геркуланумѣ мы не были. Гораздо труднѣе откапывать сей городъ, ибо онъ заваленъ окаменѣвшею лавою, а Помпея только мелкими камешками и золою.

9-го сего мѣсяца пошелъ въ Корфу фрегатъ нашъ «Св. Михаилъ» и 8 транспортовъ, нагруженныхъ войсками нашими, отъ самаго начатія войны здѣсь находившимися. Графъ Моцениго поѣхалъ день спустя.

Читая здѣшнія старыя реляціи, нашелъ я много мѣстъ, гдѣ о васъ упоминается; о заключеніи и освобожденіи вашемъ, о причинахъ онаго и проч. Г. Будбергъ, нашъ посолъ при Шведскомъ дворѣ, ѣдетъ сегодня въ Петербургъ.

Я не знаю, можетъ быть, что это ребячество; но свиданіе мое съ братомъ, которое преисполнило меня радостію, даетъ мнѣ крѣпкую надежду скорѣе, нежели думаю, васъ обнять. *Меня* Андр. Яковл. хотѣлъ послать въ Петербургъ курьеромъ, и я уже готовился; но какъ оный, возвращаясь, долженъ заѣхать въ Корфу, то онъ предпочелъ послать морскаго офицера съ фрегата, отправившагося уже въ сей островъ. Говоря о посылкѣ моей, нѣсколько разъ у меня спрашивалъ: не противно ли это будетъ вашему батюшкѣ?

*

Неаполь, Августа 17 (29) дня 1802.

Здѣшній дворъ отправляетъ курьера въ Петербургъ къ дюку Серра-Капріола; онъ ѣдетъ тотчасъ послѣ обѣда. Дѣла очень много; но какъ обязанности мои къ вамъ для меня почти столь же священны, какъ государственная служба, то я, желая исполнить одно и другое, всталъ въ 5 часовъ, дабы имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами, любезный батюшка.

Я бы былъ въ великой тоскѣ, ежели бы двухнедѣльное брата здѣсь пребываніе меня не разсѣяло. Удовольствіе, которое я имѣлъ его видѣть, часто удаляло отъ меня печальныя мысли, которыя съ отъѣзда его опять воскресли и съ большею еще силою наполняютъ воображеніе мое.

Займу васъ теперь нѣсколько описаніемъ здѣшнихъ праздниковъ по случаю супружества Неапольской принцессы съ принцемъ Астурійскимъ. Ея величество въ день прибытія своего 5 (17) Августа имѣла ввечеру въѣздъ въ церковь Св. Януарія. Въ тотъ же вечеръ была въ театрѣ Св. Карла кантата. 7 (19) былъ большой съѣздъ при дворѣ. Княгиня Гагарина и другія дамы были представлены ея величеству. 12 (24) Гишпанскій посолъ маркизъ Мосъ имѣлъ публичный въѣздъ въ городъ; свита была составлена изъ множества придворныхъ каретъ (въ одной былъ онъ самъ) и другихъ экипажей министровъ и дворянства. 13 (25) имѣлъ оный же посолъ публичную аудіенцію, послѣ оной

пошли ихъ величества и фамилія въ придворную церковь, гдѣ кардиналъ, архіепископъ Неапольскій, по прочтеніи папскаго разрѣшенія, благословилъ меньшую принцессу Марію Антоанету въ супружество принцу Астурійскому, коего лицо представлялъ здѣшній наслѣдный принцъ. Невѣста не очень хороша, но стройна и молода. Говорятъ, что Гишпанскій корабль, который имѣетъ пріѣхать сюда за оною принцессою, привезетъ сюда Гишпанскую принцессу, назначенную въ невѣсты его высочеству, наслѣдному принцу Обѣихъ Сицилій. 14 (26) былъ при дворѣ большой съѣздъ; все дворянство допущено было къ цѣлованію руки. Послѣ сего обряда, когда его величество изволилъ сойти съ трона, былъ я ему представленъ г. Италинскимъ. Онъ изволилъ жаловаться, что усталъ, говорилъ, что считалъ людей и нашелъ, что 835 подходили къ ручкѣ. Минутъ съ пять разговаривалъ онъ съ министромъ, будучи очень веселъ, и потомъ ретировался. Пришелъ камергеръ, который объявилъ, что можно видѣть королеву. Мы нашли ее также въ тронной, гдѣ дворянство подходило къ ручкѣ, послѣ чего подошла она къ чужестраннымъ министрамъ. Тутъ представилъ меня г. Италинскій и королевѣ, которая, услыхавъ мое имя, сказала весьма ласково: Il me semble vous avoir vu à Vienne; ou n'avez vous pas passé par cette ville?—Oui, votre majesté, et j'ai même eu le bonheur d'être le porteur de vos dépèches pour sa majesté le roi.—Je vous en suis très reconnaissante, отвѣчала ея величество съ маленькимъ поклономъ. Потомъ представленъ я былъ его высочеству наслѣдному принцу, который жаловался на жары. Ввечеру долженъ былъ быть при дворѣ балъ, но отложенъ, а была въ театрѣ Св. Карла (зданіе рѣдкое въ своемъ родѣ), который весь былъ освѣщенъ, приличная случаю сему кантата. Вчера принесли мнѣ билетъ, коимъ приглашенъ я къ завтрашнему вечеру на балъ, который даетъ ихъ величествамъ и всей фамиліи здѣшнее дворянство. Отдѣлка одной залы стоила, какъ говорятъ, 6.000 дукатовъ или 10.000 р. (почти). Въ три дни, т.-е. 24, 25 и 26 Августа всѣ построенные еще для пріѣзда его величества изъ Палермы храмы, амфитеатры и пр. зданія на площадяхъ, равно какъ и всѣ домы, были иллюминованы. Вотъ вамъ всѣ здѣшнія новости; важнѣйшая же есть, что Андр. Яковл. получилъ уже назначеніе свое къ Портѣ и черезъ мѣсяцъ думаетъ отправиться туда на Англинскомъ фрегатѣ съ г. Друмондомъ, Англинскимъ при здѣшнемъ дворѣ министромъ, также туда назначеннымъ.

*

Неаполь, 26 Августа (7 Сентября) 1802 года.

Въ одинъ изъ сихъ дней былъ я представленъ ихъ Неапольскимъ величествамъ и наслѣдному принцу. Назначенная ему невѣста еще не прибыла, но всякой день ожидается. Балъ, данный здѣшнимъ дворянствомъ королю, былъ весьма великолѣпенъ, и я много танцовалъ. Третьяго дня получилъ я отъ князя Александра Борисовича письмо въ отвѣтъ на мое, писанное по пріѣздѣ моемъ сюда; прилагаю вамъ копію съ онаго. Сія атенція со стороны князя весьма меня тронула, и вообще я не знаю, чего бы я не сдѣлалъ изъ благодарности къ сему доброму и милостивому начальнику. Вамъ извѣстно уже назначеніе или опредѣленіе г-па Италинскаго министромъ въ Буюкдере. Д. П. Татищевъ на его мѣсто. Хотя я съ нимъ и кланялся, но не знакòмъ, а видалъ его часто у вице-канцлера въ Москвѣ и Петербургѣ. Андрей Яковлевичъ не опредѣлилъ еще, когда ѣхать, ибо не получилъ еще инструкціи, отзывной грамоты и пр. Говорять, что новый министръ везетъ еще двоихъ съ собою; весьма мнѣ будетъ непріятно, ежели отнимутъ у меня часть работы. Теперь дѣло мое есть: депеши къ Государю, къ вице-канцлеру, къ графу Кочубею, цидулы въ Коллегію и вписываніе въ журналъ. Пини, который также въ ономъ участіе беретъ, когда слишкомъ много дѣла, ведетъ переписку по-италіянски, пишетъ ноты къ здѣшнему министерству. Шифруемъ и расшифровываемъ вмѣстѣ. И такъ, вы видите, что мы заняты равно оба; ежели же прибавятся еще двое или трое, то не будетъ дѣла почти, особливо, ежели экспедиція Мочениги и всѣ дѣла вообще, касающіяся до Корфу, передадутся г. Италинскому, что̀ болѣе нежели вѣроятно. Совѣтникъ посольства Свѣчинъ, который и не бываетъ даже никогда въ канцеляріи, думаетъ возвратиться въ Россію. Ежели новый совѣтникъ захочетъ трудиться, то не останется мнѣ другого дѣла, какъ бить баклуши; это могу я дѣлать и въ Россіи; по крайней мѣрѣ буду васъ видѣть. Но заранѣе всего предвидѣть нельзя; увидимъ, какъ пойдетъ. Здѣсь непремѣнно нужно быть занятымъ; я видѣлъ и вижу, что̀ дѣлаютъ тѣ, которые праздны; этого довольно было, чтобъ открыть мнѣ глаза. Знатное дворянство здѣшнее не гнушается обойти всякой день всѣ кофейные домы передъ обѣдомъ, всякое послѣ обѣда ѣздить прогуливаться въ Позилипъ (берегъ морской) и всякой Божій вечеръ бывать въ театрѣ. Учителей не взялъ я еще, ибо теперь карманъ мой недостаточенъ; ему будетъ большой подрывъ, ежели Татищевъ не будетъ давать стола. Узналъ я, какъ съ денежками обходиться. Отложу положенную сумму на всякой мѣсяцъ; за нее не буду переходить ни копейкою. Узнавши, роспишу: что̀ всякому учителю, что̀ квартира, что̀ человѣку

и пр. и по доходамъ буду издержки дѣлать. Пріѣхавши сюда, мысль, что имѣю (какъ думалъ) лишнія деньги, ввела меня въ издержки, которыя бы вѣрно остерегся дѣлать, ежели бы все расчислено было. Но не я первый, не я послѣдній, съ которымъ сіе бываетъ. Деньги употребилъ я, можетъ быть, безразсудно, но не гнусно, и сіе меня утѣшаетъ. Бонапарте ассигновалъ Сардинскому королю два милліона ливровъ въ годъ за отнятый у него Піемонтъ. Не знаетъ никто, гдѣ оснуется сей король; иные полагаютъ, что въ Венеціи, другіе, что поѣдетъ въ Сардинію.

*

Неаполь, Сентября 2 (14) дня 1802.

Андрею Яковлевичу пишутъ, что Тамара отправился уже изъ Царьграда въ Россію. Я признаюсь вамъ, что мысль остаться при г. Италинскомъ и желаніе видѣть мѣсто моего рожденія заставляли меня часто думать о перемѣщеніи къ Царьградской миссіи, а теперешнія обстоятельства и состояніе дѣлъ тамъ единственно меня останавливаютъ, и притомъ мнѣ кажется, что менѣе славы сидѣть въ 7 башняхъ ассесоромъ, нежели министромъ. Ежели все тамъ успокоится, и что миссія здѣшняя сдѣлается для меня маловажною по множеству людей, ее занимающихъ, то можно будетъ подумать о перемѣщеніи моемъ. Я слышалъ, что Пини сего уже искалъ черезъ брата; но онъ мнѣ ничего о томъ не говорилъ, ни министръ, которому я прочелъ все то, что̀ вы объ немъ говорите. Онъ мнѣ сказалъ: «Слова батюшки вашего, изъявляющія его желаніе видѣть васъ всегда при мнѣ, чрезвычайно для меня лестны. Поведеніе ваше до сихъ поръ заставляетъ меня тоже самое желать; но вы знаете, что сіе отъ меня не зависитъ. Прошу васъ оное ему при почтеніи моемъ отписать».

На сихъ дняхъ прибыла сюда Гишпанская эскадра, между прочимъ 120 пушечный военный корабль, имѣющій отвезти отсюда наслѣднаго принца, будущаго супруга Гишпанской принцессы. Оный корабль повезетъ также туда Неапольскую принцессу Марію-Антоанету. Обрядъ бракосочетанія ея съ принцѐмъ Астурійскимъ, коего лице представлялъ здѣшній наслѣдный принцъ, и бывшія по сему случаю празднества описалъ я вамъ подробно. Иные говорятъ, что король проводитъ принца и принцессу въ Гишпанію, другіе—что королева, третьи—что никто.

Третьяго дня было здѣсь поутру маленькое землетрясеніе, почти нечувствительное, великая непогода, дождь, а ночью затмѣніе лунное почти совершенное, такъ что изъ прекраснаго мѣсячнаго времени сдѣ-

лалась темная ночь. Всѣ сіи происшествія сдѣлали день сей примѣчательнымъ, и утверждають, что суть предвѣстники изверженія Везувія, который однакожъ и не дымитъ даже. Вчера обѣдалъ у насъ генералъ Fox, братъ извѣстнаго Fox'а, человѣкъ весьма молчаливый. Неапольскія войска, назначенныя уже давно въ Мальту, числомъ болѣе 2000 человѣкъ, туда отправились на 13 транспортныхъ судахъ. Имѣемъ извѣстіе, что войска наши благополучно прибыли въ Корфу и что графъ Мочениго былъ отмѣнно принятъ жителями.

*

Неаполь, Октября 1 (18) дня 1802.

Нашъ совѣтникъ посольства Свѣчинъ по имянному указу отрѣшенъ отъ всѣхъ дѣлъ за поступокъ, большаго наказанія заслуживающій. Говорятъ, что будетъ сюда на его мѣсто Демчинскій, который былъ при васъ въ Варшавѣ. Ежели Пини (что̀ братомъ его легко выпрошено быть можетъ) поѣдетъ въ Царьградъ, то я бы желалъ занимать одинъ мѣсто и жалованье, раздѣляемое мною и имъ. Я чувствую возможность отправлять дѣла безъ товарища, особливо ежели будетъ Демчинскій или другой знающій хорошо по-итальянски и желающій не быть празднымъ, какъ Свѣчинъ. Не худо вамъ это знать, и я на всякій случай предваряю васъ о томъ. Во всякомъ случаѣ я Татищеву безполезенъ не буду, не смотря на то, что, какъ я вижу, миссія будетъ составлена изъ цѣлой почти дюжины, все сверхкомплектныхъ. Онъ можетъ различить лѣнивца, повѣсу и невѣжду отъ того, который ведетъ себя хорошо и имѣетъ охоту работать.

Дворъ, который переѣхалъ жить въ Портичи, наложилъ трауръ на 4 мѣсяца по случаю кончины эрцгерцогини Тосканской, дочери здѣшней королевы. Недавно возвратилась обратно въ Барцелонію Гишпанская эскадра; на оной отбыли здѣшній наслѣдный принцъ и принцесса. Ихъ Неапольскія величества вмѣстѣ, а потомъ порознь намѣревались проводить дѣтей своихъ до Барцелоны, гдѣ желали имѣть свиданіе съ его католическимъ величествомъ, но отмѣнили ради издержекъ.

На прошедшей недѣлѣ былъ я съ княземъ и княгинею Гагариными на ярмонкѣ въ Салернѣ, гдѣ ночевали двѣ ночи; ѣздили также оттуда въ Пестумъ; видѣли сіе древнѣйшее Греческое селеніе, ежели можно такъ назвать оставшіяся еще развалины: три храма, два моста и четыре башенки. Средній храмъ, имѣющій 75 шаговъ длины и 25 ширины всѣхъ огромнѣе, великолѣпнѣе и лучше сбереженъ; всѣ колоны, коихъ 13 въ длину и 6 въ ширину, а всѣхъ 34, почти цѣлы. Каждая колона составлена изъ пяти кусковъ бѣло-красноватаго камня, похо-

жаго на гранитъ нашъ, и я замѣтилъ, что куски сіи не связаны известью, но просто положены одинъ на другой, и все строеніе также, такъ что храмъ можно бы безъ вреда перенесть на другое мѣсто. Внутренность—двѣ стѣны; но по онымъ нельзя судить, какое могло быть расположеніе храма. Потолка нѣтъ ни въ одномъ изъ трехъ храмовъ. Les colonnes sont sillonnées. Прочіе два храма почти той же архитектуры, но число колонъ больше или меньше. Вашъ видъ Пестума похожъ, но не совсѣмъ: много прикрасовъ, которыхъ въ натурѣ совсѣмъ нѣтъ, и можно было сдѣлать лучшій видъ, пользуясь сосѣдствомъ моря, на берегу коего построенъ Греками Пестумъ. Не смотря на розысканія, не могли точно опредѣлить, когда и кѣмъ построенъ Пестумъ.

Король Этрурскій выѣхалъ изъ своихъ областей. Сардинскій по сю пору нигдѣ не оснуется. Говорятъ, что Бонапарте присоединилъ Генную къ Цизальпинской республикѣ; но оное не подтверждается.

Радуюсь, что князь Хованскій наконецъ свое дѣло кончилъ. Я къ нему недавно писалъ и послалъ для дочери двѣ Итальянскія аріи. Курьеръ самъ ихъ хотѣлъ отдать ему.

*

Неаполь, 12 (24) Октября 1802 года.

Кромѣ печальнаго извѣстія объ отъѣздѣ князя Гагарина 13-го сего мѣсяца въ Римъ, не имѣю вамъ ничего сказать. Андрей Яковлевичъ, не имѣя права безъ особеннаго повелѣнія позволить мнѣ выѣхать изъ предѣловъ королевства, согласился охотно, чтобъ я князя проводилъ до границы. Я бы вѣрно того позволенія просить не сталъ, зная, что оно неосновательно; но побужденія князевы ѣхать съ нимъ въ Римъ, а при томъ желаніе, которое я имѣлъ ему доказать, что нѣтъ средства, котораго я бы не употребилъ къ достиженію удовольствія провесть съ нимъ еще нѣсколько времени, заставили меня просить и увѣриться въ истинѣ моего мнѣнія. Я оставилъ ихъ въ Гаетѣ; тамъ мы ночевали. Я съ ними на другой день распрощался; они поѣхали далѣе; а я, дабы сократить свое путешествіе и уменьшить издержки, нанялъ въ Гаетѣ барочку за 20 карлинъ и поѣхалъ въ столичный свой городъ. Мѣстоположеніе Гаеты прекрасно. Одна часть города строеніями своими закрываетъ почти половину довольно высокой и островатой горы, другая стоитъ на вдавшемся въ море мысѣ; здѣсь крѣпость. Третья разбросана по клочкамъ и составляетъ предмѣстія и жилища Гаетскихъ рыбаковъ. Обширный заливъ, окруженный почти весь селеніями; множество кипарисовыхъ деревьевъ; съ одной стороны гора вся бѣлая отъ строенія, съ другой—вся желтая отъ песку и кам-

ня того же цвѣта; далѣе зеленыя горы, покрытыя густымъ кустарникомъ. Сія необыкновенная пестрота дѣлаетъ видъ сей новымъ и пріятнымъ. Разбросанныя по гавани и заливу галеры, шлюпки и другія суда придаютъ ему еще болѣе красоты. Но сколь городокъ сей, довольно хорошо укрѣпленный, хорошъ по мѣстоположенію, столько нечистъ, теменъ и худо застроенъ; улицы чрезвычайно узки; арсеналъ здѣшній неваженъ, и ежели есть въ немъ пушки, то только для того, чтобъ преступники, которыхъ заставляютъ ихъ ворочать безполезно, не были праздны; какъ будто нельзя бы было найти другаго способа съ пользою употреблять руки и силы человѣческія! Но это не первая и не послѣдняя глупость въ Италіи. Я право здѣсь научился разсуждать; не знаю, какъ Итальянцы тому не научаются. Мало вещей, которыя бы не давали къ тому явнаго повода. Но вотъ куда завело меня позволеніе министра ѣхать проводить князя. Потеря милаго сего дома очень для меня чувствительна. Но что̀ дѣлать? Надобно утѣшиться, и притомъ признаюсь вамъ, любезный батюшка, что прекрасные княгинины глаза отъ многихъ хорошихъ предпріятій меня отвлекали*). Теперь за все примусь и путемъ.

Андрей Яковлевичъ снабженъ всѣмъ нужнымъ къ отъѣзду своему и скоро отправится въ нашъ Буюкдере. Писалъ онъ въ Средиземное море къ одному Аглинскому адміралу, испрашивая у него позволенія воспользоваться для переѣзда своего въ Царьградъ находящеюся въ гавани здѣшней Англинскою фрегатою, что̀ вѣрно исполнено будетъ, ибо Англинскій министръ участіе въ ономъ беретъ. Время для мореплаванія теперь плохо. Недавно была около Архипелага буря, отъ которой погибло болѣе сорока судовъ, между прочими четыре транспорта изъ числа одиннадцати, посланныхъ отсюда въ Мальту съ 2.000 войска здѣшняго; одинъ транспортъ былъ съ провіантомъ, прочіе три съ людьми. Сіе несчастное происшествіе очень опечалило городъ.

На сихъ дняхъ прибылъ сюда обратно наслѣдный принцъ, ѣздившій въ Гишпанію за нареченною своею супругою, оставя тамъ меньшую свою сестру, отданную въ супруги Астурійскому принцу. Приданое ея съ деньгами составляетъ 357 т. дукатовъ здѣшнихъ или столько серебряныхъ рублей

Татищевъ пишетъ сюда и препоручаетъ нанять большой домъ; видно, что онъ имѣетъ отеческіе виды на насъ. Желаю очень, чтобъ

*) Княгиня Анна Петровна Гагарина, ур. княжна Лопухина, предметъ рыцарскаго поклоненія императора Павла, была писаная красавица. Она скончалась въ 1805. Супругъ ея, князь Павелъ Гавриловичъ, пережилъ ее на 45 лѣтъ.

онъ велѣлъ также купить столъ, за которымъ бы вся миссія усаживаться могла. Это бы очень выгодно было моему карману, который проситъ у васъ его не забыть. Деньги изъ Россіи сюда грѣшно иначе пересылать какъ на фунты-стерлинги, что̀ очень выгодно. Векселя на Лондонъ здѣсь большими деньгами покупаютъ; всѣ прочіе обороты на другія деньги служатъ только къ обогащенію господъ банкировъ. Разсудите, что за Голландскій червонецъ, который вамъ вѣрно стоитъ 4 р. 50 к., дали мнѣ здѣсь только 3 р. съ небольшимъ, говоря, что съ Голландіею дѣлъ совсѣмъ не имѣется; это и правда. Но подите купить Голландскій червонѐцъ, то заплатите 29 карлинъ или 2 р. 90 к. серебромъ на наши деньги.

Нѣсколько дней тому назадъ возилъ меня Андрей Яковлевичъ съ собою въ Нолу, маленькій городъ, отстоящій отъ Неаполя въ 16 миляхъ здѣшнихъ; видѣли мы тамъ славное собраніе Этрурскихъ вазъ маркиза Вивенція, между коими есть много Греческихъ и нѣсколько Египетскихъ. Надобно знать, что сей маркизъ, заставивши копать землю, имѣлъ счастіе найти множество древнихъ гробницъ. Древніе имѣли обыкновеніе класть съ собою, умирая, лучшія свои вазы. Иные клали семь, три у каждой ляжки и одна надъ головою; другіе только три, по одной на каждомъ плечѣ и одна между ногами. Живопись на оныхъ вазахъ весьма хорошо сохранилась, и видны по меньшей и большей ихъ древности постепенные успѣхи сего художества. Сюжеты рисунковъ взяты почти всѣ изъ баснословія и исторіи Римской и служатъ къ изъясненію многихъ вещей: яко одежды и пр., коихъ были извѣстны одни только имена. Поле вазъ черное, а изображенія прекраснаго померанцеваго цвѣта. Что касается до ихъ формъ, то онѣ безчисленны. Достоинство, которое онѣ также имѣютъ, есть удивительная ихъ легкость. Забылъ вамъ сказать, что изображенія не нарисованы на горшкѣ, но такъ сказать вкоренены въ него, и сіе дѣлалось посредствомъ огня; время никакъ сіе истребить не можетъ. Сіе доказывается тѣмъ, что есть вазы, которымъ болѣе 2.000 лѣтъ, и оное явствуетъ изъ надписей и рисунковъ и пр. Кромѣ вазъ есть здѣсь множество медалей, денегъ, ключей древнихъ, лампадъ и пр., также въ землѣ найденныхъ. Возлѣ Нолы есть гора, изъ которой видъ безподобенъ; показываютъ долину, на которой славный Аннибалъ сражался съ Римлянами.

Министръ въ первый разъ препоручилъ мнѣ сочинить депешу къ князю Куракину о нѣкоторомъ дѣлѣ и нашелъ ее столь исправною, что почти ничего не поправилъ. Завтра велѣлъ къ себѣ быть поранѣе; слѣдовательно двойная польза не ѣздить въ Портичи. Андрей Яковле-

вичъ укладываетъ свою библіотеку для пересылки ея въ Царьградъ. Я имѣлъ честь быть съ годъ вашимъ библіотекаремъ, а потому и въ состояніи ему помогать; но, признаться, трудно возиться съ Арабскими, Персидскими, Греческими и тому подобными книгами. Онъ началъ учиться по-турецки, и я увѣренъ, что, пріѣхавъ въ Царьградъ, будетъ ужъ понимать сей языкъ. Знаете, кто учитель его? Монахъ, родной братъ du chevalier d'Osson, написавшаго что-то о Турціи.

Я получилъ на сихъ дняхъ треть своего жалованья. Я имъ обязанъ, конечно, не своимъ, но вашимъ заслугамъ и отеческому попеченію. Вы мнѣ не откажете и не будете меня бранить за нѣкоторые гостинцы, которые къ вамъ посылаю. Меня все сіе не только не разорило, но даже мало очень стоило; одна только мозаика, которую я купилъ во время проѣзда моего черезъ Римъ, заплачена 8 черв. Голландскихъ; прочее все мелочь здѣшняя, но въ Россіи большой цѣны и рѣдко. Впрочемъ, прилагаю вамъ при семъ всему обстоятельный реестръ, цѣну, описаніе и расписаніе кому что̀ отдать, ибо не забылъ и тетушку и пр. Я было хотѣлъ писать ей; но вдругъ велѣли курьеру готовиться, и я, видя, что не успѣю кончить своего пакета, оставилъ оный. Курьеръ долженъ былъ здѣсь остаться до отъѣзда Андрея Яковлевича; но онъ, желая угодить королевѣ и избавить ее отъ посылки курьера въ Петербургъ, предложилъ ей воспользоваться нашимъ фельдъегеремъ.

*

Неаполь, Октября 21 (Ноября 2 дня) 1802.

Вы спрашиваете, какое посадить дерево на имя мое? Оставляю на ваше благоразсмотрѣніе. Скажу только, что простая береза въ вашемъ саду несравненно болѣе принесетъ мнѣ удовольствія, нежели всѣ кипарисы, кедры и пальмы въ здѣшнемъ королевскомъ саду и всей Италіи, а ежели хотите дерево изъ Италіи, то позвольте мнѣ онымъ быть: ему садъ вашъ будетъ рай земной, а здѣсь оно, не смотря на сильные дожди, которые падаютъ, не можетъ освѣжиться. Вы изволили меня записать въ Калмыки; но я, право, въ оные не просился, по крайней мѣрѣ не думалъ о томъ; ибо, право, очень чувствую, что молоко пріятно, когда есть своя коровка; но есть животныя, которыя требуютъ молока, вмѣсто того, чтобы оное давать. Ежели не ошибаюсь, то ваши 7 Англичанъ въ семъ числѣ. Они, мнѣ кажется, не заслуживаютъ инвалиднаго содержанія: молоды, крѣпки; а одна кампанія, которую они сдѣлали въ село Никольское, не могла ихъ столь изувѣчить. Но на милость образца нѣтъ. Ихъ въ деревнѣ расковали, и они за ваше здоровье по полю прыгаютъ. Не годятся ли они къ тетуш-

кину заводу? Но полно объ нихъ. Мнѣ братъ пишетъ, что Татищевъ въ Москвѣ. Можетъ быть, видѣлись вы съ нимъ гдѣ-нибудь и имѣли случай поговорить. Впрочемъ, я вѣрно все употреблю, чтобъ ему понравиться. Я видалъ его часто у князя Куракина, онъ видѣлъ отмѣнное князя съ нами обхожденіе и не счелъ насъ слѣдственно за какихъ-либо повѣсъ; притомъ мать его, сестры и вся родня очень ласково съ нами обходились. Я очень радъ, что Гагаринъ будетъ къ намъ; онъ малый очень смирный, хорошій и не глупъ. Вы говорите мнѣ о Фастѣ; я не только успѣлъ его видѣть, но и обнять; но я давно поплакалъ уже объ отъѣздѣ его; желаю всѣмъ сердцемъ отплатить ему визитъ его. Ему въ Вѣнѣ вѣрно не скучно съ столь хорошими ребятами, какъ Тургеневъ, Гагаринъ и пр. Я сего совсѣмъ лишенъ. Пиніемъ я доволенъ; по сердце къ нему не клонится: все какъ то не свой братъ Русскій. Вы не можете себѣ, батюшка, вообразить, сколь для меня больно говорить столь рѣдко на своемъ языкѣ, а сіе одно заставляетъ меня иной разъ жалѣть о Евсеѣ. Послѣ отъѣзда князя Гагарина я очень часто и почти всегда дома, ежели не у министра; у Скавронской и Леонтьева бываю рѣдко. Я бы пропалъ со скуки, ежели бы не находилъ чѣмъ заниматься. Съ симъ новымъ мѣсяцемъ начнутся новыя упражненія. Всѣхъ учителей я не въ состояніи теперь имѣть. Мы живемъ въ концѣ города, и они требуютъ ровно вдвое, дабы имѣть чѣмъ платить за экипажъ, который по отдаленности принуждены нанимать. И такъ, до пріѣзда Татищева я только начну по-англински, и на сихъ дняхъ возьму первый урокъ; тамъ увидимъ.

Сардинскій король получилъ отъ Бонапарте повелѣніе оставить Римъ въ непродолжительномъ времени. Вотъ что̀ за вѣрное по крайней мѣрѣ утверждаютъ; не знаютъ еще, какой городъ будетъ избранъ королемъ для пребыванія его. Прошедшее Воскресеніе былъ опять во дворцѣ въ Портичи или, лучше сказать, въ близъ лежащемъ отъ онаго королевскомъ замкѣ, называемомъ Favorita, большой балъ. Я не могъ тамъ быть, ибо накануне занемогъ маленькою лихорадкою, которую черезъ два дня прогналъ голодомъ. Перемѣна времени сему причиною, и я вижу, что всѣ наши сему подвержены. У насъ сильный вѣтеръ и дожди, вотъ и зима здѣшняя. Говорятъ о перемѣнѣ въ Коллегіи нашей и что графъ А. Р. Воронцовъ назначенъ канцлеромъ.

*

Неаполь, Ноября 8 (20) дня 1802.

Теперь лучшее время взяться за ученіе; я ужъ началъ учиться по-англински, платя по 6 дукатовъ (6 р. серебромъ) за мѣсяцъ; учитель будетъ ходить три раза въ недѣлю; мнѣ это кажется очень недорого, тѣмъ болѣе, что онъ первый по Неаполю. Хочется мнѣ приняться также за музыку, а еще болѣе за рисованіе, и сіе желаніе возбуждается во мнѣ всякой разъ, что гляжу изъ моего окна, изъ коего видъ безподобенъ. Желаніе украсить вашъ кабинетъ Неапольскими видами моей работы увеличиваетъ во мнѣ охоту учиться живописи. Здѣсь же есть одинъ родъ весьма легкій для пейзажевъ, а сія работа идетъ притомъ весьма скоро. Ежели всѣ учители столь дешевы, то мнѣ можно будетъ себя удовольствовать во всемъ.

На прошлой недѣлѣ пріѣхалъ сюда Англинскій 38-ми пушечный фрегатъ, который повезетъ на сихъ дняхъ г. Италинскаго въ Царьградъ. Третьяго дня имѣлъ я съ нимъ длинный разговоръ; онъ повторилъ мнѣ желаніе свое имѣть меня при себѣ въ новой своей миссіи, говоря, что большая часть бывшихъ при Тамарѣ отправляется съ нимъ въ Россію. Вотъ что̀ онъ мнѣ сказалъ: «Какъ цѣль ваша не есть умереть какимъ нибудь совѣтникомъ, но быть со временемъ то, что̀ былъ вашъ батюшка, слѣдовательно должны искать случая отличиться. Вы оный съ трудомъ найдете здѣсь, ибо по дѣламъ могли видѣть, что связь наша съ здѣшнимъ дворомъ не столь велика: доказательство тому, что даютъ здѣшній постъ молодымъ людямъ, не занимавшимъ прежде министерскихъ мѣстъ и пр; въ Царьградѣ же смежность земель, торговля, всякій счастливый оборотъ и даже несчастное обстоятельство дастъ поводъ отличиться и случай къ произвожденію. Я могу васъ увѣрить, что, видя въ васъ охоту, мнѣ пріятно будетъ васъ имѣть при себѣ и предупреждаю, что въ Царьградѣ много будетъ работы.» Вотъ, любезный батюшка, выгоды быть въ Константинополѣ. Здѣсь выигрываю я вотъ что̀: ежели Пини перейдетъ въ новую миссію, то надѣюсь занимать одинъ мѣсто канцелярскаго служителя и получать жалованье, теперь между мною и имъ раздѣляемое, какъ оное сдѣлалось съ братомъ его при миссіи князя Гагарина. Совѣтникъ или, лучше сказать, секретарь посольства г. Леонтьевъ въ будущую весну оставляетъ Неаполь, коего климатъ вреденъ здоровью его жены; очень можетъ случиться, что мнѣ дадутъ сіе мѣсто по праву старшинства, особливо ежели Татищевъ обо мнѣ будетъ интересоваться возлѣ графа Алекс. Роман., который ему дядя; а я вѣрно всѣ приложу силы сдѣлаться того достойнымъ. А попавъ разъ въ сіе мѣсто, нельзя меня будетъ переве-

сти къ другой миссіи не на томъ же основаніи. Для отправленія сей должности одна только можетъ быть для меня трудность—министеріальныя ноты, которыя всегда пишутъ на Итальянскомъ языкѣ; но для изученія его имѣю я довольно еще времени. Вотъ, любезный батюшка, перспективы мои въ Неаполѣ и Царьградѣ. Напомнить вамъ нѣкоторое намѣреваемое путешествіе или сказать, куда клонятся мои желанія, есть тоже. Еще забылъ я вамъ сказать: я не просилъ министра писать обо мнѣ, зная, что онъ ужъ просилъ за Пинія; я не хотѣлъ принудить его, можетъ быть, дать мнѣ отказъ, въ боязни докучать министерству частыми просьбами; но ежели бы *мнѣ* пришлось просить, я могу на него сослаться. Пини ничего по сю пору о себѣ не знаетъ, и ежели его не переведутъ, то стало быть и хорошо сдѣлали мы не проситься. Теперь, все вамъ разсказавъ, батюшка, какъ есть, предаю волѣ вашей. Кто можетъ мнѣ дать лучшій совѣтъ, какъ тотъ, который былъ двадцать лѣтъ моимъ благодѣтелемъ и безъ котораго воли я не сдѣлаю никогда шагу? Увидимъ, какъ пойдетъ съ Татищевымъ, а г. Италинскій имѣлъ вчера прощальную аудіенцію; но королева кромѣ того велѣла его пригласить быть къ ней въ назначенный день для приватнаго прощанія. Въ отсутствіе его до прибытія министра остается повѣреннымъ въ дѣлахъ г-нъ Леонтьевъ; его жена, m-elle Кюск(?), говоритъ, что вы часто ѣзжали къ ея матери; она сестра Пестельши, и мужъ и жена прелюбезные и добрые люди. Вашъ сынъ Александръ будетъ секретаремъ по старшинству; но вамъ извѣстно, что я и прежде правилъ сію должность съ Пиніемъ, всякой по своей части, ибо Свѣчинъ даже и въ канцелярію не ходилъ. Въ прошедшую недѣлю поѣхалъ онъ въ Римъ, а оттуда отправится черезъ Вѣну въ Россію. Говорятъ, что въ Римѣ на мѣсто Кассинія будетъ министръ.

Сюда пріѣхала зимовать княгиня Лобанова, князя Якова Ивановича жена; я былъ у нея вчера; нахожу что она потолстѣла; пріѣхала она нездорова. Я спросилъ, есть ли ей легче? Она отвѣчала, что чувствуетъ себя лучше съ тѣхъ поръ, что перешла въ спальню, которая гораздо теплѣе прежней. Разсудите, ежели такъ говоритъ въ Италіи; что̀ скажетъ она, когда возвратится въ Россію?

Есть здѣсь сочиненіе: Storia del' anno 1794, 95, 96... до 1801, заключающее всѣ достопамятныя происшествія Европы въ сіи разныя времена. Мнѣ хочется оное начать переводить, но по-французски, ибо скорѣе кончится; потому что легче съ Итальянскаго на Французское, нежели на Русское переводить. Г-нъ Италинскій внушилъ мнѣ сіе желаніе. 17 томовъ (хотя и не толстыхъ, которые составятъ томовъ 7—8, какъ Всемірный Путешествователь) меня пугаютъ нѣсколько. Что̀ вы

на это скажете, любезный батюшка? Можно бы частію наградить брата и Тургенева; а книга стоитъ перевода; впрочемъ есть подробности и мелочи въ разсужденіи Италіи, которыя можно выкинуть. Какъ рѣчь зашла о книгахъ, то скажу вамъ, что продаются здѣсь 1) Les Antiquités d'Herculanum, 9 vol. folio, прекрасное изданіе, виньеты и истолкованіе, печатано здѣсь дворомъ; каждый томъ стоитъ 9 дукатовъ (9 р. серебромъ), чтò очень дешево, ради красоты изданія. 2) Collection des vases étrusques dessinée par Tischbein; истолкованіе древнихъ изображеній на вазахъ сдѣлалъ г. Италинскій, которому много стоило это трудовъ. Я вамъ говорю о сихъ книгахъ на всякій случай и чтобъ извѣстны вамъ были цѣны. Коллекція стоитъ 9, а истолкованіе 3 дуката.

Теперь, перекрестясь, стану писать первую депешу къ новому канцлеру, которую мнѣ сейчасъ вручили.

Un Anglais, qui vient d'arriver de la Sicile, a apporté la nouvelle que cet île jouit du beau et terrible spectacle de l'erruption de l'Etna; il en a été témoin et est parti quand le volcan, cessant de fumer, a commencé à jetter des tourbillons de flammes, des pierres, des cendres, qui, si l'erruption est grande, parviennent dans les tems venteux jusqu'à Naples. Un ruisseau de lave coule du côté de la mer. Et toi, Vesuve, tu dors? Je voudrais bien voir une erruption, et beaucoup sont de mon avis. Mais je vois que les prières des pauvres habitans du Tor-del-Greco (petite ville située au pied du Vesuve) parviennent plutôt au ciel que celles de nous autres curieux. J'ai décacheté, mon cher papa, pour vous annoncer cette illumination. Я бы поставилъ въ Москвѣ въ Крещенскіе морозы Этну на какой-нибудь площади, только не въ Нѣмецкой слободѣ и не у Салтыкова моста. Я бы охотно теперь пошелъ на Этну, ежели бы могъ васъ оттуда видѣть. Простите еще разъ! Цѣлую ваши ручки. Этотъ годъ надобно будетъ жить безъ снѣгу и льда; а это бѣда въ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ мороженое и хлѣбъ за одно почти почитается.

*

Неаполь, Ноября 10 (22) дня 1802 года.

Я вижу, что вы еще во мнѣ сумнѣваетесь: вы напоминаете мнѣ обязанности мои, а сіе дѣлаютъ только тѣмъ, которые ихъ забываютъ. Правда, что я впалъ нѣсколько въ погрѣшность молодыхъ людей, которые, живучи двадцать лѣтъ въ родительскомъ домѣ на всемъ готовомъ, оный потомъ оставляютъ и имѣютъ вдругъ, вмѣсто прежняго совершеннаго о всемъ безпечія, тысячу заботъ и попеченій объ особѣ своей, поступкахъ, знакомствахъ, связяхъ, издержкахъ и пр., а вмѣсто нѣжнаго отца и наставника, людей, которые только того и

ждутъ, какъ бы обмануть и что-нибудь сорвать. Я сіе не поставляю себѣ извиненіемъ, ибо былъ вами предостереженъ во всемъ; но я до того не дошелъ, чтобы себя разстроить. Впрочемъ божусь вамъ, любезный батюшка, что сто разъ предпочту нуждаться, нежели огорчить васъ, доставляя себѣ что-либо посредствомъ долговъ, коихъ вы мнѣ столь часто повторяли избѣгать. Впрочемъ была ли на меня когда-либо малѣйшая жалоба въ разсужденіи сего? Оставляя Вильну и Москву, не требовалъ я у васъ ничего на заплату какого-нибудь долга; и здѣсь, не долженъ будучи ни копейки, я бы долженъ читать письмо ваше съ равнодушіемъ и даже съ удовольствіемъ; но я столь отъ сего далекъ, что съ великимъ нетерпѣніемъ жду будущее ваше письмо, которое меня можетъ успокоить. Подозрѣніе ваше одно, которое меня столь трогаетъ, должно вамъ быть доказательствомъ, что оно никогда не оправдается.

P.S. Теперь я буду первая особа послѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Вамъ есть чѣмъ величаться. Прошу милостиво извинить сіе хвастовство; но мнѣ, право, пріятно говорить вамъ все, что̀ думаю. Письмо писано скоро, и не знаю, успѣю ли пробѣжать оное. И такъ, не прогнѣвайтесь, ежели вторая особа при Неапольской миссіи ошиблась въ чемъ-нибудь.

*

Неаполь, 24 Ноября (6 Декабря) 1802 г.

Благодарю васъ, любезный батюшка, за намѣреніе ваше поговорить обо мнѣ съ Татищевымъ. Я какъ будто имѣлъ предчувствіе, что онъ нѣкогда будетъ моимъ начальникомъ, ибо гдѣ его ни встрѣчалъ, всегда отмѣнную ему оказывалъ учтивость. Впрочемъ я не думаю, чтобы онъ могъ отказать благосклонность свою человѣку, который всѣ свои силы употребитъ, чтобы ее снискать. По стараніямъ, которыя прилагалъ г. Италинскій къ моему, такъ сказать, дипломатическому воспитанію, я предстану предъ Татищевымъ уже не новичкомъ и ручаюсь вамъ заранѣе, что онъ будетъ мною доволенъ. Я вамъ писалъ о перспективѣ моей въ Неаполѣ, которая есть занять мѣсто г. Леонтьева, который въ будущемъ Маѣ думаетъ оставить постъ свой, дабы возвратиться въ Россію; оное можетъ сдѣлаться, ежели Т. только захочетъ; а чтобы онъ оное захотѣлъ, буду стараться всѣми силами. Сей шагъ былъ бы хорошъ и сдѣлалъ бы основаніе твердое службѣ моей. Богъ милостивъ!

Вы изволите говорить, что полагаете нравоученія ваши для меня ненужными. Хотя сіе меня и льститъ и очень радуетъ; но я васъ прошу оныя мнѣ повторять иной разъ, ибо они великое дѣлаютъ во мнѣ

впечатлѣніе и побуждаютъ меня еще болѣе хорошо себя вести. Что̀ касается до денегъ, то болѣе объ нихъ не упоминайте: я ужъ сытъ вашими упреками и, право, ихъ болѣе никогда не заслужу; я взялъ въ томъ твердое намѣреніе и никогда вамъ, любезный батюшка, не дамъ повода къ неудовольствію съ сей стороны или съ другой какой-либо. Прошу вашу ручку, которую въ залогъ сего цѣлую отъ всей души.

Поклонъ мой князю В. А. Хованскому и прекрасной его пѣвицѣ; скоро надѣюсь прислать ей другую арію; княжнѣ Софьѣ также что нибудь отъ меня извольте сказать. Поздравляю васъ съ сосѣдствомъ Французской трупы, которая будетъ съ садомъ вашимъ доставлять вамъ отраду.

Съ тѣхъ поръ, что нѣтъ Гагариныхъ, возбудилось во мнѣ сильное желаніе быть все до̀ма и работать, и въ истинѣ сего беру въ свидѣтели весь Неаполь. Графиня Скавронская сказала мнѣ: я напишу батюшкѣ твоему, что ты меня оставилъ и дѣлаешься мизантропомъ. Но ее мудрено удовольствовать, ибо требуетъ, чтобъ я всякой Божій день у нея бывалъ. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ книгъ для чтенія. Мнѣ попался на улицѣ томъ Вольтера, которому столь обрадовался, что знаю почти наизусть. Диксіонеры также очень рѣдки, и я не могу нарадоваться, что къ счастію взялъ съ собою Французской и Русской лексиконъ. Послѣ уѣхавшаго нашего Свѣчина купилъ я Троца и много Нѣмецкихъ книгъ, путешествій, всеобщую исторію и пр.; есть чѣмъ помнить Нѣмецкій языкъ, къ которому я столь сильно привязанъ.

У меня возобновилась здѣсь моя Петербургская глазная болѣзнь. Я думалъ, что все само собою пройдетъ; но наконецъ принужденъ былъ по всеобщему совѣту поставить въ затылкѣ Шпанскую муху, которая чрезвычайно много вытянула мокротъ и много мнѣ сдѣлала добра не только глазамъ, но и глухому уху. Слава Богу, что все прошло и что я могу вмѣстѣ извѣстить васъ и о болѣзни и о выздоровленіи. Я бы даже не упомянулъ сего, ежели бы оно не служило къ оправданію меня передъ вами, любезный батюшка, ибо нѣсколько почтъ вамъ не писалъ.

Наша миссія умножилась пріѣхавшимъ сюда недавно изъ Парижа титулярнымъ совѣтникомъ Рихтеромъ, причисленнымъ къ намъ сверхъ штата; но мы къ удивленію нашему не имѣемъ объ немъ никакого изъ Коллегіи сообщенія. Онъ кажется очень смирный и хорошій малый и увѣряетъ, что Парижъ не только не можетъ развратить порядочнаго человѣка, но напротивъ того придаетъ ему ума. Его отецъ губернскій

гражданинъ въ Ригѣ, а онъ самъ хорошій музыкантъ и пѣвецъ. Надѣюсь, что онъ мнѣ будетъ хорошій товарищъ; но болѣе всего жду Гагарина, котораго я очень знаю за прелюбезнаго малаго.

Неаполь населяется множествомъ Англичанъ и дамъ. Третьяго дня была у графини Питова племянница и богатый лордъ Беверлей съ фамиліею. Ждутъ сюда на сихъ дняхъ Англичанку, которая столь прекрасна, что принуждена всегда быть покрытою d'un voile: безъ сей предосторожности всѣ за нею бѣгаютъ и останавливаются, чтобы на нее смотрѣть.

Дворъ переѣхалъ въ Казерту; но говорятъ, что на карнавалъ будетъ въ городѣ и дастъ большой балъ.

А. Н. КРЕНИЦЫНЪ.

Въ 6-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“, 1898 года въ статьѣ „Четверостишіе А. С. Пушкина къ портрету П. Х. Молоствова“, встрѣчается упоминаніе о родномъ моемъ дядѣ, А. Н. Креницынѣ. При этомъ говорится, будто Креницынъ былъ одно время высланъ за границу, но потомъ прощенъ и жилъ *безвыѣздно* у себя въ имѣніи Псковской губерніи, *Лужскаго* уѣзда“.

Въ виду нѣкоторой неточности, вкравшейся въ это сообщеніе, нелишними будутъ нижеслѣдующія свѣдѣнія.

Александръ Николаевичъ Креницынъ родился 5 Марта 1801 года. Воспитывался онъ сначала въ первой Петербургской Гимназіи, гдѣ товарищемъ его былъ князь А. М. Горчаковъ (до поступленія въ Лицей). Въ Сентябрѣ 1812 г. Креницынъ перешелъ въ Пажескій Корпусъ. Здѣсь его товарищами были К. В. Чевкинъ, Я. И. Ростовцовъ, Е. А. Баратынскій, А. Л. Философовъ и др. Съ Ростовцовымъ и Баратынскимъ А. Н. Креницынъ былъ связанъ узами тѣснѣйшей дружбы, которая не прекращалась до самой смерти того и другого. Будучи пажемъ, Креницынъ сталъ писать стихи. Сыновья извѣстнаго силача Лукина познакомили его съ А. А. Бестужевымъ, тогда юнкеромъ лейбъ-драгунскаго полка. Бестужевъ поощрялъ поэтическій талантъ Креницына [1]). Съ Баратынскимъ, сердечнымъ другомъ своимъ, Александръ Николаевичъ обмѣнивался посланіями Въ „Сынъ Отечества“ 1819 г. (ч. 55, стр. 181, № 6) напечатано слѣдующее посланіе Баратынскаго къ А. Н. Креницыну [2]):

Къ Креницыну.

Товарищъ радостей младыхъ,
Которыя для насъ безвременно увяли,
Я свидѣлся съ тобою! Въ объятіяхъ твоихъ
Мнѣ дни минувшіе, какъ смутный сонъ, предстали.
О, милый! Я съ тобой когда-то счастливъ былъ!

---

[1]) Нѣкоторые стихи А. Н. Креницына были напечатаны: въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., и одно, въ томъ же году, отдѣльною брошюрою; нѣсколько стихотвореній помѣщено Креницынымъ въ журналѣ А. А. Воейкова „Славянинъ“, а одно стихотвореніе „Къ брату Б. Н. К.“ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1828 г.

[2]) Посланіе это не вышло въ собранія „Стихотвореній Баратынскаго“.

Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья,
И живость дѣтскихъ чувствъ, и сладость упованья!
Все хладный опытъ истребилъ.
Узналъ-ли друга ты? Болѣзни и печали
Его состарили во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Ужъ много слабостей тебѣ знакомыхъ нѣтъ,
Ужъ многія мечты ему чужими стали!
Разсудокъ тверже и вѣрнѣй,
Поступки, разговоръ скромнѣе.
Онъ осторожнѣй сталъ, быть можетъ, сталъ умнѣе,
Но, вѣрно, счастіемъ теперь стократъ бѣднѣй.
Не подражай ему; иди своей дорогой,
Живи для радости, для дружбы, для любви;
Цвѣтокъ нашелъ, скорѣй сорви:
Цвѣты прелестны лишь весною!
Когда разсѣянно, съ уныніемъ внимать
Я буду снамъ твоимъ о будущемъ, о счастьѣ,
Когда въ мечтахъ твоихъ не буду принимать,
Какъ прежде пылкое, сердечное участье,
Не сѣтуй на меня, о другѣ пожалѣй.
Все можно возвратить— мечтанья невозвратны!
Такъ, были нѣкогда и мнѣ они пріятны,
Но быстро скрылись отъ очей.
Я легковѣренъ былъ: надежда, наслажденье
Меня съ улыбкою манили въ темну даль,
Найти я радость мнилъ—нашелъ одну печаль,
И сердцу милое исчезло заблужденье.
Но для чего грустить? Мой другъ еще со мной,
Я не всего лишенъ судьбой ожесточенной.
О, дружба нѣжная, останься неизмѣнной;
Пусть будетъ прочее мечтой!

Евгеній Баратынскій.

Въ томъ же 1819 году „Сына Отечества“ (№ XXXVI, стр. 137—138) было напечатано нижеприводимое стихотвореніе А. Н. Креницына. Но прежде чѣмъ его привести, надо сказать нѣсколько словъ. Креницынъ, въ бытность еще пажемъ, рано заявилъ свое поэтическое дарованіе. Мы уже говорили, что одна изъ звѣздъ литературной критики 1820-хъ годовъ, благородный и глубоко сочувствовавшій интересамъ родной словесности А. А. Бестужевъ рано замѣтилъ талантъ Креницына и поощрялъ его. Нѣсколько стихотвореній поэта-пажа ходили по рукамъ, въ рукописныхъ спискахъ; но особенный говоръ возбудило бойкое, юмористическое его стихотвореніе: „Панскій бульваръ“, въ которомъ онъ зло и умно осмѣивалъ недостатки многихъ лицъ, въ томъ числѣ довольно высоко стоявшихъ на іерархической

лѣстницѣ чиновъ... Противъ поэта поднялась гроза; хотѣли исключить его изъ Пажескаго корпуса, бранили, преслѣдовали, и молодой человѣкъ, выведенный изъ себя, отвѣчалъ сильнымъ и смѣлымъ стихотвореніемъ, которое, и было напечатано въ томъ же 1819 году. Вотъ оно:

Къ врагамъ.

Враги ничтожные моей правдивой Музы!
Мой геній оковать не въ силахъ ваши узы.
Бичемъ я буду злыхъ, доколѣ злые есть:
Правдивымъ быть велитъ, коль не разсудокъ, честь!
Пусть гнусные льстецы вамъ похвалы сплетаютъ;
Пускай въ смиреніи святымъ уподобляютъ,
Пусть гимны вамъ поютъ; но я, я не таковъ!
Косой взглядъ мудраго страшнѣе мнѣ враговъ;
При видѣ подлеца не сохраню молчанья,
Лесть—въ краску приведу, распутство—въ содроганье!
Долгъ благородныхъ душъ—порокъ изобличать,
Личину честности съ безчестнаго срывать.
Виновенъ-ли я въ томъ, что злымъ кажусь невѣждѣ,
Что добродѣтель чту, не кланяясь одеждѣ?
Я прославлять съ пеленъ одно добро привыкъ;
Что̀ сердце чувствуетъ, не скроетъ то языкъ!
Гоните же меня, гоните клеветами,
Глупцы! Я тѣмъ горжусь, что ненавидимъ вами.

А. Креницынъ.

„Радости молодости“ для Баратынскаго и Креницына „безвременно увяли“: въ 1817 году, какъ извѣстно, Баратынскій былъ разжалованъ въ солдаты и находился тогда въ Финляндіи; вскорѣ послѣ того, а именно въ Апрѣлѣ 1820 года*), и молодой поэтъ Креницынъ также разжалованъ въ рядовые и опредѣленъ въ 18-й Егерскій полкъ, въ 9-ю дивизію 3-го корпуса. Причина несчастія, постигшаго Креницына, заключалась въ вспыльчивости и горячности молодого человѣка; горячность вовлекла его въ тяжкое оскорбленіе одного изъ гувернеровъ, за что и пришлось ему поплатиться трехлѣтней службой въ нижнихъ чинахъ. Въ 1823 году онъ произведенъ въ прапорщики, и затѣмъ только въ 1828 году удалось ему выпроситься въ отставку. Онъ уволенъ подпоручикомъ арміи.

По выходѣ въ отставку Креницынъ поселился въ своемъ красивомъ имѣніи Мишневѣ, близъ Петербургской большой дороги, *въ Великолуцкомъ уѣздѣ*, Псковской губерніи. А. С. Пушкинъ и дядя мой были сосѣдями по имѣніямъ и посѣщали другъ друга. Въ 1837 году Креницынъ былъ на панихидѣ по Пушкинѣ и провожалъ колесницу, увозившую останки поэта

*) Т.-е. почти въ тоже время, какъ сосланъ былъ и Пушкинъ. П. Б.

въ Святыя Горы. Нѣсколько дней спустя по кончинѣ Пушкина, сестра его, Наталья Николаевна, попросила у него стиховъ въ альбомъ. Вотъ что отвѣчалъ Креницынъ:

Нѣтъ! Не до пѣсенъ мнѣ, сестра,
Когда поэтъ, кумиръ народный,
Еще подъ лаврами вчера,
Увы! сегодня трупъ холодный.

*

Могу ль я слезы удержать,
Пѣвца Полтавы вспоминая?
И какъ не плакать, не рыдать,
Когда рыдаетъ Русь Святая?

*

О, сколько сладостныхъ надеждъ,
И думъ завѣтныхъ, и видѣній,
На радость сильныхъ и невѣждъ,
Ты въ гробъ унесъ, могучій геній!

*

Во мракѣ ссылки былъ онъ твердъ,
На лонѣ счастья—благороденъ,
Съ временщикомъ и смѣлъ, и гордъ,
. . . .

*

Такъ, Пушкинъ, именемъ твоимъ
Гордиться вѣчно Русскій будетъ!
Кого жъ теперь мы слѣпо чтимъ,
Потомство скоро позабудетъ.

*

И кто жъ убійца твой? Пришлецъ,
Барона пажикъ развращенный,
Порока жалкій первенецъ,
Французъ продажный и презрѣнный! *).

*

Да будетъ проклятъ сей Французъ,
Да будетъ проклятъ мигъ кровавый,
Который насъ лишилъ и Музъ,
И лучшей радости, и славы!

*

И нѣтъ его! Въ могилѣ онъ!
Ужъ нѣтъ народнаго кумира,
Поэта непробуденъ сонъ,
Замолкла пламенная лира!

С.-Петербургъ. 10-го Февраля 1837 г.

---

*) Дантесъ-Геккернъ, сенаторъ при Наполеонѣ III-мъ (имѣвшемъ наглость выбрать его для посылки письма своего въ Берлинъ къ императору Николаю Павловичу), скончался 84 лѣтъ отъ роду, въ Сультцѣ (въ Эльзасѣ), 24 Октября 1895 года стараго стиля. Отъ брака съ Екатериной Николаевной Гончаровой († 1844), старшею сестрою жены А. С. Пушкина, имѣлъ онъ сына и двухъ дочерей. Нѣкоторые Русскіе продолжали съ нимъ знакомство. И. С. Тургеневъ намъ сказывалъ, что познакомился съ нимъ на обѣдѣ у нашего посла, графа П. Д. Киселева, посадившаго ихъ рядомъ. Дантесъ-Геккернъ былъ въ нашей Парижской церкви на отпѣваніи И. С. Тургенева. П. Б.

Поселясь въ деревнѣ, Креницынъ весь отдался чтенію книгъ. Изъ за границы, куда онъ часто ѣздилъ, Александръ Николаевичъ привозилъ въ свое Мишнево много книгъ, гравюръ, эстамповъ, литографій и различныхъ рѣдкостей. Только изрѣдка А. Н. Креницынъ сѣдлалъ своего Пегаса; но и то, чуждый авторскаго самолюбія, не печаталъ своихъ живыхъ и остроумныхъ посланій и эпиграмъ, которыя однако быстро расходились въ спискахъ въ средѣ знакомыхъ и друзей „Мишневскаго пустынника". Въ Мишневѣ у дяди была многотомная библіотека, гдѣ хранилось много интересныхъ рукописей, замѣтокъ и брошюръ на иностранныхъ языкахъ, главнымъ образомъ по исторіи вообще и по исторіи Россіи и Франціи въ особенности. Съ 1829 года ежегодно выписывалъ онъ до 30 газетъ и журналовъ. Все это сокровище было передано М. И. Семевскому въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Мишнево, послѣ смерти дяди, послѣдовавшей въ 1865 году, его наслѣдникомъ Закржевскимъ.

Москва, 25 Іюня 1898 г.

Генералъ-лейтенантъ Николай Владимировичъ Креницынъ.

ЧТО ТАКОЕ РЫСКАМОРА И КИКАМОРА.

(Къ стр. 280-й).

Слово „рыскамора" есть ничто иное, какъ „**Rüstkammer**" (припомните: „**sich rüsten, Rüstung**") и здѣсь обозначаетъ кладовую для оружія. Вообще же „**Rüstkammer**" обозначаетъ комнату, гдѣ собрано все, что́ нужно для снаряженія человѣка на какое-либо дѣло, напр. на войну, на путешествіе, на выходъ на сцену для актера и т. д. Это слово употребляется даже и относительно ученыхъ, напимѣръ химиковъ, докторовъ и т. п., когда „**Rüstkammer**"-ой называютъ складъ ихъ химическихъ, анатомическихъ и т. д. препаратовъ. Слово же „кикамора" я не могу объяснить, хотя подозрѣваю, что тутъ ключъ таится въ глаголѣ „**kiecken**", **gucken**, т.-е. „высматривать". Но была ли это *комната, изъ которой наблюдали за кѣмъ или чѣмъ либо*, или же это была тоже *кладовая, гдѣ хранилось все достойное внимательнаго разсмотрѣнія*—не знаю.

А. С.

«ГОРЕ ОТЪ УМА» ВЪ ПЕРМСКОЙ МЕЖЕВОЙ КОНТОРѢ *).

29 Сентября 1831 года старшій землемѣръ титулярный совѣтникъ Мельниковъ, землемѣръ Ивановъ и дневальный Михайловъ подошли къ столу директорскому въ чертежной комнатѣ, и притомъ усмотрѣли на столѣ лежавшій на двухъ листахъ написанный собственный экземпляръ Кудрявцева руки, какіе-то стихи. Но какъ по содержанію ихъ можно почесть за пасквиль, а если и не таковымъ, то по крайней мѣрѣ сіи партикулярныя и безполезныя бумаги при должности писать или ихъ въ присутственномъ мѣстѣ оставлять законами воспрещено. Вслѣдствіе онаго онъ Мельниковъ поставилъ себѣ въ обязанность означенныя бумаги, давъ подписать дежурному Яковлеву и дневальному Михайлову, нынѣ въ оригиналѣ Конторѣ представить и просилъ взять, какъ поступокъ землемѣра Кудрявцева, равно и смыслъ сочиненныхъ имъ стиховъ, на разсмотрѣніе; ибо они, по мнѣнію его (Мельникова) въ законопротивномъ духѣ писаны на нѣкоторыя государственныя *заведенія* и составляютъ упрекъ педаготическому (sic) инструменту. Съ тѣмъ вмѣстѣ Контору проситъ о томъ, какъ до свѣдѣнія его дошло, что многіе дежурные въ Чертежной Конторѣ очереди свои замѣняютъ не сами лично, а чрезъ наемъ, или иные условясь съ другими чиновниками, то, дабы прекратить таковые безпорядки, приказано было по дошедшей очереди каждому, самому за себя дежурить лично, а въ случаѣ пропущенія за болѣзнью по выходѣ къ должности задерживать свою пропущенную очередь.

Изъ листовъ же, взятыхъ имъ Мельниковымъ, въ Чертежной на директорскомъ столѣ, писанныхъ рукою Кудрявцева, видно. „*Фамусовъ*: Ну вотъ великая бѣда, что выпьетъ лишнее мужчина; ученье — вотъ чума, ученость — вотъ причина, что нынче пуще, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей, и дѣлъ и мнѣній. *Хлестова*: И впрямъ съ ума сойдешь отъ этихъ отъ одниxъ отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ звать? ланкарточныхъ взаимныхъ обученій. *Княгиня*: Нѣтъ въ Петербургѣ институтъ, педаготическимъ какъ кажется зовутъ, тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣріи профессора! У нихъ учился нашъ родня и вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерье. Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня, чиновъ не хочетъ знать; онъ химикъ, онъ ботаникъ, князь Ѳедоръ мой племянникъ. *Ска-*

*) Извлечено изъ архива Московской Межевой Канцеляріи, дѣло № 4509, картонъ 32-й. Началось 23 Октября 1831, рѣшено 5 Октября 1833.

лозубъ: Я васъ обрадую, всеобщая молва, что есть проэктъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій; тамъ будутъ лишь учить по нашему разъ-два, а книги сохранять такъ для большихъ оказій. ***Фамусовъ***: Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь, забрать всѣ книги бы, да сжечь. ***Загорѣцкій***: Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь, а еслибъ между нами былъ цензоромъ назначенъ я, на басни бы налегъ. Ахъ Боже, смерть моя, насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами; какъ чтò ни говори, они, хоть и животныя, а все-таки цари. ***Хлестова***: Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ, тамъ все равно отъ книгъ-ли отъ письма-ль, а Чацкаго мнѣ жаль, по христіански такъ онъ жалости достоинъ. Былъ добрый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три. ***Фамусовъ***: четыре! ***Хлестова***: Три сударь. ***Фамусовъ***: четыреста. ***Хлестова***: Нѣтъ триста: ***Фамусовъ*** въ моемъ календарѣ... ***Хлестова***—все врутъ календари".

На что Контора резолюціею своею того же числа заключила предписать землемѣру Кудрявцеву указомъ и велѣть подать въ сію Контору, не продолжая, болѣе одного дня, объясненіе въ томъ: 1) Въ какомъ случаѣ опредѣляетъ онъ, будто бы ученіе есть чума и причина, что нынче пуще чѣмъ когда безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній, и изъ какихъ именно событіевъ, дѣлъ и мнѣніевъ онъ то заключаетъ. 2) Почему онъ себѣ дозволилъ, вопреки мудрому распоряженію правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей, что якобы „и впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ", ибо всѣми благонамѣренными людьми утверждено, что они есть разсадникъ образованія, ума и нравственности, какъ благодѣтельное ланкарточное обученіе и занятіе упражняющихся въ географіи и прочихъ теоретическихъ наукахъ, служащихъ къ счастію благоучрежденнаго государства. 3) Кто его увѣрилъ, или съ какого повода онъ дерзнулъ написать, что въ педагогическомъ С.-Петербургскомъ институтѣ упражняются въ расколахъ и безвѣріи профессора, и говоритъ то тогда, когда небезъизвѣстно ему, что въ педагогическомъ институтѣ воспитывались начальникъ его членъ Прутковскій и второй Корбеленцкій, и на какую онъ родню указываетъ, что будто бы вышедъ изъ онаго можетъ быть подмастерьемъ въ аптекѣ, ибо въ оный поступаютъ только для окончанія высшихъ наукъ, и слѣдовательно таковымъ его выраженіемъ на чье лицо дѣлаетъ пасквильное порицаніе? 4) Въ семъ смыслѣ наводитъ сомнѣніе дальнѣйшее его описаніе. Того ради обязанъ онъ неоспоримыми объяснить доводами: А) гдѣ и какъ дошла до него всеобщая молва о таковомъ всеобщемъ разрушеніи учебныхъ заведеній, какъ онъ пишетъ, „что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій, тамъ будутъ лишь учить по нашему разъ-два и книги сохранять такъ для большихъ оказій"; притомъ объяснить, какой въ себѣ заключаетъ смыслъ выраженіе „по нашему разъ-два". В) Какое онъ разумѣетъ зло, для пресѣченія коего потребно „забрать всѣ книги бы да сжечь". С) Съ какимъ намѣреніемъ онъ вложилъ въ уста нареченнаго имъ Загорѣцкаго, что „еслибъ былъ цензоромъ назначенъ, онъ на басни бы налегъ". Будто-бъ басни смерть его, ибо якобы „насмѣшки вѣчныя надъ львами надъ орлами, какъ чтò ни говори,

они, хоть и животныя, и все-таки цари" и прочее, изражаемое чрезъ посредницу его наименованную имъ Хлестову. D) Чѣмъ онъ руководствовался при должности писать стихи, что доказывается тѣмъ, ибо еще они не окончены, и для чего онъ то свое сочиненіе оставилъ при должности, не съ тѣмъ-ли намѣреніемъ, дабы внушить прочимъ его сослуживцамъ, о чемъ ему, Кудрявцеву, отъ 6-го числа Октября за № 1.651 предписано указомъ.

„Вслѣдствіе каковаго предписанія землемѣръ Кудрявцевъ рапортомъ, поданнымъ Ноября въ 7-е число, Конторѣ объяснилъ, что стихи такъ-называемые землемѣромъ Мельниковымъ и предъявленные присутствію сей Конторы, въ законопротивномъ духѣ имъ понятые, суть копія съ выписки сочиненной г. Грибоѣдовымъ, какъ значилось на бумагѣ, съ которой они списаны. Оригиналъ таковыхъ найденъ былъ на дорогѣ, и какъ бумага была запачкана, такъ что кой-какъ можно было разбирать, то въ свободныя минуты въ квартирѣ онъ ихъ переписывалъ; они въ бумагахъ нечаянно занесены въ чертежную, и какъ онъ приводитъ себѣ на память, были отложены и здѣсь забыты, смѣетъ оправдывать ихъ: они не представляютъ пасквилей духа законопротивнаго и вольнаго, изображаютъ характеры непросвѣщенныхъ: для нихъ кажется ученье чумою. Другой судитъ—книги забрать, да сжечь и прочее. Вотъ все значеніе стиховъ. Они по видимому разговору не имѣютъ ни конца и ни начала. А симъ неоспоримо подтверждалъ и самую истину его объясненія".

*

Московская Межевая Канцелярія, куда былъ препровожденъ рапортъ Пермской Межевой Конторы, выдержка изъ котораго приведена выше, не придала, къ чести ея, никакого значенія этому наивно-невѣжественному доносу и не нашла въ немъ основанія для того чтобы, какъ требовала Пермская Контора, исключить изъ службы Кудрявцева, переписывавшаго въ свободныя отъ служебныхъ занятій минуты найденный имъ на дорогѣ отрывокъ изъ *Горе отъ Ума*, нынѣ помѣщаемый во всѣхъ изданіяхъ безсмертной комедіи. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Князь Н. Шаховской.

ОБЪ АРХИМАНДРИТѢ ФОТІИ.

(Изъ семейныхъ разсказовъ).

У Фотія было пять двоюродныхъ братьевъ отъ родной сестры его матери. Старшему изъ нихъ онъ помогъ поступить въ село дьячкомъ, на мѣсто умершаго его отца. Другихъ двухъ онъ убѣдилъ впослѣдствіе поступить къ нему въ монастырь. Четвертаго, двѣнадцатилѣтняго мальчика онъ самовольно взялъ къ себѣ, не спросивъ согласія у матери его. Мальчикъ этотъ учился уже въ духовномъ училищѣ, и Фотій взялъ его изъ училища съ тою цѣлью, чтобъ избавить тетку свою отъ лишнихъ заботъ и издержекъ. Мальчикъ этотъ впослѣдствіи былъ преемникомъ Фотія, настоятелемъ Юрьевскаго монастыря. Пятому своему брату Фотій далъ возможность кончить курсъ въ Духовной Семинаріи и хотѣлъ было заманить въ свой монастырь, но не могъ этого сдѣлать, при всемъ своемъ желаніи.

Дѣло было такъ. По окончаніи курса, этотъ двоюродный братъ Фотія пришелъ къ нему погостить, какъ онъ это дѣлалъ и раньше. Въ это время Фотій сталъ настойчиво убѣждать его поступить въ монастырь. Братъ отговаривался тѣмъ, что онъ не готовъ еще къ жизни монашеской. Фотій взялъ его за руку, привелъ его въ свою моленную и, сказавъ ему: „нечего тебѣ объ этомъ думать много, а молись вотъ Богу“, заперъ его въ этой комнатѣ на ключъ и ушелъ. Чрезъ нѣсколько часовъ Фотій выпустилъ брата изъ моленной и спросилъ: „ну, что?“ Братъ, боясь раздражить Фотія, сказалъ ему, что онъ теперь согласенъ поступить въ монастырь, но прежде всего желаетъ съѣздить къ матери въ деревню, повидаться и проститься съ нею. Фотій спокойно его отпустилъ. Но онъ въ скоромъ времени нашелъ себѣ невѣсту, женился и былъ опредѣленъ священникомъ къ Спасо-Преображенской церкви въ Новгородѣ. Это было въ 1824 году.

Послѣ сего страннымъ можетъ казаться слѣдующее. Сестра этихъ братьевъ Фотія, когда ей было около 18 лѣтъ, пожелала поступить въ монастырь и пріѣхала къ Фотію за благословеніемъ. Фотій сталъ сильно отговаривать ее отъ монастыря, обѣщаясь найти ей хорошаго жениха изъ студентовъ семинаріи и выхлопотать ему хорошее священническое мѣсто. Но та упала Фотію въ ноги и со слезами умоляла его благословить ее въ монастырь. Фотій, видя ея непреклонность, далъ ей свое благословеніе, и она поступила послушницей въ Новгородскій Звѣриновъ монастырь. Увидя вскорѣ послѣ сего игуменью Звѣринова монастыря, Фотій просилъ ее подвергнуть сестру его самому тяжелому искусу, надѣясь чрезъ это заставить ее оставить монастырь. Такъ какъ Фотій пользовался большимъ уваженіемъ въ монастыряхъ Новгорода и окрестныхъ, то игуменья въ точности исполнила просьбу его и подъ строгимъ надзоромъ заставила сестру Фотія, кромѣ

неопустительнаго посѣщенія церковныхъ службъ и особыхъ молитвенныхъ стояній, исполнять всевозможныя монастырскія работы. Евѳимія нѣсколько времени все безропотно исполняла, но, наконецъ, у нея не достало болѣе силъ, и она тяжко заболѣла. Приняты были всѣ мѣры къ ея излѣченію, и она чрезъ нѣсколько времени совсѣмъ поправилась. Послѣ сего Фотій, призвавъ ее къ себѣ, сталъ опять убѣждать ее оставить монастырь, но та осталась попрежнему непреклонною. Тогда только Фотій оставилъ ее въ покоѣ и даже просилъ игуменью не отягощать ее впредъ монастырскими работами. Съ этихъ поръ Евѳимія окончательно поселилась въ монастырѣ, приняла постригъ и прожила въ немъ слишкомъ 60 лѣтъ. Фотій послужилъ для нея образцомъ въ жизни, которому она неуклонно слѣдовала.

Говорятъ, что Фотій широко пользовался деньгами графини Орловой лично для себя. Но это невѣрно. Фотій почти вовсе не тратилъ денегъ на себя, такъ какъ обстановка у него была самая обыкновенная; образъ жизни велъ онъ строгій и былъ настоящій постникъ. Извѣстно, что въ Великомъ посту онъ съѣдалъ въ день одну просфору обыкновенной величины. Его строгое воздержаніе и было причиной полнаго истощенія его организма, бывшаго всегда слабымъ и болѣзненнымъ. Все, чтó Фотій имѣлъ цѣннаго, подарено было ему графинею Орловой. Не тратя денегъ на себя, Фотій не тратилъ ихъ и на родныхъ, которымъ, правда помогалъ, но очень скудно. Если же онъ далъ старшей племянницѣ своей (дочери роднаго брата своего Евѳимія, бывшаго священникомъ Софійскаго собора въ Новгородѣ), въ приданое крупную сумму, 30 тысячъ ассигнаціями, то онъ далъ не свои деньги: это былъ подарокъ невѣстѣ отъ графини Орловой, только чрезъ Фотія ей переданный, хотя сдѣланный графинею, конечно, ради Фотія. Своихъ денегъ Фотій никогда не далъ бы столько. Да и графиня дала такую крупную сумму въ приданое потому только, что племянница Фотія, будучи дочерью священника, выходила за свѣтскаго человѣка, доктора, чтó было тогда большою рѣдкостью. Копить денегъ Фотій не имѣлъ привычки. Сколько осталось послѣ него денегъ, мы навѣрное не знаемъ; но думаемъ, что очень немного, такъ какъ хорошо помнимъ скромное житье невѣстки Фотія, когда она была уже вдовою и жила со второю своею дочерью-дѣвицей.

В. Соловьевъ.

*

Покойный князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ передавалъ намъ, что въ молодости своей ѣздилъ онъ въ Юрьевъ монастырь къ своему дядѣ, іеромонаху Аникитѣ. У Фотія въ гостиной сидѣли двѣ монахини и жаловались на строгость своей игуменьи. „Аникита, принеси кусокъ хлѣба!“ закричалъ Фотій. Онъ плюнулъ на поданный хлѣбъ и бросилъ его подъ диванъ. Черезъ нѣсколько времени опять крикъ: „Аникита, достань хлѣбъ!“ Тотъ согнулся и подалъ оплеванный кусокъ. — „Аникита, съѣшь!“ И Аникита исполнилъ повелѣніе. „Такъ вотъ оно, монашеское житіе, обратился Фотій къ инокинямъ, а вы еще смѣете осуждать и жаловаться.“ П. Б.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ РУССКАГО АРХИВА.

Вамъ, конечно, лучше чѣмъ кому-нибудь извѣстно, какое множиество историческаго матеріала за послѣднее столѣтіе разбросано въ нашихъ дворянскихъ усадьбахъ, и какъ безслѣдно погибаетъ оно съ переходомъ помѣщичьихъ имѣній въ постороннія руки. Поэтому обязанность всякаго любящаго свою родину человѣка — спасать что̀ можно отъ всеобщаго погрома.

Въ приблизительно подобномъ положеніи находится сосѣднее со мною имѣніе въ сельцѣ Брѣевѣ, Касимовскаго уѣзда. Прежній владѣлецъ его, Егоръ Ивановичъ Гинцъ, былъ человѣкъ со средствами, служилъ у насъ предводителемъ дворянства (1824—1827) передъ княземъ Максутовымъ. Женатъ онъ былъ на Софьѣ Матвѣевнѣ Муромцовой, сестрѣ извѣстнаго Матвѣя Матвѣевича Муромцова, любопытныя Записки котораго помѣщены были въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 года. У Егора Ивановича былъ братъ Левъ Ивановичъ Гинцъ, бывшій директоромъ канцеляріи цесаревича Константина Павловича, и весьма близкимъ къ нему человѣкомъ. Есть основаніе предполагать, что перу Л. И. Гинца принадлежатъ нѣкоторыя бумаги, касающіяся отреченія отъ престола цесаревича Константина Павловича. По крайней мѣрѣ, вскорѣ по вступленіи на престолъ Николая Павловича, Л. И. Гинцъ получилъ весьма значительную аренду съ Волынской губерніи, староство Свинюхинское.

Послѣ обоихъ братьевъ осталось весьма много старыхъ бумагъ, съ которыми мнѣ удалось подробно ознакомиться. Въ числѣ ихъ есть многія относящіяся къ эпохѣ 1825 года и кончинѣ императора Александра Павловича, и хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается въ книгѣ барона Корфа, но я не знаю, напечатаны ли они гдѣ-нибудь вполнѣ? Документы эти принадлежатъ *Екатеринѣ Ивановнѣ Ястребцовой*, урожденной Вельяминовой-Зерновой, внучкѣ Егора Ивановича Гинца. Желательно, чтобы они вышли на свѣтъ Божій.

А. Мансуровъ.

КЪ ТОРЖЕСТВУ 16 АВГУСТА 1898 ГОДА.

(Отъ Русскаго Архива).

Народная признательность, любовью предваряя судъ исторіи, воздвигла на высотѣ Московскаго Кремля великолѣпный памятникъ Государю, оправдавшему на чредѣ Своей слова вѣщаго поэта о «святѣйшемъ изъ званій *человѣкъ*». Да будетъ на вѣки благословенно имя Александра Николаевича!

Помиловать, облегчить, допустить, разрѣшить, освободить—было насущною потребностью Его чуднаго сердца, и онъ исполнялъ завѣтъ великой Своей Прабабки:

Развязывая умъ и руки,
Велѣлъ любить торги, науки
И счастье дома находить.

Нынѣ имя Его раздается на всемъ пространствѣ и въ многомилiонномъ населенiи Россiи. Мы, изъ архивной нашей глубины, чувствуемъ потребность заявить, что благость этого просвѣщеннѣйшаго изъ монарховъ пролила свѣтъ и въ потемки родной нашей старины. При немъ возобновились успѣхи и въ великомъ дѣлѣ нашего историческаго самопознанія. Пишущій эти строки съ благодарнымъ умиленіемъ помнитъ о милостяхъ Императора Александра Николаевича къ основанному въ его царствованіе «Русскому Архиву», о томъ, какъ въ 1866 году изволилъ Онъ спасти наше изданіе, отстранивъ отъ него чрезъ мѣру усердныхъ охранителей; какъ съ высоты Его престола многократно поступали въ нашъ сборникъ историческія письма и бумаги, при чемъ нѣжная память Государева сердца однажды выразилась въ приказаніи графу А. В. Адлербергу помѣтить посылку писемъ В. А. Жуковскаго 20-мъ числомъ Октября (день кончины императрицы Александры Θеодоровны). «Русскій Архивъ» осчастливленъ былъ и посмертною Его милостью: по Его волѣ, предъявленной министромъ Двора, письма Его наставника къ Нему появились также у насъ.

Вѣчная, вѣчная память великодушному Государю и теплая молитва объ упокоеніи души его!..

Петръ Бартеневъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1898 года
(выпуски 5, 6, 7 и 8).

ВНИМАНІЮ ГОСПОДЪ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіе многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности.

Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ: въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю нелишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ, т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

(Годъ 36-й).

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**